

Р.Г. СКРЫННИКОВ

Щадство террора

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Иван IV Васильевич
Копенгагенский портрет
Хранится в Королевском архиве Дании

Р.Г. СКРЫННИКОВ

Царство террора

Санкт-Петербург
„НАУКА”
С.-Петербургское отделение
1992

Монография посвящена истории России второй половины XVI в.

В центре внимания — опричнина Ивана Грозного. На основе широкого круга источников автор анализирует происхождение репрессивного режима опричнины, раскрывает механизмы террора, его масштабы и влияние на исторические судьбы страны. В книге приведены яркие характеристики Ивана IV, митрополита Филиппа Колычева и других деятелей той эпохи.

Книга рассчитана на историков, преподавателей и студентов вузов и читателей, интересующихся отечественной историей.

Ответственный редактор
И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

Рецензенты:
А. Я. ДЕГТЯРЕВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ

ВВЕДЕНИЕ

В истории России вслед за глубокими социальными потрясениями или незавершенными реформами неоднократно наступало время кровавого террора. Царь Иван IV, прозванный Грозным, был первым из русских правителей, использовавшим террор как метод управления страной. Историки многократно задавались вопросом, чем вызваны были казни Грозного и к каким последствиям они привели.

Идеолог абсолютизма В. Н. Татищев оправдывал Грозного, укрепившего «монаршеское правление», и с крайним осуждением отзывался о бунтах и изменах «некоторых безпутных вельмож».¹ По мнению дворянского историка И. Н. Болтина, Грозный ликвидировал «самодержавные владения» вельмож.² С противоположной точки зрения рассматривал опричнину представитель родовитой аристократии князь М. М. Щербатов. Для него гонения на бояр были результатом самовластия Грозного, следствием низости его сердца и неосновательных подозрений против знати.³

В глазах Н. М. Карамзина начало царствования Ивана IV было временем крупнейших успехов монархии и «славных деяний» царя. После смерти царицы Анастасии Романовой в душе Грозного произошла ужасная перемена.⁴ Окружив себя злодеями-опричниками, царь безжалостно губил бояр, которые не сопротивлялись ему.⁵ Н. М. Карамзин насчитал шесть эпох ужасных казней. Усматривая в терроре некую психологическую загадку, историк оценивал его исключительно в моральном плане. Осуждая царские репрессии, Н. М. Карамзин одновременно подчеркивал, что укрепление самодержавия было спасительно для России.

Выдающийся историк середины XIX в. С. М. Соловьев видел главную закономерность истории России XVI в. в переходе от «родовых» отношений к «государственным». Осуждая мучительства Грозного, усугублявшие болезнь общества, причувшие его к пыткам, кострам и плахам, историк в то же время усмотрел в деяниях Грозного глубокий государственный смысл. По его мнению, опричнина с ее террором завершила переход от «родовых» к «государственным» отношениям. Оплотом родовых начал была родовая аристократия, подавленная террором.⁶ Борьба царя с боярством была связана с усилением служилого сословия. С. М. Соловьев анализировал историю как закономерный процесс. Но в его концепции развитие государственных форм выступало как главная пружина исторического процесса.

Знаменитый русский историк В. О. Ключевский увидел причину опричного террора в фундаментальном противоречии политического строя Московского государства, в котором абсолютному монарху пришлось управлять страной с помощью «аристократического персонала» — родовитого боярства. Не умея ни поладить, ни расстаться, обе стороны попытались разделиться, выражением чего и явилась опричнина. В. О. Ключевский постиг суть кровавой трагедии опричнины, увидев ее политическую бессмысленность. Царь не имел возможности сокрушить неудобный для него правительственный строй и стал истреблять отдельных подозрительных лиц. «Вопрос о государственном порядке превратился для него в вопрос о личной безопасности, и он, как не в меру испугавшийся человек, начал бить направо и налево, не разбирая друзей и врагов». Если бы бояре угрожали самодержавным порядкам, царь подверг бы террору исключительно боярство, «а он бил не одних бояр и даже не бояр преимущественно». «Опричнина, выводя крамолу, вводила анархию, оберегая государя, колебала самые основы государства. Направленная против воображаемой крамолы, она подготовила действительную».⁷

По мнению С. Ф. Платонова, значение опричных репрессий заключалось в разгроме феодальной аристократии, укрепившем русскую государственность. Но затеянное Грозным «сложное политическое дело было еще более усложнено ненужными казнями, пытками и грубым развратом. Крутая по сути мера приняла характер общего террора именно потому, что ее прямой смысл был затемнен непонятными и страшными способами действия».⁸

В начале 1920-х гг. Р. Ю. Виппер назвал создателя опричнины Грозного гениальным организатором и творцом крупнейшей державы.⁹ Однако его оценка была в то время отвергнута советской историографией. В глазах большинства историков опричнина оставалась синонимом царского произвола и беззакония. Взгляд на Грозного претерпел разительные перемены в обстановке невиданных сталинских репрессий и начавшейся второй мировой войны. Историки стали оправдывать террор Грозного ссылками на то, что опричнина «окончательно и навсегда сломала боярство, сделала невозможной реставрацию порядков феодальной раздробленности и закрепила основы государственного строя Русского национального государства».¹⁰ И. В. Сталин называл Грозного великим и мудрым государственным деятелем, а его подручного Малюту Скуратова — героем и руководителем «прогрессивного войска опричников». Сталина восхищал террор Грозного, но он не удержался от соблазна «поправить» царя, указав на его политические ошибки. Главная ошибка состояла в том, что сам Бог помешал Грозному довести до конца борьбу против реакционных бояр и «ликвидировать пять оставшихся крупных феодальных семейств». Царь недобил крупных феодалов, следствием чего и была смута начала XVII в.¹¹

Изложенная точка зрения стала доминирующей и получила широкое распространение в историографии тех лет. Но у нее нашлись также противники, в числе которых был академик С. Б. Веселовский, крупнейший знаток истории России XVI в. С. Б. Веселовский не имел возможности довести до конца свои исследования по опричнине. При его жизни была опубликована лишь небольшая часть его исследований, а именно историко-ведческие работы и статьи по истории земельной политики опричнины.¹² Отметим, что эти работы представляют наибольшую ценность в научном наследии С. Б. Веселовского. В полном виде исследования историка увидели свет спустя много лет после его смерти.

Значение работ С. Б. Веселовского определяется следующими моментами. Во-первых, он резко возражал против идеализации личности Грозного.¹³ Во-вторых, автор ввел в научный оборот большой фактический материал и тем самым способствовал критическому преодолению доминирующих концепций.¹⁴ За отправной момент исследования С. Б. Веселовский принял схему В. О. Ключевского, лишь несколько видоизменив ее. На почве политических противоречий Московского государства, писал В. О. Ключевский, разразился кровавый конфликт царя с его боярством. Правильнее сказать, дополняет С. Б. Веселовский, конфликт царя с двором — правящей верхушкой класса служилых землевладельцев.¹⁵ До опричнины, замечает В. О. Ключевский, в политическом строе Московского государства не было учреждения, которое бы ограждало личную безопасность царя, и только в опричнине такое учреждение было создано. Неверно, возражает С. Б. Веселовский, такое учреждение издавна было, это «Государев двор», исконное учреждение русских князей; остается лишь исследовать, как и почему царь Иван утратил веру в старый Государев двор и стал искать безопасность в новом опричном дворе.¹⁶

В первых же очерках С. Б. Веселовский подробно излагает, как царь Иван, тяготясь опекой Сильвестра и бояр, «пришел в конце концов к мысли отделаться от них, но как это сделать, не знал, и запутался».¹⁷ Вначале боярство не принимало сколько-нибудь заметного участия в борьбе между царем и его советниками. Позднее, на втором этапе борьбы за неограниченное самодержавие, Иван должен был «выйти из узкого круга интимных советников... и войти в конфликт со всем исторически сложившимся строем Государева двора».¹⁸ Обойтись в управлении без старого двора было невозможно, бороться с ним становилось небезопасно. Выход царь Иван нашел в том, что удалился из старого двора и устроил новый, опричный, с целью обеспечить себе личную безопас-

ность и получить свободу действий.¹⁹ Отъезд царя в Коломенское был началом жестокой схватки его со своими дворянами, ибо царь порывал не с одними княжатами и боярами, а со всем старым двором.²⁰

Определенное влияние на кризис оказали семейные невзгоды Ивана. При жизни жены царицы Анастасии, писал С. Б. Веселовский, царь был «плохо обузданным конем», а после ее смерти и вовсе разнузданся.²¹ Первые опалы были следствием столкновения царя со своими родственниками; последующие опалы вызваны были тем, что «участники схватки покатались по наклонной плоскости ожесточения, на которой невозможно было остановиться», и т. д.²²

С. Б. Веселовский видел корни террора в столкновении монарха с «двором». Он предлагал оставить старый предрассудок, согласно которому казни царя Ивана были направлены в лице бояр и княжат против крупных феодалов.²³ По мнению С. Б. Веселовского, опричнина и репрессии Ивана Грозного свелись к уничтожению лиц и не изменили общего порядка.

После смерти И. В. Сталина советская историография не сразу избавилась от старых схем. В 1955 г. А. А. Зимин писал, что реакционные княжата-бояре противились процессу централизации, тогда как широкие круги дворянства поддерживали этот процесс. Оппозиция устраивала тайные заговоры, сопряженные с прямым предательством национальных интересов. Это очевидным образом оправдывало террор против боярских заговорщиков. Опричнина являлась этапом укрепления централизованного государства: «...борьба с реакционным боярством носила прогрессивный характер...»²⁴

Лишь после 1956 г. начался полный пересмотр концепций террора XVI в. Вслед за С. Б. Веселовским А. А. Зимин пришел к заключению о том, что «ни о каком разгроме боярства в XVI в. не может быть и речи».²⁵ Однако он отверг вывод С. Б. Веселовского о бессмысленности опричного террора. Не имея антикняжеской и антибоярской направленности, утверждал А. А. Зимин, опричнина тем не менее сокрушила остатки феодальной раздробленности на Руси: «...основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности».²⁶ Схема А. А. Зимина отличается внутренним противоречием. Аристократия пользовалась политическим господством в период раздробленности. Поэтому она отстаивала эти традиции в XVI в. По схеме же А. А. Зимина, носителем удельной раздробленности была не аристократия, а те социальные силы, учреждения и территории, которые более всего пострадали от опричного террора. «Ко времени введения опричины, — полагал А. А. Зимин, — наиболее мощными форпостами удельной децентрализации в России были Старицкое княжество, Великий Новгород и церковь».²⁷ В своем конкретном исследовании А. А. Зимин не мог игнорировать многочисленных антикняжеских и антибоярских репрессий опричины, но каждый раз он низводил их на степень случайных фактов, объясняя мелкими служебными провинностями бояр и пр. В разгроме Новгорода историк видел объективную закономерность. Разгром Новгорода явился самой крупной террористической акцией Грозного. В интерпретации А. А. Зимина новгородский погром был связан с объективной необходимостью покончить с экономической обособленностью Новгорода.

А. А. Зимин полагал, что борьба с удельной децентрализацией (политический аспект опричной политики) «в какой-то мере отвечала потребностям горожан и крестьянства, страдавших от бесконечных междоусобных распрей феодальной аристократии».²⁸ Но в практическом своем осуществлении «опричнина в первую очередь мучительно отозвалась на русском крестьянстве».²⁹

В. Б. Кобрин исследовал земельную политику опричины и солидаризировался с основными выводами А. А. Зимина.³⁰

С иной оценкой выступил Д. Н. Альшиц. Основной смысл и предназначение опричины, по мнению исследователя, заключался в том, что она положила начало русскому самодержавию. Установление самодержавия, пишет Д. Н. Альшиц, соответствовало уровню развития производительных сил России, а почва для него была подготовлена, во-первых, реформами А. Адашева, укреплявшими централизованную монархию, и, во-вторых, выступлениями публицистов (царя и др.) с обоснованием идеи самодер-

жавия. Опричный террор не сводился к столкновению между монархией и аристократией. Ограничить власть самодержца стремились и знать, и дворянство, и верхи посада, и церковь. В объединении политических сил, стремившихся к ограничению монархии, таилась реальная опасность для единовластия. Власти не могли преодолеть эту препону без инструмента принуждения — опричнины, которая явилась формой «объективного исторического процесса». Опричнина консолидировала класс феодалов путем подчинения интересов всех его прослоек «интересам самого большого и могущественного его слоя — служилых людей-помещиков». Вопреки традиционной точке зрения Д. Н. Альшиц считает, что введение опричнины не привело к разделению государства: опричнина лишь создала «верхний этаж» власти, благодаря чему прежние, исторически сложившиеся ее институты (Боярская дума и пр.) были все разом подчинены власти самодержца. Д. Н. Альшиц пришел к выводу, что опричнина не была упразднена в 1572 г., а просуществовала до последних дней царствования Грозного, а значит, влияние этого репрессивного учреждения на политическое развитие страны было гораздо более длительным, чем принято думать.³¹

Еще в конце прошлого века врач-психиатр П. И. Ковалевский писал, что Иван IV был душевнобольным человеком и именно его характер параноика с манией преследования сказался на учреждении опричнины. Ввиду отсутствия истории болезни Грозного П. И. Ковалевский не мог подтвердить точными данными свой диагноз, сделанный через триста лет после смерти больного; место фактов заняли рассуждения общего характера. После коронации у царя, писал П. И. Ковалевский, «резко выражается страсть многих неустойчивых людей (дегенератов) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить речи, появляться к народу и блуждать по государству».³²

• Э. Кинан, автор монографии о переписке Ивана IV, полагает, что влияние личности царя на русскую историю было ничтожно. По словам Э. Кинана, Грозный был хроническим инвалидом, истощенным наркотиками и алкоголем, при помощи которых он спасался от своего недуга; он не был просвещенным монархом, на самом деле он был едва образован; будучи физически и умственно ущербным, он просто не мог играть ведущую роль в управлении государственным делами, которые, к счастью, для России оканчивались успешно с помощью его советников.³³

Западногерманский историк А. Каппелер исследовал немецкие источники по истории России при Грозном.³⁴ Английская исследовательница М. Перри детально изучила фольклорные материалы о первом русском царе.³⁵

Гипотеза П. И. Ковалевского получила развитие в новейшей американской историографии. Известный специалист по русской истории Р. Хелли высказал мнение, что одной из главных причин опричного террора была паранойя царя Ивана. Различные периоды правления Грозного исследователь склонен объяснять различными фазами его психического заболевания. Царь мог управлять государством, следуя своим параноидальным отклонениям, благодаря тому, что в России власть монарха имела минимальные ограничения — в отличие от Запада, где роль ограничителей играли представительные учреждения, церковь, города. Дворянство в России не имело голоса как корпорация, аристократия оказалась подорвана принципом обязательной службы, общественные учреждения и социальные классы были столь примитивны и неразвиты, что не играли существенной роли. Даже бояре не имели корпоративного устройства: они были не членами думы, но думными людьми. Во время террора Грозный не старался сознательно уничтожить боярство как учреждение, а уничтожал бояр как индивидуальности.³⁶

Как следует из историографического обзора, важнейшие проблемы истории России в эпоху террора Грозного до настоящего времени остаются предметом спора. Только всестороннее исследование политического развития Российского государства во второй половине XVI в. позволит дать обоснованный ответ на вопрос о сущности репрессивного режима опричнины и значении террора с точки зрения исторических судеб страны.

В основу настоящего исследования положена трилогия по истории опричнины. к публикации которой автор приступил более двадцати лет назад.³⁷ Изданные небольшим тиражом, эти книги давно стали библиографической редкостью. Между тем круг ис-

точников по истории террора существенно расширился, появились новые исследования о Грозном. В настоящей монографии автор поставил целью подвергнуть всесторонней проверке, уточнить и конкретизировать основы ранее разработанной концепции с учетом новейших достижений историографии. Центральное место в исследовании займет вопрос о механизме опричного террора, закономерностях его возникновения и действия.

-
- ¹ *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен. М., 1769. Кн. 1. Ч. 2. С. 544.
- ² *Болтин И. Н.* Примечания на историю древняя и нынешняя России господина Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 307—320.
- ³ См.: *Шербаков М.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1903. Т. 5. Ч. 2. С. 483—484.
- ⁴ См.: *Карамзин.* История. С. 258 и др.
- ⁵ *Карамзин Н. М.* Записка о новой и древней России. СПб., 1914. С. 13.
- ⁶ *Соловьев.* История. С. 707.
- ⁷ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1937. Ч. 2. С. 192—198.
- ⁸ *Платонов.* Очерки. С. 172.
- ⁹ *Виппер Р. Ю.* Иван Грозный. М., 1922. С. 21.
- ¹⁰ *Смирнов И. И.* Иван Грозный. Л., 1944. С. 96.
- ¹¹ См.: *Черкасов Н. К.* Записки советского актера. М., 1953. С. 379—383.
- ¹² *Веселовский С. Б.* 1) Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. 3; 2) Духовное завещание Ивана Грозного как исторический источник // Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1947. Т. 4. № 6; 3) Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // ВИ. 1946. № 1; 4) Последние уделы в Северо-Восточной Руси // ИЗ. 1947. Т. 22.
- ¹³ *Веселовский.* Исследования. С. 36, 38, 39, 479.
- ¹⁴ Там же. С. 29.
- ¹⁵ Там же. С. 27.
- ¹⁶ Там же. С. 25—26.
- ¹⁷ Там же. С. 107.
- ¹⁸ Там же. С. 107, 108.
- ¹⁹ Там же. С. 126.
- ²⁰ Там же. С. 137, 155.
- ²¹ Там же. С. 95.
- ²² Там же. С. 98, 112—114.
- ²³ *Веселовский С. Б.* Учреждение опричного двора... С. 104; *Веселовский.* Исследования. С. 478.
- ²⁴ *Зимин А. А.* Внутренняя политика в 60—первой половине 80-х годов: Опричина // Очерки истории СССР: Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 307—316.
- ²⁵ *Зимин.* Опричина. С. 340—341.
- ²⁶ Там же. С. 477.
- ²⁷ *Зимин А. А.* О политических предпосылках русского абсолютизма // Абсолютизм в России: XVII—XVIII вв. М., 1964. С. 20.
- ²⁸ *Зимин.* Опричина. С. 479.
- ²⁹ Там же. С. 429.
- ³⁰ *Кобрин.* Власть и собственность. С. 134—135.
- ³¹ *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 229—230.
- ³² *Ковалевский П. И.* Иоанн Грозный и его душевное состояние. Харьков, 1893. Вып. 2. С. 82.
- ³³ *Keenan E. L.* Vita Ivan Vasilievich Terrible Tsar: 1530—1584 // Harvard Magazin. 1978. № 3. P. 48—49.
- ³⁴ *Kappeler A.* Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Frankfurt, 1972.
- ³⁵ *Perrie M.* The image of Ivan the Terrible in Russian folklore. Cambridge, 1987.
- ³⁶ *Hellie R.* In Search of Ivan the Terrible // *Platonov S. F.* Ivan the Terrible. Florida, 1974. P. IX—XXXIV. Основные идеи Р. Хелли получили наиболее полное обоснование в его докладе о паранойе Грозного на конференции в Чикаго 24—25 марта 1984 г., посвященной 400-летию со дня смерти царя Ивана.
- ³⁷ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричины. Л., 1966; 2) Опричный террор. Л., 1969; 3) Россия после опричины. Л., 1975.
-

Главное затруднение, с которым сталкивается любой исследователь «великого террора» XVI в., связано с крайней скудостью источников. Чтобы решить задачу со многими неизвестными, историки принуждены выстраивать длинные ряды гипотез. Но ни одна даже самая остроумная гипотеза не может заменить научно доказанного факта. Задача состоит в том, чтобы открыть новые пласты документов с помощью архивных разысканий, а, с другой стороны, с помощью современных приемов источниковедческой критики заново прочесть источники, давно известные науке. Опричные архивы, содержавшие судебные дела периода террора, полностью погибли. С точки зрения компенсации утраченных документов наиболее важное значение имеет работа по реконструкции «Синодика опальных царя Ивана Грозного». Названный источник давно привлекал внимание историков.¹ При случае, замечает С. Б. Веселовский, историки упоминали о синодике, брали из него имена тех или иных казненных, но длительное время этот ценнейший источник оставался неисследованным: не выяснены его происхождение и состав, не выработаны приемы разработки и вследствие этого не установлена его историческая ценность.² Сам С. Б. Веселовский посвятил царскому синодику большую и исключительно интересную статью. В ней он доказал, что все сохранившиеся монастырские синодики представляют собой копии с официального списка опальных, составленного по приказу царя Ивана в 1583 г. в одном из государственных приказов на основании подлинных судебных дел и донесений опричников.³ С. Б. Веселовский считал маловероятным, чтобы дьяки, исполнявшие царский приказ о составлении списков казненных, могли внести в эти списки некоторых лиц по памяти: «... в синодике находится много указаний на то, что дьяки и подьячие при составлении списка опальных придерживались точно имевшихся у них источников и от себя ничего не вносили и не изменяли». ⁴ Однако, доказав строго документальное происхождение синодика, автор в конечном итоге пришел к выводу о неполноте и случайности содержащегося в нем списка опальных. «Приведенные источники, — писал С. Б. Веселовский, — как видно, могли дать далеко не полный и несколько случайный список опальных»; «...мы имеем в дошедших до нас списках синодика не хронологический и не полный список казненных, а весьма неполный перечень лиц, погибших за весь период массовых казней, длившийся более 15 лет. Перечень этот был составлен не в порядке событий, а задним числом, наскоро, по разным источникам». ⁵ Ввиду такой оценки С. Б. Веселовский отказался от поисков специальных приемов разработки источника и в своем исследовании придал списку опальных алфавитный порядок. Препарированный таким способом документ перестал существовать как цельный исторический источник, его загадка осталась нерешенной. До настоящего момента не утратило значения следующее остроумное замечание исследователя: «Без преувеличе-

ния можно сказать, что этот ценный источник остается недоступным историкам и даже непрочтенным, как будто он написан на неизвестном нам языке». ⁶

Чтобы оценить значение синодика, следует вернуться к вопросу о происхождении и составе этого исторического источника.

Незадолго до смерти Иван Грозный велел монахам «во веки» молиться за всех тех, кто когда-либо был казнен по его приказу или с его ведома. На помин души убиенных царь разослал по монастырям огромные суммы денег, исчислявшиеся сотнями тысяч тогдашних рублей. ⁷ Дело не ограничилось пожертвованиями на поминание отдельных лиц. Раз придя к мысли о «прощении» опальных, Грозный не хотел, чтобы кто-нибудь из них был забыт или обойден. В 1582—1583 (7090—7091) гг. по его приказу был составлен список опальных, насчитывавший несколько тысяч лиц, который затем был разослан по всем монастырям. Руководствуясь полученным приказным списком («государскими книгами», «государевой царевой грамотой»), монастырские власти внесли имена опальных в поминальные книги, или синодики. Ни одного подлинника «государских книг» 80-х гг. не сохранилось, или, во всяком случае, они не разысканы до настоящего времени. Однако имеется более десятка списков или «выписей» из приказного списка, включенных в обычные монастырские синодики.

Приказной список в его первоначальном виде был мало пригоден для церковной службы, поэтому монахи-переписчики при составлении копий на исходе XVI и в XVII в. старались приспособить оригинал для целей церковного поминовения, подвергали его сокращениям и т. д. От частого употребления синодики приходили в ветхость, после чего вновь копировались, подвергаясь при этом новым сокращениям и искажениям. Однако переписчики ошибались каждый по-своему и не часто повторяли друг друга в своих ошибках. Ввиду наличия многих списков монастырских синодиков ошибки, допущенные при копировании, могут быть обнаружены. Все это позволяет восстановить первоначальный приказной список опальных царя Ивана Грозного.

Обзор списков синодиков. Синодик Нижегородского Печорского монастыря сохранился в двух списках. Первый из них (Гос. архив Горьковской обл. Ф. № 2013. Оп. 602-а. Д. 161; в дальнейшем — *НП-1*) является наиболее ранним из всех известных и относится к XVI в. ⁸ *НП-1* сохранился в составе монастырского синодика обычного типа. Как значится в заголовке сборника (л. 6), синодик был заведен в 1552 г. при архимандрите Иоакиме. На протяжении более трех десятилетий синодик находился в употреблении и монахи аккуратно пополняли его новыми именами. В самом конце помянника великокняжеского рода (л. 15 и 18) они записали царевича Димитрия (утонул в 1554 г.), князя Юрия Васильевича (ум. 1563), цариц Марию Черкасскую (ум. 1569) и Марфу Собакину (ум. 1571). В помяннике новгородских архиепископов (на л. 19) последним записано (а затем вычеркнуто) имя Пимёна (ум. 1571). На л. 23 монахи сделали запись о «преставлении» царя Ивана 26 февраля 1584 г. Более поздние записи в синодике отсутствуют. Очевидно, после 80-х гг. синодик за ветхостью вышел из употребления. В те же 80-е гг. в Печорский монастырь были присланы списки опальных. Монахи выписали имена опальных в самый конец синодика на л. 80—96 об. ⁹ В заголовке списка (л. 80) помечено: «Сих опальных людэй поминати по грамоте цареве». Как видно, монастырский синодик опальных был непосредственно скопирован с «царевой грамоты» (приказного списка). Копия была сделана с практической целью поминовения. Переписчик руководствовался несложным правилом: он выписывал из «царевой грамоты» исключительно имена опальных или их число, опуская все остальные подробности. Список *НП-1* представляется на первый взгляд простым набором имен: «Ивана, Петра, Анну, Семена, Вавилу» и т. д. Лишь по недосмотру или невнимательности переписчика список *НП-1* сохранил некоторые подробности об обстоятельствах казней, отсутствующие во всех остальных списках. В ряде

случаев сохранена терминология приказного списка. Список *НП-1* ценен не только своими подробностями, но и тем, что он лучше других воспроизводит порядок имен приказного списка опальных.

Второй список синодика Нижегородского Печорского монастыря (напечатан в отрывке Макарием в «Чтениях Общества истории и древностей Российских». М., 1868. Кн. 1. Отд. V. С. 6—9; в дальнейшем — *НП-2*) восходит к концу XVI — началу XVII в.¹⁰ Список *НП-2* сохранился в составе обычного монастырского синодика, заведенного при архимандрите Трифоне в 1595 г. и находившегося в употреблении в первой трети XVII в.¹¹ Список был сделан через несколько десятилетий после смерти царя Ивана, что сказалось на приемах его составления. Переписчик опустил все безымянные поминания и прочие подробности. С точки зрения церковного ритуала, безымянные поминания не имели смысла. В то же время переписчик выписал в монастырский синодик не только имена, но и фамилии опальных с той целью, чтобы молитвы могли дойти по назначению. Таким образом, *НП-2* содержит сведения, отсутствующие в *НП-1*. Очевидно, он мог быть составлен лишь на основании приказного списка, хранившегося в монастырском архиве. Список *НП-2* расшифровывает фамилии почти всех записанных в него лиц. Однако большая часть его утрачена. Сохранилось лишь несколько начальных страниц. Несмотря на позднейшую обработку, список *НП-2* в точности воспроизводит порядок имен списка *НП-1*.

Синодик Переяславского Никитского монастыря сохранился в двух списках XVII в. Оба списка напечатаны А. А. Титовым.¹² Первый из списков (в дальнейшем — *ПН*) входит в состав монастырского синодика, составленного в начале XVII в. В синодике мы находим ряд записей XVI в. (на л. 81 «Братия Никитского монастыря 80-го года») и начала XVII в.: род игуменов Иова 1617 г. (л. 157 об.), Рафаила 1627 г. (л. 157), Афанасия 1627 г. (л. 138) и Иосифа 1630 г. (л. 139).¹³ Царский список опальных помещен в самом начале сборника на л. 7—13. Он открывается заголовком: «Лета 7091, прислал царь и государь... в дом чудотворцу Никите по опальных людей» и т. д.¹⁴ Конец синодика (примерно третья часть) утрачен. По расположению имен список *ПН* совпадает с *НП-1*. По полноте сведений, числу расшифрованных фамилий, многочисленности сохраненных подробностей *ПН* является одним из наиболее ценных списков синодика. Во второй половине XVII в. с синодика *ПН* была снята копия. Самостоятельного значения она не имеет.

Синодик Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря известен в списке XVII в., напечатанном Н. С. Суворовым (в дальнейшем — *СП*). В заголовке синодика значится: «По выписи государских книг имена и прозвания представшихся христиан, мужей и жен и детей, разных городов людей».¹⁵ Синодик содержит много сведений о месте и способах казней. Число пофамильно расшифрованных лиц невелико. При копировании приказного списка монах-переписчик в ряде случаев двои́л имена.

<i>НП-1</i>	<i>СП</i>
Ишоука, Богдана, Ивана, Ивана, Григория, Игнатия.	Ишука, Богдана, Иоанна 2, Игнатия, Григория 2.

Несмотря на это, порядок имен опальных в списке *СП* в целом совпадает с расположением имен в *НП-1*.

Издатель синодика Н. С. Суворов сверил список *СП* с синодиком Вологодского Павло-Обнорского монастыря (в дальнейшем — *ПО*) и включил заимствованные из него сведения в свое издание.¹⁶

Синодик Свяжского Богородицкого монастыря (в дальнейшем — *СБ*) сохранился в копии XIX в.¹⁷ Оригинал *СБ* бесспорно восходит к XVII в. В списке опущены фамилии опальных, однако сохранены все безымянные поминания и многие подробности об обстоятельствах казней. Окончание синодика утрачено. Синодик почти в точности воспроизводит порядок имен списка *НП-1*. В одном

случае (л. 2) страницы синодика перепутаны, но поскольку внутри каждой страницы расположение имен не изменено, неисправность текста может быть легко устранена.

Синодик Чудова монастыря (в дальнейшем — *Чюд*) сохранился в списке XVII в.¹⁸ Перечень опальных находится в середине синодика обычного типа, заведенного в начале XVII в.¹⁹

В заголовке значится: «Лета 7091 царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в Чюдов монастырь сие поминание». В синодике расшифрованы многие фамилии опальных, сохранены безымянные поминания, но все подробности о способах казней опущены. Терминология приказного списка («отделано» и т. д.) не встречается.

Синодик Кирилло-Белозерского монастыря сохранился в двух списках XVII в. (ГПБ, ОР. О IV. № 24; О IV. № 15; в дальнейшем — *КБ*).²⁰ По-видимому, списки *КБ* и *Чюд* ввиду их почти полной тождественности являются копиями единого, более раннего списка. Уже в протографе двух названных списков листы синодика были перепутаны. Но внутри каждого листа порядок имен не изменен, поэтому расположить листы в необходимом порядке не представляет труда.

Синодики Московского Богоявленского монастыря сохранились в двух списках XVII в. и в списке начала XVIII в. Первый список *МБ-1* включен в обычный монастырский синодик, который был заведен в 1599 г. и находился в употреблении на протяжении первых трех десятилетий XVII в.²¹ В самом конце синодика переплетены листы со списком опальных. Сохранилось 7 листов списка *МБ-1*. Начало его и вся вторая половина утрачены. Листы перепутаны.

Второй список *МБ-2* находится в составе более позднего синодика, который был заведен в середине XVII в. и заполнялся до начала XVIII в. (л. 43 об. — 44).²² Листы со списком опальных писаны другим почерком и не значатся в оглавлении. Переплетены в самом конце сборника. Отрывок *МБ-2* частью повторяет *МБ-1*, частью дает утраченные в *МБ-1* листы. Расхождения между *МБ-1* и *МБ-2* несущественны.

Список *МБ-3* представляет собой копию начала XVIII в.²³ *МБ-3* воспроизводит с некоторыми искажениями текст упомянутых выше списков *МБ-1* и *МБ-2*, а также включает несколько листов, утраченных в этих списках.

Списки *МБ* ценны тем, что дают наибольшее число пофамильно расшифрованных лиц. Они сообщают много десятков фамилий, не встречающихся ни в одном другом списке. Однако по расположению имен списки *МБ* совершенно отличны от всех других списков синодика. Копируя приказной список, богоявленский переписчик применил довольно своеобразный метод. Он списывал имена опальных выборочно, затем возвращался к началу отрывка и выписывал все оставшиеся имена, после чего переходил к следующему отрывку. Схематически конструкцию списков *МБ* можно представить следующим образом:

МП-1
А, Б, В, Г, Д, Е, Ж,
З, И, К, Л, М

МБ-1, МБ-2, МБ-3.
[1] А, Б, Д, Ж, З, К, Л;
[2] В, Г, Е, И, М

Порядок имен внутри каждого отрывка сохранялся, но в «разреженном» виде. В дальнейшем некоторые листы копии оказались перепутанными, что еще больше усугубило путаницу имен. Однако поскольку метод копирования дешифрован, представляется возможным реконструировать названный список синодика.

Синодик Троице-Сергиева монастыря (в дальнейшем — *ТС*) составлен в XVII в.²⁴ В заглавии: «Избиенныя в опричнину, а поют по них панихиду». С. Б. Веселовский пишет, что *ТС* «по расположению лиц производит впечатление коренной переработки основного текста других синодиков».²⁵ Но это не совсем так. Переписчик основательно сократил количество имен синодика,

опустив безымянные поминания и имена маловажных лиц, однако не изменил самого порядка имен. Листы синодика основательно перепутаны.

Синодик Александровского Свирского монастыря (в дальнейшем — АС) составлен в начале XVII в.²⁶ В заголовке списка: «Си имена оубиенных в опритчину, прислал царь государь и великий князь Иван Васильевич». В списке опущены все фамилии опальных, а также безымянные поминания.

Синодик Костромского Богоявленского монастыря (хранится в Гос. архиве Костромской обл.) известен в списке XVII в. Помещен в тексте обычного синодика XVII в. на л. 157—168. В заголовке: «Имена избиенных, по которых царь... милостыню дал». Список содержит только имена, фамилии опальных полностью отсутствуют. Утрачено несколько листов.

Синодик Антониева-Сийского монастыря составлен в XVII в.²⁷ В заглавии списка опальных значится: «В государевой опале избиенных». Полностью отсутствуют фамилии опальных. Утрачено более половины синодика.

Синодик Соловецкого монастыря составлен в конце XVII в.²⁸ В заголовке: «Имена опальным». Также содержит только имена опальных. Общий порядок имен совпадает с порядком лучших списков, однако в ряде мест листы перемешаны.

Синодик Благовещенского монастыря в Киржаче принадлежит к числу поздних и наименее исправленных списков.²⁹

При копировании приказного списка переписчики стремились приспособить его к нуждам поминания, внося в текст фразу: «Помяни, Господи, души рабов своих, а имена их ты сам, Господи, веши» и т. д. Подобные фразы, как правило, не совпадают в различных списках. В автографе они, по-видимому, отсутствовали.

В некоторых монастырских списках (НП-2, МБ-3, ПН) тексту царского синодика предпослан краткий перечень опальных, представляющий выписку из подробного синодика. В перечень включены все лица, носившие думный чин (бояре, окольные, казначеи, думные дьяки), а также наиболее знатные из дворян, записанных в синодик. Всего в кратком перечне поименованы 75 лиц.

Во вкладных книгах Соловецкого монастыря отмечено, что в 1582 (7090) г. царь пожаловал обители 100 руб. денег и на 120 руб. вещами, а «поминати за все то государское жалованье 75 имян».³⁰ Нет сомнения, что в данном случае речь шла о кратком перечне опальных. Во вкладной книге Симонова монастыря записано, что 12 марта 1582 (7090) г. царь пожертвовал монахам деньги на помин души 74 опальных, поименованных во вкладной.³¹ Симонов монастырь располагался в столице, и передача денег монахам не требовала много времени. Приведенная запись уточняет вопрос о времени «прощения» царем опальных. В январе 1582 г. Иван IV заключил мир с Речью Посполитой, а через месяц-два занялся опальными.

Во всех дошедших до нас списках начало краткого перечня (эта часть насчитывает примерно 13 имен) испорчено: некоторые имена опущены, другие переставлены. Напротив, в основной части краткого перечня опальных имена и их порядок почти полностью совпадают. Пофамильно опальные расшифрованы только в списке ПН.

Помимо подробного и краткого списков опальных, царь Иван рассылал по монастырям отдельные краткие «памяти» с именами лиц, не вошедших в приказной список.³² В единичных, очень редких случаях монахи присоединяли подобные «памяти» к официальному приказному списку.³³

Главная трудность, помешавшая С. Б. Веселовскому реконструировать протограф царского синодика, заключалась в следующем. Все сохранившиеся списки синодиков возникли в сравнительно позднее время и, будучи результатом многократных копирований, содержат множество ошибок. Единственный список, восходящий ко времени Грозного, представляет собой перечень не фамилий, а имен, причем более половины из них Иваны. Сам по себе этот ран-

ний и наиболее ценный синодик не пригоден к использованию, из-за чего историки не придавали ему никакого значения. Исходным пунктом для текстологической работы послужило следующее наблюдение. В различных несовпадающих списках синодика опальные с редкими именами (Евдокия, Молява и пр.), как правило, фигурируют в окружении одних и тех же лиц. Возникло предположение, что отрывки и более крупные куски с одинаковым набором имен восходят непосредственно к тексту приказного синодика. При многократных копированиях листы оригинала оказались перепутаны и частично утрачены. Однако внутри перемешанных страниц порядок имен, по общему правилу, не изменился. Следуя этому наблюдению, удалось в ходе длительной текстологической работы расчленить тексты всех сохранившихся списков синодика на первоначальные «блоки». Возник вопрос, как их сложить? Завершить работу помог список *НП-1*, составленный при жизни Грозного и заключавший в себе одни имена. Совпадение порядка имен в *НП-1* и полученных «блоках» полностью подтвердило правильность текстологической работы.

Реконструкция приказного списка синодика выявила неожиданную картину. Вывод С. Б. Веселовского, будто в синодике мы имеем нехронологический и неполный список казненных, рухнул. Оказалось, что в тексте синодика казни зафиксированы в строгой хронологической последовательности. Объясняется этот парадоксальный факт прежде всего тем, что приказной синодик опальных был составлен на основании подлинных документов, следственных материалов и судебных дел. Подобное происхождение имеет, например, запись синодика об избияниях жителей в Новгороде в 1570 г. Она передана в различных списках синодика следующим образом: «Помяни, господи, души раб своих 1505 человек новгородцев» (*КБ*); «да в ноугороцкой посылке Малюта отдалел 1490 человек да ноугородцев же 15 человек» (*МБ-1, МБ-2*); «...и с пищали отделано 15 человек новгородцев» (*НП-1*); «по Малютинские ноугороцкие посылки отделано скончавшихся православных христиан 1490 человек да ис пищалей 15 человек» (*СП*). Любопытно, что в списке *СБ* прямо указан источник, на основании которого была составлена запись синодика: «...по Малютине скаске новгородцев отдалел 1490 человек да 15 человек ис пищалей отделано». Терминология синодика и указания на способы казни не оставляют сомнения в том, что в основу записи легло подлинное донесение или «скаска» М. Скуратова о кровавой расправе с новгородцами в 1570 г.

Как свидетельствуют очевидцы, царь Иван давал опричникам письменные приказы о расправе с опальными с указанием способа казни и т. д.³⁴ В свою очередь опричники подавали царю отчеты об исполнении его приказов, с указанием обстоятельств и места казни. Одним из подобных отчетов, хранившихся в государственном архиве к моменту составления списка опальных, и была «скаска» М. Скуратова.

На основании донесения опричников была составлена также запись, с которой начинаются все списки синодика: «Казарина Дубровского и дву сынов его, да 10 человек его тех, которые приходили на пособь». Опричники, замечает С. Б. Веселовский, имели приказ убить Казарина и его сыновей, но к ним пришли «на пособь» и оказали сопротивление их домочадцы и были за это убиты, о чем опричники и донесли царю.³⁵

На основании подлинной документации была составлена запись о массовых казнях, которую мы находим в *НП-1*. Копируя приказной список, печорский монах механически выписал из него следующую фразу: «отделано 369 человек... и всего отделано по июля 6-е число» (*НП-1*). Фраза явно завершала, подытоживала какой-то отчет о массовых казнях, в тексте синодика можно выделить весь список лиц (369 человек), казненных на 6 июля. До него в синодике значится всего 41 человек.

С чем же были связаны казни, завершившиеся 6 июля? Отсчитав от итога в обратном порядке 369 лиц, мы находим, что в начале «Списка 6 июля» указаны

имена слуг боярина И. П. Федорова. Сам он был казнен в 1568 г. по обвинению в заговоре. По рассказам современников, опричники разгромили вотчины, принадлежавшие опальному И. П. Федорову, и безжалостно перебили его «подданных». Боярские слуги составляют подавляющую часть лиц (а именно 293 из 369), внесенных в «Список 6 июля». Часть из них (157 человек) прямо названа «людьми» И. П. Федорова. Остальных с большой долей вероятности также можно считать его слугами. Через весь «Список 6 июля» тянутся описания разгромленных вотчин И. П. Федорова, сначала ближних (Коломенские села), а в конце — наиболее отдаленных (в Бежецком Верху). В списке приводятся сведения не только о месте казни, но и имена опричников, руководивших расправой, данные о способах казни («ручным усечением») и т. д. Очевидно, все эти подробности были заимствованы составителями приказного списка опальных из подлинного отчета опричников о репрессиях по делу И. П. Федорова, согласно которому на 6 июля 1568 г. было казнено 369 «православных христиан».

Подобное же происхождение, по-видимому, имеет запись синодика о масовых казнях на Москве 25 июля 1570 г. Очевидец казни А. Шлихтинг называет имена пяти главных дьяков, погибших в этот день: Висковатый, Фуников, Булгаков, Шапкин, Степанов.³⁶ «Эти лица и их соучастники, — указывает С. Б. Веселовский, — действительно записаны в синодике, записаны в одном месте и почти в том же порядке, в каком поименовал их Шлихтинг».³⁷

Следует заметить, что в текст синодика помимо пяти главных дьяков занесен полный список лиц, казненных в Москве в связи с завершением новгородского «изменного дела». Как свидетельствуют современники, во время массовых казней в Москве погибло от 116 до 130 человек.³⁸ Через три дня, 27 июля 1570 г., рассказывает А. Шлихтинг, опричники казнили 9 детей боярских, а затем 80 человек — жен и детей новгородцев, погибших 25 июля. Записи об этих избиениях мы находим в синодике, текст которого распадается на три списка: в первом из них записаны 6 главных московских дьяков, главный новгородский дьяк, много десятков новгородских помещиков, причастных к делу о новгородской «измене», и др., всего 120—130 человек. Во втором списке записаны 9 дворян и в третьем 69 человек — жен и детей тех самых новгородцев, которые погибли 25 июля и записаны в первом списке. Тождественность фамилий в первом и третьем списках исключает возможность какого бы то ни было случайного совпадения. Подробность и полнота списка опальных позволяет предположить, что при составлении его царские дьяки использовали подлинные судные дела опричины.

Еще в XVII в. в Московском государственном архиве хранилось сыскное дело об измене новгородского архиепископа Пимена, включавшее царский приговор и описание церемонии казни 25 июля 1570 г.³⁹ Там же хранился «Список за дьячею пометой, кто казнен и кто куды в тюрьму послан и кто отпущен и дан на поруки».⁴⁰ Видимо, эти документы и были использованы дьяками при составлении списков опальных в 1583 г.

Дела об опальных на протяжении многих десятилетий хранились в отдельных ящиках государственного архива. Так, в описи архива 1614 г. упоминается «ясщик, а в нем дела старые блаженные памяти при царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси, и приказные и доводные, и наказы по опальным людей, и розпросные речи, и росписи животом опальных людей...»⁴¹ Содержимое ящика было зафиксировано еще при составлении первой описи царского архива около 1572—1575 гг. Однако соответствующие листы описи (за исключением двух листов: 356—357 об.) были утрачены. В сохранившемся отрывке упоминаются следственные дела опальных П. Цвиленева, А. Савурова, новгородского подьячего А. Свизева, боярина В. Д. Данилова, Ю. Незнанова.⁴² Все эти дела были использованы при составлении синодика, в котором мы находим имена всех перечисленных лиц.

Когда царь Иван распорядился составить полные списки опальных, его дьяки вынуждены были обратиться к старым опричным архивам. Боясь в чем-нибудь отступить от строгого приказа и следуя имевшимся в их руках документам, дьяки подряд выписывали имена опальных из судебных дел, отчетов опричников и т. д.

Полнота составленных таким способом списков опальных определялась в первую очередь сохранностью судебных и следственных дел в архиве. Дела, которыми пользовались приказные, затрагивали государственную безопасность и, по всей вероятности, тщательно оберегались, пока жив был Грозный. Последовательность имен в списках опальных, между прочим, зависела от того, хранились ли дела об опальных в должном порядке или они были сложены в архиве вне всякой системы. Но даже независимо от этого обстоятельства дьяки, переходя от дела к делу, выписывали имена в том порядке, в котором они находили их в каждом судебном документе в отдельности. При ближайшем рассмотрении весь список опальных распадается на целый ряд отдельных списков, соответствующих отдельным судебным делам или, как бы мы сказали теперь, отдельным политическим процессам.

При расчленении текста синодика на отдельные судебные списки («дела») мы строго следуем расположению имен в тексте синодика без каких бы то ни было отступлений. Детальный анализ позволяет выделить в тексте синодика следующие судебные списки, помещенные подряд один за другим:

- 1) дело К. Дубровского (конец 1567 г.); 2) дело митрополита Филиппа (после 24 марта 1568 г.); 3) дело о заговоре боярина И. П. Федорова («Список 6 июля 1568 г.»); 4) запись о казни И. П. Федорова (11 сентября 1568 г.); 5) «изборское дело» (после января 1568 г.); 6) дело о кольчуге Федорова (апрель 1569 г.); 7) запись о казнях в Вологде (весна—лето 1569 г.); 8) запись о казни Е. Старицкой (11 октября 1569 г.); 9) отчет о походе опричников на Новгород (декабрь 1569—январь 1570 г.); 10) запись о казни В. А. Старицкого (9 октября 1569 г.); 11) поход опричников на Новгород и казни в Новгороде (декабрь 1569—январь 1570 г.); 12) поход опричников на Псков (февраль 1570 г.); 13) запись о казни Корнилия (20 февраля 1570 г.); 14) запись о казни Т. Висковатого (после 3 июля 1570 г.); 15) запись о казнях Серебряного и М. Вислого (21 июля 1570 г.); 16) запись о казнях на Москве И. М. Висковатого и новгородцев (25 июля 1570 г.); 17) запись о казнях семей новгородцев (после 25 июля 1570 г.); 18) запись о казни Д. Турпеева (16 августа 1570 г.).⁴³

Основная часть синодика включает подробные списки опальных лиц, казненных в 1567—1570 гг. Списки эти расположены, за небольшими исключениями, в хронологической последовательности. Все списки 1567—1570 гг. неразрывно связаны между собой, так как судебные «дела» этого периода были частями единого политического процесса, «дела» об измене Старицких, тянувшегося несколько лет, с 1567 до 1570 г. «Дело» было начато осенью 1567 г. после возвращения царя из Ливонского похода. В ходе его были казнены боярин Федоров (1568 г.), Старицкие (1569 г.), разгромлен Новгород (1570 г.) и перебиты руководители земских приказов в Москве (1570 г.). «Дело Старицких» было самым крупным политическим процессом царствования Грозного. Материалы этого процесса хранились в царском архиве ко времени составления синодика в относительном порядке. На основании этих материалов и была составлена основная часть царского синодика. Эта часть охватывает девять десятых всего объема синодика: в ней записано около 3200 царских опальных из общего числа примерно 3300 человек.

Последний раздел синодика включает в себя разрозненные судебные списки периода 1564—1565 и 1571—1575 гг. Здесь можно выделить: 1) судебные дела января 1564 и февраля 1565 гг.; 2) судебный список за 1575 г. (№ 2); 3) имена отдельных лиц, казненных в 1571—1574 гг.; 4) судебный список за 1575 г. (№ 1) и 5) судебное дело о бегстве кн. Горенского 1564—1565 гг. (см. Приложение).

Названный раздел включает в себе около одной десятой объема синодика и отличается неполнотой.⁴⁴ Вошедшие в него судные дела расположены вне всякой хронологической последовательности. Многие «судные списки» можно выделить здесь лишь предположительно. Часть материалов за указанные годы вообще не была использована составителями синодика. Дьяки, выполнявшие поручения царя, по-видимому, не смогли разыскать в бывших опричных архивах всех судных и следственных дел царствования Грозного. Причиной были не только спешка и небрежность самих составителей, но и то, что многие судные дела двадцатилетней давности оказались затерянными в 80-х гг. Пухлые свитки, содержавшие материалы по делу Старицкого, хранились в архиве в наилучшем виде, чего нельзя сказать о некоторых более мелких судебных процессах опричины.

Еще С. Б. Веселовский указал на то, что у иностранных писателей и в летописях мы находим ряд лиц, не записанных в синодике. Однако он не заметил того, что во многих случаях пропуски синодика носят закономерный характер: если там пропущен некий судебный процесс, то в списке опальных отсутствуют и все связанные с этим процессом лица. Так, в синодике пропущены «дела» о сдаче Стародуба в 1563 г., по которому были казнены родственники А. Адашева — И. Шишкин, Д. Адашев с сыном, его тесть П. Туров, трое Сатиных; о выступлении членов Земского собора против опричных летом 1566 г., по которому казни подверглись дворяне князь В. Ф. Пронский, И. Карамышев и К. Бундов; «дело» Воротынского, по которому летом 1573 г. были вызваны с Оки и казнены большие воеводы-бояре князь М. И. Воротынский, князь Н. Р. Одоевский, а также М. Я. Морозов с двумя сыновьями и с женой Евдокией. Очевидно, материалы названных дел не были разысканы в архиве составителями царского списка опальных.

Реконструкция приказного списка синодика компенсирует утрату опричных архивов: исследователь получает в свое распоряжение подробные конспекты утраченных опричных судных дел. Открытие новых списков синодика бесспорно позволит более точно разграничить отдельные «судные дела» в тексте синодика, выявить хронологические отступления, помимо указанных выше, и т. д. Однако установление новых фактов едва ли изменит самый прием исследования этого ценнейшего памятника.

Текст приказного синодика, реконструируемый автором, помещен в Приложении.

Официальные московские летописи в различных редакциях и списках представляют собой ценнейший источник по политической истории 50—70-х гг. Непосредственное участие в редактировании и переработке летописного свода принимали ведущие политические деятели того времени.

А. А. Зимин подробно обосновал тезис, согласно которому А. Адашев был причастен к составлению «Летописца начала царства» (1534—1553 гг.) и различных его продолжений (1553—1560 гг.).⁴⁵ Кружок реформаторов, объединившихся вокруг Адашева, не сразу получил возможность определять содержание официальной летописи. В начальных разделах «Летописца начала царства» среди записей за 1549—1550 гг. вовсе отсутствуют сведения о «соборе примирения», принятии нового Судебника, первых приговорах о местничестве, вовсе не упоминается имя А. Адашева и т. д. Только в последнем разделе «Летописца» — многословной «Повести о казанском взятии» со всевозможными подробностями описана деятельность А. Адашева как одного из главных руководителей восточной политики, часто упоминаются имена членов его кружка и т. д. Все это указывает на причастность кружка А. Адашева к составлению «Повести».⁴⁶

Деятельное участие А. Адашев принимал в составлении Продолжения «Летописца начала царства» за 1556—1560 гг. Известно, что, отправляясь в Ливонию в мае 1560 г., А. Адашев захватил со своей походной канцелярией

составленные им материалы для «летописца лет новых». В царском архиве хранился «обыск князя Ондreja Петровича Телятевского в Юрьеве Ливонском про Олексеу смерть Адашева, и списки черные, писал (А. Адашев. — Р. С.) память, что писати в летописец лет новых, которые (списки. — Р. С.) у Олексея взяты».⁴⁷

А. Телятевский выполнил свою миссию и отвез в Москву найденные им черновые списки летописца, писанные А. Адашевым, после чего летописанием стало заведовать новое лицо, кажется, дьяк И. М. Висковатый. Этот последний собирал материалы для последующего летописца — за годы с 1560 (7068) и позднее — и хранил их в отдельном ящике своего архива. В описи архива означен «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописец, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го».⁴⁸

Переход летописания из рук А. Адашева после опалы его в 1560 (7068) г. в руки других лиц очень точно прослеживается на основании текста летописи. В некотором отношении записи за 1559—1560 гг. напоминают черновые заготовки материала: события тут датируются месяцами, почти полностью отсутствуют поденные записи. Так, за полтора года с января 1559 и до лета 1560 г. в летописи помечены лишь семь точных дат (17.01, 21.01, 27.01, 24.04, 1.10. 1559 г. и 20.02. 1560 г.).⁴⁹ Манера изложения решительно меняется с записей за июль 1560 г., когда в летописи начинают преобладать поденные записи (за 13.07, 17.07, 19.07, 2.08, 6.08, 7.08 и т. д.).⁵⁰ Заметно меняется внешнее оформление текста. До появления поденных записей материал летописи дробился на отдельные отрывки с обязательным заголовком, выполненным кинюварью. После их появления отдельные заголовки (за единичными исключениями) совершенно исчезают. Последняя помесечная запись с отдельным заголовком («Отпуск в немцы большой наряд») сообщает о посылке в Ливонию А. Ф. Адашева в мае 1560 г.⁵¹ По-видимому, «черновые списки», находившиеся в канцелярии А. Адашева во время Ливонского похода, доводили изложение событий до начала 1560 г.⁵² Списки эти содержали материал за «новые лета», т. е. за несколько последних лет, непосредственно предшествовавших указанному 1560 г.

К материалам, связанным с составлением черновых летописных материалов А. Адашевым, восходят интерполяции в тексте летописи, сугубо нарушающие хронологический принцип изложения. В соответствующем разделе неизвестный редактор сделал помету на полях: «написати приговор о полках».⁵³ Однако, когда он смог осуществить свое намерение, у него под руками оказались летописные материалы (вероятно, «списки черные») за более поздние годы (7064 г. и далее). В эти материалы автор и включил подробное изложение «Приговора о полках 7058 г.», явившегося отчетом о первой реформе А. Адашева. «Приговор» выглядит в тексте летописи как неуместная вставка.⁵⁴ Под «Приговором 7058 г.» помещена вторая большая вставка — «Приговор о кормлениях 7064 г.», отчет о самой крупной адашевской реформе. Как отметил А. А. Зимин, оба названных приговора представляют собой вставки, принадлежавшие, возможно, перу самого А. Адашева. В них «мы имеем дело с рассказом о каких-то мероприятиях законодательного характера, а не с официальным узаконением».⁵⁵ Действительно, летописные вставки во многих отношениях публицистичны. Можно полагать, что вставки были сделаны А. Адашевым спустя много лет после утверждения подлинных приговоров. Возможно, что произошло это во время Ливонского похода, когда А. Адашев, предчувствуя близкую опалу и стремясь оправдать свою правительственную деятельность, составляет отчет о главнейших своих реформах.⁵⁶ Имея под рукой лишь «Летописец новых лет», он включает в него старый приговор 7058 г. рядом с приговором 7064 г., рассказывает о нем по памяти, перемежая подлинные факты с моральными наставлениями царю, страстно защищая необходимость нововведений.

дьяками в архиве, включали документацию за 1560 (7068)—1566 (7074) гг. с добавлением свежих материалов за последние два-три года. Царь затребовал «списки» в августе 1568 (7076) г. К тому времени под руками у дьяков были материалы, доведенные по крайней мере до сентября 1567 (7076) г., что и было засвидетельствовано описью архива. Из пометы в тексте архивной описи следует, что Иван IV затребовал к себе в опричную Александровскую слободу не только черновые «списки, что писати в летописи», но и готовый летописец (перебеленную с «тетрадей» летопись). В результате всякая работа по сбору текущих материалов для пополнения летописи (а эта работа проводилась в земской приказной канцелярии) была прекращена. Так опричина положила конец русскому летописанию.⁶⁸

Расцвет московского официального летописания в 1550—начале 1560-х гг. и его полное прекращение после 1568 г. были обусловлены несколькими обстоятельствами.

В сочинении летописей наряду с приказными канцеляриями самое деятельное участие принимало руководство церкви. Митрополит Макарий и его просвещенное окружение были подлинными вдохновителями грандиозных летописных работ середины XVI в. Смерть Макария в декабре 1563 г. нанесла делу огромный урон. Речь Афанасия при его избрании была последней митрополичьей речью, включенной в Лицевой свод. Вопреки традиции, в «летописец» не была включена речь Филиппа при его избрании на митрополию и другие материалы, составлявшие на митрополичьем подворье. Вскоре же, в 1568 г., Филипп был низложен, а позже убит.

Трагичной была судьба приказных людей, руководивших летописными работами. Алексей Адашев умер в тюрьме. Печатник Иван Висковатый был казнен.

В 1568 г. царь предпринял попытку перенести все летописные работы из земщины в опричину. Однако в опричнине не нашлось людей, обладавших достаточной культурой и навыками, необходимыми для летописной работы. Страх препятствовал любым попыткам возродить летописание в земщине. Если бы кто-нибудь из приказных, занявших место убитого И. Висковатого, на свой страх и риск описал новгородский погром, он явно рисковал бы головой.

Предположение С. О. Шмидта, будто летописная работа «вызывала особый интерес царя Ивана в последние годы его жизни», трудно согласовать с отмеченными выше фактами. Если бы Грозный сохранил минимальный интерес к летописанию, он непременно составил бы официальную историю последних семнадцати лет своего царствования. Задачу, от которой отказался Грозный, выполнил А. Курбский, посвятивший опричному террору многие страницы своей «Истории». В конце жизни Иван IV получил в дар от короля Стефана Батория Хронику А. Гваньини с изложением истории опричной тирании.⁶⁹ Наветам недругов царь не мог противопоставить никакой официальной версии.

С. О. Шмидт и А. А. Амосов считают, что заключительные части Лицевого свода были составлены в последнее десятилетие жизни Грозного и тогда же царь лично участвовал в их редактировании. Заново проведенное филологическое исследование, пишет А. А. Амосов, «позволяет нам со всей уверенностью утверждать, что мнение Лихачева о времени написания как Лицевого свода в целом, так и заключительной его части, вошедшей в литературу под названием Царственной книги, остается в силе».⁷⁰

Обратимся к исходным аргументам Н. П. Лихачева. Как он доказал, при изготовлении Лицевого свода была употреблена французская бумага исключительно высокого качества, ранние разновидности которой датируются серединой XVI в., а самые поздние — 1600 г. Такая бумага чаще употреблялась в 1566—1585 гг. Бумагу указанного вида использовали как для Лицевого свода, так и для книг Посольского приказа с протоколами переговоров

допустить, что между замыслом создания Лицевого свода и даже временем первоначальных заготовок к этой работе (...написание черновиков) и временем оформления беловика Свода мог пройти и немалый срок, что мысль о создании истории „в лицах“ возникла в связи с необходимостью обучать царевичей» и пр.; в дошедшем до нас виде части Лицевого свода были созданы не ранее последнего десятилетия правления Ивана Грозного. Работа по составлению Лицевого свода представлялась важной и вызвала особый интерес царя Ивана в последние годы его жизни.⁶⁴

Традиция иллюстрирования летописного материала ведет начало от времен Древней Руси.⁶⁵ Тем не менее Лицевые своды Ивана Грозного занимают свое особое место в ряду иллюстрированных рукописей. В Лицевых сводах миниатюра явно доминирует над текстом, служившим кратким пояснением к рисунку. Неизбежно возникает вопрос, каково было целевое назначение такой «истории в картинках». По предположению С. О. Шмидта, мысль о создании летописи «в лицах» возникла с потребностью обучения подрастающих царевичей. Такое предположение наилучшим образом объясняет дело.

Царь Иван не получил в детстве систематического образования и сумел пополнить свои познания в истории и богословии в годы реформ при Алексее Адашеве и Сильвестре. Тогда же его, очевидно, и занимал вопрос об обучении сыновей. Первенец царевич Иван — наследник престола требовал особого внимания и забот. Второй сын Федор был умственно неполноценным. Время детства, отрочества и юности Ивана Ивановича приходится на 1560—1570-е гг. Трудно предположить, чтобы пособие с картинками было изготовлено через много лет после того, как обучающийся вышел из ученического возраста. К тому же за несколько лет до смерти Грозного наследник Иван погиб от руки отца и заботы об изготовлении и исправлении для него учебного пособия утратили смысл.

Что могло побудить Ивана внести в Лицевой свод ряд вставок, носивших политически тенденциозный характер? Какие события побудили его к литературному труду? Как раз на время отрочества наследника приходятся крупнейшие политические потрясения, вызванные раздором самодержца с боярами, бегством за рубеж Андрея Курбского, полемика царя с недавним другом и доверенным советником, наконец, опричнина. Уже С. В. Бахрушин и Д. Н. Альшиц указали на многозначительные совпадения и текстуальные подобию в царских эпистолиях беглому боярину и приписках к московской летописи. Отмеченный факт дал основание Д. Н. Альшицу заключить, что царь редактировал официальную летопись в тот же период времени, когда ему пришлось написать эпистолию (целую книгу, по меркам той эпохи) в ответ на первое письмо А. Курбского из-за рубежа.

Чтобы представить обстоятельства обращения Грозного к летописям, надо иметь в виду, что официальная московская летопись составлялась в канцелярии Посольского приказа, в ведении которого находился царский архив. Сохранилась подробная опись архива, составленная в 1570-х гг. на основании данных описей 1560-х гг.⁶⁶ Пометы в тексте описи о посылке к царю различных архивных материалов служат без сомнения самым надежным основанием для суждений о том, когда и при каких обстоятельствах Иван Грозный проявлял интерес и обращался к летописным материалам. Согласно описи, материалы официального московского летописания хранились в отдельном ящике: «Ящик 224. А в нем списки, что писати в летописи, лета новые прибраны от лета 7068-го до лета 7074-го и до 76-го». В тексте описи сверху приведенных строк имеется помета: «В 76-м году августа летописец и тетради посланы к государю в Слободу».⁶⁷ Опись архива дает наглядное представление о том, как в недрах приказной канцелярии шла работа над текущей летописью. В архиве хранились «списки, что писати в летописи», иначе говоря, черновой материал, подготовленный для включения в официальную летопись. «Лета новые», прибранные

всего объема задуманного труда: еще предстояло переписать и проиллюстрировать синодальный том и Царственную книгу и пр.⁷⁵ А. А. Амосов не учитывает такие бесспорные факты, как прекращение летописания в пору опричнины. Необходимость соотнести данные о развитии общественной мысли с определенной исторической обстановкой очевидна. Между тем А. А. Амосов сообразует свои весьма точные выводы (включая год и месяц летописных работ, процент их выполнения) исключительно с историей расходования бумаги, о которой достоверно известно очень немного.

Обратимся к «новому» прочтению А. А. Амосовым филигранный «Двойная лилия», выделенной Н. П. Лихачевым в Лицевом своде под наименованием «Гоздава»; в литературе отмечено несколько сот ее видов и разновидностей. Анализируя знак из Лицевого свода, А. А. Амосов отмечает, что его верхняя часть наиболее схожа с французской геральдической лилией. По характеру плетения формы отливки также можно предполагать работу французского мастера. Однако бумага с указанным знаком сделана добротной, крепкой, но грубоватой: размол бумажной массы груб, встречаются соринки. Отмеченный брак в качестве бумаги служит А. А. Амосову отправным пунктом для цепи гипотез. Грубая бумага, рассуждает исследователь, совершенно нехарактерна для лучшей французской, зато отмеченным признаком отличалась польская, реже германская, а также нелучшая или бракованная французская бумага. Из всех этих вероятностей А. А. Амосов останавливается на польской версии происхождения бумаги. Можно было бы ожидать хотя бы косвенных доказательств закупки польской бумаги для России и пр. Однако А. А. Амосов не обращается к сфере коммерции, а ищет новые пути интерпретации водяного знака, художественные и прочие особенности которого будто бы отразили как в зеркале систему международных отношений. Сочетание западных форм с польскими качественными приметами знака «Гоздава», пишет А. А. Амосов, было не только возможно, но и вполне закономерно лишь на одном-единственном этапе взаимоотношений Польши и Франции: «...мы разумеем кратковременное пребывание на польском престоле Генриха Анжуйского, французского принца из дома Валуа».⁷⁶

Предположение о польской или смешанной польско-французской бумаге со знаком «Гоздава» (термин Н. П. Лихачева) априорно. Лилия, фигурировавшая в водяном знаке, — не официальный королевский герб Валуа, и ее употребление при изготовлении бумаги на многих мельницах Европы едва ли служило отражением мировой политики. «Для Генриха Анжуйского, — утверждает А. А. Амосов, — перенос родовой эмблемы на новую (польскую. — *Р. С.*) почву был бы вполне естественным действием... В этом плане мотив двойной лилии (в водяном знаке! — *Р. С.*) мог вызывать, например, ассоциации о двух коронах дома Валуа» и пр.⁷⁷ Под пером А. А. Амосова водяной знак — скромное творение мастера бумажной мельницы в неизвестной в точности стране оказывается порождением сложных политических ухищрений, продуктом манипуляций принца Генриха Анжуйского. Осторожные предположения в конце исследования уступают место категорическим формулировкам: «Итак, даже краткий анализ позволяет со всей уверенностью утверждать, что знаки двойной лилии в Лицевом своде следует датировать 1573—1574 гг.» В России такая бумага могла появиться уже в 1574 г., но Генрих Анжуйский к тому времени отбыл из Польши. «Не потому ли Грозный и решил ускорить работы по составлению московской версии всемирной истории?» Этот вопрос, которым А. А. Амосов завершает исследование, может поставить в тупик любого читателя.

Русская общественная мысль, публицистика, летописание пережили подлинный расцвет в то время, когда правительство А. Адашева провело в жизнь широкую программу реформ, и в первые годы после реформ, когда русской церковью продолжал руководить Макарий. Опричный террор сопровождался

с польским двором за 1570—1571 и 1575—1579 гг. Опираясь на эти наблюдения, Н. П. Лихачев предположил, что бумага была закуплена около 1575 г., затем употреблена при составлении книг Посольского приказа, а около 1580 г. на ней были написаны последние тома Лицевого свода.⁷¹

Однако уже Д. Н. Альшиц указал на уязвимость этой схемы, поскольку бумагу могли использовать в обратном порядке. Ее закупили для Лицевого свода, а остатки употребили на посольские книги.⁷² Эта гипотеза не противоречит наблюдениям Н. П. Лихачева относительно времени изготовления и распространения французской бумаги (1560—1580-е гг.), на которой написан Лицевой свод. Таким образом, бумага могла быть закуплена в 1560-х гг., а после прекращения летописных работ в 1568 г. ее остатки употребили на изготовление посольских книг 1570—1571 и 1575—1579 гг.

Закупку крупной партии французской бумаги следует связать скорее всего с летописными работами, которые приобрели исключительный размах и интенсивность при А. Адашеве в 1550-х гг. и при Макарии в начале 1560-х гг. Казна затратила большую сумму денег, закупив дорогую бумагу лучшего качества. Во Франции на такой бумаге писал король. Сомнительно, чтобы целью подобных закупок было текущее делопроизводство приказного ведомства. Лицевой свод представлял собой «историю в картинках» и предназначался, вероятно, для обучения либо молодого царя, не получившего в юности систематического образования, либо его сына-наследника. Понятно, что изготовление летописи, которая должна была попасть в руки членов царского дома, было делом несравненно более важным, чем составление приказной документации.

Заготовленный запас французской бумаги был бы истрачен по назначению, если бы официальную летопись составляли и редактировали в последние 17 лет царствования Грозного так же интенсивно, как и в 1550—1567 гг. Однако с началом террора летопись перестала пополняться, остатки бумаги остались неиспользованными, и их вскоре же (в 1570—1579 гг.) употребили на посольские книги, а также на Слободскую Псалтирь (1576—1577 гг.), Слободской часовник и пр.⁷³

Во многих новейших трудах о Лицевых сводах исследованию бумаги придается первостепенное значение. С. О. Шмидт пишет, что любые датировки летописных приписок 1560-ми гг., «зачастую остроумные и, казалось бы, опирающиеся на данные многообразных источников, можно признать основательными только в том случае, если они не противоречат точным (более или менее) палеографическим данным».⁷⁴ Суть заключается в том, что при нынешнем уровне научных разработок (во всяком случае, русской палеографии) датировки на основании водяных знаков весьма приблизительны. Точность датировок водяных знаков прямо зависит от полноты исходных материалов. Между тем сохранность русских архивов и книгохранилищ XVI в. — наихудшая во всей Европе. Огромные и непоправимые потери им нанесены пожарами 1571, 1611, 1626, 1812 гг.

Работы А. А. Амосова обнаружили, с одной стороны, возможности, которые открывает перед исследователем применение всего арсенала палеографии, филигранологии и кодикологии, а с другой — уязвимость построений, когда указанные методы исследования приобретают самодовлеющее значение. Приведем несколько примеров. Установив наличие двух комплексов бумаги (Лицевого свода и Слободской Псалтири) с общим отчасти (!) набором сюжетов водяных знаков, А. А. Амосов выстраивает далее целую пирамиду чисто гипотетических рассуждений о нормах и последовательности расхода указанной бумаги в слободской типографии, выпустившей Псалтирь, и в книгописной мастерской Грозного, изготовлявшей летописи. Примерные и приблизительные предположения венчает затем категорический вывод о том, что в декабре 1576 г. из всего состава Лицевого свода была завершена лишь хронографическая (посвященная древней истории) часть и впереди оставалось не менее 40—45 % от

А. А. Зимин не мог пройти мимо того факта, что известия о И. П. Федорове опровергали предложенную им датировку летописного рассказа, и пытался снять противоречие с помощью двух аргументов. По его мнению, ко времени составления летописной приписки в 1569—1570 гг. «эпизод с Федоровым был уже в прошлом», к тому же автор рассказа о мятеже, вероятно, «передавал вполне реальные факты, а поэтому и сообщил, что Федоров, как и Адашев (из песни слов не выкинешь!), поддерживал в 1553 году кандидатуру царевича Дмитрия на русский престол».⁸⁴ Едва ли И. П. Федоров был забыт всего год спустя после казни. Он являлся, во-первых, крупнейшим руководителем земщины, и, во-вторых, царь объявил его главой заговора, имевшего целью убийство монарха. Конюший на много лет стал самой одинокой политической фигурой, первым из государственных изменников. К 1569—1570 гг. эпизод с И. П. Федоровым не был «в прошлом». Напротив, дело о заговоре Старицких, начало которому положил суд на конюшим, разрослось до чудовищных размеров и завершилось разгромом Новгорода, казнью И. Висковатого и других земских дьяков в Москве.

Сомнительно, чтобы земский летописец осмелился в обстановке жесточайшего террора похвалить верную службу главы заговора, даже если речь и шла о старых смутах. Н. Е. Андреев попытался объяснить противоречие следующим образом: не Иван IV, а дьяк Висковатый был настоящим автором летописной приписки, и в летописи отразилась его личная точка зрения, расходившаяся со взглядами Ивана Грозного.⁸⁵ Предположение Н. Е. Андреева едва ли соответствует характеру московского официального летописания и исторической ситуации. Попытка обелить государственного преступника «номер один» была бы воспринята в 1568—1570 гг. в устах главного земского дьяка как неслыханная крамола.

Отстаивая мысль о том, что приписка о мятеже была составлена в последние годы жизни царя, С. О. Шмидт указывает на следующие моменты: во-первых, Иван был человеком с расстроенной психикой, что порождало несоответствие воспоминаний с современными оценками. Во-вторых, не исключено, что в конце жизни Иван IV склонен был отказаться от обвинений, некогда предъявленных И. Висковатому. В-третьих, летописец выпячивал положительную роль И. Висковатого, из чего следует, что он использовал какие-то записи прежних лет, благожелательные дьяку «и едва ли не им самим составленные».⁸⁶

С приведенными доводами трудно согласиться из-за их гипотетичности.

Известно, что Иван Грозный страдал нервным заболеванием. Недуг усилился в конце жизни. Но все же степень психического расстройства первого русского самодержца едва ли следует преувеличивать. Предположение об использовании царем каких-то записей, благожелательных дьяку Ивану Висковатому, не находит опоры в источниках.

Из двух главных приписок, посвященных событиям 1553 г., первая, появившаяся на полях Синодального списка, имела примечательную особенность. Наличие в ней подробностей и «цитат» указывало на детальное знакомство царя со следственным материалом. Третью приписку занимал перечень лиц, проводивших дознание о князе Семене Ростовском: «И царь и великий князь, видя его такую злую измену, послал бояр своих князя Ивана Федоровича Мстиславского, Ивана Васильевича Шереметева Большого (и других, всего 11 человек. — Р. С.) <...> а велел его (Семена. — Р. С.) роспросить, а доведетца и пыткою пытать». Приведенные строки напоминают выдержку из традиционного текста царского наказа о производстве сыска. Приписка содержала также обширные выдержки из признаний обвиняемого: «И князь Семен сказал, что <...> и оттого, сказывает, почал досадовати...»⁸⁷

Другая особенность приписки к Синодальной летописи, помогающая точной датировке, заключается в ее текстологической близости к первому посланию Грозного Курбскому 1564 г.

такими катастрофами, которые положили конец и подъему общественной мысли, и летописанию. До опричнины случалось, что из-за бедствий и потрясений московская летопись на время умолкала. Террор оказал губительное воздействие на корни традиции. Как только текущее летописание было изъято опричниной и перестало пополняться, оказалась уничтоженной точка роста летописания.⁷⁸ Сменилось два-три поколения русских людей, прежде чем в Москве была предпринята попытка возродить традицию официального летописания.

Палеографические наблюдения весьма важны, в особенности если они ложатся на историческую канву. Однако едва ли следует переоценивать точность датировки летописи исключительно на основе водяных знаков, сорта бумаги и пр.

В последних томах Лицевого свода (Синодальный список и Царственная книга) записи за 1535—1542 гг. идут параллельно. Известия за 1542—1553 гг. имеются лишь в Царственной книге и отсутствуют в Синодальном списке, а затем с конца 1553 по 1560 и с 1563 по 1567 г. — только в Синодальном списке. Если в тексте Синодального списка обнаруживается примерно десяток исправлений и приписок и они часто носят строго фактический характер, то в тексте Царственной книги таких поправок и интерполяций более 60 и многие из них носят открыто полемический и публицистический характер.

Летопись по Синодальному списку доведена до 1567 г., тогда как последние исправления в ее тексте относятся к 1557 г. Опираясь на этот факт, Д. Н. Альшиц предположил, что к моменту редактирования основной части (до 1560 г.) окончание летописи еще не было составлено, из чего сделал вывод, что приписки к Синодальному списку появились в начале 1560-х гг.⁷⁹ Наличие в Царственной книге перебеленных (с учетом правки) листов Синодального списка разрешает вопрос о последовательности летописных работ.

Наиболее значительные летописные приписки посвящены теме, связанной с неудавшейся попыткой заговора князя Владимира Андреевича Старицкого во время тяжелой болезни царя в 1553 г. Д. Н. Альшиц первым обратил внимание на удивительное сходство и несомненную родственность текстов приписок и первого послания Грозного Курбскому. Тщательное сопоставление совпадений и различий в трактовке событий 1553 г. позволило Д. Н. Альшицу предположить, что приписка к Синодальному списку появилась до полемики царя с Курбским в 1564 г., тогда как приписка к Царственной книге имела целью перенесение доводов царя из его письма Курбскому в текст официальной летописи, т. е. появилась после 1564 г., а более точно — в 1567—1568 гг.⁸⁰

А. А. Зимин попытался уточнить датировку Д. Н. Альшица. Сведения о «мятеже» в пользу Старицкого 1553 г., писал А. А. Зимин, были внесены в Царственную книгу после казни Старицких в первом квартале 1569 г., но ранее казни Висковатого в июле 1570 г., поскольку в летописной приписке он изображен противником Владимира Андреевича, тогда как казни подвергся как его приверженец.⁸¹ Точности ради отметим, что Старицкий был казнен не в первом, а в последнем квартале 1569 г. и что Висковатый попал в немилость не в день казни (июль 1570 г.), а раньше. Таким образом, период, указанный А. А. Зиминим, сужается до нескольких месяцев (конец 1569—начало 1570 г.).⁸² Но именно в этот период царь громил в течение 3—4 месяцев Тверь, Новгород и Псков и едва ли имел досуг заниматься старыми летописями.

Главное возражение против датировки приписки к Царственной книге 1567—1570 гг. сводится к следующему. Автор приписки с исключительной похвалой отзывался о верной службе конюшего И. П. Федорова, который донес государю на крамольных бояр, намеревавшихся посадить на трон князя Владимира Андреевича.⁸³ В 1567 г. опричники приступили к розыску о заговоре боярина Ивана Петровича Федорова, а в 1568 г. казнили его как сообщника князя.

текстуальное сходство с посланием Грозного в Москву 1564 г., а это весьма важно с точки зрения атрибуции и датировки «Повести».

«Повесть»

...побежите с ним в чужую землю,
где бог наставит.⁹²

Послание царя к думе и духовенству
(1565 г.)

...и царь... оставил свое государь-
ство и поехал, где вселится, идеже его,
государя, бог наставит.⁹³

Некоторые материалы судного дела Ростовского (например, крамольные речи бояр-заговорщиков) были использованы в «Повести», подвергшись при этом некоторой обработке.

Синодальный список

...только нам служить царевичу
Дмитрею, ино нами владети Захарь-
иным и чем нами владети Захарьиными,
ино лутчи служити князю Владимиру
Ондреевичю.⁹⁴

Царственная книга

...ведь де нами владети Захарь-
ным, и чем нами владети Захарьиным,
а нам служити государю малому, и мы
учнем служити старому князю Володи-
меру Ондреевичю.⁹⁵

В первом случае мы имеем дело с показанием князя Ростовского перед судной комиссией, во втором случае — с доносом боярина И. П. Федорова, передавшим царю слова князя Ростовского и других бояр, пытавшихся вовлечь его в заговор. Из текста «Повести» можно заключить, что в распоряжении редактора не было письменных доносов, которые можно было затребовать из архива. «А после того, — значит в «Повести», — государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров, что говорили с ним бояре...»; «да государю же сказывал околничей Лев Ондреевич Салтыков, што говорил ему, едучи на площади, боярин...» Речи верных бояр имели значение устных свидетельских показаний. К 1563—1564 гг. И. П. Федоров и Л. А. Салтыков находились в приближении у царя и в любой момент могли верноподданнически подтвердить сведения о своем давнем доносе.

Справедлива ли мысль, что приписка к Синодальному списку появилась прежде, чем царь написал письмо А. Курбскому, а приписка к Царственной книге — после письма, и что царь лишь перенес в летопись свои аргументы из переписки с боярином? Сопоставление текстов колеблет такое предположение. Редактор Царственной книги далек от того, чтобы отнести А. Адашева к числу злостных «мятежников» и заговорщиков, хлопотавших о передаче трона Старицкому. Совершенно иначе те же события изложены в царском послании. Здесь главными участниками заговора в пользу Старицких представлены именно Сильвестр и Алексей Адашев. Оказывается, что во время царской болезни бояре «возшаташася яко пьянии, с попом Селивестром и с начальником вашим Алексеем Адашевым, мневше нас небытию быти», «они же хотеша воцарити, еже от нас разстояшася в коленах, князя Володимера; младенца же нашего, еже от бога данного нам, хотеша подобно Ироду погубити (и како бы им не погубити!), воцарив князя Володимера».⁹⁶

В «Повести» имеется указание на то, что Алексей Адашев своевременно и без оговорок присягнул на верность младенцу наследнику. Почему автор «Повести» не учел версию, изложенную в царском письме Андрею Курбскому, и не внес в летопись сведений об А. Адашеве как «начальнике» мятежа? Вывод очевиден: приписка к Царственной книге появилась ранее царского послания, написанного под впечатлением измены и бегства А. Курбского летом 1564 г.

Первостепенное значение для интерпретации летописных вставок имеет оценка их идейной направленности. В 1563 г. Грозный приказал арестовать «брата» Владимира и отобрал у него удельное княжество. Власти избегали каких бы то ни было разъяснений относительно причин наказания князя Владимира. Официальная летопись глухо упоминала о «неисправлениях» царского брата. И сам Иван в письме Курбскому 1564 г. ни слова не проронил о недавно прошедшем процессе 1563 г., а все внимание сосредоточил на обличении дав-

Летописная приписка

Князь Семен «то все говорил, хотя государю изменять, а государь его посылал все по его достоинству и род его... да они взнеистовилися злобою <...> Он с послы с литовскими ссылался с Давоном с товарищи... и думу царя и великого князя послом приказывал... и многие поносительныя слова про царя... им приказывал <...> женился у боярина у своего дочер взял, понял робу свою...»⁸⁸

Послание Ивана IV (1564 г.)

Та же по сем собака и изменник старый князь Ростовской Семен, иже по нашей милости, а не по своему достоинству, сподоблен быти от нас синклитства, своим же изменным обычаем литовским послом пану Станиславу Давоину с товарищи нашу думу изнесе, нас укоряя и нашу царицу и наших чад.⁸⁹

Сходство двух приведенных текстов очевидно. Строки из послания Ивана Грозного выглядят кратким пересказом более пространного летописного известия. Вторичное происхождение послания не вызывает сомнений. Царь писал по памяти и в раздражении допустил некоторые оговорки. Так, укоряя князя Семена за поношение царских детей, он забыл, что в дни бесед изменника с литовским послом в царской семье не было детей: наследник престола младенцем погиб вследствие несчастного случая (нянька с младенцем упала в воду во время путешествия царской семьи по реке Шексне), а второй сын у Ивана IV еще не родился.

Остается установить, когда царь обращался в архив и имел случай основательно ознакомиться с деталями следственного дела об измене князя Семена. Подлинная опись царского архива 60-х гг. XVI в. заключала в себе следующий параграф: «Ящик 174. А в нем отъезд и пытка во княже Семенове деле Ростовского». Подле приведенных строк хранители архива сделали такую помету: «Взято ко государю во княж Володимерове деле Ондреевича 7071 июля в 20 день, взято ко государю».⁹⁰ Как видно, Иван IV затребовал «дело» князя Семена в разгар суда над удельным князем Владимиром Андреевичем Старицким в 1563 г.

Попробуем теперь сопоставить факты. В 1563 г. Иван IV ознакомился с судебным «делом» Ростовского; он подробно осветил эпизод суда над князем в своем послании 1564 г.; неизвестное лицо внесло хорошо документированный рассказ о том же суде в официальную летопись; содержание и фразеология летописной приписки и царского послания сходны. Удовлетворительно объяснить эти совпадения может предположение о том, что приписка к тексту Синодальной летописи была составлена Грозным после ознакомления с подлинным «делом» Ростовского, затребованным к нему из архива 20 июля 1563 г.⁹¹

Обширную приписку на полях Царственной книги, посвященную боярской крамоле 1553 г., можно назвать «Повестью о мятеже». Она написана тем же почерком и посвящена тому же сюжету, что и синодальная приписка, хотя в ней изменены акценты. При работе над синодальным списком автор стремился прежде всего обличить тайный боярский заговор в пользу князя Владимира. В «Повести» тема тайного заговора отступила на задний план. Составителю «Повести» надо было доказать, что в дни царской болезни в думе произошел открытый боярский «мятеж», подавленный лишь благодаря личному вмешательству государя. Иван IV якобы произнес «жестокое слово», устранившее мятежников.

При составлении синодальной приписки редактор опирался на документы. Совсем иной характер носит «Повесть». В ее основе лежат воспоминания, устные свидетельства и пр., что сближает ее с мемуарным жанром. Центральное место в «Повести» занимают царские речи, произнесенные в день «мятежа» в думе. Иван IV был при смерти и не мог говорить. Сочинение вымышленных речей, соответствовавших характеру героя и подходящих случаю, отвечало издавна сложившимся канонам летописания. Речи «Повести» не были исключением. Значение речей определялось, однако, тем обстоятельством, что в их сочинении участвовал сам мнимый оратор. В царских речах можно обнаружить

Сложность вопроса о преобразованиях и реформаторских замыслах А. Адашева состоит в том, что не сохранилось ни одного письма или другого документа, написанного его рукой. По этой причине вопрос об авторстве или, точнее, степени участия реформатора в составлении того или иного проекта трудноразрешим. Тем большее значение имеют данные об участии А. Адашева в летописании. Вставки в текст летописи непосредственно вводят нас в круг идей и начинаний А. Адашева, знакомят с его проектами реформ и политической программой.

Среди московских летописей особое место занимают «лицевые» (иллюстрированные) летописи в десяти томах, насчитывавшие около 20 тыс. листов и 16 тыс. искусно выполненных миниатюр. Два последних тома «лицевого» свода были посвящены времени царя Ивана IV. Один из этих томов (ГИМ. ОР. Синодальное собр. № 962) содержал в себе раннюю редакцию текста за 1535—1542 гг. с продолжением. Второй том, так называемая Царственная книга (Там же, № 149), включал более позднюю редакцию известий за 1533—1542 гг. с продолжением до 1553 г.

Внимание исследователей давно привлекли следы энергичной редакторской правки на полях названных рукописей. Черновой характер правки придавал ей особое значение. Историки получили редкую возможность составить более четкое представление о приемах написания летописи и тем самым оценить степень надежности и достоверности летописного материала. Интерес к скорописным поправкам на полях рукописи стал исключительным с того момента, когда возникло предположение, что они являются автографами Ивана IV.

Изучение Синодального списка и Царственной книги породило обширную литературу. А. Е. Пресняков был первым, кто подверг сомнению традиционное в XIX в. мнение, будто грандиозные лицевые летописи были составлены во второй половине XVII в. и тогда же использовались для обучения царевичей.⁵⁷ Известный палеограф Н. П. Лихачев на основании изучения водяных знаков (филиграней) впервые доказал, что названные своды были составлены в XVI в. и, более того, при жизни Ивана IV. Летопись, как заметил Н. П. Лихачев, была написана на французской бумаге, сходной с бумагой книг Посольского приказа за 1570—1571 и 1575—1579 гг., из чего исследователь заключил, что русские власти закупили бумагу за рубежом около 1575 г., а работу над летописными сводами завершили около 1580 г.⁵⁸

А. А. Шахматов, А. Е. Пресняков, С. Ф. Платонов признали датировку, предложенную Н. П. Лихачевым. Дальнейшее исследование сосредоточилось на изучении приписок к тексту летописных сводов. Поставив вопрос об авторе и тенденция приписок, Д. Н. Альшиц пришел к выводу, что Иван IV редактировал Синодальный список в 1563—1564 гг., а Царственную книгу — примерно в 1564—1568 гг.⁵⁹ Тем самым время составления самих летописных сводов отодвигалось по крайней мере на одно-два десятилетия. А. А. Зимин согласился с тем, что автором приписок к лицевому своду был, очевидно, сам Иван Грозный, редактировавший летопись накануне опричнины и в ее начальный период. Позднее А. А. Зимин уточнил предложенную датировку и отнес интерполяции к 1568—1570 гг.⁶⁰ В основном к 1560-м гг. летописные интерполяции относили также Н. Е. Андреев, О. И. Подобедова, Р. Г. Скрынников и др.⁶¹ Иную точку зрения обосновал С. О. Шмидт. По его мнению, Синодальный список редактировали не ранее середины 1570-х гг., а Царственную книгу — в последние годы жизни Грозного; приписки к тексту летописи отражали взгляды Ивана IV, но не были его автографами.⁶²

Дальнейшие исследования истории летописания при Грозном позволили установить, что Синодальный список и Царственная книга представляли собой не отдельные летописные своды, а часть единой лицевой летописи, страницы которой оказались переплетены позднее в разные тома.⁶³ В своем исследовании о лицевых летописях времени Ивана Грозного С. О. Шмидт пишет: «Можно

него заговора Старицких 1553 г. Лишь по прошествии 15 лет Грозный счел возможным нарушить молчание, обратившись к Курбскому с вопросом: «А князя Володимера на царство чего для естя хотели посадити, а меня и з детьми известъ?»⁹⁷ На этот раз речь шла не о заговоре 1553 г., когда царь был близок к смерти и никто не покушался ни на его жизнь, ни на жизнь его единственного сына. Царь имел в виду суд 1563 г., когда сам он был здоров, но бояре, по его словам, хотели извести и его, и двух его сыновей.

Почему тема заговора 1563 г. какое-то время была под запретом? Почему Грозный предпочел заменить ее обсуждением другого сюжета — заговора Старицких 1553 г.? Заговор 1563 г. бросал тень на самого царя как политического деятеля. Падение Адашева явилось в глазах Грозного отправным пунктом его самостоятельного правления. Однако правление это протекало столь неудачно, что на третьем году в высшем органе монархии — Боярской думе возник проект устранения Ивана и его сыновей и передачи трона Владимиру. Сосредоточив внимание на «мятеже» в думе в 1553 г., Иван IV пытался доказать, что его вражда со Старицкими имела давнее происхождение, а вину за раздор несли мятежные бояре.

Вскоре после суда 1563 г. Иван IV объявил о прощении брата и возвращении ему княжества. В кризисный период 1564—1565 гг. он старался сохранить мир с удельным князем, а потому и избегал упоминать о его недавней измене. Эта тенденция прослеживается как в письме А. Курбскому 1564 г., так и в выступлении перед думой в январе 1565 г. по случаю введения опричнины (см. гл. 10). Иван IV не считал себя ни летописцем, ни литератором. Составителями летописей были приказные люди, монахи, подьячие, писцы, занимавшие совсем иное общественное положение. Обращение царя к летописям имело значение обдуманной политической меры. Обличение участников заговора и «мятежа» 1553 г. как нельзя лучше отвечало видам царя. Во-первых, круг заговорщиков, к которому принадлежала прежде всего родня княгини Ефросиньи Хованской-Старицкой, в 1553 и 1563 гг. был примерно одним и тем же. Во-вторых, в 1553 г. Владимир был совсем молодым человеком и главную ответственность за заговор нес не он, а его мать. В-третьих, в 1563 г. Грозный простил Владимира, но не простил ни Ефросинью, ни близких к ней бояр. Поправки, внесенные в текст старой летописи, напоминали обвинительный приговор, подготовлявший расправу с крамольниками.

Перо летописца попало в руки жестокого политика. Очернив участников «мятежа» и заговора Старицких на страницах летописи, Грозный послал многих из них на эшафот в ближайшие годы после завершения работы над летописным сводом.

Характерно, что летописные сообщения о событиях 1553 г. венчают выводы, весьма сходные между собой.

Синодальный список
...и от того времени быс вражда
промеж государя и людей.⁹⁸

Царственная книга
...и оттоле бысть вражда межи бояр
и Селиверстом... и оттоле быть вражда
веляя государю с князем Володимером
Ондреевичем.⁹⁹

Сведения о мятеже в думе в 1553 г. были вымышленными (см. гл. 5). Царь не имел ни повода, ни возможности обращаться с увещеваниями к мятежникам. Зато в 1563 г. у него были все основания для тревоги о будущем династии. Царские речи, сочиненные в 1563—1564 гг., отражали настроения страха и растерянности, владевшим самодержцем накануне опричнины. Из «Повести» о мятеже следует, что государь предупредил Захарьинных: «Али чаете, бояре вас пощадят? Вы от бояр первые мертвецы будете!» Отметим, что Захарьины действительно навлекли на себя озлобление думы, но произошло это не в 1553 г., а после 1560—1562 гг., когда им удалось оттеснить от власти «великих бояр» из состава Избранной рады.

Вывод о том, что Грозный правил Синодальный список и Царственную книгу на протяжении примерно года с момента ареста Владимира и до бегства А. Курбского за рубеж, может быть опровергнут ссылкой на предположение, согласно которому Царственная книга составлена была значительно позже, чем Синодальный список. Такое предположение является традиционным. Но оно серьезно поколеблено новейшими исследованиями. В настоящее время историки склоняются к мнению, что Синодальный список и Царственная книга являлись частями одной лицевой летописи и работа над ними велась разными артелями писцов и рисовальщиков почти одновременно.¹⁰⁰ Синодальный том насчитывал 626 листов и 1116 миниатюр. На переписку и иллюстрирование свода (без раскраски миниатюр) понадобилось, по наблюдению А. А. Амосова, не менее года. Вероятно, столько же времени требовало изготовление Царственной книги, работа над которой проводилась почти одновременно, с минимальным запозданием, и связана была с вторичным редактированием текста официальной летописи.¹⁰¹

В лицевых сводах редакторы правили и текст, и рисунки. Замечания по поводу миниатюр на полях Синодальной летописи и Царственной книги имеют важное значение для атрибуции летописной работы. Автор приписок придирчиво разглядывал изображения царской персоны и, когда они его не удовлетворяли, делал замечания, безапелляционность которых поразительна. Подле миниатюры на листе 65 Синодальной летописи редактор заметил: «В знаменье (царевич) государь написан не г делу». На листе 361 Царственной книги редактор увидел невнимательность иллюстратора и написал: «Царя писать тут надобе стара». Смысл замечания сводился к тому, чтобы убрать с рисунка фигуру Ивана IV и нарисовать на его месте «старого» казанского царя или хана. На полях листа 652 запечатлелось другое распоряжение редактора насчет картины перенесения мошей: «То не надобе, что царь сам носит».¹⁰² Тон приведенных замечаний подтверждает предположение о непосредственном участии Ивана Грозного в исправлении лицевого свода.

Нет нужды считать редакторскую правку на лицевых сводах автографами Ивана IV. Значительная ее часть — это черновая корректура. Представить царя в роли писца-справщика, тщательно выверявшего буквенные описки, пропуски слов, мелкие стилистические несуразности, совершенно невозможно. Вековые традиции воспрещали московским государям брать в руки перо даже для скрепления собственных указов, писем и завещаний. Работая над летописью, Иван IV едва ли нарушил этот запрет. Ему достаточно было определить общее направление работы или в наиболее ответственных случаях продиктовать необходимый текст. Приказные люди, хорошо владевшие пером, всегда были к его услугам. Можно ли определить их по именам? Сделать это с достаточной степенью вероятности пока никому не удалось. Исследователи полагают, что в составлении «Повести о мятеже» и аналогичной приписки о суде над князем Семеном Ростовским участвовал дьяк Иван Висковатый.¹⁰³ Однако такая атрибуция не согласуется с датировкой двух названных приписок. Если верно то, что приписка в Синодальной летописи появилась в разгар суда над Старицкими летом 1563 г., то Висковатый никак не мог быть ее автором: на протяжении года он находился с посольством в Дании и вернулся в Москву только в ноябре 1563 г.¹⁰⁴

«Повесть о мятеже» выставляла фигуру Висковатого в самом выгодном свете. Но это обстоятельство все же не доказывает его авторства. В составлении летописей издавна участвовала канцелярия Посольского приказа, управляющим которой он был. Похвала в адрес дьяка могла исходить от его подчиненных. В одной из наших работ опубликованы фотокопии автографа И. М. Висковатого (его подписи на соборном приговоре 1566 г.) и приписок на полях Царственной книги. Графологический анализ не подтверждает предположение о том, что записи на полях Царственной книги принадлежали непосредственно

Висковатому. Дьяк обладал более тонким и изящным почерком, нежели лицо, исправлявшее летопись.¹⁰⁵ Помощников Ивана IV по исправлению летописей едва ли следует искать среди самых знаменитых «бюрократов» того времени, перегруженных делами текущего управления. Скорее всего то были приказные «книжники», склонные к литературным трудам.

По своему стилю летописные дополнения заметно отличаются от подлинного послания царя, адресованного Курбскому. Оценивая этот факт, не следует забывать о различиях эпистолярного и летописного жанров. Жанр ставил творчество средневековых писателей в жесткие рамки. В письме Курбскому Грозный дал волю своему гневу и раздражению. Но стиль «грубиянской полемики», уместный в эпистолярном жанре, мало подходил для летописи. Каноны официального летописания определялись устойчивой многовековой традицией. Следуя им, помощники царя неизбежно должны были подвергнуть его слова литературной обработке. Но по временам подлинные интонации Ивана IV все же нарушали эпический тон летописи. В приписку к Синодальной летописи было включено показание Семена Ростовского о причинах его «досады»: «Будто государь его и род его посылал не по их отечеству». Царь не мог сдерживать раздражения и сопровождал показание изменника гневным окриком: «Государь его посылал все по достоинству и род его... да они взнеистовилися злобою!»¹⁰⁶ Слово «злоба» занимало особое место в лексиконе Ивана Грозного. Страницы царского послания пестрят выпадами против «злобы» бояр.

В «Повести о мятеже» вмешательство Ивана IV всего заметнее сказалось в царских «речах», окрашенных личными переживаниями, а также в общей композиции рассказа. Царь не дал переписчику возможности дописать до конца последний изготовленный лист Царственной книги и остановил его руку посередине рассказа о болезни и выздоровлении государя.¹⁰⁷ Не зная, куда включить «Повесть», Иван IV четырежды перемещал с места на место знак переноса. В конце концов рассказ о мартовском мятеже 1553 г. попал в летописный текст за декабрь 1552 г. Дьяки не знали, как поступить с известиями за январь-февраль 1553 г., занимавшими до десятка листов. Отказ от хронологического принципа поставил их в тупик.

Композиционные недостатки «Повести о мятеже» напоминают аналогичные недостатки послания А. Курбскому. Их следует целиком отнести на счет некомпетентного, но властного вмешательства высокопоставленного публициста в летописную работу.

Существенное значение для истории опричнины имеют наряду с московскими летописными сводами местные летописцы, в особенности Псковский и Новгородские.

Псковский летописный свод 60-х гг. составлен был в стенах Псково-Печорского монастыря известным книжником Васьяном Муромцем и игуменом Корнилием. Как отмечает А. Н. Насонов, летопись проникнута резко выраженными антимосковскими настроениями.¹⁰⁸ Псковская феодальная республика утратила независимость позже других земель, всего за полвека до опричнины. Поэтому остатки старины и дух вольности не исчезли здесь окончательно ко времени опричнины. Антимосковские настроения псковской летописи объясняются не только сепаратизмом, но в еще большей мере политическими симпатиями печорских старцев. Один из авторов летописи, старец Васьян, был единомышленником и другом идеолога боярства А. М. Курбского. В своих последних записях Васьян рассказывает об ужасных предзнаменованиях, грозивших Пскову многими бедами. Среди глубокой ночи забрезжил свет и стража увидела «людей многое множество вооружени воинским обычаем». Ночные призраки медленно двигались к стенам города, отчего стражу объял «страх велик».¹⁰⁹ По-видимому, последние записи псковской летописи (а они помещены под 1567 г.) появились незадолго до похода московского царя и его опричников

на Псков в 1570 г. Предзнаменования сбылись. Псков подвергся нападению опричников. Васьян и Корнилий были казнены, после чего работа над летописным сводом прекратилась.

Новгородская вторая летопись составлена была при дворе новгородского архиепископа в Софийском доме.¹¹⁰ Летопись архиепископа Пимена представляет собой краткие погодные записи. Летописца интересуют главным образом происшествия местного значения: пожары в городе, мор, поездки софийян в Москву и т. д. В отличие от псковского свода, в новгородской летописи невозможно открыть никаких следов новгородского сепаратизма. Ее авторы неизменно лояльны по отношению к московскому правительству. В последних записях за 1569 г. летописец подробно расписывает «государев корм», коли царь поедет «в свою вотчину» Новгород.¹¹¹ Но посещение Грозного неожиданно обернулось погромом, временно прервавшим летописную работу. В летописи полностью отсутствуют записи за период между ноябрем 1569 и февралем 1570 г. После отъезда опричников работа над летописью возобновляется и получает некоторые новые черты. Прежде всего в руках нового софийского автора записи приобретают значительно более систематический характер. Краткие записи по годам уступают место поденным записям, отличающимся исключительной подробностью. Незадолго до отмены опричнины летописец, возможно, сопровождал архиепископа Леонида в Москву. Среди поденных записей за сентябрь 1571—август 1572 г. целиком отсутствуют сведения с 15 марта 1572 г. (день отъезда Леонида) до 30 мая (день его возвращения). Автор летописи за 1570—1572 гг. включил в ее текст некоторые сведения «автобиографического» порядка. Так, он записал, что 14 июля 1571 г. ездил в монастырь на Деревяницы и на другой день дал его игумену «посох черной». 5 февраля 1572 г. он служил обедню в монастыре на Лисьей горе и смотрел древний монастырский летописец.¹¹² На последней странице летописи ее автор сообщает об отъезде в Москву высшего новгородского духовенства летом 1572 г. Возможно, что после отмены опричнины летописец, занимавший какой-то официальный пост в Софийском доме, был отозван в Москву, после чего работа над летописным сводом прекратилась. Послепименовская летопись (1570—1572 гг.) представляет, пожалуй, самую ценную часть Новгородской второй летописи. Однако использование ее сильно затруднено вследствие неудовлетворительного издания этой части летописи. Поскольку ее листы были основательно перемешаны, издатели неверно датировали некоторые записи. Так, обширные записи за 10—26 июня 1572 г. они отнесли к 1571 г. и поместили вслед за записями 13 октября 1570—15 июня 1571 г. В указанных записях 10—26 июня названо имя Кирилла (архиепископ с декабря 1571 г.) и описан приезд царя в Новгород (июнь 1572 г.).¹¹³ Перемешаны и следующие записи летописца, а именно записи за 16—21 сентября 1571 г. (С. 106—107), за 30 сентября—18 октября, 10 октября—4 ноября (С. 110—111), за 25 сентября 1571—2 марта 1572 г. (С. 107—110), 14 марта 1572 г. (С. 112), 31 мая—1 июня 1572 г. (С. 112—114), 10—26 июня 1572 г. (С. 102—104), 27 июня—30 августа 1572 г. (С. 115—121).¹¹⁴

Продолжая пименовскую традицию, летописец не меняет прежнего лояльного отношения к Москве и к опричнине Грозного. Он верноподданнически называет опричнину «государевой светлостью», обходит полным молчанием события, связанные с опричным погромом, поразительно бесстрастно повествует о том, как опричники травили медведями новгородских дьяков.¹¹⁵

Послепименовский летописец, составлявший в период господства в Новгороде опричных порядков в 1571—1572 гг., сообщает множество ценных фактов относительно внутренней истории опричнины.

Источником новгородского происхождения является повесть «О приходе царя и великого князя Иоанна Васильевича в Великий Новъград и како казнил, еж оприщина и розгром именуется», сохранившаяся в нескольких редакциях.

Исследование их привело С. А. Морозова к выводу, что ранней следует считать Забелинскую редакцию повести, сохранившуюся в списке конца XVII в. (ГИМ. Собр. Забелина. № 261).¹¹⁶ Опубликованный Археографической комиссией текст повести является текстом Пространной редакции. Ее ранние списки относятся к 10—20-м гг. и середине XVII в. (Архив ЛОИИ. Кол. 238 Н. П. Лихачева. Оп. I. № 11). Сопоставление повести со сказаниями участников новгородского похода (см. гл. 15) не оставляет сомнения в том, что протограф повести появился в XVI в. и в основу его легли воспоминания очевидцев разгрома. Со временем повесть превратилась в популярное литературное сочинение и подверглась многократным переделкам, сокращениям и пр.

К числу поздних летописных сводов относится Новгородская Третья летопись, отразившая историю церковного строительства в Новгороде.¹¹⁷ В ее текст включены отдельные записи по истории опричнины. Однако хронология их сбивчива, а степень достоверности невысока.

Среди заметок, продолжающих Новгородскую Третью летопись, В. И. Корецкому удалось обнаружить небольшие летописные отрывки с известиями о времени опричнины (1565—1569 гг.). Указанные отрывки сохранились в составе поздней рукописи 1760 г. В. И. Корецкий обратил внимание на некоторое сходство отрывков рукописи XVIII в. с известиями об опричнине из краткого летописца (так называемого Костровского) XVII в. и высказал предположение, что в основе сходных статей рукописи 1760 г. и Костровского летописца лежал летописец, составленный в первой половине 1572 г. очевидцем опричнины, связанным с окружением митрополита Кирилла и выразившим антиопричные настроения московского посада.¹¹⁸ Уязвимость аргументации В. И. Корецкого в источниковедческом плане заключается в следующем. Во-первых, отмеченные сходства текстов рукописи 1760 г. и летописца XVII в. не настолько явственны, чтобы доказать прямую текстологическую зависимость памятников. Во-вторых, известия Костровского летописца являются краткими по сравнению с текстом рукописи 1760 г., из чего В. И. Корецкий, не приводя никаких доказательств, делает вывод о том, что автор Костровского летописца сократил протограф. Однако возможна и другая схема. Автор рукописи 1760 г. мог дополнить ранний текст. Особенности языка и невразумительность «опричных статей» свидетельствуют в пользу второй схемы. Пояснения насчет доносчиков («ушников») не оставляют сомнений относительно времени их составления: «А все слушал царь ушников, или фискалов по немецкому зовему».¹¹⁹ Нетрудно установить источники, которые использовал автор при составлении в 1760 г. «опричных статей». «Царь же присоветова с вискалы своими сына своего в Москве судить. ... Он же, дятка князь Никита Федорович, вскочил необычно, ухватил платье дорогое, по случаю в то время платья просушивали» и пр.¹²⁰ Далее автор излагал широко известную в XVIII в. историческую песню о суде над сыном Грозного. Однако составитель «опричных статей» был так плохо осведомлен о времени царя Ивана, что ошибочно именует боярина Никиту Романовича «князем Никитой Федоровичем». В лучших записях фольклорных песен XVIII в. имя боярина названо правильно. Те же фольклорные мотивы находим в описании похода войск мифического «Селиз-Алтана» под Астрахань: «...прислал войска своего турецкой 250 000 ... да и каторг 150 000» и пр.¹²¹

В рукописи 1760 г. отсутствует перечень митрополитов, включенный в состав Костровского летописца XVII в. При царе Иване, значится в Костровском летописце, «быша пять митрополитов: Даниил, Макарей, Афанасей, Филипп чудотворец и новый исповедник Кирилла чудотворец».¹²² Автор приведенных строк едва ли мог быть современником Грозного, поскольку он не знал, что после Даниила был митрополит Иоасаф, а после Кирилла — еще два митрополита. Кроме того, он называл Филиппа чудотворцем («мощи» Филиппа Колычева были торжественно перенесены в кремлевский Успенский собор в 1652 г.). Последним в списке митрополитов назван Кирилл, из чего В. И. Корецкий за-

ключил, что летописец был составлен вскоре после смерти Кирилла «в промежутке времени от 8 февраля 1572 г. до мая 1572 г. современников и очевидцем опричнины».¹²³ Приведенное мнение сомнительно даже применительно к кратким известиям об опричнине, включенным в Костровский летописец. Однако В. И. Корецкий распространяет полученную датировку на «опричные статьи» рукописи 1760 г., не имеющей никакого отношения к анализируемому списку митрополитов.

Реконструкция «опричного летописания» позволила В. И. Корецкому категорически отвергнуть наш вывод о том, что опричнина положила конец летописанию. Прекратилось официальное летописание, пишет В. И. Корецкий, а неофициальное продолжало вестись и «надо думать, что со времени опричнины в обстановке обострения классово-борьбы оно даже активизировалось».¹²⁴

Вывод об активизации летописания в связи с опричниной не согласуется с фактами. Гипотетический «опричный летописец» В. И. Корецкого, включающий несколько десятков строк, не меняет существа дела. Едва ли можно сомневаться в том, что неофициальное летописание продолжало существовать. Но пример Псковской летописи с полной очевидностью свидетельствует, что опричный террор воздействовал на неофициальное летописание так же губительно, как и на официальное. В каком соотношении между собой находились указанные виды летописания? Объединение земель в рамках единого государства привело к упадку местной летописной традиции и одновременно к неслыханному расцвету московского официального летописания. Своды времен Грозного насчитывали много тысяч листов и отличались исключительной полнотой и документированностью. Положив конец московскому официальному летописанию, опричнина погубила главный ствол русского летописания. Понадобились многие годы, прежде чем обществу удалось создать новые своды, подобные Новому летописцу или Пискаревскому летописцу.

Пискаревский летописец был составлен в Москве после Смуты. Исследовав рукопись этого памятника, М. Н. Тихомиров датировал ее 1620—1630-ми гг. Однако Т. В. Дианова более тщательно исследовала водяные знаки рукописи и датировала ее 1640—1646 гг.¹²⁵ Вопрос о значении и степени достоверности этого источника вызвал разногласия в литературе. О. А. Яковлева считала, что в основе летописца лежат воспоминания какого-то московского приказного человека и что это — воспоминания очевидца, охватывающие период с конца 30-х гг. XVI в. до 1612—1615 гг.¹²⁶ М. Н. Тихомиров показал, что записи Пискаревского летописца за указанный период слишком разнородны по стилю и политической направленности, а следовательно, не могут быть приписаны одному автору.¹²⁷ Исследователь охарактеризовал как «воспоминания москвича» лишь записи о времени царя Василия Шуйского. В качестве автора воспоминаний и летописной компиляции М. Н. Тихомиров назвал московского печатника (может быть, Н. Ф. Фофанова). И. Б. Греков пришел к заключению, что автором Пискаревского летописца был архиепископ Арсений Елассонский.¹²⁸

Я. Г. Солодкин значительно уточнил историю составления Пискаревского летописца в первой четверти XVII в. и предположительно атрибутировал его московскому дьяку Н. Перфирьеву. Как и М. Н. Тихомиров, Я. Г. Солодкин ставит под сомнение достоверность известий летописца об опричнине. Используя краткий летописец за 1533—1574 гг., компилятор, по наблюдению Я. Г. Солодкина, обращался (преимущественно в повествовании о царствовании Грозного) и к устным источникам, отчего многие его свидетельства носят легендарный характер.^{128-а} Проверка данных позволяет уточнить эту оценку.

По летописи, в 7077 г. царь Иван сослал В. Старицкого в Нижний Новгород, затем вызвал его на Богану и там опоил зельем вместе с женой и дочерью.¹²⁹ Факт ссылки Старицкого в Н. Новгород засвидетельствован Разрядами и записками очевидцев.¹³⁰ Современники И. Таубе и Э. Крузе утверждали, будто

со Старицким были казнены четверо его детей.¹³¹ По Курбскому, погибли сыновья князя Владимира.¹³² Значительно более достоверны сведения Пискаревского летописца, совпадающие с источником документального происхождения, синодиком опальных Грозного.¹³³ Пискаревский летописец оказывается единственным источником (помимо синодика), в котором точно названо место казни князя В. А. Старицкого. Согласно Пискаревскому летописцу, царь передал сыну Старицкого Василию Дмитровский удел. Этот факт подтверждается кирилло-белозерским летописцем XVI в.¹³⁴

В Пискаревском летописце указана дата погребения Е. Старицкой (7078), не вызывающая сомнений. Рассказ летописца о казнях в Москве верно датирован (7078) и в деталях совпадает с описаниями современников. Сведения о казни 120 человек подтверждаются как синодиком опальных, так и свидетельством очевидцев казни.¹³⁵

Среди записей летописца легендарными представляются сведения об отравлении царицы М. Черкасской и убийстве Василия Старицкого после пожалования ему Дмитрова.¹³⁶

М. Н. Тихомиров подвергает сомнению сведения Пискаревского летописца о «другой» казни на Москве в год воцарения Симеона Бекбулатовича.¹³⁷ Но сопоставление этих сведений с синодиком, основанным на подлинных документах опричного архива, устраняет сомнения в осведомленности автора летописи. Центральной фигурой крупнейшего политического процесса середины 1570-х гг. был, по данным Пискаревского летописца, новгородский архиепископ Леонид. Летописец и синодик приводят примерно одинаковый список лиц, казненных по второму новгородскому «изменному» делу, хотя

Синодик опальных

Князя Петра Куракина, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никиту Борисова... протоп, подьячих 3 человека, простых 3 человек... Протасия Михайлов Юрьев.¹³⁸

Пискаревский летописец

Положи царь опалу на многих людей... боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьева, владыку Наугородицкого, протоппа Архагенского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, и иных многих казниша.¹³⁹

летописец допускает ошибку в определении времени суда. Вопреки данным летописи, Леонид умер в опале в тюрьме за месяц до описанных казней.¹⁴⁰

Среди всех летописных источников Пискаревский летописец дает наиболее полные и в целом достоверные сведения о казнях второго новгородского процесса.

Составители Пискаревского летописца использовали разнообразные источники. Так, они сделали подробные выписки из московской официальной летописи 1533—1564 гг.¹⁴¹ Доступ к официальным летописям периода опричнины авторы Пискаревского летописца едва ли имели.¹⁴² Но они могли справляться с краткими Разрядными книгами, сообщавшими сведения о походах, строительстве крепостей и т. д.

По мнению О. А. Яковлевой и М. Н. Тихомирова, Пискаревский летописец был составлен в кругах, близких к роду князей Шуйских.¹⁴³ Это обстоятельство придает источнику особую ценность. Летописец оказывается одним из немногих памятников периода опричнины, передающих традицию земского происхождения. Авторы его крайне враждебны по отношению к опричнине, которая, по их словам, была введена «по злых людей совету» и явилась наказанием «за грехи наши».¹⁴⁴

Большое значение для исследователя истории опричнины имеет эпистолярное наследие XVI в., включавшее письма Андрея Курбского, Ивана Грозного и других лиц.

Послания Курбского к старцу Васьяну подробно исследованы нами и датированы в специальной статье.¹⁴⁵ Основные выводы ее сводятся к следующему.

1) Издатель посланий Курбского Г. З. Кунцевич положил в основу своей публикации беляевский список первых двух посланий (ГБЛ. Собр. Беляева. № 55/1549. Скоропись XVII в.).¹⁴⁶ В действительности беляевский список является сокращенной и притом поздней редакцией посланий. Наиболее древний и самый полный текст посланий Курбского содержится в Соловецком сборнике конца XVI — начала XVII в. (ГПБ. Собр. Соловецкого монастыря. № 962/852. Скоропись начала XVII в.).¹⁴⁷ Соловецкий список передает ряд подробностей, исключительно важных для верной датировки двух первых посланий в Печоры. Текст третьего послания Курбского наиболее точно передан в Погодинском сборнике начала XVII в. (ГПБ. Собр. Погодина. № 1567. Скоропись XVII в.). Исключительно интересен комплекс документов, составляющих непосредственное окружение третьего послания. Это записка Курбского в Юрьев, его послание Васьяну и царю (из Вольмара), письма Тетерина и Полубенского из Литвы в Юрьев, ответ царя Курбскому.

2) В литературе высказывались мнения, что все три послания Васьяну были написаны Курбским в эмиграции.¹⁴⁸ Я. С. Лурье считает, что два последних послания были составлены после побега автора в Литву, а первое — до его отъезда.¹⁴⁹ Противоположной точки зрения придерживается английский исследователь Н. Е. Андреев, по мнению которого Курбский написал все три послания в Печоры в бытность свою в Юрьеве между декабрем 1563 и апрелем 1564 г.¹⁵⁰

3) Детальная критика источника позволяет уточнить датировку посланий Курбского. В тексте Соловецкого списка содержатся прямые указания на время составления первых двух из них. В начале 1563 г. А. Курбский участвовал в осаде Полоцка, после чего боярина постигла царская опала. На смотре в Великих Луках 7 марта 1563 г. он был назначен воеводой в Юрьев Ливонский сроком на год с вербного воскресенья, т. е. с 3 апреля 1563 г.¹⁵¹ По пути к месту назначения боярин останавливался в Пскове и Печорах, там беседовал с Васьяном и, по-видимому, нашел в нем единомышленника. Вскоре Васьян прислал юрьевскому воеводе церковные книги, по случаю чего завязалась переписка. В первом послании к печорскому старцу боярин писал: «Книга, глаголемая Раиская... от ваша святости к рукам моим пришла и некая уже от словес в ней смотрел есми».¹⁵² Летом 1563 г. Васьян ответил Курбскому, а этот последний написал ему свое второе послание. В нем он уведомил адресата о получении книг и заемного счета. «Писанице твое, любвию помазанное, дошло до меня, а книгу и Герасимово житие и счет летом привезли же ко мне».¹⁵³ Все эти подробности, сохраненные Соловецким списком, крайне важны для точной датировки посланий Курбского. Они доказывают, что первое из них было написано никак не позднее лета 1563 г., а второе — не ранее осени того же года, т. е. в последние месяцы пребывания Курбского в Юрьеве. Второе послание содержало слишком откровенную критику действий царя и высшего духовенства, поэтому оно не было отправлено адресату до бегства боярина за рубеж.

Значительное место в первых посланиях Курбского Васьяну занимали догматические вопросы, в частности вопрос о подлинности пятого (Никодимова) евангелия. (Сам автор назвал позже свое второе послание в Печоры «вторым посланицем против всего пятого евангелия».)¹⁵⁴ Ничто во втором послании не указывало на какие-либо перемены во внешнем положении автора. Вследствие этого нельзя согласиться с мнением Я. С. Лурье, будто Курбский написал второе послание после бегства из России. По всей вероятности, названное сочинение появилось под непосредственным впечатлением жестокой казни бояр в Москве 31 января 1564 г.¹⁵⁵

Третье послание Васьяну не было простым продолжением завязавшейся переписки. По содержанию и тону оно резко отличается от первых двух. В нем не нашлось места догматическим вопросам. Третье послание Васьяну сходно с посланием того же автора царю из Вольмара, датироваемым маем 1564 г. Многие

места посланий производят впечатление перефразировки одного и того же текста.

Текстологическая близость названных посланий с очевидностью свидетельствует о том, что оба они писались под влиянием одних и тех же событий, в одно и то же время.

Точная датировка трех посланий Курбского печорским монахам позволяет по-новому прочесть многие страницы этого любопытного памятника и расшифровать заключенные в нем политические иносказания.

Исключительный интерес для истории опричнины представляет Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. В последние десятилетия осуществлены две публикации: «Послания Ивана Грозного» (1951) и «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским» (1979). Причиной исключительного интереса к указанным памятникам явилась дискуссия об аутентичности Переписки, развернувшаяся после издания книги профессора Гарвардского университета Э. Кинана. Выполнив обстоятельное текстологическое исследование, Э. Кинан заключил, что Переписка подложна. Почти все утверждения, даже самые маловажные, ученый сопровождает словами «по-видимому», «может быть» и пр. Но пирамида тщательно оговоренных гипотез и предположений служит основанием для весьма решительных выводов. Самое название книги квалифицирует Переписку как апокрифическое сочинение, якобы принадлежащее Грозному и Курбскому. Подзаголовок книги звучит еще более категорично: «История составления в XVII веке „корреспонденции“, приписываемой князю Курбскому и царю Ивану IV».¹⁵⁶

Э. Кинан обнаружил текстуальное сходство в первом послании Курбского и в сочинениях некоего монаха Исайи. Это открытие стало главным в системе доказательств подложности переписки Грозного и Курбского. Не случайно вопрос о текстологических связях «Исайя — Курбский» превратился в центральный вопрос мировой дискуссии.

История Курбского и Исайи вкратце такова. Православный литовский монах Исайя, родом из Каменец-Подольска, приехал на Русь из Литвы летом 1561 г. По его собственным словам, цель поездки сводилась к тому, чтобы пополнить в Москве некоторые переводы церковных книг. Исайя появился на Руси одновременно с греческим митрополитом Иоасафом, посланцем константинопольского патриарха к царю. Грек будто бы и стал виновником злоключений литовского монаха. По его доносу московские власти арестовали Исайю и заточили в тюрьму сначала в Вологде, а потом в Ростове.

В тюрьме Исайя написал несколько посланий, одно из них — «Плач» — точно датировано 1566 г. Э. Кинан обратил внимание на совпадение одной фразы в «Плаче» Исайи и первом послании Курбского царю и сделал вывод о том, что первое из сочинений явно повлияло на второе. Аналогичное влияние на послание Курбского (согласно гипотезе Э. Кинана) оказало другое письмо Исайи («Жалоба»), которое не имеет даты, но, по Э. Кинану, может быть отнесено к тому же 1566 г. Андрей Курбский определенно написал свое первое письмо к царю в 1564 г. Поскольку он не мог заимствовать текста из писем, написанных два года спустя, значит (делает вывод Э. Кинан), «письмо Курбского» было написано кем-то другим.

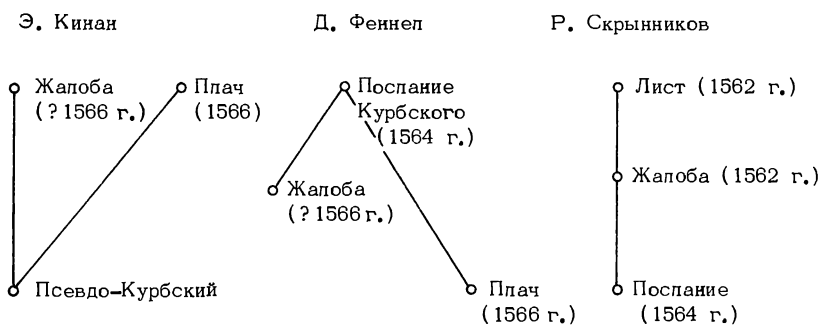
Конечный вывод Э. Кинана сводится к тому, что подлинным автором переписки был малоизвестный русский писатель С. И. Шаховской, затеявший мистификацию в 20-х гг. XVII в.¹⁵⁷

Дискуссия, начавшаяся после выхода в свет книги Э. Кинана в 1971 г., приобрела широкие масштабы. В ней приняли участие ведущие специалисты Старого и Нового Света. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в 1972 г. опубликовал обстоятельную статью Д. С. Лихачева с критическим разбором аргументации Э. Кинана, а в 1973 г. — нашу книгу, специально посвященную парадоксам американского исследователя.¹⁵⁸ Свое отношение к открытию

Э. Кинана выразили ученые самых разных школ и направлений. К 1974—1975 гг. спор в основном исчерпал себя. К выводу о несостоятельности основного тезиса Э. Кинана пришли Д. Феннел и Н. Андреев (Англия), А. Каппелер (ФРГ), Н. Россинг и Б. Рённе (Дания), М. Шефтель (США) и другие ученые.¹⁵⁹

Известный славист проф. Д. Феннел из Оксфордского университета в 1975 г. в рецензии на нашу книгу впервые четко определил свое отношение к концепции Э. Кинана и подвел итог многолетней дискуссии в таких выражениях: «Что остается сделать? Есть ли какая-нибудь необходимость ученым представлять еще дальнейшие доводы, чтобы опровергнуть тезис Кинана? По-видимому, невероятно, чтобы кто-либо, внимательно изучивший труд Скрынникова, стал сторонником гипотезы Кинана или поставил под вопрос аутентичность сочинений, традиционно приписываемых Курбскому и Ивану. Однако имеется еще целый ряд нерешенных вопросов».¹⁶⁰

Нерешенные вопросы, упомянутые Д. Феннелом, носят частный характер и связаны главным образом с задачей наилучшего объяснения соотношения текстов «Исайя — Курбский». Можно выделить три основных стеммы.

Приведенные стеммы обнаруживают кардинальные различия в решении проблемы взаимоотношения исследуемых текстов.¹⁶¹

Даже поверхностное знакомство с текстовыми совпадениями сочинений Исайи и Курбского позволяет заметить, что эти совпадения весьма различны по своему объему, характеру и происхождению. Поэтому каждое из них требует специального анализа, невозможного без исследования переписки Исайи (и писем Курбского) в комплексе.

Наличие комбинации из пяти фраз и фрагментов, а равно наличие биографической информации в сходных местах «Жалобы» и Послания полностью исключают возможность случайного совпадения. Что касается «Плача», то тут сходство исчерпывается одной неполной фразой, которая представляет собой богословскую цитату. В этом случае вывод о литературном заимствовании нельзя считать ни очевидным, ни доказанным.

Начнем анализ с наиболее четкой и несомненной текстуальной связи. Согласно точке зрения Э. Кинана, Курбский списал компактный текст послания Исайи, условно названный «Жалоба». Д. Феннел и А. А. Зимин отстаивают противоположное мнение.

Уже Э. Кинан отметил своего рода ритмическую организацию текста послания Курбского. Речь идет о речитативе, которым на Руси пользовались (вопреки мнению Э. Кинана) не только в XVII в., но и в другие периоды.¹⁶² К примеру, при Грозном таким стилем говорили иногда приказные дельцы. Согласно наказу Посольского приказа, русские послы в Польше должны были обличать Курбского в таких выражениях: «...и землю православную воевал еси! Да и на государя саблю подымал еси! И изменивши грамоту государю невежливо писал еси!».¹⁶³ Аналогичный речитатив имеется и в письме Курбского: «...про что, царю, сильных... побил еси! И воевод... расторгл еси!.. кровь

их... проливал еси!» и пр. Однако внутри речитатива есть тексты, лишенные ритмики. Поскольку неречитативные отрывки Курбского совпадают с аналогичным текстом Исайи, Э. Кинан имел известное основание предположить, что они являются чужеродным элементом в речитативном авторском тексте Курбского.¹⁶⁴ Наблюдение Э. Кинана А. А. Зимин отводит с помощью такого аргумента: «На это можно ответить следующим образом. Прежде всего — часть общего текста падает и на те разделы, в которых Э. Кинан отмечает ритмическое построение («неподобными облыгая», «неподобными... оболгал»)¹⁶⁵ Аргумент А. А. Зимина нуждается в коррективах. Дело в том, что отмеченный А. А. Зиминим текст следует непосредственно за «рифмованным» текстом, нарушая рифму. «Про что, царю, — причитает Курбский, — сильных... побил еси; и воевод... расторгл еси... кровь их... проливал еси... кровью праги... обагрил еси; на доброхотных... умыслил еси». Следующая фраза (сходная с текстом Исайи) отступает от принятой рифмы: вместо «православных облыгал еси» Курбский написал «неподобными облыгая православных». (У Исайи — «неподобными... мене оболгал»). По мнению А. А. Зимина, Исайя мог, используя текст Курбского, опустить речитатив из-за его явной биографичности, или же у двух авторов мог быть один источник.¹⁶⁶ Но подобные указания на различные возможности менее удачны, чем конкретное наблюдение Э. Кинана.

Еще один аргумент А. А. Зимина относится к сходной фразе о пролитии крови.

«Жалоба» Исайи
...и кровь моя, яко вода, пролитая
туне, вопиет к Богу моему...

Послание Курбского
И кровь моя, яко вода, пролитая
за тя, вопиет на тя к Богу моему.

Э. Кинан услышал во фразе Исайи отчетливое звучание Ветхого завета в отличие от банального употребления той же фразы у А. Курбского. Д. Феннел оспорил такую интерпретацию и предложил слово «туне» отнести не к слову «пролитая», а к слову «вопиет».¹⁶⁷ Эта поправка, однако, кажется не очень удачной. Следуя интерпретации Д. Феннела, Исайя адресует упрек Богу (его кровь даром, напрасно вопиет к Богу), а не тем, кто пролил его кровь (подобно даром пролитой воде).

Проанализировав те же отрывки с точки зрения перестройки грамматических форм, А. А. Зимин отвел аргумент Э. Кинана насчет алогичности фрагмента у Курбского. Но такой упрек в алогичности неприменим и к Исайе.

Свои конкретные текстологические наблюдения А. А. Зимин заключил следующим выводом. «Словом, — пишет он, — в настоящее время нет никаких прочных оснований для утверждения о том, что Курбский использовал текст „Жалобы“ Исайи. Зато обратное соотношение текстов весьма вероятно».¹⁶⁸

Отдавая должное остроумию подобного рода текстологических наблюдений, следует подчеркнуть их уязвимую сторону. Реконструируя воображаемый процесс литературных заимствований, каждый автор следует своим собственным, в достаточной мере субъективным представлениям о «звучании» тех или иных фраз, более или менее «удачном» или «уместном» употреблении цитат, грамматических особенностях сходных текстов (при отсутствии четких правил тогдашней грамматики). Необходимым условием любого текстологического эксперимента, имеющего целью реконструкцию процесса литературного заимствования, должна быть предварительная источниковедческая критика, по возможности исчерпывающего характера.

Э. Кинан выдвинул гипотезу, согласно которой Исайя, вероятно, написал «Жалобу» в 1566 г. После многолетней дискуссии Д. Феннел вернулся к этой гипотетической дате, которую он (как и Э. Кинан) сопровождает неизменным знаком вопроса.

Специальный источниковедческий анализ переписки Исайи позволяет более точно датировать «Жалобу».

Письма Исайи (пять текстов) отложились в рукописном сборнике (Q XVII. 70), хранящимся в Государственной публичной библиотеке в Санкт-Петербурге. Упомянутые тексты можно условно назвать так: 1. «Послание» (1567 г.); 2. «Плач» (1566 г.); 3. «Жалоба»; 4. «Объяснение»; 5. «Предсказание». По словам Э. Кинана, все пять названных текстов являются отдельными произведениями, написанными в разное время, различными стилями и для различных целей.¹⁶⁹

Текстологический анализ ставит под сомнение вывод Э. Кинана, согласно которому три последних текста Исайи (№ 3 — 5) являются отдельными произведениями, написанными в разное время. Они графически не отделены друг от друга так, как разделены между собой разновременные письма Исайи в той же рукописи.

В «Жалобе» Исайя объяснял причины своей опалы в Московской земле, в «Объяснении» доказывал, что его поездка имела благочестивые цели (он ненадолго приехал за церковными книгами), в «Предсказании» утверждал, будто беды, случившиеся с ним по приезде в Москву, были предсказаны еще в бытность его в Вильне. Итак, три фрагмента (№ 3 — 5) объединены одной темой. Эта тема — поездка Исайи в Россию, приведшая его к заключению в тюрьму. Из этих трех текстов только первый (№ 3) имеет перед собой заголовок, который гласит: «Того же мниха каманчанина». Ни первый (№ 3), ни второй текст (№ 4) не имеет традиционной (особенно для лица духовного) концовки («Аминь»), тогда как третий текст (№ 5) ее имеет. Итак, три отрывка объединены общим заголовком и общей концовкой. Кроме того, они построены по единому, как бы летописному плану. Материал их организован вокруг трех дат:

1) «Жалоба»: «...от рождества Христова 1561 августа 1 в земли Московско́й помыслил (Иоасаф. — Р. С.) злая мне...»¹⁷⁰

2) «Объяснение»: «Того же року 1561 юлия жадание мое и важность мою для книги... на малый час в не нашу землю Московскую...»¹⁷¹

3) «Предсказание»: «В... месте Виленском року 1560 юлия некто Философ... возревши на лице мое, изрек ми настоящую всю беду мою...»¹⁷²

Отметим, что автор называет год в «Жалобе», а в «Объяснении» пишет «того же року». Он не мог бы написать так, если бы «Объяснение» не было непосредственным продолжением «Жалобы».

Итак, первый наш вывод сводится к тому, что три текста (№ 3 — 5), в рукописи не разделенные, составляли единое послание Исайи. Попытаемся выяснить, при каких обстоятельствах оно было составлено.

Миссия Исайи в Москву преследовала культурные цели. Примерно за год до его поездки православные магнаты О. Волович и М. Гарабурда пытались заполучить у московского дьяка И. Висковатого «Евангельские беседы» Иоанна Златоуста в переводе Максима Грека. Дьяк пообещал книгу, но предупредил, что для ее переписки потребуется много времени. В июле 1560 г. Исайя стал готовиться к поездке в Москву. Литовские власти включили в состав его миссии «многоученого хлопца», умудренного в грамматике, который и должен был списать книгу в Москве. Но уже в июле 1560 г. некий философ предсказал Исайе печальный исход его миссии (текст «Предсказание»).

За историей текстов скрывается история людей. А. А. Зимин предпринял новую попытку объяснить злоключения, постигшие Исайю в русской столице. «Судьба дьякона Исайи, — пишет исследователь, — не представляется загадочной». После перехода русской границы литовский дьякон донес местным властям на спутника — греческого митрополита Иоасафа, присягнувшего в Литве королю. Грек стал злейшим врагом Исайи, который успел восстановить против себя также и московское духовенство. В России «Исайя прежде всего интересовался произведениями враждебных иосифлянам Максима Грека и Силуяна. Это, конечно, было не по нраву руководству русской церкви». К тому

же, продолжает А. А. Зимин, попутчик Исайи греческий митрополит Иоасаф привез послание патриарха против лютеров: «А поскольку и в России еще слышались отзвуки реформационного движения (в 1563 г. в Полоцке сожгли последователей Феодосия Косого), кляузного дьякона заточили, отправив сначала в Вологду, а затем в Ростов „за слово Христово“». ¹⁷³

Как кажется, ссылка на лютеров не помогает объяснить дело. Исайя был непричастен к лютеранской ереси. Равным образом, сожжение еретиков в Полоцке через полтора года после ареста Исайи, очевидно, не могло иметь никакого отношения к его судьбе.

Можно ли объяснить пожизненное заточение Исайи его интересом к сочинениям Максима Грека? Они свободно распространялись по России и их имели в своих библиотеках многие монастыри и многие образованные люди (укажем на Печорский монастырь и на библиотеку Курбского). Ортодоксальность этих сочинений едва ли ставилась под сомнение.

По-видимому, обвинения против Исайи носили несравненно более серьезный характер.

Причины тридцатилетнего пленения Исайи были таковы, что он предпочел уклониться от любых объяснений по существу дела. Узник получил надежду на освобождение в конце Ливонской войны. В марте 1584 г. он был призван во дворец, и Грозный беседовал со своим пленником в присутствии Боярской думы. По утверждению Исайи, его освобождению помешала тогда война и смерть царя. Но эти слова далеки от правды. Исайя был вызван к царю, когда русско-польская война закончилась и литовско-польские представители явились в Москву с требованием об освобождении всех пленных. Грозный прожил два года после заключения мира. Но Исайя так и не был освобожден. Неизвестно, предпринимало ли литовское правительство какие-либо меры к вызволению Исайи до смерти Грозного. Однако едва царь умер, как литовцы предприняли энергичный демарш в Москве. В июле 1585 г. литовский посол Лев Сапега обратился к Боярской думе с особым ходатайством об Исайе и получил заверения, что ответ будет дан ему позже. Посол возобновил свое ходатайство 1 июля, но и на этот раз ничего не добился. ¹⁷⁴ Запоздалая забота литовского правительства о своем подданном так и не принесла успеха.

Литовское правительство приступило к подготовке миссии Исайи в то время, когда влиятельные силы в Москве и Вильне пытались предотвратить столкновение двух государств. К лету 1561 г. стало очевидно, что эти попытки потерпели полную неудачу. Литовская армия перешла русскую границу и после пятидневной осады захватила один из замков в русской Ливонии. С началом военных действий в Ливонии миссия Исайи утратила какие бы то ни было шансы на успех. Тем не менее литовское правительство снабдило Исайю богатыми подарками для Грозного, многими купеческими товарами и переправило его через границу в свите греческого митрополита, направлявшегося из Константинополя в Москву. В условиях военного времени Исайю должны были вернуть обратно в Литву из первой же русской пограничной крепости. Но дьякон объявил, что вышел «на государское имя», что везет почтенные дары (злато, бисер, дорогие камни) царю Ивану, и, чтобы окончательно завоевать доверие московитов, подал донос на грека митрополита. ¹⁷⁵ Таким образом ему удалось попасть в русскую столицу, где в то время происходили важные события.

15 января 1562 г. в Москве был арестован боярин князь И. Д. Бельский. Глава Боярской думы — высшего государственного органа России был изобличен в изменнических связях с литовским правительством. На его дворе нашли охранную грамоту на въезд в Литву за подписью короля Сигизмунда и подробную роспись дороги до литовского рубежа. ¹⁷⁶ По времени арест литовского подданного Исайи в Москве довольно точно совпал с раскрытием измены Бельского, ибо ранее июля 1562 г. монаха доставили в далекую Вологду к месту заточения. По-видимому, совпадение не случайно.

Миссия Исаяи была задумана как культурно-торговое предприятие. Но она была загублена в обстановке противоборства и войны. В феврале 1561 г. последний дипломатический агент литовского правительства покинул Москву. Спустя несколько месяцев граница окончательно закрылась из-за военных действий. Все это затруднило литовскому правительству сношения с боярской оппозицией в Москве, ввиду чего оно и решило использовать Исаяю для продолжения интриги. Примечательно, что Исаяю снарядили на Русь литовские сановники О. Волович и Г. Ходкевич. Первый из них спустя год-два участвовал в тайных переговорах с Курбским, завершившихся его бегством в Литву. Г. Ходкевич через несколько лет пытался снова завязать сношения с Бельским. Жестокое наказание Исаяи в Москве явилось, по-видимому, следствием его причастности к тайным интригам литовского правительства против царя.

Официальные литовские власти не осмелились открыто заступиться за своего подданного. Но они попытались завязать тайные сношения с ним после его заточения в вологодскую тюрьму.

В рукописном сборнике Q XVII. 70 вслед за тремя текстами Исаяи (№ 3 — 5) помещен «Лист» неизвестного, адресованный Исаяе.

Автор «Листа» пожелал остаться анонимным. Во всяком случае, он знал Исаяю и рассчитывал на его доверие. Видимо, это был иноземец. «Лист» заканчивался словами: «Писано року 1562 юлия в земли Московской на Вологду».¹⁷⁷ Московский человек едва ли мог сказать «писано в земли Московской», и он иначе датировал бы письмо: на Руси вели счет от сотворения мира, а не от рождения Христова.

Предположение о том, что автор «Листа» был соотечественником Исаяи, подкрепляется тем фактом, что в ответе «брату» Исаяя выставляет себя литовским патриотом и верным подданным короля. Далекую родину он называет не иначе как «Новым Израилем», «нашим великим государством Литовским», столицу Вильну — «преславным и прекраснейшим местом». Стиль Исаяи становится возвышенным, когда он пишет о короле: «...в наше преславнейшее и превысочайшее государство Литовское в державу нашего преславного и великого христианского государя милостивого краля Сигизмунда Августа». Очевидно, Исаяя мог писать так лишь земляку-литовцу.

Автор «Листа» сообщил Исаяе, что его посетит некий «брат»: «И ты, Бога ради, во всяких словесах (во вопросах и ответах) прими его яко мою душу... а яж о нас вся ти скажет». Ради сохранения секретности покровители Исаяи поручили своему посланцу объясниться с ним устно.

«Лист» неизвестного к Исаяе имеет исключительно важное значение с точки зрения датировки Послания Исаяи с текстом «Жалобы». Обратим внимание на следующее текстуальное совпадение в «Листе» и в Послании:

«Лист» (1562 г.)

Иже словеси ради истинного во
юзах страждущему мниху Исаяе.

Послание Исаяи (без даты)

Днесь аз в темницы, и слова ради
истинного Христова во юзах яко злодеи
зле стражу.

Можно ли предположить, что неизвестный литовский автор и его адресат Исаяя написали отмеченную фразу независимо друг от друга? Такое предположение следует признать невероятным. Близкие фразы не были трафаретной богословской цитатой. Они заключали в себе исключительно важную биографическую информацию.

Составитель «Листа» подсказывал Исаяе единственную возможную для него линию защиты. Он обращался не к лазутчику и шпиону, а к борцу за православную веру, незаконно посаженному в тюрьму. В этом тезисе заключалась единственная возможность вызволить Исаяю из тюрьмы, а также оградить от преследований «брата» в случае, если он попадет (вместе с «Листом») в руки московских властей.

Обращение литовских покровителей звучало как своего рода пароль. Исаяя повторил этот пароль в первых строках ответного письма. Линия защиты проведена через все части письма Исаяи: в «Жалобе» он сообщает, что попал в московскую тюрьму по доносу грека Иоасафа (на самом деле грек стал жертвой доноса Исаяи); во второй части («Объяснении») монах клянется, что поехал в Москву с благочестивыми целями — за православными книгами.

Самым существенным является то, что «Лист» неизвестного имеет точную дату — «июль 1562 г.». На границах шла кровопролитная война. Исаяя не мог медлить с ответом. Он должен был написать ответное послание сразу после получения «Листа», датированного 1562 г. Если бы прибывший в Вологду лазутчик уехал с пустыми руками, Исаяя лишился бы возможности переслать ответ своим литовским покровителям.

О. Волович и другие чиновники, снарядившие Исаяю в Москву, участвовали через год-два в тайных переговорах с Курбским, завершившихся бегством последнего в Литву. Исаяя принадлежал к тому же кругу ревнителей православия в Литве, что и русские эмигранты Тетерин, Сарыхозин, позже Курбский. Литовские власти использовали услуги этих лиц для тайных сношений со своими сторонниками в России. Понятно, что письмо Исаяи должно было попасть в их руки, после чего с ним познакомился Курбский.

Итак, парадокс Курбского получает простейшее объяснение. Исаяя получил «Лист» в 1562 г. и тотчас же ответил на обращение своих литовских покровителей. Курбский сделал заимствования из письма Исаяи в 1564 г.

Вернемся теперь к рукописному сборнику, сохранившему переписку Исаяи. В сборнике скопированы одно за другим следующие письма монаха: 1) «Символ веры» — послание Исаяи из Ростова, точно датировано — май 1567 г.; 2) «Плач» — написан в Ростове в марте 1566 г.; 3) «Послание» («Жалоба» и др.) — 1562 г.; 4) Лист к Исаяе на Вологду (июль 1562 г.).

Нетрудно заметить, что письма Исаяи были скопированы в обратном хронологическом порядке. Как это объяснить? Очевидно, переписчик скопировал стопу писем Исаяи в перевернутом виде, поскольку последнее письмо было самым свежим и самым значительным в богословском отношении, тогда как первое послание Исаяи устарело и не имело богословского содержания.

Если Исаяя написал «Жалобу» в 1566 г., то Курбский никак не мог списать большие отрывки из нее двумя годами ранее. Это рассуждение лежит в основе открытия Э. Кинана. Приведенные факты обнаруживают ошибочность этого исходного положения.

Характерно, что после выхода в свет нашей книги Э. Кинан не считал возможным оспорить мою датировку «Жалобы», хотя при этом и сделал двусмысленную оговорку: «Кроме некоторых незначительных исправлений, — писал он, — я не вижу возражений к линии рассуждений, которая приводит Скрынникова к выводу, что „Жалоба“ была написана в 1562 г., но датировка эта кажется мне далеко не доказанной».¹⁷⁸ Никаких аргументов по поводу нашей датировки «Жалобы» Э. Кинан не изложил, уклонившись от обсуждения вопроса по существу.

Я. С. Лурье считает датировку «Жалобы» 1562 г. недоказанной, но также уклоняется от обсуждения этой даты. К сожалению, его мнение страдает очевидным противоречием. С одной стороны, исследователь утверждает: наиболее вероятно «влияние Курбского на сочинение Исаяи»; с другой стороны, замечает, что «Жалоба» могла быть написана между 1561 и 1564 г.¹⁷⁹ Непонятно, как письмо Курбского 1564 г. могло повлиять на «Жалобу», сочиненную в 1561 — 1564 гг.?

А. А. Зимин попытался уточнить датировку «Жалобы». «В „Листе“, — пишет он, — с «Жалобой» Исаяи совпадает лишь определение адресата как страдальца. Это делает вероятным скорее, что автор («Листа». — Р. С.) пользовался «Жалобой», а не наоборот».¹⁸⁰ Допустим, что автор «Листа» (1562 г.)

использовал текст «Жалобы», а следовательно, «Жалоба» появилась на свет ранее 1562 г. Как согласовать эту дату с общим заключением А. А. Зимина, которое гласит: «В настоящее время проблема соотношения текстов произведений Исаяи и Послания Курбского не может считаться окончательно разрешенной. Чаша весов склоняется в пользу того, чтобы признать Послание Курбского источником произведений Исаяи, хотя полностью отвергнуть возможность существования третьего источника также нельзя».¹⁸¹

Если «Жалоба» была написана ранее «Листа» (1562 г.), то как источником для нее могло послужить послание Курбского (1564 г.)? Мы не можем согласиться с подобной аргументацией, основанной на очевидном противоречии.

Э. Кинан полагал, что псевдо-Курбский заимствовал текст не только из «Жалобы» Исаяи, но и из другого его сочинения — «Плача» (1566 г.). Д. Феннел предложил свое истолкование соотношения названных текстов.

Э. Кинан не привел текстологических аргументов относительно соотношения «Плача» и послания Курбского. Зато Д. Феннел детально разобрал тексты. Обратимся к его доказательствам.

Послание Курбского (1564 г.)

Не хотех реши вся по ряду ратные
мои дела, их же сотворил на похвалу
твою, но сего ради не изрекох, зане лутчи
един бог весть. Он бо, бог, есть всим
мъздовоздатель и не токмо сим, но и за
чяшу студеныя воды.¹⁸²

«Плач» Исаяи (1566 г.)

Чаю смерть безсмертие помышляю.
Узрю ли спекуляторский меч, небо вменияю.
И всим сим — мздовоздатель Христос
истинный бог наш, и не токмо сим,
но и за чашу студеной воды: воспомяни
убо всех от века благоугодивших богу,
коим образом уллучиша спасение.¹⁸³

Д. Феннел комментирует текстовые подобия двух источников следующим образом: почти идентичное повторение такой особенной комбинации, как «всим сим мздовоздатель» и «не токмо сим», не может считаться случайным; ясно, что один текст повлиял на другой.¹⁸⁴

Перед нами один из решающих пунктов доказательств Д. Феннела. Нетрудно заметить неточность, допущенную им в этом пункте. В действительности речь может идти не о двух, а лишь о единичном совпадении. То, что Д. Феннел принял за «особенную комбинацию», является на самом деле единой и связанной цитатой, объединенной противопоставлением: «всим сим... и не токмо сим...»

Комментируя соотношение послания Курбского и «Плача» Исаяи, Д. Феннел замечает, что в контексте письма Курбского сходные слова осмысленны и логичны, тогда как у Исаяи они имеют мало смысла либо не имеют никакого смысла, нет никакой связи между «небо вменияю» и «всим сим мздовоздатель». Не в порядке и синтаксис: в каком падеже «мздовоздатель»? И весь отрывок становится непереводаемым.¹⁸⁵ Объективные трудности перевода Исаяи, мне кажется, не столь велики, как это представляется Д. Феннелу. Слово «мздовоздатель» определенно стоит в именительном падеже и, кстати, имеет у Исаяи исконную форму («мздовоздатель») по сравнению с более поздней и искусственной формой у Курбского («мздовоздатель»). В «Плаче» Исаяи пропущен глагол-связка, но в остальном его текст немногим хуже текста Курбского. Находясь в тюрьме, Исаяя пишет, что уповает на справедливость бога: «Увижу ли мечь палача, думаю о небе: всем мздовоздатель — Христос, воздающий даже за чашу студеной воды», т. е. за любое доброе дело.

Д. Феннел заключает свой анализ следующим выводом: «Если понятность является указанием на первичность, как оно действительно должно быть в большинстве текстологических сравнений сходных текстов, тогда ясно, что версия Курбского первична, а версия Исаяи вторична».¹⁸⁶ Аргумент Д. Феннела не может быть принят из-за своей субъективности. Понятность фразы насчет «мздовоздателя» у Курбского и непонятность у Исаяи — не более чем субъективное впечатление Д. Феннела, отличное от впечатления других исследователей. Например, А. А. Зимин также произвел тщательное текстологическое

сравнение «Плача» Исайи и письма Курбского. Связь между этими текстами, утверждает А. А. Зимин, «такова, что в настоящее время нет никаких данных для решения вопроса о том, какой из них является первичным».¹⁸⁷

Расхождения в оценке заимствования сходных текстов, как мы видим, весьма значительны. Однако совершенно очевидно одно. Прежде решения вопроса о направлении заимствования надо решить другой, более важный вопрос: имел ли место факт литературного заимствования вообще?

Если взять тексты «Жалобы» Исайи и послания Курбского, тут налицо мощная текстологическая связь, подтверждающая факт заимствования. Совсем иначе обстоит дело с подобием послания Курбского и «Плача». Оба произведения достаточно велики по объему (115 и 64 строки), сходство же исчерпывается одной неполной фразой. Поскольку время составления послания Курбского (1564 г.) и «Плача» Исайи (март 1566 г.) известно, не надо обладать большой проницательностью, чтобы решить вопрос о первичности одного из этих текстов. Серьезных доказательств в этом случае требует не столько тезис о первичности сам по себе, сколько предположение о прямом текстуальном заимствовании. Необходимые доказательства, однако, не представлены. Совпадающие места «Плача» и послания не заключают в себе никакой специфической или биографической информации, к тому же они не являются абсолютно тождественными. Совпадение исчерпывается сравнительно небольшой богословской цитатой. Оба писателя обращаются к трафаретному образу справедливого Бога, воздающего мзду даже за чашу студеной воды. Опосредствованно этот образ восходит к евангельскому тексту Матфея: «еще напоит... сих чашею студены воды... не погубит мзды своя» (Матф. X, 42). Сходство единственного богословского штампа, несколько видоизмененного каждым из авторов, едва ли может служить достаточным доказательством прямого заимствования текста.

Черный дьякон Исайя, присланный в Москву для «списания» церковных книг, был достаточно искушен в богословии. Курбский не уступал ему в этом, свидетельством чего служит его переписка с ученым монахом Васьяном о подлинности Никодимова евангелия. Почему же два богословски образованных писателя должны были непременно заимствовать друг у друга фразу о Христе-мздовоздателе и чаше студеной воды? В соответствии с литературными канонами своего времени не только духовные, но и светские писатели обильно оснащали свои писания ходячими богословскими цитатами и стихами, которые они знали наизусть и постоянно держали на кончике пера. Образованные люди средневековья могли цитировать приличные случаю тексты большими отрывками. Почему же Исайя и Курбский не могли процитировать по памяти три неполных строки? Курбский, будучи на свободе, имел все возможности, чтобы сверять свои цитаты по книгам. Исайя сочинил свое произведение при иных обстоятельствах. По словам монаха, «Плач» был написан в ростовской тюрьме.¹⁸⁸ У узника едва ли была возможность обращаться к каким бы то ни было рукописям или церковным книгам. Скорее всего, он воспроизвел цитату о Христе-мздовоздателе по памяти.

Немецкая исследовательница И. Ауэрбах и московский историк Ю. Д. Рыков предприняли специальный поиск текстов Священного писания, которые могли быть положены в основу общих мест послания Курбского и сочинений Исайи. Факты подтверждают вывод, что Курбский и Исайя хорошо знали один и тот же круг богословских сочинений, а потому охотно прибегали к одним и тем же цитатам и образам.¹⁸⁹ Сходство неполной фразы о Боге-мздовоздателе в «Плаче» Исайи и послании Курбского царю носит скорее всего случайный характер и объясняется тем, что оба писателя были православными начетчиками, воспитанными на одних и тех же священных книгах.

В пользу этого вывода можно привести дополнительное доказательство. Евангельский образ Христа-мздовоздателя был хорошо известен Курбскому, и он вновь обратился к этому образу в своей «Истории о великом князе

Московском». «Едали Христос не воздаст им и не украсит венцы мученическими таковых, яже обещал и за чашу студеныя воды отдати мзду».¹⁹⁰

Тезис Д. Феннела об одновременном влиянии послания Курбского на «Жалобу» и «Плач» Исайи кажется сомнительным. Если бы «Жалоба» и «Плач» были написаны одновременно, как то полагает английский историк, это неизбежно отразилось бы на содержании этих сочинений. На деле они совершенно различны по смыслу и настроению. В «Жалобе» Исайя яростно оправдывался и нападал на своего врага — греческого митрополита. Он старался выставить себя борцом за слово Христово и верным подданным польского короля. «Лист» от литовских покровителей, полученный Исайей, когда не истек еще первый год его тридцатилетнего заточения, по-видимому, внушил ему надежду на освобождение. В ростовской тюрьме в 1566 г. Исайей владели совсем другие настроения. В «Плаче» он не упоминал более ни о враге-греке, ни о родной Литве, ни о своих литовских покровителях. Сказалось четырехлетнее заключение; монах пал духом и своим новым писанием, как значится в его заголовке, «плакал и сам себе тешил», смиренно взывал к богу и уповал на смерть, избавляющую от земных страданий.¹⁹¹ Все это говорит против предположения о том, что Исайя составил оба свои письма одновременно, в 1566 г.

Я. С. Лурье попытался подкрепить стемму Д. Феннела, указав на возможность того, что «Жалоба» Исайи не обязательно была написана сразу после «Листа» 1562 г. Такой довод обнаруживает еще один слабый пункт схемы Д. Феннела. Текстолог не может абстрагироваться от исторической обстановки, в которой возникли те или иные произведения. Аргументация Я. С. Лурье и А. А. Зимина воскрешает Исайю в облике книжника, занятого перепиской и литературным творчеством, тщательно компилирующего свои сочинения («Жалобу» и «Плач») и заимствующего отрывки текстов из «Листа» и послания Курбского, не ему адресованного. Первую «почту» в Литву Исайя отправляет в 1561 г., вторую «почту» он получает из Литвы в 1562 г., с третьей «почтой» ему доставляют послание Курбского царю и т. д.

Вся эта картина разлетается в прах при соприкосновении с историческими фактами. Исайя писал свои произведения в колодках в темнице. Ситуация очень мало подходила для обычного литературного творчества и еще менее — для переписки. Исайя сидел в царской тюрьме, а на русско-литовской границе шла кровопролитная война. Вероятнее всего, что Исайе только раз представилась okazия для обмена письмами с Литвой, когда он получил «Лист» и с подателем его переслал на родину ответ, где позже с ним смог познакомиться Курбский. В конце 1562 г. вологодская тюрьма стала местом заточения важных царских сановников, заподозренных в сношениях с литовцами. Надзор за ссыльными усилился. Кровопролитное сражение за Полоцк в 1562—1563 гг. и новое расширение войны с Литвой в 1564—1565 гг. окончательно закрыли русско-литовскую границу для любой переписки. Одновременно в России воцарились опричные порядки, и Исайю перевели из опричной Вологды в земскую тюрьму в Ростове. Она была, по словам Исайи, «тесна, темна и уныния исполнена». Кто же осмелился передать Исайе письмо другого государственного преступника — Курбского, крайне оскорбительное для чести царя Ивана? Какие цели преследовали те, кто решился на такой рискованный шаг? В стране свирепствовали опричные суды. Грозный был беспощаден ко всем, кого можно было заподозрить в тайных связях с эмигрантами и враждебной Литвой. Он уморил в тюрьме знатного сановника, боярина В. В. Морозова, по одному лишь подозрению в том, что тот получал письма от Курбского.¹⁹²

В любом текстологическом эксперименте существенное значение имеет понятие «конвой». Оно обозначает такое окружение текста, которое можно рассматривать как традиционное, повторяющееся в различных рукописях. Изучение «конвоя» особенно важно в тех случаях, когда имеется внутренняя связь между исследуемым произведением и сопровождающими его памятниками.

Наиболее полно «конвой» первого послания Курбского представлен в рукописном сборнике ГИМ (Собр. Уварова. № 1584). Здесь находим: 1) краткую записку Курбского в Печорский монастырь; 2) его же послание (третье) монаху Васьяну в Печоры; 3) его же послание (первое) царю из Вольмара; 4) послание эмигрантов Тетерина и Сарыхозина в Юрьев; 5) послание А. Полубенского (по поводу имущества Курбского) в Юрьев.¹⁹³ До побега Курбский служил воеводой в Юрьеве, после побега укрылся в Вольмаре. Письма, перечисленные выше, составляют единый комплекс; они были написаны в одном месте, в одно время и по одному поводу. Таким поводом было бегство Курбского в литовские владения, в Вольмар. Кому принадлежит подборка вольмарских писем, сказать трудно. Во всяком случае, ее составили не московские официальные лица. Иначе как объяснить тот факт, что в подборку не попало письмо юрьевского наместника М. Я. Морозова в Вольмар, зато включен ответ эмигрантов Тетерина и Сарыхозина на письмо Морозова. Это обстоятельство наводит на мысль, что авторами вольмарской подборки писем были эмигранты, близкие к Курбскому.

Примечательно, что вольмарский «конвой» наиболее полно представлен в сборниках, отражающих первую фазу переписки Курбского с Грозным. В них есть послание боярина, но нет ответа царя. Когда к подборке было присоединено царское послание Курбскому, представлявшее собой обширный трактат, сборник получил новое идейное звучание. Время возникновения этого нового сборника неизвестно.¹⁹⁴ Однако ясно, что в глазах составителей и переписчиков нового сборника вольмарские письма, сопутствовавшие первому письму Курбского, отчасти утратили значение. Вследствие этой причины вольмарский «конвой» стал разрушаться. Один из самых ранних и лучших сборников XVII в. (ГПБ. Погод. № 1567) включает почти всю вольмарскую подборку, кроме краткой записки Курбского в Печоры. В нем находятся: 1) третье послание Курбского Васьяну (л. 2—5); 2) его же послание царю (л. 5—9); 3) письмо Тетерина и Сарыхозина (л. 9—10); 4) грамота А. Полубенского (л. 10 об. — 12); 5) первое послание Грозного (л. 12—55). В аналогичном сборнике XVII в. (БАН. Текущие поступления. № 230) отсутствуют не только краткая записка Курбского, но и третье послание боярина старцу Васьяну. Два названных сборника передают текст полной редакции царского послания Курбскому, наиболее близкий к оригиналу.

Вольмарский «конвой» можно признать традиционным. Его присутствие обнаруживается не только в ранних, но и в поздних рукописных сборниках, например в сборниках, сохранивших краткую (позднюю) редакцию первого послания царя Курбскому. Правда, в этих сборниках мы наблюдаем дальнейшее разрушение «конвоя». Так, в сборник ГИМ (Муз. № 1551) не включены краткая записка Курбского в Печоры и грамота Полубенского в Юрьев. В сборниках ГИМ (Муз. № 2524) и ГПБ (Погод. № 1573) отсутствуют грамота Полубенского и письмо Тетерина и Сарыхозина.¹⁹⁵

Можно заметить, что письма, составляющие вольмарский «конвой», органически связаны между собой. Гетман А. Полубенский составил грамоту, по-видимому, по просьбе Курбского тотчас после его бегства в Вольмар. Литовский наместник Лифляндии обратился к одному новгородскому помещику, ранее служившему в Юрьеве под начальством Курбского, с просьбой попытаться «книг князь Андреевых Курбского, которые остались в Юрьеве».¹⁹⁶ В свою очередь юрьевский воевода М. Я. Морозов направил в Вольмар письмо с обличением всех изменников: как Курбского, так и бежавших ранее в Литву М. Сарыхозина и Т. Тетерина. Изменники не остались в долгу и написали язвительное послание Морозову.

Можно обнаружить определенную связь между посланиями князя Андрея Михайловича Курбского, с одной стороны, и вольмарским листом русских беглецов Марка Сарыхозина и Тимофея Тетерина — с другой:

Васьяну

царю

Второе послание

Таковых ради нестерпимых мук овым без вести бегуном ото отечества быть...¹⁹⁷

Третье послание

Какие напасти и бед и наругания и гонении не претерпех еси!¹⁹⁸

Не мни, царю, не помышляй нас... аки уже погибших, и избьенных от тебе неповинно и заточенных и прогнанных без правды

...Бог сердцам зритель...

...Почто, царю, сильных во Израили побил еси и воевод... различными смертми расторгл еси...

...прогнанные от тебя без правды от земля ко богу вопием день и ночь на тя!²⁰⁰

Письмо
М. Сарыхозина и
Т. Тетерина

...побежали уже по многих нестерпимых муках и по наругания ангельского образа...

И ты, господине... не зови православных кристьян, без правды мучимых и прогнанных, изменниками. Да саблю, государю, хочешь на нас доводитьи и в том, государь, сердцам зритель, волен, бог.

...каково тем жонам и детям, у которых отцов различными смертми побиили без правды?¹⁹⁹

Поскольку анализируемые послания написаны были одновременно (а вольмарские послания, кроме того, составлялись в одном месте) и поскольку эти письма (кроме второго послания Васьяну) отложились в одном рукописном сборнике, возникает возможность истолковать отмеченные близкие образы и обороты в посланиях Курбского и Сарыхозина как признак определенной взаимозависимости названных источников. Можно предположить, что Сарыхозин и Тетерин читали письма Курбского царю и Васьяну либо боярин обсуждал с ними их послание Морозову. Среди эмигрантов Сарыхозин был Курбскому ближе других. Учителя Сарыхозина, старца Артемия Курбский почитал и называл «своим отцом и господином». Артемий и Курбский одинаково считали себя учениками Максима Грека.

По утверждению Э. Кинана, переписка Грозного и Курбского тесно связана с «документальной беллетристикой» XVII в. типа Переписки с султаном и другими анонимными сочинениями, которые можно ассоциировать с Шаховским. В действительности подлинным «конвоем» послания Курбского следует считать вольмарские письма, органически связанные с названным посланием. В некоторых случаях удастся проследить прямую текстологическую связь упомянутых произведений. Сделанное наблюдение подтверждает традиционную атрибуцию и подлинность переписки Курбского.

К числу важных литературных памятников XVI в. принадлежит переписка Андрея Курбского с неким Иоанном из Ливонии и с монахом Васьяном.²⁰¹ Письма составляют цельный текстологический комплекс, сохранившийся в составе Соловецкого сборника. Палеографическое обследование сборника позволило заключить, что он был составлен в конце XVI в.²⁰² Этот факт опровергает рассуждение Кинана в том, что автором «Письма Курбского к Васьяну» мог быть С. Шаховской, ибо ко времени составления Соловецкого сборника С. Шаховской не вышел из детского возраста.

Недавно А. Н. Короткову удалось разыскать список первого послания Курбского к Васьяну, относящийся к значительно более раннему времени. Послание сохранилось в составе сборника, принадлежавшего Псково-Печорскому монастырю. Вместе с библиотекой монастыря сборник попал в Тартуский университет (Науч. б-ка ТГУ. № 746. Л. 306—308 об.). Первая часть сборника — «Измарагд». Послание Курбского находится во второй части в окружении сочинений Максима Грека. Филигранные бумаги сборника датируются 1553—1567 гг. Листы с посланием Курбского имеют филигрань — перчатка с растробом, над пальцами корона. Филигрань сходна с № 1873 (1567 г.) по альбому Н. П. Лихачева. Палеографическое обследование сборника, проведенное А. Н. Коротковым при участии Т. В. Диановой, Л. М. Костюхиной и В. Н. Тихо-

мира, позволило установить, что печорский список послания Курбского Васьяну был составлен при жизни Грозного и Курбского, не позднее 60—70-х гг. XVI в. Возможный (по Э. Кинану) автор названного послания С. И. Шаховской в то время еще не родился.

В самое последнее время Б. Н. Морозов нашел список Первого послания Курбского Грозному, принадлежащий более ранней рукописной традиции, чем сборники 20-х гг. XVII в. Список сохранился в составе сборника Q XVII. 67 из рукописного отдела ГПБ в Санкт-Петербурге. Подвергнув его тщательному палеографическому и текстологическому анализу, Б. Н. Морозов доказал, что та часть сборника (тетрадь 5), «в которой был переписан текст Послания, безусловно, относится к более раннему времени, вероятно, к концу XVI века».²⁰³

Переписка Грозного и Курбского явилась бесспорно значительным явлением политической и литературной жизни России XVI столетия. Справедливо ли утверждение Э. Кинана, будто переписка не получила отражения в подлинных документах XVI в.? Последние архивные находки обнаружили неосновательность такого мнения. Московскому исследователю Б. Н. Флоре удалось найти в дипломатических документах Посольского приказа (ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 12) прямое указание на изучаемую переписку. Усомниться в подлинности этого источника едва ли возможно.

Весною 1581 г. царь Иван ради прекращения войны с Речью Посполитой решил уступить королю Стефану Баторию почти все земли, завоеванные в Ливонии. Придавая большое значение своей мирной инициативе, он назначил послами в Польшу доверенных людей — двух «дворовых» людей Е. М. Пушкина и Ф. А. Писемского. Вопреки традиции, царь не включил в посольство представителей земщины. Полностью доверяя своим «дворовым», Грозный разрешил им во время переговоров в Польше затронуть некоторые «запретные темы». А именно, предписал послам при встрече с князем Андреем Курбским произнести такие обличительные слова: «...и ты изменил не от неволи, своею волею, еще на Москве не хотел еси государю добра да и отъехал еси к его недругу да и землю православную воевал еси да и на государя саблю подымал еси и изменивши грамоту государю невежливо писал еси».²⁰⁴

Предваряя возможные вопросы (какой Курбский, какое письмо?), подчеркнул: 1) наказ определенно называет князя Андрея Курбского; 2) наказ определенно говорит, что после бегства («изменивши») Курбский написал письмо царю; 3) на дипломатическом языке письмо называлось «невежливым», таким же (а попросту говоря, обидным) было и анализируемое первое послание Курбского царю.²⁰⁵ Перед нами точное и недвусмысленное указание источника на факт переписки Курбского с Грозным.

Л. А. Юзефович, а позднее Х. Грем нашли еще одно указание на переписку, заключенное в послании польского короля Стефана Батория к царю Ивану IV.²⁰⁶

Многолетняя дискуссия в настоящее время завершена. Тезис о подложности Переписки Грозного и Курбского отвергнут мировой наукой. Однако литературное наследие Ивана IV включает в себя не только его письма Курбскому. Отдельным разделом в сборник «Послания Ивана Грозного» включены послания в Литву главных земских бояр Бельского, Мстиславского, Воротынского и Федорова. В литературе давно высказывалось предположение, что именно царь был автором боярских грамот.²⁰⁷ В новейшее время это предположение поддержал Я. С. Лурье.²⁰⁸ Он отметил, что тексты посланий, формально принадлежащих различным лицам, на протяжении многих страниц сходны между собой. Многие выражения и цитаты «боярских грамот» дословно совпадают с выражениями подлинных посланий Грозного. Общий стиль грамот также обнаруживает руку царя, любителя и мастера «грубианской» полемической литературы.²⁰⁹ Указанные соображения представляются нам справедливыми, но лишь по отношению к грамотам Бельского, Мстиславского и Воротынского. Эти грамоты во многом повторяют и продолжают друг друга. Все они были

подписаны в Москве в то время, когда там находился царь (2—27 июля 1567 г.). Грамоты боярина И. П. Федорова были написаны в Полоцке и стоят особняком от писем главных бояр. В московских посланиях Бельского, Мстиславского и Воротынского текст совпадает на протяжении многих страниц, но зато отличается от текста полоцкого послания Федорова.

Послания Бельского и Мстиславского
к королю

И мы твои листы вычли и вразумели гораздо. И как ты, брат наш, писал... ино так делают прокураторы, и фалшеры и лотры, а великим государем не подобает того уделывати.²¹⁰

Видиши ли, яко везде убо несвободно есть, и тое твое письмо далече от истины отстоит? И то ли самовластно.²¹²

Послание Федорова
к королю

И мы тот твой лист вычли и вразумели гораздо. Ино годитца ли тебе, такому государю великому, фалшерным обычаем и лотровским з рукою своею государскою такие безлепицы посылати?²¹¹

В конце московских посланий в текст включен абзац относительно устного поручения гонцу Козлову, доставившему в Россию королевские грамоты к боярам. Абзац полностью совпадает в трех московских посланиях, но отсутствует в полоцком послании.²¹³

Полоцкие послания И. П. Федорова отличаются от посланий главных бояр своей краткостью, сдержанным тоном и наличием сугубо интимных мотивов, отсутствовавших в московских посланиях.²¹⁴ «А ведь же, государю, — писал И. П. Федоров польскому королю, — я уже человек при старости... немного жити... Чему же треба тебе по моей старости?»²¹⁵ Подобные строки, очевидно, не могли быть сочинены никем, кроме самого И. П. Федорова. Заметим также, что он написал свои грамоты в Полоцке 6 августа 1567 г., когда царь находился в Москве.

К числу значительных памятников XVI в. принадлежит «История о великом князе Московском» князя А. М. Курбского. Гипотеза Э. Кинана о ее подложности не получила поддержки в мировой науке.²¹⁶ Ю. Д. Рыков и К. А. Уваров тщательно изучили рукописную традицию сочинения Курбского.²¹⁷ С критическим разбором аргументов Э. Кинана выступил А. И. Гладкий.²¹⁸ И. Ауэрбах посвятила специальное исследование биографии А. М. Курбского. Она привела доказательства того, что боярин никогда не писал по-русски и на судебных разбирательствах заявлял, что удостоверяет бумаги печатью и «с подписом руки моее властное литеры по латыне писаные, а для того иж сам по руски писать неумею».²¹⁹ Неумение писать проистекало из ненадобности письма для аристократов, имевших писцов и скреплявших бумаги печатью. За рубежом А. Курбский научился ставить подпись латинскими, а затем и польскими буквами. Подобно царю, он, по-видимому, диктовал свои сочинения писцам. И. Ауэрбах не ставит под сомнение аутентичность «Истории» Курбского.

В свое время И. Н. Жданов высказал мнение, что «История» была составлена Курбским вскоре после 1573 г. в связи с толками об избрании царя Ивана на польский престол.²²⁰ Эту точку зрения уточнил и дополнил А. А. Зимин. Он установил, что Курбский взялся за сочинение «Истории» во время польского бескорольевья (1572 — 1573 гг.), и высказал предположение, что она была закончена к весне-лету 1573 г.²²¹ В «Истории» Курбский ссылается на Предисловие к Новому Маргариту, написанное им ранее. А. Н. Ясинский датировал указанное Предисловие временем после 1575 г.²²² Но А. А. Зимин доказал, что Предисловие появилось на свет вскоре после июня 1572 г. «Прикинув время на составление „Истории“ (около года), — продолжает исследователь, — мы получим как раз весну-лето 1573 г.»²²³ Окончательный вывод А. А. Зимина нуждается в дополнительной аргументации.

Если справедливо, что Курбский написал Предисловие после июня 1572 г., то отсюда все же не следует, что сразу после этого он взялся за составление

«Истории» и что он не мог цитировать Предисловие спустя два-три года после его написания. Произвольно и предположение, будто на «Историю» Курбский затратил примерно год.²²⁴

Полагаем, что для решения вопроса важное значение имеют те страницы «Истории», на которых Курбский упоминает о польском короле: «А здешнему было королеви и зело ближаиши; да подобна его кролевская высота и величество не к тому обращался умом...»²²⁵ Очевидно, приведенные строки не могли быть написаны до смерти короля Сигизмунда II Августа 7 июля 1572 г. Курбский не уточняет имени «здешнего короля», из чего можно заключить, что новый король, по-видимому, еще не был избран (май 1573 г.). Итак, первые разделы «Истории» (а именно в них заключены приведенные выше строки о польском короле) были написаны скорее всего между июлем 1572 и маем 1573 г. Последние разделы «Истории» закончены были не ранее лета 1573 г., поскольку в них упоминается о гибели Воротынского, Одоевского и Морозова в середине 1573 г.²²⁶ Сведения об этих лицах, отмечает А. А. Зимин, вставлены в конец соответствующих разделов, вероятно, потому, что к лету 1573 г. «История» в основном была закончена.²²⁷

Д. Феннел отметил, что в концепцию А. А. Зимины не укладывается такой факт, как упоминание Курбским о казни новгородского архиепископа Леонида в 1575 г.²²⁸ Но известие Курбского о казни Леонида столь же недостоверно, как и известие о казни двух других архиепископов — Пимена и Германа.²²⁹

Во втором послании Васьяну Курбский сетовал на то, что на Руси нет подвижника, который стал бы «царю в лице со обличением».²³⁰ Спустя десять лет он написал обличительную «Историю о великом князе Московском», в которой заявлял, обращаясь к царю: «Обличю тя и поставлю пред лицом твоим грехи твоя...»²³¹ В «Истории» Курбский пространно доказывал, что Иван «добре царствовал» до тех пор, пока его спасали от злых дел мудрые советники, что дьявол давно вселил злые семена в московских великих князей, а следовательно, московская династия недостойна польской короны. Последний вывод служит как бы подтекстом всего повествования.

«История» Курбского распадается на две части. Первая из них посвящена правлению Избранной рады и завершается словами: «А сему уже и конец положим...»²³² Вторая часть начинается со слов: «Се уже по возможности моей начну изчитати имена... новых мучеников...» и заключается фразой: «И ныне скончающе и историю новоизбиенных мучеников...»²³³ Несмотря на тенденциозность изложения, первая часть «Истории» является ценнейшим документом по истории политической борьбы в 50-х гг. XVI в. Совершенно иной характер носит «история мучеников», повествующая об опричном терроре. Накануне опричнины Курбский бежал из России и о последующих событиях мог судить лишь по отрывочным, часто недостоверным слухам, рассказам московских беглецов и т. д. Во второй части «Истории» автор нередко обнаруживает неосведомленность и недобросовестность.

Духовное завещание Грозного наряду с его письмами принадлежит к числу интереснейших памятников периода опричнины. Источник этот давно введен в научный оборот, но донныне использование его затруднено вследствие двух обстоятельств. Прежде всего, завещание сохранилось в единственной испорченной поздней копии и в его тексте отсутствует точная дата.²³⁴

С. Б. Веселовский посвятил царской духовной обстоятельное исследование. По его мнению, Грозный составил свое завещание не ранее апреля — мая 1572 г. В тексте духовной упомянуты имена царицы Анны Колтовской и митрополита Антония, но помолвка царя с Анной состоялась в апреле 1572 г., а Антоний занял митрополичий престол через месяц.²³⁵ По предположению С. Б. Веселовского, завещание появилось в дни татарского вторжения летом 1572 г., когда Иван вынужден был спасаться от неприятеля в Новгороде и испытывал смертельную тревогу за свою судьбу. Вследствие этого завещание проникнуто мрач-

ными предчувствиями. «Подводя итог, — пишет С. Б. Веселовский, — можно сказать, что завещание было написано в промежуток между началом июня и по 6 августа, когда царь... жил в Новгороде в тревожном ожидании исхода неминуемой кровавой схватки его воевод с татарами. Для правильного понимания духовной царя Ивана этот довод имеет очень существенное значение...»²³⁶ 6 августа 1572 г. Иван узнал о разгроме татар. Воспрянув духом, он забыл о своем завещании, которое так и осталось черновым наброском, не получившим юридической силы. С датировкой, предложенной С. Б. Веселовским, согласился А. А. Зимин.²³⁷

Основное содержание любой княжеской или царской духовной всегда составляли распоряжения о земельной собственности. Им уделяли особое внимание, разрабатывая с наибольшей тщательностью, и при датировке их следует учитывать в первую очередь. Анализ практических распоряжений царя показывает, что его завещание никак не могло быть составлено в течение двух месяцев.

В тексте духовной находим три распоряжения об уделе князя М. И. Воротынского, которые относились к разным периодам времени. В одном месте духовной Иван признает за Воротынским права на родовой удел «со всем по тому, как было изстари» и наказывает сыну не «вступаться» во владения удельного князя.²³⁸ Второе распоряжение Грозного решительно противоречит первому и содержит указание на конфискацию старого удела и передачу Воротынскому города Стародуба.²³⁹ В тексте завещания находим еще одно распоряжение Грозного, которое исключает два первых. Иван завещает наследнику-сыну «город Стародуб Рязоловский... село Княгинино, что было за Воротынским в Нижегородском уезде».²⁴⁰

Трудно предположить, чтобы указанные взаимоисключающие распоряжения могли быть внесены в текст духовной одновременно, на протяжении двух месяцев, пока царь был в Новгороде, а Воротынский оборонял Москву. Обнаруженное противоречие объясняется, по-видимому, наличием в тексте завещания разных словес, относящихся к различным периодам времени.

Сделанное наблюдение вместе с летописными известиями может служить ключом к истории царского завещания. При составлении скорописных приписок на полях Царственной книги Иван IV отметил, что в дни его болезни в 1553 г. «дьяк Иван Михайлов воспомяну государю о духовной, государь же повеле духовную съвершити, всегда бо бяше у государя сие готово».²⁴¹ Продиктованная царем запись отражала положение как на 1553—1554 гг., так и на момент составления приписки в 1563—1564 гг. Для того чтобы иметь возможность в любой момент представить царю готовый текст духовной, И. М. Висковатый и его помощники должны были постоянно следить за всеми изменениями в составе удельных княжеств, покупками казны и Дворцового приказа и вносить необходимые исправления в текст завещания. Глава Посольского приказа И. М. Висковатый и его помощники имели в своем распоряжении всю необходимую документацию. Встав во главе Посольского приказа, Висковатый немедленно реорганизовал архив. В описи царского архива 1572 г. имеется заголовок: «А се ящики, которые прибыли при дьяке при Иване Михайлове».²⁴² Первым из «новоприбывших» был ящик 138 с духовными грамотами московских государей.²⁴³ При составлении сводной описи архива в 1572 г. в названном ящике земского архива отсутствовали завещания Ивана III, Василия III и Ивана IV. По-видимому, их хранили в опричной Постельной казне царя и использовали в работе над завещанием 1572 г. Но когда именно они перешли из ведения посольских дьяков в ведение опричных приказных, сказать невозможно.

Каким образом приказные люди использовали документы при работе над духовной? Сопоставление текста завещания с летописными известиями дает об этом наглядное представление. Характерным примером могут служить распоряжения об уделе Старицких. Названное удельное княжество было ликвидировано не сразу, а по частям. Сначала Иван IV выменял у брата второстепен-

ный город Вышгород, а три года спустя — столицу удела Старицу. В том же порядке эти города записаны в завещании.

Летопись

В 1563 г. государь «выменил у князя Вышегород на Петрове и с уезды да в Можайском уезде княжие волости, волость Олешню, волость Воскресеньскую, волость Петровскую».²⁴⁴

Царское завещание

Сына Ивана благословляю, что было «князь Володимера Одреевича городом Вышегородом на реке на Петрове, с волостми... да в Можайском уезде волостью Алешнею, Воскресенским, да волостью Петровскою...».²⁴⁵

Сходство текстов (включая повторение ошибки: «на Петрове» вместо «на Поротве»), возможно, не случайно. Над духовным завещанием работали те же дьяки, которые следили за пополнением архива и на основании поступавших документов составляли летопись.

Вслед за записью о Вышгороде в завещании помещены сведения о Старице и других удельных землях, перешедших в казну в 1566 г.

Летопись

...выменил у князя город Старицу и Старицкой уезд, да Новое городище с уездом, да Холмские волости... город Олексин, городище Любуцкое, Волково...город Вереею с уездом.²⁴⁶

Царское завещание

сына Ивана благословляю «городом Старицею с волостми... с Холмом и с Погорелым городищем и с волостью с Синею, да городом Алексиным и с Волкоюю ...Вереею с волостми и с путми».²⁴⁷

Грозный отнял у брата Старицкий удел после учреждения опричнины. Следствием опричнины было разделение приказных ведомств. Постельная казна с царскими духовными перешла в опричнину, тогда как ведомство дьяка И. М. Висковатого осталось в земщине. В 1569 г. новый удел князя Владимира Андреевича в составе Дмитрова, Звенигорода, Стародуба и Боровска был ликвидирован, а сам удельный князь казнен. Разделение ведомств, казни Висковатого и погромы дезорганизовали деятельность приказных людей, причастных к составлению царской духовной. Вместо точного определения состава Дмитровско-Звенигородского удельного княжества, описанного в казну, они записали в текст духовной: «А что был дали есьми князю Володимеру Андреевичу в мену, против его вотчины, городов. ...и князь Володимер предо мною преступил, и те города... сыну моему Ивану».²⁴⁸ Царское распоряжение было лишено конкретности и не включало точных наименований городов и волостей. Оно не соответствовало характеру юридического документа, каким было завещание. Дальнейшая судьба главных удельных городов Дмитрова и Звенигорода решилась не сразу. До передачи князю Владимиру Звенигород находился во владении служилого хана Симеона Касаевича. Новым владельцем Звенигорода стал Муртазалея, сделавший успешную карьеру при дворе в 1571—1572 гг. В итоге дьяки внесли в завещание новый пункт: «А что есми пожаловал царевича Муртазалея... и сын мой Иван держит за ним Звенигород».²⁴⁹ Грозный пощадил старших детей князя Владимира и допускал возможность возвращения им земель и имуществ. По этой причине он продиктовал приказным следующую фразу: «а князь Володимерова сына князя Василья и дочери (пожаловати. — *Р. С.*), посмотри по настоящему времени как будет пригоже».²⁵⁰ Имеются данные о передаче князю Василию Владимировичу города Дмитрова к 1573 г., но на страницах завещания этот факт не получил отражения.

Особого внимания заслуживают царские распоряжения по поводу удельных владений М. И. Воротынского. Е. И. Колычева разыскала в архивах завещание Воротынского, что позволило ей уточнить историю текста царской духовной. В основе завещания Грозного 1572 г., как полагает Е. И. Колычева, лежало его же завещание 1561 — начала 1562 г. Вся работа над завещанием была проведена одновременно в 1572 — 1573 гг. Иван IV лично подверг правке текст духовной во второй половине 1572 г., после чего старое завещание 1561 — 1562 гг. с царской правкой было отдано дьякам для дополнения делопроизводства

венным материалом и проверки помещенных сведений. Эту работу они закончили к осени 1573 г.²⁵¹

Возможны два решения вопроса: либо старое завещание было переработано в течение примерно года, либо его пополняли и исправляли на протяжении многих лет. В первом случае можно было бы ожидать, что завещание отразит преимущественно состояние дел на момент составления документа в 1572 — 1573 гг. Однако перед нами вырисовывается совсем иная ситуация. В тексте завещания имеется множество разновременных и взаимоисключающих царских распоряжений за 1566, 1569, 1572 и 1573 гг. Эти наблюдения делают более вероятным предположение о том, что завещание 1561 — 1562 гг. исправлялось и дополнялось на протяжении многих лет, причем новые царские распоряжения об уделах включались в текст своевременно, т. е. до того как они теряли юридическую силу.

Согласно первому распоряжению о владениях Воротынских, записанному при составлении завещания в 1561 — 1562 гг., Иван IV закрепил за князем Михаилом «треть» Воротынска, Перемышль, Одоев, Новосиль, острог Черну.²⁵² Это распоряжение утратило силу уже летом 1562 г., когда Воротынский и его брат подверглись опале, а их «доли» в Воротынске, Перемышль, Одоев и Новосиль были отобраны в казну. В 1565 г. «два жеребья» в Перемышле оказались в опричнине.²⁵³ Когда год спустя М. И. Воротынский заслужил прощение, ему вернули старый удел без Перемышля и Воротынска. Тогда же послы объявили за рубежом, что царь отдал князю Михаилу вотчину «больши старого».²⁵⁴ Благодаря субсидиям из казны Воротынский, по его словам, заново отстроил Новосиль, запустевший еще во времена его прародителей.²⁵⁵ Этот город стал столицей удела, а князь усвоил титул «державца Новосильского».²⁵⁶ Однако Воротынский носил этот титул недолго. Ранее февраля 1569 г. Новосильский удел «государь взял на себя», а князю Михаилу предоставил взамен Стародуб Рязоловский с уездом, «как было за князем Володимером Одреевичем».²⁵⁷ По этому случаю дьяки включили в царскую духовную третье распоряжение об уделе князя Михаила: «А что есьми был пожаловал князь Михаила... старою его вотчиною, городом Одоевым, да городом Новоси [ль]ю, да городом (острогом. — Р. С.) на Черни, и аз ту вотчину взял на себя, а князю Михаилу дал есьми в то место вотчину город Стародуб Рязоловской да в Муромском уезде... волость Мошок, да в Нижегородском уезде село Княгинино с деревнями».²⁵⁸ Был ли образован Стародубский удел в действительности или распоряжение царя осталось неосуществленным проектом? Некоторые обстоятельства свидетельствуют в пользу первого предположения. Во-первых, в завещании прямо указывалось на выдачу Воротынскому «меновных грамот», «а ведает ту вотчину (Стародуб. — Р. С.) князь Михайла по меновным грамотам». Во-вторых, по «меновной грамоте» Воротынский получил «в Нижегородском уезде село Княгинино», а в начале XVII в. сыну Воротынского принадлежало «в Нижнем село, четвертная пашня неведома».²⁵⁹ С большой долей вероятности это необмерянное село можно отождествить с упомянутым выше селом Княгининим. Вновь найденное завещание Воротынского подтверждает предположение, ранее высказанное.²⁶⁰

Особый интерес представляет вопрос о судьбе стародубских княжеских вотчин. По мнению А. А. Зимина, царь пожаловал Воротынскому ряд стародубских вотчин в 1566 г., при возвращении ему Новосильского удела.²⁶¹ С этим трудно согласиться, поскольку в 1566 г. села в Стародубе были переданы Старицкому, а не Воротынскому, и лишь после опалы на Владимира Андреевича в 1569 г. его удельные владения перешли к Воротынскому. В царском завещании помечено: «Да сыну же моему Ивану даю к Володимеру в Стародубе в Рязоловим Стародубских князей вотчины, которые остались за мною у князя Михайла Воротынского».²⁶² Приведенный текст с полной очевидностью указывает не на села, отданные Воротынскому, а на вотчины, оставшиеся «за царем» на территории

Стародубского уезда. Села, отданные удельным князьям, перечислялись в меновных грамотах. Так, В. А. Старицкий получил в удел крупную волость Пожар, бывшие вотчины казенного боярина князя Хилкова-Стародубского и др., что и подтверждено было меновой грамотой 1566 г. Список вотчин меновой грамоты полностью расходился с перечнем стародубских вотчин царского завещания. Данное наблюдение подтверждает вывод о том, что Воротынский получил в Стародубе те удельные владения, которыми прежде владел Старицкий.

Традиционная точка зрения, разделявшаяся и автором этих строк, заключалась в том, что все стародубские вотчины, упомянутые в царской духовной, находились в казне. Действительно, в стародубском списке можно найти много вотчин, конфискованных у стародубских князей в 1565 (7073) г. На этом основании А. А. Зимин заключал, что в завещании были использованы книги подьячего М. Трифонова 7073 г., «как он отписал стародубских князей вотчины».²⁶³ Приведенное мнение не вполне верно. Во-первых, отписанные вотчины не составляют компактной группы в перечне царской духовной. Во-вторых, названный перечень включал выморочные стародубские вотчины, оказавшиеся в казне до опричнины.²⁶⁴ В-третьих, в перечне упоминались вотчины, находившиеся в руках старых владельцев или возвращенные казанским ссыльным после амнистии. Точно так же и среди вотчин, переданных в удел, были как конфискованные имения, так и земли, находившиеся во владении вассалов князя. Об этих вотчинах в меновных грамотах Старицкого сказано: «Все те села... и волость Пожар, которые в сей меновой имянно писаны, за помещики».²⁶⁵

В царском завещании изредка упоминались новые приобретения казны — крупные боярские вотчины с указанием имен их прежних владельцев. Стародубский перечень включал как крупные поместья, так и деревни и доли в селах — владения рядовых дворян, многие из которых не принадлежали казне. Включая перечень в черновой приказной список, дьяки, по-видимому, намеревались использовать его как справочный материал при составлении окончательного текста духовной.

М. И. Воротынский владел Стародубом недолго. Из приписки к тексту завещания Воротынского узнаем, что в ноябре—декабре 1572 г. «государь взял на себя» Стародуб с уездом, а взамен передал удельному князю Перемышль. При этом обмен владения в Поволжье остались за князем Михаилом.²⁶⁶ Сомневаться в истинности приведенных сведений не приходится. Тем не менее волеизъявление царя по поводу Перемышля не попало в черновик его завещания. Этот факт вновь заставляет вернуться к вопросу, когда Грозный правил свою духовную. Если допустить, что вся работа по исправлению завещания была проведена Иваном IV исключительно во второй половине 1572 г., тогда непонятно, почему он включил в текст утраченное к тому времени юридическую силу распоряжение о передаче Воротынскому Стародуба и ни словом не упомянул о своем последнем решении передать ему Перемышль взамен Стародуба. Летом 1573 г. князь Михаил подвергся опале, а его удельные владения вместе с поволжскими волостями окончательно перешли в казну. Вслед за тем приказные внесли в черновик завещания последнее царское распоряжение: сыну Ивану отдаю «город Стародуб, да волость Мошок (в Муромском уезде. — *Р. С.*), село Княгинино, что было за Воротынским, в Нижегородском уезде...».²⁶⁷

Важное значение имеет вопрос о документации, положенной в основу царской духовной. По мнению С. Б. Веселовского, «Иван Грозный и дьяк, помогавший писать ему завещание, живя в Новгороде, не имели возможности использовать для быстрых справок московские приказные архивы. Это обстоятельство весьма неблагоприятно отразилось на достоверности завещания Грозного».²⁶⁸

Представляется, что неточности и противоречия духовной объясняются разновременностью составления разных ее частей. Приказные люди, составлявшие черновой проект завещания, обращались к архивам и иногда делали ссылки на использованные документы. Так, в тексте черновика можно обнаружить

указание на список казны царевича: «А что если дал... детям своим казны своей, и то писано в казенном списке». ²⁶⁹ Черновик описи казны царевичей, составленный дьяком В. Козлаковым, хранился в ящике 210 земского архива. ²⁷⁰ В составлении белого казенного списка принял участие опричный постельничий В. Ф. Наумов: «Книга, а в ней писано, приказал царь... окольниковому и постельничему Василию Федоровичу Наумову да дьяку Василью Козлакову описать в царевичеве Иванове и в царевичеве Федорове казне образы, и кресты и платье всякое и всю казну детей своих, в 7073-м году». ²⁷¹

В царской духовной упомянуты и такие документы, как жалованная грамота «короля Арцымагнуса» и «перемирные грамоты с Жигимонтом Августом королем», подписанные в июне 1570 г. ²⁷²

Царь и его дьяки при составлении проекта духовной никак не могли обойтись без архивных документов. Чтобы получить эти документы, они должны были обращаться в государственный архив. Сохранилась подробная опись государственного архива 1572 г. с пометами о делах, затребованных к царю в период с 1562 по 1572 г. ²⁷³ По общему правилу, Грозный брал единичные документы, причем не часто. Лишь в одном случае царь просмотрел десятки документов всего за полторы недели. Произошло это в первой половине августа 1566 г. Тогда Грозный затребовал к себе духовные грамоты почти всех московских великих князей. ²⁷⁴ 7 августа ему приносили лежавшие в архиве «грамоты докончальные и грамоты духовные и книги великих князей старых». В том же месяце (без указания числа) Иван затребовал к себе ящик с духовными грамотами Ивана Даниловича Калиты, Дмитрия Ивановича Донского, Василия Васильевича, княгини Е. Старицкой, а также «тетрадь-список з духовные великого князя Василия Васильевича», извлеченную из другого ящика. ²⁷⁵ Одновременно царь проявил исключительный интерес к документации старинных «великих княжеств», а также удельных княжений. Он просмотрел «докончальные грамоты» великих рязанских князей (4 августа), «докончальные» Ивана III с тверскими князьями (7 августа), «грамоту Великого Новгорода посадников ногородцких и купцов» (август), жалованные грамоты Сигизмунда III и Василия III Смоленску (8 августа), а также «докончальные грамоты» деда и отца с удельными князьями Андреем Углицким и Андреем Старицким (7 августа), «докончальную» отца с Юрием Дмитровским (13 августа), поручные грамоты на удельных князей Бельских, Воротынских, Мстиславских (6 и 7 августа), грамоту «Воротынских князей с Олександром королем» (8 августа), грамоты «Казимера короля Новосильским князем и Одоевским, как им королю служить и подати давати» (14 августа) и т. д. ²⁷⁶ Можно полагать, что названные документы послужили источниками для детализации разделов завещания, посвященных великим и удельным княжествам. Царь Иван благословлял наследника «своим царством Руским» (шапкой Мономаха и Москвой), а также «своими великими княжествами», полученными от отца (Владимирским, Рязанским, Смоленским и т. д.), и крупнейшими уделами («а князи Одоевские, Оболенские, Воротынские... своими вотчинами сыну же моему Ивану к великому государству»). ²⁷⁷ Каждому из великих княжеств и важнейшим из уделов посвящены специальные разделы царского завещания. В текст включено подробное описание «прожиточной» вотчины княгини Ульяны, вдовы Юрия Васильевича Углицкого. Примечательно, что в августе 1566 г. царь брал из архива «книги черные, что дано княгине, во иноцех старице Александре княже Юрьеве Васильевича в наделок вотчины...». ²⁷⁸

Помимо деловых документов Иван брал из архива в тот же самый период личную переписку своих родных и собственные послания к сыновьям. ²⁷⁹ Письма, надо полагать, заключали в себе немало полезных наставлений и советов, которые могли быть использованы при составлении поучения «чадцам», включенном в проект царского завещания.

Подбор документов, затребованных во дворец в первой половине августа

1566 г., свидетельствует, что в то время царь Иван был занят скорее всего работой над духовной грамотой.

Царская духовная помимо деловой части содержала обширное литературное введение, распадавшееся на «исповедание» и «поучение чадцам». Деловая часть завещания составлялась дьяками, тогда как литературную они записывали со слов царя. Таким образом, введение явилось той частью духовной, в которой личное участие царя сказалось наиболее ярко. Автор специальной монографии о завещании Грозного Г. Штокль тщательно проанализировал предисловие к духовной и заключил, что оно едва ли могло быть составлено после введения опричнины и начала борьбы с митрополитом.²⁸⁰ Можно привести дополнительные факты в подтверждение этого вывода. В духовном исповедании царь Иван писал: ум «острюпись, тело изнеможе, болезнует дух, струпии телесна и душевна умножишася...».²⁸¹ Жалобы на телесные недуги и духовные муки, которыми начинается царское завещание, не были риторической фразой. Как передают очевидцы, в 1565 г. в связи с отречением Иван пережил тяжелое нервное потрясение, из-за чего у него выпали на голове все волосы.

Свое первое завещание Иван IV составил в 1553—1554 гг., после того как перенес тяжелую болезнь.²⁸² Смерть царицы Анастасии и вступление во второй брак заставили царя составить второе завещание в 1561—1562 гг.²⁸³ Его текст стал массивной основой проекта третьего завещания, черновик которого был подготовлен в годы опричнины. При составлении черновика приказные руководствовались несложным правилом. Относясь с должным почтением к меняющимся волеизъявлениям государя, дьяки включали в приказной список его новые распоряжения, не вычеркивая старых, невзирая на их взаимоисключающий характер.

Кажется совершенно невероятной мысль, будто Грозный при отречении от престола на пороге опричнины не позаботился о том, чтобы привести свое завещание в порядок. Отречение носило личный характер и не затрагивало прав наследников царя. Взвзвись за исправление духовной, Грозный должен был позаботиться прежде всего о строгом разграничении владений царевичей Ивана и Федора, а также о других мерах, призванных предотвратить конфликты между ними.

В 1566 г. царь должен был признать крушение опричной политики и прекратить репрессии. В ответ земские верхи потребовали от него полной отмены опричнины. Кризис имел место в конце июля 1566 г., а в начале августа Иван IV возобновил работу над черновиком завещания. Последней основательной перделке, как это показал С. Б. Веселовский, духовная подверглась в 1572 г., когда Грозный осознал необходимость отмены опричнины и прекращения террора. В апреле 1572 г. Иван IV взял в жены Анну Колтовскую. Имя новой царицы было внесено в текст завещания.

Так называемое завещание 1572 г. было в действительности черновой заготовкой, составленной и пополнявшейся в недрах приказных ведомств на протяжении многих лет. Приказные фиксировали царские распоряжения в порядке их поступления, не приводя к единому виду. Это позволяло дьякам иметь под руками справочный материал, который по первому требованию мог быть представлен царю.

По традиции, московские государи при составлении духовных назначали себе душеприказчиков. Круг ближних советников Ивана IV (а именно из этого круга назначались душеприказчики, свидетели «совершения» духовной) неоднократно менялся в годы опричнины. Поэтому в приказной заготовке дьяки ни разу не заполнили раздел, начинавшийся словами: «А у сей моей душевной грамоты сидел...»²⁸⁴ По тем же самым причинам дьяки старательно пополняли справку сведениями о «менах» уделов, о поступавших в казну вотчинах и других переменах, носивших в опричнине беспорядочный и катастрофический характер, но так и не потрудились придать черновику характер юридиче-

ского документа — вычеркнуть взаимоисключающие распоряжения и пр. Это придает исследуемому источнику особую ценность.

Важным дополнением к русским источникам служат записки иностранцев И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинга, Г. Штадена.

Послание Таубе и Крузе гетману Я. Ходкевичу (1572 г.). Биография авторов Послания известна достаточно хорошо. Печатник рижского архиепископа И. Таубе и дерптский фохт Э. Крузе попали в плен к русским в первые годы Ливонской войны.²⁸⁵ Не позднее 1564 г. Таубе, предложивший свои услуги царю, получил свободу и поступил на московскую дипломатическую службу. Вскоре Таубе и Крузе оказались в опричнине и в 1567—1571 гг. вели переговоры относительно создания в Ливонии вассального королевства. После коронации «ливонского короля» Магнуса лифляндские авантюристы получили громадные имения и думные чины. Однако в 1571 г. они изменили царю и подняли мятеж в Юрьеве, а затем бежали в Литву. Благодаря службе в опричнине, Таубе и Крузе прекрасно ориентировались в опричных делах. Но записки их отличаются крайней тенденциозностью: оба ренегата стремились оправдать собственную двойную измену жестокостями царя.

Перевод Послания Таубе и Крузе гетману Ходкевичу осуществлен М. Г. Рогинским в 1922 г. До сих пор это единственное издание источника на русском языке. Но оно представляется совершенно неудовлетворительным вследствие двух обстоятельств: во-первых, в основу публикации положен неисправный немецкий оригинал (издание Эверса) и, во-вторых, издание осуществлено без всякого критического исследования.²⁸⁶ Ю. В. Готье отметил в свое время наличие многих темных мест в немецкой публикации Г. Эверса, в распоряжении которого находилась неисправная копия Кенигсбергского списка Послания.²⁸⁷ Но это замечание не помешало Ю. В. Готье дать русский перевод Послания по Эверсу.

Задолго до того А. И. Браудо указал на издание некоего Г. Хоффа 1582 г., в котором текст Послания Таубе и Крузе перепечатан с небольшими изменениями.²⁸⁸ А. И. Браудо не придавал особого значения своему открытию и произвел лишь единичные сличения текста названных изданий Послания.

Детальный анализ текста обнаруживает, что в перепечатке Хоффа, появившейся при жизни Таубе и Крузе, мы имеем дело с исправным и наиболее близким к оригиналу текстом Послания и что в позднейшем Кенигсбергском списке этот текст подвергся сильным искажениям.

Сопоставим рассказ Таубе и Крузе о первых опричных казнях по обоим спискам Послания:

Кенигсбергский список по изданию
Эверса

(Перевод М. Г. Рогинского)

...приказал он (царь. — Р. С.) повесить князя Петра Горенского, князя Никиту и Василия Оболенских незаменимого воеводу, который столько времени так верно служил великому князю в борьбе с татарами, Андрея (Рязанцева)...²⁸⁹

...den Knes Peter Gorinsky den Knes Mitika und Knes Wassily Obilenssky hencken, den leuren Kriegsmann, der im so lange Zeit wieder den Tattern so treulich gedienet Gidk Andrey Resensaw...²⁹⁰

Издание Хоффа 1582 г.

(Перевод наш. — Р. С.)

...приказал он (царь. — Р. С.) повесить князя Горенского, князей Никиту и Василия Оболенских, незаменимого воеводу, который столько времени так верно служил великому князю в борьбе с татарами, Данилу Чулкова, Андрея Рязанцева...

Knaes Peter Garinski (Knaes Milietta) und Knaes Wassilij Obijlensskj hencken. Den tewren Kriegsmann (der ihm so lange zeit wider den Taetern so trewlich gedienen Danieln Gilkj, Andre Rasansow...²⁹¹

В издании Хоффа мы находим сообщение о казни Данилы Чулкова (Gilkj), прославившегося в войнах с татарами. В Кенигсбергском списке имя Чулкова

опущено, а фамилия искажена (Gidk). М. Г. Рогинский не смог расшифровать фамилии Gidk и счел за лучшее опустить ее, что и вовсе испортило текст.

В публикации М. Г. Рогинского искажены многие цифры, фамилии, географические наименования, тексты речей и т. д. По Рогинскому, за Грозным в слободу ездил в 1564 г. высший маршал Михаил Салтыков (Mie Салтыков Кенигсбергского списка), в действительности же — оружничий Лев Салтыков (Leo Салтыков, по изданию Хоффа).²⁹² При введении опричнины царь заявил об измене некоего выходца из рода Barbatta (по Кенигсбергскому списку), а на самом деле Горбатовых — Garbatta (по Хоффу).²⁹³

По Рогинскому, в опричнину был зачислен город Кассина (переведено как Кашин), на самом же деле Кашира — Kasiria (по изданию Хоффа).²⁹⁴ Согласно Кенигсбергскому списку, в Твери погибло 90 тыс. человек (цифра совершенно невероятная), по Хоффу — 9 тыс. (этот факт отмечен А. И. Браудо).²⁹⁵ Опричное братство насчитывало 500 человек (издание М. Г. Рогинского), 300 человек (издание Хоффа).²⁹⁶ По Рогинскому, опричники казнили в Клину 470 человек, переселявшихся в Москву из Переяславля. Непонятно, как они попали при этом в Клин? У Хоффа сказано, что переселенцы ехали в Москву из Плескова (Пскова) и еще из Новгорода.²⁹⁷ Этот факт засвидетельствован русскими летописями.

Искажения текста Послания объясняются не только неисправностью Кенигсбергского списка, но и неудовлетворительным переводом его на русский язык.

В настоящей работе текст Послания Таубе и Крузе сверен с изданием Хоффа, и наиболее важные отрывки текста переведены на русский язык.

З а п и с к и А. Ш л и х т и н г а. Немецкий дворянин Шлихтинг попал в плен к русским незадолго до введения опричнины. На Руси он бедствовал до тех пор, пока не определился переводчиком к царскому лейб-медику А. Лензею, прибывшему в Москву в мае 1568 г.²⁹⁸ На протяжении четырех лет Лензей посещал опричный двор, лечил царя и членов опричной думы. С некоторыми из них доктор поддерживал тесную дружбу.²⁹⁹ Но Лензей совсем не знал русского языка и поэтому даже в дружественных беседах с руководителями опричнины не мог обойтись без услуг переводчика Шлихтинга, знавшего славянский язык. Этим обстоятельством и объясняется поразительная осведомленность скромного немецкого пленника.

В конце 1570 г. Шлихтинг бежал в Литву, где составил краткую записку «Новости из Московии, сообщенные дворянином Альбертом Шлихтингом, о жизни и тирании государя Ивана».³⁰⁰ Переводчик и редактор русского издания Записки Шлихтинга А. И. Малейн при датировке источника указал на следующие факты: осада Ревеля (21. 08. 1570—16. 03. 1571 гг.) и голод в России (вторая половина 1570 г.). «Дата составления записки, — пишет А. И. Малейн, — видна из конца ее, где говорится „совсем еще недавно в июле“ (1570 г.)».³⁰¹ Можно указать и на другие факты, имеющие существенное значение для датировки Записки. Первой новостью, которую сообщил Шлихтинг, было то, что царь со своим двором выступил на Оку против татар. По разрядам, это произошло между 16 и 22 сентября 1570 г.³⁰² Далее Шлихтинг пишет, что русские послы в Литву князя Мещерский и И. Канбаров «уже снаряжаются в путь, но так как во многих московских городах мор, то они еще не успели собраться». Согласно посольским книгам, сборы послов завершились в декабре 1570 г. Шестого января были подписаны «верющие грамоты», а 10 января 1571 г. послы выехали в Литву.³⁰³ Шлихтинг бежал из России не ранее сентября и не позднее ноября 1570 г. Подтверждением тому является письмо аббата Цира из Варшавы от 28 ноября 1570 г., в котором сообщалось, что из Москвы вернулся Шлихтинг, бывший там в плену семь лет.³⁰⁴

25 февраля 1571 г. русские послы прибыли в Литву. В феврале-марте Шлихтинг и составил краткую записку «Новости из Московии». В начале Записки он сообщал о задержке русских послов, не зная об их приезде; однако же в

середине он пишет о возможном освобождении пленных литовцев теперь, пока русские великие послы находятся у короля.³⁰⁵ Очевидно, Шлихтинг закончил свою Записку вскоре после 25 февраля 1571 г.

«Новости» не являются мемуарами в собственном смысле и содержат краткие показания фактического порядка, что придает им особую ценность.³⁰⁶

Литовское правительство оценило исключительную осведомленность московского беглеца и решило использовать его знания в дипломатических акциях против России.

В 1570 — 1571 гг. папа римский старался склонить Москву к участию в анти-турецкой лиге. С этой целью он направил к царю нунция Портико, который, однако, был задержан в Варшаве королем Сигизмундом. Польская дипломатия пустила в ход всевозможные уловки, чтобы расстроить намечавшийся союз между Москвой и Римом и помешать поездке папского посла на Русь. В сентябре 1571 г. литовцы вручили папскому нунцию «Сказания» А. Шлихтинга о московском тиране. Посла сочинение потрясло. Уже 3 октября 1571 г. Портико сообщил в Рим о своем нежелании ехать в Москву ввиду «злодеяний» московского тирана. Одновременно он переслал туда сочинение Шлихтинга. Ознакомившись с ним, папа римский решил немедленно прервать дипломатические сношения с Москвой. 30 ноября 1571 г. он написал польскому королю следующие строки: «Мы отказываемся полностью от московского дела по причине информации о жизни царя, полученной нами».³⁰⁷

Польская дипломатия достигла своих целей, причем в ее игре Шлихтинг оказался одним из главных козырей. Новое сочинение Шлихтинга называлось «Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича». Оно было составлено между февралем и сентябрем 1571 г. и носило совсем иной характер, нежели Записка. «Сказание» Шлихтинга — это памфлет на царя Ивана Грозного, составленный под присмотром королевских чиновников.

Множество сведений об опричнине сообщает в своих Записках Г. Штаден. Сын бюргера из небольшого вестфальского городка, он попал в Россию в 1564 г. и пробыл там 13 лет. По возвращении на родину он составил в 1577—1579 гг. описание Московии и проект ее завоевания, а также автобиографические заметки.³⁰⁸ Личность автора — типичного авантюриста и малообразованного человека — неизбежно отразилась на содержании его Записок. Вопрос о достоверности сочинений Г. Штадена вызвал разногласия в литературе. Д. Н. Альшиц пришел к выводу, что Записки Г. Штадена обесцениваются немалым числом заведомых измышлений. На этом основании исследователь называет Штадена предшественником Мюнхгаузена.³⁰⁹

Немецкий авантюрист имел возможность описать опричные порядки по личным впечатлениям. В этом усматривали главную ценность его бесхитростных рассказов. Д. Н. Альшиц выдвинул гипотезу о том, что Штаден хвастался службой в опричнине, но в действительности никогда там не служил. Уличая Штадена во лжи, историк указывает на разительные противоречия в его рассказах. Попытаемся более тщательно проанализировать эти противоречия.

Г. Штаден повествует о том, что грамоту на поместье он, как и другие иноземцы, получил от И. Висковатого и И. П. Федорова-Челяднина. Но оба названных лица являлись земскими деятелями, а следовательно, заключает Д. Н. Альшиц, утверждение немца о его службе с опричного поместья является ложным.³¹⁰ Высказанное сомнение представляется неосновательным. Штаден приехал в Москву в 1564 г. и тогда же был зачислен в должности переводчика (толмача) на службу в земский Посольский приказ. Он получил поместье в земской Старице. Лишь после того, как Старица в 1566 г. попала в опричнину, Штадена зачислили на опричную службу. В придачу к ранее полученному поместью Тесмино он получил села Красное и Новое.³¹¹

Г. Штаден упомянул, что завел в Москве корчму, из-за чего простолюдины из опричнины подали жалобу на Земский двор. Д. Н. Альшиц уличает немца в противоречии, поскольку жители опричнины не могли жаловаться на опричника в земское учреждение.³¹² Упрек основан на недоразумении. Земским двором называли в XVI в. учреждение, поддерживавшее порядок в столице. Когда Москва была разделена на земскую и опричную половины, разделился, как то показывают Разрядные книги, и Земский двор. При описании земских приказов Г. Штаден отметил, что в общей судной избе или на Земском дворе сидел Иван Долгоруков и Иван Мятлев. В опричнине же Земский двор возглавлял опричный дворянин Григорий Грязной. К нему и обратились с жалобой на немца простолюдины из опричнины.³¹³ Таким образом, в его рассказе нет никакого противоречия.

В дни разгрома Новгорода Г. Штаден покинул опричную армию, за что якобы был награжден на состоявшемся вскоре опричном смотре в Старице. В этом рассказе Д. Н. Альшиц видит еще одно доказательство лживости Штадена, с чем трудно согласиться. Во время разгрома Новгорода опричник, составив из награбленного обоз, не смог сопровождать царя в Псков и направился в свое старицкое поместье. По стечению обстоятельств Грозный из Пскова также уехал в Старицу, где провел смотр. Благодаря этому Г. Штаден имел возможность попасть на смотр и был за то пожалован. Вопреки мнению Д. Н. Альшица, Г. Штаден не был самозванцем-опричником. Его рассказам порой недостает логики, в них сквозит чрезмерное хвастовство, но все это не меняет дела: Штаден служил в опричнине и описал опричные порядки как очевидец. Многие из его свидетельств находят прямое подтверждение в записках других опричников. Сведения Штадена об отмене опричнины Д. Н. Альшиц рассматривает как очевидное измышление. Опричники И. Таубе и Э. Крузе, а также А. Шлихтинг действительно ни словом не обмолвились об отмене опричнины, но лишь по той причине, что покинули Россию за год-два до таковой отмены.

Сравнительно недавно А. Каппелер ввел в научный оборот две немецкие брошюры 1571 — 1572 гг., сообщающие интересные факты по истории опричнины.³¹⁴ Некий литовец Ярмула Андреевич, оказавшись в плену в Москве, служил в холопах у опричника Ивана Матвеевича и вместе с ним участвовал в новгородском походе. После окончания похода он бежал за рубеж и 2 мая прибыл в Оршу, где был допрошен местным воеводой, по-видимому Ф. Кмитой. Письмо оршанского воеводы с изложением московских «новин» стало известно в Германии, где на его основании была составлена первая из названных немецких брошюр.³¹⁵ Вторая брошюра, изданная во Франкфурте-на-Майне в 1572 г., соединяла известия разного происхождения.³¹⁶ В ней были также использованы литовские источники, излагавшие московские «новинки». Сведения о новгородском погроме, включенные в брошюру, получены из вторых рук и носят менее достоверный характер.

Таковы наиболее важные источники по истории террора в России в XVI в.

¹ См.: Карамзин. История. С. 3—4; Устрялов Н. Г. Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 371—372.

² Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник// Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 323. В новом издании приведен полный текст названного исследования акад. С. Б. Веселовского, которое впервые было опубликовано с очень значительными сокращениями и пропусками в 1940 г.

³ Веселовский. Исследования. С. 342—346.

⁴ Там же. С. 345.

⁵ Там же. С. 345, 324 соответственно.

⁶ Там же. С. 323.

⁷ Там же. С. 340—342.

⁸ Синодик Нижегородского Печорского монастыря 1552 г. напечатан со значительным числом ошибок Н. Левитским в «Сборнике Нижегородской губернской архивной комиссии» (Нижний Новгород, 1913. Т. 15. Вып. 2. С. 27—31).

⁹ Всего в сборнике 104 листа, последние три — чистые.

¹⁰ Синодик цитируется Макарием попеременно с Кормовой книгой монастыря.

¹¹ Чтения ОИДР. 1868. Кн. 1. Отд. V. С. 1.

¹² *Титов А. А.* Синодик XVII в. Переяславского Никитского монастыря. М., 1903. Начало сборника утрачено, многие листы перепутаны. Сборник издан А. А. Титовым в выдержках. Все это затрудняет его точную датировку.

¹³ Там же. С. 27, 33, 35.

¹⁴ Там же. С. 13.

¹⁵ Чтения ОИДР. 1859. Кн. 3. Отд. IV. С. 94.

¹⁶ Там же. С. 90.

¹⁷ ГИМ. Музейн. собр. № 4119. Списки синодиков Свяжского Богородицкого, Московского Богоявленского (№ 3) и Киржацкого монастырей были разысканы и любезно указаны мне А. А. Зиминым.

¹⁸ ГПБ. ОР. Ф. IV. № 194. Л. 204—214.

¹⁹ Последний из «поминавшихся» царей — Василий Шуйский. Другим почерком приписано имя Михаила Романова (л. 18).

²⁰ ГПБ. ОР. О IV. № 24; О IV. № 15. Синодик напечатан Н. Г. Устряловым (*Устрялов Н. Г.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 373—391).

²¹ ГИМ. ОР. Епарх. собр. № 706. Л. 204—210.

²² ГПБ. ОР. Ф. IV. № 196. Л. 285—288 об.

²³ Там же. Сб. Q XVII. № 87. Л. 123 об. — 136 об.

²⁴ ГБЛ. ОР. Собр. рукописей Троице-Сергиевой лавры. Кн. № 818. Л. 212—223 об.

²⁵ Веселовский. Исследования. С. 354.

²⁶ БАН. ОР. Ф. Александро-Свирского монастыря. № 55. Л. 294—298.

²⁷ Там же. Арханг. собр. № 313. Л. 9 об.—14. Копия.

²⁸ Там же. № 392. Л. 80—87 об.

²⁹ ГБЛ. ОР. Собр. рукописей Троице-Сергиевой лавры. Кн. № 815. Л. 46—50 об.

³⁰ Книга вкладная старая Соловецкого монастыря // Архив ЛОИИ. Ф. 2. № 125. Л. 12 об.

³¹ Вкладная книга Симонова монастыря // ГПБ. ОР. Ф. IV. № 348. Л. 19.

³² Так, Кирилло-Белозерский монастырь получил от царя «милостыню» по опальным «по Щенятеве и по Кубенских и по иных, которые в памяти написаны» (Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // ЗОРСА. С. 68—69). Государева «память», очевидно, была внесена в монастырские синодики. В синодике Кирилло-Белозерского монастыря XVII в. мы находим записанные на отдельной странице имена кн. П. Щенятева, кн. И. и М. Кубенских, кн. Д. Палецкого, кн. М. Черкаского, Сильвестра и его сына Анфима, М. Морозова, И. Хабарова и др. (ГПБ. ОР. Синодик. К/Б. № 757/1014. Л. 31).

³³ В списке МБ-3 подробно синодику опальных предпослан краткий список опальных духовных лиц: «митрополита Филиппа, архиепископа Леонида, архимандрита Евфимия, архимандрита Иосифа Симоновской, игумена Корнилия Печорской, игумена Галасея, инока Иоанна, инока Филорета». Перечень интересен тем, что включает ряд имен, отсутствующих в тексте царского синодика (ГПБ. ОР. Q XVII. № 87. Л. 123 об.). В конце синодика НП-2 помещен перечень лиц, не вошедших в царский список опальных: кн. И. Турунтай-Пронский, кн. Н. Одоевский, Н. Шереметев и др. (Чтения ОИДР. 1868. Кн. 1. Отд. V. С. 8).

³⁴ Послание Таубе и Крузе. С. 40.

³⁵ Веселовский. Исследования. С. 344.

³⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 46.

³⁷ Веселовский. Исследования. С. 344. Наблюдение С. Б. Веселовского как бы продолжил Л. М. Сухотин, выпустивший свою работу в том же году. «В синодике Кирилло-Белозерского монастыря казенные в Москве в эти дни (имеются в виду казни новгородцев 25 июля и расправа с членами их семей в ближайшие дни. — Р. С.) записаны кряду. Я имею в виду запись имени Алексея Басманова» (*Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1940. Вып. 7—8. С. 171—172). Никакого вывода из своего наблюдения Л. М. Сухотин не сделал, поскольку он вовсе не занимался синодиком в источниковедческом плане.

³⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 46; ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Штаден. Записки. С. 92.

³⁹ ДДГ. С. 480—481.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Описи царского архива. С. 96.

⁴² Там же. С. 44.

⁴³ Подробный анализ каждого судного списка, установление времени казни опальных лиц и расчленение текста синодика на отдельные судные списки произведены нами в специальном исследовании (см.: *Скрынников Р. Г.* Синодики опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Вопросы истории СССР (XVI—XVIII вв.). Л., 1965. С. 22—65. (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена; Т. 278).

⁴⁴ Ввиду неполноты материала и нарушения хронологического принципа конец синодика представляет меньший интерес для исследования опричнины.

⁴⁵ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958. С. 29—41.

⁴⁶ Указанный раздел летописи имеет вполне самостоятельное значение. Он озаглавлен «Начало повести, еже створи... Бог преславная чудеса... царем... самодержцем православному христианству

от безсрельменского пленения и работы, от безбожных казанских татар» (ПСРЛ. Т. 13. С. 162). Заканчивается «Повесть» описанием казанского взятия (т. е. осуществления «чуда», обещанного в заголовке «Начала повести»), торжественной встречи царя в Москве и пира по случаю победы (Там же. С. 228). Далее идут разрозненные записи за 7061—7062 гг., с пропусками и т. д. Летописный рассказ от «Начала повести» и до ее завершения был составлен уже после казанского взятия 1553 г., но ранее 1555 г. (*Лавров Н. Ф.* Заметки о Никоновской летописи//Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1927. Вып. 1. С. 87).

⁴⁷ Описи царского архива. С. 43.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 314—315, 318, 320, 321, 325.

⁵⁰ Там же. С. 327—328.

⁵¹ Там же. С. 327. Следующая запись летописи «О Московском пожаре» начинается с фактической ошибки: «того же лета, июля в 13 день, в четверг». На самом деле 13 июля (день пожара) приходился на субботу. Запись была сделана человеком, который сам не пережил пожара, или же появилась спустя много времени.

⁵² Ср. Львовскую летопись, где события доведены до февраля 1560 г. (ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 621).

⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 161. Примеч. 1.

⁵⁴ Там же. С. 267.

⁵⁵ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 429.

⁵⁶ Вставки завершаются рассказом о «строении» 1556 г., который подкрепляется ссылкой на какие-то документы, явно отсутствующие у автора: «и подлинные тому розряды у царских чинов начальников, у приказных людей» (ПСРЛ. Т. 13. С. 269).

⁵⁷ *Пресняков А. Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. С. 17.

⁵⁸ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. 302—312.

⁵⁹ *Альшиц Д. Н.* 1) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени//ИЗ. 1947. Т. 23; 2) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.// Там же. 1948. Т. 25; 3) Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый?//ТОДРЛ. 1960. Т. 16; 4) Начало самодержавия в России. С. 207—228.

⁶⁰ *Зимин А. А.* 1) Реформы. С. 61; 2) Опричина. С. 70, 72, 290.

⁶¹ *Андреев Н. Е.* Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного//ТОДРЛ. 1962. Т. 18; *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории лицевого летописания. М., 1965; *Скрынников Р. Г.* Начало опричины. Л., 1966.

⁶² Шмидт. Российское государство. С. 190—216.

⁶³ *Протасьева Т. Н.* К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи//Летописи и хроники. М., 1974; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XIV—XVII вв. М., 1980; *Амосов А. А.* Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного» в Лицевом летописном своде: (Заметка о бумаге так называемой Царственной книги)//ВИД. 1982. Т. XIII; *Морозов В. В.* 1) Царственная книга как памятник летописания XVI в.: АКД. М., 1979; 2) О составе так называемой Царственной книги//Вопросы источниковедения и историографии досоветского периода: Сб. статей. М., 1979; *Морозов С. А.* Летописные повести по истории России 30—70 гг. XVI века: АКД. М., 1979.

⁶⁴ Шмидт. Российское государство. С. 199.

⁶⁵ *Левочкин И. В.* Русские лицевые рукописи XIII—XVIII вв. и некоторые вопросы их изучения//Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 6—13.

⁶⁶ Шмидт. Российское государство. С. 26—43.

⁶⁷ Описи царского архива. С. 43; Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции/Подгот. А. А. Зимин. М., 1978. Т. 3. С. 525.

⁶⁸ Подробнее см. гл. 14.

⁶⁹ Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1885. С. 53.

⁷⁰ *Амосов А. А.* Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного»... С. 180—181.

⁷¹ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 1. С. 302—312.

⁷² *Альшиц Д. Н.* 1) Иван Грозный и его приписки. С. 287—288; 2) Начало самодержавия в России. С. 223.

⁷³ *Амосов А. А.* 1) Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного»... С. 176—180; 2) Заметки о московском старопечатании: «Слободская Псалтирь»//Книга и книготорговля в России в XVI—XVIII вв. Л., 1984. С. 14—24; *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи. XVI—XVII вв. С. 246—249.

⁷⁴ Шмидт. Российское государство. С. 193.

⁷⁵ *Амосов А. А.* Заметки о московском старопечатании: «Слободская Псалтирь». С. 23—24.

⁷⁶ *Амосов А. А.* Из истории создания Лицевого летописного свода: Организация работ по написанию рукописей//Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1983. Сб. 3. С. 226.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Предположение А. А. Амосова о том, что «История Грозного» была продолжена, возможно, намного далее 1567 г., относится к числу догадок, не подкрепленных фактами (*Амосов А. А.* Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного»... С. 189).

⁷⁹ *Альшиц Д. Н.* 1) Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г.//ИЗ. 1948. Т. 25. С. 266—292; 2) Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени.

С. 251—289; 3) Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования//Тр. ГПБ. Л. 1957. Т. 1 (IV). С. 119—146. Вопрос об авторстве Грозного вызвал полемику между Д. Н. Альшицем и английским историком Н. Е. Андреевым (см.: *Andreyev N. Interpolations in the 16-th century Muscovite Chronicles//The Slavonic and East European Review. London, 1956. Vol. XXXV. № 84. P. 95—115; Андреев Н. Е. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. С. 117—148; Альшиц Д. Н. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый?//ТОДРЛ. 1960. Т. 16. С. 617—623).*

⁸⁰ Альшиц Д. Н. Происхождение и особенности... С. 266.

⁸¹ Зимин. Опричнина. С. 72.

⁸² Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 28.

⁸³ ПСРЛ. Т. 13. С. 525.

⁸⁴ Зимин А. А. О методике изучения повествовательных источников XVI в.//Источниковедение отечественной истории. М., 1973. Вып. 1. С. 193—194.

⁸⁵ Андреев Н. Е. Об авторе приписок... С. 130—131.

⁸⁶ Шмидт. Российское государство. С. 205—210.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 237.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Переписка. С. 32.

⁹⁰ Описи царского архива. С. 35.

⁹¹ А. Е. Пресняков, сопоставив летописный рассказ о деле С. В. Ростовского с записью о посылке к царю архивного материала в 1563 г., высказал осторожное предположение: «Не из архивных ли следственных дел черпались сведения, изложенные в приписках? Вероятнее всего, что таков и был первоначальный их источник» (*Пресняков А. Е. Царственная книга... С. 17*). Ту же мысль развивали затем С. В. Бахрушин и Д. Н. Альшиц (*Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 333; Альшиц Д. Н. Иван Грозный и приписки... С. 278—280*).

⁹² ПСРЛ. Т. 13. С. 525.

⁹³ Там же. С. 392.

⁹⁴ Там же. С. 238.

⁹⁵ Там же. С. 525.

⁹⁶ Переписка. С. 32.

⁹⁷ Там же. С. 104.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 233.

⁹⁹ Там же. С. 524—526.

¹⁰⁰ Морозов В. В. 1) Иван Грозный на миниатюрах Царственной книги//Древнерусское искусство: Рукописная книга. Сб. 3. С. 232—340; 2) Об источниках Царственной книги: (Летописец начала царства)//Летописи и хроники. М., 1984. С. 75—87.

¹⁰¹ Амосов А. А. Датировка и кодикологическая структура «Истории Грозного»... С. 182. Примеч. 59.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 13. С. 108, 263; *Пресняков А. Е. Царственная книга... С. 8*. Примеч. 10.

¹⁰³ Андреев Н. Е. Об авторе приписок... С. 117—118.

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 343, 372.

¹⁰⁵ Скрынников Р. Г. О времени работы Ивана Грозного над лицевым сводом//Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 159.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 237.

¹⁰⁷ Там же. С. 529.

¹⁰⁸ Насонов А. Н. Из истории Псковского летописания//ИЗ. 1946. Т. 18. С. 266—269, 293.

¹⁰⁹ Спустя два месяца явилось новое небесное знамение, «два месяца рогами противу себя» (см.: Псковские летописи/Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. Вып. 2. С. 250).

¹¹⁰ См.: Новгородские летописи. 1879.

¹¹¹ Там же. С. 99—100.

¹¹² Там же. С. 109, 11—112.

¹¹³ Там же. С. 101—102.

¹¹⁴ Там же. С. 102—121.

¹¹⁵ Там же. С. 105, 107.

¹¹⁶ Морозов С. А. Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным//АЕ за 1977 г. 1978. С. 268—274.

¹¹⁷ Новгородские летописи. Предисловие. С. XIII.

¹¹⁸ *Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 13—17.*

¹¹⁹ Там же. С. 14.

¹²⁰ *Корецкий В. И. К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины//Летописи и хроники: Сб. 1984. М., 1984. Прил. С. 110.*

¹²¹ Там же. С. 111.

¹²² Там же. С. 92—93.

¹²³ Там же. С. 93.

¹²⁴ *Корецкий В. И. История русского летописания... С. 12.*

¹²⁵ *Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII в.//История СССР. 1957. № 3. С. 112; Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца//Летописи и хроники. М., 1976. С. 147.*

- ¹²⁶ Яковлева О. А. Пискаревский летописец//Материалы по истории СССР (XV—XVII вв.). М., 1955. Т. 2. С. 13—14.
- ¹²⁷ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец... С. 113.
- ¹²⁸ Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в.: (Об авторе Пискаревского летописца)//Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 329—358.
- ^{128-а} Солодкин Я. Г. Русская публицистика начала XVII века: Проблема происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1991. С. 26, 28, 34.
- ¹²⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.
- ¹³⁰ Разряды. Л. 349 об. В настоящей работе сохранены ссылки на Эрмитажный список, использованный нами во всех предыдущих исследованиях по бычичине: Недавно первая часть Разрядной книги пространной редакции, представленная Щукинским, Эрмитажным и другими списками, была опубликована В. И. Бугановым, положившим в основу издания первый из названных списков.
- ¹³¹ Послание Таубе и Крузе. С. 47.
- ¹³² Курбский. Сочинения. С. 286.
- ¹³³ Скрынников Р. Г. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. С. 74.
- ¹³⁴ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в.//ИЗ. 1941. Т. 10. С. 92.
- ¹³⁵ См. ниже, с. 541—542.
- ¹³⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.
- ¹³⁷ Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец... С. 117.
- ¹³⁸ Скрынников Р. Г. Синодик опальных... С. 85.
- ¹³⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
- ¹⁴⁰ Скрынников Р. Г. Синодик опальных... С. 61.
- ¹⁴¹ Яковлева О. А. Пискаревский летописец... С. 13.
- ¹⁴² Английский посол Д. Горсей писал, что русские летописи содержались в тайне главным советником страны и главой думы князем И. Ф. Мстиславским (Горсей. Путешествия. С. 88).
- ¹⁴³ Яковлева О. А. Пискаревский летописец... С. 14; Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец... С. 118—121.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 190—191.
- ¹⁴⁵ Скрынников Р. Г. Курбский и его письма в Псково-Печорский монастырь//ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 99—116.
- ¹⁴⁶ Г. З. Кунцевич опубликовал текст всех трех посланий Курбского Васьяну (см.: Курбский. Сочинения. С. 377—382, 383—404).
- ¹⁴⁷ В состав Соловецкого сборника входят «утвержденная грамота» царя Федора, грамота об избрании царя Бориса, послание к Борису патриарха Иова и «здравная» в честь нового царя (см.: [Порфирьев И. Я.] Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 553—559). Соловецкий сборник восходит к концу XVI в. и является одним из древнейших сборников, включающих сочинения Курбского.
- ¹⁴⁸ Петухов Е. В. 1) О некоторых исторических и литературных фактах, связанных с именем Успенского Псково-Печорского монастыря в XVI и XVII вв.//Труды X археол. съезда. Рига, 1899. Т. 1. С. 261; 2) Русская литература. 3-е изд. Пг., 1916. С. 183.
- ¹⁴⁹ Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV//Послания Ивана Грозного. С. 472—473, 533.
- ¹⁵⁰ Andreyev N. Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev//The Slavonic and East European Review. London, 1955. Vol. XXXIII. N 81.
- ¹⁵¹ Разряд Полоцкого похода 1562—1563 гг.//Витебская старина. С. 66.
- ¹⁵² Курбский. Сочинения. С. 377. Примеч. 4.
- ¹⁵³ Там же. С. 383. Примеч. 3.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 410.
- ¹⁵⁵ Скрынников Р. Г. Курбский и его письма... С. 106.
- ¹⁵⁶ Кинан. Апокриф. С. 1.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 16—19.
- ¹⁵⁸ Лихачев Д. С. Курбский и Грозный — были ли они писатели?//Русская литература. 1972. № 4; Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973.
- ¹⁵⁹ Андреев Н. Е. Мнимая тема//The New Review. 1972. N 109; Szeftel M. The Kurbskii — Grozny Aposcrupha, by E. L. Keenan//Slavic Review. 1972. Vol. 31. N 4; Halperin G. J. A Heretical View of Sixteenth-Century Muscovy//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1974. Bd 22; Kappeler A. Die sowjetische Reaktion auf Keenans Häresie//Ibid.; Andreev N. Review Article//The Slavonic and East European Review. London, 1975. Vol. 53. N 133; Fennel J. L. I. R. G. Skrynnikov, Perepiska...//Russia Mediaevalis. München, 1975. Vol. 2 (далее — Феннел. Рецензия); Røssing N., Rønne B. Aposcruphal — not Aposcruphal? Copenhagen, 1980.
- ¹⁶⁰ Феннел. Рецензия. С. 197.
- ¹⁶¹ А. А. Зимин и Я. С. Лурье впервые сформулировали свой взгляд на дискуссию в 1976 г., выступив в поддержку стеммы Д. Феннела. Мимоходом Я. С. Лурье сделал замечание о том, что

Р. Г. Скрынников принял основное текстологическое построение Э. Кинана (влияние Исаяи на Курбского), но отверг предложенную им датировку (*Лурье Я. С.* Первое послание Грозного Курбскому//ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 206). Мировая дискуссия об аутентичности переписки преподнесла читателям немало сюрпризов. Приведенное мнение, возможно, заключает в себе самый удивительный из них. Если бы главная текстологическая формула Э. Кинана сводилась к положению о «влиянии Исаяи на Курбского», нам незачем было бы братья за перо. Тезис о тождественности основного текстологического построения Э. Кинана и Р. Г. Скрынникова не соответствует истине ни фактически, ни формально. Текстология имеет дело с историей текстов и включает датировку и атрибуцию. Своим основным текстологическим построением Э. Кинан доказывает, что Исаяя написал «Жалобу» в 1566 г., а псевдо-Курбский-Шаховской заимствовал у него текст в 20-х гг. XVII в. Мы же в основном своем построении исходим из того, что «Жалоба» была написана в 1562 г. и отослана в Литву, где Курбский заимствовал из нее текст в 1564 г.

¹⁶² *Лихачев Д. С.* Курбский и Грозный... С. 206; *Андреев Н. Е.* Мнимая тема. С. 267.

¹⁶³ ЦГАДА. Ф. 79. Дела Польского двора. Кн. 12. Л. 289—289 об.

¹⁶⁴ Кинан. Апокриф. С. 17—21.

¹⁶⁵ *Зимин А. А.* Первое послание Курбского Грозному//ТОДРЛ. Т. 31. С. 190.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Феннел. Рецензия. С. 192.

¹⁶⁸ *Зимин А. А.* Первое послание Курбского... С. 190, 191.

¹⁶⁹ Кинан. Апокриф. С. 22.

¹⁷⁰ ГПБ. Q XVII. 70. Л. 178 об.

¹⁷¹ Там же. Л. 179.

¹⁷² Там же. Л. 180.

¹⁷³ *Зимин А. А.* Первое послание Курбского... С. 193.

¹⁷⁴ ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 15. Л. 224 об. — 225, 253, 282.

¹⁷⁵ Список с листа Исаяина. С. 2; Отписка смоленского епископа Симеона (сентябрь 1561 г.)//РИБ, Т. 22. Ч. 2. С. 67.

¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 340.

¹⁷⁷ ГПБ. Q XVII. 70. Л. 150.

¹⁷⁸ *Кинан Э.* Ответ Р. Г. Скрынникову//Kritika: A Review of Current Soviet Texts on Russian History. Cambridge (Mass.), 1973. N 10.

¹⁷⁹ *Лурье Я. С.* Первое послание Грозного... С. 206. Примеч. 15.

¹⁸⁰ *Зимин А. А.* Первое послание Курбского... С. 192.

¹⁸¹ Там же. С. 192—193.

¹⁸² Переписка. С. 8.

¹⁸³ *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности мниха камянчанина Исаяи: Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1913. Т. 181. С. 5—6.

¹⁸⁴ Феннел. Рецензия. С. 191.

¹⁸⁵ Там же. С. 191—192.

¹⁸⁶ Там же. Методика Д. Феннела в этом пункте напоминает текстологическую методику, примененную скептиками в споре о происхождении «Слова о полку Игореве». Главный аргумент в пользу первичности «Задонщины» скептики усматривают в том, что сходные места имеют в «Задонщине» стройный, ясный, а следовательно, и более древний вид, чем в «Слове о полку Игореве», где текст менее логичен. Неудовлетворительность такой методики, ведущей к субъективным толкованиям, выяснена Д. С. Лихачевым, см.: *Лихачев Д. С.* Взаимоотношение списков и редакций «Задонщины»: (Исследование Анджеоло Данти)//ТОДРЛ. Т. 31. С. 166—167.

¹⁸⁷ *Зимин А. А.* Первое послание Курбского... С. 189.

¹⁸⁸ *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности... С. 4.

¹⁸⁹ *Auerbach I.* Kurbskij-Studien: Bemerkungen zu einem Buch von E. L. Keenan//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1974. Bd 22. Heft 2; *Рыков Ю. Д.* К вопросу об источниках Первого послания Курбского Ивану IV//ТОДРЛ. Т. 31. С. 235—246.

¹⁹⁰ Курбский. Сочинения. С. 192—193.

¹⁹¹ *Абрамович Д. И.* К литературной деятельности... С. 4.

¹⁹² Шлихтинг. Новое известие. С. 38.

¹⁹³ Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Переписка... С. 36—41.

¹⁹⁴ Я. С. Лурье полагал, что Погодинский сборник с подборкой писем Курбского, Тетерина, Полубенского и Грозного, возможно, составлен был в Печорском монастыре (Послания Ивана Грозного. С. 540). А. А. Зимин высказал гипотезу, что послание Грозного было включено в «Печорский сборник» не в Печорах, а в Москве, в царской канцелярии (*Зимин А. А.* Археологический обзор сочинений И. С. Пересветова//Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 83).

¹⁹⁵ В сборнике ГПБ. Погод. № 1573 изменен порядок писем, входящих в вольмарскую подборку: сначала следуют письмо Курбского (л. 49 об. — 53 об.) и ответ Грозного (л. 53 об. — 75 об.), а затем краткая записка Курбского и его письмо к Васьяну (л. 75 об. — 79 об.).

¹⁹⁶ Курбский. Сочинения. С. 495.

¹⁹⁷ ГПБ. Собр. Солов. мон. № 962/852. Л. 251 об.

¹⁹⁸ Там же. Погод. № 1567. Л. 4.

¹⁹⁹ Послания Ивана Грозного. С. 536—537.

- ²⁰⁰ Там же. С. 534.
- ²⁰¹ *Скрынников Р. Г.* Переписка... С. 23—36.
- ²⁰² См. выше.
- ²⁰³ *Морозов Б. Н.* Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI — начала XVII в.//АЕ за 1986 г. 1987. С. 286.
- ²⁰⁴ ЦГАДА. Ф. 79. Кн. 12. Л. 289—289 об.; *Флоря Б. Н.* Новое о Грозном и Курбском//История СССР. 1974. № 3. С. 145.
- ²⁰⁵ Прочитированный наказ внесен в посольскую книгу, составленную московским приказом при жизни Курбского и Грозного. Более авторитетный памятник трудно отыскать.
- ²⁰⁶ *Юзефович Л. А.* Стефан Баторий о переписке Ивана Грозного и Курбского//АЕ за 1974 г. 1975. С. 143—144; *Хью Грем.* Вновь о переписке Грозного и Курбского//ВИ. 1984. № 5. С. 174—178.
- ²⁰⁷ *Карамзин.* История. Примеч. 181; *Соловьев.* История. С. 169; *Жданов И. Н.* Сочинения. СПб., 1904. Т. 1. С. 125.
- ²⁰⁸ *Лурье Я. С.* Археографический обзор посланий Ивана Грозного//Послания Ивана Грозного. С. 575.
- ²⁰⁹ Там же.
- ²¹⁰ Послания Ивана Грозного. С. 242—243, 250—251. В послании Воротынского текст тот же, с несущественными изменениями (Там же. С. 259).
- ²¹¹ Там же. С. 274. В послании Федорова абзац отсутствует.
- ²¹² Текст совпадает в трех посланиях (Там же. С. 252, 261). В послании Бельского добавлено обращение «брате» (Там же. С. 244).
- ²¹³ Там же. С. 246, 254, 264.
- ²¹⁴ Там же.
- ²¹⁵ Там же. С. 274, 275.
- ²¹⁶ *Keenan E. L.* Putting Kurbskii in his place or: observations and suggestions concerning the place of the History of the Grand prince of Muscovy in the history of Muscovite Literary culture//Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Wiesbaden, 1978. Bd 24. S. 131—161.
- ²¹⁷ *Рыков Ю. Д.* Редакции «Истории» князя Курбского//АЕ за 1970 г. 1971; *Уваров К. А.* «История о великом князе Московском» в русской рукописной традиции XVII—XVIII вв.//Учен. зап. МГПИ. 1971. Т. 455; см. также: *Осипова К. С.* «История о великом князе Московском» Андрея Курбского в Голицынском сборнике//ТОДРЛ. 1979. Т. 33. С. 307.
- ²¹⁸ *Гладкий А. И.* 1) «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова//ВИД. 1982. XIII. С. 43—50; 2) К вопросу о подлинности «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского: (Житие Феодорита)//ТОДРЛ. 1982. Т. 36. С. 239—241.
- ²¹⁹ *Auerbach I.* Andrej Mich. Kurbskij. München, 1985. S. 375.
- ²²⁰ *Жданов И. Н.* Сочинения. Т. 1. С. 158.
- ²²¹ *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю о великом князе Московском»?//ТОДРЛ. 1962. Т. 18. С. 306.
- ²²² *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 105—107.
- ²²³ *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю...»? С. 306.
- ²²⁴ Первое послание Грозного к Курбскому было историческим трактатом и по объему составляло примерно половину «Истории» Курбского. На сочинение послания царь затратил менее двух месяцев.
- ²²⁵ Курбский. Сочинения. С. 241.
- ²²⁶ Разряды. Л. 478—478 об., 479 об., 481.
- ²²⁷ *Зимин А. А.* Когда Курбский написал «Историю...»? С. 307.
- ²²⁸ *Fennell J. L. I.* Prince A. M. Kurbsky's History of Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1965. P. VII.
- ²²⁹ См. ниже, с. 291, 400.
- ²³⁰ Курбский. Сочинения. С. 396.
- ²³¹ Там же. С. 275.
- ²³² Там же. С. 274.
- ²³³ Там же. С. 276, 347.
- ²³⁴ См.: ДДГ. С. 444.
- ²³⁵ Веселовский. Исследования. С. 304.
- ²³⁶ Там же. С. 306.
- ²³⁷ Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции. Вып. 2. С. 328. Г. Л. Григорьев принимает датировку С. Б. Веселовского, подкрепляя ее наблюдениями психологического характера (*Григорьев Г. Л.* Завещание Ивана Грозного//ВИ. 1972. № 4. С. 210—214).
- ²³⁸ ДДГ. С. 435.
- ²³⁹ Там же. С. 444.
- ²⁴⁰ Там же. С. 437.
- ²⁴¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.
- ²⁴² Описи царского архива. С. 31.
- ²⁴³ Шмидт. Российское государство. С. 176.
- ²⁴⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 372.
- ²⁴⁵ ДДГ. С. 442.

- ²⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 400.
- ²⁴⁷ ДДГ. С. 442.
- ²⁴⁸ Там же.
- ²⁴⁹ Там же. С. 436.
- ²⁵⁰ Там же. С. 442.
- ²⁵¹ *Колычева Е. И.* К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990. С. 129—130.
- ²⁵² ДДГ. С. 435.
- ²⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 344, 394.
- ²⁵⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 345.
- ²⁵⁵ Послания Ивана Грозного. С. 261.
- ²⁵⁶ Там же. С. 257.
- ²⁵⁷ *Колычева Е. И.* К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного С. 129.
- ²⁵⁸ ДДГ. С. 444.
- ²⁵⁹ Докладная выпись 121 (1613) г. о вотчинах и поместьях // Чтения ОИДР. 1895. Кн. 1. Отд. 1. С. 1.
- ²⁶⁰ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 204; *Колычева Е. И.* К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного. С. 129.
- ²⁶¹ Государственный архив России XVI столетия. Вып. 2. С. 327.
- ²⁶² ДДГ. С. 434.
- ²⁶³ Государственный архив России XVI столетия. Вып. 2. С. 323.
- ²⁶⁴ Описи царского архива. С. 49.
- ²⁶⁵ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 291—292.
- ²⁶⁶ *Колычева Е. И.* К проблеме... С. 130.
- ²⁶⁷ ДДГ. С. 437.
- ²⁶⁸ Веселовский. Исследования. С. 321.
- ²⁶⁹ ДДГ. С. 443.
- ²⁷⁰ Описи царского архива. С. 40.
- ²⁷¹ Там же. С. 49.
- ²⁷² ДДГ. С. 423, 434—435.
- ²⁷³ См.: *Шмидт С. О.* К истории составления описей царского архива XVI века // АЕ за 1958 г. С. 58—63; Шмидт. Российское государство. С. 13—20.
- ²⁷⁴ Завещания отца и деда царь использовал при составлении собственной духовной, по-видимому, в первую очередь (см.: Веселовский. Исследования. С. 320; *Зимин А. А.* Реформы... С. 225; Государственный архив России XVI столетия. Вып. 2. С. 320, 328).
- ²⁷⁵ Описи царского архива. С. 36, 31, 25.
- ²⁷⁶ Там же. С. 19, 23 — 26, 32, 33.
- ²⁷⁷ ДДГ. С. 433—435.
- ²⁷⁸ Там же. С. 441; Описи царского архива. С. 39—40. В те же самые дни Иван просматривал «грамоту Шемячичевские княгини и списки Шемячичевы» (7 и 8 августа) и духовную кн. Д. Пенкова (7 августа). В царскую духовную были включены специальные разделы о волостях, «что было за князем Василием Шемячичем», и о вотчинах Пенковых (см.: Описи царского архива. С. 26, 25; ДДГ. С. 440—441, 443).
- ²⁷⁹ Описи царского архива. С. 36, 23.
- ²⁸⁰ *Stökl G.* Testament und Siegel Ivans IV. Opladen, 1973. S. 9—40.
- ²⁸¹ ДДГ. С. 426.
- ²⁸² Государственный архив России XVI столетия. Вып. 2. С. 328.
- ²⁸³ Зимин. Опричнина. С. 89; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 147—149.
- ²⁸⁴ ДДГ. С. 444.
- ²⁸⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 317. Таубе писал, что первые шесть лет (очевидно, 1559—1564 гг.) он провел в России в цепях и узах, а последующие семь лет (1565—1571 гг.) — на воле. О сношениях Таубе с рижанами в 1564 г. см.: *Новицкий Г. А.* Новые известия из истории дипломатической борьбы во время Ливонской войны // Вестн. МГУ. Сер. IV. Ист. 1963. № 3. В царском архиве хранились «грамоты опасные в Ригу от государя по Иванову скаске Тутова» (И. Таубе) (см.: Описи царского архива. С. 39).
- ²⁸⁶ *Zar Iwan der Grausamme... von I. Taube und E. Kruse 1572 // Sammlung Russischer Geschichte. Dorpat, 1816. Band X. Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, von G. Ewers und M. Engelhardt.*
- ²⁸⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 8.
- ²⁸⁸ *Браудо А. И.* Послание Таубе и Крузе к герцогу Кеглеру // ЖМНП. 1890. № 10. С. 389—395.
- ²⁸⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 35.
- ²⁹⁰ *Zar Iwan der Grausamme... S. 197.*
- ²⁹¹ Хофф. Тирания. Л. 7.
- ²⁹² Послание Таубе и Крузе. С. 32; Хофф. Тирания. Л. 4.
- ²⁹³ Там же. Соответственно: С. 34; Л. 6.
- ²⁹⁴ Там же. С. 36; Л. 7 об.
- ²⁹⁵ Там же. С. 49; Л. 17 об.

²⁹⁶ Там же. С. 39; Л. 9 об.

²⁹⁷ Там же. С. 48; Л. 16 об. — 17.

²⁹⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 4; см. также: *Рихтер В.* История медицины в России. М., 1814. С. 286. В сентябре 1567 г. царь Иван просил английскую королеву прислать ему искусного врача. Елизавета рекомендовала Грозному известного бельгийского медика Арнольда Лензея (*Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею: 1553—1593. СПб., 1875. С. 36). Из Москвы в Англию была направлена «грамота опасная Арнолу дохтуру, да брату его Якову фрязом» (см.: *Описи царского архива.* С. 41). В мае 1568 г. Лензей прибыл в Москву. Царь щедро наградил его и принял в опричнину (*Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях // *Записки Академии наук.* СПб., 1865. Т. 8. С. 77—78).

²⁹⁹ Член опричной думы кн. А. Вяземский скрывался в доме Лензея в дни опалы, после разгрома Новгорода (Шлихтинг. Новое известие. С. 33).

³⁰⁰ Там же. С. 59—62.

³⁰¹ *Малеин А. И.* Введение // Там же. С. 13.

³⁰² Разряды. Л. 361 об.

³⁰³ Сб. РИО. Т. 71. С. 763—764.

³⁰⁴ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой: 1570—1582 гг. СПб., 1904. С. 5.

³⁰⁵ Шлихтинг. Новое известие. С. 59, 61.

³⁰⁶ «Новости» распадается на разделы, не связанные между собой: «О трехлетнем мире», «О послё» и т. д.

³⁰⁷ *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 251, 252, 227—230.

³⁰⁸ *Полосин И. И.* Западная Европа и Москва в XVI в. // Штаден. Записки. С. 44—50.

³⁰⁹ *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 171.

³¹⁰ Там же. С. 166.

³¹¹ Штаден. Записки. С. 130, 134.

³¹² *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 165.

³¹³ Штаден. Записки. С. 80, 136.

³¹⁴ Каппелер. Последние годы опричнины. С. 1—30.

³¹⁵ *Warhafftige Neue Zeitung vom grausamen Feindt der Christenheit dem Moskowiter.* S. 1., S. a.

³¹⁶ *Eigentliche Warhafftige Beschreibung etlicher Handlung so sich in Reussen zur Moscau...* Frankfurt am Main, 1572.

АРИСТОКРАТИЯ И ДВОРЯНСТВО

Господствующее сословие средневековой России включало множество чиновных групп и прослоек. Его структура эволюционировала под влиянием прежде всего развития форм земельной собственности. Крупная феодальная вотчина возникла уже в Древней Руси. Наиболее основательно в литературе исследован процесс возникновения крупного землевладения в Новгородской земле.

Обратившись к «старому письму» в самых ранних новгородских писцовых книгах XV в., В. Л. Янин обнаружил в нем реликтовый слой древнейшего феодального землевладения и доказал, что обширный княжеский домен возник в древнем Новгороде на рубеже XI — XII вв. Ядро домена, охватывавшего обширную территорию между Селигером и Ловатью, составляли крупнейшие крестьянские волости (Морева, Велила, Стерж, Лопастыцы, Буец, погосты Холмский, Молвотицкий, Жабенский, Ляховичи). В XV в. в этих землях числилось более 2000 обож.¹

Наблюдения В. Л. Янина дали исключительно богатый материал для решения проблемы возникновения крупной княжеской вотчины в Древней Руси. Князья обращали в свою собственность целиком крупные крестьянские волости (общины). Древнейшие законодательные памятники и летописи подтверждают вывод об активном процессе формирования феодального землевладения на Руси (в виде княжеского домена, а также однотипной с ним боярской вотчины) в конце XI — начале XII в. Не позднее 1086 г. князь Ярополк Изяславич, внук Ярослава Мудрого, пожаловал Киевскому Печерскому монастырю «всю жизнь свою Небольскую волость и Деревьскую и Лучьскую и около Киева».² Ярополк получал доходы в виде даней и других поступлений со всей территории княжества, но эти средства подвергались в дальнейшем многократному разделу: часть шла в Киев к великому князю, часть — дружине, десятину получали церковь и пр. Обращение трех волостей (Небольской и др.) в домен позволило Ярополку сконцентрировать все волостные доходы в своих руках. Понятно, почему князь считал эти волости своим достатком — «всей своей жизнью», хотя он мог получать доход и со многих других волостей.

Обращая в вотчину крестьянскую волость или село, феодал мог в дальнейшем пожаловать ее монастырю, как то и сделал князь Ярополк со своей «жизнью» (имуществом) — Небольской волостью. Ярополк прибыл на Волынь в 1076 г., погиб же в 1086 г. В этот строго очерченный промежуток времени он и составил себе домен из трех волостей, отказанных позднее в пользу Киевского Печерского монастыря. Однако монастырь не смог воспользоваться правами, вытекавшими из пожалования умершего князя, поскольку княжество Ярополка перешло в другие руки. Частая смена князей затрудняла становление феодального землевладения. Для трех волостей статус домена

оказался лишь кратковременным эпизодом.³ Вновь нарождавшаяся феодальная вотчина, поначалу весьма неустойчивая, со временем упрочилась, чему немало способствовала разработка феодальных правовых норм и правопорядка.

В литературе давно было отмечено исключительное значение статьи 34 Русской Правды (Краткой редакции): «А иже межоу переореть либо перетес, то за обиду 12 гривне».⁴ Фундаментальное открытие В. Л. Янина, опирающееся на комплексное изучение массовых источников и прочей документации по Новгороду, выявило тот факт, что княжеский домен в конце XI—XII в. формировался в первую очередь за счет окняжения крупных крестьянских волостей.^{4а} (Пример князя Ярополка подтверждает, что тем же путем шли князья Южной Руси). В свете сказанного и следует интерпретировать статью 34 Правды Ярославичей. Обнажаются причины, в силу которых князь, освоив волость, проявлял исключительную заинтересованность в защите ее межи. Все дело в том, что волостная межа превращалась в межу княжеской вотчины. Правда Ярославичей регламентировала жизнь княжеского домена, защищала системой штрафов безопасность ее управителей (огнищан, старых конюхов), ее работников, всякого рода княжеского имущества и угодий. Огромный штраф за простое нарушение межи (он более чем вдвое превосходил штраф за убийство смерда) призван был оградить нарождавшуюся феодальную земельную собственность.

Становление княжеского домена — собственности главы государства — оказало значительное влияние на политическую структуру русского общества. Вслед за доменом на Новгородских землях начало быстро расти боярское вотчинное землевладение. Формирование русского боярства было тесно связано с развитием вотчины в XIII—XV вв. В Новгороде Великом бояре достигли такого могущества, что сломили княжескую власть. Сначала в Новгороде, а затем в Пскове возникли вечевые республики. Уничтожение княжеского домена в Новгороде шло рука об руку с расширением боярского землевладения. Завоевав Новгород, Москва воспользовалась победой, чтобы возродить великокняжеские владения в пределах Новгородской земли. Речь шла о столкновении принципов, двух типов политической эволюции. Московские государи осуществили первый в русской истории опыт ликвидации большой социальной группы. Они конфисковали вотчины и выселили из пределов Новгорода всех местных бояр и прочих землевладельцев, составлявших высшие слои новгородского общества. Таким образом, речь шла не о вхождении Новгорода в состав России, не об объединении русских земель (Москвы и Новгорода), а о завоевании Новгорода, положившем конец боярско-вечевой республике.

Во Владимиро-Суздальской земле традиционная монархическая форма правления оставалась неизбежной. Местные княжеские династии сравнительно рано попали в сферу московского влияния. Дело обошлось без длительной кровавой борьбы. Местные великие и удельные княжества подверглись дроблению и пришли в упадок. К XV в. династия Калиты, опираясь на московское боярство, подчинила себе свою младшую «братию» князей Суздальско-Нижегородских, Ростовских, Ярославских, Стародубских. Переход десятков княжеских фамилий на службу в Москву усилил аристократический элемент в составе московского боярства. В отличие от суздальских князей последний великий князь Твери бежал за рубеж, спасаясь от московского владычества. Покорению Твери предшествовала длительная борьба. Но и в этом случае политический фактор оказал глубокое влияние на эволюцию феодального землевладения. Ввиду господства там монархических форм и отсутствия боярско-вечевых порядков завоевание Твери не изменило традиционную структуру местного боярского землевладения и не имело катастрофических последствий для тверской знати.⁵

Московская знать помогла династии одолеть новгородское боярство. Но для самой этой знати успех имел роковые последствия. Падение Новгорода

создало почву для рождения московского самодержавия. В царствование Ивана Грозного знать пожала плоды нового порядка, при котором взаимоотношения между государством и высшими сословиями строились на основах принципа обязательной службы с земли.

Современная американская историография придает указанному принципу первостепенное значение. По мнению Р. Пайпса, введение обязательной службы с земли при Иване IV фактически означало упразднение частной поземельной собственности, «экспроприацию общества короной».⁶ Аналогичную позицию занимает Р. Хелли. В Москве, пишет этот исследователь, существовала аристократия, но она была преодолена принципом обязательной службы; военная служба требовалась от всех землевладельцев, поэтому земельные владения не давали основания для независимости; дворянство не имело голоса как корпорация.⁷ Служба и зависимость от короны, как полагает Р. Крами, были центральным фактом в жизни русского боярства.⁸

На Западе, как подчеркивают зарубежные историки, отношения между монархом и его вассалами имели договорный характер, тогда как в России господствовал принцип обязательной службы, выражавший подчиненность дворянства монарху.

Изложенная концепция требует уточнений. В Новгородской феодальной республике XII—XV вв. политические отношения носили договорный характер.⁹ Новгородские посадники и вече заключали договор («ряд») с князем, приглашая его в Новгород, и «указывали ему путь», если он нарушал договор. Этот порядок рухнул после завоевания Новгорода Москвой. Но было бы ошибкой полагать, будто московский порядок исключал систему взаимных обязательств монарха и его вассалов.

Московское самодержавие при своем возникновении еще не обладало достаточной властью, чтобы навязать свою волю дворянству и вопреки его желанию ввести принцип обязательной службы.

После покорения Новгорода казна стала обладательницей огромных богатств. Власть поначалу не знали, как ими распорядиться. Удельные князья Андрей Большой и Борис первыми потребовали от брата Ивана III выделить им долю в завоеванных землях. Когда великий князь отказал им, они подняли вооруженный мятеж. В дележе желали участвовать не только удельные князья, но и великие бояре, руководившие войной с Новгородом, а затем возглавившие новую администрацию земли. Бояре проявили редкое усердие при выселении местных землевладельцев, а затем сделали все, чтобы воспользоваться плодами проведенных земельных конфискаций.

Следуя традиции, дума поначалу распределила конфискованные в Новгороде земли среди знати. В пределах Новгородской земли было образовано обширное удельное княжество для князя Федора Бельского, отъехавшего на Русь из Литвы в 1482 г. Бельский получил «городок Демон [в] вотчину да Мореву со многими волостями».⁹ Крупные владения достались двоюродному брату Ивана III боярину князю И. Ю. Патрикееву. Обширные земли получили зять Патрикеева С. И. Ряполовский, бояре Захарьины и другие бояре. Фактически члены думы и высшие воеводы разделили между собой лучшие новгородские земли. При этом имели место различные виды пожалований: от вотчин (полной собственности) и поместий (держание земли на условиях службы) до кормлений (право на сбор дохода с подвластного населения). Если бы ведущим боярским семьям удалось сохранить новгородские владения, это привело бы к невиданному усилению могущества московской аристократии. Однако этого не произошло.

Отказавшись от традиционного способа раздела завоеванных земель между боярами, власти приступили к организации поместной системы землевладения. Почти все бояре (Бельский, Патрикеевы, Ряполовский и др.) утратили новгородские владения. Освободившиеся земли стали поступать в поместную раздачу.

Служилый помещик зависел от монарха больше, чем боярин вотчинник. Он владел поместьем на условии обязательной военной службы.

Вотчинники получили право на поместье наряду с прочими служилыми людьми, вследствие чего принцип обязательной службы был распространен на всех вотчинников. Так поместная система в конечном счете уравнила в службе все прослойки феодального класса.

Вопрос о том, как распорядиться конфискованными новгородскими вотчинами, по-видимому, вызвал разногласия в Боярской думе или во всяком случае обострил такие разногласия. (Одним из главных источников конфликта явилась династическая борьба. На трон претендовали разом внук Ивана III Дмитрий, коронованный шапкой Мономаха в 1498 г., и сын от второго брака Василий, провозглашенный великим князем Новгородским и Псковским в 1499 г.).

В январе-феврале 1499 г. Иван III приказал казнить смертью главных бояр думы князя И. Ю. Патрикеева, его сына Василия и «слугу» князя С. И. Ряполовского. Заступничество митрополита спасло жизнь Патрикеевым. И. Ю. Патрикеев был пострижен в монахи и отправлен в Троицу, а его сын — в Кирилло-Белозерский монастырь. С. И. Ряполовский 5 февраля 1499 г. был обезглавлен на льду Москвы-реки.

Наказание первых сановников государства не подорвало могущества московской аристократии. Но оно явилось грозным предвестником будущих столкновений между монархом, претендовавшим на самодержавную власть и получившим в свое распоряжение огромные ресурсы, и его могущественной знатью.

Имело ли возникновение поместной системы в конце XV—первой половине XVI в. серьезные исторические последствия? Автор специального исследования о феодальном землевладении В. Б. Кобрин дает отрицательный ответ на том основании, что различия между вотчиной и поместьем имели несущественный характер: как близки были между собой поместье и вотчина, так близок, если не идентичен, состав помещиков и вотчинников. Наблюдения насчет близости поместья и вотчины приводят В. Б. Кобрин к выводу о необходимости «пересмотреть традиционное противопоставление помещиков и вотчинников как разных социальных категорий господствующего класса», на которое опирается «концепция извечной борьбы боярства и дворянства». Исходя из таких представлений, В. Б. Кобрин не придает существенного значения факту организации поместной системы на Новгородской земле. Имея в виду историю поместья в конце XV—первой половине XVI в., В. Б. Кобрин утверждает, что «историческое значение возникновения поместной системы состояло... не столько в создании новых кадров землевладельцев, сколько в обеспечении земель растущих старых феодальных семей».¹⁰

В действительности нарожение поместной системы стало крупнейшей вехой в социальном развитии России. Опровергая пресловутый тезис о «борьбе» боярства и дворянства, В. Б. Кобрин не заметил главного процесса, определившего политическое развитие государства, — фундаментальной перестройки феодального сословия, связанной с развитием поместной системы и трансформацией старого боярства периода феодальной раздробленности в служилое дворянское сословие XVI в.

До XV в. в России господствовала боярская вотчина, столетие спустя ведущая роль перешла к поместью. Процесс роста феодального землевладения не приостановился, а ускорился в XV—XVI вв. Он имел особенности. Аристократия сохраняла в своих руках крупные богатства, и они росли благодаря успешной службе, покупкам земли, бракам и пр. Но в отличие от стран Западной Европы в России не было майората (передачи всей недвижимости старшему сыну), и это обстоятельство неизбежно ускоряло дробление крупного землевладения, разорявшего низший слой старого боярства.

В период раздробленности боярами именовали всех феодальных землевладельцев. В XVI в. старое боярство трансформировалось в служилое дворянское сословие. Понятие «боярин» стало обозначать думный чин. Лишь знать, располагавшая крупными земельными богатствами, имела право на получение боярства. Процесс дробления вотчин привел к появлению многочисленного слоя измельчавших вотчинников — так называемых детей боярских. Некоторые из них происходили из родословных фамилий. Но их реальное положение определялось не генеалогическими воспоминаниями, а тем, что они превратились в мелких землевладельцев. Поместье стало той формой, которая обеспечила перераспределение земельных богатств в пользу служилого дворянства. Развитие поместья помогло господствующему сословию преодолеть наметившийся в конце XV в. кризис. Вотчина, существовавшая на Руси веками, за несколько десятилетий уступила ведущее место поместью. Основу поместной системы составили земли, отобранные у новгородских и псковских бояр. Кроме того, фонд поместных земель постоянно пополнялся за счет вотчин, конфискованных в других княжествах.

В самый момент образования поместной системы на Новгородских землях поместья получили примерно полторы-две тысячи московских служилых людей. Среди них были представители знатных семей, но большинство составляли дети боярские и великокняжеские «дворяне», т. е. вольные слуги великокняжеского двора и «слуги под дворским», некогда бывшие холопами великого князя.

К началу XVI в. фонды конфискованных вотчин в Новгороде были столь велики, а контингент детей боярских, претендовавших на поместье, столь ограничен, что правительство вынуждено было наделить поместьями более сотни боевых холопов из состава распущенных боярских свит. Ликвидация Псковской республики в 1510 г. увеличила избыточный фонд поместных земель. При таких обстоятельствах казна смогла вслед за поколением «старых» помещиков обеспечить землей второе и третье поколение — сыновей и внуков «старых» помещиков, «приспевших» в службу. В дальнейшем такой порядок приобрел значение традиции. Новгородский опыт оказал огромное влияние на все последующее развитие дворянского землевладения в России. Московские дворяне оценили выгоды поместного обеспечения и стали добиваться поместий для себя и своих сыновей, ссылаясь на свою службу трону. В Новгороде поместья получили те московские дворяне, которые согласились переселиться на окраину. При этом в Новгородской земле все местное вотчинное светское землевладение было уничтожено без остатка. В первой половине XVI в. московские служилые люди стали получать поместья, оставаясь в пределах своих уездов. При этом сохранялась система местного вотчинного землевладения. Новый порядок сложился под давлением дворянской массы. Землевладельцы чаще всего сами приискивали вышедшую «из службы» землю и просили царя о пожаловании поместья. В годы реформ середины XVI в. в московских уездах были проведены дворянские смотры и верстанья, позволившие установить поместные оклады уездных дворян. Основанная на периферии в конце XV в. поместная система в XVI в. приобрела всеобщий характер и распространилась на всю территорию государства. Порождением поместной практики стал общественный договор, в силу которого казна взяла на себя обязательство обеспечить поместьями дворян и их потомков в мужском колене, пригодных к службе, а дворянское сословие согласилось на обязательную пожизненную военную службу. Этот договор казался служилым людям исключительно выгодным. Дворянские семьи были многодетными, что при отсутствии государственного обеспечения вело к дроблению имений. Новый порядок гарантировал сыновьям и внукам помещика право на получение поместья в соответствии с окладом отца. Вновь народившаяся военно-служилая система могла функционировать лишь в условиях постоянных завоевательных войн и

захватов. Она оказала влияние на весь строй Московского царства, став одной из главных пружин имперской политики. При Грозном завоевательные войны не прекращались ни на один год. Однако эти войны не могли обеспечить результатов, которые были достигнуты после завоевания Новгорода и других территорий. Рост поместного фонда замедлился. Уже во время дворянских смотров середины XVI в. обнаружилось несоответствие между назначенными поместными окладами и реальными владениями («дачами») помещиков. Принцип государственного регулирования не приостановил процесса дробления поместий. Новая система была по существу грандиозной утопией. Структура поместных окладов, установившаяся в середине XVI в., должна была сохраниться в неизменном виде на все будущие времена. Однако казна не располагала необходимым количеством свободных земель. Рост поместного фонда отставал от роста численности дворянских семей и дворянского сословия в целом. Государство не могло выполнить обязательств, вытекавших из общественного договора, но продолжало неуклонно требовать от дворян обязательной военной службы, что неизбежно осложняло его взаимоотношения со служилым сословием. Для поддержания военно-служилой системы власти все чаще употребляли меры принуждения по отношению к дворянству, вводили в жизнь чрезвычайные земельные мероприятия.

Московское боярство оказалось достаточно сильным, чтобы использовать новую систему в своих интересах. Поместные оклады бояр во много раз превосходили оклады малоимущих дворян и детей боярских, более всего нуждавшихся в земле. Отмечая этот факт, следует сделать важную оговорку. Аристократия имела право на наибольшие поместные оклады. Но для знати, сохранившей родовые вотчинные богатства, поместья служили одним из дополнительных видов обеспечения. Для провинциальных детей боярских, владельцев мельчайших вотчин поместье со временем превратилось в основной источник доходов. Знать, как правило, владевшая крупными вотчинами, и мелкие уездные дети боярские, державшие одни поместья, составляли резко разграниченные социальные категории внутри феодального сословия. Боярин-вотчинник эксплуатировал труд крестьян и холопов, владелец мелкого поместья нередко сам участвовал в обработке пашни.

Анализируя положение дворянства в странах Западной Европы и в России, Р. Крами пишет, что в отличие от русских бояр западные аристократы жили в укрепленных каменных замках под защитой своих частных армий, не зависели от монарха, но видели в нем первого среди равных и противились увеличению его власти.¹¹ Существенные отличия имелись, но значение их все же не следует преувеличивать. Своеобразие в положении русского боярства определялось традициями, уровнем производства, природными условиями. «Великие» бояре в России имели многочисленную вооруженную свиту, строили деревянные острожки в принадлежавших им городках, укрепляли свои сельские усадьбы. Удельные князья держали в пограничных городках гарнизоны и артиллерию. Суздальская знать, родственная династии, считала членов великокняжеской семьи своей же «братией» и противилась их самодержавным замашкам. Главный момент заключался в следующем: и в России, и на Западе могущество аристократии опиралось на крупное привилегированное феодальное землевладение.

Автор специальной монографии о русском боярстве XIV—XVI вв. Н. Коллмен констатирует наличие крупного боярского землевладения, но не исследует детально вопрос о его влиянии на политическую структуру общества на том основании, что сведения об экономическом положении бояр неполны, так что трудно соотнести рост или упадок их богатств с политическими успехами кланов. Русские бояре были землевладельцами, но, по мнению Н. Коллмен, не составляли социального класса. Землевладельческий класс как целое сдал свои позиции самодержавию при Иване III из-за дробления наследств и

разорения.¹² Суровый климат, трудные жизненные условия, традиции, постоянная военная опасность — все это давило на великого князя и бояр, делало их зависимыми друг от друга, позволяло создать лишь наиболее рудиментарные механизмы для поддержания порядка.¹³ В Англии партии, парламент, идеология — вот что влияло на политику больше, чем личные связи и знакомства; в Москве именно эти связи определяли политику, а группы формировались по принципу родства, дружбы, зависимости. Свой подход Н. Коллмен определяет как «антропологический анализ политики», концентрируя внимание на взаимоотношениях между индивидуальностями и группами, а не на классах и политических институтах. «Социальные классы и институты, — пишет исследовательница, — существовали в Московии, но они не были политически могущественными. Московские бояре и их кланы составляли маленькое привилегированное сословие — «аристократию», но это была аристократия только по социальному наименованию. Она не обладала властью как корпоративное сословие».¹⁴ Н. Коллмен исключительно высоко оценивает новаторские работы Э. Кинана, сделавшего фундаментальный вывод о том, что семья была самым важным фактором московской политической жизни, поскольку политические группы были родственными, а политическая история формировалась через согласие, а не конфликты.¹⁵

С приведенным мнением трудно согласиться. Значение родственных и брачных отношений в русском средневековом обществе было велико, но еще более важное значение имели социальные структуры и политические учреждения. Политическое могущество московской аристократии подкреплялось наличием таких институтов, как Боярская дума и Государев двор. Боярская дума представляла московскую аристократию. Вместе с великим князем дума осуществляла управление Русским государством. Она окончательно конституировалась в высший орган монархии в период реформ середины XVI в. Центральные ведомства — Поместный, Посольский, Разрядный (Военный) и другие приказы, организованные в ходе реформ, по существу стали разветвленными канцеляриями Боярской думы. Она назначала бояр и окольных в разные приказы. Дьяки, руководившие главными приказными ведомствами, стали постоянными ее членами.

Государев двор был таким же старинным и традиционным учреждением русской монархии, как и Боярская дума, составлявшая как бы верхнюю палату двора. Двор вырос из наследственной службы московских вотчинников своим государям. Главный фонд вотчинных земель сохранялся в XVI в. в Центре, и именно Центр оставался основой «государева двора Московской земли».

Приступая к проведению реформ в 1550 г., царь распорядился составить список «тысячи лучших слуг». На две трети «тысяча» состояла из членов «Государева двора Московской земли» и на одну треть — из новгородских и псковских помещиков. Кроме дворовых детей боярских в список «тысячи» попало некоторое число городских помещиков из новгородских пятин, Пскова, Великих Лук и Ржева. Для несения столичной службы их предполагалось наделить небольшими подмосковными поместьями.

В какой мере правительству удалось осуществить тысячную реформу, сказать трудно. Нести постоянную службу в Москве новгородцам мешали многие обстоятельства: отдаленность Новгорода, плохие дороги, непрекращавшаяся 25-летняя война из-за Ливонии, поглощавшая все силы новгородско-псковского дворянского ополчения. Управлять из Москвы поместным фондом Новгорода было трудно, поэтому решением поместных дел там ведала Новгородская приказная изба. Аналогичным было положение с дворовой службой. Новгородцы несли службу не по московским, а по новгородским спискам.

Важнейшим источником по истории «Государева двора Московской земли» является так называемая Дворовая тетрадь, которая включала списки членов

думы и высших приказных чинов, а также обширные княжеские списки и поездные списки членов Государева двора. Этот документ был составлен в Москве в 1552 г. и пополнялся до 1561 г. Таким образом, Тетрадь отразила перемены в составе Государева двора на протяжении десятилетия.

Собственно удельная знать была малочисленной, не более двух десятков человек. Удельные князья возглавляли думу и Государев двор, но влияние их на политическую структуру Руси XVI в. не следует преувеличивать. Процесс централизации государства беспощадно уничтожил древние удельные княжения Северо-Восточной Руси. Почти все уделы, сохранившиеся до времени Грозного, образовались в конце XV—начале XVI в. и были сравнительно молодыми княжествами. Крупнейшими уделами владели, во-первых, члены правящей московской династии, родственники царя (князья Старицкие, Углицкие) и, во-вторых, выходцы из Литвы (князья Бельские, Мстиславские, Воротынские, Одоевские, Трубецкие и т. д.). Князья стали переходить на московскую службу после того, как Русское государство добилось первых крупных успехов в войне с Литвой и присоединило Северские земли. Воротынские, Одоевские и Трубецкие сохранили старинные родовые владения на территории Чернигово-Северского княжества, но их вотчины, за исключением Воротынского удела, подверглись сильному дроблению. Крупные литовские магнаты князья Бельские и Мстиславские получили удельные княжества из рук московского правительства и в значительной мере зависели от него. Удельная знать литовского происхождения основательно потеснила прочую знать, заняв первые места в Боярской думе и на военной службе.

Старомосковские бояре (Челяднины, Захарыны, Морозовы, Плещеевы, Бутурлины и т. д.) владели обширными землями на территории собственно Московского княжества в Московском, Коломенском, Костромском и Переяславском уездах, издавна служили московским великим князьям и составляли наиболее прочную политическую опору поднимавшейся монархии. Старомосковская знать некогда безраздельно господствовала в думе и при дворе московских государей. Затем она уступила первенство более знатным княжеским фамилиям, но и тогда продолжала прочно удерживать в своих руках важнейшие отрасли приказного аппарата управления государством, включая Конюшенный приказ и Казну, а также Большой дворец и областные дворцы.

В среде титулованной знати прочные позиции занимали потомки литовского выходца князя Патрикеева (Щенятевы, Куракины, Голицыны), единичные представители рязанских и тверских княжеских фамилий (Пронские, Микулинские). Но они были малочисленными и по своему влиянию уступали коренной суздальской знати.

В то время как в Новгороде местное боярство было уничтожено полностью, а в Твери и Рязани знать понесла немалый ущерб, коренная суздальская знать — потомки великокняжеской династии Владимиро-Суздальской земли избежали катастрофы, какую претерпели новгородские бояре. Их великие и удельные княжества попали в орбиту московского влияния уже в XIV в., и присоединение к Москве произошло без длительной и кровопролитной борьбы, в отличие от Новгорода и Твери. По своим историческим судьбам Оболенские князья ничем не отличались от владими́ро-суздальской знати. В целом эта знать сохранила обширные владения на территории своих княжеств, а некоторые пользовались вплоть до начала XVI в. (по крайней мере частично) удельно-княжескими правами.¹⁶ Изложенные факты объясняют, почему владельцы родовых вотчин из числа Суздальских и Оболенских князей служили в Государевом дворе по отдельным княжеским спискам. Лица из тех же княжеских фамилий, утратившие родовые земли, были записаны с прочими дворянами в списки тех городов, где у них были поместья и прочие имения.

Точное определение состава суздальских кланов затруднено из-за не-исправности текста Дворовой тетради. Лишь частично сохранился список князей Стародубских. Реконструировать текст Тетради помогают Тысячная книга 1550 г. и Боярский список 1588/89 г. В Тысячной книге в стародубский княжеский список занесены Д. И. Хилков, П. И. и Ф. И. Татевы, А. В. Нагаев-Ромодановский, Ф. Б., И. Б. и П. Б. Ромодановские, В. И., И. А. и О. А. Ковровы, С. И. Гундоров. К ним следует присоединить князей Ф. И. Кривоборского (записан в княжеском списке Боярской книги 1588/89 г.) с братьями В. И., И. И. и И. И. Меньшим Кривоборскими. По Разрядным книгам можно установить имена князей, успешно служивших в 1552—1564 гг., но не внесенных в городовые списки Дворовой тетради, а следовательно, проходивших службу по утраченному княжескому списку. Таковы С. Д., В. Д. и Ф. Д. Палецкие, Ф. И. и М. Гундоровы. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что в Стародубском княжеском списке числилось не менее 35 лиц. Князя Гагарины (22 чел.) все без исключения служили по городovým спискам. Всего же в состав Государева двора входило до 60 человек, происходивших из рода удельных князей Стародубских, потомков владимирского великого князя.¹⁷

Неполными являются также списки Ростовских князей. В Тысячной книге 1550 г. после заголовка «Статья 3-я» помещены списки: «Оболенские», «Ростов», «Ярославль», «Стародубские». Записанные в рубрике «Ростов» князя И. Б. и Н. Б. Лобановы-Ростовские, очевидно, несли службу по княжеским спискам Ростова, а значит, сохраняли какие-то земли в пределах бывшего Ростовского княжества. В середине 1550-х гг. боярин С. В. Ростовский подвергся опале, вследствие чего имена его сына Н. С. Лобанова и родни — И. Б. и Н. Б. Лобановых, видимо, были вычеркнуты из Дворовой тетради. Этот факт следует учесть при реконструкции ростовского княжеского списка двора.

Наиболее точное представление о княжеской верхушке Государева двора и родовом землевладении кланов, принадлежавших к суздальской знати, дает таблица, составленная на основании дворových документов.

Титулованная знать на государевой службе¹⁸

Фамилии	По дворovým спискам 50-х гг.		В составе Боярской думы	
	по княжескому списку	всего	бояре	окольничие
Суздальские	3	14	5	—
Ростовские	21	55	3	—
Ярославские	83	160	3	3
Стародубские	35	60	2	1
Оболенские	56	68	7	—
Итого . . .	198	357	20	4

Приведенные цифры доказывают, что коренная русская знать — в первую очередь владими́ро-суздальского происхождения — продолжала сидеть крупными гнездами на родовых вотчинах, чем и определялось ее политическое могущество. Кроме Оболенских, все названные князья состояли в родстве с правящей династией, поскольку их общим предком был владимирский великий князь Всеволод Большое Гнездо. Иван Калита вел род от Александра Невского, Шуйские — от его брата владимирского князя Андрея. Суздальские князья далеко разошлись между собой в родстве, и в их среде постоянно

царили раздор и соперничество. Но их объединяло сознание исключительного права на участие вместе с монархом в управлении государством.

Суздальская знать составляла самую многочисленную и влиятельную группу в составе Государева двора, связанную родством между собой и с династией. Когда царь Иван Грозный попытался ввести в стране режим неограниченной власти, он натолкнулся на сопротивление княжеской знати. В указанном конфликте заключалась одна из главных предпосылок будущего террора.

Боярство образовало верхний слой феодального класса, тогда как основную его массу — несколько десятков тысяч человек — составляли городовые дети боярские, владевшие небольшими поместьями.¹⁹ Низшее дворянство было разобщено в значительно большей мере, чем знать и высшее дворянство. Оно не имело единой для всей страны организации наподобие Государева двора.

В XVI в. шло быстрое формирование поуездной организации — служилого города. Землевладельцев уезда объединяли общие интересы. Они имели преимущественное право (по сравнению с «иногородними» — служилыми людьми других уездов) на приобретение выморочных земель своего уезда. В походах уездные дети боярские — и дворовые, и городовые — совместно несли военную службу, образуя особые соединения под командованием своих сотников и голов. Без сомнения, мелкое городовое дворянство поддерживало более тесные связи с собственными уездными верхами, чем с низшим дворянством других уездов и земель.

Будучи разобщены между собой, уездные дети боярские в то же время находились в прямой зависимости от центральной власти. Зарождение самодержавия в России было тесно связано с формированием военно-служилого сословия. Поместное ополчение стало мощной военной опорой монархии. С образованием приказной системы управления в рамках единого государства появилась дворянская бюрократия, необходимый элемент самодержавной системы. Первым великим князем, называвшим себя самодержцем, был Иван III. Новый титул, заимствованный из византийской практики и являвшийся простым переводом одного из императорских титулов («автократор»), во времена Ивана III означал не только возросшую силу московских государей, но также в особенности и крушение старой системы зависимости Руси от Золотой Орды. Великому князю не надо было ехать к «царю» в Орду за ярлыком на великое княжество Владимирское, потому что теперь он сам «держал власть» в независимом государстве. Смысл титула «самодержец» изменился в XVI в., когда Иван IV начал борьбу за утверждение своей неограниченной власти.

Становление самодержавия было связано с централизацией власти, носившей незавершенный характер. (По этой причине единое Русское государство не было централизованным). Вопрос об отношении к централизации правящего боярства вызвал большие споры в литературе. Традиционное мнение сводится к тому, что монарх проводил централизаторскую политику, опираясь на мелкое дворянство, тогда как боярская знать противилась централизации. А. А. Зимин, первоначально разделявший это мнение, в конце концов пришел к выводу, что при анализе политической борьбы в XVI в. «нельзя усмотреть „децентрализаторские“ тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства».²⁰ Зачисление аристократии в разряд поборников московской централизации кажется сомнительным. Однако представляется целесообразным прежде всего уточнить исходные моменты спора.

Русская монархия нуждалась в поддержке аристократии и феодального сословия в целом. Она пользовалась такой поддержкой. Источником же

коллизий внутри господствующего класса в XVI в. был не абстрактный принцип централизации (в политическом сознании того времени он вообще не получил отражения), а вполне реальная проблема, четко сформулированная современниками. Власть московских государей настолько усилилась, что они пытались ввести в стране самодержавные порядки с неограниченной властью монарха. Однако знать пользовалась большим влиянием и всеми силами противилась самодержавным поползновениям монархии.

¹ Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 238, 244, 245.

² ПСРЛ. Т. 2. С. 492.

³ Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X—XIII вв. М., 1977. С. 129, 156, 190.

⁴ Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 72.

^{4а} Янин В. Л. Княжеский домен в Новгородской земле//Феодализм в России. М., 1987. С. 132.

⁵ Зимин А. А. Феодальная знать Тверского и Рязанского великих княжеств и московское боярство конца XV — первой трети XVI века//История СССР. № 3. 1973. С. 123—128; Флоря Б. Н. О путях политической централизации Русского государства (на примере Тверской земли)//Общество и государство феодальной России. М., 1975. С. 172; Алексеев Ю. Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. С. 172.

⁶ Pipes R. Russia under the old Regime. Cambridge (Mass.), 1980. P. 121—123.

⁷ Hellie R. 1) In Search of Ivan the Terrible//Platonov S. F. Ivan the Terrible. Acad. Intern. Press, 1974. P. IX—XXXIV; 2) What happened? Now did he get away with it? Ivan Grozny's Paranoia and the Problem of Institutional Restraints: Докл. на конф., посвящ. 400-летнему юбилею Ивана Грозного. Чикаго, 24—25 марта 1984.

⁸ Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors: The Boyar Elite of Russia. 1613—1689. Princeton, 1983. P. 168.

^{8а} Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 27.

⁹ ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 204. Г. В. Абрамович подробно исследовал начальный этап становления поместной системы в Новгороде и с полным основанием назвал этот этап аристократическим (Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. докт. дис. Л., 1975. С. 14).

¹⁰ Кобрин. Власть и собственность. С. 133—135.

¹¹ Crummeу R. O. Aristocrats and Servitors... P. 169—170.

¹² Kollman N. Kinship and Politics: The Making of the Moscovite Political System. 1345—1547. Stanford, 1987. P. 39.

¹³ Ibid. P. 32.

¹⁴ Ibid. P. 181.

¹⁵ Kollman N. Kinship and Politics... P. 19.

¹⁶ Кобрин. Власть и собственность. С. 51—59; Кучкин В. А. К вопросу о статусе ярославских князей после присоединения Ярославля к Москве//Феодализм в России. С. 226.

¹⁷ ТКДТ. С. 55, 58, 63; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г./Сост. С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский. М., 1979. Ч. 1. С. 123—124; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 44, 55, 85, 99, 118.

¹⁸ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. Л., 1966. С. 67. Данные таблицы уточнены в связи с реконструкцией княжеских списков.

¹⁹ Даже к концу XVII в. общее число помещиков в России едва ли превышало 70 тыс. человек (Водарский Я. Е. Население России в конце XVII — начале XVIII в. М., 1977. С. 65). Для XVI в. эта цифра была меньшей.

²⁰ Зимин А. А. О политических предпосылках русского абсолютизма//Абсолютизм в России: XVII—XVIII вв. М., 1964. С. 23.

БОЯРСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Знать оказывала решающее влияние на управление Русским государством через высший орган монархии — Боярскую думу. События, происшедшие в период малолетства Ивана IV, подтвердили это в полной мере. Смерть великого князя Василия III выдвинула на первый план династический вопрос. Василий III не имел детей в браке с Соломонидой Сабуровой. После двадцати лет жизни с ней он заточил жену в монастырь и женился на Елене Глинской. Новая великая княгиня родилась в семье литовского магната. Вместе с дядей М. Л. Глинским она выехала на Русь незадолго до взятия Смоленска. 25 августа 1530 г. в великокняжеской семье родился наследник — будущий царь Иван Грозный. Ко времени смерти Василия III, 3 декабря 1533 г., княжичу Ивану было немногим более трех лет. Из членов правящей династии наибольшим влиянием в то время пользовались удельные князья Юрий Иванович и Андрей Иванович, сыновья Ивана III.

Умирающий Василий III был озабочен прежде всего тем, чтобы закрепить трон за первенцем сыном и нейтрализовать претензии старшего из удельных князей, в течение десятилетий готовившегося занять место бездетного брата. По свидетельству ранних летописей, Василий III благословил «на государство» сына Ивана и вручил ему «скипетр великой Руси», а жене Елене приказал держать государство «под сыном» до его возмужания.¹ В последующих летописях, составленных при дворе царя Ивана, можно прочесть, что Василий III вручил скипетр непосредственно жене, сердце которой было исполнено «великого царского разума», что и позволило ей стать правительницей государства.² Официальная летопись наделяла Глинскую правами законной преемницы великого князя. Однако источники неофициального происхождения рисуют иную картину. Из них следует, что Василий III передал власть не Елене, а немногим доверенным боярам. А. Е. Пресняков и И. И. Смирнов первыми высказали мысль, что Василий III образовал при малолетнем сыне регентский совет из числа бояр, совещавшихся у его смертного одра.³ А. А. Зимин считал, что великий князь поручил государственные дела всей Боярской думе, а в качестве опекунов при малолетнем Иване IV назначил двух удельных князей — Михаила Глинского и Дмитрия Бельского.⁴ К несколько иным выводам пришел недавно А. Л. Юрганов. По его мнению, Василий III перед смертью назначил душеприказчиками Елену Глинскую, митрополита Даниила, М. Л. Глинского, А. Старицкого, фактически же «правительством была Боярская дума во главе с Еленой Глинской».⁵ Отвергая мнение о боярском регентском совете, А. Л. Юрганов пишет: «...по социальному статусу бояре не могли быть опекунами малолетнего великого князя». Исследователь игнорирует показание псковского современника о том, что Василий III «приказá великое княжение сыну своему большому князю Ивану и нарече его сам при своем животе вели-

ким князем и приказá его беречи до пятнадцати лет своим боярам немногим».⁶ Если приведенное известие достоверно, то оно опровергает разом все гипотезы А. Л. Юрганова. «Немногие бояре», а не вся Боярская дума во главе с Еленой — вот кто должен был опекать («беречь») малолетнего великого князя. Итáк, задача сводится к тому, чтобы установить степень достоверности псковского известия. С этой целью следует обратиться к еще одной ранней летописи неофициального происхождения — так называемому Постниковскому летописцу. Его автором, как доказал М. Н. Тихомиров, был дьяк Постник Губин Маклаков, служивший при дворе Василия III. Записки Маклакова явились своего рода мемуарами середины XVI в., заключающими в себе уникальные сведения.⁷ Великокняжеский дьяк Постник Маклаков описал последние дни Василия III как очевидец.

Великий князь смертельно занемог в дни осенней охоты 1533 г. Предчувствуя близкую смерть, он велел доставить из столицы ранее составленное завещание. Гонцы привезли затребованный документ «от всех людей и от великия княгини утаив и крьющися».⁸ Когда больного доставили в Москву, во дворце начались бесконечные совещания об «устроенье земском». На совещаниях присутствовали советники и бояре. Но ни разу великий князь не пригласил «жену Олену». Объяснение с ней он откладывал до самой последней минуты. Когда наступил кризис и больному осталось жить считанные часы, советники стали «притужать» его послать за великой княгиней и благословить ее. Тогда только Елену пустили, наконец, к постели умирающего. Горько рыдая, молодая женщина обратилась к мужу с вопросом о своей участи: «Государь, князь велики! На кого меня оставляешь и кому, государь, дети приказываешь?» Василий III отвечал кратко: «Благословил есми своего Ивана государством великим княжением, а тебе есми написал в духовной своей грамоте, как в прежних духовных грамотех отец наших и прародителей, по достоянию, как прежним великим княгиням».⁹ Традиции, сложившиеся в роду Ивана Калиты, хорошо известны. Вдовы московских государей «по достоянию» получали вдовой прожиточный удел, но их никогда не назначали правительницами. Переписка между Василием III и Еленой Глинской показывает, что муж никогда не советовался с женой о делах. Перед кончиной он не позаботился посвятить ее в свои планы. Может быть, пятидесятилетний государь не доверял супруге, которая была вдвое моложе его. Но решающее значение имело, вероятно, другое обстоятельство. Вековые обычаи не допускали участия женщины в делах правления. Источники не содержат никаких указаний на то, что вдовая великая княгиня могла возглавлять Боярскую думу. Если бы Василий III поставил жену во главе Боярской думы и вверил ей государство, он нарушил бы древние московские традиции. Гипотеза А. Л. Юрганова неосновательна.

Тексты завещаний московских государей доказывают, что великие князья утверждали свои духовные грамоты в присутствии трех-четырех наиболее авторитетных бояр — ближних советников, становившихся их душеприказчиками, гарантами выполнения их последней воли. В соответствии с этой традицией и поступил тяжело занемогший Василий III. В самый день возвращения в столицу он вызвал к себе брата Андрея, трех бояр — князя В. В. Шуйского, М. Юрьева-Захарьина, М. Воронцова, а также казначея и некоторых других лиц и стал советоваться с ними «о своем великом княжении, и о своей духовной грамоте... и како строится царству после его». Дьяки начали «писати духовную», но тут государь предложил включить в число душеприказчиков Глинского. «Князя же Михаила Львовича Глинского, — поясняет современник, — прибавил потому, поговоря з бояры, что он в родстве жене его великой княгине Елене».¹⁰ Глинский был чужаком в московской боярской среде. Он долго сидел в тюрьме, и у него было немало врагов в думе. Согласившись на его включение в число душеприказчиков, бояре просили

включить «в думу к духовной» своих родственников. В. В. Шуйский просил за брата И. В. Шуйского, а М. Юрьев — за двоюродного племянника — М. В. Тучкова-Морозова. Так сформировался опекунский совет, старшими членами которого были удельный князь и шесть бояр, а младшим — казначей П. Головин, думный сын боярский И. Ю. Шигона-Поджогин и два ближних дьяка М. Путятин и Ф. Мишурин. В совете была и высшая знать, и представители приказных ведомств. Летопись прямо указывает на то, что душеприказчики великого князя не были только свидетелями на церемонии утверждения завещания. Главной темой совещания душеприказчиков с Василием III был вопрос, «как строится царству после его» (государя) кончины. Приведенные слова прямо опровергают утверждение, будто функции бояр-свидетелей, участвовавших в утверждении великокняжеского завещания, «не имели прямого отношения к управлению государством».¹¹

Глинский обладал неукротимым характером и по родству с Еленой мог претендовать на первенство в опекунском совете. Навязывая думе его кандидатуру, Василий III испытывал некоторую тревогу. Для прощания с государем во дворец были вызваны главные руководители думы Д. Ф. Бельский с братьями, Шуйские и Горбатые, Морозовы-Поплевины и др. В речи к ним великий князь просил избегать розни, а затем подробно объяснил мотивы включения в опекунский совет Глинского: «Да приказываю вам, — сказал он, — Михайло Лвович Глинской человек к нам приезжей, и вы б того не молвили, что он приезжей, держите его за здешнего уроженца, занеже мне он прямой слуга». Среди других опекунов Василий III выделил Глинского, возложив на него ответственность за обеспечение личной безопасности Елены и малолетнего сына: «А ты б, князь Михайло Глинской, за моего сына великого князя Ивана и за мою великую княгиню Елену... кровь свою пролиал и тело свое на раздробление дал», — так закончил Василий свою речь.¹² В списке Дубровского приведенное летописное известие получило иную редакцию, отчего рассказ утратил логику и отчасти смысл. Василий III якобы заявил: «...приказываю вам (главному боярину Д. Ф. Бельскому с братьями и др. — Р. С.) своих сестричев князя Дмитрия Федоровича Белского з братиею и князя Михаила Лвовича Глинского, занеже князь Михайло по жене моей мне племя...»¹³ Редактор ставил целью доказать, будто государь наделил главу думы Бельского такими же полномочиями, как и Глинского, поручив ему ратные дела и земское строение. В действительности особые полномочия получила лишь семьочисленная комиссия.

При жизни недруги бранили Василия III за то, что он нарушает «старые обычаи» и без совета с думой, «запершись сам-третей у постели, всякие дела делает».¹⁴ Василий III, конечно же, не предполагал полностью отстранить от дел управления Боярскую думу. Однако он рассчитывал сохранить порядок управления, сложившийся в конце его жизни, когда важнейшие дела решались в узком кругу доверенных советников великого князя.

Согласно псковской летописи, Василий III приказал «беречь» сына немногим боярам-опекунам. Неофициальная московская летопись помогает определить их число и имена. В опекунский совет вошли удельный князь Андрей Старицкий и шесть бояр. Так сформировалась «семьочисленная комиссия», ставшая предтечей знаменитой «семибоярщины» Смутного времени. Предположение о том, что «семибоярщина» и связанные с ней политические традиции возникли уже в XVI в., вызвало возражения в литературе. В середине века боярская комиссия многократно управляла Москвой в отсутствие царя. Но ее состав, как подчеркнул А. А. Зимин, был неодинаковым в разные годы и колебался от 5 до 8 членов.¹⁵ С аргументацией А. А. Зимина трудно согласиться. Наиболее важным представляется вопрос о компетенции московской боярской комиссии и времени ее выделения из состава думы. Именно царь Иван IV много лет подряд, отправляясь в далекие и опасные походы,

поручал управлять «царствующим градом», а фактически государством специальной боярской комиссии. Так возникла традиция, просуществовавшая до начала XVII в.

Менее существенным представляется вопрос о численном составе московской боярской комиссии. Данные Разрядов указывают на постепенное формирование традиции. Во время первых походов на казанцев Иван IV оставлял в Москве двоюродного брата Владимира и 3—4 бояр (в 1547 г.) или 6 бояр (в 1549 г.). Позднее пост главы московской комиссии перешел к царскому брату Юрию Васильевичу. Он был глухонемым от рождения и не принимал никакого участия в управлении. При нем столичная комиссия включала 5 бояр (в 1555 г.), 6 бояр (в 1557 г.), но чаще всего — 7 бояр (в 1553, 1556 и 1559 гг.). После смерти Юрия Грозный не назначал более своих братьев в московскую комиссию, и она приобрела свой окончательный вид. В 1565 г. управление «царствующим градом» осуществляли семь бояр. Такой же была численность московской боярской комиссии в 1585 г., когда царь Федор ездил на богомолье в Троице-Сергиев монастырь, и в 1598 г., когда вновь избранный на трон Борис Годунов выступил против татар в Серпухов.¹⁶

В период Смуты «съемочисленная комиссия» выродилась в олигархическое боярское правительство. Однако при своем возникновении в 1533 г. она была сформирована как правительственная комиссия, призванная предотвратить раздоры в думе и не допустить ослабления центральной власти. Василий III управлял Россией более 25 лет и за это время приобрел огромную власть. На первых порах никто не посмел нарушить его последней воли. Польский гонец, побывавший в Москве через полгода после смерти великого князя, очень точно описал сложившуюся там ситуацию: «...на Москве старшими воеводами, которые з Москвы не мают николи зъехати — старшим князь Василий Шуйский, Михайло Тучков, Михайло Юрьев сын Захарьина, Иван Шигона, а князь Михайло Глинский, тые всею землею справуют и мают справовати до леть (совершеннолетия. — *Р. С.*) князя великаго». Глинский во всем следует воле сотоварищей, и «все з волею княгини великой справуют. А князь Дмитрий Бельский, князь Иван Овчина, князь Федор Мстиславский тьи теж суть старшими при них (в думе. — *Р. С.*), але ничего не справуют (не управляют. — *Р. С.*)».¹⁷

Приведенное донесение имеет особое значение как свидетельство очевидца. Польский дипломат точно очертил круг лиц, управлявших всеми делами Москвы. Эти лица — исключительно члены «съемочисленной комиссии» — опекунского совета. Два источника независимого происхождения — псковская летопись и польское донесение одинаково свидетельствуют о том, что опекуны Шуйский, Глинский, Захарьин и другие получили полномочия управлять государством, пока Иван IV не достигнет совершеннолетия. Дипломат называет по именам старших бояр думы — князя Д. Ф. Бельского, конюшего князя И. Ф. Овчины-Оболенского, Ф. Мстиславского, поясняя при этом, что их положение почетно, но они ничего не решают.

Великий князь Василий III выделил опекунский совет из состава Боярской думы и наделил его исключительными полномочиями. Но попытка поставить над высшим органом монархии одну из ее комиссий была обречена на неудачу.

В Москве не забыли феодальной смуты, затеянной удельными князьями при Василии II и поставившей государство на грань катастрофы. Одна из главных целей опекунского совета заключалась в том, чтобы оградить трон от покушений со стороны старшего удельного князя Юрия Ивановича. В браке с Соломонией Сабуровой Василий III не имел детей. На законном основании трон должен был наследовать князь Юрий. Второй брак государя создал новую ситуацию. Но Юрий не желал отказываться от своих планов.

Исход борьбы за корону зависел от знати, среди которой большим влиянием пользовались князья Шуйские. Князь Юрий добился большого успеха, перезвав на службу к себе князей Андрея и Ивана Михайловичей Шуйских. Произошло это за пять лет до смерти Василия III. Великий князь потребовал выдачи Шуйских, приказал оковать их и разослал по городам.¹⁸ Осенью 1533 г. Юрий Иванович, узнав о болезни Василия III, тотчас отправился в Волоколамск, где в то время находился больной. Великий князь пытался скрыть от брата серьезность положения, «таяше от него болезнь свою». Юрий получил приказ покинуть Волоколамск и вернуться в удельную столицу Дмитров, но не послушал государя, «не хотяше ехать».¹⁹ Тогда Василий III принудил брата к отъезду. Юрию надлежало оставаться в уделе, но он боялся упустить момент и вскоре же прибыл в Москву со своими боярами и отрядом детей боярских. Сразу после кончины Василия III Юрий попытался вновь привлечь на свою сторону князей Шуйских и прочую знать. Летописи сохранили две версии ареста Юрия Дмитровского. Согласно одной из них, удельный князь принес присягу на верность племяннику Ивану IV без всяких возражений в назначенное время. По случаю смерти государя правительница Елена, выслушав «печалование» митрополита и бояр, велела освободить из тюрьмы Андрея и Ивана Шуйских. Не медля ни дня, Андрей Шуйский «злодей, мало побыв тако, паки помысли к князю Юрию отъехать, и не токмо отъехати, но и на великое княжение его подняти, а у князя сего (Юрия. — *Р. С.*) на мысли не бывало, понеже бо крест целовал великому князю: как было ему изменити?».²⁰ Бросается в глаза пристрастность летописца, пытавшегося обелить поведение члена великокняжеской семьи и всю вину за заговор возложить на «злодея» Шуйского. Ближе к истине другая летописная версия, автор которой знал многие подробности происшедшего. Когда Андрей Шуйский вернулся из тюрьмы, к нему явился дьяк удельного князя Третьяк Тишков с наказом звать на службу в удел. Князь Юрий уже принес присягу, и Тишкову пришлось дать объяснения по этому поводу: «Князя Юрья бояре приводили, заперши, к целованью, а сами князю Юрию за великого князя (Ивана IV.—*Р. С.*) правды не дали: ино то какое целование? то невольное целование».²¹ Иначе говоря, опекуны отказались заключить с удельным князем традиционное «докончание» (договор). Князь Андрей Шуйский якобы не дал дьяку определенного ответа, но отправился к «брату» — боярину князю Борису Горбатову, который тотчас уведомил обо всем правительство. Современники нисколько не сомневались в том, что Горбатый был верным слугой и помог раскрыть заговор. Выслушав Андрея, князь Борис Горбатый «не всъхоте ехать ко князю (Юрию. — *Р. С.*), но и ему взъбраняше». Опасаясь доноса, Андрей Шуйский тут же отправился во дворец и сообщил, будто боярин Борис Горбатый сам перезывал его на службу в Дмитровский удел, а князь Юрий дал ему знать, что «к нему хотят будто многие люди». Дознание кончилось тем, что власти посадили в башню сначала Андрея Шуйского, а затем князя Юрия со всеми его боярами. Дядю Ивана IV обвинили в том, что он хотел «засесть Москву», иначе говоря, покушался на трон.²²

Члены семибоярщины действовали сообща, пока не миновала опасность переворота в пользу Юрия Дмитровского. Однако вскоре их единодушие пришел конец. Летом 1534 г. в Москве произошли события, повлекшие за собой крушение семибоярщины.

После кончины Василия III власти разослали гонцов в соседние государства с известием о происшедших в России переменах. Опасаясь, что крымцы используют момент для вторжения, русское командование решило направить главных воевод трех братьев князей Дмитрия, Ивана и Семена Бельских, князя Ивана Овчину и других в Коломну. Посол, ездивший в Польшу, вернулся в Москву раньше крымских гонцов. Он привез от короля Сигизмунда «ответ гордостен». В Москве недоценили опасность, надвигавшуюся с запада.

Согласно новой Разрядной записи, воевода князь С. Ф. Бельский и окольный И. В. Ляцкий-Захарьин с отрядом выступили в Серпухов.²³ Князя Воротыньские выехали в свою удельную столицу Одоев на литовском рубеже. Тем временем королевские войска придвинулись к русской границе, изготовившись к нападению на Чернигов и Смоленск. Государство стояло на пороге войны с Литвой, когда в полках открылась измена. Воеводы С. Ф. Бельский, И. В. Ляцкий, князь Б. А. Трубецкой и «многие дети боярские великого князя» отъехали из Серпухова в Литву, где поступили на королевскую службу.²⁴ Власти успели арестовать удельного князя И. М. Воротыньского с детьми. Много лет спустя польский король напомнил одному из Воротыньских, как его отец князь Иван «з уделом своим отчизным» (Новосильско-Одоевским княжеством) хотел «податься» в Польшу под королевскую власть, за что «немало лет в заточеньи был на Белоозере и смерть принял».²⁵ После розыска старший сын Ивана Воротыньского князь Владимир был подвергнут торговой казни. Его вывели на рыночную площадь и избили батогами. После этого И. Воротыньский был заточен в тюрьму на Белоозере, откуда он уже не вышел живым. Раскрытие заговора князей повлекло за собой широкие репрессии. В Москве сообщником С. Ф. Бельского был объявлен его старший брат боярин И. Ф. Бельский. Он попал в тюрьму, но избежал участи старшего Воротыньского. Кратковременному аресту подверглись старший боярин думы Д. Ф. Бельский и регент М. Ю. Захарьин, двоюродный брат окольного И. В. Ляцкого-Захарьина.

В историографии высказано мнение, что при малолетнем Иване IV князья Шуйские олицетворяли реакционную княжеско-боярскую оппозицию, тогда как Бельские и Захарьины выступали последовательными сторонниками централизованного государства. Анализ событий, сопутствовавших кризису 1534 г., не подтверждает эту схему.

На рубеже XV—XVI вв. Русское государство одержало верх в войне с Литвой и Польшей, чему немало способствовал переход на сторону Москвы Бельских, Воротыньских, Мстиславских и других князей. Некоторые из них отложились от короля со своими «великими» вотчинами. Конфликт внутри Польско-Литовского государства носил религиозный и национальный характер. В пределах Литвы, Украины и Белоруссии многие магнаты исповедовали православие, а русский язык употреблялся в качестве государственного. Объединение с католической Польшей изменило ситуацию.

В дни кризиса 1534 г. обнаружилась тенденция противоположного характера. Москва утратила прежнюю притягательную для аристократии силу. Симпатии к Литве охватили не только удельную знать литовского происхождения, но и другие боярские фамилии. Присутствие Захарьиных среди беглецов служит ярким тому доказательством. Причины отмеченного явления не следует искать в предательстве аристократии, ее реакционных устремлениях или, напротив, в приверженности централизации. Причины коренились в различиях политического строя. В Польско-Литовском государстве с выборной королевской властью все больше утверждались договорные отношения между сувереном и вассалами, ограждавшие права и привилегии магнатов и шляхты. В единой державной России права великих бояр стеснялись все больше и больше, что и выталкивало их в Литву.

Летний кризис 1534 г. привел к большим переменам в Москве. Семибоярщина, в которой взяли верх князья Шуйские, фактически уступила власть Боярской думе. В думе опала на Бельских выдвинула на первое место конюшего и боярина князя И. Ф. Овчину-Оболенского. Великий князь Василий III возложил на М. Глинского главную ответственность за безопасность своей семьи. Литовские симпатии Глинского, из-за которых он много лет провел в московской тюрьме, были общеизвестны. В условиях кризиса, вызванного бегством С. Ф. Бельского, эти симпатии стали вызывать тревогу властей.

Конюший И. Ф. Овчина не побоялся выступить против распоряжений великого князя и стал добиваться изгнания Глинского из регентского совета. Поначалу конфликт возник на почве сугубо личного соперничества. Едва похоронив мужа, Елена Глинская завела фаворита в лице Овчины. Опасаясь за свое влияние при дворе, регент Михаил Глинский потребовал, чтобы племянница удалила от себя фаворита.²⁶ Столкновение из-за влияния на великую княгиню приобрело затем политический характер. Спор шел о том, кому управлять государством — Боярской думе или регентскому совету. Не позднее 19 августа регент Михаил Глинский был арестован и препровожден в тюрьму. Главного опекуна обвинили в том, что он якобы опоил зельем умершего великого князя. Лживость официальной версии была очевидна для всех, кто знал, что Василий III умер от тяжелой болезни.

Вслед за Глинским из семибоярщины был изгнан М. С. Воронцов. Поздние летописи объясняли опалу Глинского и Воронцова тем, что они хотели держать «великое государство Российского царствия», иначе говоря, хотели править государством.²⁷ Летописцы грешили против истины в угоду царю Ивану IV, считавшему мать законной преемницей власти Василия III. В действительности и Глинский, и Воронцов правили государством по воле великого князя, четко выраженной в его завещании. Глинский был чужаком в московской боярской среде, и его уморили в тюрьме. Зато его главного сообщника по «заговору» боярина Воронцова назначили наместником Великого Новгорода.

В новом боярском правительстве, правившем от имени Елены Глинской, влиятельную роль играли конюший И. Ф. Овчина, дворецкий князь Иван Кубенский-Ярославский, регенты братья Шуйские, М. Ю. Захарьин и другие лица.²⁸

Правление Елены Глинской продолжалось недолго. С 1537 г. великая княгиня стала усердно посещать монастыри ради богомолья, что указывало на ухудшение ее здоровья. Близкая кончина правительницы возродила призрак династического кризиса. После смерти Юрия Дмитровского молва указывала на Андрея Старицкого как единственного претендента на трон. Чтобы упрочить положение малолетнего Ивана IV на троне, бояре поспешили разделаться с удельным князем.

После крушения семибоярщины князь Андрей укрылся в Старице, постоянно ожидая опалы. В свою очередь Елена подозревала бывшего опекуна во всевозможных кознях. По совету Овчины она решила вызвать Андрея в Москву и захватить. Удельный князь почувал неладное и отклонил приглашение, сказавшись больным. При этом он постарался убедить правительницу в своей лояльности и отправил на государеву службу почти все свои войска. Этой его оплошностью сразу воспользовалась Глинская с фаворитом. Московские полки скрытно двинулись к Старице. Предупрежденный среди ночи о подходе правительственных войск, Андрей бросился из Старицы в Торжок. Отсюда он мог уйти в Литву, но вместо того повернул к Новгороду. С помощью новгородских дворян бывший глава семибоярщины надеялся одолеть Овчину и покончить с его властью. «Князь великий мал, — писал Андрей новгородцам, — держат государство бояре, и яз вас рад жаловати».²⁹ Хотя некоторые дворяне и поддержали мятеж, Андрей не решился биться с Овчиной и, положившись на его клятву, отправился в Москву, чтобы испросить прощение у невестки. Как только удельный князь явился в Москву, его схватили и «посадили в заточенье на смерть». На узника надели некое подобие железной маски — тяжелую «шляпу железную» и за полгода уморили в тюрьме. По «великой дороге» от Москвы до Новгорода расставили виселицы, на них повесили дворян, принявших сторону князя Андрея.

Князь Михаил Глинский и брат великого князя Андрей были «сильными» людьми семибоярщины. Их Овчина наказал самым жестоким образом. Другие же душеприказчики Василия III — князья Шуйские, Юрьев и Тучков за-

седали в думе до смерти Елены Глинской. По-видимому, именно в кругу старых советников Василия III созрели проекты важнейших реформ, осуществленных в те годы.

Бояре начали с изменений в местном управлении. Обязанность преследовать «лихих людей» они возложили на выборных дворян — губных старост, т. е. окружных судей. Они позаботились также о строительстве и украшении Москвы и провели важную реформу денежной системы. Дело в том, что с расширением товарооборота требовалось все больше денег, но запас драгоценных металлов в России был ничтожно мал. Неудовлетворенная потребность в деньгах вызвала массовую подделку серебряной монеты. В городах появилось большое число фальшивомонетчиков. И хотя виновных жестоко преследовали, секли им руки, лили олово в горло, ничто не помогало. Радикальное средство для устранения кризиса денежного обращения нашли лишь в правление Елены Глинской, когда власти изъяли из обращения старую разновесную монету и перечеканили ее по единому образцу. Основной денежной единицей стала серебряная новгородская деньга, получившая наименование «копейка». На этой «новгородке» чеканили изображение всадника с копьем (на старой московской деньге чеканили всадника с саблей). Полновесная новгородская «копейка» вытеснила легкую московскую «сабляницу».

Смерть Е. Глинской в апреле 1538 г. изменила ситуацию в государстве. Князья Шуйские и прочие уцелевшие душеприказчики Василия III поспешили возродить систему боярской опеки. Временщик правительницы конюший И. Ф. Овчина-Оболенский был брошен в темницу, в которой за полтора года до того умер в оковах М. Л. Глинский. Сохранилось известие, что «тягость на него (Овчину. — Р. С.) — железа — тут же положиша, что на нем Глинском была: там и преставися».³⁰

По случаю смерти Елены свободу получили князья А. М. Шуйский и И. Ф. Бельский, а также бояре Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, содержащиеся в заточении. Старшими среди опекунов после гибели Старицкого стали Василий и Иван Шуйские. Они-то и извлекли наибольшие выгоды из переворота. Они постарались упрочить свои позиции в думе, добившись боярства для крामольного князя А. М. Шуйского и его брата И. М. Шуйского. В. В. Шуйскому было за пятьдесят, но это не помешало ему жениться на царевне Анастасии, двоюродной сестре Ивана IV. Став членом великокняжеской семьи, В. В. Шуйский покинул старое подворье и переехал на двор Андрея Ивановича Старицкого. Вспоминая детство, Иван IV с гневом и раздражением писал, что Василий и Иван Шуйские «самовольством» приблизились к его особе, «самовольством» у него «в бережении учинилися и тако воцаришася».³¹ В действительности Шуйские стали опекунами Ивана IV не по своему произволу, а по воле Василия III.

Придя к власти, Шуйские не пожелали возродить регентский совет. 21 октября 1538 г. по их приказу был обезглавлен дьяк Ф. Мишуриин, ближний дьяк Василия III и член опекунского совета. Боярина М. В. Тучкова отправили в ссылку. Ближайший союзник Тучкова И. Ф. Бельский подвергся аресту и попал на Белоозеро. Торжество Шуйских было довершено низложением митрополита Даниила. Главу церкви обвинили в том, что он «учал ко всем людем быти немилосерд и жесток, уморял у себя в тюрьмах и окованных своих людей до смерти, да и сребролюбие было великое».³² Подлинной причиной гонений на митрополита явилось то, что вместе с Ф. Мишуриным он был «во едином совете» с И. Ф. Бельским.³³

Старый князь Василий Шуйский умер в самый разгар затейной им смуты. Иван Шуйский не обладал ни авторитетом, ни опытом старшего брата. В столкновении между последним из опекунов и Боярской думой вновь одержала верх дума. Бояре добились освобождения И. Ф. Бельского и вернули его в столицу. И. Шуйский перестал ездить во дворец и вскоре же

был послан во Владимир с полками. Опекун не пожелал признать свое поражение. Подняв мятеж, он явился в Москву с многочисленным отрядом дворян. Мятежники низложили митрополита Иоасафа, а князя Бельского сослали на Белое озеро и там тайно умутировали.

В мае 1542 г. последний душеприказчик Василия III И. В. Шуйский умер. Во главе партии Шуйских стал А. М. Шуйский. Он не сумел заручиться поддержкой Боярской думы и был убит по приказу Ивана IV в конце 1543 г. Правлению Шуйских пришел конец. Великому князю в то время было 13 лет.

Боярское правление не привело к распаду единого государства. Более того, в 1534—1537 гг. были ликвидированы два крупнейшие в стране удельных княжества — Дмитровское и Старицкое. Борьба за власть между боярскими кланами и придворными группировками носила ожесточенный характер, но не сопровождалась ни феодальной анархией, ни массовыми репрессиями. Жертвами их стали немногие лица. Время так называемой боярской реакции стало временем экономического процветания страны.

¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 285.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 76.

³ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 22—26.

⁴ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 225—227.

⁵ *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской (1533—1538 гг.): АКД. М., 1987. С. 12.

⁶ Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 106.

⁷ *Тихомиров М. Н.* 1) Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. // ИЗ. 1954. Т. 46. С. 278; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 112.

⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 18.

⁹ Там же. С. 22.

¹⁰ Там же. С. 20.

¹¹ *Юрганов А. Л.* Политическая борьба в годы правления Елены Глинской... С. 12.

¹² ПСРЛ. Т. 34. С. 21.

¹³ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 558. Вывод А. А. Зимина о том, что Василий III назначил личными опекунами Ивана IV Бельского и Глинского, опирается на приведенный текст поздней редакции.

¹⁴ ААЭ. Т. 1. С. 142.

¹⁵ *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 294—295.

¹⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 347—348; М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 499, 513—514; М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 11; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 542; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 270.

¹⁷ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846. Т. 2. С. 331.

¹⁸ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 314—315.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 558.

²⁰ Там же. Т. 13. С. 77—78.

²¹ Там же. С. 78, 123.

²² Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 243.

²³ Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 83—84; ПСРЛ. Т. 13. С. 420.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 79; Т. 26. С. 315.

²⁵ Послания Ивана Грозного. С. 258.

²⁶ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 88.

²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 420.

²⁸ Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 2. С. 333.

²⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 95.

³⁰ Там же. Т. 34. С. 26.

³¹ Переписка. С. 27.

³² ПСРЛ. Т. 34. С. 26.

³³ Там же. Т. 13. С. 127; Т. 20. С. 449.

После падения Шуйских на политическую авансцену выдвинулись бояре Воронцовы и Кубенские, а затем князья Глинские. Василий III поручил боярам опекать («беречь») сына Ивана до его совершеннолетия, после чего должно было начаться его самостоятельное правление. Пора совершеннолетия для Ивана IV наступила в 1545 г., когда ему исполнилось 15 лет. Родня великого князя по матери Глинские пытались использовать этот факт, чтобы добиться власти. В 1546 г. Боярская дума просила Ивана IV возглавить выступление полков на Оку ввиду опасности крымского вторжения. Будучи в военном лагере, Иван предавался всевозможным потехам: пашню пахал вешнюю, сеял гречиху, на ходулях ходил и в саван наряжался. Забавы кончились тем, что несколько видных бояр попали на пыточный двор. После недолгого розыска суд приговорил к смерти дворецкого князя И. И. Кубенского, конюшего И. П. Федорова, знатных старомосковских бояр Ф. С. Воронцова и В. М. Воронцова.

Любимец царя Ф. С. Воронцов и Кубенский «учинились в приближении» у Ивана IV после падения Шуйских. Князья Глинские старались расчистить место для себя и убрать из дворца всех, кто мог оказать влияние на монарха. Казнь И. П. Федорова была отменена в последний момент. Он едва не лишился головы из-за своего «чина»: самые могущественные лица в государстве постоянно домогались титула конюшего. Глинские добились смертного приговора для И. П. Федорова, чтобы присвоить его титул. Вскоре после разжалования и ссылки И. П. Федорова в тюрьму на Белоозеро казни подверглись братья князя Иван Дорогобужский и Федор Овчинин. Как свидетельствуют летописи, их убили повелением Михаила Глинского и матери его княгини Анны.¹ Глинские не только отомстили И. Ф. Овчине-Оболенскому, повинному в умерщвлении регента М. Л. Глинского, но и лишили И. П. Федорова его пасынка и наследника — князя Дорогобужского.

Иван IV не получил образования и оказался мало подготовленным к исполнению функций правителя обширной и могущественной державы, а окружали его случайные люди. Неудивительно, что свое совершеннолетие Иван IV ознаменовал лишь опалами да казнями. Придя к власти, Глинские должны были позаботиться о том, чтобы вернуть популярность великокняжеской власти. Вероятно, по их почину или во всяком случае при их прямой поддержке Иван IV принял титул царя. Официально дело получило ход после того, как Иван IV 13 декабря 1546 г. «держал совет» с митрополитом Макарием. На другой день глава церкви собрал членов думы, включая бояр, «которые в опале были, по митрополиче по них присылке».² Дума приняла решение о женитьбе Ивана IV и его коронации на царство.

Люди средневековья представляли мировую политическую систему в виде строгой иерархии. Согласно византийской доктрине, центром вселенной была Византия, воспринявшая наследие Римской империи. Русь познакомилась с византийской доктриной еще при киевских князьях. Помнили ее и в московские времена. В XIV в. московских великих князей титуловали иногда стольниками византийского «царя». Конечно, титул этот лишен был в то время какого бы то ни было политического смысла.

Страшный татарский погром и установление власти Золотой Орды включили Русь в новую для нее политическую систему — империю великих монгольских ханов, владевших половиной мира. Русские князья, получавшие теперь родительский стол из рук золотоордынских ханов, перенесли титул «царя» на татарских владык.

Московские князья давно именовали себя «великими князьями всея Руси», но только Ивану III удалось окончательно сбросить татарское иго и из князя-подручника стать самостоятельным сувереном-«самодержцем». Падение Золотой Орды и крушение Византийской империи в 1453 г. положили конец как вполне реальной зависимости Руси от татар, так и старым представлениям русских относительно высшей власти греческих «царей».

Ситуация в Восточной Европе претерпела радикальные перемены после того, как вместо слабой, раздробленной, зависевшей от татар Руси появилось мощное единое государство. Русское политическое сознание отразило происшедшие перемены в новых доктринах, самой известной из них стала теория «Москва — третий Рим». Согласно ей московские князья выступали прямыми преемниками властителей «второго Рима» — Византийской империи. Уже дед Грозного именовал себя «царем всея Руси». Правда, он воздержался от официального принятия этого титула, не рассчитывая на то, что соседние государства признают его за ним (Иван III употреблял его только в сношениях с Ливонским орденом и некоторыми немецкими князьями).

О коронации 16-летнего внука Ивана III бояре не сразу известили иностранные государства. Лишь через два года польские послы в Москве узнали, что Иван IV «царем венчался» по примеру праотца своего Мономаха, и то имя он «не чужое взял». Выслушав это чрезвычайно важное заявление, послы немедленно потребовали представления им письменных доказательств. Но хитроумные бояре отказали, боясь, что поляки, получив письменный ответ, смогут обдумать возражения и тогда спорить с ними будет тяжело. Отправленные в Польшу гонцы постарались объяснить смысл московских перемен так, чтобы не вызвать неудовольствия польского двора. Ныне, говорили они, землю Русскую владеет государь наш один, потому-то митрополит и венчал его на царство Мономаховым венцом.³ В глазах москвитов коронация, таким образом, символизировала начало самодержавного правления Ивана на четырнадцатом году его княжения.

Ивана короновали 16 января 1547 г. После торжественного богослужения в Успенском соборе в Кремле митрополит Макарий возложил на его голову шапку Мономаха — символ царской власти.

Затеяв коронацию, родня добилась для себя крупных выгод. Бабка царя Анна с детьми получила обширные земельные владения на правах удельного княжества. Князь Михаил Глинский был объявлен ко дню коронации конюшим, а его брат князь Юрий стал боярином.

Едва ли можно согласиться с мнением, что коронация Ивана IV и предшествовавшие ей казни положили конец боярскому правлению. В действительности произошла всего лишь смена боярских группировок у кормила власти. Наступил кратковременный период господства Глинских.

В глазах же царя и большинства его подданных перемена титула стала начальной вехой самостоятельного правления Ивана IV. Вспоминая те дни, царь писал впоследствии: «Нам же пятагонадесят лет возраста преходяще,

и тако сами яхомся строити свое царство, и по божие милости и благо было началось строити».⁴

Важнейшей вехой политического развития стало восстание в Москве, происшедшее вскоре после коронации Грозного. И. И. Смирнов полагал, что восстание социальных низов положило конец боярскому правлению и привело к образованию правительства, опиравшегося на дворянство и посад, что сделало возможным проведение продворянских реформ.⁵ А. А. Зимин следовал той же схеме, получившей в его исследовании более обобщенный вид. По его утверждению, московское восстание 1547 г. отозвалось громким эхом по всей стране: в городах и деревнях усилились волнения масс против эксплуататоров, ввиду крайнего обострения классовой борьбы напуганные представители различных прослоек господствующего класса решили объединить свои усилия и провести реформы. В отличие от И. И. Смирнова А. А. Зимин считал, что реформы 1550-х гг. носили скорее компромиссный, чем исключительно продворянский характер.⁶

Точка зрения А. А. Зимина не находит опоры в фактах. Тезис о крайнем обострении классовой борьбы по всей стране подкреплен лишь указанием на волнения в крохотном псковском городке Опочке. Оценка событий, происшедших в Москве, также требует фактических уточнений.

В 1547 г. выдалось на редкость засушливое лето. В Москве участились пожары. Самый крупный из них уничтожил большую часть деревянного города. В огне погибло несколько тысяч жителей. Десятки тысяч остались без крова и пропитания. Возникли слухи, что причиной пожаров были поджоги и колдовство: в Москве объявились «многие сердечники, вымали из людей сердца».⁷ Волхвы не поджигали город, а кропили дома «сердечным» настоем, что и вызывало пожар. Власти предприняли самые свирепые меры против «зажигальников»: их пытали, «и на пытке они сами на себя говорили», после чего их казнили «смертною казнию, глав им секли и на колье их сажали и в огонь их в те же пожары метали».

На второй день после «великого пожара» была сформирована боярская комиссия для наказания виновников бедствия. В воскресный день 26 июня бояре собрали народ на площади перед Успенским собором и начали спрашивать: «Кто зажигал Москву?» Чернь обвинила в поджоге Москвы Анну Глинскую «с детьми и людьми»: они будто бы вынимали сердца из людей и настоем кропили столицу и пр.⁸ Боярский розыск имел неожиданный финал. Народ вышел из повиновения и учинил расправу над боярином Ю. В. Глинским. Важные подробности о происшедшем сообщает неофициальная новгородская летопись, сохранившаяся в черновике с рядом исправлений в тексте. Автор летописи первоначально записал известие о восстании московской черни, но затем отметил, что восстали также и «большие» люди Москвы (большие московские дворяне, гости, бояре?). По поводу гибели Глинского он сообщил следующее: «Москвичи большие и черные люди, изымаша князя Юрия Михайловича (Васильевича. — *Р. С.*) Глинского, дядю великого князя по матери, в церкви в пречистой оу митрополита в время обедне перед великим князем (три слова зачеркнуты. — *Р. С.*), извлекше из церкви едва жива и скончаша злою смертию извлекша из града... бе же князь великий в то время туто же в церкви (исправлено: «в Воробьеве». — *Р. С.*)».⁹

Новгородский летописец, по-видимому, имел противоречивую информацию о том, где находился царь в момент мятежа. Известно, что за три дня до восстания царь прибыл в столицу для организации розыска о пожаре. В своей «Истории о великом князе московском» очевидец мятежа А. Курбский упомянул о том, что в столице «бысть возмущение велико всему народу, яко и самому царю утеши от града со своим двором».¹⁰ Из приписки к Царственной книге, составленной при участии царя, узнаем, что князь Ю. Глинский выехал на площадь с другими боярами. (Это само по себе опровергает

мысль о боярском заговоре и измене). Услышав «про мать и про себя... неподобные речи», он укрылся в Успенском соборе. Дальнейшие подробности убийства описаны Иваном IV в письме Курбскому. По словам царя, толпа, «воскричав», схватила Ю. Глинского в приделе Дмитрия Селунского, а оттуда вытащила в соборную церковь «против митрополича места», после чего выволокла его «мертва» «в передние двери» и бросила «на торжищи яко осуженника».¹¹ Курбский обвинил Грозного в пролитии крови в церквах. Иван IV старался доказать, что не он, а его враги бояре сами лили кровь в церквах. В пылу полемики он допустил неточность: официальная летопись ранней редакции засвидетельствовала, что Ю. Глинского убили «на площади каменней». Новгородская летопись подтверждает, что боярина «извлекоша из града (Кремля. — *Р. С.*) привязана ужем (веревкой. — *Р. С.*)», а затем добибли «едва живого».

29 июня «чернь скопом» двинулась в Воробьево, требуя выдать на расправу бабу царя Анну Глинскую. И на этот раз действиями народа руководили лица, державшиеся в тени. Именно они послали на площадь палача (лицо, обладавшее официальным постом), и по «кличу» палача «поидоша многие люди черные к Воробьеву и с щиты и з сулицы, яко же и боеви обычай имяху».¹² Иван IV «оузрев множество людей, оудивися и оужасася». Розыск выявил, что народ «по повелению приидоша», после чего власти «положи ту опалу на повелеших кликати». Эти лица и подверглись наказанию.

Современники считали причиной беспорядков в Москве прежде всего злоупотребления властей, вызывавшие недовольство в народе. Как писал новгородский летописец, «в царствующем граде Москве оумножившиися неправде и по всей Росии от велмож, насилующих к всему миру и неправо судящих, но по мзде, и дани тяжкие...».¹³ Царь Иван, редактируя официальную летопись, уточнил, что особое негодование народа навлекли на себя бояре Глинские: «В те поры, — значитя в приписке к летописи, — Глинские у государя в приближение (были. — *Р. С.*) и в жалование, а от людей их черным людем насилство и грабеж, они же (временщики. — *Р. С.*) их от того не унимаху».¹⁴

Рассматривая восстание 1547 г. как явление классовой борьбы, исследователи высказывали мнение, что в нем участвовала масса посадского населения, посадские верхи, холопы. Что касается дворянства, из его среды в движении могли участвовать, естественно, только «обедневшие дети боярские», т. е. деклассированные элементы.¹⁵ Источники, однако, не дают основания для проведения подобной разграничительной черты. Из Новгородской летописи следует, что в мятеже участвовали не только черные люди, но и «большие москвичи». Московская официальная летопись сообщала, что столичная чернь «от великие скорби пожарные восколебашеся яко юроди» и вместе с Глинским «детей боярских многих побиша». При редактировании летописи царь детализировал сведения об участии дворян в дни восстания. По его словам, народ избил «людей княже Юрьевых (Глинского. — *Р. С.*) безчислено» и «много же и детей боярских незнакомых побиша из Северы (Северской земли. — *Р. С.*), называючи их Глинского людами».¹⁶ Приведенные данные опровергают схему, согласно которой в дни восстания произошло столкновение между народом, с одной стороны, и феодальным дворянством — с другой. От народного гнева пострадали пришлые северские дети боярские, но никак не местное столичное дворянство, хорошо известное населению. Мятеж в Москве напоминал, по справедливому замечанию С. О. Шмидта, примитивный бунт. Посадские люди не выдвинули никаких социальных или политических требований, которые отражали бы их классовые интересы. Все сказанное ставит под сомнение тезис о взрыве классовой борьбы в 1547 г.

Столичные дворяне не понесли ущерба в дни восстания, возможно, потому, что многие из них сами участвовали в выступлении против Глинских. Вследствие

того власти не имели возможности опереться на дворянское войско и подавить мятеж в самом его начале. В источниках можно найти прямое указание на причастность бояр к уличным беспорядкам в Москве. Но указания источников требуют сугубо критического отношения. Правя официальную летопись, Иван IV преследовал очевидную цель скомпрометировать бояр. Не называя имен, царь припомнил, как выслал бояр к народу, чтобы произвести розыск о волхвах-зажигальниках, но эти неназванные бояре «по своей к Глинским недружбе, наустиша черни».¹⁷ Перечитав приписку, Иван IV распорядился внести в ее текст (наверху страницы) дополнение, из которого следует, что в «совете» с чернью были благовещенский протопоп Федор Бармин, бояре князь Ф. И. Шуйский, князь Ю. И. Темкин, И. П. Федоров, Г. Ю. Захарьин, окольный Ф. М. Нагой и др. Поправка имела двусмысленный характер. Перечисленные бояре были в «совете с народом», т. е. либо советовались с ним о поимке поджигателей, либо подучали чернь избить Глинских. Шуйские были давними соперниками Глинских. И. П. Федоров также не имел оснований заступаться за ненавистных временщиков, по милости которых он лишился пасынка и сам едва не был казнен за год до московских событий. Называя имена своих родственников Г. Ю. Захарьина и Ф. М. Нагого, царь утверждал, что интрига против Глинских была следствием раздора в кругу царской родни.¹⁸ Однако его свидетельство достаточно тенденциозно и не поддается проверке. Иван IV женился на боярышне Анастасии Захарьиной в то время, когда во дворце распоряжались Глинские, так что брак был заключен скорее всего с их согласия. Глинские не противились избранию Анастасии, так как не видели в Захарьиных опасных для себя соперников. Отец невесты Роман Захарьин носил скромный чин окольного, и ко времени свадьбы его не было в живых.

Напуганные мятежом в столице и убийством одного из членов семьи, Глинские попытались бежать в Литву. В погоню за ними был послан боярин князь П. И. Шуйский. В последний момент М. В. Глинский ускользнул от преследователей и явился в Москву с повинной, оправдываясь, что он с матерью «поехали были молиться в Оковец к Пречистой», да заехали не туда, «не зная дороги».¹⁹ В итоге правитель М. В. Глинский подвергся аресту и навсегда лишился высшего титула конюшего.

Какие политические последствия имело падение Глинских? По мнению И. И. Смирнова, наступил конец периоду боярского правления.²⁰ А. А. Зимин считает, что в борьбе с Глинскими победило реакционное боярство в лице Шуйских и Ростовских, но «победа феодальной аристократии была временной и непрочной».²¹ Кажется, перемены в составе правящих верхов, происшедшие после Московского восстания и падения Глинских, не имели того принципиального значения, какое им приписывают.

Представление, будто реформы в России могли быть проведены лишь после образования в стране дворянского правительства, по-видимому, столь же неосновательны, как и тезис, согласно которому проведение реформ было невозможно, пока у власти оставалась феодальная аристократия. Преобразования, осуществленные боярским правительством после смерти Василия III, опровергают оба эти предположения. Ближайшим следствием восстания было то, что родня царя по матери Глинские принуждены были уступить свое место при дворе родне царицы — боярам Захарьиным. Захарьины занимали высокое положение при дворе Ивана III и Василия III. Но они утратили его после смерти опекуна М. Ю. Захарьина. Брак царя с Анастасией вернул Захарьиним прежнее влияние при дворе.

Сколь бы существенными ни были перемены в составе придворных группировок, не они определили ход и направление преобразований.

Москва завершила объединение русских земель в конце XV—начале XVI в. Управлять обширным государством с помощью архаических институтов и

учреждений, сложившихся в мелких княжествах в период раздробленности, оказалось невозможным. С развитием поместья началась перестройка военно-служилой системы на новых основах. Общерусский Судебник 1497 г. безнадёжно устарел.

Правительство Глинских пало потому, что восстановило против себя не только московские низы, но и детей боярских. Лишь опираясь на дворянские отряды, власти могли пресечь народные выступления. Но этого не произошло. Источником постоянного недовольства детей боярских был боярский суд, знаменитый своими злоупотреблениями. Уже опекуны Ивана IV предприняли в 1539—1541 гг. попытку реформы суда, передав некоторые из судебных функций «выборным головам» из детей боярских. Продолжение судебной реформы в 1549 г. положило начало более широкой программе государственных преобразований.

27 февраля 1549 г. Иван IV заявил боярам в присутствии митрополита и священного собора, что «до его царского возраста от них (бояр. — Р. С.) и от их людей» детям боярским и христианам приходилось терпеть насилия («силы»), и штрафы («продажи»), и несправедливости («обиды великие») при решении дел о землях и холопах и других «многих дел». В заключение царь пригрозил опалой и казнью тем, кто дальше будет чинить беззакония. Обсудив вопрос, Боярская дума предложила передать иски, возбужденные «детьми боярскими и христианами» против наместников-бояр и их слуг, для решения в царский суд. Боярская челобитная легла в основу закона, утвержденного думой на другой день. Царь с боярами «уложил, что во всех городех Московской земли наместником детей боярских не судити ни в чем, oprичь душегубства и татьбы и розбоя с поличными». ²² Отныне не боярский, а царский суд должен был судить детей боярских в наиболее важных для них тяжбах о землях и холопах.

В заключительной речи к думе Иван IV заверил бояр, что «не держит сердца» и «не положит опалы» на них «в тех делех», и вновь высказался за соблюдение закона и порядка. «Да и воеводам и княжатам и боярским детем и дворяном большим, — завершает свой рассказ летописец, — то же говорил». Приведенный текст позволил исследователям заключить, что царь держал речь перед первым в русской истории Земским собором. Однако такая интерпретация вызывает сомнения. Судебная реформа была выработана традиционным путем на заседании Боярской думы с участием высшего духовенства. Воеводы и прочие чины были приглашены в Кремль не для обсуждения, а для ознакомления с решением царя и думы. Приглашенные представляли не феодальное сословие в целом, а верхушку Государева двора, объединявшего сравнительно малочисленный верхний слой господствующего класса.

Судебная реформа дала толчок к перестройке системы управления, расширила компетенцию судебных приказов. Помехой в их деятельности стало устаревшее законодательство. Власти спешно приступили к разработке нового кодекса законов, который был введен в жизнь уже в июне 1550 г. Рука об руку с судной реформой проводилась земская реформа. Ряд государственных функций проводился на местах земским старостой, выбранным местным населением. ²³

Исходным пунктом преобразований явилась критика боярских злоупотреблений. Одобренная свыше, она способствовала пробуждению общественной мысли в России. Настала неповторимая, но краткая пора расцвета русской публицистики. Одним из самых ярких публицистов той поры был Иван Семенович Пересветов, подавший царю две челобитные с изложением обширной программы реформ. ²⁴ Пересветов противопоставлял идеальное царство Магмет-салтана, процветавшее благодаря воинникам, православному царству Константина, погибшему из-за ленивых и богатых вельмож. Публицист настоятельно советовал Ивану IV покончить с засильем вельмож при помощи грозы,

ибо «не мочно царю без грозы быти: как конь под царем без узды, тако и царство без грозы».

Идеал Пересветова — военная монархия, организованная по образцу Османской империи. Основу ее могущества составляет военное сословие. Царь должен неустанно заботиться о благополучии дворян-воинников: «Мудр царь, что воинам сердце веселит — воинниками он силен и славен», «что царская щедрость до воинников, то его и мудрость». Худший грех вельмож царя Константина тот, что «всегда богатые о войне не мыслят, а мыслят о упокое», а главное, «вельможи его ленивые богатые, не думают о войску».²⁵ Греческие вельможи, утверждал Пересветов, погубили царя Константина, «укротили от воинства вражбою от ереси своя и ленивства ради лукавством своим». Для осуждения таких «чародеев и еретиков» не надо и «лица» (поличного, улики). Их надо «огнем жеши» и «лютой смерти» предавать. Пусть горят костры на пыточном дворе и льется кровь вельмож-еретиков, лишь бы славилось царское имя и в государстве его торжествовала правда. Такова логика рассуждений писателя-воинника. «Царь на царстве грозен и мудр, царство его ширеет, и имя его славно по всем землям».²⁶

И. С. Пересветов выступает решительным противником рабства. Это, по мнению Я. С. Лурье и ряда других исследователей, сближало взгляды Пересветова с мировоззрением предшественников реформационно-гуманистического движения.²⁷ Изложенный вывод вызывает сомнения. Какой смысл имели тирады публициста против рабства? Был ли Пересветов противником рабства и грядущего крепостничества, как полагал Б. Д. Греков?²⁸ Подобное расширительное толкование едва ли правомерно. Каждый раз, когда Пересветов конкретизирует свои взгляды на «порабощение», обнаруживается, что писателя заботит прежде всего и по преимуществу судьба «воинников». «В котором царстве люди поработены, — говорит Магмет-салтан, — и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга, зато свободные воинники готовы против недруга «люто стояти... и чести себе добывати».

Мысль о недопустимости порабощения положена в основу проекта военной реформы Пересветова. Царство Константина, утверждал писатель, пало, потому что «у вельмож его и лутчие люди поработены были», зато мудрый «Магмет-салтан» «дал им волю, и взял их к себе в полк, и они стали у царя лутчие люди, которые у вельмож царевых в неволе были».

Будучи профессиональным воином, литовский шляхтич Иван Пересветов служил в наемных войсках в Польше, Чехии и Венгрии. Прибыв в Россию, он получил небольшое поместье. Но из-за «сильных людей» — бояр его поместье быстро запустело («твое, государь, жалованье, поместье от великих людей от обид нарядили пусто»). Из-за рубежа Пересветов вывез некоторое имущество, но лишился его в тяжбах с сильными людьми. «От обид и волокит, — жаловался воинник царю, — наг и бос и пеш».²⁹ Помещик разорился до такой степени, что лишился даже боевого коня и доспехов, что отняло у него возможность оставаться на государственной службе.

Перспектива порабощения стала для Пересветова реальностью после того, как он оказался «наг и бос и пеш». Сказанное объясняет, почему порабощение в глазах «воинника» превращается в крупнейшее общественное зло.

Интересы российского дворянства преломились в уме Пересветова сквозь призму его собственного опыта. Именно по этой причине И. Пересветов не стал идеологом дворянства в такой мере, в какой Курбский стал идеологом боярской аристократии. В своих сочинениях писатель обошел полным молчанием вопрос о земельном обеспечении «воинников»-дворян, а между тем именно этот «великий вопрос» более всего волновал феодальное дворянство.

Один из парадоксов русской действительности состоял в том, что единая в юридическом плане категория холопов включала совершенно разнородные социальные группы: одни холопы трудились на господской пашне и занимали

низшее положение в среде эксплуатируемого населения, тогда как другие служили в вооруженной свите господина, имели оружие, коня, нередко — служную пашню. Даже русские правоведаы из числа приказных не могли преодолеть затруднения, проистекавшие из двойственности холопства. Не удалось это и Пересветову. Обосновывая необходимость искоренения холопства, писатель ссылается на Магмет-салтана. Сей мудрый правитель запретил вельможам своих слуг «прикабаливати, ни прихолопити, а служити им добровольно». Чтобы гарантировать вольную службу, он приказал «пред себя книги принести полныя и докладные да велел их огнем пожещи».³⁰ Публицист предлагал освободить порабощенных воинов и сформировать из них «царев полк», наподобие янычар султана. Отсюда следует, что его занимала судьба в первую очередь боевых холопов, немалое число которых происходило из разорившихся детей боярских. Некоторых порабощенных воинов, подчеркивал Пересветов, прельстили «светлые ризы», и ради этого они сами записались в холопство. «Светлые ризы» в этом случае являлись символом привилегированного положения людей, служивших в вооруженной свите господина.³¹

Выступление Пересветова не было единственным явлением. Вслед за ним на общественной арене явился со своим сочинением поп Ермолай Еразм. Его более всего волновал вопрос об оскудении дворянства и необходимости «землемерия», т. е. перераспределения земель в пользу дворян.

Резкие обличения по адресу бояр-правителей, одобренные свыше, явились симптомом глубокого кризиса, охватившего русское общество. Выступления публицистов выражали общественные настроения и готовили почву для проведения реформ, условия для которых давно созрели. Однако осуществить преобразования должны были не писатели и публицисты, а те политические круги, которые имели реальную власть и занимали ведущие позиции при дворе и в думе. Захарьиным понадобилось примерно два года, чтобы окончательно занять место, освободившееся с падением Глинских. И лишь после этого реформы пошли полным ходом.

По случаю царского брака родной брат царицы Анастасии Д. Р. Юрьев получил чин окольничего, но уже в 1549 г. он вместе с В. М. Юрьевым удостоен был боярства. В руках названных лиц вскоре же сосредоточились важнейшие отрасли управления. Д. Р. Юрьев возглавил Большой дворец, а затем Казанский дворец, а В. М. Юрьев — Тверской дворец. Помимо Юрьевых-Захарьиных в думу вошли Яковлевы-Захарьины (З. П. Яковлев и М. В. Яковлев), их родня И. В. Шереметев и Морозовы.

Захарьины старательно насаждали своих сторонников в центральном приказном аппарате. К числу их принадлежали дьяк Н. А. Фуников-Курцев и И. М. Висковатый. На царской свадьбе Фуников был приставлен к царскому платью как казенный дьяк, а к концу 1549 г. получил титул печатника.³² Спустя несколько лет В. М. Юрьев сделал его своим преемником на посту тверского дворецкого.³³

Среди Захарьиных, по-видимому, не было выдающихся государственных деятелей. Но их приход к власти способствовал выдвижению многих лиц, сыгравших ведущую роль в проведении реформ. Боярин В. М. Юрьев, ведавший посольскими делами, первым оценил удивительные способности И. М. Висковатого и сделал его своим помощником. И. М. Висковатый служил посольским подьячим с начала 40-х гг. Решительный перелом в его карьере наступил в 1549—1550 гг., т. е. в то самое время, когда к руководству посольским ведомством пришел В. М. Юрьев. Как сообщают Посольские разряды, в 1549 (7057) г. «приказано Посольское дело Ивану Висковатого, а был еще в подьячих», «а дьячество Ивана Висковатого в 58 году». Уже в 1549 г. Висковатый, проводя ответственные переговоры с литовцами, заявил: «яз иду до своей избы», имея в виду Посольский приказ.³⁴

Организованный Висковатым приказ стал одним из главных центральных ведомств страны. Редкие дарования Висковатого как бы запечатлелись в созданном им учреждении. Выходец из низов — «всенародства», Висковатый достиг со временем высших постов в бюрократической иерархии. Иностранцы называли его канцлером.

С первых шагов самостоятельного правления Иван IV близко сошелся с узким кругом высшей приказной бюрократии, принадлежавшей к самой образованной части русского общества. Большое влияние на царя многие годы оказывал Висковатый. Но главным любимцем Ивана стал все же не он, а Алексей Адашев.

В литературе утвердилось мнение о довольно знатном происхождении Адашевых, якобы принадлежавших к роду «старинных и богатых костромских вотчинников», «высшему слою служилых костромичей». ³⁵ Такой точки зрения придерживается С. О. Шмидт и другие историки. ³⁶

По мнению А. А. Зимина, Алексей Адашев происходил из среды богатого придворного дворянства. ³⁷ Приведенное мнение, кажется, содержит некоторое преувеличение. Дворяне Ольговы, из рода которых вышли Адашевы, были мелкими костромскими вотчинниками. Данные об их землевладении указывают на весьма невысокое социальное положение этой семьи. Так, И. К. Ольгов, записанный в Боярской книге 1556 г., владел вотчиной на 100 четвертей и поместьем на 80 четвертей и получал сравнительно невысокий оклад в 15 руб. Другой представитель той же семьи Ф. Н. Ольгов получил в 60-х гг. взамен «старинной костромской вотчины» владения, оценивавшиеся всего лишь в 70 руб., и т. д. ³⁸ Адашевы владели, по-видимому, такими же мелкими вотчинами, как и их ближайшие родственники Ольговы. Примечательно, что даже в период наивысшего влияния Адашева при дворе до воеводского чина смог дослужиться только один представитель рода Ольговых И. Ф. Шишкин. Никто из родни Адашевых не попал в 1550 г. в «тысячу лучших слуг», и только двое Ольговых попали в списки Государева двора по Костроме. Все прочие Ольговы служили в уездных дворянах и принадлежали к весьма заурядным провинциальным детям боярским. ³⁹

Вспоминая о возвышении Адашева, царь Иван после смерти бывшего любимца писал о том, что тот в «юности нашей» «не вем каким обычаем из батожников водворися» при царском дворе, «так, взяв сего от гноища и учинив с вельможами, а чающе от него прямыя службы». ⁴⁰ В действительности А. Ф. Адашев попал ко двору благодаря успешной и длительной службе отца. Василий III упомянул в 1533 г. о посылке в Казань «ближнево своего человека Федора Одашова сына Олгова». ⁴¹ В 1538—1539 гг. Адашев-старший ездил с посольством к турецкому султану; миссия закончилась успехом, за что он и был пожалован Иваном IV в Москве. Алексей Адашев из-за болезни вернулся в Россию годом позднее и тогда же был представлен великому князю, что подтверждается словами Ивана IV о появлении А. Ф. Адашева при дворе в годы юности государя. ⁴² По мнению И. И. Смирнова, Ф. Г. Адашев служил в Большом дворце и эта его служба помогает нащупать связь между Адашевыми и Захарьинными. ⁴³ В действительности Ф. Г. Адашев носил чин углицкого и костромского дворецкого и не был связан с Романовыми через Большой дворец. ⁴⁴ Сближение Адашевых и Романовых, владевших родовыми вотчинами в Костроме, возможно, имело основанием не службу, а родство. Судя по некоторым данным, А. Ф. Адашев породнился с рано умершим Долматом Романовым, родным братом царицы Анастасии. После кончины Долмата А. Ф. Адашев пожертвовал в Троице-Сергиев монастырь на помин его души 20 руб., Данила Романов несколько позже дал в ту же обитель 40 руб. ⁴⁵ Если бы не родство с царицей, ни Адашев, ни его «шурья» — три брата Сатиных — по худородству никогда бы не попали на царскую свадьбу. В 1547 г. вместе с казначеем Ф. И. Сукиным, Сатиными и И. Вешняко-

вым Алексей и Данила Адашевы стлали постель новобрачным. Алексей Адашев, кроме того, был в мыльне с царем и другими «спальниками и мовниками».⁴⁶ Родство с Захарьиными, а через них с царской семьей и обеспечило заурядной дворянской семье блестящую придворную карьеру. Однако признание Адашеву принесли не придворные успехи, а общественная деятельность.

По словам Пискаревского летописца, Адашев «правил Рускую землю», сидя «в ызбе у Благовещения». На площади против Благовещенского собора располагались Казенный приказ и другие приказные учреждения. Казна была одним из старейших ведомств страны. Она принадлежала к числу тех центральных учреждений, от которых в ходе реформ отпочковались многие «избы» или «приказы», ведавшие судом, финансами и т. д. В Казне хранились государственные документы, включая законодательные акты, вот почему именно в стенах Казенного приказа началась работа над царским Судебником, когда власти приступили к проведению судебной реформы. Едва ли случаен тот факт, что именно в период составления нового Судебника А. Адашев возглавил Казенный приказ, получив чин казначея.⁴⁷ Как только разработка кодекса законов была завершена, Адашев ушел с этого поста. Некоторое время он числился в думных списках как первый царский стряпчий, а к осени 1553 г. был пожалован в окольничие.⁴⁸

Итак, А. Адашев выдвинулся благодаря реформам, подобно другим выдающимся приказным деятелям своего времени. Участие в судебной реформе помогло незнатному дворянину добиться решающего успеха: войти в состав высшего государственного органа — Боярской думы. Служилой бюрократии, быстро набиравшей силу, суждено было стать одним из важнейших элементов российского самодержавия.

Подавая челобитные царю Ивану IV, И. Пересветов уповал, по-видимому, на покровительство Захарьиных и Адашева. Непримируемый обличитель вельмож, Пересветов с особым чувством писал о боярине М. Юрьеве-Захарьине, под началом которого он успешно служил после прибытия на Русь Алексея Адашева писатель называл мудрым деятелем.⁴⁹ В судьбе Пересветова и Адашева было нечто общее. Оба во время своих зарубежных странствий побывали в пределах Османской империи. Не потому ли Пересветов избрал в качестве аллегории идеальное турецкое царство, что пытался сообразовать свое повествование с опытом человека, от которого зависело осуществление его проектов? Адашев провел за рубежом не так много времени, как Пересветов. И все же, если верить московскому летописцу, он прожил в Константинополе «з год, и приехал к великому князю, и князь велики его пожаловал, и взял его к себе в приближенье...».⁵⁰ Рассказы о странствиях не могли не привлечь внимания Ивана. Османская империя достигла апогея своего военного могущества, и ее победы, наводившие страх на многих европейских монархов, обсуждались повсюду. Интерес к властителям Царьграда находил пищу также в семейных преданиях Ивана IV. Трон в Константинополе занимала династия Палеологов, с которой московский государь был связан прямым и близким родством. Бабка царя Софья бежала из Константинополя, когда город подвергся нашествию не сказочного, а реального Магмет-салтана.

Различие между Пересветовым и Адашевым состояло в том, что первый был публицистом и прожектером, тогда как второй — любимцем царя и политическим дельцом. Воззрения Пересветова отличались стройностью и продуманностью, но слишком многое в них относилось к области утопий. Адашев же проводил реформы под влиянием неотложных нужд, не имея цельной и последовательной программы преобразований. Типичным примером его деятельности может служить реформа местничества. Началась Казанская война, и власти волей-неволей должны были подумать о том, чтобы ограничить местничество, мешавшее назначать на высшие военные посты самых способных и опытных воевод. И. Пересветов поддерживал идею завоевания Казанской

«землицы». При этом он настойчиво советовал царю вовсе отменить местничество. Однако его мысль далеко опережала время. Понадобилось более ста лет, чтобы возникли условия для полного упразднения этого института. В середине же XVI в. любые попытки сколько-нибудь серьезного ограничения местнических порядков неизбежно натолкнулись бы на сопротивление могущественной знати, ибо эти порядки обеспечивали ее политическое господство. Адашев принужден был действовать в строго ограниченных рамках. Незадолго до смерти он включил отчет о своей первой реформе в текст официальной летописи: «А воевод государь прибирает, рассуждая их отечество, и хто того дородитца, хто может ратной обычай съдержати».⁵¹ Правитель, как видно, нисколько не сомневался в справедливости основного принципа местничества — назначении воевод по их породе или «отечеству». Способность к ратному делу занимала в его рассуждении второе место. Царские указы о местничестве 1549—1550 гг. предусматривали возможность назначения в помощники главнокомандующему наиболее сведущих и одаренных воевод, не обладавших достаточной знатностью. Эти последние ограждались от местнических нападков со стороны других воевод.⁵² Принцип назначения на высший пост не отменялся, и закон вовсе не обязывал главного воеводу следовать советам своего заместителя. Указ достигал цели лишь в том случае, когда младший воевода пользовался особым доверием царя. Таким образом, ни о каком серьезном законодательном ограничении местничества не было и речи. Можно заметить, что в реформе местничества попытки устранить вопиющие недостатки местнической системы соединялись с интересами карьеры семейства Адашевых. Отец А. Адашева окольный Федор лишь после ограничения местничества смог получить первый самостоятельный воеводский пост, а именно пост третьего воеводы в армии, посланной для строительства Свияжска.⁵³

В литературе можно встретить мнение, что сочинения Пересветова повлияли на взгляды Ивана IV и его политику.⁵⁴ В доказательство историки ссылались на царскую переписку. «Глухие ссылки на Пересветова, — утверждал М. Н. Покровский, — нередки в письмах Грозного».⁵⁵ Однако это утверждение, как показал Я. С. Лурье, относится к числу исторических мифов.⁵⁶

Ивану IV должны были импонировать резкие обличения по адресу бояр, которые «за веру христианскую не стоят, а государю верно не служат», а также пророчества Пересветова относительно того, что нынешний московский царь «будет мудр и введет правду во свое царство», что от его «мудрости великие грозы царские лукавые судии яко от сна проснутя» и пр. Однако двадцатилетний царь был мало подготовлен к роли грозного самодержца, которую предложил ему писатель.

Реальная власть в Русском государстве находилась в руках боярского правительства и Боярской думы. Через думу осуществлялись все нововведения. А потому прожектеры, подобные Пересветову, не имея думных чинов и общественного положения, не могли получить доступ к власти и стать деятелями реформы. Характерно, что Пересветов не сделал карьеры и умер в полной безвестности.

Крупнейшим явлением середины XVI в. было зарождение приказной системы центрального управления, просуществовавшей в России до петровских времен. И в этом случае реформа была продиктована нуждами момента и не вытекала из заранее разработанный программы. На протяжении одного-двух десятилетий путем «почкования» возникла разветвленная сеть приказов, включавшая до 80 «изб». Военными делами стал ведасть Разрядный приказ, поземельными — Поместный приказ, судом — Разбойный приказ и пр. При этом дело обошлось без составления регламента, который бы определил структуру новых учреждений и регулировал их деятельность. Важной особенностью почти всех новшеств середины XVI в. были сугубый практицизм правительственных мер,

слабость их идейного обоснования и несовершенство или отсутствие у них законодательной основы.

Возникновение приказного управления в центре не могло не сказаться на системе местного управления. В литературе утвердилось представление, будто правительство Адашева специальным законом отменило архаическую систему местного управления, связанную с кормлениями. Суть системы заключалась в том, что «кормленщик» не только управлял отданным под его власть на год или два городом или волостью, но и кормился за счет населения, обращая поборы в свою пользу. В нашем распоряжении нет текста подлинного закона об отмене кормлений, и исследователю приходится судить об этой реформе на основании тенденциозного летописного рассказа. Происхождение рассказа таково. Незадолго до опалы Адашев включил в текущую летопись, пополнением которой он руководил, отчет о своих реформах, имевший характер политического завещания. Если верить летописи, в приговоре о кормлениях участвовали царь «з братиею и с боляры», но в летописном рассказе не указаны ни месяц, ни день утверждения приговора, что подрывает доверие к документу.

Летописный приговор представляет собой многословный, чисто литературный рассказ о начинаниях Адашева, перемежающийся поучениями царю, ссылками на Евангелие и т. д.⁵⁷ Автор летописи выступает в роли наставника, похвалами старающегося исправить ученика: начало премудрости государя, пишет он, страх Господен, чтобы «церковное предстояние в страсе и трепете имати», «ниже помышляюще во время святого пения»; потехи царские («ловы и иные учреждения») чтобы были отставлены, «потом же суд и правда нелицемерна всем».⁵⁸ (Приговор подвергает решительной критике устаревшую систему управления, при которой местные власти — наместники и волостели — кормились за счет населения, т. е. собирали пошлины в свой карман. Характерно, что царь Иван осуждал систему кормлений в столь же резких выражениях, как и автор летописного отчета. В послании Курбскому он писал: «Тако же убо и ваше хотение, еже вам на градах и на властех совладети, идеже быти, не подобает. И что от сего случишася в Руси, егда быша в коемждо граде градоначальницы и местоблюстители (кормленщики-наместники. — Р. С.), и какова разорения быша от сего, сам своима беззаконными очима видал еси».⁵⁹

Приступая к изложению царского приговора о кормлениях, летописец подчеркнул, что «по се время» (до нынешнего времени!) бояре и князи сидели «по кормлением по городом и волостем для росправы людем», но вот «в нииде в слух благочестивому царю», что кормленщики (наместники) «многие грады и волости пусты учиниша», притесняли население «и много злокозненных дел на них учиниша: не быша им пастыри и учителя, но створишася им гонители и разорители». При всем том кормленщики и сами оставались в накладе. Ввиду частых жалоб и судебных исков многие из них «и старого своего стяжания избыша, животов и вотчин».⁶⁰

Решительная критика системы кормлений предполагала необходимость полной ликвидации этой системы. Однако на деле «приговор» вовсе не предусматривал полной и повсеместной отмены кормлений. Согласно летописному тексту приговора, царь Иван своим повелением «бояр... и вельмож и всех воинов устроил кормлением (! — Р. С.) праведными уроки, ему же достоит по отечеству и по рододству».⁶¹ Иначе говоря, речь шла об упорядочении поборов в пользу кормленщиков (бояр и членов Государева двора), а не о замене их «кормленным окупом», шедшим в казну.

Так называемый приговор о кормлениях дал историкам основание заключить, что на втором этапе реформы более последовательно удовлетворяли интересы дворянства за счет ущемления прав феодальной аристократии.⁶² Однако надо иметь в виду, что власти приступили к преобразованию местной

системы управления уже в начале 1550-х гг. Именно тогда были ликвидированы самые крупные кормления, достававшиеся первостатейной знати. Так, в Костроме и Рязани бояре «кормились» в последний раз в 1550 г.⁶³ После покорения Казани знать и дворянство потребовали наград за свои труды, и царь «пожаловал (кормлениями. — *Р. С.*) всю землю».⁶⁴ Приговор 1556 г. резко ограничил практику раздачи кормлений, но не уничтожил ее. После первых успехов в Ливонской войне в 1558 г. многие бояре и воеводы были вызваны в Александровскую слободу, и царь «землями и кормлением их довольно пожаловал... тако же детей боярских всех (очевидно, из состава Государева двора. — *Р. С.*) многим своим жалованием жаловал... кормлением и поместьи».⁶⁵

Излагая царское «повеление» 7064 (1555—1556) г., Адашев акцентирует внимание на том, что царь «устроил» вельмож «кормлением праведными уроками», иначе говоря, возобновления кормлений сопровождалась регламентацией и упорядочением кормленных поборов. Летописный рассказ дает наглядное представление о механизме правительственной деятельности Избранной рады. Воля самодержца далеко не всегда облекалась в форму законодательного акта. Адашеву достаточно было получить устное «царское повеление», чтобы начать дело. Летописное изложение норм указа о кормлениях, имевшее заголовок «О повелении царском», было навеяно скорее всего воспоминанием Адашева об одном из таких распоряжений монарха.

Архаическая система кормлений не была отменена разом на территории всей России. Наиболее полно, как показал Н. Е. Носов, реформа местного управления была проведена на черносозном Севере, где кормленщики были заменены выборными старостами, а шедшие в их пользу доходы стали поступать в государственную казну как «кормленный окуп».⁶⁶ В некоторых районах реформа затянулась. Кормленщики упоминались до 80-х гг. Главной причиной было сопротивление со стороны боярства и верхов дворянства, пользовавшихся правом замещать «кормленные» должности и цеплявшихся за свои привилегии.

Важнейшее общественное значение в середине XVI в. приобрел вопрос о «землемерии» — наделении землями скудеющего дворянства. Длительная и кровопролитная война с Казанью, ежегодные сборы дворянского ополчения разоряли мелкопоместное дворянство. В так называемых царских вопросах, обращенных к членам Стоглавого собора, собравшегося в начале 1551 г., необходимость землемерия обосновывалась следующими соображениями. В годы боярского правления многие бояре и дворяне обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели: «у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детми ныне втрое, а иной голоден». В вопросах митрополиту царь просил рассмотреть, каковы «вотчины и поместья и кормления» у бояр и дворян и как они служат, и «приговорить», «недостающих как пожаловати».⁶⁷

Некоторое время спустя Ермолай-Еразм подал правительству трактат «Благохотящем царем правительница и землемерие», содержащий проект переустройства всей системы поземельного обеспечения служилого дворянства.⁶⁸ Проект имел целью помочь скудеющему мелкому дворянству и вместе с тем облегчить участь крестьян.

Самой замечательной чертой утопических проектов Еразма является живое сочувствие к нуждам и к бедствиям «ратаев», задавленных «различными работными игами», оброками, «серебром», «ямскими собраниями» и т. д. Царю, поучал Еразм, надобно заботиться о «благополучении» не одних только вельмож. «Вельможа бо сут потребни, но ни от коих же своих трудов довольствующиеся. В начале же всего потребна сут ратаеве: от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна». Чтобы облегчить их положение, избавить от многочисленных тягот («не единого ярма») и «волнений скорбных»,

Ермолай предлагал заменить все поборы и повинности крестьян «на един тяжательный ярем», натуральный издольный оброк в виде пятой части урожая. Таким путем он надеялся облегчить участь крестьян и одновременно упрочить благосостояние «воинов», т. е. дворянства.⁶⁹ Ермолай предлагал привести военную службу дворян в строгое соответствие с размерами их земель. Для этой цели правительство должно было осуществить всеобщее «землемерие» и переверстать оклады дворян с четвертей на поприща. По проекту Еразма, боярам полагалось 8 поприщ, воеводам — 6 поприщ, воинам — 1—4 поприща. В каждом поприще числилось 125 четвертей пашни или «десять ратаев» на полных наделах — жеребьях. Во время войны дворянин должен был выставить в поле вооруженного слугу «во бронях» с каждого поприща принадлежавшей ему земли.⁷⁰

Проекты Ермолая-Еразма возникли в момент, когда формирование новой военной системы, основанной на принципе обязательной службы с земли, близилось к завершению. Считается, что основы новой системы получили законодательное оформление в 1556 г. одновременно с отменой кормлений. Из летописного отчета, составленного Адашевым, следует, что в указанном году был утвержден «Приговор царской о кормлениях и службе». Разрешив вопрос о кормлениях, утверждал летописец, «государь и сея расмотри: которые велможи и всякие воины многими землями завладели, служба оскудеша, — не против государева жалования и своих вотчин служба их, — государь же им урвнения творяше: в поместьях землемерие им учиниша, комуждо что достойно, так устроиша; преизлишки же разделиша неимущим».⁷¹ Отчет Адашева отразил важнейший момент в истории русского дворянского землевладения, когда в ходе реформ поместная система окончательно приобрела всеобщий характер и распространилась на все уезды государства. Властям пришлось позаботиться о повсеместном формировании и расширении фондов поместных земель за счет конфискованных владений, оброчных, дворцовых, черных и церковных земель. Перевод различных категорий земель в разряд поместных укреплял принцип верховной собственности государства на землю и при этом не наносил ущерба казне, поскольку с поместных земель царскую подать собирали в полном объеме. Адашев упомянул о категории конфискованных земель, поскольку вопрос о земельных конфискациях вызывал наибольшие страсти в дворянской среде. Речь шла об отобрании «преизлишков» у старых и увечных землевладельцев, оскудевших службой, у «нетчиков» и дворян, которые не могли содержать вооруженную свиту, у вдов и пр. Государственное регулирование неизбежно вело к нарушению владельческих прав, но дворяне, преуспевшие на службе, приветствовали такое нарушение, предвкушая значительные материальные выгоды.

Окончательно сформировавшийся к середине XVI в. порядок обеспечения поместьями членов дворянского сословия и их потомков (как и акт отмены Юрьева дня в конце XVI в.), по-видимому, не получил подтверждения в виде развернутого законодательного акта. Предоставление поместий служилым людям облекалось в форму царского пожалования. Летописный отчет о реформе снабжен заголовком «О рассмотрении государьском». Видимо, при проведении реформы Адашев следовал царским предначертаниям, а не закону с четко разработанными юридическими нормами. В летописном «приговоре» отсутствуют данные насчет того, какие поместные оклады служили исходной нормой при проведении уравнительного «землемерия» и как определялись излишки у «вельмож», оскудевших службой. Из текста «приговора» следует, что поместное «землемерие» имело одним из главных последствий установление единой нормы службы для различных видов землевладения. Каждый землевладелец, будь то вельможа или воинник, должен был выставить в поле вооруженного бойца с каждых 100 четвертей земли, вотчинной или поместной; «и хто послужит по земли, и государь их жалует своим жало-

ванием, кормлении, и на уложенные люди дает денежное жалование; а кто землю держит, а службы с нее не платит, на тех на самех имати денги за люди».⁷²

Боярская книга 1556 г. свидетельствует, что нормы службы с земли, обозначенные в летописном отчете Адашева, носили реальный характер. В период реформ 1550-х гг. власти окончательно ввели в жизнь принцип обязательной службы, распространив его на всех землевладельцев — помещиков и вотчинников.

В начале 1550-х гг. правительство издало закон, касавшийся вотчинного землевладения. Земельные мероприятия, облеченные в форму закона, имеют особый интерес для оценки сути реформ в целом. Традиционная оценка сводится к тому, что приговор 1551 г. ограничивал княжеско-боярское вотчинное землевладение.⁷³ С попыткой опровергнуть эту оценку выступил В. Б. Кобрин. По его мнению, названный указ не только не ограничивал привилегии князей и вотчинников ряда уездов, но и подтверждал их старые привилегии, будучи «направлен на консервацию пережитков удельной старины».⁷⁴

Особое место в приговоре 1551 г. занимали так называемые княжеские статьи, регламентировавшие порядок отчуждения родовых княжеских вотчин. «Для понимания „княжеской“ части приговора, — пишет В. Б. Кобрин, — ключевым моментом служит запрет продавать и дарить княжеские вотчины „мимо вотчин“».⁷⁵ В самом деле, приговор 1551 г. подтверждал норму, существовавшую «исстари», по Уложению прежних великих князей: «А суздальские князи, и ярославские князи, да стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавати никому же, и в монастыри по душам не давати». Указав, что «ныне» князи нарушают эту норму, законодатель формулирует норму, в которой делает новые акценты: «И впредь... суздальским князем, и ярославским, и стародубским князем вотчин своих без царева и великого князя ведома не продавати, и по душам не давати. А кто вотчину свою бес царя и великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст, — и у купца деньги пропали, а вотчичь вотчины лишет».⁷⁶

Новое Уложение концентрировало внимание на утверждении принципа правительственного контроля за сделками на княжеские вотчины. Любое отступление от этого принципа влекло за собой отчуждение княжеских вотчин в казну. В тексте приговора можно найти данные для суждения о целях поземельного законодательства. Подлежавшие отчуждению вотчины, значилось в приговоре, надлежало забрать «на государя, да те вотчины отдавать в поместье». Итак, государство пыталось осуществить некоторое ограничение вотчинного землевладения ради поддержания системы поместного землевладения, без которой военно-служилое сословие XVI в. не могло существовать.

Приговор 1551 г. содержал статью, регламентировавшую права вотчинников в пределах Белоозера, Твери и Рязани. Закон воспрещал местным вотчинникам продавать свои земли иногородним, «мимо тех городов людей».⁷⁷ В условиях середины XVI в. запрет продавать земли иногородним (дворянам из других городов или уездов) имел очевидную цель — поддержание «служилого города», объединявшего землевладельцев данного уезда в единую служилую корпорацию. Таким образом, факты не подтверждают гипотезу В. Б. Кобринна о том, что инициаторы реформ своими земельными мерами консервировали пережитки удельной старины.

Приняв на себя обязательство об обеспечении поместными землями всех служилых людей и их сыновей, казна принуждена была постоянно искать новые источники для пополнения фонда поместных земель. По этой причине власти время от времени возвращались к проектам частичной секуляризации церковных вотчин. В речи к членам Стоглавого собора в начале

1551 г. Иван IV весьма недвусмысленно указал на то, что монастыри не умеют как следует распорядиться доставшимися им землями и доходами. Одновременно старец Артемий подал собору совет «села отымати у монастырей». Митрополит Макарий употребил все старания, чтобы доказать царю греховность и преступность любых покушений на церковные имущество и доходы. Тем не менее церкви пришлось поступиться частью своих земельных богатств. Согласно приговору 1 мая 1551 г., епископы и монастыри должны были передать казне все земли, пожалованные им после смерти Василия III боярскими правительствами. Во-вторых, они должны были вернуть старым владельцам — дворянам и «христианам» — поместные и черные земли, отнятые церковниками за долги или «насилством». В-третьих, закон полностью запрещал духовенству приобретать новые земли «без доклада», т. е. без специального на то разрешения властей.⁷⁸ Меры подобного рода должны были предотвратить выход земель «из службы».

Направленность земельных мероприятий начала 1550-х гг. дает представление о соотношении сил в правящих кругах того времени. Старомосковская нетитулованная знать, представленная в правительстве Захарьиными, располагала крупным фондом вотчинных земель в центральных уездах. Ее землевладение не подверглось ограничениям, в отличие от землевладения рязанской и тверской окраин. Среди княжеской же знати вне сферы ограничений оказались князья Патрикеевичи и Оболенские, удельные князья Бельские, Мстиславские и Воротынские. Суздальская знать после отстранения Шуйских от власти должна была отступить в тень, а потому ее интересы были задеты в большей мере, чем интересы других групп.

Практические результаты описанных выше земельных мер не следует преувеличивать. Система ограничений вступала в действие лишь в том случае, если возникали угрозы выхода земли из службы. При наличии наследников и при нормальном течении службы те же самые суздальские князья из состава Государева двора имели право и на выкуп родовых земель, и на первоочередное получение земель из поместного фонда, пополнявшегося за счет конфискованных вотчин.

Земельное законодательство Адашева нельзя рассматривать как преимущественно или исключительно продворянское. Развитие поместной системы отвечало интересам всего служилого сословия в целом. Более того, поместные оклады знати многократно превышали оклады рядовых дворян. Члены Государева двора имели несравненно больше возможностей получить поместья в полный оклад, чем уездные дети боярские.

¹ Подробнее см.: *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 105; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 271.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 450.

³ Сб. РИО. Т. 59. С. 345.

⁴ Переписка. С. 29.

⁵ *Смирнов И. И.* Очерки... С. 135—136.

⁶ *Зимин А. А.* Реформы... С. 308, 310—311. Ту же схему находим в исследовании Д. Н. Альшица. Тезис о «небывалом по своему размаху и организованности восстании» Д. Н. Альшиц подкрепляет ссылкой на восстания в Гороховце, Опочке, Пскове, Устюге Великом (*Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1938. С. 34). Опочка и Гороховец относились к числу совсем небольших городов. В Пскове было неспокойно, но до восстания дело не дошло. В летописном известии о восстании в Устюге допущена ошибка. Как доказала К. Н. Сербина, в Устюжском летописце речь шла о восстании 1649, а не 1549 г. (*Сербина К. Н.* Устюжские летописи о восстаниях в Устюге Великом в XVI—XVII вв. // ВИД. 1980. [Т.] XII. С. 60—65).

⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 29.

⁸ Там же. Т. 13. С. 455.

⁹ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 621.

¹⁰ Курбский. Сочинения. С. 168, 169.

¹¹ Переписка. С. 29.

¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 456—457; Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 621.

- ¹³ Там же. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. С. 620.
- ¹⁴ Там же. Т. 13. С. 456.
- ¹⁵ Шмидт С. О. Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 114.
- ¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 456.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Владимир Старицкий женился на племяннице Нагого лишь в 1549 г., но это обстоятельство не имело значения в глазах царя или было забыто им.
- ¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 155, 157; Т. 29. С. 55.
- ²⁰ Смирнов И. И. Очерки... С. 136.
- ²¹ См.: Зимин А. А. Реформы... С. 310—312, 319, 440.
- ²² Шмидт С. О. Продолжение Хронографа 1512 г.//Исторический архив. М., 1956. Т. 7. С. 295—296.
- ²³ Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений в России: Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969. С. 365 и др.
- ²⁴ В литературе была высказана мысль о том, что Пересветов не был автором приписанных ему произведений. По мнению Д. Н. Альшица, одни из этих произведений были написаны царем, а другие — Адашевым (*Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. С. 73—85*). С такой гипотезой трудно согласиться. Пересветов изложил взгляды, характерные для рядового воинника, но отличные от воззрений Грозного или правителя Адашева, известных по царским письмам и летописным отчетам Адашева. Атрибуция сочинений Пересветова получила убедительное обоснование в монографическом исследовании А. А. Зимина (*Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 217—406*).
- ²⁵ Сочинения И. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 156, 178—179.
- ²⁶ Там же. С. 167, 178, 183.
- ²⁷ Лурье Я. С. [Рецензия]//Изв. АН СССР. Отд-ние лит. и яз. 1959. Т. 8. Вып. 5. С. 450—451. Рец. на кн.: Зимин А. А. И. С. Пересветов...; Переписка. С. 231—232.
- ²⁸ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1954. Кн. 2. С. 219—221.
- ²⁹ Зимин А. А. И. С. Пересветов... С. 331.
- ³⁰ Там же. С. 386.
- ³¹ Сакетти А. Л., Сальников Ю. Ф. О взглядах И. Пересветова//ВИ. 1957. № 1. С. 119.
- ³² Разряды. Л. 158 об.; Расходная книга Новгородского Софийского дома за 1547—1548 гг.//Изв. археол. о-ва. 1861. Т. 3. С. 48—49.
- ³³ Разряды. Л. 175, 180 об., 202; ТКДТ. С. 115.
- ³⁴ Витебская старина. С. 3; Сб. РИО. Т. 59. С. 166, 288.
- ³⁵ Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. СПб., 1897.
- ³⁶ Подробнее об Адашеве см.: Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева//Учен. зап. МГУ (каф. истории СССР). М., 1954. Вып. 167. С. 32—33; см. также: Смирнов И. И. Очерки... С. 214.
- ³⁷ Зимин А. А. Реформы... С. 312.
- ³⁸ Боярская книга 1556 г.//Калачов Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. СПб., 1861. Кн. 3. С. 40; Садиков. Из истории опричнины. С. 217.
- ³⁹ ТКДТ. С. 149, 150.
- ⁴⁰ Переписка. С. 30.
- ⁴¹ Лихачев Н. П. Государев родословец и род Адашевых. С. 5.
- ⁴² Шмидт С. О. Правительственная деятельность А. Ф. Адашева... С. 29.
- ⁴³ Смирнов И. И. Очерки... С. 215—216.
- ⁴⁴ Зимин А. А. Реформы... С. 313.
- ⁴⁵ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 99, 101.
- ⁴⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 325, 327.
- ⁴⁷ Там же. С. 390.
- ⁴⁸ Там же. С. 450—451, 457.
- ⁴⁹ Впервые этот факт отмечен Я. С. Лурье (см.: Сочинения И. Пересветова. С. 306—307; ср.: Зимин А. А. И. С. Пересветов... С. 350).
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 181.
- ⁵¹ Там же. Т. 13. С. 267.
- ⁵² Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. С. 29—30.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 163; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 400.
- ⁵⁴ Иловайский Д. История России. М., 1890. Т. 3. С. 687; Петухов Е. В. Русская литература. Пг., 1916. С. 191, 193; Орлов А. С. Древняя русская литература. М.; Л., 1945. С. 314.
- ⁵⁵ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1913. Т. 2. С. 112.
- ⁵⁶ Переписка. С. 231.
- ⁵⁷ Зимин А. А. Реформы... С. 429.
- ⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 267.
- ⁵⁹ Переписка. С. 24.
- ⁶⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 267.
- ⁶¹ Там же. С. 268.
- ⁶² Зимин А. А. Реформы... С. 478.

⁶³ Разряды. Л. 172 об.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 228.

⁶⁵ Там же. С. 312.

⁶⁶ *Носов Н. Е.* 1) Становление сословно-представительных учреждений в России. С. 365—366; 2) Боярская книга 1556 г. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.; Л., 1960. С. 219—220.

⁶⁷ Памятники русского права (XV—XVII вв.). М., 1956. Вып. 4. С. 577.

⁶⁸ Биографические сведения о Еразме крайне скудны и сбивчивы. Обычно его отождествляют со священником одного из дворцовых соборов столицы Ермолаем (см.: *Зимин А. А.* И. С. Пересветов... С. 120—122).

⁶⁹ *Зимин А. А.* И. С. Пересветов... С. 133—136.

⁷⁰ Там же. С. 139.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 268—269. Подробные сведения о дворянских смотрах и поместных верстанях в годы реформ Адашева приведены в исследовании И. И. Смирнова (*Смирнов И. И.* Очерки... С. 423—434).

⁷² ПСРЛ. Т. 13. С. 268—269.

⁷³ *Соловьев С. М.* История. М., 1960. Т. 4. С. 88—89; *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. СПб., 1898. С. 62—63; *Смирнов И. И.* Очерки... С. 441—444; *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 89.

⁷⁴ Кобрин. Власть и собственность. С. 76, 81—82.

⁷⁵ Там же. С. 77.

⁷⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI в.—первой половины XVII в. С. 31—33.

⁷⁷ Там же. С. 31—33.

⁷⁸ Там же.

ИЗБРАННАЯ РАДА

В своей «Истории о великом князе Московском» Андрей Курбский упомянул о том, что при Сильвестре и Адашеве делами государства управляла Избранная рада. Если верить письмам Грозного, Рада состояла сплошь из изменников бояр. По Курбскому, в Избранную раду входили мудрые мужи. Несмотря на то что «История» нисколько не уступала по тенденциозности письмам царя, предложенный Курбским термин «Избранная рада» получил признание в исторической литературе и лег в основу многих историографических оценок. С. М. Соловьев и В. О. Ключевский называли Избранную раду боярским советом, воздействовавшим на царя через таких лиц, как Сильвестр и Адашев. С. Ф. Платонов считал, что в Раде преобладал княжеский элемент и «чисто княжеская тенденция», но по составу она не совпадала ни с Боярской, ни с ближней думой, ибо возникла как «частный кружок, созданный временщиками для их целей и поставленный ими около царя не в виде учреждения, а как собрание „доброхотающих“ друзей».¹ Г. В. Плеханов первым подверг критике представления об Избранной раде как «органе исключительно боярского влияния» и высказал мысль, что время ее господства явилось «временем компромисса между боярством, духовенством и дворянством».² По утверждению А. Е. Преснякова, политика в эпоху Избранной рады выражала не только княжеские, но и служилые дворянские тенденции. А. Е. Пресняков задался вопросом, была ли так полновластна рада, как принято думать, и не следует ли реформы или многое в них отнести на счет не рады, а ее противников Захарьиных?³ М. Н. Покровский считал, что реформы 1550-х гг. были проведены боярством ради сохранения власти. Среди «капитальных уступок» боярства М. Н. Покровский выделял отмену кормлений и введение в состав Избранной рады торгового священника Сильвестра и «батожника» Алексея Адашева.⁴ С. В. Бахрушин доказывал, что реформы 1550-х гг. отвечали интересам дворянства, но состав Избранной рады был компромиссным, поскольку в нее не входили потомки удельных князей. Раду С. В. Бахрушин всецело отождествлял с ближней думой.⁵ По мнению И. И. Смирнова, Избранная рада сложилась в результате ликвидации боярского правления и явилась проводником дворянских интересов.⁶ А. А. Зимин называл Избранную раду правительством компромисса, подчеркивая, что ее преобразования отвечали «пожеланиям дворянства и дальновидных кругов боярства».⁷ По мнению Д. Н. Альшица, Избранная рада выступала от имени служилой массы и верхов посада и в отличие от органа совещательного и законодательного — Боярской думы имела функции директории или фактического правительства.⁸

Как правило, историки использовали понятие «Избранная рада» для обозначения правительства реформ 1550-х гг.⁹ Обращение к «Истории» Курбского позволяет выявить ошибку в исходном пункте всех рассуждений о раде. Первые

реформы были проведены под эгидой Захарьиных. По мнению Курбского, Избранной рады в то время еще не существовало. Избранная рада, утверждал князь, образовалась после того, как Сильвестр и Адашев собрали подле Ивана IV мудрых советников, а недостойных «ласкателей» Захарьиных отогнали прочь. Чтобы разрешить вопрос, когда (по Курбскому) к власти пришла Избранная рада, надо установить время упадка влияния Захарьиных.

Перемены в верхах были связаны прежде всего с династическим кризисом, вызванным тяжелой болезнью царя в 1553 г. В официальной летописи ранней редакции кризис обрисован с помощью евангельской цитаты: «посети немощ православного нашего царя... и збытся на нас евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овца». ¹⁰ Летопись находилась в ведении А. Адашева, желавшего предать забвению «вся злая и скорбная». Через десять лет после своей болезни Иван IV в письме Курбскому взялся доказать, будто бояре в трудный момент «возшаташася, яко пиянии» с Сильвестром и Алексеем Адашевым, а «хотеша воцарити... князя Володимера». ¹¹ Царское письмо отличается крайней пристрастностью и требует критической проверки.

Наиболее надежными представляются ранние источники документального происхождения. Они должны служить исходным пунктом анализа. К числу документов, непосредственно отразивших события 1553 г., относится крестоцеловальная запись князя Владимира, составленная в момент кризиса. Она сохранилась в трех вариантах: первая была составлена 12 марта 1553 г., вторая (черновая) — в апреле 1554 г. и третья — в мае 1554 г. Иван IV заболел 1 марта 1553 г., а к 11 марта положение его казалось безнадежным. Наследник Дмитрий родился в царской семье за несколько месяцев до болезни отца, и были все основания опасаться, что удельный князь Владимир попытается отнять корону у грудного младенца. 12 марта Старицких принудили утвердить крестоцеловальную запись, которая в основных пунктах повторяла «докончание» Василия III с удельным князем Юрием Ивановичем по случаю рождения Ивана IV в великокняжеской семье. ¹² После кризиса младенец Дмитрий погиб, а в царской семье родился сын Иван. В апреле 1554 г. власти составили новую, значительно более подробную запись, и в мае Владимир принес присягу на имя царевича Ивана. К тому времени властям поступило много доносов и царь располагал значительно более полной информацией об интриге Старицких, чем в марте 1553 г. Эта информация отразилась в новых ограничительных пунктах, включенных в запись 1554 г. Владимир взял на себя следующее обязательство: «А жити ми на Москве в своем дворе, а держати ми у себя своих людей всяких 108 человек, а более ми того людей у себя во дворе не держати, а опричь ми того, служилых людей своих всех держати в своей отчине». ¹³ Из «Повести о мятеже» мы узнаем, когда и почему вопрос о численности «двора» Старицкого приобрел политическое значение. В самые тяжелые дни болезни царя, значит, в «Повести», Старицкие собрали на столичном дворе удельное войско — «своих детей боярских да учили им давати жалованье денги», что вызвало протест со стороны верных бояр. ¹⁴ Князя Владимира заподозрили в подготовке военного переворота, что удостоверено записями 1554 г. В черновом варианте оставлен пробел в тексте, зато в беловике точно обозначена максимальная цифра людей, которых Старицкие могли держать на своем дворе в Кремле. В удельной армии служили сотни детей боярских с боевыми холопами. Фактически их запрещено было вызывать из провинции в столицу. Даже знатные бояре держали на московских подворьях до сотни вооруженных слуг. Старицким разрешили держать в столице сотню «людей всяких», среди которых, очевидно, преобладала прислуга, жившая на удельном дворе.

Душой интриг против трона была княгиня Ефросинья Старицкая. В июле 1554 г. князь С. Ростовский показал на суде: «как государь недомогал... а ко мне на подворье приезживал от княгини от Офросиньи и от князя Володимера Ондреевича, чтобы я поехал ко князю Володимеру служити да и людей пере-

зывает...»¹⁵ Сведения о действиях Старицких не были новостью для властей. 12 марта 1553 г. князь Владимир обязался не принимать в удел «служебных» князей с вотчинами и бояр. В апрельской записи этот список был расширен: запрет распространился на детей боярских, дьяков и всяких людей. Впервые в запись 1554 г. был включен пункт о взаимоотношениях Владимира с другими удельными князьями. Старицкий обязался выступить против любых недругов царя и его наследника, «хоти которой брат родной учинитца недругом сыну твоему... и отступит от него». Обязательство поднять руку даже на «родного брата» вызывает некоторое недоумение, поскольку у царевича Ивана, как и у самого Владимира, родных братьев в то время не было. Единственным «родным братом» в царской династии был недееспособный брат царя Юрий Васильевич. Честолюбивая родня Юрия оказалась вовлечена в интриги Старицких. Ближний боярин князь Д. Ф. Палецкий-Стародубский, тесть князя Юрия, присягнув наследнику царевичу Дмитрию, тут же тайно известил княгиню Ефросинью, что «они (Юрий с женой и тестем. — *Р. С.*) им будут, княгине Офросиньи и князю Володимеру, на государство не сопротивны, а служити им готовы», если те пожалуют Юрия удельным княжеством.¹⁶ Согласно «Повести о мятеже», Палецкий вел переговоры с Ефросиньей через свояка В. П. Борисова, родного дядю Ефросиньи. В апреле 1554 г. князь Владимир обязался немедленно донести на мать в случае новых интриг с ее стороны: «А по грехом, мать моя княгиня Ефросинья учнет мя на которое лихо... учнет мя наводити... и мне матери своей княгини Ефросиньи, в том ни в чем не слушати, а сказати ми те ее речи сыну твоему, которой на государстве будет, и матери его в правду без хитрости». Владимиру вменили в обязанность слушаться не мать, а царских бояр: «А без бояр сына твоего никоторого дела не делати, которые бояре в твоей, государя моего, душевной грамоте писаны, и не сказав ми сыну твоему и его матери, никакого дела не вершити». Приведенный подлинный текст 1554 г. дает ключ к реконструкции событий 1553—1554 гг.

Перед смертью Василий III образовал при малолетнем сыне опекунский совет. Иван IV последовал его примеру. Как и отец, он назвал в своей «душевной грамоте» имена душеприказчиков, назначенных опекунами. Владимир обещал слушать бояр, записанных в царскую духовную, иначе говоря, слушать регентов. Составители записи 1554 г., памятуя мартовский кризис, старались оградить безопасность как наследника, так и членов регентского совета. Владимир должен был уведомить власти о дурных делах и о лихих замыслах матери, угрожавших наследнику или боярам-опекунам: «А хотя мать моя и не учнет наводити на лихо, а взведаю, что мать моя сама захочет которое лихо учинити, или умышляти учнет которое лихо над сыном твоим (царским. — *Р. С.*) и над его матерью, или над его бояры и дьяки, которые в твоей, государя нашего, душевной грамоте писаны: и мне то лихо матери своей сказати... в правду без хитрости, а не утаити ми того никак никоторыми делы, по сему крестному целованью».¹⁷ Замыслив овладеть короной, Старицкие должны были убрать со своего пути опекунов. Из приведенного выше текста следует, что регентский совет при Дмитрии включал не только бояр, но и доверенных дьяков.

Выделив комплекс наиболее ранних и достоверных свидетельств, мы имеем возможность нарисовать достоверную картину событий, происшедших в 1553—1554 гг.

1 марта 1553 г. царь тяжело заболел и едва не умер. Ближний дьяк И. Висковатый напомнил больному о завещании, и тот «повеле духовную съвершити». Бояре и дьяки, поименованные в «душевной», получили полномочия регентов. 11 марта к присяге на имя Дмитрия были приведены члены ближней думы, а также поименованные отдельно бояре Юрьевы-Захарьины. Судя по тому, что церемонией присяги в дальнейшем руководили удельный князь В. И. Воротынский и дьяк И. М. Висковатый, они попали в число царских душеприказ-

чиков. Трое членов ближней думы определенно не вошли в состав опекунского совета. Боярин князь Д. Ф. Палецкий выразил свое отношение к регентам тем, что вступил в тайный сговор с Ефросиньей. О князе Д. И. Курлятеве, одном из самых влиятельных ближних бояр, ходили слухи, будто он, как и другой ближний человек казначей Н. Фуников, вел тайные переговоры с Ефросиньей и ее сыном Владимиром, «а хотели его на государство». Автор «Повести» попытался подтвердить слухи, отметив, что названные лица не принесли присягу 11 марта под предлогом болезни. В отношении Фуникова летописец уточнил, что казначей «рознемогся рано» (до болезни царя), а следовательно, его болезнь не носила дипломатического характера.

Опытный политик Василий III после долгих совещаний с ближними людьми включил в опекунский совет Андрея Старицкого, влиятельных бояр Шуйских и пр. Опираясь на прецедент, Владимир Старицкий мог претендовать на главенство в регентском совете. Но Иван IV пренебрег традицией и не облек регентскими полномочиями ни Старицкого, ни Шуйских.

В дни болезни царя родня Ефросиньи князь П. М. Щенятев, князь И. И. Пронский, князь С. Ростовский отговаривали конюшого И. П. Федорова от присяги Дмитрию следующим образом: «Ведь де нами владети Захарьиным, и чем нами владети Захарьиным, а нам служити государю малому, и мы учнем служити старому — Володимеру Андреевичу». На суде в 1554 г. князь Ростовский подтвердил, что во время царской болезни он совещался со многими боярами: «только нам служити царевичю Дмитрею, ино нам владети Захарьиным и чем нами владети Захарьиными, ино лутчи служити князю Володимеру...» Приведенные факты не оставляют сомнения в том, что главными регентами при младенце Дмитрии Иван IV назначил своих шурьев Д. Р. и В. М. Юрьевых-Захарьиных.

Боярская дума отнеслась к регентству Захарьиных с крайним неодобрением. Тот же боярин С. Ростовский весьма точно выразил общее настроение во время тайной беседы с польским послом, имевшей место через полгода после кризиса: «Их всех государь не жалует, великих родов бесчестит, — а приближает к себе молодых людей, а нас ими теснит, да и тем нас истеснил ся, что женился у боярина у своего дочер взял понял робу свою и нам как служити своей сестре».¹⁸

На 12 марта была назначена общая присяга. Церемония должна была проводиться в Передней избе дворца, куда царь выслал князя В. И. Воротынского и И. М. Висковатого с крестом. Торжественное начало омрачилось тем, что старший боярин думы князь И. М. Шуйский заявил формальный протест: «Им не перед государем целовати (крест. — Р. С.) не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет?» Подлинный смысл протеста Шуйского заключался в следующем. Руководить присягой мог либо сам царь, либо старшие бояре. Вместо этого церемония была поручена Воротынскому. Бояре, превосходившие «породой» Воротынского, не скрывали раздражения.¹⁹ Подойдя к кресту, князь И. И. Пронский попрекнул Воротынского отцом, которого умертвили в темнице за измену. Боярин князь Д. И. Немого-Оболенский, покидая Кремль, сетовал: «Бог то де знает: нас де бояре приводят к целованию, а сами креста не целовали». По-видимому, Оболенский негодовал на то, что регенты принесли присягу не на общем заседании Боярской думы на глазах у всех, а за спиной думы, на день раньше.

К составу ближней думы принадлежал А. Ф. Адашев. В качестве главного советника и любимца царя он имел основания рассчитывать на участие в опеке над Дмитрием. Однако именем умирающего царя во дворце распоряжались Захарьины, не допустившие включения Адашева в опекунский совет. Немилость недавних покровителей обидела Адашевых. Выступив после Шуйского, окольниковый Ф. Г. Адашев обратился к думе со следующим заявлением: «Ведает Бог да ты, государь: тебе, государю, и сыну твоему царевичю Дмитрею крест целуем, а Захарьиным нам Данилу з братию не служивати; сын твой, государь наш,

еще в пеленицах, а владети нами Захарьиным Данилу з братиею; а мы уж от бояр до твоего возрасту беды видели многия».²⁰ Протест Ф. Г. Адашева дал повод для инсинуаций. В письме Курбскому Грозный прямо приписал Алексею Адашеву намерение «извести» царевича Дмитрия. Однако из «Повести о мятеже», сочиненной самим царем, следует, что Алексей верноподданнически и без всяких оговорок целовал крест Дмитрию в первый день присяги. Отец А. Адашева недвусмысленно высказался за присягу законному наследнику, но при этом выразил неодобрение по поводу регентства Захарьиных.

В первоначальном тексте «Повести» сразу за речами Шуйского и Ф. Адашева следовало изложение «царских речей». Грозный будто бы обвинил бояр в том, что они «свои души забыли, нам ест и нашим детям служить не хочется». Видя растерянность главных регентов Захарьиных, Иван IV якобы стал стыдить их: «А вы, Захарьины, чего испужалися? Али чаете, вас бояре пощадят? Вы от бояр первыя мертвецы будете!» Иван IV заклинал опекунов спасти царицу с сыном.

Царские речи, без сомнения, являются вымыслом. Иван был при смерти, не узнавал людей и не мог говорить. Но даже если бы он сумел что-то сказать, у него не было повода для «жестокоего слова» и отчаянных призывов. Перечитав «Повесть», царь должен был заметить несообразность своего рассказа. Решив исправить дело, Иван дополнил рассказ. После строки с речью Адашева в тексте появился выносной знак (крестик в круге), обозначающий вставку. Сама вставка помещена была на полях следующей страницы летописи. Содержание вставки сводилось к следующему: «Бысть мятеж велик и шум и речи многия в всех боярех, а не хотят пеленичнику служити». Крамольные бояре, отказавшиеся от присяги, с верными боярами «почали бранитися жестоко, а говорячи им (Захарьиным и др. — *Р. С.*), что они хотят сами владети, а они (противники Захарьиных. — *Р. С.*) им служити и их владения не хотят». «И бысть меж бояр брань велия и крик и шум велик и слова многия бранныя. И видев царь... боярскую жестость и почал им говорити так».²¹ Теперь в «Повести о мятеже» все встало на свои места. «Жестокое» слово царя выглядело теперь как естественная реакция на «боярскую жестокость».

Одним из виновников «мятежа» в Кремле был, по утверждению царя, священник Сильвестр, пользовавшийся большим влиянием при дворе. Опекуны, узнав, что Старицкие собирают войска на своем кремлевском подворье, «начаша от них беречися и князя Володимера Ондреевича ко государю часто не почали пущати». Тогда священник, бывший у Старицких «в велицей любви», вступил в спор с опекунами, говоря: «про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? брат вас, бояр (Захарьиных. — *Р. С.*), государю добротнее». Стремясь возложить на Сильвестра вину за начавшиеся раздоры в кругу ближайшей царской родни, автор «Повести» заключил рассказ словами: «И оттоле бысть вражда меж бояр (Захарьиных. — *Р. С.*) и Селиверстом и его советники».²²

Царь сочинял «Повесть» с помощниками, подбиравшими для него материал, подготовлявшими черновик, а затем следившими за изготовлением беловика. Скорее всего именно они, перебеляя рассказ о Сильвестре, подправили его речь. В беловом варианте летописи фраза священника была передана следующим образом: «Про что вы ко государю князя Володимера не пущаете? Он государю добра хочет».²³ Из текста речи Сильвестра оказался исключен полемический выпад против бояр Захарьиных. Смысл царского рассказа сводился к тому, что придворный священник назвал Захарьиных людьми менее добротными царю, чем князь Владимир, и это оскорбление положило начало длительной вражде. Составители беловика сохранили фразу «и оттоле бысть вражда...», но эта фраза утратила обоснование. Последний вариант был, возможно, менее тенденциозен по сравнению с тем, что продиктовал писцу царь. Как и подобает пастырю, Сильвестр старался потушить вражду в кругу ближайшей царской родни.

На исходе дня 12 марта князь Владимир был, наконец, вызван во дворец для принесения присяги. Церемония не обошлась без осложнений. Доказательством тому служит текст апрельской грамоты 1554 г. Со Старицкого взяли запись, что он не будет мстить государевым боярам, дьякам и всяким людям, чем бы они ни «згрубили» ему при жизни государя. В «Повесть» лица, нагрубившие удельному князю и опасавшиеся мести с его стороны, названы по именам. Приглашенный во дворец к вечеру 12 марта, князь Владимир не сразу согласился поцеловать крест, а лишь после того, как опекуны Воротынский и Висковатый напустились на него с упреками. Под конец Воротынский намекнул, что может поколотить князя: «Тебе служить не хочу, — заявил он, — а за них, за государей своих, с тобою говорю, а будет где доведетца по их государей своих велению и драться с тобою готов». «Иные бояре» (надо полагать, Захарьины) пошли еще дальше. Они пригрозили удельному князю смертью: «Да почяли иныя бояре говорити, чтобы князь целовал, а не учнет князь креста целовати, и ему оттудова не выйти».²⁴

Не догадываясь о двурушничестве ближнего боярина Палецкого, опекуны трижды посылали его на подворье к Ефросинье с просьбой привезти на запись сына княжью печать. Лишь после многих настояний княгиня велела запечатать документ, сказав при этом: «Что то де за целование, коли невольное?»

Тенденциозность повести о мятеже обнаруживает себя в двух моментах. Во-первых, в пристрастном изображении «мятежа» в думе и, во-вторых, в полном умолчании о роли главы церкви и духовника царя. Митрополит Макарий не подвергался опале и до последних дней пользовался расположением Грозного. Почему Иван в рассказе о событиях 1553 г. не упомянул его имени? Ведь по традиции умирающий государь поступал на попечение духовенства, которое должно было позаботиться об устроении его души.

Отец царя Василий III, смертельно заболев, втайне от думы стал готовиться к пострижению в монахи. В его планы были посвящены одни духовные лица, а затем он открыл свои намерения любимцу Шигоне-Поджогину и дьяку М. Путьяину. Однако ни Шигона, ни другие опекуны не одобрили его замыслов. Когда умирающий объявил о своем желании в присутствии всей думы, опекуны Андрей Старицкий, Воронцов и Шигона стали возражать ему: «Князь великий Владимир Киевский умре не в черньцах, не сподобился праведного покоя? и иные великие князи не в черньцах преставилися, не с праведными ли обрели покой?»

Не добившись послушания от душеприказчиков и бояр, Василий III обратился к митрополиту Даниилу с последней просьбой: «Аще ли не дадут (бояре. — Р. С.) мене постричи, но на мертвого мене положи платие чернецкое, бе бо издавна желание мое».

Даниил пытался исполнить волю монарха, но Андрей Старицкий и Воронцов не дали ему совершить обряд. В конце концов митрополиту и помогавшим ему троицким старцам удалось постричь Василия. Но они не могли сказать точно, постригли ли они еще живого монарха или его тело. Им пришлось положиться на свидетельство Шигоны: «как положили еваггелие на грудех (Василия. — Р. С.), и виде Шигона дух его отшедш, аки дымец мал».²⁵

Бояре твердо придерживались принятых порядков и не желали создавать прецедент. Но их постигла неудача. После Василия III обычай пострижения стал наследственным в роду Калиты. Монахами кончили жизнь и Иван IV, и Федор, а после них — царь Борис Годунов. Все это надо иметь в виду при анализе летописной повести о болезни Ивана в 1553 г. Не потому ли Грозный не упомянул имени Макария, что ему пришлось бы затронуть деликатный вопрос о пострижении?

В решающий момент совещания с Боярской думой намерения Василия III решительно поддержали митрополит Даниил и боярин М. Юрьев-Захарьин. В 1553 г. у постели умирающего Ивана IV находились митрополит Макарий

и бояре Захарьины. Макарий не уступал в религиозном рвении Даниилу, а кроме того, был заинтересован в том, чтобы прецедент 1533 г. превратился в традицию. Захарьины, вероятно, заняли традиционную для их семьи позицию. М. Юрьев и его брат Г. Юрьев, надолго переживший своего брата, приняли монашество в конце жизни.

Очевидец, описавший смерть Василия III, не мог скрыть того, что тот не был тверд в своем решении и под влиянием ближних людей откладывал обряд пострижения. По временам он настойчиво расспрашивал духовника, «егда же разлучается душа от тела?». Пострижение таило огромный политический риск, и государь решил принять монашество в самый момент разлучения души с телом. Когда духовник стал торопить умирающего с пострижением, Василий унял его словами: «Видиши сам, что лежю болен, а в разуме своем, и егда станет душа от тела разлучатися, тогда ми и дары даи: смотри же мя разумно и береги».²⁶

Свидетель болезни Ивана IV Курбский писал, что тот разболелся «зело тяжким огненным недугом так, иже никто же уже ему жити надеялся».²⁷ В «Повести» царь вспоминал, что «бысть болезнь его тяжка зело, мало и людей знаше, и тако бяше болен, яко многим чаяти — к концу приближися».²⁸ Как видно, больной впадал в беспамятство и не узнавал людей. В такой ситуации сторонники вновь возникшей традиции нельзя было терять время. Регенты Захарьины были настолько уверены, что царская душа уже разлучилась с телом, что без промедления организовали присягу младенцу Дмитрию, от имени которого намеревались править государством. По давнему обычаю бояре приносили присягу новому государю только после смерти старого. Василий III умер в ночь, и лишь на следующее утро бояре присягнули Ивану IV. Преждевременная присяга 1553 г. показывает, что Захарьины нимало не сомневались в кончине государя. Не лишено вероятности, что с одобрения регентов Захарьиных Макарий и старцы возложили на полумертвого царя чернеческое платье. Конечно, это предположение не является доказанным. Но некоторые признаки его подтверждают. В годы опричнины Иван IV подолгу носил иноческое платье и с большим усердием разыгрывал роль игумена в созданном им подобии опричного монастыря в Александровской слободе. Грозный знал, что его отец собирался постричься в Кирилло-Белозерском монастыре, и сам готовился к этому.

События 1553 г. получили в литературе различную оценку. И. И. Смирнов принял на веру рассказ о «мятеже» в думе и заключил, что подавление «мятежа» означало тяжелое поражение княжеско-боярской реакции.²⁹ А. А. Зимин не придавал значения наиболее достоверным сведениям о заговоре, опиравшимся на судное дело С. Ростовского, и заключил, что «события 1553 г. не были ни боярским мятежом, ни заговором».³⁰ А. А. Зимин оценивает события 1553 г. под углом зрения той же схемы, что и события 1547 г. Вопреки точным и недвусмысленным показаниям источника А. А. Зимин называет сторонниками Старицкого князей Ф. И. Шуйского, П. И. Шуйского, А. Б. Горбатого и Ю. И. Темкина, «защитников прав и привилегий феодальной аристократии», противостоявших сторонникам централизации и «удовлетворения насущных нужд основной массы служилых людей».³¹

В летописной приписке, воспроизводившей показания С. Ростовского, никто из Шуйских не назван в числе сторонников Старицкого. Зато в качестве главных заговорщиков названы известные противники Шуйских — князья Щенятев, Куракины и др. Напомним, что Шуйские, придя к власти, захватили московский двор и имущество Старицких, отправили в ссылку их ближайшую родню князя П. М. Щенятева, а затем держали в тюрьме Старицких, освободив их бояр.³²

При оценке заговора Старицких 1553 г. не следует руководствоваться устаревшей схемой, согласно которой сторонниками централизации и единства России могли быть только старейшие представители династии (правительница

Елена, царь Иван), тогда как приход к власти удельного князя, опиравшегося на «реакционных» бояр, грозил государству гибелью. После смерти Ивана III на российском престоле утвердилась не старшая, законная, а младшая ветвь династии в лице потомков удельного князя Василия, лишь после длительной борьбы получившего великокняжеский титул. Династический кризис 1553 г. был вызван не «княжеско-боярской реакцией», а раздором в кругу ближайшей царской родни. Претензии князя Владимира на трон сами по себе мало что значили. Интрига приобрела серьезное значение с того момента, как на стороне удельного князя выступили многие члены Боярской думы. Бояре имели все основания опасаться, что воцарение младенца Дмитрия повлечет за собой смуту, уже пережитую государством при малолетнем Иване IV. Знать не желала уступать власть регентам Захарьиным, не обладавшим ни авторитетом, ни популярностью. Перемена лица на троне едва ли изменила бы главные тенденции политического развития государства, тем более что сторонник реформ А. Адашев и его сотоварищ Сильвестр ориентировались скорее на Старицких, чем на Захарьиных.

Внутренний кризис развивался на фоне внешнеполитических трудностей. На протяжении длительного времени военные усилия России были сосредоточены на объединении земель и обороне границ. С образованием царства и зарождением самодержавия обозначился четкий поворот к имперской политике. Казанская кампания открыла период завоевательных войн, объектом которых стало сначала Нижнее Поволжье, а затем Прибалтика. Война несла беды и разорение не только соседям России, но и ее собственному народу. Завоевания, ставшие важнейшей частью программы нарождавшегося самодержавного государства, не вызвали единодушного одобрения даже внутри военно-служилого сословия. Завоевание Казани привело к затяжной и кровавой войне. Попытки подавить восстание поволжских народов не приносили успеха. Приверженцы традиционных принципов внешней политики с тревогой наблюдали за развитием событий в Поволжье. Боярин князь С. В. Ростовский четко уловил наметившиеся в обществе настроения недовольства. В тайной беседе с литовским послом С. Довойной, прибывшим в Москву в августе 1553 г., Ростовский заявил, что из-за тяжелой войны Русское государство «оскудело» и не сможет удержать завоеванные земли: «Казани царю и великому князю не здержати, ужжо ее покинет».³³ Традиционная политика России в отношении Казани состояла в том, чтобы поддерживать мир с Казанью либо добиваться от казанских ханов вассальной зависимости.

В июле 1554 г. в России сложилась ситуация, многими чертами напоминавшая ситуацию 1534 г. Знатные лица готовились покинуть государство и найти убежище в Литве. Однако на этот раз недовольные действовали слишком нерешительно и потерпели неудачу в самом начале предпринятия. Боярин Ростовский через посла Довоину известил польского короля о своем намерении выехать в Польшу. Но он желал иметь гарантии того, что за рубежом будет пожалован «великим жалованьем». В 1554 г. он отправил к королю сначала слугу Бакшея, а затем сына Никиту. Однако Никита был схвачен на границе и измена раскрылась. На суде Ростовский поначалу отрицал наличие заговора и оправдывался тем, что «хотел бежати от убожества и малаумьства, понеже скудота у него была разума». Однако под тяжестью улик боярин вскоре же был вынужден назвать имена многочисленных сообщников: «с ним ехати хотели такие же палоумы Ростовские князи Лобановы и Приемковы и иные клятв-вопреступники».³⁴ Опасаясь неблагоприятных толков за рубежом, Посольский приказ предписал своим дипломатическим агентам выступить с разъяснениями, которые невольно выдали истину. Дипломаты должны были категорически опровергнуть сведения, будто «со князем Семеном хотели ехати прочь многие бояре и дворяне», ибо «к такому дураку добрый кто пристанет? А лишь с ним воровали его племя — такие же дураки».³⁵ Источники позволяют более точно

установить имена «многих бояр и дворян», замышлявших отъехать в Литву вместе с князьями Ростовскими.

В разгар суда над Владимиром Старицким в 1563 г. Грозный затребовал из архива судное дело князя С. В. Ростовского и на основании его исправил летописный рассказ о суде над изменником. Из продиктованной царем летописной вставки следует, что причиной отъезда Ростовских было не скудоумие князя Семена, а страх наказания за участие в боярском заговоре. Впрочем, не только страх, но и политические симпатии влекли московских бояр в Литву. В Польско-Литовском государстве участие знати в избрании монарха не расценивалось как государственная измена, а считалось делом законным и необходимым. В Русском государстве князья и бояре, высказавшиеся за избрание на трон царского брата князя Владимира, знали, что их ждет суровая кара. На заседании ближней думы во время суда Ростовский показал: когда царь Иван выздоровел, «мы меж себя почали говорит, чтобы то дело укрыт», «а яз [со] страху с того времени учял мыслити в Литву». Из судебных материалов, приведенных в летописи, следует, что круг сообщников князя Семена не ограничивался одними князьями Лобановыми и Приемковыми. К перечню «паломов», намеревавшихся отъехать в Литву, Иван IV приписал: «князь Ондрей Катырев-Ростовский и иные».³⁶ После князя Семена князь Андрей был самым влиятельным среди Ростовских лицом. Судебное дознание скомпрометировало многих знатных персон. Однако руководство постаралось замять дело. Несомненно, князь Семен Ростовский не был главой и инициатором заговора в пользу князя Владимира и по своему влиянию далеко уступал главным заговорщикам. Грозный назвал поименно многих заговорщиков, но не уточнил, кто из них участвовал в совещаниях об «укрытии дела» и бегстве в Литву. Как следует из летописной приписки, кроме родни Ефросиньи князей Щенятева и Куракиных в заговоре участвовали бояре князь И. И. Пронский, князь Д. И. Немого-Оболенский, П. Серебряный-Оболенский, С. Микулинский, а также многие другие князья и дворяне, члены Государева двора. Всех их объединяла решимость ни в коем случае не допустить прихода к власти Захарьиных.

Династический кризис стал для Захарьиных суровым испытанием. По их настоянию Иван IV сразу после выздоровления отправился с семьей на богомолье в Кирилло-Белозерский монастырь. Алексей Адашев и Андрей Курбский противились поездке, но в конце концов приняли в ней участие. В Кириллове находился инок Вассиан Топорков, свидетель последних дней Василия III и участник его пострижения. Ко времени путешествия в Кириллов Иван IV уже знал некоторые подробности относительно недавнего заговора в пользу Старицких. Обнаружившаяся боярская крамола крайне встревожила его, и он, естественно, пожелал обсудить этот вопрос с советником своего отца. В частности, царь спросил старца, «како бы могл добре царствовать и великих и сильных своих в послушестве имети?» Отвечая на этот вопрос, престарелый советник Василия III стал внушать Ивану «непослушание синглитскому совету» (Боярской думе) и рекомендовал ограничить влияние боярства. В его советах Курбский усматривал главную причину последующих «великих гонений» против боярства. Имея в виду советы Вассиана Топоркова, Курбский писал, что топорок, сиречь малая секира, обернулся великой и широкой секирой, которой посечены были благородные и славные мужи великой Руси.³⁷

Топорков был апологетом самодержавного образа правления, и в некоторых отношениях его мысли перекликались с идеями Ивана Пересветова. Напомним, что Пересветов также советовал царю править «с грозой» и казнить вельмож. Пересветов и Топорков явились предтечами грядущего опричного террора. Однако в середине 1550-х гг. условия для террора еще не созрели и Грозный не мог последовать советам Топоркова.

Боярский суд вел дело весьма осмотрительно и осторожно. Судьи намеренно не придали значения показаниям князя Семена насчет заговора княгини

Ефросиньи и знатных бояр. Главными сообщниками Ростовского были объявлены княжие холопы: «в думе у него злой и в приказе были два его человека, Бакшей да Семейка: теми и с послы ссылался; а те того, сказывают не ведали, толко бежать хотели». Итак, по официальной версии, А. И. Катывев, Лобановы, Приемковы и прочие не названные по имени клятвопреступники не знали об изменнических делах князя Семена, а только «бежать хотели». Намерения не стали действиями, и потому «многие бояре и дворяне», замышлявшие побег в Литву, отделались испугом, избежав дознания и суда.

После доклада царю боярский суд приговорил Семена Ростовского к смертной казни. Право боярского отъезда было одной из древнейших политических традиций Руси. Искоренить эту традицию оказалось не так-то легко даже после образования единого государства. Решение о казни Ростовского должно было послужить грозным предостережением для знати, видевшей в Польско-Литовском государстве землю обетованную и помышлявшей о бегстве за рубеж.

Осужденный на смерть князь Семен был выведен для казни на площадь «на позор», но приговор не был приведен в исполнение. По ходатайству митрополита Макария, епископов и архимандритов казнь была заменена тюрьмой. Боярина отправили в заточение на Белоозеро. Его вооруженную холопскую свиту распустили.³⁸

В беседах с литовцами боярин Ростовский поносил и оскорблял Захарьиных, имевших все основания настаивать на расправе с изменником. Показания Ростовского на суде скомпрометировали многих знатных бояр, составивших заговор в целях передачи трона удельному князю. Если бы Захарьиным удалось добиться суда над Старицкими и их сообщниками, они могли бы изгнать из думы всех своих противников и окончательно упрочить собственные позиции при дворе. Но их старания не поддержали ни руководство Боярской думы, ни духовенство.

После событий 1553—1554 гг. влияние Захарьиных стало быстро падать. В дни царской болезни они показали себя не с лучшей стороны, поспешив с преждевременной присягой. После выздоровления Ивана они настояли на поездке в Кирилов, имевшей трагический исход. Царская семья путешествовала на речных стругах. Придворные следили за строгим соблюдением церемониала. Когда нянька шла на струг с царевичем на руках, ее поддерживали под руки братья царицы. Во время одной остановки на Шексне сходни не выдержали тяжести и перевернулись. Участники процессии оказались в реке. Младенца выхватили из воды, но он был уже мертв. Иван IV панически заклинал Захарьиных спасти сына от изменников, однако они не уберегли его от нечаянной гибели. Доверие царя к «шурьям» подверглось серьезному испытанию.

В соперничестве за влияние на молодого государя верх взяли Сильвестр и Адашев, тогда как Захарьиным пришлось пожать плоды своих неудач. Благодаря царице Анастасии Захарьины были в курсе всех дел и разговоров в царской семье. Стремясь лишить их самого надежного источника информации, Адашев и Сильвестр стали обсуждать дела втайне от царской семьи. Иван IV с негодованием вспоминал о поведении наставников: «...поп Сильвестр со Алексеем здружились, начаша советовати отаи нас...»³⁹

Успех заговора Старицких грозил Захарьиным гибелью, и они настаивали на жестких мерах. Митрополит Макарий противился каким бы то ни было репрессиям, и заодно с ним выступали Адашев и Сильвестр. Следуя Курбскому, можно заключить, что Избранная рада образовалась после того, как Сильвестр «отогнал» от государя «ласкателей» Захарьиных, подвигнув на то и присовокупив «себе в помощь» Макария — «архиерея онаго великого града».⁴⁰

Д. Н. Альшиц с полным основанием опровергает представление о принадлежности к составу Избранной рады боярина князя А. М. Курбского. Вместе с тем, полагает Д. Н. Альшиц, следует отбросить также представление о пробоярском составе и ориентации рады: идеология боярства попросту не было места в

этом правительстве, выражавшем интересы широкой дворянской массы и верхов посада.⁴¹ Согласиться с такой аргументацией невозможно.

Помимо Адашева в Избранную раду входили также другие «мудрые» мужи. Курбский не сообщает их имен, но недостающие сведения можно обнаружить в письмах Грозного. В письме Курбскому Иван IV гневно упрекал Сильвестра и Адашева за то, что те «препустили» в думу — «сигклит» князя Д. И. Курлятева, который окончательно помог им завладеть властью. Итак, Курбский не принадлежал к составу рады, но одним из главных ее вождей был боярин Курлятев-Оболенский, отличавшийся еще большей знатностью. Дмитрий Курлятев носил высший думный чин и занимал влиятельное положение в Боярской думе, что и превратило его в ключевую фигуру рады.

Курлятев стал боярином в конце 1540-х гг., но к кругу друзей царя он в то время не принадлежал. В дни казанского похода 1552 г. он служил в Новгороде, откуда в 1553 г. был переведен в Казань.⁴² В 1555—1560 гг. Курлятев служил вторым воеводой большого полка (заместителем главнокомандующего всей русской армии) при молодом князе И. Д. Бельском, номинальном главнокомандующем.⁴³ В мае 1548 г. Курлятев добился успеха в споре со знатным гедиминовичем кн. Ф. А. Куракиным. Позже (в 1553 г.) он затеял спор с удельным князем А. И. Воротынским и знатнейшим из старомосковских бояр конюшим И. П. Федоровым-Челяднинным. Счет с Федоровым завершился тем, что бояр «розвели» по разным городам. Попытка знатного рязанского князя И. И. Пронского «посчитатися» с Курлятевым в 1557 г. была отклонена под формальным предлогом.⁴⁴

Курлятев использовал свое влияние, чтобы насадить свою родню в Боярской думе. Одновременно с ним в думу вошли В. С. Серебряный и К. И. Курлятев (1549 г.), позднее — П. С. Серебряный (1551 г.), Д. И. Немого (1552 г.), И. В. Горенский, Ф. И. и Ю. И. Кашины (1555 г.), М. П. Репнин (1559 г.).⁴⁵ По сравнению с другими княжескими домами Оболенские имели наибольшее число представителей в думе.

В письме Курбскому Иван IV жаловался на то, что Сильвестр и Адашев, пользуясь покровительством Курлятева, «с тем своим единомысленником нача злый совет утвержати, и ни единыя власти оставиша, идеже своя угодники не поставиша...».⁴⁶

Утверждение царя насчет насаждения радой своих «угодников» на высшие посты в приказах на было сорвавшейся в порыве раздражения фразой. По-видимому, следуя рекомендации Сильвестра и его «советников», Боярская дума назначила в 1555 г. на пост государственного казначея Х. Ю. Тютина. Этот богатый грек на протяжении многих лет был торговым компаньоном сына Сильвестра Анфима.⁴⁷ Благодаря дружбе с Тютиным Анфим неоднократно получал выгодные поручения, в частности заведовал таможенными сборами в Казани. «Царь государь, — писал сыну Сильвестр, — велел послужити тебе в своей царской Казне, у таможенных дел».⁴⁸ Избранная рада добилась изгнания из Казанского приказа сторонника Захарьиных — ближнего дьяка, государственного казначея и печатника Н. А. Фуникова-Курцева. «Что ж о козначее нашем Никите Офонасьевиче? — писал царь Курбскому. — Про что живот напрасно разграбисте, самого же в заточение много лет, в дальних странах, во албче и наготе держасте?»⁴⁹ В Дворовой тетради 50-х гг. против имени Курцева, занимавшего тогда пост Тверского дворецкого, сделана помета «в опале».⁵⁰ Последнее назначение Курцев получил около ноября 1555 г. После того опальный дьяк провел несколько лет в ссылке, из которой вернулся лишь после падения Сильвестра.

Попав в круг «избранных» друзей царя, Курлятев приобрел столь влиятельное положение в государстве, что придворные стали заискивать перед ним. Иван IV никогда не мог простить могущественному временщику и его клеветам мелких и обидных унижений. «А Курлятев был почему меня лутче? —

писал царь. — Его дочерем всякое узорочье покупай, — благословно и здорово, а моим дочерем, — проклято да заупокой». ⁵¹ Заупокойные по царевнам объяснялись тем, что все они умерли в младенчестве. ⁵²

Однажды Курлятеву довелось возглавить боярский суд, разбиравший поземельную тяжбу между царским свояком кн. В. А. Сицким и кн. Прозоровским. Для решения тяжбы бояре пригласили в суд самого царя. Последний утверждал, что его «обыскивали, кабы злодея». «Попамятуй и посуди: с какою есте укоризною ко мне судили Сицково с Прозоровскими», — писал Грозный много позже. ⁵³

Захарьиным не удалось покарать своих обидчиков князей Ростовских. Иван IV сетовал на то, что ему помешали расправиться с Ростовским, и ругал Сильвестра за пособничество изменнику. По словам царя, поп и его советники «того собаку почали в велице брежени держати и помагати ему всеми благими, и не токмо ему, но и всему роду...». ⁵⁴ Слова Грозного не были домыслом. До наших дней дошло любопытное послание Сильвестра к некоему опальному вельможе. Имя адресата неизвестно. По мнению И. В. Курукина, им был боярин А. Б. Горбатый. ⁵⁵ Такое предположение основано на недоразумении. Сильвестр попал в ссылку за несколько лет до опалы А. Б. Горбатого и писать из монастырского заточения едва ли имел основания. С другой стороны, опала на Горбатого носила скоротечный характер: он был казнен в самый день объявления его царским изменником. Таким образом, боярин лишен был возможности получить какие бы то ни было утешительные послания.

История «некоего опального вельможи», изложенная в письме Сильвестра, как две капли воды походит на историю злополучного изменника. Кстати, Ростовский был единственным из вельмож, подвергшимся опале во времена всесилия Сильвестра.

Выражая сочувствие скорбям опального, протопоп упоминает о том, что его постигло «великое страшное наказание... отлучение царских очей и всякого ближнего совета и отнятие дому, и взятие всякого стяжания и отослание в далечие страны». ⁵⁶ Подчеркнем, что Ростовский после осуждения лишился всего имущества («стяжания» и дома), боярского титула (отлучение от «ближнего совета»), что он был послан на казнь и позорование и лишь в последний момент помилован (побывал «у смертного часу» и «у казни») и что, наконец, он подвергся ссылке на Белоозеро («в далечие страны»). В конце послания Сильвестр писал, что бог увидел покаяние опального вельможи, «умилостивилась душа царская, и за нужу поместьицом устроил мя и вотчинку отдал, а вперед не оставит бог слез твоих». ⁵⁷

Вернувшись из ссылки, Ростовский получил назначение на воеводство. Вместе с изменником за рубеж намеревался бежать его родственник князь А. И. Катырев, который избежал гонений, а через три года после суда получил боярство. ⁵⁸

Принципы родства играли значительную роль в формировании придворных группировок и правящего круга в целом. ⁵⁹ Круг ближайшей родни царя включал его двоюродного брата князя Владимира и родственников царицы Захарьиных. Господство Шуйских пало после смерти регентов В. В. и И. В. Шуйских и казни А. М. Шуйского. Однако раздор между Старицкими и Захарьиными помог Шуйским восстановить свои политические позиции. В 1556 г. семибоярщина, ведавшая Москву, включала князей И. М. Шуйского, А. Б. Горбатого и Ф. И. Скопина. ⁶⁰ И. М. Шуйский начал карьеру с измены и отъезда в удел удельного князя Ю. Углицкого. Тотчас после прихода к власти регентов Шуйских в 1538 г. он получил боярский чин, а с начала 1550-х гг. стал номинальным главой Боярской думы. ⁶¹ Иван IV не имел оснований доверять И. М. Шуйскому, родному брату убитого по царскому приказу А. М. Шуйского. Назначение И. М. Шуйского на пост главы думы произошло, по-видимому, вопреки воле царя, но в полном соответствии с традицией. В письме Курбскому

Грозный сетовал на произвол бояр, которые «от прародителей наших данную нам власть от нас отягша, еже вам, боярам нашим по нашему жалованью честию и председательем почтенным быти...».⁶² Со временем И. М. Шуйскому пришлось уступить пост «навысшего боярина» удельному князю И. Д. Бельскому. Но произошло это после свадьбы Бельского с дочерью В. В. Шуйского в 1555 г.⁶³ Брак положил конец давней вражде между Шуйскими и Бельскими.

Влиятельнейшим деятелем думы был князь А. Б. Горбатый. Он располагал большими земельными богатствами и находился в родстве с царской семьей. Зятьями Горбатого были царский племянник И. Ф. Мстиславский и царский шурин Н. Р. Юрьев-Захарьин. Номинально большим полком в армии, осаждавшей Казань в 1552 г., командовал И. Ф. Мстиславский.⁶⁴ Но он был молод и не имел военного опыта. Подлинным же вождем армии являлся тесть Мстиславского боярин Горбатый. Участник «казанского взятия» князь А. М. Курбский, составивший подробное описание казанской войны, неизменно называет Горбатого «великим гетманом» и мужем, очень сведущим в военных делах.⁶⁵ Сохранилось обширное послание Сильвестра к казанскому наместнику князю А. Б. Горбатову.⁶⁶ Священник выражал удовлетворение по поводу «розумных» и «премудрых» писем Горбатого к царю, хвалил многие его труды, «подвиги» и устройство воинства в новозавоеванном Казанском ханстве. Ближняя дума, писал он, всецело одобряет деятельность казанского наместника: «велики о сем государь и вси ближнии благодарят твоего разума делу о всем». Сильвестр без обиняков заявлял, что Горбатову принадлежит главная заслуга в покорении Орды. Казань, писал священник, взята «царским повелением, а вашим храбрством и мужеством, наипаче твоим крепким воеводством и сподручными ти».⁶⁷

В период Избранной рады не одни Шуйские, но и прочая суздальская знать заняла в думе самое видное положение. Из суздальских князей боярство получил А. И. Ногтев (к 1559 г.), из Ростовских — А. И. Катырев (1557 г.), из Ярославских — И. М. Троекуров и А. М. Курбский (к 1556 г.), И. В. Пеньков (к 1557—1558 гг.); окольными стали Д. С. Шестунов (к 1557 г.), В. А. Сицкий (к 1559 г.), В. А. Большой Великого Гагин (в конце 50-х гг.) и т. д. Из Стародубских князей боярство получили Ф. Б. Ромодановский (1555 г.), Д. И. Хилков (к 1558 г.), окольным стал Дав. Фед. Палецкий (к 1553 г.).⁶⁸ Вместе с думными титулами новоиспеченным боярам были переданы из казны тысячи четвертей земли.

В высшей боярской курии думы безраздельно господствовали княжата. Большая часть думных людей из нетитулованной знати носила низший чин окольных. Захарьины по-прежнему занимали в думе почетное положение, но их влияние продолжало падать. Старейший боярин Г. Ю. Захарьин подал в отставку.⁶⁹ Боярин Д. Р. Юрьев-Захарьин лишился чина казанского дворецкого, после того как Казань перешла из ведения Большого дворца в ведение вновь образованного Нижегородского-Казанского дворца.⁷⁰ В. М. Юрьев утратил титул тверского дворецкого и был отстранен после 1554 г. от руководства Посольским ведомством.⁷¹

В начале 1550-х гг. реформы в государстве проводились под эгидой бояр Захарьиных, в середине десятилетия — Д. И. Курлятева и других вождей Избранной рады. Но как на первом, так и на втором этапе преобразований самым крупным деятелем реформ оставался Адашев.

В середине XVI в. дворянство устами Пересветова и других публицистов заявило о своих особых требованиях и интересах. Оживление общественной мысли оказало определенное влияние на деятельность таких реформаторов, как Адашев. Однако он и его покровители и сподвижники не сочувствовали радикальным идеям публицистов и не оказали им существенной поддержки. А. М. Курбский очень точно заметил, что Адашев был «цареви» «согласен» (следовал его предначертаниям и «повелениям») и «общей вещи зело поле-

зен». ⁷² Один из самых ярких представителей княжеской аристократии хвалил полезность государственной деятельности реформатора.

В своей общественной деятельности Адашев руководствовался правилами, которые снискали ему всеобщую популярность. Он любил справедливость, сурово карал взяточников и волокитчиков. В дворянской среде долгие годы жили воспоминания о торжестве правосудия при Адашеве. Автор «Пискаревского летописца» записал их несколько десятилетий спустя: «А как он (Адашев. — *Р. С.*) был во времена (приближении у царя. — *Р. С.*), и в те поры Русская земля была в великой тишине и во благоденстве и управе. А кому откажет, тот вдругорядь не бей челом; а кой боярин челобитной волочит, и тому боярину — не пробудет без кручины от государя; а кому молвит хомутовкою (обличит в плутнях. — *Р. С.*), тот болши того не бей челом, то бысть в тюрьме или сослану». ⁷³

Согласно давно сложившейся историографической традиции, главным соправителем Адашева был благовещенский священник Сильвестр. Недавно традиционная точка зрения подверглась основательной критике в исследовании А. Гробовского. ⁷⁴ Английский историк отметил крайнюю тенденциозность писаний Грозного и Курбского, из которых исследователи черпают все сведения о Сильвестре.

Благовещенский священник обратил на себя внимание царя в дни московского пожара. В то время как придворные старались «ласкательством» завоевать расположение молодого царя, Сильвестр (по словам Курбского) избрал себе роль сурового пастыря и обличителя, не боявшегося сказать правду в лицо государю. В дни бедствий священник явился перед Иваном, «претяще ему от бога священными писаньми и срозе заклинающе его страшным божиим судом». Ради спасения царя поп «кусательными словесы нападающе» на него, как бритвою «режуще» непохвальные нравы питомца. ⁷⁵

Курбский изобразил «блаженного» пастыря и закоренелого грешника Ивана в традициях житийной литературы. Но суть их взаимоотношений он выразил верно. «Кусательные слова» царь не забыл до последних дней жизни. В юности Грозный терпел и даже ценил резкость наставника, зато после разрыва с ним воспоминания о пережитых унижениях стали для царя источником невыносимых душевных терзаний.

Сильвестр ничего не домогался для себя лично, проявляя полное бескорыстие, что придавало его обличениям особую моральную силу. К концу жизни он находился на том же служебном посту, который занял в начале своей карьеры в Москве. По крайней мере дважды оставался вакантным пост протопопа Благовещенского собора, исполнявшего роль царского духовника. Но то ли Сильвестр не хлопотал о повышении, то ли Иван предпочитал иметь духовником людей более терпимых и менее резких. Священник так никогда и не стал протопопом. Фигурой политической священник сделался не сразу. Лишь сближение с главным деятелем реформ А. Адашевым открыло перед Сильвестром более широкое поле деятельности. Об их сближении упоминается не только в Переписке Грозного с Курбским, но и в Пискаревском летописце. Вопреки мнению А. Гробовского, нет доказательств того, что автор названного летописца черпал сведения из писем Грозного или «Истории» Курбского. Летописец знал такие подробности о жизни названных лиц (например, о поездке Адашевых в Турцию), которые отсутствуют в сочинениях царя и Курбского. Пискаревский летописец подтверждает сведения о дружбе двух царских советников: «В ту же пору был поп Сильвестр и правил Рускую землю с ним (Адашевым. — *Р. С.*) заодни, и сидели вместе в ызбе у Благовещения». ⁷⁶ Воспоминания, записанные летописцем, не отличались точностью. Сильвестр служил, как и положено попу, в Благовещенском соборе, а Адашев судил в приказной избе, стоявшей напротив названного собора. Однако основной факт — тесное их сотрудничество — летописец, по-видимому, уловил верно.

В приписке к Царственной книге Иван IV умалчивает о правительственном значении Адашева, выдвигая на первый план фигуру Сильвестра как единоличного правителя государства. По его словам, Сильвестр «всякия дела и власти святителския и царския правяше, и никто же смеяше ничтоже сътворити не по его велению, и всеми владаше, обема властми, и святительскими и царскими, якоже царь и святитель...».⁷⁷

Сведения приписки поражают своей пристрастностью. К тому же царь противоречит себе, как только начинает излагать конкретные факты, доказывающие рассуждения о всесии Сильвестра. В дни болезни царя священник лишь однажды подал голос, советуя допустить Старицкого к постели царя. Но на его слова никто не обратил внимания.

При всей тенденциозности Грозный верно указал на два источника влияния придворного проповедника. Во-первых, «никто же смеяше ни в чем же противиться ему ради царского жалованья» и, во-вторых, он был «чтим добре всеми». Будучи не столько политиком, сколько церковным пастырем, Сильвестр пользовался большим моральным авторитетом.

Был ли Сильвестр попом-невеждой, как характеризовал его в раздражении царь? Можно ли принять на веру эту характеристику и заключить, что нелестное прозвище было удачным, поскольку «в личности Сильвестра крайний фанатизм сочетался, как то часто бывает, с умственной ограниченностью»?⁷⁸ По-видимому, эта оценка ошибочна. Сильвестр не относился к числу необразованных людей, чуждых просвещению.⁷⁹ Его библиотека включала не менее двух-трех десятков выявленных книг. Пометы в тексте этих книг свидетельствуют о знании священником греческого языка, а возможно, и латыни и в целом о его образованности. Запись об авторстве Сильвестра в Житие княгини Ольги, служившем вступлением к Степенной книге, подтверждает его участие в составлении этого памятника. Возвеличивая царскую власть, Сильвестр представляет «самодержавство» не просто преемником Рима и Византии, но «исконным, основанным на подвиге крещения Ольги и просвещения ею Руси».⁸⁰ Тем же идейным целям утверждения величия царской власти подчинены были живописные работы, выполненные под руководством Сильвестра в Кремле.

Церковь внесла свою лепту в создание политической догмы самодержавия. Митрополит Макарий развивал мысль о божественном происхождении царской власти. Сторонником той же теории выступил и Сильвестр. Царь никогда бы не простил наставнику его бесконечных наставлений и «кусательных слов», если бы не это обстоятельство.

Биографию Грозного источники позволяют воссоздать несравненно полнее, нежели биографии Адашева или Сильвестра. Будущий царь потерял отца в три года, а в семь с половиной лет остался круглым сиротой. Его четырехлетний брат Юрий, глухонемой от рождения, не мог делить с ним детских забав. Достигнув зрелого возраста, Иван не раз с горечью вспоминал свое сиротское детство. Чернила его обращались в желчь, когда он описывал обиды, причиненные ему, заброшенному сироте, боярами. Описания царя столь впечатляющи, что их обаянию поддались историки. На основании царских писем В. О. Ключевский создал знаменитый психологический портрет Ивана-ребенка. В душу сироты, писал он, рано и глубоко врезалось чувство брошенности и одиночества. Безобразные сцены боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, превратили его робость в нервную пугливость. Ребенок пережил страшное нервное потрясение, когда бояре Шуйские однажды на рассвете вломались в его спальню, разбудили и испугали его. С годами в Иване развились подозрительность и глубокое недоверие к людям.⁸¹

Насколько достоверен образ Ивана, созданный рукой талантливого мастера? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что Иван рос, окруженный материнской лаской до семи лет, и именно в эти годы сформировались основы его характера. Опекуны, пока были живы, не вмешивали ребенка в свои рас-

при, за исключением того случая, когда приверженцы Шуйских арестовали в присутствии Ивана своих противников, а заодно митрополита Иоасафа. Враждебный Шуйским летописец замечает, что в то время в Москве произошел мятеж и «государя в страховании учиниша». Царь Иван велел сделать к тексту летописи дополнения, которые значительно уточнили картину переворота. При аресте митрополита бояре «с шумом» приходили к государю в постельные хоромы. Мальчика разбудили «не по времени» — за три часа до света — и заставили петь «у крестов».⁸² Ребенок, как видно, даже и не подозревал о том, что на его глазах произошел переворот. В письме к Курбскому царь не вспомнил о своем мнимом «страховании» ни разу, а о низложении митрополита упомянул мимоходом и вполне равнодушно: «Да и митрополита Иоасафа с великим безчестием с митрополии согнаша».⁸³ Как видно, царь попросту забыл сцену, будто бы напугавшую его на всю жизнь. Можно думать, что непосредственные ребяческие впечатления, по крайней мере лет до двенадцати, не давали Ивану никаких серьезных оснований для обвинения бояр в непочтительном к нему отношении.

Поздние сетования Грозного производят странное впечатление. Кажется, что Иван пишет с чужих слов, а не на основании ярких детских воспоминаний. Царь многословно бранит бояр за то, что они расхитили «лукавым умышлением» родительское достояние — казну. Больше всех достается Шуйским. У князя Ивана Шуйского, злословит Грозный, была единственная шуба, и та на ветхих куницах, — то всем людям ведомо; как же мог он обзавестись золотыми и серебряными сосудами; чем сосуды ковать, Шуйскому лучше бы шубу переменить, а сосуды куют, когда есть лишние деньги.⁸⁴

Можно допустить, что при великокняжеском дворе были люди, толковавшие о шубах и утвари Шуйских. Но что мог знать обо всем этом десятилетний князь-сирота, находившийся под опекой Шуйских? Забота о сохранности родительского имущества пришла к нему, конечно же, в более зрелом возрасте. О покраже казны он узнал со слов «доброхотов» много лет спустя.

Иван на всю жизнь сохранил недоброе чувство к опекунам и в письмах не скрывал раздражения против них. Припомню одно, писал Иван, как, бывало, мы играем в детские игры, а князь Иван Шуйский сидит на лавке, опершись локтем о постель покойного отца и положив ноги на стул, а на нас и не смотрит. Среди словесной шелухи мелькнуло, наконец, живое воспоминание детства. Но как превратно оно истолковано! Воскресив в памяти фигуру немощного старика, сошедшего вскоре в могилу, Иван начинает бранить опекуна за то, что тот сидел не «преклоняясь» перед государем — ни как родитель, ни как властелин, ни как слуга перед своим господином. «Кто же может перенести такую гордыню?» — этим вопросом завершает Грозный свой рассказ о правлении Шуйских.

Бывший друг царя Курбский, ознакомившись с письмом, не мог удержаться от иронической реплики. Он высмеял неловкую попытку скомпрометировать бывших опекунов и попытался растолковать Ивану, сколь неприлично было писать «о постелях, о телогреях» (шубах Шуйских) и включать в свою эпистолию «иные бесчисленные яко бы неистовых баб басни».⁸⁵

Иван горько жаловался не только на обиды, но и на «неволю» своего детства. «Во всем воли несть, — сетовал он, — но вся не по своей воли и не по времени юности». Но можно ли было винить в том лукавых и прегордых бояр? В чинных великокняжеских покоях испокон веку витал дух Домостроя, а это значит, что жизнь во дворце подчинена была раз и навсегда установленному порядку. Мальчика короновали в три года, и с тех пор он должен был часами высиживать на долгих церемониях, послушно исполнять утомительные, бессмысленные в его глазах ритуалы, ради которых его ежедневно отрывали от увлекательных детских забав. Так было при жизни матери, так продолжалось при опекунах.

По словам Курбского, бояре не посвящали Ивана в свои дела, но зорко следили за его привязанностями и спешили удалить из дворца возможных фаворитов. Со смертью последних опекунов система воспитания детей в великокняжеской семье неизбежно должна была измениться. Патриархальная строгость уступила место попустительству. Как писал Курбский, наставники «хваляще (Ивана), на свое горшее отрока учаше». В отроческие годы попустительство наносило воспитанию Ивана больший ущерб, чем мнимая грубость бояр.

Иван быстро развивался физически и в 13 лет выглядел сущим верзилой. Посольский приказ официально объявил за рубежом, что великий государь «в мужской возраст входит, а ростом совершенного человека ужь есть, а з божею волею помышляет уже брачный закон принять».⁸⁶ Дьяки довольно точно передали внешние приметы рослого юноши, но напрасно приписывали ему степенные помыслы о женитьбе.

Подросток очень мало напоминал прежнего мальчика, росшего в «неволе» и строгости. Освободившись от опеки и авторитета старейших бояр, великий князь предался диким потехам и играм, которых его лишали в детстве. Окружающих поражали буйство и неистовый нрав Ивана. Сведения об отроческих забавах великого князя принадлежат перу Курбского. Оценивая их, надо иметь в виду, во-первых, что подобного рода сведения не поддаются проверке, так как не имеют аналогий в других источниках, и, во-вторых, что «История» Курбского представляет собой памфлет. По утверждению боярина, Иван лет в 12 забирался на островерхие терема и сталкивал «с стремнин высоких» кошек и собак, «тварь бессловесную». В 14 лет он «начал человекав ураняти». Кровавые забавы тешили «великого государя». Мальчишка отчаянно безобразничал. С ватагой сверстников, детей знатнейших бояр, он разъезжал по улицам и площадям города, топтал конями людей, бил и грабил простонародье, «скачуще и бегающе всюду неблагочинно».⁸⁷

С кончиною опекунов и приближением совершеннолетия великого князя бояре все чаще стали впутывать мальчика в свои распри. Иван живо помнил, как в его присутствии произошла потасовка в думе, когда Андрей Шуйский и его приверженцы бросились с кулаками на боярина Воронцова, стали бить его «по ланитам», оборвали на нем платье, «вынесли из избы да убить хотели» и «боляр в хребет толкали».⁸⁸ Примерно через полгода после этого инцидента в думе один из «ласкателей» подучил великого князя казнить Андрея Шуйского. Псарь набросился на боярина возле дворца у Курятных ворот. Убитый лежал наг в воротах два часа. «От тех мест, — записал летописец, — начали боляре от государя страх имети и послушание».⁸⁹ Впрочем, прошли долгие и долгие годы, прежде чем Иван IV добился послушания от бояр, пока же он сам был орудием в руках придворных. Они, как писал Курбский, «начаша подущати его и мстити им (Иваном) свои недружбы, един против другого».⁹⁰

Примерно в одно время с кончиною последнего из опекунов умер «дядька» и воспитатель великого князя конюший Иван Иванович Челяднин. Старый уклад жизни в великокняжеской семье окончательно рухнул. Много позже Иван любил упрекать бояр, не сподобивших государей своих «никогого промышления доброхотного». Нас с единокровным братом Юрнем, жаловался он, стали питать как иностранцев или же как «убожайшую чадь», как тогда пострадали мы «во одеянии и в алчбе»; сколько раз вовремя не давали нам поесть! Как же исчезать такие многие бедные страдания, каковые перестрадал я в юности? — патетически восклицал Иван. Несомненно, в его жалобах, как эхо, звучали живые воспоминания юности. Но вот вопрос, к каким годам они относились? Можно сказать почти наверняка, что ко времени, когда Иван избавился от всякой опеки и стал жить в «самовольстве». «Ласкающие пестуны», стараясь завоевать расположение мальчика, не слишком принуждали его к учению. Наказать его за безобразия или заставить вовремя поесть никто не мог.

Наступление совершеннолетия Иван IV отметил тем, что за какие-то невежливые слова велел отрезать язык Афанасию Бутурлину, затем осудил на смерть нескольких бояр и двух своих сверстников, принадлежавших к самым известным аристократическим семьям России.

Женитьба, коронация на царство, страх, испытанный в дни московского восстания, неизбежно сказались на поведении Ивана. Но подлинной эпохой в его жизни стало знакомство с Сильвестром, которому суждено было стать его учителем жизни. Фанатизм и экзальтация были, пожалуй, наиболее яркими чертами этого церковного деятеля. Придворному священнику нередко являлись божественные видения, он слышал «небесные голоса».

В сочинениях Курбского можно обнаружить две взаимоисключающие версии пророчеств Сильвестра. В одном случае Курбский резко осуждал всякие сомнения в божественной природе Сильвестровых чудес, а в другом сам допускал возможность того, что наставник царя хитрил. По словам Курбского, священник укрощал Ивана «мечтательными страхами» и видениями. А «ласкатели твои, — обращался он к царю, — клеветали на одного презвитера, иже бы тя устрашал не истинными, но льстивыми видении».⁹¹ Однако в «Истории» Курбский писал совсем иное: Сильвестр добивался послушания от Ивана, «еще к тому и чудеса и аки бы явление от бога поведающе ему, не вем, аще истинные, або так ужасование пушающе, буйства его (Ивана. — *Р. С.*) ради, и для детских неистовых его нравов, умылил был себе сие; яко многажды и отцы повелевают слугам детей ужасати мечтательными страхами...».⁹²

Надо иметь в виду, что первую версию Курбский изложил в письме к царю и она была всецело подчинена полемическим целям, тогда как в «Истории», предназначенной для друзей, князь допускал известную откровенность.

После разрыва с Сильвестром Грозный стал смотреть новыми глазами на учителя и его пророчества. В первом письме Курбскому он писал: не «мните мя детскими страшилы (выдумками Сильвестра. — *Р. С.*) устрашити, яко же прежде того с попом Селивестром и со Алексеем (Адашевым. — *Р. С.*) лукавым советом прельстисте мя».⁹³ Мысль о том, что Сильвестр, пугая ученика вымыслами, считал его человеком умственно ущербным, «младенчествующим разумом», казалась царю несравненно более обидной, чем любые обвинения в кровопийстве и пр. Тем не менее на семнадцатилетнего Ивана рассказы и убежденность священника оказывали действие потрясающее. Именно Сильвестр заронил в душу Грозного искру религиозного фанатизма, приучил его к «молитвам прилежным к Богу», постам и воздержанию.⁹⁴ Вспоминая о том времени, Иван IV живо описал, как «совета ради духовнаго и спасения ради души своея» он принял попа Сильвестра, и начало было благим: следуя священному писанию, государь покорился благому наставнику «без всякого разсуждения».⁹⁵

Приобщение к религии внесло большие перемены в жизнь дворца. Англичан, посещавших страну в то время, поражали многие привычки московского государя, отличавшегося в молодости могучим телосложением и высоким ростом. Царь чуждается грубых потех, не очень любит охоту, зато находит удовольствие в богослужениях. «Он, бесспорно, очень усерден в своей вере», — писал один англичанин из Москвы.⁹⁶

Подчинившись авторитету Сильвестра, царь ревностно исполнял все церковные обряды. В июне 1552 г. крымский хан напал на Тулу. Воеводы слали в Москву гонца за гонцом. Последний гонец застал царя за трапезой. Не закончив ее, Иван отправился служить вечерню, — «обычай бо имаше царь благочестивый никогда же погрешити законом уставного правила». После вечерни царь велел полкам выступить против татар.⁹⁷ В том же году Ивана посетили первые видения. Накануне решающего штурма Казани двадцатитрехлетний царь явственно слышал в ночи «как бы Симонова монастыря звон».⁹⁸

Характерный эпизод произошел в Кремле в 1559 г., когда Грозный вернул датским послам привезенные ему в подарок замысловатые часы, украшенные

движущимися изображениями небесных планет. Послам было сказано: «Для христианского царя, который верует в бога и которому нет дела до планет и знаков (небесных), подарок непригоден».⁹⁹

Годы реформ в России явились временем канонизации множества русских святых, а также временем исключительного внимания к юродивым. Большим почетом в те годы пользовался в Москве дивный «нагоходец», зимой и летом ходивший «без телесного одеяния» — в лохмотьях, с тяжкими веригами на шее. То был Василий Блаженный.¹⁰⁰ Его смерть была отмечена в официальных записях Разрядного приказа. Юродивого похоронили в Троице-Сергиевом монастыре при огромном стечении народа.

Время преобразований было важной вехой в жизни царя. Не будучи подготовлен к роли правителя обширного государства, он должен был на долгие годы подчиниться воле наставников.

Период реформ стал подлинной школой для Ивана IV. С конца 1540-х гг. его захватили смелые проекты реформ, взлелеянные передовой общественной мыслью. Но он по-своему понимал их цели и предназначение. Грозный рано усвоил идею божественного происхождения царской власти. В проповедях пастырей и библейских текстах он искал величественные образы древних людей, в которых, «как в зеркале, старался разглядеть самого себя, свою собственную царственную фигуру, уловить в них отражение своего блеска или перенести на себя самого отблеск их света и величия».¹⁰¹ Сложившиеся в его голове идеальные представления о происхождении и неограниченном характере царской власти, однако, плохо увязывались с действительным порядком вещей, обеспечивавшим политическое господство могущественной аристократии. Необходимость делить власть со знатью воспринималась Иваном IV как досадная несправедливость.

В проектах реформ царю импонировало прежде всего то, что их авторы обещали искоренить последствия боярского правления. Не случайно резкая критика злоупотреблений бояр стала исходным пунктом всей программы преобразований. Грозный охотно выслушивал предложения об искоренении боярского «самовольства». Такие предложения поступали к нему со всех сторон. Об этом писал Иван Пересветов, вручивший царю свои челобитные. О том же говорил ему старец Вассиан Топорков при свидании в стенах Кирилло-Белозерского монастыря.

Советы править с грозой пали на подготовленную почву, но царь не мог следовать им, оставаясь на позициях традиционного политического порядка. В этом и заключалась конечная причина его охлаждения к преобразовательным затеям.

Дворянские публицисты и практичные дельцы все без исключения рисовали перед Грозным заманчивую перспективу укрепления единодержавия и могущества царской власти, искоренения боярского самовольства. Но их обещания оказались невыполненными. На исходе десятилетия реформ Иван пришел к выводу, что царская власть из-за ограничений со стороны советников и бояр вовсе утратила самодержавный характер.

В своих политических оценках Иван следовал несложным правилам. Только те начинания считались хорошими, которые укрепляли единодержавную власть. Конечные результаты политики Избранной рады не соответствовали этим критериям. Поп Сильвестр с Алексеем Адашевым, утверждал самодержец, мало-помалу «всех вас бояр в самовольство нача приводити, нашу же власть с вас (бояр. — *Р. С.*) снимающе, и в супротисловие вас (бояр. — *Р. С.*) приводяще и честию вас мало не с нами равняюще, молотчих же детей боярских с вами честию уподобляюще, и тако помалу сотвердися сия злоба...».¹⁰² Поддавшись чувству раздражения, Иван допускал очевидную несправедливость, осуждая своих советников за боярское «самовольство». Он забыл о том, что не временщики создали боярскую аристократию. Особого внимания заслу-

живают сетования Ивана IV по поводу возвышения «молотчих» детей боярских. Можно было бы заключить, что царь осуждал политику возвышения тех мелкопоместных («молотчих») дворян, которые составляли массу феодального сословия в России. Однако подобное истолкование ошибочно. Проследим за мыслью Ивана IV. Адашев и Сильвестр пытались детей боярских поднять честью до бояр. Очевидно, царь имел в виду не всех детей боярских, а лишь тех, кто стоял ступенью ниже бояр, иначе говоря, детей боярских из состава Государева двора. Списки Государева двора включали «молодых» детей боярских из знатнейших семей. Эти люди, в особенности занесенные в княжеские списки Дворовой тетради, занимали воеводские посты, держали кормления, получали значительные денежные и поместные оклады и пр. Государев двор, по крайней мере его высший слой, объединял цвет знати. Именно по этой причине царь считал, что привилегии Государева двора «снимают» с самодержца власть не меньше, чем «самовольство» Боярской думы. Подобная оценка имела следствием отказ от реформ, над проведением которых царь вместе с Адашевым трудился на протяжении многих лет.

¹ Платонов. Очерки. С. 104; Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923. С. 55, 58, 59.

² Плеханов Г. В. История русской общественной мысли//Сочинения. М.; Л., 1925. Кн. 20. С. 183—184.

³ Пресняков А. Е. [Рецензия]//Века. Пг., 1924. С. 180—181. Рец. на кн.: Платонов С. Ф. Иван Грозный.

⁴ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т. 1. С. 196.

⁵ Бахрушин С. В. Избранная рада Ивана Грозного//ИЗ. 1941. Т. 15. С. 32, 42.

⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 160—162.

⁷ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 477—479.

⁸ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 49—50.

⁹ В историографическом плане термин «Избранная рада» с наибольшими подробностями и тщательностью исследован А. Н. Грбовским (см.: *Grobowsky A. N. The «Chosen Council» of Ivan IV: A Reinterpretation.* New York, 1969).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 230.

¹¹ Переписка. С. 32.

¹² Смирнов И. И. Очерки... С. 278.

¹³ СГГД. Ч. 1. № 169.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 524—525.

¹⁵ Там же. С. 238.

¹⁶ Там же. С. 523.

¹⁷ СГГД. Ч. 1. № 169.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 237.

¹⁹ В начале «Повести» царь упомянул, что для проведения присяги он выслал в Переднюю избу ближних бояр Мстиславского и Воротынского с товарищами. Однако из помещенного ниже описания церемонии следует, что ею руководил Воротынский.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 524, 525.

²¹ Там же. С. 524.

²² Там же.

²³ Там же. С. 531.

²⁴ Там же. С. 526.

²⁵ Там же. Т. 4, ч. 1, вып. 3. С. 557—562.

²⁶ Там же. С. 561—562.

²⁷ Курбский. Сочинения. С. 206—207.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.

²⁹ Смирнов. И. И. Очерки... С. 264—286.

³⁰ Зимин А. А. Реформы... С. 414.

³¹ Там же.

³² Тихомиров М. Н. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг.//ИЗ. 1954. Т. 46. С. 284—285; Послания Ивана Грозного. С. 33; ПСРЛ. Т. 13. С. 141.

³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 237.

³⁴ Там же. С. 238.

³⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 452—453.

³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 237.

³⁷ Курбский. Сочинения. С. 217.

³⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 238.

- ³⁹ Переписка. С. 30—31.
- ⁴⁰ Курбский. Сочинения. С. 171.
- ⁴¹ *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 49—50.
- ⁴² *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 111.
- ⁴³ Разряды. Л. 226, 238, 245 об., 246, 270 об., 276. После завоевания Ливонии Курлятев был назначен первым наместником русской Ливонии.
- ⁴⁴ Разряды. Л. 168, 201 об., 240—241.
- ⁴⁵ Змин. Состав Боярской думы. С. 61, 64, 67, 69; Разряды. Л. 216 об., 230, 255.
- ⁴⁶ Переписка. С. 30—31.
- ⁴⁷ Подробнее см.: *Смирнов И. И.* Очерки... С. 245—246; *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958. С. 43.
- ⁴⁸ Домострой. СПб., 1863. С. 70.
- ⁴⁹ Переписка. С. 40.
- ⁵⁰ Разряды. Л. 215, 231—232 об.; ТКДТ. С. 114.
- ⁵¹ Переписка. С. 104.
- ⁵² ПСРЛ. Т. 13. С. 157, 161.
- ⁵³ Переписка. С. 32, 104.
- ⁵⁴ Послания Ивана Грозного. С. 40.
- ⁵⁵ *Курукин И. В.* Сильвестр: Политическая и культурная деятельность: (Источники и историография): АКД. М., 1983. С. 13.
- ⁵⁶ *Голохвастов Д. П. и Леонид.* Благовещенский иерей Сильвестр и его писания. М., 1874. С. 100.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 238. Примеч. 1; Разряды. Л. 238.
- ⁵⁹ *Kollman N.* Kinship and Politics. Stanford, 1987. P. 39—42.
- ⁶⁰ Разряды. Л. 233.
- ⁶¹ ТКДТ. С. 111; Разряды. Л. 185, 202, 212, 225, 233, 239, 260 об.
- ⁶² Переписка. С. 31.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 13. С. 253; Разряды. Л. 223, 226, 233, 245 об., 256 об., 270 об.
- ⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 184. Авторы «Казанской истории» утверждают, будто в «матцу великую начальных воевод» входили кн. В. А. Старицкий, кн. И. Д. Бельский, кн. А. Б. Горбатый и др. (см.: Казанская история/Под ред. В. А. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 123). В действительности Бельский ко времени осады Казани едва достиг совершеннолетия, а Старицкий был всего на 3—4 года старше его.
- ⁶⁵ Курбский. Сочинения. С. 187.
- ⁶⁶ О датировке письма см.: *Малинин В.* Старец Елизарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. С. 180; *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр. Лондон, 1987. С. 43.
- ⁶⁷ *Голохвастов Д. П. и Леонид.* Благовещенский иерей... С. 91.
- ⁶⁸ Разряды. Л. 238, 255, 256 об., 202 об.; ТКДТ. С. 120, 121; ПСРЛ. Т. 13. С. 270; Родословная книга дворян и князей Российских. М., 1787. Ч. 2. С. 118; Змин. Состав Боярской думы. С. 67.
- ⁶⁹ В списке думных чинов Г. Ю. Захарьин показан выбывшим в 1555—1556 гг. (см.: ДРВ. Ч. 20. С. 34). По некоторым сведениям, инок Гурий Захарьин умер в монастыре в 1567 г. По другим сведениям, он скончался значительно раньше. В Дворовой тетради 1552 г. против его имени помещено «умре», но тетрадь заполнялась лишь до начала 60-х гг. (см.: Тетрадь дворовая 7060 г.// ГИМ. Музейное собр. № 3417).
- ⁷⁰ В конце 50-х гг. дворецким Казанским и Нижегородским стал М. И. Вороной-Волынский (см.: ТКДТ. С. 114; Разряды. Л. 252 об.).
- ⁷¹ ТКДТ. С. 114.
- ⁷² Курбский. Сочинения. С. 170.
- ⁷³ ПСРЛ. Т. 34. С. 181.
- ⁷⁴ *Гробовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр. С. 43—48 и др.
- ⁷⁵ Курбский. Сочинения. С. 129, 169—170.
- ⁷⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 181.
- ⁷⁷ Там же. Т. 13. С. 524.
- ⁷⁸ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 117.
- ⁷⁹ *Розов Н. Н.* Библиотека Сильвестра (XVI в.)//Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966. С. 191—205.
- ⁸⁰ *Курукин И. В.* Сильвестр... С. 18.
- ⁸¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Пг., 1915. Ч. 2. С. 230—231.
- ⁸² ПСРЛ. Т. 13. С. 141.
- ⁸³ Переписка. С. 28.
- ⁸⁴ Там же.
- ⁸⁵ Курбский. Сочинения. С. 113.
- ⁸⁶ Сб. РИО. Т. 59. С. 228.
- ⁸⁷ Курбский. Сочинения. С. 165—166.
- ⁸⁸ Переписка. С. 28—29.
- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 145, 444.
- ⁹⁰ Курбский. Сочинения. С. 166.
- ⁹¹ Там же. С. 128.

- ⁹² Там же. С. 169.
⁹³ Переписка. С. 43.
⁹⁴ Курбский. Сочинения. С. 169.
⁹⁵ Переписка. С. 30.
⁹⁶ *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях//Записки Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. Прил. С. 44.
⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 189.
⁹⁸ Там же. С. 215.
⁹⁹ Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 139.
¹⁰⁰ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов... С. 90.
¹⁰¹ *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2. С. 241.
¹⁰² Псковские летописи. М., 1941. Вып. 1. С. 106.

ПАДЕНИЕ АДАШЕВА

Со времени появления англичан на Белом море (в 1553 г.) и установления правильных торговых сношений с Англией интерес России к европейской торговле резко усилился. В июне 1556 г. московское правительство позволило англичанам устроить «пристанище корабельное» на Белом море и разрешило им «торг по всему государству повольной».¹ Однако суровые естественные условия стесняли развитие торговли на Белом море. Условия навигации на Балтийском море были более благоприятными.

Россия вела торговлю с Западом через Балтику, используя посредничество ливонского купечества. Ливонцы извлекали крупные доходы из этой торговли. Целям утверждения посреднической монополии служила традиционная политика блокады России, проводившаяся Орденем. Во время первых переговоров с ливонцами в 1554 г. Москва потребовала предоставить русским купцам право свободной торговли с купцами из Западной Европы на рынках Риги и Ревеля.²

Неверно было бы представлять дело так, будто у России не было иного пути к утверждению на Балтике, кроме войны с Ливонским орденом. В действительности Русское государство на протяжении многих веков владело обширным участком балтийского побережья и всем течением реки Невы, по которой проходил древний торговый путь «из варяг в греки». России принадлежал также правый берег реки Наровы, в устье которой заходили корабли многих европейских стран. Таким образом, государство имело широкий выход на Балтийское море перед началом Ливонской войны. Однако русские не могли использовать его, не имея морского флота и гаваней. В апреле 1557 г. Москва приступила к осуществлению программы мирного утверждения на Балтийском море. Дьяк Разрядного приказа И. Г. Выродков прибыл в устье Наровы для строительства морского порта. К июлю того же года на низменном правом берегу Наровы был выстроен «город для бусного (корабельного. — Р. С.) приходу заморским людям».³ Сразу вслед за тем правительство издало указ, полностью воспрещавший новгородскому и псковскому купечеству ездить с товарами в ливонские города Нарву и Ревель и предлагавший ждать «немцев» в своей земле, в новом корабельном пристанище.⁴ Однако пристань на Нарове не стала морскими воротами страны. Западные торговые суда продолжали плавать в Ригу, Ревель и немецкую Нарву, минуя русский «город», не имевший ни торговой биржи, ни налаженного товарооборота, ни складов.

Московские власти не проявили настойчивости при осуществлении планов мирного утверждения на берегах Балтийского моря. На первый план была выдвинута задача завоевания ливонских гаваней и захвата Ливонии. Российское дворянство с энтузиазмом поддержало планы войны, рассчитывая на земельные приобретения в богатых прибалтийских провинциях, а равным образом и на военную добычу. Накануне Ливонской войны Россия вступила

в борьбу со Швецией. В 1555—1556 гг. русские дважды осаждали Выборг, а шведы пытались овладеть Орешком в истоках Невы. Война не принесла успеха ни одной из сторон, и в 1557 г. шведский король направил послов в Москву для заключения мира. Более опасным противником, чем шведы, оказалось для России Крымское ханство. Захват Казани обострил русско-крымские отношения.

Летом 1555 г. Крымская орда нанесла поражение полкам И. В. Большого Шереметева в трехдневном сражении у Судьбищ.⁵ В ответ русское командование весной 1556 г. направило отряды в устья Дона и Днепра.⁶ Появление царских воевод на Днепре привело в движение запорожских казаков. Кн. Д. И. Вишневецкий с запорожцами захватил остров Хортицу на Днепре и объявил о переходе на царскую службу. Хану не удалось выбить его с Хортицы.⁷ Казаки завладели сильной турецкой крепостью Ислам-Керменем и отняли у крымцев многие кочевья. Одновременно пятигорские черкесы изгнали турок с Таманского полуострова и заняли Тамань.⁸

Крымское ханство переживало большие трудности. Множество кочевников вымерло из-за «поветрия». Падеж скота привел к тому, что в Орде, как говорили, не осталось и 10 тыс. коней.⁹ По сообщению русского посла, хан «чаял на себя приходу в Крым» Ивана IV с полками.¹⁰

Военные действия на южной границе продолжались. В декабре 1557 г. хан известил Москву, что готов заключить мир, но потребовал выплаты большой дани. Русское правительство после некоторого размышления отвергло домогательства крымцев.¹¹

Не завершив войну с татарами, Россия стремительно двигалась навстречу новому конфликту. В декабре 1557 г. в Москву были вызваны послы Ордена. Царь ультимативно потребовал от Ордена выплаты крупной контрибуции.¹² В последний момент соглашение было сорвано под тем предлогом, что послы не могли сразу выплатить контрибуцию и просили отсрочки.¹³

22 января 1558 г. русские войска пересекли ливонскую границу в районе Пскова и, разорвав окрестности Дерпта и Нарвы, ушли в Ивангород.¹⁴ Нападение москвитов вызвало панику по всей Ливонии, но оно имело значение военной демонстрации. Тотчас по окончании похода от Ордена потребовали снаряжения нового посольства в Москву.

В январе 1558 г. Боярская дума направила в поход к Перекопу князя Д. И. Вишневецкого. Воевода не добился успеха и в мае был отозван в Москву.¹⁵

В конце апреля 1558 г. Орден направил на Русь послов с полной суммой затребованной у него контрибуции. В середине мая послы прибыли в Москву, но к тому времени ситуация на западных границах полностью изменилась.

Строительство морского порта в устье Наровы привело к тому, что среди немецких бюргеров в Нарве образовалась промосковская партия, стремившаяся сохранить доходную торговлю с Русью любой ценой. Вспыхивавшая по временам перестрелка приносила ущерб как Нарве, так и Ивангороду. В начале апреля ивангородские воеводы произвели массированную бомбардировку Нарвы, после чего нарвцы заявили о своей готовности признать власть царя и направили послов в Москву. Царь обещал послам обширные привилегии. Тем временем к Нарве подошли орденские войска и в городе взяли верх противники Москвы. Нарвская артиллерия обстреляла Ивангород, невзирая на перемирие. Военные действия на границе вступили в решающую фазу с того момента, как в Ивангород был прислан боярин А. Д. Басманов. Располагая ограниченными силами (около тысячи новгородских дворян и пятьсот стрельцов), он решился штурмовать сильно укрепленную немецкую крепость. Когда 11 мая в Нарве вспыхнул пожар, русские бросились к стенам крепости и после короткого приступа заняли город.¹⁶ В конце мая отряды Басманова заняли крепость Нейшлос в истоке Наровы. Отныне русские прочно держали в своих руках все течение реки.¹⁷

Царь Иван, придавая исключительное значение «нарвскому мореплаванию», старался создать благоприятные условия для его развития. Он предоставил купечеству Нарвы самые широкие привилегии: право самоуправления, свободу вероисповедания, право на беспошлинную закупку основных товаров на рынках России.¹⁸

Падение Нарвы имело далеко идущие последствия. Царь поспешил выпроводить из Москвы ливонских послов, отказавшись от привезенной ими контрибуции.

Война в Ливонии приобрела широкие масштабы. Воевода князь В. С. Серебряный осадил Дерпт (Юрьев) и после бомбардировки занял город 18 июля 1558 г. Полгода спустя воевода С. И. Микулинский произвел опустошительное вторжение в орденские владения, вышел к Риге, а оттуда вернулся в Россию.¹⁹

Рассчитывая на то, что русские увязнут в Ливонии, крымский хан собрал огромные силы и подошел в районе верхнего Дона и Мечи к русским границам. Девлет-Гирею не удалось застать русских врасплох, и он отменил вторжение.²⁰

В Москве наконец осознали, какими опасностями грозит одновременная война в Прибалтике и в ордынских степях. Чтобы избежать распыления сил, русское правительство предоставило Ордену перемирие и предприняло наступление против Крыма. Воевода Д. И. Вишневецкий получил приказ построить струги под Азовом и отправиться морем под Керчь. В помощь Вишневецкому на Дон был послан постельничий И. Вешняков. Одновременно окольничий Д. Ф. Адашев получил задание на судах спуститься по Днепру и высадиться на западном берегу Крыма за Перекопом.²¹

Посылка Д. Ф. Адашева и И. Вешнякова показывает, что правитель А. Ф. Адашев возлагал на крымскую экспедицию особые надежды. Судя по распоряжениям Разрядного приказа, действия против Крыма на море носили вспомогательный характер, главная же цель состояла в том, чтобы выманить орду из Крыма и разгромить ее в решающем сражении. Войну с татарами должен был возглавить сам царь. Один из старших воевод князь М. И. Воротынский получил приказ идти за Тулу и Дедилов «на Поле мест розматривать, где государю царю и великому князю и полком стоять».²²

Грандиозные военные замыслы Адашева не осуществились. Трое главных московских воевод с многочисленными полками простояли за Тулой на реке Шиворонь до конца лета, тщетно поджидая орду.²³

В экспедиции против Крыма участвовали сравнительно небольшие силы — около 8 тыс. стрельцов и казаков. Поэтому нападение на Крым не дало больших результатов. Вишневецкому не удалось достичь Керчи. Зато флотилия Д. Ф. Адашева прошла за Перекоп и разгромила несколько прибрежных поселений в Крыму. А. Ф. Адашев, руководивший составлением официальной летописи, уделил действиям брата в Крыму исключительное внимание. Описание похода Д. Ф. Адашева представляет настоящий панегирик «победе» русских воинов над басурманами: «Как и юрт Крымской стал... русская сабля в нечестивых жилищах тех по се время кровава не бывала...» и т. п.²⁴ Сторонники Адашева утверждали, будто поход в Крым оказался успешным и русские немалую «тщету учиниша в орде».²⁵ Однако ближе к истине был, по-видимому, царь Иван, указывавший на полную безрезультатность похода. «Что же убо и ваша победа, еже Днепром и Доном? — писал он Курбскому, — колико убо злая истощения и пагуба християном содеяшася, супротивным же не малыя досады».²⁶

Положение на южных границах и в Прибалтике неуклонно осложнялось. В августе 1559 г. магистр Ордена Г. Кетлер подписал в Вильне союзный договор с литовцами, согласно которому Ливония перешла под протекторат Литвы и Польши. Король Сигизмунд обещал ливонцам немедленную военную помощь. Взамен Орден сделал значительные территориальные уступки в пользу Литвы. Виленское соглашение круто изменило ход Ливонской войны. Для русской

дипломатии оно было тяжелым поражением. Теперь России противостоял не слабый, раздробленный Орден, а мощное Литовско-Польское государство. Конфликт с Ливонией стал стремительно перерастать в более широкий вооруженный конфликт с Литвой и Польшей в тот самый момент, когда Россия всерьез ввязалась в войну с Крымским ханством.

Ливонские рыцари использовали перемирие, предоставленное им Москвой, для сбора военных сил. За месяц до истечения срока перемирия орденские отряды появились в окрестностях Юрьева и обратили в бегство воеводу З. И. Плещеева.²⁷ 11 ноября 1559 г. магистр Кетлер нанес московским войскам второе поражение, разгромив близ Юрьева отряды З. И. Плещеева и З. И. Сабурова.

Виновниками поражения были сами воеводы, заместничавшие во время остановки в Изборске и с опозданием явившиеся в окрестности Юрьева.²⁸ В архиве хранилось местническое «дело Захарьи Плещеева да Замятни Сабурова, как их громил ливонский маистр».²⁹ Воеводы потеряли только убитыми более тысячи человек, бросили обозы и т. д. В течение ноября орденские войска осаждали Юрьев, но отвоевать крепость у царя не смогли.³⁰

Первые известия о поражении в Ливонии застали царя в Можайске, на богомолье. Не медля ни дня, Иван приказал главному воеводе князю И. Ф. Мстиславскому спешно двигаться в Ливонию.³¹ Однако затянувшаяся осенняя распутица превратила дороги в непроходимое болото и царская рать застряла в грязи на столбовой дороге из Москвы в Новгород. В то время как армия выступила на север, стало известно о вторжении татар и разорении ими Каширского уезда.³²

Неудачи в Ливонии привели к окончательной переориентации внешнеполитического курса России. В начале 1560 г. царь выразил готовность рассмотреть предложения Крыма.

Весною царь послал в Ливонию ближнего боярина князя А. М. Курбского, а спустя несколько месяцев в действующую армию выехал глава правительства А. Ф. Адашев.³³

Летом 1560 г. русская армия во главе с И. Ф. Мстиславским и А. Ф. Адашевым предприняла решительное наступление против ливонцев. В битве под Эрмесом воевода князь В. И. Барбашин-Суздальский наголову разгромил отборную рыцарскую армию.³⁴ После трехнедельной осады 21 августа русские заняли одну из сильнейших ливонских крепостей Феллин, служившую резиденцией престарелого магистра Ордена В. Фюрстенберга. Победителям досталась почти вся артиллерия Ордена. Фюрстенберг пленником был увезен в Москву.

В письме к царю А. Адашев просил сохранить жизнь плененному ландмаршалу Ордена Беллю, имея в виду его исключительный авторитет среди немецкого населения Лифляндии. Однако ландмаршал навлек на себя гнев Грозного, ответив на его вопросы «противным словом». Мстя за недавние поражения в Ливонии, царь предал Белля и четырех других командоров жестокой казни. Несколько пленных рыцарей были публично казнены в Пскове. Фюрстенберг, несмотря на обещанные милости, подвергся опале и получил «прощение» только через три месяца после пленения.³⁵

Ливонское государство отличалось внутренней непрочностью. Его раздвигали противоречия. Военное крушение Ордена привело к тому, что в ряде эстонских округов крестьяне восстали против немецких дворян.³⁶

Возобновив войну с Россией до истечения срока перемирия, Орден надеялся на помощь со стороны Польско-Литовского государства. Однако литовские отряды, сосредоточенные в окрестностях Риги, были слишком малочисленны для борьбы с русскими.

Развивая наступление, воевода А. М. Курбский стал продвигаться к Риге. Литовский воевода гетман Полубенский пытался остановить русских под

Венденом и внезапно, «изгоном» напал на армию Курбского, но потерпел поражение и ушел за Двину.³⁷ Отступление гетмана свидетельствовало о том, что литовцы не смогут немедленно оказать Ливонии серьезную военную помощь.

Оставаясь в Москве, Иван IV был склонен невысоко оценивать успехи своих воевод в Ливонии. В письме Курбскому он писал: «Потом послахом вас с начальником вашим Олексеем со многими зело людьми; вы же едва един Вильян взясте, и туто много наряду нашего погубисте. Како же убо тогда от литовские рати детскими страшилы устрашистесь?»³⁸ В походе артиллерией («нарядом») командовал брат правителя Д. Ф. Адашев. Таким образом, свой упрек Грозный адресовал всей семье Адашевых.

Пребывание правителя и его брата в Ливонии в действительности ознаменовалось крупными успехами — разгромом ливонских и литовских войск. Но заслуги Адашева уже мало что значили. Временщик утратил расположение государя и лишился могущества.

В августе 1560 г. главные ливонские воеводы известили Грозного об одержанных победах. Ознакомившись с их отпиской, царь 30 августа 1560 г. объявил о снятии Адашева с поста третьего воеводы большого полка и назначении воеводой Феллина.³⁹

В дни отставки Адашева в Москве не было многих влиятельных членов Избранной рады. Д. И. Курлятев с весны находился в Туле, откуда его перевели в Калугу. И. Ф. Мстиславский и М. Я. Морозов сражались в Ливонии. Находившиеся в Москве Захарьины, по словам Курбского, более всех других хлопотали об отстранении Адашева.

Сильвестр пустил в ход все свое влияние, стремясь предотвратить отставку Адашева. Но его хлопоты кончились неудачей. Сознывая безвыходность положения, Сильвестр объявил царю о том, что намерен уйти на покой в монастырь.

В письме Курбскому Иван IV подчеркивал, что Сильвестр «своею волею отоиде (в монастырь. — *Р. С.*), нам же его благословне отпустившим». Свое решение царь объяснял тем, что намерен судиться с учителем не на этом, а на том свете. «...В будущем веце, — писал царь, — хочу суд прияти, елико от него пострадах душевне и телесне».⁴⁰

Традиционная точка зрения сводится к тому, что падение Избранной рады было ускорено разногласиями по внешнеполитическим вопросам. Сильвестр с Адашевым настаивали на продолжении активной восточной политики, тогда как царь настаивал на вторжении в Прибалтику. Английский исследователь А. Н. Грбовский показал уязвимость такой схемы, опирающейся на тенденциозные и противоречивые свидетельства Ивана IV и Курбского.⁴¹

Невозможно составить сколько-нибудь полное представление о внешнеполитических расхождении царя и Сильвестра ввиду отсутствия достоверных данных о «программе» последнего. Судя по всему, отставка Сильвестра была вызвана прежде всего личными причинами. Иван IV достиг тридцатилетнего возраста, и опека со стороны учителя стала тяготить его. Поводом к разрыву стала болезнь царицы Анастасии.

Иван IV не раз сетовал на то, что советники воздвигли на Анастасию Романовну «ненависть зельную», сравнивали ее с нечестивой римской императрицей Евдоксией, гонительницей Иоанна Златоуста.⁴² В этом сравнении заключался намек на Сильвестра, терпевшего от царицы не меньшие неприятности, чем Златоуст претерпел от Евдоксии.

Царица Анастасия, не достигшая тридцати лет, много болела, но до поры до времени спасалась богомольями. 8 августа 1560 г. она умерла, после чего прошел слух, будто ее околдовали — «счаровали» — недруги. В своей «Истории» Курбский записал, что именно такое обвинение было предъявлено Сильвестру и его сотоварищам. Слова князя не были запоздалым вымыслом. Сразу после бегства в Литву в 1564 г. Курбский пенял на то, что Иван клеветает на доброхотов, «облыгает» их «изменами и чародействы».⁴³ В 1564 г. Грозный

уклонился от обсуждения вопроса об околдовании жены и лишь много лет спустя, вернувшись к этой теме, невольно подтвердил достоверность рассказа Курбского. В 1577 г. царь писал: «Да много того, что мне от вас бед, всего того не исписати. А и з женою вы меня про что разлучили? Толко б вы у меня не отняли юницы моя» и пр.⁴⁴ В разгар опричнины послы в Литве должны были без обиняков заявить, будто старая измена Курбского — над царицей Анастасией «лихое дело с своими советники учинил».⁴⁵

В первом письме Курбскому царь описал обстоятельства кончины Анастасии здраво, без всяких ссылок на дьявольские силы. Осенью 1559 г. Иван IV по случаю болезни жены отправился на богомолье к Николе Чудотворцу в Можайск. Богомолье было прервано известием о поражении воевод в Ливонии. Согласно летописной версии, царь, узнав о беде, «хотел ехати вскоре к Москве, да невозможно было ни верхом, ни в санех: безпута была кроме обычая на много время; а се грех ради наших царица не домогла».⁴⁶ Иван IV считал, что переезд окончательно подорвал здоровье жены и ускорил ее кончину. В письме Курбскому он писал: «Како убо воспомяну, иже во царствующий град с нашею царицею Анастасиею с немощною от Можайска немилостивное путное прехождение. Единаго ради мала слова непотребна!»⁴⁷

Кем было произнесено «непотребное слово», способствовавшее гибели царицы? Из контекста письма следует, что малое непотребное слово произнес не кто иной, как наставник. Оно явно относилось к числу тех «кусательных слов», которыми Сильвестр «истязал» и наставлял на путь истинный своего ученика. Из пояснений царя следует, что предметом его разговора с Сильвестром вовсе не были тонкости внешнеполитической программы. Когда началась германская война, писал царь, попу Сильвестру «о том на нас люте належаше», и когда случалась болезнь кого-нибудь из членов царской семьи, «и сия убо вся вменяху аки их ради, нашего к ним непослушания сия бываху!». Таким был смысл «непотребного слова» Сильвестра. Наставник требовал послушания, а царь считал, что советник ставит под угрозу благополучие и даже жизнь членов царской семьи. Сильвестр, как в запальчивости утверждал Грозный, лишил царскую семью «прехождения по святым местом, приношения и обетов ко святым «о душевном спасение и о телесном здравие, и о всем благом пребывании нашем и царицы наша и чад наших, и сия вся вашим лукавым умышлением от нас отнюдь взяшася, врачейстей же хитрости, своего ради здравия, ниже помянути тогда бяше».⁴⁸

Логика приведенного рассуждения очевидна: царица погибла, когда злые советники помешали ее богомолью у Николы Можайского.

Судьба Адашевых решилась через три недели после смерти Анастасии. Назначив правителем воеводой ливонского замка Феллин, царь отнял у него надежду на возвращение в Москву и на свою милость. Едва опальный вельможа явился к месту назначения, как один из подчиненных ему дворянских голов О. В. Полев, оценив благоприятные возможности, стал тягаться с ним о местах и послал в Москву государю «бити челом, что ему меньши Алексея Одашева быть невместно».⁴⁹ Земляк Адашева костромской дворянин Полев не имел ни думного, ни воеводского чина.⁵⁰ Но царь рассмотрел его иск и велел «развести» воевод, для чего Адашев был переведен из Феллина в Юрьев в подчинение тамошнему воеводе князю Д. И. Хилкову. В Юрьеве временщика ждали мучительные унижения. Передают, будто Хилков отказался принять Адашева в качестве «нарядчика». По словам летописца, «...князь Дмитрей (Хилков. — Р. С.) ему (Адашеву. — Р. С.) быти в нарядчиках не велел и он ему бил челом многожды, и он не велел быти».⁵¹ Думный чин и связи в столице позволяли вчерашнему правителю протестовать против произвола юрьевского воеводы, но Адашев был человеком совсем другого склада. Типичный представитель служилой дворянской бюрократии, он униженно молил Хилкова о приеме на службу, прелучил отказ и снова бил ему челом.

К началу октября правительство объявило о конфискации всех земельных владений А. Ф. Адашева в Костроме и в Переяславле. Взамен этих земель ему было пожаловано несколько тысяч четвертей земли в Бежецкой пятине Новгорода.⁵² Бывший правитель ненадолго стал крупнейшим из новгородских помещиков.

Тем временем противники Адашева спешили упрочить свой успех. По их настоянию царь созвал в Москве собор для суда над Адашевым и Сильвестром. Курбский упоминает об этом факте в «Истории». По его словам, Иван IV призвал Боярскую думу и высшее духовенство: «соборище, не токмо весь сенат свои мирские, но и духовных всех, сиречь митрополита и градских епископов призывает».⁵³ Л. В. Черепнин считал собор 1560 г. церковным по своему назначению, а С. О. Шмидт сравнивал его с соборами на еретиков.⁵⁴

В некоторых отношениях суд над Сильвестром и Адашевым действительно был колдовским процессом. Недаром Курбский бросил царю упрек в том, что он лживо обвинил своих «доброхотов» в измене и «чародействе».⁵⁵ В колдовстве были обвинены не сами царские советники, а люди из их окружения, исполнявшие их волю. В доме Алексея Адашева обитала приживалка полька Мария — «Магдалыня», принявшая православие. По-видимому, на нее-то и пало подозрение в порче царицы и причинении лиха царской семье. Мария была обвинена как «чаровница и Алексеева согласница» и позднее казнена вместе с пятью сыновьями.⁵⁶

По существу дела собор 1560 г. был скорее политическим, чем церковным. На соборе, созванном в Москве в 1549 г., Адашев и его друзья устами девятнадцатилетнего царя изобличили неправды боярских правителей, стоявших у кормила власти «до государева возраста», и объявили о начале реформ. На соборе 1560 г. обличения адресовались самому Адашеву и его единомышленникам. Собор мало напоминал судебный процесс в собственном смысле и нужен был царю для публичного осуждения недавних учителей и советников. В отличие от «собора примирения» 1549 г. его можно было бы назвать «собором вражды и суеверия». Он положил конец десятилетию реформ.

Адашев был окольным, и судить его мог лишь боярский суд. Правитель пытался воспользоваться традиционной привилегией членов думы. Он обратился к государю с верноподданнической просьбой, «да будет суд явственный пред тобой и предо всем сенатом твоим».⁵⁷ С аналогичной просьбой обратился к Грозному Сильвестр. По словам Курбского, грамоты Сильвестра и Адашева были перехвачены Захарьиными и не попали в руки царя.

Опала на Адашева и Сильвестра означала крушение всей Избранной рады, в которой они были ключевыми фигурами. Переворот затрагивал интересы влиятельных политических сил. Бояре искали защиты у церкви. Митрополит Макарий не побоялся выступить в защиту опальных. «...Подобает,— заявил он,—...приведенным им быти зде пред нас ... и нам убо слышети воистину достоин, что они на то отвещают».⁵⁸ Однако царь понимал, что для суда над Адашевым у него нет ни оснований, ни улики. Допущенный в Москву правитель мог оправдаться перед Боярской думой.

Братья царицы В. М. Юрьев и Д. Р. Романов-Юрьев и «другие с ними нечестивые губители тамошнего царства» (как называл их Курбский) убедили царя отвергнуть совет Макария. Захарьины умело использовали настроения Ивана, тяготившегося опекой наставников. «Шурья» льстили царю и в то же время напоминали ему старые обиды. «Великого и славнаго и мудраго, боговенчаннаго царя,— говорили они,— держали пред тем, аки в оковах, повелевающе... в меру ясти и пити и со царицею жити, не дающе... ни в чесом же своей воли, а ни в мале, а ни в великом, а ни людей своих миловати, а ни царством твоим владети». Аргументы «согласников» были таковы, что задевали самолюбие самодержца и рождали неуверенность в благополучном исходе суда в случае появления в Кремле подсудимых. Бывшие правители, утверждали

Захарьины, пользуются большим авторитетом и популярностью, нежели сам царь: «А к тому любяще их все твое воинство и народ, нежели тебя самого».⁵⁹

Глава церкви пользовался большим авторитетом. Но ему не удалось добиться послушания членов священного собора. Заметной фигурой среди кремлевского духовенства был чудовский архимандрит. Михайловский Чудов монастырь располагался в Кремле и числился митрополичим монастырем. На протяжении XVI в. многие из его архимандритов получили высшие епископские посты. Грозный, по-видимому, грешил против истины, когда утверждал, будто от времени Ионы до Авраамия Чудов монастырь был «яко един от убогих... монастырей», и лишь при архимандрите Левкии «сравняся всяким благочинием с великими обители».⁶⁰ Царь имел основания хвалить Левкия. До времени собора Левкий ничем не выделялся среди кремлевских духовных лиц. В 1560 г. чудовский архимандрит в угоду царю выступил против Макария и решительно воспротивился вызову на суд Адашева и Сильвестра. Курбскому было ненавистно имя Левкия. «А за советом любимых твоих ласкателей и за молитвами Чудовскаго Левки и прочих вселукавых мнихов,— что добраго и полезнаго и похвальнаго... приобрел еси?» — с сарказмом вопрошал царя князь Курбский.⁶¹

В крупнейшем монастыре страны Троице-Сергиевом мнения разделились. По словам Курбского, некоторые троицкие старцы спорили с Макарием. Но игумена Иоасафа Черного среди них не было. Грозный бранил Троицу: «У Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел», — писал он.⁶² Примечательно, что в 1560 г. в монастыре произошла смена властей. Игумен Иоасаф уступил место Елевферию, произведенному в архимандриты 6 января 1561 г.⁶³

Макарию возражал старец Мисаил Сукин, рьяный противник Сильвестра и Адашева. Мисаил был близок ко двору Василия III. Он не отходил от постели больного великого князя до самой его кончины, а затем «наряжал» его в иноческое платье на смертном одре. Удалившись в Никитский монастырь в Переяславле, Сукин сохранил прежние привычки, что сказывалось на его репутации. «Пригоже ли так... бѣти, — писал Грозный, — ... как Мисайло Сукин в Никитцком и по иным местом, яко же вельможа некий жил..?»⁶⁴

По свидетельству Курбского, царские угодники пригласили на собор некоего старца Васьяна, «беснаго по истинне реченнаго, неистового».⁶⁵ Некоторые исследователи пытались отождествить «беснаго» Васьяна с известным осифлянином Вассианом Топорковым.⁶⁶ Однако уже А. Н. Ясинский отметил тот факт, что Курбский называет «беснаго» Васьяна «мнихом», а Топоркова епископом.⁶⁷ Топорков «наквасил» царя «прелютостию» во время свидания с ним летом 1553 г. О позднейших грехах Топоркова Курбский не обмолвился ни словом. Топорков был глубоким старцем к началу 50-х гг. и до собора 1560 г. едва ли дожил.

Соборный суд над Адашевым и Сильвестром не состоялся, но они были осуждены за измену и «чаровство». Адашев подвергся аресту в Юрьеве и угодил в тюрьму. Царская опала надломила его. Вскоре после собора он впал «в недуг огненный» и умер.⁶⁸ Царь срочно послал в Юрьев одного из ближних дворян, чтобы расследовать обстоятельства смерти Адашева, поскольку явились подозрения, что опальный правитель покончил жизнь самоубийством.⁶⁹

Вместе с Адашевым опале подвергся весь круг его ближайших родственников и соратников. Брат правителя Д. Ф. Адашев лишился чина окольного и был выслан из Москвы. Та же участь постигла постельничего И. В. Вешнякова. Родня правителя Петр Туров и дворяне Сатины были изгнаны со службы. Началась чистка приказного аппарата от сторонников Избранной рады. Дьяк И. Г. Выродков был заблаговременно отправлен в Астрахань, где ведал «ногайскими делами». В ноябре 1560 г. царь сообщил правителям Ногайской орды, что «наложил опалу» на Выродкова и велел держать его «скована» в тюрьме, а весною отвезти в Москву.⁷⁰

Разрядный дьяк И. Е. Цыплятев занимал видное положение в приказном мире.⁷¹ В последний раз он назван в Разряде царского похода 1559 г. как главный дьяк при особе Ивана.⁷² Вслед за тем Цыплятев оказался не у дел и в неизвестное время постригся в Кирилло-Белозерском монастыре под именем Евфимия.⁷³

Уезжая в Кириллов монастырь, Сильвестр забрал с собой библиотеку и другое имущество. После соборного суда Грозный послал в Кириллов дьяка И. М. Висковатого, чтобы разобрать книги опального.⁷⁴ Сам Сильвестр был переведен из Кириллова в Соловецкий монастырь. По утверждению царя, гонения на бывших советников, обличенных в государственной измене, носили умеренный характер: «сыскав измены собаки Олексея Адашева со всеми его советники (царь. — Р. С.) милостиво гнев свои учинили: смертные казни не положили, но по розным местом розослали».

Книги Разрядного приказа подтверждают слова Грозного. Один из главных деятелей Избранной рады боярин князь Д. И. Курлятев был отправлен в почетную ссылку — на воеводство в Смоленск. Семья Сильвестра удостоилась последней милости. Его сын Анфим получил разрешение служить дьяком воеводской избы в Смоленске, под крылом у Курлятева.⁷⁵ Впрочем, Курлятев недолго пробыл на смоленском воеводстве. Его вскоре же сменил М. Я. Морозов, выбывший из ближней думы с отставкой Адашева. Падение Избранной рады сказалось не только на ее членах, но и на ее покровителях в составе Боярской думы. Сильвестр пользовался расположением А. Б. Горбатого и состоял с ним в дружеской переписке. В думе Горбатый занимал самое высокое положение. С момента падения рады он не получил ни одного воеводского назначения, невзирая на то что война полыхала на всех границах.

Сторонников Сильвестра в Боярской думе заставили принести специальную присягу на верность царю. Они клятвенно обязались порвать всякие сношения с опальными вождями рады.⁷⁶

Ко времени падения Избранной рады царь Иван Васильевич достиг тридцати лет. Внешне его окружали всевозможные знаки полной, почти рабской покорности и внимания. Английский путешественник, побывавший при царском дворе в 1558 г., писал на родину: «Я думаю, в христианском мире нет государя, которого его подданные, дворянского и простого сословия, боялись бы больше и вместе с тем больше любили...»⁷⁷ Враги, добавлял англичанин, которых у царя немало, боятся его не меньше, чем жаворонки сокола. Вспыльчивый и невожатый в гневе, царь наводил трепет на своих недругов. Среди подданных он пользовался определенной популярностью. Но ни страх врагов, ни популярность в народе еще не были свидетельством решающего влияния молодого царя на дела государства.

Ни один указ, ни одно крупное начинание не могли совершиться без государственного повеления. Царь часто вмешивался в дела управления, но с его мнением не всегда считались. Памятуя собственный печальный опыт, Грозный в своем завещании многословно поучал наследника, как ему властвовать над людьми, во всем подчинять своей воле, как осмотрительно пользоваться правом опалы. Советы отличались мудростью, но сам Иван IV редко им следовал.

Наставники царя не слишком высоко оценивали способности своего ученика, что глубоко обижало последнего. «Не мни мя неразумна суща, — писал царь Курбскому, — ниже разумом младенчествуяща, яко же начальницы ваши поп Сильвестр и Олексей неподобно глаголали».⁷⁸ Приведенные строки написаны были в момент запальчивости, тем не менее они достаточно красноречиво характеризуют взаимоотношения между молодым Грозным и его советниками.

Годы правления Избранной рады были, по утверждению Грозного, временем всевластия бояр. Бояре с попом Сильвестром и Адашевым хотели «под ногами своими всю Рускую землю видети (...) сами государилися, как хотели, а с меня есте государство сняли: словом яз был государь, а делом ничего не владел».⁷⁹

Жалобы Ивана IV как бы подводили итог начальному периоду его самостоятельного правления. После первых неудачных попыток использовать доставшуюся власть по произволу царь должен был принять исторически сложившийся порядок и подчиниться ему. Наставники были избраны Иваном по собственной воле, но период ученичества затянулся и потерял в его глазах привлекательность, превратившись в тягостную опеку.

Проводя реформы, Избранная рада использовала традиционный механизм управления, маховым колесом которого оставалась Боярская дума. Практически разработкой и осуществлением реформ занимались приказы и ближняя дума, функционировавшая в качестве комиссии Боярской думы. Адашев не предпринимал своих нововведений без бояр. В свою очередь Боярская дума не могла обойтись без посредничества Сильвестра и Адашева во взаимоотношениях с неуравновешенным и нервным монархом. Иван IV имел возможность избавиться от опеки наставников. Но покончить с опекой Боярской думы, оставаясь на почве традиционных порядков, он не мог.

После отставки Сильвестра и Адашева царь постарался искоренить самую память об опальных временщиках. То, что считалось при них хорошим тоном, подвергалось теперь безусловному осмеянию. Благочестивые наставления Адашева против охоты и прочих потех были скоро забыты. Теперь царь мог в канун самых ответственных решений и реформ ездить на охоту, «осокал по острому осеки», «пушал» медведей и так тешился много дней.⁸⁰

Бесчинства царя коробили бояр. Но ревнителей старины, отказывавшихся участвовать в царских потехах, корили тем, что они «недоброхотны» царю, и «еще Селивестров или Алексеев дух, сиречь обычай, не вышел из них!».⁸¹ На смену унылому постничеству пришли роскошные пиры и потехи. Происшедшие при дворе перемены Иван IV оправдывал соображениями государственной пользы; в письмах Курбскому утверждал, будто играми и потехами он хотел добиться популярности среди народа и дворян, «сходя к немощи их, точию дабы нас, своих государей, познали, а не вас, изменников! (<...> И сего ради церковное предстояние не твердо, ово убо ради царских правлений, еже вами разрушенно...».⁸²

Если прежние советники обращались с государем, как с подопечным, то новые всячески льстили ему, восхваляли его мудрость. «А еже восхваляше тя, и возношаше и глаголаше тя царя велика, непобедима и храбра..? Егда же надут от них и прельщен, что получил еси?» — спрашивал царя его старый советник.⁸³ Бесконечные славословия, лесть и лицемерие придворных как нельзя более подходили к новым настроениям царя, его требованиям неограниченной власти.

Вскоре после падения Избранной рады в Москву прибыли послы от константинопольского патриарха. Вселенский собор специальной грамотой подтверждал право москвитина на царский титул.⁸⁴ Глава вселенской православной церкви освятил своим авторитетом власть православного московского царя. Затяжные по этому поводу пышные богослужения призваны были поднять престиж монарха и его нового правительства.

Примерно через неделю после смерти царицы Анастасии Романовой митрополит и епископы обратились к Ивану Васильевичу с неожиданным ходатайством. Они просили царя, чтобы он отложил скорбь и «женился ранее, а себе бы нужи не наводил».⁸⁵ Причиной поспешности, по С. Б. Веселовскому, были обстоятельства самого деликатного свойства. Как передает летописец, «умершей убо царице Анастасие, нача царь яр быти и прелюбодействен зело».⁸⁶ На упреки Курбского насчет «кроновых жертв» царь отвечал прямо и откровенно: «А будет молвиш, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмы человецы».⁸⁷

Советуя царю поспешить с браком, князья церкви заботились не только о его нравственном спасении. Браки в царской семье всегда были крупным

политическим событием. Боярская дума и духовенство опасались чрезвычайного усиления власти Захарьиных и надеялись с помощью нового царского брака подорвать их позиции при дворе.

Первый брак царя шокировал титулованную знать. Бояре с пренебрежением отзывались о «робе» — царице. Новую невесту благочестивому государю решено было искать за рубежом среди дочерей владетельных особ. Сватовство в Польше имело успех. Король Сигизмунд II не прочь был выдать за царя сестру Катерину. Но королевский совет воспротивился браку.⁸⁸ Сенаторы требовали, чтобы московский государь лишил прав на престол детей от первого брака. Поляки, кроме того, использовали сватовство царя, чтобы потребовать от России прекращения военных действий в Ливонии.⁸⁹ Московская миссия, отправленная царем в Швецию, также не добилась успеха. Из-за кончины короля Густава Вазы сватовство при шведском дворе оказалось несвоевременным. Невесту Грозному нашли в Кабарде. Местный князь Темир-Гука без дальних слов согласился отпустить на Русь дочь Кученей. 15 июня 1561 г. княжну привезли в Москву. Иван IV велел черкешенке «быти на своем дворе, смотрел ее и полубил». 21 августа царь обвенчался с Кученей, принявшей в крещении имя Мария. Брачный пир в Кремле продолжался три дня. В течение этого времени все ворота Москвы оставались на запоре. Жителям столицы и иностранцам под страхом наказания запрещено было покидать свои дворы.⁹⁰ Власти опасались, как бы чернь не омрачила свадебного веселья, как то случилось после первой царской свадьбы.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 270.

² Акты ревельского архива//Чтения ОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. IV. С. 11—12. Вопрос об экономических причинах русско-ливонской войны подробно исследован в монографии шведского ученого С. Свенсона (*Svensson S. Den merkantila bakgrunden till Rysslands antal på den Livländska ordensstaten 1558. Lund, 1951*).

³ Разряды. Л. 237; ПСРЛ. Т. 13. С. 284.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 281.

⁵ Там же. С. 256—257.

⁶ Там же. С. 269.

⁷ Там же. С. 275, 281.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ Курбский. Сочинения. С. 239; ПСРЛ. Т. 13. С. 272.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 277.

¹¹ Там же. С. 287—288.

¹² Там же. С. 287.

¹³ Дневник Ливонского посольства к царю Ивану Васильевичу, составленный Т. Хёрнером (1557 г.)//Чтения ОИДР. 1886. Кн. 4. Отд. IV. С. 5—18.

¹⁴ Разряды. Л. 241 об.; Курбский. Сочинения. С. 240.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 59. С. 543; ПСРЛ. Т. 13. С. 288, 296; см. также: *Голобуцкий В. А.* Запорожское казачество. Киев, 1957. С. 80, 82.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 295—296.

¹⁷ Там же. С. 297—298.

¹⁸ Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 41—42.

¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 300—305, 313—317; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях (1544—1648). СПб., 1893. Т. 1. С. 98—101; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 367—372.

²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 314.

²¹ Там же. С. 317—318; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. М., 1981. С. 47—48.

²² Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 48.

²³ Там же. С. 58—59.

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 319.

²⁵ Курбский. Сочинения. С. 240.

²⁶ Переписка. С. 37.

²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 321.

²⁸ Там же; Разряды. Л. 264; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 238; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 107.

²⁹ Описи царского архива. С. 38.

³⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 323; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 108—109.

³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 321; Сб. РИО. Т. 59. С. 593.

³² ПСРЛ. Т. 13. С. 321.

- ³³ Курбский. Сочинения. С. 247.
- ³⁴ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 110.
- ³⁵ Курбский. Сочинения. С. 257; Псковские летописи. Вып. 2. С. 239; ПСРЛ. Т. 13. С. 330—331; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 392.
- ³⁶ Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 397; *Зутис Я. Я.* К вопросу о ливонской политике Ивана IV//Изв. АН СССР. Сер. ист. и филос. 1952. Т. 9. № 2. С. 140.
- ³⁷ Курбский. Сочинения. С. 257—258; Псковские летописи. Вып. 2. С. 240; Прибалтийский сборник. Т. 2. С. 395.
- ³⁸ Переписка. С. 38.
- ³⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 82.
- ⁴⁰ Переписка. С. 33.
- ⁴¹ *Грбовский А. Н.* Иван Грозный и Сильвестр. Лондон, 1987. С. 96—100.
- ⁴² Курбский. Сочинения. С. 32, 45.
- ⁴³ Там же. С. 7.
- ⁴⁴ Там же. С. 104.
- ⁴⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 778.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 321.
- ⁴⁷ Переписка. С. 33.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Разряды. Л. 274 об.
- ⁵⁰ ТКДТ. С. 148.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 181.
- ⁵² *Барсуков А.* Род Шереметевых. СПб., 1881. Кн. 1. С. 255; *Корецкий В. И.* О земельных владениях Адашевых//Исторический архив. 1962. № 6. С. 119.
- ⁵³ Курбский. Сочинения. С. 263.
- ⁵⁴ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. С. 90; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 209—211.
- ⁵⁵ Переписка. С. 7.
- ⁵⁶ Курбский. Сочинения. С. 277.
- ⁵⁷ Там же. С. 260.
- ⁵⁸ Там же. С. 263.
- ⁵⁹ Там же. С. 260—261.
- ⁶⁰ Послания Ивана Грозного. С. 173.
- ⁶¹ Курбский. Сочинения. С. 269.
- ⁶² Послания Ивана Грозного. С. 180.
- ⁶³ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. С. 139.
- ⁶⁴ Послания Ивана Грозного. С. 178.
- ⁶⁵ Курбский. Сочинения. С. 263.
- ⁶⁶ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов и его современники. М., 1958. С. 49.
- ⁶⁷ *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889. С. 156.
- ⁶⁸ Курбский. Сочинения. С. 264.
- ⁶⁹ Описи царского архива. С. 43.
- ⁷⁰ *Кушева Е. Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.//ИЗ. 1950. Т. 34. С. 264.
- ⁷¹ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 560.
- ⁷² Сб. РИО. Т. 59. С. 269; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 54.
- ⁷³ Кирилловская вкладная и кормовая книга//ГПБ. ОР. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 83 об.
- ⁷⁴ *Зимин А. А. И. С.* Пересветов... С. 50.
- ⁷⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 23, 47.
- ⁷⁶ Переписка. С. 33.
- ⁷⁷ *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях//Зап. Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. Прил. С. 44.
- ⁷⁸ Переписка. С. 42.
- ⁷⁹ Там же. С. 104.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 391.
- ⁸¹ Курбский. Сочинения. С. 267—268.
- ⁸² Переписка. С. 16.
- ⁸³ Курбский. Сочинения. С. 269.
- ⁸⁴ Патриарх и все его соборы «благословиша боговенчаннаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси, еже быти и зватися ему царем, законно и благочестно венчанному, вкупе от них... благословение...» (ПСРЛ. Т. 13. С. 334).
- ⁸⁵ Там же. С. 329.
- ⁸⁶ Веселовский. Исследования. С. 95.
- ⁸⁷ Переписка. С. 104.
- ⁸⁸ Послания Ивана Грозного. С. 366, 368.
- ⁸⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 44.
- ⁹⁰ Английские путешественники в Московском государстве XVI века/Пер. Ю. В. Готье. М., 1937. С. 199.

«ДЕЛО» СТАРИЦКИХ

Иван IV решил разделиться с сыновьями задолго до того, как его первенец царевич Иван Иванович достиг совершеннолетия. По словам официальной летописи, «особный» двор для наследников начали строить в Кремле за день до кончины царицы Анастасии. Вскоре же на этом дворе был поставлен собор и учреждено «протопопствие» с соборным причтом. Царь велел «делати церкви и хоромы спешно, чтобы детям своим в том дворе устроиться ранее».¹ К царевичам приставили бояр и штат служителей. Главным боярином и дворецким (гофмейстером) наследника стал боярин В. П. Яковлев-Захарьин. Вторым боярином царевичей был назначен князь В. А. Сицкий, ближайший родственник Захарьиных. Для обслуживания Ивана и Федора были учреждены Сытный, Кормовой и Хлебный дворцы с ключниками и прочими чинами.²

По случаю вступления во второй брак царь составил новое завещание, закреплявшее порядок престолонаследия и определявшее имущественное положение новой царицы и возможных ее детей. В завещании были названы имена душеприказчиков, которые должны были войти в опекунский совет при семилетнем наследнике. Бояре-регенты принесли присягу на верность царевичам и царице Марье. Они поклялись не искать себе государя «мимо» наследника и управлять страной в полном соответствии с царским завещанием, следуя тому, «что есми государь наш царь и великий князь написал в своей духовной». «А правити нам, — значилось в тексте присяги, — сыну твоему государю своему царевичу Ивану... по твоей духовной грамоте...»³ Текст завещания исчез, однако сохранилась специальная запись, служившая приложением к завещанию. Имеющиеся в ней подписи (Данило Романович, Василий Михайлович и пр.) позволяют установить состав совета. Известную трудность вызывает расшифровка подписи «Иван Петров». Из двух бояр с этим именем (Яковлев и Федоров) первый в 1561—1562 гг. находился в Москве, тогда как второй служил в Юрьеве. А. А. Зимин сравнил подпись грамоты с подписями И. П. Яковлева и И. П. Федорова на приговоре Земского собора 1566 г. и бесспорно установил, что в первом случае «рукоприкладствовал» Яковлев.⁴

Судя по «Повести о мятеже», ведущую роль в регентском совете 1553 г. наряду с Захарьиными играли удельный князь Владимир Воротынский и дьяк Посольского приказа Иван Висковатый. Именно эти два лица руководили церемонией присяги царевичу Дмитрию. Вскоре же Владимир Воротынский умер, а его место в думе занял его брат Михаил, пожалованный титулом «слуги и боярина» — одним из высших титулов в государстве. Слуга имел все основания претендовать на место в регентском совете. Но ни М. И. Воротынский, ни Висковатый не стали душеприказчиками царя в 1561 г.

Регентский совет 1553 г. по представительности далеко уступал знаменитой седьмочисленной боярской комиссии Василия III. Совет 1561 г. был еще менее

представительным и авторитетным. В него входили пять бояр, двое думных детей боярских и дьяк. Верхние ступени феодальной иерархии занимали трое удельных князей — Владимир Старицкий, Иван Бельский и Иван Мстиславский. Ни первый, ни второй не попали в число опекунов. Мстиславский был фигурой политически бесцветной и среди бояр выделялся молодостью. Он лишь номинально числился старшим регентом. Опекунский совет Василия III представлял и княжескую суздальскую знать (братья Шуйские), и старомосковское нетитулованное боярство (Захарьины, Морозовы, Воронцовы). Характерной чертой нового совета было засилие Захарьиных, оттеснивших от власти всех своих соперников. Главными опекунами царевича Ивана значились Д. Р. Юрьев, В. М. Юрьев, И. П. Яковлев и Ф. И. Колычев. Из пяти бояр, членов регентского совета, трое принадлежали к роду Захарьиных, а четвертый (Ф. И. Колычев) был их однородцем. Семейство Колычевых не играло сколько-нибудь заметной роли в боярской среде в период правления Сильвестра. Член регентского совета Ф. И. Колычев получил окольность ко времени падения рады в 1560 г., боярином же стал еще позже. Таким образом, в Боярской думе он был совсем новым человеком.⁵

Титулованная знать — князь А. П. Телятевский и кравчий князь П. И. Горенский-Оболенский — занимала в совете подчиненное положение. Князь Телятевский происходил из знатной, но обедневшей ветви князей Тверских-Микулинских. При дворе Телятевские служили по спискам «помещиков из Ярославля». Телятевский и Горенский были людьми молодыми и при Адашеве не занимали видных постов, что и определило выбор царя. Телятевскому Иван поручил расследовать обстоятельства смерти Адашева в Юрьеве в 1560 г. Годом ранее Телятевский, как и Горенский, числился оруженосцем в царской свите, а в 1562 г. командовал сторожевым полком в полоцком походе.⁶

«Семибоярщина» Василия III включала казначея и двух виднейших дьяков. В боярской комиссии Ивана IV приказную бюрократию представлял дьяк Андрей Васильев, далеко уступавший по своему влиянию «канцлеру» Висковатому.

Исключительные полномочия Захарьиных объяснялись не простым капризом Грозного. Передавая регентство целиком в руки Захарьиных, государь рассчитывал раз и навсегда решить вопрос о престолонаследии в пользу старшей ветви династии. Захарьины должны были оградить права своего племянника царевича Ивана и пресечь любые покушения на трон детей от второго брака.

Отстранив от власти Алексея Адашева и членов рады, Иван IV получил возможность заняться устройством дел членов царской фамилии. Великий князь Василий III перед смертью распорядился выделить младшему сыну Юрию удельное княжение со столицей в Угличе. Во время боярского правления и Избранной рады это его распоряжение не было осуществлено. Во время болезни царя в 1553 г. кн. Д. Ф. Палецкий заявил, что поддержит притязания В. А. Старицкого на престол, если тот предоставит удел его слабоумному зятю князю Юрию «по великого князя Василиеве духовной грамоте».⁷ Однако при А. Адашеве и Сильвестре интриги родни Юрия Васильевича не увенчались успехом. Одной из причин тому была полная недееспособность князя Юрия, глухонемого от рождения. Для управления территорией удела был образован Углицкий дворец, который возглавлял в начале 50-х гг. И. Г. Выродков.⁸ С. Б. Веселовский пишет, что князь Юрий так и не был отпущен на удел, а все управление его уделом осуществляли царские дьяки.⁹ Но это неверно. Углицкий удел был образован по личному распоряжению Грозного тотчас после падения правительства Адашева в 1560 г. В августе 1560 г. царь «учинил» у князя Юрия «особно бояр и дворецкого и дьяков и дворян и столников и стряпчих и всяких приказных людей, как довлеет быти всякому государьскому чину...».¹⁰ Углицкое удельное правительство возглавили знатный боярин князь И. А. Куракин, окольный князь Д. С. Шестунов и дворецкий князь А. И. Прозоровский.¹¹ Границы

удельного княжества были определены в соответствии с духовным завещанием Василия III. В состав удела вошли города Углич, Малый Ярославец, Калуга, Бежецкий Верх, Медынь, Кременск, Мещерск, несколько крупных сел под Москвой и множество волостей. «От себя» Грозный пожаловал брату город Брянск и приказал выстроить удельному князю двор в Кремле на месте дворов князей Ю. И. Дмитровского и М. Ю. Захарьина, подлежащих сносу.¹² Таким образом князь Юрий получил свою долю в Москве.

Углицкий удел был крупнейшим удельным княжеством второй половины XVI в. По размерам он никак не уступал Старицкому уделу и далеко превосходил все прочие княжества. Какие причины побудили правительство реставрировать удельные порядки в центральных уездах государства? Несомненно, что подобной мерой царь желал прежде всего упрочить положение правящей династии. Однако его расчеты не оправдались. Ввиду полной недееспособности глухонемого князя Юрия всеми делами в уделе распоряжалось боярское правительство во главе с князем И. А. Куракиным, родственником княгини Ефросиньи. Углицкое княжество просуществовало недолго. После смерти князя Юрия (24 ноября 1563 г.) оно было ликвидировано.

Регентский совет должен был забрать в свои руки бразды правления государством после кончины монарха. Однако регенты исполняли определенные функции и при его жизни. Эти функции были связаны, в частности, с управлением Москвой в отсутствие царя. При Адашеве Москву ведала «семибоярщина», в которой несколько лет подряд первенствовали князья Шуйские. Когда в мае 1562 г. царь выступил в литовский поход, «ведать Москву» он оставил сыновей и с ними бояр Д. Р. и Н. Р. Юрьевых, В. М. Юрьева, В. П. Яковлева, князя В. А. Сицкого, окольных И. И. Чулкова и В. И. Умного. Грозный поручил наследнику «по вестем во все города о бережение к воеводам писати от себя, и всякие свои земские дела приказал делати сыну своему царевичу Ивану».¹³ Практически за восьмилетнего царевича столицей управляли бояре Юрьевы. В те же месяцы родня Юрьевых боярин И. П. Яковлев-Захарьин, будучи первым дворовым воеводой, командовал царским полком в литовском походе.¹⁴

Важнейшие официальные документы начала 60-х гг. показывают, что Захарьины стали играть первостепенную роль как в управлении внутренними делами, так и в определении внешнеполитической программы. В. М. Юрьев после падения Адашева немедленно вернулся к дипломатической деятельности. Он принимал различных гонцов в 1561—1562 гг., вел ответственные переговоры с литовскими послами в ноябре 1563 — январе 1564 г.¹⁵ Как ближний боярин, В. М. Юрьев выдал на поруки арестованного князя И. Д. Бельского (март 1562 г.). Аналогичную миссию при освобождении удельного князя А. И. Воротынского (апрель 1563 г.) и члена Избранной рады Шереметева (март 1564 г.) исполнял боярин И. П. Яковлев-Захарьин.¹⁶ Боярин Д. Р. Юрьев играл важную роль в дворцовом управлении. Он возглавлял Большой дворец, а в 1562 г. стал заведовать также Тверским дворцом.¹⁷

Время правления Избранной рады ознаменовалось широкой раздачей думных чинов титулованной и прочей знати. После отставки Адашева положение переменилось. В начале 1560-х гг. царь пожаловал боярство князю И. М. Хворостину, князю Ф. М. Черному-Оболенскому, князю П. И. Телятевскому и др. В целом пожалования титулованной знати носили единичный характер. Более широкий доступ в думу получила старомосковская знать. Боярством были пожалованы Л. А. Салтыков-Морозов, М. И. Вороново-Волынский, Ф. И. Умного, Н. Р. Юрьев-Захарьин, В. В. Морозов (1560—1562 гг.), В. П. Яковлев (к 1562 г.) и т. д. Окольными стали М. М. Лыков, П. П. Головин, М. М. Тучков-Морозов, А. А. Бутурлин, М. П. Головин, В. И. Умного, И. И. Чулков (1560—1562 гг.).¹⁸ Все эти пожалования имели четко выраженную направленность. Боярами стали последние из Захарьиных, еще не

имевшие высшего думного чина, а также их приверженцы и родня. Окольничество получил троюродный брат Юрьевых-Захарьиных М. М. Тучков-Морозов.

Захарьины постарались упрочить свое влияние в Боярской думе, а также и в приказном аппарате управления. Прежде всего они добились возвращения из многолетней ссылки Н. А. Фуникова-Курцева, подвергнувшегося преследованию со стороны Сильвестра. Получив думный чин казначея, Курцев возглавил главное финансовое ведомство Казенный приказ (ранее 9 февраля 1561 г.).¹⁹

Правительство щедро вознаградило еще одного противника Сильвестра — И. М. Висковатого. Дьяк получил думный чин печатника и стал главным помощником Н. А. Курцева в Казенном приказе.²⁰ Свою деятельность в Казне Висковатый начал с «реформы» печати. 3 февраля 1561 г. старая «меньшая» великокняжеская печать была заменена большой печатью, украшенной символом самодержавия: «Орел двоеглавной, а среди его человек на коне, а на другой орел же двоеглавной, а среди его инърог».²¹

Новое правительство, по-видимому, произвело основательную чистку приказного аппарата. В главном военном ведомстве, Разрядном приказе, место старого опытного дьяка И. Е. Цыплятева занял И. Т. Клобуков, родня знаменитого осифлянина В. Топоркова-Клобукова.²² Около 1562 г. дьячество получил А. Я. Щелкалов. Поздняя традиция связывала между собой имена Щелкаловых и Сукиных. Авторы одного родословного памфлета XVII в. утверждали, будто Сукиных «вынесли в люди» могущественные Щелкаловы.²³ Однако в действительности дело обстояло как раз наоборот. Ф. И. Сукин был одним из главных руководителей приказного аппарата, и, скорее всего, его покровительству А. Я. Щелкалов был обязан своими первыми успехами на бюрократическом поприще.²⁴

Новая роль приказной бюрократии, служившей послушным орудием монархии, вызывала крайнее раздражение титулованной знати, «вельмож», отставивших старинное право Боярской думы на управление страной. Курбский язвительно осмеивал царя за его доверие к приказным бюрократам из поповичей. Писарям русским, утверждал он, «князь великий zelo верит, а избирает их не от шляхетского роду, ни от благородна, но паче от поповичей или от простого всенародства, а то ненавидячи творит вельмож своих».²⁵

Защитник старины, выходец из старой дьяческой фамилии Т. Тетерин высказывал не менее резкие суждения о значении приказной бюрократии. Царь больше не верит боярам, писал Тетерин М. Я. Морозову, «есть у великого князя новые верники-дьяки, которые его половиною кормят, а другую половину себе емлют, у которых дьяков отцы вашим (бояр. — Р. С.) отцам в холопстве не пригожалися, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют».²⁶

По указанию царя руководители приказов приступили к разработке уложения о княжеских вотчинах, вступившего в силу после утверждения в думе 15 января 1562 г. Уложение 1562 г. получило неодинаковую интерпретацию в литературе. И. И. Смирнов полагал, что новые меры продолжали и развивали земельную политику Избранной рады, направленную против вотчинников и выразившуюся в нормах приговора 1 мая 1551 г.²⁷ По мнению В. Б. Кобринина, указ 1562 г. имел совсем иную направленность по сравнению с указом 1551 г.: «... он не консервировал, как Приговор 1551 г., княжеское землевладение, а был направлен на его постепенное изживание».²⁸ Выше мы имели случай отметить, что приговор 1551 г. не консервировал, а ограничивал вотчинное княжеское землевладение. Кружок Адашева с его программой реформ исчез с политической арены, но объективные тенденции развития землевладения не изменились. Процесс дробления и упадка крупного княжеского землевладения шел безостановочно, и власти стремились утилизировать этот процесс. Земельные приговоры 1551 и 1562 гг. исходили из того, что казна является

единственной законной наследницей «великих» княжеских вотчин, лишившихся своих владельцев. Уложение 1562 г. более полно и последовательно ограничило родовое княжеское землевладение и служило прямым прологом к опричным конфискациям княжеских вотчин. По сравнению с законами Избранной рады менялся самый объем ограничений.

Действие указа 1551 г. распространялось на владения князей Суздальских, Ярославских и Стародубских, а также вотчинников Белоозера, Твери и Рязани. По уложению 1562 г. ограничения распространялись на владения князей Ростовских, Мосальских, равно как и служилых (удельных) князей Воротынских, Одоевских и Трубецких. Всем перечисленным в указе княжатам запрещалось продавать и менять свои «старинные» родовые вотчины. Сделки подобного рода объявлялись незаконными. Княжеская вотчина, проданная сыну боярскому «опричь» братии и племянников вотчича, отбиралась в пользу казны. Подвергались конфискации также все без исключения выморочные вотчины княжат. «Великие» вотчины, завещанные князем-вотчинником жене или отданные за дочерьми и сестрами в приданое, отчуждались с известным вознаграждением, земельным и денежным. Даже ближайшие родственники по мужской линии (братья и племянники, исключая сыновей) могли наследовать старинные княжеские вотчины лишь по царскому указу: «и государь того посматривая, по вотчине и по духовной и по службе, кому которую вотчину напишет, велит указ учинити».²⁹

Ограничения, установленные приговором 1551 г., впервые получили силу обратного действия в 1562 г. По новому указу все княжеские вотчины, приобретенные «иногородцами» путем покупки или с приданным «после» великого князя Василия III и за 15—20 лет до приговора, т. е. в период боярского правления 1533—1547 гг., отчуждались в казну без всякой компенсации.³⁰ Все княжеские вотчины, приобретенные аналогичным образом за 5—10 лет до приговора, т. е. в период действия закона 1551 г. — с 1552 по 1556 г., отчуждались безденежно или за известную компенсацию по усмотрению правительства.³¹ Пересмотру не подлежали лишь сделки на княжеские и прочие вотчины, заключенные в 1557—1562 гг. Причиной подобного исключения были, возможно, земельные мероприятия, проведенные правительством в 1556 г. в связи с упорядочением военно-служилой системы землевладения и проверкой владельческих прав на земли. Результаты «землемерия» 1556 г. не подвергались пересмотру: закон о конфискации различных категорий вотчин (княжеских и др.) не распространялся на период после «землемерия» (1557—1562 гг.), и вся практика этого периода признавалась законной.

Традиционное вотчинное право не ограничивало дворянина в его правах на распоряжение земельной собственностью и не предусматривало обязательной службы вотчинника с земли. Стремительное развитие поместья и превращение его в господствующую форму землевладения трансформировало вотчинное право. Наделение казенными поместьями всех членов дворянского сословия привело к распространению на вотчинников принципа обязательной службы. Поместные нормы и практика создали почву для вмешательства казны в сферу распоряжения вотчинным землевладением, вовсе не принадлежавшим к категории государственной собственности. Самодержавие творило новую законность, смешивая нормы поместного и вотчинного права.

Пересмотр прав на княжеские вотчинные земли, сменившие владельцев в 1533—1556 гг., затронул интересы как титулованной знати, так и «новых землевладельцев», располагавших денежными богатствами для покупки земель. К числу таких «новых землевладельцев» принадлежали боярство, богатейшее дворянство, приказная бюрократия, купечество и, наконец, церковь.

Формально Уложение 1562 г. не содержало специального пункта о церковном землевладении. Но по существу оно ограничивало возможности дальнейшего роста земельных богатств монастырей. Именно так прокомментировал смысл

царского Уложения 1562 г. Поместный приказ в одной из своих грамот конца 70-х гг.: «наш указ, как есмь не велели ярославских вотчин в монастыри давати во 70-м году». Грамота адресовалась в Ярославль, поэтому в ней и упоминались только ярославские вотчины.³² Выморочные княжеские владения, а также вотчины, оставшиеся без ближайших наследников, доставались прежде, по общему правилу, монастырям. Теперь все они были объявлены исключительной собственностью казны. Церковные власти вынуждены были считаться с новым законом. В 1569 г. архимандрит Симонова монастыря, получив вотчину от княгини Е. Стародубской, запросил царя, возьмет ли он вотчину «на себя» (в казну) и велит «за тое вотчину деньги (за приданое княгини. — *Р. С.*) дать» или же пожалует и даст сельцо монастырю.³³ После издания Уложения 1562 г. монастыри стремились получить царские грамоты, подтверждающие их право на пожертвованные им княжеские земли.³⁴

По существу Уложение 1562 г. продолжало земельный курс Избранной рады. Однако царь, порвав со сторонниками реформ, объявил себя противником всего, что они делали. В пылу полемики с Курбским Иван IV взялся доказать, что незаконными были не его распоряжения об отчуждении в казну родовых княжеских земель, а меры, проведенные радой. Сильвестр и его сообщники, утверждал Грозный, в нарушение старых земельных законов стали раздавать боярам «великие вотчины» и села, «еже деда нашего великого государя уложение, которые вотчины у вас (бояр. — *Р. С.*) взимают и которым вотчинам еже несть потреба от нас (царя. — *Р. С.*) даются, и те вотчины ветру подобно раздавали неподобно, и то деда нашего уложение разрушили и тем многих людей к себе примирили».³⁵ Аристократия выражала крайнее негодование по поводу покушений казны на ее родовые земли.³⁶ Иван же рассматривал свои действия как исполнение заветов деда, отбравшего («взимавшего») вотчины у бояр.

Приход Захарьиных к власти и их политика вызвали недовольство аристократии. Первыми запротестовали владельцы удельных княжеств, располагавшие внушительными силами и достаточно независимые в своих поступках.

Крушение Избранной рады подало семье Глинских надежду на возвращение к власти. Они не забыли того, что Василий III ввел в регентский совет при сыне Иване М. Л. Глинского, поручив ему безопасность жены и детей. Глинские рассчитывали занять подобающее положение при дворе наследника, приходившегося им внучатым племянником. Но они ошиблись в своих расчетах. Вражда между Глинскими и Захарьиными имела давние корни. Захарьины участвовали в отстранении Глинских от власти в 1547 г., чего последние им никогда не простили. В столкновениях между Глинскими и Захарьиными царь всегда принимал сторону вторых. Вообще говоря, он недолюбливал жадную и недалекую родню по материнской линии. Когда М. Глинский возглавил поход в Ливонию (1558 г.), его люди распоряжались в Псковщине, как в неприязнительной стране. Они громили и жгли крестьянские дворы, грабили население и т. д. Узнав о бесчинствах дяди, царь велел произвести розыск и взыскать с него все убытки. В архиве хранилось следственное дело «Сыск князя Михаила Глинского про грабеж, как шел в Ливонскую землю».³⁷

Дядя Елены Глинской князь Михаил Львович был женат на дочери князя И. Немого Оболенского. Их сын Василий доводился двоюродным братом матери Грозного. Он начал карьеру в 1550-х гг., первые воеводские назначения получил в 1559 г., и, вероятно, тогда же его имя было внесено в список удельных («служилых») князей Дворовой тетради. Несмотря на крайнюю молодость, В. М. Глинский уже в 1560 г. был произведен в бояре.³⁸

При Василии III князь Михаил Глинский, недовольный московскими порядками, пытался бежать на родину в Литву, за что угодил в тюрьму. Его сын князь Василий, как видно, шел по стопам отца, и лишь родство с царем спасло его от тюрьмы. В июле 1561 г. Василий Глинский был взят под стражу, в конце того же месяца подписал крестоцеловальную грамоту и был освобожден.³⁹

В «проклятой» грамоте боярин признавал, что «преступил» перед царем и обязался впредь без ведома последнего не «ссылаться ни человеком, ни грамотами» с королем Сигизмундом и панами польскими и литовскими, «не приказывать» к ним никаких вестей. Всех людей, которые «учнут» с ним «думати о литовской посылке и отъезде», удельный князь обязался немедленно «поймати, да поставити... перед своим государем». То же самое он должен был сделать с любым литовским лазутчиком, который прибудет к нему «с грамотами или с речами» из-за рубежа.⁴⁰ Глинский обещал, далее, не отъезжать в уделы к братии царя Ивана, не приставать к лиходеям «в здешней ли земле или в уделех», выдать правительству любого человека, который будет говорить ему «лихо» на царя и его семью. Опальный князь обязался «не проносити никому» царской «думы» и тех речей, которые он услышит во дворце.⁴¹ Правительство опасалось, что князь В. М. Глинский «пристанет» к Старицким удельным князьям. Можно догадываться, что Глинский через свою родню боярина князя Немого не раз «износил» Старицким царскую думу.

Через два месяца после прощения В. М. Глинский возглавил поход русских войск в Ливонию. Но распри в кругу царской родни не прекратились.

Видной фигурой при дворе Грозного был его родственник по материнской линии князь Д. И. Вишневецкий, владетель Белевского удела.⁴² Вишневецкий лелеял планы широкого наступления против турок и татар. Он деятельно участвовал в крымских походах 1558—1559 гг. Ливонская война вызвала переориентацию всей внешней политики России, что и предопределило поведение удельного князя. В результате переговоров с черкасскими князьями в Москве возник проект образования под эгидой России вассального Черкасского княжества на Северном Кавказе. Трон вассального княжества Иван IV предложил Вишневецкому. Ему предстояло объединить западочеркасские племена для борьбы с татарами и турками. В феврале 1560 г. Вишневецкий выехал в Пятигорск. Его сопровождали черкасские князья, принявшие крещение в Москве, и православные священники, которые должны были крестить черкасские племена «по их обещанию и челобитью».⁴³ Однако Вишневецкий пробыл в Пятигорске недолго. Царские послы утверждали позже, будто Грозный свел своего вассала с государства «из Черкас» за то, что тот «учал жити в Черкасах не по наказу».⁴⁴ Покинув Пятигорск, Вишневецкий уехал на Днепр, откуда послал гонцов в Литву. В письме к Сигизмунду он объяснял отъезд на Русь тем, что хотел «годне» служить господарю и Речи Посполитой, «справы того неприятеля (московита. — Р. С.) выведавши».⁴⁵

Король счел благоразумным принять объяснения строптивого вассала и 5 сентября направил ему охранную грамоту на въезд в Литву. Но Вишневецкий не спешил вернуться на родину. Положив королевский лист в карман, он уехал на Русь. В ноябре 1561 г. белевский удельный князь явился в Москву, где назревали важные события.⁴⁶

Сигизмунд II Август имел в Москве столь же влиятельную родню, как и в Литве. За два века при дворе московских великих князей собралась добрая половина потомков великого князя Гедимины, от которого вели свой род члены польской королевской династии. При Иване III в его думе первенствовали князья Патрикеевы, породнившиеся с великокняжеской семьей. К середине XVI в. род Патрикеевых разросся, а их вотчины подверглись дроблению. Патрикеевы должны были уступить первенство Бельским. Бельские вели род от четвертого сына великого князя Ольгерда, королевская династия Ягеллонов — от шестого. Из трех братьев Бельских один погиб, а другой бежал в Литву. Вследствие этого Луховское удельное княжество перешло в руки сына старшего из братьев князя Ивана, избежав дробления. При Избранной раде И. Д. Бельский стал официальным главой Боярской думы.

Приток знати из Литвы в Москву, усилившийся к началу XVI в., в дальнейшем уступил место обратному потоку. Отъезд С. Ф. Бельского в 1534 г., дело

о готовившемся побеге боярина С. В. Ростовского и членов Ростовского княжеского дома в 1554 г., аналогичные дела начала 1560-х гг. были звеньями одной цепи. Среди отмеченных фактов совершенно исключительное значение получил суд над князем И. Д. Бельским в январе 1562 г.

Глава Боярской думы был арестован в то самое время, когда дума обсуждала Уложение о вотчинах, имевшее целью ограничить княжеско-вотчинное землевладение. И. Д. Бельского после ареста в течение трех месяцев содержали под стражей на Угрешском дворе в Москве. Все его имущество и двор были опечатаны, удельное княжество отобрано в казну.⁴⁷ В ходе следствия Бельский был изобличен в заговоре и подготовке побега в Литву. При аресте у него были найдены охранные грамоты на въезд в Литву, подписанные королем Сигизмундом.

На допросе Бельский во всем повинился и признал, что изменил государю, «с Жигимонтом Августом королем есми ссылался и грамоту есми от него себе опасную взял, что мне к нему ехати, и хотел есми бежати...».⁴⁸ Несмотря на признание, следствие по делу Бельского вскоре зашло в тупик. Слишком много высокопоставленных лиц оказалось замешано в заговоре. Среди подозреваемых оказался Вишневецкий. Причастность этого авантюриста к заговору не вызывает сомнения. Бельский получил тайные грамоты из Литвы к январю 1562 г. Обмен письмами с королем должен был отнять не менее одного-двух месяцев. Следовательно, тайные переговоры начались не позднее ноября-декабря 1561 г. Но именно в это время в Москву приехал Вишневецкий, уже имевший охранные грамоты от короля.

Нити измены тянулись в Белевское удельное княжество и, возможно, в другие, более крупные уделы. В такой ситуации правительство сочло разумным вовсе прекратить расследование. Согласно официальной версии, у Бельского не было сообщников, помимо трех незнатных дворян: Н. В. Елсуфьева, И. Я. Измайлова и Б. Ф. Губина-Маклакова.⁴⁹ Стрелецкий голова Елсуфьев имел поместье в Белой неподалеку от литовской границы. По просьбе Бельского он составил для него дорожную роспись до границы («тот ему и дорогу на Белую выписывал»).⁵⁰ При обыске дорожную изъяли, и вина Елсуфьева была неопровержимо доказана. Воспользовавшись этим, власти постарались представить дело так, будто именно стрелецкий голова «подговорил» первого боярина бежать в Литву.⁵¹ В глазах царя заговор Бельского, вероятно, был связан с семенами «измены», посеянными Избранной радой. Одним из самых влиятельных приказных дельцов при Адашеве был думный дьяк Постник Федор Губин-Маклаков, служивший в Посольском приказе. В дворовой тетради 1550-х гг. посольские дьяки были записаны в следующем порядке: И. М. Висковатый, Ф. Губин, А. Васильев. В Разрядных книгах Ф. Губин в последний раз упомянут в 1557 г. как главный дьяк в составе семибоярщины (И. М. Шуйский, А. Б. Горбатый и др.), ведавшей Москву в отсутствие царя.⁵² К началу 1560-х гг. Ф. Губин умер, но его сын служил в полках головой. Власти объявили Б. Ф. Губина одним из главных сообщников Бельского. Трое дворян стали «козлами отпущения» в деле главного боярина. Губина и Измайлова били кнутом на торгу, а затем сослали в заточение в Галич. Стрелецкому голове Елсуфьеву урезали язык.

Сам Бельский избежал наказания благодаря заступничеству Боярской думы и высшего духовенства. 20 марта 1562 г. он был освобожден из-под ареста. За князя поручилась «в первую руку» группа влиятельных членов Боярской думы и во «вторую руку» более сотни княжат, дворян и приказных. В их числе были князья Оболенские (бояре Ю. И. Кашин, М. П. Репнин и Ф. М. Оболенский; дворяне В. Б. Тюфяка и Д. Ф. Шевырев); князья Ярославские (боярин И. М. Троекуров, а также Л. И. Засекин); боярин князь П. И. Микулинский-Тверской; Стародубские князья (Ф. И. Татев, Ф. И. Пожарский); князь В. В. Волк-Ростовский; старомосковская знать боярин В. В. Морозов, В. П. Хов-

рин-Головин и И. Ю. Грязной-Ховрин, И. Ф. Воронцов, У. И. Данилов и т. д.⁵³ Поручители отвечали за опального своими головами. В случае его отъезда они должны были заплатить казне 10 тыс. рублей. В апреле 1562 г. за Бельского торжественно поручились митрополит Макарий и все высшее духовенство.⁵⁴

В специальной грамоте Бельский клятвенно обязался не возобновлять попыток отъезда в Литву, обещал не сноситься с королем Сигизмундом и своею литовской братией князьями Слуцкими «ни человеком, ни грамотой», не принимать иноземцев и не «приказывати» с ними никакого «слова» за рубеж.

Два момента, по-видимому вызывали наибольшую тревогу властей: во-первых, литовская ориентация удельных князей, и, во-вторых, угроза их объединения, опасная с точки зрения единоподданства. Первый боярин думы обязался не «приставать» ни к одному из удельных князей. Он обещал немедленно выдать правительству любое лицо, замыслившее «государское лихо». Весьма примечателен пункт грамоты, который запрещал Бельскому непосредственно сноситься с удельными князьями, «дружить» с их боярами и думными людьми. «Также ми, — значилось в записи, — и к удельным князем ни х кому ни отъехати и не приставати ми к удельным князем ни в какове деле никоторою хитростью; и с ними ми не думати ни о чем, и с их бояры и со всеми их людьми не дружитися и не ссылатися с ними ни о какове деле».⁵⁵

Запрет имел в виду удельных князей Старицких, Воротынских, Вишневецких и т. д. После прихода к власти Захарьиных Старицкое удельное княжество стало естественным центром притяжения для всех недовольных. Воротынские князья были крайне раздражены земельным законодательством, ограничившим их родовое землевладение. Владетель Белевского княжества Вишневецкий закончил все приготовления к отъезду в Литву.

На первых порах власти пытались справиться с кризисом, не прибегая к репрессиям.⁵⁶ Ни Глинскому, ни Бельскому не удалось осуществить замыслы. Удельные князья, казалось бы, смирились со своей судьбой. Но тишина оказалась обманчивой. Владетель Белевского удельного княжества Д. И. Вишневецкий в апреле 1562 г. был послан на Днепр, чтобы «делать недружбу» татарам и литовцам. Оттуда он бежал в Литву с 300 людьми и отрядом казаков. Изменник пытался силой увести с собой четыре сотни запорожских казаков, но те отбились и ушли на Русь.

Царь Иван узнал об отъезде Вишневецкого, будучи в Можайске, в тот момент, когда русская армия закончила все приготовления для похода в Литву. Отъезд удельного князя, прекрасно осведомленного о военных планах Москвы, грозил нарушить все расчеты московского командования. 31 июля царь получил первые вести о Вишневецком, а 5 сентября выехал в Москву.⁵⁷ Опасаясь новых измен со стороны удельных князей, правительство решило принять предупредительные меры. Через два дня после приезда в столицу царь вызвал с южной границы и арестовал удельных князей М. И. Воротынского и его брата А. И. Воротынского.⁵⁸ Воротынские оказали немало услуг династии. Во время династического кризиса 1553 г. старший из трех братьев Воротынских Владимир доказал свою преданность царю и Захарьиным. Именно он руководил церемонией присяги царевичу Дмитрию в Боярской думе и добился повиновения от всех открытых и тайных сторонников Старицкого. Вскоре же Владимир умер, но его место в думе занял брат Михаил, получивший от царя высший титул слуги и боярина. В думе он уступал честью разве что Бельскому и Мстиславскому. С первых лет Ливонской войны Воротынский, как старший и самый знатный из северских князей, не раз возглавлял оборону всей южной границы от татар.

Раздоры между царем и Воротынскими возникли после падения Избранной рады. Передают, что на князя А. И. Воротынского царь держал «гнев великой» со времени своей свадьбы в 1561 г.⁵⁹ Причиной раздора был, вероятно, вопрос о выморочной трети Новосильско-Одоевского удельного княжества, перешед-

шего после смерти князя В. И. Воротынского (1553) в руки его вдовы княгини Марьи. Земельное Уложение 1562 г. начисто лишало двух младших братьев Воротынских права на выморочный «жеребей», включавший лучшие земли удела. Новый закон обсуждался в Боярской думе в январе 1562 г., и Воротынские, надо думать, выразили свое отношение к нему. Обсуждение затрагивало имущественные интересы, и бояре не выбирали выражений. Официальная версия сводилась к тому, что «князь Михайло государю погрубил», что и явилось причиной опалы на братьев Воротынских.⁶⁰ Помимо того, власти подозревали, что Воротынские намерены идти по стопам Бельского и Вишневецкого и готовят почву для отъезда в Литву. Опасения подкреплялись тем, что Новосильско-Одоевское удельное княжение расположено было на самой литовской границе. В Литве были прекрасно осведомлены о причинах опалы на М. И. Воротынского. Прошло пять лет, и гетман Ходкевич в тайной грамоте напомнил удельному князю о недавних событиях, едва не погубивших его. Подлинные грамоты Ходкевича не сохранились, но их содержание пересказано в ответных грамотах от имени Воротынского. В частности, там дана следующая цитата из грамот Ходкевича. Королю известно, что «отчизна удельная» князя Михаила «подошла» у границы московского царя за Угрой от Москвы «под панство его королевские милости великое княжество Литовское к Севере, для которые яз (кн. М. И. Воротынский. — *Р. С.*) отчизны своее удельные вmale не пил чаши отца своего князя Ивана Михайловича...»⁶¹ Отец М. И. Воротынского был уморен в тюрьме как сообщник бежавшего в Литву кн. С. Ф. Бельского.

Для осуждения князей Воротынских правительство использовало донос княжеской челяди. В царском архиве хранился «сыскной список и роспросные речи боярина князя Михаила Ивановича Воротынского людей 71-го году».⁶²

Вследствие доноса князь М. И. Воротынский и вся его семья были сосланы на Белоозеро и заключены там в тюрьму.⁶³ В места заключения удельный князь был доставлен к началу 1563 г. Приставы, сторожившие его, менялись ежегодно между февралем и апрелем. Деньги на «годовой обиход» высылались на Белоозеро ежегодно к 25 марта.⁶⁴ Опальному боярину разрешено было взять с собой 12 слуг и 12 черных мужиков и «женок». На содержание семьи опального князя отпускалось ежегодно около 100 руб. В июне 1563 г. опальному были присланы из Москвы шубы, кафтаны, посуда и т. д. Только в счет недодачи за 1564 г. Воротынский получил в следующем году «жалованья» три ведра рейнского вина, 200 лимонов, несколько пудов ягод (изюма), а также 30 аршин бурской тафты, 15 аршин венецианской на платье княгине и т. д.⁶⁵ Брата «слуги» князя А. И. Воротынского власти сослали в Галич на посад «в тын».⁶⁶

Тотчас после Полоцкого похода Боярская дума ходатайствовала за Воротынских, но смогла добиться помилования лишь для князя А. И. Воротынского, младшего из братьев. За удельного князя поручились руководители думы князь И. Д. Бельский и князь И. Ф. Мстиславский, бояре князь А. И. Нохтев-Суздальский; Д. И. Немого, Ю. И. Кашин и М. П. Репнин Оболенские, а также А. Д. Басманов и И. Я. Чеботов, большая группа княжат и дворян. Сумма поручительства определялась в 15 тыс. рублей.⁶⁷

Главным результатом суда над братьями Воротынскими была ликвидация Новосильско-Одоевского удела. С арестом удельных владык царь «вотчину их Новосиль и Одоев и Перемышль и в Воротынску их доли велел взяти на себя».⁶⁸ Есть все основания полагать, что, освободив князя А. И. Воротынского, правительство не вернуло ему его доли в удельном княжестве. 20 апреля 1563 г. А. И. Воротынский вышел из тюрьмы, а в мае царь Иван ездил в Воротынск, Одоев Старый и Перемышль и осматривал перешедшие в казну удельные города.⁶⁹ Примерно через год после освобождения князь А. И. Воротынский заместничал во Ржеве с боярином кн. И. И. Пронским. «Не вели нашего отечества отнять, — писал он царю, — ...пощади, государь, не выдай нас Пронскому князю Ивану, чтоб мы, холопи твои, в вековом позоре не были! Царь, государь,

смилуйся, пожалуй!» 4 августа 1564 г. Грозный отклонил его челобитье. «И ты бы, князь Александр, — писал Иван, — знал себе меру!»⁷⁰ Вскоре после неудачной местнической тяжбы А. И. Воротынский удалился на покой в Троице-Сергиев монастырь и некоторое время спустя умер.⁷¹

Конфликт между властями и аристократией стремительно разрастался. Доказательством тому служило дело князя Д. И. Курлятева-Оболенского, одного из подлинных руководителей Избранной рады. После суда над Адашевым Курлятев был сослан на воеводство в Смоленск, но вскоре получил полную отставку. 20 июля 1561 г. на посту главного смоленского воеводы его сменил М. Я. Морозов.⁷²

Официальная летопись глухо упоминает о том, что он был пострижен за «великие изменные дела», но в чем состояли эти дела, не разъясняет. Некоторые сведения на этот счет сообщает один любопытный документ, присланный в царский архив по личному распоряжению Грозного. В описи архива об этом документе сказано следующее: «Коробочка 187... да тут же грамота княж Дмитреева Курлятева, что ее прислал государь, а писал князь Дмитрий, что поехал не тою дорогою; да и списочек воевод смоленских, в котором году сколько с ними было людей».⁷³ На первый взгляд, оправдательная грамота смоленского воеводы Курлятева, заехавшего не той дорогой, имела мало важное, даже пустяковое значение. Но помимо видимого содержания, эта грамота имела еще какой-то особый смысл, иначе ненужную бумагу не стали бы отправлять в архив и хранить там наряду с важными документами.

Упоминание в описи двух загадочных документов по делу Курлятева вызывает ряд недоуменных вопросов. Зачем сосланному в Смоленск Курлятеву понадобилось оправдываться перед царем за то, что он поехал не тою дорогою?⁷⁴ Куда мог заехать опальный боярин, если иметь в виду, что Смоленск стоит на самом литовском рубеже? Для какой цели царю нужны были сведения о воеводах, служивших в Смоленске до Курлятева, о численности их вооруженных свит и т. д.? Все эти вопросы получают объяснения в том случае, если предположить, что во время пребывания в Смоленске Курлятев предпринял попытку уйти за рубеж в Литву, но был задержан и оправдался тем, что заблудился. То обстоятельство, что он «заблудился» со своим двором и вооруженной свитой, вызвало особое подозрение у правительства и служило уликой против опального. Недаром царь приложил к «делу» Курлятева список смоленских воевод, «в котором году сколько с ними было людей» и велел хранить его вместе с отпиской боярина.

Предположение об отъезде вполне объясняет тот факт, что Курлятев, посланный в Смоленск на год, в действительности пробыл там очень недолго и до истечения срока был смещен с воеводства.

Курлятев был ключевой фигурой в правительстве Избранной рады, и его постигло суровое наказание. Московский летописец записал под 1562 г.: «Того же лета октября в 29 день царь... положил опалу на боярина на князя Дмитрея Курлятева за его великие изменные дела, а велел его и сына его князя Ивана постричи в черныцы и отослати на Коневец в монастырь под начало».⁷⁵

Расправившись с боярином, царь не пощадил его дочерей. Вместе с матерью две княжны Курлятевы были доставлены в Оболенск, родовое гнездо всех Оболенских князей, и там пострижены в монахини. Сообщая о повелении царя постричь Курлятевых, князь Курбский восклицает в сердцах: «Неслыханное беззаконие! Силоу повеле, всеродне, сиречь со женоу и с сущими малыми детками, плачущих вопиющих, а по коликих летех подавлено их всех».⁷⁶

С. О. Шмидт уточнил время ареста Курлятева и обстоятельства его заточения в монастырь.⁷⁷ Семью Курлятевых разослали в разные места. Жену и двух дочерей отвезли в глухую Челмогорскую пустошь, стоявшую в 43 верстах от Каргополя. В государственном архиве хранились документы об опальной боярской семье: «отписки о князе Дмитрее Курлятеве и о княгине и о дочерех его, в Каргополе в Челмъской монастырь».⁷⁸

Д. И. Курлятев сначала содержался «под началом» у монахов Рождественского монастыря на острове Коневец посреди Ладоги. Однако розыск о боярской измене продолжался, и власти решили подвергнуть Курлятева более строгому наказанию. Еще в начале XVII в. в государственном архиве хранилось подлинное дело о ссылке Курлятева в монастырь: «Столпик, а в нем государева грамота от Троицы из Сергиева монастыря к Москве, к дьяку к Ондрею Васильеву, да другая ко князю Дмитрею Хворостинину, да к дьяку к Ивану Дубенскому, писана о князе Дмитрее Курлятева, как велено ево вести в монастырь к Спасу на Волок... иных столбцов нет лета 7071-го году».⁷⁹ Из текста государевой грамоты следует, что царь отдал приказ о заточении Курлятева во время поездки на богомолье в Троицу. Но начиная с осени 1562 г. и до весны 1563 г. царь только однажды был в Троице, а именно после полоцкого похода 26 мая 1563 г.⁸⁰ Видимо, судьба Курлятева была окончательно решена после совещания царя с Макарием в Троице весной-летом 1563 г.

Будущий опричный воевода князь Д. И. Хворостинин и дьяк Иван Дубенский получили приказ отвезти Курлятева с Коневца в Спасский монастырь на Волоке. По предположению С. О. Шмидта, местом заточения опального стал либо Иосифо-Волоколамский, либо Спасо-Каменный монастырь. Последний располагался не на волоке, а посреди Кубенского озера, и к нему неприменимы слова «к Спасу на Волок». Иосифо-Волоколамский монастырь, стоявший в 18 верстах от Волока, именовался Успенским, а не Спасским. Однако именно этот монастырь служил тюрьмой для наиболее опасных государственных преступников в XVI в.

Первый конфликт между монархом, домогавшимся неограниченной власти, и удельной аристократией, не желавшей отказываться от традиционных порядков и привилегий, носил сравнительно ограниченный характер. Из трех «изменников» (князя И. Д. Бельский, М. И. Воротынский и Д. И. Курлятев) вина первого была доказана с наибольшей очевидностью. Тем не менее самодержец простил его, а двух других подверг жестокому наказанию. Царю надо было, чтобы во главе высшего органа государства стоял во всем послушный ему человек. Скомпрометировав Бельского, а затем вернув ему пост первого боярина, самодержец достиг цели.

Мирные отношения между Россией и Крымом установились далеко не сразу, несмотря на многочисленные миролюбивые заверения обеих сторон.⁸¹ Литовские дипломаты в Крыму прилагали отчаянные усилия к тому, чтобы побудить хана к новым набегам на Русь. Эта цель была достигнута с помощью богатейших «поминок» и подкупа ханских советников. В начале июля 1562 г. хан напал на московскую Украину. Правда, вторжение носило характер простой демонстрации. В походе участвовало не более 15 тыс. всадников. Никогда прежде хан не «прихаживал» на Русь «в такове мале собрание», отметил русский летописец. Татары простояли у стен Мценска три дня, а затем отступили в степи.

Московское правительство, невзирая на вероломство хана, вновь обратилось к Крыму с мирными предложениями после окончания Полоцкого похода. Московский посол А. Ф. Нагой, направленный к хану с богатыми поминками, должен был договориться с ним относительно условий мирного договора.⁸² Миссия Нагого знаменовала окончательный отказ Москвы от «наследства» Адашева в сфере восточной политики.

Настойчивые поиски мира с Крымом объяснялись неблагоприятным для России оборотом дел в Ливонии. Вслед за Литвой в Ливонскую войну вмешались крупнейшие прибалтийские государства, Дания и Швеция, принявшие участие в разделе ливонского наследства. В апреле 1560 г. герцог Магнус, брат датского короля, вступил во владение островом Эзель. Спустя месяц Ревель и Северная Эстляндия перешли под власть Швеции.⁸³

Швеция, не добившаяся успеха в войне с Русским государством в 1554 — 1557 гг., была слабейшим из противников России в Ливонии. Но московское

правительство не ставило целью немедленное изгнание шведов из Ревеля. В августе 1561 г. оно предоставило шведам 20-летнее перемирие, тем самым признав их завоевания в Ливонии.⁸⁴

Считая Данию крупнейшей морской державой на Балтике, Россия искала прочного союза с ней. В июле 1562 г. в Можайске был подписан русско-датский союзный договор, по которому царь Иван признал владением Дании остров Эзель и прибрежную провинцию.⁸⁵ Русско-датский союз был успехом скорее датской, нежели русской дипломатии. Россия не могла извлечь из него никаких выгод. В начавшейся шведско-датской войне естественным союзником Дании стала Литва.

Русская дипломатия пошла на уступки Швеции и Дании в Ливонии с единственной целью создания широкой антилитовской коалиции. Этого Москве не удалось достичь, зато ее усилия предотвратили образование антирусской коалиции и тем самым создали относительно благоприятные условия для борьбы с противником «номер один» — Литвой и Польшей.

Со времени столкновения с литовцами под Венденом в 1560 г. военный конфликт между Россией и Литвой приобретал все более опасные масштабы. Летом 1561 г. московские воеводы, предприняв поход на Венден, вышли на побережье Рижского залива.⁸⁶ Центр военных действий был перенесен в Южную Ливонию, находившуюся под властью Литвы. В ответ литовский гетман Н. Радзивилл разорил Юрьевский уезд и после пятидневной осады взял замок Тарваст.⁸⁷ Литовцы не пытались удержать занятый замок. Царь же велел разорить Тарваст, ставший предметом русско-литовского спора.⁸⁸

Успех литовцев ободрил ливонское рыцарство. 28 ноября 1561 г. магистр Ордена Кетлер подписал соглашение с королем Сигизмундом-Августом. Владения Ордена окончательно перешли под власть короля. Литовские войска заняли всю Южную Ливонию, на территории к западу от Двины образовалось вассальное Курляндское герцогство, объявленное леном литовской короны.

Захват Литвой большей части ливонских земель положил конец колебаниям московского правительства. В Москве окончательно взяли верх сторонники «большой войны» с Литвой. Срок русско-литовского перемирия истек в марте 1562 г., и Москва решила использовать это обстоятельство для вторжения в литовские пределы. Новое руководство приняло решение, которое оказало заметное влияние на ход и исход Ливонской войны. Кровавая двадцатилетняя война с Литовско-Польским государством потребовала от России громадного напряжения всех ее ресурсов. Конечным результатом войны было тяжелое военное поражение и расстройство экономики.

В марте 1562 г. царские воеводы произвели нападение на окрестности Орши и Могилева, а затем разорили Витебск. К лету вся русская армия была сосредоточена на литовской границе для наступления вглубь Литвы. Вторжение не состоялось из-за набега татар на Мценск.⁸⁹ Вскоре же в окрестностях Невеля произошло первое крупное полевое сражение. Имея под своей командой войско в 15 тыс. человек, Курбский атаковал 4-тысячный отряд литовцев, располагавший десятком полевых орудий. Битва имела неопределенный исход. «С обеих сторон потерноулися, — замечает летописец, — и языков наши взяли оу них».⁹⁰ Будучи ранен, Курбский отказался возобновить атаки на другой день битвы, за что будто бы заслужил упрек со стороны младшего воеводы кн. Ф. И. Троекурова.⁹¹ В Москве были недовольны исходом невельской битвы. «Како же убо под градом нашим Невелем, — писал царь Курбскому два года спустя, — пятюнадесять тысяч четьрех тысяч не могосте побити, и не токмо убо победите, но и сами от них язвлени едва возвратитесья».⁹²

В декабре 1562 г. русская армия была вновь собрана на литовской границе, на этот раз в Великих Луках. Главной целью наступления был избран Полоцк, крупнейшая пограничная литовская крепость, закрывавшая пути из Москвы на Вильно, столицу Литовского великого княжества.

Ввиду крайне преувеличенных представлений о численности дворянского ополчения России полезно привести точные данные разряда Полоцкого похода 1562—1563 гг. В походе участвовала преобладающая часть вооруженных сил тогдашней России: 18 105 дворян и детей боярских (в их свите служило до 20—30 тыс. вооруженных холопов), 7 219 стрельцов и казаков и, наконец, 6 222 служилых татарина. Общая численность ополчения составляла 31 546 человек, а вместе с вооруженными холопами — до 50—60 тыс. человек. Не менее многочисленными были вспомогательные силы армии, обеспечивавшие перевозку артиллерии и обозов.⁹³

5 января 1563 г. в Великие Луки прибыл Грозный. Через неделю многочисленная русская рать выступила к Полоцку. Даже в победных русских реляциях отмечено, что «путное шествие» к Полоцку было «нужным и тихим».⁹⁴ В самом деле, из-за отвратительного состояния дорог армия продвигалась вперед невероятно медленно. Чтобы преодолеть расстояние в 150—180 км, ей понадобилось более двух недель. Неширокая полоцкая дорога не могла вместить всей массы войск и обозов. Армия ежедневно застревала в лесных теснинах среди болот. Под конец полки утратили всякий порядок; пехота, конница и обозы перемешались между собой, и движение вовсе застопорилось. Порядок был восстановлен с большим трудом. Царь с приближенными самолично разъезжал по дороге и «разбирал» людей в заторах. Самым деятельным его помощником был расторопный обозный воевода князь Афанасий Иванович Вяземский. Этот незнатный дворянин тогда впервые обратил на себя внимание Ивана Грозного.

В первых числах февраля русская армия приступила к правильной осаде Полоцка. Воевода В. С. Серебряный придвинул пушки к стенам острога. В его распоряжении находился «весь наряд стенной» (стенобитные орудия) и «верхний» (мортиры), включая Кашпарову пушку, Павлин, Орел и т. д. Некоторые из осадных пушек стреляли ядрами весом до 20 пудов. Из всех больших пушек только две были переданы в полк И. В. Меньшому Шереметеву и одна, старая, — князю Ю. И. Кашину.

Польские и немецкие артиллеристы, бывшие в Полоцке, утверждали, что за всю свою жизнь ни в одном государстве они не видели таких больших орудий, какие были у царя. По их словам, в осаде участвовало 150 орудий, из них 36 метали зажигательные смеси. Самую большую стенобитную пушку тащили будто бы 1040 посошных людей.⁹⁵

Полоцкий гарнизон насчитывал около двух тысяч человек при 20 орудиях. В помощь Полоцку литовское правительство спешно направило гетмана Н. Радзивила с 3 400 солдатами. Радзивил остановился в 7 милях от города, но оказать помощь осажденным не решился.⁹⁶

Огнем тяжелой артиллерии воеводы разрушили укрепления полоцкого острога и вынудили литовцев отвести все свои силы в Верхний замок. Ночью 10 февраля полоцкий гарнизон предпринял вылазку и попытался захватить русские батареи. Однако боярин И. В. Большой Шереметев с передовым полком, отбив атаку, «втоптал» литовцев в замок. Во время перестрелки Шереметев был контужен и его место занял боярин князь Ю. И. Кашин.⁹⁷ 11 февраля князь В. С. Серебряный приступил к расстановке батарей внутри сожженного острога против главной крепостной башни Полоцка «Темные ворота».⁹⁸ В ночь на 13 февраля князь В. С. Серебряный приказал главному «нарядному воеводе» (начальнику артиллерии) князю М. П. Репнину подвергнуть крепость методическому обстрелу. Серебряный начал «бити по городу по всему не с одною места изо всего наряду и из верхних пушек из вогненных».⁹⁹ В течение двух суток русская артиллерия бомбардировала город днем и ночью, «без опочиванья»: «из наряду, во многих местех вкруз города стены пробии, и ворота выбии, и обламки з города позбии и людей из наряду побии, якоже ото многаго пушечного и пищального стреляния земле дрогати и в царевых... полках».¹⁰⁰

Согласно летописному рассказу, в ночь перед капитуляцией Полоцка царь послал к городу стрельцов, которые подожгли крепостную стену, после чего полочане сдались. Официозный летописный рассказ составлен был так, чтобы приписать победу царю. Решительное предпочтение следует отдать подлинным документальным записям Разрядного приказа, сделанным во время похода.

Решающую роль под стенами Полоцка, бесспорно, сыграла артиллерия. Это обстоятельство объясняет ничтожные потери русской армии: 4 сына боярских, 15 вооруженных слуг, 66 стрельцов.

Разрядные записи сохранили следующие сведения о падении Полоцка. На рассвете 15 февраля князь В. С. Серебряный известил царя, что пушечным огнем удалось поджечь крепостную стену у больших ворот и что замок горит во многих местах. В тот же час Серебряный донес, что полоцкие воеводы сдали городское знамя и заявили о капитуляции.¹⁰¹ Под утро литовцы покинули горящий город, сдавшись на милость победителя. Только польские роты, находившиеся в крепостной башне, продолжали отчаянное сопротивление. Поляки сложили оружие лишь после того, как воеводы именем царя пообещали им свободу.¹⁰²

На третьи сутки после капитуляции царь Иван торжественно въехал в Полоцк. Не желая ссориться с Польшей, он щедро одарил и отпустил на родину четырех пленных польских капитанов и 500 польских солдат.¹⁰³

Русские не тронули православное население Полоцка. Но все горожане литовского происхождения были уведены пленными в Россию. Самая жалкая участь постигла местных еврейских жителей. Благочестивый царь, отслужив молебен в честь победы над безбожными «люторами», велел истребить всех полоцких евреев. Как передает летописец, «которые были в городе (Полоцке. — Р. С.) жили люди жидове, и князь велики велел их и с семьями в воду в речнуюо въметати, и оутопил их».¹⁰⁴ В те же дни татары рубили головы монахам-бернардинцам.¹⁰⁵ В Литве первоначально отказывались верить сообщениям о таком невероятном варварстве.¹⁰⁶

Падение Полоцка было крупнейшим событием Ливонской войны. Русская армия заняла ключевую крепость на Западной Двине, в устье которой находился крупнейший ливонский порт Рига. Успешное наступление в Литве царь намерен был использовать, чтобы продиктовать литовцам условия мира и добиться от них уступок в Ливонии. На первых порах расчеты Грозного как будто бы начали оправдываться. 21 февраля в царский лагерь под Полоцком прибыли литовские послы с предложением о мире. Войска были утомлены осадой, и царь поспешил заключить перемирие, продолжавшееся в течение почти целого года. В марте дворянское ополчение вернулось из Полоцка в Луки, откуда было распущено по домам.¹⁰⁷ Во вновь завоеванной крепости оставлены были воеводами князь П. И. Шуйский, герой полоцкой осады князь В. С. Серебряный и родня Басманова З. И. Плещеев.

Победоносный поход на Полоцк упрочил престиж и влияние правительства Грозного, которое тотчас после завершения похода стало готовить новые репрессии против недовольных бояр.¹⁰⁸

* * *

С началом русско-литовской войны власти все чаще подвергали преследованиям членов боярской оппозиции и дворянской фронды. В дни осады Тарваста в 1561 г. литовский гетман Радзивил обратился к тарвастским воеводам кн. Т. А. Кропоткину, кн. М. Путятину и Г. Трусову с предложением изменить «окрутному и несправедливому государю» Ивану и перейти на королевскую службу, «з неволи до вольности»: «Да которые вас самих, жены и дети ваши Иван Васильевич, бездушный государь ваш, великий князь московский, — писал

он, — прислушает безо всякого милосердия и права, а з неизбежною опалою своею горла ваша берет и брати завжды, коли похочет, может». ¹⁰⁹ Царь заподозрил, что его воеводы сдали Тарваст вследствие увещаний гетмана, и по возвращении их из литовского плена велел расследовать их прошлое и родственные связи. В царском архиве хранилось «дело Тарваское про тарваское взятие, как приходил под Тарвас троетцкой воевода, и сыск детей боярских родства, которые были в Тарвасе во взятие». ¹¹⁰ После розыска опальные воеводы были засажены в тюрьму, их вотчины и поместья конфискованы. ¹¹¹ Князь Кропоткин и его друзья сидели в тюрьме около года. Во время похода на Полоцк царь «пожаловал» их и велел освободить, «вымать» из тюрьмы. ¹¹²

Государев двор издавна выполнял функции обеспечения безопасности царя и его семьи. Множившиеся государевы опалы свидетельствовали, что Иван IV все больше утрачивал доверие к членам «двора». В дни остановки в Можайске летом 1562 г. он велел заточить в тюрьму князя И. Ф. Гвоздева-Ростовского, служившего рындой (оруженосцем) «у большого копя». ¹¹³ В Невеле, где царь оставался два дня (19—20 января 1563 г.), он, по сообщению участника похода А. Курбского, собственноручно казнил князя И. Шаховского-Ярославского. ¹¹⁴

В дни полоцкого похода имелись случаи измены знатных дворян. В то время как русская армия осаждала Полоцк, на сторону литовцев перебежали служилый князь Александр Кудадек Черкасский и голова князь Гаврила Черкасский. Сын западочеркасского князя Сибока князь Александр провел на Руси семь лет, воспитывался при дворе Грозного. Во время полоцкого похода княжич исполнял службу второго оруженосца у большого копя. ¹¹⁵

В апреле 1563 г. царь наказал своему послу в Крыму выяснить причины отъезда черкасских князей и добиться их возвращения на Русь. Царский наказ гласил: «И что Олешкино (А. С. Черкасского. — Р. С.) царю... и всей Руской земли измена, о том ему о всем проводывати про Олешку и про князя Гаврила Черкасского подлинно». ¹¹⁶

Особую тревогу Ивана вызвало дело о заговоре стародубских воевод. В начале марта 1563 г. к царю в Великие Луки была привезена вестовая отписка от смоленского воеводы М. Я. Морозова, бывшего члена Избранной рады. Отписка, сохранившаяся в книгах Разрядного приказа, лишена тенденциозности, неизбежной при летописной обработке. «Прислал к ним, — писали смоленские воеводы, — казачей атаман Олексей Тухачевский литвина Курняка Созонова, а взяли его за пяти верст от Мстиславля, и Курьянко сказал: король в Польше, а Зиновьевич (литовский воевода. — Р. С.) пошел к Стародубу в чистой понедельник (21 февраля 1563 г. — Р. С.) и с ним литовские люди из Мстиславля, из Могилева, из Пропойска, из Кричева, из Радомля, из Чечерска, из Гоим, а пошел по ссылке стародубского наместника — хотят город сдати». ¹¹⁷

По Разрядам, в Стародубе служили наместник князь В. С. Фуников-Белозерский и воевода «для осадного времени» И. Ф. Шишкин. Член Государева двора В. С. Фуников-Белозерский имел двадцатилетний послужной список. Он был воеводой в Василеве (в 1549 г.), городничим в Казани (в 1553 г.), воеводой в Чебоксарах и пр. ¹¹⁸ Родня Адашева И. Ф. Шишкин был единственным из Ольговых, дослужившимся до воеводского чина. По родству с Адашевым Шишкин попал в тысячу лучших слуг как сын боярский низшей статьи из Галича. В дни казанской войны ездил в качестве гонца от Ф. Г. Адашева из Свяжска в Москву. В 1553 г. царь доверил Шишкину совсем особое поручение. Его послали на север для поисков серебряных руд. «Прислал царь князь великий, — рассказывает холмогорский летописец — Ивана Федоровича Шишкина на Двину, а здесь людей взяли итти на Цилму руду копати; он же шед и руду копал и недоброе бысть». ¹¹⁹ В 1560 г. Шишкин служил вторым воеводой в небольшом Апсельском городке. ¹²⁰ После многолетней службы он составил себе немалое состояние. По словам Курбского, «сродник Алексеев» был «муж воистинну праведный и зело разумный, в роде (Ольговых. — Р. С.) благороден и богат». ¹²¹

Служба в Стародубе завершилась крушением карьеры Шишкина. Царь поверил наговорам на стародубских воевод и «наспех» на подводах послал в Стародуб Д. Г. Плещеева, родню Басманова, а вдогонку ему С. А. Аксакова и еще нескольких дворян. Плещеев был назначен в Стародуб «воеводой на вылазке», остальные дворянами — воеводами «для осадного времени».¹²² Заподозренные в измене воеводы Шишкин и Фуников были арестованы и под конвоем отправлены в Москву. Началось расследование, которое привело к аресту почти всех родственников бывшего главы правительства А. Адашева. Под стражу были взяты окольный Д. Ф. Адашев, его тесть П. Туров, воевода А. П. Сатин, шурина А. Ф. Адашева.¹²³

Суд над стародубскими изменниками наэлектризовал политическую атмосферу до крайних пределов и вызвал первую крупную вспышку террора.

В дни, когда был раскрыт стародубский «заговор», боярин князь Курбский получил назначение на воеводство в Юрьев, что означало для него почетную ссылку. Прежде чем отправиться в Юрьев, Курбский заехал за семьей в Москву. Там он виделся со своим приятелем П. И. Туровым, вскоре арестованным по делу о стародубской измене.¹²⁴ Туров рассказал боярину о своих мрачных предчувствиях — «исповедал» «видение божественное дивное... проповедающее (ему. — Р. С.) смерть мученическую...».¹²⁵ Через месяц «видение» сбылось: родственник Адашева сложил голову на плахе. Туров погиб примерно в одно время с И. Ф. Шишкиным. Тогда же казни подверглись брат А. Ф. Адашева — окольный Д. Ф. Адашев с сыном Тархом, Алексей и Андрей Сатины с семьями. В синодике Сатиных записаны «убиенные» Алексей, Варвара, Андрей, Иван, Неронтий, Макарий и Ферапонт.¹²⁶ Курбский приводит довольно сбивчивую хронологию репрессий против Адашевых. По его словам, Д. Ф. Адашев и Туров погибли «по летех двух, або трех» после казни Шишкина, т. е. самое раннее весной 1565 г. или даже в 1566 г. В то же время он сообщает, что виделся с Туровым за месяц до казни последнего. Это могло произойти лишь весной 1563 г., когда Курбский в последний раз побывал в Москве. Затем он уехал в Юрьев, откуда бежал в Литву. Не следует ли слова Курбского истолковать так, что казни начались через два-три года после отставки Адашева и «великих гонений» 1560 г.?¹²⁷

Розыск о стародубском заговоре положил начало длительной цепи репрессий против родни А. Ф. Адашева и приверженцев Сильвестра.

Многие сторонники павшего правительства понимали роковое значение «стародубского дела» и старались помешать готовившейся расправе с адашевскими родственниками. К числу лиц, пытавшихся заступиться за «изменников», принадлежал, по-видимому, боярин князь А. М. Курбский. Однако его хлопоты не достигли цели. Царь, переставший доверять Курбскому, поспешил отослать его из Полоцка на воеводство в Юрьев Ливонский. Царь Иван не раз заявлял, что рассматривает ссылку Курбского как наказание за согласие его с изменниками. «Зла же и гонения безлепа от мене не приял еси, — писал Иван боярину, — и бед и напастей на тебе не подвигли есми; а кое и наказание малое бывало на тебе ино то за твое преступление, понеже согласился еси с нашими изменники».¹²⁸

Курбский должен был явиться в Юрьев к Вербному воскресению, т. е. к 3 апреля 1563 г. Вместе с ним на юрьевское воеводство был назначен его зять князь М. Ф. Прозоровский, а также князь А. Д. Дашков, М. А. Карпов и Г. П. Сабуров. Им подчинено было 465 детей боярских.¹²⁹ По пути к месту назначения Курбский заезжал в Псково-Печорский монастырь, где долго беседовал со старцем Васьяном и игуменом Корнилием. Весной 1563 г. опальный юрьевский воевода обратился к Васьяну с посланием, в котором испрашивал у старца помощи и заступничества.¹³⁰ «И многжды много вам челом бью, — писал он, — помолитесь о мне окаянном, понеже паки напасти и беды от Вавилона на нас кипети многи начинают».¹³¹ Упоминание о Вавилоне имело аллегорическое значение. В повести о Вавилонском царстве, получившей распространение на

Руси в конце XV — XVI в., обосновывалась идея преемственности императорской власти в Византии от повелителя Вавилона.¹³² Под напастями и бедами «от Вавилона» Курбский подразумевал гонения со стороны Ивана.

Едва закончился розыск об измене в Стародубе, возникло изменное дело Старицких князей.

Приход к власти Захарьиных оживил их давнее соперничество со Старицкими. Князь Владимир Андреевич в качестве «царского брата» занимал самую высокую ступень придворной иерархии. На протяжении всего времени правления Избранной рады Разряды неизменно выделяли его как второе (после царя) лицо в государстве. С отставкой Адашева положение изменилось. Захарьины лишь ждали повода, чтобы скомпрометировать своих заклятых врагов. Суд над главой Боярской думы И. Д. Бельским дал властям первый повод к подозрениям в отношении Владимира Андреевича: царского брата заподозрили в причастности к измене. Во всяком случае, власти включили в поручную грамоту Бельского пункт, воспрещавший ему какие бы то ни было сношения с думой Старицкого удельного княжества.

В дни Полоцкого похода 1562 г. произошли события, усилившие недоверие властей к удельному князю. В дни похода на сторону литовцев перешел знатный дворянин Б. Н. Хлызнев-Колычев. Изменник «побеже ис полков воеводских з дороги в Полтеск и сказа полочаном царев и великого князя ход к Полотцску с великим воинством и многим нарядом».¹³³ Перебежчик выдал важные сведения о планах русского командования, которые немедленно же были переданы полоцкими воеводами литовскому правительству.¹³⁴

Семья Хлызневых издавна служила при дворе Старицких князей, вследствие чего ее члены не значатся в списках царского двора 50-х гг. Старший из рода Хлызневых-Колычевых И. Б. Колычев начал службу в уделе при князе А. И. Старицком в 30-х гг. Он ходил с изголовьем на свадьбе князя Андрея в 1533 г., деятельно участвовал в «мятеже» 1537 г. Князь А. И. Старицкий поручил Колычеву командовать арьергардом своей армии («задними сторожами»), и тот был до конца верен своему сюзеру. Позднее Колычев столь же верно служил князю В. А. Старицкому. В июле 1558 г. он командовал всеми удельными войсками в войне с татарами. Незадолго до 1562 г. И. Б. Колычев был «отведен» из удела и определен на службу в Государев двор. В Полоцком походе он служил в головах в царском стане и носил чин спальника. Его сын Б. И. Колычев служил есаулом и имел чин стольника.¹³⁵

Родной племянник И. Б. Колычева Б. Н. Хлызнев не числился в царских Разрядах и дворовых списках, из чего следует, что он, скорее всего, оставался на службе в удельном княжестве. Измена Б. Н. Хлызнева бросила тень на князя Владимира Андреевича, и царь, по-видимому, решил учредить надзор за семьей брата. Сразу после падения Полоцка в Старицу к Ефросинье Старицкой выехал с «речами» Ф. А. Басманов-Плещеев, новый фаворит царя, пользовавшийся его исключительным доверием. Когда 3 марта 1563 г. князь Владимир выехал из Лук в Старицу, его сопровождал царский пристав И. И. Очин, родня Басмановых.¹³⁶ Внешне еще ничто не омрачало отношений между Грозным и его братом. В марте 1563 г. Грозный по пути в Москву остановился в Старице и «жаловал» Старицких, «у них пировал». Затем в конце мая он уехал в Александровскую слободу и пробыл там почти два месяца.¹³⁷

Вскоре же власти получили донос, положивший начало розыску об измене царского брата. Доносчик Савлук Иванов служил дьяком у Старицких и за какие-то провинности был посажен ими в тюрьму.¹³⁸

Оттуда Савлук ухитрился переслать царю «память», в которой сообщал, будто Старицкие чинят государю «многие неправды» и держат его, дьяка, «скована в тюрьме», боясь разоблачения. Иван велел немедленно же освободить Савлука из удельной тюрьмы. Доставленный в Александровскую слободу, дьяк сказал на Старицких какие-то «неисправления и неправды». «По его слову, —

сообщает летопись, — многие о том сыски были и те их неисправления сысканы». ¹³⁹ Розыск об измене Старицких тянулся все лето. С начала июня и до 17 июля царь безвыездно находился в Александровской слободе. Иностранным послам в Москве объявили, будто государь с боярами уехал в село «на потеху». В действительности царь был занят совсем не шуточными делами. В связи с начавшимся розыском в Слободу прибыли митрополит и руководство Боярской думы — бояре князя И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский, И. И. Пронский, а также боярин Д. Р. Юрьев, дьяк А. Щелкалов. ¹⁴⁰ Наконец следствие вступило в решающую фазу. 20 июля Иван IV вернулся в Москву и в тот же самый день затребовал во дворец материалы суда над князем С. Ростовским десятилетней давности. ¹⁴¹ Ростовского судили в 1554 г. члены Избранной рады Алексей Адашев, Курлятев и др. Поэтому никто не мог заподозрить подготовленные ими материалы в фальсификации. Чтобы подвергнуть наказанию брата, царю надо было представить его главой давнего заговора, в котором участвовали дума и Государев двор. Затребованные из архива судные документы заключали в себе весь необходимый для этого материал. Имена из судных документов Иван IV заимствовал, по-видимому, выборочно, стремясь скомпрометировать прежде всего Ефросинью Хованскую-Патрикееву и ее родню. Кроме Щенятева и Куракиных, автор приписки намеревался внести в список изменников также Голицыных, но, написав две начальные буквы («Куракины родом и Го»), отказался от своего намерения. Ко времени суда 1563 г. старых Голицыных уже не было в живых, и это сказалось на летописной работе.

Согласно летописным припискам, вместе с Патрикеевыми в заговоре участвовали князья Оболенские (по слухам, Д. И. Курлятев, а также Д. И. Немой и П. Серебряный) и князь И. И. Пронский, один из старших бояр думы, и другие люди. Ко времени составления летописи Курлятев выбыл из думы и находился в монастыре. Но едва начался суд над Старицкими, ему сменили место ссылки и подвергли заточению.

В 1563 г. Старицкие имели ту же родню и приверженцев, что и в 1553 г. Некоторые перемены вызваны были вторым браком князя Владимира. Удельный князь женился на княжне Одоевской, двоюродной сестре князя Андрея Курбского-Ярославского. По утверждению царя, Курбский решительно поддержал в 1563 г. планы возведения на трон князя Владимира.

В 1553 г. дело ограничилось неосторожными разговорами, замыслы заговорщиков стали известны царю с запозданием, и он счел возможным простить брата. Десять лет спустя участникам заговора предъявили более серьезные обвинения, и дело кончилось опалой Старицких. В 1553 г. царь лежал при смерти и крамольных бояр невозможно было обвинить в покушении на его жизнь. В 1563 г. власти приписали заговорщикам планы убийства царя и двух его сыновей. В 1577 г. Иван обратился к Курбскому с вопросом: «А князя Володимера на царство чего для хотели посадити, а меня и з детьми известь?» ¹⁴²

Оспаривая права удельного князя на корону, Иван IV писал: «А князю Володимеру почему было быти на государстве? От четвертово удельново родил ся. Что его достоинство к государству, которое его поколенье, развее вашии измены к нему да его дурости?»

На многие обвинения царя беглый боярин не пожелал ответить. Но упреки насчет заговора вызвали его на объяснение. Иван, сетовал Курбский, «сестру мою насилем от мене взял еси за того то брата... в тот ваш издавна кровопивственный род». Заканчивал князь словами, что никогда не мыслил о передаче трона своему родственнику, «понеже и не достоин (князь Владимир. — Р. С.) был того». ¹⁴³

Боярская дума участвовала в рассмотрении дела Старицких, но не в его решении. Царь не желал делать бояр судьями в своем споре с братом. Участь удельной семьи предстояло решить духовенству. Митрополит Макарий, архиепископы, епископы и прочие члены священного собора собрались в Кремле, где

власти ознакомили их с итогами розыска. «И перед отцем своим и богомолцом Макарием митрополитом и перед владыками и перед освещенным собором, — значится в летописи, — царь и великий князь княгине Ефросиние и ко князю Владимиру неисправление их и неправды им известил и для отца своего Макария митрополита и архиепископов и епископов гнев свой им отдал».¹⁴⁴ Официальная летопись представляла дело не вполне точно. Духовенство действительно просило царя за опальных, но государь внял совету митрополита не сразу. Княгиня Ефросинья и ее сын подверглись опале.

Обвинив брата в измене, Грозный велел взять его под стражу и отправил в ссылку в Старицу. Среди документов 1563 г. в царском архиве хранилась «святка, а в ней писана была ссылка князя Володимера Ондреевича в Старицу...».¹⁴⁵ Опала и ссылка Владимира сопровождалась конфискацией его удельного княжества. Иван считал душой заговора не своего недалекого брата, а его мать. Ее постигло суровое наказание. Ефросинью доставили из Старицы на подворье Кирилло-Белозерского монастыря, и 5 августа 1563 г. игумен Васьян постриг ее в монашеский чин. Официальная версия гласила, будто тетка царя, уздав свои вины, сама отпросилась в монастырь. Но эта версия едва ли соответствует обстоятельствам дела. Ефросинья была полна сил, ее обуревали честолюбивые замыслы, и по своей воле она никогда бы не покинула мир. В монашестве Ефросинья приняла имя старицы Евдокии. Эта ссылка имела в глазах царя столь важное значение, что он поручил сопровождать Евдокию на Белоозеро члену регентского совета ближнему боярину Ф. И. Умному-Колычеву. Местом заточения удельной княгини стал Воскресенский Горицкий монастырь. «Для бережения» (надзора) к старице был приставлен М. И. Колычев, двоюродный брат Умного. В царском архиве в ящике 214 подле дела об отпуске на Белоозеро «княж Ондреевы Ивановича княгини во иноцех Евдокие» хранился особый документ — «отписка, как государь со старицы Евдокеи и сына ее со князя Володимера Ондреевича с сердца сложил».¹⁴⁶ Данные подлинной архивной описи не оставляют сомнения в том, что сначала Ефросинья подверглась принудительному пострижению и была отправлена к месту заточения, и лишь после этого государь специальной грамотой объявил о прощении опальной семьи. Старицкие вышли из опалы не ранее сентября-октября 1563 г. Характерно, что 15 сентября 1563 г. царь пожертвовал деньги в Симонов монастырь и велел молиться за здоровье иноки Евдокии.¹⁴⁷ В октябре 1563 г. Иван в знак окончательного примирения с братом ездил в Старицу, пировал там и «прохлаждался» в удельно-дворцовых селах.¹⁴⁸

Пока князь Владимир пребывал в опале, власти осуществили далеко идущие санкции. После династического кризиса 1553 г. Старицким запретили вызывать в столицу удельных бояр и «двор». В 1563 г. в связи с возвращением удела Владимиру его «двор» подвергся самой основательной чистке. Власти позаботились о роспуске удельной Боярской думы.

«У князя Володимера Ондреевича, — сообщает летописец, — повеле государь быти своим бояром и дьяком и стольником и всяким приказным людем; вотчиною же своею повеле ему владети по прежнему обычаю. Бояр же его и дьяков и детей боярских, которые при нем блиско жили, взял государь в свое имя».¹⁴⁹ Первым делом царь удалил из старицкого правительства двоюродных племянников Ефросиньи: старицкого дворецкого князя А. П. Хованского и конюшану князя Б. П. Хованского.¹⁵⁰ К весне 1564 г. братья Хованские были отозваны из удела. Князь П. Д. Пронский был определен царем на удельную службу за три-четыре года до суда. Старицкие пожаловали ему боярский титул. Розыск 1563 г. положил конец карьере Пронского. Грозный отозвал его из удела. Бывшие члены удельной думы были разосланы на службу в пограничные крепости.¹⁵¹

Царь не спешил с формированием новой удельной думы. Еще 13 марта 1565 г. боярин А. И. Ногтев-Суздальский служил на воеводстве в царской крепости

Полоцке. Через некоторое время его перевели в Старицу. Царь сделал Ногтева главой удельного правительства, учитывая давнюю вражду между Старицкими и Суздальскими князьями.¹⁵²

Должность дворецкого в удельном княжестве занял дворянин С. А. Аксаков. За несколько лет до назначения он служил приставом у ногайских послов и пытался местничать со своим начальником Ф. А. Бутурлиным. Тогда Разряд прислал недельщика с наказом: если Семен Аксаков будет «дуровать» и откажется взять списки подчиненных ему детей боярских, тогда Семена «бить по шокам, да положить (ему. — *Р. С.*) списки за пазуху».¹⁵³ Таково было дородство и ранг нового старицкого дворецкого. Царь вполне доверял своему дворянину: после раскрытия стародубского заговора он спешно послал в Стародуб С. А. Аксакова. Последний оставался там воеводой до 13 марта 1565 г.¹⁵⁴ Приставив к князю Владимиру верных людей, правительство Грозного учредило своего рода опеку над удельным князем, взяв под контроль всю жизнь Старицкого удельного княжества.

Суд над Владимиром дал повод правительству перекроить границы удельного княжества. Давние соперники Старицких Захарыны торжествовали победу. После конфискации удела они приглядели самые ценные из удельных сел и добились их передачи Дворцовому приказу, который они возглавляли. 23 ноября 1563 г. князь Владимир лишился городка Вышгорода и удельных дворцовых волостей Алешни и Петровской в Можайском уезде, а взамен получил земли в восточных уездах — городок Романов с селами.¹⁵⁵ В знак окончательного примирения Иван IV позволил старице Евдокии устроить у себя служебников и «всякие обиходы» по ее изволению. В нарушение монашеского устава старица завела в обители придворный штат, включавший 12 ближних боярынь и слуг. Царский синодик опальных позволяет установить их имена. В штат удельной монахини входили дети боярские И. Ельчин, П. Качалкин, Ф. Е. Неклюдов, ближние боярыни Марфа Жулебина (родня Чеботовых и Федорова-Челядни-на), Акулина Палицына (из новгородских дворянок). Вассалы Ефросиньи получили в окрестностях монастыря земли от 4500 до 6000 четвертей пашни в трех полях.¹⁵⁶

Примирение между царем и его удельной родней на время приостановило развитие политического кризиса в стране.

* * *

Овладение Полоцком стало моментом высшего успеха России в Ливонской войне, а затем начался спад, ознаменовавшийся военными неудачами и бесплодными переговорами.

Военные действия на западных границах отвлекли внимание Москвы от восточных дел, что неизбежно ослабило ее позиции в Сибири и на Северном Кавказе. В Сибирском ханстве после убийства царского вассала хана Едигера утвердился хан Кучум, разорвавший даннические отношения с Русью. Русское влияние в Сибири пало.¹⁵⁷ На Северном Кавказе царский вассал князь Темгрюк покинул Кабарду и бежал от своих врагов в Астрахань. В помощь ему царь вынужден был направить крупные силы. В декабре 1562 г. воевода Г. С. Плещеев с тысячей стрельцов и казаков вторгся в Кабарду и разгромил противников князя Темгрюка. В октябре 1563 г. Плещеев вернулся в Москву.¹⁵⁸ Влияние России было сравнительно легко восстановлено в Кабарде, зато в Адыгее окончательно победила прокрымская ориентация. Жанский князь Сибок, бывший царский вассал, перешел в 1562 г. под покровительство Крыма и просил хана прислать на государство одного из крымских «царевичей». Проект образования в Западной Черкесии русского вассального княжества рухнул.

Московская дипломатия, державшая отныне курс на большую войну с Литвой и Польшей, понимала, что Россия не сможет воевать одновременно против крымцев и литовцев. Поэтому тотчас по занятии Полоцка Москва и московские

послы заявили хану, что Россия готова возобновить мир с Крымом на условиях, предусмотренных договором 1539 г. Послы сулили хану богатые «поминки» в случае заключения тесного союза, «братства и любви» между обеими странами. Получив из Крыма согласие на заключение мира, Москва в сентябре 1563 г. снарядила в путь посла Ф. И. Салтыкова, который должен был отвезти в Крым «поминки» и подписать союзный договор.¹⁵⁹

Между тем военный конфликт в Ливонии стремительно разрастался. Территория Ливонии стала ареной ожесточенной борьбы между Швецией, с одной стороны, Данией и Литвой — с другой.¹⁶⁰ Русское правительство еще в марте 1563 г. признало занятие шведами Ревеля и Пернова, но категорически отказалось санкционировать захват ими Пайды, стоявшей на границе с русскими владениями.¹⁶¹ Раздраженный шведскими притязаниями, царь Иван в июле 1563 г. сделал королю Эрику XIV грубый выговор, «а писал х королю... многие бранные и подсмеятельные слова на укоризну его безумию». Эрик XIV в самом деле был подвержен приступам безумия. Зная о том, что трон короля непрочен, Иван IV обращался с ним на редкость высокомерно. Он отказывал ему в праве на личные сношения с «великим московским государем» и предлагал связаться через наместника Новгорода. «Когда его царская величество, — писал Грозный, — будет с своего царства двором витати в Свейских островах, тогда его (Эрика XIV. — *Р. С.*) королево повеление крепко будет, а что с царского величества королю мир и соседство имети, а не с царского величества (новгородскими. — *Р. С.*) наместники, и то так от меры отстоит, якоже небо от земли».¹⁶²

Бранное письмо царя могло серьезно осложнить русско-шведские отношения, но шведский король находился в столь трудном положении, что безропотно снес все оскорбления. Несколько позже царь Иван, будучи недоболен действиями датчан, написал грубое письмо к королю Дании, которое датский посол не решился передать по назначению.

Прибыв в Нарву, посол З. Феллинг, взявшийся доставить царское послание в Стокгольм, вскрыл свиток. Грамота, по свидетельству шведского дипломата, оказалась «грубым, нескладным, варварским, излишним писанием, неудалым ответом на верительную грамоту» датского посла.¹⁶³

Письма Грозного к шведскому и датскому королям были своего рода вехой в истории тогдашней московской дипломатии. Они показывали, что после Полоцкого похода влияние тридцатитрехлетнего царя Ивана на дела дипломатического ведомства усилилось. Определяя внешнюю политику России, Иван все больше руководствовался собственным нетерпением и высокомерием, нежели трезвым расчетом.

При заключении перемирия под Полоцком литовцы обязались незамедлительно прислать в Москву послов, но обещания не выполнили. Иван в ультимативной форме требовал ускорить начало мирных переговоров, угрожая новым вторжением.¹⁶⁴ После ряда проволочек литовские послы прибыли в Москву в начале декабря 1563 г. Переговоры, продолжавшиеся до начала января 1564 г., окончились неудачей. Стороны не могли прийти к соглашению ни по вопросу о Ливонии, ни по вопросу о границах в районе Полоцка. Послы решительно отклонили требование Грозного об уступке России Ливонии до Двины, а также Полоцка.¹⁶⁵ В начале января 1564 г. литовцы выехали на родину; следом за ними в Литву двинулась многочисленная царская рать.

Русское командование сосредоточило на литовской границе две сильные армии: одну в Полоцке под командованием воевод князей П. И. Шуйского и С. В. Яковлева, другую в Смоленске под командованием воевод князей В. С. и П. С. Серебряных. Будучи в Москве в январе 1564 г., литовские послы получили информацию о том, что русские собрали в Полоцке до 14 тыс. ратников и в помощь им послан 8-тысячный отряд татар. В действительности вспомогательное татарское войско было направлено не в Полоцк, а в Смоленск. Командующий

литовской армией гетман Н. Радзивил в реляции о битве с войском Шуйского отметил, что русских было около 17 или 18 тыс., хотя пленные и утверждали, будто с воеводой было 20 тыс. человек.¹⁶⁶

В Полоцке сосредоточились главные силы, ядром которых были новгородская «кованная рать», дети боярские из Пскова и Торопца. Под командованием воевод находилось до сотни орудий.¹⁶⁷

По царскому наказу, полоцкая армия должна была соединиться со смоленской на неприятельской территории в 5 верстах от Орши, а затем наступать на Минск. В наказе были точно обозначены не только время соединения обеих армий, но и пункты остановок армий на марше.¹⁶⁸

Литовцы были осведомлены о московских планах и решили разгромить русские армии порознь, не допустив их соединения. Почти все наличные силы, 8 тыс. человек с артиллерией, Литва направила против полоцкой армии.

Поздним вечером 26 января 1564 г. в окрестностях Улы произошло сражение, в котором армия Шуйского потерпела поражение. Царские воеводы вынуждены были принять бой в чрезвычайно невыгодных для себя условиях. Полоцкая армия вышла к Уле после утомительного трехдневного перехода. Двигаясь по неширокой лесной дороге, многотысячное войско растянулось на пространстве не менее трех-пяти километров. В то время как авангарды выходили к Уле, основные силы и обозы с оружием оставались далеко позади. Бой начался в сумерках, «к ночи» и закончился уже при свете луны.¹⁶⁹ Русские воеводы не могли правильно определить численность противника, да к тому же никак не ожидали встретиться со всей литовской армией.

Гетман Радзивил выражал удивление по поводу медлительности царских воевод, позволивших литовцам беспрепятственно выйти из леса на равнину и выстроиться в боевые порядки.¹⁷⁰ О том же самом пишет другой литовский автор: «Русские, восплавав варварской гордостью и презрев малочисленность наших, отступили назад и дали им (литовцам. — *Р. С.*) место и время построиться около знамени и приготовиться к битве».¹⁷¹

Медлительность московских воевод объяснялась, конечно же, не высокомерием, а тем, что их застигли врасплох. Согласно московской летописи, Радзивил обрушился на воевод «безвестно» (внезапно), «царевы же и великого князя воеводы не токмо доспехи на себя положить, но и полки стати не успели, занеже пришли места тесные и лесные. Литовские же люди пришли исполчяся вскоре и передних людей погромили...».¹⁷²

Главные силы русской армии, по-видимому, не успели к месту боя. Весь удар литовцев принял на себя передовой полк. Бой длился не менее двух часов. По словам Н. Радзивила, его атакующая пехота встретила отчаянное сопротивление русских. Те и другие отступали попеременно. Наконец, гетману удалось опрокинуть передовой полк, после чего главный воевода И. П. Шуйский бежал с поля боя. Литовцы преследовали русских на пространстве в 5 миль, пока не добрались до их обозов. Как засвидетельствовал Н. Радзивил, его люди захватили более 5000 повозок со множеством доспехов, панцирей и «разных воинских орудий». Гетман считал, что в обозах полоцкой армии находилось оружие, предназначенное для смоленской армии. Но такое объяснение неправдоподобно. Невозможно представить, чтобы смоленская армия могла вторгнуться в Литву невооруженной. Литовцы захватили в царских обозах много оружия по той причине, что русские так и не успели приготовиться к битве. По литовским данным, русская армия потеряла до половины своего состава — много тысяч людей. Из московской летописи следует, что в битве под Улой было убито и взято в плен не более 150 дворян и детей боярских.¹⁷³ Псковские дворяне, участвовавшие в битве, подтвердили московские сведения. Как записал псковский летописец, в битве под Улой «детей боярских побили не много, а иные все разбежались: прилучилось к ночи».¹⁷⁴ В вестовых отписках из Вильны от 11 февраля 1564 г. упомянуто о пленении 12 детей боярских и несколь-

ких десятков боярских слуг.¹⁷⁵ Среди русских источников лишь Пискаревский летописец начала XVII в. утверждал, что в итоге поражения под Улой литовцев попало не менее 700 дворян и детей боярских «имянных».¹⁷⁶ Названная цифра скорее всего характеризовала все потери русской армии, включая стрельцов, казаков, боярских холопов и др. Победа литовцев была весьма внушительной. В итоге битвы погиб главнокомандующий полоцкой армии, считавшийся одним из лучших московских воевод. «Князя Петра Шуйского, — записал летописец, — збили с коня, и он з дела (с поля боя. — *Р. С.*) пеш утек, и пришел в литовскую деревню, и тут мужики, его ограбя, и в воду посадили».¹⁷⁷ Потери в командном составе подтверждают, что в битве с литовцами участвовали силы передового и частично большого полка. В плен к литовцам попали воевода передового полка З. И. Очин-Плещеев, третий воевода большого полка князь И. П. Охлябинин и др.

Литовская армия потеряла убитыми не более 20 человек, но число раненых в ней достигло 600 — 700 воинов.¹⁷⁸ На другой день после битвы гетман Радзивилл сообщил в Варшаву, что намерен через три дня идти к Орше.¹⁷⁹

Между тем смоленская армия вторглась в пределы Литвы и razорила окрестности Орши, Могилева и Мстиславля. Узнав о поражении Шуйского, воеводы поспешно отступили в Смоленск.

Спустя полгода после поражения под Улой русские пытались возобновить наступление против Литвы. Воевода князь Ю. И. Токмаков подступил к стенам Орши. Многие историки разделяют мнение, что под Оршей русские потерпели такое же поражение, как и под Улой.¹⁸⁰ Но это не совсем так. Токмаков уже четыре дня осаждал Озерища, когда на помощь осажденным прибыл 2-тысячный литовский отряд. Воевода атаковал литовцев и потеснил их авангард. Но когда в бой вступил весь литовский отряд, ему пришлось спешно отступать в Невель. В русских летописях весь эпизод передан в очень деликатной форме: «и как пришли (литовцы. — *Р. С.*) всеми людьми на него, и князь Юрий (Токмаков. — *Р. С.*) языков побил и со всеми людьми пришел на Невель здорово».¹⁸¹

Поражение России произвело сильное впечатление на ее союзников и противников. Оно свело на нет все усилия русской дипломатии в Крыму. Получив известие о военных неудачах Москвы, крымский хан не утвердил союзный договор с Россией, предварительный заключенный им с царским послом.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 328—329.

² Альшиц. Новый документ. С. 54, 57, 61; Разряды. Л. 388 об.; Послание Таубе и Крузе. С. 54.

³ СГГД. Ч. 1. № 174. С. 474.

⁴ Зимин. Опричнина. С. 88. Примеч. 3.

⁵ Ф. И. Умной в 1562 г. привел к присяге бояр, поручившихся за опального главу Боярской думы кн. И. Д. Бельского. В следующем году он отвез опальную тетку царя Старицкую в заточение на Белоозеро. В том же году он участвовал в ответственных переговорах с литовскими посланцами (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 368; Сб. РИО. Т. 71. С. 121 и др.). В посольских книгах 60-х гг. утрачено начало наказа боярам, ведшим переговоры с литовцами. В тексте наказа упомянуты имена Василия (Юрьева), Алексея (Басманова), Федора Ивановича (Умного), Ивана (Висковатого), Андрея (Васильева) и Андрея Яковлева (Щелкалова) (Сб. РИО. Т. 71. С. 198—202, 208 и др.).

⁶ Разряды. Л. 260 об.; ТКДТ. С. 123; Витебская старина. С. 38; см. также: Кобрин. Состав опричного двора. С. 75—76.

⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 523.

⁸ См.: ТКДТ. С. 114.

⁹ Веселовский С. Б. Последние уделы Северо-Восточной Руси//ИЗ. 1947. Т. 22. С. 101—102.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 329.

¹¹ Разряды. Л. 279—279 об. Интересно, что в походе на Полоцк в 1562—1563 гг. участвовали 205 городовых и 40 дворовых детей боярских из Углича (см.: Витебская старина. С. 34).

¹² ДДГ. С. 440—441; ПСРЛ. Т. 13. С. 329.

¹³ ПСРЛ. Т. 13. С. 341.

¹⁴ Разряды. Л. 288 об.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 33, 93, 234, 245, 267—274.

¹⁶ СГГД. Ч. 1. № 175—179, 181.

¹⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 74. В октябре 1562 г. литовцы обратились с грамотой к кн. И. Д. Бельскому. Д. Р. Юрьеву и «ишим бояром — ближней раде». Спустя месяц литовский гонец был принят его царского величества ближней думой князьями И. Д. Бельским, В. М. Глинским и Д. Р. Юрьевым и В. М. Юрьевым-Захарьиными (Там же. С. 94, 98, 102). В первой половине 1563 г. литовцы вновь обратились к главнейшим боярам И. Д. Бельскому, Д. Р. и В. М. Юрьевым. Ответ был составлен в слободе от имени И. Д. Бельского, И. Ф. Мстиславского, И. И. Пронского и Д. Р. Юрьева, причем специально разъяснялось, что В. М. Юрьев находится в Москве «для царских справ» и потому не подписал грамоту (Там же. С. 146).

¹⁸ По мнению А. А. Зимина, списки членов Боярской думы в Дворовой тетради 1551—1552 гг. заполнялись вплоть до начала 1562 г. (см.: *Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного*. М., 1960. С. 373). Нам представляется, что думные списки перестали заполняться сразу после падения А. Ф. Адашева в конце 1560 г. В списках окольных в числе последних записаны Ф. И. Сукин, А. А. Бутурлин и Головины. Первый из них стал окольным между январем 1559 и январем 1560 г. (см.: Разряды. Л. 260; Сб. РИО. Т. 71. С. 1). А. А. Бутурлин получил чин во всяком случае ранее 11 января 1560 г. (см.: Сб. РИО. Т. 129. С. 68). В тексте Дворовой тетради последняя запись явно испорчена: «Иван да Фома Петровичи Головины». Фома умер еще в 7065 (1556/57) г., зато его младший брат М. П. Головин получил околичничество к весне-лету 1560 г. (Разряды. Л. 267). В боярском списке последним записан Ф. И. Умной, который был окольным еще 30 января 1560 г., а чин боярина получил ранее марта 1562 г. (Сб. РИО. Т. 59. С. 602; СГГД. Ч. 1. № 176). Зато в список не внесен боярин Ф. И. Сукин, получивший чин боярина между декабрем 1560 и 11 февраля 1561 г. (Сб. РИО. Т. 71. С. 20, 33). В мае 1562 г. были составлены подробные разряды, в которых упоминались бояре Н. Р. Юрьев, В. П. Яковлев, В. В. Морозов, окольные В. И. Умной, И. И. Чулков, кн. И. Ф. Хворостинин и др. (ПСРЛ. Т. 13. С. 341; Разряды. Л. 287—287 об., 281 об.). Никто из них не записан в думные списки Дворовой тетради, хотя многие получили думный чин, по-видимому, еще в конце 1560 — начале 1562 г. Отсюда можно заключить, что Дворовая тетрадь утратила значение официального документа и перестала пополняться вскоре после отставки Адашева.

В своей последней работе А. А. Зимин отмечает, что ведение Дворовой тетради было прекращено около 1561 г. (см.: *Зимин. Опричнина*. С. 353—354. Примеч. 4).

¹⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 24.

²⁰ Там же.

²¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 331.

²² Витебская старина. С. 38. В Разрядных книгах дьяки писались в строго определенном порядке: сначала Разрядный дьяк, затем посольский и т. д. Еще в 1559 г. первым разрядным дьяком числился И. Е. Цыплятев, тогда как Клобуков был записан пятым в дьяческом списке (Разряды. Л. 260). Но уже в Полоцком походе 1562 г. И. Т. Клобуков сопровождал царя как первый разрядный дьяк (Там же. Л. 287 об.). Через три года дьяк вновь упомянут как глава Разряда: «в Розрядной избе у дьяков у Ивана Клобукова с товарищи» (Сб. РИО. Т. 71. С. 345).

²³ Родословная роспись XVII в. // БАН. ОР. 32.15.16. Л. 118—119; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 215.

²⁴ См.: Витебская старина. С. 38; Сб. РИО. Т. 71. С. 139, 257, 273.

²⁵ Курбский. Сочинения. С. 221.

²⁶ Послания Ивана Грозного. С. 537.

²⁷ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 446—447.

²⁸ Кобрин. Власть и собственность. С. 83—86.

²⁹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. Л., 1986. С. 55—56.

³⁰ Напомним, что в начале 50-х гг. в период всевластия Боярской думы правительство не смогло сколько-нибудь основательно пересмотреть земельные пожалования периода боярского правления, исключая земельные пожалования церкви. В тот период боярство пыталось разрешить земельный вопрос исключительно за счет церкви.

³¹ То же самое правило распространялось на все без исключения вотчинные владения Твери, Рязани и Белоозера (эти города названы и в приговоре 1551 г.), а также Ярославля и Романова, где вотчинами владели ярославские князья.

³² Садиков. Из истории опричнины. С. 294.

³³ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты московского Симонова монастыря / Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983. С. 226.

³⁴ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в.: Комментарий. Л., 1987. С. 58.

³⁵ Переписка. С. 31.

³⁶ Курбский. Сочинения. С. 114—115.

³⁷ Описи царского архива. С. 38; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 235.

³⁸ Разряды. Л. 233, 255 об., 269; ТКДТ. С. 118.

³⁹ В грамоте упоминают имя царицы Марии. Между тем известно, что кабардинская княжна, нареченная царской невестой, получила имя Марии при крещении 20 июля 1561 г. (ПСРЛ. Т. 13. С. 333; СГГД. Ч. 1. С. 470—473).

- ⁴⁰ СГГД. Ч. 1. С. 470—472.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Иван III и отец Вишневецкого были двоюродными братьями (см.: *Тихомиров М. Н.* Исторические связи русского народа с южными славянами//Славянский сборник. М., 1947. С. 194).
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 13. С. 324.
- ⁴⁴ *Кушева Е. Н.* Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.//ИЗ. 1950. Т. 34. С. 265.
- ⁴⁵ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1865. Т. 2. № 142. С. 155.
- ⁴⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 339.
- ⁴⁷ Там же. С. 340.
- ⁴⁸ Эти показания были включены затем в поручную грамоту Бельского (см.: СГГД. Ч. 1. № 177. С. 484—485).
- ⁴⁹ Изобличенные дворяне стояли по службе очень невысоко. Рязанский дворянин Измайлов служил вторым воеводой в маленькой пограничной крепости Михайлове в 1559—1560 гг.; Б. Ф. Губин был головой у казанских татар в ливонском походе 1560 г. (см.: Разряды. Л. 265, 267).
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 340; ТКДТ. С. 79.
- ⁵¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 340.
- ⁵² ТКДТ. С. 115; Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 10—11; Сб. РИО. Т. 71. С. 171, 200, 268, 560 и др. Н. П. Лихачев и П. А. Садилов считали, что Ф. Губин служил сначала в Казне, а затем в одном из судебных или военных приказов (*Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 272—273; Садилов. Очерки. С. 258—260).
- ⁵³ СГГД. Ч. 1. № 176. С. 475—477.
- ⁵⁴ Там же. № 177. С. 484—485.
- ⁵⁵ Там же. С. 485.
- ⁵⁶ После освобождения Бельский вернулся к исполнению функций официального руководителя думы. Однако ему еще долгое время не доверяли. В 1562—1563 гг. правительство не раз назначало в приставы к литовским послам верных дворян, которые выдавали себя за слуг Бельского (Сб. РИО. Т. 71. С. 89, 134).
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 341, 343.
- ⁵⁸ Незадолго до того хан Девлет-Гирей напал на Мценск, а затем ушел в Крым. Посланные вдогонку князья М. И. и А. И. Воротыньские ходили за татарами в степь до Коломака, но не смогли их догнать (Разряды. Л. 283; ПСРЛ. Т. 13. С. 342).
- ⁵⁹ См.: Зимин. Опричнина. С. 90.
- ⁶⁰ См.: Сб. РИО. Т. 71. С. 345.
- ⁶¹ Послания Ивана Грозного. С. 266. Ср.: С. 675.
- ⁶² Описи царского архива. С. 50.
- ⁶³ ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
- ⁶⁴ Отрывок дела о ссылке Воротыньского в 1564—1566 гг.//АИ. Т. 1. № 174. С. 334—335.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
- ⁶⁷ СГГД. Ч. 1. № 178. С. 487.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
- ⁶⁹ Там же. С. 366.
- ⁷⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 163.
- ⁷¹ *Власьев Г. А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1. С. 56.
- ⁷² Витебская старина. С. 69.
- ⁷³ Описи царского архива. С. 36.
- ⁷⁴ Когда в Литву пытались бежать после московского пожара князья М. В. Глинский и И. И. Пронский, они оправдывались тем, что «поехали были молиться в Ковец к Пречистой и съехали в сторону, не зная дороги», т. е. примерно так же, как позже оправдывался Курлятев (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 155).
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 344.
- ⁷⁶ Курбский. Сочинения. С. 280.
- ⁷⁷ Шмидт. Российское государство. С. 129.
- ⁷⁸ Описи царского архива. С. 40.
- ⁷⁹ ДДГ. С. 480.
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 367; Сб. РИО. Т. 71. С. 174.
- ⁸¹ Крымский хан повторил прежние мирные предложения в апреле 1561 г. Грозный писал в Крым «о дружбе» спустя полгода (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 332, 339).
- ⁸² См.: Там же. С. 341, 342, 345, 366.
- ⁸³ См.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI—XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. 199—207, 234—236.
- ⁸⁴ Сб. РИО. Т. 129. С. 98; ПСРЛ. Т. 13. С. 333.
- ⁸⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 342.
- ⁸⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 332—333; Псковские летописи. Вып. 2. С. 241; Разряды. Л. 279.
- ⁸⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 236; ПСРЛ. Т. 13. С. 339.
- ⁸⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 241.

- ⁸⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 340—343.
- ⁹⁰ Псковские летописи. Вып. 2. С. 243.
- ⁹¹ Витебская старина. С. 158; Разряды. Л. 285.
- ⁹² Переписка. С. 42—43.
- ⁹³ По Псковской летописи, пешая и «коневая» посошная рать, следовавшая в обозе, насчитывала 80 900 человек. Согласно литовским источникам, только на перевозках осадной артиллерии русские использовали 40 тыс. крестьян (см.: Псковская летопись. Вып. 2. С. 244; Витебская старина. С. 119).
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 350.
- ⁹⁵ Витебская старина. С. 119, 122.
- ⁹⁶ Там же. С. 121, 122; *Любавский М.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 637.
- ⁹⁷ Витебская старина. С. 53.
- ⁹⁸ Там же. С. 119, 122.
- ⁹⁹ Там же. С. 54.
- ¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 356.
- ¹⁰¹ Витебская старина. С. 54.
- ¹⁰² Сб. РИО. Т. 71. С. 368.
- ¹⁰³ ПСРЛ. Т. 13. С. 364; Витебская старина. С. 122.
- ¹⁰⁴ Псковские летописи. Вып. 2. С. 244.
- ¹⁰⁵ Витебская старина. С. 122.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 157.
- ¹⁰⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 365.
- ¹⁰⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 16.
- ¹⁰⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 235.
- ¹¹⁰ Описи царского архива. С. 41.
- ¹¹¹ «...А поместья их и вотчины велел государь поимать и в роздачу роздать» (Разряды. Л. 279).
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Витебская старина. С. 39.
- ¹¹⁴ Курбский. Сочинения. С. 284—285; Витебская старина. С. 47.
- ¹¹⁵ Витебская старина. С. 39.
- ¹¹⁶ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 10. Л. 57 об.
- ¹¹⁷ Витебская старина. С. 65.
- ¹¹⁸ Разряды. Л. 169, 201, 220 об.
- ¹¹⁹ *Лурье Я. С.* О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению. М., 1964. С. 455.
- ¹²⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 162; ТКДТ. С. 70; Разряды. Л. 270 об.
- ¹²¹ Курбский. Сочинения. С. 278.
- ¹²² Витебская старина. С. 65.
- ¹²³ А. П. Сатин служил вторым воеводой в Мценске в 1560 г. (Разряды. Л. 267). П. Туров присутствовал на приемах литовских послов в Кремле в декабре 1558 и январе 1560 г., а затем служил писцом в Нижнем Новгороде (см.: Сб. РИО. Т. 59. С. 594, 601; Веселовский. Исследования. С. 458).
- ¹²⁴ П. И. Туров записан в списки дворовых детей боярских по Костроме. В основном тексте Дворовой тетради ошибочно напечатано: П. И. Гуров (см.: ТКДТ. С. 149. Примеч. 2).
- ¹²⁵ Курбский. Сочинения. С. 278.
- ¹²⁶ Веселовский. Исследования. С. 442.
- ¹²⁷ Курбский. Сочинения. С. 278.
- ¹²⁸ Переписка. С. 41.
- ¹²⁹ Витебская старина. С. 66.
- ¹³⁰ Подробнее о датировке письма см.: *Скрынников Р. Г.* Курбский и его письма в Псково-Печорский монастырь // ТОДРЛ. 1961. Т. 18. С. 102—103.
- ¹³¹ Курбский. Сочинения. С. 381.
- ¹³² См.: *Скрипиль М. О.* Сказание о Вавилоне-граде // ТОДРЛ. 1958. Т. 9. С. 142—144.
- ¹³³ ПСРЛ. Т. 13. С. 350.
- ¹³⁴ *Любавский М.* Литовско-русский сейм. С. 637.
- ¹³⁵ ДРВ. Т. 13. С. 23; Разряды. Л. 250 об.; Витебская старина. С. 39, 62—63.
- ¹³⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 362; Витебская старина. С. 65.
- ¹³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 365.
- ¹³⁸ Там же. С. 368. С. Иванов описывал удельный замок Вышгород в 1556 г. (см.: *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // ИИЗ. 1941. Т. 10. С. 104).
- ¹³⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 368.
- ¹⁴⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 133, 139.
- ¹⁴¹ Описи царского архива. С. 35.
- ¹⁴² Переписка. С. 104.
- ¹⁴³ Там же. С. 109.
- ¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 368.
- ¹⁴⁵ ДДГ. С. 482.

- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ Вкладная книга Симонова монастыря//ГПБ. ОР. F IV. № 348. С. 28.
- ¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 370.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 368.
- ¹⁵⁰ Кобрин. Состав опричного двора. С. 82.
- ¹⁵¹ ТКДТ. С. 151; Разряды. Л. 272 об., 217 об., 307, 317 об.
- ¹⁵² ДДГ. С. 420; Разряды. Л. 316, 318.
- ¹⁵³ Разряды. Л. 279 об.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 301, 318 об.
- ¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 372, 384; ДДГ. С. 442.
- ¹⁵⁶ Садиков. Очерки. С. 443; АИ. Т. 1. № 171.
- ¹⁵⁷ *Скринников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 92.
- ¹⁵⁸ *Кушева Е. Н.* Политика Русского государства... С. 274—275.
- ¹⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 128, 366, 370, 371.
- ¹⁶⁰ В июле 1563 г. крупнейший ганзейский город Любек, а вскоре и Датское королевство объявили войну Швеции. В 1562 г. шведские войска заняли порт Пернов, а затем замок Пайду (Вейсенштейн). В следующем году литовские и курляндские войска напали на шведов в Пернове (см.: *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 274—275; Псковские летописи. Вып. 2. С. 244).
- ¹⁶¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 365—366.
- ¹⁶² Там же. С. 369.
- ¹⁶³ Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 230.
- ¹⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 369.
- ¹⁶⁵ Там же. С. 373; Сб. РИО. Т. 71. С. 187—302.
- ¹⁶⁶ Витебская старина. С. 125, 127, 159—160; Разряды. Л. 304 об.
- ¹⁶⁷ Витебская старина. С. 128.
- ¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 377. «Русские воеводы, — пишет А. А. Зимин, — задумали смелый план обхода литовских войск гетмана Радзивила, находившихся в районе Лукомля!» (Зимин. Опричнина. С. 107). Однако вся смелость русского плана сводилась к недопустимому с военной точки зрения разъединению сил русской армии в момент решающего наступления.
- ¹⁶⁹ Витебская старина. С. 129, 158, 189—190; Псковские летописи. Вып. 2. С. 245.
- ¹⁷⁰ Витебская старина. С. 124—125.
- ¹⁷¹ Там же. С. 128.
- ¹⁷² ПСРЛ. Т. 13. С. 377.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Псковские летописи. Вып. 2. С. 245.
- ¹⁷⁵ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 3. С. 133—134.
- ¹⁷⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.
- ¹⁷⁷ Там же.
- ¹⁷⁸ Витебская старина. С. 125.
- ¹⁷⁹ Там же.
- ¹⁸⁰ *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 478; *Виннер Р. Ю.* Иван Грозный. Ташкент, 1942. С. 66; История СССР. М., 1956. Т. 1. С. 254; Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в. — начало XVII в. М., 1955. С. 378—379; Очерки истории СССР (конец XV — начало XVII в.). Л., 1957. С. 160.
- ¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 385. Согласно поздним литовским источникам, Токмаков и его будто бы десяти тысячная армия бежали с поля боя, бросив оружие (см.: Витебская старина. С. 159).

БОЯРСКАЯ КРАМОЛА

На протяжении более двух десятилетий митрополичью кафедру в Москве занимал Макарий, один из выдающихся церковных деятелей России. Благодаря его авторитету церковь опередила светскую власть в проведении реформ. Церковные соборы 1547 и 1549 гг. учредили общегосударственное поминание почти 40 чудотворцев православной церкви. Старых чудотворцев было немногим более 20, не считая местных угодников. Макарий возглавил деятельность Стоглавого собора, решения которого способствовали развитию церковного просвещения и благотворительности, упорядочению внутренних дел церкви. Ради установления единой веры и обрядности по всей стране было запрещено новгородское троеперстное знамение и утверждено московское двоеперстие.

В целях духовного обновления общества Макарий взялся за составление собрания всех «святых книг, которые в русской земле обретаются». Он объединил усилия книжников, переводчиков и писцов, чтобы собрать из разных городов, перевести и «исправить», переработать или сочинить заново десятки и сотни священных книг, слов, житий, посланий и церковных актов. К работе были привлечены русские и славянские писатели Ермолай-Еразм, Василий Тучков, Дмитрий Герасимов, Илья Пресвитер, сербский монах Лев Филолог и др. Так были составлены ежемесячные чтения — «Великие Минеи Четьи», включавшие 12 рукописных томов с 13 тыс. листов большого формата.¹

Макарий был учеником Иосифа Санина и представлял осифлянское течение церковной мысли. Противник нестяжателей и ярый защитник церковных богатств, Макарий выступал за союз сильной церкви с монархом. Вместе с прочими осифлянами он немало потрудился над обоснованием доктрины самодержавия. Уже в посланиях к Василию III новгородский владыка развивал мысль о том, что бог «в себе место избра на земле» русского самодержца. Будучи митрополитом, Макарий короновал Ивана IV царской короной. Идеи богоизбранности царя, включенные в «чин венчания», приобрели значение официальной доктрины.² В своем практическом осуществлении эти идеи способствовали расширению власти монарха, освящали рождение самодержавных порядков. Одновременно церковь стремилась смягчить отрицательные проявления нового режима, связанные с произволом самодержца. Пользуясь авторитетом у Ивана IV, глава церкви не упускал случая заступиться за опальных людей, хлопотал о примирении государя с боярами. Благодаря влиянию Макария многократные конфликты царя с удельными князьями, не раз порождавшие острый политический кризис, разрешались мирным путем и не приводили к кровавым эксцессам. Митрополит воспрепятствовал казни боярина князя С. Ростовского, которая могла послужить началом широких репрессий против Боярской думы. Во время суда над

Сильвестром митрополит спас свою репутацию, предложив вызвать на собор опального попа; однако по существу дела не стал перечить воле царя и не воспротивился осуждению вождей рады как «чародеев» и изменников. Макарию исполнилось восемьдесят лет, и, по его словам, он «многажды помышлях и желях отрещися всего архиерейского именованя и действия», но каждый раз уступал настояниям царя и «понуждению» собора.³

Незадолго до смерти Макарий составил духовное завещание. Тщетно было бы искать в нем какие-нибудь намеки на происходившую в то время политическую борьбу. Оно благожелательно к государю, его брату Владимиру, «боголюбивым боярам и князьям»; содержит благословение «детем боярским, и дьяком, и гостем с их женами и з детьми и с прочим христоролюбивым воинством».⁴

Со смертью Макария 31 декабря 1563 г. церковь лишилась опытного и авторитетного руководителя, что развязало руки Грозному. Политический кризис вступил в новую фазу.

Некогда отец Грозного Василий III решал дела в кругу доверенных советников — «сам третей у постели», не спрашивая «старых бояр». Отставив Адашева и Сильвестра, Иван IV стал вершить дела в узком кругу родни, не считаясь с вековой традицией. Знать негодовала на царя, но еще больше — на Захарьиных. Их интригам приписывали гибель Адашева, незаконное пострижение семьи Курлятевых, суд над князем Владимиром. Обнаружившаяся «шатость в людях» понудила Грозного и Захарьиных прибегнуть к испытанному средству. Назначена была повторная присяга на верность царю и его наследникам. Члены Боярской думы клятвенно обещали «отстать» от предводителей отстраненной от власти Избранной рады. Но, повествует Иван Грозный, и после того крамольные бояре не прекратили своих интриг. «крестное целование преступивше, не токмо отсташа от тех изменников, и и болми начаша им помогати и всячески промысляти, дабы их на первый чин возвратити и на нас (царя. — *Р. С.*) лютейшее составляти умышление...».⁵

В своей «Истории» Курбский неожиданно подтверждает, что одной из главных причин начавшегося «великого гонения» на князей и бояр явились выступления против царских «ласкателей», захвативших власть. «А про что же тех мучил неповинных? — пишет он, — про то, понеже земля возопияла о тех праведных в неповинном изгнанию (имеются в виду Курлятев и прочие ссыльные. — *Р. С.*), нарекающе и кленуше тех предреченных ласкателей, соблазвивших царя...»⁶

Захарьины навлекли на свою голову такое же негодование «земли», как Глинские после коронации царя в 1547 г. Интрига Ефросиньи Старицкой вызвала крайнюю тревогу правительства по той причине, что общественное настроение благоприятствовало осуществлению планов заговорщиков.

Помилование князя Владимира создавало возможность для прекращения раздора в думе, который царь уподоблял лютому пламени и пожару. Однако примирение не состоялось. Члены Боярской думы по-прежнему воспринимали всевластие Захарьиных как покушение на прерогативы думы. Близкий друг царя боярин князь Андрей Курбский был связан родством с Захарьиными и не принимал участия в заговоре сторонников Старицкого в 1553 г. Ситуация изменилась после того, как князь Владимир женился на сестре Курбского. Летом 1564 г. царь обрушился на Курбского с резкими упреками. «Почто, — писал он, — имея в сигхлите (Боярской думе. — *Р. С.*) пламени паляща, не погасил еси, но паче розжегл еси? Где было ти советом разума своего злодейственный совет исторгнути, ты же убо больми плевела наполнил еси!»⁷ Несомненно, Грозный имел в виду кризис, последовавший за судом над князем Владимиром в 1563 г., когда Курбский принял сторону Старицких. Царские речи из «Повести о мятеже» 1563—1564 гг. весьма точно передавали чувства, владевшие самодержцем в то время. Многократные присяги, утверждал

Иван IV, ничего не значат для бояр, готовых из-за вражды к Захарьиным погубить наследника и выступить против самого государя. «... Целовали есте мне крест, — говорил царь, якобы обращаясь к «мятежным» боярам в думе в 1553 г., — и не одинава, чтобы есте мимо нас иных государей не искали, а яз вас привожу к целованию и велю вам служити сыну своему... а не Захарьиным... а вы свои души забыли, а нам и нашим детем служити не хотите, а на чом есте нам крест целовали, и того не помните...»⁸

Меры против Старицких положили конец планам передачи трона князю Владимиру. Однако и после этого опасность переворота продолжала пугать самодержца. Среди тех, кто в глубокой тайне держал в думе «злодейственный совет», было много юриковичей — «принцев крови», как называли их иностранцы. Они имели основания выдвинуть претендента из своей среды. Не запоздалая страсть к литературной деятельности, а тревога по поводу обнаружившейся боярской крамолы побудила монарха взяться в 1563—1564 гг. за исправление истории своего царствования. Главную правку Иван внес на те страницы официальной летописи, которые целиком посвящены были истории боярских мятежей и смут. Исправления носили полемический характер и имели целью скомпрометировать лиц, претендовавших на трон в случае падения династии. Рассмотрение летописных приписок в их совокупности позволяет выявить четкую тенденцию — намерение царя обличить род Шуйских как главных крамольников. Под диктовку Ивана на поля летописи были записаны сведения о том, что в 1538 г. бояре Шуйские уморили конюшего князя И. Ф. Овчину, что именно они «ободраша на своем дворе» дьяка Ф. Мишурина и отправили в ссылку боярина М. В. Тучкова (оба числились душеприказчиками Василия III, и расправа с ними равнозначна была перевороту). Иван IV считал нужным пояснить, что вместе с князем И. М. Шуйским главную роль в перевороте 1542 г. сыграл его сын князь Петр, своевременно прибывший в столицу с отрядом дворян-заговорщиков; что ответственность за мятеж 1543 г. нес не один только князь А. М. Шуйский, как значилось в первоначальном тексте летописи, но также его брат И. М. Шуйский и Ф. И. Скопин. В списке бояр, спровоцировавших бунт черни в Москве, первым был назван Ф. И. Скопин. Даже при изложении событий 1553 г. Иван не преминул упомянуть, что толчком к мятежу в думе послужила изменническая речь князя И. М. Шуйского.⁹

Не менее интересно проследить за той категорией лиц, которых редактор называет «советницами» главных вождей смуты или, во всяком случае, отводит им вторые роли. Тенденция дает о себе знать особенно заметно в отношении тех боярских родов, которые многократно названы крамольными. В числе их были, согласно припискам, дворецкий князь Иван Кубенский и его брат Михаил из рода Ярославских князей (1542 г.), князь Юрий Темкин (1547 г.) и его сородичи князь Семен Ростовский и Андрей Катырев (1553—1554 гг.), Ф. Палецкий (1543 г.) и Д. Ф. Палецкий Стародубские (1553 г.), Д. И. Курлятев (1543, 1553 гг.), Д. Немого и П. Серебряный Оболенские (1553 г.), князя И. В. Шемяка-Пронский (1543 г.) и И. И. Турунтай-Пронский (1543, 1553 гг.), а также И. Третьяков-Головин (1542 г.) и Ф. Головин (1543 г.).

Итак, Грозный выразил наибольшее недоверие своей братии — князьям Суздальским, Ростовским, Ярославским и Стародубским, происходившим от великого князя владимирского Всеволода Большое Гнездо. Они составляли верхний слой Государева двора. В системе учреждений и институтов России двор был главным инструментом обеспечения безопасности государя и его семьи. Поэтому «шатость» в княжеской среде вызвала крайний испуг монарха.

Значительно меньшего внимания заслуживают единичные упоминания об участии тех или иных лиц в боярской крамоле. К такого рода случайным участникам смут автор приписок относил бояр Г. Ю. Захарьина (1547 г.), И. П. Федорова (1547 г.), А. Д. Басманова (1543 г.), И. В. Шереметева

(1542 г.), С. Морозова (1554 г.) и В. Борисова (1553 г.). Известнейший боярин князь П. М. Щенятев упомянут в одном случае как жертва произвола крамольных бояр Шуйских (1542 г.), а в другом случае как участник боярского заговора (1553 г.).

В тексте летописных приписок можно заметить нюансы, которые мало значат для нас, но имели исключительное значение в глазах современников. Список лиц, повинных в мятеже 1547 г., выглядел следующим образом: «Быша же в совете сем (...) князь Федор Шуйской, князь Юрьи Темкин, Иван Петров Федоров, Григорей Юрьевич Захарьин, Федор Нагой и инии мнози».¹⁰ Царь выделил двух бояр, назвав их по отчеству. Последовательно исправляя летопись, монарх старательно выправил составленный при Адашеве рассказ о том, как «по диаволу действию» были оклеветаны перед Иваном «ложными словесы» бояре, из которых один — Федоров — попал в тюрьму на Белоозеро. Опальный был назван в особо уважительной манере «Иваном Петровым сыном Федоровича».¹¹ Несколькими страницами ниже Иван IV, дополняя рассказ о мятеже 1547 г., назвал «Ивана Петрова Федорова» в числе крамольников, что по крайней мере отчасти оправдывало царский произвол по отношению к нему в 1546 г. В приписке о мятеже 1553 г. Грозный именовал Федорова с полным отчеством (правом на отчество с «вич» пользовалась в России исключительно знать) ввиду того, что боярин доносом доказал верность престолу: «государю сказывал боярин Иван Петрович Федоров». К 1564—1565 гг. Федоров достиг вершины своей карьеры. Именно ему царь доверил руководство московской семибоярщиной, из которой удалены были Юрьевы-Захарьины и пр. Оказавшись за рубежом, Курбский с раздражением отзывался о Федорове, который «ныне у великого князя в большом фаворе и почете».¹²

Г. Ю. Захарьина царь явно выделил среди других лиц, назвав его «Григорием Юрьевичем». Но включение этого имени в список крамольников обнаружило, что к 1563—1564 гг. расположение царя к родне оказалось поколебленным. В «Повести о мятеже» Иван IV признал факт непопулярности Захарьиных. В 1553 г. существовала опасность, что в случае смерти царя Захарьины будут править государством от имени младенца-царевича. Но они были еще очень далеки от того, чтобы узурпировать власть. Вопрос о чрезмерном влиянии Захарьиных приобрел совсем особое значение после того, как они покончили с Избранной радой. Характерно, что в «Повести» Грозный ни словом не похвалил Захарьиных. Не они, как следует из летописной приписки, руководили присягой в думе, не они подавили боярский «мятеж». Большой царь будто бы обратился к родне со словами: «А вы, Захарьины, чего испужались? али чае, бояре вас пощадят?» В этих словах сквозило осуждение Захарьиных, которые растерялись и ничего не могли предпринять, чтобы потушить пожар в думе. «Повесть» составлялась в ту пору, когда дни власти Захарьиных были уже сочтены.

В дворовых документах начала 1550-х гг. княжеские списки располагались в неодинаковом порядке. И лишь список князей Оболенских постоянно занимал первое место.¹³ Даже после заточения Курлятева в монастырь род Оболенских имел наибольшее число представителей в Боярской думе — пять бояр и кравчий. Один из них заседал в опекунском совете. Двое бояр — Репнин и Кашин отличились при осаде Полоцка в 1563 г., причем князь М. П. Репнин руководил бомбардировкой крепости, решившей исход осады.¹⁴

После похода царь Иван искал примирения с Оболенскими и в особенности с М. П. Репниным, но попытка примирения не удалась и завершилась гибелью двух знатных воевод. А Курбский упрекнул Грозного за пролитие «победоносной святой крови». Иван IV не остался в долгу, назвав казненных блудниками и изменниками. Спустя много лет Курбский подробно описал обстоятельства смерти Репнина. По существу его рассказ явился запоздалым

полемическим ответом на заявление царя о причинах казни Репнина и Кашина. Курбский желал отвести от Репнина подозрения в неблагочестии и блуде и доказать, будто его казнь была актом чистого произвола.

Рассказ Курбского привлекает внимание многими живыми подробностями. Однажды, повествует Курбский, царь пригласил боярина во дворец на веселый пир со скоморохами и ряжеными, «хотяще бо его тем аки в дружбе себе присвоити». Когда все изрядно подвыпили, царь и его приятели пустились плясать со скоморохами. Подобная непристойность шокировала ревнителя благочестия князя Репнина. Ко всеобщему смущению, боярин, прослезившись, стал громко корить и увещевать Ивана, «иже не достоин ти, о царю християнскии, таковых творити!». Царь пробовал урезонить строптивца и попросил его: «веселися и играй с нами!». Он попытался надеть маску на нелюбезного гостя, но тот, забыв приличия, растоптал «мошкару» ногами. Ссылаясь на свой боярский сан, он заявил: «Не буди ми се безумие и безчиние сотворити в советническом чину сущу мужу!» В сердцах Иван велел вытолкать упрямого боярина взашей за двери.¹⁵ Попытка примирения с Оболенскими князьями закончилась неслыханным скандалом, о котором на другой день знала вся столица.

Через месяц после смерти Макария правительство Грозного нанесло Боярской думе жестокий удар. Несколько видных бояр подверглись аресту, двое были казнены. Князь М. П. Репнин был арестован царскими слугами во время всенощной в церкви и убит на улице ранним утром 31 января 1564 г. Князя Ю. И. Кашина убили спустя несколько часов во время утренней молитвы.¹⁶ В синодике опальных Репнин и Кашин записаны вместе в том порядке, в каком они подверглись казни. Установление последовательности событий позволяет составить примерное представление о причинах происшествия.

Казнь совершилась на четвертый день после поражения под Улой, т. е. примерно в то время, когда в Москву прибыли гонцы с поля битвы. Первые известия о поражении были, по-видимому, сильно преувеличены. Главный воевода пропал без вести, и никто не мог определить размеры катастрофы. Царь отдал приказ о казни двух воевод, вероятно, в ту самую ночь, когда ему доложили о гибели его армии.

План наступления в Литву не мог быть принят без санкции царя и думы, осуществлявшей высшее военное руководство. В соответствии с этим планом две армии на первом этапе вторжения действовали отдельно, имея приказ соединиться на территории противника. Подобный образ действия таил в себе слишком большой риск.

Действия царя определялись следующими моментами. Во-первых, ему надо было найти виновников поражения, чтобы снять ответственность с себя. Во-вторых, только что прошедшие в Москве процессы над боярами, поддерживавшими тайные связи с королем и готовившимися бежать в Литву, подготовили умы к мысли об измене бояр. За три недели до казни Репнина Москву покинуло литовское посольство. Власти подозревали, что именно послы получили секретную информацию о московских военных планах, которая и помогла литовцам одержать победу. Раскрытые секреты были доступны лишь членам Боярской думы, которые и оказались под подозрением.

Несколько месяцев спустя царь Иван, отвечая на упреки Курбского, писал, что бояре казнены за измену, что подтверждается свидетельством беспристрастных очевидцев. «...Сия их измены, — писал он, — всей вселенней ведомы, аще восхощеши, и варварских языцех увеси и самовидцев сим злым деянием можеши обрести, иже куплю творящим в нашем царствии и в посольственных прихождениях приходящим».¹⁷ Очевидно, царь имел в виду «самовидцев» (послов и купцов), покинувших Москву незадолго до казни бояр. Однако ссылка на «самовидцев» из числа литовских подданных,

как и ссылка на «всю вселенную», вовсе не разъясняла обстоятельств казни Репнина и Кашина.

В соответствии с законами члены думы не могли подвергнуться наказанию без рассмотрения дела в боярском суде и без подлинного сыска. Однако после «дела» Старицкого раздор между монархом и Боярской думой достиг такой остроты, что царь не пожелал прибегнуть к обычной процедуре суда.

В самых резких выражениях Курбский упрекал Ивана за пролитие в церкви «святой крови» своих воевод. На это Грозный отвечал, что давно уже ничего не слышал о святой крови: «Во своей земли в нынешнее время несть ея явно, не вемы». «Мучеников же в сие время за веру, — продолжал он, — у нас нет <...> а еже (кто. — *Р. С.*) обрящется в сопротивных <...> тот по своей вине и казнь приемлет <...> а еже о измене и чародействе воспоминаул еси, — ино, таких собак везде казнят!»¹⁸

Итак, по собственному царскому признанию, бояре понесли наказание за то, что примкнули к супротивникам царя в думе.

Смерть главы церкви Макария развязала руки самодержцу. Воспользовавшись ульским поражением в качестве предлога, власти приступили к разгрому думской оппозиции. Убийство двух князей Оболенских положило начало цепи репрессий. Вслед за ними репрессиям подверглись другие «сопротивные» царю бояре и дворяне, в их числе князь Д. И. Хилков и братья Шереметевы.

Боярин князь Дмитрий Хилков-Ряполовский происходил из рода Стародубских князей. Курбский отзывался о нем с исключительной похвалой. По его словам, князь «Ряполовское Дмитрей, муж в разуме многом и зело храбр, искусен же и свидетельствован от младости своеи в богатырских вещах, бо немало... выиграл битв над безбожными измайльтяны (крымцами. — *Р. С.*), аж на дикое поле за ними далеко ходяще».¹⁹ После падения правительства Адашева Д. И. Хилков был отослан из Москвы на воеводство в Юрьев.²⁰ После смерти члена ближней думы князя Д. Ф. Палецкого Хилков стал главным и, кажется, единственным из Стародубских князей, имевшим боярский чин. Согласно списку думных чинов, Хилков выбыл из думы в 7072 (1563—1564) г.²¹ По словам А. Курбского, царь велел казнить его в те же годы, что и Горбатого, «або пред тем еще мало», иначе говоря, до введения опричнины.²² Богатейшая вотчина Хилкова перешла в казну и была упомянута в царском завещании: «Да по отписным книгам подьячего Гришки Леонтьева семьдесят второго же году княж Дмитреевскую вотчину Хилкова село Ивановское с приселки и з деревнями и с починки».²³ Как писал А. Курбский, князь Хилков был оторван от семьи и предан «внезапной» смерти. Опала на Хилкова обезглавила влиятельный род Стародубских князей.

Бояре Оболенские и Хилков стали далеко не единственными жертвами начавшихся гонений. Правительство составило обширные проскрипционные списки, в которые занесены были родственники и друзья руководителей Избранной рады. Многие из них подверглись аресту и пыткам, других отправили в ссылку. «Первые, — передает Курбский, — (царь. — *Р. С.*) начал сродников Алексеевых и Селивестровых писати имена и не токмо сродных, но... и друзей и соседов знаемых, аще и мало знаемых, многих же отнюдь и не знаемых, их богатств ради и стяжания... многих имати повелел и мучити различными муками, а других множайших ото имени их из домов изгоняти в дальние грады».²⁴

Репрессии затронули весьма широкий круг лиц, титулованную знать и близкое к правительству Адашева дворянство.

Столкновения с Боярской думой и наметившийся поворот к террору вызвали раздор внутри правительства, обнаружив наличие в нем разнородных течений:

«умеренного» в лице Захарьиных и «крайнего» в лице А. Д. Басманова. Первым симптомом поражения «умеренных» элементов в правительстве явилось преследование ближайшей родни Захарьиных — бояр Шереметевых, а также их приверженца дьяка Висковатого.

Еще накануне Полоцкого похода царь Иван в октябре 1562 г. велел передать в Крым, что он сыскал вины некоторых своих «ближних людей», будто бы ссоривших его с ханом, «да на них опалу свою положили... иные померли, а иных разослали есмь, а иные ни в тех, ни в сех ходят».²⁵ В апреле следующего года царский посол в Крыму уточнил прежнее заявление и назвал имена опальных. Ими оказались, помимо А. Ф. Адашева, также боярин И. В. Большой Шереметев и дьяк И. М. Висковатый.²⁶

Креатура Захарьиных и Шереметевых — государственный печатник И. М. Висковатый был на длительное время отстранен от управления Казной и Посольским приказом и под формальным предлогом отослан в Данию.²⁷ Дьяк пробыл за рубежом год и вернулся на Русь в ноябре 1563 г.²⁸

Примерно в то же время опале подвергся бывший член Избранной рады боярин И. В. Большой Шереметев. Курбский и Грозный дали противоположные оценки деятельности опального боярина. Для одного Шереметев — «мудрый советник», для другого — «бесов сын». Первым признаком царской опалы на Шереметева была его неудача в местническом споре с А. Д. Басмановым.²⁹ С весны 1563 г. И. В. Шереметев уже ходил «ни в тех, ни в сех». Брат Ивана Большого Никита Шереметев еще в феврале 1561 г. получил назначение на воеводство в Смоленск. В Полоцком походе он состоял в ближней свите царя и на обратном пути из Полоцка в Москву служил вторым воеводой сторожевого полка. Однако в начале марта 1563 г. правительство отослало его в Смоленск на второй год, на срок до февраля 1564 г. Последние письма, адресованные Шереметеву в Смоленск, датированы июнем 1563 г.³⁰

Н. Шереметев подвергся опале не ранее осени 1563 г. В 1562/63 (7071) г. братья кн. Звенигородские составили завещание, назначив Н. В. Шереметева своим душеприказчиком. Вскоре же они сделали помету в тексте духовной: Шереметева «в животе не стала».³¹

Н. В. Шереметев и И. В. Большой Шереметев были арестованы примерно в одно время и по царскому указу брошены в тюрьму. Старший из братьев был подвергнут тяжелой пытке. Его оковали большой цепью «по вые, по рукам и по ногам», перепоясали толстым железным обручем, к которому привесили тяжелый груз (будто бы десять пудов железа). В таком виде его поместили в «презлую» темницу, распластав на узком «остром» помосте. Когда через сутки Грозный явился в темницу к боярину, тот едва дышал. Грозный велел разрешить его от тяжких уз и перевел в «легчайшую» темницу. Учитывая исключительный авторитет Шереметева в думе и его прошлые заслуги, царь не решился казнить бывшего советника. Зато он выместил гнев на боярине Никите, которого велел удавить в темнице в день («обаче того дня»), когда его старший брат был избавлен от пыток.³² А. А. Зимин объяснял казнь боярина его служебными провинностями. «Вероятно, — писал исследователь, — за поражение под Улой поплатился смертью Никита Васильевич Шереметев...»³³ Такое мнение едва ли справедливо. В битве под Улой Шереметев не участвовал и к поражению никакого отношения не имел.

Во время заключения Шереметевых казна наложила руку на их имущество. Царь долго попытался у Ивана Шереметева, куда он спрятал многие skarбы свои, но ответа так и не получил.³⁴

Шереметевы были одной из самых влиятельных старомосковских фамилий, и гонения против них были свидетельством новых раздоров в правящей боярской группировке. Вследствие раскола дала трещину наиболее прочная опора правительства, старомосковское боярство. «Умеренные» элементы в лице Захарьиных вынуждены были все чаще уступать свои позиции «крайним» элементам.

Стремления Грозного к насильственному подавлению боярской оппозиции находили энергичную поддержку со стороны немногочисленного кружка лиц, группировавшихся вокруг боярина А. Д. Басманова. К 1562/63 г. влияние Басманова на правительственные дела чрезвычайно усилилось. Он происходил из старомосковского боярского рода Плещеевых. За рубежом царские дипломаты говорили о Плещеевых следующее: «И то извечные государские бояре родов за тридцать и более».³⁵ К середине XVI в. лишь отдельные ветви сильно разросшегося рода Плещеевых сохраняли высокое положение при дворе. Прочие опустились в разряд заурядных детей боярских.³⁶ По знатности и богатству Плещеевы уступали Захарыным, Шереметевым, Морозовым, Челяднинным и др. А. Д. Басманов имел большие связи при дворе благодаря тому, что отец его служил постельничим у Василия III. Выдвижению боярина способствовали его незаурядные военные способности. Впервые Басманов отличился у стен Казани.

На третьей или четвертой неделе осады Казани татары из-за оплошности воеводы кн. М. И. Воротынского нанесли сильный урон большому полку. В обеденное время «руси многие разыдошася ясти». Увидев это, татары «вылезли» из крепости и выбили полк с его позиций, причинив ему большие потери. В числе раненых были главные воеводы полка Воротынский, П. В. Морозов и Ю. И. Кашин, несколько стрелецких голов и т. д. Поражение большого полка ставило под угрозу успех всей осады. В этой критической ситуации на выручку Воротынскому был послан окопничий А. Д. Басманов. Он действовал столь успешно, что вскоре же выбил татар из окопов и загнал их в крепость. После взрыва порохового заряда Басманов возглавил штурм Арских ворот и его отряд занял Арскую башню. Из-за неподготовленности прочих полков общий штурм был отложен на два дня. Все это время воины Басманова, «заставившись» крепкими щитами, удерживали башню. В день генерального штурма воевода руководил боем у Царских ворот, через которые в крепость и вступил государев полк, решивший исход боя на улицах города. После взятия Казани Басманов был оставлен там третьим воеводой, участвовал в окончательном разгроме военных сил Казанского ханства и подавлении восстания народов Поволжья.³⁷

Воевода вторично отличился в знаменитом сражении с татарами на Судьбищах. Крымская орда в течение двух дней (3—4 июля 1555 г.) упорно атаковала армию И. В. Большого Шереметева и под конец стала одолевать русских. Главного воеводу увезли с поля боя «наполю мертва». Через два часа после ранения Шереметева дрогнули, побежали прочие воеводы, и «многие люди з бою съехали, розметав с себя орудие». Среди общей паники воевода Басманов отступил к обозу, оставленному в лесу, и приказал трубить сбор, играть в сурну и бить в набат. На боевой сигнал собралось до пяти-шести тысяч детей боярских, стрельцов и боярских холопов. Наскоро устроив засеку вокруг близлежащего оврага, отряд Басманова до вечера отбивался от татар. Хан Девлет-Гирей «со всеми людьми и с пушками и с пищальми» трижды приступал к оврагу, а затем перед солнечным заходом «с великой тщетой» ушел в степи. На приступах татары потеряли многих людей.³⁸ Так благодаря энергии и находчивости Басманова русская армия избежала полного разгрома и отбилась от Крымской орды. Спустя три года боярин, располагая незначительными военными силами, занял мощную ливонскую крепость Нарву. Падение ее стало поворотным пунктом в ходе войны. Позже Басманов участвовал в штурме Феллина и Полоцка.³⁹

Со времени Ливонской войны Басманов начинает оказывать все большее влияние на дела дипломатического ведомства. Накануне войны он в качестве наместника Новгорода вел переговоры со шведами, в июле—августе 1561 г. вторично руководил переговорами со Швецией, а спустя месяц — с Данией.⁴⁰ Датчанам он был официально представлен как старший советник

царя и государственный казначей.⁴¹ После занятия Полоцка в 1563—1564 гг. Басманов вместе с В. М. Юрьевым возглавил дипломатические переговоры с Литвой и выступил одним из главных инициаторов Ливонской войны.⁴² Вместе с тем он оказывал все большее влияние на внутренние дела государства. Неумолимый собутыльник молодого царя, его «согласник» и «ласкатель», боярин занял самое видное положение при дворе. Недоброжелатели не упускали случая очернить ненавистного воеводу. Несусветная брань, которой раздражаются при упоминании имени Басманова его враги, заставляет с недоверием воспринимать их наветы. Любопытно, что Курбский писал о Басманове-отце следующее: «И видех ныне сингклита, всем ведомо, яко от прелбужения рожден естъ». Отец А. Д. Басманова Данила попал в плен к литовцам в 1514 г., будучи совсем молодым, и в плену умер.⁴³ Возможно, это и послужило почвой для всевозможных инсинуаций по поводу рождения его единственного сына, получившего первые воеводские назначения через тридцать лет после пленения отца.⁴⁴

Ненавидя Басманова, Курбский крайне пристрастно объяснял обстоятельства его возвышения. Царь будто бы сделал его сына Федора своим интимным фаворитом, что и обеспечило карьеру отца. Ф. А. Басманов в начале 1560-х гг. делал первые шаги по службе. В Полоцком походе 1562 г. он занимал одну из последних должностей в царской свите, будучи податнем у рынды с третьим саадаком. В Можайске он тягался из-за мест с кн. И. Ю. Лыковым-Оболенским и выиграл дело. С этого времени и началась его головокружительная карьера. Спустя полгода Басманов «ездил за государем» в ближней свите вместе с сыновьями знатнейших бояр кн. П. А. Горбатым, кн. И. Шуйским и ближним дворянином П. Зайцевым. Из-под Полоцка Ф. Басманов был послан царем с речами к Е. Старицкой.⁴⁵

После бегства за рубеж Курбский открыто обвинил Ивана IV в предосудительных отношениях с юным Федором Басмановым. С сарказмом писал он о сотрапезниках царя и «согласных» боярах (Басмановых), губителях души его и тела, «иже детьми своими, паче Кроновых жертвов действуют». ⁴⁶ Буквально в те же месяцы, когда Курбский составлял свое письмо из эмиграции, один из придворных князь Д. Ф. Овчина, будучи в кремлевском дворце, опрометчиво стал бранить Федора Басманова за «нечестивые деяния» с царем. Федор плача пожаловался Ивану, а тот велел казнить придворного.⁴⁷

Под Полоцком И. Шереметев был вторым, а А. Басманов третьим воеводой передового полка. Едва кончились боевые действия, Басманов просил царя «счесть» его с Шереметевым. Невзирая на очевидные преимущества последнего, суд учинил Басманова «двемя месты» выше Шереметева.⁴⁸ Прошло совсем немного времени, и Шереметев попал на Пыточный двор, на котором распоряжался Басманов. Судя по описи царского архива, этот боярин местничал также и с князем И. Кашиным, убитым в первые дни опричнины.⁴⁹

Если церковь идейно обосновала мысль о божественном происхождении царской власти и богоизбранности самодержца, то Басманов принадлежал к числу лиц, перенесших новые догмы на практическую почву. Попытки Грозного править, нисколько не считаясь с высшим органом монархии — Боярской думой, вызвали затруднения, которые, как считали советники царя, могло разрешить одно насилие.

Противники Грозного, хорошо понимая роль и значение Басманова в новом правительстве, всеми силами старались ограничить его влияние на царя. Сразу же после побега в Литву в апреле 1564 г. Курбский обрушил яростные нападки на Басманова, требуя его немедленного удаления из правительства. «... И видех ныне сингклита, — писал он, — ...иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь крестьянскую, яко воду и выгубил уже сильных во Израили (<...> не пригоже у тебя быти таковым потаковником, о царю!»⁵⁰

Письмо Курбского было написано под непосредственным впечатлением казни бояр в январе 1564 г. Из письма явствует, что Басманов нес главную ответственность за казнь вождей оппозиции: именно он «лил кровь, как воду» и «губил сильных во Израили».

В «Истории о великом князе Московском» Курбский с крайним негодованием пишет о царских «ласкателях» и «шурьях» В. М. Юрьеве с «братъею».⁵¹ Однако отзывы о Юрьевых не идут ни в какое сравнение с теми бранными эпитетами, которыми он награждает Басманова, «преславного похлебника, а по их языку маянка (маньяка. — *Р. С.*) и губителя своего и святорусские земли».⁵²

В целом кружок лиц, поддержавших программу крутых мер и репрессий против боярской оппозиции, был очень немногочислен и не включал в себя никого из наиболее влиятельных членов Боярской думы. В него входили новые любимцы царя — князья А. И. Вяземский, А. П. Телятевский и др. Но главенствовали в нем бесспорно Плещеевы, все больше оттеснявшие Захарьиных от власти.

После смерти Макария митрополичий престол оставался незанятым два месяца. Именно этот момент был избран правительством для нанесения удара по оппозиции, вожди которой с полным основанием называли правительственные репрессии «законопреступными». Неудобные царю бояре были избиты без суда и следствия, без традиционного «советывания» между царем, высшим духовенством и Боярской думой.⁵³ Впервые после 1547 г. казни подверглись лица, принадлежавшие к верхам феодальной аристократии, чины Боярской думы. Естественно, что подобные репрессии возбудили негодование в верхах.

В феврале 1564 г. правительство предприняло энергичные усилия к тому, чтобы привлечь на свою сторону церковное руководство. Еще до избрания нового митрополита в Москве был созван собор, на котором по инициативе сверху рассматривался вопрос о так называемом белом клобуке. В речи к собору царь Иван IV предложил учинить «древнюю почеть» преемнику Макария: «и тому митрополиту носить белой клобук с рясами с херувимом» и «печатати грамоты благословенные и посылные красным воском». Царь указал на то, что первые московские митрополиты Петр и Алексей носили белый клобук, и нет «писаний», объясняющих, почему такой привилегией пользуется теперь только новгородский архиепископ. В том, что митрополит наравне с прочими владыками носит черный клобук, «в том его высокопрестольной степени перед архиепископом и епископы почести нет».⁵⁴

По представлению царя священный собор и Боярская дума 9 февраля 1564 г. одобрили уложение о «белом клобуке митрополичем».⁵⁵ Соборная грамота была скреплена подписями 3 архиепископов и 6 епископов. Уложение о белом клобуке не носило характера специальной антиновгородской меры. Новгородские архиепископы не были лишены «древней почести». Привилегия лишь была распространена на митрополита. Новгородский архиепископ Пимен стал первым из иерархов, поставивших подпись под соборным приговором 9 февраля 1564 г.

Избрание нового митрополита представляло определенные трудности и потому затянулось на целый месяц. Власти противились избранию любого из высших иерархов церкви. Царь хотел иметь на митрополии кого-нибудь из доверенных лиц. В конце концов выбор пал на протопопа придворного Благовещенского собора Андрея. Более десяти лет Андрей исполнял роль духовника царя. Перемены, происшедшие после падения Сильвестра, прервали на время также и его карьеру. К началу 1562 г. он постригся, принял в монашестве имя Афанасия и удалился в кремлевский Чудов монастырь.⁵⁶

24 февраля старец Афанасий был «возведен» на митрополичий двор. 5 марта состоялась церемония его поставления на митрополию. Грозный вручил новому

митрополиту его посох и произнес речь, начинавшуюся с указания на божественное происхождение самодержавной власти царя: «Всемогущая и животворящая святая троица, дарующая нам всеа Россия самодержжество Российского царства» и т. д. Митрополит в свою очередь благословил Ивана: «Мирно да будет и многолетное твое государство и победно, со всеми повинующимися тебе бывает в век и в веки века, во вся дни живота твоего». ⁵⁷

Тотчас после собора царь пожаловал митрополичьему дому широкие иммунитетные привилегии и освободил население его вотчин от разных повинностей. ⁵⁸ Все эти пожалования, из которых митрополичья казна извлекла крупные выгоды, должны были упрочить согласие между царем и главой церкви.

Одним из первых результатов согласия явилось освобождение из тюрьмы И. В. Шереметева. Опальный боярин получил свободу в марте 1564 г., на третий день после возведения в сан Афанасия.

Вместе с высшим духовенством Шереметева взяли на поруки влиятельнейшие члены Боярской думы: конюший и боярин И. П. Федоров-Челяднин, боярин И. В. Меньшой Шереметев и Ф. В. Шереметев, боярин Я. А. Салтыков и Ф. И. Салтыков, окольниковый А. А. Бутурлин, И. А. и Ф. И. Бутурлины, окольниковый И. И. Чулков, знатные дворяне В. И. Наумов, В. В. Карпов-Лошкин, Ф. У. Данилов, двое Заболоцких, трое Колычевых, И. И. Бухарин-Наумов, Г. Р. и С. Р. Образцовы, князя И. С. Гагарин-Стародубский, Б. И. и С. И. Мезецкие, трое Засекиных и т. д. ⁵⁹ Как и в предыдущих случаях, порука за опального была двойная. Дворяне поручились за опального своими головами и крупной денежной суммой в 10 тыс. рублей. Примечательно, что в числе поручителей Шереметева вовсе не было удельной знати и титулованных бояр. Его освобождение явилось делом старомосковского боярства. Можно полагать, что к участи Шереметева не остались равнодушны его ближайшие родственники Захарьины. Однако непосредственно в поручительстве они не участвовали.

Освобождение Шереметева явилось одним из первых результатов компромисса между царем и высшим духовенством. Однако в целом условия указанного компромисса удовлетворяли более правительство, нежели оппозицию. Устами Курбского оппозиция решительно осудила соборное соглашение. Между февралем и апрелем 1564 г. опальный боярин пишет одно из самых значительных своих произведений, послание-памфлет, адресованный печорскому старцу Васьяну. В нем Курбский без обиняков утверждает, что князья церкви подкуплены и развращены богатствами. Богатства, по его словам, превратили святителей в послушных угодников властей: «... каждое своим богатством промышляет и, обнявши его персты, лежат и ко властем ласкающиеся всячески и примиряющиеся, да свое сохраняют и к тем еще множайшее приобретут». ⁶⁰

Курбский рисует яркую картину упадка церкви, управляемой монахами-стяжателями, осифлянами. Священнический чин «не токмо расхищают, но и учителя расхитителем бывают, начало и образ всякому законопреступлению собою полагают; не глаголют пред цари, не стыдятся о свидении господни, но паче потаковники бывают... села себе устроят и великие храмины поставляют и богатствы многими кипят, и корыстми, яко благочестием, ся украшают». ⁶¹

В России, по мысли Курбского, нет людей, которые могли бы потушить лютейший пожар и спасти гонимую «братию». «Яко же пожару люту возгоревшуся на лице всея земли нашае, и премножество домов зрим от пламени бедных напаесте искореневаеми. И хто текше от таковых отъимет? И хто угасит и кто братию от таковых и толь лютейи бед избавит? Никто же! Воистинну не заступающего, ни помогающего несть, разве Господа». ⁶² Незадолго до опалы Курбский просил помощи и заступничества у влиятельных иерархов церкви, но успеха не добился и даже стал жертвой наветов со

стороны некоторых из них. «Многажды в бедах своих ко архиереом и ко святителем и к вашему чина преподобию со умиленными глаголы и со слезным рыданием припадах и валяхся пред ногами их, и землю слезами омаках, — и ни малые помощи, ни утешения бедам своим от них получих, но вместо заступления некоторые от них потаковники их, кровем нашим наострители явишася. Но и се еще мало им возбнишася: еще же к сему приложиша, яко и от бога православных не устыдешася очюждати и еретики прозыватьи, и различными латинными шептании во ухо державному клеветати».⁶³ Курбский не называет имен своих клеветников, но, судя по всему, главным лицом среди них был чудовский архимандрит Левкий. В своей «Истории» Курбский награждает его многими бранными эпитетами.

Нет в России святителей, которые бы обличили царя в его законопреступных делах и «возревновали» о пролитой крови. (Здесь слышится прямой намек на недавние казни бояр). «Где убо кто запрети царю или властелем о законопреступных и запрети благовременно и безвременно? — писал Курбский Васьяну. — Где Илия, о Нафееве крови возревновавый, и ста царю в лице обличением... где лики пророк, обличающи неправедных царей?»⁶⁴

Курбский горько жаловался на то, что в России нет патриархов (митрополита?) и «боговидных святителей», которые бы решились открыто обличить царя. «Где ныне патриархов лики и боговидных святителей и множество преподобных ревнующе по бозе, и нестыдно обличающих неправедных царей и властелей в различных законопреступных делах... Кто ныне не стыдятся словеса евангельская глаголет и кто по братии души свои полагают? Аз не вем кто...»⁶⁵

Распри в правящих кругах неизбежно превращали церковное руководство в посредника, своим авторитетом умерявшего раздоры и столкновения. Царь стал на путь незаконных и кровавых расправ, а новый митрополит, сменивший Макария, обманул общие ожидания и нанес непоправимый ущерб авторитету церкви, отказавшись от обличения «неправедных царей» и их законопреступных действий.

Курбский надеялся, что его критика осифлянской церкви найдет сочувствие у старца Васьяна и других монахов Псково-Печорского монастыря. Длительное время этот монастырь был цитаделью «нестяжателей»: он был «воздвигнут» трудами игумена Корнилия и в нем совершались чудеса, «поколь было именеи к монастырю тому не взято и нестяжательно мниси пребывали».⁶⁶ Сам Курбский был учеником вождя нестяжателей Максима Грека, но в его послании нападки на осифлян имели не догматический, а политический смысл.

Своей критикой осифлянских церковников Курбский надеялся толкнуть влиятельных печорских старцев на открытое выступление против репрессий Грозного. Опальный боярин полагал, что Псково-Печорский монастырь возьмет на себя инициативу выступления и возглавит церковную оппозицию.

Второе послание Курбского в Псково-Печорский монастырь интересно как едва ли не единственный документ, открыто излагавший политическую программу боярской оппозиции в России накануне опричнины. Главной особенностью этой программы была резкая критика действий «державного» царя и его правительства, «властелей». За грехи, пишет Курбский, погибли древние царства, погиб Рим. Русь стала единственным оплотом православия, но и на Руси дьявол начинает производить «смущение». Только его кознями можно объяснить действия «державных» правителей государства.⁶⁷

Бросая дерзкий вызов Грозному, Курбский писал, что правители России уподобились свирепым, кровожадным зверям: «Державные, призванные на власть, от бога поставлены да судом праведным подвластных разсудят и в кротости и в милости державу управят, и, грех ради наших, вместо кротости свереpee зверей кровоядцов обретаются, яко ни от естества подобново пощадети попустиша, неслыханые смерти и муки на доброхотных своих

умыслиша». ⁶⁸ Приведенные строки были написаны под непосредственным впечатлением от жестоких казней бояр Оболенских, Н. Шереметева и др.

Интересно, что Курбский обвинял правителей не только в кровожадности, но и во всех без исключения бедах, постигших Московское царство: в оскудении дворянства, притеснениях «купеческого» чина и земледельцев, беззаконии в судах. «О нерадении же державы, — писал Курбский, — и кривине суда и о несытстве граблении чюжих имении ни изрещи риторскими языки сея днешняя беды возможно». ⁶⁹

Мрачными красками Курбский рисует картину полного упадка и оскудения дворянства. «Воинскои же чин строев ныне хуеишии строев обретеса, яко многим не имети, не токмо конеи, ко бранем уготовленных, или оружии ратных, но и дневныя пищи, их же недостатки и убожества и бед их смущения всяко словество превзыде». ⁷⁰

Курбский пишет о бедственном положении купцов и земледельцев, задушенных безмерными податями: «Купецкии же чин и земледелец все днесь узрим, како стражут, безмерными данми продаваеми и от немилостивых приставов влачими и без милосердия биеми, и овы дани вземше ины взимающе, о иных посылающе и иныя умышляюще». ⁷¹

Послание Курбского в Печорский монастырь является одним из лучших памятников русской публицистики предопричной поры. Послание позволяет заключить, что высшая знать, подвергшаяся гонениям и казням, готова была бросить вызов самодержавному монарху от имени всех слоев, страждущих от «нерадения» державы, «кривины» суда, чрезмерных поборов и дурного общественного устройства. На пороге полного разрыва с царем Курбский сознавал себя защитником как своей «братии» — несправедливо гонимых князей и бояр, так и разоренного дворянства и низших сословий. Продолжая традицию своего учителя Максима Грека, Курбский с большим сочувствием писал об ужасном положении крестьян. Однако подобный мотив не повторяется ни в одном из последующих его произведений.

В самом конце послания князь, описав бедствия сословий, замечает: «Таковых ради неистерпимых мук овым без вести бегуном ото отечества быти; овым любезныя дети своя, исчадия чрева своего, в вечныя работы продаваеми; и овым своими руками смерти себе умышляти». ⁷² Приведенное замечание показывает, что ко времени составления второго послания Васьяну Курбский уже готовился бежать в Литву.

Срок годовой службы князя в Юрьеве истек 3 апреля 1564 г. Однако он оставался там еще три недели, видимо, вследствие особого распоряжения из Москвы. Юрьев был памятен всем как место опалы и гибели Адашева, поэтому задержка там не предвещала Курбскому ничего хорошего.

В конце апреля 1564 г. опальный боярин бежал из Юрьева в литовские пределы. Глубокой ночью верные слуги помогли Курбскому перебраться через крепостную стену. В надежном укрытии его уже ждали сообщники — дети боярские С. М. Вешняков, Г. Кайсаров, М. Неклюдов, И. Н. Тараканов и другие, всего 12 человек. ⁷³ Отряду удалось ускользнуть от погони и пересечь границу. В Юрьеве воевода оставил жену и новорожденного сына. Судя по последующей переписке, он не успел забрать с собой почти ничего из имущества, даже воинские доспехи и книги, которыми очень дорожил. Причиной крайней спешки была внезапная весть, полученная из Москвы.

Оказавшись в Вольмаре, Курбский обратился с письмом к царю, в котором объяснил бегство за рубеж царскими гонениями: «... коего зла и гонения, — писал он Ивану, — от тебе не претерпех! И коих бед и напасти на мя не подвигл еси! И коих лжей и измен на мя не възвел еси! А вся приключившая ми ся от тебе розличныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи...» ⁷⁴ По существу дела боярин уклонился от объяснения, какие именно обстоятельства толкнули его к отчаянному шагу.

В ответном послании царь пытался опровергнуть жалобы Курбского на вынужденный характер бегства, но его опровержения невольно выдали истину. Если ты праведен, лукаво вопрошал Грозный, «почто убоялся еси неповинныя смерти..? Аще ли же убоялся ложнаго на тя речения смертнаго, по твоих друзей, сотонинских слуг, злодейственному солганию...».⁷⁵ Примечательно, что Курбский жаловался на «беды» от царя, но не поминал о смертной казни. Грозный же неожиданно назвал весть о грозившей боярину смерти «злодейственной ложью». Прошло полтора года, и Иван IV велел своим послам в Литве объявить следующее: «... учал государю нашему Курбский делати изменные дела, и государь был хотел его наказати, и он, узнав свои изменные дела, и государю нашему изменил».⁷⁶ Позже самодержец, доверительно беседуя с польским послом, клялся, будто вовсе не думал казнить Курбского, а лишь намеревался убавить ему почестей и отобрать у него «места» — земельные владения.⁷⁷

«Измена» Курбского, как выяснено выше, заключалась в том, что он, состоя в родстве с удельным князем Владимиром Старицким, обсуждал вместе с другими членами Боярской думы проекты низложения Ивана IV и передачи трона князю Владимиру.

Митрополит Макарий пользовался большим влиянием на царя, и ему удалось предотвратить репрессии против влиятельных членов Боярской думы — родни удельного князя. Однако тотчас после смерти Макария царь вернулся к неоконченному судному делу.

В самых резких выражениях Грозный упрекал бывшего друга в том, что тот «утек» за рубеж «единого ради (царского. — *Р. С.*) малого слова гневна». В действительности отъезд Курбского не был результатом мгновенного решения. Отъезду предшествовали тайные переговоры боярина с литовцами. Имеются достоверные сведения о том, что Курбский получил сначала два закрытых листа: один от гетмана литовского Н. Радзивила и пана Е. Воловича, а другой — от короля Сигизмунда Августа. Литовская рада и король предлагали Курбскому отъехать из Московского государства в Литву. На первом этапе секретных переговоров достигнуто было соглашение, после чего Радзивил послал Курбскому открытый лист с обещанием приличного содержания в Литве. Тогда же Курбский получил вторую грамоту от короля.⁷⁸

Трудно сказать, когда боярин установил первые контакты с литовцами. Н. Андреев полагал, что это произошло в течение последнего года, проведенного боярином в Юрьеве. Курбский, писал историк, продолжал вести государственные дела, порученные ему, вел переговоры с ливонскими рыцарями о сдаче различных крепостей. Он читал и писал, но все это время, должно быть, ожидал охранной грамоты из Польши.⁷⁹

Совершенно очевидно, что переговоры заняли несколько месяцев, никак не менее того. Вспомним, сколь медленными были способы передвижения в то время, а также и то, что литовско-русская граница была закрыта и шла кровопролитная война. Помимо этих общих рассуждений, можно привести некоторые новые факты относительно первых контактов Курбского с литовцами. Имеется письмо Сигизмунда II раде великого княжества Литовского от 13 января 1563 г. Король благодарил князя воеводу витебского за старание его в том, что касается воеводы московского князя Курбского, и дозволял переслать его (князя?) письмо тому же Курбскому и Мстиславскому. «... Иное дело, — продолжал король, — что из всего этого еще выйдет, и дай Бог, чтобы из этого могло что-то доброе начаться, хотя ранее от украинских воевод подобные известия не доходили, в частности о таком начинании Курбского».⁸⁰

Текст письма Сигизмунда не совсем ясен. А. А. Зимин полагал, что речь шла о посылке Мстиславскому и Курбскому официальных писем с мирными предложениями.⁸¹ Аналогичные грамоты литовская рада посылала

старшим боярам Бельскому, Юрьеву и Федорову еще осенью 1562 г. Возможно, все так и было. Однако следует обратить внимание на некоторые особенности переписки Курбского с литовцами. Обращение литовских магнатов к старшим боярам носило вполне официальный характер. Гонец был принят думой, грамоты зарегистрированы Посольским приказом.⁸² Обращение к Курбскому носило, по-видимому, иной характер, поскольку оно не получило отражения в московской официальной документации. Далее, в переписке с Бельским инициатива всецело принадлежала литовской стороне. Король же писал, что ранее не получал от своих воевод известий, «в частности о таком начинании Курбского». Иначе говоря, это «начинание» послужило исходным пунктом, и лишь затем король разрешил «воеводе витебскому» направить письма Курбскому, а также Мстиславскому. Можно указать еще на одно совпадение. Король поручил переписку с Курбским «князю воеводе витебскому». Его имя нетрудно установить. Это князь Н. Ю. Радзивил. «Начинание» Курбского послужило исходным пунктом переговоров, завершившихся тем, что тот же самый Н. Ю. Радзивил переслал Курбскому «закрытые листы» — секретные грамоты, гарантировавшие тому приличное содержание в Литве. Эти грамоты боярин хранил в своем архиве до самой своей смерти.

Итак, любимец Грозного вступил в секретные переговоры с литовцами не накануне своего побега за рубеж, а много раньше. Сделанные наблюдения заставляют заново пересмотреть известия ливонских хроник, повествующие о действиях Курбского на посту наместника русской Ливонии. Известный хронист Ф. Ниештедт рассказывает, что наместник шведского герцога Юхана в Ливонии некий граф Арц после ареста герцога королем Эриком XIV искал помощи у поляков, а затем обратился к Курбскому и тайно предложил сдать ему замок Гельмет. Договор был подписан и скреплен печатями. Однако заговор не удался, граф Арц был увезен в Ригу и там казнен в конце 1563 г. Слуга Арца поступил на службу к Курбскому, и от него хронист Ф. Ниештедт слышал, что боярин не раз со вздохами сокрушался о кончине Арца.⁸³ Хронист осветил гельметские переговоры в благоприятном для Курбского свете, но добросовестно записал также и слухи, компрометировавшие боярина. «Князь Андрей Курбский, — пишет он, — также впал в подозрение у великого князя из-за этих переговоров, что будто бы он злоумышлял с королем польским против великого князя». Данные о тайных сношениях Курбского с литовцами показывают, что подозрения царя, возможно, не были беспочвенными. Кажется, Курбский сам предал Арца, о смерти которого потом лицемерно сожалел. Будучи царским наместником Ливонии, князь, по-видимому, мог оказывать важные услуги литовцам. Примечательно, что изменнические переговоры воеводы с литовцами вступили в решающую фазу в то самое время, когда военная обстановка приобрела кризисный характер. Сильная московская армия вторглась в пределы Литвы, но гетман Н. Радзивил, располагавший точной информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил царских воевод. Произошло это 26 января 1564 г. Через три месяца Курбский бежал в Литву.

История измены Курбского, может быть, дает ключ к объяснению его финансовых дел. Э. Кинан обратил внимание на один странный парадокс. По письмам, Курбский занимал деньги у печорских монахов. Но за границу он явился с мешком золота. Кинан разрешил несоответствие с помощью простого, но неверного предположения. Он счел недостоверными данные о займах Курбского. Однако достоверность этих сведений бесспорна. Возникает вопрос, почему весной 1563 г. Курбский должен был обращаться к печорским монахам за займами, а через год увез в Литву огромную по тому времени сумму денег?

Возможно несколько объяснений. Готовясь к бегству, боярин мог продать принадлежавшие ему земельные владения. Правда, сам же Курбский сви-

детельствует, что его земли были конфискованы царем после бегства. Следовательно, предположение о продаже вотчин оказывается несостоятельным.

Уместна и другая версия. Поскольку Курбский поддерживал изменнические сношения с литовцами и оказывал им услуги, он мог получить от них и деньги. Приведем некоторые факты, свидетельствующие в пользу такого предположения. Когда беглый боярин явился за рубеж, в его кошельке нашли 300 злотых, 30 дукатов, 500 немецких талеров, 44 московских рубля. Злотые не обращались в России, а дукаты заменяли наградные знаки: получив за службу «угорский» (дукат), служилый человек носил его на шапке или на рукаве. Курбский обладал громадной по тем временам суммой в иностранной монете, и в то же время он увез из России всего 44 московских рубля.⁸⁴ Быть может, Курбский оказал королю важные услуги, щедро оплаченные польским золотом?

Боярин явился за рубеж богатым человеком. Почему же он обращался в Печоры за займом, упомянутым в третьем послании Васьяну? Тут все объясняется очень просто. Сохранилась поданная в литовский суд жалоба Курбского, где боярин подробно излагает историю своего побега из Юрьева. Жалоба включена в книгу актов Литовской метрики, и ее подлинность не вызывает сомнений.

Когда Курбский пересек границу и заехал в ближайший к Юрьеву замок Гельмет, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники, гельметские «немцы» схватили перебежчика и отобрали у него золото. Из Гельмета его как пленника повезли в замок Армус. Тамошние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку, отняли лошадей и т. п.⁸⁵ Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, то там он имел возможность поразмыслить над превратностями судьбы. Послание царю, написанное на другой день после гельметского грабежа, очень точно воспроизводит душевное состояние беглеца.

В послании Курбского, отмечает Э. Кинан, исключительно важны слова: «...всего лишен бых, и от земли божия тобою (царем. — Р. С.) туне отогнан бых». Курбский, утверждает Э. Кинан, не мог законно жаловаться на это, так как он едва ли знал о конфискации его поместья, последовавшей в наказание за побег. Американский исследователь восстал против мифа о преследуемом и гонимом страдальце Курбском. Боярин оставил в России жену, но это, по мнению Э. Кинана, не было делом вынужденным. Он бежал, имея по крайней мере трех лошадей, и успел захватить двенадцать сумок, набитых добром. Ясно, делает вывод Э. Кинан, Курбский взял то и тех, что и кого он считал для себя нужным для дальнейшей жизни за границей; жену он оставил с легким сердцем.⁸⁶ В записках современников побег Курбского освещен несколько иначе. По словам Г. Штадена, Курбский отъехал к королю, пристроив жену и детей.⁸⁷ Ф. Ниештедт, писавший со слов слуги Курбского, утверждал, что жена боярина в тот момент, когда он бежал за рубеж,⁸⁸ ждала ребенка. Побег из Юрьева был делом исключительно трудным, и Курбский писал, что его самого «от гонения на своей вые» вынесли верные слуги.⁸⁹ Мнение Э. Кинана насчет равнодушия Андрея Курбского к семье едва ли основательно. Впрочем, известны многие факты, характеризующие князя как человека черствого и жестокого. Будучи в Литве, Курбский убил слугу, помогшего ему бежать из Юрьева. Боярин не раз грабил соседей по имению. В своих владениях он сажал местных еврейских торговцев в водяные ямы, кишевшие пиявками, и вымогал у них деньги.⁹⁰

В своем письме Курбский писал, что «отогнан» был из отечества царем и им же лишен всего. В самом деле, в Москве происходили тревожные события. Грозный подверг гонениям знать. Некоторые из бояр лишились головы. Курбский бежал за рубеж, спасая жизнь. Однако помимо всего прочего он был подкуплен литовцами, и его гнал из отечества страх разобла-

чения. На родине боярин до последнего дня располагал властью и богатством. Когда же он явился на чужбину, ему не помогли ни охранная грамота короля, ни присяга сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод (по крайней мере в первые недели после бегства), но, напротив, подвергся прямому насилию и был ограблен до нитки. Житейская катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о земле Божьей — покинутой родине.

В период подготовки к побегу за рубеж Курбский написал второе послание в Псково-Печорский монастырь. Оказавшись в Вольмаре, беглый боярин первым делом отрядил на Русь верного слугу, поручив ему тайно пробраться в Печоры и попросить у монахов денег в долг. У беглеца не осталось за душой ни полушки. Однако надежды Курбского не оправдались. Старцы не только категорически отказались ссудить князю деньги, но и поспешили прервать всякие отношения с «государевым изменником». «Посылал еси к игумену и к вам человека своего бити челом о потребных животу, — писал Курбский старцам, — и для недостойнства моего от вас презрен бых...»; «... не токмо есте нас предали и отчаяли, — продолжал он, — но и милости естя своя, обычныя язычником и мытарем, не сотворили: имущи у себя, что подати, а утробу свою затворили есте; еще же и взаимы прошинно и паки возвращенно быти хотящися».⁹¹ После посещения Печор холоп Курбского должен был заехать в Юрьев и повидать там надежных людей. В записке к своим юрьевским друзьям Курбский просил достать из тайника на воеводском дворе «писание», адресованное в Печоры («писано в Печоры») и заключавшее в себе «дело государское». Боярин заклинал доставить его «писание» к царю или же в Псково-Печорский монастырь. «Вымите бога ради, положено писание под печью, страха ради смертнаго. А писано в Печоры, одно в столбцах, а другое в тетратях; а положено под печью в ызбушке в моей в малой; писано дело государское. И вы то отошлите любо к государю, а любо ко Пречистой в Печоры».⁹² В тайнике на воеводском дворе в Юрьеве, видимо, хранилось второе послание Курбского в Псково-Печорский монастырь, так и не отправленное адресату до отъезда его в Литву.

Послание это, содержавшее целую политическую программу и являвшееся страстным протестом против действий царя и осифлянской церкви, формально было адресовано Васьяну. Фактически же оно имело в виду Грозного и все Российское государство. Вот почему после побега Курбский просил отослать свое печорское послание, как то ни удивительно, прямо к царю или же в Печорский монастырь.

Автор послания-памфлета стремился изобличить царя в «законопреступлениях». Впервые он получил возможность открыто, не боясь гонений, подвергнуть критике действия державного правителя России, а вместе с тем и оправдать свою измену и отъезд в Литву.

Тайным гонцом Курбского был Василий Шибанов. В поздних летописях можно прочесть историю о том, что боярин тотчас после побега прислал верного раба Ваську Шибанова с «досадительным» письмом к царю. Последний будто бы вручил письмо Грозному в Москве на Красном крыльце. «Тогда царь ярости исполнився, призвав холопа тово близ себя и осном (посохом. — *Р. С.*) своим ударил в ногу его и пробив ногу, наляже на посох свой и повеле лист прочитати, в нем бе же написано со всяким досадительством».⁹³ Приведенный рассказ, как справедливо отметил Я. С. Лурье, есть поздняя романтическая легенда.⁹⁴

Шибанов не успел выполнить поручений господина. Он был пойман в Юрьеве воеводами и под стражей отвезен в Москву. По свидетельству официальной летописи, Шибанов «сказал про государя своего князя Андрея изменные дела, что государю царю и великому князю умышлял многие изменные дела».⁹⁵ Холоп и не думал предавать своего господина. Он лишь выполнил его прямое распоряжение, указав тайник, где хранились писания

Курбского. В глазах Грозного эти писания-памфлеты явились наиболее веским доказательством «великой» измены беглого боярина.

Ваську Шибанова царь предал мучительной казни. Несмотря на все поножжения и пытки, верный холоп не захотел отречься от своего господина.⁹⁶

В первые недели после бегства Курбский укрывался в Вольмаре. Письма, составленные там, автор посвятил почти исключительно оправданию своей измены и бегства. В письме к Васьяну боярин раздраженно укоряет старцев за их скупость, осуждает за отказ выступить против неправедных властей и за предательство в отношении гонимых. «... Чим прегордых державных обуздали? — вопрошает он монахов, — где собори мученических борителей? <...> днесь же всю землю нашу погибшу уже предаде!».⁹⁷ Курбский утверждает, что бывшие нестяжатели из Печорского монастыря впадают в ересь «угодного (властям) учения», когда говорят: «Не надобе... глаголати пред цари не стыдяся о свидениях господних, ниже обличати о различных законопреступных делех их, неудобь бо стерпима ярость их человеческого естеству».⁹⁸ В глазах боярина подобная позиция была худшим предательством.

В письме к царю Курбский в самых резких выражениях клеймит преступления державных властей. За что, спрашивает он царя, побил ты «сильных во Израили» бояр-воевод, пролил их кровь в церквах и предал различным смертям? За что ты всеродно погубляешь нас, бояр? Перечислив под конец свои военные заслуги, он восклицает: «Коего зла и гонения от тебе (царя. — *Р. С.*) не претерпех!.. всего лишен бых и от земли Божия тобою туне отогнан бых». В письме явственно звучит угроза жестокому властителю России: «Не мни, царю, не помышляи нас (опальных бояр. — *Р. С.*) суемудренными мыслями, аки уже погибших, избьенных от тебя неповинно, и заточенных и прогнанных без правды; не радуися о сем, аки одолением тощим хваляся... прогнанные от тебе бес правды от земля к Богу вопием день и ночь на тя!»⁹⁹

Послания к монахам и к царю заканчиваются совершенно одинаковыми фразами. Беглец грозит предателям-старцам и царю Ивану Божьим судом и претит тем, что возьмет писания против них с собою в гроб.¹⁰⁰

Попытки отъезда в Литву, предпринимавшиеся в начале 60-х гг. видными боярами (Курлятев, Бельский и т. д.), неизменно терпели провал. Бывший член ближней думы и личный друг царя боярин Курбский был удачливее своих друзей. Вместе с ним в литовской эмиграции оказался стрелецкий командир Т. И. Тетерин-Пухов. Тетерины происходили из неродословной дворянской семьи. Отец и дед Тимохи сделали успешную карьеру на служило-бюрократическом поприще и носили дьяческие чины. Тетерин и его стрельцы отличились в Астраханском походе и особенно в первых кампаниях Ливонской войны. Тетерин в январе 1558 г. привез в Москву весть об успешном завершении первого похода в Ливонию.¹⁰¹ Спустя несколько месяцев стрельцы Тетерина приступом взяли Русские ворота Нарвы, через которые в город вошла конница. Еще через месяц Тетерин участвовал в занятии Сыренска, откуда Д. Ф. Адашев послал его к царю с вестью о победе. В конце 1559 г. Тетерин громил арьергарды рыцарского войска, отступавшего от стен Юрьева.¹⁰² Однако с падением рады карьере Тетерина пришел конец. Он должен был разделить участь Курлятева. Стрелецкого командира насильственно постригли в монахи и заточили в отдаленный Антониев-Сийский монастырь.¹⁰³ По утверждению царя, Тетерин был «зловверным единомысленником» Курбского, Адашева и Сильвестра, чем, собственно, и объясняется жестокая расправа с ним.¹⁰⁴ Время царской опалы на Тетерина можно установить на основании двух дел, хранившихся в царском архиве. Первое из них — «Посылка на Двину в Сейской монастырь Тимохи Тетерина с Григорьем Ловчиковым» и второе — «Грамота от свейского короля ко государю под Полотеск с Васьюкою Тетериным».¹⁰⁵ Ловчиков был подручным Вяземского

и вместе с ним отличился в Полоцком походе. Упомянутый в архивной описи Васька Тетерин был близким родственником изменника Тимохи. В 1562 г. он ездил в Швецию и при осаде Полоцка прибыл в царский лагерь с королевскими грамотами.¹⁰⁶ Можно не сомневаться, что власти ни в коем случае не отпустили бы Ваську за рубеж, если бы его брат Тимоха подвергся опале уже к тому времени.¹⁰⁷

В монастыре Тимофей Тетерин пробыл не более года и вскоре сбежал в Литву. Царь Иван в послании Курбскому пишет о Тетерине и его бегстве из монастыря следующее: «Много же и не в давних летех постриженных и от сиглита превелика, паче же первых, иж сие не дерзнуша сотворити...» По мнению Я. С. Лурье, речь шла о лицах, которые были пострижены недавно по решению великого собора-синклита.¹⁰⁸ Такая интерпретация текста как будто позволяет связать пострижение Тетерина с судом над Адашевым и Сильвестром. Предложенный перевод едва ли точен. Под «сиглитом великим» царь подразумевает не собор, а Боярскую думу. Таким образом, речь идет о недавно постриженных членах думы (Курлятев и др.). В произведениях Грозного именно бояре неизменно называются «сиглитами». В камилавке и рясе явился Тетерин ко двору Сигизмунда Августа.¹⁰⁹ Как выяснилось, побегу Тетерина содействовал его старый соратник по Ливонской войне, видный стрелецкий командир А. Ф. Кашкаров. В архиве хранилось «дело Ондрея Кашкарова да Тимохина человека Тетерина Поздячко, что они Тимохиным побегом промышляли».¹¹⁰ После бегства Тетерина Кашкаров и его родня подверглись аресту и позже были казнены.¹¹¹

В 1580 г. царь заявил польскому послу: «А Курбский и Тетерин не для нашего окрутенства побежали, для своего злодейства, что были они на живот помыслили, и мы хотели их за их измену казнити, что были от тово побежали; а Тимоху были есмь и пожаловали, а велели есмь его постричи по своему закону, и он, сметав платье чернецкое, да в Литву сбежал».¹¹²

В мае-июле 1564 г. Т. Тетерин прислал из-за рубежа письмо к наместнику Юрьева М. Я. Морозову.¹¹³ В язвительных выражениях расстрига указывал ему на унижения бояр, недоверие к ним царя, на всесилие и лихоимство приказной администрации, новых царских «верников» — дьяков. В конце Тетерин притворно сожалел о том, что Морозов и прочие гонимые царем бояре не решаются покинуть Россию: «А Бог, государь, у вас ум отнял, что вы над женами и над детьми своими и над вотчиннишками головы кладете, а жен своих и детей губите, а тем им не пособите».¹¹⁴

В конце XV—начале XVI в. имел место исход знати из Литвы в Москву. В середине XVI в. русская знать повернулась лицом к Литве, выразив тем самым свое отношение к нарождавшимся в России самодержавным порядкам. Среди тех, кто пытался покинуть Русь и укрыться в Литве, были глава Боярской думы князь И. Д. Бельский, удельные владыки Глинский, Вишневецкий, возможно, Воротынские, глава Избранной рады Курлятев, боярин Ростовский с родом, боярин Курбский. Царь жестоко пресекал эти поползновения знати. Но властям не удалось полностью закрыть границы. Результатом было образование в Литве русской эмиграции, что имело важные политические последствия. Впервые за много лет противники Грозного получили возможность открыто защищать свои интересы и противопоставить официальной точке зрения собственные требования.

Благодаря оживленным торговым и дипломатическим сношениям между Россией и Литвой эмигранты могли поддерживать постоянные связи со своими единомышленниками в России, и в первую очередь с недовольным боярством. В русской же столице жадно ловили все слухи и вести, исходившие из-за рубежа. Протесты эмигрантов получили чрезвычайно сильный резонанс в обстановке углубляющегося конфликта между царем и аристократией.

- ¹ Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 111—112.
- ² Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 77—78.
- ³ АИ. Т. 1. № 172. С. 329.
- ⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 376.
- ⁵ Переписка. С. 33.
- ⁶ Курбский. Сочинения. С. 277.
- ⁷ Переписка. С. 19.
- ⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 525.
- ⁹ Там же. С. 98, 141, 443, 456, 524.
- ¹⁰ Там же. С. 456.
- ¹¹ Там же. С. 449.
- ¹² Государственный архив Латвийской ССР (Рига). Ф. А-2. Оп. К-8. Д. 35. Л. 5—7.
- ¹³ ТКДТ. С. 55, 57, 61, 118.
- ¹⁴ Витебская старина. С. 28, 53, 63; Разряды. Л. 302, 303.
- ¹⁵ Курбский. Сочинения. С. 279.
- ¹⁶ Дату смерти Кашина сообщают родословцы (*Власьев Г. А. Потомство Рюрика*. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 499—500).
- ¹⁷ Переписка. С. 34.
- ¹⁸ Там же. С. 26.
- ¹⁹ Курбский. Сочинения. С. 282—283.
- ²⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 401—402.
- ²¹ ДРВ. Ч. 20. С. 46.
- ²² Курбский. Сочинения. С. 282—283.
- ²³ ДДГ. С. 423.
- ²⁴ Курбский. Сочинения. С. 276—277.
- ²⁵ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 10. Л. 15.
- ²⁶ Там же. Л. 98.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 343.
- ²⁸ Там же. С. 371—372.
- ²⁹ См.: Разрядная книга//Архив ЛОИИ. Собр. Н. П. Лихачева. Оп. 1. № 146. Л. 251—252, 257.
- ³⁰ Витебская старина. С. 64, 69; Сб. РИО. Т. 71. С. 48, 150.
- ³¹ АФЗХ. № 299. С. 311.
- ³² Курбский. Сочинения. С. 295—297.
- ³³ Зимин. Опричнина. С. 109.
- ³⁴ Рассказ Курбского о беседах между мучителем-царем и его жертвой напоминает житийную литературу о великомучениках и в общем не заслуживает доверия (Курбский. Сочинения. С. 296—297).
- ³⁵ Сб. РИО. Т. 129. С. 40.
- ³⁶ Родословная книга. Т. 1. С. 299; Разряды. Л. 16 об.
- ³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 212—217.
- ³⁸ Курбский. Сочинения. С. 223—224; ПСРЛ. Т. 13. С. 257.
- ³⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 295, 327, 349.
- ⁴⁰ Сб. РИО. Т. 129. С. 23, 40, 42—51, 89, 93, 98.
- ⁴¹ Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 154. В отчете датских послов «Алекс Данилович» ошибочно поименован Бельским, а не Басмановым.
- ⁴² Сб. РИО. Т. 71. С. 267, 274.
- ⁴³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 258.
- ⁴⁴ Разрядная книга 1475—1598. М., 1966. С. 107.
- ⁴⁵ Переписка. С. 47.
- ⁴⁶ Там же. С. 7.
- ⁴⁷ Шлихтинг. Новое известие. С. 17; Штаден. Записки. С. 96.
- ⁴⁸ Разрядная книга//Архив ЛОИИ. Собр. Н. П. Лихачева. Оп. 1. № 146. Л. 251—252, 257.
- ⁴⁹ Описи царского архива. С. 43.
- ⁵⁰ Переписка. С. 9.
- ⁵¹ Курбский. Сочинения. С. 206, 260.
- ⁵² Там же. С. 305.
- ⁵³ Митрополиты издавна пользовались правом «советывания» перед царем. В грамоте о поставлении на митрополию Филиппа Кольчева значилось: «игумен Филипп митрополю не отставливал, а советовал бы с царем с великим князем, как прежние митрополиты советовали с отцом его великим князем Василием и з дедом его великим князем Иваном» (Приговор 20 июля 1566 г.//СГГД. Ч. 1. № 193. С. 557).
- ⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 378.
- ⁵⁵ Там же. В «Актах исторических» соборная грамота ошибочно датирована 2 февраля 1564 г. (см.: АИ. Т. 1. № 173. С. 333).
- ⁵⁶ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 245.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 381.

⁵⁸ 20 июня 1564 г. правительство выдало митрополиту жалованную, обельно-несудимую и заповедную грамоту на все митрополичьи вотчины. В августе-сентябре митрополичий дом получил от казны новые льготы и привилегии (см.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.//АЕ за 1960 г. 1962. С. 160—161).

⁵⁹ СГГД. Ч. 1. № 180—181. С. 496—503.

⁶⁰ Курбский. Сочинения. С. 397.

⁶¹ Там же. С. 395—396.

⁶² Там же. С. 396—397.

⁶³ Там же. С. 406—407.

⁶⁴ Там же. С. 396.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 320—321. Корнилий управлял монастырем в 1529—1570 гг. (см.: *Масленникова Н. Н.* Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства//ТОДРЛ. 1951. Т. 8. С. 206).

⁶⁷ Курбский. Сочинения. С. 393.

⁶⁸ Там же. С. 395.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же. С. 398.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ ПСРЛ. Т. 13. С. 382; Жизнь кн. А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 1. С. IV.

⁷⁴ Переписка. С. 8.

⁷⁵ Там же. С. 14.

⁷⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 321.

⁷⁷ *Петровский М.* Рецензия на «Сказания кн. А. Курбского» (изд. 3-е издал Н. Устрялов. СПб., 1865)//Изв. Казанского ун-та. 1873. Кн. 4. С. 7—28. Текст беседы царя с послом Ф. Воропаем опубликован также в кн.: Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 300.

⁷⁸ Названные грамоты были представлены наследниками Курбского королевскому суду Литвы в 1584 г. (Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т. 2. С. 193).

⁷⁹ *Andreyev N.* Kurbsky's Letters to Vas'yan Muromtsev//The Slavonic and East European Review. London, 1955. Vol. 33. № 81. P. 427—428.

⁸⁰ Письмо Сигизмунда II Августа от 13 января 1563 г.//Архив Курник (Познань). Кōпн. № 1536. Этот источник любезно указал нам Б. Н. Флоря.

⁸¹ Государственный архив России XVI столетия : Опыт реконструкции/Подгот. А. А. Зимин. М., 1978. Вып. 3. 533.

⁸² Сб. РИО. Т. 71. С. 98 и след.

⁸³ Летопись Ф. Ниештедта//Прибалтийский сборник. Т. 4. С. 37—38.

⁸⁴ Акт Литовской метрики о бегстве князя А. М. Курбского/Изд. Г. З. Кунцевич//ИОРЯС. 1914. Ч. 19. Кн. 2. С. 284.

⁸⁵ Там же. Жалоба Курбского датирована 23 февраля 1567 г. Курбский судился с ливонскими дворянами несколько лет, но смог вернуть себе только часть отобранного имущества.

⁸⁶ Кинан. Апокриф. С. 200. Примеч. 46.

⁸⁷ Штаден. Записки. С. 87.

⁸⁸ См.: Летопись Ф. Ниештедта. С. 36.

⁸⁹ Жизнь князя А. М. Курбского в Литве и на Волыни. Т. 2. С. 312.

⁹⁰ Там же. С. 6.

⁹¹ Курбский. Сочинения. С. 405, 409—410.

⁹² Там же. С. 359—360.

⁹³ *Устрялов Н. Г.* Сказания кн. А. М. Курбского. СПб., 1842. С. 372.

⁹⁴ Послания Ивана Грозного. С. 585.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 383.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Послания были написаны в начале мая 1564 г. Обращаясь к Васьяну, Курбский пишет: «...а днесь (на днях, т. е. еще будучи в Юрьеве! — Р. С.) слышах от некоего аки честна мниха» и т. д. (см.: Курбский. Сочинения. С. 407).

⁹⁸ Там же. Ссылаясь на слова «некоего аки честна мниха», Курбский приписывает названную «ересь» печорскому архиерею (игумену Корнилию?).

⁹⁹ Переписка. С. 7—8.

¹⁰⁰ Там же. С. 8; Курбский. Сочинения. С. 408—409.

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 289; Послания Ивана Грозного. С. 212.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 13. С. 266, 289, 293, 295, 298—299, 322.

¹⁰³ Послания Ивана Грозного. С. 17, 291.

¹⁰⁴ Там же. С. 16.

¹⁰⁵ Описи царского архива. С. 43, 42.

¹⁰⁶ Там же. С. 120.

¹⁰⁷ Под Полоцком В. Тетерин «тягался» со знатным дворянином В. П. Мухиным-Карповым. В архиве хранилось «дело Василия Мухина с Васкою Тетериным» (Там же. С. 42).

¹⁰⁸ Послания Ивана Грозного. С. 17, 291.

¹⁰⁹ Штаден. Записки. С. 94.

¹¹⁰ Описи царского архива. С. 43.

¹¹¹ См.: Веселовский. Исследования. С. 393—394; Курбский. Сочинения. С. 304.

¹¹² Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1871. Т. 10. С. 226.

¹¹³ Послания Ивана Грозного. С. 537. В письме своем Тетерин упоминает; что «ныне» царь одаровал Морозова Юрьевским наместничеством. Известно, что Морозов получил назначение в Юрьев весною 1564 г. и приехал туда в мае-июне.

¹¹⁴ Послания Ивана Грозного. С. 537. Бумаги Тетерина попали в руки царя, который много лет спустя процитировал «расстриге»-богатырю его собственное письмо Морозову (Там же. С. 212).

СПОР С КУРБСКИМ

Раздор с Боярской думой и вызов, брошенный Курбским из эмиграции, активизировали литературную деятельность царя Ивана. Едва завершив исправление официальной истории своего царствования, Иван IV взялся за составление послания Курбскому, самого значительного своего произведения.

Спор о характере переписки Грозного и Курбского возник давно. Н. М. Карамзин рассматривал ее как сугубо личную.¹ Последующие исследования выявили, однако, ошибочность его мнения.

При издании сочинений Ивана Грозного в 1951 г. Я. С. Лурье высказал мнение, что царь написал свое самое известное произведение — письмо Курбскому — в агитационных целях и что различные редакции этого письма выработались в ходе поднятой им широкой агитационной кампании. Наиболее ранняя редакция (ГПБ. Собр. Погодина. № 1567), по предположению Я. С. Лурье, восходила, вероятно всего, к официальному тексту, посылавшемуся «во все Российское царство».² Поздняя редакция послания Грозного (тексты «сборников Курбского»), как полагал исследователь, включала дополнения, восходившие к особой авторской редакции: «Адресовав и разослав свое Послание прежде всего „во все Российское царство“... царь озаботился все же и об отправлении одного экземпляра Послания Курбскому и в этот-то экземпляр и приказал вписать заключительную фразу письма».³ Позже царь Иван, согласно мнению Я. С. Лурье, под влиянием едкой критики Курбского подверг послание официальной переделке, в результате чего возникла Краткая редакция, «может быть, авторского происхождения».⁴

Тезис по поводу агитационного характера переписки вызвал определенные сомнения, как и гипотеза об авторском происхождении Краткой редакции послания Грозного.⁵ Отказавшись от этой гипотезы, Я. С. Лурье не изменил мнения о характере переписки.⁶ Исходя из представлений об агитационном происхождении переписки, он выработал понятие «печорский сборник», применив его прежде всего к Погодинскому сборнику (ГПБ. Собр. Погодина. № 1567). Погодинский сборник, писал в свое время Я. С. Лурье, восходит «вероятнее всего к официальному тексту, посылавшемуся во все Российское царство (и уж, конечно, в такие нуждавшиеся в агитационной литературе районы, как Юрьев и Печоры)».⁷

Наблюдение за устойчивым комплексом документов, сопутствовавших первому посланию Курбского царю, позволило сформулировать тезис о «вольмарском конвое» переписки и выявить тот факт, что Погодинский сборник, названный Я. С. Лурье «печорским», отражал не раннюю, а позднюю фазу формирования рукописного сборника, когда вольмарский «конвой» подвергся заметному разрушению, зато в состав сборника было включено послание Грозного Курбскому.⁸

Сборники раннего состава заключали в себе одни только письма государственных преступников, а следовательно, они агитировали не за Грозного, а против него. Совершенно невероятно, чтобы Москва могла посылать такие сборники в Печоры или любое другое место в агитационных целях. Применение названия «печорский» к сборникам этого состава кажется поэтому неоправданным.

Ранний сборник приобрел новое идейное звучание после включения в него Послания Грозного, но произошло это, согласно наблюдениям А. А. Зимина и Я. С. Лурье, не ранее первой трети XVII в.⁹ Очевидно, этот новый сборник не имел никакого отношения к предполагаемой агитационной кампании Ивана IV, охватившей район Юрьева и Печор в 60-х гг. XVI в. Таким образом, наименование «печорский» едва ли можно применить и к сборникам этого типа.

В своей последней публикации Я. С. Лурье называет «печорскими» сборники как раннего состава (типа ГИМ. Собр. Уварова. № 1584), так и позднего состава (типа ГПБ. Собр. Погодина. № 1567).¹⁰ Аналогичным образом А. А. Зимин, упомянув о «вольмарском конвое», замечает: «Весь комплекс сочинений также можно назвать „Печорским сборником“, по месту, где он мог сложиться».¹¹

Приняв гипотезу Я. С. Лурье о печорском происхождении сборников, А. А. Зимин добавляет: «Эта догадка основана на очень осторожном замечании Я. С. Лурье: „... не из Печорского ли монастыря... происходит наш сборник“».¹² В ходе дальнейшего анализа осторожная догадка насчет печорского происхождения сборника претерпевает метаморфозу, превращаясь как бы в доказанный факт, который служит основанием для новых гипотез. Если «печорский сборник» мог сложиться в Печорах, то он также мог оставаться там до появления Грозного. «Вероятно, — пишет А. А. Зимин, — этот сборник был захвачен властями во время царского похода во Псков 1570 г. ... и попал в царскую казну, где к нему было присоединено ответное Послание царя Курбскому». Гипотеза насчет перехода сборника из Печор в казну дает пищу для новых догадок. Пожар «государевой казны» в 1626 г., возможно, сделал доступными читателю сочинения И. С. Пересветова; «сходная судьба могла быть и у послания Курбского»; вскоре после 1626 г. к сборнику с Посланием Курбского было присоединено Послание Грозного.¹³

Так история «печорского сборника» оказывается окруженной цепью шатких гипотез, тесно связанных между собой, но не опирающихся на строго проверенные факты.

Я. С. Лурье сделал важное текстологическое наблюдение, обнаружив, что в «печорских сборниках» 20—30-х гг. XVII в. тексты посланий «представляют собой уже вторичное явление в рукописной традиции»; «наиболее ранний текст Первого послания Грозного читается в рукописях, не включающих сочинений Курбского».¹⁴ Однако Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков отнесли к классу «печорских сборников» также и вновь найденный сборник особого состава (ЦГВИА. Ф. Военно-ученого архива. № 3. Ч. 1), включающий послание Грозного самой ранней редакции, непосредственно восходящей к протографу первой пространной редакции.¹⁵ В указанном списке ранний текст послания Грозного соединен с посланиями Курбского, но оно читается не после первого письма Курбского, а в начале сборника и ему предпослано своего рода оглавление: «Послание царское во все города... Грамота патриарха Ермогена к королю польскому. Грамоты Курбского».¹⁶ Составитель сборника чисто механически присоединил царское послание к имевшейся у него подборке писем, поместив по чину сначала царя, потом патриарха, потом боярина.

Объединение трех видов рукописных сборников, совершенно различных по составу и происхождению, под общим наименованием «печорские сборники» представляется неоправданным и неосновательным.

Нельзя признать удачным само название «печорский сборник». Анализируя Погодинскую рукопись (№ 1567), Я. С. Лурье связал с Печорами два документа

Курбского: краткую записку в Печорский монастырь и его же послание старцу Васьяну.¹⁷ Указание на записку Курбского основано на некотором недоразумении. Записка заключала просьбу Курбского изъять его писания из его «избушки» в Юрьеве. Туда она, очевидно, и была адресована.¹⁸

В «конвое» Послания Курбского только один документ адресован в Печору, тогда как все остальные, включая краткую записку Курбского, письмо А. Полубенского, письмо Тетерина и Сарыхозина, четко связаны с Вольмаром и адресуются не в Печору, а в Юрьев.

Оставаясь на почве твердо установленных фактов, можно указать на один признак, бесспорно объединяющий документы «конвоя». Все они были составлены в Вольмаре тотчас после бегства туда Курбского. Кружок новых покровителей и единомышленников беглого боярина имел основание сохранить черновики своих писем. Однако, коль скоро беловики писем были отправлены на Русь, они должны были собраться, как в резервуаре, в Москве. Факты прямо подтверждают такой вывод: царь Иван хорошо знал письмо Тетерина из подборки вольмарских документов, хотя это письмо вовсе не было адресовано царю. (Со временем Грозный не пожалел труда и написал Тетерину ответ). Письма государевых изменников из-за рубежа жгли руки их адресатов, будь то воеводы или монахи. За недонесение им грозило самое жестокое наказание. Крамольные письма довольно быстро попадали к царю.

Сборник раннего состава сложился в Москве после бегства Курбского и никакого отношения к агитации царя в Печорах не имел. Когда и кто присоединил к указанной подборке письмо Грозного (в одном случае ранней, а в другом — поздней редакции), неизвестно. В литературе не приведено ни одного факта, который позволил бы связать создание таких более полных сборников (по объему новые сборники многократно превосходили раннюю подборку) с Печорами. Вместе с понятием «печорский сборник» следует отказаться и от представлений об агитационном предназначении этих сборников. Между тем Я. С. Лурье, исходя именно из таких представлений, относит письма Курбского и Грозного к жанру «открытых писем». Система аргументации в этом случае зиждется прежде всего на наблюдении над заголовком послания Грозного, который читается (в названном выше списке ЦГВИА) следующим образом: «Благочестивого великого государя царя и великого князя Иоанна Васильевича всея Руси послание во все его великие Росии государство на крестопреступников князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи и о их измене». В приведенном заголовке формула «во все его Великия Росии государство» заменила формулу других списков «во все Российское царство».¹⁹ Первая формула более характерна для XVII в., когда наименование «Великая Россия» приобрело самое широкое бытование. Таким образом, именно тот заголовок, который Я. С. Лурье рассматривает как древнейший, в действительности носит признаки позднего происхождения. Несравненно более важное значение имеет, однако, другой аргумент.

Подлинные посольские копии писем Грозного с очевидностью доказывают, что царские послания в полном соответствии со средневековой литературной традицией имели многословные и торжественные заголовки. Они включали символ веры («Бог наш Троица») и пояснения, от кого и кому (с подходящими случаю титулами) послано письмо. Например, заголовок письма Грозного к Стефану Баторию имел следующий вид: «Всемогущия святые... Троицы.. смиренный Иван Васильевич... Российского царствия... скипетродержатель... Стефану Божьею милостью королю». Аналогичным образом начинались два письма Ивана IV к шведскому королю: «Божественнаго... троичнаго... скипетродержателя Российскаго царствия, великого государя царя... Ивана Васильевича... слово наше то Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому».²⁰ Следуя трафарету, Грозный снабдил свое письмо Курбскому заголовком того же самого типа: «Бог наш Троица...

нас, смиренных скипетродержания Российского царствия... ответ... князю Андрею Михайловичу Курбскому».²¹ Внимательное чтение начальных строк Послания Ивана IV обнаруживает, что в них-то и заключен подлинный авторский заголовок, аутентичность которого едва ли может вызвать сомнение.

В подлинном заголовке Грозный упоминал о себе в первом лице. Со временем перед авторским заголовком в рукописи появился второй краткий заголовок. Он упоминал о царе в третьем лице и не был органической частью текста в отличие от авторского. Какой же из двух заголовков можно считать «важным историческим источником», ранним и аутентичным свидетельством? На этот вопрос не может быть двух ответов. Предпочтение следует отдать авторскому тексту Грозного. Что касается краткого заголовка, то он не только повторял, но и вносил в авторский заголовок существенные искажения. Подлинный заголовок Грозного заканчивался словами: «Сего православного... самодержавства... повеление, наш же крестьянский смиренный ответ... князю Андрею Михайловичу Курбскому... ведомо да есть». Иначе говоря: да будет известен Курбскому наш ответ! В кратком заголовке смысл царского «ответа» оказался извращенным: «... государево послание во все его Росийское царство на крестопреступников его, на князя Андрея Курбского с товарищы о их измене». Иначе говоря: да будет известно всему царству государево послание на Курбского!

Ничто не мешало царю Ивану адресоваться к широкому читателю и рассылать свои писания в качестве открытых писем «во все царство». Но для этого ему надо было изготовить Послание во множестве экземпляров, что неизбежно бы отразилось в рукописной традиции XVI в. Никаких указаний такого рода в источниках XVI в. нет. По ходу дискуссии об аутентичности переписки Грозного и Курбского в самой резкой форме был поставлен вопрос: почему Послание Ивана не вошло в официальные документы того времени и почему оно вообще не сохранилось ни в одном списке XVI и начала XVII в.? Ссылка на бедность рукописной традиции не разрешает недоумения. Грозный многократно обращался с письмами к различным лицам за рубежом, при этом текст царского письма копировался Посольским приказом и включался в соответствующие посольские книги. Таким путем в официальную документацию попали послания Грозного к королям Юхану III и Стефану Баторию, царские письма к литовским вельможам, составленные от имени бояр, и т. д. Копировались не только обращения к официальным лицам, но и частные письма Грозного. Например, когда царь написал саркастическое письмо впаавшему в немилость опричному любимцу Василию Грязному, находившемуся в крымском плену, дьяки включили царский текст в Крымские посольские книги.²² Однако текст письма Грозного к Курбскому в Польшу не попал в Польские книги, сохранившиеся до наших дней. Ни словом не упоминает об этом письме и подробная опись царского архива 60—70-х гг. XVI в. Полное «выпадение» Послания Грозного из официальных документов и рукописной традиции XVI в. ставит под сомнение оценку этого письма как «открытого», а равно и гипотезу о рассылке его во все Росийское царство.

Отсутствие Послания в доступной нам рукописной традиции XVI—начала XVII в. подтверждает вывод, что Грозный обращался не к широкому читателю «во все свое царство», а прежде всего к Курбскому. На протяжении многих лет царя Ивана и князя Курбского связывала личная интимная дружба. Мучительный для обоих разрыв вызвал жгучую потребность объясниться начистоту, выразить накопившие обиды. Вот причина того, что переписка бывших друзей насыщена интимными мотивами и жалобами, взаимными оскорблениями. Конечно, эти люди были не только частными лицами. Выдающиеся государственные деятели своего времени, они выражали противоположные политические устремления. По этой причине их послания приобрели значение замечательных публицистических памятников XVI в. Любой жанр, включая жанр «открытых

писем», неразрывно связан со своей исторической эпохой. Обмен «открытыми письмами» предполагает минимальную возможность открытого обсуждения. В преддверии опричнины такая возможность, и прежде незначительная, исчезла полностью. Царь обсуждал свое письмо с помощниками, Курбский — с эмигрантами. Но нет доказательств того, что их письма уже в то время нашли путь к читателям в России.

Свое послание царю Курбский начал словами: «Царю, от Бога препрославленному, паче же во православии пресветлу явившуся, ныне же грех ради наших, сопротивным обретеса». Упрек Курбского, по мнению Я. С. Лурье, сводился к тому, что в начале царствования (на Стоглавом соборе) Иван IV явился «от Бога прославленным», «пресветлым в православии», а ныне стал «сопротивным» — изменил своей «пресветлости». Отвечая на вопрос, о чем спорили Курбский и Грозный, Я. С. Лурье пишет: «Основным или во всяком случае главным предметом полемики между ними был вопрос о том, кто верен заветам начала царствования Ивана IV и кто стал им „сопротивен“». ²³

С такой интерпретацией трудно согласиться. Нет оснований связывать упрек Курбского с конкретными событиями и понятиями, со Стоглавым собором 1551 г. или Избранной радой. Слова Курбского о «сопротивном», по-видимому, имели в виду не «заветы» Избранной рады и не решения названного собора, а нечто значительно более важное — заветы Господа Бога и идеал пресветлого Русского царства. Суть этого идеала, который одинаково разделяли и государь, и его боярин, сводилась к следующему. Пал Константинополь, «порушилось святое греческое православие, в результате последним оплотом истинной веры стало пресветлое Московское царство. Спор Курбского с Грозным сосредоточился на вопросе, кто остался верен идеалу христианского царства, а кто стал «сопротивен» ему, т. е. впал в ересь. Трехчастная структура послания Курбского, по наблюдению В. М. Сергеева, всецело подчинена доказательству тезиса об отступничестве монарха. Во-первых, царь воздвиг гонения на достойнейших из православных и пролил их «святую кровь». Во-вторых, он подверг преследованиям Курбского, безгрешного перед царем и одерживавшего победы с помощью ангела. В-третьих, Иван IV и его окружение творят нечестивые и антихристианские деяния. Каждая из частей послания завершается угрозой Божьего суда. В заключение Курбский объявляет о появлении Антихриста в роли ближайшего советника царя. ²⁴

Слова Курбского глубоко уязвили царя прежде всего потому, что они заключали страшную угрозу для трона. Присяга на верность монарху, вступившему в союз с Антихристом, утрачивала законную силу. Долг каждого христианина заключался в том, чтобы не покоряться, а бороться с такой властью всеми возможными средствами. Всяк пострадавший в борьбе с Антихристом превращался в мученика, а пролитая им кровь становилась святой.

Обвинение в ереси носило не личный и частный, а скорее всеобщий характер. Пример крушения великого Рима и царственного Константинополя был перед глазами, и если столп и глава последнего христианского царства впал в ересь и в его окружении появился Антихрист, тогда гибель «Нового Израиля» неизбежна. За обвинениями Курбского угадывалась почти апокалиптическая картина. Для Курбского речь шла о спасении истинной веры. Совершенно так же понимал дело и Грозный. Но каждый из них предлагал свой путь спасения Святоторусского царства. Обозначение этого пути в значительной мере зависело от ответа на вопрос, на ком держится истинно христианское царство, а кто его рушит.

По утверждению Курбского, Иван IV перешел в число «сопротивных», так что оплотом «пресветлого православия» являются бояре — «сильные во Израиле», готовые пролить свою «святую кровь» ради истинной веры. Боярин Репнин был первым из советников, пытавшихся удержать монарха от неблагочестия — участия в попойках, скоморошьих забавах и маскарадах. За это

он принял мученическую смерть: его святая кровь пролилась в церкви. О подвигах Репнина и других страдальцев за веру Курбский подробно повествует в «Истории о великом князе Московском». Убиенные, подчеркивал он, были «воистинну святыми» или «святого жительства людьми», в нравах и жизни «ангелом подобны», искусные в священном писании.²⁵ С гибелью самых святых и благочестивых «во Израиле», очевидно, рушится и сам Израиль. Монарху помогает Антихрист, которого Курбский прямо называет «губителем Святорусского царства».

В ответном послании Грозный старался доказать, что если кто и впал в разные ереси, то это Курбский и другие изменники-бояре, тогда как государь «сопротивен» только своим неверным подданным, которые стараются поработить или погубить его. Коль скоро «пресветлый в православии» самодержец и допускал некоторые отступления от благочестия, то делал он это, по утверждению Ивана, либо по молодости, либо уступая «немощи человеческой». Казнив изменных бояр, монарх лишь осуществил свои законные права. Избавившись от опеки наставников и взяв царство в свои руки, царь остался таким же столпом Святорусского царства, каким был. Таков смысл рассуждений Ивана IV.

«Широковещательное» и «многошумящее» послание Грозного составляло по тогдашним масштабам целую книгу во много десятков страниц. По содержанию своему — это подлинный манифест самодержавия, в котором наряду со здоровыми идеями много ходульной риторики и хвастовства, претензии выдаются за действительность. Главный вопрос, который целиком владел вниманием царя, был вопрос о власти и государственном устройстве. При Иване III литовские князья и знать искали прибежище в православной Москве. При внуке Ивана III поток устремился в обратном направлении. Грозный был достаточно опытным политиком, чтобы понять причины такого поворота. Для России Польша оставалась своеобразным окном на Запад. Благодаря тесным сношениям с Польшей Россиязнакомилась с политическим устройством, отличным от ее собственного. Участвовавшие попытки бегства бояр в Литву явились симптомом перемен в сознании русской знати. Не одной лишь аристократии литовского происхождения, не порвавшей связей с родиной, импонировали порядки Польско-Литовского государства, гарантировавшие привилегии магнатов, их незыблемое право участвовать в решении государственных дел, включая избрание на трон монарха. Сдвиг в сторону самодержавия, явственно обозначившийся в правление Грозного, стал едва ли не главным источником конфликта между монархом и русской аристократией.

В споре с Курбским царь употребил все красноречие, чтобы скомпрометировать демократические для того времени принципы устройства шляхетской республики и доказать превосходство и богоугодность русского единодержавия. «Безбожные языцы..., — писал Иван, — ...те все царствии своими не владеют: как им повелят работные их, так и владеют. А Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи».²⁶

Ход рассуждений Грозного весьма несложен. Западные народы чужды православию, следовательно, они безбожны, как безбожно и их политическое устройство. Подданные не могут решать государственные дела, следуя своим интересам. Не подданные — «работные» государей — источник власти, и не им определять, как царю владеть своими царствами. Политические принципы, опирающиеся на «ряд» (договор) между государем (князем) и обществом, не были чужды Руси, как то доказывает история Новгородской феодальной республики. Однако с падением Новгорода принцип взаимных обязательств стал все больше вытесняться принципами единодержавия. Всякое отступление от единодержавия, по мысли Грозного, губительно для России. Законный монарх, получивший власть от самого Бога, не должен делить ее ни с кем. Без крепкой единодержавной власти Российское царство тотчас распадется от беспорядков

и междоусобных браней. К этому тезису царь возвращается многократно, подкрепляя его священным писанием и ссылками на историю древних царств. Договорный политический строй у безбожных «язычей» Запада Грозный воспринимает как порабощение верховной власти со стороны собственных «рабочих». Этому порочному принципу он противопоставляет принцип порабощения властью всех подданных, к какому бы чину они ни принадлежали — от высокородных князей до страдников. Божьим изволением еще деду его, великому государю Ивану III, всевышний поручил в работу прародителей Курбского и прочих бояр-князей. Разве это благочестно, чтобы «под властью нарицаемого попа (Сильвестра. — Р. С.) и вашего (бояр. — Р. С.) злочестия повеления самодержавству быти?». «Доселе русские владатели... вольны были подовластных жаловати и казнити...»²⁷

Вопрос о взаимоотношении монарха с боярством занимает центральное место в послании Грозного. Когда Сильвестр и Курлятев за их измены подверглись наказанию и в Боярской думе («сиглите») вспыхнули глубокие распри, Курбский не стал препятствовать междоусобию, а разжег пожар, приняв участие в «злодейственном совете». Суть злодейства заключалась в том, что бояре «Богом им даннаго и рождышагося у них на царстве царя... отвергшеся и елико возмогша, злая сотвориша — всячески, словом и делом, и тайными умышлениями...»²⁸ Приведенные строки представляются наиболее откровенными во всем послании. Обличая боярскую измену на страницах московских летописей, Иван IV не предвидел того, что очень скоро ему придется адресовать обличительные письма крамольным боярам за рубеж. Как бы то ни было, именно летописные работы наилучшим образом подготовили царя к спору с Курбским. Грозный не желал обсуждать с изменником трудности своего нынешнего положения и потому его письмо было полно недомолвок и иносказаний, едва он обращался к текущим событиям. Летописные приписки помогают расшифровать многие из этих недомолвок. Курбский и другие крамольники из Боярской думы, утверждал Иван, отвергли Богом данного им государя. В этом случае царь лишь повторил в общей форме мысль, изложенную ранее на полях летописи. В «Повести о мятеже» эта мысль дала основное содержание сочиненным «царским речам». Находясь в 1553 г. на смертном одре, самодержец горько упрекал членов Боярской думы за то, что они изменяют многократно принесенной присяге на верность престолу: «...целовали есте мне крест и не единова, чтобы есте мимо нас иных государей не искали... и вы свои души забыли, а нам и нашим детям служить не хотите... и коли мы вам ненадобны, и то на ваших душах».²⁹ Трехлетний опыт самостоятельного правления и раздор с думой породили в голове Ивана трагическое сознание того, что он и его дети «ненадобны» более его могущественным вассалам. Отвергнув государя, писал Грозный Курбскому, бояре нанесли ущерб трону не только словом — «тайным умышлением», но и делом. Речь шла о тайных обсуждениях в думе проекта низложения Ивана и передачи короны царскому брату или же Шуйским. Если верить сетованиям Грозного, планы переворота вступили в фазу практического осуществления. Привыкнув в юности рубить головы боярам, монарх нисколько не сомневался в том, что бояре, взяв верх, истребят и малолетних царских детей с их матерью, и их родню. Растерявшихся Захарьиных Иван, как значится в летописных приписках, пытался вдохновить словами: «Вы от бояр первая мертвецы будете! и вы бы за сына за моего да и за мать его умерли, а жены моей на поругание боярам не дали!» Составленные в 1563—1564 гг. приписки обнаруживают, что уже накануне опричнины самодержец впервые пришел к мысли о том, что из-за раздора с думой ему и его наследникам придется спасаться бегством за рубеж. Не надеясь на одних Захарьиных, государь обратился с отчаянным призывом ко всем верным членам думы: «Будет станетца надо мною воля Божия, — будто бы произнес больной государь, — меня не станет, и вы пожалуйте, помянутые, на чем есте мне и сыну

моему крест целовали; не дайте бояром сына моего извести некоторыми обычаи, побегите с ним в чужую землю, где Бог наставит».

Образ неограниченного, могучего повелителя, нарисованный в монаршем послании, не раз вводил в заблуждение историков. Но простое сопоставление послания с текстом царских речей к думе ставит под сомнение достоверность этого образа и нацело разрушает его. Царь жаждет всевластия, но отнюдь не располагает им. Он слишком живо чувствует зависимость от своих могущественных вассалов. За декларациями о неограниченном самодержавии и высокомерным третирированием холопов-подданных скрываются страх перед «боярской жестокостью», отчаяние за будущее династии.

На заре правления Грозного дворянский писатель Иван Пересветов высказал слова, которым, казалось бы, суждено было стать программой этого царствования.³⁰ «Не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы». «Ты, государь, — пророчил Пересветов Ивану IV, — грозный и мудрый, на покаяние приведешь грешных и правду во царстве своем введешь».

В глазах Пересветова греческий царь погубил свое царство, отдав власть вельможам, которые вследствие «дьявольского прельщения» поработили землю и тем самым разрушили правду, «которая земля поработена, в той земле все зло сотворяется»; «таковое царство великое, и сильное, и славное и всем богатое царство Московское, есть ли в том царстве правда?». На этот вопрос Пересветов отвечал без обиняков: «Вера, государь, христианская добра... правды нет»; «Коли правды нет, то и всего нет!»³¹

С точки зрения Пересветова, царская гроза нужна для утверждения правды в государстве, чтобы покончить с поработением земли вельможами. В глазах Ивана, гроза нужна для утверждения в стране «православного истинного христианского самодержавства». Чтобы уберечь святую Русь от судьбы Византии, царь должен не давать воли «вельможам», которые «растлевают» государство «нестроением и междоусобными бранями».

Грозный не ограничивается тирадами против вельмож. В его «сиротских воспоминаниях», исторических экскурсах и полемических выпадах точно определен круг конкретных «вельможных» фамилий, противостоящих «христианскому самодержавству». В царском списке изменников первым стоит «вельможный» род Шуйских в лице князей Василия, Ивана и Андрея, род Оболенских в лице князя Курлятева и пр. Измена прежнего друга Курбского уязвила монарха, и он не жалел бранных эпитетов для беглеца и всей его родни. Послание беглеца к царю — сплошной «извет»: боярин писал «злобесным своим собацким умышлением», «еже подобно псу лая или яд ехидны отырая». Заодно с Курбским Грозный бичует его прародителя князя Федора, деда Тучкова, брата князя Ивана Кубенского. В своей краткой досадительной отписке боярин грозил Ивану, что не явит ему своего лица до дня Страшного суда. В ответ Грозный разразился насмешкой: «Кто бо убо и желает такового ефиопскаго лица видети? Где же убо кто обрящет мужа правдива, иже зыкры очи имуща?»³² Серые глаза и «эфиопское» лицо боярина ненавистны самодержцу.

На разные лады в царском послании повторяется мысль, что за непокорство и «измены» бояре достойны худших гонений, что без прочной власти все царства распадутся от беспорядка и междоусобных браней. «Безсогласны» (непокорны) царю не все бояре, а лишь друзья и советники беглого князя Курбского, повинные в новых заговорах. «Безсогласных же бояр у нас несть, — утверждает царь, — разве друзей и советников ваших, иже и ныне, подобно бесом, вся советы своя лукавыя не престающе содевати...»³³ Своим противникам в думе царь недвусмысленно грозит расправой.

Основной смысл эпистолии царя к Курбскому состоял в обосновании необходимости неограниченных репрессий против знати. Послание идейно подготавливало почву для oprичнины и ее террора. Обличения Грозного точно ука-

зывали на круг «вельможных» семей, на которые должен был пасть удар. Вся аргументация царского послания в конечном счете сводилась к тезису о «великой» боярской измене. Боярскому своеволию царь может противопоставить лишь тезис о неограниченном своеволии монарха, выступающего в роли восточного деспота. Власть монарха утверждена Богом и не может быть ограничена в пользу бояр или кого бы то ни было другого.

Царь написал свое послание Курбскому во время поездки в Переяславль и Можайск в мае-июле 1564 г. В Переяславле он гостил в Никитском монастыре, затем отправился в Можайск, отдыхал в дворцовых селах Можайского и Вяземского уездов.³⁴ Среди лиц, находившихся с Иваном в Можайске, наибольшим его доверием пользовался боярин А. Д. Басманов.³⁵ Не вызывает сомнения, что этот проклятый Курбским «моавитянин» был причастен к составлению царского манифеста. Помимо того, Грозный использовал услуги своей канцелярии. Сочетание традиционного канцелярского «отписывания» с неожиданными и яркими отступлениями, отметил Я. С. Лурье, — основная особенность стиля посланий царя; ключевые места письма «несомненно, писал (вероятнее всего, диктовал) сам царь, чей индивидуальный стиль, характерный и для других его произведений, здесь ясно ощущается».³⁶

По возвращении в Москву царь отправил епистолию в Литву Курбскому. Тот не остался в долгу и написал ответ, но отправил его в Россию лишь через 15 лет вместе с третьим посланием Грозному. Объясняя причины, помешавшие переписке, Курбский писал в 1579 г.: «Аз давно уже на широковещательный лист твои отписах ти, да не возмогах послати, непохвального ради обыкновения земель тех, иже затворил еси царство Руское... аки во аде твердыни...»³⁷ Переписка оборвалась не только потому, что границы России оказались закрыты для боярина. Епистолия царя дошла до Курбского после того, как он переехал в Литву, где в июле 1564 г. король Сигизмунд II пожаловал ему богатейшее королевское имение Ковель. Интерес к словесной перепалке с Грозным стал ослабевать. Отныне спор боярина с царем могло решить лишь оружие. Интриги против «Божьей земли», покинутого отечества, занимали теперь все внимание эмигранта. По совету Курбского король натравил на Россию крымских татар, а затем послал свои войска к Полоцку. Курбский участвовал в литовском вторжении. Несколько месяцев спустя с отрядом литовцев он вторично пересек русские рубежи. Как свидетельствуют о том вновь найденные архивные документы, князь благодаря хорошему знанию местности сумел окружить русский корпус, загнал его в болота и разгромил. Легкая победа вскружила боярскую голову. Изменник настойчиво просил короля дать ему 30-тысячную армию, с помощью которой он намеревался захватить Москву. Если по отношению к нему есть еще некоторые подозрения, заявлял Курбский, он согласен, чтобы в походе его приковали цепями к телеге, спереди и сзади окружили стрельцами с заряженными ружьями, чтобы те тотчас же застрелили его, если заметят в нем неверность; на этой телеге, окруженный для большего устрашения всадниками, он будет ехать впереди, руководить, направлять войско и приведет его к цели (к Москве), пусть только войско следует за ним.³⁸

Переписка оборвалась, едва начавшись. Царь позаботился о том, чтобы завершить переписку с Курбским достойным образом. Не позднее июня 1564 г. он велел всенародно казнить Василия Шибанова. Верный холоп Курбского не предал господина, оказавшись в руках палача. В начале июля Грозный стыдил Курбского: «Како же не усрамишися раба своего Васки Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и пред всем народом, при смертных вратах стоя... и похваляя всячески умрети за тебя тшашеся».³⁹

В назидание «изменникам» труп казненного был выставлен для общего обозрения. Однако вскоре один из ближайших друзей Курбского боярин В. В. Морозов велел подобрать тело Шибанова и похоронить.⁴⁰ Царь воспринял подобное своеволие как дерзкий вызов, но не решился сразу наказать боярина.

В октябре 1564 г. Морозов получил последнее служебное назначение — стал командовать сторожевым полком в армии И. П. Яковлева.⁴¹ После того имя его навсегда исчезает из разрядов. Вскоре же по приказу царя В. В. Морозов был арестован.

Альберт Шлихтинг сообщает следующие подробности относительно «дела» В. В. Морозова: «Тиран думал, что Владимир (Морозов. — Р. С.) устроил какой-то заговор с Курбским и ложно обвинил его, наконец, в том, будто он неоднократно переписывался с Курбским».⁴²

Рассказ Шлихтинга требует критического разбора. В своем памфлете Шлихтинг всячески чернит царя и обеляет его жертвы. Поэтому он часто изображает факты боярской измены, доподлинно ему известные, как недостоверные. (Именно таким образом он сообщает об изменнических переговорах князя С. В. Ростовского с послом С. Довойной, заговоре И. П. Федорова и т. д.). К таким фактам относится, возможно, и известие о тайных сношениях В. В. Морозова с Курбским. Поскольку Морозов был ближайшим другом беглого боярина и, не боясь царского гнева, велел похоронить его слугу, в предположении о тайной переписке Морозова нет ничего невероятного. Будучи арестован, боярин В. В. Морозов провел в тюрьме много лет.

Казнив Шибанова и отписав Курбскому, царь, казалось бы, мог торжествовать победу. Во-первых, последнее слово в споре осталось за ним. Во-вторых, от Курбского отвернулись даже ближайшие его единомышленники, печорские старцы. Но последующие события показали, что торжество царя было преждевременным.

¹ Карамзин. История. С. 38, 40.

² Лурье Я. С. Археографический обзор посланий Ивана Грозного//Послания Ивана Грозного. С. 540.

³ Там же. С. 553.

⁴ Там же. С. 557—558.

⁵ Скрынников Р. Г. Переписка Грозного и Курбского. Л., 1973. С. 77—79.

⁶ Лурье Я. С. 1) Первое послание Грозного Курбскому//ТОДРЛ. 1976. Т. 31. С. 206, 229; 2) Переписка Грозного с Курбским//Переписка. С. 221, 224.

⁷ Лурье Я. С. Археографический обзор... С. 540.

⁸ Скрынников Р. Г. Переписка... С. 77—79.

⁹ Лурье Я. С. Первое послание Грозного... С. 208, 221; Зимин А. А. Первое послание Курбского Грозному//ТОДРЛ. Т. 31. С. 182.

¹⁰ Лурье Я. С. Первое послание Грозного... С. 208.

¹¹ Зимин А. А. Первое послание Курбского... С. 182.

¹² Там же. Примеч. 25.

¹³ Там же. С. 182.

¹⁴ Лурье Я. С. Переписка Грозного с Курбским//Переписка. С. 220.

¹⁵ Лурье Я. С., Рыков Ю. Д. Археографический обзор...//Там же. С. 320.

¹⁶ Там же. С. 316.

¹⁷ Лурье Я. С. Первое послание Грозного... С. 220.

¹⁸ Ср.: Там же. С. 230.

¹⁹ Подробнее см.: Скрынников Р. Г. О заголовке Первого послания Ивана IV Курбскому и характере их переписки//ТОДРЛ. Т. 31. С. 222—223.

²⁰ Послания Ивана Грозного. С. 213, 148; ср.: С. 143.

²¹ Там же. С. 9—10.

²² ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 14. Л. 214 об. — 217 об.; Ф. 96. Свейские посольские книги. № 3. Л. 2—31 об.; Ф. 79. Книги Польского двора. № 13. Л. 43—65 об.

²³ Лурье Я. С. Переписка Грозного с Курбским//Переписка. С. 228—229.

²⁴ Сергеев В. М. Структура текста и анализ аргументации первого послания Курбского//Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 121—122.

²⁵ Курбский. Сочинения. С. 276—284.

²⁶ Переписка. С. 16.

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ Там же. С. 19.

²⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 525.

- ³⁰ Лурье Я. С. Переписка Грозного с Курбским. С. 230—232.
- ³¹ Сочинения И. А. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 153, 172, 176, 181.
- ³² Переписка. С. 43, 47.
- ³³ Там же. С. 46.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 383—384.
- ³⁵ Разряд 7072 (1564) г./РИБ. Т. 22. С. 384.
- ³⁶ Переписка. С. 225.
- ³⁷ Там же. С. 110.
- ³⁸ Государственный архив Латвийской ССР (Рига). Ф. А-2. Оп. К-8. Д. 43. Л. 10.
- ³⁹ Переписка. С. 15.
- ⁴⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 38.
- ⁴¹ Разряды. Л. 315.
- ⁴² Шлихтинг. Новое известие. С. 38.

УЧРЕЖДЕНИЕ ОПРИЧНИНЫ

Курбский страстно обличал руководителей русской церкви в угодничестве перед светской властью. Но его упреки были справедливы лишь отчасти. Новое церковное руководство в лице митрополита Афанасия на первых порах не обладало достаточно прочным положением и авторитетом для каких бы то ни было самостоятельных шагов. Но как только Афанасий получил поддержку священного собора и вступил в более тесные отношения с Боярской думой, он попытался вернуть церкви ту роль, которую она играла при митрополите Макарии. Можно полагать, что он начал с негласных увещаний, вернувшись к давней роли царского духовника. Но Грозный призвал наставника на митрополию не для того, чтобы вновь, как во времена Сильвестра, выслушивать его поучения. Убедившись в тщетности душеспасительных бесед, митрополит Афанасий решился на открытое выступление. Поводом для протеста послужило незаконное убийство воеводы князя Д. Ф. Овчины-Оболенского. Шлихтинг пишет, что после гибели Овчины царь в продолжение почти шести месяцев оставался в спокойствии, а затем ввел опричнину. Следовательно, весь эпизод произошел летом 1564 г., т. е. тотчас после возвращения Грозного в Москву в начале июля месяца. В силу знатности Овчина обладал неоспоримым правом на боярский титул и несмотря на молодость успел отличиться на военной службе. В 1560 г. он участвовал под начальством Курбского в походе на Вольмар, во время которого разгромил отряд ливонских рыцарей. В Полоцком походе он служил в царской свите и «ездил за государем», затем находился в отряде боярина кн. М. П. Репнина в Великих Луках с марта 1563 г.¹ Однажды Овчина поссорился с Федором Басмановым и обвинил его в противоестественных отношениях с царем. Подобная дерзость сильно оскорбила Грозного. Вызвав воеводу во дворец, он велел псарям задушить его.²

В письме Курбскому царь писал, что волен казнить любого подданного. Казнь Овчины как будто бы подтверждала его слова. Но, как всегда, между теорией и практикой оказалась немалая дистанция. Произвольные репрессии монарха вызвали открытое осуждение со стороны духовенства и знати. Шлихтинг, автор весьма осведомленный, сообщает следующие подробности на этот счет. Некоторые знатные лица вместе с верховным священнослужителем, пораженные убийством Овчины, сочли нужным для себя вразумить царя воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных без всякой причины и проступка. Православному царю, заявили они, не подобает свирепствовать против людей, как против скотов. Митрополит вспомнил давнишнюю роль царского духовника и стал стращать питомца страшным судом.³

Не зная подлинных причин выступления митрополита и бояр, Шлихтинг склонен был объяснить их тем огромным влиянием, которым якобы пользовался в Московии «граф Овчина». В действительности гибель Овчины явилась

не более чем поводом для выступления весьма влиятельных сил, добивавшихся изменения правительственного курса и прекращения репрессий.

✓ Убийство князя Овчины задело в первую очередь высшую титулованную знать. Овчина был двоюродным братом боярина князя Д. И. Немого, одного из влиятельных членов думы. При редактировании официальной летописи Грозный не случайно характеризовал Немого как рьяного сторонника передачи трона Старикому. Помимо Немого в думе было много других бояр, участвовавших в «злодейственном совете» 1563 г. Они старались положить конец кровавым репрессиям; чтобы оградить себя и спасти Боярскую думу от новых потерь.

Царь не простил митрополиту и боярам протестов против казней и репрессий. Спустя полгода он обратился со специальным посланием к высшему духовенству и думе. В нем он во всеуслышание жаловался на то, что у монарха отнято право наказывать подданных. Едва он захочет «показать» бояр, служилых князей и прочих людей — сетовал самодержец, — как духовенство, «сложась» с боярами, дворянами и приказными, покрывает виновных.⁴

Речи митрополита и бояр к царю внешне мало напоминали гневные филиппики беглого боярина Курбского. Их челобитная была составлена в самых верноподданных выражениях. Но суть требований была та же. Церковное руководство и дума настоятельно просили царя прекратить неоправданные репрессии. Судя по письмам Курбского, требование о прекращении террора было одновременно требованием об удалении из правительства главного вдохновителя репрессий А. Д. Басманова. Причастность сына Басманова к убийству Овчины давала оппозиции весьма удобный повод настаивать на отставке ненавистного временщика.

Выступление Курбского, неповиновение церковного руководства и объединение оппозиционных сил внутри страны произвели на царя ошеломляющее впечатление. В письме к Курбскому Иван утверждал, будто ему непокорны, «безсогласны» только друзья беглого боярина. На поверку «безсогласными» оказались и митрополит, и дума. Горделивые декларации царя относительно вольного «Российского самодержавства», права монарха казнить своих холопов-подданных рассыпались прахом.

В условиях, когда столкновение монархии с могущественной аристократией достигло критического момента и любое новое осложнение грозило вырвать из рук правительства контроль за положением дел, царь не решился наказать инициаторов антиправительственного выступления.

Будучи вынужден прекратить репрессии, царь предпринимал попытки путем всевозможных уступок привлечь на свою сторону церковь. На протяжении августа-сентября 1564 г. Казна пожаловала митрополичьему дому целый ряд разнообразных привилегий и льгот.⁵

Одновременно с попытками расколоть оппозицию власти в глубокой тайне готовились ввести в стране чрезвычайное положение. Очевидцы утверждают, что после выступления митрополита и бояр царь в продолжение «почти шести месяцев оставался в спокойствии» и «среди этого нового образа жизни помышлял, как устроить опричнину».⁶ Нет сомнения, что главными инициаторами готовившихся реформ были боярин А. Д. Басманов и его соратники, требовавшие насильственного подавления оппозиции. После выступления митрополита и думы Басманов оказался в полной изоляции. Но именно это обстоятельство и побуждало его идти напролом.

Вслед за казнью Овчины царь решил «посмирить» своего недавнего любимца — члена думы кравчего князя П. И. Горенского-Оболенского. В наказах Посольского приказа значилось: «...князя Петра государь пожаловал великим жалованьем и держал его близко себя, и князь Петр во государьских делах учал быти не по государскому приказу. И государь наш хотел ево посмирить, учал его держати от себя подале и послал на свою службу».⁷

Горенский не мог одобрять жестокие репрессии против своих сородичей князей Оболенских, из-за чего, вероятно, и попал в немилость. В сентябре 1564 г. кравчий вынужден был покинуть Москву, а в октябре попал с полками в Великие Луки, где были составлены две разрядные росписи. Согласно первой из них, кн. П. И. Горенский служил воеводой полка левой руки: «в левой руке — боярин и воевода Петр Васильевич Морозов, да кравчей кн. Петр Иванович Горенский, да кн. Давыд Гундоров». Во второй росписи имя Горенского уже не значилось: «в левой руке — царевич Кайбула (из сторожевого полка. — *Р. С.*) да боярин Петр Васильевич Морозов».

Можно установить, что названные росписи были составлены между 7 и 27 октября 1564 г. Известно, что армия прибыла в Луки 7 октября. В обоих разрядах упомянуто имя воеводы Д. Р. Юрьева, причем во втором против его имени сделана помета о его кончине (27 октября 1564 г.). Когда в начале ноября полк левой руки участвовал в походе к Озерищам, им вновь командовали только П. В. Морозов и кн. Д. Гундоров. С этого момента имя Горенского навсегда исчезает из Разрядов.⁸

Попав на границу, кравчий пытался бежать в Литву. Ему удалось пересечь границу и уйти в литовские пределы. Однако посланный вдогонку отряд настиг беглеца. Князь Горенский был закован в цепи и под сильной охраной доставлен в Москву.

После суда П. И. Горенский был повешен. Как объяснили царские дипломаты за рубежом, «князь Петр, узнав свои вины, побежал в Литву и догонили его на рубеже и ко государю привели и государь велел ево того для казнить, что он, будучи при государе в великом приближеньи и в том приближеньи будучи, такую великую измену учинил...».⁹ Современники передают, что Горенский предпринял побег в Литву, рассчитывая на милость и покровительство короля.¹⁰ Из царского синодика следует, что заодно с Горенским Грозный велел казнить его двоюродных братьев Никиту и Андрея Черных, сыновей боярина Ф. М. Черного-Оболенского. Запись синодика гласит: «Князя Петра Горенской, князя Никиту, князя Андрея Черные Оболенские». После казни Горенского Грозный дал 50 руб. на помин его души в Троице-Сергиев монастырь.¹¹

Военные неудачи 1564 г. привели Россию к серьезному дипломатическому поражению. Москва не смогла предотвратить образование антирусской коалиции в составе Крыма и Литовско-Польского государства, двух сильнейших противников России. Повествуя о заключении антирусского союза между Литвой и Крымом, официальная московская летопись сообщает: «Тогда убо бяше у Литовского короля враг божий и изменник царя великого князя князь Ондрей Курбский, преступив крестное целование и оставя синьклитство и имени многая, бежа от царя и великого князя х королю в Литву и подымаше короля и поостряше на церкви божия, на православие, на царевы и великого князя украины...»¹² Посол А. Нагой сообщил царю о циркулировавших в Крыму слухах, что «отъехал, деи, от тебя, государя, х королю князь Ондрей Курбской... и короля деи на тебя, государя, он поднял и царя (хана. — *Р. С.*) и царевичей велел он же поднати».¹³

Осенью 1564 г. в Москве были получены известия о том, что король сосредоточил на русской границе 12 тыс. поляков и 50 тыс. литовцев. Более точными следует признать данные Разрядов, согласно которым в королевской армии было 20 тыс. литовцев, поляков, венгров, волынян, немцев прусских и в «прибыльном» полку 12 тыс. поляков.¹⁴

19 сентября 1564 г. королевская рать подступила к Полоцку. Литовские отряды напали на Алыст в русской Ливонии и Чернигов.¹⁵

Русское командование немедленно направило все наличные силы на помощь Полоцку. 7 октября русская армия достигла Великих Лук.¹⁶ Выступление ее на западную границу обнажило южные рубежи. Тем временем многочисленная Крымская орда, нарушив соглашения с Москвой, внезапно вторглась на Русь

с юга.¹⁷ Вторжение татар явилось полной неожиданностью для московского правительства.

Не далее как в феврале 1564 г. крымский хан клятвою на коране скрепил договор о дружбе и братстве с Россией.¹⁸ Ханские гонцы, прибывшие в Москву 27 июня, были отпущены в Крым 16 августа, т. е. всего лишь за полтора месяца до вторжения.¹⁹ Московское правительство направило на южную границу «большого» посла Ф. И. Салтыкова, который должен был отвезти в Крым грамоты с текстом союзного договора. Грозный писал крымцам: если хан не подтвердит договора, грех падет на него, а мы «целовали есмь крест Девлет-Кирею царю, веря его слову...».²⁰

Полагаясь на союз с Крымом, командование с наступлением осени распустило по домам дворянские отряды, охранявшие южную границу. Стоявшие в приокских крепостях «легкие» воеводы располагали ничтожными силами. Фактически Москва была беззащитна перед лицом многочисленного и сильного врага. Но вторгшаяся орда не решилась напасть на Москву и, свернув с московской дороги, двинулась к Рязани. Крымцы надеялись легко овладеть этим городом. Укрепления его находились в самом плачевном состоянии. Военные силы, оборонявшие город, были невелики. К моменту вторжения в окрестностях Рязани случайно оказался А. Д. Басманов, отдохавший в своем рязанском поместье. Наспех собрав вооруженную свиту, воевода напал на татарские разъезды, отослал в Москву захваченных «языков», а сам засел в Рязани. Жители, «обнадеженные» Басмановым, кое-как подправили городские укрепления, «крепости нужные с нужею едва поделаша и града покрепиша и бои по стенам изъставиша».²¹

2 октября татары окружили Рязань и «ночным временем с приметом и с огнем многожды» приступали к городу. Басманов встретил врага частой пушечной пальбой. Гарнизон отбил все приступы врага и произвел несколько вылазок, «из града выежжаа, с татары бишася, из града стрельбою по царевым (ханским. — Р. С.) полком из наряду стреляли».²²

Вести, присланные Басмановым в Москву, потребовали от московской «семибоярщины» немедленных действий. Возглавлявшие ее конюший И. П. Федоров и И. П. Яковлев-Захарьин с немногочисленными дворянскими отрядами выступили на Оку против татар.²³ Посланные ими дворяне соединились с воеводами из Михайлова города и Дедилова и стали громить татарские отряды, мародерствовавшие в Рязанском уезде. Московские заставы проникли в расположение главной ханской ставки.

Встревоженный подходом московских войск, хан не стал дожидаться сбора рассеявшихся по Рязанщине сил и 5 октября ушел в степи. Отставший от главных сил четырехтысячный отряд ширинского мурзы Мамая был наголову разбит А. Д. Басмановым и Ф. Татевым. Победители захватили в плен самого Мамаю и 500 татар.²⁴ С дороги хан послал в Рязань двух гонцов с грамотой и поминками. В грамоте он писал царю, что «роскручинился» на него, не получив поминок, «а которые ныне посланы ко мне поминки, и яз их приму».²⁵

Действия литовцев против Полоцка были столь же безуспешны, как и действия татар против Рязани. Более двух недель королевская армия простояла в полном бездействии в нескольких верстах от Полоцка и «к городу некоторою стрельбою, ни приступом не промышляли». Узнав о движении к Полоцку армии князей В. С. Серебряного и И. И. Пронского, литовцы поспешили отступить за Двину. Случилось это 4 октября, т. е. за день до отступления татар от стен Рязани.²⁶

Грозный узнал о нападении литовцев, а затем татар, будучи в Суздале. «Наспех, с великим трудом» он немедленно выехал в столицу, однако из-за осеннего бездорожья прибыл туда только 6 октября.²⁷ Желая наказать литовцев, натравивших на Русь татар, он приказал произвести вторжение в Литву. Опытнейший из московских воевод князь В. С. Серебряный осадил погранич-

ную литовскую крепость Озерища. С помощью «примета» москвиты подожгли деревянные стены замка и 6 ноября после короткого штурма взяли его. Значительная часть гарнизона и жителей замка погибла в огне.²⁸

Возобновление войны на западных и южных границах ставило Россию в исключительно трудное положение. Впервые против нее объединились все ее наиболее опасные противники: литовцы и поляки, татары и стоявшие за их спиной турки. Прошло 15 лет с тех пор, как Грозный предпринял первый поход под стены Казани. С этого времени война не затихала ни на один год, принося новые беды народу и разорение стране. Летом 1564 г. датские послы доносили из Москвы о том, что Грозный ведет большие приготовления к войне с литовцами, но ему приходится тяжело, так как страна истощена продолжительными войнами.²⁹

Военные и дипломатические неудачи побудили правительство Грозного поспешить с введением в стране чрезвычайного положения.

Опекунский совет, назначенный Грозным по случаю второго брака, распался через несколько лет. Его признанный глава дворецкий Д. Р. Юрьев-Захарьин скончался за несколько месяцев до опричнины. Другой опекун боярин И. П. Яковлев-Захарьин был арестован и выдан на поруки, младший член регентского совета князь П. И. Горенский повешен за измену. Расправа с Шереметевыми, ближайшей родней Захарьиных, а также арест боярина В. В. Морозова и оружничего Л. А. Салтыкова-Морозова вызвали тревогу в среде московских нетитулованных боярских семей, издавна близких к дворцовому управлению.

Раздор между монархом и знатью приобретал все более опасные масштабы. А. Д. Басманов и его единомышленники настойчиво советовали самодержцу усилить репрессии. Однако новое руководство не обладало необходимой властью и авторитетом, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение вопреки воле Боярской думы и церковного руководства. Между тем дума и митрополит осуждали любые попытки возобновления террора. Царь не мог рассчитывать на успех, если бы вздумал добиваться осуществления своих замыслов путем обычной процедуры утверждения его указа в Боярской думе и на священном соборе. По этой причине он вынужден был избрать совершенно необычный способ действия. Стремясь навязать свою волю «совету крупных феодалов», Иван объявил об отречении от престола. Таким путем он рассчитывал вырвать у думы согласие на введение в стране чрезвычайного положения и новые репрессии против боярской оппозиции.

Подлинные мотивы отречения Грозного не были секретом для его современников. «У великого князя, — писали Таубе и Крузе, — вовсе не было намерения (как рассудит любой здравомыслящий человек) удалиться из государства или отказаться от него. Также нелегко было для него приписывать какое-то предательство всей стране». Единственной причиной его поступков была «вражда к самым благородным княжеским и дворянским родам», стремление наложить руку на имущество богатых монастырей.³⁰

Отречению Грозного предшествовали события самого драматического свойства. К началу декабря 1564 г. царская семья завершила приготовления к отъезду из Москвы. В течение нескольких дней и ночей царь посетил главные столичные церкви и монастыри и усердно молился в них. К величайшему неудовольствию церковных властей он велел забрать и свезти в Кремль самые почитаемые иконы. В воскресенье 3 декабря Иван присутствовал на богослужении в кремлевском Успенском соборе. После окончания службы он трогательно простился с митрополитом, членами Боярской думы, дьяками, дворянами и столичными гостями, присутствовавшими в соборе.³¹

Между тем во дворце заканчивались последние приготовления к отъезду. На площади перед Кремлем стояли сотни нагруженных повозок и ждала многочисленная свита из нескольких сот вооруженных дворян. Царская семья

увозила с собой всю московскую «святость»: «иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды золотые и серебряные и поставцы». Сокровища столичных церквей и монастырей, их «святейшие» иконы стали как бы залогом в руках царя. Помимо того Иван увозил из Москвы всю государственную казну: «всяких судов золотое и серебряное, и платие и деньги и всю свою казну повеле (царь. — *Р. С.*) взяти с собою». Изъятие денег и драгоценностей из Казны грозило расстроить деятельность приказного аппарата.

Царский выезд носил совершенно необычный характер. Ближние бояре, дворяне и приказные, сопровождавшие Грозного, получили распоряжение забрать с собой семьи: «Тем, — повествует летописец, — многим повеле с собою ехать з женами и з детми...»³²

Итальянский купец Барберини видел отъезд собственными глазами. По его словам, царь покинул столицу с 40-тысячным войском и 4 тыс. саней.³³ Однако приведенные цифры лишены достоверности. Охрану царского поезда осуществляли немногочисленные отряды дворян и детей боярских. Всем им велено было явиться в Кремль в полном боевом снаряжении «с людьми и с конми, со всем служебным нарядом».³⁴

Необычные приготовления в Кремле породили тревогу среди населения столицы. Носились слухи о готовящемся отречении Грозного. Смятение усугублялось тем, что никто не знал толком, куда едет царская семья. По сообщению официальной летописи, бояре и духовенство «в недоумении и во унынии быша... государьскому великому необычному подъему, и путного его шествия не ведамо куды бяша».³⁵

Царский поезд покинул столицу 3 декабря 1564 г. Начались «скитания», длившиеся целый месяц. При отъезде из Москвы у Ивана не было какого-то определенного плана. Во всяком случае, он не думал ехать в Александровскую слободу. По кратчайшей ростовской дороге до нее можно было добраться в считанные дни. Между тем царь выехал из столицы в противоположном направлении — в с. Коломенское на Москве-реке, к югу от столицы. Чтобы попасть отсюда на северную дорогу, царскому обозу пришлось бы вернуться в Москву или же ехать проселками круглым путем.

В Коломенском царская семья оставалась две недели. Причиной задержки была неожиданно наступившая оттепель и сильные дожди, превратившие дороги в непроходимые болота. Переждав непогоду, царь проселками объехал Москву с востока и остановился в с. Тайнинском на Яузе, к северу от столицы, где провел несколько дней. Затем он отправился на молитву в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда выехал в Александровскую слободу.

В Слободе Грозный составил грамоту об отречении от престола и, по-видимому, работал над духовным завещанием. Царская духовная заключала в себе множество удивительных признаний. В 1563—1564 гг. Иван IV сочинил «царскую» речь к думе по поводу неверности бояр: «Коли мы вам (боярам. — *Р. С.*) ненадобны, и то на ваших душах». Бояре отвергают законного царя, — писал самодержец в письме Курбскому. Прошло совсем немного времени, и дьяки под диктовку Ивана внесли в завещание следующие слова: «А что по множеству беззаконий моих, божию гневу распростершуся, изгнан есмь от бояр, самоволства их ради, от своего достояния и скитаюся по странам, а може Бог когда не оставит...»³⁶ Царские жалобы непосредственно отразили момент, когда Иван среди зимы покинул царствующий град и начались его скитания «по сторонам» — подмосковным селам и слободам. Грозный откровенно признавал, что его отъезд является вынужденным шагом: он бежал из столицы от непокорных бояр.

Готовя грамоту об отречении, Иван IV допускал, что Боярская дума и духовенство примут его отставку. На этот случай царь и его окружение выработали проект передачи власти малолетним царевичам. Этот проект не был тайной для современников. Наиболее интересные подробности о нем сообщил А. Шлих-

тинг. Царь, повествует немецкий автор, притворился, будто хочет сложить с себя корону, и по этому случаю заявил о передаче трона двум своим сыновьям, которых он назвал правителями государства. «У вас есть мои сыновья, — сказал царь, — и по способностям и по возрасту пригодные к власти, их возьмите за вождей, за владык и повелителей... Пусть они живут с вами, пусть властвуют, пусть судят, пусть ведут войны. Если будет грозить вам какое-либо трудное и тяжкое для сил и плеч ваших дело, то вы будете иметь меня в нем советником, недалеко от вас живущим».³⁷ Свидетельство Шлихтинга не вполне точно. Проект передачи власти царевичам не был обнародован по той причине, что Боярская дума не согласилась на отречение Грозного. Однако осведомленность Шлихтинга, одного из лучших мемуаристов времен опричнины, не подлежит сомнению. Документальным подтверждением тому служит царское завещание, которое давало правовую базу для передачи царства «соправителям» царевичу Ивану и Федору. Царь намеревался отказаться от короны, но при этом сохранить все права престолонаследия за своими малолетними детьми. Более того, он разработал проект, который позволял ему сохранить в своих руках реальную власть после вынужденного отказа от трона. В основу проекта был положен принцип раздела государства между двумя царевичами. Со времен Ивана III московские государи неизменно передавали «отчину» старшему сыну-наследнику, тогда как для младших выкраивали карликовые княжества. Отступив от этой традиции, Грозный выделил младшему сыну Федору города и уезды, никогда не передававшиеся удельным государям. Федору исполнилось семь лет, и его слабоумие еще не бросалось в глаза. Впрочем, для отца это не имело никакого значения. По завещанию Федор должен был получить многие крупные города и волости, включая древний Суздаль, Кострому, Ярославль.³⁸ Его владения не уступали по территории многим европейским королевствам. Необычный проект «раздела» страны между соправителями-царевичами можно объяснить разве что чрезвычайными обстоятельствами, возникшими в стране вследствие отречения Грозного.

По случаю грядущих перемен Иван IV включил в завещание подробные наставления об управлении государством, адресованные сразу обоим царевичам. Отеческий совет любимым «чадцам» заключал излюбленную идею единовластия. Иван советовал сыновьям: «А всякому делу навывайте, и божественному, и священническому, и иноческому, и ратному, и судейскому, московскому пребыванию, и житейскому всякому обиходу... как кто живет, и как кому пригоже быти, и в какове мере кто держится, тому б есте всему научены были. Ино вам люди не указывают, вы станите людям указывати. А чего сами не познаете, и вы сами станите своими государствы владети и людьми».³⁹ Царь явно желал предупредить сыновей от опеки со стороны временщиков и фаворитов, чего сам не избежал в десятилетний период правления Адашева и Сильвестра.

Сознавая опасность разделения государства, царь Иван снабдил завещание бесконечными наставлениями будущему удельному князю Федору. Он наказывал ему во всем быть «заодно» со старшим братом, не подыскивать под ним государства и во всем слушаться его, а за крамолу угрожал проклятием и даже смертью. Сыну Ивану царь приказывал не искать удела под Федором. А пока царевич Иван не утвердится на государстве, предписывал Грозный сыновьям, «и вы ничем не разделяйтесь, и люди бы у вас заодин служили, и земля бы заодин, и казна бы у вас заодин была, ино то вам прибыльные».⁴⁰

В последующих поучениях «чадцам» явственно проступают контуры близкой опричной реформы. «А как людей держати и жаловати, и от них беречися, и во всем их умети к себе присвоивати, и вы б тому навывкли же. А людей бы есте, которые вам прямо служат, — рекомендует царь сыновьям, — жаловали и любили, их ото всех берегли, чтобы им изгони ни от кого не было, и оне прямее служат». Приведенные рассуждения в скором времени воплотились в привиле-

гии людей «прямой службы» — опричников, которые были ограждены от всякой «изгони» и пользовались полной безнаказанностью. Иван усердно внушает сыновьям милосердие по отношению к подданным: «А каторья (люди. — Р. С.) лихи, и вы б на тех опалы клали не вскоре, по разсуждению, не яростию». Конечно, если бы царь вздумал учить сыновей милосердию в разгар кровавых опричных казней, в его словах можно было бы усмотреть сплошное лицемерие. Накануне опричнины подобный совет звучал иначе.

В царском завещании отчетливо слышатся ноты тревоги. Ивана томят мрачные предчувствия, он сознает, что его наследников ждут многие испытания, может быть, изгнание. Все это расплата за его собственные грехи: «И вам (сыновьям. — Р. С.) есми грехом своим беды многия нанесены...» Иван закликает сыновей не забывать родителей среди бед, «не токмо что в государствующем граде Москве или инде где будет, но аще и в гонении и во изгнании будете...». Поучение детям заканчивается выражением надежды на то, что наследники-сыновья в конце концов добьются трона: «А будет Бог помилует, и государство свое достигнете и на нем утвердитесь и аз благословляю вас...»⁴¹ Приведенные строки появились на свет, вероятно, в дни, когда Грозный готовил акт об отречении от престола и не знал, чем закончится его затея.

Наряду с поучением «чадцам» завещание содержало «исповедание». Иван каялся во всевозможных грехах и преступлениях и откровенно признавал, что снискал всеобщую ненависть своими злыми делами: «Аще и жив, но Богу скаредными своими делы паче мертвеца смраднейшии и гнуснейший... сего ради всеми ненавидим есмь...»⁴² Царь говорил о себе то, чего не смели произнести вслух его подданные.

Совсем недавно боярин Курбский пенял на чудовищную неблагодарность царя, сетовал на изгнание в дальние страны и т. д. «...Воздал еси мне злыя за благие; — писал он Ивану, — и за возлюбление мое непримирительную ненависть...»⁴³ Теперь совершенно тем же языком заговорил другой «изгнанник» — царь Иван. Ум «острюпись», жалуется Иван, «тело изнеможе, болезнует дух, струпи телесна и душевна умножишася, и не суцу врачу, исцеляющему мя, ждах, иже со мною поскорбит, и не бе, утешающих не обретох, воздаша ми злая възблагая, и ненависть за возлюбление мое».⁴⁴

Не прошло и полугодя с тех пор, как Грозный бросил Курбскому горделивую фразу о «вольном Российском самодержестве». И вот наступил жалкий финал. Самодержец и помазанник Божий был «изгнан» от своего достоинства холопами-боярами и «скитался» по странам. Для человека, обладавшего колоссальным честолюбием и вполне традиционным складом мышления, свято верившего в божественное происхождение своей власти, отъезд «с государства» не был фарсом. Исполненные трагизма жалобы царя на невыносимые душевные и телесные страдания и одиночество передают чувства, владевшие им в это время. По рассказам современников, в дни отречения от престола Иван пережил потрясение, внезапно изменившее весь его облик. Как видно, жалобы на «изнеможение» тела, умножение струпий телесных и душевных в царском завещании не были простой риторической фразой. Готовясь к отречению, Грозный испытывал смертельную тревогу за будущее династии.

Иван IV понимал, что его отказ от короны способен повлечь за собой события, управлять которыми окажется невозможным. По этой причине он решил оставить при себе в Слободе лишь самых доверенных и близких лиц, среди них боярина А. Д. Басманова и князя А. И. Вяземского. Оружничий боярин Л. А. Салтыков, боярин И. Я. Чеботов и другие воеводы, дворяне и приказные, сопровождавшие царя, получили приказ возвращаться в столицу. Современники восприняли эту меру как проявление царской опалы на бояр. По словам опричников Таубе и Крузе, царь выпроводил сановников из Слободы без шуб, налегке, и те якобы шли в столицу пешком, раздетые донага, что мало правдоподобно.

Возвращение многих лиц из царской свиты усилило тревогу в столице. Наконец, 3 января 1565 г. в Москву прискакал царский гонец К. Д. Поливанов с грамотами к думе, митрополиту и населению. Объявляя подданным об отречении, Грозный ссылался на свои обиды и выражал надежду, что Бог ему поможет. По словам официальной летописи, отречение было облечено в следующую форму: он, царь, «от великие жалости сердца... оставил свое государство и поехал, где вселится, идеже его, государя, Бог наставит».⁴⁵ Примерно в тех же выражениях передают текст обращения Таубе и Крузе: «Он поедет туда, если Бог и погода ему помогут, им же, его изменникам, передает он свое царство...»⁴⁶ В послании к власти имущим царь объявлял, что кладет опалу на думу — бояр, конюшого (И. П. Федорова), дворецкого (Н. Р. Юрьева), казначеев (Н. Фуникова и Х. Тютина), а заодно и на дьяков и дворян, епископов, игуменов и прочих вассалов, светских и духовных. Далее Иван многословно перечислял «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей, которые они измены делали и убытки государству его до его государьского возрасту...».⁴⁷ Подлинник царского послания к митрополиту не сохранился.

Известно, что царские послания никогда не отличались лаконичностью и даже по незначительным поводам Иван составлял широковещательные послания на десятках страниц. Очевидно, он не мог ограничиться краткой и маловразумительной отпиской в такой ответственный момент своей жизни, как отречение от престола в январе 1565 г. Скорее всего, текст царского отречения, включенный в официальную летопись, подвергся редактированию и был сокращен в соответствии с волей самого Грозного.

Послание митрополиту в значительной части повторяло аргументы царского послания к Курбскому, написанного полугодом ранее. Оба послания начинались с описания преступлений бояр в годы боярского правления. В послании Курбскому этому предмету посвящено несколько страниц, а в официальной летописи — несколько строк. В послании Курбскому далее следовал длинный перечень «измен» Избранной рады. В летописном изложении послания царя к митрополиту эта наиболее актуальная часть была полностью опущена. Несообразность летописного рассказа очевидна: Грозный не мог объявить своим подданным опалу за одни только проступки двадцатилетней давности.

Во времена боярского правления, как с укоризной писал царь митрополиту, бояре делали «многие убытки» народу, истощили царскую казну, растаскивали государские земли и раздавали их родне и приятелям, собрали себе великие богатства и стали уклоняться от службы, не только не радели о православном народе, но и чинили насилия «крестиянам». Царь ничего не может поделывать с изменниками: едва он захочет «понаказать» боярина, князя, приказного или дворянина, как духовенство, «сложась» с думой, берет опальных под свою защиту.⁴⁸

Обращение Ивана вызвало страх и замешательство среди членов Боярской думы, спешно собравшихся в Кремле на подворье митрополита.

Между тем в нескольких шагах от митрополичьего двора думные дьяки П. Михайлов и А. Васильев поочередно читали царское послание к населению столицы. Слухи об отречении мгновенно распространились по всей Москве. Вскоре площадь перед дворцом запрудила громадная толпа ремесленников, мелких торговцев, кабального люда, ярыжек, нищих и т. д. Специальным посланием царь извещал посадских людей о своем отречении и просил их, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».⁴⁹

Выражая милость посадскому населению, Иван IV в то же время объявлял опалу власть имущим. Тем самым он как бы апеллировал к народу в своем давнем споре с боярством. Царь, не стеснясь, говорил об измене бояр, притеснениях и обидах, причиненных ими народу. Отречение царя и его апелляция к народу привели в движение низы и вызвали призраки народного восстания.

Опасность волнений полностью дезорганизовала аппарат управления: «все приказные люди приказы государские отставиша, и град отставиша, никим же брегом».⁵⁰

Громадные толпы горожан, возбужденных слухами о великой боярской измене и царской опале на власть имущих, со всех сторон окружили митрополичий двор, где укрылись члены Боярской думы и приказные. Представители купечества и горожане, допущенные в митрополичьи покои, заявили, что остаются верны старой присяге и будут просить царя, чтобы тот «государства не отставлял и их на разхищение волком не давал, наипаче же от рук сильных избавлял». Челобитная посада заканчивалась прямыми угрозами по адресу вождей боярской оппозиции. «А хто будет государских лиходеев и изменников, — заявляли горожане, — и они за тех не стоят и сами тех потребят».⁵¹

Опасность народных волнений существенно повлияла на решение думы и священного собора, собравшихся на митрополичьем дворе. Противники Грозного, пользовавшиеся большим весом в Боярской думе и среди титулованной знати, не осмелились поднять голос среди общего негодования на «изменников» и таким образом безвозвратно упустили благоприятный момент. Ждали, что митрополит Афанасий возьмет на себя роль посредника и уприсит Ивана IV вернуться на царство. Но Афанасий объявил, что остается в Москве для «бережения» столицы, так как приказные покинули приказы и город остался без властей. Вместо себя Афанасий в тот же день 3 января отправил к отрекшемуся государю новгородского архиепископа Пимена и чудовского архимандрита Левкия. Они давно зарекомендовали себя как приспешники и «ласкатели» царя, послушные исполнители его воли. В записках иностранцев и в русских летописях суть верноподданнического обращения к царю передана сходным образом. Опричники Таубе и Крузе приводят следующий текст: «Если он (царь. — Р. С.) действительно знает, что есть изменники, пусть объявит их, назовет их имена, и они должны быть готовы отвечать за свою вину, ибо он, государь, имеет право и силу строжайше наказывать и казнить... они были бы счастливы передать себя в его полное распоряжение».⁵² Согласно официальной летописи, «моление» Афанасия включало согласие предоставить монарху неограниченные полномочия (чтобы «на государстве бы был и своими бы государству владел и правил, как ему, государю, годно») и обещание насчет выдачи самодержцу всех изменников («...хто будет государские лиходеи, которые изменные дела делали, и в тех ведает Бог да он, государь, и в животе и в казни его государская воля»)⁵³.

Можно подозревать, что приведенная формула не принадлежала митрополиту, она была выработана в итоге переговоров в Слободе, а затем положена на основу указа об опричнине. Во всяком случае, никакого единого решения на совещании у митрополита принято не было. Князья церкви поспешили, как метко заметил летописец, «сами о себе бити челом», иначе говоря, каждый заботился о том, чтобы выразить царю свои верноподданнические чувства и отмежеваться от «изменников». Старшим из иерархов, отправившихся к царю, был архиепископ ростовский Никифор. Вслед за ним туда же выехали главные бояре, казначеи, дворяне, приказные люди. Многие пустились в путь, «не езда в дома своя». Следом за боярами двинулись столичные гости, купцы и целая толпа черных людей. Согласно официальной версии, бояре направились к царю в порыве верноподданнических чувств. По свидетельству же некоторых современников, Грозный сам назвал имена лиц, которые должны были немедленно явиться в Слободу.⁵⁴ Опричник Штаден утверждает даже, что царь покинул столицу якобы из-за мятежа (опасаясь мятежа), затем оцепил Слободу воинской силой и приказал привести из Москвы и других городов тех бояр, кого он потребует.⁵⁵

Подступы к Слободе охранялись сильными воинскими заставами. Согласно летописному отчету, представители митрополита были задержаны в Слотино и

смогли продолжить путь лишь после того, как получили разрешение у царя. Даже Пимена и Левкия, известных своей преданностью царю, привезли во дворец «с приставы», т. е. под стражей. Бояре были доставлены, согласно утверждениям современников, под усиленной охраной, «как явные враги».⁵⁶ Иван IV не желал вести переговоры со всеми челобитчиками разом. Он предпочел разъединить их. Лишь те, кто получил от него персональное разрешение, мог попасть в загородную резиденцию монарха. Так возникло представление о том, что царь сам назвал имена тех, кто должен был к нему явиться.

Никаких долгих совещаний с государем прибывшие, по-видимому, не вели. Они поочередно являлись во дворец для заявления верноподданнических чувств. Первыми прибыли архиепископ Пимен и архимандрит Левкий, за ними — архиепископ Никифор с другими церковниками. Церковные иерархи «преже биша челом о себе, чтобы государь милость свою им показал, гнев свой с них сложил». Затем они просили монарха, чтобы он простил членов думы и приказных: «велел очи свои видети бояром и приказным и опалу бы свою им отдал и государствы свои правил, как ему, государю, годно». После многих слезных молений монарх дал себя уговорить и приказал допустить в Слободу думных людей: «бояром своим и приказным людям очи свои велел видети». Купцов и прочий черный народ, толпой двинувшийся в Слободу за боярами, в царскую резиденцию не пустили. Во всяком случае, летопись об этом не говорит ни слова. Народ выполнил отведенную ему роль, и больше о нем никто не вспомнил.

По традиции, царь пригласил к себе бояр для совета — думы. В Слободу он дал понять боярам, что отныне не намерен считаться с обычаем. Он обращался с великими боярами как господин с вставшей в немилость челядью. Бояре предстали пред светлые очи монарха, но не им, а духовенству государь «свое жаловальное слово рек». Он заявил, что по молению главы церкви «митрополита всеа Руси» и челобитью всех своих богомольцев решает вернуться на царство — «государства свои взяти хотим, а как нам свои государства взяти и государствы своим владети, о том о всем прикажем к... Офонасию митрополиту всеа Русии с своими богомольцы» — с Пименом, Никифором, Левкием и др.⁵⁷

Прием во дворце начался 5 января и закончился в тот же день. Фактически членам Боярской думы не дали раскрыть рта. Взамен старой возникла новая процедура. Высшее духовенство взяло на себя роль посредника или, точнее, проводника царской воли. Речь Ивана была адресована одному духовенству — верному Пимену с Левкием. Из той же речи дума узнала, что окончательное решение царь доведет до сведения бояр через митрополита.

Укоренившиеся порядки, в силу которых Боярская дума возглавляла весь механизм управления государством, были слишком прочны. Попытка лишить думу ее прерогатив равносильна была государственному перевороту. В Слободу бояре фактически оказались под стражей. Их заставили замолчать. Если бы царь отпустил всех бояр в Москву, его противники в думе получили бы возможность действовать или по крайней мере высказать свое отношение к происходящему. Желая помешать думе вернуть себе функции высшего органа монархии, Иван IV решил разделить ее. В день аудиенции 5 января монарх объявил, что оставляет при себе князей И. Д. Бельского, П. М. Щенятева и некоторых других бояр, а князей И. Ф. Мстиславского, И. И. Пронского, других бояр, приказных людей отсылает в Москву с повелением, «да будут они по своим приказом и правят его государство по прежнему обычаю». Судя по тому, что Бельский был главой думы, а Щенятев многими местами был выше Пронского, самодержец оставил при себе самых влиятельных бояр. В отсутствие главных руководителей дума не могла предпринять никаких самостоятельных решений, хотя формально царствующий град Москва и был возвращен под управление бояр.

Известно, что Пимен, Левкий и другие государевы богомольцы оставались в Слободе по крайней мере до дня Богоявления — 6 января, когда царь велел им служить молебн. До какого времени были задержаны в резиденции царя его бояре, мы не знаем.

Какой бы формальной ни была процедура приема бояр, Иван IV не мог обойтись без боярского руководства. Иначе невозможно было придать вид законности подготовляемому перевороту. Разъединив думу и добившись покорности от ее руководителей, самодержец получил возможность подкрепить авторитетом думы подготовлявшуюся реформу. Соглашение было столь же необходимо монарху, сколько и членам высшего органа государства. В. И. Корецкий полагал, что о выработке соглашения в Слободе не было и речи, поскольку бояр захватили как заложников. Исследователь попытался расшифровать свидетельство летописи об «иных боярах», задержанных царем. Согласно его предположению, Иван IV задержал Щенятева и других своих наиболее ярых противников — А. Б. Горбатого, И. А. Куракина, Д. И. Немого, П. П. Головина.⁵⁸ Свою гипотезу В. И. Корецкий подтверждает ссылкой на трагическую судьбу Щенятева, якобы постриженного в монахи, а затем замученного на пыточном дворе 5 августа 1565 г. Эта аргументация основана на недоразумении. Как следует из Разрядных книг, П. М. Щенятев участвовал в октябре 1565 г. в отражении татар от Болхова, за что воевод наградили золотыми.⁵⁹ Таким образом, Щенятев не был пострижен и казнен вскоре после задержания в Александровской слободе. Напротив того, в ближайшие месяцы после учреждения опричнины он оставался одним из трех главных воевод русской армии. Предположение, будто заложником в Слободе был И. А. Куракин, также ошибочно: названный боярин находился на службе в Казани и фактически не мог попасть в Слободу в два-три дня.⁶⁰

Царь добивался от руководителей Боярской думы согласия на казнь видных бояр, а потому невероятно, чтобы его жертвы были допущены в Слободу.

Служилые немцы Таубе и Крузе оставили наиболее подробное описание событий, сопровождавших введение опричнины. В записках И. Таубе и Э. Крузе изложены «речи» Грозного к думе, произнесенные им после отречения от трона. Названные авторы заняли высокое положение в опричной иерархии не в момент учреждения опричнины, а некоторое время спустя, чем и объясняется ряд неточностей в их рассказе. Однако их источники информации достаточно надежны. Сопоставление текста письма Грозного об отречении (в летописном изложении) с его «речами» в записи опричников не оставляет сомнения на этот счет. В грамоте к думе царь писал о беззакониях бояр «в его государские несвершенные лета» и заявлял, что не желает более терпеть «их многих изменных дел». В речах к думе в Слободе Иван IV назвал изменников по именам и объявил за ними такие вины, за которые они должны были поплатиться жизнью. Если верить Таубе и Крузе, Грозный обвинил своих противников в намерении свергнуть законную династию. Он напомнил боярам, «как мятежны были его подданные по отношению к нему и его предкам... до сею дня и как много пролили они крови этого рода (Владимира Мономаха. — *Р. С.*), пытаюсь прекратить высокоставную династию и посадить вместо нее другую, и теперь еще они постоянно готовы совершить это».⁶¹ После смерти Василия III, заявил царь, бояре хотели лишить его законных прав и сделать своим государем *Garbato*, т. е. Горбатого. В рассказе Таубе и Крузе допущены неточности. Царь будто бы заявил о притязаниях на трон выходца из рода Челяднина-Горбатого. Составляя записки после казни И. П. Федорова-Челяднина, немцы смешали воедино дело о казни А. Б. Горбатого и заговоре Челяднина.

Заодно с Горбатым царь обвинил в измене и других своих противников. Этим людям, говорил Иван IV, он ежедневно сам должен видеть в числе тех, кто причастен к правлению. Заговорщики, утверждал царь, «стремятся лишить его жизни, уничтожив его и его близких, подобно тому, как это случилось с

благочестивой, почившей в бозе царицей, происходившей из рода Романовых, и если бы Бог не воспротивился этому и не открыл их козни, то то же случилось бы с ним и его сыновьями»; «вследствие этих и им подобных причин он, царь, принужден принять меры, чтобы предупредить надвигающееся несчастье».⁶²

Всего за год до опричнины иностранцы наблюдали, как монарх разъезжал по столичным улицам без всякой охраны, в сопровождении одного лишь слугителя, бывшего в небольшой барабан.⁶³ Однако после того, как пролилась боярская кровь, положение переменилось. В дни работы над старыми летописями царь не скрывал страха за свою жизнь и жизнь близких ему людей. Под влиянием страха он впервые пришел к мысли о бегстве за рубеж.

По традиции глава государства не мог казнить «великих бояр» без специального расследования думы и без боярского суда. При формальном ходе дел царю едва ли удалось бы избежать сопротивления думы. Но в решающий момент она оказалась разьединена и никто из ее руководителей не осмелился перечить самодержцу. Выслушав царские речи, представители думы и духовенство не только приняли все его условия, но и как могли благодарили государя.⁶⁴ Фактически они выдали царю на расправу всех его «непослушников».

Был ли по случаю учреждения опричнины созван Земский собор? Этот вопрос вызвал споры в литературе. Одно мнение сводится к тому, что указ об опричнине был утвержден собором (А. А. Зимин, С. О. Шмидт).⁶⁵ Согласно другому мнению, названный указ предварительно обсуждался Земским собором (Л. В. Черепнин).⁶⁶ С. О. Шмидт предполагал, что собор начал работать в декабре 1564 г. и с перерывом продолжался до февраля 1565 г. Основанием для такой гипотезы послужил сбивчивый рассказ И. Таубе и Э. Крузе, будто в воскресенье после дня св. Николая (т. е. 10 декабря. — Р. С.) 1566 (?) г. царь сообщил всем духовным и светским чинам об отречении от престола, а спустя две недели, простившись с боярами, духовенством, дворянами и купцами, уехал в Слободу.⁶⁷ Версия о двукратном отречении Грозного недостоверна. Предпочтение следует отдать свидетельству московской летописи. При царском отъезде из Москвы никто не знал о его причинах. Прощание царя с боярами и купцами, описанное современниками, нельзя считать «собором», поскольку «чины» ничего не обсуждали и никаких решений по поводу отъезда государя (или его мнимого отречения) не принимали.⁶⁸

Московский летописец, упомянув об оставлении в Слободу бояр и духовенства, затем подробно излагает указ об опричнине. Изложение завершается краткой ремаркой: «Архиепископы (в действительности один Никандр. — Р. С.)... и весь священный собор, да и бояре и приказные люди то все положили на государьской воле...»⁶⁹ Отсутствие в летописном тексте глагола (приговорили, решили) является следствием либо неудачной редактур («земскую» летопись тщательно редактировали в опричнине, куда текст был затребован два года спустя), либо неисправности списка. Так или иначе, вся роль чинов, задержанных в Слободу, свелась к изъявлению верноподданнического согласия на любые меры царя.

По возвращении в Москву, повествуют Таубе и Крузе, Иван IV вызвал к себе оба сословия — дворянство и духовенство и вновь обратился к чинам с речью. По случаю введения опричнины он будто бы сделал думе многословные наставления. Прежде всего Иван указал высшим боярам на все то, что при благоприятных обстоятельствах и времени могло бы способствовать расширению и процветанию государства. Далее он велел боярам следить за тем, чтобы в случае его кончины не возникло спора и раскола между его сыновьями.⁷⁰ Боярская дума не приняла отречения царя, и потому необходимость в передаче царства наследникам отпала. Но проект, изложенный в духовном завещании Грозного, все же получил частичное осуществление. В дворовой ведомости 1573 г. имеется помета насчет того, что «дворовые люди, которые были у царевичев, а государево жалованье имали из Большого приходу».⁷¹ Большой приход

был одним из главных земских ведомств, что дает основание предположить, что царевичи, будучи несовершеннолетними, возможно, были оставлены отцом в земщине.

Учреждая опричнину, царь старался убедить всех в том, что заботится о водворении в стране порядка, мира и единства. В своей речи к думе Иван в особенности настаивал на необходимости покончить со злоупотреблениями властей и прочими несправедливостями. В этом «тезисе» заключался, как это ни парадоксально, один из главнейших аргументов в пользу опричнины.

Незадолго до введения опричнины боярская оппозиция устами Курбского обвинила «державного» царя и его «волостелей» в таких бедах, как произвол и беззакония в судах.⁷² Речь Грозного явилась непосредственным ответом на обвинения Курбского. Подобно Адашеву, Иван IV не одобрял злоупотреблений своих приказных и бояр, но его попытки искоренить лихоимство и показная строгость не давали результатов. Итальянец Барберини передает, что царь нередко приказывал сечь уличенных во взятках чиновников и правителей и даже знатнейших из своих бояр, поэтому среди чиновников не было почти ни одного, которого бы ни разу не высекали.⁷³

Отнюдь не расположенные к царю И. Таубе и Э. Крузе свидетельствуют, что Иван, вверяя думе земщину, просил бояр позаботиться об искоренении несправедливостей и преступлений и водворении в стране порядка.⁷⁴ В совершенно тех же выражениях рассказывает об этом Г. Штаден: царь «хотел искоренить неправду правителей и приказных страны» и «устроить так, чтобы новые правители, которых он посадит, судили бы по судебникам без подарков, дач и приносов».⁷⁵ Однако на практике привилегии опричнины и бесправное положение земщины лишь создали почву для новых вопиющих злоупотреблений.

Н. И. Павленко первым подверг сомнению гипотезу о созыве Земского собора при учреждении опричнины.⁷⁶ Вслед за ним В. И. Корецкий писал: «Опричнина зарождалась и учреждалась как сугубо царское дело и не подлежала чьему бы то ни было осуждению, тем более „земщины“ (в лице Земского собора), против которой она с самого начала направлялась».⁷⁷ С этим мнением следует полностью согласиться. Какие бы внушения чинам ни делал самодержец, его декларации очень мало напоминали совещание с представителями сословий, конституировавшимися в Земский собор. В Описи царского архива документ о введении опричнины описан следующим образом: «Ящик 191. А в нем указ, как государь приехал из Слободы, об опричнине».⁷⁸ Очевидно, закон об опричнине имел форму именного царского указа.

В. И. Корецкий обратил внимание на местническое дело между князьями П. И. Татевым и А. П. Хованским. Как значится в Разрядных книгах пространной редакции, их тяжбу судили главные бояре, о чем тотчас донесли царю. Иван отправил Татеву грамоту с приказом ехать с театра военных действий к себе в деревню и ждать там указа. На грамоте помечено: «Писано на Москве лета 7073-го году генваря в 20 день».⁷⁹ На основании приведенной записи В. И. Корецкий заключил, что «Иван IV уже до 20 января вернулся в Москву, а следовательно, этого же числа был издан указ об опричнине».⁸⁰ Самодержец управлял государством из «царствующего града Москвы». Иногда он писал грамоты из столицы, не будучи там. Так, незадолго до опричнины он подписал грамоту Курбскому из «града Москвы... 7072-го июля в 5 день», хотя определено известно, что в столицу вернулся лишь 8 июля.⁸¹

По мнению А. А. Зимина, царь вернулся в Москву в день Сретенья, т. е. 2 февраля, когда и был обнародован указ об опричнине.⁸² Эта датировка всецело опирается на записки И. Таубе и Э. Крузе. Однако хронология — наиболее уязвимая часть их сочинения. Немцы неверно называли не только день, но и год отъезда царя в Слободу. Наиболее достоверна хронология официальной московской летописи, согласно которой царь впервые вернулся из Слободы в Москву 15 февраля 1565 г. Тогда же он объявил о введении опричнины.

Текст указа об опричнине не сохранился, однако его содержание подробно передано летописью. Летописное изложение пестрит выражениями: царь «приговорил», «приказал», «повелел», «а учинити ему» и т. д.⁸³ Царский указ предусматривал образование в государстве «опришнины», организованной по типу удельного княжества и находившейся в личном владении монарха. Опричнина получала свою территорию, финансы и войско.

В состав опричных владений царя вошли земли трех категорий. Во-первых, крупные дворцовые и великокняжеские оброчные волости, расположенные по большей части недалеко от столицы. Во-вторых, обширные территории Поморья и Севера. И в-третьих, несколько небольших центральных уездов с развитым служилым землевладением.⁸⁴

В опричнине оказались старинные великокняжеские волости Хотунь (под Москвой) и Гвоздна (под Коломной), волость Алешня (под Москвой), волость Гусь и сельцо Муромское (под Владимиром), Аргуновская волость (под Переяславлем), древние поселения числяков и Ордынские деревни (Верейский и Боровский уезды), Круг Клинский, волость Вселук во Ржеве, Опаков на Угре и городок Вышгород на Поротве, Пахрянский стан с заливными лугами, а также село Белгород на Волге (под Кашиным), Ладожский порог на Волхове с богатыми рыболовными промыслами (Водская пятина), волости Ошта, Прибужь и т. д.⁸⁵ Дворцовые волости должны были снабжать опричный двор всеми необходимыми продуктами.

Северные территории России были поделены между опричниной и земщиной. Самые пустынные и, кстати, самые обширные районы: Печорский край с Пустоозером, Вятская земля, Пермь остались за земщиной. Опричнине отошли уезды с зажиточными крестьянскими волостями и богатыми торговыми городами: Вага, Двина, Холмогоры, Каргополь, Вологда, Устюг Великий и пр.⁸⁶ Своеобразие Севера и Поморья заключалось в том, что там дольше всего сохранялось общинное землевладение, среди населения преобладало черносошное крестьянство. Феодалное служилое землевладение не получило широкого развития в этих уездах. К середине века во многих северных волостях было введено земское самоуправление, население обложено «кормленным окупом» в пользу казны. Вологда и Холмогоры расположены были на конечных пунктах великого речного пути по Северной Двине и Сухоне. Этот путь служил главной торговой артерией, связывавшей Москву с Поморьем.⁸⁷

Крупным центром был Устюг Великий, зачисленный в опричнину «со всеми волостями».⁸⁸ Он являлся административным центром обширного края и контролировал важнейшие торговые пути из России на Урал и в Сибирь. Устюжский рынок был крупнейшим пушным рынком страны. Передают, что еще в 80-х гг. XVI в. Устюг платил в Четвертной приказ до 30 тыс. рублей тяглом и податью — всего на 10 тыс. рублей меньше, чем Москва.⁸⁹

Как можно установить, опричное правительство забрало в опричнину важнейшие центры соляной промышленности страны, включая Каргополь, Соль-Тотемскую, Соль-Вычегодскую, Солигалич, Соль-на-Балахне (Балахну) и Старую Руссу.⁹⁰ Среди всех перечисленных городов первое место бесспорно занимала Старая Русса: в середине XVI в. в ней числилось 1545 дворов.⁹¹ Главным богатством города были соляные варницы — много сотен варниц, на которых ежегодно добывали сотни тысяч пудов соли.⁹² Старорусскую соль продавали на рынках Новгородско-Псковской и отчасти Тверской и Смоленской земель.⁹³ На протяжении XVI в. Старая Русса сохраняла значение крупнейшего торгово-промышленного центра страны. Еще в 80-х гг. она платила в казну в счет торговых пошлин 18 тыс. рублей. Столько же платили Москва и Новгород вместе взятые. Правда, Русса выплачивала пошлины не деньгами, а главным образом натуральным продуктом.⁹⁴ Обычно опричные уезды имели конфигурацию сплошных массивов. В отношении Руссы допущено было исключение: она располагалась посредине новгородских пятин наподобие небольшого островка.

По мнению С. Б. Веселовского, Русса, Балахна, Тотьма и т. д. были взяты в опричнину для снабжения солью двора.⁹⁵ Однако опричный двор не мог поглотить и сотой доли продукта, добываемого в одной Руссе. Опричная казна преследовала более значительные цели. Соль интересовала ее не как натуральный продукт, а как важнейший товар на рынке страны. Взяв под свой контроль главные центры солепромышленности, опричное правительство установило своего рода соляную монополию. Опричнина контролировала соляную торговлю всего Северо-Запада (Старая Русса), Заонежья (Каргополь), Заволжья (Солигалич), Нижегородского края (Балахна) и Севера (Соль-Вычегодская). В руках опричного правительства соляная монополия стала важнейшим средством финансовой эксплуатации населения страны, как опричного, так и земского. Напомним, что в XVI в. соляная торговля была делом более прибыльным, нежели даже виноторговля. Основным потребителем вина было городское население, численность которого в XVI в. была ничтожно мала, а денежные средства ограничены. Потребителем же соли выступало и посадское, и значительно более многочисленное сельское население страны. Как отметил А. Г. Маньков, для всего XVI в. характерен необычайно высокий уровень цен на соль, что особенно заметно при сопоставлении соляных и хлебных цен. Так, на Вологодском рынке хлеб стоит 5—10 денег за пуд, соль же — 6 денег, а иногда и до 10 денег (1551—1572 гг.). В годы опричины (1568—1572) цены на соль колебались в пределах от 2, 3¹/₂, 4 до 6, 10, 12 денег за пуд.⁹⁶ Далеко не случайно крупнейшая купеческая семья XVI в. Строгановых нажила капитал именно в сфере соляной торговли.

Всевозможные поборы, подати, «кормленные окупы» и торговые пошлины с городов и волостей Севера и Поморья, а также соляной доход служили основным источником дохода для опричной казны. Зачисление названных местностей в опричнину объяснялось главным образом фискальными соображениями. Указ об опричнине предусматривал возможность зачисления в удел новых земель в случае недостатка дохода в опричной казне: «А с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьский обиход, и иные города и волости имати».⁹⁷

В соответствии с древней традицией, после образования опричного «удела» царь получил свою долю, «жеребей» на Москве. Незадолго до учреждения опричины в Кремле случился пожар: сгорели двор Старицкого, царские конюшни и задние хоромы митрополичьего двора.⁹⁸ Вскоре же царь велел «чистить» пожарище под новый опричный дворец. Пожар дал опричным властям удобный предлог, чтобы потеснить земщину. Кроме двора удельного князя Старицкого под новую опричную резиденцию предполагалось взять все митрополичье подворье, царицыны хоромы и многочисленные дворцовые службы до Курятных ворот. Но не прошло и года, как государь отказался от своего намерения и решил выехать за пределы «города» (Кремля) на Арбат. По указу об опричнине к ее владениям были отмежеваны Чертольская улица, начинавшаяся у Кремля и доходившая до всполья, Арбат до Дорогомиловского всполья и Новодевичьего монастыря, а также три столичных слободы.⁹⁹ Из опричных кварталов Москвы были выселены все бояре, дворяне и приказные люди, не принятые в опричнину. На их место водворились опричные служилые люди, бояре, дьяки и т. д. Тяглая посадская община (гости, купцы, мелкие торговцы, ремесленники и пр.) почти вовсе не была затронута опричным переселением.

В опричнину попало около десятка уездов с развитым служилым землевладением. Только три из них можно с некоторой натяжкой отнести к числу уездов средней величины (Вязьма, Можайск, Суздаль). Прочие были мелкими уездами (Галич, Малый Ярославец, Медынь, Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин).¹⁰⁰ Названные уезды должны были дать основные контингенты для опричного дворянского войска.

Ни одна крупная пограничная крепость в опричнину не вошла. Вязьма и Можайск были прикрыты с запада Смоленском. Опричные города юго-западной окраины (Козельск, Перемышль, Белев, Лихвин) располагались на верхней Оке под защитой находившихся южнее земских крепостей.

Одним из первых мероприятий опричных властей явилось формирование опричного дворянского и стрелецкого войска. «А учинити государю у себя в опришнине, — значилось в царском указе, — князей и дворян и детей боярских дворовых и городовых 1000 голов».¹⁰¹ Опричное войско имело традиционную структуру: принятые в «государеву светлость» князья и дворовые дети боярские составляли опричный «двор», тогда как массу опричного корпуса составляли городовые или уездные дети боярские. В. Б. Кобрин высказал предположение, что комплектование опричного двора началось еще до официального учреждения опричнины и что его ядро составляли служилые люди, прибранные из всех городов «выбором» и сопровождавшие царя в Слободу в декабре 1564 г.¹⁰² Вполне возможно, что некоторая часть «выбора» вошла в опричнину, но она едва ли могла образовать ядро опричного охранного корпуса. «Выборные» дворяне были набраны «изо всех городов» обычным, традиционным способом. Ко времени отъезда царя в Слободу они несли службу в столице. Им, естественно, и было поручено охранять царскую семью и обозы с царской сокровищницей при переезде. Как только царский «поезд» достиг Слободы, значительная часть вооруженной свиты, выборных дворян была отослана в столицу.

Опричный двор и армию едва ли можно было сформировать до размежевания страны на опричнину и земщину. Существенно и то, что отбор на опричную службу был проведен нетрадиционным способом. После утверждения указа об опричнине правительство вызвало в Москву дворян трех опричных уездов — Суздальского, Можайского и Вяземского и произвело генеральный смотр.¹⁰³ Им руководила специальная опричная комиссия в составе первого боярина А. Д. Басманова, князя А. Вяземского и П. Зайцева. Во время смотра четверо «старших» дворян из каждого уезда должны были после особого допроса и под присягой показать перед комиссией происхождение рода уездных служилых людей, рода их жен, указать также, с какими князьями и боярами они вели дружбу и т. д.¹⁰⁴ В опричнину царь велел зачислить лишь тех, против кого у него не было подозрения и кто не был дружен с князьями и боярами. Такие стали его людьми, «опричниной».¹⁰⁵

О принципах отбора служилых людей в опричнину одинаково рассказывают столь различные авторы, как царь Иван, Курбский, Штаден, Таубе и Крузе. Курбский повествует, что царь, учредив опричнину, собрал вокруг себя «человеков скверных», вместо «нарочитых», т. е. знатных людей.¹⁰⁶ Штаден называл служилых опричников «новодельными господами, которые должны бы быть холопами тем прежним».¹⁰⁷ Таубе и Крузе презрительно писали о них же, как о «нищих и косолапых мужиках».¹⁰⁸ Насквозь проникнутый аристократическими предрассудками, сам царь Иван горько сетовал на то, что вынужден из-за боярской измены приближать к себе в опричнине худородных дворян-страдников. «...По грехом моим учинилось, — писал он опричному думному дворянину В. Грязному, — и нам того как утаити, что отца нашего князи и бояре нам учили изменяти, и мы и вас, страдников, приближали, хотячи от вас службы и правды».¹⁰⁹

По замыслу опричного правительства, привилегированное дворянское войско должно было стать надежным орудием в борьбе с непокорной знатью. Ввиду этого при наборе опричной тысячи предпочтение оказывалось худородному провинциальному дворянству. Показателем социального лица опричнины может служить командный состав тысячи. Когда осенью 1565 г. опричные отряды были посланы против татар, ими командовали воеводы князь А. П. Телятевский, Д. И. и А. И. Хворостинины, князь Д. И. Вяземский

и М. З. Белкин.¹¹⁰ Несмотря на свои княжеские титулы, никто из опричных воевод не принадлежал к знати. Телятевский был помещиком из Ярославля и происходил из обедневшей ветви князей Микулинских. По словам В. Б. Кобринина, Хворостинины были родом малознатным, хотя и не захудалым.¹¹¹ Вяземские служили по Костроме в низшем разряде дворян, «литве дворовой». Согласно Разрядам, в Полоцком походе воевода Телятевский командовал сторожевым отрядом в 1016 человек, голова Д. И. Хворостинин возглавлял отряд в 200 человек.¹¹² Остальные воеводы вообще не упоминались в допричных разрядах. Козельский дворовый Белкин принадлежал к неродословному дворянству и даже в опричном разряде писался без отчества.¹¹³

Согласно указу об опричнине, царь принял к себе на службу 1000 дворян, «и поместья им подавал в тех городех с одново, которые города поимал в опришнину».¹¹⁴ Задача испомещения опричных людей разрешалась двояким способом. Местные дворяне (а они составляли основную массу) сохраняли свои старинные поместья в данном уезде и получали «додачу», т. е. дополнительное земельное обеспечение. Как свидетельствуют И. Таубе и Э. Крузе, принятым в опричнину дворянам полагалось от 50—60 до 100 четвертей (гуфов) земли.¹¹⁵ По-видимому, опричники были подразделены на несколько статей. Опричник Г. Штаден пишет, что был причислен к служилым людям «четвертой степени». Позже благодаря покровительству Басмановых он был уравнен с начальными опричными людьми, князьями и боярами.¹¹⁶

«Иногородние» дворяне (начальные люди и пр.) получали поместья в опричных уездах в свой полный оклад, но зато лишались старых поместий в других уездах.

Вопрос о землевладении опричных служилых людей решался, по-видимому, в строгом соответствии со старинными удельными традициями. Теми же традициями руководствовался царь Иван при наборе дворян в «удел» в период кратковременного «правления» Симеона Бекбулатовича в 1575—1576 гг. «А которых людишок приемем, — писал князь Иван Московский Симеону, — и ты б, государь, милость показал, вотчинишок у них отнимати не велел, как преж сего велося у удельных князей... а ис поместьишок их им... всякое их рухлядишко пожаловал, велел отдати, и людишок их, не ограбя, велел выпустити».¹¹⁷

Наше предположение подтверждается двумя фактами. Указ об опричнине предусматривал испомещение дворян «с одново» в опричных уездах и ни словом не упоминал о «перемене» у них вотчин и наделении их вотчинами в опричных уездах. Интересной иллюстрацией к опричному указу может служить писцовая книга Рузского уезда 1567—1569 гг., которая показывает, что опричники сохраняли в своих руках вотчины, находившиеся в земщине.¹¹⁸ В конце 60-х гг. в земском Рузском уезде вотчинами владели опричники ловчий Г. Д. Ловчиков, Я. Ф. и А. Ф. Волынские, князь С. А. Черкасский.¹¹⁹ Владельцами поместных земель в Рузском уезде были в подавляющем большинстве земцы. В нескольких случаях земские писцы описали также поместья опричников, но эти случаи объясняются особыми обстоятельствами. «За Григорьем за Яковлевым сыном Унковского да за иво племянником за Андреем Ивановым сыном Унковского (а Ондрей в опричнине) старое отца их поместье...»¹²⁰ Описанное писцами поместье было «сместным» владением двух родственников, земца и опричника.

«Становясь опричником, — пишет А. А. Зимин, — служилый человек часто не переходил в состав землевладельцев опричных уездов, сохраняя свои старые земельные и служилые связи».¹²¹ Приведенные выше факты позволяют оспорить подобный вывод. Опричники становились помещиками опричных уездов. Они сохраняли в земщине лишь свои вотчины.

Благодаря дополнительному земельному обеспечению в опричнине была установлена своя особая градация поместных окладов дворян, значительно

более высокая, чем в земщине. Опричные служилые люди при прочих равных условиях были поставлены в привилегированное положение.

Чтобы дополнительно обеспечить опричников, нужны были десятки тысяч четвертей земли.¹²² Необходимые земли были конфискованы у землевладельцев опричных уездов. Царский указ об опричнине категорически предписывал «вывести» из опричных уездов вотчинников и помещиков, «которым не быти в опришнине», предоставить им земли «в то место в иных городех, понеже опришнину (царь. — *Р. С.*) повеле учинити себе особно».¹²³

Царский указ не остался на бумаге. В самых авторитетных документах можно встретить указания на отчуждение земель в опричнине. Так, в наказе писцам начала XVII в. значилось: «Которые будут вотчины у вотчинников иманы в опришнину, а вотчиники высланы в земское, и раздаваны те их вотчины в поместья опричинцам».¹²⁴

По словам очевидцев, опричные писцы отписывали в казну в первую очередь земли, фактически выбывшие из службы. Как писал Г. Штаден, царь перебирал уезды один за другим и отписывал имения у тех, кто по смотренным спискам не служил со своих вотчин его предкам на войне; эти имения раздавались опричным.¹²⁵

С. Ф. Платонов крайне преувеличил значение конфискаций в опричных уездах, будто бы подорвавших княжеско-боярское землевладение.¹²⁶ Оспаривая аргументацию Платонова, С. Б. Веселовский указал на незначительный удельный вес вотчинного землевладения в уездах, зачисленных в опришнину в 1565 г. «В Можайском и Суздальском уездах, — писал он, — было некоторое количество вотчинных земель, а во всех остальных уездах вотчин было мало или они совсем отсутствовали».¹²⁷ Если это справедливо, то земельный пересмотр в опричных уездах в 1565 г. свелся главным образом к перераспределению поместного фонда земель. Судя по спискам дворовых, аристократическая прослойка среди землевладельцев Суздаля, Можайска и Вязьмы, в самом деле, была невелика.¹²⁸ Главной целью земельного пересмотра во всех названных уездах было образование свободного земельного фонда для испомещения опричной тысячи.

Вопрос о масштабах выселения земских дворян из опричных уездов вызвал разногласия в литературе. По мнению С. Б. Веселовского, с опричных территорий было выселено несколько тысяч людей, в результате чего было разорено несколько десятков тысяч средних и мелких землевладельцев.¹²⁹ Проанализировав летописные сведения в сопоставлении с данными Разрядных росписей, мы пришли к заключению, что выселения дворян носили массовый характер, хотя их масштабы были более скромными, чем представлялось С. Б. Веселовскому.¹³⁰

Официальная московская летопись сообщает, что после учреждения опричины Иван IV организовал опричное войско в 1000 голов детей боярских, испомещенных «заодин» в опричных уездах.¹³¹ Летописная цифра находит полное подтверждение в цифровых данных Разрядного приказа. Ниже приводятся данные о численности уездных полковых дворян в пределах опричной территории на 1563 г. (в скобках указаны данные по тем же уездам на 1572 г.): по Суздалью — 636 (210); по Можайску — 486 (127); по Вязьме — 314 (180); по Козельску — 290 (130); по Галичу — 250 (150); по Медыни — 218 (95); по Малому Ярославцу — 148 (75); по Белеву — 50 (данные отсутствуют).¹³² Итак, накануне опричины семь уездов выставляли в поле 2392 детей боярских, в 1572 г. — в тех же самых уездах, ставших опричными, комплектовалось опричное войско в 1000 голов. В Разрядах приведены неполные данные (967 детей боярских), что объясняется отсутствием сведений по Белеву.

В 1563 и 1572 гг. имели место крупнейшие за всю историю XVI в. мобилизации военных сил. В первом случае Иван IV бросил всю армию для овладения Полоцком, во втором приказал собрать все наличные силы для

обороны Москвы от татар. (Годом ранее те же крымские татары сожгли столицу дотла). Войны и «великое разорение», начавшееся на рубеже 60—70-х гг. XVI в., привели к сокращению конного дворянского ополчения. Численность полевых армий в крупнейших кампаниях составляла: 18 105 детей боярских в 1563 г., 11 974 сына боярских в 1572 г.¹³³ В указанные годы Разрядный приказ старался собрать наибольшие силы, поскольку отмеченные мобилизации были проведены в критических ситуациях. Возникает вопрос, почему число дворян полковой службы уменьшилось после учреждения опричнины более чем вдвое, а по Суздалью — втрое, тогда как в масштабах всей страны численность дворянского ополчения сократилась всего лишь в полтора раза? Известно, что не опричные, а земские уезды подвергались погромам со стороны опричного войска. Ответ однозначен: причиной сокращения числа служилых людей в опричных уездах был массовый вывод местных помещиков. В. Б. Кобрин считает ошибочным мнение о значительном сокращении количества служилых людей по Суздалью к 1572 г. — на том основании, что часть суздальских детей боярских могла сопровождать царя в Новгород, из-за чего они не участвовали в походе на татар и не попали в Разряд этого похода 1572 г.¹³⁴ Соображения о том, кто сопровождал Грозного в Новгород, носят неопределенный характер. В царскую свиту могли входить дворяне из любого опричного уезда.¹³⁵ Ценность массовых данных Разрядных книг очевидна. Если бы Разряды зафиксировали резкое сокращение дворян только по Суздалью, сомнения в разрядных цифрах были бы вполне уместны. Однако сокращение наблюдается по всем опричным уездам. Объяснить это случайными причинами невозможно. Полное совпадение разрядных и летописных данных подтверждает, что испомещенная в опричных уездах гвардия насчитывала как раз 1000 «голов» детей боярских. Приведенные факты опровергают утверждение, будто в распоряжении исследователей сегодня нет доказательств массовых переселений из опричных уездов.

Количественные данные Разрядов могут быть проверены с помощью наблюдений за именными списками землевладельцев опричных уездов, реконструированными на основании писцовых книг и дворовых списков. А. П. Павлов провел ретроспективное изучение писцовой книги Вяземского уезда 1594—1595 гг. и составил список вяземских землевладельцев предопричного периода, включавший примерно 200 фамилий. К концу столетия в уезде осталось около четверти старых фамилий и появилось 170 новых. Сопоставив эти данные с опрично-земскими разрядами и дворовыми списками, А. П. Павлов установил, что среди старых землевладельцев, сохранивших вяземские поместья, и новых вяземских землевладельцев преобладали опричные фамилии, тогда как среди выбывших из уезда дворян преобладали земцы. Старыми вяземскими землевладельцами были Плещеевы, Бельские, Безобразовы, Годуновы, Пушкины, Черемисиновы, Тургеневы и др., новыми — опричники Ловчиковы, Полевы, Воейковы, Толстые, Шуйские. Из уезда были выселены князя Голицыны, Катыревы, Репнины, а также Шеины, Третьяковы-Головины и пр. Аналогичная картина наблюдается в опричном Можайске и Малом Ярославце. Наблюдения А. П. Павлова полностью подтверждают вывод о том, что опричные выселения носили массовый характер. «Земские дворяне высылались из опричных уездов едва ли не поголовно», что значительно ослабляло традиционные связи членов Государева двора со своими уездами.¹³⁶

Н. К. Фомин исследовал социальный состав землевладельцев Суздальского уезда, предприняв ретроспективное изучение суздальских писцовых книг 20-х гг. XVII в. и другой документации. Как он установил, примерно 20% семей опричников, владевших землей в Суздальском уезде, принадлежали к местным коренным родам.¹³⁷ В. Б. Кобрин отметил неполноту данных о суздальцах-опричниках. Тем не менее данные Н. К. Фомина не опровергают, а подтверждают тенденцию, выявленную на основании Разрядов и характерную

для всех опричных уездов. В самом деле, если в Суздале на долю «иногородних» приходилось 80 % суздальцев-опричников, то отсюда следует, что из Суздальского уезда было выселено не две трети, а гораздо большая доля прежних местных суздальских землевладельцев.

Массовые выселения из опричного Суздальского уезда были сопряжены с рядом экономических и политических соображений. Во-первых, местных землевладельцев, принятых в опричину, надо было обеспечить дополнительными поместьями в связи с установлением в опричнине высоких поместных окладов. Во-вторых, предстояло обеспечить полными окладами «иногородних» дворян-опричников, переведенных сюда из других уездов. В-третьих, царь преследовал цели политического характера. Потомки местной княжеской династии князя Шуйские-Суздальские были сильны не только своими богатствами, но и тем, что они поддерживали давние и многообразные связи со многими местными дворянскими родами, некогда бывшими их вассалами. Именно эти связи и пытался порвать Грозный, высылая сотни местных дворян из Суздаля. При учреждении опричины Иван IV объявил, что главным государственным преступником является князь А. Б. Горбатый-Суздальский. Горбатый принадлежал к прямым потомкам суздальской княжеской знати, сохранявшим традиционные связи с местными землевладельцами. При наборе на опричную службу предпочтение отдавалось тем, кто не был дружен со знатными родами. В Суздале таким знатым родом, дружба с которым безусловно осуждалась, был род «изменника» Горбатого. По этой причине опричные власти выселили из Суздаля больше дворян, чем из других уездов.

Д. Н. Альшиц предпринял попытку объединить данные о выводе помещиков из опричины «с городом вместе» и сведения о конфискациях княжеских вотчин, обозначив их термином «земельный террор». В итоге исследователь заключил, что с самого начала царский террор был направлен не только против аристократии, но и против «массы представителей служилого сословия».¹³⁸ С такой оценкой трудно согласиться. Конфискация вотчин «в опале» и вывод помещиков «с городом вместе» были явлениями различного порядка. Казна сохраняла право собственности на поместье, а потому, переводя дворян с поместья на поместье, власти в целом оставались на почве феодальной законности. «Сведенные» помещики сохраняли прежние оклады и получали поместья в земских уездах. Фонд свободных земель в земщине образовался вследствие двух обстоятельств: во-первых, перехода в казну поместий служилых людей, взятых в опричину, и, во-вторых, конфискации многих вотчинных земель. Правительство имело реальные возможности наделить поместьями в земщине изгнанных из опричины служилых людей.

Опричный корпус сохранял традиционную структуру. Основную массу его составляли городовые дети боярские, служившие с уездом, верхушка входила в опричный Государев двор. По прихоти Грозного его «особный двор» принял вид своего рода монашеского ордена или братства. Его члены по временам надевали монашеские куколки и предавались посту и молитвам.

Опричные начальные люди Таубе и Крузе отметили, что орден насчитывал 300 человек.¹³⁹ Датский посол Я. Ульфельд, будучи в Москве, разузнал, что царь избрал себе 300 опричников, дав им власть над жизнью и смертью людей.¹⁴⁰ Очевидно, и опричники и посол имели в виду дворовых опричников — «двор», составлявший непосредственное окружение царя.

Опричный двор достиг численности в 300 человек ко времени расцвета опричины, когда ее территория значительно расширилась. К моменту учреждения «государевой светлости» опричный двор едва ли насчитывал более 100—200 человек.

Указ об организации опричной тысячи имел некоторые общие черты с приговором 1550 г. об испомещении «тысячи лучших слуг» под Москвой

(одинаковый численный состав, испомещение дворян статьями и т. д.). Однако по существу опричная тысяча была организована на совершенно иных началах. «Тысяча лучших слуг» должна была набираться по всем уездам и включала лишь верхушку уездных дворян. Опричная тысяча комплектовалась из дворян нескольких уездов и включала в себя массу рядовых служилых людей этих уездов. Все «лучшие слуги» принадлежали к составу Государева двора. В избранную опричную тысячу входили не только и не столько дворовые, сколько городские дети боярские, мелкие провинциальные служилые люди. Возможно, в связи с этим «лучшие слуги» получали в III статье 100 четвертей земли, а опричники низшей статьи — всего лишь 50—60.

Дворянский идеолог И. Пересветов еще в 50-х гг. ратовал за организацию постоянной личной гвардии царя, предлагал жаловать дворян не по «породе», а по воинским заслугам и т. д. В известном смысле опричная реформа шла навстречу подобным требованиям дворянства. Опричная тысяча была создана как привилегированная личная гвардия царя. Служба в опричнине открывала широкие перспективы перед худородным дворянством. Однако привилегии опричнины распространялись на сравнительно узкий круг дворянства. В то же время результаты опричной земельной реформы нарушили интересы широкого слоя земских дворян. Многие дворяне были выселены из своих вотчин и поместий. Лишились земель также дворяне, имевшие владения на территории опричнины, но служившие по другим уездам. Ввиду дробности и чересполосицы феодального землевладения таких было немало. В целом опричный земельный пересмотр вызвал глубокое недовольство среди земского дворянства.

Сведения о наборе в опричину худородных детей боярских — «косолапых мужиков» способствовали возникновению исторического мифа о борьбе дворянства с боярством. В действительности опричина не делила феодальное сословие на знать и низшее дворянство. Подавляющая часть мелких помещиков оставалась в земщине и терпела злоупотребления опричников наряду с прочими земскими людьми. При организации опричнины Грозный опирался на сложившуюся структуру служилого города. Опричная передвижка подтвердила тот факт, что право казны распоряжаться поместным фондом земель сохраняло в XVI в. реальный характер.

Опричина была наделена функциями охранного корпуса. При зачислении в государев удел каждый опричник клятвенно обещал разоблачать опасные замыслы, грозившие царю, и не молчать обо всем дурном, что он узнает. Опричникам запрещалось общаться с земщиной. Удельные вассалы царя носили черную одежду, сшитую из грубых тканей. Символами службы в опричнине были, по утверждению Таубе и Крузе, собачья голова и метла, привязанная к седлу: подобно псам опричники должны были грызть царских врагов, а метлой выметать измену из страны.¹⁴¹ Насколько достоверно известие о песьих головах как главном символе опричников? Со слов очевидцев автор немецкой брошюры 1572 г. так описал въезд Грозного в Москву после возвращения из новгородского похода. Впереди ехал дворянин на лошади, а на груди была свежотрубленная голова большой английской собаки. Иван IV также ехал на лошади, у которой на груди была большая серебряная песья голова, и она была устроена так, что при каждом шаге лошади пасть пса, открываясь, громко лязгала зубами.¹⁴² При разгроме вотчин Федорова и нападениях на двory посадских людей в Новгороде опричники первым делом убивали сторожевых собак на дворах. В этих случаях недостатка в отрубленных головах не было. Но в другое время опричники не могли еженедельно рубить тысячи собак, чтобы украшать себя символами собачьей преданности монарху. Наиболее точное описание опричной символики можно найти в записках служилого немца-опричника Г. Штадена и в русских летописях. По словам Штадена, опричники носили

«у колчана, куда прятались стрелы, что-то вроде кисти или метлы, привязанной к палке».¹⁴³ Один русский современник записал в летописи: «...ходиша и ездиса в черном... все люди опришницы, а в саадацех (колчанах. — Р. С.) помяла».¹⁴⁴ Вводя опричнину, Грозный обещал навести в стране порядок и утвердить «правду». Символом его обещаний и стало мирное помело.

Помимо дворян функции личной охраны царя были возложены также на «приказ» опричных стрельцов численностью в 500 человек. На них распространялись привилегии опричнины. По словам Г. Штадена, царь щедро пожаловал стрельцов денежным жалованьем и одеждой.¹⁴⁵ Численность стрелецкого войска не оставалась неизменной, как и численность «двора». За пять лет опричнины контингент опричного двора значительно увеличился.¹⁴⁶

Управление опричниной осуществляло правительство в лице опричной Боярской думы. Поначалу в нее входили бояре, окольные, дворецкий и казначей, назначенные «особно» в соответствии с указом об опричнине.¹⁴⁷

Согласно традиционному взгляду, опричное правительство было менее аристократическим по своему составу, чем земское. А. А. Зимин отверг это мнение на том основании, что «среди восьми опричных бояр к концу 1572 г. только двое не носили княжеского титула».¹⁴⁸ Однако А. А. Зимин не учел того, что опричнина неоднократно меняла свою направленность и в разные периоды состав ее думы был различным. В. Б. Кобрин посвятил специальное исследование составу опричного «двора», особое внимание уделив думным чинам опричнины. Но он придал алфавитный порядок составленному опричному списку, что привело к нарушению исторической перспективы.¹⁴⁹ И. Таубе и Э. Крузе, присутствовавшие на опричных смотрах, знали, что Иван IV отбирал на опричную службу худородных дворян. В. Б. Кобрин опроверг их свидетельство ссылкой на социальный состав опричного двора, куда входили «отпрыски многих знатных родов».¹⁵⁰ В. Б. Кобрин не заметил главного — метаморфозы опричного двора, который лишь на последнем этапе опричнины стал включать многих отпрысков знатных фамилий. Алфавитный порядок рассмотрения состава двора помешал выявлению основных тенденций его развития.

По мнению В. Б. Кобрин, одним из главных инициаторов опричнины стал боярин В. М. Юрьев-Захарьин, и именно вокруг Захарьиных сгруппировался руководящий кружок опричнины, включавший Басмановых, Яковлевых-Захарьиных, Сицких, Черкасских.¹⁵¹

История Захарьиных, рассмотренная в контексте конкретных событий того времени, опровергает этот вывод. Незадолго до опричнины старший из Захарьиных Д. Р. Юрьев умер, а чин дворецкого перешел к его брату Н. Р. Юрьеву. В отреченной грамоте царь специально выделил дворецкого среди лиц, которым объявлялась опала.¹⁵² Благодаря первому браку Н. Р. Юрьев породнился с семьей Головиных, вторым браком он был женат на дочери Горбатого. И Головины, и Горбатые подверглись опале в самом начале опричнины. Автор Пискаревского летописца утверждал, будто опричнина была учреждена «по злых людей совету: Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова».¹⁵³ А. Д. Басманов действительно был инициатором опричнины. Относительно В. М. Юрьева известие позднего летописца кажется сомнительным. В опричной документации его имя не фигурирует. Юрьева пригласили на Земский собор, на котором ни один из членов опричной думы не присутствовал.

Захарьины все больше утрачивали доверие царя, свидетельством чему была опала на боярина И. П. Яковлева, одного из руководителей правительства в предопричный период. После введения опричнины он был арестован и содержался под стражей до 28 марта 1565 г., когда был освобожден на поруки.¹⁵⁴ За Яковлева поручилась большая группа земских бояр — князья И. Д. Бельский и И. И. Пронский, конюший И. П. Федоров и окольные

А. А. Бутурлин, а также митрополит и весь священный собор.¹⁵⁵ Яковлев вынужден был подписать грамоту, в которой признавал свои «проступки» перед царем и клялся, что не «отъедет» за рубеж и не будет тайно переписываться с литовцами и русскими беглецами в Литве. Несмотря на давнюю вражду между Захарьиными и Старицкими, правительство обязало И. П. Яковлева «не приставать» к удельному князю В. А. Старицкому, «не думать» с ним ни о чем, не дружить и не ссылаться с его боярами и приказными людьми.¹⁵⁶

Родной брат опального И. П. Яковлева В. П. Яковлев-Захарьин служил дворецким у наследника, дворовый штат которого числился по земскому ведомству.¹⁵⁷ Фактически царевич Иван находился при отце в опрочнине, что определяло и положение его бояр. Тем не менее В. П. Яковлев никогда не был ключевой фигурой царской опрочной думы.

Смерть Анастасии Романовой и вступление царя во второй брак сказались на положении Захарьиных при дворе. Не Захарьины, а Черкасские заняли почетное место в опрочной думе. Брат царицы Марии Салтанкул Черкасский был привезен на Русь мальчиком за шесть-семь лет до опрочнины. Здесь он перешел в православную веру и крестился под именем Михаил. Ко времени полоцкого похода князь Михаил, по-видимому, не вышел еще из юношеского возраста. В походе он исполнял службу главного царского рынды, оруженосца.¹⁵⁸ По слухам, царица Мария будто бы первой подала Грозному мысль об учреждении привилегированной стражи, опрочных стрельцов.¹⁵⁹ Но это известие весьма сомнительно. Едва вышедшая из детского возраста, Кученей Черкасская не имела особого влияния на Грозного. Царица знала московские порядки и язык еще хуже, нежели ее брат.

Иван IV пожаловал шурина в удел городок Гороховец с уездом. В пределах своего «княжества» Черкасский распоряжался как полновластный владетель. Его люди собирали налоги с подданных, пошлины с проезжих. Старцы соседнего монастыря, жалуясь на самоуправство княжих слуг, говорили, что Черкасский был «тогда (в годы опрочнины. — Р. С.) человек великой и временной, управы было на него добиться не мочно».¹⁶⁰ Формально князь Михаил Черкасский возглавлял опрочную думу в полном соответствии с московскими традициями. В ливонском походе 1567 г. он числился главным дворовым воеводой, т. е. вторым после царя лицом в опрочной армии.¹⁶¹ Сын мелкого горского владетеля, Черкасский не располагал прочными связями в среде российской титулованной аристократии. Ко времени опрочнины он был сравнительно молодым человеком и не оказывал решающего влияния на дела опрочного управления.

При учреждении опрочнины в ее думе почти не было титулованной знати, а ее члены по знатности далеко уступали членам земской Боярской думы. Земскую думу возглавляли Бельский, Мстиславский, Щенятев, Захарьины, Федоров. Опрочной думой руководили Басмановы-Плещеевы, которые не могли тягаться ни с одной из названных фамилий. Опрочные разряды сообщают сведения о пожаловании думных чинов в «государевой светлости», а эти сведения в свою очередь позволяют точно определить состав группировок, игравших руководящую роль в опрочнине.

Боярин А. Д. Басманов был самым выдающимся из вождей опрочнины. В первые же годы существования опрочных порядков он добился пожалования думных чинов двум своим ближайшим родственникам З. И. Очину-Плещееву и Ф. А. Басманову.

Очин попал в плен к литовцам во время неудачного сражения под Улой, проигранного по вине воевод. В начале 1566 г. он вернулся из плена и был выдан на поруки опрочнине.¹⁶² Благодаря хлопотам Басмановых незадачливый воевода не только избежал суда, но и получил боярство. Заметим, что Очин-Плещеев был первым лицом, получившим высший думный чин

из опричнины. В осеннем походе 1567 г. боярин З. И. Очин был вторым воеводой у царя «на посылку», местом ниже Ф. Басманова.¹⁶³ В 1569 г. боярин Очин командовал опричными отрядами, освобождавшими Изборск, затем возглавил передовой полк в Калуге.¹⁶⁴

Сын Басманова Федор, несмотря на молодость, быстро достиг в опричнине высших чинов. Он породнился с царской семьей благодаря браку с племянницей царицы Анастасии княгиней В. В. Сицкой.¹⁶⁵ Вскоре после учреждения опричнины царь пожаловал своему новому фавориту думный чин кравчего. Интересно, что до Басманова этот титул носили обычно выходцы из наиболее знатных удельных и княжеских фамилий.¹⁶⁶ В походе 1567 г. кравчий Ф. А. Басманов исполнял службу воеводы для посылок при особе царя. Во время выступления опричной армии к литовской границе в 1568 г. он возглавлял опричный передовой полк.¹⁶⁷ Около того же времени Федор Басманов был назначен первым наместником Старицы.¹⁶⁸ Весною—летом 1569 г. он командовал опричной армией, собранной в Калуге против татар. Под его начальством находились такие видные опричники, как боярин З. И. Очин и окольный В. И. Умной. Помимо опричных отрядов ему были временно подчинены отборные военные силы земщины.¹⁶⁹

Многочисленный род Плещеевых первенствовал в опричном правительстве и армии в первые годы существования опричнины.¹⁷⁰

Видное положение в опричном правительстве занимали члены знатного боярского рода Колычевых — боярин Ф. И. Умной и окольный В. И. Умной. Следует подчеркнуть, что вначале Колычевы оставались в земщине и только на втором году существования опричнины вошли в ее состав.¹⁷¹ В июле 1566 г. боярин Ф. И. Умной впервые именуется с сугубо опричным титулом «наместника суздальского».¹⁷² В следующем году он возглавил «великое» посольство в Литву.¹⁷³ По некоторым сведениям, зимой 1567/68 г. Ф. И. Умной ведал опричной частью Москвы.¹⁷⁴ Окольный В. И. Умной в качестве опричника участвовал в Ливонском походе осенью 1567 г.¹⁷⁵ Под Изборском в 1569 г. он был вторым воеводой из опричнины, находясь в подчинении у З. И. Очина.¹⁷⁶ В той же роли второго воеводы В. И. Умной был в Калуге с Ф. Басмановым.¹⁷⁷ Колычевы входили в состав опричной думы, но по своему влиянию они далеко уступали Плещеевым.¹⁷⁸

Вслед за Плещеевыми и Колычевыми в опричнину потянулись Морозовы, Чеботовы, Бугурлины и Воронцовы.

Боярин Л. А. Морозов-Салтыков на протяжении 15 лет служил при дворе оружничим. При учреждении опричнины он не был принят в государев удел и вследствие этого лишился чина оружничего. Грозный взял Салтыкова в опричнину в 1568—1569 гг. и пожаловал ему чин опричного дворецкого.¹⁷⁹ Салтыков был один из старейших бояр в опричной думе.¹⁸⁰ По некоторым данным, во время похода на Новгород в конце 1569 г. он номинально числился командующим опричной армией.¹⁸¹ В Новгороде опричный дворецкий руководил изъятием сокровищницы Новгородского Софийского дома.¹⁸² И. Таубе и Э. Крузе называли Салтыкова «ближайшим советником» Грозного.¹⁸³

Видное положение в опричной думе заняла переяславская знать — боярин И. Я. Чеботов, его однородцы боярин И. А. Бутурлин и окольный Д. А. Бутурлин, а также думный дворянин И. Ф. Воронцов.¹⁸⁴ Первые упоминания об опричных службах И. Я. Чеботова относятся к октябрю 1569 г.¹⁸⁵ И. А. Бутурлин стал опричным боярином никак не позднее весны-лета 1569 г.¹⁸⁶ Его младший брат окольный Д. А. Бутурлин исполнял опричные службы в сентябре 1570—мае 1571 г.¹⁸⁷ В думе боярин И. А. Бутурлин занимал более высокое положение, нежели родня царя боярин В. А. Сицкий. Последний безуспешно пытался местничать с Бутурлиным и бил на него челом, «потому меньше ево быть нельзя и суд у них был в отечестве».¹⁸⁸

Вместе с В. П. Яковлевым князь В. А. Сицкий входил в думу царевича Ивана. Оба они не принадлежали к числу руководителей царской опричной думы. Имена Яковлева и Сицкого впервые фигурируют в опричном разряде 1567 г.

Титулованная знать занимала в опричной думе значительно более скромное положение, чем старомосковская знать. Князья Ростовские в числе первых удостоились чести служить в опричнине. Но царь принял одного из них в опричную думу не при учреждении опричины, а после знаменитых амнистий 1566 г.

В чине боярина князь В. И. Темкин много лет служил в Старицком удельном княжестве.¹⁸⁹ В начале Ливонской войны он попал в плен к литовцам и только благодаря этому обстоятельству избежал царской опалы. Сын Темкина и все его братья были сосланы в Казанский край. 5 июля 1567 г. Темкин вернулся в Россию.¹⁹⁰ Ситуация к тому времени настолько изменилась, что его сразу же взяли в опричнину.¹⁹¹ Зачисление в опричнину литовских пленников объяснялось довольно просто. Все они, не поддавшись на уговоры русских эмигрантов в Литве, добровольно вернулись на родину. Правительство могло не опасаться, что они сбегут в Литву. Царь поручил Темкину весьма неблагоприятное дело — расследование «преступлений» Ф. Колычева. Темкин успешно выполнил это поручение и, вероятно, в награду за это получил ранее октября 1569 г. чин опричного боярина.¹⁹²

Князь Д. И. Хворостинин происходил из самой младшей малознатной ветви Ярославского княжеского рода. Думный чин был пожалован ему за военные заслуги. Хворостинин обладал выдающимися военными дарованиями. В 1569 г. он получил титул опричного окольного.¹⁹³

Опричная дума отличалась от земской не только тем, что знать не имела в ней широкого представительства, но и той ролью, которую играли в управлении опричниной думные дворяне.

Влиятельным членом опричной думы был, бесспорно, князь А. И. Вяземский. В 1566 г. он представлял опричнину в ответственных переговорах с литовцами. Тогда он носил титулы окольного, оружничего и наместника опричной Вологды.¹⁹⁴ В феврале 1567 г. А. Д. Басманов и Вяземский «учинили» договор со шведскими послами в Слободе.¹⁹⁵ В походе 1567 г. князь Вяземский служил вторым «дворовым воеводой» при особе царя.¹⁹⁶ Вяземскому удалось провести в опричную думу своего старшего брата князя В. И. Волкова-Вяземского. Последний получил титул окольного и участвовал в походе 1567 г. как четвертый воевода «на посылку».¹⁹⁷ В те годы царь Иван неограниченно доверял своему любимцу. Из всех членов опричной думы князь А. Вяземский один участвовал в секретных переговорах относительно предоставления царской семье убежища в Англии.

Видное положение в опричной думе занимали дворяне Наумовы, происходившие из провинциального дворянства.¹⁹⁸ В. Ф. Наумов руководил в начале опричины Постельным приказом и как постельничий возглавлял личную канцелярию царя.¹⁹⁹ Свидетельством высокого положения Наумовых в опричнине служит тот факт, что в 1567 г. В. И. Наумов носил титул Можайского дворецкого.²⁰⁰ Напомним, что Можайск был одним из самых крупных опричных городов. Наумовы играли видную роль в опричном правительстве лишь в первые годы опричины. Постельничий В. Ф. Наумов умер ранее мая 1567 г.²⁰¹ В. И. Наумов пробыл два года в Швеции и вернулся оттуда тяжело больным летом 1569 г.²⁰² Таким образом, Наумовы сравнительно рано сходят с политической сцены. Отметим, что оба названных видных опричника отсутствуют в списках опричного двора, составленных С. Б. Веселовским и В. Б. Кобринным.²⁰³

Сравнительно поздно в опричной думе появились Воронцовы, представившие одну из знатнейших старомосковских боярских фамилий России.

По Разрядам 1567 и 1570 гг. И. Ф. Воронцов числился опричным дворянином в стану у государя. В мае 1570 г. он был членом опричной думы и в списке думных дворян занимал первое место.²⁰⁴

Видным представителем приказной администрации в опричной думе был старый опытный дьяк У. Л. Пивов, получивший в опричнине чин казначея.²⁰⁵ Первые упоминания о его службе в этом чине относятся к 1569 г.²⁰⁶ В подчинении Пивова находились опричная Казна, Четвертной приказ и прочие финансовые ведомства опричнины. Показателем влияния опричного казначея служит блестящая карьера в опричнине многих его родственников.²⁰⁷

В первые годы опричнины начали свою карьеру дворяне В. Г. Грязной и его троюродный брат В. Ф. Ошанин, М. Л. Скуратов-Бельский, Р. В. Алферьев и М. А. Безнин. В опричную думу никто из них первоначально не входил.²⁰⁸ Влияние Грязного и Скуратова усилилось лишь после разгрома «заговора» Федорова.

Через систему приказов дума осуществляла управление на всей территории опричнины. По мнению А. А. Зимина, в опричнине утвердилась «архаическая (дворцово-вотчинная) система управления, пригодная для государева удела», поскольку дворцовый аппарат «дал не только образец для организации опричной администрации, но и вошел в него со всеми своими учреждениями».²⁰⁹ Мнение А. А. Зимина вызывает некоторые возражения. Ни Большой Дворцовый приказ, ни его руководитель дворецкий Н. Р. Юрьев в опричнину не вошли. Вне опричнины остались Конюшенный приказ во главе с конюшим И. П. Федоровым, Бронный приказ Л. А. Салтыкова (Салтыков не попал в опричнину при ее учреждении) и пр.

В связи с организацией опричнины штаты дворцовых ведомств были разделены надвое, как и уездное дворянство. Параллельно земскому был образован опричный Дворец. Принятые в него лица прошли самую строгую проверку. Специальные опричные ведомства расследовали прошлое дворцовой прислуги, ее родственные связи и т. д. В царском архиве «анкеты» дворовых, входивших во Дворец, занимали отдельный ящик: «Ящик 200, в нем сыски родства ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помясов, и всяких дворовых людей».²¹⁰

Опричный Дворец имел традиционную структуру и подразделялся на три «дворца» — Сытный, Кормовой и Хлебный. Краткая записка о московских приказах и управлении 1610—1613 гг. определяла компетенцию дворца следующим образом: «На Дворце дворецкой да с ним два дьяка, ведают дворцовые села. А во Дворце розделены: дворец Хлебной, дворец Кормовой, дворец Сытной, а у них по ключнику».²¹¹ В соответствии с указом об опричнине царь приговорил «на дворцех, на Сытном и на Кормовом и на Хлебном учинити ключников и подключников и сытников и поваров и хлебников, да и всяких мастеров и конюхов и псарей и всяких дворовых людей на всякой обиход».²¹² Как можно заключить из текста указа, среди всех дворцовых ведомств только Большой дворец получил четкую организацию с первых же дней существования опричнины. Прочие отрасли дворцового управления не были дифференцированы. Вероятно, в силу своей малочисленности взятые в опричнину мастера (оружейники и пр.), конюхи, псари, истопники первоначально не были организованы в особые приказы — «дворцы». Однако такие дворцовые чины, как постельничий, ясельничий, вошли в опричнину с самого момента ее организации. Объясняется это двумя причинами. Во-первых, названные чины по должности были тесно связаны с обслуживанием царской семьи. Во-вторых, в опричнине эти чины становятся простым атрибутом думного дворянства, а следовательно, связь их с соответствующими дворцовыми приказами постепенно становится номинальной. К примеру, при учреждении опричнины произошло разделение штата Конюшенного приказа. Большая часть его осталась в ведении земского конюшего И. П. Федорова, меньшая

перешла в опричнину с ясельничим П. В. Зайцевым. Но функции этого последнего вовсе не ограничивались надзором за опричными конюхами. Зайцев руководил набором опричных войск, возглавлял опричный суд в Москве. Иначе говоря, он был думным дворянином. Подобным же образом атрибутом думного дворянства стали другие дворцовые чины: оружничий, постельничий и т. д.

Наряду с Дворцом в опричнине образуется ведомство казначеев и некоторые другие приказы, копировавшие параллельные земские учреждения. Организованная в опричнине лестница чинов включала «дворецкого и казначеев и дьяков и всяких приказных людей».²¹³

Опричная казна пополнилась посредством прямого ограбления земщины. В связи с отречением от престола царь вывез в Слободу всю государственную казну, золотые и серебряные слитки, сосуды. По возвращении на государство он вернул часть сокровищ (серебряные «суда» и т. д.) земской казне, но одновременно наложил на земщину громадную контрибуцию.²¹⁴ «За подъем же свой, — значилось в летописи, — приговорил царь и великий князь взяти из земского сто тысяч рублей».²¹⁵ Фактически вся тяжесть расходов, связанных с организацией опричнины, была взвалена на плечи земщины.

В ведении опричных казначеев находилась Четверть, или Четвертной приказ, один из главных финансовых органов опричнины. Четверть непосредственно осуществляла сбор «кормленных окупов» и других платежей в северных уездах опричнины.²¹⁶

Опричнина имела обширный поместный фонд и многочисленную армию. Поэтому ее приказные ведомства неизбежно должны были осуществлять функции, аналогичные функциям земского Поместного и Разрядного приказов, а иногда и Посольского приказа, поскольку опричное правительство нередко вело самостоятельные дипломатические переговоры с иностранными послами. Круг дел опричной администрации был весьма широк. Тем не менее опричнина не обладала столь разветвленным и сложным аппаратом, как земщина. Функции различных ее ведомств не были строго разграничены. Сплошь и рядом опричные дьяки по очереди исполняли самые разнообразные поручения.

Дьяками в опричнине служили П. Григорьев и Д. Володимиров. С. Б. Веселовский и А. А. Зимин отождествляли первого из них с дворянином П. Г. Совиным. «В биографии дьяка П. Г. Совина, — отметил А. А. Зимин, — лакуны относятся как раз к тем годам, когда нам известен дьяк Петр Григорьев».²¹⁷ Это не совсем верно. В 1561 г. П. Г. Большой Совин по возвращении из посольства в Ногайскую орду встречал литовских послов в Кремле. На приеме присутствовал подьячий Петрушка Григорьев. Позже П. Совин отправился с посольством в Данию, а Петрушка Григорьев получил чин дьяка и сопровождал царя в походе под Полоцк.²¹⁸ Опричного дьяка Дружину Володимерова П. А. Садиков и А. А. Зимин отождествляли со старым приказным дельцом Дружиной Лазаревым.²¹⁹ Однако С. Б. Веселовский и В. Б. Кобрин полагают, что дьяк Лазарев и опричник Володимеров были разными лицами.²²⁰

Функции опричных дьяков отличались большим разнообразием. Володимеров управлял финансовым Четвертным приказом, вел дипломатические переговоры с литовцами, решал местнические споры и пр.²²¹

Образовавшиеся в опричнине приказные ведомства были сколком земских приказов. К примеру, опричный Земский двор, учрежденный в опричной части Москвы, полностью копировал Земский двор, оставшийся в земской половине столицы. Оба ведомства служили управой благочиния. Чиновники земских дворов преследовали кормчество, хватали пьяных и подвергали их штрафу или били на торгу батогами, следили за порядком на городских улицах. Начальниками Земского двора были кн. П. Долгорукий в земщине и Г. Грязной Меньшой — в опричнине.²²²

При учреждении опричнины царь объявил о том, что передает все управление Московским царством земской Боярской думе, но при этом сделал ряд существенных оговорок. По указу об опричнине «государство... свое Московское, воинство и суд и управу и всякие дела земские (царь. — *Р. С.*) приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских: князю Ивану Дмитриевичю Белскому, князю Ивану Федоровичю Мстиславскому и всем бояром... а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходи́ти ко государю и государь з бояры тем делом управу велит чинити».²²³

Передача правления думе носила фиктивный характер. Будучи главой опричного правительства, Грозный сохранял право решать вопросы войны и «великие земские дела» во всем Московском царстве. Фактически ни одно важное решение не могло быть принято в земщине без участия царя, опиравшегося на советы опричной думы.

В смысле политических форм опричнина была возвратом к отжившей удельной старине. В опричнине царь предстал перед своими подданными в древнем одеянии удельного владыки. Казалось бы, опричнина возродила в стране удельные порядки в самых широких масштабах. На самом же деле новое учреждение в существе своем имело мало общего с удельной практикой и традициями.

Опричнина стала своеобразным государством в государстве или, точнее, государством над государством. В опричнине царь освободился, наконец, от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви. По сути опричнина явилась первой попыткой утверждения в России самодержавной формы правления.

¹ Разряды. Л. 217 об., 232 об., 272 об., 275, 288 об., 302 об., 303, 303 об.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 240; Витебская старина. С. 39.

² Шлихтинг. Новое известие. С. 16—17.

³ Там же. С. 17—18.

⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 328.

⁵ В августе 1564 г. казна предоставила митрополичьему дому право на безмытный проезд 100 телег или судов в города Северской Украины, а также разрешение на беспошлинную торговлю митрополичьих купчин по всей Новгородско-Псковской земле, в русской Ливонии и Полоцком уезде; в сентябре правительство выдало митрополиту жалованную грамоту на слободку Борисоглебскую в Переяславле-Залесском (см.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // АЕ за 1960 г. 1962. С. 160—161).

⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 18.

⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 322.

⁸ Разряды. Л. 313, 314, 329.

⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 322.

¹⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 36.

¹¹ Веселовский. Исследования. С. 375.

¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 388.

¹³ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 10. Л. 139. об.—140.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 390; Разряды. Л. 313 об.

¹⁵ Разряды. Л. 312 об., 313 об.; ПСРЛ. Т. 13. С. 390; Псковские летописи. Вып. 2. С. 246.

¹⁶ Разряды. Л. 310, 312 об. Царь, покидая армию, поручил командование главе Боярской думы: «А быти у государева дела бояром и воеводам без места и делом государевым промыслиати по государеву наказу, каков наказ у боярина у князя Ивана Дмитриевича Бельского» (Там же. Л. 311).

¹⁷ Литовцам удалось расстроить русско-крымский союз с помощью богатых поминков и подкупа ханских сановников (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 387). Король страшал хана тем, что Московский царь, «повоевав мою землю, и с тобою вперед на том (мире и союзе. — *Р. С.*) не устоит же» (Там же. С. 388). По секретному соглашению, литовцы и татары должны были напасть на Русь одновременно: «...королю польскому притти со всеми людьми к Полоцку и Полотцка доставати, а Девлет-Кирею царю притти, перелесчи Ока-река и воевати Коломенские места и к Москве итти» (Там же. С. 388).

¹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 380, 387.

¹⁹ Там же. С. 383—384.

- ²⁰ См.: Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв./Изд. Ф. Лашкова. Симферополь, 1891. С. 26—28.
- ²¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 388.
- ²² Там же. С. 389.
- ²³ «А росписи по полком не было, а стояли по вестем на горах» (Разряды. Л. 315).
- ²⁴ Псковские летописи. Вып. 2. С. 246.
- ²⁵ ЦГАДА. Ф. 123. № 11. Л. 131 об.
- ²⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 389—390; Разряды. Л. 313 об.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 389.
- ²⁸ Там же. С. 391; Псковские летописи. Вып. 2. С. 246.
- ²⁹ Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 226.
- ³⁰ Хофф. Тирания. Л. 5 об.
- ³¹ Послание Таубе и Крузе. С. 31—32; ПСРЛ. Т. 13. С. 391.
- ³² ПСРЛ. Т. 13. С. 391.
- ³³ *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1843. С. 15.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ ДДГ. С. 427.
- ³⁷ Шлихтинг. Новое известие. С. 18.
- ³⁸ ДДГ. С. 442. По-видимому, царь вернулся к проекту раздела государства в конце опричнины, в связи с чем завещание подверглось переработке. Владения, отобранные в казну в годы опричнины, были поделены между наследниками на две примерно равные части.
- ³⁹ ДДГ. С. 427.
- ⁴⁰ Там же. С. 428.
- ⁴¹ Там же. С. 427, 432, 433.
- ⁴² Там же. С. 426.
- ⁴³ Переписка. С. 7.
- ⁴⁴ ДДГ. С. 426.
- ⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.
- ⁴⁶ Хофф. Тирания. Л. 5.
- ⁴⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 392.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Там же. С. 393.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Послание Таубе и Крузе. С. 32.
- ⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 393.
- ⁵⁴ Послание Таубе и Крузе. С. 32.
- ⁵⁵ Штаден. Записки. С. 86.
- ⁵⁶ Послание Таубе и Крузе. С. 33.
- ⁵⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 394.
- ⁵⁸ *Корецкий В. И.* Томская Разрядная книга с ранними известиями об опричнине // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск. 1984. С. 9—10.
- ⁵⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 205—206; ПСРЛ. Т. 13. С. 399.
- ⁶⁰ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 175.
- ⁶¹ Хофф. Тирания. Л. 4. Царь винил бояр в пролитии царской крови, имея в виду расправу с братьями Василия III кн. Ю. Дмитровским и А. Старицким в 30-х гг.
- ⁶² Хофф. Тирания. Л. 5.
- ⁶³ *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев... С. 30.
- ⁶⁴ Хофф. Тирания. Л. 5.
- ⁶⁵ Зимин. Опричнина. С. 131, 134. Примеч. 1; *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 211—246.
- ⁶⁶ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 100—105.
- ⁶⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 31—32.
- ⁶⁸ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 242. Примеч. 5.
- ⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.
- ⁷⁰ Хофф. Тирания. Л. 6—6 об.
- ⁷¹ Альшиц. Новый документ. С. 54.
- ⁷² Курбский. Сочинения. С. 395. Поразительную картину взяточничества и лихоимства приказной администрации мы находим в сочинении Г. Штадена (Штаден. Записки. С. 79—80).
- ⁷³ *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев... С. 33.
- ⁷⁴ Хофф. Тирания. Л. 7.
- ⁷⁵ Штаден. Записки. С. 110.
- ⁷⁶ *Павленко Н. И.* К истории Земских соборов XVI в. // ВИ. 1968. № 5. С. 91—97.
- ⁷⁷ *Корецкий В. И.* Томская Разрядная книга... С. 10.
- ⁷⁸ Государственный архив России XVI столетия : Опыт реконструкции. М., 1978. Т. 1. С. 82.

⁷⁹ В. И. Корецкий отнес приведенную запись к числу дополнительных сведений Томской разрядной книги 1475—1605 гг. В действительности местническое дело Татеева и Хованского имеется во всех лучших списках пространной редакции (Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 195).

⁸⁰ *Корецкий В. И.* Томская разрядная книга... С. 11.

⁸¹ Переписка. С. 62; ПСРЛ. Т. 13. С. 384.

⁸² Зимин. Опричнина. С. 134.

⁸³ ПСРЛ. Т. 13. С. 394—395.

⁸⁴ См.: *Веселовский С. Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 г.// ВИ. 1946. № 1. С. 88.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 395; *Веселовский.* Исследования. С. 157—158.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 394—395.

⁸⁷ *М. Н. Тихомиров.* Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 242.

⁸⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 394.

⁸⁹ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 57.

⁹⁰ Солигалич, Тотма, Балахна представляли собой небольшие городки, обязанные своим существованием исключительно соляному промыслу (см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 263—264, 223, 246, 444—445). С. М. Каштанов высказал сомнения по поводу принадлежности к опричнине Солигалича (*Каштанов С. М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 163. Примеч. 11).

⁹¹ ААЭ. Т. 1. № 205. С. 186—187; *Чечулин Н. Д.* Города Московского государства в XVI в. СПб., 1889. С. 52.

⁹² Даже после разорения 70—80-х гг. в Руссе оставалось не менее 500 соляных варниц (см.: *Рабинович Г. С.* Влияние соляного промысла на развитие товарно-денежных отношений в Старорусском уезде в XVII в.//Новгородский исторический сборник. 1962. № 10. С. 77). Во второй половине XVII в. старорусские соляные промыслы, восстановленные после разорения смутного времени, давали, по подсчетам Г. С. Рабинович, до 200—260 тыс. пудов соли ежегодно. В середине XVI в. уровень производства соли в Руссе был более высоким (см.: Там же. С. 78).

⁹³ *Рабинович Г. С.* Рынок сбыта старорусской соли во второй половине XVII в.//Докл. высш. шк. Ист. науки. 1963. № 3. С. 95, 94.

⁹⁴ *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 57.

⁹⁵ *Веселовский.* Исследования. С. 157.

⁹⁶ *Маньков А. Г.* Цены и их движение в Русском государстве XVI в. М.; Л., 1951. С. 67, 175.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

⁹⁸ Там же. С. 396.

⁹⁹ Там же. С. 395.

¹⁰⁰ Из всех указанных городов более всего укреплены были Вязьма, Можайск и Галич. В начале XVI в. Вязьма была главнейшей крепостью на западной границе, охранявшей кратчайшие пути на Москву. После занятия Смоленска она утратила прежнее стратегическое значение. К концу века вяземский посад насчитывал до 500 дворов. Сильной крепостью и весьма обширным посадом обладал Можайск. К концу века в нем было 205 живущих дворов, 127 пустых и 1446 мест дворовых. В Суздале крепостные укрепления давно пришли в негодность. На суздальском посаде к началу 70-х гг. числилось 414 живущих дворов. В Галиче было до 240—300 дворов. Укрепления города были полностью обновлены в конце 50-х гг. по причине частых набегов восставшей черемисы (см.: *Тихомиров М. Н.* Россия в XVI столетии. С. 125—129, 176, 222—223, 364—366).

¹⁰¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

¹⁰² *Кобрин В. Б.* 1) Социальный состав опричного двора : АКД. М., 1961. С. 7; 2) Источники для изучения численности и истории формирования Опричного двора//АЕ за 1960 г. 1962. С. 122.

¹⁰³ Хофф. Тирания. Л. 7.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Курбский. Сочинения. С. 322.

¹⁰⁷ Штаден. Записки. С. 102.

¹⁰⁸ Послания Таубе и Крузе. С. 35.

¹⁰⁹ Послания Ивана Грозного. С. 193.

¹¹⁰ Разряды. Л. 333.

¹¹¹ Кобрин. Состав опричного двора. С. 79.

¹¹² Витебская старина. С. 38; Разряды. Л. 288 об.

¹¹³ Разряды. Л. 333; ДРВ. Ч. 13. С. 383. В одном из Разрядов, вероятно, по ошибке записано имя М. Безнина (Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 45).

¹¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

¹¹⁵ См.: Хофф. Тирания. Л. 7. В издании Хоффа текст записок Таубе и Крузе совершенно отличен от списка Эверса в переводе М. Г. Рогинского. В нем значится: «И если опричник происходил из простого рода и не имел по наследству ни пяди земли, то великий князь давал ему тотчас же сто, 50, 60 гуфенов земли и денежное жалование». Ср. перевод М. Г. Рогинского: «И если опричник происходил из простого или крестьянского рода и не имел ни пяди земли, то вели-

кий князь давал ему тотчас же сто, двести или 50—60 и больше гаков земли» (Послание Таубе и Крузе. С. 35).

¹¹⁶ Штаден. Записки. С. 124, 130, 134.

¹¹⁷ См.: Челобитная удельного князя Московского великому князю Симеону 30 октября 1575 г.// РИБ. Т. 22. С. 76—77.

¹¹⁸ Русская писцовая книга обнаружена была Ю. А. Тихоновым и датирована А. А. Зиминим (см.: Зимин. Опричнина. С. 57. Примеч. 1).

¹¹⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. № 426. Л. 368 об.; 40, 134; 16 об., 188, 190, 234 об. Относительно русской вотчины Я. Ф. Волянского см.: *Власьев Г. А.* Род дворян Волянских//Изв. русского генеалогического о-ва. СПб., 1911. Вып. 4. С. 146.

¹²⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. № 426. Л. 287. В другом случае помещьем владел опричник И. И. Унковский (Там же. Л. 320).

¹²¹ Зимин. Опричнина. С. 357.

¹²² Для испомещения «тысячи лучших слуг» в 1550 г. предусматривалось отвести 118 тыс. четвертей земли (см.: ТКДТ. С. 103).

¹²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

¹²⁴ Наказ Новгородской четверти писцам 1623 года//*Веселовский С. Б.* Акты писцового дела. М., 1913. Т. 1. С. 255.

¹²⁵ Штаден. Записки. С. 86.

¹²⁶ Платонов. Очерки. С. 109—110; ср.: Садиков. Очерки. С. 50—51.

¹²⁷ *Веселовский С. Б.* Учреждение опричного двора. С. 88.

¹²⁸ ТКДТ. С. 153, 171, 184—191 и др.

¹²⁹ *Веселовский.* Исследования. С. 30—31, 156—158, 175.

¹³⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 262—276.

¹³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

¹³² *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 263.

¹³³ Витебская старина. С. 118—120; Буганов. Документы. С. 174—177; Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 4—93.

¹³⁴ Кобрин. Власть и собственность. С. 146.

¹³⁵ С весны 1572 г. с царем в Новгороде было несколько тысяч дворян и стрельцов (*Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 168. Примеч. 4). Приведенная нами цифра является, по-видимому, преувеличенной. Во всяком случае, стрельцов в царской охране, как правило, было больше, чем детей боярских. При любом выезде его сопровождало несколько стрелецких приказов.

¹³⁶ *Павлов А. П.* Политика государства и мобилизация поместного и вотчинного землевладения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине)// Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Тез. докл. и сообщ. М., 1988. Вып. 2. С. 223—229.

¹³⁷ *Фомин Н. К.* Социальный состав землевладельцев Суздальского уезда//Россия на путях централизации. М., 1982. С. 92—94.

¹³⁸ *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 120—122.

¹³⁹ См.: Хофф. Тирания. Л. 9 об. В менее достоверном тексте Послания по изданию М. Г. Рогинского фигурируют 500 опричников (см.: Послание Таубе и Крузе. С. 39).

¹⁴⁰ *Jacobi Ulfeldii legatio Moscoviticae//Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri saeculi XVI. Berolini; Petropoli, 1842. Vol. I. X. P. 8.*

¹⁴¹ Послание Таубе и Крузе. С. 35.

¹⁴² Каппелер. Последние годы опричнины. С. 19.

¹⁴³ Штаден. Записки. С. 89.

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.

¹⁴⁵ Штаден. Записки. С. 85.

¹⁴⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 44, 46; Новгородские летописи. С. 339.

¹⁴⁷ Новгородские летописи. С. 394.

¹⁴⁸ Зимин. Опричнина. С. 366.

¹⁴⁹ *Кобрин В. Б.* Социальный состав опричного двора. Критическая проверка списка опричного двора, составленного В. Б. Кобриным, привела Д. Н. Альшица к неожиданному выводу: «Сомнение в принадлежности к опричнине вызывает более чем половина названных им лиц» (*Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 182—183).

¹⁵⁰ Кобрин. Власть и собственность. С. 147.

¹⁵¹ *Кобрин В. Б.* Социальный состав опричного двора. С. 13.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 13. С. 494.

¹⁵³ Там же. Т. 34. С. 190.

¹⁵⁴ И. П. Яковлев сопровождал царя в Можайск летом 1564 г. Когда туда прибыл «царь» Шах-Али, во дворце «на переходах к постельным хоромам» его встречали ближние люди И. П. Яковлев, А. Д. Басманов и дьяк А. Васильев (РИБ. Т. 22. С. 59—60). Во время осады рязани татарами в октябре 1564 г. правительство приняло направить Яковлева «со всеми людьми» на выручку рязанцам за Оку (Разряды. Л. 315). Затем в его карьере наступает временный перерыв, вызванный царской опалой.

¹⁵⁵ СГГД. Ч. 1. № 184. С. 508. Во вторую руку за Яковлева поручилось несколько десятков

знатных дворян, среди них бывший старицкий воевода И. Б. Колычев, голова Н. К. Голохвастов, кн. Д. И. Пожарский, помещики Бежецкой пятины В. Я. и Ф. Я. Пыжовы, ряд митрополичьих детей боярских и дьяков и т. д.

¹⁵⁶ Там же. № 182. С. 503—505. Яковлев обязался «не приставати ко князю Володимиру Андреевичу ни в каковом деле никотороу хитростью, ни с ним не думати ни о чем, ни с его бояры, и с его приказными и служилыми людьми не дружитися с ним ни о каковом деле». Яковлев должен был выдать царю всех «лиходеев», о которых узнает или услышит.

¹⁵⁷ См. выше.

¹⁵⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 312—313; Витебская старина. С. 39.

¹⁵⁹ Штаден. Записки. С. 85.

¹⁶⁰ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма в XVI в. // Советские архивы. 1968. № 3. С. 109.

¹⁶¹ Разряды. Л. 340 об.

¹⁶² СГГД. Ч. 1. С. 560. Об отпуске З. И. Очина из Литвы впервые упомянуто было 5 июля 1566 г. на переговорах с литовцами (Сб. РИО. Т. 71. С. 398—399). Главными поручителями Очина выступили его родственники, опричные дворяне Н. И. Очин, М. Т. Плещеев, А. И. Охотин-Плещеев, И. Н. и О. Н. Павлиновы. Очин должен был подписать поручную грамоту, обязавшись «не отъехать за границу и в уделы и не «постричнся» в монахи (СГГД. Ч. 1. С. 560). В случае, если бы Очин «отъехал» из опричнины, постригся или исчез неведомо куда, его поручители (24 дворянина и сына боярских) обязаны были выплатить 4 тыс. рублей и «ответить» за беглеца собственными головами.

¹⁶³ В 1568 г. Очин командовал сторожевым полком в опричной армии, собранной на литовской границе в Вязьме (Разряды. Л. 342—342 об., 345).

¹⁶⁴ Там же. Л. 348 об.

¹⁶⁵ См.: Родословная Басмановых // Русская старина. 1901. № 11. С. 425.

¹⁶⁶ В 40-х — начале 60-х гг. кравчими были князья Ю. В. Глинский, И. Ф. Мстиславский, И. Д. Бельский, П. И. Горенский (см.: ДРВ. Ч. 20. С. 30, 31, 36).

¹⁶⁷ Разряды. Л. 340 об., 342—342 об.

¹⁶⁸ В то время Ф. Басманов сообщил Г. Штадену: «...этот уезд (Старицкий. — Р. С.) отдан теперь мне» (см.: Штаден. Записки. С. 148).

¹⁶⁹ Разряды. Л. 353.

¹⁷⁰ Высокопоставленными опричниками были племянник А. Д. Басманова И. Д. Колодка-Плещеев и И. И. Очин (оба служили передовыми головами в царском полку в 1567 г.), А. И. и Г. Ф. Плещеевы (дворяне «в стану у государя» в 1567 г.) (Разряды. Л. 340 об.; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 51; см. также: Кобрин. Состав опричного двора. С. 58—63). И. Д. Колодка в 1568 г. командовал всеми опричными войсками в Калуге. А. И. Плещеев получил в том же году назначение в Одоев, а затем был послан первым воеводой опричных войск в Вязьму и Мценск (Там же.).

¹⁷¹ По Разрядам, Ф. И. Умной с весны 1565 г. был послан воеводой в земскую крепость Смоленск. В. И. Умной около мая того же года служил из земщины в Коломне, а затем в Торопце (Разряды. Л. 318, 320, 321, 326 об.).

¹⁷² См.: Сб. РИО. Т. 71. С. 418, 447—449.

¹⁷³ Там же. С. 447—449.

¹⁷⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 26.

¹⁷⁵ Разряды. Л. 340.

¹⁷⁶ Там же. Л. 348 об.

¹⁷⁷ Там же. Л. 353 об.

¹⁷⁸ Во время осады Изборска третий воевода Н. И. Очин бил челом на второго воеводу окольничего В. И. Умного и получил на него невместную грамоту (Разряды. Л. 348 об.). Влияние Плещеевых было столь велико, что родовитые бояре Колычева не могли тягаться даже с младшими из них. Братья Умные участвовали в заседании Боярской думы 27 мая 1570 г. В списке бояр их имена записаны последними (см.: Сб. РИО. Т. 71. С. 666).

¹⁷⁹ В Ливонском походе 1567 г. Салтыков служил воеводой из земщины (Сб. РИО. Т. 71. С. 522, 563).

¹⁸⁰ Салтыков стал окольничим в 1553 г. и боярином в 1561 г. (Кобрин. Состав опричного двора. С. 71).

¹⁸¹ Русский исторический сборник. М., 1842. Т. 5. С. 297.

¹⁸² Новгородские летописи. С. 341.

¹⁸³ Послание Таубе и Крузе. С. 54.

¹⁸⁴ Все названные лица записаны в список Тысячи лучших слуг 1550 г. и в Дворовую тетрадь 1552 г. как переяславские дворяне (см.: ТКДТ. С. 56, 67).

¹⁸⁵ См.: Кобрин. Состав опричного двора. С. 70.

¹⁸⁶ В Разрядных книгах сохранилась следующая недатированная запись: «Того же году на Вологде ел государь у богомольца у своего, да ели бояре князь Михаил Темрюкович Черкасский, Василий Петрович Яковлев, Иван Андреевич Бутурлин, Василий Андреевич Сицкий» (Разряды. Л. 477 об.). Во время пребывания в Вологде И. А. Бутурлин и В. А. Сицкий возглавляли опричный суд. Как значилось в одном местническом деле XVI в., «79 и 80 у царя на Вологде судили бояре Иван Андреевич Бутурлин и князь Василий Андреевич Сицкий, в разряде 7079 и 7080 то

не написано» (Русский исторический сборник. Т. 5. С. 311). Названный разряд следует отнести, по-видимому, к 1569 г., когда царь ездил в Вологду вместе с Черкасским и прочими опричными боярами. В то время Бутурлин, очевидно, и возглавлял опричный суд. Одна судная грамота, подписанная И. А. Бутурлиным в Вологде, сохранилась до наших дней. Она датирована осенью 1569 г. (Зимин. Опричнина. Прил. С. 481).

¹⁸⁷ Разряды. Л. 361 об., 364 об. Д. А. Бутурлин получил чин окольничего ранее марта 1569 г. (см.: Сб. РИО. Т. 71. С. 598, 599).

¹⁸⁸ Разряды. Л. 477 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 257 об.

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 408.

¹⁹¹ Кобрин. Состав опричного двора. С. 77.

¹⁹² См.: Там же. С. 70. Из других Ростовских княжат в опричнину попало несколько Приемковых, среди них кн. О. Ф. Гвоздев (второй «голова» в походе 1567 г., командовал передовым полком под Вязьмой и Мценском в 1567—1568 гг.), И. Ф. Гвоздев («в стану у государя» в 1567 г.) (Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 51; Кобрин. Состав опричного двора. С. 65—66). Как и Темкины, многие Приемковы (кн. В. В. Волк, Р. А., В. Р., М. А. и Д. М. Приемковы) были сосланы в Казань в 1565 г.

¹⁹³ В походе 1567 г. кн. Д. И. Хворостинин служил головой в царском полку. Трое его младших братьев служили оруженосцами в свите царя (Разряды. Л. 340 об., 339 об.). В начале 1569 г. Д. И. Хворостинин находился в полках на литовской границе, летом возглавил сторожевой полк на Оке (Там же. 349, 353 об.).

¹⁹⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 353—364.

¹⁹⁵ Описи царского архива. С. 121.

¹⁹⁶ Разряды. Л. 340 об.

¹⁹⁷ Там же. Видными опричными воеводами были А. И. Глухов-Вяземский (командовал передовым опричным полком в Калуге в 1567 г.), кн. А. И. Зайцев-Вяземский (первый голова и дворянин «в стану у государя» в походе 1567 г.), кн. Д. И. Лисица-Вяземский (опричный воевода в походе под Болхов в октябре 1565 г.), кн. Ю. И. Волк-Вяземский (оруженосец в свите царя в 1567 г.) (Кобрин. Состав опричного двора. С. 33—34).

¹⁹⁸ Как значилось в одном местническом деле начала XVII в., Наумовы «неродословные, худые люди и истари живали на пашне, а велися они на Рязани» (Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 400).

¹⁹⁹ Описи царского архива. С. 49. В конце 40-х гг. Постельный приказ возглавлял М. А. Бурхун-Наумов, представитель той же дворянской семьи (Разряды. Л. 164). Старший брат В. Ф. Наумова И. Ф. Жокула много лет возглавлял Сокольничье ведомство (ТКДТ. С. 117). Сын постельничего Б. В. Наумов служил в 1567 г. дворянином «в стану у государя» из опричнины (ДРВ. Ч. 13. С. 390). Еще один член той же фамилии Я. Г. Наумов с первых дней опричнины служил городовым приказчиком в Суздале и испомещал там опричных дворян. По некоторым сведениям, он ведал при царе Иване сокольничий путь «в приказ» (Белокуров С. А. Разрядные записи на Смутное время. М., 1907. С. 39).

²⁰⁰ Сб. РИО. Т. 129. С. 125—127.

²⁰¹ Кобрин. Состав опричного двора. С. 50; ТКДТ. С. 161.

²⁰² Сб. РИО. Т. 129. С. 127.

²⁰³ Веселовский. Исследования. С. 222; Кобрин. Состав опричного двора. С. 50.

²⁰⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 66. Младший брат И. Ф. Воронцова Василий служил в походах 1567 и 1570 гг. дворянским головой из опричнины (Кобрин. Состав опричного двора. С. 31).

²⁰⁵ Царь не мог обойтись без опытных финансистов и по этой причине взял в удел «большого» дьяка У. Л. Пивова. На протяжении многих лет, вплоть до начала 60-х гг., Пивов возглавлял приказ Большого прихода. Он был одним из первых «кормленных дьяков» и ведал сбором «кормленных окупов» в Вологде и других северных уездах (Садиков. Очерки. С. 268, 281—282, 308—312; Сб. РИО. Т. 59. С. 149).

²⁰⁶ Садиков: 1) Из истории опричнины. С. 235; 2) Очерки. С. 312. До опричнины Пивов, возможно, не имел думного чина. В Дворовой тетради он записан после разрядных, посольских и поместного дьяков (ТКДТ. С. 115). В разряде 1559 г. Пивов значится вторым дьяком, после поместного дьяка П. Михайлова (Разряды. Л. 260 об.). Некоторые источники называют Пивова опричным печатником. В местническом деле М. Татищева 1598 г. упомянуто, что печатник У. Л. Пивов «сидел» у ясельничего П. Зайцева (Мятлев Н. В. Челобитная М. Татищева // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1907. Вып. 1. С. 4).

²⁰⁷ Дьяк Д. М. Пивов вошел в опричнину после Земского собора 1566 г. (относительно его участия в соборе см.: СГГД. Ч. 1. № 192. С. 553). Осенью 1568 г. он расследовал «злоупотребления» Ф. Колычева в Соловках. Д. М. Пивов потянул за собой в опричнину своих братьев Романа и Василия, служивших стрелецкими головами. Пивовы были сыновьями литовского окольничего М. В. Пивова, попавшего в русский плен при Василии III. Все они были испомещены в Ярославле и служили при дворе как «литва дворовая» (ТКДТ. С. 63, 144).

²⁰⁸ В походе 1567 г. они занимали почетное, но невысокое положение третьих голов в царском полку (см.: Разряды. Л. 340 об.).

²⁰⁹ Зимин А. А. Преобразование центрального государственного аппарата в годы опричнины // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1961. № 4. С. 129; ср.: С. 126.

²¹⁰ Описи царского архива. С. 39.

²¹¹ АИ. Т. 2. № 355. С. 423.

²¹² ПСРЛ. Т. 13. С. 394.

²¹³ Там же.

²¹⁴ В государственном архиве вместе с подлинным указом об опричнине хранился «список судов серебряных, которые отданы в земское» (Описи царского архива. С. 37).

²¹⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

²¹⁶ История опричной Четверти специально исследована П. А. Садиковым (Садиков. Очерки. С. 299—355).

²¹⁷ *Зимин А. А.* Преобразование центрального государственного аппарата. С. 127.

²¹⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 330, 343; Сб. РИО. Т. 71. С. 24; Витебская старина. С. 38.

²¹⁹ Садиков. Очерки. С. 320—321; *Зимин А. А.* Преобразование центрального государственного аппарата. С. 131.

²²⁰ Кобрин. Состав опричного двора. С. 30; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 96, 284—285.

²²¹ *Введенский А. А.* Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924. С. 91—92; Сб. РИО. Т. 71. С. 348; *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки... С. 115.

²²² Штаден. Записки. С. 80, 136.

²²³ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

КАЗАНСКАЯ ССЫЛКА

Главным условием своего возвращения на царство Грозный выставил неограниченное право распоряжаться жизнью и имуществом «изменников». Насилие и террор стали основным средством достижения политических целей монархии с первых дней опричнины. Ее учреждение сопровождалось вакханалией арестов и убийств. В них не сразу удастся обнаружить какую-то единую политическую линию или цель. По мнению А. А. Зимина, задачей репрессий было «подорвать основную опору старицкого князя среди московской аристократии», ибо «казни и опалы первой половины 1565 г... направлены были в первую очередь против тех, кто еще в 1553 г. поддержал Владимира Старицкого...». События 1553 г. по своим политическим последствиям далеко уступали «делу» о заговоре Старицких 1563 г. (см. гл. 7). Вполне естественным было бы считать опричные репрессии прямым завершением суда 1563 г. Однако факты не укладываются в предложенную схему. Среди казненных крупнейшей политической фигурой был князь А. Б. Горбатый-Суздальский. По предположению А. А. Зимина, он, вероятно, держал сторону Старицких в 1553 г.¹ Однако такая гипотеза лишена достаточных оснований. Редактируя летопись, Иван Грозный старательно перечислил имена участников боярского заговора. Имя Горбатого среди них отсутствует.

Судя по летописным припискам, притязания Старицких поддерживали прежде всего родственники княгини Ефросиньи Старицкой-Патрикеевой: князья Куракины-Патрикеевы «родом», князь П. М. Щенятев-Патрикеев. Накануне опричнины влияние Куракиных было исключительно велико. Из пяти братьев Куракиных четверо имели боярский чин и управляли крупнейшими городами и крепостями страны — Смоленском, Новгородом, Псковом и Казанью.² В качестве главы семьи старший брат князь Федор должен был нести наибольшую ответственность за участие в интригах против трона. Но бояре Федор и Дмитрий избежали опалы при учреждении опричнины, сохранив высокие служебные посты. Третий брат, боярин Иван, управлявший удельным княжеством слабоумного Юрия Угличского в 1560—1563 гг., был заточен в монастырь.

Виднейшие сторонники князя Владимира Старицкого князь П. М. Щенятев, И. И. Пронский, П. Серебряный не пострадали при учреждении опричнины. Царь простил двоюродного брата и не желал омрачать казнями семейный мир. По той же причине санкции против удельного князя носили умеренный характер. При учреждении опричнины Грозный отнял у родственника его обширный двор в Кремле. Незадолго до того двор сгорел в случайном пожаре. На пожарные решено было выстроить опричный дворец. В результате удельный владыка лишился столичной резиденции и был изгнан из Кремля. Прошел год, и опричное правительство ликвидировало Старицкое удельное

княжество в его традиционных границах. В виде компенсации двоюродный брат царя получил из казны обширные владения в других уездах страны.

Старицкий должен был согласиться на обмен под давлением правительства. Но в некоторых отношениях мена носила почетный для него характер. В свое время Иван III отказал Дмитров старшему из удельных князей, своему второму сыну, тогда как Старицей владел младший удельный, пятый сын великого князя. В прочих отношениях променянные земли были примерно равноценными. Вопреки мнению ряда исследователей (С. Б. Веселовский, П. А. Садилов), Старицкое удельное княжение не сразу перешло в опричнину, а поначалу было передано в ведение земщины.³

Царь Иван и его опричное правительство в обмене непосредственно не участвовали. Всю операцию должна была произвести земская Боярская дума, выделившая для этой цели специальную комиссию. В нее вошли боярин и конюший И. П. Федоров, земский дворецкий боярин Н. Р. Юрьев, глава Казенного приказа Н. А. Фуников и глава Поместного приказа дьяк П. Михайлов. Правительство удела представляли новые старицкие «вассалы» боярин князь А. И. Ногтев-Суздальский, дворецкий С. А. Аксаков и дьяк Я. Г. Захарьев-Гнильевский.⁴

Санкции против Владимира Андреевича носили куда более умеренный характер, чем санкции против опальных суздальских князей. Царь обошелся с братом по-родственному. Владимир Андреевич смог перевезти свое имущество из старых резиденций и усадеб во вновь пожалованные города. Все это заняло, вероятно, не один месяц. Процедура обмена была завершена в январе — марте 1566 г., когда земская боярская комиссия приписала к земщине покинутые удельным государем города Старицу, Алексин и Верею и закрепила передачу Владимиру Андреевичу городов Дмитрова, Боровска, Звенигорода, Стародуба Рязполовского и села Мошок под Муромом.⁵

Обмен удельных земель повлек за собой окончательный роспуск старого удельного двора князей Старицких. Некоторые из старицких вассалов, сидевших на поместьях в Старице, Верее и Алексине, были приняты на службу в Государев двор. Новый «двор» Владимира Андреевича был укомплектован за счет помещиков Дмитрова, Боровска, Звенигорода и Стародуба. Что касается вотчинников, живших на территории прежнего и нового уделов, то они могли служить при царском или удельном дворе по своему выбору. Относительно этой категории вассалов в меновных грамотах царя со Старицким было сказано: «... и тем людям служити государю царю... или которые похотят служити... князю Володимеру Андреевичу... волно где кто хочет».⁶ Договор Грозного с удельным князем исходил, таким образом, из старинного правила, сложившегося в междукняжеских отношениях в период раздробленности: «а боярам и детям боярским и слугам промеж волным воля».⁷

Дмитровские вотчинники могли перейти на службу в удел. Точно так же старицкие вотчинники, тянувшие теперь судом и данью к московскому правительству, могли служить князю Владимиру, сохраняя свои вотчинные владения в Старице. На практике обмен землями привел к массовому «отъезду» вотчинников Старицы и Дмитрова из удела. В царском архиве хранились длинные «списки-имяна детей боярских, которые приехали от князя Володимера Одреевича и которых царь и великий князь взял у князя Володимера Одреевича в свое имя».⁸

Главнейшим результатом «перемены» Старицкого удела явился окончательный роспуск старицкого двора и армии. Основная масса удельных детей боярских, издавна служивших Старицким, перешла на государеву службу.

С кланом князей Шуйских царя связывали отношения не менее сложные, чем со Старицкими. В летописных приписках и письмах Грозный подробно описал мятежи Шуйских, якобы самовольно воцарившихся при дворе в годы его малолетства. Свои обвинения Иван повторил при учреждении опричнины,

пояснив, что изменники желали возвести на трон одного из князей Горбатов-Суздальских. Обвинения подобного рода предвосхищали смертный приговор.

В феврале, повествует официальная летопись, государь повелел казнить «за великие их изменные дела» боярина князя А. Б. Горбатого с семнадцатилетним сыном Петром и с тестем окольным П. П. Головиным.⁹ Отметим характерный момент: при описании давних боярских смут царь в числе сообщников Шуйских не раз называл Головиных.

Горбатые были похоронены в Троице-Сергиевом монастыре. Из надписи на могильных плитах следует, что оба они «преставились» 7 февраля. Опальные Горбатые доводились родней царской семье, а потому 12 февраля 1565 г. Иван IV прислал в Троицу 200 руб. на помин души князя Александра.¹⁰

Князь А. Б. Горбатый был одним из старших бояр думы и имел выдающиеся заслуги перед государством. Он по праву стяжал славу покорителя Казани. Роль царя в этой войне была не очень значительна, тем не менее заслугу покорения басурманского царства он приписывал всецело себе. К воинской славе Горбатого он питал, по-видимому, глубокую зависть. В дворянской среде выдающийся воевода пользовался симпатиями, тогда как популярность государя стремительно падала. Горбатого отличала не только доблесть, но и образцованность. «Муж глубокого разума и искусный зело в военных вещах и к тому последователь тщаливой священных писании», — так отзывался о Горбатом Курбский.¹¹ При польской системе выборности монарха, хорошо известной русской знати, Горбатый имел бы предпочтительные шансы на корону.

Заслуженный воевода был одним из немногих бояр, которые обладали достаточным авторитетом и мужеством, чтобы противостоять царю в думе. Только так можно объяснить поспешность, с которой самодержец устранил самого опасного из своих противников. Горбатого обезглавили до того, как власти обнародовали и ввели в действие указ об опричнине. Царь явился в Москву через неделю после казней, терроризировавших столичные верхи и население. Теперь он мог не опасаться более противодействия в думе.

Расправа с Горбатым отличалась крайней жестокостью. Боярина доставили к месту казни вместе с сыном. Будучи ободран палачом, Петр Горбатый первым положил голову на плаху. Однако отец не хотел видеть гибель сына и, отстранив юношу, сам лег под топор. Петр поцеловал отрубленную голову, после чего сам принял смерть.¹² Род Горбатов пресекся.

Принадлежа к знатнейшим суздальским родам, Горбатые владели крупными родовыми вотчинами на территории бывшего Нижегородско-Суздальского княжества. После казни эти земли перешли в казну. Иван IV завещал их младшему сыну Федору. «Да сыну ж моему Федору, — писал он, — даю в Суздале... волость Коряковская со всеми деревнями и с починки и с рыбными ловлями, да село Лопатниче, да Борисово, да полсела Гориз, да две трети села Тернеева, что были княжо Александровские Горбатого».¹³ Много лет спустя Шуйские вернули себе некоторые из перечисленных здесь вотчин. В 80-х гг. боярин И. П. Шуйский был сослан Годуновым «в вотчину ево в село Лопатни» (Лопатниче. — *Р. С.*).¹⁴

Ко времени опричнины старшее поколение бояр из рода Шуйских-Суздальских сошло со сцены, за исключением одного лишь князя А. Б. Горбатого. Известный боярин П. И. Шуйский погиб в литовском походе 1564 г. Прочие Шуйские были молодыми людьми, кроме князя Ивана, сына казненного царем боярина А. М. Шуйского. По мнению В. Б. Кобринина, князь И. А. Шуйский получил боярство на втором году опричнины в 1566 г.¹⁵ Но это неверно. И. А. Шуйский служил в «головах» в 1560 г., сидел воеводой в Великих Луках в 1563—1564 гг. В силу знатности и успешной карьеры он мог претендовать на боярский чин. Однако царь допустил его в думу, по-видимому, лишь в конце опричнины.¹⁶ Сыновья И. А. Шуйского — будущий царь Василий

с братьями — были еще детьми. Грозный относился к Шуйским с подозрением. Когда холоп Шуйского, служившего воеводой в Смоленске, сбежал в Литву, царь Иван IV, не мешкая ни часу, отстранил воеводу от дел и «свел» в Москву.¹⁷

Представитель младшей линии Суздальского дома князь А. И. Ногтев получил боярский чин после падения А. Адашева. По своим заслугам и влиянию Ногтев далеко уступал А. Б. Горбатову, накануне опричнины занимал сравнительно скромный пост второго, а затем первого воеводы Полоцка, где оставался по крайней мере до 13 марта 1565 г. Вскоре после этого Грозный, не желая оставлять Ногтева в земской думе, перевел его на службу в удел Старицкого.

Суздальские князья были далеко не так многочисленны, как князья Ярославские, Ростовские и Стародубские. Но в Боярской думе они имели наибольшее представительство. При Адашеве пять Суздальских носили боярский чин и трое служили по княжеским спискам. К концу первого года опричнины ни одного члена этого рода в думе не осталось. Для России XVI в. данный случай был из ряда вон выходящим. Грозный не мог управлять государством без своей знати и потому не помышлял об истреблении одной из самых аристократических фамилий. Его политика определялась не только интересами обогащения казны, но в еще большей мере вопросом о власти, об утверждении самодержавных порядков. Казнь А. Б. Горбатого обезглавила суздальский княжеский дом, сделала его членов безгласными и послушными. Тем самым Грозный достиг основной политической цели. Опричное правительство употребило различные средства, чтобы ограничить влияние Шуйских. В этом плане следует рассматривать и зачисление в опричнину Суздаля с уездом. То была единственная опричная территория с развитым княжеско-вотчинным землевладением. Цель зачисления Суздаля в опричнину сводилась к тому, чтобы ослабить традиционные связи уездных землевладельцев с потомками княжеской династии. По свидетельству очевидцев, в опричнину не принимали тех, кто поддерживал дружбу со знатью. В итоге из Суздаля было выселено почти столько же детей боярских, сколько из Можайска, Вязьмы и Галича.

Суздаль был «старшим» из городов и наиболее крупным политическим центром, попавшим в опричнину. Созданная по типу удела опричнина могла с полным правом именоваться «суздальским уделом».

Наряду с Горбатым одной из первых жертв опричнины стал бывший боярин князь С. В. Лобанов-Ростовский. После суда 1554 г. он был брошен в тюрьму, а затем получил полное прощение и вернулся на службу. Накануне опричнины он служил воеводой в Нижнем Новгороде под начальством двоюродного брата наместника князя И. Ю. Хохолкова.¹⁸ По указу о перемене воевод 13 марта 1565 г. И. Ю. Хохолков был отослан на воеводство в Чебоксары, по-видимому, в качестве ссыльного. Князя С. В. Ростовского опричники арестовали, более 40 его слуг бросили в тюрьму. Вслед за тем они повезли опального в Москву, но в дороге убили, тело спустили под лед, а отрубленную голову отвезли в мешке царю. Иван погрозил пальцем мертвой голове и будто бы произнес: «О голова, голова, достаточно и с избытком пролила ты крови, пока была жива».¹⁹ Грозный казнил бы Ростовского еще в 1554 г., если бы не вмешательство митрополита Макария. В то время князя Семена судил боярский суд, признавший его виновным в государственной измене. Суд не придавал особого значения участию Ростовского в неудавшемся заговоре в пользу Старицких. Боярину вменили в вину попытку бегства в Литву, которой предшествовали изменнические переговоры с литовским послом, нанесшие ущерб государственным интересам России. Польские порядки, при которых привилегии магнатов были ограждены действенными законами, импортировали московской княжеской знати. Повесив Горенского и казнив Ростовс-

кого, царь хотел предупредить всех, что всякие попытки бегства в Литву, как и тайные переговоры с королем, будут пресекаться беспощадным образом.

Исследовав историю князей Оболенских, мы заключили, что опричнина как бы мимоходом довершила разгром этого княжеского рода. Не согласившись с этим выводом, В. Б. Кобрин отметил, что в роду Оболенских было не менее 100 взрослых мужчин; в 1565 г. по крайней мере 10 из них (В. К. Курлятев, А. В. Репнин, С. П. Щепин и др.) служили на воеводских должностях; следовательно, опала 13 лиц на первом году опричнины не может свидетельствовать о разгроме этой княжеской фамилии.²⁰ На основании дворовой документации можно точно подсчитать, что на 1552—1561 гг. в составе Государева двора служило 75 человек Оболенских князей. Оболенские играли выдающуюся роль в правительстве Избранной рады. Сразу после падения рады они подверглись гонениям, а опричнина лишь довершила дело. Следует учитывать не только число, но и положение опальных, среди которых преобладали «великие» бояре и видные воеводы.

В Дворовой тетради 1552—1561 гг. в первых десяти строках княжеского списка Оболенских записаны Ногтевы, Щепины, Стригин, Репнины, Овчинин, Туренин, Горенские, Кашины, в последних строках — Долгорукие, Щербатовы, Глазатые, Константиновы, Пенинские, Лыковы.²¹ В первом перечне за исключением двух репрессиями были затронуты все семьи, во втором — никто. Грозный начал с того, что заточил в монастырь главу Избранной рады боярина Д. И. Курлятева и двух его сыновей, служивших по княжескому списку. Затем были убиты боярин М. П. Репнин и боярин Ю. И. Кашин, а также воевода Д. Ф. Овчинин из рода конюшего Ф. И. Овчины. В начале 1565 г. власти заточили в монастырь князя Д. И. Ерша-Немого. Ерш породнился с царем благодаря браку сестры с кн. М. В. Глинским. В Полоцком походе он служил вторым воеводой полка правой руки, иначе говоря, входил в число десяти главнейших воевод русской армии.²² С заточением Д. И. Немого пресекался род князей Телепневых, одна из главнейших ветвей Оболенского княжеского дома. В феврале 1565 г. были убиты знатные воеводы князя И. И. Кашин и Д. Ф. Щепин-Шевырев. Последнему уготована была самая мучительная казнь — его посадили на кол.²³ Передают, будто Шевырев умер не сразу, и «аки не чювши муки тоя лютыя, на коле, яко на престоле сидящ, воспевал канон изо уст... Иисусу».²⁴ Примерно в то же время или несколько позже Грозный велел повесить члена ближней думы кравчего князя П. И. Горенского.²⁵ Родному брату П. И. Горенского удалось бежать за рубеж. По родословцам, князь Ю. И. Горенский побегал в Литву и там «извелся».²⁶ Ближайшей родней Горенских были князья Черные-Оболенские. Князь Ф. М. Черный был боярином и в полоцком походе служил в царской свите вместе с сыновьями Никитой и Андреем.²⁷ Вскоре после похода боярин умер; его сыновья подверглись казни. В синодике опальных они записаны вместе с двоюродным братом П. И. Горенским одним списком.²⁸

В Дворовой тетради старшим в княжеском списке князей Оболенских числился А. В. Ногтев-Оболенский. По разряду 13 марта 1565 г., он был отослан из Москвы на воеводство в Васильгород²⁹ и, видимо, вскоре же после этого был убит опричниками. Его имя записано в синодике вместе с именами И. Кашина и А. Горбатого. Князь А. В. Ногтев был видным дворянином и ближайшим родственником Д. И. Курлятева. Сын убитого князь М. А. Ноготков бежал в Литву, где поступил на королевскую службу и получил крупное имение.³⁰

В начале опричнины аресту подвергся боярин князь В. С. Серебряный-Оболенский, прославленный воевода, сыгравший выдающуюся роль при взятии Юрьева и Полоцка. Но он пробыл под арестом недолго: не прекращавшиеся ни на один день военные действия вынудили правительство освободить его на поруки. Правда, за опального князя не поручился ни один член Боярской

думы. Не нашлось необходимого числа поручителей даже среди дворян, и князь должен был воспользоваться услугами московского купечества.³¹ Этот единственный в своем роде случай свидетельствовал о том, что быломu могуществу Оболенских пришел конец.

Младшие ветви рода Оболенских, записанные в княжеский список Дворовой тетради и, следовательно, сохранявшие родовые вотчины в Оболенске, пережили опричнину. Казни Грозного расчистили им путь в думу, а в период Смуты некоторым из них удалось вернуть в род конфискованные вотчины.³² (Точно так же Шуйские после смерти Грозного вернули горбатовские вотчины в Суздале). Сказанное объясняет, почему князья Оболенские владели значительной частью земель в Оболенске еще в 20-х гг. XVII в.

Для понимания целей и сущности опричнины важное значение имеет анализ земельных мер и земельной политики опричного правительства. Впервые С. Ф. Платонов приписал опричнине «систематическую ломку», разгром крупного княжеско-вотчинного землевладения. Во всех своих построениях исследователь исходил из представления о массовой высылке вотчинников из опричных уездов, а также предположения, будто «в опричное управление были введены за немногими и незначительными исключениями все те места, в которых ранее существовали старые удельные княжества» и которые ко времени опричнины оставались центрами княжеско-вотчинного землевладения.³³ Проблема земельной политики опричнины была сведена С. Ф. Платоновым в конечном счете к изучению территориального состава опричнины.

Эта концепция встретила решительные возражения со стороны С. В. Веселовского.³⁴ По мнению последнего, С. Ф. Платонов неточно и частично неверно определил опричную территорию, в связи с чем его концепция переполнена промахами и фактически неверными положениями.³⁵ С. Б. Веселовский первый указал на то, что в опричнину вошли по преимуществу уезды с развитым поместным землевладением, в которых никогда не было наследственных княжеских владений. Сюда относились уезды Можайский, Вяземский, Козельский, Лихвинский, Медынский, а также Костромской, Переяславский и пр. Вне опричнины остались такие центры княжеско-вотчинного землевладения, как Оболенск, Стародуб, Тверь, Рязань, а также другие районы с наибольшим количеством старинных княжеских вотчин.³⁶

Взгляды С. Б. Веселовского поддержал А. А. Зимин. Опираясь на данные о территориальном составе опричнины, он пришел к заключению, что опричная земельная политика не имела антикняжеской направленности, хотя и была нацелена против пережитков удельной раздробленности и удельно-княжеских традиций.³⁷ Решительным сторонником точки зрения А. А. Зимина выступил В. Б. Кобрин.³⁸

Д. Н. Альшиц объединил данные об опричных конфискациях княжеских вотчин со сведениями о выводе помещиков «с городом вместе» из пределов опричнины и заключил, что царский террор был направлен не только против аристократической фронды, но и против оппозиционно или независимо настроенных служилых людей.³⁹ С такой оценкой трудно согласиться.

При анализе земельной политики опричнины надо четко разграничить два различных вопроса: во-первых, вопрос о территории опричнины и, во-вторых, вопрос об отношении опричного правительства к крупному светскому землевладению. Территория опричнины, зачисление в государев удел тех или иных уездов определялись в первую очередь потребностями организации опричного войска. Поэтому в опричнине оказался целый ряд уездов с развитым поместным землевладением. Основным содержанием земельных мероприятий в опричных уездах явилось перераспределение фондов поместного и лишь отчасти вотчинного землевладения.

Для выяснения вопроса о земельной политике опричнины важно разобраться в специальных мерах опричного правительства по отношению к крупному

феодалному землевладению. Исключительное значение в этом плане имеет вопрос о ссылке княжат и дворян в Казанский край после провозглашения опричнины.

Первая попытка анализа и оценки данных о казанской ссылке принадлежит С. Б. Веселовскому. Опираясь на опубликованную в отрывках писцовую книгу Казани, он составил список казанских ссыльных, насчитывающий 58 человек.⁴⁰ С. Б. Веселовский утверждал, что ссыльные дворяне в подавляющем большинстве принадлежали к низшим слоям Государева двора, и на этом основании сделал вывод о том, что для царя учреждение опричнины было разрывом не с одними княжатами и боярами, а со всем старым двором и дворянством вообще.⁴¹ Подобный вывод был тем более парадоксален, что среди названных С. Б. Веселовским ссыльных по крайней мере 26 лиц имели княжеский титул.⁴² Изыскания С. Б. Веселовского о казанской ссылке, сделанные в виде чернового наброска в 1945 г., увидели свет только в 1963 г. в связи с изданием его «Исследований по истории опричнины».

За три года до публикации названного труда нам удалось независимо от С. Б. Веселовского реконструировать указ Грозного о казанской ссылке и на основании хранящихся в архиве Казанских писцовых книг составить более полные списки (до 150 имен) дворян, сосланных в Казанский край при учреждении опричнины, а также доказать тот кардинальный факт, что ссылка опальных княжат сопровождалась массовой конфискацией княжеско-вотчинного землевладения. Нас интересовал вопрос о казанской ссылке с точки зрения поземельной политики в первую очередь. В работе С. Б. Веселовского этот вопрос остался неисследованным.⁴³ Главнейшие результаты наших изысканий изложены в статье «Опричная земельная реформа Грозного 1565 года», опубликованной в 1961 г. в «Исторических записках».

Официальная летопись очень кратко, со многими пропусками описывает кровавые оргии опричнины в Москве. Но она становится вовсе немногословной, когда речь заходит о казанской ссылке. После рассказа о казнях летописец замечает: «А дворяне и дети боярские, которые дошли до государьские опалы, и на тех (царь. — Р. С.) опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье, з женами и з детьми» (курсив наш. — Р. С.).⁴⁴

Сообщение летописи о ссылке дворян в Казань дополняется рассказом опричников Таубе и Крузе. «...Представители знатных родов, — пишут И. Таубе и Э. Крузе, — были изгнаны безжалостным образом из старинных унаследованных от праотцов имений, так что они не могли и не имели права взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений. Их судьбой поручено было заняться некоторым из местных бояр. Они были переведены на новые места, где им были указаны поместья. Их жены и дети были также изгнаны и должны были идти пешком к своим мужьям и отцам, питаясь в пути подаянием. Это тиранство он (царь. — Р. С.) облакал в такую видимость, будто эти несчастные тяжко перед ним провинились».⁴⁵

Ни летопись, ни записки Таубе и Крузе не дают ответа на вопрос, кто же был сослан опричниной в Казанский край. Некоторые данные на этот счет сообщают книги Разрядного приказа, в которых сказано: «Того же году (1565) послал государь в своей государеве опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и дворян и детей боярских в Казань на житье и в Свяжской город и в Чебоксарский город и жити в Казани городе» (курсив наш. — Р. С.).⁴⁶

В ряде других записей Разрядной книги за 1565—1566 (7073—7074) гг. мы находим имена некоторых казанских ссыльных. Например, в 7073 г. в Казань были сосланы полоцкие воеводы князь Д. Ю. Сицкий-Ярославский и И. П. Квашнин-Полярков: «И государь на князь Данила Сицкого да на Ивана Квашнина опалу свою положил да и послал их в Казань на житье».⁴⁷

Несколько десятилетий спустя, в 1603 г., известный воевода кн. Д. М. Пожарский-Стародубский в челобитной царю писал: «И в те, государь, поры (имеется в виду время Ивана Грозного. — Р. С.) дед мой князь Федор Иванович Пожарский сослан в Казань в вашей государской опале». ⁴⁸

Для исследования вопроса о составе казанской ссылки наибольшее значение имеют писцовые книги Казани, составленные Н. В. Борисовым и Д. А. Кикиным в связи с указом Грозного о казанской ссылке. ⁴⁹

В течение 1565—1566 гг. писцы составили следующие описания: 1) «Книги Казанского уезда новых поместных дач письма и отделу окольного Микиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи лета 7075 в октябре, а писали и меряли тех поместных дач села и деревни лета 7073 и 74 году»; 2) «Книги межевые Казанского уезду новых поместных дач письма Микиты Васильевича Борисова». Писцы завершили составление писцовой книги Казанского уезда в октябре 1566 (7075) г. Раздачу же поместных земель («новых поместных дач») в уезде они производили в 7073 (ранее 1 сентября 1565 г.) и 7074 г. (1 сентября 1565 — 1 сентября 1566 г.). Наряду с книгами «новых поместных дач», т. е. описанием поместий казанских ссыльных («новых жильцов»), писцы составили «Книгу Казанского уезда поместных земель детей боярских казанских старых жильцов письма и меры Дмитрия Андреева сына Кикина». ⁵⁰

Аналогичные книги те же самые писцы составили в пределах Свияжского уезда: «Список с книги писцовой и межевой Свияжского уезда письма Никиты Борисова с товарищи лета 7073, 7074 и 7075 годов». ⁵¹ Описание в Свияжске продолжалось по крайней мере до осени 1566 (7075) г. Как и в Казани, в Свияжске писцы описали земли, «которые довелися в поместье роздати князем и детем боярским, которых государь велел оставить в Свияжском городе на житье». ⁵² Писцовые книги Казанского и Свияжского уездов были составлены в одно и то же время, с одной и той же целью, одними и теми же писцами.

Одновременно с уездом был описан Казанский посад, ставший местом поселения ссыльных дворян. Сохранился «Список с писцовых книг окольного Микиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина 74-го, 75-го и 76-го годов». ⁵³ Писцы приступили к описанию посада ранее осени 1565 г., так как известно, что в октябре 1565 г. они полностью завершили описание казанского торгового двора: «Книги Казанского торгу всего письма Никиты Васильевича Борисова да Дмитрия Андреева сына Кикина с товарищи, а писал Казанский торг при государе годовом тамошнике при Матвее Тараканове лета 7074-го октября в... день». ⁵⁴ В книгах казанского посада подробнейшим образом описаны «дворы князей и детей боярских, которым государь велел быть в Казани на житье, а давали им по государеву наказу в 73-м году казанские воеводы боярин князь Петр Андреевич Булгаков и все воеводы дворы белые оцеля, а иные дворы воеводы имали оцеля ж у посацких всяких людей, который двор воеводы у кого оцелив взяли и кому отдали и чем оцелен и кому за двор шли денги и то под теми дворы писано имянно» (курсив наш. — Р. С.). ⁵⁵

Ввиду недостатка места для поселения ссыльных Казанский острог был перестроен, а стены его раздвинуты «для пространства посаду всяких людей, потому государь царь и великий князь прислал в свою отчину в Казань на житье князей и детей боярских многих людей, а велел воеводе в Казани давать тем людям дворы и места порозжие под дворы». ⁵⁶

Приведем несколько примеров отвода дворов в Казани опальным княжатам. ⁵⁷ «Тою же Спаскою улицею от города с площади дворы по левой стороне: дв[ор] князя Дмитрия княж Петрова сына Засекина, что были два двора посацких людей, один Никитин Никитникова, дали князю Дмитрею воеводы оцеля, и по цене за двор дал князь Дмитрей Миките 11 руб. с полтиной,

а другой двор князь Дмитрий купил у Олешки Вошешникова». Казанские воеводы «отвели» дворы кн. А. И. Стригину (цена двора — 5 руб.), Ф. Т. Заболоцкому (двор за 9 руб.).⁵⁸ Следующие лица, сосланные «на житье» в Казань, купили себе дворы у «старых казанских жильцов»: кн. И. Ромодановский (за 17 руб.), кн. Д. Темкин (за 13 руб.), кн. И. Г. Темкин (за 12 руб.), кн. А. Нагаев (за 10 руб.), кн. И. Ушатый (за 7.5 руб.), кн. И. Засекин (за 7 руб.), кн. С. И. Баташев-Засекин (без обозначения цены двора); кн. С. А. Шетинин, кн. С. Шестунов, О. Тетерин, С. Тетерин, И. М. Головин (2 двора), кн. И. С. Гагарин (3 двора), кн. Ю. И. Сицкий и т. д.⁵⁹ Кн. Д. Сицкий купил двор за 18 руб., кн. С. Ушатый — за 18, кн. В. Г. Чесноков — за 9, кн. И. Ю. Темкин — за 5 руб.⁶⁰ Противопоставление новопоселенцев «старым жильцам» и прямое указание на то, что воевода отводил им дворы в 7073 г. (ранее 1 сентября 1565 г.), не оставляют сомнения в том, что названные выше лица попали на восточную окраину в опале в силу опричного указа 1565 г. В отличие от Казани Свяжск был невелик по размерам и не мог вместить всех опальных. Многие из свияжских ссыльных осели в Жилецкой слободе под городком. Писцы описали «внутри города Свяжского дворы детей боярских свияжских старых и новых жильцов и иногородцев» и т. д.⁶¹ В Жилецкой слободе «по прежнему отделу 74-го году в октябре розданы были князем и детям боярским на приезд, у которых поместья от города были вдали князю Василью князь Борисову сыну Тюфякину да детям его князю Михаилу да князю Василию».⁶²

Писцовые книги и разрядная документация позволили составить полный список казанских ссыльных. Недавно этот опыт реконструкции подвергся критике со стороны В. Б. Кобрин. Не рассмотрев документальные данные в их совокупности, В. Б. Кобрин сосредоточил внимание на единичном случае — опале казанских воевод, не подтвержденной, по его мнению, фактами. Если сведения о ссылке воевод сомнительны, тогда сомнительны и все данные о казанской ссылке в целом.

Возражая против зачисления нами местных воевод в списки ссыльно-поселенцев, В. Б. Кобрин пишет: «Основание? Только то, что сам автор считает ссыльными всех, кто назван в крае на административных должностях. Читатель тем самым попадает в замкнутый круг: местная администрация состояла из ссыльных, ибо автор считает ссыльными всех, кто входил в местную администрацию».⁶³

Обратимся к источникам, чтобы установить, сколь основательны приведенные возражения. В Разрядных книгах — документации наиболее авторитетного характера — имеется подробная запись о судьбе казанских «опальных дворян». 1 мая 1566 г. государь пожаловал, «половину опальных дворян» из Казани взял, а «другую половину взял и пожаловал государь опосле». В первую половину входили дворяне попроще, во вторую — все поименно перечисленные местные воеводы, включая Куракиных, Троекурова и др. Разряды поясняют, что воеводам не разрешили вернуться в Москву (как разрешили опальным дворянам первой половины), а оставили годовать на воеводстве в Казани «и поместья у них не взяты казанские».⁶⁴ Писцовые материалы подтверждают данные Разрядов о том, что Куракины и другие воеводы были опальными дворянами и как таковые получили казанские поместья вместе с прочими ссыльными.

В. Б. Кобрин, категорически не соглашаясь с показанием источников, пишет: «Трудно поверить, чтобы край, который всего десять с небольшим лет тому назад вошел в состав государства, болезненно мнительный царь Иван отдал целиком в руки тех, кого он подозревал в политической неблагонадежности».⁶⁵

Что мог и чего не мог сделать подозрительный царь, сказать невозможно. Обратимся к точно установленным фактам. В начале 1565 г. главным

воеводой Казанского края был боярин кн. И. А. Куракин. После объявления указа об опричнине его насильственно постригли в монахи и заточили в монастырь. Не доверяя боярину кн. П. А. Куракину, Грозный сместил его с поста главного воеводы Смоленска и отослал на восточную окраину в Казань. Вместе с братом Г. А. Куракиным боярин Петр возглавил казанское воеводство. Случай беспрецедентный: царь держал Куракиных в Казани 10 лет, после чего вызвал боярина Петра в Москву и казнил.⁶⁶ Нужны ли еще какие-нибудь доказательства того, что Куракины были опальной семьей? Развивая свою аргументацию, В. Б. Кобрин далее пишет: «Показательны сведения о князе Григории Андреевиче Куракине-Булгакове: он оставался одним из казанских воевод (т. е., по Р. Г. Скрынникову, ссыльным) вплоть до 1570/71 г. и тогда же, в 1569/70 г. вложил в Троице-Сергиев монастырь» одно свое село, но если так, то значит, что эта вотчина не была у него конфискована во время ссылки в Казань в 1565 г.

После 1 мая 1566 г. царь объявил о прощении казанских воевод и прочих ссыльных. Поэтому Г. А. Куракин (по Р. Г. Скрынникову) никак не мог быть ссыльным в 1570/71 г., хотя и был задержан на службе в Казани. Амнистия привела к тому, что «прощенным» опальным стали возвращать ранее конфискованные у них земли. Неуверенные в будущем, многие из них отказывали вотчины в монастырь. Если Г. А. Куракин пожертвовал село в монастырь в 1570/71 г., то отсюда вовсе не следует, что в 1565 г. его вотчины не подвергались конфискации.

Факт ссылки опальных на восточную окраину и конфискации у них земель зафиксирован в писцовых книгах и Разрядных книгах периода опричнины, летописях, записках иностранцев. Все эти источники дают в распоряжение исследователя массовый материал, исключительный по своей достоверности. Ниже приводится список казанских ссыльнопоселенцев.

**Списки лиц, сосланных в Казань, Свияжск и Чебоксары
по указу Грозного в 1565 г.⁶⁷**

Боярин кн. П. А. Булгаков* с сыном, казанский воевода (№ 643. Л. 241—246; Материалы. С. 8, 22, 50; Разряды. Л. 318 об., 327 об.); кн. Г. А. Булгаков-Куракин,* казанский воевода (№ 643. Л. 247—251; Материалы. С. 8, 23; Разряды. Л. 317 об., 318 об., 327 об.).

Ярославские князья: Федор Иванович Троекуров*, казанский воевода, тыс., с. б. II ст. (№ 643. Л. 251 об.—255; Материалы. С. 8, 23; Разряды. Л. 327 об.); Андрей Федорович Оленкин-Жеря, казанский воевода, дворовый, кн. *Ярославский*, тыс., с. б. III ст. по Ярославлю (№ 643. Л. 251 об.—255; Материалы. С. 8); Юрий Иванович Сицкий, дворовый, кн. *Ярославский* (№ 643. Л. 241—246; Материалы. С. 29); Данила Юрьевич Меньшого Сицкий, дворовый, кн. *Ярославский* (№ 643. Л. 273—276; Материалы. С. 28); Василий Андреевич Молоскова (Материалы. С. 21); Данила Васильевич Чулков Ушатый*, казанский воевода, дворовый, кн. *Ярославский* (№ 643. Л. 341 об., 369; Материалы. С. 8, 22; Разряды. Л. 327 об.); Иван Васильевич Чулков Ушатый (№ 643. Л. 341 об., 344 об.; Материалы. С. 28); Семен Юрьевич Меньшой Ушатый, дворовый, кн. *Ярославский* (№ 643. Л. 341 об.; Материалы. С. 27); Иван Дмитриевич Большого Шестунов с товарищами, всего 9 человек (№ 643. Л. 251 об.—255, 269; Материалы. С. 22); Дмитрий (Дмитриевич) Шестунов (Материалы. С. 20); Семен Александрович Щетинин, дворовый, с. б. по Ржеву (Материалы. С. 18; № 643. Л. 346 об.); Иван Григорьевич Щетинин с братьями, всего 7 человек, дворовый, кн. *Ярославский*; Семен Иванович Баташев-Засекин, дворовый, кн. *Ярославский*, тыс., с. б. III ст. по Ярославлю (Материалы. С. 15); Федор Иванович Засекин Сосунов, казанский воевода, дворовый, кн. *Ярославский*, тыс., с. б. III ст. по Ярославлю (Разряды. Л. 318 об.); Андрей Лобан Петрович Засекин-Солнцев, дворовый, кн. *Ярославский* (№ 848.

Л. 183—184; Список. С. 88); Дмитрий Васильевич Засекин-Солнцев, дворовый, *кн. Ярославский* (Там же); Василий Дмитриевич Жирового-Засекин, дворовый, *кн. Ярославский* (Там же); Иван Дмитриевич Жирового-Засекин (№ 848. Л. 183—194; Список. С. 88); Василий Федорович Жирового-Засекин (№ 848. Л. 183—184; Список. С. 88); Андрей Иванович Ноздрунов-Засекин*, *кн. Ярославский*, дворовый (№ 643. Л. 255; Материалы. С. 26); Иван Иванович Черного Засекин*, дворовый, *кн. Ярославский* (№ 643. Л. 255; Материалы. С. 8); Лев Иванович Засекин, дворовый, тыс., с. б. III ст. по Дмитрову (№ 643. Л. 369; Материалы. С. 28); Дмитрий Петрович Засекин, дворовый, *кн. Ярославский*, тыс., с. б. III ст. по Ярославлю (№ 643. Л. 355; Материалы. С. 14); Иван Иванович Володимеров-Засекин (№ 643. Л. 355); Иван Юрьевич Засекин (Материалы. С. 26); Михаил Федорович Засекин, дворовый, *кн. Ярославский* (Там же); Семен Дмитриевич Засекин, дворовый, *кн. Ярославский* (Материалы. С. 9, 25); Иван Засекин (Материалы. С. 29); Иван Глебов Засекин (№ 848. Л. 187); Василий (Иванов) Морткин, дворовый, по Бежецкому Верху (№ 848. Л. 169); Лев Васильевич Морткин, дворовый, по Бежецкому Верху (Там же); Иван (Федорович?) Морткин (Там же); Иван (Юрьевич?) Морткин (Там же).

Ростовские князья: Андрей Иванович Катырев*, боярин, первый воевода Свяжска (№ 848. Л. 131 об.—136; Разряды. Л. 317 об., 318 об., 327 об.); Иван Юрьевич Хохолков*, первый воевода Чебоксар (Разряды. Л. 327 об., 318 об.); Дмитрий Юрьевич Темкин, дворовый, *кн. Ростовский* (№ 643. Л. 266 об.; Материалы. С. 28); Иван Юрьевич Темкин, дворовый, *кн. Ростовский* (Там же); Михаил Григорьевич Темкин (№ 643. Л. 279 об.); Иван Григорьевич Темкин (№ 643. Л. 279 об.; Материалы. С. 28); Иван Васильевич Темкин (№ 848. Л. 144, 159 об.—160); Никита Дмитриевич Янов*, воевода Свяжска (№ 848. Л. 141—146 об., 159 об.—160. Разряды. Л. 318 об.—327 об.).

Федор Дмитриевич Янов (№ 848. Л. 141, 159 об.—160); Иван Федорович Бахтеяров*, воевода Чебоксар (Разряды. Л. 327 об., 317 об., 318 об.); Василий Федорович Бахтеяров*, воевода Чебоксар (Там же); Михаил Федорович Бахтеяров*, воевода Свяжска (№ 848. Л. 140, 21 об.; Разряды. Л. 327 об.); Василий Васильевич Волк Приимков, дворовый, *кн. Ростовский* (№ 848. Л. 159 об.—160); Роман Андреевич Приимков, дворовый по Кашину (№ 848. Л. 158 об.—160); Владимир Романович Приимков, дворовый по Кашину (Там же); Михаил Андреевич Приимков, дворовый по Кашину (№ 848. Л. 164, 167 об.); Дмитрий Михайлович Приимков (Там же); Иван Семенович Лобанов (№ 848. Л. 161 об.—162, 201); Федор Михайлович Лобанов (Там же); Андрей Матвеевич Бычков (Там же).

Стародубские князья: Андрей Иванович Стригин Ряполовский (№ 643. Л. 339; Материалы. С. 15); Никита Михайлович Сорока Стародубский*, воевода Свяжска, тыс., с. б. III ст. по Москве (№ 848. Л. 147 об.); Андрей Иванович Кривоборский (№ 848. Л. 133 об.); Василий Иванович Кривоборский (Там же); Федор Иванович Кривоборский (Там же); Василий Меньшой Иванович Кривоборский (Там же); Иван Андреевич Ковров, тыс., с. б. III ст., *кн. Стародубский* (№ 848. Л. 150 об.); Петр Андреевич Ковров (Там же); Иван Семенович Ковров, дворовый, *кн. Стародубский* (№ 848. Л. 153 об., 187); Иван Борисович Ромодановский, дворовый, *кн. Стародубский* (Материалы. С. 28); Никита Иванович Ромодановский, дворовый, с. б. по Бежецкому Верху (Там же. С. 24); Афанасий Андреевич Нагаев (Ромодановский) (Там же); Иван Васильевич Гундоров, дворовый по Вязьме (№ 848. Л. 183 об.); Андрей Иванович Гундоров, дворовый по Вязьме (№ 848. Л. 154); Роман Иванович Гундоров (№ 848. Л. 183 об.); Федор Иванович Меньшого Пожарский, дворовый, *кн. Стародубский* (№ 848. Л. 172); Семен Борисович Пожарский*, воевода Свяжска, дворовый, *кн. Стародубский* (№ 848. Л. 164—174 об., 171; Разряды. Л. 327 об.); Михаил Борисович Пожарский*, дворовый, *кн. Стародубский* (№ 848. Л. 171); Петр (Васильевич?) Пожарский, тыс., с. б. III ст., *кн. Стародубский* (№ 848. Л. 172 об.); Иван Федорович Гагарин, тыс., с. б. III ст. по Твери (№ 643. Л. 362; Материалы.

С. 23); Владимир Иванович Гагарин (Материалы. С. 28); Дмитрий Данилович Шемяка Гагарин с братьями и племянниками (всего 12 человек Гагариных), дворовый по Вязьме (№ 643. Л. 263); Иван Семенович Гагарин (Материалы. С. 30).

Оболенские князья: Василий Борисович Тюфякин, тыс., с. б. III ст., по Дмитрову (№ 848. Л. 161 об.); Михаил Васильевич Тюфякин (Там же); Василий Васильевич Тюфякин (Там же).

Представители других княжеских фамилий: Василий Григорьевич Чесноков (Андомский), сын дворового по Белоозеру (№ 643. Л. 241—246; Материалы. С. 28); Борис Дмитриевич Бабичев, дворовый, с. б. по Романову (№ 643. Л. 241—246; Материалы. С. 15); Иван Дмитриевич Бабичев*, дворовый, с. б. по Романову (№ 643. Л. 241—246, 344 об.; Материалы. С. 30).

Представители нетитулованных боярских фамилий: Андрей Иванович Шеин, тыс., с. б. III ст., по Москве, дворовый, свияжский воевода (№ 848. Л. 137 об.; Разряды. Л. 317 об.—318); Михаил Юрьевич Шеин, дворовый по Москве (№ 848. Л. 137 об.); Петр Васильевич Шестов (Морозов) (Материалы. С. 29); Михаил Матвеевич Лыков, казанский воевода, окольный (Материалы. С. 8, 23; Разряды. Л. 317 об., 318 об.); Иван Михайлович Большого Головин, дворовый по Москве (Материалы. С. 15); Василий Никитич Борисов Бороздин, тыс., с. б. III ст. по Твери, дворовый по Кашину и Твери (№ 643. Л. 259 об.; Материалы. С. 28); Яков Иванович Услюм Данилов, тыс., с. б. II ст. по Москве, дворовый (№ 643. Л. 251 об.—255); Федор Яковлевич Услюмов Данилов, дворовый по Москве (№ 643. Л. 251 об.—255, 336; Материалы. С. 27); Иван Петрович Поярков-Квашнин, дворовый, с. б. по Клину (№ 643. Л. 355; Материалы. С. 28); Федосий Терентьев сын Заболоцкий*, тыс., с. б. III ст. по Москве, дворовый по Переяславлю-Залесскому (№ 643. Л. 346 об.; Материалы. С. 15).

Дети боярские: Василий, Никита, Кислый, Десятый Федоровы; Андрей и Мамай Ивановы; Константин, Пятый, Федор Васильевы; Федор Никифоров; Федор Семенов, Константин Васильев Ольговы* (№ 848. Л. 161 об.—162, 187, 197); Михаил Яковлев; Федор, Остафий Захарыны; Богдан Суворов; Иван, Василий Семеновы Путиловы* (№ 848. Л. 161 об.—162, 183, 201); Федор Михайлов и Василий Туровы* (№ 643. Л. 341 об.; Материалы. С. 30); Иосиф Иванов сын Тетерин Пухов, дворовый, с. б. по Суздалю и Костроме (№ 643. Л. 339—341 об.; Материалы. С. 26); Василий Гундоров Тетерин, тыс., с. б. III ст. по Суздалю (№ 643. Л. 273—276; Материалы. С. 30); Григорий Гундоров Тетерин; Василий Иевлев, Семейка, Михаил, Ширяй и другие Тетерины, всего 11 человек, дворовые дети боярские по Суздалю (№ 643. Л. 273—276; Материалы. С. 27, 28, 30, 26); Яков Кашкаров* (№ 848. Л. 159 об.—160, 164—164 об.); Тихон Гаврилов Тыртов*, тыс., с. б. III ст. по Галичу, дворовый по Костроме (Материалы. С. 14); Торх Гаврилов Тыртов, дворовый по Костроме (Там же. С. 16); Василий Злобин и Борис Тыртовы* (№ 643. Л. 266 об.); Иван Никитин, Федор и Василий Даниловы Сотницкого*, дворовые, дети боярские по Костроме (№ 643. Л. 263; Материалы. С. 28, 29); Борис Окинфов, Третьяк Яковлев Сотницких* (№ 848. Л. 161 об.—162); Андрей Михайлов Киреев, Михаил Образцов Рогатый Бестужева*, дворовый по Костроме (№ 848. Л. 164—164 об., 169); Иван Васильевич Безсонов*, дворовый, большой дьяк (№ 848. Л. 155—159 об., 165 об.); Хабар Васильев Дуров, дворовый, по Москве (№ 848. Л. 159 об.—160); Никифор*, Семен Васильевы Дуровы (№ 848. Л. 198 об.; 159 об.—160); Мансур Матвеев сын Товарищев-Аксаков*, тыс. с. б. III ст. по Суздалю, дворовый; Иван (Матвеев сын) Товарищев-Аксаков*, дворовый по Суздалю (№ 643. Л. 333; Материалы. С. 28); Замятня Андреев сын Бестужев*, дворовый по Суздалю (№ 643. Л. 339; Материалы. С. 29—30); Афанасий Дмитриев Ржевский, дворовый по Вязьме (№ 848. Л. 167 об.); Федор Васильев Яропкин (№ 848. Л. 159 об.—160); Василий Шереметев сын Хлуденев, дворовый по Переяславлю-Залесскому (№ 643. Л. 341 об.); Гордей Борисов Ступишин*, дворовый по Переяславлю-Залесскому (№ 848. Л. 164—164

об.); Андрей Васильев и Григорий Васильев Дятловы, тыс., дети боярские III ст. по Боровску, дворовые; Андрей Григорьев Дятлов с товарищами — 5 человек (№ 643. Л. 247—251; Материалы. С. 22, 27); Елизар Романов сын Шушерин, дворовый по Дорогобужу (№ 643. Л. 247—251; Материалы. С. 27); Рудак Неклюдов Бурцев* (№ 848. Л. 161 об.—162, 164—164 об.); Юрий Андреев Фефилатьев (№ 848. Л. 161 об.—162); Иосиф Андреев Янов* (№ 643. Л. 336; Материалы. С. 27); Юрий и Григорий Бакакины (№ 643. Л. 247—251; Материалы. С. 27); Федор Берядинов (Материалы. С. 24).

Приведенный список казанских ссыльных отличается высокой степенью достоверности. Однако можно определенно утверждать, что он не является полным и исчерпывающим. Во-первых, писцы Казанского края завершили описание спуска несколько месяцев после амнистии, распространявшейся на половину опальных. Во-вторых, Разряды со всей очевидностью указывают на то, что для поселения опальных использовали не только Казань и Свияжск, но и Чебоксары. Однако писцовые книги по Чебоксарам отсутствуют.

Помимо дворян, перечисленных выше, в ссылку попали их жены и дети. Учитывая многодетность тогдашних семей, можно заключить, что на поселение в Казань опричники отправили никак не меньше 600—700 человек. Установленные факты позволяют сделать вывод, что казанская ссылка явилась одной из крупнейших репрессивных мер XVI в. Опричина при самом своем возникновении предстает перед нами как репрессивный по преимуществу режим.

Сибирь тогда еще не была завоевана русскими, и Грозный использовал для выселения Казанскую землю, которая являлась в то время самой дальней восточной окраиной государства. Казанское переселение стало первым в русской истории опытом политической ссылки, предтечей сибирской ссылки. Испомещение опальных обнаружило патриархальный ее характер. Решение об испомещении было принято, возможно, не сразу. Опричные власти ставили целью терроризировать страну. Одних изменников казнили, других увезли на поселение в восточные районы. Указ об опричнине не предусматривал надления опальных земель. В тексте указа нет и намек на подобную государеву милость. У царя Ивана был перед глазами образец: его дед Иван III выселил из Новгорода местных бояр, немногие крамольники были казнены, а большинство бояр высланы за пределы Новгородской земли. Подобным же образом поступил самодержец Иван IV. Но при этом он приказал наделить поместьями казанских ссыльно-поселенцев. Тем самым решено было сразу несколько задач. Во-первых, так называемые изменники были сохранены для государственной службы. Во-вторых, земская казна была опустошена опричной контрибуцией и испомещение избавило ее от расходов на содержание ссыльных. В-третьих, властям надо было успокоить оставшуюся в Москве братию опальных, возмущенную опричными беззакониями. Ссыльнопоселенцы были восстановлены в правах служивых людей, а самые знатные из них сразу вернулись к исполнению воеводских обязанностей. Нечто подобное случилось и с главными московскими боярами, которым царь сначала объявил опалу, а затем разрешил вернуться к делам управления. Однако в последнем случае обошлось без переселений.

По наблюдению Е. В. Липакова, «уже в середине 60-х гг. XVI в. в Казани действовал следующий порядок: половина оклада местного дворянина назначалась не в Казанском уезде, а в „верховских“, т. е. Замосковных городах. ...Нет оснований утверждать, что этот порядок не распространялся и на ссыльных 1565 г.».⁶⁸ Этот вывод требует уточнения. Во-первых, речь идет о поместном окладе. Во-вторых, описанный порядок был распространен на опальных «изменников», вероятно, после их амнистии.

Некогда Иван Пересветов предлагал завоевать казанскую землю, которую за ее «угodie великое» называли «подрайской». Осуществление проекта лишь отчасти оправдало ожидания дворянства.

Русское правительство произвело первый раздел казанских земель вскоре после завершения семилетней Казанской войны.⁶⁹ В мае 1557 г. казанский воевода наделил землями, ранее принадлежавшими казанскому хану и его мурзам, русских дворян и детей боярских. Значительную долю этой «землицы» присвоили себе казанский наместник и русская церковь в лице казанского архиепископа. На некоторые богатейшие земли наложила руку казна.

После введения опричнины и издания царского указа о казанской ссылке расхищение земель коренного населения Среднего Поволжья приобрело еще более широкий размах. На этот раз правительство пустило в поместную раздачу значительный фонд государственных «черных» и дворцовых деревень, а также земли, «исстари» принадлежавшие татарам, чувашам и мордве. Все эти земли были переданы на поместном праве княжатам и детям боярским, сосланным «на житье» в Казанский край. В одном Казанском уезде переселенцы получили 10 сел, 3 сельца, 28 деревень и 10 пустошей, 525 крестьянских дворов. В их руки перешло около 14 тыс. четвертей пашни, а если считать вместе с перелогом и пашенным лесом, — более 23 тыс. четвертей пахотной земли.⁷⁰

Правительство рассчитывало с помощью переселения княжат и дворян на восточную окраину упрочить русское государство в Нижнем Поволжье. Стремясь создать в Казанском крае авторитетную администрацию, царь распорядился назначить на воеводство в Казани, Свияжске и Чебоксарах самых видных лиц из числа опальных.

Ярославские князья, которые были самой многочисленной группой среди казанских ссыльных, постоянно назначались воеводами в Казани. В Свияжске, ставшем местом поселения множества Ростовских и Стародубских княжат, вся местная администрация была передана в их руки. Наконец, в Чебоксары на воеводство назначались исключительно Ростовские князья.

Устройство переселенцев потребовало проведения описи в Казанском крае. Для этого из Москвы туда были направлены земские писцы. Наличные фонды казанских земель никак не соответствовали числу и прежним земельным окладам сосланных в Казань лиц, поэтому размеры поместных «дач» были крайне невелики.

Воевода князь Г. А. Булгаков, поместный оклад которого равнялся 900 четвертям пашни, получил 125 четвертей пашни и 12 четвертей перелогу.⁷¹

В Свияжске боярину и воеводе князю А. И. Катыреву-Ростовскому «отделили» в сентябре 1565 (7074) г. 80 четвертей пашни и 40 четвертей перелогу, при окладе в 1000 четвертей.⁷²

Другие княжата и дети боярские довольствовались еще более мелкими поместьями. Некоторые опальные испомещались целыми семьями. Например, общее поместье получили князь Дмитрий Шемяка-Гагарин с братьями и племянниками (всего 12 человек). Одно небольшое поместье передали 13 братьям Тетериним и т. д.⁷³

Не следует представлять себе дело так, что князья и дворяне, объявленные государевыми изменниками, получили «подрайскую казанскую землицу» в дополнение к уже имевшимся у них вотчинам. Для понимания сути и значения казанской ссылки решающим является тот факт, что все эти лица были выселены в Казанский край в царской опале, что повлекло за собой конфискацию их земель и имущества. Как значилось в указе об опричнине, «челобитье же государь... принял на том, что ему своих изменников, которые... в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти, а иных казнити, и животы их и статки имати...». Официальный отчет о первых опричных репрессиях прямо указывает на реализацию этого пункта указа в феврале 1565 г. «А дворяне и дети боярские, — значитя в летописи, — которые дошли до государские опалы, и на тех (царь. — Р. С.) опалу свою клал и животы их имал на себя».⁷⁴ Сведения о конфискации всего имущества ссыльных находим

во многих источниках документального характера, а также в мемуарах иностранцев.

Прямые указания на действие указа о ссылке можно обнаружить в поземельных актах Ярославского княжеского дома.

Князю Д. В. Солнцеву-Засекину в Ярославле принадлежало с. Гавшинское (более 1200 четвертей пашни в трех полях). Племянник Солнцева писал в челобитной царю в 1611 г.: «И та, государь, наша старинная вотчинка селцо Гавшинское з деревнями, было за прадеды и за деды и за дядею моим за князем Дмитреем Солнцевым с триста лет».⁷⁵

После введения опричнины Солнцев оказался на поселении в Свияжске, а его родовая вотчина перешла в казну. Наследники Засекина указывали в своих челобитных, что их предок лишился земли в годы опричнины, «что была наша вотчина взята в опричину при царе Иване».⁷⁶ Взамен утраченных земель Солнцев получил поместье в Свияжском уезде.⁷⁷ Его конфискованная вотчина была в том же 1565 (7073) г. описана казенным чиновником подьячим М. Трифоновым.

В сохранившейся выписи из книг подьячего 1565 (7073) г. вместе с вотчинами князя Д. В. Солнцева упоминаются вотчины князей А. П. Лобанова-Солнцева, М. Ф. Засекина-Черного и др. Тогда же в Казань и Свияжск были сосланы несколько Черных-Засекиных.⁷⁸

Отписывая в казну княжеские вотчины, власти не посчитались с тем, что некоторые земли из их состава перешли в руки монастырей. В конце 1565 (7073/74) г. Ярославский Спасский монастырь жаловался царю на подьячего М. Трифонова за то, что тот отписал у монастыря деревни князя Даниила Засекина «назад ко княжне Даниловой вотчине, к селу Сандыреву, как отписывал вотчины Ярославских князей».⁷⁹

Фонд конфискованных ярославских княжеских вотчин был столь значителен, что царь счел необходимым упомянуть о нем в своем завещании, составленном и пополнявшемся в годы опричнины. Ярославские вотчины он предполагал передать младшему сыну царевичу Федору к его уделу. «А которые есми вотчины поимал у князей Ярославских, — писал царь, — и те вотчины сыну моему Федору, а сын мой Федор в том волен, хошет те вотчины за собою держать, хошет он отдать». Последнее распоряжение, очевидно, относилось ко времени, когда казна стала возвращать вотчины их прежним владельцам.

Конфискация княжеских вотчин в Ярославле не носила всеобщего характера. Земель лишились лишь те князья, которым объявлена была царская опала. Прочие их сородичи сохранили родовые владения. В соответствии с этим в завещании царь сделал сыну Федору следующее наставление: «А у которых князей Ярославских их вотчин не имал, и сын мой Федор тех вотчин не отнимает у них...»⁸⁰

Конфискация вотчин у Ярославских князей вызвала яростный протест со стороны беглого боярина князя Курбского. По утверждению Курбского, царь погубил его родственников (князей Ушатых и т. д.), чтобы завладеть их земельными богатствами: «...Тех же княжат Ярославских роду погубил всеродне: понеже имели отчины великие, мню, негли ис того их погубил».⁸¹

Данные о землевладении Стародубских князей подтверждают вывод о том, что казанская ссылка сопровождалась широкой конфискацией стародубских вотчин. Подьячий М. Трифонов, ездивший в Ярославль, заезжал также в Стародуб, где отписывал родовые вотчины стародубских князей. Князь И. С. Ковров сослан был в Свияжск. В 1565 г. его стародубская вотчина треть сельца Василева, деревни Каменое и Метлино были отписаны в казну Трифоновым. В подлинных документах мы находим следующее упоминание об этом эпизоде: «...в противню в Максимовых книгах Трифонова, как он отписал Стародубских князей вотчины их в Стародубе в Ряполовском лета 7073-го написано: в Завражье князя Ивана князя Семенова сына Коврова треть селца Васильевского...

деревня Каменое, деревня Метлино» и т. д.⁸² Весной 1566 г. князь И. С. Ковров после амнистии выехал в Москву, после чего ему была возвращена его стародубская вотчина. Неуверенный в своем будущем, князь И. С. Ковров уже 14 ноября 1566 (7075) г. продал свою долю в сельце Василеве с названными выше деревнями князю Б. И. Ромодановскому.⁸³

Опальный князь Р. И. Гундоров утратил после ссылки в Свяжск родовую вотчину с. Меховицы в Стародубе. После амнистии он вернулся в Москву, где ему дали взамен родовых земель сначала волость Вешкирц, а затем несколько московских деревень. В грамоте на новые владения, выданной ему 29 марта 1567 г., значилось: «Пожаловал есми теми деревнями и починки князя Романа княжя Иванова сына Гундырева против володимирские волости Вешкирца, что у него взята на нас в опрличина, а дана была ему та волость в стародубские его вотчины место, селца Меховиць да полуселца Воскресенского з деревнями». ⁸⁴ В той же грамоте указывалось, что московские деревни даны Гундорову до того времени, как ему будет возвращена его стародубская вотчина.⁸⁵ Но указа о возвращении Гундорову родовых владений так и не последовало. В 1569—1570 (7078) гг. он продал подмосковные деревни богатому московскому купцу К. Ю. Греку за 500 руб.⁸⁶

Стародубские вотчины представляли немалую ценность, и по завещанию царь намеревался отказать их наследнику трона. Список этих вотчин включает десятки наименований сел, деревень и даже отдельных «жеребьев» небольших поселений. Как отмечено выше, стародубский список был включен в текст завещания, по-видимому, в начале опрличины. С. Б. Веселовский подверг сомнению достоверность стародубского списка царского завещания, указав на то, что «очень многие владения, перечисленные в духовной как отобранные у стародубских князей, в действительности были даны в разное время монастырям и притом большею частью теми же самыми лицами, которые упоминаются в духовной, как бывшие владельцы этих вотчин».⁸⁷

С. Б. Веселовский не учел двух обстоятельств: во-первых, целевого назначения стародубского списка и причин включения его в текст завещания и, во-вторых, факта массовой конфискации стародубских княжеских вотчин и последующего их возвращения прощенным князьятам. Царский перечень вотчин был составлен в целях разграничения земских владений царя и владений удельного князя Владимира Андреевича, получившего в свои руки Стародуб-Ряполовский. Перечень, попавший в завещание, включал земли нескольких категорий: выморочные вотчины, вотчины вдов, подлежавшие отчуждению в казну на основании Уложения о княжеских вотчинах 1562 г.; наконец, владения опальных казанских ссыльнопоселенцев.⁸⁸ В «казенном списке» царской духовной упомянуты следующие имения, очевидно, отписанные у Стародубских князей в связи с указом о казанской ссылке:

1. «Село Антихово, да село Воскресенское, да село Новые Зименки, что было князь Федора да князь Ивана Гундоровых» (И. В. Гундоров наследовал владения в с. Воскресенском, видимо, после своего дяди князя Ф. Гундорова. Половина Зименок ему досталась от бездетного дяди князя Ю. Гундорова. В 1565 г. И. В. Гундоров оказался в ссылке).⁸⁹

2. «Село Старые Меховицы, что было Романа Гундорова».⁹⁰

3. «Село Могучее, что было князя Ивана Пожарского Меньшова» (Иван Меньшой наследовал крупную вотчину брата Ивана Большого Пожарского, составившего завещание в 1557 г. и умершего бездетным. Единственный сын и наследник И. И. Меньшого князь Федор попал в казанскую ссылку).⁹¹

4. «Село Рожественское, да деревня Каменое, да три (треть. — Р. С.) села Васильева, что было князь Ивана князь Семена сына Пожарского» (в копии завещания допущена описка: названная вотчина принадлежала князю Ивану Семеновичу Коврову. Отписная книга М. Трифонова 1565 г. подтверждает, что де-

ревня Каменое и треть сельца Васильевского действительно были отписаны в казну в связи со ссылкой И. С. Коврова в Свияжск).⁹²

5. «Деревня Ковернев (Каверзино. — Р. С.) и иные деревни, что были князь Ивана князь Андреева сына Коврова» (И. А. Ковров также попал в опалу и ссылку).

6. «Село Александровское, да село Устиновское, да село Овсяниково, что было князь Андрея Кривозерского с братиею» (Андрей Кривоборский-Кривозерский с братьями Василием, Федором и Василием Меньшим были сосланы в Казанский край).

7. «Село Татарово, да село Никольское, что было князь Афанасья Нагаева» (А. А. Нагаев-Ромодановский был казанским ссыльным).

8. «Село Амелева (Хмелево. — Р. С.), что было князь Никиты Стародубского» (князь Н. М. Стародубский лишился вотчины после ссылки в Свияжск по указу Грозного).

9. «Половина села Ромоданово, что было князь Ивана Ромодановского» (в списке ссыльных мы находим Ивана Ромодановского младшего брата боярина Ф. Б. Ромодановского).

10. «Село Голобоково, да деревня Скореево, что было княгини Марьи князь Борисовых Пожарского и сына ея, князь Михаила» (Михаил Борисович Пожарский попал в ссылку вместе со старшим братом Семеном. Однако в царском перечне упомянут только Михаил с матерью, что указывает на неполноту казенного списка).

Царское духовное завещание не получило утверждения и не стало юридическим документом. Духовная осталась черновым проектом, сохранившимся к тому же в дефектной копии. Сказанное ограничивает значение «казенного списка» стародубских вотчин, включенного в черновик завещания.

Среди упоминаний о земельных конфискациях опричнины особого внимания заслуживает свидетельство английского посла Д. Флетчера. Учредив опричнину, рассказывает Флетчер, Грозный провел такие меры, которые подорвали влияние «удельных князей»: «Овладев всем их наследственным имением и землями, лишив их почти всех прав и проч. и оставив им одно только название, *он дал им другие земли на праве поместном* (как оно здесь называется), владение коими зависит от произвола царя и *которые находятся на весьма далеком расстоянии и в других краях государства*, и этим способом удалил их в такие области, где бы они не могли пользоваться ни милостью, ни властью, не будучи тамошними уроженцами или хорошо известными в тех местах; почему теперь знатнейшие дворяне (называемые удельными князьями) сравнялись с прочими, с тою только разницею, что во мнении народа и относительно привязанности его к ним они стоят выше и что во всех общественных собраниях они постоянно занимают свое первое место».⁹³

Осведомленный современник, Флетчер весьма точно определяет направленность земельных мероприятий опричнины.

Вопрос о значении описанных мероприятий опричнины вызвал дискуссию в литературе. По мнению В. Б. Кобрин, последствия казанской ссылки были незначительны: старших суздальских князей (род Шуйских) ссылка не коснулась, их землевладение исчезало не от опричнины, а «от прекращения мужских линий»; у Ростовских князей не было родовых вотчин и пр. Нельзя считать, пишет В. Б. Кобрин, будто главные удары опричнина обратила против суздальской знати — князей Суздальских-Шуйских и их родичей, поскольку этот тезис Р. Г. Скрынникова подкреплен одним только фактом казни князя А. Б. Горбатого-Суздальского при учреждении опричнины.⁹⁴ В наших исследованиях понятие «суздальская знать» имеет широкое значение. В этом нетрудно убедиться даже при самом беглом знакомстве с ними. А. Б. Горбатый-Суздальский был выдающимся историческим деятелем, и казнь его имела большое значение.

Но свидетельством опричных гонений на суздальскую знать явилась не только гибель этого воеводы, но и ссылка в Казанский край многих десятков семей, которые, как и князя Суздальские-Шуйские, вели род от великого князя Владимирского Всеволода Большое Гнездо. Многие из потомков местной великокняжеской династии Владимиро-Суздальской земли сохранили родовые княжеские вотчины в пределах некогда принадлежавших им княжеств.

В документах Государева двора середины XVI в. среди суздальских княжеских служилых списков одно из первых мест занимает ростовский список. «Вероятно, — пишет В. Б. Кобрин, — ростовские князья почти полностью лишились своих родовых вотчин». Этот исключительно важный вывод исследователь подкрепляет не ссылкой на массовые источники, а частными наблюдениями. Во-первых, он приводит один случай отчуждения родовых вотчин у Ростовских князей, упоминая при этом также о трех случаях сохранения ими вотчин. Во-вторых, тезис об отсутствии у этих князей наследственных земель в Ростове В. Б. Кобрин подтверждает тем, что в описях ростовских сел Троице-Сергиева монастыря Ростовские князья не упоминаются среди монастырских соседей, а в других ростовских актах они не числятся среди «послухов».⁹⁵ Подобное соображение могло бы иметь некоторую доказательную силу, если бы ростовская документация сохранилась в сколько-нибудь полном виде, а не в отрывках. По непонятным причинам В. Б. Кобрин игнорирует показания наиболее авторитетной документации — дворовых списков, четко деливших князей Ростовских на две категории. Те князья, которые сохраняли вотчины в родовых гнездах, проходили службу по княжеским спискам. Князья, утратившие родовые земли и перешедшие на поместья и пр. в других уездах, служили вместе с уездными дворянами. Согласно дворовым документам 1550—1561 гг., восемнадцать Ростовских князей проходили службу по княжеским спискам в Ростове и более тридцати — по уездам. В первую категорию входило более трети членов княжеского дома, а следовательно, говорить о полной утрате Ростовскими родовых вотчин не приходится.

Сопоставление казанских книг и дворовых документов позволяет выявить характерную черту казанской ссылки, до сих пор ускользавшую от внимания историков. На поселение были отправлены в первую очередь лица, записанные в ростовский княжеский список, или же их дети. Среди ссыльнопоселенцев были князья И. Ю. Хохолков (записан первым в княжеском списке), А. И. Катыврев (записан вторым), И. Темкин и М. Темкин (их отец Г. И. Темкин записан третьим; в тексте имеется помета «почернен»); дети боярина Д. Ю. Темкин и И. Ю. Темкин, Н. Д. Янов и Ф. Д. Янов, И. Ф., В. Ф. и М. Ф. Бахтеяровы. Из числа записанных в княжеский список опалы и ссылки избежали лишь несколько человек, например семья Гвоздева-Приимкова. Против имени В. В. Волка-Приимкова в тексте сделана помета: «Почернены. Помечен в Торжек».⁹⁶ Перевод в Торжок из Ростова не спас Волка, и он также был отправлен в ссылку.

Опричный суд, выборочно назначавший Ростовским меру наказания, по-видимому, учитывал такие признаки, как служба и землевладение. В ссылку попали многие из тех, кто имел право на думный чин или же преуспел по службе. На поселение в Свяжск был отправлен боярин А. И. Катыврев, который оставался единственным представителем Ростовского дома в Боярской думе накануне опричнины. Царский спальник И. Ю. Хохолков до ссылки занимал высокий пост наместника Нижнего Новгорода. В. Волк-Приимков служил воеводой в Мценске. Ссылке подверглись сыновья и племянники боярина Ю. Темкина, сын старичьего боярина В. Темкина, двое спальников Яновых, сын и племянник бывшего боярина С. Лобанова и др.⁹⁷

Опричные судьи отправили в Казань подавляющую часть лиц, записанных в княжеский список, и лишь немногих из 30 князей, служивших в Государевом дворе по уездным спискам. Очевидно, они не ставили целью «известить» род ростовских князей. Указ о ссылке преследовал иную цель: на окраину были пере-

сслены почти все князья, сохранившие родовые княжеские вотчины. Иначе говоря, указ о ссылке должен был подорвать родовое землевладение Ростовских князей и вместе с тем лишить их одной из важнейших привилегий — права прохождения службы при дворе по особым княжеским спискам.

Судебные преследования членов Ярославского княжеского рода имели аналогичную цель. По указу 1565 г. в казанскую ссылку были сосланы следующие лица, проходившие службу при Государевом дворе по княжескому списку: Ф. И. Троекуров, А. Ф. Аленкин Жеря, Ю. И. Сицкий, Д. Ю. Меньшого Сицкий, Д. В. и И. В. Чулков-Ушатый, С. Ю. Меньшой-Ушатый, И. Г. Щетинин с братьями (всего 7 человек), С. И. Баташев-Засекин, Ф. И. Засекин-Сосунов, А. П. Лобан Засекин-Солнцев, Д. В. Засекин-Солнцев, В. Д. Жирового-Засекин, А. И. Ноздрунов-Засекин, И. И. Черного-Засекин, Д. П. Засекин, М. Ф. Засекин. Меры в отношении ярославского дома подтверждают выявленную выше характерную особенность опричной политики. В Казань попали 37 князей Ярославских, их сыновей и братьев из фамилий, проходивших службу по княжеским спискам. Что же касается 77 князей, которые несли службу по городам, из них в ссылку попало всего 7 человек.

Князь Ф. И. Троекуров-Львов, сын боярина И. М. Троекурова, происходил из старшей линии Ярославского рода. Он отличился в начале Ливонской войны, заняв замок Сыренск. Перед полоцким походом Троекуров участвовал в неудачной битве с литовцами под Невелем, состоя под начальством Курбского; в походе на Полоцк служил есаулом в царском полку.⁹⁸

Князь А. Ф. Аленкин-Жеря служил до опричины воеводой в Торопце, откуда был переведен на воеводство в Астрахань.⁹⁹ Там его и застала царская опала. Предки Жери сидели на большом княжении в Ярославле, так что по знатности Аленкины не уступали даже Троекуровым.¹⁰⁰

Из старших ветвей рода происходили князья Шестуновы.¹⁰¹ Попавшие в ссылку И. Д. Большого Шестунов и Д. Шестунов были, по-видимому, двоюродными братьями окольного, а затем боярина князя Д. С. Шестунова, служившего в уделе Юрия Углицкого.¹⁰² В начале 50-х гг. И. Д. Шестунов в чине воеводы участвовал в казанских походах.¹⁰³

К высшей знати принадлежали князья Сицкие. Один из них — боярин князь В. А. Сицкий, женатый на сестре царицы А. Романовой, состоял в свойстве с Грозным. Несмотря на это, в ссылке оказались двоюродный брат боярина князь Д. Ю. Сицкий-Меньшого. Перед ссылкой Д. Ю. Сицкий сидел воеводой в Полоцке.¹⁰⁴ Младшей родней Сицких был опальный В. А. Моложский, последний в роду Моложских князей.

Влиятельную ветвь Ярославского дома представляли князья Ушатые. Д. В. Чулков-Ушатый, сын боярина В. В. Чулка-Ушатого, после ссылки назначен был одним из казанских воевод. С ним в Казани находились двое его братьев: родной — И. В. Чулков и двоюродный — С. Ю. Меньшой-Ушатого.

Князья Засекины, Щетинины, Морткины принадлежали к младшим, измельчавшим ветвям Ярославского рода. В числе прочих ссылке подверглись царский спальник Л. И. Засекин, есаул царского полка и карачевский воевода князь С. И. Баташев,¹⁰⁵ есаул князь Д. П. Засекин, Ф. И. Засекин-Сосунов.¹⁰⁶

В ссылке оказались племянник давнего царского оружничего Ю. И. Щетинина князь И. Г. Щетинин с шестью братьями,¹⁰⁷ а также князь В. И. Морткин, отец которого, по родословцам, «бегал в Литву».¹⁰⁸

Актовые материалы подтверждают, что ряд казанских ссыльных, служивших при дворе по княжеским спискам, были владельцами крупных вотчин.

Среди Ушатых князь С. Ю. Меньшой владел вотчиной в 8 тыс. четвертей пашни и мог вывести в поход 25 вооруженных слуг.¹⁰⁹ В самом начале опричины он был сослан в Казань, а все его земли конфискованы в казну. Старший брат ссыльного князь Д. Ю. Ушатый постригся в монахи, по-видимому, еще до опричины.¹¹⁰

Очень крупные вотчины были конфискованы у князей Сицких. Один из них, Д. Ю. Сицкий Меньшой, владел до опричнины вотчиной в 4800 четвертей пашни. После ссылки в Казань он также расстался со своими владениями.¹¹¹

Князья Засекины располагали менее значительными земельными богатствами. Опальный князь И. И. Володимеров-Засекин имел вотчину в 1600 четвертей, Д. В. Солнцев-Засекин — в 1200 четвертей.¹¹² После ссылки названных дворян в Казань их земли перешли в казну.

В дворовых документах 1550—1561 гг. числилось примерно 60 Стародубских князей, из которых 35 проходили службу по княжеским спискам. В казанскую ссылку угодили 34 князя, включая детей и племянников. Ссылнопоселенцами стали по крайней мере 14 лиц, поименованных в стародубском княжеском списке. В их числе были А. А. Нагаев Ромодановский, И. Ромодановский, четыре князя Кривоборских, И. А., П. А. и И. С. Ковровы, Ф. И. Меньшого-Пожарский, С. Б. и М. Б. Пожарские, П. Пожарский, Ф. В. Пожарский. На поселение попали видные воеводы, служившие по Москве, Вязьме и другим уездам: А. И. Стригин-Ряполовский, Н. М. Сорока Льяловский-Стародубский и др.

Сохранились некоторые данные о размерах вотчин, подвергшихся конфискации в Стародубе. Например, в селах Татарово Новое, Никольское и Шустово, частично принадлежавших казанскому поселенцу князю А. А. Нагаеву, числилось в конце века 7485 четвертей пашни в трех полях.¹¹³ В вотчине казанского ссылного князя Н. М. Стародубского селе Хмелево было 612 четвертей пашни, и т. д.¹¹⁴

Судьба Оболенских князей отличалась от судеб суздальских княжеских фамилий. Царь казнил более десятка Оболенских, входивших в Боярскую думу и служивших по княжеским спискам. В дворовых списках 1550—1561 гг. числилось всего 12 князей, проходивших службу по уездам, а следовательно, не имевших вотчин в Оболенске. Среди них были князья Тюфякины. Дворянин И. Б. Тюфякин бежал в Литву, а его брат В. Б. Тюфякин с двумя сыновьями были сосланы на поселение в Казанский край.¹¹⁵

Планы опричного правительства, по-видимому, состояли в том, чтобы переселить на вновь завоеванные земли на востоке страны прежде всего суздальскую знать. Прочая титулованная знать и старомосковское нетитулованное боярство пострадали от указа о казанской ссылке меньше, чем князья Ростовские, Ярославские и Стародубские.

При учреждении опричнины опале подвергся род Морозовых. Боярин В. В. Морозов был брошен в темницу за переписку с Курбским. Видный воевода А. И. Шеин-Морозов¹¹⁶ и его родственники М. Ю. Шеин и П. В. Шестов-Морозов¹¹⁷ были сосланы на поселение в Казанский край. Один из ближайших советников царя боярин и оружничий Л. А. Салтыков-Морозов и двое его сыновей подверглись аресту тотчас после учреждения опричнины. Царь лишил Салтыкова чина оружничего и сделал оружничим опричника Вяземского. Салтыков пробыл в опале недолго и вскоре был освобожден из тюрьмы на поруки.¹¹⁸

От опричных репрессий сильно пострадал знатный боярский род Головиных. Окольничий П. П. Головин, доведшийся тестем князю А. Б. Горбатову и состоявший в близком родстве с Адашевым, пробыл три года в почетной ссылке в Нарве, после чего в феврале 1565 г. был убит опричниками.¹¹⁹ Вскоре же племянник казненного И. М. Большого Головин попал на поселение в Казань. У родственника Головиных И. Ю. Грязного-Ховрина и были отобраны вотчины в опричном Малом Ярославце и в Переяславле.¹²⁰ Ховрины издавна занимали влиятельное положение в Боярской думе.¹²¹ Они были полностью изгнаны из нее со смертью окольничего П. П. Головина.

В начале опричнины опале подвергся окольничий М. М. Лыков. Будучи ребенком, он пробыл семь лет в литовском плену¹²² и вместе с братом воспитывался при королевском дворе. Сигизмунд I велел «не токмо питати во своих царских полатах, но и доктором своим повелел их (Лыковых. — Р. С.) . аучити

шлящеских наук и языку римскому». ¹²³ По возвращении на родину М. М. Лыков был произведен в конце 50-х гг. в окольничие. Царь Иван не доверял «ученому» думцу, получившему европейское образование, и тотчас после объявления опричнины сослал его в Казань.

Помимо названных выше, гонениям подверглись некоторые другие старомосковские боярские семьи. На поселение в Казань были сосланы двоюродный брат боярина В. Д. Данилова воевода Я. И. Услюм-Данилов и его сын Федор, ¹²⁴ троюродный брат княгини Е. Старицкой В. Н. Борисов-Бороздин, ¹²⁵ воевода П. И. Поярко-Квашнин. ¹²⁶

Наряду со знатью опричнина подвергла террору некоторых уездных дворян. На поселение в Казань были сосланы все родственники А. Ф. Адашева: дворяне Ольговы, Путиловы и Туровы — всего более 20 человек. ¹²⁷ Из них только двое (Н. Ф. Ольгов и Б. С. Путилов) числились в дворовых списках и служили при дворе, прочие же принадлежали к рядовому провинциальному дворянству и служили в уездах.

Опричнина завершила разгром кружка А. Ф. Адашева, казнив оставшихся в живых сподвижников правителя. По сообщению И. Таубе и Э. Крузе, в один день с А. Б. Горбатым казни подвергся «видный воевода, долгое время служивший ему против татар, Данила Gilkj и Андрей Рязанцев». ¹²⁸ В списке Эверса фамилия Gilkj искажена в Gidk. В переводе М. Г. Рогинского непонятное имя вовсе опущено, а слова о «видном воеводе» отнесены к упомянутому выше князю В. Серебряному. ¹²⁹ Издание Г. Хоффа передает имя опального наиболее точно. Полагаем, что названное лицо следует отождествить с Даниилом Чулковым, отличившимся в войнах с татарами. В походе против астраханских татар 1554 г. Чулков служил головой, в январе 1558 г. вместе с Вишневецким ходил воевать крымские улусы, в мае был оставлен с казаками на Днепре для действий против крымцев. В январе следующего года он «побил» татар на поле и прислал в Москву языков, а в мае 1560 г. с казаками ходил на Дон против крымцев. ¹³⁰ В Полоцком походе Чулков служил есаулом в государевом полку и незадолго до того поручился за опального князя Бельского. ¹³¹ Данила Чулков Ивашкин-Тутыхин происходил из рода рязанских бояр Ковылиных-Сидоровых. В Дворовой тетради он записан как сын боярский из Рязани. ¹³² Курбский специально упоминает о казни знатных рязанских дворян, «мужественных же и храбрых и славными заслугами украшенных, Данила Чулкова и других некоторых поляниц и воеводителей... пагубников бусурманских». ¹³³

Правительство сослало на поселение в Казань многих земляков и соседей Адашева по Костромскому уезду, в том числе дворян Тихона и Торха Тыртовых, М. О. Рогатого-Бестужева, И. Н., Ф. Д. и В. Д. Сотницких. В ссылку попали более десятка родственников изменника Т. Тетерина, Я. Кашкаров, московские дворяне Дуровы, суздальские дворяне И. Аксаков, З. А. Бестужев, вяземский дворянин А. Д. Ржевский, переяславские дворяне В. Ш. Хлуденев и Г. Д. Ступишин, знатные боровские дворяне Дятловы, дорогобужский дворянин Е. Р. Шушерин. ¹³⁴

Приведенные данные доказывают, что более половины казанских ссыльных принадлежали к рядовому дворянству. Однако переоценивать этого факта не следует. При общей численности низшего дворянства в 20—30 тыс. человек переселение одной-двух сотен мелких помещиков на восток не имело большого значения. Конфискованные у рядовых дворян земли не шли ни в какое сравнение с богатствами, конфискованными у знати.

Указ о ссылке нанес наибольший ущерб трем княжеским родам, принадлежавшим к суздальской аристократии. Несравненно меньшие потери понесли старомосковские фамилии (Морозовы, Головины, Даниловы). Какое влияние оказала ссылка на судьбы русской аристократии? Этот вопрос вызвал споры в исторической литературе. Предложив свою методику вычленения аристократических кланов, американский историк Р. Крами сделал неожиданный вывод

о том, что из 178 ссыльных к аристократическим кланам принадлежал только 21 человек. Перемещение в Казань отдельных лиц, согласно Р. Крами, имело небольшое влияние на судьбы боярских кланов в целом.¹³⁵

Исключение большинства князей, отправленных в ссылку, из состава аристократии основано на некотором недоразумении. Р. Крами выделяет кланы, следуя родословной Бархатной книге XVII в. Однако ситуация конца XVII в., получившая отражение в Бархатной книге, была совсем иной, чем в середине XVI в. Во-первых, многие княжеские дома, сохранившие тесные родственные связи в первой половине XVI в., разошлись в родстве и утратили эти связи к концу XVII в. Во-вторых, в начале XVII в. произошла смена династии на троне. Место Юриковичей заняли выходцы из нетитулованного боярства Романовы, что не могло не сказаться на практике назначений в думу. При Грозном принадлежность к древнему клану Всеволода Большое Гнездо означала родство с династией, само по себе дававшее право на представительство в думе. В 1550-х гг. Ростовские «всем родом» замыслили отъехать из Москвы в Литву. Суд над С. В. Ростовским обнаружил, что Ростовские сознавали себя одним кланом. Как и другие разросшиеся кланы, они имели не более одного-двух представителей в Боярской думе одновременно. Но это не значит, что большинство Ростовских уже в середине XVI в. не принадлежали к аристократии. Наиболее точное представление об аристократических кланах середины XVI в. дает не Бархатная книга конца XVII в., а подлинные списки Государева двора Ивана Грозного. Аристократия составляла верхушку двора, и к ее составу принадлежали в первую очередь удельные и прочие князья, владевшие наследственными родовыми землями и проходившие службу по особым княжеским спискам. Утрата родовых вотчин и исключение из дворовых княжеских списков лишали опальную знать прежних привилегий.

В. Б. Кобрин энергично возражает против вывода о том, что казанская ссылка разорила опальных княжат. Лишившись вотчин, княжата, по мнению В. Б. Кобрина, сохранили движимое имущество. Можно ли, пишет он, отнять хозяйственный инвентарь у тех, кому тут же раздавали казанские поместья; можно ли отнять боевое снаряжение у людей, оставшихся на службе?¹³⁶

Нам удалось установить, что казанская ссылка сопровождалась отчуждением у опальных родовых вотчин. Этот факт имеет основополагающее значение. В. Б. Кобрин мимоходом соглашается с этим фактом, но не придает ему особого значения. Между тем утрата земельных владений сама по себе разоряла землевладельцев, даже если им удавалось сохранить некоторое движимое имущество. В своих вотчинах князья имели благоустроенные «усадища» с челядью, всякого рода службами и мастерскими, с барской запашкой и налаженным хозяйством. В Казани же им отвели небольшие поместья, на благоустройство которых требовалось время и средства. Владельцы крупных вотчин выходили в поход «конно, людно и оружно», с мелких казанских поместий опальным не надо было снаряжать холопов на войну.

Решить вопрос о последствиях казанской ссылки помогают не умозрительные рассуждения, а показания источников. Официальный летописный текст, подвергшийся тщательному редактированию, отличается некоторой неясностью. Сообщив о казнях на Москве, летописец добавил, что на дворян, которые «дошли до государские опалы», царь «на тех опалу свою клал и животы их имал на себя, а иных сослал в вотчину свою в Казань...».¹³⁷ При чтении летописи складывается впечатление, что одни дворяне «дошли до опалы» и у них отобрали имущество, а иных дворян сослали в Казань как бы помимо царской опалы. Но это явная ошибка. У казанских ссыльных отобрали вотчины именно вследствие государевой опалы. Своеобразие летописи состояло в том, что ее текст был отредактирован после «прощения» всех казанских ссыльных. Опричные меры потерпели неудачу, и редактор старался избежать упоминаний о широкомасштабных опалах. Без всякого сомнения, казанские ссыльные были

опальными людьми, а следовательно, на них распространялось действие указа о конфискации «животов». Предложенное истолкование летописи находит полное подтверждение в записках иностранцев. И. Таубе и Э. Крузе были очевидцами событий, последовавших за объявлением указа об опричнине. Знатные лица, повествуют эти опричники, были безжалостно изгнаны из старинных наследственных имений, «так что они не могли и не имели права взять с собой даже движимое имущество и вообще ничего из своих имений».¹³⁸

Некоторые лица получили назначения в казанские крепости до объявления указа об опричнине. Боярина А. И. Катырева, Г. А. Куракина, Бахтеяровых опала застигла на месте их новой службы.¹³⁹ Эти люди оказались в более благоприятном положении, чем другие опальные. При них были деньги, драгоценности, оружие и слуги. В. Д. Назарову удалось разыскать наказ об аресте князя И. Ф. Бахтеярова-Ростовского. Ко времени учреждения опричнины князь находился на воеводстве в Чебоксарах. По указу о «перемене воевод» от 13 марта 1565 г. его оставили на прежнем посту, а из указа от 1 мая 1566 г. следовало, что опальный не получил амнистии и ему приказали оставаться в Чебоксарах.¹⁴⁰ Как установил В. Д. Назаров, к 1571 г. И. Ф. Бахтеярова перевели на воеводство в Васильгород, где его застала новая царская опала.¹⁴¹ Грозный приказал наложить арест и переписать «живот князя Иванов: казну, золотое и жемчужное и серебряное, и деньги и золотые и образы золотые с мощми, и образы окладные и неокладные, и платья, и всякая его рухлядь, и седла, и наряд конской, и оловяное, и меденое, и деревянное, и лошади, и всякий живот...».¹⁴² Наказ был составлен до описи «живота» и включал примерный перечень вещей, которые предполагалось изъять у И. Ф. Бахтеярова при аресте. К тому времени указ о казанской ссылке был отменен, а опальный воевода должен был получить от казны либо старые владения, либо какую-то компенсацию за них.

Большинство опальных дворян, отправленных на восточную окраину под конвоем опричников, оказались в трудном положении. Им не давали времени на сборы. В наименьшей спешке вслед за опальными отправляли членов их семей. Они не имели возможности забрать с собой все имущество, так как для перевозки потребовались бы огромные обозы. Власти не могли отнять боевое снаряжение у дворян, остававшихся на государевой службе. Тем не менее высылка в Казань нисколько не походила на обычное служебное перемещение дворян. Затеявая конфискации вотчин в неслыханных масштабах, Грозный ждал сопротивления подданных. Опричное войско было организовано для подавления такого сопротивления. Княжата принадлежали к той части ополчения, которая располагала наилучшим вооружением, наибольшим количеством боевых холопов и пр. Опричники не могли обойтись без насилия, когда захватывали князей в их родовых укрепленных усадьбах и конвоировали в Казань.

Чтобы составить верное представление о масштабах и реальных последствиях опричных мероприятий, надо иметь в виду два момента. Во-первых, казанская ссылка была взаимосвязана с московскими казнями. Расправа с князем А. Б. Горбатым-Суздальским, С. В. Ростовским и другими лицами дает не менее важный материал для суждения об антикняжеской направленности опричнины, чем данные о составе казанских ссыльных. Во-вторых, уже через год после учреждения опричнины указ о казанской ссылке был отменен и опальный разрешил вернуться в Москву. Одни использовали царское прощение и получили от казны вотчины сразу по прибытии из Казани. Другие ссыльно-поселенцы или их наследники хлопотали о возвращении «в свой род» старинных вотчин после смерти Грозного, либо в годы Смуты. Отмеченные факты не дают оснований заключить, будто опричные меры не оказали влияния на экономическое состояние княжеских вотчин. Конфискации сопровождалась грабежом усадеб. Соседние землевладельцы спешили свезти крестьян из опальных имений. Получив от казны вотчины, некоторые из «прощенных» ссыльных тут

же отдавали их в монастыри. Объяснялось это прежде всего плохим состоянием имений и неуверенностью их владельцев в завтрашнем дне.

Казанская ссылка, пишет В. Б. Кобрин, «не была настолько всеобъемлющей, как это представляется Р. Г. Скрынникову».¹⁴³ Спор выходит за рамки академической дискуссии. В моих исследованиях приведены точные данные о численности суздальской знати, служившей в Государевом дворе накануне опричнины, и составе ссыльных, и из этих данных следует, что на поселение было отправлено около трети княжат.¹⁴⁴ О каком же всеобъемлющем характере ссылки может идти речь?

Власть монарха в России была ограничена аристократией, могущество которой опиралось на ее семейные богатства, и прежде всего родовые княжеские вотчины. Задавшись целью утвердить в стране режим неограниченной власти, царь и его окружение прибегли к мерам по ограничению княжеско-вотчинного землевладения. Первой попыткой в этом направлении явилось Уложение о княжеских вотчинах 1562 г. Продолжением того же курса стали массовые конфискации княжеских вотчин в начале опричнины.

Казанская ссылка стала крупнейшей вехой в истории княжеского землевладения. Она ускорила процесс отчуждения родовых богатств суздальских князей. Возврат вотчин и земельные компенсации после амнистии 1566 г. имели важные последствия, но не могли восстановить положение, существовавшее до опричной катастрофы. Земельные компенсации способствовали перемещению княжат с территории некогда принадлежавших им княжеств в другие уезды. Несколько десятилетий спустя служба суздальской знати по княжеским спискам была упразднена.

Царь Иван Грозный мог бы расправиться с неугодными ему лицами, не прибегая к такой экстраординарной затее, как разделение страны на две половины, организация опричных войска и правительства и прочим мерам, требовавшим непомерных финансовых затрат. Данные о казанской ссылке впервые проясняют вопрос о подлинных причинах организации опричнины. Конфискация родовых вотчин, незаконная с точки зрения феодального права, грубо нарушала материальные интересы верхов правящего боярства. Царь готовился вооруженной рукой раздавить сопротивление недовольных.

Указ о казанской ссылке имел более широкие цели, чем принято думать. Новгородские экспроприации конца XV в. не отменили московскую традицию, в силу которой казна могла отобрать вотчину у боярина только с санкции Боярской думы. В опричнине Иван IV избавился от опеки думы и тотчас произвел массовую конфискацию княжеских вотчин. В случае успеха опричные меры фактически привели бы к утверждению в стране нового порядка, при котором государство могло не только требовать обязательной службы с вотчин, но и отчуждать эти вотчины в казну под предлогом неисправной службы землевладельца, «измены», не установленной по суду, и пр. Аристократия попала бы в полную зависимость от самодержца, а «корона поглотила бы общество». Но этого не произошло. Раздор главы государства со знатью достиг крайних пределов. В конце концов царю пришлось пересмотреть указ о казанской ссылке и тем самым признать крах своей земельной политики. Политическая опора монархии быстро сужалась. Россия шла навстречу террору.

¹ Зимин. Опричнина. С. 135, 141.

² Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 213.

³ Веселовский С. Б. Последние уделы Северо-Восточной Руси//ИЗ. 1947. Т. 22. С. 108; Садиков. Очерки. С. 168.

⁴ ДДГ. С. 423.

⁵ Там же. С. 422—424; ПСРЛ. Т. 13. С. 400.

⁶ ДДГ. С. 422.

⁷ Договор Василия III с удельным князем Ю. Дмитровским: 1531 г.//Там же. С. 417.

- ⁸ Описи царского архива. С. 39.
- ⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.
- ¹⁰ Горский А. В. Историческое описание Троице-Сергиевой Лавры. М., 1887. С. 84; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 102.
- ¹¹ Курбский. Сочинения. С. 121—122.
- ¹² Там же.
- ¹³ ДДГ. С. 443.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 14. С. 37; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 264.
- ¹⁵ Кобрин. Власть и собственность. С. 152.
- ¹⁶ Разрядные книги различных редакций, включая Эрмитажный список, именуют И. А. Шуйско-го без боярского чина на протяжении 1566—1570 гг. Лишь в Шукинском списке он ошибочно назван боярином под 7076 (1568) г. Однако в том же списке под 7078 (1570) г. И. А. Шуйский вновь фигурирует без боярского чина (Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 197, 217; М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 226, 257; Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 226, 232).
- ¹⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 605.
- ¹⁸ Разрядная книга 1475—1598 гг. С. 212, 214.
- ¹⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 21.
- ²⁰ Кобрин. Власть и собственность. С. 152.
- ²¹ ТКДТ. С. 118—119.
- ²² ПСРЛ. Т. 13. С. 349.
- ²³ Там же. С. 395—396; Хофф. Тирания. Л. 17. Таубе и Крузе по ошибке называют казненного Иваном.
- ²⁴ Курбский. Сочинения. С. 280.
- ²⁵ Хофф. Тирания. Л. 7. Заодно с Горенским опричниками повесили 50 его вассалов и слуг (см.: Шлихтинг. Новое известие. С. 36).
- ²⁶ Родословная книга. Ч. 1. С. 221.
- ²⁷ ТКДТ. С. 188; Разряды. Л. 287 об.; Витебская старина. С. 39.
- ²⁸ Таубе и Крузе сообщают о казни Никиты и Василия Оболенских, очевидно, путая имя младшего из братьев (Хофф. Тирания. Л. 7 об.).
- ²⁹ Разряды. Л. 317 об., 319.
- ³⁰ Власьев Г. А. Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 383. В Литве Оболенский жил у Курбского, который послал юношу «для науки» сначала в Краков, а через три года в Валахию (Курбский. Сочинения. С. 417, 418). По донесению русских послов в 1571 г., «князь Михалишко Ноготков Оболенский был у Курбского, а ныне вести про него нет, жив ли будет, или здох» (Сб. РИО. Т. 71. С. 807).
- ³¹ СГГД. Ч. 1. № 186.
- ³² Шапченко О. А. Размещение и структура вотчинного землевладения в первой трети XVII в. // Изв. 1987. Т. 115. С. 291.
- ³³ Платонов. Очерки. С. 110.
- ³⁴ См. введение.
- ³⁵ Веселовский. Исследования. С. 29—31.
- ³⁶ Веселовский С. Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // ВИ. 1946. № 1. С. 88—91, 103—104; Веселовский. Исследования. С. 156—185, 30—31.
- ³⁷ Зимин А. А. Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.) // ВИ. 1962. № 12. С. 79.
- ³⁸ Кобрин. Власть и собственность. С. 149—160.
- ³⁹ Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 120—122.
- ⁴⁰ В начале очерка С. Б. Веселовский иронизирует по поводу мнения, будто «самое завоевание Казанского царства было „продиктовано“ интересами московских помещиков». На его взгляд, все Среднее Поволжье очень долгое время служило разве что местом ссылок и принудительных поселений дворян (Веселовский. Исследования. С. 149—150).
- ⁴¹ Там же. С. 154—155.
- ⁴² Там же. С. 24—28; см. также: Веселовский С. Б. Учреждение опричного двора... С. 103—104.
- ⁴³ К примеру, утрату Ф. Н. Ольговым и М. Я. Путиловым их вотчин в Костроме С. Б. Веселовский объясняет зачислением Костромы в опричнину, а не происшедшей двумя годами ранее ссылкой названных лиц в Казань (см.: Веселовский. Исследования. С. 168, 180, 183).
- ⁴⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 396.
- ⁴⁵ Хофф. Тирания. Л. 7 об.
- ⁴⁶ Разряды. Л. 327 об. Известие Разрядной книги о ссылке Ярославских и Ростовских князей в Казань впервые отмечено Д. Н. Альшицем в статье «Разрядная книга московских государей XVI в.» (См.: Проблемы источниковедения. М., 1958. Т. 6. С. 150).
- ⁴⁷ Разряды. Л. 316.
- ⁴⁸ Сб. Муханова. СПб., 1866. С. 160.
- ⁴⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. № 643. Л. 238 об.—282, 333—369, 424—500 об.
- ⁵⁰ В отрывках напечатана К. Е. Невоструевым (Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань, 1877. С. 62).
- ⁵¹ ЦГАДА. Ф. 1209. № 643. Л. 239—239 об.
- ⁵² Там же. № 848. Л. 131 об.—201.
- ⁵³ Материалы. С. 1—56.
- ⁵⁴ Там же. С. 56—71.

- ⁵⁵ Там же. С. 13.
- ⁵⁶ Там же. С. 46.
- ⁵⁷ Там же. С. 14.
- ⁵⁸ Там же. С. 15.
- ⁵⁹ Там же. С. 28, 29, 28, 27, 15, 18, 20, 26, 15, 30, 29, 25, 26, 29.
- ⁶⁰ Там же. С. 27, 28.
- ⁶¹ ЦГАДА. Ф. 1209. № 848. Л. 21 об.
- ⁶² Там же. Л. 161 об.
- ⁶³ Кобрин. Власть и собственность. С. 157.
- ⁶⁴ Разряды. Л. 237 об.
- ⁶⁵ Кобрин. Власть и собственность. С. 153.
- ⁶⁶ *Скрынников Р. Г.* 1) Начало опричнины. С. 299, 325, 366; 2) Россия после опричнины. Л., 1975. С. 30, 32.
- ⁶⁷ Писцовые книги Казанского уезда 1565—1566 гг.//ЦГАДА. Ф. 1209. № 643. Л. 238 об.—282, 333—369; Список с писцовой книги Свяжского уезда//Там же. № 848. Л. 131 об.—201 (в тексте в скобках указаны номер писцовой книги и нумерация листов); Материалы. С. 13—34; Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Н. В. Борисова и Д. А. Кикина (1565—1567 гг.). Казань, 1909 (в тексте — Список). Сведения о службе упомянутых лиц в 50-х гг. приводятся по тексту «Тысячной книги 1550 г. Дворовой тетради пятидесятих годов XVI в.» Лица, оставленные на поселении в Казанском крае после амнистии 1 мая 1566 г., отмечены значком (*); служба при царском дворе по списку Ярославских, Ростовских и Стародубских князей — *кн. Ярославский* и т. д. Принятые сокращения: тыс. — тысячник; с. б. — статейное разделение (I—III ст.) детей боярских в составе «тысячи лучших слуг».
- ⁶⁸ *Липаков Е. В.* Роль казанской ссылки 1565 г. в формировании дворянства и светского феодального землевладения в Казанском крае//Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990. С. 159.
- ⁶⁹ О раздаче земель в Казани см.: *Перетяткович Г.* Поволжье в XV и XVI веках: (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 246—253; *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII вв. Казань, 1982. С. 69—70.
- ⁷⁰ ЦГАДА. Ф. 1209. № 643. Л. 366—369. Пашня везде дана в пересчете на три поля.
- ⁷¹ Там же. Л. 247—251.
- ⁷² Там же. № 848. Л. 131 об.—136.
- ⁷³ Там же. № 643. Л. 263—266 об., 273—276.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 394.
- ⁷⁵ *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования при царе Владиславе 1610—1611 гг.//Чтения ОИДР. М., 1911. Кн. 4. С. 5.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ ЦГАДА. Ф. 1209. № 848. Л. 183 об.
- ⁷⁸ *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования... С. 1—2.
- ⁷⁹ *Вахромеев И. А.* Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. 1. № XXXVII. С. 47—48.
- ⁸⁰ ДДГ. С. 442.
- ⁸¹ Курбский. Сочинения. С. 285.
- ⁸² Садилов. Из истории опричнины. С. 245.
- ⁸³ Там же. Другую часть своей родовой вотчины (с Рождественское с 4 деревнями и 9 пустошами) *кн. И. С. Ковров* в том же 7075 г. отказал Спасо-Евфимьеву монастырю (*Савелов Л. М.* Князя Ковровы//Сб. ст. в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 291—292). Неизвестно, был ли утвержден этот вклад в Москве.
- ⁸⁴ Садилов. Из истории опричнины. С. 209.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Там же. № 45. С. 248—249.
- ⁸⁷ «После этого становится очевидным, что вопрос о политике царя Ивана в отношении княжеского землевладения нуждается в пересмотре» (*Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.//ИЗ. 1941. Т. 10. С. 99).
- ⁸⁸ Подробнее о землях первых двух категорий см.: *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 291—293.
- ⁸⁹ ДДГ. С. 434; *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве XVI века. СПб., 1897. С. 178.
- ⁹⁰ ДДГ. С. 434.
- ⁹¹ Там же; *Савелов Л. М.* Князя Пожарские//Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1906. Вып. 2—3. С. 16, 203.
- ⁹² ДДГ. С. 434.
- ⁹³ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 41. К. Н. Бестужев-Рюмин совершенно произвольно предположил, что Флетчер имел в виду действия Уложения Грозного о княжеских вотчинах 1562 г., ограничившего права княжат на их вотчины (*Бестужев-Рюмин К. Н.* Русская история. СПб., 1885. Т. 2. С. 261). С. М. Середонин указал на то, что, по известию Флетчера, меры Грозного шли гораздо дальше приговора 1562 г., ограничившего права княжат, но не отнимавшего у них родовых вотчин (*Середонин С. М.* Сочинение Джильса Флетчера как исто-

рический источник. СПб., 1891. С. 86). Исследователь считал известие Флетчера достоверным в своей основе, хотя и не лишенным некоторого преувеличения. С. Ф. Платонов писал о «полной справедливости» слов англичанина, но при этом указывал только на пересмотр землевладения и конфискацию княжеских вотчин как следствие зачисления отдельных уездов государства в опричнину (Платонов. Очерки. С. 110). И только С. В. Рождественский, автор капитального исследования по истории служилого землевладения в XVI в., подверг сомнению сообщение Флетчера. Он писал: «Документальные источники нигде не говорят о насильственном обмене княжеских вотчин на поместья в других краях государства... Если фактическая сторона поземельной политики XVI в. передана Флетчером преувеличенно и неправильно, то еще менее верно схвачена им основная цель этой политики» (*Рождественский С. В. Служилое землевладение... С. 132—133*). Подобная оценка земельной политики Грозного является ошибочной.

⁹⁴ Кобрин. Власть и собственность. С. 157, 158, 160.

⁹⁵ Там же. С. 64.

⁹⁶ ТКДТ. С. 120.

⁹⁷ Витебская старина. С. 39—42; Разряды. Л. 301, 302 об.

⁹⁸ Там же. Соответственно: С. 41; Л. 247, 285 об.

⁹⁹ Там же. С. 69; Л. 318.

¹⁰⁰ Родословная книга. Ч. 1. С. 116.

¹⁰¹ Там же. С. 118—120.

¹⁰² Разряды. Л. 279.

¹⁰³ Там же. Л. 186 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 316.

¹⁰⁵ Витебская старина. С. 40; Разряды. Л. 307 об., 308.

¹⁰⁶ Витебская старина. С. 40, 42.

¹⁰⁷ Родословная книга. Ч. 1. С. 123.

¹⁰⁸ Там же. С. 150—151.

¹⁰⁹ Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений / Изд. Н. В. Калачовым. 1861. Кн. 3. С. 71. Здесь и ниже размеры пашни даны в пересчете на три поля.

¹¹⁰ ТКДТ. С. 121.

¹¹¹ Боярская книга 1556. С. 69.

¹¹² Там же. С. 39.

¹¹³ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 858—860, 862—863.

¹¹⁴ Там же. С. 861.

¹¹⁵ Родословная книга. Ч. 1. С. 221; *Власьев Г. А. Потомство Рюрика. Т. 1. Ч. 2. С. 450—452; СГГД. Ч. 1. № 176; Разряды. Л. 310.*

¹¹⁶ В первые годы Ливонской войны А. И. Шеин занял замки Керепеть и Курслав и наголову разгромил военные силы дерптского епископства (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 300, 303—304).

¹¹⁷ В Костроме Шестовы владели крупной вотчиной — селом Домнино. Интересно, что родная племянница казанского ссыльного Шестова Ксения стала матерью царя Михаила Федоровича Романова (см.: Веселовский. Исследования. С. 154).

¹¹⁸ Ходатайство в пользу Салтыкова не поддержал никто из членов Боярской думы. Главными его поручителями стали кн. Н. А. Трубецкой и кн. А. В. Тулупов (по 200 руб.), кн. Ф. И. Троекуров (100 руб.), князь Ф. И., В. И., А. И. и В. И. Меньшой Кривоборские, кн. В. Ф. Рыбин-Пронский и др. (см.: СГГД. Ч. 1. № 185. С. 514—515). Вскоре некоторые из этих поручителей (Кривоборские, Троекуров) сами подверглись опале и были сосланы в Казанский край.

¹¹⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395. Сын Головина был женат на сестре А. Ф. Адашева (см.: Веселовский. Исследования. С. 130). Один из Головиных женился на дочери А. Ф. Адашева Анне. С. Ю. Ховрина-Головина была замужем за кн. В. И. Репниным-Оболенским. О пребывании П. П. Головина в ссылке см.: Витебская старина. С. 68; Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 233.

¹²⁰ См.: Садиков. Очерки. С. 165—166. П. А. Садиков ошибочно утверждает, будто И. Ю. Грязной был одного рода с опричником В. Г. Ильиным-Грязным.

¹²¹ Главным казначеем Ивана III был П. И. Ховрин. Трое его сыновей Иван, Михаил и Петр стали okolничими в 50-х гг. Их младший брат Василий исполнял службу okolничего в Полоцком походе 1562 г. (см.: ТКДТ. С. 114; Разряды. Л. 267; Сб. РИО. Т. 129. С. 175; Витебская старина. С. 32). Старший брат Иван умер до опричнины. Михаил, по словам Курбского, был казнен, что, вообще говоря, сомнительно (см.: Курбский. Сочинения. С. 281). С. Б. Веселовский, ссылаясь на данные вкладной книги Симоновского монастыря, пишет, что М. П. Головин умер за полгода до опричнины (см.: Веселовский. Исследования. С. 374).

¹²² ПСРЛ. Т. 8. С. 287; Курбский. Сочинения. С. 298—299; Сб. РИО. Т. 59. С. 200. В Дворовой тетради 50-х гг., изданной А. А. Зиминым, М. М. Лыков написан с княжеским титулом, что следует отнести на счет неисправности некоторых списков тетради. Лыковы вели свой род от московского боярина С. Лыкова, погибшего на Куликовом поле, и не имели ничего общего с князьями Лыковыми-Оболенскими. Историю их рода можно проследить на протяжении всего XV и XVI вв. (Разряды. Л. 16, 205 об., 242 об., 234 об. и др.).

¹²³ Курбский. Сочинения. С. 299.

¹²⁴ Я. И. Данилов начал службу на воеводстве в Нижнем Новгороде в 1543 г., затем был зачислен в «тысячу лучших слуг» по II статье от Москвы. В 1556 г. он служил уже вторым воеводой

в Смоленске при кн. П. А. Куракине. Данилов дважды назначался писцом: в Московский уезд в 1552 г. и в Переяславский в начале 60-х гг. Услугом поручался за опального кн. И. Д. Бельского, а его сын Федор — за И. В. Большого Шереметева (см.: Разряды. Л. 147, 169 об., 229 об.; ТКДТ. С. 58; Садилов. Из истории опричнины. С. 227; СРГД. Ч. 1. № 176—181).

¹²⁵ Родословная книга. Ч. 2. С. 141—143. Двоюродная племянница В. Н. Борисова была женой опального А. И. Шеина (Там же. С. 141). Борисов был записан в «тысячу лучших слуг», служил на воеводстве в Смоленске в 1554 г., участвовал в Ливонской войне в 1559 г. и как есаул царского полка — в Полоцком походе 1562—1563 гг. (см.: ТКДТ. С. 79; Разряды. Л. 217, 254 об.; Витебская старина. С. 41—42).

¹²⁶ Квашнины происходили из боярского рода и при Грозном изредка получали думные титулы. И. П. Квашнин служил при дворе по Клину. Как дворянский голова он участвовал в первых Ливонских походах, был воеводой в Лаюсе в 1561 г. и есаулом в царском полку в Полоцком походе 1562—1563 гг. Затем он служил в Полоцке, откуда был «сведен» в Казань (ТКДТ. С. 194; Разряды. Л. 248, 280, 316; Витебская старина. С. 41—42).

¹²⁷ В деловых документах 60-х гг. Ольговы именуют себя братьей Путиловых. Например, на купчей грамоте М. Я. Путилова 7076 г. помечено: «К сей купчей яз Федор Олгов в брата своего в Михайлово Путилова место руку приложил» (Садилов. Из истории опричнины. С. 218).

¹²⁸ Хофф. Тирания. Л. 7.

¹²⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 35.

¹³⁰ Разряды. Л. 241 об.; ПСРЛ. Т. 13. С. 241—242, 288, 296, 315, 326.

¹³¹ Витебская старина. С. 42; СГГД. Ч. 1. С. 478.

¹³² ТКДТ. С. 166.

¹³³ Курбский. Сочинения. С. 304—305.

¹³⁴ В списках казанских жильцов можно найти двух князей Мезецких, И. Михнева, детей боярских Онучиных. Однако по наблюдению Е. В. Липакова, эти лица попали в Казань вне связи с опричным указом о казанской ссылке. Согласно подсчетам того же автора, в Казань было сослано 140 «новых жильцов» — опальных дворян (Липаков Е. В. Дворянство Казанского края в конце XVI — первой половине XVII в. Формирование. Состав. Служба: Автореф. ... канд. ист. наук. Казань. 1989. С. 8).

¹³⁵ Crumtey R. O. The Fate of Boyar Clans, 1556—1613 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1986. Bd 38. S. 243—245.

¹³⁶ Кобрин. Власть и собственность. С. 154—155.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 13. С. 396.

¹³⁸ Хофф. Тирания. Л. 7 об.

¹³⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 175—178.

¹⁴⁰ Там же. С. 197.

¹⁴¹ Назаров В. Д. Из истории государственного аппарата России в конце XVI — начале XVII в. // Советские архивы. 1969. № 2. С. 96.

¹⁴² Там же. С. 101.

¹⁴³ Кобрин. Власть и собственность. С. 154.

¹⁴⁴ Скрынников Р. Г. Начало опричнины. С. 67, 413—415.

ПОИСКИ КОМПРОМИССА

Осада Рязани похоронила выдвинутый Москвой проект военного союза с Крымом. В июне 1565 г. хан Девлет-Гирей потребовал от России уступки Поволжья с Казанью и Астраханью, подкрепив свои требования ссылкой на «хандыкирево величество» — турецкого султана.¹ С наступлением осени крымцы предприняли новое вторжение на Русь. На этот раз хан не решился идти в глубь страны и осадил небольшую пограничную крепость Болхов (7—17 октября 1565 г.). Гарнизон крепости мужественно оборонялся. На помощь ему немедленно выступили земские и опричные войска. Не добившись успеха, татары поспешно отступили в степи.² Нанесенный ими ущерб был в общем-то невелик. Но возобновление войны с Крымом создало неблагоприятную для России ситуацию в ходе Ливонской войны.

После нападения королевских войск на Полоцк военные действия на западных границах Руси не прекращались ни на один день. Весною 1565 г. литовцы обстреляли псковский городок Красный и после небольшой стычки принудили земских воевод к отступлению. Их отряды разорили всю западную окраину Псковской земли до Острова.³ С наступлением лета возобновились бои в Ливонии. Один из лучших московских воевод князь В. С. Серебряный разбил литовцев под Смилтоном, прошел к Вендену и Вольмару и разорил литовские владения в Ливонии к востоку от Двины.⁴

Мощная военная демонстрация в Ливонии произвела на противника сильное впечатление. 16 августа литовские гонцы заявили царю о готовности Литвы начать мирные переговоры. На это предложение Москва ответила немедленным согласием.⁵

Военные действия стихли сначала на западной, а затем и на южной границе Руси. В марте 1566 г. хан предложил московскому правительству перемирие сроком на два года с возобновлением старой дани. Но царь по-прежнему настаивал на заключении союза.⁶ Опасаясь новых набегов, московское правительство произвело большую военную демонстрацию на крымской границе.⁷ Московские силы, обычно ждавшие татар в районе Серпухова, были выдвинуты далеко на юг. В конце апреля 1566 г. царь выехал на крымскую границу в сопровождении бояр и дворян «со всем служебным нарядом». Иван оставался на границе в течение месяца, за это время побывав в крепостях Козельске, Белеве, Болхове, Алексине.⁸

Но прогнозы насчет татарского вторжения не оправдались. Военные силы Крыма были отвлечены на Балканы в связи с войной Турции против Австрийской империи. Осложнения на Балканах были одним из тех обстоятельств, которые побуждали литовское правительство искать мира с Россией.

30 мая 1566 г. в Москву прибыло великое посольство из Польско-Литовского государства. Начавшиеся мирные переговоры вскоре зашли в тупик из-за

непреодолимых разногласий в ливонском вопросе. Московское правительство настаивало на присоединении к России морского порта Риги, соглашаясь при этом вернуть Литве город Озерища и часть Полоцкой земли. Литовские послы желали заключить перемирие на условиях статус-кво.⁹ Они предложили Боярской думе вступить в непосредственные переговоры с литовской радой (королевским советом) и для этой цели устроить съезд на рубеже. Дума отвергла такое предложение: «... бояром государя нашего с паны на рубеже быти непригоже и преже сего не бывало», — заявили бояре; если король захочет лично свидеться на рубеже с царем, то «в том государи вольны».

25 июня правительство прервало переговоры и через три дня экстренно созвало в Москве Земский собор.¹⁰ На собор были приглашены помимо Боярской думы и высшего духовенства представители дворянства, приказные люди и богатейшее купечество. От имени царя членам собора был представлен вопрос о мире с Литвой и дальнейшей борьбе за Ливонию. Каждая курия подала ответ на царские вопросы отдельно от всех остальных.

Высшее духовенство высказалось против «уступки» литовцам ливонских земель, «подошедших» к Юрьеву и Пскову. Если эти земли останутся в руках недругов, то не только Юрьеву и Пскову «тесноты будут великие, но и Великому Ноугороду и иных городов торговым людем торговли затворятца».¹¹

По мнению Боярской думы, литовцы искали перемирия с Москвой лишь для того, чтобы укрепить границу возле Полоцка и сосредоточить дополнительные военные силы в Ливонии. Коль скоро они достигнут этих целей, то «тогда и неволею Полотцку не простояти», да «и Пскову будет нужна, не токмо Юрьеву с товарищи».¹² Боярская дума советовала царю не мириться с литовцами и «прося у бога милости, ныне с королем промышляти». «А нам всем, — добавляли бояре, — за государя головы свои класти...»¹³

Особое мнение подал член думы и глава Посольского приказа И. М. Вискватый. Он указал на возможные условия заключения перемирия с Литвой, заняв более осторожную позицию в вопросе о войне. По мнению думного дьяка, для заключения перемирия достаточно будет, если король выведет свои войска из рижского округа, после чего царь сам будет «искать» себе Ригу.¹⁴

Дворяне заявили о своей готовности выполнить все, что укажет им государь: «А нам ся видит, холопом его: что государю нашему пригоже, за то за все стояти; а наша должная холопей его, за него государя и за его государеву правду служить ему, государю своему, до своей смерти». Зная о настроениях царя, представители дворян выступали против каких бы то ни было уступок литовцам. Если дело идет к новой большой войне, так «в том ведает Бог да государь наш», а они, царские холопы, готовы немедленно помереть за царя «для его государева дела».¹⁵ Помещики из пограничных уездов выражали готовность сложить голову за десятину полоцкой земли. «Ныне на конех сидим, — заявляли они, — и мы за его государское с коня помрем».¹⁶

Столь же решительно высказались за войну приказные люди и купечество: «...мы молим Бога о том, чтобы государева рука была высока; а мы люди неслужилые, службы не знаем, ведает Бог да государь, не стоим не токмо за свои животы, и мы и головы свои кладем за государя везде, чтобы государева рука везде была высока...»¹⁷

2 июля Земский собор утвердил текст приговора. Члены Боярской думы и князья церкви скрепили приговорную грамоту своими подписями. Прочие участники собора принесли присягу с обязательством служить царю «правдою», «безо всякие хитрости» и «против его недругов стояти».¹⁸

После роспуска собора правительство поспешило закончить мирные переговоры с литовцами. 17 июля послам был передан «отказ», причем царь разрешил им оставаться в Москве не более недели. 22 июля великое посольство было выпровождено из России.¹⁹ Попытки мирного урегулирования, предпринятые Польско-Литовским государством, закончились очевидной неудачей.

Вопрос о составе собора 1566 г. вызвал в литературе известные разногласия. По мнению Л. М. Сухотина, П. А. Садикова и В. Б. Кобрина, на собор были приглашены только представители земщины.²⁰ На взгляд А. А. Зимина, опричники присутствовали на соборе, хотя и в небольшом количестве. В число участников собора А. А. Зимин включил бояр В. М. Юрьева и И. Я. Чеботова, по его мнению, имевших прямое отношение к опричнине, а также возможных опричников М. В. Годунова, Р. В. Алферьева, Р. В. Охлябинина и др.²¹ В действительности В. М. Юрьев не входил в опричнину. Ко времени собора он носил титул наместника земского города Ржевы. И. Я. Чеботов сопровождал царя в Слободу, но затем был отослан в Москву и не попал в опричнину. Первые опричные службы он исполнял лишь через несколько лет после собора. Дворяне Годуновы получили первые известные нам опричные назначения спустя год. Представляется маловероятным, чтобы на собор не попали руководители опричной думы и в то же время там оказались некоторые (немногие) третьестепенные лица из опричнины.

Накануне собора все переговоры с литовцами вела смешанная комиссия из трех земских людей (наместник земской Ржевы боярин В. М. Юрьев, земский печатник И. М. Висковатый и земский дьяк А. Васильев) и трех опричников (наместник опричной Вологды оружничий князь А. Вяземский, наместник опричного Козельска думный дворянин П. Зайцев и опричный дьяк Д. Володимиров). Однако отчет о переговорах был представлен собору только земской частью комиссии.²² Опричные ее члены на соборе не присутствовали, хотя в силу осведомленности и принадлежности к ближней царской думе могли претендовать на участие в нем в первую очередь. На соборе не присутствовал глава опричной думы боярин А. Д. Басманов, один из инициаторов Ливонской войны, имевший немалый опыт переговоров с литовцами. Туда не были приглашены и другие опричные воеводы (князь М. Т. Черкасский, А. П. Телятевский и др.). Между тем прежде всего они должны были решать вопрос о Ливонской войне. Предполагалось, что после собора наместник опричного Суздаля боярин Ф. И. Умной возглавит посольство в Литву и там завершит переговоры. Но как опричник Умной также не попал на собор, обсуждавший вопрос о войне и мире.²³

Отсутствие опричников на Земском соборе объясняется довольно просто. Правительству необходимы были средства для продолжения Ливонской войны. Созывая собор, правительство ставило главной целью добиться от земщины санкций на новые чрезвычайные расходы. С помощью Земского собора царь желал переложить военные издержки, все бремя войны за Ливонию на плечи земщины. Только поэтому он не допустил к участию в соборе ближних людей, опричнину.

Высшей курией Земского собора была Боярская дума, по существу представлявшая правительство земской половины государства. Официально руководство думой на соборе осуществляли трое удельных князей И. Д. Бельский, И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский. Но фактически в думе доминировали старомосковские бояре: четверо Захарыных (В. М. Юрьев, Н. Р. Юрьев, И. П. Яковлев, С. В. Яковлев); двое Шереметевых (И. В. Большой и И. В. Меньшой Шереметевы); боярин и конюший И. П. Федоров-Челяднин, его родня боярин И. Я. Чеботов и окольничий А. А. Бутурлин; бояре М. Я. Морозов, И. М. Воронцов, В. Д. Данилов, В. Ю. Малого Траханиотов, окольничие Д. Ф. Карпов и М. И. Колычев.

Старомосковское боярство прочно держало в своих руках все нити управления приказным аппаратом. Внутри думы оно непосредственно опиралось на приказных думных людей. К числу этих последних принадлежали присутствовавшие на соборе казначей Н. А. Курцев и Х. Ю. Тютин, печатник И. М. Виско-

ватый, дворянин в суде у бояр Б. И. Сукин, глава Разрядного приказа дьяк И. Клобуков, глава Поместного приказа Путила (Семен) Михайлов сын Нечаев, глава Посольского приказа А. Васильев, большие дьяки И. Бухарин, А. Я. Щелкалов и И. Юрьев.²⁴

Титулованная, неудельная знать была представлена в думе Земского собора только двумя лицами — лучшими земскими воеводами князьями В. С. Серебряным и И. И. Пронским. Суздальская знать вовсе не имела представителей в соборной думе, что было прямым следствием репрессий против высшей титулованной аристократии в первый год опричнины, давших решительный перевес в земщине старомосковской знати.

Наряду с Боярской думой в работе Земского собора участвовали князья церкви. Дума и священный собор составляли две высшие курии Земского собора. В них числилось соответственно 30 и 32 члена.²⁵

Низшей курией собора была дворянская курия, подразделявшаяся на две группы, или статьи, заседавшие раздельно. В первой статье значилось 97 дворян, во второй — 99 дворян и детей боярских, всего 205 человек. В числе их были представители по крайней мере 42 городов. По подсчетам А. А. Зимина, наиболее широкое представительство имели дворяне Новгорода (21 человек), Москвы (16 человек) и Переяславля (14 человек). Некоторые города (Смоленск, Серпухов, Белоозеро и т. д.) вовсе не были представлены.²⁶ В. О. Ключевский подчеркивал, что члены Земского собора назначались правительством из среды воевод, дворянских голов и прочей воеводской администрации. Возражая ему, М. Н. Тихомиров писал, что соборные представители 1566 г. не были простыми доверенными людьми правительства, что «голова» представляли дворянские ополчения по городам и уездам. Их-то и выбирали на собор как наиболее видных лиц.²⁷ Два уезда получили особое представительство на соборе. То были Торопецкий и Великолукский уезды, смежные с Полоцком. Пока большая часть Полоцкого уезда оставалась у литовцев, охрану границы должны были нести луцкие и торопецкие помещики. На соборе присутствовало 9 лиц из их среды. Приказные люди, не имевшие думного чина, примыкали к той же группе низшего дворянства. В числе их были глава приказа Большого прихода И. Н. Булгаков-Корнев, помощники главного поместного дьяка В. Степанов и П. Суворов, главные дьяки Разбойного приказа В. Я. Щелкалов и К. С. Мясоед Вислого, глава Четвертного приказа В. Б. Колзаков, «из Дворцового приказа» В. Андреев, дворцовый дьяк С. Архангельский, дьяки Конюшенного приказа П. Булгаков и Б. Бармаков, а также главный новгородский дьяк К. Румянцев, смоленские дьяки А. Селиверстов и И. Кузьмин и т. д.²⁸ Приказные люди (всего 43 человека) являлись в большинстве своем выходцами из мелкого дворянства. Итак, среднее и низшее дворянство было представлено на соборе примерно 167 лицами, в то время как общая численность собора составляла 374 человека.

А. А. Зимин подсчитал, что на долю дворян приходилось 54,7% состава собора, а вместе с приказными — 63,5%.²⁹ Однако важно не столько официальное разделение участников собора на «чины», сколько их реальное положение в Государеве дворе. По нашим подсчетам, на долю боярства и первостатейной знати приходилось 29%, а вместе с князьями церкви — 37,5% состава собора, удельный вес представителей дворянства не превышал 33%, а вместе с приказными — 44%. Назначение на собор получили почти исключительно дворовые дети боярские, а также приказная администрация. Мелкое и мельчайшее уездное дворянство, составлявшее подавляющую массу феодального сословия земщины, почти вовсе не было представлено на соборе.

В какой форме могли выразить свое мнение члены собора? Им предложили ответить на вопросы, четко сформулированные властями. Ответы получили наименование «речей». Проанализировав их стиль, манеру доказательств и аргументацию, Л. В. Черепнин с полным основанием отверг предположение,

что дьяки сами заготовили тексты выступлений для членов собора, а тем осталось лишь подписать их. «В записи соборного документа, — отметил Л. В. Черепнин, — отразились живые речи бывших на нем представителей сословий, и это является лучшим опровержением утверждения Флетчера о том, что высказываемые на соборах мнения «бывают всегда однообразны и произносятся как бы затверженный урок».³⁰

Оценивая значение Земского собора 1566 г., надо учитывать, что его деятельность протекала в условиях чрезвычайного положения, введенного в стране опричным правительством. В обычных условиях важнейшие решения, касающиеся войны и мира, принимались по формуле «царь указал, а бояре приговорили». На соборе 1566 г. царь, по утверждению официальной летописи, «говорил со князем Володимером Ондреевичем и с своими богомольцы... с Пименом» и другими иерархами, с боярами и другими чинами.³¹ Документы собора наводят на мысль, что в своих взаимоотношениях с собором царь следовал процедуре, примененной в дни отъезда в Слободу и учреждения опричнины, когда он передавал все приказы и распоряжения боярам и приказным исключительно через церковных иерархов. На Земском соборе лишь Пимен и другие руководители церкви в своих речах употребили формулу «государь нам говорил». Согласно разработанному ритуалу, лишь духовенству предоставлено было право «советывания» государю. В соответствии с этим духовные лица составили ответ: «...и мы государю свой совет учинили такой...» На вопрос: «Как нам стояти против своего недруга короля польского?» — духовенство отвечало декларацией: «Ливонская земля от прародителей государя нашего» и «государская правда перед королем велика». От конкретных советов насчет ливонских городов духовенство воздержалось, заявляя: «А как ему государю за те города стояти, и в том его государская воля, как его государя Бог вразумит; а наша должная за него государя Бога молити, о том советовати нам непригоже».³² На соборе Пимен и прочие руководители церкви заняли, как и в Слободе, позицию безоговорочного подчинения царской воле. На этом условии им, по-видимому, и было предоставлено право советования государю.

Г. Б. Гальперин характеризовал Земские соборы XVI в. как «феодальный парламент», составленный из выборных представителей дворянства: через соборы и другие органы сословного представительства служилое дворянство ограничило боярские органы управления и пр.³³ Это мнение не получило признания в литературе.

Мысль о соборе, писал А. А. Зимин, пришла правительству, вероятно, уже в ходе переговоров с литовцами, поэтому вызов служилых людей на собор едва ли производился по какому-нибудь определенному порядку.³⁴ Действительно, Земский собор был создан экстренно, так что не было и речи о специальных выборах дворян по уездам. Правительство пригласило на собор дворян, находившихся тогда в столице. Приглашение получили в первую очередь бывшие в Москве воеводы, головы и прочая военная администрация. По-видимому, к участию в соборе были привлечены также «выборные» дворяне, несшие службу в столице. Состав «выбора» из уездов (городов) периодически сменялся, в него входили обычно наиболее богатые и знатные уездные дворяне. Столичная служба требовала больших расходов. «Выбор» представлял главным образом верхи провинциального дворянства.

Различные исследователи, характеризуя состав Земского собора, особенно подчеркивали тот факт, что на долю дворянства приходилось более половины членов собора.³⁵ «... На Земском соборе 1566 г., — пишет А. А. Зимин, — мы видим решительное преобладание дворянства. Это является несомненным свидетельством возросшего политического значения широких кругов класса феодалов».³⁶ По нашему мнению, численное преобладание дворян на соборе не влекло за собой их политического преобладания. Во-первых, участники собора заседали по куриям, раздельно. Дворянские курии не обладали равными пра-

вами с боярской и духовной куриями. Во-вторых, внутри дворянских курий решительно преобладала знать, а отнюдь не широкие круги феодального класса. Из 205 дворянских представителей по крайней мере 80 — 90 принадлежали к высшей титулованной знати и старомосковскому боярству. В числе дворян первой статьи на соборе присутствовали: удельный князь Н. Р. Одоевский, сыновья боярина князя И. Ю. и В. Ю. Голицыны-Куракины из рода князей Патрикеевых; князь В. Ф. Рыбин-Пронский из рода Рязанских князей; представители титулованной знати князя Суздальские (И. А., И. П. и В. Ф. Шуйский), Ростовские (И. Д. Щепин), Ярославские (Ф. В. Сисеев, В. И. и А. И. Прозоровские, И. В. Гагин Меньшого, Ф. П. Деев, Р. В. Охлябнин и трое Засекиных), Стародубские (В. Д., А. Д. Палецкие, П. И. Татев, Н. Г. и Д. В. Гундоровы, И. А. Ковров), Оболенские (В. К. Курлятев, А. В. Репнин, Д. Ю. Кашин, М. Ю. Оболенский, И. И. Лыков, В. П. Туренин), всего 30 человек. Из прочей титулованной знати на соборе присутствовали князя М. В. Мезецкий (I статья) и еще двое Мезецких (II ст.), А. С. Мосальский (I ст.) и еще шестеро Мосальских (II ст.), двое Кропоткиных (I ст.), М. В. Жижемский и В. И. Телятевский (I ст.), П. И. Борятинский и А. С. Бабичев (II ст.), всего 16 человек.

На соборе присутствовали следующие представители старомосковской знати: И. Д. Воронцов (I ст.), Морозовы (И. М. Морозов, Ф. И. Салтыков, Н. Х. Салтыков, П. Я. Салтыков — в I ст.; В. Г. Салтыков — во II; Б. В. Шейн — I ст., И. В. Шестов — II ст.); Бутурлины (Ф. И. и В. А. Бутурлины в I ст.; С. В. и Е. В. Варгасовы — II ст.); Нагие (Г. И. и Ю. Ф. Нагие — I ст.), Волынские (П. И. и В. Д. Волынские — I ст.), Головин (Ф. И. Третьяков — I ст.), Плещеевы (Г. Г., Б. А. и А. Плещеевы — I ст.), Карповы (В. П. Мухин и В. В. Лошкин в I ст., Н. А. Зайцев — во II), Сабуровы (Б. Ю., В. Ю., Г. П., И. И. Сабуровы в I ст.); М. В. Годунов; Колычевы (И. Б. и И. И. Хлызны, Г. Г. и А. Г. Колычевы, В. Ф. и П. Ф. Колычевы, А. И. Колычев в I ст.; Г. Ф. и И. Ф. Колычевы, В. В. и М. Б. Колычевы, А. Н. Колычев — во II); М. В. Борисов (I ст.), В. В. Квашнин (I ст.) и т. д., всего 43 человека.

На долю менее знатного среднего дворянства приходилось не больше половины состава двух дворянских курий, около 115 человек.

Боярская дума сохраняла значение высшего представительного органа правящей аристократии. Но в отличие от духовенства бояре, как и другие чины, не употребляли формулу «государь нам говорил». Они составили свои речи «по государю своего цареву и великого князя приказу», «по государеву наказу». Своих богомольцев царь спрашивал от первого лица: «Как нам стояти против своего недруга?» Боярам вопрос был задан от третьего лица: «На какове мере государю нашему с королем помирится?» Соответственно святители должны были учинить совет государю, а бояре — лишь выразить свою мысль. В этом отношении бояре были полностью уравнены со всеми другими чиновными группами земщины. Они следовали формуле: «и государю нашему <...> наша мысль», «и мы государю своему изъясняем нашу мысль», «и мысль наша то...», «и нам ся видит...».³⁷

Процедура утверждения собора выделяла высшее духовенство: епископы к своим речам «руки свои приложили и печати привесили». Бояре, приказные люди дьяки также скрепили речи подписями, но вместе со всеми прочими чинами они государю «крест целовали», т. е. за присягой обязались выполнить соборное постановление.

Главным вопросом, представленным на обсуждение земщины, был вопрос о продолжении Ливонской войны и источниках ее финансирования. Именно по этой причине правительство решило пригласить на собор 12 богатейших купцов из гостинной сотни (в их числе В. Сузин, И. Афанасьев, Г. Тараканов, Котовы), а также «москвичей торговых людей» (41 человек) и членов московской суконной сотни (22 человека).³⁸ На долю купечества приходилось до 20% состава собора, они составляли одну из его низших курий. На вопрос про «ли-

вонские города» купцы заявили, что государь не может от них «отступиться», потому что на завоевание их потрачены огромные средства: «доступаючи» их «все люди (особенно же обладатели капиталов. — Р. С.) животы свои положили». Высказываясь за продолжение войны, купцы обещали предоставить в распоряжение царя не только свои богатства («животы»), но и головы. «А мы молим Бога о том, чтобы государева рука была высока; а мы люди неслужилые, службы не знаем, ведает Бог да государь, не стоим не токмо за свои животы, и мы и головы свои кладем за государя везде, чтобы государева рука везде была высока...»³⁹

При оценке позиции торговых людей надо иметь в виду, что на собор были допущены представители торгового капитала, тесно связанного с Казенным ведомством. Монархия не могла обойтись без услуг крупных торговцев и очень часто поручала им проведение всевозможных финансовых операций, передавала им таможенные сборы, всевозможные откупа. При случае купцы выполняли дипломатические поручения за рубежом. Крупный купеческий капитал получал из Казны подряды, закупал для нужд правительства товары на зарубежных рынках.

На Земском соборе присутствовали верхи богатейшего купечества, официальные представители «третьего сословия». Основная масса торгово-промышленного населения городов не имела представителей на соборе.

«Созыв Земского собора 1566 г. знаменовал важный этап на пути превращения России в сословно-представительную монархию».⁴⁰ Эта оценка требует серьезных корректив. Представители дворян и столичного купечества не были избраны сословиями, а получили назначение от правительства. По замыслу царя функции собора должны были свестись к одобрению правительственной военной программы. Только духовенство получило право подать «совет» царю, тогда как все прочие чиновные группы лишь поделились с государем своими мыслями. Однако деятельность собора 1566 г. вышла за рамки официальных предписаний. Члены собора выступили с требованием отменить опричнину, выразив тем самым настроения и волю русского общества и всех его сословий. На практике их выступление и обозначило момент зарождения сословного представительства в России.

Значение собора 1566 г. заключалось прежде всего в том, что он послужил образцом для последующих более представительных и полномочных соборов начала XVI в. В приговорной грамоте 1566 г. еще не был употреблен термин «Земский собор».

Следует особо подчеркнуть, что названный собор был созван царем через полтора года после учреждения опричных порядков. История его была тесно связана с политической историей опричнины, а точнее, с той полосой компромисса в истории опричнины, которая наступила в 1566 г.

С весны 1566 г. опричное правительство прекратило репрессии и стало искать пути к примирению со знатью, более всего пострадавшей от опричников. Назначения в Боярскую думу стали очень редкими или вовсе прекратились к 1563 г. По мнению А. А. Зимина, они возобновились в 1565 г., когда боярство получил Н. Р. Юрьев и окольное — В. И. Умной и И. И. Чулков.⁴¹ В действительности названные лица имели думные титулы уже в 1562 — 1564 гг.⁴² Перемены в думе произошли в 1566 г., когда ее пополнили представителями некоторых знатнейших фамилий. Не позднее апреля князь П. Д. Пронский получил чин боярина, а Н. В. Борисов-Бороздин — чин окольного.⁴³ Новые члены думы были близкими родственниками удельного князя В. А. Старицкого. Сестрой княгини Ефросиньи Старицкой была княгиня Фетинья Хованская-Пронская, мать П. Д. Пронского. Будучи двоюродным братом Владимира Андреевича, П. Д. Пронский служил в боярах у брата и в течение пяти лет возглавлял думу в удельном княжестве. Накануне опричнины он перешел на царскую службу.⁴⁴

Отношение царя к Владимиру Андреевичу претерпело заметную перемену к лету 1566 г. Иван IV возвратил Старицкому его конфискованное в опричнину кремлевское подворье и в придачу пожаловал смежное дворовое место князя Мстиславского. Государь мог распоряжаться им потому, что ранее оно также было отписано в опричнину.⁴⁵

Весной 1566 г. Грозный объявил о «прощении» удельного князя М. И. Воротынского, находившегося в опале и ссылке. Решение было неожиданным, поскольку еще в феврале земские власти распорядились послать на Белоозеро новых приставов. Первый из них — сын боярский Мягков должен был прибыть туда к Соборному воскресению — 1 мая 1566 г. и сторожить Воротынского до мая 1567 г.⁴⁶ Однако в апреле 1566 г. опальный князь был освобожден из тюрьмы и выдан на поруки духовенству, Земской думе и дворянству.⁴⁷ Поручительство Воротынского позволяет выделить круг лиц, настоявших на изменении политического курса и переходе от репрессий к амнистиям. То была старомосковская знать, которой царь доверил руководство земщиной после удаления в опричный удел. Главным поручителем М. И. Воротынского стал конюший боярин И. П. Федоров, возглавлявший московскую семибоярщину в дни нападения татар в октябре 1565 г., а также другие земцы — боярин В. Ю. Траханиотов, окольные М. И. Колычев и Н. В. Борисов, родня Федорова В. А. и Д. А. Бутурлины, Л. А. и Ф. И. Бутурлины; Аф. Г. и Г. Г. Колычевы, Ал. Г. Колычев; а также М. В. Борисов; Л. Г. Морозов, Ф. И. и Н. Х. Салтыковы; Г. Г. Плещеев; четверо Карповых; двое служилых князей — Н. Р. Одоевский и А. Б. Трубецкой, суздальская и оболенская знать — князя И. А. Шуйский, И. П. Шуйский, В. Ф. Скопин-Шуйский; кн. Д. Б. Приемков-Ростовский; князя М. М. и Ф. М. Троекуровы, Р. В. Охлябнин, Ф. П. Деев, А. И. Прозоровский Ярославские; князя В. Д., А. Д. и Б. Д. Палецкие, П. И. и Ф. И. Татевы, Н. Г. и С. Г. Гундоровы, Б. В. и А. В. Гагарины Стародубские; Вл. К., Вас. К. и Ю. К. Курлятевы, И. И. Лыков, В. П. Туренин Оболенские.

Князь М. И. Воротынский клятвенно обязался не отъезжать в Литву, равно как и в Старицкий удел, не поддерживать дружбу со старицкими боярами, не ссылаться с литовцами и т. д.⁴⁸ Ему было возвращено родовое удельное княжество. В письме к Ходкевичу 1567 г. М. И. Воротынский утверждал, что владеет старой вотчиной и «х тому еще... которая наша отчизна пуста была, и той государьского величества милостью нагорожен есмь и тем всем обладаю». Запустевшей «отчизной» удельного князя был город Новосиль. «А что еще от прародителей наших невзгодами запустело город Новосиль, — писал князь, — ино царского величества милостию и казною и тот есмь город поставили и... тем городом обладаем».⁴⁹ С помощью казенных субсидий Воротынский отстроил Новосиль и сделал его столицей удельного княжества.

В княжестве были возрождены старинные удельные порядки, «все старые обычаи и чины».⁵⁰ Удельному владыке служили бояре и воеводы. Его армия включала дворян, их вооруженных слуг, стрельцов и казаков.⁵¹ После возвращения из ссылки М. И. Воротынский занял одно из первых мест в земской Боярской думе. Однако царь не вернул ему почетного титула «слуги», который тот носил до своей опалы.

В апреле 1566 г. царь и его опричное окружение приняли одно из самых важных решений, объявив об амнистии казанских ссыльнопоселенцев. Текст царского указа изложен в книгах Разрядного приказа. «В 74 (1566. — Р. С.) году, — сказано в Разрядах, — государь пожаловал, ис Казани и из Свяжского (половину. — Р. С.) опальных людей дворян взял, а приехал в Казань з государевым жалованьем Федор Семенов сын Черемисинов мая в 1 день. А другую половину дворян взял и пожаловал государь опосле. А в Казани остались воеводы годовать и поместья у них не взяты казанские: князь Петр да князь Григорей Ондреевичи Куракины... А в Свяжском князь Ондрей Иванович Катырев... В Чебоксарском городе князь Иван Юрьевич Хохолков... (и дру-

гие. — Р. С.)».⁵² Нетрудно заметить, что Разрядная запись включает в себе два известия неодинакового характера. Царский указ о прощении первой половины опальных точно датирован, названо имя гонца, прибывшего в Казань. Сведения о второй амнистии лишены такой определенности. Разрядные дьяки не знали, когда она была проведена и кто ездил в Казань. Они лишь упомянули, что она была «опосле». Иначе говоря, оставленные в Казанском крае опальные могли получить помилование через месяц, через год и т. д.

Попытки примирения с удельными князьями и особенно прощение казанских ссыльных свидетельствовали о крушении опричной политики. В мероприятиях опричины поражаало несоответствие целей и средств. Русская монархия не располагала мощным аппаратом насилия с полицией, тюрьмами и регулярной армией. Непосредственной опорой трона было феодальное ополчение. При таких условиях государство не могло проводить в течение сколько-нибудь длительного времени политику, не только не отвечающую интересам господствующего класса, но и грубо попиравшую его материальные интересы. Конфискация поместий и прочих имений, в особенности же изъятие в казну родовых княжеских вотчин без суда и следствия, фактически без провинности со стороны землевладельцев явились в глазах дворян вопиющим нарушением феодальной законности и правопорядка. Негодование верхов общества было столь сильным, что Иван Грозный отступил от раз принятого курса и стал возвращать знати отобранные у нее земли.

Однако надо подчеркнуть, что опричное правительство не решилось упразднить казанскую ссылку целиком и полностью и его уступки земщине носили половинчатый характер. Боярской думе не удалось добиться амнистии для всех подвергшихся опале при учреждении опричины. Более того, амнистия не распространялась на наиболее влиятельных лиц из числа опальных. Грозный задержал в казанской ссылке П. А. и Г. А. Куракиных, А. И. Катырева-Ростовского и видных воевод Н. Д. Янова, М. Ф., И. Ф. и В. Ф. Бахтеяровых, И. Ю. Хохолкова, Ф. И. Троекурова, Д. В. Ушатога, А. И. Засекина, Н. Стародубского и др.⁵³ Названные бояре и воеводы составляли цвет сосланной в Казань титулованной знати. Наряду с опальными княжатами в местах поселения были задержаны родственники Адашева (Ольговы, Путиловы и Туровы).

Количество поместных земель в Казанском крае не соответствовало числу казанских помещиков. Опальные не могли исправно нести государеву службу, не имея достаточного земельного обеспечения. Одной из главных целей майской амнистии было стремление упорядочить службу ссыльнопоселенцев. Царские писцы, не завершившие описание края, получили наказ заново разверстать наличные поместные казанские земли и использовать образовавшийся после амнистии свободный фонд для обеспечения оставшихся поселенцев.⁵⁴ Писцы, составлявшие Свяжские книги в конце 1566 г., различали «новых жильцов» и «новых прежних жильцов, которых государь велел от свяжского житья отставить». Земли «отставленных» жильцов распределялись между теми, кто не был взят в Москву.

Во время новой разверстки земель в октябре 1566 (7075) г. боярин князь П. А. Куракин получил поместья князей В. Чеснокова, Бабичевых, Ю. Сицкого, выехавших из Казани по амнистии. В результате его владения увеличились со 160 четвертей до 301 четверти пашни и 60 четвертей перелога. К этим землям добавлялись «дикое поле» и лес, засчитанные за пашню. Все эти угодья и земли были приравнены писцами к 500 четвертям пашни, т. е. половине боярского земельного оклада.⁵⁵

Подобным же образом в «половину» оклада были испомещены в Казани и другие воеводы: князя Г. А. Булгаков (450 четвертей пашни), Ф. И. Троекуров (450 четвертей), А. И. Засекин (350 четвертей).⁵⁶

В Свяжске князь С. Б. Пожарский получил 123 четверти пашни в дополнение к старому владению в 40 четвертей. «Да князю Семену ж Пожарскому

отделено из порозжих поместей по другой разверстке 75-го году в октябре, что по прежнему отделу в поместье за прежними новыми свияжскими жилцы, которых государь велел от свияжского житья отставить».⁵⁷

Боярину и воеводе князю А. И. Катыреву в Свияжске было отведено 280 четвертей пашни и 440 четвертей перелога и дикого поля. Все вместе было приравнено писцами к 500 четвертям пашни.⁵⁸ Таким же способом испомещены были в пол-оклада другие свияжские жильцы воеводы князя М. Ф. Бахтеяров (350 четвертей), Н. Д. Ростовский (300), Н. М. Стародубский (300), дворяне Р. Н. Бурцев (200), М. Образцов-Рогатый (175), Я. Кашкаров (150), Н. Ф. Ольгов (100) и т. д.⁵⁹

Различие в положении взятых в Москву дворян и оставшихся в местах поселения заключалось в том, что первые могли претендовать на получение поместий в московских уездах, тогда как вторые обязаны были нести службу с новых поместий в Казанском крае, получая впридачу к ним часть оклада в Центре.

Прекращение царской опалы имело одинаковые последствия для всех бывших ссыльных, коль скоро речь шла об их вотчинных землях. Прощенные дворяне все одинаково имели право на возвращение старинных вотчин или получение равноценных земель.

По майскому указу из мест поселения была отозвана в Москву большая часть суздальской знати, почти все ссыльные из нетитулованной знати, многие дворяне. Среди Ярославских князей амнистию получили 35 человек (из 39), среди Ростовских — 14 (из 20), среди Стародубских — 22 (из 25), среди нетитулованной знати — окольный М. М. Лыков, двое Шейных-Морозовых, И. М. Головин, В. Н. Борисов, двое Даниловых, И. П. Квашнин и более 20 дворян. Из примерно 200 известных поименно казанских поселенцев свободу получили примерно 107 человек. На поселении в Казанском крае осталось несколько десятков человек. Им объявили о прощении позже.

Казна возвращала прощенным дворянам ранее конфискованные у них вотчины или предоставляла равноценные земли. Возврат имел место в ближайšie месяцы после амнистии. И. С. Ковров вернулся в Москву весной 1566 г., а уже 14 ноября продал часть полученной из казны родовой вотчины — полсельца Васильева и деревню Каменное.⁶⁰ Родня Адашева Ф. Н. Ольгов и М. Я. Путилов, прощенные по второй амнистии, получили взамен старых костромских вотчин новые вотчинные владения на Белоозере и уже в конце 1567—1568 гг. успели продать их.⁶¹

Сохранилось поземельное дело И. Сабурова и князя И. А. Солнцева-Засекина 1610—1611 гг., в ходе которого первый заявил в присутствии судей, что вышедшим из опалы князьям Засекиным против их «прародительских вотчин (отписанных в казну. — Р. С.) даваны вотчины до московского пожара, а пожар, государь, был в 79 году».⁶² Великий московский пожар случился в 1571 г., опричина просуществовала до 1572 г.

Имеющиеся источники позволяют заключить, что возврат вотчин ссыльным носил массовый характер. Особый интерес в этом отношении представляет история стародубских княжеских вотчин, записанных в казенный список царского завещания. Можно установить, что многие вотчины, фигурировавшие в завещании как собственность казны, попали в руки бывших владельцев; среди них опальные А. А. Нагаев-Ромодановский, И. В. Гундоров, И. А. Ковров, Н. М. Сорока-Стародубский.⁶³

Опричные конфискации княжеских вотчин явились прямым продолжением политики, воплотившейся в Уложении о княжеских вотчинах 1562 г. В соответствии с Уложением казна предъявила права на княжеские вотчины, перешедшие к вдовам и дочерям землевладельцев или другим родственникам при отсутствии прямых наследников в мужском колене (сыновей, внуков или правнуков).

Характерна история владения князя С. И. Льяловского-Стародубского, умершего в 50-х гг. XVI в. (известна его служба в 1545—1554 гг.).⁶⁴ Перед смертью князь отказал сельцо Кувезино жене Ефросинье. По Уложению 1562 г. вдова могла держать вотчину «до своего живота, а после ее живота вотчина государя царя и великого князя».⁶⁵ Фактически вдова Е. Льяловская после 1562 г. стала временной держательницей с. Кувезино. Видимо, на этом основании названное село попало в казенный список царского завешания. В неизвестное время Ефросинья постриглась в монастыре и перед смертью «в ызустной своей» — устно выраженной последней воле отказала вотчину мужа Кувезино с деревнями в Симонов монастырь. Следуя Уложению, земские власти в лице городского приказчика в январе 1569 г. отписали Кувезино с 17 деревнями на государя. Любимец царя архимандрит Симоновского монастыря уже в феврале подал челобитную. Закон был против него, и архимандрит пытался получить за вотчину хотя бы деньги: «а будет мы (царь. — *Р. С.*) тое вотчину возмем на себя или вотчичем отдадим, и нам бы пожаловати, с тое вотчины велети дати в монастырь ее (княгини Ефросиньи. — *Р. С.*) приданое 120 рублей».⁶⁶ Хорошо знакомые с практикой Поместного приказа монахи отдавали себе отчет, что казна может либо удержать стародубскую княжескую вотчину в своих руках, либо передать ее ближайшим родственникам Льяловских. Однако правительством само допустило отступление от закона. Как раз в начале 1569 г. Симоновский монастырь был принят в опричнину, в связи с чем царь распорядился передать вотчину с. Кувезино симоновским монахам.

В Казенном списке завешания Грозного перечислены вотчины еще нескольких вдов (М. Стародубской, вдовы И. П. Пожарского Феодосьи и ее сестры Марии Мезецкой-Ковровой, С. Гундоровой). Подобно Е. Льяловской они также отказали мужнины вотчины в монастыри в последние годы опричнины.⁶⁷ Сведения об этих жертвованиях содержатся в духовных грамотах князей, сохраненных монастырскими архивами. Однако неизвестно, какие поземельные вклады княжат были утверждены правительством, какие нет.⁶⁸ Но и сам по себе факт отказа в пользу монастырей многих княжеских вотчин нуждается в объяснении.

Фонд родовых княжеских земель оставался значительным вплоть до опричнины. Но княжеское землевладение под влиянием процесса дробления имений все больше теряло устойчивость. Опричные конфискации усилили эту тенденцию. Во-первых, фонд родовых земель сократился, так как казна не могла вернуть все земли их прежним владельцам. В грамоте об обмене Старицкого удельного княжества отмечено, что новый владелец Стародуба Владимир Андреевич не получает «иных Стародубских же вотчинных земель, которые в сей меновой имянны не писаны, а роздаваны ины в поместья, а ины в вотчины».⁶⁹ Итак, первое затруднение состояло в том, что некоторые вотчины поступили в поместную раздачу. Попавшее в казну не так легко возвращалось вотчинникам. Некоторые из них претерпели множество мытарств, так и не получив родовых имений. Например, князь Р. И. Гундоров-Стародубский вернулся в Москву в мае 1566 г. и вскоре получил волость Вешкирц во Владимирском уезде, а дана «ему та волость в стародубские его вотчины место, селца Меховец да полуселца Воскресенского з деревнями». В марте следующего года волость была отнята у Гундорова. Взамен ему временно передали несколько деревень в Московском уезде «до тех мест, доколе его старую стародубскую вотчину... опишут и измеряют писцы наши... и учинят за ним пашни... по нашему указу».⁷⁰

Вотчины, столетиями остававшиеся собственностью одной княжеской семьи, теперь меняли владельцев с необычайной легкостью. После амнистии никто не мог возместить опальным понесенных ими имущественных потерь. Положение усугубилось неурожаями, поразившими страну в 1569—1570 гг. Голодная смерть косила население страны. Княжеские имения, подорванные опричными конфискациями, приходили в полный упадок, превращались в пустоши,

и их владельцы отдавали их в монастыри. В 1565 г. вотчина Н. М. Сороки-Стародубского с. Хмелево (Хмелеватое) перешло в казну. Упоминание о нем в царском завещании само по себе свидетельствовало о его ценности. Прощенный по второй амнистии М. Н. Сорока вернул себе вотчину, но уже в 1570—71 гг. по завещанию приказал жене и сыну отдать пустое с. Хмелево в Троице-Сергиев монастырь.⁷¹ Отказ в пользу монастыря был подтвержден в духовных завещаниях сына Сороки князя Никиты и его жены (70-е гг.).⁷² В 90-х гг. Троице-Сергиев монастырь действительно владел селом Хмелевым в Стародубе.⁷³ Еще раньше, в 1569 г., князь Н. М. Льяловский-Сорока-Стародубский распорядился отдать Троице родовую вотчину с. Льялово в Московском уезде.⁷⁴

Княгиня М. Стародубская в 1569—1570 гг. отказала свою старую вотчину с. Пантелеевское, упомянутое в царском завещании, с 10 пустыми деревнями и пустошами в Троице-Сергиев монастырь. Еще раньше она продала шестую часть Пантелеевского своему племяннику князю Н. М. Стародубскому. Сын последнего завещал свой жеребий тому же монастырю (1572 г.).⁷⁵

В 1573—1574 гг. сын казанского ссыльного И. А. Коврова Никита отказал пустошь усадище Каверзино с четырьмя другими пустошами в Спасо-Ефимьев монастырь.⁷⁶ Каверзино также фигурировало в казенном списке царского завещания.

Разоренные ссылкой опальные князья в обстановке крупнейших в XVI в. экономических потрясений 1569—1572 гг. старались как-то поправить дела, занимали в долг деньги, продавали часть земель. В роли кредиторов и покупателей чаще всего выступали богатые монастыри. Они охотно ссужали вотчинников деньгами, а затем принимали от них «за долг» и на помин души земельные вклады.⁷⁷

Формально монастыри не могли купить у опальных княжат их вотчины. Действующее земельное уложение полностью воспрещало черному духовенству новые земельные приобретения. Несмотря на распоряжение вотчинника, казна накладывала руку на земли опальных, отказывалась возмещать затраты монастырей. Но сила традиции была очень велика, и вотчинники, вопреки поземельным законам, продолжали завещать земли монастырям на помин души, за «сдачу», чтобы вотчины не пропали «безлеп» в казне. Что касается монастырей, то они пускались во все тяжкие, чтобы приобрести право и титул земельного собственника. Монахи аккуратно хранили духовные и данные грамоты клиентов и на основании их в конце концов добивались своего. Иногда это происходило при жизни Грозного, иногда — много позже.

Прощение удельного князя Воротынского и казанских ссыльных знаменовало крутой поворот в опричной земельной политике. По существу опричное правительство вынуждено было отказаться от некоторых важнейших результатов земельных мероприятий, проведенных им при учреждении опричнины. Земельная политика опричнины потеряла свою первоначальную антикняжескую направленность.⁷⁸

Однако надо иметь в виду, что княжеские репрессии начала опричнины, отличавшиеся исключительным размахом и остротой, не прошли бесследно, невзирая на все объявленные амнистии. С точки зрения правительства казанское переселение по крайней мере частично достигло своей основной цели, ослабив суздальскую знать.

¹ ЦГАДА. Ф. 123; Крымские дела. № 11. Л. 316 об. — 317.

² ПСРЛ. Т. 13. С. 399.

³ См.: *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 681; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 247.

⁴ Псковские летописи. Вып. 2. С. 248; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 681; Разряды. Л. 327.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 348; Сб. РИО. Т. 71. С. 306—310.

⁶ ЦГАДА. Ф. 123. № 12. Л. 72 об. — 81, 138.

⁷ Посол Нагой в секретных донесениях из Крыма предупреждал царя о необходимости «беречься» от татар: хан может «не учинить доброго дела» «по турецкого (султана. — Р. С.) велению или земли (по велению Крыма. — Р. С.)» (ЦГАДА. Ф. 123. № 12. Л. 45—48).

⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 401, 402.

⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 346 и др.

¹⁰ О соборе 1566 г. см.: *Ключевский В. О.* Состав представительства на земских соборах древней Руси//Сочинения. М., 1959. Т. 8. С. 5—112; *Авалиани С.* Земские соборы. Одесса, 1910. Отд. 2. С. 38—42; *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI в.//ВИ. 1958. № 5. С. 15; *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г.//ИЗ. 1962. Т. 71; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства XVI—XVII вв. М., 1978. С. 106—115.

¹¹ СГГД. Ч. 1. № 192. С. 546.

¹² Там же. С. 548.

¹³ Там же. С. 549.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 550.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 554.

¹⁸ Там же. С. 554—555.

¹⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 423.

²⁰ *Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1940. Вып. 7—8. С. 14; Садиков. Очерки. С. 283; Кобрин. Состав опричного двора. С. 18—19.

²¹ *Зимин А. А.* Земский собор... С. 226, 229.

²² Сб. РИО. Т. 71. С. 348, 395. На торжественной аудиенции, данной литовским послам в начале июня 1566 г., присутствовало 24 лица, из них все земские (за единственным исключением) спустя три недели получили назначение на собор. Напротив, ни один из трех опричников, участвовавших в церемонии, на собор не попал (Там же. С. 346—350).

²³ Там же. С. 418.

²⁴ СГГД. Ч. 1. № 192. С. 545—556.

²⁵ В состав священного собора входили три архиепископа, шесть епископов, четырнадцать архимандритов и игуменов, восемь старцев и келарей и один казначей.

²⁶ *Зимин А. А.* Земский собор... С. 210—212.

²⁷ *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения... С. 12.

²⁸ Штаден. Записки. С. 80, 97; Садиков. Очерки. С. 230—233; Витебская старина. С. 38; Сб. РИО. Т. 71. С. 301.

²⁹ *Зимин А. А.* Земский собор... С. 201; ср.: *Гальперин Г. Б.* Форма правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Л., 1964. С. 59.

³⁰ *Черепнин Л. В.* Земские соборы... С. 112—114.

³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 402.

³² СГГД. Ч. 1. С. 548—549.

³³ *Гальперин Г. Б.* Форма правления... С. 58—59, 62—65.

³⁴ См.: *Зимин А. А.* Земский собор... С. 212.

³⁵ См.: *Авалиани С.* Земские соборы... С. 11; *Ключевский В. О.* Состав представительства... С. 26; *Гальперин Г. Б.* Форма правления... С. 59.

³⁶ *Зимин А. А.* Земский собор... С. 201.

³⁷ Л. В. Черепнин первым выделил указанные формулы из текста соборного постановления (Акты, относящиеся к истории Земских соборов. М., 1909. С. 2—4, 6, 8).

³⁸ *Сыроечковский В. Е.* Гости — сурожане//Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 127. С. 120—121. А. А. Зимин бесспорно установил, что некоторые из «смольнян» (например, Т.Смывалов) происходили из смоленских купцов, переведенных в Москву и торговавших в суконном ряду. По мнению исследователя, именно из смоленских сведенцев образовалась московская суконная сотня. Эта привилегированная торговая корпорация вела торговлю с Западом (см.: *Зимин А. А.* Земский собор... С. 216).

³⁹ СГГД. Ч. 1. № 192. С. 554.

⁴⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 317.

⁴¹ *Зимин А. А.* Состав Боярской думы... С. 73.

⁴² ПСРЛ. Т. 13. С. 401.

⁴³ Сб. РИО. Т. 71. С. 335—336; СГГД. Ч. 1. № 190. С. 537. Н. В. Борисов не имел думного чина еще в октябре 1565 г. (Материалы. С. 56).

⁴⁴ Вкладные книги Кирилло-Белозерского монастыря//ГПБ. ОР. Ф. Кирил.-Бел. № 95/1332. Л. 12 об. — 13; Разряды. Л. 317 об., 333 об.; см. также: Кобрин. Состав опричного двора. С. 66.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 401.

⁴⁶ АИ. Т. 1. № 174. С. 336.

⁴⁷ СГГД. Ч. 1. № 190—191. С. 537—538.

⁴⁸ Там же. № 189—190. С. 533—537.

⁴⁹ Послания Ивана Грозного. С. 261.

⁵⁰ Там же. С. 266.

⁵¹ До опалы Воротынским служили 160 детей боярских только по Перемышлю и Одоеву (см.: Витебская старина. С. 33—38).

⁵² В наших исследованиях текст Разряда приведен по Эрмитажному списку (Разряды. Л. 237 об.). Опубликованный позднее Шукшинский список содержит разночтение («У иных») (Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 196).

⁵³ ЦГАДА. Ф. 1209. № 643. Л. 238 об. — 282, 333—369; № 848. Л. 131 об. — 201; Разряды. Л. 237 об.

⁵⁴ Разряды. Л. 237 об.

⁵⁵ ЦГАДА. Ф. 1209. № 643. Л. 241—246.

⁵⁶ Там же. Л. 247—251, 251 об. — 255.

⁵⁷ Там же. № 848. Л. 164—164 об.; Список с писцовых книг по г. Казани с уездом/Изд. К. Е. Невоструевым. Казань, 1877. С. 83—84; *Савелов Л. М.* Князья Пожарские//Летопись историко-родословного общества в Москве. 1906. Вып. 2—3. С. 84. Писцы, составлявшие Свяжские книги в конце 1566 г., различали «новых» жильцов и «новых прежних свяжских жильцов, которых государь велел от свяжского житья отставить». Под «новыми прежними жильцами» писцы подразумевали амнистированных княжат, выехавших из Свяжска после 1 мая 1566 г.

⁵⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. № 848. Л. 136; Список... С. 66—68.

⁵⁹ ЦГАДА. Ф. 1209. № 848. Л. 136, 140, 146 об., 147 об., 165 об., 182, 187 и др.; Список... С. 69—90 и др.

⁶⁰ Садилов. Из истории опричнины. С. 245.

⁶¹ Там же. С. 217—219.

⁶² *Сухотин Л. М.* Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. М., 1911. С. 58.

⁶³ Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 322.

⁶⁴ Родословная книга. Ч. 2. С. 62; Разряды. Л. 149, 162 об., 207 об.

⁶⁵ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986. С. 56.

⁶⁶ Акты феодального землевладения и хозяйства: Акты Московского Симонова монастыря (1506—1613 гг.). Л., 1983. С. 226—227.

⁶⁷ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 323.

⁶⁸ Без доклада царю земельные пожертвования монастырям не имели юридической силы.

⁶⁹ ДДГ. С. 424.

⁷⁰ Грамота от 29 марта 1567 г.//Садилов. Из истории опричнины. С. 209.

⁷¹ *Рождественский С. В.* Служилое землевладение в Московском государстве в XVI веке. СПб., 1897. С. 174.

⁷² См.: *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в.//ИЗ. 1941. Т. 10. С. 98, 99.

⁷³ См.: ПКМГ. Ч. 1. С. 861.

⁷⁴ *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение... С. 99.

⁷⁵ *Рождественский С. В.* Служилое землевладение... С. 173—174.

⁷⁶ *Савелов Л. М.* Князья Ковровы//Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917. С. 293.

⁷⁷ Монастыри были в те годы поистине идеальными покупателями земли. Они выплачивали деньги («сдачу») вперед, не требуя немедленного отчуждения земель и часто оставляя их в пожизненном владении вотчинника. Таким путем монахи за бесценок приобретали права на обширные вотчинные земли. Можно полагать, что пожертвования земель монастырям нередко были замаскированной формой продажи запустевших разоренных имений.

⁷⁸ Проанализировав писцовые книги 20—30-х гг. XVII в., О. А. Шватченко заключил, что основным итогом развития феодального землевладения в последние десятилетия XVI в. было складывание крупного землевладения князей (*Шватченко О. А.* Размещение и структура вотчинного землевладения в первой трети XVII в.//ИЗ. 1987. Т. 115. С. 303). Описанный процесс вернее было бы назвать процессом регенерации княжеско-вотчинного землевладения. Не последнюю роль в этом процессе сыграла отмена указа о казанской ссылке, позже полное упразднение опричнины, а также ослабление самодержавия при царе Федоре и особенно в период Смуты.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЗЕМСКОЙ ОППОЗИЦИИ

Включение мусульманского населения Поволжья и протестантского населения Ливонии в состав Русского государства поставило ряд проблем перед церковным руководством. В Казани в 1555 г. было образовано православное архиепископство. Началась христианизация края. Царское правительство использовало всевозможные меры, чтобы упрочить свое господство во вновь присоединенном крае.¹ Немало татар, отказавшихся признать власть царя, было переселено на Русь. Некоторых из них оставили в Москве, других разослали по городам. Подробные сведения об их дальнейшей судьбе сообщает новгородская летопись. Шестьдесят казанских татар привезли в Новгород и сначала развели по дворам, возложив обязанность кормить их на архиепископа и «гостей веденых». Вскоре же татар переселили в три вновь построенных тюрьмы. После двухлетнего тюремного заключения часть пленников согласилась принять православие и была распределена по монастырям, а «которые не захотели креститься, ино их метали в воду».²

В ходе многолетней казанской войны часть татарской знати подверглась истреблению, другая часть перешла на царскую службу. Потомки ордынской династии заняли в официальной московской иерархии высокое положение. Правительство стремилось оторвать их от степных кочевий и переселить вместе с их вассалами — «двором» на Русь. Одни из переселенных «царей» и «царевичей» сохраняли религию предков, другие получали землю и принимали христианскую веру.

Мусульманские ханы владели «царством» в Касимове, «уделами» в Юрьеве и Романове, крещеные «царевичи» держали земли в Звенигороде, Суражике и иных местах. В Касимове и других мусульманских «уделах» татарские владыки держали собственную администрацию, творили суд и расправу, отправляли свои религиозные обряды. Как заявляли русские послы за рубежом, в переданных ханам городах «мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит, всякой иноземец в своей вере живет».³ Во владениях мусульманских ханов жили не только татары, но и православное русское население. Права мусульманских ханов в отношении этих двух групп населения их «уделов» были неодинаковыми. Как отметил М. Н. Тихомиров, касимовские ханы выступали как удельные владыки по отношению к татарскому населению и как кормленщики по отношению к русскому населению, отданному под их власть.⁴

Верхи России имели вековой опыт сотрудничества с ордынской знатью. Передавая русские города в руки служилых ханов, царское правительство не опасалось за чистоту православия местного русского населения, находившегося под бдительным надзором своих церковных пастырей.

С завоеванием Ливонии в состав Русского государства вошло местное протестантское население. Православное духовенство относилось к протестантской ереси с большей подозрительностью, чем к исламу. Протестантские веяния проникли на Русь до Ливонской войны, свидетельством чему служит суд над Матвеем Башкиным в 1553 г. Но тогда царское руководство имело случай заклеймить «люторство» как худшую ересь. В дни похода на Полоцк митрополит Макарий объявил, что православное воинство ведет священную борьбу против «прескверных лютор», засевших в Литве.⁵

Крупнейшим городом в русской Ливонии был город Юрьев (Дерпт), где наместничал боярин М. Я. Морозов. Бывший сподвижник Сильвестра и Адашева, он готов был заплатить любую цену во искупление прежних «провинностей». По его доносу пошли под суд стародубские воеводы И. Шишкин и др. Два года спустя наместник «оболгал» перед царем дерптских жителей.⁶ Бюргеров обвинили в том, что они «ссылалися с маистром ливонским, а велели ему притти под город со многими людми и хотели государю... изменить, а маистру служитьи».⁷ Официальная версия о предательстве дерптских бюргеров вызвала критику со стороны хорошо осведомленного псковского летописца. «Того же лета, — записал летописец, — выведоша немец из Юрьева... а не ведаем за што, Бог весть, изменив прямое слово, што воеводы дали им, как Юрьев отворили, што было их не изводить из своего города, или будет они измену чинили?»⁸ К началу опричнины Россия весьма прочно утвердилась в северной Ливонии, и юрьевцы никак не могли надеяться на возвращение прежней орденской власти, тем более что Орден к тому времени распался, а магистр укрылся за Двиной в Курляндии. Возможно, наместник русской Ливонии опасался повторения событий, происшедших незадолго до того в шведской Ливонии. Там небольшой отряд дворян с помощью местных бюргеров изгнал шведов из сильно укрепленного города Пернова. Ливонский хронист Рюссов указывает, что перновская история имела самое непосредственное влияние на судьбы немецкого населения в Юрьеве.⁹

Выселение немецких купцов из Юрьева имело место после учреждения опричнины. Правительство «вывело» бюргеров в земские города Владимир, Кострому, Углич и Нижний Новгород.¹⁰ Церковники старались любыми средствами предотвратить распространение лютерской ереси на святой Руси и с этой целью требовали воспретить переселенцам-протестантам отправление их религии. Фанатики не прочь были употребить принуждение. Но их попытки натолкнулись на сопротивление опричнины. Царь наказал митрополита, насильно заставившего одного немца-протестанта принять православие. Слухи об этом проникли в протестантскую Германию в весьма преувеличенном виде. Рассказывали, будто московский митрополит (точно не известно, в какое время) принужден был заплатить за насилие над лютеранином 60 000 (!) руб.¹¹

Немецкие купцы, ездившие в Москву, с похвалой отзывались о веротерпимости царя и его расположении к немцам. Царь, передавали они, обнаруживает обширные познания в религиозных вопросах. Он охотно ведет диспуты на догматические темы, особенно с ливонскими пленниками (протестантами), разбирает различия между православием и католичеством, всерьез подумывает о соединении церквей.¹²

Иван и его опричные дипломаты лелеяли планы образования в Ливонии вассального Орденского государства и потому старались не оттолкнуть от себя протестантское ливонское дворянство. По этой причине Грозный отверг домогательства церковников и к великому их возмущению позволил немецким бюргерам-переселенцам отправлять свой культ. Протестантский проповедник Ваттерман свободно ездил по русским городам, где жили немцы, обучая их «люторской ереси». В середине 70-х гг. Иван IV дозволил немцам выстроить протестантскую кирху в двух верстах от православной столицы.¹³

Царь не только защищал еретиков, но и приблизил к себе некоторых из них. Он зачислил в опричнину К. Эберфельда, А. Кальпа, И. Таубе и Э. Крузе.¹⁴ Особым влиянием в опричнине пользовался доктор прав из Петерсхагена Эберфельд. Царь охотно слушал рассказы немецкого правоведа, часто спрашивал его об обычаях и нравах его страны. Эберфельд присутствовал на всех совещаниях Грозного с Боярской думой. Ходили слухи, что ему поручено было сосватать в Германии невесту для наследника престола.¹⁵

Присутствие в опричнине «советников»-лютеран вызывало особые подозрения ревнителей православия, осуждавших сближение царя с безбожными немцами.

Еще в годы первых реформ Иван IV просил датского короля Кристиана III прислать мастера для организации в Москве типографии. Полагают, что таким мастером был Ганс Богбинтер, прибывший на Русь из Дании.¹⁶ Однако какие бы то ни было достоверные сведения о его деятельности в России отсутствуют.

Новая попытка основать на казенные средства типографию в Москве была предпринята накануне опричнины. На этот раз правительство обошлось без помощи «лютеров». Итальянский купец Барберини, посетивший московскую типографию летом 1564 г., утверждает, что москвичи закупили оборудование в Константинополе: «... в прошлом (1563. — *Р. С.*) году они ввели у себя печатание, которое вывезли из Константинополя».¹⁷ Свидетельство Барберини подтверждается послесловием к Апостолу, авторами которого были московские первопечатники. По их утверждению, царь намеревался следовать примеру византийцев (греков) и итальянцев и заботился о том, «како бы изложить печатные книги, якоже в Греках и в Венеции и во Фригии и в прочих языцев».¹⁸ Указание на православных византийцев — «греков», а равно сам факт закупки типографского оборудования в Константинополе, а не на протестантских западных рынках подтверждают, что основание типографии в Москве носило характер ортодоксального начинания.

Печатное дело не было новостью на Руси. Уже в середине 50-х гг. XVI в. книги в России печатал «мастер печатных книг» Маруша Нефедьев.¹⁹ Вероятно, в конце жизни митрополита Макария власти приступили к строительству Печатного двора в Москве. Дело было поручено духовному лицу — дьякону кремлевской церкви Николы Гостунского Ивану Федорову и его помощнику Петру Мстиславцу. Выбор был обусловлен тем, что оба уже имели какой-то опыт книгопечатания, «искусни бяху и смыслени к таковому хитрому делу; глаголют же нецыи о них, яко от самех фряг то учение прияста...».²⁰ 19 апреля 1563 г. московская типография приступила к работе над знаменитым Апостолом. Издание первой книги растянулось на целый год.²¹ Вторую свою книгу — Часослов печатники выпустили двумя изданиями после введения опричнины, с августа по октябрь 1565 г. На этом деятельность Печатного двора в Москве надолго прервалась. Первопечатники вынужденно покинули Россию.

Еще в начале XIX в. было высказано мнение, что Федорову пришлось уехать из России из-за преследований со стороны православного духовенства, считавшего книгопечатание само по себе еретическим новшеством, которое к тому же грозило доходам переписчиков церковных книг.²² Однако этот традиционный взгляд был опровергнут исследователями, доказавшими, что печатная книга в XVI—XVII вв. не могла конкурировать с рукописной, ибо стоила дороже.²³ Г. И. Коляда полагал, что Иван Федоров вынужден был покинуть Россию из-за обвинений в ереси.²⁴ А. А. Сидоров и Е. Л. Немировский высказывали предположение, что обвинение Федорова в ереси было связано с отражением в книгах Федорова западных реформационных веяний или же еретических идей, подобных идеям Матвея Башкина.²⁵ Е. Л. Немировский попытался связать историю русского книгопечатания с борьбой между осифлянами и нестяжателями, поскольку осифлянская верхушка церкви питала ненависть к книге,

а нестяжатели критиковали рукописный способ изготовления книг. Вопреки прямым указаниям источников Е. Л. Немировский полагает, что гонения на первопечатника проводились с ведома Ивана IV.²⁶

Причины гонения на Ивана Федорова получили более убедительную интерпретацию в исследованиях А. И. Рогова, который вслед за В. Е. Румянцевым обратил внимание на то, что текст опубликованного Федоровым Апостола повторялся во всех последующих московских изданиях, т. е. и после изгнания печатника безусловно рассматривался как вполне ортодоксальный.²⁷ Будучи опытным книжным справщиком и образованным писателем, Иван Федоров старался упростить и уточнить перевод Апостола, приблизить его к русскому языку и нормам русского правописания. Тем самым он продолжал традицию просвещенных деятелей круга митрополита Макария, совершенно так же правивших текст Великих Четей-Миней. Печатный двор был основан в Москве при жизни Макария и с его благословения. Однако в дни печатания Апостола Макарий умер, что привело к большим переменам. Макарий, возглавлявший русскую церковь более 20 лет, пользовался огромным авторитетом. Ревнителю старины не могли рассчитывать на успех, если бы вздумали критиковать его Четьи-Миней, но они подвергли нападкам продолжателей его дел.²⁸ Споры о том, как «справлять» переводы с греческого «священных книг» неизбежно должны были прямо или косвенно повлиять на деятельность Печатного двора. Из-за недостатка источников мы не можем назвать имена ревнителей старины. Но лучшим источником по истории первой типографии служит ее печатная продукция, в которой можно обнаружить следы разных подходов и принципов «справки» книг. Иван Федоров завершил печатание Апостола 1 марта 1564 г. Прошло полтора года, прежде чем печатник взялся за Часослов. В первом его издании (печаталось 7 августа — 29 сентября 1565 г.) Федоров, казалось бы, полностью отказался от прежних приемов правки в пользу принципа старины. Оставлены были в неприкосновенности даже явные описки и несообразности. А. И. Рогов склонен объяснить дело спешкой. Однако скорее всего причины были более серьезными. Не завершив первого издания, Иван Федоров уже 2 сентября 1565 г. приступил к работе над вторым изданием Часослова, на этот раз следуя прежнему правилу серьезной правки традиционного текста.²⁹

Отношение к каноническому древнерусскому тексту священных книг и их исправлению по греческим оригиналам имело принципиальное значение в глазах московских книжников. На этой почве в XVII в. произошел раскол церкви. Но споры такого рода церковники вели задолго до Никона и Аввакума. Эти споры бушевали во времена Максима Грека и суда над ним. Они не прекратились, по-видимому, до времен опричнины. Критики Максима Грека утверждали, будто его переводы и исправления портят священное писание. Отвечая им, выдающийся писатель подчеркивал: «А яко не порчю священные книги, якоже клеветшут мя враждующии ми всеу, но прилежне, и всяким вниманием, и Божиим страхом, и правым разумом исправляю их, в них же растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме...»³⁰ Слова о «растлении» священных книг переписчиками дают представление, сколь яростным было столкновение между просвещенными «справщиками» книг и их противниками. Споры во времена Ивана Федорова были столь злободневны, что тот частично привел цитату из Максима Грека в послесловии к «Апостолу», упомянув, что неисправленные рукописные книги «растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме».³¹

Заботы о чистоте священного писания волновали православный люд повсюду — и на Руси, и в Литве. За рубежом издания Федорова критиковал известный просветитель Симон Будный, слывший еретиком в среде московских книжников. Иван Федоров и Петр Мстиславец, утверждал Будный, исправили многие недавние и небольшие ошибки. «Они то друкари (печатники. — Р. С.),

как сами мне сообщили, по старым книгам исправили, но старые маркионовские, гомозианские и других еретиков искажения не по московскому собранию книг править и мало для этого голов Ивана Федорова и Петра Тимофеева Мстиславца». ³² Таким образом, Будный требовал еще более радикальной «справы» книг, утверждая, что «старые книги» из московских библиотек сами полны еретических искажений. Некоторое время спустя Курбский, отстаивая московские исправленные переводы, рекомендовал следовать образцам «старых нарочитых или паче Максима Философа переводов». ³³

Однако в Москве не все думали так же, как Максим Грек, Андрей Курбский и другие просвещенные люди. Защитники старины с подозрением взирали на любые попытки изменить хотя бы единую букву в привычных им старых рукописных книгах и с этой точки зрения безусловно осуждали книгопечатание. Ревнителей старины — «оучителей» — поддерживали священноначальники и начальники, т. е. высшее духовенство и бояре земщины, пуще огня боявшиеся того, что новшества с исправлением священных книг, вошедшие в жизнь вместе с книгопечатанием, могут обернуться расколом церкви. По словам современника Грозного француза Теве, московское духовенство опасалось, что «печатные книги могут принести какие-нибудь изменения в их убеждения и религию». ³⁴

Начало книгопечатания в России явилось крупнейшим завоеванием ее культуры. Но начинание едва не заглохло короткое время спустя. Во всяком случае оно не сразу пустило корни в русской почве. Каковы же причины этого?

В послесловии к «Апостолу» Иван Федоров ярко повествовал о том, что московская типография была основана по замыслу и повелению благоверного царя Ивана Васильевича, «он же начат помышляти, како бы изложить печатные книги», что дело одобрил преосвященный Макарий, «глаголаше, яко от Бога извещение приемшу», что сам царь проявил исключительную щедрость, «нешадно даяние от своих царских сокровищ делателем (печатникам. — Р. С.) и к их упокою, donde же и на совершение дело их изыде...». ³⁵ Сочинение Ивана Федорова проникнуто верой в то, что книгопечатание ждет большое будущее, что государство наполнится печатными книгами и распространится просвещение. Однако в послесловии к следующей книге — «Часовнику» от прежних настроений не осталось и следа. ³⁶ Автор отметил, что государь желал «яко да украсится и исполнится царство его славою Божиею в печатных книгах». ³⁷ Но печатник ни словом не упоминал более о царской щедрости и счел за благоразумное опустить слова о не подвергавшихся правке «растлених» рукописных книг.

Резкое изменение в настроении печатника было следствием бурных событий, происшедших в Москве в 1564—1565 гг. Царь укрылся в опричнине и порвал всякие связи с земщиной. Кроме опричных затей и собственной безопасности его ничто более не интересовало. Печатный двор остался в земщине, и печатники, лишившись высокого покровительства, оказались предоставлены своей судьбе. Их подстерегали затруднения двоякого рода. Во-первых, противники книгопечатания из числа ревнителей старины стали теснить их, требуя отказа от «порчи» (исправления) древних рукописных книг. Во-вторых, царь обложил земщину колоссальной контрибуцией в 100 тыс. рублей. Земская казна оказалась пуста, и Печатный двор надолго лишился субсидий.

Со времени издания «Апостола» прошло почти полтора года, прежде чем Иван Федоров получил деньги на издание второй книги «Часовника», которую пришлось публиковать без всякой правки рукописного текста, с сохранением всех его ошибок и промахов. Такое издание вполне удовлетворяло тех, кто считал ересью любое отступление от привычного текста, но оно ни в коей мере не могло удовлетворить самого Федорова, тотчас приступившего к подготовке второго, исправленного издания книги.

Третьей книгой московского Печатного двора должна была стать «Псалтырь». В послесловии к ней значилось, что благословение на издание печат-

ники получили от митрополита Афанасия. Произошло это, очевидно, до времени пострижения Афанасия в мае 1566 г., когда Иван Федоров еще оставался во главе Печатного двора. Но осуществить план ему не довелось. Сам Федоров был изгнан из России и уехал в Литву, а продолжатели его дела смогли возобновить работу на Печатном дворе лишь 2 года спустя, когда они издали задуманную ранее «Псалтырь», по-видимому, не прибегая к скольконбудь существенной правке ее текста.³⁸

Известный специалист Е. Л. Немировский склоняется к выводу, что «гонения на печатника производились с ведома Ивана IV», они, «конечно, не могли быть предприняты без ведома царя».³⁹ Однако источники говорят о другом. По словам английского посла Д. Флетчера, первые русские типографии были основаны «с позволения самого царя и к величайшему его удовольствию».⁴⁰

В Послесловиях к своим книгам Иван Федоров неоднократно писал о том, с какой энергией и щедростью царь Иван поддерживал книгопечатание. Как установил А. С. Демин, печатник составил Послесловие к Апостолу 1564 г., следуя образцам — послесловиям различных славянских изданий и используя довольно распространенную тогда фразеологию, типичную для официальных летописей и пр.⁴¹ Однако такая манера была вообще характерна для средневековых писателей. Печатника можно было бы заподозрить в неискренности, если бы не одно обстоятельство. Оказавшись за рубежом Российского царства, Иван Федоров воспользовался возможностью изложить обстоятельства своего вынужденного отъезда с родины без всякой оглядки на московские власти. В Послесловии к львовскому «Апостолу» 1574 г. он сделал такое знаменательное признание: «Сия же убо не туне начах поведати вам, но презелнаго ради озлобления, часто случающагося нам, не от самого того государя, но от многих начальник и священноначальник, и оучитель, которые на нас зависти ради многие ереси умышляли... сия убо нас от земля и отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пресели».⁴² Итак, первопечатник четко и недвусмысленно указал на то, что подвергся гонениям «многих начальник и священноначальник», иначе говоря, со стороны того самого руководства земщины, в ведении которого оставался Печатный двор. Похвальные слова о царе, его полной непричастности к травле печатников, не были следствием лукавства Федорова, привычки русского человека обожествлять своего властелина, а вину за «дурные деяния» возлагать на злых советников.⁴³ Иван Федоров искренне похвалил царя, нимало не заботясь о том, что его слова рассердят русских эмигрантов, чернивших царя.

Царь Иван был связан по рукам и ногам крушением опричной политики и последующим кризисом, разразившимся в 1566 г. Он не смог или не захотел оградить печатников от преследований со стороны земского духовенства и бояр в тот момент, когда всеми силами искал примирения с земщиной и выхода из тупика. Эпизод с печатниками как нельзя лучше характеризует взаимоотношения Ивана, чрезвычайно дорожившего репутацией православного ортодокса, с иерархами церкви, монахами и прочими лицами, которых печатник называл «оучителями».

Печатный двор в Москве возобновил деятельность в 1568 г. изданием «Псалтыри», а в 1577 г. он был переведен в Александровскую слободу, где Андроник Тимофеев подготовил второе издание этой книги, обнаружившее черты возврата к стилю и традициям Ивана Федорова.⁴⁴

Анализируя обстоятельства отъезда первопечатника в эмиграцию, М. Н. Тихомиров предположил, что царь, возможно, сам послал Ивана Федорова в Литву с целью укрепления позиций православной церкви в русских землях Польско-Литовского государства.⁴⁵ Е. Л. Немировский отверг такое предположение, заметив: Иван Федоров и Петр Мстиславец «вне всякого сомнения ушли в Литву по собственной инициативе».⁴⁶ С гипотезой Е. Л. Немировского трудно согласиться, поскольку печатники не являлись собственниками увезенного ими

типографского оборудования, закупленного для государева Печатного двора на казенные деньги. Печатники никак не могли закрыть Печатный двор и уехать за рубеж без прямых указаний царя и земского руководства.

М. Н. Тихомиров обосновал свою гипотезу с помощью сочинения, явившегося ответом на католическую брошюру 1753 г. Е. Л. Немировский подверг сомнению названное сочинение, принадлежащее перу архимандрита Слуцкого монастыря М. Козачинского. Архимандрит утверждал, что литовский гетман Г. А. Ходкевич «послал в Москву при святой памяти короле Сигизмунде Августе, просил наияснейшего благочестивого царя и великого князя Ивана Васильевича, чтобы тот послал ему в Польшу друкарню и друкаря, по его просьбе вышепоименованный царь московский учинил и прислал к нему целую друкарню и типографа именем Иоанна Федоровича...». ⁴⁷ Архимандрит, как полагает Е. Л. Немировский, в своем сочинении «шел от устной традиции и мог многое перепутать». ⁴⁸ Свидетельство Козачинского заключало мелкие неточности, но это не дает основания отвергать его с порога. Записанное архимандритом предание находит опору в некоторых хорошо известных фактах биографии Ивана Федорова. Основав типографию в Москве, дьякон печатал в ней книги с апреля 1563 по октябрь 1565 г., а затем с июля 1568 по март 1570 г. издавал книги в белорусском имении Г. А. Ходкевича Заблудове. ⁴⁹ Исследование И. З. Мыцко позволяет уточнить время появления Федорова в Белоруссии. Из грамоты Г. А. Ходкевича от 6 июня 1567 г. следует, что гетман устроил в Заблудове православную церковь во имя Богородицы и чудотворца Николы (святой, особо почитаемый в Москве. — Р. С.), а священниками в церковь определил двух приезжих — «священником на имя Остафа Григоревича, а дьякона на имя Ивана брата его». ⁵⁰ В Москве Федоров печатал книги, служа дьяконом церкви Николы Гостунского, в Заблудове — дьяконом Богородицкой церкви; позже, перебравшись на Украину и работая в острожской типографии, получил место в Дорманском монастыре, и там его по-прежнему именовали «Иван дьякон».

Вспоминая о приглашении Г. Ходкевича, первопечатник замечал в 1574 г., что гетман «прия нас любезно к своей благоутешной любви и упокоеваше нас немало время, и всякими потребами телесными удовляше нас».

Заблудовская грамота Г. А. Ходкевича подтверждает слова Федорова. Как дьякон церкви печатник стал получать ренту, а кроме того, священнику Остафию было отведено на пашню земли «две волоки, а дьякону волоку третью» (всего около 50 га). Под поповский дом было дано место поблизости от церкви. В дальнейшем в награду за труды Г. А. Ходкевич пожаловал Ивану Федорову некую «весь» или пашенный надел. «... Еще же, — писал печатник, — и сие недовольно ему бе, еже тако устроити нас, но и весь немалу дарова на упокоение мое». ⁵¹

Предание о том, что литовский гетман Г. А. Ходкевич просил царя прислать в Белоруссию печатника, чтобы устроить православную типографию, имело достоверную основу. В 1566 г. в Москву прибыло великое посольство во главе с Ю. А. Ходкевичем, братом гетмана. По предположению Б. В. Сапунова, посол выполнил роль посредника в переговорах между Г. А. Ходкевичем и царем. Исследователь обратил внимание на то, что Иван Федоров по приезде в Литву был принят королем и его радой. Опираясь на некоторые общие сведения о занятиях короля в 1567—1568 гг., он пришел к выводу, что печатник мог получить аудиенцию, а следовательно, и выехал в Литву между январем и августом 1567 г. ⁵² Представляется возможным уточнить время отъезда в Литву первопечатников. В июле 1567 г. царь и бояре направили гетману Г. А. Ходкевичу бранные послания, упрекая его в том, что «из христианина [он] стал отступником и лжехристианином». ⁵³ За некоторое время до того на Руси был пойман литовский лазутчик с тайными грамотами, в которых Ходкевич призывал бояр изменить жестокому царю. Русское правительство,

естественно, не могло отпустить печатников к Ходкевичу после разоблачения его интриг весной — летом 1567 г. Приведенные факты позволили нам высказать предположение, что Иван Федоров и Петр Мстиславец покинули Москву скорее всего с литовскими послами в 1566 г. Если бы печатники замешкались, их отъезд был бы сначала сильно затруднен (с августа 1566 по март 1567 г. граница была закрыта из-за эпидемии чумы в пограничных уездах), а затем стал бы вовсе невозможен.⁵⁴ Открытие И. З. Мыцко подкрепляет эту гипотезу.

При русском бездорожье вывоз типографского оборудования неизбежно вызвал бы трудности, если бы Федоров решился ехать в одиночку. Трудности решались сами собой при условии, что имущество печатника было вывезено с посольскими обозами. В 1566 г. литовский посольский обоз насчитывал 1289 лошадей.⁵⁵ По существу отъезд первопечатников был равносильным изгнанию. Высылка Федорова явилась ярким эпизодом в истории взаимоотношений царя Ивана и церкви в момент крушения опричной репрессивной политики. Царь щедро субсидировал деятельность Печатного двора, и Федоров с энтузиазмом отзывался о помощи и покровительстве государя. Но Иван IV не пытался оградить печатника от гонений со стороны высшего духовенства и боярского руководства земщины, избегая размолвки с ними.

Освобождение многих десятков казанских поселенцев, прощение Воротынского и прочие уступки не удовлетворили недовольных. Титулованная знать возмущалась тем, что в Казани остались самые видные из опальных бояр и воевод. Те, кто заслужил прощение, были разорены ссылкой. Они страшно негодовали на опричнину, не зная за собой никакой вины. Их возвращение в Москву ко времени собора значительно усилило брожение в среде столичного дворянства.

Недовольство дворян вызвано было многими причинами. Кружок Адашева, отстаивавший программу дворянских реформ, подвергся подлинному разгрому и исчез с политической сцены. Умолк голос дворянских публицистов. Надолго отложены были попытки реформировать строй в интересах дворянства.

Раздоры с могущественной аристократией побудили монархию создать себе прочную военную опору в лице опричного войска, сформированного из дворян. Опричные преторианцы получили широкие привилегии, но эти привилегии распространялись на очень небольшой круг служилых людей. Интересы и нужды подавляющей части дворян, оставшихся в земщине, опричнина полностью игнорировала. В годы опричнины правительство отказалось от осуществления программы дворянских реформ и ничего не предпринимало против растущего оскудения среднего и мелкого дворянства.

Незадолго до опричнины публицисты самыми мрачными красками рисовали бедствия мелкого дворянства. Князь А. И. Курбский писал, что многие служилые люди не имеют теперь оружия, коней и даже пропитания, что их недостатки, убожество и беды «всяко словество превзыде».⁵⁶

На положении дворянства не могло не отразиться то обстоятельство, что с конца 40-х гг. шла тяжелая война, не прекращавшаяся на протяжении почти пятнадцати лет. Войны и дальние походы требовали от дворян больших денежных затрат. Помещики повсеместно увеличивали повинности и оброки крестьян. Одновременно росли налоги.⁵⁷ Появляются признаки деградации мелкого крестьянского производства.⁵⁸ Тяготы надвигавшегося разорения несли на своих плечах крестьяне. Но последствия его испытывали на себе также господствующие сословия, в особенности наименее состоятельные слои среднего и мелкого дворянства. Доходы дворян заметно сокращались вследствие бегства и разорения крестьян. Между тем правительство, тратившее громадные средства на дорогостоящие опричные затеи и войну, ничем не могло помочь оскудевшему дворянству. Более того, предпринятые им земельные перетасовки усугубляли бедствия служилых людей земщины. Как мы отметили выше, в ходе опричной реформы выселению подверглось не менее тысячи дворян и детей

боярских суздальцев, можаич, вязьмич и т. д. Помимо коренных служилых людей уезда опричная реформа задела интересы тех дворян, которые владели землями в опричном уезде, но служили по другим уездам. Они также лишились всех или части своих владений. Численность этой категории служилых людей была, по-видимому, значительной, если учесть дробность и чересполосицу феодального землевладения. Все дворяне, утратившие земли «не в опале, а с городом вместе», должны были получить равноценные земли в земских уездах. Но правительство не обладало ни достаточным фондом свободных земель, ни гибким административным аппаратом, чтобы без проволочек компенсировать переселенцам утраченные ими земли.

Опричные мероприятия носили беспрецедентный характер. Никогда еще правительство не отчуждало у дворян поместий, а тем более вотчин без всякой провинности с их стороны, а главное, в столь широких масштабах. Земских дворян особенно тревожило то обстоятельство, что царский указ об опричнине предусматривал возможность распространения опричных порядков на новые уезды, а следовательно, и возможность новых выселений и конфискаций. Как значилось в указе об опричнине, «с которых городов и волостей доходу не достанет на его государьский обиход, и иные города и волости имати».⁵⁹ Когда и какие уезды царю вздумается забрать в опричнину, никто не знал.

Насилия и произвол опричников, в особенности же земельные конфискации, затронули интересы весьма значительного числа земских дворян.

После отставки и смерти Адашева преследованиям подверглись сначала его ближние родственники, а затем весь круг его сторонников и родни. Будучи костромским вотчинником, Адашев, став правителем, сохранил связи со своим уездом. По этой причине царь сослал в казанскую ссылку помимо прямой родни Адашева Ольговых, также Путиловых, Туровых и немало дворян из Костромы.

С учреждением опричнины недовольство охватило значительное число земских дворян. Отражением этого факта служит известие хорошо осведомленного Пискаревского летописца. По его словам, среди земских дворян опричнина вызвала озлобление. Учинив опричнину, повествует летописец, царь «грады также раздели и многих выслаша из городов, кои взял в опришнину, и из вотчин и ис поместей старинных... И бысть в людех ненависть на царя от всех людей...»⁶⁰

Созванный в Москве собор способствовал сплочению всех недовольных элементов земщины. Наибольшее представительство на нем получила старомосковская титулованная знать, а также верхи столичного и уездного дворянства. Аристократия задавала тон не только в Боярской думе, но и в дворянских куриях, особенно среди дворян первой статьи. Однако именно знать и дворянские верхи земщины более всего страдали от опричной политики и опричных эксцессов.

На соборе присутствовали видные бояре, незадолго до того подвергшиеся репрессиям. Среди них были удельный князь М. И. Воротынский, И. В. Большой Шереметев и И. П. Яковлев-Захарьин. Присутствовали, кроме того, князья Кашин, Репнин, Курлятев, княжата Ярославские, Ростовские, Стародубские, Мезецкие, Бабиचेва, а также Морозовы, Шеины, Головины, Данилов, Квашнин, Борисов; дворяне Образцовы, Тыртовы, Еропкины. Ближайшие родственники этих лиц были сосланы в Казанский край, брошены в тюрьму или казнены. В деятельности Земского собора приняли участие многие дворяне и дети боярские, выселенные из своих уездов при учреждении опричнины.⁶¹ Среди лиц, записанных в списки дворянских курий собора, примерно каждый седьмой непосредственно испытал на себе последствия опричной земельной ломки. Настроения собора хорошо характеризует тот факт, что значительная часть его членов поручилась за опального боярина Воротынского.⁶²

Иностранные купцы отмечали, что введение опричнины сопровождалось тяжелыми поборами, вызывавшими недовольство именитых людей в земщине. В самом деле, земщина должна была выплатить царю огромную сумму — 100 тыс. рублей, чтобы покрыть расходы на опричное обзаведение. Земский собор постановил ввести новые обременительные налоги в связи с решением о продолжении войны за Ливонию. Однако сколь бы тяжелыми ни были поборы, наибольшее возмущение в земщине вызывали не финансовые меры, а земельная политика опричного правительства, конфискация имений и переселения дворян. Немецкие купцы, вернувшиеся из Москвы в конце 1566 г., утверждали, что негодование знатных людей, которых царь желал погубить, готовит почву для переворота: «Другое правление должно прийти в стране... Против этого (против какого-то тяжелого земского налога. — *Примеч. Н. М. Карамзина*) воспротивились многие из его (царя. — *Р. С.*) подданных из числа именитых господ, которых он (царь. — *Примеч. Н. М. Карамзина*) желал погубить, а некоторых желал перевести из их имений в другие места».⁶³

Средневековые летописцы фиксировали изменения в настроениях общества с помощью мистических символов и обозначений — всякого рода «знамений», примет и пр. В дни собора настроения в столице были тревожными. Земский летописец отразил этот факт, внося в официальную летопись запись о том, что 26 июня 1566 г., накануне открытия собора, в Москве разразилась страшная буря, «взошла туча темна и стала красна, аки огнена, и опосле опять потемнела, и гром бысть и трескот великой и молния и дождь, и до четвертого часу».⁶⁴ Зловещее предзнаменование вызвало в столице много толков.

Режим неограниченной власти, воздвигнутый посредством опричнины, носил в целом весьма неустойчивый характер. Иван IV не мог полностью отгородиться от Боярской думы, к которой по указу об опричнине перешли функции управления земщиной — «государством Московским». Однако он предпочитал общаться с думой (по крайней мере в критические моменты) через посредников — послушных царской воле церковных иерархов. Через Пимена и прочих иерархов государь уведомил думу о грядущем учреждении опричнины. Через Пимена и других богомольцев обратился к думе и собору с вопросом о продолжении Ливонской войны в 1566 г.

Царь добился полного послушания Боярской думы благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, он сумел опереться на авторитет церкви, по существу ставшей орудием его политической интриги. Во-вторых, Иван IV внес раскол в ряды думы и запугал ее членов, подвергнув казни и ссылке некоторых из самых видных ее деятелей. Опричное правительство явно не учитывало того, что Боярская дума была представительным органом могущественной феодальной аристократии, которая рано или поздно должна была выразить свое отношение к опричным нововведениям.

Первым, кто нарушил молчание в думе, был князь Петр Михайлович Щенятев. За спиной его стоял клан князей Патрикеевых. Знатность и успешная служба привели к тому, что П. М. Щенятев стал одним из подлинных руководителей Боярской думы. Даже князь А. Б. Горбатый-Суздальский уступал ему в думе «несколькими местами». В боярском списке Тысячной книги 1550 г. Щенятев был записан сразу после удельных князей Д. Ф. Бельского и И. Ф. Мстиславского. В списке Дворовой тетради 1552 г. его имя значится вторым после имени князя И. М. Шуйского и ранее князя И. Ф. Мстиславского.⁶⁵ К началу опричнины Щенятев стоял выше всех прочих бояр, кроме Бельского и Мстиславского. В связи с набегом крымских татар в октябре 1565 г. царь послал под Болхов всю земскую армию во главе с Бельским, Мстиславским и Щенятевым. Во время похода произошел местнический спор между князем П. М. Щенятевым и воеводой полка левой руки князем И. А. Шуйским. Может быть, этот спор и явился причиной опалы на П. М. Щенятева и его ухода в монастырь? Это маловероятно. Во-первых, инициатором местни-

ческого спора под Болховом был И. А. Шуйский. Главные воеводы И. Д. Бельский и др. встали на сторону П. М. Щенятева и пожаловались царю на самовольство И. А. Шуйского. Во-вторых, местнический спор не оказал ровным счетом никакого влияния на ход военных событий. Татары бежали из-под Болхова. За победу царь наградил старших воевод, в том числе П. М. Щенятева, золотыми.⁶⁶

Не царская опала явилась причиной крушения боярской карьеры, а совсем другие обстоятельства. Из рассказа А. М. Курбского следует, что П. М. Щенятев сам, по доброй воле решил покинуть службу и уйти в монастырь: «Муж зело благородный был и богатый и оставя все богатство и многое стяжание, мнишествовати был произволил». ⁶⁷ По предположению С. Б. Веселовского, П. М. Щенятев «выразил свое отрицательное отношение к опричнине тем, что постригся, быть может, без разрешения царя». ⁶⁸ С приведенным мнением можно согласиться. В ответ на самовольное пострижение власти немедленно конфисковали вотчины П. М. Щенятева. Уже в феврале 1566 г. Иван IV в обмене отдал брату Владимиру Андреевичу «в Московском уезде село Туриково, село Собакино, что было княже Петровское Щенятева». ⁶⁹ Очевидно, П. М. Щенятев ушел в монастырь зимой 1565—1566 гг. С некоторым запозданием, но вполне определенно власти выразили свое отрицательное отношение к этому поступку, включив в текст поручных грамот на бояр соответствующее запрещение. В грамоте князя М. И. Воротынского, составленной в апреле 1566 г., и во всех более ранних грамотах такое запрещение отсутствует, тогда как в грамотах Очина и Охлябнина весны — лета 1566 г. впервые включено обязательство «в чернцы не постричься». ⁷⁰

После провозглашения опричнины Иван IV постарался вознаградить иерархов, которые ездили к нему в Слободу и помогли преодолеть кризис. В их числе был игумен Новоспасского монастыря Галактион. 8 апреля 1566 г. по повелению царя его посветили в сан епископа Крутицкого. ⁷¹

Митрополит Афанасий до получения высшего церковного поста был духовником Ивана IV, т. е. одним из самых близких к нему лиц духовного сана. Царь, казалось бы, мог рассчитывать на полную лояльность своего недавнего наставника. Но ожидания не оправдались. 19 мая 1566 г. Афанасий без совета и разрешения Грозного самовольно сложил с себя сан митрополита и удалился в Чудов монастырь. ⁷² Правительство поспешило заявить, будто глава церкви ушел с поста «за немощию велией». Но ссылка на болезнь не могла обмануть думу и двор. Через год после ухода с митрополии новоявленный инок Чудова монастыря поновлял иконы в столичных церквях. ⁷³ Вина Афанасия усугублялась тем, что он предпринял свой демарш в отсутствие царя. Иван явился в столицу спустя полторы недели, а в начале июня туда были вызваны главные иерархи церкви Пимен, Герман, Никандр и др. ⁷⁴

Грозный получил возможность поставить во главе церкви угодничавшего перед ним и во всем послушного Пимена. Но он не желал углубления раздора с церковью и должен был считаться с мнением священного собора. После совета с собором царь предложил митрополичий сан Герману Полеву, не ездившему с Пименом в Слободу, а потому и не разделявшему с ним ответственности за опричнину. Полевы были старинными костромскими землевладельцами. В XVI в. они не принадлежали к знати. Григорий (Герман) Федорович Полев был казначеем и архимандритом в различных монастырях, а за год до опричнины стал архиепископом Казанским. ⁷⁵ Семья Полевых поддерживала тесные связи с Иосифо-Волоколамским монастырем, цитаделью осифлян. Курбский подчеркивал, что Герман принадлежал к лагерю осифлян — «от осифлянских мнихов четы произыде» и в то же время разделял некоторые взгляды нестяжателей — «Максима философа мало нечто отчасти учения причастен был». ⁷⁶ Таким образом, кандидатура Полева могла удовлетворить различные церковные течения.

Герман Полев принял предложение, переехал на митрополичий двор и жил там в течение двух дней. Однако его избрание так и не состоялось. Дело кончилось скандалом. По словам князя Андрея Курбского, будучи противником опричнины, Герман пытался воздействовать на царя и в беседе с ним грозил страшным судом, «тихими и кроткими словесы его (царя. — Р. С.) наказующе...».⁷⁷

Курбский — единственный автор, рассказавший о неудачном избрании Полева. Трудно установить степень достоверности этого известия. Подтверждением ему служит лишь свидетельство «Жития митрополита Филиппа», согласно которому Герман выступил против опричнины вместе с Филиппом Колычевым.⁷⁸

Амнистии 1566 г. породили в земщине надежду на скорую отмену опричнины. Репрессии прекратились, но репрессивный аппарат сохранился в неприкосновенности. Это обстоятельство вызывало тревогу земского руководства. Глава церкви Афанасий и один из старейших бояр П. М. Щенятев удалились в монастырь, выразив несогласие с опричной политикой. Следуя общему настроению, преемник Афанасия Герман Полев поспешил выразить отрицательное отношение к опричнине. Но, не будучи утвержден в сане митрополита, Полев не решился на публичное выступление.

Душеспасительные беседы Германа не подействовали на Ивана IV. Когда содержание беседы стало известно руководителям опричной думы, те высказались против избрания Полева. По настоянию боярина Басманова Грозный предложил архиепископу немедленно покинуть митрополичий двор. Казалось бы, ничто не мешало монарху поставить во главе церкви одного из своих угодников, во всем послушных царской воле. Однако Иван IV неожиданно предложил пост митрополита соловецкому игумену Филиппу. Мотивы такого решения могут быть установлены лишь предположительно. Надо учитывать, что тиранические склонности сочетались в личности Грозного с искренней верой и преданностью православной церкви. Иван IV много лет знал игумена и уважал его за строгую иноческую жизнь и талант строителя. Постоянно манипулируя церковью, превращая ее в орудие политической интриги, царь по-своему заботился о ее величии и красоте. Среди иерархов Филипп мог лучше других позаботиться об укреплении авторитета митрополичьего дома и устройстве его материальных дел. Живя на дальних северных островах, игумен остался в стороне от бурных событий, разыгравшихся в столице после учреждения опричнины, что также говорило в его пользу.

Московские государи предпочитали сажать на митрополичий стол представителей неродовитых семей. Филипп же происходил из знатного старомосковского рода Колычевых и обладал обширными связями с правящим боярством. В земской думе служил его троюродный брат окольничий М. И. Колычев, в дворянских куриях Земского собора заседали 12 других Колычевых. Земщина, по-видимому, приветствовала назначение Колычева на высший церковный пост. Но это назначение таило опасность для самодержца. Риск усугублялся тем, что Грозный боялся интриг со стороны брата Владимира Старицкого и новгородских дворян. Между тем до пострижения Филипп владел поместьем в Новгороде.⁷⁹ Кроме того, в молодости Ф. С. Колычев участвовал в мятеже удельного князя Андрея Старицкого, из-за чего вынужден был покинуть мир и удалиться в монастырь.⁸⁰ Царь давно не склонен был терпеть возражения с чьей бы то ни было стороны. Филипп выделялся в среде духовенства своим суровым и непреклонным характером.

Амнистией опальных дворян Иван признал полное крушение своих опричных деяний. Попытки примирения с земщиной лишь усилили антагонизм, дав выход давно зреющему недовольству. Домогаясь неограниченной власти, царь стремился опереться на авторитет церкви. Утрата поддержки церкви чревата была значительными осложнениями. Высшее духовенство было раздражено бесцеремонным изгнанием с митрополичьего двора Германа Полева.

В таких условиях опричная дума не осмелилась вторично вмешаться в дело избрания главы церкви. На отношение опричной думы к Филиппу оказал влияние также тот факт, что одним из ее руководителей был опричный боярин Ф. И. Умной-Колычев, двоюродный брат соловецкого игумена. Однако решающее значение имело все же не это. В вопросе о кандидатуре Колычева царь вынужден был сделать уступку церковной оппозиции и более могущественным политическим силам, которые стояли за ее спиной.

Среди других группировок наиболее прочные позиции в земской думе занимали две. Первую возглавляли бояре Захарьины, вторую — конюший И. П. Федоров-Челяднин. С образованием опричины влияние первой группировки неуклонно падало. В тот же самый период конюший И. П. Федоров выдвинулся как один из главных руководителей земщины. Именно он возглавил московскую семибоярщину во время войны с татарами в октябре 1565 г.⁸¹ Современники единодушно отмечают, что тогда значение И. П. Федорова в земщине было исключительным. Опричник Штаден передает, что в отсутствие царя И. П. Федоров был первым боярином и судьей на Москве.⁸² По свидетельству А. Шлихтинга, воеводу московского Иоанна Петровича царь «признавал более благо-разумным среди других и высшим правителем всех», его он «обычно даже оставлял вместо себя в городе Москве...».⁸³ Эти показания вполне подтверждаются Разрядами и другими документами тех лет. В начале 1566 г. царь поручил земскому правительству обмен землями со Старицким удельным князем. С этой целью земская Боярская дума образовала авторитетную комиссию во главе с И. П. Федоровым и дворецким Н. Р. Юрьевым. Федоров скрепил своей подписью разменные грамоты, датированные 15 января и 11 марта 1566 г.⁸⁴ 17 июня он подписал приговор Боярской думы о перемирии с Литвой, причем в боярском списке имя его стояло третьим: «А бояре были на приговоре — князь Иван Дмитриевич Бельский, князь Иван Федорович Мстиславской, Иван Петрович Федорова, Микита Романович (Юрьев. — Р. С.), князь Иван Иванович Пронской».⁸⁵ С рядом оговорок можно утверждать, что И. П. Федоров стал играть в земской думе не менее заметную роль, чем П. М. Щенятев до времени своего пострижения.

По знатности И. П. Федоров не уступал знатнейшим старомосковским фамилиям. К тому же он был одним из самых богатых людей в стране и пользовался исключительным авторитетом в земщине не только из-за знатности и богатства, но и в силу большой популярности в народе.⁸⁶ В отличие от многих других бояр конюший отличался честностью, не брал взяток и любил справедливость.⁸⁷ На протяжении длительного времени И. П. Федоров возглавлял одно из главных приказных ведомств — Конюшенный приказ и сохранил чин конюшого в годы опричины.⁸⁸ По древней традиции, конюшие-бояре занимали более высокое положение, нежели дворецкие, и обладали особыми привилегиями в качестве старших бояр старомосковской Боярской думы. По-видимому, конюший И. П. Федоров и его сторонники сыграли какую-то особую роль в приглашении Филиппа на митрополию. Опричные дипломаты И. Таубе и Э. Крузе, бывшие непосредственными очевидцами избрания, по-своему истолковали этот факт, когда писали, что Филипп был «благородного происхождения от прусских родов Колычевых или Челяднинных».⁸⁹ Соловецкий игумен приходился дальней родней конюшему. Еще более важное значение имел тот факт, что Филипп со времени избрания на митрополию полностью связал свою судьбу с судьбой боярина Федорова.

Вопреки традиционным представлениям, Филипп Колычев едва ли был инициатором выступления против опричины. В действительности соловецкий игумен оказался вовлечен в водоворот событий, развернувшихся в Москве до его приезда. Главными действующими лицами этих событий были не только и не столько церковные иерархи, сколько члены Земской думы и собора, заседавшего тогда в Москве.

По крайней мере два источника различного происхождения сообщают о крупнейшем выступлении земщины против опричнины. Первый из них — Сказания А. Шлихтинга, написанные в Литве в начале 70-х гг. XVI в., второй — летописец московского происхождения начала XVII в. А. Шлихтинг исполнял роль переводчика во время бесед царского лейб-медика с его друзьями, членами опричного руководства. Информация А. Шлихтинга исходила из «первых рук» и отличалась большой достоверностью.⁹⁰ Московский «Пискаревский летописец» следовал традиции, сложившейся в земщине.⁹¹

По свидетельству летописца, опричнина вызвала крайнее озлобление в земщине, «бысть в людех ненависть на царя от всех людей и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти».⁹²

Летописец отметил, что в выступлении участвовали «все люди» земщины. Но он не называет даты выступления. Этот пробел можно заполнить с помощью подробного и в целом достоверного рассказа Шлихтинга. Согласно ему, в 1566 г. более трехсот знатных лиц из земщины, в числе их придворные царя, явились во дворец с протестом против бесчинств и злоупотреблений опричников и потребовали упразднения опричнины. В своей челобитной царю фронтеры писали: «Все мы верно тебе служим, проливаем кровь нашу за тебя. Ты же за заслуги воздаешь нам такую благодарность. Ты приставил к шеям нашим своих телохранителей, которые из среды нашей вырывают братьев и кровных наших, чинят обиды, бьют, режут, давят, под конец и убивают». О земском выступлении против опричнины в 1566 г. сообщает еще один документ — Запись о поставлении Филиппа. Согласно Записи, «нареченный на митрополию соловецкий игумен Филипп» в июле публично потребовал, чтобы царь «оставил опришнину» и «соединил бы (государство. — Р. С.) воедино, как прежде было», а иначе «ему в митрополитах быти невозможно; и хотя его и поставят в митрополиты, и ему за тем митрополию оставити».⁹³ Столкнувшись с требованием земщины, Грозный прежде всего попытался уладить свои отношения с духовенством. Начались трудные переговоры. Архиепископы и епископы били челом царю «о его царьском гневу», а затем передали Филиппу, что государь «гнев свой отложил», определив условия поставления Колычева на митрополию. Запись о поставлении скрепил Пимен, но на документе отсутствует подпись архиепископа Германа Казанского и епископа Елевферия Суздальского. Отсюда следует, что Иван IV вел переговоры не со всем священным собором, а с отобранными им самим лицами. Главным пособником опричнины вновь выступил Пимен Новгородский. Через Пимена Грозный передал Филиппу, что опричнина — это его личное и семейное дело, и митрополиту не следует вмешиваться в его «домовой обиход». Царь уступил лишь в одном: он признал за митрополитом право «советования» с государем, «как прежние митрополиты советовали». Право совета, включавшее право на «печалование» за опальных, было упразднено при введении опричнины. Это право приобретало исключительное значение в момент, когда стране грозил новый взрыв террора.

Действия Ивана IV и его опричных советников не оставляют сомнения в том, что они находились во власти страха и растерянности. Несмотря на то, что ходатайство земских бояр и дворян носило верноподданнический характер, царь отказался от курса на примирение с земщиной и пустил в ход насилие. Новый поворот в его политике был, без сомнения, связан с позицией, занятой опричной думой. Ее члены прекрасно понимали, что в случае роспуска опричнины они утратят контроль за положением дел в государстве и им придется держать ответ за казни, конфискации вотчин и прочие беззакония.

Выход из кризиса Грозный искал в возобновлении репрессий. Следуя его приказу, опричники произвели многочисленные аресты в земщине. Все земские люди, участвовавшие в подаче челобитной грамоты, были брошены в тюрьму. Арестованные составляли цвет земщины, наиболее активную политическую силу в государстве, на стороне которой выступило также и церковное руководство.

При всем своем политическом безрассудстве вожди опричнины понимали невозможность длительного заключения правящей элиты земщины — «Московского царства».

После пятидневного ареста Грозный отдал приказ о казни зачинщиков выступления. Несколько земских дворян опричники четвертовали, нескольким урезали язык.⁹⁴ Наказы русским дипломатам за рубежом, составленные в конце 1566 г., позволяют установить имена казненных. На возможные вопросы литовцев русские дипломаты должны были дать следующие разъяснения: «... а учнут говорити про князя Василия Рыбина и про Карамышева и им (послам. — Р. С.) говорити: государь милостив, а лихих везде казнят: про тех государь сыскал, что они мыслили над государем и над государскою землею лихо, и государь, сыскав по их вине, потому и казнити их велел».⁹⁵

В официальных документах названы имена двух жертв опричнины. Имена прочих установить невозможно, за одним исключением. Опричники Таубе и Крузе передают, что вместе с князем В. Пронским и И. Карамышевым был казнен К. Бундов (Burdna).⁹⁶

Русские эмигранты за рубежом были осведомлены о московских событиях достаточно хорошо. А. Курбский знал по имени зачинщика смуты князя В. Пронского и слышал, что в один день с ним (а значит, по одному делу) опричники наказали более 200 знатных земских дворян. Но А. Курбский, похоже, сознательно исказил известные ему факты. Он писал: «И другого княже Пронское Василии, глаголемого Рыбина, погубил. В той же день и иных не мало благородных мужей нарочитых воин, аки двести, избиенно, а неции глаголют и вящей».⁹⁷ Более достоверен рассказ литовского хрониста А. Гваньини, имевшего возможность уточнить некоторые из данных Шлихтинга, согласно которому опричники подвергли многих челобитчиков торговой казни.⁹⁸ Гваньини добавляет, что опричники избили батогами 50 человек.⁹⁹ Все прочие челобитчики числом более 200—250 человек были освобождены после пятидневного тюремного заключения без всякого наказания.¹⁰⁰

П. А. Садиков первым установил, что все трое казненных в 1566 г. дворян были видными участниками собора, и на этом основании высказал предположение о массовом выступлении членов Земского собора против опричнины.¹⁰¹ А. А. Зимин признал это предположение вполне обоснованным и подкрепил его указанием на Пискаревский летописец.¹⁰² Но П. А. Садиков и А. А. Зимин значительно ослабили свою аргументацию тем, что не учли связь между выступлением членов собора и протестом против опричнины Филиппа Колычева и стоявших за его спиной сил. Не подлежит сомнению, что Колычев не мог бы выступить против опричнины и получить затем митрополичью кафедру без поддержки со стороны земской Боярской думы и священного собора. В выступлении против опричнины участвовали царские «придворные», бояре и более трехсот знатных дворян, принадлежавших к наиболее активному политически слою земщины. Именно этот слой руководил деятельностью Земского собора.

На связь между выступлением Филиппа и земской фрондой указывают некоторые современники и очевидцы событий. Опричники И. Таубе и Э. Крузе утверждали, что дворяне В. Ф. Пронский, И. Карамышев и К. Бундов подверглись казни после выступления Филиппа и в связи с этим выступлением.¹⁰³ Правда, немцы допустили путаницу в своих хронологических выкладках, смешав воедино протесты Филиппа до и после его избрания на митрополию. Но суть событий они уловили, по-видимому, верно.

Филипп прибыл в Москву в тот момент, когда земская оппозиция, объединившая все недовольные элементы земщины, готовилась вручить царю петицию и добиться от него отмены опричнины. Именно благодаря этому обстоятельству соловецкий игумен смог занять твердую позицию в вопросе об опрличине. Выступление Филиппа имело место в ближайшие недели после роспуска Земского

собора, поскольку Филипп, во-первых, не присутствовал на соборе, закрывшемся 2 июля, и, во-вторых, уже 20 июля вынужден был отказаться от своих требований.¹⁰⁴ В этот же самый период против опричнины выступили триста знатных лиц из земщины. Трудно представить, чтобы дворяне отправились к царю после открытой капитуляции митрополита и всего духовенства, и так же невероятно, чтобы Филипп мог выдвинуть свои требования после кровавой расправы с челобитчиками.

Угроза террора заставила Колычева и его сторонников полностью отказаться от своих требований. Игумен собственноручно подписал Запись, обязавшись не вступаться в опричнину, «а по поставленьи за опришнину и за царский домовый обиход митропольи не отставливати». Оценивая поведение Колычева, Г. П. Федотов отметил колебания, уступки, как бы некоторую слабость игумена, недостаток у него властности, уверенности в себе в начале всякого дела.¹⁰⁵ Такая оценка, кажется, далека от истины. Она не учитывает чрезвычайных обстоятельств, при которых действовал Колычев. Игумен уступил не раньше, чем добился от самодержца восстановления права церкви на «печалование» за опальных. Без промедления использовав это право, Филипп помешал опричникам учинить массовые избиения в земщине. В жертву была принесена мелкая сошка, тогда как высшие чины избежали плахи.

20 июля Филипп Колычев подписал ограничительную запись, через четыре дня переехал на митрополичий двор, а затем был посвящен в сан митрополита.¹⁰⁶

Наиболее важное значение имеет вопрос, какие боярские группировки стояли за спиной митрополита Филиппа и участвовали в его протесте против опричнины. Уточнить состав земской оппозиции, выступившей после собора, позволяет одно замечание современника: по Шлихтингу, после освобождения фрондеров из тюрьмы «немного спустя он (царь. — *Р. С.*) вспомнил о тех, кто был отпущен, и, негодуя на увещание, велит схватить их и разрубить на куски».¹⁰⁷ Итак, участников выступления следует искать среди дворян и членов собора, казненных в ближайшее время после роспуска собора.

Можно установить, что из членов собора 1566 г. жертвами террора в 1567—1568 гг. стали члены Боярской думы: конюший И. П. Федоров, боярин князь И. И. Турунтай-Пронский, окольничий М. И. Колычев, дворяне I статьи И. Б. и И. И. Колычевы, князь Ф. В. Сисоев и В. К. Курлятев, Г. И. Кафтырев, Ф. Р. Образцов, дворяне II статьи князь А. С. Бабичев, М. Г. Иванов, М. М. Лопатин, И. В. Мунтов-Татищев, А. И. Баскаков, А. Т. Зачесломский, казначей Х. Ю. Тютин, дьяки И. И. Бухарин, И. Кузьмин, И. Юмин, П. Шерефединов, А. Н. Батанов, Бунков Второй, приказной П. Шестаков-Романов, гость А. Ивашов.¹⁰⁸

Факт участия земских бояр в действиях фронды засвидетельствован Шлихтингом, по словам которого, против опричнины выступили знатные лица, даже придворные самого царя.¹⁰⁹

Многие косвенные данные подтверждают предположение о том, что фронду возглавили названные выше земские бояре И. П. Федоров и князь И. И. Пронский, Колычевы и т. д. Укажем прежде всего на близкие отношения между ними и тремя казненными вождями фронды — князем В. Ф. Рыбиным, И. М. Карамышевым и К. С. Бундовым.

Член собора дворянин II статьи К. С. Бундов происходил из худародной дворянской семьи.¹¹⁰ Своей карьерой Бундовы были обязаны исключительно службе в Конюшенном ведомстве. Степан Бунда-Быкасов служил государевым конюхом в 30-х гг. XVI в.¹¹¹ Вероятно, по его стопам пошел и сын К. С. Бундов, имя которого в разрядах отсутствует. Заметим, что еще в 60—70-х гг. среди начальных людей Конюшенного приказа числились «стремянные конюхи» П. Быкасов, А. Быкасов и «прикащик у лошадей» Я. Бундов-Быкасов. Все они владели поместьями по 200 четвертей и получали из приказа оклад до

15—20 руб.¹¹² По службе Бундовы были тесно связаны с боярами Челяднинными, издавна возглавлявшими Конюшенный приказ. В 50—60-х гг. их патроном был конюший И. П. Федоров-Челяднин.

И. М. Карамышев принадлежал к верхам уездного дворянства и присутствовал на Земском соборе как дворянин I статьи.¹¹³ А. А. Зимин указывает на связи между Карамышевым и Колычевыми.¹¹⁴ Можно установить давние связи Карамышевых с Конюшнным приказом.¹¹⁵ В апреле 1566 г. И. М. Карамышев вместе с конюшим И. П. Федоровым поручился за опального князя М. И. Воротынского.

Боярин и конюший И. П. Федоров был одним из немногих людей, неоднократно выступавших против царских репрессий. При самом деятельном его участии были освобождены из тюрьмы И. В. Большой Шереметев (март 1564 г.) и И. П. Яковлев-Захарын (март 1565 г.), возвращен из ссылки удельный князь М. И. Воротынский (апрель 1566 г.).

И. П. Федоров присутствовал на Земском соборе, но затем его карьера оборвалась. Многие признаки указывают на то, что во второй половине 1566 г. семью И. П. Федорова постигла катастрофа. Жена конюшего М. В. Челяднина никак не позднее июля-августа 1566 (7074) г. отказала Новоспасскому монастырю громадную родовую вотчину в Бежецком Верху, в которой было 1158 четвертей пашни. Челяднины выговорили себе право пожизненного владения бежецкой вотчиной.¹¹⁶ Таким путем они пытались обеспечить себя на случай опалы.

Представляется возможным проследить карьеру И. П. Федорова на протяжении многих десятилетий вплоть до времени выступления членов Земского собора против опричнины. Последние службы его можно перечислить по дням и неделям. В январе — марте 1566 г. он руководил разменом Старицкого удельного княжества, 17 июня подписал приговор Боярской думы о литовском деле, затем участвовал в Земском соборе и 2 июля скрепил подписью соборный приговор.¹¹⁷ 17 июля конюший принял литовских послов и обсуждал с ними вопрос об обмене пленными.¹¹⁸ Затем в его карьере наступает перелом. Его имя на время исчезло из официальных документов. Спустя несколько месяцев И. П. Федоров оказался на воеводстве в провинциальной крепости Полоцке.¹¹⁹ В связи с царской опалой в период между июлем 1566 и февралем 1567 г. И. П. Федорову грозила, по-видимому, та же участь, что и К. С. Бундову, И. М. Карамышеву и В. Ф. Рыбину. В начале 1567 г. литовское правительство тайно предложило И. П. Федорову убежище, указывая на то, что царь желал над ним «кровопроливство вчинити».¹²⁰

Приведенные данные позволяют уточнить время крупнейшего выступления земской оппозиции против опричнины. Еще 17 июля боярин И. П. Федоров исполнял ответственные правительственные поручения. В ближайшие дни он, вероятно, был взят под стражу, после чего Филипп 20 июля публично отрекся от своих требований. Царь, не желая, чтобы литовские послы были свидетелями его раздоров с земщиной, отложил казни на несколько дней.

Русские власти поспешили выпроводить королевских послов из Москвы. 17 июля царь сказал послам «отказ», дав им срок «побыти на Москве до недели». Вопреки правилам, прощальная аудиенция во дворце состоялась до того, как были разрешены все вопросы. После аудиенции переговоры продолжались фактически еще три дня. Последнюю неделю приставы держали посольский двор на замке и внимательно следили, чтобы никто из членов посольской свиты и купцов не покидал литовского подворья.¹²¹ Один из членов посольства купец Ганус пытался опротестовать действия пристава и спросил его, «зачем деи нас з двора не отпускаете, а ворот отворити не велити?». Ответ не удовлетворил его, судя по тому, что он стал «лаять» приставов «матерны».¹²²

Послы промешкали пять дней и 22 июля покинули русскую столицу. Спустя считанные дни после их отъезда опричники подвергли экзекуции несколько

десятков земских дворян. Приведенные факты, быть может, объясняют, зачем правительству понадобилось пять дней держать челобитчиков в тюрьме.

Среди казненных опричниками самым видным был князь В. Ф. Рыбин-Пронский, двоюродный брат влиятельного земского боярина и участника собора князя И. И. Турунтая-Пронского. Карьера Рыбина сложилась не слишком удачно. Он не дослужился до думного чина, вынужден был заложить часть вотчин.¹²³ Иной была судьба Турунтая. Ко времени собора он достиг самых высоких ступеней военной и чиновной лестницы, имея за плечами тридцатилетний стаж военной службы и семнадцать лет пребывания в Боярской думе. В. Ф. Рыбин был казнен в 1566 г., но и Турунтай ненадолго пережил своего брата — через два-три года он был по приказу Грозного забит палками.

Участниками земской оппозиции были, по-видимому, присутствовавшие на соборе Колычевы. На это указывают, во-первых, выступление против опричнины избранного в митрополиты Ф. Колычева и, во-вторых, последующие казни Колычевых.

Репрессии опричнины против членов Земского собора в ближайшие годы после его роспуска обнаруживают одну интересную особенность. Их жертвами явилась не только титулованная аристократия (боярин И. И. Пронский, его двоюродный брат князь В. Ф. Пронский, князь В. К. Курлятев и др.), но в еще большей мере старомосковская знать (конюший И. П. Федоров, Колычевы) и связанные с ней верхи приказного мира и дворянства. Высшая титулованная знать, в особенности суздальские княжата, подверглась жестоким гонениям в начале опричнины. Она была испугана и придавлена репрессиями. По этой причине почин антиопричного выступления исходил не от нее, а от тех групп старомосковского боярства, которые в начале опричнины пользовались доверием царя. Старомосковская знать возглавила земское правительство и явилась естественным выразителем давно зревшего в земщине недовольства.

Выступление руководителей земщины было поддержано членами созданного в Москве Земского собора. Ходатайство против опричнины подписали от 200 до 300 дворян. Врученный царю документ был составлен в самых верноподданнических выражениях. Но основное требование относительно прекращения репрессий и отмены опричнины носило достаточно категорический характер.

На царя выступление произвело, как видно, ошеломляющее впечатление. Мало того, что Грозный давно уже не выносил возражений, он должен был наконец отдать себе отчет в том, что все попытки стабилизировать положение путем уступок и компромисса потерпели неудачу. Опричная политика вызвала осуждение наиболее авторитетных вождей земской Боярской думы и земского дворянства в целом. Политическая опора монархии резко заколебалась.

Пока во главе церкви стоял митрополит Афанасий, человек слабый и зависимый во всех своих поступках от царя, высшее духовенство выступало фактически в роли пособника опричных репрессий. Положение переменилось после того, как на митрополию были приглашены сначала Герман Полев, а затем Филипп Колычев. Обладая достаточным авторитетом и независимостью суждений, эти иерархи не пожелали мириться с опричниной. Посредничество церкви, позволившее царю осуществить свои планы в начале опричнины, на этот раз связало опричному правительству руки, предотвратив массовые казни.

Выступление земских дворян против опричнины привело к новому повороту в политическом развитии страны. Репрессивный аппарат, бездействовавший в течение полугода, вновь заработал. Царь использовал момент для расправы со своими политическими противниками, заведомо не имевшими никакого отношения к протесту членов Земского собора.

Князь Петр Щенятев тщетно надеялся на то, что пострижение в монахи спасет его от царского гнева. Монастырь мог бы стать для него надежным убежищем только в случае, если бы боярина постригли насильно, по государеву повелению. Нисколько не считаясь с обычаями и традиционным отношением

к монашескому житию, опричники арестовали старца Пимена Щенятева в стенах монастыря и увезли на Пыточный двор. Боярина жгли на большой железной сковороде, подогреваемой огнем. Опричные каты били ему иглы под ногти.¹²⁴ Престарелый воевода не вынес мук и 5 августа умер.¹²⁵ Всего две недели отделяли день его смерти от выступления оппозиции на Земском соборе.

* * *

Земский собор 1566 г. был самым примечательным собором в царствование Грозного. Впервые широкое представительство на соборе получили дворяне, а также верхи посадского населения. Если деятельность первых соборов (1549—1551 гг.) сводилась к заслушиванию правительственных деклараций и формальному их одобрению, то в дальнейшем компетенция соборов несколько расширилась. Земский собор 1566 г. принял решение о продолжении Ливонской войны и введении новых чрезвычайных налогов. Высшие сословия получили возможность участвовать в обсуждении политики правительства. Однако каждый раз власти ставили перед членами собора весьма ограниченные задачи и строго регламентировали их деятельность.

В чем же заключены причины отмеченного парадоксального явления — развития соборной практики в мрачные годы опричнины с ее террором и злоупотреблениями?

Распри монархии с могущественной боярской аристократией сузили политическую базу правительства и вынудили его искать более широкую опору в среде дворянства и отчасти купечества, служивших естественным противовесом аристократии. Меры, подобные созыву соборов, призваны были обеспечить опричному правительству более широкую поддержку со стороны привилегированных сословий земщины.

Самый представительный собор середины XVI в. был созван на втором году опричнины, когда опричное правительство встало на путь уступок и поисков компромисса. Но этот период оказался слишком кратковременным. Новый взрыв террора положил конец дальнейшему развитию практики Земских соборов.

Созыв первых представительных соборов в годы опричнины имел важное историческое значение. Возникла новая политическая форма, новое учреждение, которому со временем суждено было сыграть важную роль в политическом развитии России. Из вполне аристократических соборов первых лет опричнины развились более представительные, демократические и полномочные земские соборы начала XVII в.

¹ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII в. Казань, 1982. С. 11—28.

² Новгородские летописи. С. 84, 87.

³ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 77.

⁴ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 170—171.

⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 351.

⁶ Штаден. Записки. С. 57.

⁷ Наказ русскому посланнику в Литве, сентябрь 1565 г.//Сб. РИО. Т. 71. С. 322.

⁸ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 248.

⁹ Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 155; Штаден. Записки. С. 87.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 351; Штаден. Записки. С. 138.

¹¹ Письмо Ф. Зенга 1566 г.//Карамзин. История. Примеч. 166; Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. 474.

¹² Форстен Г. В. Балтийский вопрос... Т. 1. С. 471.

¹³ Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 156; Цветаев Д. Протестанство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 36—41, 42.

¹⁴ Штаден. Записки. С. 131; Форстен Г. В. Балтийский вопрос... Т. 1. С. 473.

¹⁵ Форстен Г. В. Балтийский вопрос... Т. 1. С. 468, 473, 474.

¹⁶ *Снегирев И.* О сношениях датского короля Христиана III с царем Иоанном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве//Русский исторический сборник. М., 1840. Т. 4. Кн. 1. С. 117—131.

¹⁷ *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1843. С. 34. Авторы многочисленных работ о начале книгопечатания на Руси не оценили в должной мере достоверность известия Барберини. Между тем осведомленность итальянца не подлежит сомнению. Он посетил московский печатный двор и с большою похвалой отозвался об искусстве московских первопечатников. «Я сам видел, с какою ловкостью уже печатались книги в Москве», — писал он в своем отчете о поездке на Русь. Барберини беседовал с Иваном Федоровым и принял от него заказ на поставку в Россию типографской краски и бумаги. В торговой книге итальянского купца мы находим следующую запись: прислать в Москву «четыре или пять пуд висмута для типографщиков, четыре или пять тюков (по десяти стоп) большой бумаги для печатания». Деятельность московской типографии была затруднена из-за недостатка бумаги. Чтобы преодолеть эту трудность, казна основала бумажную мануфактуру. Но ее продукция не употреблялась печатниками из-за низкого качества. «Затеяли они также ввести делание бумаги и даже делают, но все еще не могут ее употреблять, потому что не довели этого искусства до совершенства» (Там же).

¹⁸ *Тихомиров М. Н.* Начало книгопечатания в России//У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 13.

¹⁹ ДАИ. Т. 1. С. 148.

²⁰ У истоков русского книгопечатания. С. 200.

²¹ Там же. С. 180.

²² *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1841. Ч. 5. С. 103.

²³ *Сапунов Б. В.* К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве//ТОДРЛ. 1956. Т. 12. С. 437; *Луппов С. П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 37.

²⁴ *Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву//ТОДРЛ. 1961. Т. 17. С. 246.

²⁵ *Сидоров А. А.* Начало русского книгопечатания и Иван Федоров//Русское книгопечатание до 1917 года. М., 1964. С. 42; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 315.

²⁶ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. М., 1985. С. 116.

²⁷ *Румянцев В. Е.* Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872. Вып. 1. С. 36—37; *Рогов А. И.* Возникновение и развитие книгопечатания//Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 2. С. 276.

²⁸ *Рогов А. И.* Возникновение и развитие книгопечатания. С. 276.

²⁹ Наблюдения над двумя изданиями Часослова сделаны Г. И. Колядой (*Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова... С. 238—243).

³⁰ Сочинения Максима Грека. Казань, 1862. Ч. 3. С. 62.

³¹ *Демин А. С.* Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985. С. 24.

³² *Голенченко Г. Я.* Русские первопечатники и Симон Будный//Книга: Исследования и материалы. М., 1965. Сб. 10. С. 156.

³³ Курбский. Сочинения. С. 403.

³⁴ *Сапунов Б. В.* К вопросу о прекращении... С. 434.

³⁵ Апостол. М., 1964. Л. 260—261 об.

³⁶ *Демин А. С.* Писатель и общество в России XVI—XVII вв. С. 27—29.

³⁷ Часовник. М., 1965. Л. 170.

³⁸ *Рогов А. И.* Возникновение и развитие книгопечатания... С. 276.

³⁹ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. С. 116.

⁴⁰ *Флетчер Д.* О государстве русском. СПб., 1906. С. 120—121.

⁴¹ *Демин А. С.* Писатель и общество в России... С. 14—15.

⁴² У истоков русского книгопечатания. С. 237.

⁴³ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. С. 116.

⁴⁴ *Рогов А. И.* Возникновение и развитие книгопечатания... С. 276.

⁴⁵ *Тихомиров М. Н.* Русская культура X—XVIII вв. М., 1968. С. 318—319.

⁴⁶ *Немировский Е. Л.* 1) Иван Федоров в Белоруссии. М., 1979. С. 80; 2) Иван Федоров. С. 126.

⁴⁷ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Киев, 1871. Т. 4. Ч. 1. С. 513.

⁴⁸ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров в Белоруссии. С. 80.

⁴⁹ *Мыцко И. З.* К вопросу о пребывании Ивана Федорова в Белоруссии//Иван Федоров и восточно-славянское книгопечатание. Минск, 1984. С. 75.

⁵⁰ «Братьями» на Руси называли не только родных, но и двоюродных и троюродных братьев.

⁵¹ *Немировский Е. Л.* Иван Федоров. С. 126.

⁵² *Сапунов Б. В.* О прекращении деятельности... С. 436.

⁵³ Послания Ивана Грозного. С. 436.

⁵⁴ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. Л., 1966. С. 332—333.

⁵⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 388, 497.

⁵⁶ Курбский. Сочинения. С. 398.

⁵⁷ *Абрамович Г. В.* Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI — первой четверти XVII в.//История СССР. 1972. № 3. С. 75—81.

⁵⁸ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 334.

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

⁶⁰ Там же. Т. 34. С. 190.

⁶¹ Дети боярские и дворяне, служившие до опричнины по Можайску (11 человек), Вязьме (5), Суздалью (6), Галичу (3), Малому Ярославцу (2) и Козельску (4), всего более 30 человек. На основании косвенных данных А. А. Зимин относит к этой группе еще 8 дворян, предположительно служивших до опричнины в тех же уездах (см.: *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г.//ИЗ. 1962. Т. 71. С. 206—208). Исследователь пишет, что в списке имен соборных представителей (приговор 2 июля 1566 г.) бывшие можаичи и вязьмичи расположены компактной группой (имена их, к сожалению, не указаны). «Если бы они (дворяне. — Р.С.) в годы опричнины были переселены из своих уездов в другие, то наличие компактной группы „бывших“ можаичей и вязьмичей объяснить было бы невозможно. Следовательно, опричные переселения основной массы соборных представителей не коснулись» (Там же. С. 205). Наблюдения за расположением имен в соборном приговоре сами по себе весьма интересны, но они не могут служить надежным основанием для суждения о земельных переселениях опричнины.

⁶² На соборе присутствовало 225 бояр и дворян, из них 41 человек поручился за Воротынского. Среди них было трое членов Боярской думы, 27 дворян I статьи, 10 дворян II статьи и 1 великолукский помещик (см.: СГГД. Ч. 1. С. 533—537).

⁶³ Цитируемое письмо написано было жителем Нюрнберга Зенгом 20 декабря 1566 г. Информатором Зенга был вернувшийся из Москвы немецкий купец Писпинк. Сам Зенг вел торговые дела в России, слыл знатоком московских дел и являлся деятельным сторонником сближения с Русью (см.: Карамзин. История. Примеч. 166, 168; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос... Т. 1. С. 466).

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 402.

⁶⁵ В связи со смертью И. М. Шуйского его имя в списке думы было вычеркнуто, и П. М. Шенятев стал первым боярином думы. Однако после пожалования боярским чином И. Д. Бельского в 1560 г. этот последний занял начальную строку в думном списке (ТКДТ. С. 54, 111).

⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 400.

⁶⁷ Курбский. Сочинения. С. 283.

⁶⁸ Веселовский. Исследования. С. 474.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 13. С. 400. Этот факт отмечен А. А. Зиминим (Государственный архив России в XVI столетии: О реконструкции/Подгот. А. А. Зимин. М., 1978. Вып. 3. С. 518).

⁷⁰ СГГД. Ч. 1. С. 503—526, 533—545, 558—561.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 396.

⁷² Там же. С. 401.

⁷³ Там же. С. 408.

⁷⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 364.

⁷⁵ *Зимин А. А.* 1) И. С. Пересветов и его современники. М., 1958. С. 84, 173; 2) Митрополит Филипп и опричина//Вопросы религии и атеизма. М., 1963. С. 280—282.

⁷⁶ Курбский. Сочинения. С. 317—319.

⁷⁷ Там же. С. 317.

⁷⁸ Житие Филиппа митрополита//ГПБ. Соловецкое собр. № 1073/963. Л. 63.

⁷⁹ Отец Филиппа С. И. Колычев был новгородцем по рождению («рождение имея Великаго Новаграда») и владел поместьем в Деревской пятине (*Зимин А. А.* Митрополит Филипп... С. 273; НПК. Т. 2. С. 431—434). Интересно, что Филипп выехал в Москву не прямым путем через опричную Вологду, а кружным через земский Новгород (Житие Филиппа... Л. 49—49 об.). Жители Новгорода поднесли Филиппу подарки (пряные «зелья», перец, инбирь), дворянин Е. С. Трусов пожертвовал 50 руб. и золоченый крест (Грамоты св. Филиппа митрополита Московского в Соловецкую обитель//Душеполезное чтение. 1861. Октябрь. С. 198—199; см. также: Садилов. Очерки. С. 27).

⁸⁰ См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 134. Подробнее см.: *Зимин А. А.* Митрополит Филипп... С. 273.

⁸¹ Разряды. Л. 331.

⁸² Штаден. Записки. С. 79.

⁸³ Шлихтинг. Новое известие. С. 21. В июне 1565 г. царь, будучи в Слободе, адресовал грамоты в Москву на имя И. П. Федорова и И. В. Шереметева (см.: ЦГАДА. Ф. 123. Кн. 11. Л. 300).

⁸⁴ ДДГ. С. 420.

⁸⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 380.

⁸⁶ И. П. Федоров был, по-видимому, образованным немецком. По его заказу один пленный поляк с помощью Г. Штадена перевел на русский язык немецкий Гербариум (Травник). К такого рода вещам, замечает Г. Штаден, боярин проявлял большую охоту и любовь (см.: Штаден. Записки. С. 137).

⁸⁷ «Он один, — писал о Федорове Штаден, — имел обыкновение судить праведно, почему простой народ был к нему расположен», он «охотно помогал бедному люду добиваться скорого и правого суда» (см.: Штаден. Записки. С. 79, 86—87).

⁸⁸ См. гл. 10.

⁸⁹ Хофф. Тирания. Л. 12 об.

- ⁹⁰ См. гл. I.
- ⁹¹ См. там же.
- ⁹² ПСРЛ. Т. 34. С. 190.
- ⁹³ Шлихтинг. Новое известие. С. 38—39; СГГД. Ч. 1. № 193. С. 557.
- ⁹⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 39.
- ⁹⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 465.
- ⁹⁶ Хофф. Тирания. Л. 13.
- ⁹⁷ Курбский. Сочинения. С. 285.
- ⁹⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 39.
- ⁹⁹ См.: *Sarmatia Europea discriptio... Alexandri Gwagnini veronesis*. Krakow, 1578. Fol. 31—32.
- ¹⁰⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 39.
- ¹⁰¹ Садилов. Очерки. С. 29.
- ¹⁰² Зимин. Опричнина. С. 203.
- ¹⁰³ Хофф. Тирания. Л. 13.
- ¹⁰⁴ СГГД. Ч. 1. № 193. С. 557.
- ¹⁰⁵ *Федотов Г. П. Святой Филипп Митрополит Московский*. Париж, 1928. С. 108.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 408.
- ¹⁰⁷ Шлихтинг. Новое известие. С. 39.
- ¹⁰⁸ Позднее в 1570 г. казни подверглись следующие участники собора: боярин В. Д. Данилов, дворянин I статьи В. А. Бутурлин, дворянин II статьи П. Д. Софроновский, дьяки И. Юрьев, М. К. Вислого, печатник И. М. Висковатый, казначей Н. А. Фуников, дьяки В. Степанов, И. Булгаков, К. Румянцев, гость П. Цвилленев.
- ¹⁰⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 38.
- ¹¹⁰ По мнению А. А. Зимины, Бундовы происходили из несвободной великокняжеской челяди (см.: *Зимин А. А. Земский собор... С. 232*).
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² См.: Альшиц. Новый документ. С. 42—43.
- ¹¹³ На соборе присутствовали И. М. и И. Ф. Карамышевы. Участником выступления, как установил А. А. Зимин, явился первый из них; И. Ф. Карамышев был жив еще в 1568 г. (*Зимин А. А. Земский собор... С. 230*). И. М. Карамышев в годы Ливонской войны служил дворянским головой в полках (1560 г.), а затем воеводой в псковском пригороде Острове (1561 г.) (см.: Там же. С. 231).
- ¹¹⁴ В 1556 г. Ф. Колычев сделал вклад по В. А. Карамышеву в Троицкий монастырь (*Зимин А. А. Земский собор... С. 231*. Примеч. 282).
- ¹¹⁵ ДРВ. Т. 14. С. 19; *Леонтьев А. К. Образование приказной системы управления в Русском государстве*. М., 1961. С. 67—69.
- ¹¹⁶ *Шумаков С. Обзор грамот коллегии экономии*. М., 1899. Вып. 1. С. 22.
- ¹¹⁷ ДДГ. С. 420, 422; Сб. РИО. Т. 71. С. 380.
- ¹¹⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 414—417.
- ¹¹⁹ По разрядам, конюший попал в Полоцк в 7075 г., т. е. не позднее осени 1566 — весны 1567 г. (см.: Разряды. Л. 333 об., 336). В цитируемой Разрядной книге списки полоцких воевод 7075 г. фигурируют дважды.
- ¹²⁰ Послания Ивана Грозного. С. 276, 444.
- ¹²¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 417, 420.
- ¹²² Там же. С. 424.
- ¹²³ В конце 50-х гг. Рыбин вынужден был заложить свою вотчину в Пошехонье (см.: *Зимин А. А. Земский собор... С. 231*). Основные его владения располагались в Костроме, где он служил (см.: ТКДТ. С. 148). Князь был записан в Дворовой тетради также в списке дворян Рузского уезда.
- ¹²⁴ Курбский. Сочинения. С. 282.
- ¹²⁵ См.: Веселовский. Исследования. С. 474; *Титов А. А. Вкладные книги Ростовского Борисоглебского монастыря*. Ярославль, 1881. С. 26.

**«ЗАГОВОР» КОНЮШЕГО
И. П. ФЕДОРОВА-ЧЕЛЯДНИНА**

Меры, проведенные в жизнь после Земского собора, с очевидностью показали, что правительство не намерено прислушаться к требованиям земского дворянства относительно отмены опричнины. Но после выступления членов собора власти не могли полагаться на одни только репрессии и старались укрепить опричнину путем расширения ее территории и упрочения социальной базы.

В феврале — марте 1567 г. царь взял в опричнину обширный Костромской уезд.¹ Кострома принадлежала к числу тех городов, которые вошли в состав Московского государства с момента его образования. Отличительной чертой уездного землевладения было почти полное отсутствие крупных княжеских вотчин и наличие развитого дворянского землевладения. Отмеченная особенность объясняет, почему выселения землевладельцев из Костромы носили значительно более скромные масштабы, чем «вывод» дворян из Суздаля. Согласно Разрядным книгам, в 1563 г. службу по Костроме несли 745 дворян полковой службы, в 1572 г. — 500.²

Если из Суздаля власти выселили никак не менее двух третей местных феодалов, то из Костромы — всего треть. При наборе опричников в Костроме правительство руководствовалось теми же принципами, что и при наборе опричной тысячи: предпочтение оказывалось худородному провинциальному дворянству. Накануне опричнины на дворовой службе числилось около сотни дворян и около 40 человек «литвы дворовой» из Костромы.³ Старый Государев двор остался в земщине, и потому лишь отдельные дворовые костромичи (Г. О. Полев с племянником, двое князей Козловских, из «литвы дворовой» — князь В. И. Вяземский, князь Д. А. Друцкий, возможно, Блудовы и др.) попали в опричнину. Представители местной знати («великие» Сабуровы с их родней Вельяминовыми, Карповы и др.) не были приняты на опричную службу. Выселение из Суздаля более половины помещиков позволило создать обширный фонд свободных земель, достаточный для испомещения опричников. В Костроме фонд конфискованных поместных земель, по-видимому, оказался недостаточным, и опричным властям пришлось прибегнуть к отчуждению вотчин. Дворяне Вельяминовы писали позже в своих челобитных, что их родовые вотчины «взял на себя государь вместе с городом, а не в опале, как государь взял Кострому в опричнину».⁴

Включение Костромского уезда в опричнину позволило резко расширить опричное войско. Его численность сразу увеличилась примерно в полтора раза. Новыми контингентами пополнилось также опричное стрелецкое войско. В 1572 г. Разрядный приказ послал в поход против татар «костромич и галичан и коряковцев и балахонцев 1000 человек с их головами».⁵

Вслед за Костромой царь забрал в опричнину территорию бывшего Старицкого удельного княжества, находившуюся в составе земщины с 1566 г. А. А. Зи-

мин полагал, что Старица перешла в опричнину после мая 1569 г. — на том основании, что в указанное время Успенский монастырь в Старице получил жалованную грамоту на вотчину за приписью земского дьяка Сидорова.⁶ Однако следует учесть, что названный монастырь владел вотчинами в разных уездах и жалованная грамота имела в виду его владения как в опричной Старице, так и в земских городах Твери, Кашине, Клине, Белой. По этой причине жалованная грамота и была подписана земским дьяком. Более надежным основанием для установления времени перехода Старицы в опричнину могут служить документы о выселении из этого города земских вотчинников. Сын боярский М. Кишкин в 1565 г. был выселен из опричного Можайского уезда и взамен конфискованной вотчины получил владения в земском Старицком уезде, откуда был выслан на Белоозеро. 2 октября 1567 г. Кишкин продал белозерскую вотчину, полученную им взамен старицкой.⁷ Отсюда следует, что земская Старица попала в опричнину ранее осени 1567 г.

Опричник В. Ф. Ошанин в 1567 (7075) г. описывал какие-то вотчинные земли в Верее, втором после Старицы городе бывшего Старицкого удела.⁸ Старицкий помещик Г. Штаден впервые узнал о зачислении Старицы в опричнину от опричного боярина А. Басманова. Боярин занял деньги у Штадена, чтобы срочно расплатиться с турецким купцом М. Челебеем, прибывшим в Россию в январе 1567 г. В Москве к началу 1568 г. узнали, что турки направили войска для похода на Астрахань, из-за чего М. Челебею предложили спешно покинуть Москву.⁹ Таким образом, отъезд Челебея и обращение Басманова к Штадену за деньгами имели место в 1567—1568 гг., сразу после перехода Старицы в опричнину.

Опричное войско пополнилось старицкими детьми боярскими. В 1572 г. в войне с татарами участвовало до 40 детей боярских из Старицы.¹⁰ Удельные князья издавна укрепляли свою столицу и выстроили там дворец. Поэтому Старица стала одной из любимых резиденций царя в опричнине.

В связи с переходом в опричнину Костромы и Старицы Иван IV расширил свои опричные владения в Москве. «Всякий раз, — писал Штаден, — когда великий князь брал в опричнину какой-либо город или уезд, он отписывал себе в опричнину одну или две улицы из пригородных (московских) слобод. Так убывали в числе земские бояре и простой люд. А великий князь — сильный своими опричниками — усиливался еще более».¹¹

Расходы на содержание опричной армии и строительство росли, и власти старались изыскать новые источники дохода. К августу 1566 г. в опричнину были взяты прикамские владения купцов и солепромышленников Строгановых. Опричные власти использовали их услуги в торговых делах.¹² В Приуралье Строгановы держали соляные варницы. Переход в опричнину последнего крупного центра соляной промышленности на востоке страны упрочил монополию опричной казны на соляной торг. Царь получил дополнительные средства для финансирования опричных проектов. Строгановы в свою очередь получили полную поддержку царя в собственных начинаниях. В 1568 г. Иван IV пожаловал опричной купеческой семье жалованную грамоту на еще не освоенные территории по р. Чусовой. Вопреки традиционному представлению, Грозный не помышлял о том, чтобы отдать в вотчину «торговым мужикам» Строгановым обширные земли на Каме. В своей жалованной грамоте он подчеркивал, что этот край — «наша (царская. — Р. С.) вотчина».¹³

Правительство не только расширяло границы опричнины, но и с лихорадочной поспешностью укрепляло важнейшие крепости и замки.

В первые дни опричнины Иван Грозный предполагал, что будет управлять своим уделом из Кремля. Поскольку старые дворцовые терема с Грановитой палатой, приказными избами и пр. оставались в земщине, царь надумал основать себе «особную» резиденцию в дальнем углу Кремля на месте старых царицыных хоромов и сгоревшего двора Владимира Старицкого, к которым

было присоединено «митрополичье место».¹⁴ Прошел год опричнины, и Грозный решил покинуть древнюю резиденцию московских государей Кремль, где его окружали земские бояре. В летописи значится: «В лето 7074-го году. Великий государь царь... перешел из Кремля города из двора своего, перевезеся жити за Неглинну реку на Воздвиженскую улицу на Арбат, на двор князь Михайловской Темрюковича, и изволил государь на том дворе хоромы себе строить царские и ограду учинити, все новое ставити».¹⁵

Решение переехать на двор Черкасского было продиктовано не тем, что последний был будто бы инициатором опричнины. Главная причина заключалась в том, что Арбат служил центром опричных владений в Москве и кратчайшие пути связывали эти владения с опричными городами Можайском и Вязьмой. Незадолго до опричнины в западных кварталах случился пожар, «загоревся за Неглинною на Воздвиженской улице княже Семенов двор Палецкого, и згорела церковь великий мученик Дмитриеи да двор княже Михайлов Темрюковича и иных всего девять дворов да пять келей».¹⁶ На месте пожарища образовался пустырь, который и использовали для строительства «особного» царского двора. Среди записей за май 1566 г. находим следующее летописное известие: «Того же лета повелел царь... двор себе ставити за городом за Неглинною, меж Арбацкие улицы и Никитские от полово места, где церкви великий мученик Христов Дмитрий... и ограду каменну вокруг двора повелел зделати».¹⁷

12 января 1567 г. царь покинул кремлевский дворец и «перешел на новый свой двор, что за городом против Ризположенских ворот».¹⁸ Арбатский замок был окружен мощной стеной на 1 сажень от земли — из тесаного камня и еще на 2 сажени — из кирпичей. Выходившие к Кремлю ворота, окованные железными полосами, украшала фигура льва. Его раскрытая пасть была обращена в сторону земщины. Шпили замка венчали черные фигуры двуглавых орлов. Днем и ночью несколько сот опричных стрелков несли караулы на его стенах.¹⁹

Замок на Арбате был воздвигнут в необычно короткие сроки и стоил больших денег. Царь, не желая тратить опричную казну, по обыкновению, заставил платить земщину. Как отметил в своих записках Г. Штаден, дворец «так дорого обошелся стране, что земские желали, чтобы он сгорел». Узнав о пожелании земских людей, царь обещал задать им такой пожар, который они не скоро смогут потушить.²⁰

Провал земельных мероприятий опричнины и поиски компромисса с земщиной ставили царя в сложное положение. Укрепляя опричину, он одновременно старался уверить соседей, будто никакой опричнины не существует. 11 апреля 1566 г. приставы получили наказ на возможные расспросы литовского гонца отвечать: «А нечто вспросят, что ныне у государя вашего словес опришнина, и им молвити: у государя нашего некоторые опришнины нет; живет государь на своем царском дворе (в Кремле. — *Р. С.*), и которые государю дворяне служат правдою, и те при государе и живут блиско, а которые делали неправды, и те живут от государя подале».²¹

Разделение государства, его вооруженных сил, финансов и пр. грозили подорвать обороноспособность страны, продолжавшей тяжелую войну с Польско-Литовским государством и Крымской ордой. Именно по этой причине русское правительство неизменно отрицало опричный раздел России и выдвинуло такое объяснение царских деяний, которое никого не могло убедить. Согласно официальной версии, царь прохлаждался — отдыхал и забавлялся в своих новых (опричных) резиденциях. В наказе русским послам к королю Сигизмунду II Августу, составленном в феврале 1567 г., значилось: «... великий государь велел себе двор поставить за городом (на Арбате. — *Р. С.*) для своего государственного прохладу... и по селам (в Слободе. — *Р. С.*) государь дворы ставит и по городом на посадех (в Вологде. — *Р. С.*) дворы велит же ставити: и он тут

дворы и ставит для своего прохладу». Послам не следовало отрицать факт казни «лихих людей» — князя В. Пронского и др., но они должны были решительно опровергнуть утверждение, что царь удалился в опричнину и «дворы ставит розделу для и для того кладучи опалу на бояр». «Делитца государю, — говорили послы, — не с кем».²²

Арбатский замок недолго служил главной резиденцией опричнины. Не доверяя земщине, царь перенес свою резиденцию в Александровскую слободу. Старинное дворцовое село превратилось в хорошо укрепленный замок, в котором нес службу постоянный гарнизон. Опричный Разряд стал назначать в Слободу воеводу. Отъезд государя из Москвы в село вызвал недоумение у иностранных дипломатов, и Иван IV велел своим послам заявить за рубежом следующее: «Государская воля, где хочет, тут живет, а то село (Александровская слобода. — *Р. С.*) близко Москвы, и государь живет для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе».²³

В июне 1565 г. Иван IV уезжал в Слободу и провел там почти месяц; 21 сентября он уехал из столицы на три месяца, на этот раз побывав кроме Слободы в Вологде и на Белоозере.²⁴

Неустойчивость политического положения и страх, одолевавший Грозного, породили один из самых фантастических и без сомнения самый дорогостоящий опричный проект. Описав осеннюю поездку царя на Вологду, земский летописец пометил: «Тоя же осени царь и великий князь заложил город Вологду камен и повеле рвы копати и подошву бити и на городовое здание к весне повеле готовить всякий запас».²⁵ Не чувствуя себя в безопасности в земской столице, Иван задумал основать себе в «государевой светлости опричнине» новую столицу. В Вологде намечено было соорудить грандиозный каменный Кремль, который по размерам не уступал бы московскому. Посреди крепости предполагалось возвести огромный собор по образцу главного столичного собора.

Местный летописец отметил, что земляные работы были начаты на первом году опричнины в дни посещения царем Вологды; Иван «в бытность свою на Вологде повелел рвы копать, и сваи уготавлиать, и место очистить...».²⁶ Вологодский летописец ошибочно датировал эти работы 7073 г. В действительности царь посетил Вологду в конце осени 1565 г., т. е. в 7074 г. Под этим годом летописец сделал помету о начале строительных работ: «Великий государь царь Иван Васильевич повеле заложить град каменной... заложен град месяца апреля в 28, на память святых апостол Ассона и Сосипатра...»²⁷ Царь торопил строителей и в феврале 1567 г. лично выехал на север «досмотрити градского основания на Вологде и всякого своего царского на Вологде строения».²⁸

В Вологде было немного служилых людей, и Вологодский уезд не был представлен в Государевом дворе Московской земли. Это позволяло самодержцу надежно отгородиться от старого «двора». Но тут были и свои неудобства. В царствующем граде Иван IV в любой момент мог вызвать из подмосковных поместий доверенных слуг, готовых выполнить любое его повеление. Проект перенесения главной опричной резиденции на север побудил власти приступить к испомещению опричных дворян в Вологодском уезде. В 1584 г. царь Федор Иванович пожертвовал местному монастырю осколки поместных владений, возникших в пределах дворцовых и черносошных волостей поблизости от Вологды. В. Д. Назаров, опубликовавший жалованную грамоту царя Федора, установил, что владельцами вологодских поместий были при Грозном опричники. Среди испомещенных под Вологодой опричных слуг находились В. Г. Грязной, опричный дьяк С. Ф. Мишурина, его брат Иван, дворяне Темиревы, Хитрово и др.²⁹ Вологодские поместья Грязного и Мишурина не превышали 150 четвертей в трех полях. Более крупными землями владели под Вологодой Ф. А. Басманов и дворяне Хитрово.

Сооружение мощной крепости в Вологде, на наибольшем удалении от границ, в труднодоступных лесистых местах не имело ничего общего с интере-

сами обороны страны от внешних врагов. Военные приготовления с полной очевидностью показали, что царь и его опричная дума опасались внутренней смуты и готовили себе убежище на тот случай, если в стране вспыхнет гражданская война.

Приступив к строительству крепости в Вологде, Иван Грозный поспешил упрочить давние связи с крупнейшим на севере Кирилло-Белозерским монастырем, находившимся в непосредственной близости от новой опричной резиденции. Приезжая в Вологду, царь неизменно ездил на богомолье в Кириллов. Во время одного из таких богомолий великий государь, призвав к себе в покои игумена Кирилла и нескольких других монахов, известил их о своем желании принять монашество. Царь уверял старцев, что если ему действительно суждено будет постричься, то он избрет себе именно Кирилло-Белозерский монастырь. В 1573 г. Иван напомнил кирилловским монахам содержание своей давней беседы с игуменом Кириллом. «Понеже помните, отцы святии, — писал Иван в послании 1573 г., — егда некогда прилучися неким нашим приходом к вам в пречестную обитель... от темныя ми мрачности малу зарю света Божия в помысле моем восприях, и повелех тогда сущему преподобному вашему игумену Кирилу с некими от вас братии негде в келии сокровене быти... и аз грешный вам известих желание свое о пострижении... ту абие возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обретох... пристанище спасения».³⁰ Установить время обращения Грозного в Кириллов помогают следующие факты. Известно, что в игуменство Кирилла царь трижды был на Белоозере: первый раз в 1565 г., затем в 1567 и 1569 гг.³¹ Во время второго посещения в 1567 г. Иван пожертвовал монастырю 200 руб., с тем чтобы монастырские власти устроили для него отдельную келью в стенах обители.³² Позже Грозный прислал в Кириллов драгоценную утварь, иконы и кресты для украшения своей кельи.³³ Пожертвование на келью в 1567 г. было, по-видимому, прямым результатом «сокровенной беседы» царя со старцами.

Несмотря на все старания сохранить содержание кирилловской беседы в тайне, слухи о возможном пострижении царя проникли в земщину и произвели там сильное впечатление. Пострижение Грозного и замена его на престоле кем-нибудь из его родственников казалась недовольному земскому боярству лучшим выходом из создавшегося положения. В качестве преемника Грозного все чаще и чаще называли его двоюродного брата князя Владимира.

Внутренняя борьба была тесно связана с внешнеполитическими расчетами и действиями участвовавших в конфликте сторон. Православные князья, выехавшие из Литвы на Русь в конце XV — начале XVI в., не порывали связей со своей литовской родней. Их отъезд в Москву немало способствовал успеху русских в войне с Польско-Литовским государством. Перевес сил был на стороне России, что вызвало к жизни проекты политического переустройства Восточной Европы. После смерти короля Александра Ягеллончика Василий III хлопотал об избрании на трон Литовского великого княжества.³⁴ Полвека спустя настроения знати стали меняться, свидетельством чему явились участвовавшие побеги бояр в Литву. Этот обратный поток на Запад увлек не одну только знать литовского происхождения, занявшую при московском дворе самое высокое положение. Служба московским государям, претендовавшим на самодержавную власть, утратила привлекательность в глазах аристократов. Отношения вассалитета, связывавшие монарха с боярством, теряли устойчивость в обстановке террора. В новых условиях династические планы Москвы имели мало шансов на успех. Тем не менее Иван IV не помышлял об отказе от них.

Отношения между Россией и Литвой ухудшились после отъезда литовских послов из Москвы. Стремясь закрепить за собой Полоцк, русские выстроили на территории Полоцкого уезда опорные крепости Улу и Сокол.³⁵ В ответ литовский сейм объявил о созыве «посполитого рушения» для войны с Москвой.³⁶ Литовская шляхта отнеслась к войне с Россией без всякого энтузиазма. Как

заметил М. К. Любавский, «в 1567 г. еще более, чем прежде, обнаружилось, что для успешной борьбы с Москвою у великого княжества Литовского не хватает более ни экономических, ни политических, ни моральных ресурсов».³⁷ Военное положение Литвы было весьма сложным. С юга в ее пределы вторглись татары, в Ливонии происходили бои со шведами.

Россия и Литва стремительно двигались навстречу новому вооруженному конфликту, чему немало способствовала тайная война, не прекращавшаяся даже в периоды мирных переговоров. Король использовал услуги русских эмигрантов, чтобы восстановить московскую знать против царя. Иван IV пытался привлечь на свою сторону литовских магнатов для осуществления своих тайных династических планов. В период полоцкой кампании в плен к русским попал знатный литовский воевода Ян Глебович. Перед отъездом на родину он обязался помочь Грозному в осуществлении его проектов. В мае 1566 г. в Москву приезжал слуга Я. Глебовича с письмом к И. Ф. Мстиславскому. На обратном пути слуга был арестован литовскими властями и подвергнут пыткам. Ян Глебович категорически отверг обвинения в том, что готовился к отъезду в Россию, но признался, что, будучи в Москве, клятвенно обещал царю склонить М. Радзивила, О. Воловича и других литовских магнатов, «абы они служили великому князю московскому». Претендуя на литовскую корону, Грозный через Я. Глебовича просил магнатов, чтобы они «ниоткуда пана себе достать не хотели, кроме его рода, то есть его самого и детей его».³⁸ Я. Глебовичу удалось убедить правительство, что речь шла о планах, осуществить которые предполагалось после смерти бездетного короля Сигизмунда II. Тем не менее открывшаяся интрига ухудшила отношения между польским и московским дворами.

Грозный понимал, что опричные беззакония и кровопролитие могут скомпрометировать его в глазах русской православной шляхты в Литве. Поэтому царские дипломаты, отправленные к королю, должны были категорически отрицать самый факт существования опричнины. Смягчение опричного режима в 1566 г. было отчасти связано с этими династическими проектами.

Вызов, брошенный Москвой, не остался без ответа. В тайной войне любое действие одной стороны вызывало противодействие другой. В Литве решительным противником домогательств царя выступил жмудский староста Ян Ходкевич. Именно он руководил розыском об измене Яна Глебовича и подверг пыткам его слугу. Весной 1567 г. по инициативе Ходкевича решено было направить в Россию секретные письма, составленные от имени короля Сигизмунда II Августа и адресованные виднейшим руководителям земской Боярской думы.³⁹ Посланный из Литвы лазутчик должен был проникнуть на Русь через Полоцк. Этот путь был кратчайшим: литовский рубеж проходил в 20—30 верстах от Полоцка. Но еще важнее было то обстоятельство, что лазутчик вез тайные грамоты боярину И. П. Федорову, находившемуся на воеводстве в Полоцке в ссылке. В совершенно аналогичной ситуации литовское правительство обратилось тремя годами ранее к опальному наместнику Юрьева князю А. Курбскому. Обращение привело к блестящему успеху литовской тайной дипломатии. Как Курбский, так и Федоров были сосланы в пограничные крепости из-за царской опалы, обоим грозили новые репрессии. По замыслам литовцев, полоцкий воевода должен был помочь лазутчику пробраться в Москву и увидеться там с кн. М. И. Воротынским и другими руководителями земщины. Королевский лазутчик И. П. Козлов был некогда послужившем Воротынских, что должно было облегчить литовцам соглашение с кн. М. И. Воротынским.⁴⁰

По мнению литовцев, М. И. Воротынский, просидевший три года в тюрьме на Белоозере, как нельзя более подходил к роли руководителя мятежа против Грозного. В тайном послании король Сигизмунд предлагал Воротынскому перейти в его подданство с крепостями и населением Новосильско-Одоевского княжества. Он обещал передать Воротынскому все земли, которые удастся

отвоевать у России благодаря службе самого удельного князя, т. е. в результате вооруженного мятежа против царя. Сверх того король обязался отдать Воротынскому в собственность несколько литовских замков и предоставить привилегии, которыми пользовались герцог Пруссии и другие крупные королевские вассалы. Король обещал Воротынскому, что незамедлительно пришлет ему военную помощь — своих «людей военных».⁴¹

Помимо королевской грамоты Козлов должен был вручить Воротынскому послание от гетмана Г. Ходкевича, который, подтверждая обещание помочь Воротынскому немалыми войсками и казной, выражал готовность предоставить в его распоряжение самого себя и все свое имущество. Чтобы побудить Воротынского к измене, гетман указывал на гонения «без правды» на бояр, неслыханное разделение страны на опричину и земщину, «жестокосердие неразсудительное» царя и т. д.⁴²

Помимо Федорова и Воротынского Литва рассчитывала привлечь к заговору других руководителей земщины — бояр кн. И. Д. Бельского и кн. И. Ф. Мстиславского. Гедиминовичи по крови, Бельский и Мстиславский происходили из литовской аристократии и имели в Литве влиятельную родню. Отец князя И. Ф. Мстиславского, крупный литовский магнат, выехал в Россию в 1526 г. Дед князя И. Д. Бельского покинул Литву в 80-х гг. XV в.⁴³ Сам И. Д. Бельский готовился бежать в Литву в 1562 г., когда получил от короля Сигизмунда II «опасные грамоты».⁴⁴ В 1567 г. литовское правительство предлагало Бельскому отъехать в Литву со всеми, кого он признает годными для королевской службы. Король обещал вернуть ему старинные владения Бельских в Литве и «сделать государем на своей земле». Аналогичное обещание получил и И. Ф. Мстиславский.⁴⁵

Планы вооруженного мятежа в земщине были разработаны до мельчайших деталей. В частности, предусматривалось, что финансировать заговор против Грозного будут известные своими пролитовскими симпатиями английские купцы, ездившие по торговым делам в Вильну, Нарву и Москву. В грамотах, отобранных у лазутчика, значилось: «Я, Сигизмунд, король польский и пр., прошу вас, английских купцов, слуг моих доверенных, помогать подателю сего письма и оказывать пособие и помощь тем русским, которые ко мне дружественны, как деньгами, так и всякими другими способами».⁴⁶ Царь сообщил о грамотах английскому послу А. Дженкинсону. Во время беседы с ним в сентябре 7076 (1567) г. Грозный сказал, что лазутчика захватили «прошлым летом», т. е. летом 7075 (1567) г. Именно тогда в России был задержан И. Козлов.

Как мы отметили выше, литовский лазутчик снабжен был тайными грамотами к полоцкому воеводе И. П. Федорову. От успеха переговоров с Федоровым, собственно, зависел исход всей литовской интриги. Согласится ли воевода использовать весь свой громадный авторитет в думе для организации заговора, поможет ли привлечь к заговору других руководителей земщины или, напротив, отвернется от затеянной авантюры и выдаст лазутчика царю? В тайных грамотах на имя Федорова король Сигизмунд II и гетман Г. Ходкевич настойчиво убеждали полоцкого воеводу «податься» в Литву. Гетман напомнил ему старые обиды (царь хотел «вчинити кровопроливство» над ним, теперь он «трудит» его своими службами в Полоцке), упомянул об известных всем симпатиях Федорова к польскому королю и обещал щедрые милости в случае отъезда его в Литву. В ответе воеводы значилось: «А штож писал еси, што яз государя вашего зычливый», «штож государь мой хотел мною кровопроливство вчинити...», «штож государь мой волокитами меня трудит...» и т. д.⁴⁷

Однако в отличие от Курбского И. П. Федоров не пожелал эмигрировать из России. Миссия Козлова потерпела неудачу в самом ее начале. Лазутчик пробрался в Полоцк, но его свидание с Федоровым имело неблагоприятный исход. Конюший, вероятно, сам выдал лазутчика властям. Царь в то время находился в Вологде. Узнав о поимке шпиона, он выехал в столицу и был там

уже 26 июня. В Москве он занялся розыском измены. Следствие обнаружило отсутствие каких бы то ни было серьезных оснований к обвинению земских бояр в государственной измене. Спустя два месяца царь доверительно рассказал английскому послу Дженкинсону, что сначала он «весьма оскорбился» грамотами польского короля к боярам и английским купцам, но потом, в особенности из-за признаний лазутчика перед казнью, решил не придавать грамотам никакого значения, полагая, что «все это — козни польского короля, сделанные с намерением возбудить подозрения царя к английским купцам, а также вызвать обвинения различных его сановников в измене».⁴⁸

Царь не без основания полагал, что нити литовской интриги тянутся к Курбскому. Спустя три года он приказал своим послам объявить в Литве о проступках князя, совершенных им после бегства: «...а ныне его многая измена: тайно лазучеством со государскими изменники ссылаетца на государское лихо и на крестьянское кровопролитие».⁴⁹

В 1577 г. Иван напомнил Курбскому фразу из его предыдущих писем: «...писал еси, что яз растлен разумом». Н. Г. Устрялов отметил, что подобного выражения нет в посланиях Курбского. Однако приведенная фраза, как указал Я. С. Лурье, встречается в послании гетмана Ходкевича Воротынскому 1567 г. «...Предполагал ли Грозный, — пишет Я. С. Лурье, — что действительным автором „лотровских“ (подлых) посланий боярам в 1567 г. был Курбский?».⁵⁰ Интересно, что как раз в начале 1567 г. король осыпал Курбского милостями и пожаловал ему богатейшее королевское имение Ковель.⁵¹ Универсалы 25—29 февраля 1567 г. о пожаловании А. Курбскому Ковеля начинались с общих рассуждений о том, что московский князь «утисняет» христианский народ, от его жестокого «панования» люди «утекают» в Литву, где их щедро жалует король.⁵² Милости, которых удостоился Курбский, должны были подкрепить щедрые обещания короля земским боярам. Недаром гетман Ходкевич писал Воротынскому, что доказательством милосердия короля к русским людям служит пожалование Курбскому первого после Киевского воеводства города (Ковеля) и других мест, «хотя род его среди московских родов занимал даже не десятое, а едва ли не двадцатое место».⁵³ Гетман, конечно, не имел в виду унижить или оскорбить род Курбского, который по знатности далеко уступал родам Воротынского, Бельского и Мстиславского.

Завершив расследование дела, Грозный решил вступить в переписку с польским королем для его вразумления. С этой целью он велел составить ответные письма королю от имени главных бояр земщины. Письма, составленные по общему плану, в значительной мере повторяли друг друга. Исключением явилось лишь письмо конюшего И. П. Федорова, написанное в Полоцке 6 августа 1567 г. Оно было подготовлено, по-видимому, без всякого участия царя Ивана.⁵⁴ Полоцкие послания рисуют их автора как человека сдержанного и разумного: он всячески избегает «грубиянства» по отношению к королю, которое могло бы вконец испортить дипломатические переговоры с Литвой.⁵⁵ В то же время он с едким сарказмом высмеивает попытку литовских панов вмешаться в дела России: «Не бывало и того, чтобы Литва Москву судила — вам, пане, впору управиться со своим местечком, а не с Московским царством».⁵⁶

Участие царя в составлении московских посланий Воротынского, Бельского и Мстиславского не подлежит сомнению. Наиболее интересным из этих посланий было послание от имени Воротынского; в нем нашли отражение излюбленные политические идеи царя о происхождении царской династии от «Августа кесаря», о божественной природе власти московских государей, «наследственных», а не «посаженных», как польские короли.⁵⁷

Бояре-гедиминовичи князя И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский притворно соглашались принять литовское подданство, но выдвинули свои условия. Вместе с Воротынским они иронически предлагали королю разделить между

ними все Литовское великое княжество, самому же остаться на польском королевстве, чтобы затем всем вместе перейти под власть «великого государя его царского волного самодержьства», а уж Иван Васильевич оборонит их всех от турок, татар и других неприятелей.⁵⁸

В совершенно одинаковых выражениях бояре ругали короля за то, что тот «безлепичными» грамотами затевает ссору и, не умея победить врага храбростью, хочет одолеть его по-воровски, хватая исподтишка, подобно змее.⁵⁹ Послания к королю и в особенности к Ходкевичу содержали отборную брань, о чем, надо полагать, более всего позаботился сам царь. Послания «Ходкееву» заканчивались следующим наставлением: «За то, что ты нам, обезумев, написал, в любом месте такого негодяя наказали бы, избив палками».⁶⁰

Ругательные послания королю ни в коем случае не отражали настроений земской знати. Они свидетельствовали лишь о том, что опальному Федорову и главным руководителям земщины удалось отвести от себя подозрения в государственной измене.

Отказавшись от мысли наказать бояр, самодержец решил отпустить в Литву лазутчика Козлова, чтобы преподать королю еще один урок. Козлов должен был передать королю на словах все, что осталось недоговоренным в письмах. Об устном поручении лазутчику упоминалось в грамотах королю, датированных 2—15 июля 1567 г. «А иное есми всказали тебе, брату своему, — писали бояре, — словом мовити твоему верному слуге Ивашку Козлову, и што он учнет тебе говорить, и ты б ему верил, бо то суть наши речи».⁶¹ Однако Козлову не суждено было вернуться в Литву. Причиной тому были военные неудачи на западных границах России.

В ответ на военные приготовления в Литве Москва предприняла внушительную военную демонстрацию на границе.⁶² В июле полоцкий воевода И. П. Федоров направил князя Ю. Токмакова по ульской дороге на оз. Сушу. В 70 верстах от Полоцка на острове посредине озера Токмаков построил крепость, которая открывала прямую дорогу на литовскую столицу Вильнюс. Крепость получила весьма многозначительное название Копие. Пока шло строительство крепости, подходы к ней с запада охранялись сильным земским войском во главе с князем П. С. Серебряным. Воеводе было приказано «проведывать вестей: где князь Юрьи Токмаков город ставит, и быть тут князь Петру, город беречи, чтоб князь Юрью город было поставить безстрашно».⁶³ Серебряному надлежало вести непрерывные наблюдения за передвижениями неприятельских войск. Но он проявил редкую беспечность. Литовский гетман Сангушко во главе двухтысячного отряда вышел из Чашник и вступил в бой в первую пятницу после выступления, т. е. 25 июля 1567 г.⁶⁴ Отряд П. С. Серебряного был застигнут врасплох. По сообщению псковского летописца, «литовские люди, пригнав изгоном, на зори, да многих прибили и князя Василия Палецких убили, а князя Петра Серебряных убегл в Полоцко».⁶⁵ Царские войска бежали с поля боя. Воевода князь В. Д. Палецкий был смертельно ранен и, будучи пленен, умер от ран.⁶⁶ Лишь Ю. Токмакову удалось отсидеться в недостроенной крепости посреди оз. Суши.

В войске Серебряного было много татар. Их предводитель Амурат был убит. Литовский хронист М. Стрыйковский сообщает, что королевские войска разгромили воевод О. Щербатого и Ю. Борятинского, имевших под началом 300 татар и якобы 6 000 русских.⁶⁷ Из приведенных чисел достоверно, по-видимому, лишь первое. На основании Разрядных книг можно установить, что Щербатый возглавлял небольшой отряд городецких татар, а Борятинский — отряд служилых татар из неназванных мест. Татарскую конницу, собранную в районе Великих Лук, возглавляли двое татарских царевичей, воеводы М. И. Салтыков, Ф. Карпов и шесть других дворян. Литовцы рассеяли татар и взяли в плен Щербатого и Борятинского.⁶⁸

Поражение земских воевод произвело в Москве самое тягостное впечатление. От заносчивого настроения, сквозившего в царских посланиях к литовцам, не осталось и следа. Царь, утратив интерес к бранчливой переписке с королем, занялся подготовкой похода в Литву. Отложив перо, он решил мстить своему недругу мечом.

Язвительные ответы не были посланы литовцам. Уже в федоровских посланиях начала августа ни словом не упоминалось об отпуске в Литву лазутчика Козлова. Причиной было то, что после поражения на границе его посадили на кол. О казни Козлова царь сообщил английскому послу в сентябре 1567 г.

Поражение на Суше не вызвало подозрений в боярской измене. Непосредственный виновник поражения боярин князь П. С. Серебряный не был наказан и уже через два месяца участвовал в новом походе против литовцев. Тем не менее внешние неудачи еще больше осложнили положение правительства.

Казни челобитчиков, выступивших после Земского собора, расширение территории опричнины и пополнение опричного войска, укрепление опричных замков воочию показали земщине, что время уступок со стороны опричной думы миновало. Царь и его окружение все больше возвращались к старым насильственным методам правления страной. Однако теперь в опричной политике наметились определенные признаки неуверенности и слабости. Выступление оппозиции на соборе показало, что недовольство глубоко захватило новые группировки феодального сословия земщины: старомосковское боярство, часть дворянства, приказную верхушку и, наконец, церковников. Летом 1567 г. в земщине широко распространились слухи о посещении царем Кириллова. Неосторожными и двусмысленными речами насчет намерения постричься в монахи Иван дал богатую пищу для всевозможных нежелательных толков в земщине, ободривших оппозицию. Толки эти поддерживались также слухами, будто царь и его ближайшее окружение ведут в слободе монашеское житье, как бы примеряясь к монастырской жизни. Всем памятно было первое отречение Грозного, и потому главным предметом пересудов в земщине стал вопрос: кто займет престол в случае вторичного отречения Грозного и пострижения его в монахи. Законному наследнику исполнилось 13 лет. Но противники царя не желали видеть его на троне. При нем Грозный имел возможность в любой момент покинуть монастырь и вновь взять бразды правления в свои руки.

После царевича Ивана наибольшие права на престол имел двоюродный брат царя удельный князь Владимир Старицкий. Он не обладал талантами государственного деятеля, но бояре и не искали для царя Ивана способного преемника. Их более всего тревожили и возмущали деспотические и самодержавные замашки Грозного, крушение традиционных политических порядков. Смена лиц на троне позволила бы прежде всего возродить освященные вековой практикой порядки («старину»).

Однако после суда над князем Владимиром его прежнему влиянию пришел конец. Царь позаботился о том, чтобы заточить в монастырь его волевою и энергичною мать княгиню Ефросинью, тщетно добывавшуюся короны для сына с 1553 г. Из Боярской думы выбыли самые деятельные и влиятельные родственники и приверженцы Ефросиньи бояре князя П. М. Щенятев и И. А. Куракин. Ликвидация Старицкого удела в традиционных границах, смена бояр удельной думы и роспуск удельного двора довершили дело. Князю Владимиру с его посредственными способностями не под силу было объединить вокруг себя сколько-нибудь значительные политические силы. Вот почему избрание Старицкого на царский престол едва ли могло быть результатом его собственных усилий или же происков его партии. В значительно большей степени оно зависело от позиции влиятельного старомосковского

боярства, возглавлявшего правительство земщины. В первые годы опричнины наибольшим влиянием в земщине пользовалась группировка конюшего И. П. Федорова-Челяднина. Конюший возглавлял московскую семибоярщину в начале опричнины и был очень популярен в народе.⁶⁹ На протяжении длительного времени Федоров руководил Конюшенным приказом. В системе московского управления названный приказ занимал совершенно особое место. Старинный «конюшенный путь» выделился в самостоятельное дворовое ведомство с конца XV в. С момента своего появления титул конюшего стал наследственной принадлежностью одной из самых знатных старомосковских фамилий Челяднинных. Первым конюшим был А. Ф. Челяднин (1495—1496 гг.), затем этот чин носили его сын И. А. Челяднин (до 1514 г.) и И. И. Челяднин (1539—1541 гг.).⁷⁰ Род Челяднинных пресекся в середине XVI в., но их фамильное прозвище усвоил И. П. Федоров, предком которого был И. Хромой, старший брат родоначальника Челяднинных. Женившись на Марье Челядниной, И. П. Федоров унаследовал громадные земельные богатства Челяднинных. И. П. Федоров носил чин конюшего более 40 лет. Впервые он назван с этим титулом в 1546 г., когда едва не был казнен по проискам Глинских. Будучи сослан на Белоозеро, он пробыл там недолго и в 1547 г. вернулся в Москву, где возглавил боярский суд.⁷¹ Глава правительства М. И. Глинский добился чина конюшего, но его правление оказалось недолговечным. И. П. Федоров, по-видимому, принимал деятельное участие в свержении Глинских в дни московского восстания 1547 г. Разрядные книги именуют Федорова конюшим начиная с декабря 1547 г., официальная летопись — с весны 1551 г.⁷² По мнению А. А. Зимина, Федоров недолго возглавлял Конюшенный приказ, так как вскоре после раскрытия заговора 1553 г. царь решил обезглавить «боярский синклит» и вовсе ликвидировал звание конюшего. В подтверждение своей мысли А. А. Зимин ссылается на свидетельство папского посла А. Поссевина, ездившего в Россию в 1582 г. В своих записках тот вскользь заметил, что в Москве уже 30 лет не было конюшего.⁷³ Но позднее известие Поссевина никак не следует принимать за отправную точку хронологических выкладок. Во время боярского заговора 1553 г. И. П. Федоров первым донес правительству на заговорщиков.⁷⁴ Царь мог лишить его титула конюшего разве что в наказание за верную службу. А. А. Зимин считал, что последние данные о конюшестве Федорова относятся к августу 1553 г.⁷⁵ Это не совсем так. Сошлемся на запись Разрядного приказа от 9 мая 1556 г., где связжский наместник Федоров именуется с чином конюшего.⁷⁶ Сплошной просмотр официальных документов обнаруживает, что в них И. П. Федоров именуется обычно боярином и воеводой без дальнейших титулов. Указанная особенность наблюдается даже в те годы, когда его конюшество не вызывает ни малейшего сомнения. Без чина конюшего он назван в свадебном Разряде за 1550 г., в Дворовой тетради 1552 г. и т. д.⁷⁷ Исключительно важным является указание официальной московской летописи на то, что в момент учреждения опричнины Федоров возглавлял Конюшенный приказ. В послании из Слободы в январе 1565 г. Иван объявил опалу всей думе и персональную конюшему (И. П. Федорову). По указу об опричнине (февраль 1565 г.) царь передал управление страной земским боярам, «а конюшему и дворетцкому... велел быти по своим приказом...»⁷⁸ Издавна конюшие-бояре занимали более высокое положение в системе московских чинов, чем дворецкие. В XVII в. Г. Котошихин писал, что боярин и дворецкий «честию бывает другой человек под конюшим первой».⁷⁹ В записке о московском управлении, составленной в 1610—1613 гг., указано, что во главе различных приказов стоят «бояре и дьяки», тогда как во главе Конюшенного приказа стоит «начальной боярин, а с ним ясельничий да два дьяка».⁸⁰ По-видимому, конюшие в качестве «начальных бояр» старомосковской Боярской думы имели некоторые особые prerogatives в качестве старших бояр старомосковской

думы. По словам А. Поссевина, конюшие-бояре Московского государства обладали правом выбора царя, когда трон вакантен.⁸¹

Версию Поссевина в еще более категорической форме подтвердил много позже такой знаток московских традиций, как Г. Котошихин. «А кто бывает конюшим, — писал он, — и тот первый боярин чином и честью; и когда у царя после его смерти не останется наследия, кому быть царем кроме того конюшего? Иному царем быти некому, учинили бы его царем и без обирания».⁸²

Версия Г. Котошихина заслуживает критического разбора. Ее косвенным подтверждением может служить тот факт, что перед казнью И. П. Федорова Иван IV велел тому сесть на трон и облечься в царские одежды.⁸³ С другой стороны, можно предположить, что Г. Котошихин лишь пытался обобщить единичный факт избрания на трон правителя и конюшего Б. Ф. Годунова в конце XVI в.

Можно высказать предположение, что конюшие, считавшиеся «начальными боярами», выступали полномочными представителями думы, когда страна оставалась без монарха. В такие периоды они исполняли роль местоблюстителей. Возможно, именно в связи с этим обстоятельством малолетний великий князь Иван IV воспитывался в семье И. И. Челяднина, который «ходил у великого князя в дяди место» и носил чин «кравчего», затем конюшего боярина. «Мамкой» наследника была Аграфена Челяднина. Перед кончиной Василий III наказал ей, чтобы она «ни пяди не отступала от мальчика».⁸⁴

Глубокий раздор между царем и Боярской думой и слухи о возможном вторичном отречении Грозного поставили государство на порог нового династического кризиса. Разрешение его зависело в значительной мере от старомосковской знати, в первую очередь от позиции наиболее влиятельной в земщине группировки конюшего И. П. Федорова-Челяднина.

Через своих многочисленных соглядатаев в земщине царь был прекрасно осведомлен о династических притязаниях Старицкого и всевозможных нежелательных толках в Боярской думе. Впоследствии Иван не раз язвительно смеялся над планами возведения на престол князя Владимира Андреевича.

Незадолго до введения опричнины Грозный составил подробный рассказ о первом боярском заговоре в пользу Старицкого, который заканчивался следующей многозначительной фразой: «И оттоле бысть вражда велия государю с князем Володимером Ондреевичем, а в боярех смута и мятеж, а царству почала быти во всем скудость».⁸⁵

После Земского собора «смута и мятеж в боярех» приобрели куда более опасный размах. Смысл «смуты» состоял в том, что недовольное боярство вновь готовилось поддержать династические притязания Старицкого в случае, если бы царский престол оказался вакантным.

Опасность заговора и феодальной смуты носила реальный характер. Почвой служило всеобщее недовольство опричной политикой в среде земских бояр и дворянства. «Недовольных и заговорщиков, — пишет С. Б. Веселовский, — было больше, чем требуется для действительного заговора. Об этом болтали в Москве и в полках, на улицах и дома. Услужливые люди подхватывали эти разговоры, доносили царю и держали его в постоянной тревоге».⁸⁶ Слухи о заговоре в земщине не на шутку пугали царя Ивана, он стал серьезно подумывать об отъезде с семьей за границу, если в стране начнется феодальная смута. Подобные мысли приходили на ум мнительному и нервному самодержцу и прежде. Но первые шаги к практическому осуществлению их Иван предпринял только теперь.

В конце августа 1567 г. в Москву прибыл английский посол А. Дженкинсон, удостоенный официальной аудиенции в день праздника Нового года, первого сентября.⁸⁷ Спустя несколько дней посол был вызван к царю в опричный дворец. Посещение дворца было окружено тайной. Глубокой ночью

царь встретил Дженкинсона и сам проводил его во дворец «тайными переходами». В переговорах участвовали любимец царя князь А. Вяземский, а также английский купец Р. Рюттер, потому что «было в таком великом деле толмачити некому», как впоследствии объяснял Грозный.⁸⁸ Поручения царя к английской королеве были столь необычны, а их разглашение чревато такими осложнениями, что Иван запретил Дженкинсону делать какие бы то ни было записи: «... и приказали есмь с ним к тебе (королеве. — *Р. С.*) словом свои великие дела тайные».⁸⁹

Сведения о тайной беседе сохранились благодаря тому, что посол составил письменный отчет о ней немедленно по возвращении в Англию в ноябре 1567 г. Согласно записи Дженкинсона, Грозный предложил послу военный союз и просил королеву в случае «беды» предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей жизни, и жить там и иметь убежище, без опасности, пока беда не минует, Бог не устроит иначе».⁹⁰ Царь не желал ронять свое достоинство и потому хотел, чтобы соглашение носило обоюдный характер. Каждая из договаривающихся сторон должна была предоставить другой убежище на взаимных условиях. Подобная дипломатическая форма соглашения не могла никого обмануть и не имела значения сама по себе. Особое значение придавалось тому, чтобы «хранить это (соглашение. — *Р. С.*) в величайшей тайне».⁹¹ Запись беседы Грозного с Дженкинсоном удивительно напоминала некоторые места царского завещания. Так, Иван просил Дженкинсона предоставить ему убежище в Англии, «пока беда не минует, Бог не устроит иначе». В тех же выражениях Грозный поучал сыновей в завещании: «А докудова вас Бог помилует, свободит от бед» и т. д.

Обращение царя с Дженкинсоном имело самый дружественный характер. Мы, говорил позже Иван, «высказали ему наше намерение запросто, с таким дружелюбием, какого никогда никому (из чужестранцев. — *Р. С.*) не оказывали».⁹²

Грозный считал переговоры с англичанами делом, не терпящим отлагательств, и настаивал на том, чтобы ответ королевы доставлен был ему в ближайшую навигацию. По этой причине Дженкинсон пробыл в Москве очень недолго. Около 16 сентября ему было вручено официальное царское послание королеве, содержавшее ряд незначительных просьб. 22 сентября царь распорядился выдать Московской компании жалованную грамоту с подтверждением ее привилегий. Английские купцы могли вести беспошлинный торг в Казани, Астрахани, Нарве, Дерпте, имели право на торговлю с Шемахой на Кавказе.⁹³ По расчетам царя, экономические уступки должны были облегчить достижение политического соглашения с Англией.

Много лет спустя Иван откровенно объяснил новому английскому послу причины, побудившие его обратиться к англичанам в 1567 г. «Поводом нам замыслить те переговоры с нашею сестрою было верное предвидение нами изменчивого и опасного положения государей и того, что они наравне с нижайшими подвержены переворотам».⁹⁴

Несмотря на все усилия царя сохранить в тайне обращение к англичанам, сведения о нем вскоре же проникли в земщину. Поразительный отчет Дженкинсона о поездке в Москву получил довольно широкую огласку при английском дворе. Отсюда сведения должны были через купцов рано или поздно просочиться в Россию. Отголоском их явилась запись местного псковского летописца о злом волхве, англичанине Бомелее, который подучил царя «бежати в Англинскую землю», «а свои было бояре оставшие побити».⁹⁵

Неуверенность и малодушие Грозного вызвали тревогу и замешательство в среде опричников, причастных к жестоким репрессиям против земщины. Преторианцы прекрасно понимали, какой конец ждет их в случае смуты и бегства царя. В земщине опрометчивый шаг Ивана был встречен ликованием.

Недовольные предсказывали близкий конец опричнины и все чаще называли имя Старицкого как единственного возможного преемника Грозного на царском престоле. В пользу князя все больше склонялись и наиболее влиятельные в земщине группировки старомосковских бояр.

Литовские власти были осведомлены о положении в Москве и старались ускорить низложение Ивана IV посредством тайных интриг. Одновременно они выдвинули план военного похода на Россию. Известия о выступлении земских бояр против опричнины и последующих казнях вселяли надежду на то, что королевские войска не встретят большого сопротивления со стороны земских воевод. Показания русских перебежчиков подтверждали такие прогнозы. Типичной можно признать запись, сделанную со слов перебежчиков в 1568 г.: «А теперь дей в нас (в России. — *Р. С.*) горей татар оприщина, што дей своя земля з собою режетца, и тая деи оприщина бардзо землю Московскую пунту чинит, а так дей многие люди наши просят Бога со слезами, што быхмося господарю вашему (королю. — *Р. С.*) остали».⁹⁶ Не имея возможности справиться с опричниной собственными силами, недовольные возлагали надежды на помощь из-за рубежа. Поражение русских на Суше показало, что террор уже начал оказывать деморализующее воздействие на войско. Литовское правительство рассчитывало использовать внутренние трудности России, чтобы вернуть Литве Полоцк и добиться перелома в ходе Ливонской войны. Казна была пуста, и властям пришлось провести второй за год сбор подати по всей Литве. Для содержания наемного войска король вынужден был заложить несколько имений.⁹⁷ Подталкивая земских бояр к мятежу, литовцы обещали им внушительную военную помощь. Но она явно запаздывала. Лишь к августу 1567 г. удалось собрать в лагере под Молодечно значительные силы. Между тем 6 августа боярин И. П. Федоров написал письмо к Яну Ходкевичу, в котором категорически отвергал предложение о переходе на королевскую службу. Из Молодечно литовская армия перешла в Радошковичи (конец ноября), а оттуда еще ближе к русской границе в Борисов (декабрь).⁹⁸ По утверждению польских и литовских хронистов, в Радошковичах было собрано такое многочисленное войско, какого давно не видели в Литве.⁹⁹ Прошло три года, и Сигизмунд II Август обратился с письмом к правителю Литвы М. Радзивилу, советуя ему вновь послать гонцов в Москву «к тем (боярам. — *Р. С.*), расположенным к нам, о которых сообщал нам твоя милость в Коиданове и в других местах, чтобы убеждать главных людей (московских вельмож. — *Р. С.*) к вольности и свободе вместо неволи и господства панов их (царя Ивана и его детей. — *Р. С.*), которые не захотят иным способом ими (русскими. — *Р. С.*) управлять».¹⁰⁰ Указание на Каиданов помогло Б. Н. Флоре расшифровать смысл королевского письма. В Каиданове король останавливался в дни похода на Радошковичи в 1567 г. Письмо показывает, сколь важное значение Радзивил и другие литовские магнаты отводили в своих планах действиям опальных земских бояр, расположенных к королю и готовых перейти к нему на службу. Все расчеты строились на том, что у бояр, которым грозила тюрьма и плаха, не было иного выхода. В свое время беглый литовский магнат князь М. Глинский помог русским отвоевать у Литвы Смоленск. Полоцкий воевода И. П. Федоров должен был помочь литовцам отвоевать Полоцк. Однако тайная интрига против царя не увенчалась успехом.

Наступление вылилось в крупномасштабную демонстрацию военных сил. Бои, происходившие в приграничных районах, закончились безрезультатно: гетману Ходкевичу не удалось взять Улу, а отряд Ф. Кмиты не достиг успеха под Смоленском.¹⁰¹

Русское командование своевременно усилило гарнизоны в Полоцке и Смоленске. Главные земские воеводы все лето оставались в Москве. Они должны были действовать по обстановке и выступить либо против короля на запад-

ную границу, либо на Оку в случае вторжения Крымской орды. Третьего сентября царь принял решение лично возглавить поход земских и опричных войск в Ливонию.¹⁰² В соответствии с разработанным планом русской армии предстояло занять замки Люцен (Лужу) и Розиттен (Режицу) для решительного наступления на Ригу. При благоприятной ситуации армия должна была изменить маршрут и повернуть на Вильну, столицу Литовского великого княжества.¹⁰³

20 сентября Грозный во главе опричного войска выступил из Москвы в Новгород и Псков. Одновременно земские войска двинулись к Пскову через Можайск и Великие Луки. В начале ноября обе армии соединились близ ливонской границы. Однако вторжение в Ливонию так и не было осуществлено. В середине ноября царь, разбивший лагерь в Красном, спешно покинул армию. Как повествует новгородский летописец, Иван с сыном «стояли в Красном городке, из Красного городка воротились и погнали к себе в Москву».¹⁰⁴ В поездке царскую семью сопровождали опричные бояре и стража.

Прежде чем покинуть войска, Грозный вызвал в свою ставку на Ршанском яму виднейших земских бояр и длинной речью старался убедить их в необходимости отложить поход. Боярам было указано на то, что осадная артиллерия сильно отстала от армии из-за распутицы, что без артиллерии идти в Ливонию нельзя, что в Литве собраны многочисленные войска и т. д.¹⁰⁵ Ссылка на артиллерию была скорее всего поводом: решение военного совета оставить «большой наряд» в Порхове свидетельствовало о том, что осадная артиллерия не очень сильно отстала от армии и находилась поблизости от ливонской границы. Тем не менее совет, на котором присутствовало семь виднейших членов Боярской думы и многие из воевод, последовал рекомендации царя и 12 ноября 1567 г. приговорил «отставить» поход в Ливонию.¹⁰⁶

Решение прекратить тщательно подготовленное наступление было продиктовано соображениями не столько военного, сколько политического порядка. Во время похода царя уведомили о том, что недовольные земские дворяне во главе с Федоровым организовали против него заговор.

Сведения о заговоре Федорова крайне противоречивы и запутанны. О нем писали многие авторы, но только двое из них, Штаден и Шлихтинг, были непосредственными очевидцами событий.

Штаден несколько лет служил толмачом в одном из земских приказов, лично знал конюшего Федорова и пользовался его расположением. Благодаря покровительству Басманова он был принят затем в опричнину и участвовал в расправах с земцами.¹⁰⁷ В своих «Записках», составленных в конце 70-х гг., Г. Штаден утверждал, что известные ему факты он записал «с поспешением и коротко, но беспристрастно».¹⁰⁸ В самом деле, мемуарам чужда та крайняя тенденциозность, которой, к примеру, отличаются «Сказания» А. Шлихтинга. Осведомленность Г. Штадена относительно настроений земщины не вызывает сомнений. О заговоре он рассказывает следующее: «У земских лопнуло терпение. Они начали совещаться, чтобы избрать великим князем князя Володимера Андреевича... а великого князя с его опричниками убить и извести. Договор был уже подписан... Великий князь ушел с большим нарядом; он не знал ничего об этом сговоре и шел к литовской границе в Порхов... Князь Володимер Андреевич открыл великому князю заговор и все, что замыслили и готовили земские. Тогда великий князь распустил слух, что он вовсе не хотел идти в Литву или под Ригу... На ямских вернулся он в Александрову слободу...»¹⁰⁹ Штаден утверждает, что недовольные земцы желали уничтожить опричнину и посадить на трон Старицкого.

Шлихтинг располагал более обширной информацией относительно заговора в земщине, нежели Штаден. В качестве переводчика он не раз участвовал в беседах между лейб-медиком Лензеем и Вяземским, непосредст-

венно руководившим следствием о заговоре Федорова. Но информация Шлихтинга отличается односторонним характером: она отражала сугубо официальную версию.¹¹⁰

В своих записках Шлихтинг дважды касался вопроса о земском заговоре, причем в каждом случае истолкование событий не только различно, но и исключает другое. В «Новостях» Федоров изображен злонамеренным заговорщиком. В «Сказаниях» он представлен как жертва тирана, неповинная «даже в дурном подозрении».¹¹¹ «Новости» — это краткая фактическая записка, составленная Шлихтингом тотчас после бегства в Литву. «Сказания» были написаны несколько позже по заданию литовского правительства. В них Шлихтинг сознательно фальсифицировал сведения о заговоре Федорова, но и тут не отказался от своей первоначальной версии. На последних страницах «Сказаний», при описании новгородского разгрома он мимоходом заметил: «И если бы польский король не вернулся из Радошкович и не прекратил войны, то с жизнью и властью тирана все было бы покончено».¹¹² Это замечание, рассчитанное на невнимательного читателя, не имело никакого отношения к новгородской истории. Поход короля в Радошковичи совпал по времени с заговором Федорова.

В краткой записке, поданной королю, Шлихтинг писал следующее: «Когда три года тому назад в. к. в. были в походе, то много знатных лиц, приблизительно 30 человек с князем Иваном Петровичем во главе, вместе со своими слугами и подвластными, письменно обязались, что передали бы великого князя вместе с его опричниками в руки в. к. в., если бы только в. к. в. двинулись на страну. Но лишь только в Москве узнали, что в. к. в. только отступали, то многие пали духом; один остерегался другого, и все боялись, что кто-нибудь их предаст. Так и случилось».¹¹³ План заговора, по Шлихтингу, был выдан царю Старицким и руководителями земской Боярской думы.¹¹⁴

Это известие подтверждает данные Г. Штадена о том, что заговор раскрылся во время ливонского похода вследствие доноса Старицкого. Но в рассказе А. Шлихтинга появляется новый момент. По его утверждению, Федоров и прочие заговорщики находились в тайном сговоре с литовским правительством. О внутренних целях заговора Шлихтинг полностью умалчивает.

Ряд интересных сведений о заговоре Федорова сообщают ливонские, литовские и польские хроники, авторы которых пользовались рассказами русских беглецов и т. д. Названные источники распадаются на материалы литовского и ревельского происхождения. Они содержат существенно различные версии событий.

Соломон Геннинг был первым официальным историографом созданного под эгидой Литвы вассального Курляндского герцогства. Он с успехом исполнял королевскую службу, за что был возведен Сигизмундом II в дворянское достоинство. В грамоте от 10 мая 1566 г. король называл Геннинга своим слугой и секретарем и хвалил его усердие в исполнении королевских дел. Первое издание Ливонской хроники Геннинга увидело свет в 1587 г.

Геннинг рассказывает о заговоре следующее: «В Москве, как говорили (! — Р. С.), несколько вельмож и особенно кровных друзей и родственников великого князя (ниже Геннинг называет имя Старицкого. — Р. С.) составили между собою заговор и решили изменить великому князю за его жестокую тиранию и предаться его королевскому величеству». Чтобы поддержать заговорщиков, король выступил с армией в Радошковичи.¹¹⁵

А. А. Зимин, ссылаясь на позднего ливонского историка Кельха,¹¹⁶ высказывает предположение, что его рассказ через Гваньини, возможно, восходит к Шлихтингу.¹¹⁷ В действительности, Кельх почти дословно повторил рассказ Геннинга, прибавив к нему некоторые недостоверные подробности.

Например, он включает в число заговорщиков помимо Старицкого также М. Т. Черкасского.

Литовский хронист А. Гваньини служил в гарнизоне Витебска на русской границе. Его сочинение было издано в Кракове в 1578 г. Гваньини был знаком с памфлетом А. Шлихтинга и широко использовал его в своей хронике.¹¹⁸ Рассказ Гваньини о злонамеренном заговоре бояр против царя почти дословно повторяет известие А. Шлихтинга.¹¹⁹

Сочинение польского хрониста М. Бельского представляет собой сложную компиляцию. Хроника увидела свет после смерти автора в 1597 г. М. Бельский знал о многих обстоятельствах московского заговора, но изложил их достаточно тенденциозно. Так, он утверждал, будто миссия лазутчика Козлова в Россию поначалу удалась и он «подговорил почти всех главнейших бояр в Москве, чтобы они, как только король подойдет с войском, перешли бы на его сторону, а князя Московского, связав, выдали бы... но когда Московский узнал, Козлов попал на кол». М. Бельский утверждал, что заговор бояр был приурочен ко времени похода королевской армии из Радошковичей на Москву.¹²⁰

Литовская версия о заговоре бояр не находит подтверждения в источниках шведского происхождения. Современник Грозного Б. Рюссов служил пастором в Ревеле и дважды пережил осаду города царскими полками — в 1570 и 1577 гг. Впервые его «Хроника» была опубликована в Росток в 1578 г., затем переиздана в 1584 г. Рассказав о казнях в России, Б. Рюссов прокомментировал их следующим образом: «Великий князь подозревал своих людей в том, что они хотят предаться королю польскому, но это была неверная клевета».¹²¹

Спустя десять лет после казни Федорова неизвестный ревельский автор составил записку «О московских обстоятельствах». Московит находился в походе на самой границе, значит в записке, когда им было получено известие — грамота или запечатанное приказание, что находившиеся в Москве бояре согласились убить его. Получив известие о сем, бросил он войско и возвратился в Москву. Автор ревельской записки ни словом не упомянул об измене бояр в пользу Литвы. В целом его рассказ носит недостоверный характер. Заговор был организован будто бы во время Полоцкого похода, и в нем участвовало 7600 бояр.¹²²

Австрийский посол Даниил фон Бухау, посетивший Москву в середине 70-х гг., сообщает о боярском заговоре без всяких подробностей. По его словам, царь, открыв «злоумышление», жестоко наказал «не только виновников злодеяния, но даже их служителей».¹²³

Среди источников русского происхождения подробные сведения о недовольстве земских людей сообщает Пискаревский летописец начала XVII в.¹²⁴ Если Штаден и Шлихтинг черпали свои сведения в опричнине, то московский летописец, по-видимому, передавал традицию, сложившуюся в земщине. Это обстоятельство придает источнику особую ценность. В Пискаревском летописце отсутствует версия об измене земских бояр в пользу литовцев, как и в рассказе Штадена. Недовольные опричниной земские дворяне «уклонялись» в сторону Старицкого, но до настоящего заговора дело не дошло, опальные пострадали главным образом из-за неосторожных разговоров, «по грехом словесы своими». «И присташа ту лихия люди ненавистники добру: сташа вадити великому князю на всех людей, а иные, по грехам словесы своими, погибоша, стали уклоняться князю Володимеру Андреевичу; и потом большая беда зачалася».¹²⁵

Существовал ли в действительности заговор или дело ограничилось неосторожными разговорами («словесами»), сказать невозможно. Ясно лишь, что налицо было весьма опасное настроение, общее негодование против насилий и произвола опричнины. События, происшедшие после Земского

собора 1566 г., воочию показали земскому руководству и членам земского Государева двора, что с помощью верноподданных ходатайств обуздать беззакония опричнины не удастся. Стало очевидным, что без устранения Грозного ее уничтожить невозможно. Перспектива устранения Ивана IV выдвинула на первый план фигуру удельного князя Владимира. Даже после опалы И. П. Федоров оставался самым авторитетным из руководителей земщины. Рано или поздно недовольные должны были начать переговоры с кандидатом на трон, а также и с земским конюшим. Толки о пострижении царя или же его отъезде в Англию дали новую пищу для крамольных речей. В дни династического кризиса 1553 г. И. П. Федоров первым открыл царю планы бояр-заговорщиков, замышлявших возвести на трон князя Владимира. Летом 1567 г. он доказал верность присяге, выдав властям литовского лазутчика Козлова. Однако опала положила конец прежним доверительным отношениям между государем и его конюшим. Федоров был достаточно опытным политиком, чтобы понимать, к каким последствиям приведет любой донос по поводу неосторожных речей бояр. Расправа над лояльными членами Земского собора показала: опричное кровопролитие готово возобновиться в любой момент.

В дни похода в Ливонию князь Владимир Андреевич находился при государе, а затем выехал к удельным войскам и присоединился к царской армии в Твери, после чего шел «за государем» до самой границы. Позже он уехал вслед за Иваном IV в Москву.¹²⁶ Будучи человеком недалеким, он желал выгородить себя в глазах венценосного брата и, по-видимому, взял на себя роль доносчика. В походе он передал Грозному разговоры, которые вели в его присутствии недовольные земские дворяне, ободренные слухами о возможном отречении царя. В рассказах Старицкого Грозный увидел непосредственную для себя опасность, начало боярской крамолы, которой он боялся и давно ожидал.¹²⁷ По возвращении в Москву он распорядился начать дознание об измене конюшего Федорова.

Согласно рассказу Г. Штадена, царь приказал переписать всех земских бояр, которые «совещались, чтобы избрать великим князем князя Володимера Андреевича».¹²⁸ Более детальные сведения о том, как опричникам удалось заполучить списки заговорщиков, сообщает Шлихтинг. Во время похода царя в Ливонию князья Старицкий, Бельский и Мстиславский запросили у конюшего список заговорщиков под тем предлогом, что имелись еще другие, которые хотят записаться. Затем они переслали список в царский лагерь и предупредили Грозного, чтобы он как можно скорее возвращался в Москву.¹²⁹ Трудно определить, насколько достоверен рассказ Шлихтинга в целом. Некоторые его моменты не согласуются с известными фактами. Так, Старицкий и Мстиславский никак не могли отправить гонца из Москвы в царский лагерь, поскольку сами они находились при особе царя на ливонской границе. Следовательно, они могли посетить Федорова лишь после возвращения в Москву. Если так, то, очевидно, Старицкий, подавший донос в походе, действовал затем с ведома или по распоряжению царя. Его демарш носил, по-видимому, провокационный характер. Князь по-дружески попросил конюшего записать имена лиц, на поддержку которых он может рассчитывать. Многие земские дворяне стремились заручиться расположением Старицкого, в котором видели возможного преемника Грозного на царском престоле.

Накануне опричнины участились попытки отъезда за рубеж удельных князей литовского происхождения и недовольных царем бояр. Опричный террор имел одной из целей положить конец побегам. Прежде царь мог сменить гнев на милость и выдать изменника на поруки. Теперь боярину за побег грозили пытки и позорная смерть. Однако насильем Грозный не сумел добиться от вассалов верности присяге. Подозрения насчет измены не покидали его. Литовские власти учитывали все это, отправляя гонца к главным

земским боярам Бельскому, Федорову и другим. Арест гонца привел к крушению интриги. Однако в полном соответствии с планом, изложенным в грамотах боярам, король Сигизмунд собрал войска на русской границе якобы для помощи мятежникам. Русские эмигранты употребляли всевозможные средства, чтобы спровоцировать новые репрессии в России. Сохраняя связи с нею, Курбский старательно распространял слухи о пролитовском заговоре земских бояр. Эти слухи усиливали подозрения царя и его опричного окружения. Игра, затеянная эмигрантами, принесла плоды. В нее оказались втянуты опричные судьи. Бельский олицетворял официальное руководство земщины. Но он скомпрометировал себя секретными переговорами с королем в 1562 г. Царь имел возможность в любой момент расправиться с ним, однако предпочел оставить прощенного изменника во главе земщины. Наибольшим реальным влиянием в земщине пользовался конюший И. П. Федоров, возглавивший выступление членов Земского собора против опричнины после амнистии казанских ссыльных.

В отличие от Бельских члены знатной старомосковской семьи Федоровых-Челяднинных не бегали в Литву. И. П. Федоров сам выдал властям литовского гонца Козлова. Тем не менее опричное руководство выдвинуло версию сговора конюшего с королем. Федоров был одной из самых популярных фигур в стране, и опричникам надо было скомпрометировать его в глазах всего народа. Учтивая народную психологию, опричные судьи не стали приписывать конюшему замыслов царевубийства. И. П. Федоров якобы вступил в тайный сговор с врагом и обязался выдать православного государя католическому королю. Преступление против царской семьи, таким образом, перерастало в преступление против православия.

Так можно представить себе ситуацию, исходя из реального содержания мемуарных и летописных источников.

П. А. Садиков, принявший на веру ненадежные известия об измене Федорова в пользу короля Сигизмунда II, ошибочно утверждал, будто царь предал конюшего казни сразу после похода. Вслед за тем у царя якобы и возникла мысль об отъезде за рубеж.¹³⁰ А. А. Зимин первым установил, что И. П. Федоров был убит спустя почти год после этой кампании.¹³¹ Но А. А. Зимин ссылается на наиболее тенденциозные строки «Сказания» Шлихтинга, доказывая его полную лояльность по отношению к царю.¹³²

По-видимому, опричное правительство не имело серьезных улик для осуждения И. П. Федорова. К тому же оно должно было считаться с авторитетом конюшего в Боярской думе и его популярностью среди населения столицы. Вследствие подобных обстоятельств власти дали приказ о казни Федорова только через год после раскрытия «заговора», что само по себе удивительно.

По возвращении из похода царь Иван ограничился тем, что наложил на Федорова громадную денежную контрибуцию и сослал его в Коломну. По словам современников, денежный штраф был взыскан с Федорова четырехкратно. И хотя конюший был одним из самых богатых людей в стране, он вынужден был расстаться со своей казной, продать драгоценную утварь и платье. Чтобы добраться в Коломну, ограбленному боярину пришлось просить коня у монахов.¹³³

События, положившие начало трехлетнему кровавому террору против земщины, получили неодинаковую интерпретацию в литературе. В. И. Корецкий указывал на «собор 1568 г.» как отправной момент последующих трагических событий. На соборе с участием думы и высшего духовенства царь, по предположению В. И. Корецкого, решил узаконить юридические преимущества опричнины над земщиной, что вызвало массовое антиопричное движение, которым воспользовались в своих интересах митрополит Филипп и боярская оппозиция во главе с Федоровым. Летом 1568 г. против опричнины восстал

московский посад, вынудивший царя укрыться в Слободе, после чего и последовала казнь Федорова.¹³⁴

Цель гипотез В. И. Корецкого лишена фактической основы. Все сведения о «соборе 1568 г.» исчерпываются одной-единственной фразой из Описи царского архива XVI в. Среди других документов в ящике 191 архива хранились «списки государеву сиденью о всяком земском указе, в софьяновом меху, 76-го лета, генваря месяца».¹³⁵ А. А. Зимин пометил, что упомянутые списки о земском указе «связаны были со следствием по делу о боярском „заговоре“».³⁶ В. И. Корецкий не согласился с таким толкованием на том основании, что «государево сиденье» предполагало рассмотрение дела в Боярской думе с принятием какого-то государева указа.¹³⁷ Однако дальнейшие гипотезы В. И. Корецкого (об участии духовенства и соборном характере «сиденья», об узаконении преимуществ опричнины над земщиной и пр.) не подкреплены сколько-нибудь серьезными доказательствами.

Земские власти положили документы о государевом «сиденье» в сафьяновый переплет, чего не удостоились другие документы (например, указ об опричнине) из того же архивного ящика. Следовательно, этим документам придавали особое значение. В чем оно состояло? Опричнина уничтожила традиционный порядок заседания царя с Боярской думой. На три года царь укрылся в опричнине, решая дела с опричной думой и не показываясь в земской. В необходимых случаях Иван IV переписывался с думой или же передавал боярам вопросы через духовенство, что никак не устраивало земское правительство. После возвращения из неудачного похода в Ливонию государь впервые после длительного перерыва, по-видимому, вернулся к традиционной процедуре «государева сиденья» с земской Боярской думой для рассуждения «о всяком земском указе», т. е. решения всех накопившихся земских дел. Возврат к нормальной практике должен был вызвать благоприятное отношение в земщине, а отнюдь не противодействие, якобы использованное боярской оппозицией.

В. И. Корецкому удалось обнаружить в кратких летописных отрывках XVIII в. текст, помещенный под 1565 (7073) г.: царь лил много крови и, «услышав от многа народа, путем шествующи улицею Арбатом, прислушающих розысков усомнеся».¹³⁸ В этом позднем, малодостоверном и неясном тексте В. И. Корецкий увидел доказательство противоположного выступления московского посада, якобы состоявшегося в конце лета 1568 г. В тексте летописного отрывка о происшествии на Арбате указана совсем другая дата — первый год опричнины. Исследователь подкрепляет гипотезу ссылкой на слова Г. Штадена о том, что Иван IV уехал из Москвы в Слободу «из-за мятежа».¹³⁹ Сначала, пишет В. И. Корецкий, Штаден рассказал об учреждении опричнины, о «переборе» служилых людей, одежде опричников и после этого сообщил об отъезде царя «из-за мятежа».¹⁴⁰ Отсюда следует вывод, что мятеж имел место не при учреждении опричнины, а на каком-то этапе ее существования в 1568 г. Можно заметить, что Г. Штаден был малообразованным человеком, и его рассказы кажутся бессвязными. В. И. Корецкий справедливо замечает, что немец часто нарушал хронологию, произвольно переходя от событий одних лет к другим, то забегая вперед, то возвращаясь назад.¹⁴¹ Именно так он изложил обстоятельства «заговора» бояр: сначала упомянул о казни Федорова, затем вспомнил о его правлении в Ливонии, о бегстве в Литву Курбского и пр.¹⁴² Таким образом, хронологическая последовательность рассказа Г. Штадена не может служить датирующим признаком. Что касается сведений о «мятеже», они совершенно определенно помещены в Записках среди других сведений об учреждении опричнины. Эти сведения явились отражением не гипотетических выступлений посада против опричнины (в ее начале московские посадские люди угрожали расправой противникам царя),

а обращений царя к населению по поводу «измены» или пособничества «изменникам» московских бояр и духовенства.

Чтобы реконструировать события, положившие начало опричному террору, следует выделить круг наиболее ранних и достоверных источников. К числу их относится прежде всего Синодик опальных Ивана Грозного, сохранивший подробные списки лиц, казненных по делу о заговоре Старицкого в 1567—1570 гг. Названные списки, составленные на основании подлинных документов опричного архива (донесений палачей, царских указов и т. д.), позволяют установить последовательный ход опричных репрессий день за днем.¹⁴³

Первая запись судного дела включает следующие данные об опричных казнях, произведенных после ноября 1567 г.: «...Казарина Дубровской, да дву сынов его, 10 человек его тех, которые приходили на пособы; Ишука Ивана Боухарин, Богдана Шепяков, Ивана Огалин, Ивана Юмин, Григоря Темирев, Игнатя Заболоцкого, Федора Еропкин, Истоуму Кузьмин, князя Василя Волк Ростовской, Василия Никитина Борисов».

По возвращении в Москву царь был озабочен тем, чтобы оправдать бесславное окончание похода в Ливонию. По официальной версии, поход пришлось отменить из-за несвоевременной доставки на границу артиллерии. На военном совете 12 ноября было заявлено: «С нарядом идут за государем неспешно, а посошные люди многие к наряду не поспели, а которые пришли, и те многие розбежались, а которые остались, и у тех лошади под нарядом не идут».¹⁴⁴ Ведал посошными людьми дьяк Казенного приказа К. Дубровский, известный взяточник. Царь велел подобрать все жалобы на дьяка со стороны посошных людей. По Шлихтингу, Дубровский распрощался с жизнью тотчас после возвращения царя из Великих Лук. Причиной казни было «обвинение Казарина обозниками и подводчиками в том, что он брал подарки и равным образом устраивал так, что перевозка пушек выпадала на долю возчиков самого великого князя».¹⁴⁵

Опричники имели приказ убить одного Казарина Дубровского. Но на помощь дьяку пришли 10 его челядинцев. Они были перебиты заодно с Дубровским и его сыновьями. Ниже в Синодике записаны имена других земских дьяков, отданных под суд вместе с Дубровским. Среди дворян, записанных в начальный список, можно выделить две группы лиц: во-первых, родственников князя Владимира Андреевича и, во-вторых, участников Земского собора, заседавшего за полгода до того.

Опричники казнили знатного земского дворянина В. Н. Борисова. Княгиня Ефросинья Старицкая по матери происходила из семьи Борисовых. На свадьбе князя Андрея Старицкого и княгини Е. Хованской-Борисовой в 1533 г. дружкою невесты был ее родной дядя В. П. Борисов, который вскоре получил чин окольничего, а затем деятельно интриговал в пользу удельного князя Владимира Андреевича во время болезни царя Ивана IV в 1553 г. Многие годы Борисовы занимали одно из первых мест в думе удельного князя. Тотчас после учреждения опричины В. Н. Борисов подвергся опале и был сослан в Казанский край на поселение. В 1566 г. он вернулся в Москву, где виделся со своим двоюродным племянником Владимиром Андреевичем и, вероятно, вел с ним крамольные разговоры. Так или иначе, он оказался в числе первых казненных родственников и сторонников Старицкого.

В синодике можно обнаружить целую группу земских приказных (И. Бухарин, И. Юмин, И. Кузьмин, П. Шестаков) и земского купца (А. Ивашов). Ишук Бухарин происходил из рода коломенских вотчинников Наумовых.¹⁴⁶ В последний раз его имя упоминается в документах ноября 1566 г.¹⁴⁷ И. Кузьмин служил одно время дьяком Казанского дворца.¹⁴⁸ Возможно, казни земских дьяков явились отзвуком «сиденья о всяком земском указе» с участием царя. Иван IV любил выставить себя поборником справедливости и строго карал приказных за любые злоупотребления. При учреждении опричины

Грозный объявил, что его цель — утвердить в стране «правду», т. е. законность и порядок. После неудачного похода в Ливонию началось следствие о злоупотреблениях в организации государственных повинностей, затронувшее, вероятно, не одного Дубровского. Однако какими бы ни были поводы для расправы с дьяками, опричные казни носили, без сомнения, политический характер. Все названные приказные люди, а также и гость А. Ивашов участвовали в деятельности Земского собора 1566 г. В синодике находим запись: «старец, что был Афанасий Ивашов». За полгода, прошедших после собора, богатый гость А. Ивашов отошел от мирских дел, удалившись в монастырь.

Массовая амнистия казанских ссыльных и прочих опальных знаменовала собой завершение первого периода опричнины. Репрессии прекратились, но репрессивный аппарат опричнины сохранился в неприкосновенности. Пустить его в ход во второй раз оказалось труднее, чем в первый. Первые опричные меры застали русское общество врасплох. К тому же немногие церковные иерархи, поддержавшие жестокие меры царя, захватили инициативу, пользуясь тем, что во главе церкви стоял слабый и нерешительный митрополит Афанасий.

На четвертом году опричнины иерархи представляли, что ждет их в случае возобновления опричных репрессий. Во главе церкви стоял энергичный и волевой Филипп Колычев. Церковь выступила против новых кровопролитий, выразив преобладавшее в стране мнение.

Московский митрополит, пишет А. А. Зимин, упорно противоборствовал опричнине. «Главным мотивом было сопротивление высших церковных иерархов централизаторской политике правительства Ивана IV». ¹⁴⁹ По мысли исследователя, сама «русская церковь в XVI в. представляла собой один из наиболее могущественных рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве». ¹⁵⁰ Сама жизнь требовала ликвидировать обособленность русской церкви. Смысл столкновения Ивана IV с митрополитом Филиппом «можно понять только на основе изучения напряженной борьбы московского правительства за включение церкви в централизованный аппарат управления». ¹⁵¹ Одной из причин отмеченного столкновения были простарицкие и новгородские симпатии митрополита. ¹⁵²

Приведенная точка зрения едва ли справедлива. На протяжении XVI в. церковь неизменно остается важнейшей опорой монархии. Столкновения между высшей светской и духовной властями каждый раз вызваны частными, а не общими причинами, не вытекают из природы самих учреждений той эпохи.

Выступление главы церкви против возобновления опричных репрессий было порождено трениями и столкновением между земщиной и опричниной и тем глубоким расколом в московских верхах, который принесла с собой опричнина. Начало розыска об измене земщины, в пользу Владимира Андреевича, грозившее неслыханным кровопролитием, не могло оставить Колычева равнодушным. Помимо общих причин были еще и такие обстоятельства, которые близко затрагивали семейство Колычевых. Известно, что многие из них издавна служили в удельном княжестве Старицких. И. Б. Колычев входил в думу князя Андрея Старицкого и оставался верен ему на протяжении всего так называемого мятежа 1537 г. Близкие родственники Филиппа новгородцы А. И. Пупков-Колычев, Г. В. и В. В. Колычевы в дни «мятежа» отъехали к удельному князю. После ареста князя Андрея трое Колычевых были биты кнутом и повешены на новгородской дороге, а Умной угодили в тюрьму. Как сказано в родословцах, Гаврила и Василий Колычевы были «кажнены... в княж Андрееве Ивановиче вине, во отъезде». ¹⁵³ Племянник И. И. Умного Федор (Филипп) Колычев родился в семье новгородского

помещика 11 февраля 1517 г. Он получил обычное в знатных дворянских семьях воспитание: вразумился «книжному учению» и одновременно «воинской храбрости». ¹⁵⁴ Федор Колычев служил на великокняжеской службе до 30 лет, т. е. примерно 15 лет, а затем в 1537 г. покинул Москву. В литературе давно высказано предположение, что бегство Федора Колычева было следствием его причастности к «мятежу» князя Андрея и последующих казней родни Федора. Одно время беглый дворянин скрывался в Кижe на Онежском озере, где нанялся в пастухи к крестьянину. Потом он перебрался на Соловки, постригся в монахи и принял имя Филипп. ¹⁵⁵ Колычев был близко знаком с семьей удельного князя Андрея Старицкого со времен мятежа 1537 г. Вступив на митрополию, Филипп возобновил давние связи. Земли митрополичьего дома располагались как на территории царства Московского, так и в пределах удельного княжества. Характерно, что Иван IV не выдал Филиппу ни одной новой жалованной грамоты и не подтвердил на его имя старых грамот, хотя и предшественники и преемники Колычева все без исключения получили такое подтверждение. Напротив, князь Владимир в феврале 1567 г. пожаловал Филиппу несудимую грамоту на все митрополичьи владения в пределах княжества. ¹⁵⁶ Однако какими бы ни были личные взаимоотношения между главой церкви и удельным князем, в своих официальных выступлениях митрополит должен был следовать царской воле и официальным предначертаниям. В своих первых посланиях в Соловецкий монастырь в июле—августе 1566 г. пастырь приказывал братии молиться за благоверного князя Владимира; в последующих грамотах в Кирилло-Белозерский монастырь (24 ноября 1567 г.) и на Соловки (30 января 1568 г.) имя Старицкого не упоминалось. ¹⁵⁷

Выступив против опричнины, Филипп Колычев выразил настроения всей земщины, в особенности же влиятельного старомосковского боярства, занимавшего ко времени опричнины доминирующее положение в Боярской думе и приказном управлении.

Выступление Филиппа было тесным образом связано с процессом И. П. Федорова, хотя эта связь почти полностью игнорируется исследователями опричнины. О выступлении главы церкви рассказывают новгородский летописец, И. Таубе и Э. Крузе, авторы «Жития Филиппа». Летописец сообщает краткие фактические сведения о протесте митрополита и суде над ним. Очевидцы событий И. Таубе и Э. Крузе через четыре года после суда составили пространный, но весьма тенденциозный отчет о событиях. ¹⁵⁸ «Житие митрополита Филиппа» возникло много позже, в 90-х гг. в Соловецком монастыре. Авторы его не были очевидцами описанных ими событий, но использовали воспоминания живых свидетелей: старца Симеона (С. Кобылина), бывшего пристава у Ф. Колычева, и соловецких монахов, ездивших в Москву во время суда над Филиппом. ¹⁵⁹ Все эти свидетели были хорошо осведомлены о процессе 1568 г. и гораздо хуже о предшествовавших событиях.

По сведениям опричных авторов, Колычев на первых порах старался избегать публичных выступлений, предпочитая наедине вести душеспасительные беседы с царем, убеждал его прекратить кровопролитие, «претил страшным судом». ¹⁶⁰ Не достигнув цели, митрополит Филипп, согласно его «Житию», обратился за поддержкой к священному собору. Рассказ «Жития» давно ставил исследователей в тупик своей путаностью и обилием ошибок. По «Житию», Колычев получил сан митрополита, после чего «неколько время православная вера во благочестии зело цветуще». Вслед за тем царь объявил о намерении ввести опричнину, против чего тут же выступил митрополит Филипп.

Как отметил А. А. Зимин, митрополит Филипп не мог возражать против учреждения опричнины, поскольку он занял митрополию через полтора года после ее введения. Описывая деятельность собора, «Житие» упоминает имена

девяти высших иерархов. Уточнив время, когда названные лица занимали кафедры, А. А. Зимин с полным основанием заключил, что описанный в «Житии» собор происходил либо в конце 1567, либо в начале 1568 г.¹⁶¹

Филипп Колычев решился протестовать против опричнины не прежде, чем убедился в поддержке высших иерархов церкви. По словам «Жития», Филиппу удалось убедить епископов выступить против опричнины всем собором: «Филиппу, согласившемуся со епископы и укрепивше вси меж себя, еже против такового начинания (опричнины. — Р. С.) стояти крепце».¹⁶² Отнеся описанный эпизод ко времени учреждения опричнины, авторы «Жития» исказили истину. При посвящении в сан Филипп клятвенно обязался не вмешиваться в опричные дела. Выступив против опричнины, он нарушил клятву. Чтобы избежать упоминания об этом неприятном факте в биографии мученика, авторы «Жития» стали утверждать, будто Филипп стал митрополитом до учреждения опричнины. До опричнины церковь возглавлял не Филипп, а Афанасий, и в то время в состав собора не входили епископы Корнилий, Варсунофий и Пафнутий, упомянутые с этим чином в «Житии».

Колычев мог рассчитывать на поддержку большинства собора. Негодование земского духовенства против безобразий опричнины казалось неподдельным и искренним. Но единодушие собора было непрочным. Противниками митрополита выступили князья церкви, близкие ко двору и опричному правительству. К их числу принадлежали Пимен, архиепископ опричного Суздаля Пафнутий, царский духовник Евстафий и др. Особенно усердствовал духовник, доносивший на Колычева «яве и втай». Чтобы урезонить Евстафия, митрополит наложил на него епитимью, действовавшую на протяжении всего собора.¹⁶³ В конце концов один из епископов окончательно предал Колычева и его приверженцев, и «общий совет их изнесе» государю. Авторы «Жития» не называют имени епископа, но можно полагать, что им был новгородский архиепископ Пимен. Донос поставил членов собора в трудное и щекотливое положение, многие из них «своего начинания отпадоша».

Как только члены собора удостоверились, что их замыслы раскрыты и самодержец гневается, их обуял страх и они «страха ради и глаголати не смеяху и никто не смеяше противу что рещи, что [бы] царя о том умолити и кто его возмущает, тем бы запретити».

Священный собор не капитулировал бы так быстро, если бы мог опереться на поддержку Боярской думы. Однако состав думы сильно сократился. Неудобные царю бояре либо подверглись казни, либо были удалены из Москвы. Титулованная знать была запугана ссылкой и земельными конфискациями. Старомосковские фамилии (Челяднины, Морозовы и Шеины, Колычевы и Головин) уже испытывали на себе действие террора.

Во время решающих прений на священном соборе Филипп обратился к епископам с вопросом, для того ли они собрались, чтобы молчать? «На се ли взираете, — сказал он, — еже молчит царский синьклит: они бо суть обязалися куплями житейскими».¹⁶⁴

Боярская дума заняла пассивную позицию в столкновении между царем и митрополитом, что в конечном счете и предопределило неудачу выступления Колычева против опричнины.

В. И. Корецкому удалось разыскать список Соловецкого летописца ранней редакции с записями монахов, бывших очевидцами расправы с Колычевым.¹⁶⁵ Их известия значительно уточняют историю столкновения между царем и главой церкви.

В посланиях из Москвы в Соловки Филипп обращался к «старцу Ионе и старцу Паисею, келарю и казначею, священником и всей братии». Монастырские старцы избрали игуменом Паисия.¹⁶⁶ Как записал Соловецкий летописец, «в лето 7075-го. На Соловках на игуменство Паисею поставили... в лето 7076-го Паисея игуменом в монастыре зимовал. Того же году на

весну в монастырь в Соловки приехал суздальский владыка Павнудей, да архимандрит Феодосий, да князь Василей Темкин, да с ним 10 сынов боярских дворян, про Филиппа обыскивали». ¹⁶⁷ Паисий успел как игумен перезимовать в монастыре, а «на весну», т. е. с наступлением весны, он лишился поста в связи с прибытием московской комиссии. Путь из столицы на Белое море был далек, и если комиссия прибыла в монастырь к весне, значит, из Москвы отправилась скорее всего на исходе зимы. Записки Соловецкого летописца наводят на мысль, что инициатива окончательного разрыва принадлежала не Филиппу, как думали до сих пор, а монарху. Не желая терпеть поучений митрополита и получив донос насчет готовившегося выступления церковной оппозиции, Грозный решил избавиться от неугодящего пастыря.

Даже в глазах членов опричной думы суд над первосвященником был делом сомнительным. Главные руководители опричнины предпочли остаться в тени, поручив подготовку суда над Филиппом человеку, случайно оказавшемуся в опричнине. Розыск возглавил князь В. И. Темкин-Ростовский, имевший весьма запятнанное (в глазах опричников) прошлое (см. гл. 10, примеч. 189—190). 5 июля 1567 г. В. И. Темкин вернулся из плена на родину. Для его размена на границу были посланы два опричника, а это значит, что Иван IV уже тогда решил взять его в «государеву светлость». ¹⁶⁸

Темкин явился на Соловки в сопровождении десятка опричных дворян. Главным судьей вместе с Темкиным был назначен епископ опричного Суздаля Пафнутий. Формально розыскная комиссия была опрично-земской, поскольку в нее входил помимо названных лиц еще и Феодосий Вятка, занявший в 1567 г. пост архимандрита Андроньевского монастыря, стоявшего в земской половине Москвы. Однако Феодосий принадлежал к духовным лицам, более всех других угодничавших перед царем. ¹⁶⁹

Считалось, что комиссии Темкина удалось путем угроз добиться от Паисия и других соловецких монахов показаний, компрометировавших Колычева. ¹⁷⁰ Однако записи Соловецкого летописца колеблют такое представление. «И игумена Паисею, — записал очевидец, — к Москве взяли да десять старцов. ...В лето 7077-го. Игумена Паисею и иных старцов розослали по манастырем». ¹⁷¹ Итак, ученик Филиппа Паисий был лишен сана, а позже сослан в чужой монастырь. По преданию, перед отъездом с Соловков комиссия Темкина опечатала монастырскую казну и ризницу вплоть до особого разрешения.

Тем временем конфликт между царем и Филиппом разгорался. Грозный использовал любые средства, чтобы запугать строптивого святителя. Опричный боярин Ф. И. Умной-Колычев ездил в Литву с посольским поручением, которое не сумел выполнить. В конце 1567 г. он был вызван в Слободу для отчета. Иван IV сделал вид, будто доволен боярином, одарил его и отпустил в Москву. Но одновременно он выслал вперед опричников, которые отняли у Умного все царские подарки и даже одежду. ¹⁷² Ограбленный боярин приходился двоюродным братом митрополиту Филиппу.

Попытки урезонить царя в беседах с глазу на глаз митрополиту не удались. Полной неудачей завершился священный собор, созванный Колычевым для осуждения опричнины. Короткий период примирения и амнистий ушел в прошлое. Опричные суды возобновили свою деятельность, репрессии нарастали, как снежный ком. Следствие о «заговоре» конюшего Федорова вступило в решающую фазу. Именно в этот момент к митрополиту, как сказано в «Житии» Филиппа, явились «неции... благоразумнии истиннии правителие и искусние мужие, и от первых велмож и весь народ» и с «великим рыданием» просили его о заступничестве, «смерть пред очима имуще и глаголати не могуше». ¹⁷³ Памятуя о продажности тогдашних правителей-бояр, можно определенно утверждать, что авторы «Жития» имели в виду истинного правителя и первого вельможу конюшего Федорова, благоразумие которого признавал сам Иван. Подозрения насчет заговора грозили

конюшему плахой, и таким образом он оказался среди «смерть пред очами имущих». Выслушав «истинных правителей», митрополит будто бы обещал им свое покровительство, сказав, что «Бог не попустит до конца пребыти прелести сей». ¹⁷⁴ Нет сомнения, что И. П. Федоров, подвергшись опричным преследованиям, должен был искать защиты прежде всего у Колычева, известного противника опричнины. Однако надо иметь в виду, что к весне 1568 г. и сам Филипп оказался в положении подследственного.

Медлить далее было невозможно. Молчание Филиппа более не могло спасти его от низложения. Боярам грозила гибель. В таких условиях Колычев решился на отчаянный шаг.

Как рассказывает новгородская летопись, 22 марта 1568 г. «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнины». ¹⁷⁵ По «Житию», Филипп будто бы дважды принимался обличать опричнину во время торжественных богослужений в кремлевском Успенском соборе. Впервые это случилось, когда царь только прибыл в Москву со всей опричной армией. Составители «Жития» красочно описывают въезд Ивана в столицу. Опричники, одетые в черные кафтаны и шапки, держали в руках обнаженное оружие. «Видеша бо внезапно царствующий град весь облажащ и, слышати страшно, явися той царь со всем своим воинством вооружен, наго оружие нося, едино лице и нрав имея». ¹⁷⁶ И еще раз, спустя некоторое время («времени же николику минувше»), когда в соборе шла служба по чину св. Захария, т. е. 24 марта 1568 г. ¹⁷⁷

Новгородская летописная запись и известие «Жития» приводят по существу дела одну и ту же дату выступления митрополита Филиппа 22—24 марта 1568 г. ¹⁷⁸ Речи митрополита получили отражение в записках опричников Таубе и Крузе и в «Житии Филиппа». Текстологическое сопоставление записей выявило наличие многих сходных мест, что подтвердило достоверность сведений различного происхождения. ¹⁷⁹

Послание Таубе и Крузе

...до каких пор будешь ты проливать без вины кровь твоих верных людей и христиан? Долго ли будет продолжаться в Русском государстве эта несправедливость?

Подумай о том, что хотя Бог поднял тебя в мире, но все же ты смертный человек, и он взыщет с тебя за невинную кровь, пролитую твоими руками.

Татары и язычники и весь свет может сказать, что у всех народов есть закон и право, только в России их нет. ¹⁸⁰

Житие Филиппа

...за олтарем неповинно кровь льется христианская, и напрасно умирают.

Не имаши бо на земли вышши себе, подобает бо ти яко смертну — не возноситея, но аки Богу не гневаться.

Ниже при твоих праотец сие бывало, еже твориши, ни во иноязыцех тако обрешешся. ¹⁸¹

Судя по всему, Филипп выступал против опричнины дважды на протяжении небольшого отрезка времени. Вследствие этого в Записках И. Таубе и Э. Крузе, написанных на 20—30 лет раньше «Жития», оба выступления соединены в одну обширную речь. Это обстоятельство не снижает достоверности свидетельства.

Гл за церкви выступил с обличением незаконных опричных казней во время торжественного богослужения в главном кремлевском соборе при громадном стечении народа. Филипп требовал от царя упразднить опричнину («престани от такового начинания»), соединить ее с земщиной («но не разделяти, твоя бо есть едина держава», «люди своя в соединение оустрой») и прекратить опричные репрессии. ¹⁸²

Судя по возражениям царя, речь шла о преследованиях участников только что раскрытого в земщине «заговора» конюшего И. П. Федорова. Оправдывая репрессии, Иван прямо указал Филиппу на измену своих подданных. «Что тебе чернцу до наших царьских советов дело, — будто бы сказал он, — того ли не веши, мене мои же хотят поглотити». ¹⁸³ Царь жаловался, что

против него ополчились даже близкие ему бояре: «... и ближние мои отдалече мене стаха и нуждахуся ищущей душу мою и ищущей злая мне».¹⁸⁴

В конце концов обличения Филиппа привели царя в ярость. Он хватил посохом оземь и сказал: «Я был слишком мягок к тебе, митрополит, к твоим сообщникам и моей стране, но теперь вы у меня взвоете».¹⁸⁵

Диспут в соборе кончился не в пользу царя. Чувствуя за собой поддержку земщины, митрополит трижды отклонил просьбу Грозного о благословении и заявил напоследок, что впредь не намерен молчать, поскольку молчание его «всеродную наносит смерть».¹⁸⁶ Церковь пользовалась непрекаемым авторитетом среди власть имущих и в беспокойных низах, среди простонародья. Свою проповедь в соборе Филипп произнес при большом стечении народа. На другой день о столкновении между царем и митрополитом заговорила вся столица.

Глава опричной думы А. Д. Басманов настоятельно убеждал царя вновь пустить в ход насилие, поскольку в обстановке острого внутреннего кризиса всякое проявление слабости со стороны правительства могло иметь для него катастрофические последствия. Вновь, как и при учреждении опричнины, Иван и его приспешники попытались укрепить свое положение с помощью террора.

Казни, последовавшие вслед за выступлением митрополита, запечатлены в синодике на основании опричных донесений. Царские слуги казнили: «старца Левонтия Русинов, Никиту Опухтин, Федора Рясин, Семена Мануйлов. Владыки коломенского боярина Александра Кожин, кравчего Тимофея Собакина конюшего Федорова, да владыки коломенского дьяк владыкин. Ивановы люди Петрова Федорова: Смирново Кирьянов, дьяка Семена Антонов, татарин Янтуган Бахмета, Ивана Лукин, Богдана Трофимов, Михаила Цыбневский, Троуха Ефремов, Ортемия седельник; в коломенских селах Григорий Ловчиков отдалел: отдалено Ивановых людей 20 человек». Источник сугубо документального происхождения — государев синодик опальных не оставляет сомнения, что выступление Филиппа против опричнины не только совпало по времени с розыском об измене И. П. Федорова в пользу удельного князя, но и явилось попыткой не допустить расправы с конюшим, ложно обвиненным в государственной измене.

После «диспута» в Успенском соборе Иван Грозный велел арестовать главных советников и приближенных митрополита. Через несколько дней митрополичьих старцев вывели из тюрьмы и забили насмерть железными батогами, водя по улицам столицы.¹⁸⁷ Синодик подтверждает это свидетельство И. Таубе и Э. Крузе. На улицах столицы погибли четверо старцев, и среди них Федор Рясин, служивший «митрополичьим меховщиком» (сборщиком пошлин) и представитель семьи Мануйловых, издавна служивших в боярах в митрополичьем доме.¹⁸⁸

Одновременно опричники, по словам очевидцев, схватили слуг некоторых придворных и бояр, одних повесили, других наказали палками и бросили в тюрьму.¹⁸⁹ Как следует из синодика, жертвами гонений стали И. П. Федоров и его окружение. Опальный боярин, отставленный от службы, находился в своих обширных вотчинах в Коломне, где и подвергся нападению опричников. Видимо, И. П. Федоров пытался найти защиту у местного епископа Иосифа, но лишь поставил под удар его самого. Опричники казнили подряд владычного боярина А. Кожина, кравчего конюшего Федорова Т. Собакина и дьяка коломенского епископа. Жертвами опричников стали не только ближние слуги боярина (дьяк С. Антонов и др.), но и его дворовые мастера и челядь в селах. Опричный ловчий Г. Ловчиков прислал отписку царю, что «отдалел» в коломенских селах Федорова 20 его людей. На основании писцовых книг можно установить, что под Коломной располагались родовые вотчины Челяднинных села Кишкино и Мартыновское, в которых

насчитывалось до 1000 четвертей пашни и много десятков крестьянских дворов.¹⁹⁰ Двадцать человек, погибших во время погрома, были в основном боярские слуги и дворня.

С началом «дела» Федорова политика опричнины приобрела новые черты, не отмечавшиеся на первом этапе ее существования. Репрессивный аппарат стал приобретать известную самостоятельность от опричной думы. Каратели из опричнины, прежде не выходившие из рамок полученных от царя инструкций, теперь шли значительно дальше имевшихся у них на руках указов. Таким путем они доказывали свою преданность государю и обеспечивали себе быструю карьеру. Отъявленные палачи имели наибольшие шансы преуспеть по службе. Синодик упоминает о репрессиях в Губине Углу. По основательному предположению С. Б. Веселовского, владельцем вотчин в нем был И. П. Федоров.¹⁹¹ Согласно документальной записи синодика, «во Губине Углу Малюта Скуратов с товарищи отделал 30 и 9 человек». Таким образом, Скуратов чинил расправу с еще большей свирепостью, чем Г. Ловчиков. Кровавые подвиги в вотчинах Федорова положили начало быстрому возвышению Скуратова в опричнине. Ранее заурядный опричный голова Малюта не пользовался влиянием.

Главные владения Федорова располагались на границе с Новгородской землей в Бежецком Верху. Там ему принадлежали село Борисоглебское с 1158 четвертями пашни, село Семенцово и т. д.¹⁹² Грозный лично возглавил карательный поход в бежецкие вотчины конюшего. В походе, продолжавшемся до 5 недель, участвовали многочисленные опричные отряды.¹⁹³ Царский синодик сохранил множество записей о расправах в федоровских вотчинах. В основе записей лежали подлинные донесения о месте казни, числе убитых, способах расправы и пр. «В Матвешеве, — значит в синодике, — отделано 84 человека, да оу трех человек по роуки сечено»; «В Ивановском Большом отделано 17 человек, да 14 человек ручным усечением конец приняша; в Ивановском Меньшом отделано 13 человек с Исаковскою женою Заборовского и с человеком, да оу семи человек по роуки отделано»; «В Солославле отделано 2 человека. В Бежецком Верху отделано Ивановых людей 65 человек да 12 человек ручным усечением». Очевидцы подтверждают свидетельство синодика о том, что лишь меньшая часть боярских людей была посечена саблями. Прочих холопов и челядь опричники сгоняли в избы на барском дворе и взрывали на воздух порохом. Таким фейерверком Грозный отметил свою «победу» над заговорщиками. Вслед за тем опричники палили боярские амбары, секли скот, спускали воду из прудов, грабили крестьян.¹⁹⁴

За время карательных экспедиций опричники перебили 135 боярских людей, из которых большинство (128 человек) были людьми конюшего. Федоров был одним из богатейших людей своего времени, на его землях жило много тысяч крестьян. Очевидно, опричный террор не затронул крестьянского населения боярских вотчин и обрушился главным образом на головы слуг, вассалов и дворни. «Не случайно в синодике опальных, — отмечает В. Б. Кобрин, — упоминаются не крестьяне Федорова, а только его „люди“, то есть холопы, причем, возможно, военные, так как Курбский пишет, что у Федорова были шляхетные слуги... Именно против этой верной своему сеньору феодальной гвардии и был, видимо, направлен в данном случае опричный террор».¹⁹⁵ Жестокая расправа с вооруженной свитой конюшего объяснялась очень просто. Согласно официальной версии, Федоров готовился арестовать Ивана и произвести переворот с помощью своих слуг и подданных, будто бы посвященных в планы заговора.¹⁹⁶

6 июля 1568 г. опричники подвели своеобразный итог своей деятельности со времени раскрытия «заговора» конюшего Федорова. На основании подлинного опричного отчета в синодик опальных была включена следующая любопытная запись: «Отделано 369 человек отделано и всего отделано июля по

6 число». Из 369 человек, указанных в отчете, подавляющая часть (293 человека) принадлежала к числу боярских слуг. Помимо того, там поименовано до 50—60 дворян и членов их семей. В течение двух летних месяцев после 6 июля опричники, судя по синодику, избили еще 80—90 дворян.

Побоище носило в целом беспорядочный характер. Хватали без разбора друзей и знакомых конюшого, бывших казанских ссыльных, родню находившихся в эмиграции дворян и т. д. Оговоренных людей казнили без суда, а иногда и без предъявления обвинения. Следствие производилось в строгой тайне. Осужденных били батогами, добываясь выдачи всего имущества, а затем казнили. Тех, у кого ничего нельзя было заполучить, убивали прямо на улице. К одежде убитого обычно прикрепляли краткую записку, в которой указывались причины казни. Таким образом преступления «заговорщиков» доводились до всеобщего сведения.¹⁹⁷

В первую волну арестов попали многие из бывших казанских ссыльных. Они пережили утрату родовых земель и имущества, были озлоблены беспричинными преследованиями и потому с точки зрения опричных судей готовы были к участию в любом заговоре против жизни и власти царя. Из опальной суздальской знати головы лишился князь В. В. Волк Приемков-Ростовский. После амнистии он был послан в 1566 г. воеводой в Болхов, а в 1567 г. — на Орел.¹⁹⁸ На этом его карьера и жизнь оборвались. Тогда же опричники казнили дворовых детей боярских Т. Г. Тыртова, В. Ш. Хлуденева, В. Ф. Еропкина и некоторых других второстепенных лиц.

Следующая волна репрессий затронула дворян, принадлежавших к числу самых видных казанских ссыльных. Среди них — князь Д. Ю. Сицкий, служивший в начале опричнины воеводой в Полоцке. После амнистии он был оставлен на восточной окраине и незадолго до казни получил должность второго воеводы в Свияжске.¹⁹⁹ Князь Данила Васильевич Ушатый также оставался после амнистии в Казани, занимая там почетный пост казанского воеводы.²⁰⁰ Кроме двух названных князей опричники убили также И. Ю. Смелого Засекина и С. И. Баташова Засекина. Одним из видных воевод был И. Ю. Хохолков Ростовский. При учреждении опричнины он лишился почетного поста наместника и воеводы Нижнего Новгорода и был сослан на воеводство в Чебоксары, где прожил до 1568 г., после чего его карьера оборвалась.²⁰¹ Неизвестно, как закончилась его жизнь, но трое взрослых сыновей воеводы были убиты опричниками. Казни подверглись также князья В. и А. Гагарины, дворяне Ф. Я. Услюмов-Данилов, И. П. Поярков-Квашнин, Ф. Т. Заболоцкий, дворяне А. В. и Г. В. Дятловы, Е. Р. Шушерин, Г. Б. Ступишин, Ф. Д. и В. Д. Сотницкие, И. Товарищев-Аксаков, Ф. Бернядинов, Р. Н. Бурцев, М. О. Бестужев-Рогатый, И. А. Янов, 13 человек Тетеринных и т. д. Гибель названных лиц подтверждена другими источниками. Так, в Родословцах помечено, что трое Хохолковых были «побиты государем» и с их смертью «Хохолковы пресекались».²⁰² О казни Заболоцкого сообщает А. Курбский.²⁰³

Опальный конюший Федоров был крупнейшим землевладельцем Бежецкого Верха и пользовался большим влиянием среди дворян Бежецка и смежной Бежецкой пятины Новгорода. Неудивительно, что в период суда над конюшим опричники казнили многих дворян Бежецка (четверо Каменских,²⁰⁴ шестеро Дементьевых), помещиков Бежецкой пятины (А. И. Баскаков, П. Малечков), новгородцев Сабуровых, позже А. С. Хвостова-Отяева и т. д. Казни подверглись некоторые из дмитровских дворян, возможно, служивших в Дмитровском уделе князя Владимира Старицкого. В числе их были И. Ф. Каменский, И. В. Большой и И. В. Меньшой Мунтовы-Татишевы.²⁰⁵

Среди жертв опричнины было довольно много дворян, лишившихся земель в результате опричных выселений. Незаконные конфискации до крайности озлобляли феодальных землевладельцев. Некоторые из них не желали терпеть произвола и открыто протестовали против опричнины. Так поступил, по

словам Курбского, выселенный из Вязьмы М. С. Митнев. Будучи приглашен однажды во дворец на пир, он бросил дерзкий упрек в лицо Ивану. «Царь! — будто бы воскликнул он, — воистину, яко сам пнешь, так и нас принуждаешь, окаянный, мед, кровию смешанныи братии наших... пити!»²⁰⁶ Тут же во дворце Митнев был убит опричниками. Имя его записано в синодике. Среди прочих опричных выселенцев синодике упоминают суздальцев А. В. Левашова, И. Большого и И. Меньшого Ларионовых, Г. Ф. Перепечина, И. И. и З. И. Глуховых, вязьмича А. Т. Зачесломского, вязьмича или малоярославца А. Ржевского, костромичей В. П. Федчищева, И. Г. и И. Г. Другого Пелепицыных, князя Ф. Д. Несвицкого.

Через семибоярщину и Конюшенный приказ И. П. Федоров был тесно связан с высшей приказной бюрократией и посадской общиной столицы. Суд над конюшим сопровождался чисткой приказного аппарата. Одним из сообщников Федорова был объявлен грек Х. Ю. Тютин. Выходец из Византии, Тютин составил себе крупное состояние торговлей и казенными операциями.²⁰⁷ Он был человеком неграмотным и с трудом подписывал свое имя.²⁰⁸ Тем не менее после прихода к власти Избранной рады Тютин получил чин казначея и вошел в Боярскую думу. Еще до получения думного чина грек выполнял поручения, свидетельствовавшие о его авторитете в столице. Вместе с дворянином А. Бертевым он по поручению властей осуществлял надзор за нравственностью московского духовенства и всего населения. По предположению В. Д. Назарова, Тютин осуществлял свои функции в качестве старосты московских привилегированных купцов — «гостей».²⁰⁹ В руках Тютина находилось управление городской общиной, в которую входили все группы торгово-ремесленного населения столицы.²¹⁰ Расправой с казначеем руководил царский шурин князь М. Т. Черкасский. Он захватил Тютин на его подворье и, выведя со всей семьей на площадь, казнил без суда и следствия. Все имущество Тютин, который был «мужем zelo богатым», перешло к Черкасскому.²¹¹

И. П. Федоров пользовался популярностью в среде столичного населения, и опричники поспешили обезглавить московскую городскую общину.

Жертвою царской подозрительности стал известный дьяк и военный инженер И. Г. Выродков. Он происходил из простонародья, а первое назначение получил в 1538 г., когда ездил «в Ногаи» как ближний человек Ивана IV. В казанских походах Выродков служил дьяком «у наряда» — при артиллерии; отличился при взятии Казани, когда он соорудил против главных крепостных ворот осадную башню. Перед началом Ливонской войны он выстроил первый морской порт на Балтике. С чином углецкого и калужского дворецкого был послан затем в Астрахань, где его постигла опала.²¹² С падением Адашева его карьера резко пошла на убыль. Свое последнее назначение дьяк получил в дни полоцкого похода, когда командовал легкой артиллерией и обозом — был «у московского наряду и у посохи».²¹³ После тридцати лет службы И. Г. Выродков был казнен с тремя сыновьями, дочерью, внуком и двумя внучками, а также с сестрой, двумя братьями, пятью племянниками, племянницей и внучатой племянницей.

Избиению подверглись дьяки В. Г. Захаров-Гнильев, С. С. Алябьев, П. И. Шерефидинов, А. Баташов, В. Бунков.

Казненный дьяк В. Г. Захаров некогда находился в большой милости у молодого Ивана IV. В 1546 г. он руководил следствием по делу бояр Воронцовых. Сыновья Ф. С. Воронцова были в 1568 г. опричниками. Таким образом, им предоставился случай свести счеты с дьяком, по навету которого погиб их отец. Родной брат В. Г. Захарова Яков был ближним дьяком князя Владимира Андреевича.

Вмешательство духовенства связывало руки царю, и он долго не решался послать на эшафот заподозренных в измене бояр. Но репрессии не миновали

членов нескольких знатнейших фамилий из старомосковского нетитулованного боярства. В их числе были Шеины-Морозовы, Сабуровы, Колычевы и Карповы.

А. И. Шеин-Морозов достиг высших военных чинов. В Ливонском походе 1567 г. он служил вторым воеводой передового полка, позже остался на литовской границе вторым воеводой полка правой руки.²¹⁴ В силу исключительной знатности и успешной служебной карьеры Шеин имел все основания претендовать на боярский чин. В некоторых Разрядах он назван боярином.²¹⁵ После Федорова Шеин был, пожалуй, наиболее знатным из «заговорщиков», поддерживавших Старицкого. Следует заметить, что А. А. Шеин находился в родстве со Старицким княжеским домом — был женат на дочери В. М. Борисова, родственника княгини Ефросиньи.²¹⁶ Повествуя о казни А. И. Шеина, Курбский прежде всего упоминает о его происхождении из рода Морозовых и родстве с опальным боярином В. В. Морозовым, арестованным за связи с русскими эмигрантами в Литве.²¹⁷ А. И. Шеину были предъявлены самые тяжелые обвинения. Недаром вместе с ним казни подверглись его сын Григорий, брат Алексей, а несколько позже двоюродный брат М. Ю. Шеин, сын боярина.

Участниками процесса И. П. Федорова были Ф. А. Карпов, М. А. Карпов и В. П. Мухин-Карпов, представители старого боярского рода, издавна заседавшего в Боярской думе. Все трое Карповых были записаны в тысячу лучших слуг как дворяне II статьи. На Земском соборе 1566 г. В. П. Мухин значился в дворянах I статьи. Во время выступления земской армии против татар летом 1568 г. Ф. А. Карпов числился вторым воеводой полка левой руки, т. е. входил в число ведущих командиров земщины.²¹⁸ Его младший брат М. А. Карпов был до казни наместником пограничной крепости Рыльска.²¹⁹ Интересно, что незадолго до Земского собора 1566 г. братья Карповы ручались за конюшего И. П. Федорова, в свою очередь поручившегося тогда за опального Воротынского.²²⁰

Из Колычевых прежде всех других погиб старый воевода И. Б. Колычев, большую часть жизни служивший в Старицком удельном княжестве. И. Б. Колычев сыграл выдающуюся роль в мятеже князя А. И. Старицкого в 1537 г. С 40-х гг. он служил князю В. А. Старицкому. В первой половине 60-х гг. удельный двор был распущен, а И. Б. Колычев со своим сыном перешел на царскую службу.²²¹ Оба участвовали в Земском соборе 1566 г. как дворяне высшей статьи. В синодике опальных имена И. Б. Колычева и его сына Ивана помещены среди записей о разгромленных вотчинах И. П. Федорова. Свидетельство синодика подтверждает рассказ А. Курбского, согласно которому И. Б. Колычев погиб во время карательного похода опричников во владения И. П. Федорова.²²² Бывший вассал Старицких И. Б. Колычев считался, по-видимому, одним из главных участников «заговора» и сообщников конюшего. Через И. Б. Колычева «заговорщики» якобы поддерживали связь с его родственником митрополитом Филиппом Колычевым. Курбский ошибочно утверждает, будто после казни И. Б. Колычева Грозный отослал его голову в тюрьму Филиппу.²²³ Помимо названных Колычевых опричники убили В. Колычева, поименованного в синодике. Кто это был, установить трудно. Такое имя носило несколько лиц. Например, в соборе 1566 г. участвовали В. Ф. Лощаков-Колычев (дворянин I статьи) и В. В. Колычев (дворянин II статьи). С. Б. Веселовский предположил, что в синодике упомянут первый из них.²²⁴

В связи с делом о заговоре погиб воевода Ф. Р. Образцов, длительное время служивший в уделе князя В. А. Старицкого. На свадьбе князя В. А. Старицкого в 1550 г. Ф. Р. Образцов назван в числе «княжих детей боярских», несших караваи.²²⁵ После роспуска двора удельного князя он был принят в состав Государева двора и участвовал в соборе 1566 г. в дворянах I статьи.²²⁶ После Ф. Р. Образцова казни подверглись также его братья Г. Р. и С. Р. Образцовы. Дворяне Образцовы были можаичами и при учреждении опричнины

подверглись выселению из своего уезда. Г. Р. Образцов служил в 1567 г. наместником в Почепе, а затем — четвертым воеводой в Смоленске.²²⁷

Чтобы показать, какими методами опричники вели чистку высшего командного состава дворянского ополчения, приведем следующие эпизоды. Согласно записям Разрядного приказа, летом 1568 г. на воеводстве в Рязани служил князь Ф. Сисеев, в рязанском пригороде Пронске — князь В. К. Курлятев и Г. С. Сидоров. Князья Курлятев-Оболенский и Сисеев-Ярославский принадлежали к знати, присутствовали на Земском соборе в дворянах I статьи. В. К. Курлятев был родным племянником ненавистного царю боярина князя Д. И. Курлятева. Он участвовал в Ливонском походе 1567 г., позже командовал полком левой руки в земской армии на литовской границе.²²⁸ В Разрядах записано: «Того же году (1568. — Р. С.) ходили воеводы в Донков города ставить: ис Пронска — Володимер Курлятев да Григорей Сидоров (...) того же году князь Володимер Курлятев да Григорий Сидоров в Донкове умерли».²²⁹ В синодике находим запись о казни «князя Володимера Курлятев, князя Федора Сисеев, Григория Сидоров». Запись не оставляет сомнения в насильственной смерти воевод. В том же 1568 г. Разрядный приказ подготовил новую роспись, по которой воеводы из Рязани (Сисеев) и Пронска (Курлятев и Сидоров) должны были сходиться с опричными воеводами для отражения татар. Однако, как значилось в Разрядной книге, «по той росписи воеводам сходу не было». В новой росписи о «сходе» воевод, составленной земским приказом 19 июня 1568 г., никто из трех рязанских воевод не значится. По всей вероятности, они погибли ранее 19 июня 1568 г.²³⁰

По свидетельству А. Курбского, пронские воеводы возглавили поход на «дикое поле» и построили в степи на Дону город Донков. За неделю до нападения на крепость десяти тысячного татарского войска туда явился Федор Басманов с опричниками и казнил главных донковских воевод.²³¹ Донков успешно отразил нападение татар, а через три дня туда вновь прибыли опричники с приказом о казни Г. И. Сидорова (племянника воеводы Г. С. Сидорова), а также князей А. и Н. Мещерских. Однако на этот раз приказ запоздал: приговоренные к смерти дворяне погибли, обороняя город от татар. А. Курбский добавляет, что одновременно с князем Курлятевым в Донкове были убиты дворянские головы Д. Чулков, Ф. Булгаков с братьями.²³² По словам же Таубе и Крузе, Д. Чулков погиб еще в начале опричнины. Однако имена Д. Чулкова и Ф. Булгакова отсутствуют в синодике, что не дает возможности уточнить их судьбу.

Опричники казнили наместника и воеводу крепости Новгород-Северский князя Александра Ярославова-Оболенского, князя Андрея Дашкова, новосильского воеводу князя Ивана Дашкова. По росписи 19 июля 1568 г., И. Дашков должен был идти в сход на границу. Однако неизвестно, участвовал ли он в походе или был убит ранее того.²³³

Жертвами террора стали и другие земские дворяне — М. М. Лопатин, князь А. С. Бабичев, М. Г. Иванов — дворяне II статьи на Земском соборе 1566 г.

В период суда над конюшим Федоровым опричники казнили некоторых видных командиров стрелецкого войска, среди них Н. Г. Казаринова-Голохвостова и Г. И. Кафтырева.²³⁴ Первый пытался искать защиты у духовенства. Он бежал от опричников в один из приокских монастырей и постригся в монахи. Прямо из кельи Казаринов был отвезен в слободу. По Курбскому, Иван приказал взорвать воеводу на бочке с порохом, заметив, что так он скорее взлетит на небо.²³⁵ Рассказ этот подтверждается тем, что в синодике записан «инок Никита Казаринов».

В ходе розыска о заговоре земских людей опричники хватали и казнили заподозренных дворян. Изредка они казнили заодно с «изменниками» их

сыновей. Однако после разгрома вотчин главы «заговора» репрессии стали приобретать все более устрашающий характер.

Война на границах не прекращалась ни на один день. На юге русским пришлось вести борьбу с Крымской ордой, на западе — с Польско-Литовским государством. Но и в условиях военного времени рознь между опричниной и земщиной не отступила на задний план, а усилилась. Даже на переднем крае обороны земские люди могли ждать появления «крошечников» в черных одеждах, после чего начинались аресты и казни. Произвол опричнины деморализовал армию и самым пагубным образом сказывался на обороноспособности государства.

Внутренние неурядицы побуждали противников России к усилению дипломатического и военного давления. В конце 1567 г. Крымский хан вызвал русского посла и потребовал, чтобы русские покинули Терек, угрожая в противном случае войной: «А будет ему (царю. — *Р. С.*) на Тереке город ставить, и он мне давай гору золоту и мне с ним не миривитца, потому что поимал он юрты бусурманские Казань да Астрахань, а ныне на Тереке город ставит и несетца к нам в суседи».²³⁶ Прибывший в Москву крымский гонец был допущен к Грозному 12 декабря 1567 г. Через неделю Боярская дума вынесла решение отвергнуть требования хана.²³⁷ Вскоре же, в январе 1568 г., татары совершили набег на южные границы Руси.

С наступлением весны земская армия заняла оборону на Оке, ожидая нападения Орды. Крымские татары обрушились на крепость Донков, выстроенную воеводами в «поле» на Дону, но были отбиты защитниками крепости. 11 сентября 1568 г. крымцы разорили одоевские и белевские места.²³⁸ Русская дипломатия оказалась бессильна предотвратить столкновение между Россией и могущественной Османской империей. В конце 1567 г. турки начали деятельно готовиться к завоеванию Астрахани. Поход крымско-турецких войск на Астрахань был отложен с 1568 г. на весну 1569 г. лишь по настоянию крымского хана.²³⁹ Появление нового опасного противника побудило русское правительство искать мира с Литвой. 18 мая 1568 г. Боярская дума решила возобновить с нею мирные переговоры. 17 июня в Литву был отпущен королевский гонец Быковский, задержанный в России еще осенью 1567 г. Через него Грозный передал королю Сигизмунду предложение о личном свидании, чтобы «король о том царю и великому князю известил со своим гонцом, в кое время и на котором ему месте с царем и великим князем видетись, и царь и великий князь тут с ним видитца».²⁴⁰

Мирная инициатива Ивана запоздала. Королевская рада склонна была использовать затруднения русских для изгнания их со спорных земель полоцкого повета. В тот момент, когда земские полки были прикованы к южным границам, литовская армия нанесла удар по замку Уле, выстроенному незадолго до того русскими воеводами. 20 сентября 1568 г. после ожесточенного штурма литовцы захватили Улу. По данным литовских хроник, в плен к ним попало двое воевод, 300 детей боярских и 800 стрельцов.²⁴¹ Приведенные цифры многократно преувеличены: в Уле располагался небольшой гарнизон. Можно установить имена пленных — воеводы А. Вельяминова и стрелецкого сотника Г. Вельяминова, пришедшего в Улу из Туровли.²⁴² Падение Улы явилось серьезным поражением для русских. Литовские войска утвердились в 40 верстах от стен Полоцка.²⁴³

После выступления Филиппа царь покинул Москву. Желая избежать новых столкновений с митрополитом, он большую часть времени проводил в опричной Александровской слободе. Наконец после более чем двухмесячного отсутствия Грозный вновь появился в столице.

Казнь митрополичьих советников, разгром владений конюшего Челяднина и непрекращавшиеся репрессии против знатных земских дворян побудили митрополита прибегнуть к последнему крайнему средству давления на опричное

правительство. Не отказавшись от митрополичьего сана, Колычев демонстративно покинул свои хоромы в Кремле и удалился в монастырь. По свидетельству новгородского летописца, «учал митрополит Филипп с государем на Москве враждовати о опришнины и вышел из митрополича двора и жил в монастыре у Николы у Старого».²⁴⁴ В Кремле располагался Чудов монастырь, издавна считавшийся митрополичьим. То был один из самых аристократических монастырей страны: в нем искали успокоения многие представители боярства, потерпевшие неудачу на службе. Однако Филипп не мог переселиться в Чудов монастырь, так как старый чудовский игумен Левкий и его преемник Леонид были самыми рьяными пособниками опричников. В столице находилось немало больших и влиятельных монастырей, но ни один из них не распахнул своих ворот перед обреченным святителем.

В период правления Адашева монастыри были подсудны в светских делах митрополиту и епископам. После 1563 г., как установил С. М. Каштанов, их подсудность была отменена, и тяжбы настоятелей со светскими лицами переданы царскому суду. Подобная мера усилила зависимость черного духовенства от светской власти. Для времени опричнины характерен также и другой момент, выявленный С. М. Каштановым. Власти восстанавливают тарханские привилегии монастырей, упраздненные при Избранной раде.²⁴⁵

С помощью подобных мер Грозный стремился разобщить князей церкви, дабы исключить самую возможность самостоятельной позиции церкви по отношению к светской власти.

В критической ситуации митрополит Филипп не смог положиться на поддержку многочисленной столичной монашеской братии. Надежное прибежище он нашел лишь у монахов и настоятеля небольшого монастырька Николы Старого в Китай-городе, за Торгом позади Богоявленского монастыря. Игумен обители, принявшей Колычева, был Гурий.²⁴⁶

Раздор, порожденный опричниной, вынудил покинуть Кремль сначала монарха, а затем первосвященника. Поводом к окончательному разрыву между Филиппом и Грозным послужил инцидент, произошедший 28 июля 1568 г.²⁴⁷ В этот день царь с опричной свитой неожиданно явился в Новодевичий монастырь, чтобы участвовать в крестном ходе. На Стоглавом соборе духовенство строго осудило привычку князей, бояр и вельмож не снимать тафью при богослужении в церкви. В особом постановлении «О тафьях безбожного Махмета» собор осудил такой обычай, чуждый православию.²⁴⁸ Царь зашел в собор с опричной свитой. Один из опричников не снял тафью, за что митрополит сделал ему строгий выговор. Царь воспринял это как вызов и в гневе удалился с богослужения.²⁴⁹ После инцидента 28 июля Колычев покинул митрополичий двор. Формально Филипп сделал то же, что двумя годами раньше его предшественник Афанасий. Но в отличие от Афанасия, Колычев, перейдя жить в монастырь, сохранил все атрибуты власти. Отказ сложить сан он оправдывал, по-видимому, ссылкой на данное им при избрании обязательство «по поставленьи за опришнину и за царской домовою обиход митропольи не отставливати».²⁵⁰ Шаг, совершенный митрополитом, свидетельствовал о том, что столкновение между опричниной и земщиной достигло наивысшего напряжения. Впервые за многие десятилетия глава церкви встал в открыто враждебное отношение к главе светской власти. В своих действиях церковная оппозиция опиралась не только на большой моральный авторитет церкви. Церковное руководство выступало как выразитель настроений земского дворянства, негодовавшего на произвол и беззакония опричнины.

По предположению В. И. Корецкого, после инцидента 28 июля 1568 г. в столице произошло антиопричное выступление московского посада, ставшее важной вехой в истории опричнины. Грозный, застигнутый с опричниками

на Арбате, должен был выслушать массовое народное осуждение беззакониям. «Московское восстание 1568 г., — писал В. И. Корецкий, — ... было подавлено под угрозой применения опричного войска, но антиопричный дух московского посада не был сломлен...»²⁵¹ Как мы выше отметили, сведения из рукописи 1760 г., послужившие основой для гипотезы В. И. Корецкого, лишены достоверности. Никаких данных о том, что народ пытался противодействовать опричному террору, не имеется.

Царь Иван отличался набожностью и имел самые возвышенные представления о своей миссии верного сына и защитника православной церкви. Ни один из московских государей не заботился столько о своей репутации «благочестивейшего государя», сколько заботился Грозный. По этой причине полный и окончательный разрыв с главой церкви поставил его в двусмысленное и трудное положение. После инцидента в Новодевичьем монастыре царь уехал в Слободу и через считанные дни затребовал к себе материалы текущего летописания, хранившиеся в Царском архиве. Сбором и записью этих материалов занимался глава Посольского приказа и печатник думный дьяк И. М. Висковатый, в ведении которого находился Царский архив.²⁵² Помимо земских приказных в составлении официальной истории по традиции самое деятельное участие принимали митрополит и его окружение. Под присмотром главы церкви в летописный свод включали важнейшие церковные документы, публичные проповеди и напутствия митрополитов и т. д. После разрыва с Филиппом Иван категорически воспротивился включению в официальную летопись крамольных речей митрополита. Возможно, при редактировании летописи в Слободу из нее были исключены почти все относящиеся к нему сведения. Вопреки традиции, в летопись даже не была включена речь Филиппа при его избрании на митрополию.

Опричные «редакторы» оборвали земского летописца как бы на полуслове. Последняя запись в летописи касалась послышки воеводы князя П. Серебряного к Копию летом 1567 (7075) г. Сведения о поражении Серебряного 25 июля 1567 г., а также последующие сведения за 7076 г. (с осени 1567 г.) так и не нашли отражения в официальном летописце. Подобный факт тем удивительнее, что земская летопись, согласно описи Висковатого, довела изложение до 7074—7076 гг., во всяком случае до осени 1567 (7076) г. Указанное расхождение заставляет предположить, что в Слободу земский летописец претерпел сокращение и редакционную правку. Самой основательной цензуре подвергся раздел летописи, касавшийся периода опричины. Из него были исключены все сведения относительно протеста членов Земского собора и Ф. Колычева в 1566 г., сведения о казнях 1566—1567 гг. и т. д. В летопись не были включены даже имена тех лиц, о казни которых официально сообщалось за рубежом.

Переселение Ф. Колычева в монастырь побудило Грозного и его опричную думу принять окончательное решение о низложении строптивного митрополита. В августе 1568 г. царь обратился с письмом к новгородскому архиепископу Пимену, прося его немедленно выехать в Москву.²⁵³ Пимен был вторым после митрополита лицом в церковной иерархии, поэтому именно ему царь поручил подготовить соборный суд над Филиппом. Комиссия боярина князя В. И. Темкина вернулась с Соловков. Но она завершила следствие о «порочной жизни» Колычева далеко не так быстро, как того хотело опричное правительство. Выдвинутые ею обвинения оказались столь шаткими и мало-правдоподобными, что самый авторитетный из членов комиссии епископ Пафнутий отказался подписать следственное заключение.

В течение многих месяцев опричное правительство откладывало расправу с главой земской Боярской думы конюшим И. П. Федоровым вследствие противодействия главы церкви. Разрыв царя с митрополитом ускорил развязку дела.

11 сентября 1568 г. Грозный приказал собрать в парадных покоях Кремлевского дворца Боярскую думу, опричных и земских дворян, находившихся в столице.²⁵⁴ Сюда же он велел привести конюшего И. П. Федорова. Судебное разбирательство было заменено коротким фарсом. Иван велел несчастному боярину облечься в царские одежды и взойти на трон, а затем обнажил голову, преклонил колени и обратился к нему с речью. «Ты имеешь то, что искал, к чему стремился, чтобы быть великим князем Московии и занять мое место, — будто бы сказал он, — вот ты ныне великий князь, радуйся теперь и наслаждайся владычеством, которого жаждал».²⁵⁵ Затем по знаку царя Федоров был убит. Опричники выволокли труп боярина из дворца и бросили в навозную кучу возле Неглинной, на границе между опричниной и земщиной.

Фарс, устроенный в Кремле, показывал, что опричному правительству так и не удалось доказать выдвинутые против конюшего обвинения в государственной измене. Были причины, побуждавшие царя утверждать, будто конюший искал для себя царского престола. Вероятно, Иван не хотел компрометировать двоюродного брата, памятуя его донос на конюшего.

После смерти И. П. Федорова его вдова Мария Челяднина (по первому мужу княгиня Дорогобужская) была насильственно пострижена в монастырь.²⁵⁶ С ее смертью род Челядниных, занимавших одно из первых мест в среде старомосковского боярства XV—XVI вв., полностью пресекся.

Казнив Федорова, опричники произвели расправу над всей оппозицией внутри Боярской думы.²⁵⁷ Гонениям подверглись те ее члены, которые сочувствовали конюшему Федорову и могли оказать поддержку опальному митрополиту. Опричники произвели казни одновременно в столице и провинциальных городах по заранее составленному списку. В синодике мы находим следующую документальную запись относительно этих расправ: «Отделано: Ивана Петрович Федоров, на Москве отделаны, Михайла Колычев да три сыны его: Боулата, Симеона, Миноу. По городам: князь Андрей Катырев, князя Федора Троекуров, Михайла Лыкова с племянником». Согласно свидетельству очевидцев, окольный М. И. Колычев погиб в Москве в один день с Федоровым. Прочие же лица были казнены «по городам»: боярин князь А. И. Катырев — в Свяжске, князь Ф. И. Троекуров — в Казани, окольный М. М. Лыков — в Нарве.

Окольный М. И. Колычев был ближайшим сподвижником конюшего в думе. Они вместе выручили из ссылки князя М. М. Воротынского весной 1566 г. Вскоре после того Колычев присутствовал на Земском соборе, а годом ранее входил в боярскую комиссию, ведавшую Москвой.²⁵⁸ От службы М. И. Колычева отстранили не ранее 17 июня 1568 г.²⁵⁹ Как и другие Колычевы, опальный окольный был связан традиционными узами с домом Старицких. Когда в 1563 г. Ефросинья Старицкая была пострижена в монастырь, с ее согласия для «бережения» к ней приставили М. И. Колычева.²⁶⁰ Он приходился троюродным братом опальному митрополиту Филиппу, и правительство весьма основательно опасалось, что в случае суда над Филиппом окольный, подобно И. П. Федорову, выступит в защиту главы церкви. Все это и решило судьбу М. И. Колычева. По свидетельству очевидцев И. Таубе и Э. Крузе, «Ивана Петровича (Федорова. — Р. С.), Михайла Колычева заколол он (царь. — Р. С.) сам в большой палате...».²⁶¹ Видимо, М. И. Колычев был убит в Кремлевском дворце в день судилища над И. П. Федоровым. Голову окольного царь велел зашить в кожаный мешок и отвезти к митрополиту Ф. Колычеву в монастырь Николы Старого. Таким путем он думал запугать Филиппа, «преломить его душу» накануне суда.²⁶²

«Каких-либо специальных гонений на Колычевых, — пишет А. А. Зимин, — в годы опричнины не было».²⁶³ Такое мнение едва ли справедливо. Курбский

весьма определенно писал, что царь «погубил род Колычевых... а побил их тое ради вины, иже разгневался зело на стрья их Филиппа архиепископа, обличающа его за презлыя беззакония».²⁶⁴ В связи с делом Федорова погибло по крайней мере шестеро Колычевых, среди них окольниковый М. И. Колычев и старейший воевода И. Б. Колычев. Колычевы были полностью изгнаны из земской Боярской думы, их в земщине влияние в значительной мере подорвано.

Окольничий М. М. Лыков занимал пост воеводы в Нарве. Подобно другим главнейшим «заговорщикам» (Федорову, Шеинным, Колычевым и Карповым) М. М. Лыков происходил из нетитулованной старомосковской знати. По рассказу А. Курбского, опричники убили М. М. Лыкова в Нарве (Ругодиге) вместе с близким сродником.²⁶⁵ Из синодика мы узнаем, что с Лыковым погиб его племянник.

Боярин князь А. И. Катырев и князь Ф. И. Троекуров оставались в казанской ссылке в течение четырех лет с 1565 по 1568 г.²⁶⁶ На протяжении этого периода А. И. Катырев неизменно назначался первым воеводой Свяжска. С его гибелью крамольный род Ростовских князей был окончательно изгнан из земской Боярской думы. Троекуров происходил из старшей ветви Ярославских князей и был родственником беглого боярина Курбского. В силу знатности и удачной служебной карьеры он имел наибольшие права (среди своих сородичей) на чин боярина. Однако царь не желал назначать Ярославских княжат в земскую Боярскую думу. Он предпочитал держать Троекурова в ссылке на воеводстве в Казани. Там и застигла Троекурова смерть.

В. И. Корецкий упоминает о казни известного воеводы И. И. Чулкова, ссылаясь на известие Латухинской книги: «Во Астрахани воевода бысть Федор Иванович Сабуров, а его переменял Иван Чулков. Да того же году приезжали в осень (1568 г. — В. К.) князь Андрей, да князь Петр Хворостинин и Ивана Чулкова казнили».²⁶⁷ И. И. Чулков служил вторым воеводой сторожевого полка в Вязьме в 1568 г. О последнем назначении его в Астрахань сказано: «Того же году послал государь воевод своих в Астрахань окольникового своего и воеводу Ивана Ивановича Чулкова».²⁶⁸ На этом карьере И. И. Чулкова-Чеботова оборвалась. Определенно известно, что он выбыл из Боярской думы. Но умер ли он в тюрьме или ссылке, сведений нет.

Казни, имевшие место в сентябре 1568 г., по своим масштабам превосходили репрессии начала опричнины. Амнистия казанских ссыльных не достигла цели, и опричники стали истреблять тех, кто еще недавно удостоился царской «милости». Погибло более двух десятков бывших ссыльных дворян и детей боярских, включая некоторых видных ярославских и ростовских князей. Однако на этот раз террор против титулованной знати не был главной целью опричных мер. Самые тяжкие удары опричнины испытала на себе не разгромленная ранее суздальская знать, а старомосковское боярство. Никогда никто из московских государей не казнил столько членов своей «думы» разом, как Грозный в сентябре. Головы жилились двое бояр (один — старший боярин думы конюший) и двое или трое окольниковых.

Запугав убийствами земскую Боярскую думу, Иван IV устранил последние препятствия к низложению главы церкви. Как бы ни складывались взаимоотношения монарха с первосвященником, история России не знала случая низложения митрополита по решению светских судей. Самодержец пошел на вопиющее нарушение традиций. Князь Курбский отозвался о суде в Москве гневными словами: «Кто слышал зде, епископа от мирских судима и испытуема?»²⁶⁹ Авторы «Жития» также отметили законопреступный характер действий монарха: «... не убоялся суда Божия, еже царем не подобает святительския вины испытывати, но епископи по правилом судят».²⁷⁰

Розыск о «преступлениях» митрополита Филиппа проходил с большими трудностями и совсем не так, как того хотелось царю. Комиссии Темкина потребовалось несколько месяцев, чтобы найти среди противников Филиппа лжесвидетелей и подготовить обвинение. Завершив розыск, Темкин передал сфабрикованные материалы о «скаредных» и «богомерзких» делах Филиппа в Боярскую думу. По приказу царя земские бояре вынесли решение о суде над главой церкви.²⁷¹

И. Таубе входил в опричную думу и располагал полной информацией о деле митрополита. По словам И. Таубе и Э. Крузе, Иван IV созвал для разбирательства дела «представителей всех духовных и светских чинов», иначе говоря, Боярскую думу и священный собор.²⁷² Лжесвидетели «изнесли» перед судилищем свои «многословные речи» против митрополита.²⁷³ Но приглашенный из Никольского монастыря Филипп не только отверг все предъявленные ему обвинения, чем вызвал «многое смятение», но вновь потребовал от Грозного отменить опричину. «Престани, благочестивый царю, — будто бы сказал он, — от такового неугодного начинания, вспомяни прежде бывших царей» и т. д.²⁷⁴ Убедившись в том, что дума и собор послушны воле царя, Филипп попытался прекратить судебное разбирательство. Он впервые объявил о своем отречении и «сложил с себя... лукавством и проворством свое облачение». Иван отказался признать отречение Филиппа. Он сказал «духовным чинам, что он не желает, чтобы митрополит так быстро уехал, и не будет судить его прежде, чем обдумает все хорошенько, поэтому митрополит должен вновь надеть свое облачение».²⁷⁵

По указу царя судебное разбирательство продолжалось своим чередом. В конце концов собор признал справедливыми обвинения в «порочной жизни» и принял решение о низложении Филиппа. По свидетельству Новгородской летописи, «на Москве, месяца ноября в 4 день, Филиппа митрополита из святительского сану свергоша на Москве в четверток, и жил в монастыре у Николы у Старого».²⁷⁶ Вопрос о том, когда Колычева лишили атрибутов власти, получил неодинаковое освещение в источниках. По «Житию», опричный боярин А. Д. Басманов еще до суда совок с митрополита святительский «сан» и в «разодранной» монашеской одежде увез в Богоявленский монастырь.²⁷⁷ По словам А. Курбского, Филипп явился на суд «в святительской одежде», причем суд якобы происходил в кремлевском Успенском соборе, где заседало «проклятое сонмище согласников», «скверное соборище»; сан был «ободран» с митрополита уже после суда.²⁷⁸

А. Курбский, описавший историю низложения Филиппа по слухам, не избегал неточностей. Собор, рассматривавший дело Филиппа, заседал, конечно же, в палатах, где обычно заседали Боярская дума и духовенство. И тем не менее главу церкви низложили не в этой палате, а в главном соборе Кремля. Как это произошло? Ответ находим в записках Таубе и Крузе. Во время разбирательства в думе Колычев, сохранявший полное самообладание, пытался прервать недостойный фарс и заявил, что сам слагает сан. Иван не желал уступить главе церкви инициативу и велел ему надеть святительское облачение. При этом благочестивый государь заявил, что желает «послушать в великий праздник, в день св. Михаила, его богослужение». Очевидцы подчеркивали, что Колычев уступил не сразу, но в конце концов «склонился на сильные убеждения духовных чинов и решил служить последнюю службу и потом сложить с себя сан».²⁷⁹

Судьба митрополита решилась на соборном суде 4 ноября. Но окончание дела было отложено до великого праздника Михаила, приходившегося на 8 ноября. Едва народ заполнил собор и митрополит начал службу, как в храм ворвались опричники. Руководили процедурой низложения двое из них — боярин А. Д. Басманов и голова Малюта Скуратов. Боярин не догадывался, что ему самому недолго осталось жить и что на плаху его пошлет ны-

нешний послушный и расторопный помощник. Пока же Басманов исполнял роль судьи, а Скуратов — палача.

Прервав богослужение в соборе, опричный боярин объявил царский указ о низложении Филиппа и «повеле пред ним (святителем. — Р. С.) и пред всем народом чести ложно составленные книги». Как только чтение обвинительного приговора было завершено, Малюта набросился на Колычева и сорвал с него святительские одежды. Вслед за тем митрополита, усадив в простые сани, увезли из Кремля.²⁸⁰

Процедура низложения была обдумана Грозным до мельчайших подробностей. Очевидно, он стремился придать ей форму, которая бы поразила земщину и получила такой же отклик в столице, как и выступления самого митрополита против опричнины. Царю надо было во что бы то ни стало скомпрометировать главу церкви в глазах всего народа, а не только узкого правящего круга, участвовавшего в соборном суде.

Опричники доставили Филиппа в монастырь и заключили в «злосмрадную хлевину». На его пропитание отпускалось по 4 алтына в день. Признанный виновным в «скаредных делах», Филипп по церковным законам подлежал сожжению. Однако по ходатайству духовенства казнь была заменена ему вечным заточением в тверской Отроч монастырь. По приезде Филиппа в Тверь для надзора за ним в монастырь был прислан царский пристав С. Кобылин.

А. А. Зимин высказал предположение, что осуждение Филиппа сопровождалось новыми казнями, затронувшими духовенство, а именно, через два дня опричники умертвили казанского архиепископа Германа, известного противника опричнины.²⁸¹ Подобное предположение все же не сообразуется с фактами. В «Житии Германа», составленном патриархом Гермогеном, указана точная дата смерти епископа в ноябре 7076, т. е. 1567 г. На основании церковных документов П. Строев установил, что Герман умер в Москве от мора 6 ноября 1567 г. Произошло это за год до низложения Филиппа.²⁸² Автор «Жития» утверждал, что Герман был архиепископом Казани 3 года и 8 месяцев, т. е., заключает А. А. Зимин, он умер в 1568 г. Это ошибка. Герман получил сан архиепископа 12 марта 1564 г. и, исходя из хронологии «Жития», сохранял кафедру до октября-ноября 1567 г. А. А. Зимин ссылается на «Историю» Курбского, но последний пишет, что Герман был предан смерти через два дня после неудачного избрания в митрополиты летом 1566 г. Доверять этому свидетельству невозможно.

С большой успешностью собор уже через неделю после низложения Филиппа объявил 11 ноября об избрании на митрополию игумена Троице-Сергиева монастыря Кирилла. В апреле следующего года Грозный подтвердил права нового митрополита на привилегии, пожалованные митрополическому дому при Афанасии.²⁸³ Вознаграждены были и другие члены собора, участвовавшие в низложении Филиппа. Симоновский монастырь через несколько месяцев после собора был принят царем в опричнину. «Государев богомолец» Кирилло-Белозерский монастырь в ноябре-декабре 1568 г. получил половину громадной белозерской вотчины боярина И. П. Федорова.²⁸⁴

Раздор царя с высшей титулованной знатью и попытки утвердить в стране самодержавный образ правления привели к стремительному возвышению нетитулованной старомосковской знати, которая захватила в свои руки кормило опричного управления и одновременно значительно усилила свои позиции в руководстве земщиной. Басмановы-Плещеевы выдвинулись в опричнине, Челяднин — в земщине. Широкая амнистия, проведенная через год после учреждения опричнины, способствовала политической стабильности в государстве. Однако сохранение опричнины увековечило раскол правящих верхов и феодального дворянства. Попытки править, следуя принципу «разделяй и властвуй», завершились полной дестабилизацией обстановки в стране.

Вопреки целям и стремлениям инициаторов опричнины (Басманова и др.), опричная политика все больше утрачивала антикняжескую направленность. Суд над участниками «заговора» Старицких дал новое направление террору, на этот раз обрушившемуся на голову старомосковской знати.

После завершения «дела» Федорова и низложения Филиппа царь, казалось бы, мог торжествовать победу. Не только «заговорщиков», но и всех заподозренных в недовольстве постигла суровая кара. Земщина безмолвствовала. Однако волна опричного террора спала лишь для того, чтобы через год подняться с новой силой и вылиться в «новгородское изменное дело», которое поглотило не только противников опричнины, но и тех, кто стоял у ее колыбели.

¹ О времени перехода Костромы в опричнину см.: Садиков. Очерки. С. 162. Таубе и Крузе подтверждают факт зачисления Костромы с Плесом и Буюем в опричнину, но пишут, будто это произошло «следующей зимой» после учреждения опричнины (см.: Послание Таубе и Крузе. С. 36). На самом деле Кострома была зачислена в удел через два года после введения опричнины.

² См.: Витебская старина. С. 36; Буганов. Документы. С. 174.

³ ТҚДТ. С. 148, 151.

⁴ Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения//ИЗ. 1946. Т. 18. С. 67.

⁵ Буганов. Документы. С. 174.

⁶ Зимин А. А. Земельная политика в годы опричнины (1565—1572 гг.)//ВИ. 1962. № 12. С. 77.

⁷ Садиков. Из истории опричнины. С. 215.

⁸ Шумаков С. А. Обзор грамот коллегии экономии. М., 1912. Вып. 3. № 537. С. 135.

⁹ Штаден. Записки. С. 147—148; Сб. РИО. Т. 71. С. 434, 437; Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1955. С. 94.

¹⁰ Буганов. Документы. № 4. С. 174—176.

¹¹ Штаден. Записки. С. 93.

¹² Введенский А. 1) Торговый дом XVI—XVII вв. Л., 1924. С. 91; 2) Дом Строгановых в XVI—XVII веках. М., 1962. С. 29.

¹³ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 98—99.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 395.

¹⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в.//ИЗ. 1940. Т. 10. С. 89.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 382.

¹⁷ Там же. С. 401.

¹⁸ Там же. С. 406.

¹⁹ Штаден. Записки. С. 107—109.

²⁰ Там же. С. 94.

²¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 331.

²² Там же. С. 464—465.

²³ Там же. С. 591. По свидетельству одного летописца, Иван IV первым делом велел выстроить в Слободе «избы судебные» и дворы для «заплечных мастеров» (Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 14).

²⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 396—397, 399—400.

²⁵ Там же. С. 400.

²⁶ Там же. Т. 37. С. 195.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Т. 13. С. 407.

²⁹ Назаров В. Д. Из истории аграрной политики царизма XVI в.//Советские архивы. 1968. № 3. С. 113.

³⁰ Послания Ивана Грозного. С. 163—164.

³¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 400, 407; см. также: Лурье Я. С. Комментарий//Послания Ивана Грозного. С. 633. Сообщая о поездке царя в Вологду в 1567 г., летописец кратко добавляет: «а в Кириллов монастырь ездил молиться» (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 407). Будучи в Кириллове, Иван пожаловал монастырю важную торговую привилегию — право беспошлинной торговли по всей территории опричнины. Жалованная грамота датирована 20 апреля 1567 г. и подписана опричным дьяком Д. Володимировым (см.: Садиков. Из истории опричнины. С. 210).

³² Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря//ЗОРСА. Т. 1. С. 88—89.

³³ См.: Описания древностей Кирилло-Белозерского монастыря//Чтения ОИДР. 1859. Кн. 3. Отд. I. С. 89.

³⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 32.

- ³⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 405, 406; *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 757; Книга посольская метрики великого княжества Литовского. М., 1843. С. 258.
- ³⁶ *Любавский М. К.* Литовско-русский сейм. С. 759, 774.
- ³⁷ Там же. С. 774.
- ³⁸ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 33—34.
- ³⁹ В литовских грамотах (25—29 февраля 1567 г.) содержались ссылки на пожалование Курбскому г. Ковеля. В Москве приступили к написанию ответных грамот не позднее июня 1567 г. Первая из них была закончена 2 июля 1567 г.
- ⁴⁰ Козлов утверждал в Литве, будто его дед был «первейшим человеком» и «любимейшим слугой» кн. И. М. Воротынского (см.: *Послания Ивана Грозного*. С. 436, 441). Бегство Козловых из России, вероятно, связано было с опалой на отца М. И. Воротынского.
- ⁴¹ *Послания Ивана Грозного*. С. 258, 429.
- ⁴² Там же. С. 267, 435—436. Гетман упомянул также о несчастной судьбе отца М. И. Воротынского.
- ⁴³ ПСРЛ. Т. 8. С. 214, 271.
- ⁴⁴ Там же. 13. С. 340.
- ⁴⁵ *Послания Ивана Грозного*. С. 241, 256.
- ⁴⁶ *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 40.
- ⁴⁷ *Послания Ивана Грозного*. С. 276, 277.
- ⁴⁸ *Толстой Ю.* Первые сорок лет... С. 40.
- ⁴⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 778.
- ⁵⁰ *Послания Ивана Грозного*. С. 652—653.
- ⁵¹ А. Курбский получил Ковель во временное пользование (на содержание), как то специально разъяснялось в привилее 4 июля 1564 г. и универсале за январь 1567 г. (*Устрялов Н. Г.* Сказания князя Курбского. СПб., 1868. С. 397—400; *Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни*. Киев, 1849. Т. 1. С. 7—8).
- ⁵² *Устрялов Н. Г.* Сказания... С. 398—399. Тем же языком говорил король о России в письмах к Елизавете Английской. «Мы видим, — писал он 13 марта 1568 г., — что москвит — этот враг не только нашего царства временный, но и наследственный враг всех свободных народов» и т. д. (*Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях//Зап. Академии наук. 1865. Т. 8. Прил. С. 84).
- ⁵³ *Послания Ивана Грозного*. С. 435.
- ⁵⁴ См. гл. 1.
- ⁵⁵ Известно, писал в своем письме гетман Г. Ходкевич, что боярин Федоров «от Бога разумом украшены и одарены...» (см.: *Послания Ивана Грозного*. С. 276).
- ⁵⁶ Там же. С. 444.
- ⁵⁷ Там же. С. 259.
- ⁵⁸ Там же. С. 245—246, 253, 262.
- ⁵⁹ Там же. С. 242—243, 251, 259.
- ⁶⁰ Там же. С. 424, см. также: С. 248, 256.
- ⁶¹ Там же. С. 246, 254, 264.
- ⁶² Русские послы, фактически содержавшиеся в Литве под стражей, трижды посылали к царю гонцов с извещением о готовившемся нападении литовцев на «цареву украину» (Сб. РИО. Т. 71. С. 524—525).
- ⁶³ Разряды. Л. 338; ПСРЛ. Т. 13. С. 408.
- ⁶⁴ Хроника А. Гваньини//Витебская старина. С. 235; Хроника М. Бельского//Там же. С. 159.
- ⁶⁵ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 249; Разряды. Л. 339 об., 336 об., 338.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 13. С. 408.
- ⁶⁷ Хроника М. Стрыйковского//Витебская старина. С. 191.
- ⁶⁸ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 218; ПСРЛ. Т. 13. С. 408.
- ⁶⁹ Разряды. Л. 331; Шлихтинг. Новое известие. С. 21; Штаден. Записки. С. 79, 86—87.
- ⁷⁰ *Леонтьев А. К.* Образование приказной системы управления в Русском государстве. М., 1961. С. 65—69.
- ⁷¹ Акты, относящиеся до юридического быта России. СПб., 1857. Т. 1. С. 214.
- ⁷² Разряды. Л. 165; ПСРЛ. Т. 13. С. 456, 465; СГГД. Ч. 2. С. 48.
- ⁷³ Зимин. Опричнина. С. 278.
- ⁷⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 530.
- ⁷⁵ Зимин. Опричнина. С. 277. Примеч. 5.
- ⁷⁶ Разряды. Л. 230 об.
- ⁷⁷ Там же. Л. 173 об., 206; ТКДТ. С. 54, 112; Сб. РИО. Т. 59. С. 562; ПСРЛ. Т. 13. С. 525.
- ⁷⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 392, 395.
- ⁷⁹ *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 88.
- ⁸⁰ АИ. Т. 2. № 355. С. 424.
- ⁸¹ Карамзин. История. Примеч. 614.
- ⁸² *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. С. 81.
- ⁸³ Шлихтинг. Новое известие. С. 22.

- ⁸⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 415—416, 427; Сб. РИО. Т. 59. С. 66.
- ⁸⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 526.
- ⁸⁶ Веселовский. Исследования. С. 309.
- ⁸⁷ Сведения о путешествиях Дженкинсона в Москву в 1566—1567 гг. уточнены Г. Хуттенбахом (*Huttenbach H. R. Anthony Jenkinson's 1566 and 1567 Missions to Muscovy. Reconstructed from Unpublished Sources//Canadian-American Slavic Studies. 1975. Vol. IX, № 2. P. 179—203*).
- ⁸⁸ О подробностях переговоров царь сообщил новому английскому послу Сильвестру 29 ноября 1575 г. (см.: *Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 181*).
- ⁸⁹ *Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 107*.
- ⁹⁰ Там же. С. 40.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же. С. 181.
- ⁹³ Там же. С. 36; *Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией. Юрьев, 1912. Вып. 1. С. 42*.
- ⁹⁴ *Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 181*.
- ⁹⁵ Псковские летописи. Вып. 2. С. 262.
- ⁹⁶ Цит. по кн.: *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI — начале XVII в. М., 1978. С. 44. Примеч. 38*.
- ⁹⁷ *Piawarski K. Niedoszła Wyprawa tzw. Raboszkowicka Zygmunta Auguste Moskwe (Rok 1567—1568)//Ateneum Wilénskie, 1927. K. 4. S. 252—286; 1928. K. 5. S. 85—119*.
- ⁹⁸ *Любаевский М. К. Литовско-русский сейм. М., 1901. С. 780—781*.
- ⁹⁹ *Henning S. Lifländische Chronica. Rostoc, 1587. S. 47; Kronika Polska Marciana Bielskiego/Nowo przez Ioach. Bielskiego, Kraków, 1597. K. V. S. 174; Хроника А. Гваньини и М. Стрыйковского//Витебская старина. С. 235, 191*.
- ¹⁰⁰ Цит. по кн.: *Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы... С. 45*.
- ¹⁰¹ Хроника М. Бельского//Витебская старина. С. 161; Сб. РИО. Т. 71. С. 571.
- ¹⁰² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1981. Т. 2. Ч. 1. С. 218; 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 221.
- ¹⁰³ Штаден. Записки. С. 88; Разряды. Л. 340 об.; Сб. РИО. Т. 71. С. 561. Накануне похода в Ливонию царь вызвал в Москву пленного магистра Фюрстенберга и вел с ним переговоры о восстановлении Ливонского ордена под эгидой России. Однако переговоры не имели успеха (см.: Штаден. Записки. С. 88—89; Летопись Ф. Ниештедта//Прибалтийский сборник. Т. 4. С. 38).
- ¹⁰⁴ Новгородские летописи. С. 96.
- ¹⁰⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 563.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ *Полосин И. И. Предисловие//Штаден. Записки. С. 48—49*.
- ¹⁰⁸ Штаден. Записки. С. 78.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 87—89.
- ¹¹⁰ См. гл. 1.
- ¹¹¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 21—22, 61—62.
- ¹¹² Там же. С. 28.
- ¹¹³ Там же. С. 61—62.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Livländische Bibliothek von Fr. Gadebusch. Riga, 1774. Bd 2. S. 41*.
- ¹¹⁶ *Kelch Chr. Liefländische Historia. Reval, 1695. S. 280*.
- ¹¹⁷ Зимин. Опричина. С. 269.
- ¹¹⁸ См.: *Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 253—255*.
- ¹¹⁹ *Swagnini A. Sarmatiae Europaeae descriptioquae Regnum: Moschoviae descriptio. Krakow, 1578. F. 28 [об.] — 29*.
- ¹²⁰ *Kronika Polska Marciana Bielskiego. S. 174*.
- ¹²¹ Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 186.
- ¹²² Чтения ОИДР. 1898. Кн. 4. Отд. IV. С. 18—19.
- ¹²³ *Бухау Даниил фон. Начало и возвышение Московии//Там же. 1876. Кн. 3. Отд. IV. С. 22*.
- ¹²⁴ См. гл. 1.
- ¹²⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 190.
- ¹²⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 222; Сб. РИО. Т. 71. С. 561.
- ¹²⁷ Старицкий «понимал, что над его головой собирается гроза и, чтобы отвести от себя подозрения, стал выдавать царю людей, которые заговаривали с ним о его кандидатуре на престол» (Веселовский. Исследования. С. 309).
- ¹²⁸ Штаден. Записки. С. 87. См. также: С. 89.
- ¹²⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 62.
- ¹³⁰ Садиков. Очерки. С. 31—32.
- ¹³¹ Зимин. Опричина. С. 280. Примеч. 4.
- ¹³² Там же. С. 273.
- ¹³³ Шлихтинг. Новое известие. С. 21—22.
- ¹³⁴ *Корецкий В. И. Политическая борьба и сословные учреждения времени опричнины//Феодализм в России. М., 1987. С. 231—234*.

- ¹³⁵ Государственный архив России XVI столетия: Опыт реконструкции//Подгот. текста А. А. Зимина. М., 1978. Т. 2. С. 82.
- ¹³⁶ Там же. С. 425.
- ¹³⁷ *Корецкий В. И.* Политическая борьба и сословные учреждения... С. 230.
- ¹³⁸ *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 14.
- ¹³⁹ Штаден. Записки. С. 86.
- ¹⁴⁰ *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 29.
- ¹⁴¹ Там же.
- ¹⁴² *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 374. Примеч. 1.
- ¹⁴³ Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Синодик опальных царя Ивана Грозного//Вопросы истории СССР XVI—XVIII вв. Л., 1965. С. 42. (Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена; Т. 278).
- ¹⁴⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 563.
- ¹⁴⁵ Шлихтинг. Новое известие. С. 24—25.
- ¹⁴⁶ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 75.
- ¹⁴⁷ 28 ноября 1566 (7075) г. дьяк Иван Ишук Бухарин скрепил грамоту, адресованную городовому приказчику на Белоозеро (ГПБ. ОР. Q IV 113а. Копийная книга Кирилло-Белозерского монастыря. Л. 1217). В работе С. М. Каштанова вышеупомянутая грамота отнесена к 1566 г., а затем ошибочно также и к 1568 г. (см.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.//АЕ за 1960 г. 1962. С. 168, 172). В 1568 г. Бухарина уже не было в живых.
- ¹⁴⁸ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 274.
- ¹⁴⁹ Зимин. Опричнина. С. 248.
- ¹⁵⁰ *Зимин А. А.* О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма//Абсолютизм в России: (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 48.
- ¹⁵¹ Зимин. Опричнина. С. 248.
- ¹⁵² *Зимин А. А.* Митрополит Филипп и опричнина//Вопросы истории религии и атеизма. М., 1963. С. 270.
- ¹⁵³ ПСРЛ. Т. 13. С. 97; Родословная книга. Ч. 2. С. 112.
- ¹⁵⁴ ГБЛ. ОР. Ф. 303. № 649. Л. 84 об.
- ¹⁵⁵ Соловецкий летописец. М., 1790. С. 14; *Леонид.* Жизнь св. Филиппа, митрополита Московского. М., 1861. С. 20; *Савич А. А.* Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь, 1927. С. 48.
- ¹⁵⁶ *Зимин А. А.* Митрополит Филипп и опричнина. С. 285; *Корецкий В. И.* Политическая борьба и сословные учреждения... С. 234.
- ¹⁵⁷ Грамоты св. Филиппа митрополита Московского в Соловецкую обитель//Душеполезное чтение. 1861. Октябрь. С. 196, 200, 206; ААЭ. Т. 1. С. 312.
- ¹⁵⁸ См. гл. 1.
- ¹⁵⁹ Среди «Житий Филиппа» выделены две основных редакции — пространная Тулуповская и Кольчевская. (Они названы так по имени переписчиков и владельцев сборников). В. О. Ключевский и А. А. Зимин считали первичной первую редакцию, Г. Г. Латышева — вторую (*Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 311; Зимин. Опричнина. С. 221; *Латышева Г. Г.* Публицистический источник по истории опричнины//Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 45). Вопрос о соотношении двух редакций требует специального исследования. Выскажем лишь одно предварительное замечание. Датированному признаком в Тулуповской редакции является указание на недавнее перенесение мощей Филиппа, совершившееся 6 августа 1591 г. В Кольчевской редакции это событие датировано с ошибкой и подробно описаны чудеса, сопровождавшие перенесение мощей. В Тулуповской редакции описание этих чудес отсутствует. «Откровенная фантастичность событий, связанных с открытием мощей Филиппа, — пишет Г. Г. Латышева, — может быть и явилась причиной того, что эти „подробности“ были исключены составителем II-й редакции „Жития Филиппа“». (Там же. С. 51). Предположение об исключении чудес сомнительно: нет доказательств того, что Тулуповская редакция была более критической и рациональной, чем другие редакции. Допустимо другое предположение. Автор Тулуповской редакции описал события по свежим следам, тогда как автор Кольчевской сделал это с большим запозданием, когда событие обросло легендами.
- ¹⁶⁰ Послание Таубе и Крузе. С. 42.
- ¹⁶¹ *Зимин А. А.* Митрополит Филипп и опричнина. С. 286—287.
- ¹⁶² Житие Филиппа//ГПБ. ОР. Соловецкое собр. № 1073/963. Л. 59—59 об.
- ¹⁶³ Там же. Л. 59—50 об., 63.
- ¹⁶⁴ Там же. Л. 62.
- ¹⁶⁵ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец конца XVI в.//Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 223—225.
- ¹⁶⁶ Грамоты Филиппа. С. 196, 198; История первоклассного Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 207; *Леонид.* Жизнь св. Филиппа. С. 31.
- ¹⁶⁷ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 236.
- ¹⁶⁸ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 252.
- ¹⁶⁹ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. С. 87, 89.
- ¹⁷⁰ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 406.
- ¹⁷¹ *Корецкий В. И.* Соловецкий летописец... С. 236.
- ¹⁷² Шлихтинг. Новое известие. С. 26.

- ¹⁷³ Житие Филиппа. Л. 69 об. — 70.
¹⁷⁴ Там же. С. 70.
¹⁷⁵ Новгородские летописи. С. 98.
¹⁷⁶ Житие Филиппа. Л. 64 об.
¹⁷⁷ Там же. Л. 71.
¹⁷⁸ Новгородские летописи. С. 98.
¹⁷⁹ *Скрынников Р. Г.* Начало опричнины. С. 384—385. Позже аналогичное сопоставление текста Послания Таубе и Крузе с текстом «Жития Филиппа» по Кольчевскому списку привела Г. Г. Латышева (*Латышева Г. Г.* Публицистический источник... С. 57—58).
¹⁸⁰ Хофф. Тирания. Л. 12 об. — 13.
¹⁸¹ Житие Филиппа. Л. 66 об., 67, 73.
¹⁸² Житие Филиппа. Л. 72 об., 69 об.
¹⁸³ Там же. Л. 67.
¹⁸⁴ Там же. Л. 68.
¹⁸⁵ Хофф. Тирания. Л. 12 об.
¹⁸⁶ Житие Филиппа. Л. 71 об. — 72.
¹⁸⁷ Хофф. Тирания. Л. 13.
¹⁸⁸ Известия археологического общества. СПб., 1861. Кн. 3. Вып. 1. С. 51. Как раз в 1568—1569 гг. дочь казненного Ф. А. Рясина отказала несколько деревень в Кирилло-Белозерский монастырь (см.: *Шумаков С. А.* Обзор грамот коллегии экономии. М., 1899. Вып. 1. С. 29). С. Б. Веселовский ошибочно отождествил Ф. Рясина с опричным дьяком Ф. Рыловым (Веселовский. Исследования. С. 438).
¹⁸⁹ Хофф. Тирания. Л. 13.
¹⁹⁰ ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. 440. Размеры пашни даны в пересчете на три поля.
¹⁹¹ Веселовский. Исследования. С. 350.
¹⁹² *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. Вып. 1. С. 22.
¹⁹³ Послание Таубе и Крузе. С. 41—42.
¹⁹⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 22; Курбский. Сочинения. С. 300.
¹⁹⁵ *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины//Исторический архив. 1958. № 3. С. 153.
¹⁹⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 22, 61—62.
¹⁹⁷ Штаден. Записки. С. 97, 101.
¹⁹⁸ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 201, 212.
¹⁹⁹ Там же. С. 172, 228.
²⁰⁰ Там же. С. 196.
²⁰¹ Там же. С. 175, 178, 228.
²⁰² *Бычкова М. Е.* Редакция родословных книг второй половины XVI в.//АЕ за 1962 г. 1963. С. 131.
²⁰³ Курбский. Сочинения. С. 303.
²⁰⁴ Каменские были однородцами И. П. Федорова и служили по Бежецкому Верху (см.: Родословная книга. Ч. 1. С. 352).
²⁰⁵ Некоторые из Татишевых служили при дворе Старицких. Так, в 40-х гг. ясельничим князя Владимира Андреевича был Кекса Татишев (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 153).
²⁰⁶ Курбский. Сочинения. С. 350; ТКДТ. С. 348.
²⁰⁷ Штаден. Записки. С. 79.
²⁰⁸ *Зимин А. А.* Земский собор 1566 г.//ИЗ. 1962. Т. 71. С. 200.
²⁰⁹ *Назаров В. Д.* Из истории центральных государственных учреждений России середины XVI в.//История СССР. 1976. № 3. С. 93—94.
²¹⁰ *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве//История СССР. 1977. № 5. С. 152.
²¹¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 23; Курбский. Сочинения. С. 297.
²¹² *Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. С. 281; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие... С. 111—112.
²¹³ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 115.
²¹⁴ Разряды. Л. 339 об. 341 об. Заместничав с князем И. Канбаровым, А. И. Шеин не выполнил приказа о переходе из Лук в Торопец.
²¹⁵ С чином боярина А. И. Шеин упомянут в одном из Разрядов за апрель 1567 г. (Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 47). Однако это ошибка. В двух последующих разрядах того же сборника он назван простым воеводой (Там же. С. 53—54).
²¹⁶ Родословная книга. Ч. 1. С. 141.
²¹⁷ Курбский. Сочинения. С. 303.
²¹⁸ Разряды. Л. 345.
²¹⁹ Там же. Л. 335, 336.
²²⁰ СГГД. Ч. 1. № 191. С. 538.
²²¹ В 1558 г. И. Б. Кольчев был послан с удельными войсками в Калугу, в 1565 г. служил как царский воевода в Смоленске (см.: Разряды. Л. 317).
²²² Курбский. Сочинения. С. 300—301.
²²³ Там же.

- ²²⁴ Веселовский. Исследования. С. 400.
- ²²⁵ ДРВ. Т. 13. С. 47.
- ²²⁶ Разряды. Л. 337 об. В 1567 г. Образцов служил со свияжскими татарами на литовской границе.
- ²²⁷ Там же. Л. 335, 336.
- ²²⁸ Там же. Л. 343, 346.
- ²²⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 233, 234.
- ²³⁰ Разряды. Л. 346—346 об.
- ²³¹ Курбский. Сочинения. С. 350; ТКДТ. С. 348.
- ²³² Курбский. Сочинения. С. 305.
- ²³³ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 230, 236.
- ²³⁴ Н. Г. Казаринов со своими стрельцами разбил арских людей под Казанью (1553 г.) и отличился при взятии Полоцка (1563 г.). В 1560 г. он был послан в Кабарду с вестью о браке царя с Марией Темрюковной. Г. И. Кафтырев отличился под Астраханью (1554—1556 гг.), участвовал в Ливонских походах. На Земском соборе 1566 г. он присутствовал как дворянин I статьи.
- ²³⁵ Курбский. Сочинения. С. 307—308.
- ²³⁶ Садиков П. А. Поход турок и татар на Астрахань в 1569 г.//ИЗ. 1947. Т. 22. С. 145.
- ²³⁷ Савва В. И. О Посольском приказе в XVI в. Харьков, 1917. Вып. I. С. 159—160.
- ²³⁸ Курбский. Сочинения. С. 305—306; Разряды. Л. 347 об.
- ²³⁹ Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.//ИЗ. 1950. Т. 34. С. 280. Первые сведения о подготовке турок к походу на Астрахань были получены московскими послами в Крыму еще в апреле 1567 г. (Садиков П. А. Поход турок и татар... С. 148; см. также: Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 г. Саратов, 1962. С. 12—13).
- ²⁴⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 564—565.
- ²⁴¹ Хроники М. Бельского, А. Гваньини и М. Стрыйковского//Витебская старина. С. 161, 192, 236—237.
- ²⁴² Разряды. Л. 336 об., 343.
- ²⁴³ Сб. РИО. Т. 71. С. 573, 575.
- ²⁴⁴ Новгородские летописи. С. 98.
- ²⁴⁵ Каштанов С. М. 1) Финансовая политика периода опричнины//Россия на путях централизации. М., 1982. С. 77—89; 2) Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 171.
- ²⁴⁶ Аверин К. О монастыре св. Николы Старого в Москве//Русский исторический сборник. М., 1837. Т. 1. Кн. 1. С. 84; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей. СПб., 1877. С. 189.
- ²⁴⁷ Богослужение происходило в день Прохора, Никанора и Пармена, т. е. 28 июля (см.: Житие Филиппа. Л. 77).
- ²⁴⁸ Стоглав. СПб., 1863. С. 51, 123.
- ²⁴⁹ Житие Филиппа. Л. 77. По рассказу «Жития», после ссоры во время богослужения царь будто бы решил судить Филиппа, «да не возьмет народ». Однако рассказ этот вымышлен. Более достоверно сообщение новгородской летописи.
- ²⁵⁰ СГГД. Ч. 1. С. 557—558.
- ²⁵¹ Корецкий В. И. К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины//Летописи и хроники. М., 1984. С. 108—109.
- ²⁵² Обстоятельное исследование о составе Царского архива проведено С. О. Шмидтом (Шмидт. Российское государство. С. 159).
- ²⁵³ 31 августа Пимен уже находился на пути в Москву (см.: Новгородские летописи. С. 98).
- ²⁵⁴ См.: Шлихтинг. Новое известие. С. 22; ср.: Штаден. Записки. С. 86—87. Найденные М. Е. Бычковой родословцы XVI в. свидетельствуют, что Федоров «казнен в 77-м году в сентябре» (см.: Зимин. Опричина. С. 280. Примеч. 4). Дату гибели Федорова сообщают Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря (см.: ЗОРСА. С. 53).
- ²⁵⁵ См.: Шлихтинг. Новое известие. С. 22.
- ²⁵⁶ Курбский. Сочинения. С. 294.
- ²⁵⁷ «У нас нет определенных данных, — пишет А. А. Зимин, — которые бы связывали казнь Федорова с репрессиями против кого-либо из других членов Боярской думы... примерно осенью 1568 г. был казнен окольничий М. И. Колычев. Но расправа с ним могла быть связана с делом Филиппа Колычева...» (Зимин. Опричина. С. 283). Данные, о которых пишет А. А. Зимин, содержатся в синодике опальных, записках И. Таубе и Э. Крузе и т. д.
- ²⁵⁸ Разряды. Л. 337 об.
- ²⁵⁹ В этот день он участвовал в приеме литовского гонца во дворце (см.: Сб. РИО. Т. 71. С. 567).
- ²⁶⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 369.
- ²⁶¹ Хофф. Тирания. Л. 11.
- ²⁶² Житие Филиппа. Л. 87.
- ²⁶³ Зимин. Опричина. С. 220.
- ²⁶⁴ Курбский. Сочинения. С. 299—300.
- ²⁶⁵ Там же. С. 298—299.

- ²⁶⁶ Разряды. Л. 318 об., 327 об., 342.
- ²⁶⁷ *Корецкий В. И.* История русского летописания... С. 30.
- ²⁶⁸ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 228, 231.
- ²⁶⁹ Курбский. Сочинения. С. 311.
- ²⁷⁰ Житие Филиппа. Л. 79—80.
- ²⁷¹ Согласно описи конца XVI в., в царском архиве хранились поручные грамоты с прочими опальными делами «и с митрополичьим Филиповым делом» (*Шмидт С. О.* Опись государственного архива конца XVI в.//АЕ за 1974 г. 1975. С. 348).
- ²⁷² Послание Таубе и Крузе. С. 44.
- ²⁷³ Житие Филиппа. Л. 80—80 об.
- ²⁷⁴ Там же.
- ²⁷⁵ Послание Таубе и Крузе. С. 44.
- ²⁷⁶ Новгородские летописи. С. 98.
- ²⁷⁷ Житие Филиппа. Л. 80.
- ²⁷⁸ Курбский. Сочинения. С. 313.
- ²⁷⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 44.
- ²⁸⁰ Там же. Ср.: Курбский. Сочинения. С. 313—314; Житие Филиппа. Л. 80.
- ²⁸¹ Зимин. Опричнина. С. 255.
- ²⁸² *Стров П.* Списки иерархов и настоятелей... С. 287.
- ²⁸³ 30 апреля 1569 г. царь подтвердил на имя Кирилла обельно-несудимую грамоту на митрополичьи вотчины во всем Российском государстве (см.: *Каштанов С. М.* Хронологический перечень... С. 160).
- ²⁸⁴ В связи с опалой Федоров еще в 1566—1567 (7075) г. отказал белозерскую вотчину с Воскресенское двум монастырям — Кирилловскому и Новоспаскому (см.: *Шумаков С. А.* Обзор грамот Коллегии экономии. М., 1900. Вып. 2. С. 6). 20 ноября 1568 г. царь приказал взять в казну половину с Воскресенского, а другую отдал кирилловским монахам (см.: *Кобрин В. Б.* Из истории земельной политики в годы опричнины. С. 157).

РАЗГРОМ
НОВГОРОДА ВЕЛИКОГО

Ввиду неудачи мирных переговоров с Польско-Литовским государством московские власти попытались привлечь к участию в антипольской коалиции Швецию и Англию. В феврале 1567 г. Иван IV принял шведских послов в Александровской слободе и продиктовал им условия союзного договора. Царь потребовал, чтобы король Эрик XIV выдал ему жену брата короля — герцога Юхана, Катерину Ягеллон (к ней Грозный неудачно сватался после смерти царицы Анастасии Романовой). Подвергшись нажиму, послы согласились на все требования Ивана IV. Однако Стокгольм отказался ратифицировать подписанный в Слободе договор. Триумф московской дипломатии оказался призрачным. А в сентябре 1568 г. король Эрик XIV был свергнут с престола, следствием чего явилось резкое ухудшение русско-шведских отношений.¹

В феврале 1569 г. в Москву прибыл английский посол сэра Томас Рандольф. Англо-русские мирные переговоры поначалу не имели успеха. Королевская инструкция предписывала послу «общими и благопотребными речами... удовольствовать его (царя. — Р. С.), не давая повода вступать в какие-либо особенные трактаты или договоры для заключения... такого союза, который называется наступательным или оборонительным».² Англичане добивались главным образом подтверждения и расширения торговых привилегий Московской компании и неизменно отклоняли все предложения относительно военного союза.

Под угрозой ликвидации всех торговых привилегий англичан в России посол после долгих проволочек согласился обсудить вопрос о союзном договоре. Англо-русские переговоры в Вологде (июнь 1569 г.) носили строго секретный характер. Помимо царя и Рандольфа в них участвовало лишь несколько членов опричной думы.³ Опытные земские дипломаты не были приглашены в Вологду. Переговоры завершились составлением статей союзного англо-русского договора. Документ был подписан опричными дипломатами и скреплен царской печатью. Английский посол выразил согласие с его содержанием, однако подписать отказался и заявил, что союзный договор может быть принят не иначе как при условии одобрения его королевой.⁴ Советники царя, не придавая значения оговоркам Рандольфа, рассматривали текст союзного договора как окончательный. Опричнику А. Г. Совину, направленному в Лондон, воспрещено было изменять статьи договора. Царь очень спешил с окончанием переговоров и не церемонился с английским послом. 20 июня он пригласил послание к Елизавете и велел объявить Рандольфу, что на сборы в дорогу ему дается три дня, после чего он будет выдворен из дома, а пожитки его выброшены на улицу.⁵ Как показали последующие события, англичане не придавали реального значения соглашениям, достигнутым в Вологде в июне 1569 г.

Дипломатические акции опричного правительства завершились неудачей. Россия, не добившись поддержки со стороны Швеции и Англии, должна была продолжать Ливонскую войну фактически без союзников. В ходе войны международная обстановка изменилась к концу 60-х гг. в крайне неблагоприятном для России направлении. До весны 1569 г. в войне с Россией формально участвовало только Литовское великое княжество. После заключения 12 марта 1569 г. Люблинской унии Польша и Литва образовали единое государство — Речь Посполитую. Теперь в войне против России король мог использовать силы не только Литвы, но и значительно более могущественной Польши. Несколько раньше, в 1568 г., Польша заключила мирный договор с Турцией. Возникла реальная опасность образования широкой антирусской коалиции в составе Литвы и Польши, Османской империи и ее вассала Крымского ханства. К началу 1569 г. Турция завершила последние приготовления к войне с Россией. Турки рассчитывали при поддержке Крымского ханства захватить Астрахань и все Нижнее Поволжье. Литовцы, судя по многим признакам, готовились нанести удар России с запада. В то время как в Москве ждали великое посольство из Литвы, пришло известие о вторжении литовцев в псковские пределы.⁶ Литовский наместник Лифляндии гетман А. Полубенский с отрядом в 800 всадников глухими проселками, таясь среди лесов, подошел к Изборску и хитростью завладел этой важной псковской крепостью. Но литовцы смогли удержать Изборск в своих руках на протяжении только двух недель.⁷ В конце января 1569 г. опрично-земская армия подвергла крепость бомбардировке и освободила ее.⁸

Тем временем на юге России явственно обозначилась угроза войны с турками и татарами. В 1568—1574 гг., отметил А. А. Новосельский, наступил новый и наиболее опасный период татарских нападений.⁹ Центр тяжести военных действий все больше перемещался из Прибалтики на юг России, цели Ливонской войны отступали на задний план.

В феврале 1569 г. русское правительство предложило Речи Посполитой возобновить переговоры о мире.¹⁰ Эта инициатива имела успех. Во время нападения турок на Астрахань военные действия на западных границах Руси прекратились. Сигизмунд Август отказался пропустить турецкие войска через польские земли на Русь.

Турки готовили поход на Астрахань долго. К весне 1569 г. они сосредоточили в Кафе 17-тысячную армию при 100 орудиях.¹¹ С наступлением лета турецкая армия вторглась в пределы России и, следуя по берегу Дона, к 15 августа вышла на Переволоку между Доном и Волгой. Здесь турки соединились с 40-тысячной Крымской ордой и ногайскими отрядами. На стороне турок выступили не только малые ногайцы, но и Большая Ногайская орда, до того признававшая себя вассалом России.¹²

На Переволоке турки задержались на две недели, пытаясь устроить волок и перетащить суда и тяжелую артиллерию с Дона на Волгу. Но эта затея оказалась совершенно невыполнимой.¹³ Турецкие галеры с артиллерией вынуждены были вернуться в Азов.

Русское правительство более всего опасалось вторжения турок и татар в центральную Россию и потому держало свои главные силы на Оке. Несколько полков было выдвинуто в Нижний Новгород. Наконец, легкая судовая рать во главе с князем П. С. Серебряным была послана «вплывную» к Астрахани. В середине августа Серебряный стоял на Царицыном острове у Переволоки. Узнав о приближении громадного турецко-татарского войска, он снялся с острова и отплыл вверх по Волге к Казани.¹⁴

Существует версия, согласно которой Серебряный будто бы напал на турок во время их остановки на Переволоке и перебил до 6 тыс. янычар.¹⁵ Новейший исследователь Г. Д. Бурдей рассматривает эту версию как достоверную.¹⁶ Напротив, П. А. Садиков и Я. С. Лурье подвергли сомнению рассказ о разгроме

турок на Переволоке. Они отметили, что автор этого рассказа литовский гонец А. Тарановский прибыл в турецкий лагерь после отступления турок от Астрахани, о начале похода он знал лишь по слухам.¹⁷ О поражении турок на Переволоке ни словом не упоминает московский пленник С. Мальцев, который участвовал в походе в качестве гребца на турецкой галере, а позже послал в Москву подробный отчет обо всем виденном.¹⁸ Заметим, что Серебряный командовал легкой судовой ратью и не располагал достаточными силами для сражения с турками.

Во время остановки турок на Переволоке среди янычар произошли беспорядки, в результате которых около 5 тыс. всадников вернулись в Азов. С Переволоки поредевшая турецкая армия вышла на Волгу и 16 сентября показала в окрестностях Астрахани. Турки не осмелились переправиться на Заячий остров и начать немедленный штурм крепости. Посланные к Астрахани саперы донесли, что вести подкопы под стены Астрахани невозможно — «вода близко». Тогда решено было выстроить укрепленный лагерь ниже Астрахани на месте старого татарского городища и зазимовать в нем.

После подхода турок гарнизон Астрахани получил сильное подкрепление. Под покровом ночи к пристаням города подошла судовая рать Серебряного. Русская артиллерия бомбардировала турецкий лагерь, но за дальностью расстояния пальба не причинила туркам большого вреда.¹⁹

Подход русских войск, вынужденное бездействие, недостаток провианта и начавшиеся болезни окончательно деморализовали турецкую армию. Взбунтовавшиеся янычары отказались зимовать под Астраханью. 26 сентября турецкая армия отступила от стен этого города к Азову. При переходе по безводным степям Северного Кавказа («кабардинской дорогой») турки понесли большие потери от голода и недостатка воды; до Азова добрались лишь жалкие остатки сильной и некогда многочисленной турецкой армии.

Первая русско-турецкая война завершилась поражением турок под Астраханью. Но это не устранило опасности турецко-татарской экспансии. Напротив, после провала астраханского похода война между Россией и Крымом вступила в свою критическую фазу. В ближайшие три года вторжения крымцев на Русь приобрели неслыханные ранее масштабы.

Разгром «заговора» И. П. Федорова и низложение митрополита Ф. Колычева показали, что опричное правительство не намерено сообразовывать свои действия с интересами земщины. Все требования относительно отмены опричнины были отклонены. Но власти, не полагаясь более на одни только репрессии, старались расширить территорию опричнины и тем самым упрочить ее социальную базу.

С. Ф. Платонов, Л. М. Сухотин и П. А. Садиков придерживаются предположения о переходе в опричнину Переяславского уезда.²⁰ По мнению С. Б. Веселовского, царь присоединил Переяславль к своим опричным владениям не позднее 1568 г.²¹ Однако А. А. Зимин оспорил этот взгляд и пришел к выводу, что Переяславль никогда не входил в опричнину.²² В пользу гипотезы С. Ф. Платонова свидетельствуют следующие факты. Прежде всего, опричники Таубе и Крузе определенно пишут о зачислении Переяславля в опричнину и наборе там опричных дворян.²³ Во-вторых, ни один уезд не дал опричнине столько руководителей, сколько этот. В Переяславле служили будущий руководитель опричнины боярин А. Д. Басманов (тысячник I ст. по Переяславлю), будущие опричные бояре И. Я. Чеботов и И. А. Бутурлин, окольничий Д. А. Бутурлин, думные опричные дворяне ясельничий П. В. Зайцев (тысячник III ст.) и И. Ф. Воронцов, видные опричники ловчий Г. Ловчиков, воевода И. Д. Колодка-Плещеев, князь Ал. Ив. Вяземский (тысячник II ст. из Переяславля), князь Т. И. Козлов-Вяземский (из переяславской «литвы дворовой») и праветчик Б. Ф. Леонтьев (из мелких переяславских вотчинников).²⁴ В-третьих, недалеко от Переяславля располагалась главная резиденция опричного правительства —

Александровская слобода, и трудно предположить, чтобы управление уездом при этом оставалось в руках земской администрации.²⁵ Подобно Костроме, Переяславский уезд принадлежал к древнейшим владениям московской короны. Крупными вотчинами в уезде владела старомосковская знать, тогда как доля княжеских вотчин была невелика.²⁶ П. А. Садиков отметил факт выселения некоторых вотчинников из Переяславского уезда, но, как показал А. А. Зимин, обстоятельства их высылки нуждаются в уточнении. По крайней мере часть из этих вотчинников лишилась своих земель в связи с указом о казанской ссылке в самом начале опричнины.²⁷

Вопрос о судьбе Переяславля нельзя считать окончательно разрешенным, как и вопрос о судьбе Ярославля. В свое время Л. М. Сухотин высказал предположение о том, что Ярославль был зачислен в опричнину, вследствие чего некоторые из ярославских князей утратили свои вотчины. «Если бы явилось возможным, — писал Л. М. Сухотин, — приурочить переход Ярославля в опричнину к 75 году, то в связи с взятием в опричнину с-ца Гавшинского, Ярославской вотчины князя Дм. Вас. Солнцева, можно было бы поставить получение им в 75 году поместья в Свяжском уезде».²⁸ Л. М. Сухотину остался неизвестен указ 1565 (7073) г. о ссылке Ярославских князей в Казань и Свяжск. Князь Д. В. Солнцев-Засекин получил свяжское поместье сразу после ссылки на окраину, однако писцы завершили описание Свяжского уезда лишь к октябрю 1566 (7075) г.

В 1565 (7073) г. подьячий М. Трифонов составил отписные книги по Ярославлю. Обратив внимание на этот факт, П. А. Садиков высказал догадку о том, что причиной составления указанных книг явилось зачисление Ярославля в опричнину в 1565 г.²⁹ Выше было отмечено, что деятельность М. Трифонова была связана с конфискацией вотчин у казанских ссыльных. Состав территории опричнины на 1565 г. точно обозначен в летописном изложении текста указа об опричнине. Ярославль среди опричных городов не значится.

С. Б. Веселовский полагал, что Ярославль стал опричным около 1567 (7075) и не позднее 1568 г.³⁰ Однако В. Б. Кобрин, проанализировав писцовые книги по Ярославлю 1567—1568 (7076—7077) гг., пришел к выводу, что город в тот момент еще не был зачислен в опричнину.³¹ Наконец, А. А. Зимин аргументировал мнение, согласно которому Ярославль никогда не был в опричнине.³² Последний вывод не вполне согласуется с фактами. Следует учесть данные о ярославских вотчинах Долгих-Сабуровых. Вспоминая о временах Ивана Грозного, сын боярский И. А. Долгово-Сабуров писал в челобитной грамоте, что в «опришнину» царь «вотчинишка наши велел поимати, а нас из Ярославля велел выслати вон и велел вотчинишки наши роздати...». Долгие-Сабуровы не попали в ссылку, поэтому конфискации их ярославских вотчин нельзя связать с опричным указом 1565 г. Л. М. Сухотин установил, что ярославские вотчины нескольких Сабуровых были переданы некоторым местным служилым людям в 7077 г., т. е. в промежуток времени между 1 сентября 1568 и 31 августа 1569 г.³³ Совсем недавно Ю. В. Анхимюку удалось разыскать в архиве следующую запись летописного характера: «Лета 7077 генваря в 21 день взял царь и государь князь велики Иван Васильевич Ростов градъ и Ярославль в опришнину на память преподобнаго отца нашего Максима Исповедника». По мнению Ю. В. Анхимюка, найденный им нарративный источник помогает окончательно разрешить вопрос о судьбе Ростова и Ярославля.³⁴ Представляется, что указанный источник потребует дальнейшего изучения. Если заключенные в нем сведения носят достоверный характер, неизбежным будет вывод о значительном расширении опричной территории после суда над конюшим Федоровым и Филиппом Колычевым.

Имеются данные о зачислении в опричнину земель на Белоозере к 1569—1570 гг.^{34-а} Царь заботился об округлении северных опричных владений, примыкавших к его опричной резиденции Вологде.

В 1569 г. Иван забрал в опричнину Симонов монастырь, один из самых богатых столичных монастырей.³⁵ Симоновский архимандрит Феоктист был преемником Филофея Рязанского, который оказал важные услуги правительству во время суда над митрополитом Филиппом. Вскоре после суда архимандрит пополнил ряды «опричного духовенства».

В 1569 г. царь объявил о зачислении в опричнину крупнейшей иностранной купеческой компании в России — английской Московской компании. Эта мера явилась результатом настоятельных ходатайств англичан. Таким образом казна привлекла к финансированию опричных мероприятий крупный купеческий капитал — как отечественный (Строгановы), так и иностранный (англичане).

Наряду с расширением территории и состава опричнины правительство продолжило полным ходом укреплять и вооружать важнейшие опричные центры. Вновь выстроенный в Москве замок недолго пробыл царской резиденцией. После раскрытия «заговора» конюшего И. П. Федорова Грозный окончательно переселился в Александровскую слободу, надежно укрытую густыми лесами и болотами Переяславского уезда.³⁶ Слободской «град» был обнесен со всех сторон прочными высокими стенами.³⁷ Внутри него были сооружены опричные Разрядные избы, царский дворец, дворы опричных бояр и дворян.³⁸ В конце 60-х гг. Слобода стала главной резиденцией опричного правительства: «...почал государь в слободе жити... со всеми боярыя своими, а к Москве стал приезжати з боярыя своими на время, как ему годно».³⁹ Новая царская резиденция усиленно охранялась. В трех верстах от нее на московской дороге располагалась опричная Каринская застава, которую ни один человек не мог миновать без специальной «памяти» — пропуска.⁴⁰

Переезд правительства в глухое дворцовое село вызвал удивление иностранцев, и Иван поручил дипломатам выступить с разъяснениями в Литве. На вопрос, почему царь «живет в слободе», отвечали следующее: «...государская воля, где хочет, тут живет, а то село близко Москвы и государь живет для своего прохладу, а государство свое правит на Москве и в слободе».⁴¹

В действительности Иван перенес резиденцию в Слободу из страха перед своими могущественными вассалами. По существу царь и его опричная дума стали жертвами страха, рожденного опричным террором. Иван стал жить в Слободе под охраной преторианцев-опричников, как пленник, в страхе перед кознями крамольных бояр.

В глазах подозрительного царя Слобода не была достаточно надежным убежищем из-за близости Москвы. Поэтому Грозный всячески спешил со строительством северной опричной столицы — Вологды. В середине мая 1569 г. он вторично выехал туда для наблюдения за строительными работами. Сооружением вологодской крепости руководил английский инженер Хэмфри Локк.⁴² Всего за четыре-пять лет была сооружена главная, юго-восточная стена крепости с девятью каменными башнями и часть северо-западной стены с двумя башнями. За два года (1568—1569) внутри крепости воздвигли грандиозный Успенский собор, построенный по образцу кремлевского собора.⁴³ Строительство велось типичными для опричнины методами: из многих городов и уездов в Вологду были согнаны тысячи ремесленников и крестьян.⁴⁴ К строительству были привлечены местные жители. Северные летописи сохранили предание о том, что Грозный явился в Вологду на пасху и, не медля ни часу, велел вологжанам, не переодеваясь, от заутрени идти на работы — нести сваи дубовые в ров для возведения городской стены.⁴⁵ Приказ якобы испортил православным пасхальные торжества.⁴⁶ Реальным фактом, лежавшим в основе исторического предания, было привлечение вологжан к строительным работам. Однако, как можно установить, царь приехал в Вологду через несколько недель после пасхи. Местный летописец записал, что в 1569 (7077) г. после пасхального воскресения «на той же недели казил (царь. — *Р. С.*) вологжан всяких чинов людей».⁴⁷ Приведенное известие достоверно, исключая небольшую хро-

нологическую неточность. В синодике среди записей за 1569 г. имеются следующие пометы: «На Вологде отделано: князя Петра Кропоткин... Василия повар, Федора помясы, Неупокоя, Данило, Михаила плотники». Князь П. А. Кропоткин принадлежал к числу новгородских помещиков, зачисленных в тысячу «лучших слуг». Его запустевшая усадьба под Новгородом была описана писцами в 1572 г.⁴⁸ Казни новгородцев, начавшиеся в связи с делом Федорова в 1568 г., очевидно, не прекращались в 1569 г. Избиение плотников, как полагает Н. А. Казакова, было вызвано тем, что царь был недоволен ходом строительства крепости в Вологде. Возможно, так дело и обстояло. Но повод для расправы был выбран самый благочестивый. По рассказу А. Шлихтинга, крестьяне, присланные в Вологду для строительства крепости, голодали. Однажды им удалось раздобыть телятину, употребление которой в пищу строжайше запрещалось церковными правилами. Грозный, узнав о таком «великом грехе», велел сжечь провинившихся живьем.⁴⁹ Рассказ Шлихтинга в деталях совпадает с показаниями синодика. Сожжению подверглись продавший телятину мясник («помяс»), повар, приготовивший ее, и плотники, отведавшие блюдо. А. Гваньини дополнил рассказ А. Шлихтинга, указав на то, что описанный эпизод имел место при посещении Вологды царем в 1569 г. Известно, что на Севере в то время голод косил население. Строители терпели нужду и разбегались. Опричные казни должны были помочь властям навести жестокий порядок.

Царь намеревался сделать Вологду сильнейшей крепостью страны. По его заказу московский Пушечный двор отлил до 300 пушек. Все они были привезены в Вологду и свалены там в кучу до окончания строительных работ. Правительство поставило в Вологде сильный гарнизон. 500 опричных стрельцов круглосуточно охраняли стены города.⁵⁰

В свое время через посла Дженкинсона Грозный передал английскому правительству просьбу о предоставлении царской семье убежища в Англии. В связи с этим следовало позаботиться о приглашении английских корабельных мастеров. По замыслу Ивана IV, они должны были соорудить под Вологодой верфи и выстроить суда, чтобы в случае беды вывезти царскую семью и сокровищницу в Соловки на Белом море, а оттуда на английских морских кораблях в Лондон.⁵¹

Грозный рассчитывал получить ответ от королевы Елизаветы через посла Т. Рандольфа. После официальной аудиенции в Кремле английский посол был приглашен к царю для тайной беседы. Глубокой ночью опричник Вяземский провел англичанина за Неглинную в опричный замок. Посол был переодет в русское платье. Ночное свидание продолжалось несколько часов.⁵²

Ответ королевы, переданный Рандольфом, едва ли мог удовлетворить гордого царя. Елизавета отвергла предложенную Иваном форму соглашения, при которой обе стороны брали на себя одинаковые обязательства о предоставлении убежища другой стороне и которая не роняла достоинства царя. Посол заявил Грозному, что, по предположению английского правительства, «Дженкинсон не уразумел слов царя» или ошибочно его понял, поскольку королеве ничего не грозит и царю, кажется, тоже. Рандольф стал уверять Ивана, что если в его управление произойдет какое-нибудь несчастье, «...он будет дружески принят» в королевских владениях и найдет там надежную дружбу.⁵³

Невзирая на все старания опричного правительства, строительство крепости в Вологде было далеко от своего завершения. Пока вологодский Кремль оставался недостроенным, царь не хотел отказываться от своих прежних планов в отношении Кирилло-Белозерского монастыря. Во время поездки в Вологду в 1569 г. Иван вновь посетил Кириллов, пожертвовал монастырю 500 руб. и позаботился об украшении своей кельи.⁵⁴ По приказу Грозного его сыновья просили кирилловского игумена отвести для них отдельные кельи в стенах монастыря. В 7078 (1569—70) г. наследник престола царевич Иван прислал

«на келью» 200 руб., а его брат царевич Федор — 100 руб. Тогда же братья пожертвовали монастырю 1500 руб. вкладом.⁵⁵ Теперь в случае смуты вся царская семья могла укрыться за прочными стенами затерянного среди дремучих лесов Кирилловского монастыря.

Несмотря на меры предосторожности, слухи о возможном пострижении царской семьи или бегстве за границу проникли в земщину. Они не только нанесли заметный ущерб авторитету и престижу Грозного, но и ободрили всех недовольных господством опричнины.

Непрекращавшиеся военные приготовления в опричнине показывали, что после разгрома «заговора» конюшего Федорова призраком смуты продолжал пугать царя и его опричную думу. Опасения Грозного имели под собой некоторые объективные основания. Налицо был глубокий политический кризис, вызванный раздором между царем и могущественной Боярской думой, сопротивлением земского дворянства и растущей непопулярностью опричнины. Однако непосредственная опасность смуты едва ли существовала, поскольку земская оппозиция осталась обезглавленной после низложения митрополита Филиппа и казни конюшего Федорова. Последующие террористические действия опричнины и разгром Новгорода были продиктованы не трезвым расчетом, а страхом.

Ко времени «новгородского дела» царь продолжал с крайним недоверием следить за настроениями высшей титулованной знати. Когда в июле 1569 г. у смоленского воеводы князя И. А. Шуйского слуга сбежал в Литву, правительство немедленно отстранило воеводу от службы и «свело» его в Москву.⁵⁶

Примерно в 1568—1569 гг. опале подвергся один из старейших членов Боярской думы князь И. И. Турунтай-Пронский. Редактируя официальную летопись, царь Иван IV указал на то, что Пронский был виднейшим участником боярского заговора в пользу Владимира Андреевича в дни болезни царя в 1553 г. Как показано выше, за кризисом 1553 г. угадывался династический кризис 1563 г. И. И. Пронский прослужил на высших воеводских постах более четверти века. Свои последние назначения он получил в 1568 г. Воевода счастливо избежал гонений в начале опричнины, но кругом летели головы, и Пронский решил искать спасения в монастыре. Покинув службу, «великий гетман», — писал А. Курбский, — «мнишество возлюбил и в монастыре едином остриже власы».⁵⁷ Пострижение не спасло Пронского от царского гнева. Слухи о его казни распространились в России и проникли за рубеж. Однако современники не знали точных обстоятельств гибели воеводы. Опричники Таубе и Крузе считали, будто Пронского забили насмерть батогами. По словам А. Курбского, монаха утопили в реке.⁵⁸ В синодике опальных имя И. И. Пронского отсутствует. Этот факт можно истолковать двояко: Пронский либо избежал смертной казни, либо погиб вне связи с «новгородским делом». Характерный момент: в разгар чудовищного процесса о новом заговоре в пользу Владимира Андреевича царь и его опричное окружение не вспоминали более о давних исправлениях в летописи, выставлявших Пронского единомышленником Старицких. С началом московского террора опричные судьи искали заговорщиков не среди высшей княжеской знати, а среди нетитулованных бояр, помещиков, горожан.

Около 1568—1569 гг. в тюрьме умер боярин В. В. Морозов.⁵⁹ Возможно, в это же время от опричных репрессий пострадал боярин И. И. Хабаров. Он вышел в отставку еще в начале 50-х гг., позже добровольно постригся в монахи. Царь Иван, ругавший своего боярина упырем и дураком, писал, что тот надоел ему бесконечными просьбами о переводе из монастыря в монастырь: «Три дня в черньцах, а семьей монастырь».⁶⁰ С помощью вкладных книг можно проследить «хождение» Хабарова по монастырям. В ноябре 1555 г. он сделал крупнейшее пожертвование в пользу Борисоглебского монастыря в Ростове.⁶¹ В последующие годы (1557—июль 1569 г.) известны многие его вклады в пользу Симонова монастыря.⁶² По Курбскому, царь велел разграбить «великие skarбы» боярина, накопленные «от праотец».⁶³ Приведенное известие подтвержда-

ется тем, что в ноябре 1569 г. царь пожертвовал Симонову монастырю «из опришнины ковш серебряной Ивановской Хабарова». ⁶⁴ По-видимому, казна конфисковала сокровища боярина не позднее 1569 г. Тогда семья И. Хабарова еще сохраняла в своих руках земельные владения. ⁶⁵ Спустя три года, рассказывает Курбский, Хабаров будто бы был казнен «из отчины, понеже великий вотчины имел во многих поветех». ⁶⁶ На самом же деле он в годы опричнины уцелел, хотя, вероятно, и лишился значительной части имущества и богатств.

«Заговор» Федорова скомпрометировал двоюродного брата царя князя Владимира. Ценой предательства Старицкий спас себе жизнь, но лишь на короткое время. Через год после гибели конюшего Грозный решил окончательно избавиться от незадачливого родственника, единственного законного претендента на царский престол. Определенное влияние на это решение оказали два обстоятельства: во-первых, известие о перевороте в Швеции и, во-вторых, начавшееся расследование «новгородской измены».

«Великое посольство», вернувшееся из Швеции в июне 1569 г., было спешно вызвано к царю в Вологду. Представленный послами отчет произвел на Ивана ошеломляющее впечатление. Послы сообщили о том, что незадолго до их приезда в Швецию король Эрик XIV казнил многих знатных придворных. Опасаясь мятежа, он неоднократно обращался за помощью к русским послам. Те сначала отказались вести переговоры с королевским эмиссаром, заявив ему: «То дело великое, верити тебе в таком деле нельзя, ещо еси молод, а мы тебя не знаем». Примерно через неделю гонец вновь пришел к послам и предъявил им оттиск с личной печатки короля. 19 августа 1567 г. шведский дворянин передал послам тайное «королевское слово» — просьбу, «чтобы вы, послы, короля с собою на Русь взяли», потому что «нынеча король боитца бояр своих, и воли, де, ему ни в чем нет... боится от своих бояр убивства». ⁶⁷ Спустя год Эрик XIV вновь обратился в русское посольство. На этот раз послы уверили короля в том, что царь поможет ему и пришлет войска, «кем оборонитися ему» от своих изменников. ⁶⁸ Эрик XIV начал готовиться к отъезду в Москву, но соглашение с русскими послами так и не было реализовано: король «казну был уже хотел укладывати в корабль, да поспешил брат его Яган, его изымал и посадил в заточенье». ⁶⁹ В сентябре 1568 г. мятежные братья короля «удельные князья» Юхан и Карл свергли Эрика с престола и заточили его в крепость.

Известия о перевороте в Швеции усилили тревогу Грозного по поводу смуты в земщине. Царь опасался разделить участь сумасшедшего шведского монарха. Король желал найти убежище на Руси, царь готовился бежать в Англию. Оба боялись «убивства» от своих бояр и мятежа со стороны удельных князей. Известия из Швеции, глубоко запавшие в голову мнительного Ивана, бесспорно, ускорили развязку дела о заговоре Старицкого.

После казни Федорова опричное правительство сослало Владимира Андреевича в Нижний Новгород. Формально он командовал полками, посланными туда по случаю вторжения турок. Фактически же назначение никак не соответствовало чину и знатности удельного князя. Единственным помощником Старицкому был второстепенный воевода П. В. Морозов. ⁷⁰ Во время пребывания Старицкого в Нижнем опричники, руководившие розыском, инсценировали покушение на жизнь Грозного. Один из поваров, ездивший в Нижний за рыбой для царского стола, донес, будто Старицкий уговаривал его отравить царя, вручил ему яд и 50 руб. денег. ⁷¹ К суду над Старицким были привлечены «ближайшие лъстецы, прихлебатели и палачи в качестве свидетелей». ⁷² Судилище проходило в глубокой тайне.

Грозный пробыл в Вологде все лето и вернулся в Москву только 10 сентября. Днем ранее в Слободе умерла царица Мария, не вынесшая длительного путешествия. ⁷³ Иван обвинил в смерти жены своих тайных недругов и открыто объявил, что царица «злокозньством отравлена бысть». ⁷⁴ Вскоре же царь выслал гонцов к Старицкому, приказав ему немедленно ехать в Слободу. В

начале октября Старицкий прибыл на ямскую станцию Богану под Слободой и разбил там свой лагерь.⁷⁵ На другой день несколько сот вооруженных опричников окружили Богану.⁷⁶ На двор к Старицкому явились опричные судьи В. Г. Грязной и М. Л. Скуратов. Они объявили князю Владимиру, что царь «считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление, как доказал это сам князь Владимир тем, что подкупил повара, дал ему яд и приказал погубить великого князя».⁷⁷ Для очной ставки со Старицким были приведены доносчик-повар и другие свидетели.

После короткого судебного «разбирательства» князь Владимир 9 октября 1569 г. был доставлен в царский лагерь и по приказу Грозного принял яд. Вместе с ним отравлены были его жена, урожденная А. Р. Одоевская, и девятилетняя дочь Евдокия.⁷⁸ Одновременно царь жестоко расправился с ненавистной теткой Ефросиньей Старицкой, находившейся в заточении на Белоозере. Опричники забрали старицу Евдокию из Горицкого монастыря, на речных стругах повезли в Слободу, и 11 октября она была умерщвлена.⁷⁹ Царь «по дороге велел ее уморить в судне в избе в дыму».⁸⁰ Участь удельной княгини разделила вся ее свита. В синодике опальных находим следующую запись: «Княгини монахини Евфросинии княж Володимеровы Андреевича матери Евдокою оудельная, да 12 человек и с старицами, которые с нею были: княж Владимирской постельницы, что была у князя молодого приставлена Мария Ельчина... Марфоу Желебина, Акилиноу Палицына, Ивана Ельчин» и др. В синодик занесен полный список двенадцати казненных стариц «боярынь» и пяти слуг, среди них рыболов.

Вскоре после гибели Старицких русские власти сделали сообщение в Литве о раскрытии заговора в земщине. Официальная версия гласила, что «князь Володимер был с матерью учал умышляти над государем и... над государскими детми всякое лихо, хотели государя и государских детей испортити».⁸¹ В розыском деле о новгородской измене, хранившемся в царском архиве, значилось, что Владимир Андреевич с единомышленниками «хотели злым умышлением извести» царя и великого князя Ивана Васильевича.⁸² Архивное дело исчезло, но сохранилась составленная на его основании запись синодика, которая заключает в себе наиболее точные данные о том, как был подготовлен и проведен суд над братом царя: убиенных «Молява повара, Ярыша Молявин... Иван Молявин, брат его, Левонтия Молявин... Антона Связев подъячей, Ларивона Ярыга, и сына его Неустроя Бурков — пушкари, с Коломны Еж рыболов... Федора Соломонов рыболов... На Богане благоверного князя Володимера Андреевича со княгиною да з дочерью, дьяка Якова Захаров, Василя Чиркин, Анноу, Ширяя Селезневых, Дмитрея Елсуфьев, Богдана Заболоцкого, Стефана Бутурлин».

Синодик обнаруживает следующие факты, относящиеся к процессу над Старицким. Прежде всего, главные свидетели обвинения против князя дворцовый повар Молява и его сыновья, а также рыболовы, ездившие в Нижний, были казнены до окончания суда над удельным князем. Синодик подтверждает известие Шлихтинга о том, что царский повар был оклеветан, и опровергает версию Таубе и Крузе, будто повар с самого начала вошел в тайный сговор с опричными следователями и его лишь для вида брали к пытке.⁸³ Вместе с дворцовой прислугой казни подвергся новгородский подъячий Антон Связев. Его показания дали опричным судьям материал для розыска о заговоре в Новгороде. Примечательно, что начало «новгородскому делу» положил донос, поступивший из самого Новгорода. В царском архиве среди прочих судебных дел хранилось «дело наугородское на подъячих на Антона Связева с товарищи прислано из Новагорода, по Павлове скаске Петрова, с Васильем Степановым».⁸⁴ Дело об измене новгородских приказных возникло в земщине: его документация была доставлена царю главой земского Поместного приказа В. Степановым.

Согласно синодику, вместе со Старицким казни подверглись главный дьяк Дмитровского удельного княжества Я. Г. Захаров-Гнильев,⁸⁵ дмитровские дворяне В. Ф. Чиркин⁸⁶ и Ш. Слизнев⁸⁷ и также Б. Заболоцкий⁸⁸ и С. Бутурлин,⁸⁹ принадлежавшие к числу самых знатных вассалов Старицкого.⁹⁰ Боярин А. И. Ногтев-Суздальский был приставлен к князю Владимиру после роспуска его прежней думы и двора в качестве «ока государева». Поэтому царь его пощадил.

А. А. Зимин считал, что казнь последнего крупного удельного владыки князя Владимира Андреевича явилась мерой политически необходимой, была продиктована заботой о ликвидации оставшихся оплотов удельной раздробленности. Факты ставят под сомнение подобную оценку. Если бы Грозный задался целью полностью и окончательно ликвидировать Дмитровское удельное княжество, он бы не пощадил наследника удела княжича Василия Владимировича. Между тем княжич и две его сестры, родившиеся от брака князя Владимира с девицей Нагой в 1550-х гг., избежали гибели. Вторым браком князь Владимир был женат на сестре А. Курбского. Она-то и была отравлена на Богане вместе с дочерью. В источниках имеются данные о том, что в 1572—1573 гг. Грозный вернул племяннику удел, возродив Дмитровское княжество.

В ходе розыска о заговоре Владимира Андреевича в недрах опричнины окончательно созрело «дело о новгородской измене», вылившееся в крупнейший политический процесс царствования Грозного.

При анализе «новгородского дела» следует строго различать существенные предпосылки, действительные причины этого крупнейшего процесса и внешние поводы к нему.

Опричина, полагает А. А. Зимин, нанесла завершающий удар последним мощным форпостам удельной раздробленности, к числу которых принадлежал Великий Новгород, «ликвидация обособленности и экономического могущества Новгорода являлась необходимым условием завершения борьбы с политической раздробленностью страны», разгром Новгорода подвел финальную черту под длительной борьбой за объединение русских земель под властью московского правительства.⁹¹

Ссылка на необходимость преодоления феодальной раздробленности не может ни оправдать, ни объяснить опричный разгром Новгорода. С ликвидацией республиканских порядков в Новгороде в конце XV в. Новгородская земля вошла в состав единого Русского государства окончательно и бесповоротно. Новгород перестал быть оплотом феодальной раздробленности с тех пор, как московское правительство экспроприировало все без исключения местное новгородское боярство и купечество и водворило на экспроприированных землях московских служилых людей — помещиков. Ни в одной земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Ко времени опричнины в Новгороде прочно утвердились московские порядки. Москва неограниченно распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель, постоянно назначала и сменяла всю приказную администрацию Новгорода.

При ликвидации независимости Новгорода в 1478 г. новгородские бояре выговорили себе гарантии вольности (условия о сохранении старых судебных порядков, военной службе новгородцев в пределах их земли и пр.). Некоторые из этих гарантий, как отметил М. Н. Тихомиров, сохранились до времени новгородского восстания 1650 г., хотя и претерпели изменения.⁹² Изложенное наблюдение едва ли может подкрепить взгляд на Новгород как оплот удельной децентрализации в XVI в. Какими бы ни были московские гарантии, главное из них не было выполнено Иваном III. Москва обещала сохранить местным боярам их вотчины, но не сдержала обещания. Не только бояре, но и прочие феодальные землевладельцы, купцы и «житьи люди» были в массовом порядке высланы из Новгорода. Вместе с ними исчез самый субъект гарантий 1478 г.

Водворившиеся на новгородских землях помещики, естественно, не могли претендовать на старинные права местных бояр нести военную службу лишь в пределах своей земли и пр.

Древнее новгородское боярство, остававшееся живым носителем традиций раздробленности, исчезло бесследно. Созданная же в пределах Новгорода поместная система стала опорой московской великокняжеской, а позже царской власти.

По своей численности новгородское поместное ополчение, насчитывавшее более 3000 конных дворян, в несколько раз превосходило дворянство любого другого уезда, не исключая Московского. Политическое влияние новгородской «кованой рати» было весьма значительным, и при любом кризисе боровшиеся за власть группировки старались заручиться поддержкой Новгорода. Бояре Шуйские захватили власть в январе 1542 г., когда их поддерживали новгородцы «все городом». ⁹³ При Избранной раде в 1552 г. в армии произошли крупные беспорядки, вызванные отказом «новгородской рати» участвовать в казанском походе. Первоначально поход был приурочен к весне 1552 г. К этому сроку новгородское дворянство собралось на Оке в полном составе. Поход несколько раз откладывался, а когда после отражения крымцев царь приказал в июне идти на Казань, новгородцы не подчинились, оказав открытое неповиновение: «Многу же несъгласию бывшу в людех, дети боярские нагородци государю стужаючи, и биют челом, что им невъзможно, столко будучи на Коломне на службе от весны, а иным за царем ходящим и на боих бывшим, да толику долгому пути итти, а там (под Казанью. — *Р. С.*) на много время стояти». ⁹⁴ Волнения в новгородском ополчении неприятно поразили царя: «Государю же о сем не мала скорбь, но велиа бысть». В конце концов правительство вынуждено было выслушать претензии новгородских помещиков. «Они же, — повествует летопись, — нужи свои и недостатки сказав государю: и многие бе безпоместные, а иные и поместны многие, да не хотяху долготы пути нужнаго шествовати». ⁹⁵ Царь не решился пустить в ход силу и должен был прибегнуть к увещаниям и уговорам. Таким путем, «не ища чести своему величеству (он. — *Р. С.*), прикрашает многонародных гласов молву...». ⁹⁶

Упомянутые волнения в армии были вызваны не пресловутым «новгородским сепаратизмом», а совсем иными причинами. К середине XVI в. полоса экономического расцвета Новгорода кончилась и появились первые признаки упадка земли. Именно надвигавшееся «оскудение» побуждало новгородских служилых людей заявлять властям о своих нуждах.

Столица удельного княжества город Старица располагался на границе с Новгородом. Брат Василия III Андрей Старицкий держал двор в Новгороде. Опасаясь ареста, в 1537 г. князь Андрей тайно покинул Старицу и поспешно двинулся к Новгороду; он рассчитывал поднять против Москвы новгородскую рать. После ареста удельного князя власти казнили более 30 знатных новгородских дворян. Все они были повешены вдоль большой дороги из Москвы в Новгород. Судя по числу казненных, в выступлении участвовала крайне незначительная часть новгородского ополчения. ⁹⁷ Владимир утратил столицу удела Старицу, но даже это не избавило Грозного от старых подозрений. Иван IV помнил о «мятеже» князя Андрея, происшедшем в первые годы его правления, и боялся новых смут. Опасения самодержцу внушали не столько интриги недалекого брата, сколько нараставшее в стране недовольство.

Новгородские дворяне не остались равнодушны к введению в стране опричных порядков. Прежде всего, они были глубоко задеты тем, что никто из новгородцев не был допущен в состав привилегированного опричного войска и двора. Оставшись в земщине, новгородцы испытали на себе насилия и произвол опричников. По мере разорения новгородских земель влияние дворянской фронды в Новгороде усиливалось. На Земском соборе 1566 г. немало новгородцев поддержали требование митрополита Ф. Колычева и конюшего И. П. Федо-

рова об отмене опричнины. Спустя два года некоторые из новгородских дворян были подвергнуты казни в связи с делом о «заговоре» И. П. Федорова.

По численности новгородское ополчение по крайней мере вдвое превосходило силы опричного корпуса. И опричное правительство, проводя крайне непопулярный в стране политический курс, вынуждено было пристально следить за настроениями одной из наиболее многочисленных дворянских уездных корпораций.

Новгородский приказной аппарат, расширивший свои функции после упразднения в Новгороде наместничества в начале 1560-х гг., целиком зависел от Москвы. По ряду причин опричники искали изменников и заговорщиков прежде всего среди новгородских приказных людей и церковников.

Новгородские архиепископы занимали особое положение в общерусской церковной иерархии. Местный владыка один среди всех прочих русских святителей носил белый клобук, что являлось особой привилегией. На рубеже XV—XVI вв. новгородские церковные писатели сочинили «Повесть о белом клобуке» с обоснованием идеи о том, что после падения «ветхого» Рима и «нового» Рима (Константинополя) средоточием христианства должна стать Русская земля: «на третьем же Риме, еже есть на Русской земли, благодать Святаго духа возсия».⁹⁸ В отличие от Московской Руси с сильной монархической властью в Новгородской феодальной республике церковь играла гораздо более самостоятельную роль и принимала самое активное участие в управлении светскими делами. В глазах новгородского духовенства не московская светская власть, а древнейшая церковная епархия должна была стать естественным преемником власти константинопольского патриарха. Эта идея подкреплялась ссылкой на регалии новгородского архиепископа — «белый клобук», будто бы имевший византийское происхождение. Не случайно в XVII в., когда светская власть добилась окончательного включения церкви в систему самодержавного государства, «Повесть о белом клобуке» была официально осуждена за вредную идею о том, что клобук архиепископа «честнее» царского венца.⁹⁹

Москва использовала всевозможные средства, чтобы покончить с особым положением новгородской церкви. Из четырех архиепископов, возглавлявших кафедру после присоединения Новгорода к Москве, трое лишились поста в опале, а один сохранял сан менее года. В начале XVI в. новгородский архиепископский престол пустовал 17 лет. Митрополит отказывался дать Новгороду владыку.¹⁰⁰ В XVI в. новгородская церковь владела 8—10% обрабатываемых земель, т. е. сохраняла значение крупного феодального землевладельца.¹⁰¹ На протяжении веков новгородский Софийский дом скопил значительные сокровища. Новгородская епархия включала пять пятин, по территории и населению превосходивших дюжину московских уездов. По этой причине доходы новгородской церкви намного превосходили доходы других епископств. Английский посол Д. Флетчер получил в Москве сведения о том, что новгородские владыки будто бы получают доход до 10—12 тыс. рублей ежегодно, тогда как глава московской церкви — около 3 тыс., а другие высшие иерархи — до 2500 руб.¹⁰² Посол привел приблизительные цифры, но они передавали распространенный в московских верхах взгляд на исключительные богатства новгородской епархии.

Самыми значительными владыками Новгорода в XVI в. были Макарий, управлявший архиепископством 16 лет, и Пимен, носивший сан 18 лет.

При учреждении опричнины Пимен доказал царю свою преданность. После царского отречения в январе 1565 г. он возглавил депутацию, которая отправилась в Слободу, просила Грозного вернуться на престол. Будучи вторым после митрополита церковным иерархом, Пимен возглавил церковь в критические дни после отставки Афанасия. Именно Пимен помог опричному правительству расправиться с митрополитом Филиппом. Официальное руководство Новгорода, архиепископ и дьяки были неизменно лояльны по отношению к опричнине.

И тем не менее царь и его дума никогда не освободились от традиционного недоверия к Новгороду и новгородцам.

В XVI в. Новгород сохранял значение крупнейшего после Москвы торгово-ремесленного и культурного центра.¹⁰³ Давнее культурное и торговое соперничество двух городов сыграло некоторую, хотя и не слишком большую, роль в том, что опричная политика приобрела антиновгородскую направленность. Определенное значение имел также социальный фактор.

В жизни некогда независимых феодальных республик Новгорода и Пскова социальные контрасты проявлялись в особенно резкой форме. Массовые выселения в Москву конца XV и начала XVI в. затронули почти исключительно привилегированные сословия республик — боярство и городской патрициат, богатых купцов и мастеров. Основная масса податного населения посада, «меньшие» люди остались на месте. Они были живыми носителями демократических традиций новгородской старины. Вековые столкновения и войны способствовали тому, что в толще новгородского населения накопился изрядный запас антимосковских настроений. Смерды, привыкшие к боярам-вотчинникам, не сразу смирились с новыми землевладельцами — московскими помещиками, порушившими «старину», повышавшими оброки и введившими барщину. Пришлые помещики и приказные даже по языку отличались от коренного населения, имели своих излюбленных святых и пр.

Авторитет московских властей в Новгороде стоял, по-видимому, на весьма низком уровне. Подтверждением тому служит любопытный памятник новгородского происхождения — «Сказание о градех».¹⁰⁴ По свидетельству «Сказания», в Новгороде царят всевозможные непорядки. Самый крупный из них — непослушание и буйство «меньших» людей: «...а бояре в нем (Новгороде. — Р. С.) меншими людьми наряжати не могут, а меньшие их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо; только их Бог блюдет за их глупость».¹⁰⁵ Приведенный источник был составлен за много десятилетий до опричины, но не утратил своей актуальности до времен Грозного.

Элементы недовольства в низах новгородского общества усилились в связи с нараставшим разорением, неурожаями, эпидемиями, повышением царских податей. Казна не желала считаться с реальным положением дел и без всякой пощады выколачивала подати с населения. После посещения государевых «праветчиков» пустели деревни.¹⁰⁶ Усиление фискального бремени и начавшееся разорение удесятирили недоимку, скопившуюся за новгородцами. Взыскать ее обычными средствами казна не могла, даже если бы приставила по сборщику к каждому из новгородских крестьян. Ввиду этого она должна была прибегнуть к мерам чрезвычайным. Не подлежит сомнению, что карательный поход опричников на Новгород имел одной из целей взыскание громадной недоимки и погашение задолженности Новгорода казне путем прямого грабежа населения.

Экономический упадок, «мор и глад», равно как и свирепые правежи недоимок в немалой степени обострили социальные противоречия в стране, усилили повсюду элементы недовольства. Положение отчасти напоминало ситуацию, сложившуюся в стране после боярского правления и приведшую к восстанию в Москве. Опричное правительство, сознавая опасность положения, пыталось бороться с ней посредством беспощадного террора.

Предвестником новгородского «изменного» дела послужил розыск о причинах падения Изборска в январе 1569 г. Литовцы захватили Изборск с помощью русских изменников Тимохи Тетерина и Марка Сарыхозина. Переодевшись опричниками, те глубокой ночью постучали в ворота Изборска и, «вопрошаясь опричниной», заставили стражу отворить город.¹⁰⁷ Царь не сомневался в том, что Тетерин имел сообщников среди изборских приказных и псковского населения. В письме к королю Сигизмунду от 24 февраля 1569 г. Грозный упомянул, что гетман князь А. Полубенский «сослався с нашими изменники, безбожным обычаем в наш пригородок во псковской Изборск с нашими из-

менники въехали».¹⁰⁸ В феврале 1569 г. царь наказал своему гонцу произнести перед русскими эмигрантами в Литве такую речь: «С изменником что говорить? А вы своею изменю скылько не лукавствуйте бесовским обычаем, а Бог милосердие свое государю свыше подает на враги победу, а вашу измену разрушает... А то говорити с Курбским или с иным с радным, а с худым того не говорити, худому, излаяв, да плюнути в глаза, да и пойти прочь».¹⁰⁹

После освобождения Изборска опричники жестоко расправились с заподозренными в измене лицами. Свидетельством тому служит следующая запись синодика: «В изборском деле: подьячих изборских, подьячаго Семена Андреев Рубцов; Оглоблю, Рубцов человек; Петра Лазарев; псковичей Алексия Шюбин, Афирию Герасимов». Изборские подьячие и двое псковичей были обезглавлены за измену в пользу литовцев.

Изборский наместник А. Нащокин, изборский городской приказчик Иван Рудак Перхуров, ямской дьяк Афанасий Иванов вернулись из литовского плена в июле 1569 г.¹¹⁰ По приезде из Вологды в Слободу царь Иван вызвал к себе Нащокина и двух других изборских пленников. «Вы не умели защищать крепость и себя самих, когда вас осаждали поляки и литовцы, — будто бы сказал он, — так я научу вас теперь»; изборский воевода был тут же расстрелян опричными лучниками.¹¹¹ В синодике имя А. Нащокина до сих пор не найдено или, скорее, не расшифровано. Любопытно, что в записях синодика, датированных осенью 1566 г., имеется следующий текст, не поддающийся реконструкции: «Федора Петров Афонасьев человека Нащокина; Максима... (?), да его два человека. Бык да Алексей; Афонасиа... (?) дворник».

Изборская «измена» внушила правительству мысль о ненадежности приказной администрации, а также и всего населения Псковской и Новгородской земель.¹¹² Следствием того стали широкие репрессии против псковичей и новгородцев в марте 1569 г. Едва завершив расследование изборской «измены», царь велел выселить всех неблагонадежных лиц из Пскова и Новгорода. По летописи, власти выселили из этих городов соответственно 500 и 150 семей.¹¹³ Общее число лиц, подлежащих высылке, было весьма внушительным: 2—2¹/₂ тыс. В известном смысле меры Грозного копировали массовые выселения из Новгорода, произведенные при Иване III. Однако в конце XV в. ссылке подверглись новгородцы, принадлежавшие к феодальному сословию. Теперь же основную массу высланных составляли «средние» и в особенности «меньшие» посадские люди.¹¹⁴ Массовое выселение посадских людей из Пскова и Новгорода принадлежало к самым значительным мерам опричнины за все время ее существования.

Вскоре после псковских выселений царь получил от своих послов подробный отчет о государственном перевороте в Швеции. Посольские сообщения усилили недоверие Грозного к непокорному посадскому населению. Царю сообщили, что накануне мятежа Эрик XIV просил русских послов «проведывати про стеколских людей про посадских измену, что оне хотят королю изменить, а город хотят здати королевичем...».¹¹⁵ Опасения короля полностью оправдались. Во время осады Стокгольма мятежниками жители города приняли сторону мятежных бояр и удельных князей: «свейские люди все, которые были в городе, город Ягану королевичу отворили».¹¹⁶

Дальнейшим толчком к расследованию новгородской измены послужил розыск о заговоре земских людей в пользу Владимира Андреевича. Удельный князь унаследовал от отца двор в Новгороде, ставший одной из его резиденций.¹¹⁷ Некоторые новгородские помещики служили в уделе. В числе первых по новгородскому делу был казнен местный помещик И. Сысоев, «князь Владимиров сын боярский». Новгородский летописец, хорошо знавший местные настроения, утверждал, что после смерти удельного князя Владимира Старицкого «мнози по нем людие (очевидно, новгородцы. — Р. С.) восплакашася».¹¹⁸

В дни суда над Владимиром Андреевичем опричники казнили нескольких новгородских подьячих, объявленных сообщниками повара-«отравителя» Молявы. После казни брата царь решил покарать «изменников»-новгородцев.

По свидетельствам Г. Штадена, И. Таубе и Э. Крузе, Иван IV собрал всех опричников, способных носить оружие,¹¹⁹ числом будто бы до 15 тыс.¹²⁰ В действительности опричная армия не была столь многочисленной. По первому зимнему пути войско двинулось в поход на Новгород. Высланные вперед опричные заставы заняли ямские станции и городки по всей дороге от Слободы до Новгорода. Под предлогом борьбы с чумой всякое передвижение по новгородской дороге было запрещено и каралось смертью. Царь, никому более не доверявший, велел убивать всякого, кто попытается проехать по новгородской дороге или проникнуть в опричный лагерь. Никто не мог предупредить новгородцев о грозившей им опасности.

По словам участников похода, опричные отряды двинулись к Новгороду через Клин, Тверь, Медное, Торжок и Бежецкую пятину.¹²¹ Путь опричных был отмечен кровавым следом. Их «подвиги» запечатлены в следующей записи синодика опальных, составленной на основании подлинных «сказок» опричных воевод: «На заказе от Москвы 6 человек. В Клине Иона каменщик. Пскович з женами и з детми 30 человек. Бежецкия пятины: Игнатя Неклюдов Юренев» и т. д. Для верного суждения о новгородском походе данные синодика имеют первостепенное значение. К примеру, участники похода Таубе и Крузе утверждают, будто опричники истребили все население Клина и опустошили местность от Клина до Черной (Цорна) и от Черной до Новгорода.¹²² В их рассказе упоминание о Черной не имеет смысла. По Штадену, опричники стали грабить и побивать жителей после того, как достигли яма Черного.¹²³ Синодик подтверждает тот факт, что опричники не тронули населения Клина и приступили к массовым избиениям после вступления в Тверскую землю.

Подойдя к Твери, опричная армия обложила город со всех сторон. Царь и его свита расположились в окрестностях города, в том самом Отроче монастыре, где томился в заточении опальный Филипп Колычев. По-видимому, опричное руководство искало примирения с бывшим митрополитом. Предвидя, что санкции против новгородской церкви вызовут негодование духовенства, царь старался подкрепить их авторитетом Колычева. Он полагал, что Филипп не упустит случая отомстить своему злейшему врагу архиепископу Пимену, который помог опричникам низложить его с митрополии. Один из членов опричной думы Малюта Скуратов посетил Филиппа в его келье и от имени царя просил благословения на расправу с новгородцами.¹²⁴ В награду за эту услугу Колычеву будто бы предложили вновь занять митрополичий престол. Но Колычев соглашался «благословить» царя и вернуться на митрополию только при условии упразднения опричнины. А. Курбский передает, будто Филипп угрожал царю и опричникам проклятием.¹²⁵

Беседа опального митрополита с опричниками имела трагический исход. Когда Колычев стал в сердцах обличать неистовство «суетных», Малюта зажал ему рот подушкой («подглавием») и задушил. Игумену монастыря было объявлено, будто узник умер от «неуставного» келейного зноя.¹²⁶ Чтобы предупредить расследование, Малюта приказал немедленно предать тело Филиппа земле. Все это произошло 23 декабря 1569 г.¹²⁷

Как отметил участник похода Г. Штаден, «в Твери царь приказал грабить все — и церкви и монастыри».¹²⁸ И. Таубе и Э. Крузе подтверждают это свидетельство; в своем памфлете эти мемуаристы утверждали, будто царь творил «кровавые дела» в Твери пять дней. Однако из их дальнейших описаний следует, что первые дни (включая день убийства Филиппа 23 декабря) опричники грабили архиепископский дом и монастыри. Еще два дня (в пределах 24—26 декабря) они отдыхали. Затем разгромили посад и никак не позднее 26—27 декабря двинулись в Новгород. Приведенные сведения подтверждаются следующим

расчетом. По зимнему пути от Торжка до Новгорода считалось 295 верст, 10 ямских станций, не менее 10 суток пути.¹²⁹ Царь прибыл в Новгород 6 января 1570 г. Следовательно, он покинул Тверь не позднее 26—27 декабря 1569 г.

Рассказ очевидцев позволяет воссоздать ход последовавших опричных репрессий во всех подробностях. Свой первый удар опричники обрушили на церковь. Затем всякие грабежи и насилия в городе были прекращены. «Граждане и купцы и ремесленники и другие стали надеяться, что грабежи не распространятся дальше». Они были вполне уверены в этом в течение двух дней, но по прошествии этого срока опричники стали громить тверской посад.¹³⁰ Поскольку из пяти дней пребывания опричных в Твери первые четыре были заняты репрессиями против церкви и отдыхом, то, очевидно, разгром посада продолжался не более одного дня. Опричники грабили торговые склады и амбары, врывались в дома посадских людей, рубили окна и двери, били домашнюю утварь.

Таубе и Крузе, авторы памфлета против Грозного, утверждали, что в Твери опричники пролили много крови. Согласно тексту, изданному М. Г. Рогинским, там было избито 90 тыс. человек. В более исправном тексте послания, по изданию Г. Хоффа, 27 тыс. тверичей умерли от голода и 9 тыс. перебили опричники.¹³¹ Таубе и Крузе многократно преувеличили масштабы тверского разгрома. Но в одном они были близки к истине. Число жителей, умерших голодной смертью, во много раз превышало число жертв опричнины.

Синодик опальных позволяет усмотреть в тверских событиях такие моменты, которые полностью ускользали от внимания историков. Жертвами опричной резни в Тверской земле были в первую очередь находившиеся там опальные псковичи.

После изборской измены власти выселили во внутренние районы страны пятьсот псковских семей. С весны 1569 г. обозы с переселенцами потянулись из Пскова на восток. Переселение затянулось на много месяцев. Еще в декабре опричники застали 190 псковичей с женами и детьми в селе Медне под Тверью и 30 псковичей в Торжке. Как свидетельствует синодик, опальные псковичи подверглись поголовному истреблению. Заодно с ними опричники казнили всех пленных литовцев, содержавшихся в тюрьмах и живших на посаде в Твери и Торжке. Царь подозревал, что литовские пленники были соучастниками пресловутого заговора Пимена в пользу Литвы. Из посадских людей Твери опричники избili главным образом тех, «которые породнились и сдружились с иноземцами».¹³²

Погромив Тверь, опричники двинулись через Бежецкую пятину к Новгороду. В синодике опальных список казненных там лиц озаглавлен: «Бежецкия пятины». Записанные ниже И. Н. Юренев и М. Ф. Васаев действительно сидели на поместьях в Бежецкой пятине, как то можно установить на основании писцовых книг.¹³³

Передовые опричные отряды во главе с В. Г. Зюзиным подошли к Новгороду 2 января и сразу же оцепили город крепкими заставами, «кабы ни один человек из града не убежал».¹³⁴ Первым делом опричники взялись за богатое новгородское духовенство. Они заняли монастыри и опечатали казну в монастырях и церковных приходах города. Одновременно арестовали несколько сот игуменов, соборных старцев и попов и роздали их приставам из местных дворян со строжайшим приказом держать их «крепко во узах железных».¹³⁵

Спустя четыре дня в окрестности Новгорода прибыл царь Иван, остановившийся лагерем в монастыре на Городище. Его сопровождала личная охрана — 1500 опричных стрельцов и многочисленные опричные дворяне.¹³⁶ По словам местного летописца, царь свирепо расправился с арестованными монахами. Несчастных вывели на рыночную площадь и забили «палицами насмерть», после чего развезли по монастырям для погребения.¹³⁷ Приведенное известие недостоверно. Монахов держали на правеже целый год.¹³⁸

В воскресенье, 8 января, царь отправился в Софийский собор к обедне. На волховском мосту его торжественно встретили с крестами и иконами архиепископ Пимен и прочие духовные чины. Встреча на мосту кончилась неслыханным скандалом. Грозный отказался принять благословение и перед всем народом громогласно обвинил новгородцев в измене. Архиепископ и горожане, заявил он, «зломыслием своим и с своими старцы и единомысленники» хотят его «отчину» Великий Новгород «предати иноплеменником, королю польскому Жигимонту Августу».¹³⁹

Несмотря на общее замешательство, царь велел Пимену служить последнюю обедню. Как видно, Иван был слишком благочестив, чтобы пропустить богослужение в день Крещения. После обедни Пимен пригласил царя в архиепископские палаты «хлеба ясти». На обеде присутствовали настоятели крупнейших новгородских монастырей. Невеселый пир кончился тем, что царь, возопив «гласом великим с яростию», велел страже схватить Пимена и его бояр.

Некогда Иван III не только отобрал у Софийского дома большую часть земельных владений, но и вывез в Москву его сокровищницу — «множество золота и серебра и съсудов его». Прошло 17 лет, прежде чем Москва вернула новгородскому Софийскому дому «всю казну старых епископов».¹⁴⁰ По приказу Грозного опричники захватили сокровища новгородской церкви, ограбили архиепископский двор и храм Софии, забрали драгоценную утварь и иконы, выломали из собора древние Корсунские ворота.¹⁴¹ Царский духовник Евстафий и дворецкий Л. А. Салтыков лично руководили изъятием богатейшей сокровищницы Софийского дома.

На другой день начался суд в царском лагере на Городище. Дознание велось с применением самых жестоких пыток. Опальных жгли на огне «некоею составной мукою огненной». Затем их привязывали к саням длинной веревкой, волокли две версты до Новгорода. Некоторые подробности летописного отчета о казнях вызывают невольные сомнения: зима 1570 г. выдалась необыкновенно суровая, а между тем летописец говорит, что опричники бросали в Волхов связанных по рукам и ногам женщин и детей, а другие каты, разбегая по реке на лодке, топорами и рогатинами топили тех, кому удавалось всплыть.¹⁴² Однако показания летописца подтверждаются иностранными свидетельствами. Источник, опубликованный в Германии вскоре после новгородского разгрома, рисует картину, целиком совпадающую с летописной. На Городище дворян пытали на огне в печах, затем привязывали за веревку к саням и тащили к Волхову. Матерей бросали в воду с привязанными на грудь детьми. Несчастных заталкивали под лед палками.¹⁴³ Современные данные о режиме льда в устье Волхова в зимний период подтверждают достоверность показаний источников XVI в.

Под пытками опальные новгородцы давали любые нужные палачам показания. Таким путем после длительных допросов были «изобличены» в измене главные сообщники Пимена.

Местный летописец весьма точно определяет круг лиц, привлеченных к дознанию во время следствия на Городище. По его словам, царь велел привести к себе на суд «владычных бояр и иных многих служивых людей и детей боярских и гостей и всяких градских и приказных людей и изрядных и именитых торговых людей...».¹⁴⁴

В царский лагерь на Городище были доставлены архиепископские бояре князь А. Тулупов и В. Шаховской, владычный дворецкий Н. Цыплятев, Т. Пешков, конюший И. Милославский и сотни других дворян, служивших в архиепископском полку.¹⁴⁵ Самые видные из архиепископских вассалов были увезены в Москву: царь не желал казнить их до соборного суда над Пименом. Некоторые же архиепископские вассалы были казнены в Новгороде. В новгородских списках синодика записаны имена Т. Пешкова,¹⁴⁶ И. Милославского с братьями,¹⁴⁷ многих Цыплятевых и их родственников Мусоргских.

А. Шлихтинг подробно описал, каким издевательствам подвергся глава новгородской церкви. Опричники начали с того, что сорвали с Пимена белый клобук, после чего Иван IV обратился к нему с издевательской речью. «Тебе не подобает быть епископом, а скорее скоморохом, — объявил царь, — поэтому я хочу дать тебе в супружество жену». Присутствующим настоятелям он тут же велел внести большие суммы на шутовскую свадьбу. Главные унижения были для новгородского владыки впереди. Вместо невесты монарх велел привести епископу кобылу. «Получи вот эту жену, — произнес самодержец, — влезай на нее сейчас, оседлай, отправляйся в Московию и запиши свое имя в списке скоморохов». Опричники дали волю своему озорству. Престарелый пастырь, почти тридцать лет возглавлявший новгородскую церковь, покинул город крепко привязанным к лошади и держа в руках то ли волюнку, то ли гусли.¹⁴⁸ Рассказ А. Шлихтинга не является тенденциозной выдумкой. В 1616 г. голландские послы, будучи в Новгороде, записали рассказ старожилов об издевательствах над местным архиепископом в дни разгрома. Царь велел посадить тогдашнего владыку «задом наперед на лошадь, дал ему в руки волюнку, заставил дуть в нее и таким образом отправил его на поругание по дороге в Москву».¹⁴⁹

Опричники старались подорвать авторитет князя церкви, занимавшего второе после митрополита место в церковной иерархии, выставив его на посмешище.

После новгородского похода царские послы в Литве упомянули о том, что к князю Владимиру Андреевичу и его новгородским сообщникам пристали «воры» из числа земских бояр.¹⁵⁰ Расшифровать это любопытное заявление помогают источники документального происхождения: синодик царских опальных и перечень судебных дел в описи царского архива 70-х гг. XVI в. В синодике мы находим следующий перечень лиц, казненных опричниками в Новгороде: «Алексея Сауров, Козмоу человек его... Василия Дмитриевича Данилов, Андрея Безсонов дьякон; Васильевых людей Дмитриевых два немчина: Максима литвин, Роп немчин; Кузьминых людей Румянцева... архиепископля сына боярского Третьяка Пешков... Ивана Сысоев княж Владимиров сын боярский...» Указанная запись вводит нас в самый центр грандиозного политического процесса, получившего наименование «новгородского изменного дела». В частности, она обнаруживает один исключительно интересный факт, до сих пор оставшийся вне поля зрения исследователей. Оказывается, подлинным героем новгородского дела был земский боярин В. Д. Данилов. В синодике записаны один за другим свидетель обвинения против новгородских властей А. Савуров, главный новгородский дьяк А. Безсонов, слуги второго новгородского дьяка К. Румянцева, В. Д. Данилов со своими людьми, вассалы новгородского архиепископа и князя В. А. Старицкого.¹⁵¹

Даниловы происходили из знатного старомосковского боярского рода. Их предок выехал ко двору Ивана Калиты «из немец». Отец и дед будущего опального носили чин окольничих. В. Д. Данилов был зачислен в «тысячу лучших слуг» как сын боярский II статьи по Можайску. Пять лет спустя он получил чин окольничего, а за год до опричины стал боярином.¹⁵² Данилов не попал на опричную службу, и ему пришлось расстаться со своими можайскими поместьями. На первых порах опричина, потеснившая титулованную знать, благоприятствовала карьере Данилова. Он получил назначение в московскую боярскую комиссию и таким образом занял видное положение в земщине. В. Д. Данилов, по замечанию С. Б. Веселовского, был самым крупным представителем рода, но сошел со сцены как-то незаметно, не погиб ли он от опричины?¹⁵³ Синодик опальных впервые проясняет судьбу боярина.

По словам А. Шлихтинга, В. Д. Данилов служил «начальником над воинскими орудиями» и в его ведении находились пушкари.¹⁵⁴ На основании этого свидетельства можно заключить, что Данилов был главой Пушкарского при-

каза. Краткая записка о московских приказах начала XVII в. определяла, что во главе Пушкарского приказа стоит боярин и что в его ведении находился весь наряд «на Москве».¹⁵⁵ Пушкарский приказ был организован, по-видимому, уже в 1560-х гг.¹⁵⁶ Данилов, вероятно, участвовал в выступлении членов Земского собора 1566 г. против опричнины, поскольку после 1566 г. он не получал никаких новых служебных назначений.

А. Шлихтинг, самый осведомленный из авторов того периода, сообщает о гибели боярина следующее. В. Д. Данилов притеснял и обкрадывал находившихся в его подчинении пушкарей и стрельцов. Среди обиженных было несколько пленных полоцких пушкарей. Они пытались бежать в Литву, но были пойманы и на допросе показали, будто за рубеж их послал сам Данилов. Опричники подвергли боярина пыткам, и тот, не выдержав мучений, признался, что изменил в пользу польского короля и составил заговор.¹⁵⁷

Достоверность приведенного рассказа подтверждается источниками строго документального происхождения — описью царского архива и синодиком. В архиве хранилась «отписка ко государю в Васильеве деле Дмитриева (Данилова. — Р. С.) о пушкарях о беглых о Мишках».¹⁵⁸ Когда опричники доставили Данилова в Новгород для изобличения «сообщников», то туда же были привезены двое пушкарей. По синодику, во время новгородского суда опричники казнили В. Д. Данилова и двух немчинов (Максима литвина и Ропу немчина) Васильевых людей Дмитриевых. Беглый пушкарь литвин Максим (в русской транскрипции Мишка) и был, очевидно, главным доносчиком на Данилова.

Под пытками опричники вынудили у знатного земского боярина признание, будто в заговоре с ним состояли новгородские власти и все жители Новгородско-Псковской земли. И новгородцам, и Данилову предъявлялось одно и то же обвинение — намерение «предаться» польскому королю. Важные сведения об обстоятельствах раскрытия «заговора» сообщает венецианский дипломат Джерио, побывавший в Москве вскоре после новгородского разгрома. Царь, писал он, «разорил Новгород вследствие поимки гонца с изменническим письмом».¹⁵⁹ Расшифровать сообщение дипломата об «изменническом письме» помогает подлинная опись царского архива XVI в. Вместе с «новгородским делом» подьячего Связева там хранилась «отписка из Новгорода от дьяков Ондreja Безносова да от Кузьмы Румянцева о польской памяти».¹⁶⁰ Названные дьяки возглавляли новгородскую администрацию в 1568—1569 гг., и оба они погибли в связи с розыском о новгородской измене. Опись удостоверяет, что «изменническая грамота» была документом польского происхождения и что она попала в руки земских дьяков, поспешивших уведомить о ней царя. Из описи неясно, как «польская память» оказалась в Новгороде, — была ли она найдена как «подметное письмо», или же ее привез лазутчик, задержанный властями.

Ряд ценных подробностей о раскрытии новгородского «заговора» находим в летучем листе, изданном в Германии вскоре после новгородского разгрома. Составитель листа использовал сведения, полученные литовскими властями от полоцкого жителя Ярмулы, только что бежавшего из России. В качестве слуги опричного дворянина Ярмула участвовал в походе на Новгород; о причинах похода он сообщил следующее. Ивану донесли, что в Новгороде, Торжке, Твери и Пскове обнаружилась измена: жители послали гонцов к польскому королю, чтобы перейти под его державу. Письмо об этой измене нашли в Новгороде и послали к москвиту, из-за чего москвит и пошел в поход.¹⁶¹ Опричная версия, изложенная Ярмулой, совпадает с земским свидетельством о «польской памяти». Очевидец упоминает о гонцах, посланных к польскому королю, и об изменнической грамоте, найденной в Новгороде и отосланной к царю.

Выделив комплекс наиболее ранних и достоверных документов, можно высказать предположение, что в 1569 г. получила продолжение интрига, за-

теянная русскими эмигрантами и их покровителями двумя годами ранее. В 1567 г. литовская тайная дипломатия добилась бесспорного успеха, скомпрометировав конюшого И. П. Федорова. В 1569 г. она предприняла новую попытку подтолкнуть земщину на выступление против царя. «Польские памяти» 1567 г. адресовались Федорову и главным руководителям земщины, грамоты 1569 г. — одному из сподвижников Федорова боярину Данилову, а также архиепископу Пимену и новгородцам. «Признания» В. Д. Данилова и «польская память», подброшенная в Новгород, были использованы опричным сыскным ведомством для организации нового политического процесса.

В. Б. Кобрин предложил свое толкование сведений об «изменнической грамоте», найденной в Новгороде и послужившей уликой против новгородцев. Поздние новгородские источники сохранили предание о некоем волынце по имени Петр, который подделал грамоту за подписями архиерея, всех первейших дворян и «граждан» Новгорода о желании их предаться польскому королю. Подбросив грамоту в Софийский собор, Петр подал донос царю, результатом чего и явился новгородский разгром.¹⁶² В. Б. Кобрин попытался открыть в этом предании «зерна истины» и предположил, что под именем волынца Петра скрывался царский дворянин Петр Волинский. В архиве хранилась «челобитная безымянная» с доносом, будто Петр Волинский слышал у одного дворянина «про государя непригожие речи». Дьяк Шелканов доставил донос царю перед самым новгородским походом. Однако Волинский избежал опалы и продолжал выполнять ответственные поручения Посольского приказа. Чем же он завоевал доверие царя? — задает вопрос В. Б. Кобрин и сам отвечает на него: не иначе Петр помог царю организовать более серьезное дело... об измене новгородцев, о чем и говорит новгородское предание о Волынце.¹⁶³ Приведенные рассуждения носят умозрительный характер и лишены фактической основы. Из источников следует, что на Волинского подали донос. Но в документах нет и намек на доносы с его стороны. Синодик опальных поименно перечисляет лиц, доносы которых легли в основу новгородского процесса. Волинский среди них не фигурирует. История опричного террора доказывает, что доносчики из свидетелей обвинения сплошь и рядом превращались в обвиняемых и уничтожались вместе со своими жертвами. Петр Волинский благополучно пережил террор.

Имеются ли какие-нибудь основания для отождествления героя предания с реальным историческим лицом П. Волинским? В предании упомянут «некий волынец волочашей именем Петр». Как и положено лицам из низшего сословия, Петр не имел фамилии. Выражение «волынец волочашей» означало, что бродяга происходил из Волини. Дворянин Петр Волинский был родом из Москвы и происходил из знаменитого боярского рода, усвоившего фамильное прозвище с XIV в.¹⁶⁴ Предание о Петре никак нельзя отнести к числу достоверных источников. «История сокращенная», сохранившая предание, является типичной компиляцией XVIII—XIX вв. Она написана канцелярским языком. Компилятор не мог назвать ни имени, ни сана новгородского «архиерея», пострадавшего по навету Петра, ошибочно определил дату погрома (в лето «миробытия» 7079). Неосведомленность компилятора очевидна.

Вопрос о составителях королевских «изменнических» писем следует решать не на основе поздних, заведомо вымышленных источников, а на основе документации, составленной в период разгрома. Два главных новгородских дьяка, позже составленных за измену в пользу короля, сами сообщили в Москву о получении «польской памяти». Отсюда следует, что грамота (память) была составлена за рубежом то ли королевскими чиновниками, то ли русскими эмигрантами. Официальные заявления Посольского приказа подтверждают это заключение неопровержимым образом. Русские послы, отправленные в Польшу, должны были объявить королю Сигизмунду, что «царь и великий князь для земских росправ был в своей отчине в Великом Новгороде и во Пскове». На вопрос «то ли управа: государь ваш в Новгороде и во Пскове

и на Москве многих казнил?», послы должны были отвечать: «...если вам то ведомо?... коли вам то ведомо, а нам вам что и сказывати? О котором есте лихом деле з государскими изменники лазучьством ссылались и Бог тое измену государю нашему объявил, и потому над теми изменники так и ссталось... а безлеп было то, пане, и затевати: коли князь Семен Лугвень и князь Михайло Олелкович в Новгороде был, ино и тогда Литва Новагорода не умели удержати, и чего удержати не умели, и на то что и посягати? А государь наш... свое царство держит от Божии десницы, и чего кому Бог не даст, и тому того собою как взяти?»¹⁶⁵

Официальные разъяснения в Литве показывают всю степень ослепления опричного руководства, ставшего жертвой мистификации королевской секретной службы. В глазах мнительного царя найденная в Новгороде «польская память» служила бесспорным доказательством сговора между литовцами и новгородскими «изменниками», свидетельством «безлепной затеи» литовских панов, их посягательства на новгородскую отчину царя. Грозный не сомневался, что нити новой литовской интриги тянутся к его давнему врагу боярину Курбскому. Русские послы должны были объявить в Литве о последних преступлениях Курбского: «...а ныне его многая измена, тайно лазучьством со государскими изменники ссылаетца на государское лихо и на крестьянское кровопролитие».¹⁶⁶

Взрыв террора в России невозможно понять без учета деятельности зарубежной эмиграции. Не случайно новгородский погром совпал с моментом, когда влияние Курбского достигло пика. В боярине стали видеть политика, способного решающим образом воздействовать на развитие событий в России. Курбскому удалось убедить не только польские, но и австрийские власти в том, что он имеет в Москве много сторонников, от которых зависит решение важнейших государственных дел. В ноябре 1569 г. Курбский предложил аббату Циру, дипломатическому агенту императора Максимилиана II Габсбурга, свои услуги для заключения союза между Россией и Австрией, направленного против турок. Цир вполне серьезно отнесся к предложению Курбского и с согласия венского двора вступил с ним в переговоры, продолжавшиеся год. Дипломат многократно извещал императора о своих беседах «с дражайшим Курбским».¹⁶⁷ Осенью 1570 г. в Польше прошел слух о смерти Ивана IV, послуживший поводом для переписки между Сигизмундом II Августом и руководителем литовской рады М. Радзивилом. Король советовал направить в Москву миссию для переговоров с людьми (очевидно, боярами), которые «послам нашим сообщали, что они желают прийти под нашу власть», и указывал на Курбского как «человека, принадлежащего к этому народу», который мог бы убедить москвичей пригласить его, Сигизмунда II, на царский трон.¹⁶⁸ В глазах поляков Курбский был человеком, способным при помощи своих единомышленников бояр, тайных сторонников короля, расстроить коронацию наследника престола царевича Ивана и передать престол католическому государю.

Грозный при всем его видимом могуществе ничего не мог поделать с эмигрантом Курбским, тогда как беглый боярин, используя подозрительность царя, не раз подталкивал его к действиям, которые несли гибель тысячам его подданных и подрывали военную мощь России.

В глазах самодержца главные заговорщики, намеревавшиеся свергнуть его с трона, непременно были тайными сообщниками Курбского. Главой «заговора» в 1568 г. был конюший И. П. Федоров, а в 1570 г. боярин В. Д. Данилов. Он и новгородцы якобы желали предаться королю Сигизмунду II Августу. Это обвинение опричное руководство предало широкой гласности. О нем сообщают многие очевидцы и современники: опричники И. Таубе и Э. Крузе, А. Шлихтинг, хронисты Б. Рюссон и А. Гваньини. Но в связи с «покушением» Старицкого на жизнь царя новгородцам было предъявлено еще одно обвинение: их объявили соучастниками «заговора» Старицкого.

Датский посол Я. Ульфельд в 1578 г. беседовал в Новгороде с «достоверными людьми», очевидцами опричного погрома, которые рассказали ему следующее. В 1570 г. у царя возникло относительно двоюродного брата подозрение, будто тот хотел обмануть его и учинить коварство (о чем Старицкий и не помышлял), но было ли так, знает Бог. Царь отравил его, разорил Новгородскую землю и побил много тысяч людей, по поводу которых он имел подозрение из-за брата, ранее им отравленного, что будто они стояли с ним заодно.¹⁶⁹ Подлинное дело об измене новгородцев хранилось в царском архиве. Опись его наиболее точно передает суть обвинения, предъявленного Новгороду. Местные заговорщики будто бы хотели «Новгород и Псков отдати литовскому королю, а царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии хотели злым умышлением извести, а на государство посадити князя Володимера Ондреевича».¹⁷⁰ В своем окончательном виде обвинение против новгородцев носило абсурдный характер, так как содержало в себе взаимоисключающие моменты. Участники заговора якобы желали доставить престол князю Старицкому и в то же время перейти со всеми своими землями под власть польской короны.

Поначалу опричники арестовали и подвергли допросу боярина В. Д. Данилова и его главных «сообщников». Жесточайшие пытки и казни заговорщиков на глазах у подследственных дали опричникам возможность быстро расширить круг лиц, «причастных» к заговору. В кратком синодике опальных, перечислявшем имена членов думы и их ближайших родственников, выдающихся воевод и приказных, из всех погибших в Новгороде лиц записаны только четверо: «Василий Данилов, Григорий Волинский, князь Андрей Бычков-Ростовский, Василий Бутурлин».

Г. Волинского, поименованного в синодике, можно отождествить с Г. И. Вороным, одним из последних отпрысков могущественного боярского рода Вороных-Волинских. Г. И. Вороной служил по Ржеву, но, видимо, владел также большим отцовским поместьем в Новгороде.¹⁷¹ Он приходился двоюродным племянником известному боярину М. И. Вороному-Волинскому и, вероятно, был его единственным наследником.¹⁷²

В. А. Бутурлин был видным земским воеводой, а его старшие братья являлись членами Боярской думы.¹⁷³ Курбский, сообщая о казни Василия Бутурлина, отмечает, во-первых, что с ним погибли его «единоплемянные» и, во-вторых, что Бутурлины были «сродницы» конюшему И. П. Федорову.¹⁷⁴ По синодику, в новгородском разгроме погибли троюродный племянник Василия Г. Д. Полуектов-Бутурлин, а также Л. Б. Бутурлин.¹⁷⁵

Князь Андрей Матвеевич Волох Бычков-Ростовский, сын боярина князя М. В. Бычкова, накануне опричины владел поместьем в Бежецкой пятине.¹⁷⁶ В 1565 г. он был сослан в опале на поселение в Свияжский край, но затем получил «прощение» и вернулся в Новгород. В некоторых родословцах он ошибочно назван боярином.¹⁷⁷ Судя по синодику, князь Волох был казнен вместе с матерью, женой и детьми в дни новгородского разгрома. Тогда же погибли княгиня Е. Лобанова-Ростовская, невестка убитого в 1565 г. С. В. Ростовского, помещик князь Б. Глебов-Засекин и др. Среди других знатных дворян палачи казнили видного опричника И. Н. Павлинова-Плещеева, а также Ивана и Илью Плещеевых. Подобно Бутурлиным, опальные Плещеевы имели могущественную и влиятельную родню в опричной думе. Однако это не спасло их. Самые знатные участники процесса об измене новгородцев (боярин Данилов, Бутурлин, Волинский, Плещеевы) принадлежали к верхам правящего старомосковского боярства. Но в массе участники новгородского изменного дела принадлежали не к знати, а к среднему и низшему слою провинциального дворянства. В новгородских списках синодика названы поименно примерно 379 человек. В числе их было 211 помещиков и подьячих и 137 членов их семей. Среди прочих 30 лиц преобладали холопы, ремесленники, монахи и их родственники.

Опричники подвергли террору тех новгородских помещиков, которые служили Старицким. Они убили старицкого вассала И. Сысоева и истребили всю его родню. Та же участь постигла род Палицыных. Напомним, что А. Палицына была ближней боярыней Е. Старицкой и погибла вместе с ней.

Еще во время суда над конюшим Федоровым казни подверглись некоторые помещики Бежецкой пятины. Конюший был крупнейшим вотчинником Бежецкого Верха, расположенного по соседству с Бежецкой пятиной. Это отчасти объясняет, почему во время новгородского погрома погибло много бежецких помещиков, в том числе Ш. В. Чертовский и Н. У. Чертовский (тысячники II статьи из Бежецкой пятины), их соседи по поместью Д. В. и М. В. Кандуровы (записаны в 1545 г. на поместье в Бежецкой пятине), А. П. Аникеев (сидел на поместье в Бежецкой пятине в 1551 г.) и его брат Меньшой; С. И. Оплечуев (на поместье в Бежецкой пятине в 1545 г.) и двое его братьев Давид и Петр; многочисленные дворяне Паюсовы (П. Н. и Т. Н., М. И., Г. И. и И. И. Паюсовы, А. Паюсов, И. И., П. И. и И. И. Меньшой Паюсовы, сидевшие на поместье в Бежецкой пятине в 1545 и 1551 гг.), И. Н. Юрнев, М. Ф. Васаев, К. Новосильцев, Ж. Нелединский (записаны в синодике после заголовка «Бежецкая пятины»), З. П. Шепяков и Н. П. Шепяков (помещики Бежецкой и Водской пятин) и т. д.¹⁷⁸ Возможно, к числу помещиков Бежецкой пятины принадлежали также многочисленные дворяне Сысоевы, Котовы, Шамшевы, А. Неелов, Б. Лаптев, И. Опалев, И. Кутузов, П. Кувшинов и т. д.¹⁷⁹

Глава «заговора» боярин Данилов, Г. Вороной-Волинский и В. Бутурлин принадлежали к тому кругу старомосковского боярства, который был тесно связан с высшей приказной бюрократией. Неудивительно, что уже на первой стадии «новгородского дела» опричные репрессии заделали московский приказной аппарат. Вместе с Даниловым казни подвергся разрядный дьяк И. Юрьев. Согласно записке о Московских приказах (начало XVII в.) в состав Боярской думы входили двое разрядных дьяков: «Розряду Московского Большого» и «Разряду Ноугороцкого».¹⁸⁰ На соборе 1566 г. в чине дьяка Московского разряда присутствовал И. Клобуков, в чине дьяка Новгородского разряда, по видимому, И. Юрьев.¹⁸¹

Во время суда в Новгороде опричники казнили главного псковского дьяка Ю. Сидорова,¹⁸² главного новгородского дьяка А. В. Безсонова,¹⁸³ новгородских дьяков А. М. Бабкина и И. Матвеева, подьячих М. Григорьева, М. Романова¹⁸⁴ и сорок других подьячих, новгородских рассыльщиков¹⁸⁵ и т. д. С достойным педантизмом опричники перебили сначала семейных, а затем холостых подьячих и рассыльщиков. В синодике опальных все названные лица записаны отдельными списками. Первый из них озаглавлен «подьячих новгороцких», в нем значится 26 приказных и 43 члена их семей. Ниже в синодике помещен второй список, озаглавленный «новгороцкие подьячие неже[натые]». В нем поименовано 14 приказных. Далее в синодике помечено: «новгороцкие рассыльщики».

В Новгороде опричники действовали так же, как в Москве после раскрытия заговора И. П. Федорова. Они арестовали гостей Сырковых, возглавлявших местную городскую общину. Сырковы происходили из московских купцов, переселившихся в Новгород при Иване III. Благочестие помогло им завоевать авторитет у местного новгородского населения. Сырковы тратили огромные суммы на церковное строительство. Отстроив двор на Торговой стороне, Иван Сырков воздвиг рядом каменную церковь Жен-Мироносиц. Его сын Дмитрий заложил церковь на Ярославле дворище в 1529 г. и соорудил еще одну церковь в 1536 г. Внук Федор Дмитриевич в 1548 г. на свои деньги построил небольшой монастырь неподалеку от Новгорода, в 1549 г. построил церковь в «своем монастыре», в 1554 г. заложил еще одну каменную церковь. Когда в 1558 г. его монастырь на Розваже улице сгорел, он отстроил его заново. В августе 1568 г. монастырек Сыркова был вполне готов, и тогда его освятил архиепископ Пи-

мен.¹⁸⁶ Сырковы поддерживали тесные связи с Софийским домом и одновременно играли заметную роль в администрации Новгорода. При Адашеве Федор Сырков получил чин дьяка и возглавил приказное управление. В 1552 г. Новгородскую землю поразила страшная эпидемия, во время которой умерло, если верить известию местного летописца, 279 594 человека.¹⁸⁷ Податные поступления в московскую казну резко сократились, что неблагоприятным образом сказалось на карьере Ф. Сыркова, руководившего сборами податей. В 1554 г. он получил приказ без промедления собрать все недоимки за два года и выслать их в столицу. Выполнить этот приказ он не мог и был смнен.¹⁸⁸ Ф. Сырков сохранил чин дьяка, но, вопреки свидетельству А. Шлихтинга, уже не был «главным секретарем» Новгорода. Родной брат Федора Алексей Сырков занимал пост большого купеческого старосты Новгорода, и его власть распространялась на всю городскую общину.¹⁸⁹ Купеческие старосты принадлежали к верхам торгового населения и одновременно числились служилыми людьми, так как получали от казны поместья и государево жалованье.

Два иностранных источника различного происхождения описывают гибель Федора Сыркова следующим образом. Со слов очень старого москвиты голландский посол записал в 1616 г. сведения о том, что царь Иван приказал сбросить с моста одного честного купца, потом его вытащили полуживого и привели в чувство. «На вопрос, что интересного он видел там внизу, (купец. — Р. С.) ответил, что он был в аду, где видел, что для него, Васильевича, там уже готово место».¹⁹⁰ А. Шлихтинг назвал имя «честного купца» и подробно описал, как несчастного привязали к длинной веревке и бросили в Волхов, а спустя некоторое время вытащили из воды. Царь спросил, не видел ли Сырков чего-нибудь случайно в воде? Полузадохшийся купец якобы произнес целую речь: «...видел злых духов, которые живут в глубине вод реки Волхова и в озерах по имени Владодоги и Усладоги, и они вот-вот скоро будут здесь и возьмут душу из твоего тела».¹⁹¹ Чтобы завладеть деньгами Сыркова, спрятанными в тайнике, Грозный велел поставить его в котел и сварить на медленном огне. Федор Сырков располагал огромным денежным капиталом, исчислявшимся 12 000 руб. в серебре. Все эти деньги перешли в опричную казну. Алексей Сырков разделил участь брата. Имена Сырковых и их домочадцев записаны в синодике опальных.

К богатейшему купеческому роду принадлежал А. Тараканов. Эта семья также была переведена из Москвы в Новгород при Иване III. Таракановы получили «против» московских земель три новгородских боярщинки. Они не раз избирались купеческими старостами Новгорода и на свои деньги выстроили там несколько церквей.¹⁹² Один из членов этой семьи заседал в чине гостя на Земском соборе 1566 г.

Опричники казнили Андрея Тараканова, а его подворье разграбили. Со временем все деревянные постройки на купеческом дворе сгнили и обрушились. В писцовой книге 80-х гг. находим такие сведения: «двор пуст Ондреевский Тороканова: хором на нем нет, одна полата камня».¹⁹³ Жертвой опричины стал Д. Ямской, представитель еще одной богатейшей купеческой семьи Новгорода.¹⁹⁴ По-видимому, в дни погрома казни подверглись представители купечества, связанные с приказной администрацией и духовенством.

Суд над «заговорщиками» в царском лагере на Городище явился центральным эпизодом всего новгородского похода. Опричные следователи и судьи действовали ускоренным методом, но и при этом условия они не могли допросить, подвергнуть пыткам, провести очные ставки, записать показания и, наконец, казнить несколько сот дворян за одну, две или три недели. Очевидно, для этого потребовалось не менее месяца, а следовательно, суд на Городище продолжался по меньшей мере до конца января 1570 г.

После изобличения и казни главных «заговорщиков» опричники взялись за монастыри. Местный летописец, рассказав о расправе на Городище, заме-

чает: «И по скончании того государь с своими воинскими людьми начат ездити около Великого Новаграда по монастырям».¹⁹⁵ По Штадену, царь Иван самостоятельно руководил изъятием сокровищ у монастырей. «Каждый день он поднимался и переезжал в другой монастырь, где давал простор своему озорству».¹⁹⁶ Опричники забирали из монастырской казны деньги, грабили кельи, снимали колокола, громили монастырское хозяйство.¹⁹⁷ В Вишерском монастыре они в поисках сокровищ разломали раку местного святого Саввы.¹⁹⁸

Опричное правительство наложило на новгородское черное духовенство громадную денежную контрибуцию. Архимандриты должны были внести в опричную казну по 2000 золотых, настоятели по 1000, соборные старцы по 300—500 золотых.¹⁹⁹ Менее состоятельное белое духовенство, городские попы платили по 40 руб. с человека.²⁰⁰ С начала января опричники держали настоятелей и соборных старцев на правеже. Затем царь распорядился передать старцев приставам и «бити их приставом из утра и до вечера на правежи до искупа безщадно».²⁰¹ Во время экзекуций погиб игумен крупнейшего Антониева монастыря Гелвасий, а также записанные затем в синодик старец Нередицкого монастыря Пимен и старица Е. Горбуша.²⁰²

«Государев» разгром явился подлинной катастрофой для крупнейших новгородских монастырей. Черное духовенство было ограблено до нитки. В опричную казну перешли колоссальные денежные богатства, накопленные монастырями на протяжении столетий. Но главное богатство новгородской церкви — ее земли опричное правительство не тронуло.

Опричники «правили» деньги на 27 монастырях, стоявших в Новгороде и его окрестностях.²⁰³ Царь Иван побывал лишь в главнейших из них. Вероятно, объезд монастырей занял не менее недели.

Участник похода опричник Г. Штаден весьма определенно утверждает, что только по возвращении из монастырского объезда царь велел громить посад. Описав поездку Ивана по монастырям, он замечает: «...потом начали грабить город».²⁰⁴ Это свидетельство подтверждается местной летописью, где подробно изложено, как государь ездил «по монастырем», «потом прииде во град» и велел грабить посадских.²⁰⁵ В течение всего суда на Городище и монастырского объезда новгородский посад жил своей обычной жизнью, нормально функционировали рынки. В то время, пишет Штаден, «купцам он (царь. — *Р. С.*) приказал торговать и от его людей опричников брать лишь по доброй уплате».²⁰⁶ В том же самом порядке описал новгородские события автор немецкого летучего листа 1571 г. Сначала Грозный, вызвав из города самых знатных дворян и купцов, казнил их, затем наступила очередь монастырей, в которых были умерщвлены якобы 150 монахов. Лишь после этого царь вошел в Новгород и велел избить остальных.²⁰⁷

Тщательный анализ источников опровергает традиционное представление, согласно которому разгром новгородского посада длился пять-шесть недель. В действительности первые четыре недели царь занят был судом на Городище. Не менее недели, как упоминалось выше, он ездил по монастырям и лишь за несколько дней до отъезда из Новгорода велел разгромить посад. Очевидно, в Новгороде опричники действовали совершенно так же, как и в Твери.

Опричники разграбили многочисленные торговые помещения и склады Новгорода и разорили новгородский торг.²⁰⁸ Все конфискованные у торговых людей деньги и наиболее ценные товары стали добычей казны. Часть товаров (привезенные из Европы и с Востока сукна, бархат и шелк) была роздана опричникам в виде награды.²⁰⁹ Но основную массу товаров в Новгороде составляли традиционные предметы новгородской торговли — воск, сало, лен.

По словам современников, к моменту разгрома на купеческих складах скопились примерно двадцатилетние запасы этих товаров, предназначенных для вывоза в Европу.²¹⁰ Они не представляли интереса для опричной казны —

их трудно было вывезти из города и еще труднее реализовать на внутреннем рынке. По этой причине опричники сваливали грубые товары кучами и жгли. Часть своих товаров новгородские купцы держали на складах в нарвском порту. Царь направил туда отряд в 500 человек. Опричники не тронули товаров, принадлежавших коренным жителям Нарвы и иностранным купцам, но разграбили находившиеся там новгородские товары.²¹¹ Бесчинства опричников в Нарве подробно описаны в брошюре, опубликованной в Германии в 1572 г. Немецкие купцы поддерживали регулярные сношения с Нарвой, и их информация, по-видимому, отличалась достоверностью. Согласно немецкой версии, в Нарву явилось 400 конных опричников. Они ограбили все русские дома и сожгли запасы соли, зерна и пр. Некоторые из товаров были утоплены в реке. Именитым купцам велено было внести в казну фантастическую сумму в 8000 руб., а также драгоценности (100 золотых чаш и кубков), пряности, дорогие ткани. Купцы не сумели собрать требуемого, тогда их взяли на правеж. Нарушив судебные порядки, опричники били палками не только мужчин, но и женщин. Некоторые люди умерли от побоев. В конце концов контрибуцию взыскали сполна. Ограблены были не только купцы, но и наместник Нарвы. Опричники увезли земского воеводу с собой.²¹² Царь ценил Нарву как центр заморской торговли, поэтому он приказал не трогать немецких купцов Нарвы и окрестных ливонских крестьян.

Новгородский посад стал жертвой дикого, бессмысленного погрома. Опричники грабили не только торги, но и жилища посадских людей. Они ломали ворота, выставляли окна в домах. «Были снесены все новые постройки,— свидетельствует участник погрома,— было иссечено все красивое: ворота, лестницы, окна».²¹³ Посадских людей, которые пытались противиться насилию, убивали на месте.²¹⁴

Особой свирепостью отличались действия против бедноты. Зимой 1570 г. новгородские города и деревни были охвачены страшным голодом. Множество отчаявшихся голодных людей искали спасения в Новгороде. Царь, решив вывести в нем бродяжничество, приказал выгнать за городские ворота всех нищих. Большая часть из них погибла от сильных морозов и голода. Несколько позже царь велел топить в реке тех неимущих и бродяг, которые были изобличены или подозревались в людоедстве.²¹⁵

Царские опричники погромили крупнейшие новгородские «пригороды» — древнюю Ладугу, Корелу, Орешек и Ивангород. Мелкие отряды опричников грабили поместья и деревни по всем новгородским пятинам. Предводителем одного из таких отрядов был Штаден. Из Слободы он выступил в поход на лошади и с двумя пешими слугами. В Новгороде опричник набрал себе много слуг из беглых холопов и бродяг. С этой шайкой он двинулся внутрь страны, грабя по пути монастыри, церкви, дворы состоятельных людей. Свой разбойный поход Штаден поспешил закончить, когда узнал о гибели опричников, побитых земскими дворянами. В Москву он вернулся с 49 лошадьми и 22 санями, груженными награбленным добром.²¹⁶

Следы «набега» опричников можно обнаружить даже в самых отдаленных уголках Новгородской земли.²¹⁷

Погром новгородских посадов и земель длился, по-видимому, несколько дней. 13 февраля царь вызвал в свой лагерь представителей новгородского посада «из всякой улицы по человеку» и объявил им прощение. Он сказал, что пролитая им кровь взыщется на изменнике Пимене и его злых советниках, просил жителей не скорбеть о прошедшем и объявил, что вверяет управление городом земскому боярину князю П. Д. Пронскому. Вслед за тем Грозный отпустил посадских людей «во свояси».²¹⁸

Опричные санкции против посадского населения Новгорода преследовали две основные цели. Первая состояла в том, чтобы пополнить пустующую опричную казну за счет ограбления богатой торгово-промышленной верхушки Новго-

рода. Другая цель заключалась в том, чтобы терроризировать посад, в особенности низшие слои городского населения. Грабежи и бесчинства опричников вызывали страх и возмущение в народе, и царь, помнивший о московском восстании 1547 г., желал предупредить самую возможность возмущения «черни». Помимо того, опричная дума не могла не знать об антимосковских настроениях коренного новгородского населения.

Вопреки общепринятому взгляду, разгром новгородского посада явился кратковременной акцией. Напротив, опричные санкции против новгородского духовенства носили устойчивый характер и продолжались не менее двух лет. «Прощение», объявленное горожанам, не распространялось на новгородское духовенство. Руководить репрессиями против духовенства стал после отъезда царя опричник К. Д. Поливанов.²¹⁹ Что касается архиепископа Пимена и его многочисленных вассалов, то все они были отосланы под стражей в Александровскую слободу и там заключены в тюрьму. По новгородской дороге в Москву потянулись длинные обозы с награбленным добром.

После окончания погрома царь приказал всем новгородским помещикам, служившим в опричнине, немедленно покинуть свои поместья. В «великое говино» 7078 г. в Водскую пятину привезли из Новгорода «заповедную грамоту и высылную... а велики опришных высылать из жемщины».²²⁰ Великое говенье приходилось в 1570 г. на неделю между 8 и 14 февраля, следовательно, приказ о высылке опричных помещиков был издан незадолго до отъезда царя из Новгорода. Подобная мера имела целью полностью отделить опричников от крамольного новгородского населения. Помимо всего прочего, царь опасался, что опричники-новгородцы осядут в своих поместьях и не примут участия в походе на Псков. Таково значение «заповедной грамоты» 1570 г., вызвавшей немало споров в литературе.²²¹

Из Новгорода опричная армия двинулась на Псков. Не позднее 19—20 февраля царь прибыл в Никольский монастырь на Любятине.²²² Перед городскими воротами его встретил псковский воевода князь Юрий Токмаков. Земский градоначальник не побоялся заступить за опальный люд. По словам современников, он поклонился царю до земли и с поднятыми вверх руками просил, чтобы государь пощадил псковичей, при этом клятвенно поручился, что они не виноваты ни в какой измене.²²³ Жители Пскова поспешили выразить царю полную покорность. Вдоль всех улиц, по которым должны были проехать Грозный и его свита, были расставлены столы с хлебом и солью. Глава псковского духовенства печорский игумен Корнилий, попы и монахи вышли навстречу опричнине с крестами и иконами.²²⁴ Царь не пощадил Пскова, но здесь опричные репрессии носили куда более умеренный характер, нежели в Новгороде. Псковские дворяне и приказные пострадали меньше новгородских. По синодику, опричники казнили здесь до 30—40 детей боярских, двух городских приказчиков и одного подьячего.²²⁵

В Пскове царь обратил всю свою ярость против местного духовенства. Особые подозрения Ивана вызывало руководство Псково-Печорского монастыря в лице игумена Корнилия и книжника Васьяна Муромцева. Многие годы Корнилий редактировал местный летописный свод, проникнутый резко выраженными антимосковскими настроениями. Тесную дружбу поддерживал с печорскими старцами князь Курбский. Он видел в них своих политических единомышленников и даже пытался толкнуть на открытый протест против опричных репрессий.

Антимосковские настроения и дружба с Курбским, инициатором литовских интриг в России, явились главной причиной подозрений Грозного против печорских старцев. По словам одного псковского летописца, игумен Корнилий был отправлен земным царем к небесному 20 февраля 1570 г.²²⁶ Вместе с Корнилием опричники казнили еще нескольких лиц. В синодике опальных псковские списки открываются следующей записью: «Изо Пскова Печерского монастыря

игумена архимарита Корниля, Бориса Хвостов, Третьяка Связев, Печерского ж монастыря старца Васьян инок Муромцев, Елену Неудачина теща, Дорофея Курцов инок». Васьян Муромцев был ближайшим помощником игумена Корнилия. Инок Дорофей Курцев служил за несколько лет до казни келарем в Троице-Сергиевом монастыре.²²⁷ Елена доводилась тещей наместнику новгородского архиепископа в Пскове Неудаче Цыплятеву.²²⁸ Цыплятевы происходили из одного рода с главным новгородским дьяком А. Безсоновым. Вместе с псковскими церковниками погиб Т. Связев, родня новгородского подьячего Антония Связева, оклеветавшего князя В. А. Старицкого.

Опричная казна наложила руку на сокровища псковских монастырей. Местные монахи были ограблены до нитки. У них отняли не только деньги, но также иконы и кресты, драгоценную церковную утварь и книги. Опричники сняли с соборов и увезли в Слободу колокола.²²⁹

По словам Шлихтинга, царь пощадил население Пскова, всю же ярость и жестокость обратил против черного духовенства.²³⁰ В самом деле, антицерковная направленность опричной политики была здесь наиболее четко выражена.

Грозный пробыл в Пскове очень недолго. Опричники, начавшие было грабить город, не успели довершить своего дела.²³¹ Во времена Грозного ходило немало легенд относительно внезапного прекращения псковского погрома. Участники его Г. Штаден, И. Таубе и Э. Крузе сообщают, что царь повстречал псковского юродивого Николу и тот посоветовал ему немедленно покинуть Псков во избежание большего несчастья.²³²

В средневековом обществе юродивые и шуты нередко выполняли функции социальных критиков и пророков. Если верить немецкой брошюре 1572 г., Иван сам посетил Николу в его жилище, чтобы услышать предсказания насчет будущего. Юродивый принял царя достойным образом и пригласил в жилище. Угощая гостя овсяной кашей и хлебом, Никола изрек: «Хватит мучать людей, уезжай в Москву, иначе лошадь, на которой ты приехал, не повезет тебя обратно».²³³ Известие о пророчестве юродивого попало на страницы псковской летописи. Блаженный поучал царя Ивана «много ужасными словесы еже престати от веляя кровопролития и не дерзнути еже грабити святыя Божия церкви». Иван, не послушавшись юродивого, велел снять колокола с Троицкого собора. В тот же час пал лучший царский конь. Пророчества Николы стали сбываться, и царь в ужасе бежал из города.²³⁴

Полоумный псковский юродивый оказался одним из немногих людей, осмелившихся перечить царю. Весьма возможно, что его пророчества ускорили отъезд опричников из Пскова: царь Иван был подвержен всем суевериям своего времени. Но вмешательство Николы нисколько не помешало антицерковным мероприятиям опричины. Царь покинул Псков не раньше, чем ограбил духовенство.

Псковский посад избежал погрома не вследствие вмешательства юродивого, а по причинам совсем другого свойства. Незадолго до опричного похода власти выселили из Пскова и сослали в разные города несколько сот семей, заподозренных в измене. Как только сыскное ведомство в Александровской слободе приступило к расследованию «заговора» Владимира Андреевича, Грозный велел доставить из городов псковских заговорщиков. В черновиках описи архива 1626 г. упоминались «наказы черные дворяном, как посыланы с Москвы в Слободу и по городом за псковичи... и извет про пскович, про всяких людей, что они ссылались с литовским королем Жигимонтом...».²³⁵ Псковичи стали жертвой «извета» — доноса. В дни похода на Новгород опричники перебили многих опальных псковичей под Тверью и в Торжке. Царя вполне удовлетворила эта резня, и только потому он пощадил остальных жителей Пскова.

Из этого города царь уехал в Старицу, где произвел смотр опричной армии, а оттуда отправился в Слободу. Карательный поход на Новгород и Псков был окончен.

В истории кровавых «подвигов» опричнины новгородский погром стал самым отвратительным эпизодом. Бесмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда сделали самое понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

Приведенные факты позволяют опровергнуть точку зрения, согласно которой новгородский разгром был связан с объективной необходимостью ликвидации пережитков феодальной раздробленности в Новгороде.

Подлинными «героями» грандиозного политического процесса, известного под названием новгородского изменного дела, были выходцы из старомосковской знати (Данилов, Вольнский, Бутурлин), новгородские помещики, приказные люди. Они принадлежали к тем социальным слоям и группам, считать которые носителями традиций раздробленности не представляется возможным.

Суд над Старицким и архиепископом Пименом вызвал серьезные разногласия в опричной думе. «Новгородское дело» встревожило тех деятелей опричнины, которые не утратили способности сообразовывать свои действия, помимо соображений карьеры, также и со здравым смыслом. Бесмысленность обвинений, выдвинутых против одного из наиболее авторитетных руководителей церкви Пимена, была очевидна. Среди прочих деятелей церкви Пимен выделялся своей неизменной лояльностью к опричному правительству и преданностью царю. Опальный архиепископ всегда поддерживал дружеские отношения с руководителями опричнины Басмановыми и Вяземским.

Более дальновидные члены опричной думы имели основания опасаться, что расправа с Пименом приведет к новым осложнениям во взаимоотношениях между правительством и церковью. Они не могли забыть кризиса, вызванного «делом» Филиппа, и боялись, что расправа с Пименом усилит непопулярность опричной политики и скомпрометирует опричное руководство. Помимо всего прочего, они опасались и за собственную безопасность, ничем не гарантированную в условиях массовых репрессий. Террор был вызван ими самими, но теперь он все больше выходил из-под их контроля.

Некоторые из руководителей опричной думы пытались помешать расправе с Пименом. Оружничий князь Афанасий Вяземский тайно предупредил Пимена о грозившей ему опасности.²³⁶ Судя по всему, архиепископ и новгородцы ждали царя и готовились к встрече его летом 1569 г. В Новгородской летописи церковного происхождения после маловажной записи от 9 июня 1569 г. следовала роспись «корму царю и государю великому князю», «коли с Москвы поедеть в Великий Новгород, в свою отчину». Царский корм включал 10 коров, 100 баранов, 5 пудов масла, на поварню 200 телег дров, для конского корму 600 телег сена и 600 четвертей овса.²³⁷ Подробнейшая роспись царского корма едва ли могла попасть в летопись, не будь в том практической надобности.

Будучи временщиком, Вяземский не осмелился открыто возражать против решения царя о разгроме Новгорода. Но в опричном правительстве находились люди и значительно более независимые в своих суждениях и поступках, чье влияние основывалось на выдающихся заслугах, знатности и богатстве. В числе их был боярин А. Д. Басманов, один из самых видных воевод своего времени. Неизвестно, предпринимал ли он какие-нибудь шаги, чтобы предотвратить расправу с Пименом, или же проявил недостаточное рвение при разоблачении «измены». Так или иначе, карьера Басмановых оборвалась накануне новгородского разгрома. Первые признаки надвигающейся царской опалы на Плещеевых относятся к зиме 1568/69 г. В кратком синодике опальных среди других видных воевод записан Г. Плещеев.²³⁸ Судя по приказному списку синодика, он погиб незадолго до розыска об изборской измене в 1569 г., и родство с главой опричного правительства А. Д. Басмановым его не спасло. С весны 1569 г. любимец Грозного кравчий Ф. А. Басманов был отослан с опричными отрядами в Калугу для отражения возможного нападения крымцев. Ему были подчинены опричные

воеводы окольных В. И. Умой и боярин З. И. Очин. Первым симптомом падения былого влияния Плещеевых стала попытка воеводы князя А. П. Телятевского «посчитаться» местами с Федором Басмановым. Спор не был разрешен, поскольку Телятевский скоропостижно умер. Но уже в августе 1569 г. кравчий был отозван из армии в Москву. Никаких новых назначений он не получил.²³⁹

В ходе новгородской экспедиции опричники казнили нескольких дворян Плещеевых, а также слуг Басманова, что было дурным знаком. После завершения похода А. Д. Басманов был объявлен главным сообщником Пимена.²⁴⁰

Не вызывает сомнения, что падение Басмановых явилось следствием интриг со стороны руководителей сыского ведомства опричнины В. Г. Грязного и М. Л. Скуратова-Бельского, выступивших главными инициаторами расправы над Старицким.

Малюта Скуратов получил думный чин и вошел в опричное правительство после разгрома вотчин Федорова и «разоблачения» новгородской измены. Но в местнических счетах он еще в 1570 г. уступал всем прочим думным дворянам, включая Грязного.²⁴¹

В. Г. Грязной происходил из дворянского рода Ильиных. Члены его семьи издавна служили ростовским епископам. Одно время В. Г. Грязной подвизался на службе у удельных князей Старицких. По словам царя, он был «мало что не в охотниках с собаками» у старицкого боярина князя Ю. И. Пенинского-Оболенского.²⁴² После роспуска старицкого двора Грязной перешел на царскую службу и был принят в опричину, где вскоре выслужил чин головы в царском полку.²⁴³ Неумомимый собутыльник и веселый балагур, он быстро завоевал расположение царя.²⁴⁴ Но подлинного успеха новый фаворит достиг в период розыска о «новгородской измене». Ни один опричник не проявил столько усердия в разоблачении «заговора» Старицких, сколько вчерашний старицкий вассал. Именно он исполнял роль судьи и следователя во время судебного «разбирательства» на Богане. В разгроме Новгорода Василий Грязной и его родня приняли самое непосредственное участие. Троюродному брату Василия Ошанину царь поручил доставить в Москву опального Пимена. В государственном архиве хранилась наказная «память» «Федору Ошанину, как ему вести к Москве новгородского архиепископа Пимена».²⁴⁵ Спальник Г. Грязной тогда же отконвоировал в Москву арестованных шведских послов.²⁴⁶

Чудовищный новгородский процесс явился делом авантюристских элементов опричной думы, руководствовавшихся узкокорыстными, карьеристскими соображениями. Раскрытие «измены» позволило этим элементам устранить старых и наиболее авторитетных вождей опричнины Басмановых и захватить руководство опричным правительством.

Одной из пружин новгородского «дела» были корыстные расчеты опричной казны. Непрерывавшаяся война, содержание опричного корпуса и дорогостоящее опричное строительство требовали от правительства чрезвычайных расходов. Между тем государственная казна была пуста. Податные поступления упали во много раз из-за неурожая и голода, поразившего страну в конце 60-х гг. Испытывая сильную финансовую нужду, правительство все чаще обращало свои взоры в сторону обладателя самых крупных денежных богатств — церкви.

Опричнина не осмелилась использовать низложение Ф. Колычева для секуляризации богатств митрополичьего дома. Но суд над митрополитом нанес сильнейший удар по престижу и влиянию церкви. Этим обстоятельством и воспользовалось опричное руководство, решившее наложить руку на ее богатства. Сфабрикованное в опричнине новгородское «изменное» дело послужило удобным предлогом для ограбления новгородско-псковского архиепископства.

Секуляризация монастырских и церковных сокровищ явилась едва ли не главным содержанием опричного похода на Тверь, Новгород и Псков.²⁴⁷ «Государев разгром» надолго подорвал влияние и могущество крупнейшей в

Таблица 1

Разорение новгородского посада в 1560—1573 гг.

Выход дворов из тягла	1560	1561	1562	1563	1564	1565	1566	1567	1568	1569	1570	1571	1572	1573
I. Софийская сторона														
Всего	3	8	54	34	18	26	62	161	25	66	190	240	107	55
В том числе вследствие:														
смерти владельца	3	8	50(1)	33(2)	16	23	62(39)	159(50)	22	61	141(2*)	222(117)	82	42
обнищания —	—	—	4	1	1	1	—	2	2	4	42	13	18	6
«сошли безвестно»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
переселения	—	—	—	—	1	2	—	—	1	1	5	3	6	5
в Москву и т. д.														
II. Торговая сторона														
Всего	—	—	14	—	1	3	1	12	3	12	26**	19	83	25
В том числе вследствие:														
смерти владельца	—	—	7	—	—	1	1	10(9)	3	8	17	19(19)	49	8
обнищания —	—	—	7	—	1	2	—	2	—	3	9	—	34	15
«сошли безвестно»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
переселения	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
в Москву и т. д.														

Пр и м е ч а н и я. В скобках указано число людей, умерших от морового поветрия; * — отмечены 2 случая смерти на посошной службе в государственной слободке; ** — помимо этого, 287 дворов взято под государев двор.

стране новгородско-псковской епархии. После низложения митрополита Филиппа и суда над архиепископом Пименом русская церковь надолго лишилась того влияния, которым она пользовалась ранее.

Благодаря секуляризации сокровищ новгородской церкви, а также ограблению посадского населения Твери, Новгорода и Пскова опричное правительство смогло разрешить свои финансовые затруднения и получить средства для продолжения дорогостоящих затей.

В 1570—1580-е гг. Новгород пришел в полный упадок. Сохранились писцовые книги Новгорода за 1581—1584 гг. с систематическими сведениями о времени и причинах запустения новгородского посада. О. Ф. Терешкевич, обработавший материалы названных писцовых книг, в итоге пришел к выводу, что опричный разгром имел временное значение и сам по себе не мог оказать решающего влияния на запустение новгородского посада.²⁴⁸ На основании тех же данных А. М. Гневушев заключил, что год опричного разгрома не выделяется среди других кризисных лет в истории Новгорода.²⁴⁹ В новой литературе А. А. Зимин пытался опровергнуть выводы А. М. Гневушева, опираясь на свидетельство Д. Горсея.

После погрома царь, по словам Д. Горсея, велел своим военачальникам силой тащить в Новгород жителей окрестных деревень и селить их в разоренном городе.²⁵⁰ Ссылаясь на этот рассказ, А. А. Зимин утверждает, что после погрома в Новгороде были поселены многие жители, и подчеркивает, что это — важное обстоятельство для определения числа жертв погрома.²⁵¹ Так ли это? Даже если принять на веру известие Горсея, то и тогда нельзя забывать, что распоряжения властей — это одно, а их реальные результаты — совсем другое. В 70-х гг. разорение посада прогрессировало из года в год, и к началу 80-х гг. Новгородский посад пришел в полный упадок. При таких условиях попытки заселить город не могли дать заметных результатов, даже если бы они предпринимались систематически. Но с 1571 г. власти начинают переводить жителей Новгорода в сожженную татарами Москву. Опираясь на данные Горсея, А. А. Зимин заключил, что заселение Новгорода стирало следы погрома, а значит «сведения писцовых книг 1583 г. недостаточны для определения степени разорения Новгорода после похода 1570 г.»²⁵²

Материал писцовых книг Новгорода 80-х гг. требует критического к себе отношения. Содержащиеся в них сведения за 60-е гг. менее полны. Число и достоверность их возрастают по мере приближения к концу 70-х гг. Нет сомнения, что часть запустевших посадских дворов Новгорода была после погрома вновь заселена. Подобное обстоятельство искажает общую картину, но не столь значительно, как кажется на первый взгляд. Чем больший масштаб имели бедствия, тем глубже были следы в позднейших описях, хотя со временем эти следы несколько стирались.

Рядом мы приводим подробную таблицу, составленную по данным О. Ф. Терешкевич (табл. 1). Приведенные в ней данные свидетельствуют о том, что самым тяжелым бедствием для жителей Новгорода были эпидемии чумы в 1566—1567 и 1570—1571 гг.²⁵³ Первая эпидемия («поветрие») началась в Шелонской пятине в июле 1566 г., а затем распространилась по всем западным уездам страны. В сентябре 1566 г. Пимен известил царя, что от лихого поветрия «многие люди умирают знамением» на «штинадцати» улицах Новгорода. Эпидемия стихла только в мае 1567 г.²⁵⁴ Вторично чума посетила Новгород в 1570—1571 гг.

Согласно писцовым книгам, от чумы и по другим причинам только на Софийской стороне запустел 161 тяглый двор в 1567 г., 190 дворов в 1570 г. и 240 дворов в 1571 г. Одной из причин разорения сотен посадских дворов (на обеих сторонах Новгорода) в 1570 г. явился опричный погром. Еще больший ущерб населению нанес голод. Предыдущий год оказался неурожайным не только в Новго-

Таблица 2

Разорение черносошных крестьян Кирьяжского погоста

Община или перева	Количество наделов, вышедших из тяглы																				
	с 1523 до 1.09.1566 г.						до 1.09.1567 г.			до 1.09.1568 г.			до 1.09.1569 г.			до 1.09.1570 г.			до 23.03.1571 г.		
	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III	I	II	III
Кирьяжская	22	1	1	26	15	6	15	5	2	14	8	4	24	11	10	29	19	2			
Сорольская	31	8	8	37	27	7	22	17	2	3	—	—	95	60	18	43	24	15			
Казимировская	6	—	—	15	14	1	1	1	—	—	—	—	15	12	—	6	4	1			
Очелажская	10	1	1	17	10	3	15	9	4	2	1	1	44	36	7	48	33	13			
Островская	1	—	1	5	4	1	1	1	—	—	—	—	15	10	5	3	3	—			
Кюлажская	—	—	—	26	18	8	22	14	6	6	3	3	37	22	8	20	15	4			
Кокольская	52	12	16	23	13	5	19	11	1	—	—	—	52	25	11	60	34	11			
Петкольская	—	—	—	8	2	4	2	2	—	—	—	—	29	19	7	20	16	3			
Кевалажская	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	—	19	14	2	2	2	—			
Сосковская	15	—	1	42	24	8	12	7	5	—	—	—	33	28	14	66	40	25			
Всего . . .	137	22	28	199	127	43	109	67	20	27	14	8	363	237	82	297	190	74			

Примечание I — общее количество наделов, подвергшихся разорению, включая разорение вследствие смерти от голода и чумы (II) и вследствие бегства крестьян (III).

роде, но и в московских городах. По летописям, «недород был великой... рожь обратилась травю мялицею и бысть глад велий».²⁵⁵ Вследствие неурожая цены на рожь в Москве, Твери и других городах поднялись к зиме в 5—10 раз против обычных. Для Новгородской земли плохой урожай и невозможность подвезти хлеб из Москвы имели катастрофические последствия. Опричники явились в Новгород в разгар страшного голода. Доведенные до отчаяния горожане крали в глухие зимние ночи тела убитых людей и питались ими.²⁵⁶ Участники похода Таубе и Крузе передают многие подробности относительно страшного голода в Твери и Новгороде. «Один человек ел другого», «трупы выкапывались из могил и съедались», «в общем тяжело говорить о том бедствии и горе, которое мы видели своими глазами». По свидетельству тех же авторов, в Твери от голода умерло втрое больше людей, чем погибло от опричнины.²⁵⁷ То же самое наблюдалось и в Новгороде.

Ущерб, нанесенный Новгороду голодом и чумой в 1570—1571 гг., далеко превосходил последствия опричного разгрома. Об этом свидетельствуют многочисленные описания; дозоры и обыски Новгородских земель 70-х гг.

Сохранилась обыскная книга Деревской пятины 1572—1573 гг., в которой учтены все пустые селения и обжи с указанием времени и причин запустения. На основании ее авторы «Аграрной истории Северо-Запада России XVI века» установили, что процесс запустения деревских земель резко ускорился в период опричнины.²⁵⁸

	1562 г.	1566 г.	1567 г.	1568 г.	1569 г.	1570 г.	1571 г.
Количество запустевших обож	280	953	1106	1090	1453	1981	229
В том числе «от опричнины»	22	221	328	259	202	438	1

Через северо-восточные погосты Деревской пятины пролегалась Большая московская дорога, по которой опричники прошли в 1570 г. к Новгороду. Кажется бы, в названных погостах опричное нашествие должно было оставить наиболее глубокие следы. На самом деле всего более пострадали в 1570 г. юго-западные погосты, тогда как на северо-востоке от опричников запустело всего 46 обож. Авторы «Аграрной истории» сочли это невероятным и предположили, что в северо-восточных погостах жители не смели упоминать об опричнине.²⁵⁹ Дозорщики составляли книги на основании показаний сотен старожильцев — попов, помещиков, крестьян — людей весьма различных по своему положению, темпераменту и пр. Поэтому предположение, будто на северо-востоке все они боялись, а на юго-западе не боялись говорить об опричнине, кажется сомнительным.

Обыскные книги десяти общин Кирьяжского погоста под Корелой, составленные в марте 1571 г., подтверждают достоверность данных по Деревской пятине. Кирьяжский погост, заселенный в основном черносошными крестьянами, принадлежал к числу крупнейших погостов Новгородской земли. Описание кирьяжских общин уникально по количеству и точности собранных сведений. Местные общинные власти и духовенство сообщили дозорщикам исключительно подробные сведения о причинах и времени запустения общинных земель. Данные эти сведены нами в табл. 2.

Дозорщики установили, что за 40 лет, с 1523 по 1566 г., в Кирьяжском погосте запустели 187 крестьянских наделов (луков), тогда как за последние 4 года — с 1 сентября 1566 до 23 марта 1571 г. крестьяне покинули 995 наделов. Ко времени дозора во всем обширном погосте «в живущем» оставался 51 надел, тогда как 95% крестьянской пашни запустело. Наибольшие запустения отмечены под 1567, 1570 и 1571 гг. В эти годы умерло 554 владельца тяглых участков и разбежалось еще 199 тяглецов. Как правило, писцы без дальних слов кратко сообщают о смерти крестьян, не называя причины.²⁶⁰ Но выше мы отметили, что

именно в 1567 и 1570—1571 гг. в Новгородской земле свирепствовали чума и голод. Из «сказок» населения следует, что одной из главных причин начавшегося «великого разорения» были непомерные подати. Крестьяне массами покидали свои деревни и разбегались безвестно «от царевых податей». Жилец «от царевых податей осиротел, под окна волочитца», — записывали дозорщики; жильцы «сбежали безвестно от голоду»; крестьянин «одолжал и безвестно сбежал от царевых податей».²⁶¹

Дворцовое ведомство и казна не желали считаться с бедственным положением черносошных крестьян и любой ценой стремились выколотить из них подати. Сборщики реквизировали у крестьян хлеб и имущество, распродавали их дворы и т. д.²⁶² С исключительной свирепостью действовал в Кирьяжском погосте праветчик царских оброков Д. Фатьянов, взыскивавший с голодающих крестьян посопный хлеб. Одного крестьянина он забил насмерть и многих пустил по миру.²⁶³

В дни новгородского погрома через Кирьяжский погост прошел опричный отряд, направлявшийся в Корелу. Из десяти общин погоста только три вовсе не пострадали от опричников. В семи общинах они убили 18 тяглых крестьян и многих ограбили.²⁶⁴ Крестьяне (из 12 дворов) и крестьянские дети-«сироты» (из 11 дворов) бежали из погоста от опричных насилий и грабежа. На общем фоне упадка и разорения кирьяжских общин влияние опричного разгрома было все же незначительным даже в пределах одного 1570 г. За этот год всего разорилось 363 крестьянских надела, из них опричниками было разорено 33 надела.

Опричный разгром не затронул и не мог затронуть всей толщи сельского населения Новгородско-Псковской земли.

Репрессии не были главной причиной крестьянского разорения на новгородских землях даже в 1570 г. Более страшным бичом для крестьян были голод, эпидемии и в особенности непосильный фискальный гнет.

На современников опричный разгром произвел ошеломляющее впечатление, и они писали о гибели десятков и сотен тысяч людей. В поздних мемуарах англичанина Джерома Горсея можно найти сведения о том, что царь погубил в Новгороде 700 тыс. человек. Один из псковских летописцев привел цифру в 60 тыс. жертв. Курбский, причастный к новгородской интриге, располагал более надежными источниками информации. Но ради обличения царя он готов был поступиться истиной. По его словам, опричники утопили Пимена и только за один день перебили 15 тыс. человек. Более осторожен в своих выводах итальянский дипломат Джерио, который, будучи в Москве, записал слух об избииении 18 тыс. новгородцев.²⁶⁵

Известный исследователь новгородской истории А. Г. Ильинский, опираясь на данные новгородской летописи, подсчитал, что в погроме погибло не менее 40 тыс. человек.²⁶⁶ А. А. Зимин полагает, что подобный вывод едва ли сильно преувеличен, соглашаясь с мнением А. Г. Ильинского.²⁶⁷

При ближайшем рассмотрении аргументация А. Г. Ильинского не выдерживает критики. В основе его расчетов лежит сообщение «Повести о приходе царя Ивана в Новгород». Автор «Повести» подробно описывает казни опричнины и замечает, что «таково горе и мука бысть... яко на пять недель и боле, по вся дни в воду вметаша... человек до 1000 на день», 1500 или 500—600 человек.²⁶⁸ Помножив приведенные цифры на 35 (пять недель погрома), А. Г. Ильинский получает цифру в 40 тыс. Но, как показано выше, разгром посада в Новгороде продолжался не пять, а одну-две недели. При этом совершенно очевидно, что автор «Повести» оперировал не точными, а весьма примерными цифрами (1000, 1500 и пр.). В недавно изданной книге В. Б. Кобрин предпринял попытку заново рассмотреть вопрос о масштабах репрессий в Новгороде, опираясь на следующее летописное известие: в 1570 г. «сентября в 24, в неделю, за городом у Рожества Христова на поле, всем Новымгородом, всеми семи соборы, отпевали умерших над скудельницею и загребли скудельницу, а душ в той

скудельницы 10 тысяч, а тут был на провоженьи Иван Жьгальцо, нищий старец, которой тех в скудельницах погребает».²⁶⁹ В. Б. Кобрин комментирует это известие следующим образом: в тот день в Новгороде «состоялось торжественное отпевание жертв, похороненных в одной большой братской могиле («скудельнице»); могилу вскрыли и посчитали тела; их оказалось 10 тысяч». Без ссылок на источники В. Б. Кобрин пишет, что были и другие места погребения погибших. Это дало основание для заключения: «10—15 тысяч жертв остается наиболее вероятной цифрой».²⁷⁰ С зимы и до осени 1570 г. население Новгорода косила голодная смерть и чума. Этот факт отнимает почву у предположения, будто в сентябре в «скудельнице» лежали одни погибшие от опричников люди и никто более. И уж вовсе непонятно, зачем Новгороду понадобилось вскрывать могилу, извлекать 10 тыс. тел и пересчитывать их. Такая операция сопряжена была с огромным трудом, а главное, с совершенно неоправданным риском возобновления эпидемии.

Новгородские летописцы многократно употребляли слово «скудельница». В одном случае они упомянули, как новгородцы «накидаша скудельницу» на Прусской улице, в другом — как «наметаша мертвых 3 скудельницы — одну у святей Софии, а две — у Рожества на поле».²⁷¹ Невозможно представить, чтобы горожане устраивали братские могилы посреди улицы, перед главным храмом. Отсюда следует, что скудельницами называли не братские могилы, а особо устроенные места, куда в дни мора свозили со всей округи мертвые тела. При первой же возможности (когда оттаивала земля, если дело было зимой, и пр.) их отпевали всех разом и предавали земле на кладбищах. Держать в скудельнице тела убитых в течение весны и лета до конца сентября было невысказано. В скудельницы «метали» большей частью «меньших» и пришлых людей, о погребении которых некому было позаботиться. Счет их был весьма примерным. Когда в сентябре скудельницу у Рождественского монастыря «загребли», единственным «официальным» лицом «на провоженьи» мертвых был нищий старец Жигальцо. Едва ли он имел возможность даже примерно исчислить тела, закопанные на его глазах в землю. Таким образом, летописная цифра носила самый приблизительный характер. Главное же, она едва ли имела прямое отношение к опричным репрессиям.

Самым надежным источником для определения масштабов репрессий остается синодик опальных, составленный на основе подлинных документов опричного архива, отчетов опричных судей и палачей. В текст синодика включено донесение М. Скуратова о казни в Новгороде 1505 безымянных опальных. В. Б. Кобрин считает, что Скуратов не был главным распорядителем новгородского погрома и «маловероятно, чтобы в присутствии самого царя и его сына карательными акциями распоряжался только или хотя бы главным образом Малюта. Если это так, то 1505 человек — это цифра из отчета только одного из нескольких карательных отрядов».²⁷² Скуратов занимал особое место в опричной иерархии. Он руководил сыскным ведомством, расследовавшим заговоры и проводившим казни. Представленная им «сказка» была отчетом этого ведомства, а вовсе не «одного из отрядов». Приведенные выше факты доказывают, что Малюта руководил репрессиями на протяжении всей экспедиции. В Твери он собственноручно удушил Филиппа, в Торжке участвовал в избивании пленных татар и пр. Опричные документы подчеркивали роль Малюты в разгроме, именуя поход «новгородской посылкой Малюты». По окончании экспедиции обер-палач составил следующий отчет о произведенных им казнях: «По Малютине скаске в ноугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек, ис пищалей отделано 15 человек». Цифра, приведенная в донесении Скуратова, дает, пожалуй, наиболее верное представление о масштабах репрессий во время новгородского похода. Как главный руководитель погрома, Малюта располагал самыми точными сведениями насчет жертв террора. Вместе с тем он не имел причин преуменьшать значение своих «подвигов». В среде опричников жесто-

кость служила лучшим доказательством преданности царю, а милосердие к изменникам наказывалось как предательство.

В «сказке» Малюты фигурируют безымянные опальные. Кроме этих жертв массовых расправ в синодик записаны сотни лиц, названных по именам. Их казни предшествовала какая-то судебная процедура. Некоторых пытали и убивали в присутствии царя, что несколько не принижает роли Скуратова и его подручных (пыточных мастеров и пр.). Суммируя все эти данные, можно заключить, что во время погрома погибли 2170—2180 человек, помянутых в синодике. Эти данные нельзя считать полными, поскольку многие опричники грабили и убивали на свой страх и риск. Однако число их жертв было невелико по сравнению с количеством жертв организованных массовых убийств.

Среди опальных, показанных в «сказке» Скуратова безымянно, было немало пленников. Подтверждением тому служит следующий пример. В Торжке Скуратов велел рубить головы пленным татарам, сидевшим в местной тюрьме. Татары отчаянно сопротивлялись и ранили ножом самого Малюту. Смелые в расправах с безоружным населением, опричники отступили перед татарами. Малюта просил царя срочно прислать ему в подкрепление опричных стрельцов. Прибывшие к тюрьме стрельцы перестреляли большинство из 19 находившихся там татар.²⁷³ Это едва ли не единственный случай, когда подручные Скуратова прибегли к огнестрельному оружию. В «сказке» Малюты данный эпизод отмечен в виде записи: «ис пищалей отделано 15 человек».

Кроме татар жертвами опричников стали ливонские немцы и литовцы, которых считали сообщниками новгородцев и подозревали в тайных сношениях с Литвой. После занятия Полоцка в 1563 г. воеводы получили от царя следующий наказ: «...а будет в которых людях приметят шатость и тех людей, не вдруг за тея дела, ссылати во Псков и в Новгород... а из Новгорода ссылати их к Москве».²⁷⁴ Следуя этому наказу, воеводы выслали в Новгородско-Псковскую землю сотни жителей Полоцка. Опричные дипломаты Таубе и Крузе знали, что полочан ссылали не только в Новгород, но и в Тверь. Там многие из них жили в тюрьмах и «более ста в домах».²⁷⁵ Шлихтинг передает, что только в Твери и Торжке опричники истребили якобы до 500 полочан.²⁷⁶

В массе перебитые Малютой люди были жителями Тверской и Новгородской земель.²⁷⁷ В основном они принадлежали к низам.²⁷⁸

Данные синодика подлежат проверке путем сопоставления с другими источниками. Одним из самых осведомленных мемуаристов опричины был А. Шлихтинг. В доме его господина лейб-медика А. Лензея несколько дней скрывался А. Вяземский, один из руководителей карательного похода на Новгород, попавший в опалу тотчас по возвращении в Москву. По Шлихтингу, опричники перебили примерно 2770 человек.²⁷⁹ Выше мы имели случай отметить, что немец в своем главном произведении — «Сказаниях» очень часто произвольно интерпретирует и тенденциозно обрабатывает хорошо известные ему факты. Так, он знал о казни в Новгороде 2770 человек, но в памфлете заявляет, что это были только «именитые люди». Новгородское простонародье, утверждает далее Шлихтинг, опричники будто бы уничтожили «до полного истребления», город сравнивал с землей. Критика подобных наивных фальсификаций не требует большого труда. В целом же эти данные о жертвах новгородского погрома (если отвлечься от их полемической формы) наиболее близки к действительности.

Сведения Шлихтинга несколько расходились с показаниями синодика, что имеет свое объяснение. Со слов начальных людей опричины немец знал, что «новгородское дело» служило прямым продолжением дела Федорова о заговоре в пользу Старицких. Следовательно, приведенное им число 2770 включало всех лиц, казненных со времени раскрытия «заговора» в 1567 г. С учетом указанной поправки данные Шлихтинга полностью совпадают с показанием синодика. В ходе судебного процесса по делу об измене Старицких с 1567 г. и до

разгрома Новгорода в 1570 г. погибло до 2700—2800 человек, записанных в синодик.

Население Новгородско-Псковской земли, по самым примерным данным, превышало 1,5 млн человек.²⁸⁰ Основную его массу составляли крестьяне. Среди жертв опричнины крестьян было сравнительно немного. В самом Новгороде Великом в пору его расцвета проживало не более 25—30 тыс. человек.²⁸¹ Свыше половины погибших при разгроме приходилось на долю посадского населения. Таким образом, опричники нанесли огромный ущерб северо-западным городам, которые принадлежали к числу крупнейших экономических и культурных центров России. Местное торгово-промышленное население было ограблено до нитки, а торговля Новгорода и Пскова со странами Западной Европы надолго подорвана.

В отличие от антицерковных мер санкции опричнины против посадских людей и крестьян носили кратковременный, скоротечный характер. Их целью было скорее устрашение, чем истребление населения.

Разорение Новгородской земли началось задолго до разгрома. Опричный погром усугубил бедствие, но сам по себе он не был главной причиной экономического упадка Новгорода.

¹ Сб. РИО. Т. 129. С. 197 и др.

² Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 48. См. также: С. 45.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Там же. С. 22, 67—69.

⁶ «Опасные грамоты» на послов были высланы в Литву в декабре 1568 г. (см.: Сб. РИО. Т. 71. С. 582).

⁷ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 261; Сб. РИО. Т. 71. С. 584—585; Штаден. Записки. С. 94; Дневник А. Полубенского//Труды X Археологического съезда в Риге. 1896. Т. 3. С. 136.

⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 585.

⁹ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л., 1948. С. 23, 32.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 589—590.

¹¹ Подробнее см.: Садиков П. А. Поход турок и татар на Астрахань в 1569 году//ИЗ. 1947. Т. 22; Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война 1569 года. Саратов, 1962.

¹² Новосельский А. А. Борьба... С. 24—28; Кушева Е. Н. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552—1572 гг.//ИЗ. 1950. Т. 34. С. 281—282.

¹³ Подробнее см.: Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. 1. С. 108—115.

¹⁴ Разряды. Л. 349 об., 352—352 об.; Сб. РИО. Т. 71. С. 605.

¹⁵ Донесение А. Тарановского//Зап. Одесского о-ва истории и древностей Российских. Одесса, 1872. Т. 8. С. 479—488.

¹⁶ Бурдей Г. Д. Русско-турецкая война... С. 39.

¹⁷ Садиков П. А. Поход турок и татар... С. 140; Лурье Я. С. Донесения агента императора Максимилиана III аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г.//АЕ за 1957 г. 1958. С. 458.

¹⁸ О битве на Переволоке ничего не сообщает также и московский посол в Турции А. Новосильцев (Садиков П. А. Поход турок и татар... С. 153—159, 164—165).

¹⁹ «Из Астрахани деи з города учали по их (турок. — Р. С.) шатром бити из пушек, и стали деи пушки ходити далеко...» (см.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1964. С. 83).

²⁰ Платонов. Очерки. С. 134; Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1940. Вып. 7—8. С. 133; Садиков. Очерки. С. 190.

²¹ Веселовский. Исследования. С. 172.

²² Зимин А. А. Земельная политика в годы опричнины: (1565—1572 гг.)//ВИ. 1962. № 12. С. 72—73; Зимин. Опричнина. С. 329—331.

²³ Послание Таубе и Крузе. С. 36.

²⁴ ТКДТ. С. 56—58, 67—68, 138—141; Садиков. Очерки. С. 199—203.

²⁵ В марте-июне 1571 г. небольшой переяславский монастырек (Махрищский) получил от царя иммунитетные грамоты на свои владения в Переяславле, в Великой Слободе. Грамоты подписал главный опричный дьяк Петр Григорьев (см.: Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в.//АЕ за 1960 г. 1962. С. 175).

- ²⁶ Переяславский уезд относился к числу уездов средней величины. Накануне опричнины он мог выставить в поле 258 дворян и детей боярских (см.: Разряд Полоцкого похода царя Ивана Васильевича в 1562—1563 гг.//Витебская старина. С. 3—38).
- ²⁷ Садилов. 1) Из истории опричнины. С. 240—242, 264—265; 2) Очерки. С. 166—167; см. также: Зимин. Опричнина. С. 330.
- ²⁸ Сухотин Л. М. К вопросу об опричнине//ЖМНП. 1911. Ноябрь. Ч. 36. С. 63—64.
- ²⁹ Садилов. Очерки. С. 160.
- ³⁰ Веселовский С. Б. Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году//ВИ. 1946. № 1. С. 91.
- ³¹ Кобрин В. Б. К вопросу о времени включения в опричнину Ярославского уезда//Краеведческие записки Гос. Ярославо-Ростовского музея. Ярославль, 1960. Вып. 4. С. 94—96.
- ³² Зимин. Опричнина. С. 316—321.
- ³³ Сухотин Л. М. 1) К вопросу об опричнине... С. 57; 2) Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе: 1610—1611 гг.//Чтения ОИДР. 1911. Кн. 4. С. 30—31.
- ³⁴ ГПБ. ОР. Кир.-Бел., № 65/1142. Л. 178; Анхимюк Ю. В. К вопросу о времени взятия в опричнину Ростова и Ярославля//Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990. С. 24—25.
- ^{34^a} Зимин. Опричнина. С. 334—335. О включении Белоозера в опричнину сообщают Таубе и Крузе (см.: Послание Таубе и Крузе. С. 36). Около 1570 (7078) г. правительство конфисковало вотчины у некоторых белозерских вотчинников и выслало их в земщину. Среди них были С. В. и Н. В. Ергольские, А. И. Бурухин (см.: Садилов. Очерки. С. 174—175). Опричное управление установилось не на всей территории Белозерского уезда (ААЭ. Т. 1. № 281; см. также: Зимин А. А. Земельная политика... С. 77).
- ³⁵ Согласно документальным данным, царь Иван «в 77-м году велел... взяти Симонов монастырь со всею вотчиною в свою опричнину» (см.: Садилов. Из истории опричнины. С. 232). Монастырь попал в опричнину около января-февраля 1569 г. (Садилов. Очерки. С. 102).
- ³⁶ Подробнее о Слободе см.: Стромиллов Н. С. Александровская слобода//Чтения ОИДР. 1883. Кн. 2. Отд. VI. С. 1—118; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 167, 170.
- ³⁷ Штаден. Записки. С. 89.
- ³⁸ К 7077 (1568—1569) г. царь Иван «Слободу устроил и нача в ней жити любезно» (Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI века//ИЗ. 1941. Т. 10. С. 93).
- ³⁹ Там же. С. 89. В начале 1570 г. царь приказал построить в Слободе каменную церковь (Штаден. Записки. С. 91, 145).
- ⁴⁰ Штаден. Записки. С. 67.
- ⁴¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 591.
- ⁴² Локк прибыл в Россию по приглашению царя в 1567—1568 гг.
- ⁴³ Сохранилось предание, будто Грозный при окончании Успенского собора зашел внутрь, но тут на голову ему упал кусок штукатурки и «повреди главу». Царь в гневе повелел разобрать церковь, правда, затем отменил приказ. Тем не менее собор многие годы оставался «не освящен» (ПСРЛ. Т. 37. С. 197).
- ⁴⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 39.
- ⁴⁵ ГИМ. ОР. Собр. Забелина. № 263. Л. 161 об.; Коланев А. И. Пинежский летописец XVII в.//Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 77.
- ⁴⁶ Казакова Н. А. Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде//ВИД. 1978. Т. 10. С. 205—206.
- ⁴⁷ ГИМ. ОР. Собр. Забелина. № 263. Л. 161 об.
- ⁴⁸ ТКДТ. С. 87; Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 263.
- ⁴⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 39.
- ⁵⁰ Штаден. Записки. С. 66.
- ⁵¹ Горсей. Путешествия. С. 100. Известно, что английские мастера работали на верфях в Вологде, а после завоевания Нарвы некоторые из них трудились вместе с датскими корабельными мастерами на нарвских верфях (*Altman L. I. Den ryska marknaden; 1500 talets baltiska politik, 1558—1595. Lund, 1944. P. 225—226*).
- ⁵² Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 48.
- ⁵³ Там же. С. 48, 66.
- ⁵⁴ Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря//ЗОРСА. Т. 1. С. 88—89.
- ⁵⁵ Там же. С. 62, 66.
- ⁵⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 605.
- ⁵⁷ Курбский. Сочинения. С. 285.
- ⁵⁸ Там же; Послание Таубе и Крузе. С. 41.
- ⁵⁹ По приказу царя, разрядные дьяки Щелкаловы в 7077 г. передали в Симонов монастырь 25 руб. на помин души В. В. Морозова (см.: Вкладная книга Симонова монастыря//ГПБ. ОР. Ф IV. № 348. Л. 31).
- ⁶⁰ Послание Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г.//Послания Ивана Грозного. С. 191. Царь писал, что в миру Хабаров вел монашескую жизнь: „Да коли был в миру — ино образы окладывати... да жити затворяся, да кельи ставити...“ (Там же. С. 191—192).
- ⁶¹ Титов А. А. Вкладные и кормовые книги. Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881. С. 22.

- ⁶² Вкладная книга Симонова монастыря. Л. 89—91.
- ⁶³ Курбский. Сочинения. С. 297.
- ⁶⁴ Вкладная книга Симонова монастыря. Л. 17.
- ⁶⁵ В 7079—7080 гг. сын боярина Ф. И. Хабаров отказал несколько сел и деревень в Троицу (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 89). Иоасаф Хабаров жил в ту пору в Троице. К началу 70-х гг. он перекочевал в Кириллов (Послания Ивана Грозного. С. 191—192).
- ⁶⁶ Курбский. Сочинения. С. 298.
- ⁶⁷ Сб. РИО. Т. 129. С. 136.
- ⁶⁸ Там же. С. 164.
- ⁶⁹ Там же. С. 197.
- ⁷⁰ Разряды. Л. 349 об.
- ⁷¹ Хофф. Тирания. Л. 15; Шлихтинг. Новое известие. С. 48. По рассказу Таубе и Крузе, повар открылся опричнику Федору Суме (Zupa), личность которого не поддается расшифровке.
- ⁷² Послания Таубе и Крузе. С. 45—46.
- ⁷³ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники... С. 92; ПСРЛ. Т. 34. С. 191.
- ⁷⁴ Соборный приговор 29 апреля 1572 г. // ААЭ. Т. 1. № 284. С. 329.
- ⁷⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники... С. 224—225.
- ⁷⁶ «И поезде (царь. — Р. С.) с Вологды к Москве, а по князя Володимера посла, а велел ему быти на ям на Богону и со княгинею и з детьми. И поиде с Москвы в Слободу и из Слободы, вооружаясь все, кобы на ратный...» (ПСРЛ. Т. 34. С. 191).
- ⁷⁷ Послания Таубе и Крузе. С. 46.
- ⁷⁸ Согласно документам Кирилло-Белозерского монастыря, князя В. А. Старицкого поминали 9 октября на его «преставление» (см.: ЗОРСА. Т. 1. С. 58).
- ⁷⁹ Данные о дне казни расходятся. В Кирилло-Белозерском монастыре старицу Евдокию поминали «на преставление ее» 11 октября (см.: ЗОРСА. Т. 1. С. 58). По сведениям В. Б. Гиришберга, на надгробии Старицкой помечена другая дата — 20 октября (см.: Гиришберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV—XVII вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Вып. 1. С. 60).
- ⁸⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 195.
- ⁸¹ Наказ русским послам был составлен через полгода после гибели Старицких (Сб. РИО. Т. 71. С. 777).
- ⁸² ДДГ. С. 480.
- ⁸³ Послания Таубе и Крузе. С. 45—46.
- ⁸⁴ Описи царского архива. С. 44.
- ⁸⁵ Я. Захаров представлял князя Владимира при размене Старицкого удела на Дмитров в 1566 г. (см.: ДДГ. С. 423). Он служил в уделе начиная с 1563 г. (см.: Разряды. Л. 163 об., 164 об., 238, 288).
- ⁸⁶ Чиркин издавна служил в Дмитрове (см.: ТКДТ. С. 129).
- ⁸⁷ В Дворовой тетради список дмитровцев начинается со Слизневых (см.: ТКДТ. С. 128).
- ⁸⁸ Сообщено Б. Н. Флорей. Из Заболоцких, служивших Старицкому в 50-х гг., отметим воеводу Ивана Угримова (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 215).
- ⁸⁹ С. Б. Веселовский отождествил последнего с С. В. Полуехтовым Бутурлиным (Веселовский С. Б. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Кн. 3. С. 268). Однако Полуехтов происходил из вяземских дворян, присутствовал на соборе 1566 г. и не имел отношения к делу. Возможно, что вместе со Старицким казни подвергся Степан Федорович Бутурлин, показанный в родословцах бездетным (Родословная книга. Ч. 1. С. 343). Он происходил из младшей ветви Бутурлиных и доводился двоюродным братом В. А. Бутурлину, казненному через несколько месяцев. Вместе с отцом и братьями он не был записан в Дворовую тетрадь, вероятно, ввиду службы Старицкому.
- ⁹⁰ О гибели Заболоцкого см.: Курбский. Сочинения. С. 303.
- ⁹¹ Зимин А. А. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма // Абсолютизм в России: (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 41, 45, 58.
- ⁹² Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 281—282.
- ⁹³ Царь Иван специально отметил этот факт при редактировании официальной летописи в 60-х гг. (см. приписку к Синодальному списку летописи — ПСРЛ. Т. 13. С. 141. Примеч. 2).
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 191.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же. С. 97.
- ⁹⁸ Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860. Вып. 1. С. 296.
- ⁹⁹ Розов Н. Н. Повесть о новгородском белом клубке как памятник общерусской публицистики XV века // ТОДРЛ. 1953. Т. 9. С. 208; Кузьмин А. Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI века. М., 1977. Ч. 2. С. 114.
- ¹⁰⁰ Строев П. Списки иерархов и настоятелей российской церкви. СПб., 1877. С. 35.
- ¹⁰¹ Аграрная история Северо-Запада России: Вторая половина XV—начало XVI в. Л., 1971. С. 329; Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 271.
- ¹⁰² Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1911. С. 43.

¹⁰³ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. Харьков, 1957.

¹⁰⁴ Памятник сохранился в списке 50—60-х гг. XVI в. в составе владычного летописца (*Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы//Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 254—255). Владычный летописец списан был, по-видимому, в 50-х гг. XVI в. с более древнего летописца, доведенного до 1518 г. В конце его записаны известия за 1552—1553 гг., далее тем же почерком — „Сказание о градах“ и сведения о чуме 1552 г.

¹⁰⁵ *Насонов А. Н.* Летописные памятники... С. 254—255.

¹⁰⁶ Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 31—32.

¹⁰⁷ Штаден. Записки. С. 94; Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 261; Разряды. Л. 347 об.

¹⁰⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 588.

¹⁰⁹ Там же. С. 593.

¹¹⁰ Там же. С. 605, 608.

¹¹¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 40.

¹¹² По рассказу Штадена, после изборской «истории» опричники будто бы казнили главных дьяков и приказных в ближайших к Изборску ливонских крепостях Феллине, Тарвасте и Мариенбурге (Штаден. Записки. С. 94).

¹¹³ Новгородские летописи. С. 129. Опричные дипломаты И. Таубе и Э. Крузе, неоднократно посещавшие Псков, знали о массовых выселениях горожан из Новгородско-Псковской земли. Они рассказывают, что из Пскова («Плескова», в издании М. Г. Рогинского ошибочно — Переяславля) было выселено 470 семей, а из Новгорода будто бы 370 семей. Первая из этих цифр весьма близка к летописной (см.: Хофф. Тирания. Л. 16 об.—17).

¹¹⁴ По неполным данным, в 80-х гг. в Новгороде на посаде записано 19 «лучших» людей, 162 «средних» и 1051 «молодых» человек (*Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. С. 181).

¹¹⁵ Сб. РИО. Т. 129. С. 164.

¹¹⁶ Там же. С. 124.

¹¹⁷ Датский посол Я. Ульфельд осматривал деревянный двор В. А. Старицкого в Новгороде (см.: Чтения ОИДР. М., 1883. Кн. 1. Отд. III. С. 12).

¹¹⁸ Новгородские летописи. С. 337.

¹¹⁹ Штаден. Записки. С. 89.

¹²⁰ Послания Таубе и Крузе. С. 47.

¹²¹ Там же. С. 48; Штаден. Записки. С. 89.

¹²² Послание Таубе и Крузе. С. 48.

¹²³ Там же. С. 89.

¹²⁴ Курбский. Сочинения. С. 315—317; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. 1. С. 125. Явившись в келью, Малюта, «умилне припадая», просил Филиппа: «Подаждь благословление царю, владыко святыи, итти в Великий Новград!» (Житие Филиппа митрополита//ГПБ. ОР. Соловецкое собр. № 1072/963. Л. 89). Курбский писал, что Филипп пробыл в Отроче монастыре, по слухам, «мало не год целый, и аки бы посылал (царь. — Р. С.) до него и просил благословения его, да простит его, также и о возвращению на престол его» (см.: Курбский. Сочинения. С. 316).

¹²⁵ Курбский. Сочинения. С. 316. По «Житию...», Филипп стал читать отходную после первых же вопросов опричника (Житие Филиппа... Л. 89 об.).

¹²⁶ Наличие официальной версии о смерти Филиппа из-за небрежности приставов объясняет нам, почему его имя отсутствует в делах об опальных в царском синодике.

¹²⁷ Житие Филиппа... Л. 90; Курбский. Сочинения. С. 316.

¹²⁸ Штаден. Записки. С. 89—90.

¹²⁹ *Голубцов И. А.* Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на русской карте середины XVII в.//Вопросы географии. М., 1950. Сб. 20. С. 294.

¹³⁰ Послание Таубе и Крузе. С. 48—49.

¹³¹ Хофф. Тирания. Л. 17; Послание Таубе и Крузе. С. 49.

¹³² Штаден. Записки. С. 90.

¹³³ НПК. Т. 6. С. 213, 256, 609, 653.

¹³⁴ Новгородские летописи. С. 395.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. С. 396.

¹³⁷ Там же. С. 397. Соборных старцев на правее было будто бы 500 душ.

¹³⁸ См. ниже.

¹³⁹ Новгородские летописи. С. 340.

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 4. С. 296; Т. 8. С. 204. А. И. Никитский справедливо указывает, что удаление владычной казны из Новгорода было со стороны московских князей политической мерой (*Никитский А. И.* Очерк внутренней истории церкви в В. Новгороде. СПб., 1879. С. 128—129).

¹⁴¹ Новгородские летописи. С. 341; Псковские летописи. Вып. 1. С. 115; Штаден. Записки. С. 90.

¹⁴² Новгородские летописи. С. 342.

¹⁴³ Каппелер. Последние годы опричнины. С. 16.

¹⁴⁴ Новгородские летописи. С. 400. В другом списке «Повести» сказано кратко: «владычных бояр и иных многих служивых людей» (Там же. С. 341). Весьма точно круг лиц, преданных суду, определен в статейном списке: «из изменного дела 78-го году на ноугородцкого архиепискупа на Пимина и на ноугородцких дьяков и на подьячих, и на гостей и на владычных приказных

и на детей боярских и на подьячих...» (ДДГ. С. 480). Как видно, опричники не посмели обвинить в измене все многотысячное новгородское дворянство. Главными обвиняемыми оказались, во-первых, приказная администрация Новгорода и, во-вторых, архиепископ Пимен с его вассалами — дворянами и приказными.

¹⁴⁵ Только в одном Ладожском присуде поместьями владели 30 детей боярских и слуг архиепископа (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 1. С. 185, 189—192). На Софийской стороне насчитывалось 50 дворов архиепископских детей боярских, 3 двора владычных дворянских, 9 дворов владычных подьячих и т. д., всего же 101 двор (*Гневушев А. М.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. // Сб. Новгородского общества любителей древности. Новгород, 1912. Вып. 6. С. 11).

¹⁴⁶ Т. Пешков в 7070 (1561/62) г. руководил описанием земель Софийского дома в Олонецком погосте (*Греков Б. Д.* Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. Ч. 1. С. 536).

¹⁴⁷ И. Милославский упомянут как конюший архиепископа и «владычен помещик» в документах 1547—1556 гг. (см.: *Расходная книга Новгородского Софийского дома за 1547—1548 гг.* // Изв. археол. о-ва. 1861. Т. 3. С. 41; *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 1. С. 191—192).

¹⁴⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 29—30.

¹⁴⁹ *Hildebrand S.* En holländsk beskickningens resor i Ryssland, Finland och Sverige 1615. Stockholm, 1917. S. 132.

¹⁵⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 777.

¹⁵¹ А. Савуров был одним из первых новгородских помещиков, арестованных по делу о новгородской измене. В архиве хранился специальный документ: „Привод и опрос Олешки Савурова и человека его Куземки Литвинова, как поимали их в Новгороде и привели к Москве“ (см.: *Описи царского архива.* С. 44). Несколько позже Савуров и его слуга были казнены вместе с главными руководителями новгородского «заговора». Савуровы не имели никакого отношения к знатной боярской семье Сабуровых. Они были мелкими помещиками и некоторые из них служили в Новгороде подьячими.

¹⁵² ТКДТ. С. 59; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 196, 206, 212, 223. Подробнее см.: *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 450—453.

¹⁵³ *Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. С. 453.

¹⁵⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 34.

¹⁵⁵ АИ. Т. 2. № 355. С. 424.

¹⁵⁶ А. Лебедевская полагает, что первое упоминание о Пушечном приказе относится к 1577 г. (см.: *Акты Московского государства.* СПб., 1890. Т. 1. № 26. С. 39; *Лебедевская А.* Пушкарский приказ: АКД. М., 1950. С. 3). Однако в официальной дипломатической документации московские «Пушечные избы» упоминаются уже под 1570 г. К тому же году относится упоминание о том, что «пушечный приказчик» выдавал корм литовским послам (см.: Сб. РИО. Т. 71. С. 626, 639).

¹⁵⁷ Шлихтинг. Новое известие. С. 38.

¹⁵⁸ Описи царского архива. С. 44.

¹⁵⁹ Донесение аббата Джерио Венецианскому дожу // *Historia Russiae Monumenta.* СПб., 1841. Т. 1. С. 214. В переводе А. Н. Ясинского известие аббата Джерио передано следующим образом. Царь Иван казнил новгородцев, «чтобы окончательно вывести измену, потому что была отыскана грамота, доказывавшая измену» (*Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1914. С. 199).

¹⁶⁰ Описи царского архива. С. 44. О службах Безсонова и Румянцева см.: *Новгородские летописи.* С. 98—99; *Лихачев Н. П.* Местнические дела: (1563—1605 гг.). СПб., 1894. С. 62—63; Сб. РИО. Т. 129. С. 123.

¹⁶¹ Каппелер. Последние годы опричнины. С. 14.

¹⁶² Новгородские летописи. С. 468—469.

¹⁶³ *Кобрин В. Б.* Легенда и быль о новгородце Петре Волынском // ВИ. 1969. № 3. С. 217—219. С гипотезой В. Б. Кобрин согласился фольклорист А. А. Крупн (*Крупн А.* Предания о времени Ивана Грозного // Историческая жизнь народной поэзии: Русский фольклор. Л., 1976. С. 209).

¹⁶⁴ Дворянин из Рузы П. И. Волынский не был принят на опричную службу, а после отмены опричнины был записан двадцатым в список голов, сопровождавших царя в походе (Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 324; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 289; Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 95).

¹⁶⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 777. Наказ русским послам был составлен летом 1570 г. В наказе читаем: „А нечто вспросят, где царь и великий князь ездил сее (!— Р. С.) зимы“, т. е. зимы 7078 (1569/70) г. (Там же. С. 777). Из-за чумы отъезд послов был задержан и верительные грамоты подписаны только 6 декабря 7079 (1570) г., т. е. зимой следующего года.

¹⁶⁶ РИО. Т. 71. С. 778.

¹⁶⁷ *Лурье Я. С.* Донесение агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 г. // АЕ за 1957 г. 1958. С. 456—457.

¹⁶⁸ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978. С. 45.

¹⁶⁹ *Jacobi Ulfeldii legatio Moscovitica // Historiae Ruthenicae scriptores Exteri saeculi XVI.* Berolini

et Petropoli, 1842. Vol. 1. P. 8. Не вполне точный перевод приведенного текста сделан Е. В. Барсовым (см.: Путешествие в Россию Я. Ульфельда//Чтения ОИДР. М., 1883. Кн. 1. Отд. III. С. 13—14).

¹⁷⁰ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. С. 257.

¹⁷¹ ТКДТ. С. 114; Садилов. Очерки. С. 367; ср.: ТКДТ. С. 179; НПҚ. Т. 4. С. 252, 254, 256.

¹⁷² Родословная книга. Ч. 2. С. 93. Ко времени новгородского похода Г. Волинский был молодым человеком и только начинал службу. В 1562—1565 гг. он исполнял должность писца в Новгороде: сохранилось упоминание о «письме» и «мсре» «Григория Волинского да Федора Калитина 7071 и 72 и 73 годов» (*Греков Б. Д.* Новгородский дом св. Софии... С. 24). Некоторые из Волинских, например Константин, служили Пимену (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 1. С. 129). Современниками похода были Г. В. Волинский, показанный в родословцах бездетным, и Г. С. Волинский (*Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 112—113). Оба названных Волинских занимали весьма невысокое служебное положение и никак не могли быть записаны в краткий синодик самых знатных государевых опальных.

¹⁷³ Сб. РИО. Т. 71. С. 348—417. В феврале 1565 г. В. А. Бутурлин служил воеводой передового полка в сражении с литовцами под Красным. В августе 1565 г. он с отрядом астраханских татар совершил поход в Ливонию (Разряды. Л. 327, 329 об., 333; Псковские летописи. Вып. 2. С. 248). В 1566 г. Бутурлин был воеводой в Дорогобуже (Разряды. Л. 332).

¹⁷⁴ Курбский. Сочинения. С. 303—304.

¹⁷⁵ Родословная книга. Ч. 1. С. 343, 341. После казни Г. Д. Полуектова его поместье в Шелонской пятине было отписано во дворец. В мае 1570 г. дьяки уже упомянули о смерти Г. Бутурлина («Гурья деи не стало») (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 1. С. 133; Ч. 2. С. 50).

¹⁷⁶ НПҚ. Т. 6. С. 872—874, 885, 910, 1060. В одном из обысков за 23 ноября 1570 г. упомянута деревня одного помещика «вопче» с кн. А. Бычковым в Водской пятине (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 25). «Жеребей» опального в ноябре 1570 г. еще не был, видимо, пущен в раздачу.

¹⁷⁷ *Лобанов-Ростовский А. Б.* Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 2. С. 175.

¹⁷⁸ ТКДТ. С. 95; НПҚ. Т. 6. С. 154—157, 594—595, 99—102, 632—636, 113—117, 213—216, 609—611, 796, 110—127; *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 1. С. 144—147.

¹⁷⁹ Веселовский. Исследования. С. 467, 390, 356, 424, 425, 475 и др.

¹⁸⁰ АИ. Т. 2. № 355. С. 422.

¹⁸¹ Подобное предположение подкрепляется тем фактом, что во время всероссийского воинского смотра в 1556 г. И. Юрьев руководил смотром новгородских дворян всех пятин (*Лихачев Н. П.* Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888. Прил. С. 32).

¹⁸² Ю. Сидоров записан как «большой дьяк» в Дворовую тетрадь 50-х гг. (ТКДТ. С. 115). На протяжении 60-х гг. он служил дьяком в Пскове (Сб. РИО. Т. 71. С. 115, 116, 584).

¹⁸³ А. В. Безсонов был родственником архиепископского дворецкого Н. Цыплятева. В числе казенных синодик перечисляет Ф., Г. и А. Безсоновых, Т. и Г. Цыплятевых, а также их родню Л. и А. Мусоргских. Все названные фамилии происходили из измельчавшего боярского рода Монастыревых.

¹⁸⁴ Имена дьяка И. Матвеева и подьячих М. Григорьева и М. Романова встречаются в ряде новгородских грамот 50—60-х гг. (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 11, 13, 18, 35; Сб. РИО. Т. 71. С. 62, 73). До своего дьячества А. М. Бабкин служил в Новгороде «житничим ключником» (НПҚ. Т. Ч. С. 457, 460).

¹⁸⁵ В числе других «разсылочных детей боярских больших дьячие избы» в Новгороде упомянут Вас. Лучанинов Веселого (Архив П. М. Строева. Т. 1//РИБ. Т. 32. С. 469). Его имя занесено в синодик.

¹⁸⁶ Новгородские летописи. С. 70, 79, 98, 319, 320, 322, 329. Подробнее см.: *Варенцов В. А.* Московские гости в Новгороде//ВИ. 1982. № 8. С. 38—40.

¹⁸⁷ Новгородские летописи. С. 146.

¹⁸⁸ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 502.

¹⁸⁹ *Флоря Б. Н.* Привилегированное купечество и городская община//История СССР. 1977. № 5. С. 151.

¹⁹⁰ *Hildebrand S.* En holländsk beskickningens resor... S. 131—132.

¹⁹¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 30.

¹⁹² *Пронштейн А. П.* Великий Новгород... С. 145.

¹⁹³ Книга писцовая Новгорода Великого 1583—1584 гг./Изд. В. В. Майковым//Летописи занятий Археографической комиссии. СПб., 1912. Вып. 24. С. 219.

¹⁹⁴ После погрома власти конфисковали двор «гостинные сотни» В. А. и И. А. Ямских. Один из них получил в 1573 г. бывшее поместье Н. Цыплятева, архиепископского дворецкого. Вероятно, он, как и Цыплятев, служил у владыки (см.: Книга писцовая Новгорода... С. 272; *Греков Б. Д.* Новгородский дом св. Софии... С. 300—301).

¹⁹⁵ Новгородские летописи. С. 343.

¹⁹⁶ Штаден. Записки. С. 90.

¹⁹⁷ Новгородские летописи. С. 343, 346; Послание Таубе и Крузе. С. 50.

¹⁹⁸ Новгородские летописи. С. 343, 346 и др. «Церкви и монастыри, — писали И. Таубе и Э. Крузе, — были так ограблены, что не осталось ни одной иконы ценю в полгульдена, ни колоколов, ни церковной утвари» (Послание Таубе и Крузе. С. 50).

- ¹⁹⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 29—30.
- ²⁰⁰ Новгородские летописи. С. 396.
- ²⁰¹ Там же. С. 396. Новгородские церковники, по-видимому, заранее узнали о походе опричнины и постарались надежно запрятать свои скоровища. Несмотря на то что было найдено большое добро, рассказывают Таубе и Крузе, игуменов и попов били по коленям, чтобы они указали, где находятся их деньги (Послание Таубе и Крузе. С. 49, 50).
- ²⁰² Новгородские летописи. С. 337. Тогда же погиб Амос, бывший протопоп Никольского Кремлевского собора в Москве, постигшийся в одном из монастырей под именем Александра.
- ²⁰³ Новгородские летописи. С. 101.
- ²⁰⁴ Штаден. Записки. С. 90.
- ²⁰⁵ Новгородские летописи. С. 343.
- ²⁰⁶ Штаден. Записки. С. 90.
- ²⁰⁷ Каппелер. Последние годы опричнины. С. 14.
- ²⁰⁸ Новгородский летописец пишет, что опричники грабили «по всем торгам у торговых людей в лавках всякие товары», «рассекали» и разоряли «до основания» лавки и амбары (Новгородские летописи. С. 343).
- ²⁰⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 50; Штаден. Записки. С. 91.
- ²¹⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 31.
- ²¹¹ Там же; Штаден. Записки. С. 91.
- ²¹² Каппелер. Последние годы опричнины. С. 17.
- ²¹³ Штаден. Записки. С. 91.
- ²¹⁴ По словам местного летописца, опричники избивали посадских «без пощадения и без останка» (Новгородские летописи. С. 343).
- ²¹⁵ Шлихтинг. Новое известие. С. 31—32.
- ²¹⁶ Штаден. Записки. С. 140, 144—145.
- ²¹⁷ Обыск 21 марта 1571 г. опустевших крестьянских жеребьев на землях черных крестьян Кирьяжского погоста Водской пятины // *Самокасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 59—121.
- ²¹⁸ Новгородские летописи. С. 344.
- ²¹⁹ Там же. С. 101.
- ²²⁰ *Самокасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 50.
- ²²¹ Имея в виду «заповедную» грамоту 1570 г. С. И. Тхоржевский утверждал, будто речь шла о первом случае введения «заповедных лет» и временной отмене Юрьева дня; его мнение разделял И. И. Полосин (*Тхоржевский С. И.* Поместье и крестьянская крепость // *Архив истории труда в России.* Л., 1924. Т. 1. С. 85—86; *Полосин И. И.* Поместное право и крестьянская крепость // *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XV — начала XVII вв. М., 1963. С. 54). Последующие исследования показали, что это предположение неосновательно (*Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. М., 1954. Кн. 2. С. 304; *Зимин.* Опричнина. С. 422).
- ²²² Между Новгородом и Псковом располагались семь ямов (*Голубцов И. А.* Пути сообщения... С. 294). Из Новгорода опричники выступили 13 февраля. В Пскове же были в великий пост на первой неделе (Псковские летописи. Вып. 1. С. 116).
- ²²³ Каппелер. Последние годы опричнины. С. 17—18.
- ²²⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 116; Шлихтинг. Новое известие. С. 32; Штаден. Записки. С. 91.
- ²²⁵ В числе жертв опричнины были А. Пешков (родня архиепископского сына боярского Т. Пешкова), Б. Безсонов (родственник новгородского дьяка А. Безсонова) и др.
- ²²⁶ Карамзин. История. Примеч. 485.
- ²²⁷ Дорофей Курцев был в 1560 г. казначеем Троицы, а затем в 1563—1568 гг. келарем (*Веселовский С. Б.* Синодик... С. 304). Незадолго до новгородского похода троицкий архимандрит был сослан в Новгород. Вероятно, опала постигла и троицкого келаря: его сослали в Псков. В синодике Курцев записан в псковском списке. В троицких книгах против его имени сделана следующая помета: „убит в [70]78“ (*Горский А. В. и арх. Леонид.* Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1879. Ч. 2. С. 92). Дорофей Курцев был братом государственного казначая Н. А. Фуникова Курцева и близким родственником казенных ранее новгородских помещиков Фуниковых.
- ²²⁸ При посещении Пскова в 1548 г. новгородский архиепископ Феодосий преподнес дары «Неудачине теще Елене» (Известия Археологического общества. М., 1861. Т. 3. Вып. 1. С. 40).
- ²²⁹ Псковские летописи. Вып. 1. С. 116.
- ²³⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 32.
- ²³¹ Перед отъездом царь отдал опричнине на грабеж половину города (Штаден. Записки. С. 91). Согласно местной летописи, Иван, «повеле грабить именьи у граждан, кроме церковного причту, и стоял на посаде немного и отыде к Москве» (Псковские летописи. Вып. 1. С. 116).
- ²³² Послание Таубе и Крузе. С. 50; Штаден. Записки. С. 91.
- ²³³ Каппелер. Последние годы опричнины. С. 18.
- ²³⁴ Псковские летописи. Вып. 1. С. 116. Легенду о гибели царского коня записал также один из московских летописцев (ПСРЛ. Т. 34. С. 195).
- ²³⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 2. С. 6.

²³⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 32. Поступок Вяземского имел также сугубо личные мотивы. В новгородском изменном деле оказались замешаны новгородские помещики Фуниковы, двое из них были казнены в первые же дни опричного погрома. Между тем родная сестра Вяземского была замужем за Н. Фуниковым (см.: Там же. С. 57—58).

²³⁷ Новгородские летописи. С. 99—100.

²³⁸ В 1562 г. тесть царя князь Темрюк бежал из Кабарды в Астрахань. В помощь ему был послан воевода Г. С. Плещеев с тысячью стрельцов и казаков. Плещеев прошел огнем и мечом по всей Кабарде и разгромил непокорных черкесских князей. Кавказский поход прославил его как воеводу (ПСРЛ. Т. 13. С. 301, 324).

²³⁹ Разряды. Л. 353.

²⁴⁰ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 257.

²⁴¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 666.

²⁴² Послания Ивана Грозного. С. 193, 640—641; см. также: *Садиков П. А.* Царь и опричник// Века. Пг., 1924. С. 41—51.

²⁴³ Разряды. Л. 340 об. В 1566 г. Грязной поручился за опричных воевод (см.: СГГД. Ч. 1. С. 558).

²⁴⁴ Позже Иван припомнил прежнему любимцу, как тот шутил, «стоячи» за кушаньем у царского стола (Послания Ивана Грозного. С. 193).

²⁴⁵ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 315.

²⁴⁶ Сб. РИО. Т. 129. С. 177.

²⁴⁷ Мнение о преимущественно антицерковной направленности опричных репрессий в Новгороде высказал уже А. М. Гневушев, опирающийся на показания позднейших писцовых книг Новгорода (*Гневушев А. М.* Экономическое положение Великого Новгорода... С. 18).

²⁴⁸ *Терешкевич О. Ф.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при Университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 224—225.

²⁴⁹ *Гневушев А. М.* Экономическое положение Великого Новгорода... С. 18; см. также: *Яницкий Н.* Экономический кризис в Новгородской области XVI века. Киев, 1915. С. 130.

²⁵⁰ Горсей. Путешествия. С. 92.

²⁵¹ Зимин. Опричина. С. 301.

²⁵² Там же. С. 302.

²⁵³ *Терешкевич О. Ф.* Экономическое положение... С. 202—203, 214—215. Здесь и ниже мы ссылаемся на данные, относящиеся к Софийской стороне. Дело в том, что массовый материал содержит только опись Софийской стороны, тогда как опись Торговой стороны сохранилась в отрывке. На Софийской стороне описано 2610 посадских дворов и мест дворовых, в том числе 1805 тяглых. Опись Торговой стороны содержит данные о 702 дворах и местах дворовых, в том числе о 550 тяглых дворах.

²⁵⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 404; Псковские летописи. Вып. 2. С. 249; Новгородские летописи. С. 336.

²⁵⁵ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 89.

²⁵⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 32.

²⁵⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 50.

²⁵⁸ Аграрная история Северо-Запада Руси XVI века: Новгородские пятины. С. 64—67.

²⁵⁹ Там же. С. 67.

²⁶⁰ Писцы упоминали лишь о таких причинах гибели крестьян, как несчастные случаи, пожары, война со шведами и т. д. По подсчетам Н. Яницкого, всего за 1523—1571 гг. в погосте запустело $666\frac{3}{8}$ лука, владельцы которых умерли. В $34\frac{3}{4}$ луках крестьяне умерли с голоду, в $11\frac{3}{4}$ луках от голода умерли крестьянские дети. В остальных случаях причины смерти не сообщаются (*Яницкий Н.* Экономический кризис... С. 105—106).

²⁶¹ По подсчетам Н. Яницкого, в 1523—1571 гг. вследствие бегства крестьян в погосте запустело $242\frac{2}{8}$ лука, вследствие ухода — еще $31\frac{3}{4}$. При этом со $119\frac{3}{4}$ луков крестьяне сбежали «безвестно» от царевых податей. Помимо того, с $236\frac{1}{2}$ луков сбежали «безвестно» от царевых податей крестьянские дети (*Яницкий Н.* Экономический кризис... С. 105—106).

²⁶² «В деревни в Погечах лук пуст Захарки Васькова — сам умер и с детьми, запустил 78; дворишко распродали в царевы подати» (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 87).

²⁶³ Там же. С. 107. Еще двух крестьян Фатьянов убил на правеже во владениях своеземцев (Там же. С. 122).

²⁶⁴ В Кокольской общине под Корелой опричники убили семь крестьян и разорили еще шесть. Одного они держали на правеже в «горотки», т. е. в Кореле: «лук пуст Федотка Ускалева, Федотка оприщине в Горотки на правежи держали, там умер, животы и кони пограбела, запустил 78-го» (*Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 106).

²⁶⁵ Горсей. Путешествия. С. 92; Псковские летописи. Вып. 1. Ч. 115; Курбский. Сочинения. С. 319; *Historia Russiae Monumenta.* СПб., 1841. Т. 1. Р. 214.

²⁶⁶ *Ильинский А. Г.* Городское население Новгородской области в XVI в. // Историческое обозрение. СПб., 1897. Т. 9. С. 37.

²⁶⁷ «К 60-м годам XVI в., — пишет А. А. Зимин, — конечно, новгородское население насчитывало более 30 тысяч человек. Но в таком случае вывод А. Г. Ильинского о гибели 40 тысяч жителей Новгорода и его окрестностей не будет казаться чрезмерным преувеличением» (Зимин. Опричина. С. 302).

²⁶⁸ Новгородские летописи. С. 342—343. Согласно летописному преданию, опричники бросали в Волхов до 1500 человек в день. Эту цифру следует сопоставить с рассказами новгородских старожильцев о том, что царь велел сбросить с моста в Волхов 1700 именитых горожан, монахов и простолюдинов. Характерно, что в последнем случае мы имеем дело с итоговой цифрой жертв опричнины (*Hildebrand Sune. En hollandsk beskickningens gesog...S.* 131).

²⁶⁹ Новгородские летописи. С. 101.

²⁷⁰ *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. М., 1989. С. 81, 83.

²⁷¹ Новгородские летописи. С. 18, 50, 203.

²⁷² *Кобрин В. Б.* Иван Грозный. С. 82—83.

²⁷³ Шлихтинг. Новое известие. С. 33—34; Послание Таубе и Крузе. С. 49.

²⁷⁴ Витебская старина. С. 61.

²⁷⁵ Послание Таубе и Крузе. С. 49.

²⁷⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 33.

²⁷⁷ Опальные псковичи (220 семей) показаны были в синодике отдельно.

²⁷⁸ Мнение насчет социальной принадлежности казненных впервые высказано С. Б. Веселовским (Веселовский. Исследования. С. 348).

²⁷⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 62.

²⁸⁰ *Копанев А. И.* Население Русского государства в XVI в.//ИЗ. 1959. Т. 64. С. 245.

²⁸¹ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI веке. С. 30—34.

МОСКОВСКИЕ КАЗНИ

Поражение турецкой армии под Астраханью не привело к прекращению турецко-татарской экспансии против России. Царские агенты в Крыму настойчиво доносили, что турки лелеют планы нового наступления на Астрахань и что возможен поход на Москву.¹ В мае 1570 г. пятидесятитысячная татарская орда показала в окрестностях Рязани и Каширы и подвергла страшному опустошению южные уезды России. Минувшей весной, писал Шлихтинг в конце 1570 г., крымские татары причинили Московии огромный вред.² Царь со всей армией выступил на Оку. Не дожидаясь подхода главных сил, опричный воевода князь Д. И. Хворостинин поспешил к Рязани и, воспользовавшись тем, что татары рассеялись по всему уезду, принудил орду к отступлению. Согласно записи Разрядного приказа, Хворостинин и его товарищи «крымских воевод побили и языки многие поимали и полону много отполонили».³

Невзирая на то что опасность турецко-татарских вторжений не была устранена, опричное правительство приняло решение о возобновлении борьбы за Ливонию. Предполагалось заключить перемирие с Речью Посполитой и обратиться все силы против Швеции, с тем чтобы изгнать шведов из ливонских крепостей. В сентябре 1569 г. в Новгород прибыли шведские послы, домогавшиеся мира с Россией. Новгородские бояре и воеводы приняли послов, но отказались пропустить в Москву для переговоров с царем. По энергичному выражению Грозного, шведы, придя к боярам, «уродственным обычаем стали, что болваны, и сказали, что с ними к боярам никоторого приказу нет, а прежнего обычая позабывши».⁴ В действительности шведы согласились «править посольство» новгородскому наместнику уже в начале декабря 1569 г.⁵ Тотчас после приема послов ограбили, отобрав деньги, золотые вещи и пр. Несколько дней спустя к послам, согласно их отчету, явился седовласый старик Григорий Грязной и объявил, что их подвергли унижению в отместку за ограбление русских послов в Стокгольме в первый день царствования короля Юхана. Послов продержали в Новгороде четыре месяца, после чего под конвоем увезли в Москву.⁶ Осенью шведов пригласили в Посольский приказ и объявили, что царь на них «пороскручинился и велел отпустить в Муром город, а ссылати их с Москвы наборзе». В Муроме послов держали в строгом заключении и едва не уморили голодом. Посольский приказ отпускал пленникам по 3 деньги в день на человека. Из-за голода и дороговизны этих денег не хватало на самое скудное пропитание. Послы не раз просили прибавить им корму, «зань ж хлеб в цене и им прокормитися нечим».⁷ Но приставы неизменно отказывали в этом. Из 57 членов посольской свиты 15 человек погибло от недоедания и эпидемии.⁸

Готовя войну со Швецией, опричная дипломатия вновь выдвинула проект образования вассального королевства в Ливонии под эгидой царя. Русское правительство предложило ливонскую корону новому владельцу острова Эзель

герцогу Магнусу, брату датского короля. В июне 1570 г. Магнус прибыл в Москву, признал себя «голдовником» (вассалом) царя и был коронован ливонской короной. Грозный осыпал датчанина щедрыми подарками и просватал ему свою племянницу, пообещав дать за ней в приданое пять бочек золота. До осуществления договора о завоевании Ливонии русское правительство предоставило Магнусу заем в 15 тыс. рублей. По немецким источникам, заем исчислялся 50 тыс. талеров.⁹ Договор с герцогом подписали царский посол опричник П. В. Зайцев и земский дьяк В. Шелкалов.¹⁰ Соглашение содержало важную оговорку. Новоявленный ливонский король должен был получить все русские владения в Ливонии лишь после того, как покорит Ревель и Ригу. До осуществления этого условия царь передал своему леннику только один небольшой ливонский замок Полчев (Оберпален) с округой.¹¹ Крохотное удельное княжество короля Магнуса располагалось на границе со шведскими владениями в Ливонии.

Опричное правительство надеялось, что соглашение с Магнусом обеспечит прочный военный союз с Данией. Но датские дипломаты вели хитрую игру. Датчане старались втянуть Россию в войну со Швецией и в то же время неизменно отклоняли предложения Москвы о тесном военном союзе. Отношение Дании к ливонскому проекту царя было самым двусмысленным.¹² Между тем опричные руководители вполне полагались на обещания Магнуса относительно помощи датского флота против шведов. Мир между Данией и Швецией, заключенный в конце того же года, был для них неожиданностью.

Решение о войне со шведами побуждало Россию искать мирного урегулирования с Речью Посполитой.

Весной 1570 г. в Москву прибыли послы Сигизмунда II Августа. Переговоры между послами и боярами были трудными и продолжались два месяца. Царь не простил литовцам тайных интриг против трона и подверг послов крайним унижениям, грубо нарушив дипломатический этикет. Боярская знать не смирилась с беззакониями опричнины. Верхи правящего боярства были тесно связаны нитями родства и свойства. Каждая казнь затрагивала сразу большой круг фамилий. Грозный подозревал, что его неверные подданные продолжают сноситься с Литвой, и на этот раз не ошибся в своих подозрениях. Самостоятельные сношения бояр с литовскими радными панями имели вековую традицию, и никакие попытки государя уничтожить ее не давали результатов. В начале 1571 г. Сигизмунд II Август в письме к М. Радзивилу упомянул о московских людях (очевидно, из высших слоев общества), которые «послам нашим сообщали, что они желают прийти под нашу власть».¹³ Тайные сторонники короля из числа земских людей руководствовались своими расчетами. Некогда боярин С. Ростовский, готовясь к отъезду в Литву, всеми силами препятствовал заключению мирного договора с Литвой. В 1570 г. противники опричнины действовали совершенно так же. По словам А. Шлихтинга, бояре и дети боярские недовольны перспективой заключения мира, так как опасаются, что мир развяжет руки царю и он захочет их окончательно истребить.¹⁴ Недовольные бояре надеялись, что король не утвердит мир из-за грубого обращения с его послами.

Литовские послы выразили недовольство «кормами», отпущенными им из казны. Однако старшие польские послы не поддержали их. Более серьезный инцидент произошел в решающий день переговоров 18 июня, когда один из членов посольской свиты хлестнул плетью царского духовника. Послы оправдывались тем, что литовский купчина ударил плеткой протопопа ненароком, позади себя. Но царь и его люди утверждали, будто протопопа «бесчествовали», «лаяли» и «сняв с лошади, били». На другой день Грозный вызвал поляков и литовцев в Кремль. Опричные стрельцы силой остановили послов «не у места» и заставили их идти во дворец пешком, а затем избили людей из посольской свиты. Царь наблюдал из окон дворца, как его опричники дрались с литовцами, срывали с них шапки и цветные кафтаны: «Трофеи» были внесены во дворец и брошены к

ногам Грозного; он надел литовскую шапку на своего шута князя Никиту Дурного Прозоровского и велел преклонить колено по литовскому обычаю. Шут не знал, как это делается. Тогда царь сам преклонил колено и, подняв руку, воскликнул «гойда, гойда!».¹⁵

Еще один инцидент произошел во время традиционного обмена подарками. Поляки приняли царские подарки без возражений. Напротив, литовские послы Талвош и писарь Андрей дерзко отвергли «государевы поминки» и заявили, что их подарки стоят дороже. Явившиеся на посольский двор опричники заплатили Талвошу затребованную им сумму денег, после чего изрубили в куски чистокровного скакуна, «подаренного» послом царю.¹⁶ При «расчете» с литовским писарем предводитель опричников сильно ударил его и вырвал полбороды.¹⁷

22 июня 1570 г. королевские послы и бояре подписали договор о трехлетнем перемирии. После этого послам предложено было немедленно покинуть Москву. Известия об оскорблении послов в дни переговоров произвели тягостное впечатление за рубежом. Заточение в тюрьму шведского посла и издевательства над литовцами показывали, что во внешних сношениях опричнина все чаще прибегала к тем же приемам и методам, которыми она пользовалась внутри страны.

К середине 1570 г. дипломатическая подготовка к возобновлению борьбы за Ливонию окончилась. Россия стремительно двигалась навстречу войне с Швецией, располагая непрочным временным перемирием с Речью Посполитой, не завершив войны с турками и татарами и фактически не имея ни одного союзника. Принимая решение о возобновлении военных действий в Ливонии, царь и его правительство не желали считаться с тем, что страна была истощена войной, продолжавшейся без перерыва почти двадцать лет.

Из-за неблагоприятных погодных условий в 1569 г. почти весь урожай погиб. Голодная смерть стала косить население Новгородской и Тверской земли. Позже бедствие распространилось на центральные уезды страны. Вслед за голодом в страну пришла эпидемия чумы. К осени 1570 г. мор был отмечен в 28 городах России.¹⁸

Бедствия народа были неопишуты, но правительство не принимало никаких мер к тому, чтобы облегчить его страдания. Во время страшного голода, передает Г. Штаден, у царя «по дворам в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах, но и он не хотел продавать его своим подданным...».¹⁹ Опасаясь нового неурожая, власти отказались продать хлеб голодающим из дворцовых запасов. Крупные землевладельцы и купцы старались придержать хлеб, чтобы сбить его с наибольшей выгодой.

Несмотря на бедственное положение страны, опричное правительство намерено было любой ценой продолжать войну. Новые репрессии, обрушенные им на голову земщины, должны были подавить последние элементы недовольства в земщине.

Расправа с конюшим И. П. Федоровым и боярином В. Д. Даниловым, кровавый погром Новгорода усилили страх и негодование в верхах земщины. Большинство молчало, поддавшись панике и надеясь пережить трудное время. Однако некоторые лица из числа виднейших государственных деятелей нашли в себе мужество, чтобы протестовать против кровавого царского произвола.

По возвращении из Новгорода царь имел длительное объяснение с государственным печатником и «канцлером» Висковатым. Печатник настойчиво советовал Ивану, чтобы тот не проливал столько крови, «в особенности же не истреблял своего боярства, и просил его подумать о том, с кем же он будет впредь не то что воевать, но и жить, если он казнил столько храбрых людей».²⁰ В ответ на увещевания царь разразился угрозами по адресу печатника и его покровителей-бояр. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил он, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось.

Надеюсь, что смогу это сделать, а если дело дойдет до крайности и Бог меня накажет и я буду принужден упасть ниц перед моим врагом, то я скорее уступил бы ему в чем-либо великом, лишь бы не стать посмешищем для вас, моих холопов».²¹

Протест Висковатого был прямым выражением недовольства в среде правящего старомосковского боярства. На царя его выступление, по-видимому, произвело сильное впечатление. Объяснялось это двумя обстоятельствами.

Печатник занимал выдающееся положение в земском правительстве благодаря своим блестящим способностям и редкому уму. Выходец из низов («все-народства»), он в течение 20 лет возглавлял Посольский приказ. Ко времени опричнины Висковатый объединил в своих руках управление различными ведомствами приказного аппарата. Вместе с казначеем Фуниковым он ведал «государеву казну», т. е. Казенный приказ.²² В качестве печатника Висковатый хранил большую государственную печать и утверждал («печатал») важнейшие документы, исходившие из других приказов.²³ Формально печатник стоял ступенью ниже царских казначеев, фактически же пользовался большим влиянием, а его канцелярия приобрела значение ведущего ведомства в приказном аппарате управления. Недаром современники называли печатника «главным канцлером» государства.²⁴

По существу Висковатый вслух выразил настроение стоявшего за его спиной земского боярства, и это обстоятельство больше всего тревожило Грозного.

Висковатый имел особые причины протестовать против опричного террора. В начале июля 1570 г. был арестован и после жестоких пыток убит его родной брат Третьяк Висковатый.²⁵ Печатник предпринимал отчаянные попытки спасти брата, но все было тщетно. По синодику, вместе с Третьяком погибли двое Гнильевских (братья главного старицкого дьяка В. Г. Захарова) и новгородский помещик Паюсов. Современники подтверждают, что казнь Третьяка находилась в прямой связи с делом о заговоре Старицкого и новгородцев.²⁶ Жертвами опричного террора стали также родственники казначея Н. Фуникова-Курцева. Висковатый, чувствуя, что над его головой занесен топор палача, не желал сидеть сложа руки.

Протест высших приказных чинов, входивших в думу, явился неприятным сюрпризом для правительства. Неудивительно, что опричное руководство решило пресечь недовольство в корне и главный удар обрушило на голову печатника и его ближайших сподвижников — казначея Фуникова и руководителей нескольких других приказов. Фуникова и других дьяков обвинили главным образом в сообщничестве с Висковатым. В день казни Иван обратился к казначею со следующими словами: «Ты погибнешь не от моей руки, не по моему внушению, или скорее не по моей вине, а твоего товарища (И. М. Висковатого.— *Р. С.*), его ведь ты слушался, от него всецело зависел. Даже если ты ни в чем не прегрешил, тем не менее ты ему угрожал, поэтому надлежит погибнуть обоим».²⁷ Очевидно, тем же принципом руководствовались опричники при осуждении других земских дьяков: главы Поместного приказа думного дьяка В. Степанова, главы Большого прихода И. Булгакова и главы Разбойного приказа Г. Шапкина.

Опричному правительству нетрудно было добиться осуждения главных земских дьяков. Опричные судьи решили присоединить их к «новгородскому делу» и обвинить по тем же статьям, что и новгородцев. Ко времени ареста Висковатого следствие по делу Пимена шло полным ходом. Царь делил труды с Малютой, проводя в застенках дни и ночи. Сотни новгородцев, содержавшихся в тюрьмах Александровской слободы, стали жертвами чудовищных пыток. Под пытками они признавались в любых преступлениях. Согласно следственным материалам, «в том деле с пыток (! — *Р. С.*) многие (опальные.— *Р. С.*) про ту измену на новгородцкого архиепископа Пимина и на его советников и на себя говорили».²⁸ С помощью пыток и шантажа опричники без труда заполучили

нужные им показания против печатника и его покровителей из боярского кружка Захарьиных. В частности, опальные новгородцы показали, будто Пимен и его сообщники «ссылалися к Москве... с казначеем с Микитою с Фуниковым и с печатником с Ываном Михайловым Висковатого, и с Семеном Васильевым сыном Яковля...».²⁹ Московских дьяков обвинили в намерении посадить на престол Старицкого и сдать литовцам Новгород. Но гласности было предано лишь второе обвинение. Власти объявили, что печатник «написал королю польскому, обещал ему предать крепость Новгородскую и Псковскую».³⁰ Царь, нимало не сомневавшийся в справедливости подобных утверждений, в конце 1570 г. поручил дать соответствующие официальные разъяснения в Литве. На вопрос: «Почему государь ваш казнил казначея Микиту Фуникова, печатника Ивана Михайлова и дьяков и детей боярских и подьячих многих?» — послы должны были отвечать литовцам: «Али вам то ведомо?» «...Которую был думу государьский изменник Курбской и с вами с паны с радюю и с теми государьскими изменники ссылалися, измену здумали которую измену учинить и государю нашему Бог тое их измену и ваше лукавство объявил и они потому и казнены... А Новугороду и Пскову за Литвой быти непригоже».³¹

Заодно опричное правительство решило использовать осуждение печатника для оправдания внешнеполитических провалов и неудач, вызванных некомпетентным вмешательством царя и его советников в дела Посольского приказа. За год до казни Висковатый послал тайную грамоту в Кафу к Касим-паше, назначенному руководить походом турок на Астрахань. Печатник пытался подкупить продажного пашу, чтобы предотвратить турецкое вторжение. Попытка эта не удалась. В феврале-марте 1570 г. русский посол Новосильцев, будучи в Кафе, особо интересовался вопросом, что случилось с тайными грамотами Висковатого.

Тайные переговоры печатника с турками были использованы как повод для обвинения его в измене в пользу султана. Отзвуком подобных обвинений явилось сообщение опричника Штадена о том, что Висковатый «был расположен ко всем татарам и помогал им», что он «был не прочь, чтобы крымский царь забрал Русскую землю».³² Изменой главы земского Посольского приказа опричники стали объяснять и поход турок на Астрахань в 1569 г., и разорение татарами южных уездов в следующем году. Печатник будто бы писал султану, увещевая его послать войска к Астрахани и Казани.³³ Он же будто бы побудил напасть на Русь крымских татар.³⁴ Все эти обвинения в двойной и даже тройной измене были абсурдны, но опричные следователи и судьи давно утратили чувство меры и не заботились о правдоподобности собственных измышлений. Суд над печатником был скорым и неправым. Еще в конце июня Висковатый привел к благополучному концу сложные и ответственные переговоры с литовскими послами, а уже вскоре после 3 июля попал под стражу.³⁵ Спустя три недели печатник и его соратники по земским приказам сложили головы на плахе.

Падению Висковатого способствовали внутренние распри, раздиравшие высшую приказную бюрократию. Против печатника интриговали влиятельные думные дьяки братья Щелкаловы. Старший из них, А. Я. Щелкалов, служил в центральном военном ведомстве — Разрядном приказе.³⁶ Он не обладал талантами Висковатого, и его главным достоинством была невероятная работоспособность. Младший из братьев, В. Я. Щелкалов, некоторое время был дьяком Разбойного приказа, заведовал тюрьмами, «мастерами заплечными и палачами».³⁷ По-видимому, Щелкалов помогал опричнине в проведении розысков об измене. Перед самым новгородским походом он самолично возил царю анонимный донос на Ф. Новосильцева, обвинявшегося в непригожих речах про государя.³⁸ После похода В. Я. Щелкалов руководил казнью новгородских изменников на Москве. Он вычитал Висковатому его вины, попутно награждая его ударами плети, а затем прочел приговор осужденным новгородцам.

Незадолго до гибели Висковатый судился с Щелкаловым и, проиграв дело, должен был заплатить ему «за бесчестье» 200 руб., но заявил судьям, что платить нечем и предложил в счет денег одну из своих вотчин. После смерти печатника его вотчины поделили между собой опричный боярин князь В. И. Темкин и В. Я. Щелкалов.³⁹ В свое время Темкин был главным следователем по делу митрополита. В деле Висковатого он, как и Щелкалов, видимо, сыграл зловещую роль. Примечательно, что помимо переяславской вотчины печатника Щелкалов получил также его поместье (1000 четвертей пашни) в Мещевском уезде.⁴⁰

С падением Висковатого братья Щелкаловы сосредоточили в своих руках управление важнейшими приказами государства. А. Я. Щелкалов наряду с Разрядным приказом (его он возглавлял уже в марте — июне 1570 г.) стал руководить Казанским дворцом (октябрь 1570 г.) и Посольской избой.⁴¹ В. Я. Щелкалов, служивший вместе с братом в Посольском приказе, к началу 1571 г. получил почетный титул «введенного дьяка».⁴²

После низложения Филиппа Колычева русскую церковь возглавил Кирилл, поставленный на митрополию из архимандритов крупнейшего в стране Троице-Сергиева монастыря. Преемником Кирилла в Троице стал его ученик Памва, вскоре же арестованный опричниками.⁴³ Окончательно судьба Памвы решилась в дни суда над Старицкими. 13 ноября 1569 г. его привезли в Новгород и заточили в Хутынский монастырь.⁴⁴ После Памвы в Троицу был прислан бывший андрониковский архимандрит Ф. Вятка, близкий к опричному правительству.⁴⁵

Расправа с Памвой должна была послужить грозным предостережением для митрополита Кирилла. Опричные власти стремились запугать главу церкви и одновременно использовать его авторитет для новых гонений на земщину.

Накануне похода на Новгород царь прислал Кириллу послание с просьбой, «чтоб он бояр и всяких людей о службе безо всякие хитрости утверждал по-прежнему».⁴⁶ С помощью церкви правительство старалось предотвратить возможные протесты земщины против террористических действий опричнины. Кирилл немедленно уведомил царя, что исполнил его приказание и со всем священным собором «бояр и всяких чинов людей утверждал, чтоб ему, государю, служили безо всякие хитрости». Лишь после этого Иван известил митрополита об «измене» новгородского архиепископа Пимена и его аресте.

Близкие к опричнине иерархи были встревожены, но у Пимена хватало недругов. В глазах многих церковников новгородский архиепископ скомпрометировал себя пособничеством опричнине. Собравшийся в Кремле священный собор поспешил осудить Пимена.

В разгар новгородского погрома Кирилл и епископы направили царю грамоту с сообщением, что «приговорили они на соборе новгородцкому архиепископу Пимину против государевы грамоты за его безчиные священная не действовать». Пимен был выдан опричнине головой. Но высшее духовенство пересердствовало, угождая царю. В третьем послании из Новгорода царь дал знать митрополиту, что «архиепископу Пимину служити не велено», но просил до окончания следствия не лишать его архиепископского сана: «А сану б с него до подлинного сыску и до соборного уложения не снимати».⁴⁷

Опричное правительство знало, что ограбление новгородской церкви вызвало глубокое негодование всего духовенства, и с особенной тщательностью подготавливало суд над Пименом. В свое время новгородский архиепископ помог властям низложить митрополита Филиппа Колычева. Теперь власти решили использовать имя и авторитет опального митрополита, чтобы оправдать расправу с его «гонителями» Пименом и другими лицами.⁴⁸ Подвергся опале самый рьяный помощник Пимена на соборе, низложившем Колычева, — рязанский архиепископ Филофей. Царь «изверже его из сану».⁴⁹ Тогда же были казнены некоторые из близких к нему лиц. В синодике среди казненных сразу после возвращения царя из новгородского похода записан «архимарит солочинской». Солотчинский монастырь, располагавшийся в 15 верстах от Рязани, принад-

лежал к числу крупнейших монастырей рязанской епархии. Опричники, «отделавшие» архимандрита, не удосужились узнать его имя и в донесении царю упомянули лишь чин убитого. Основываясь на неисправном списке синодика (МБ-3), С. Б. Веселовский предположил, что казненным архимандритом был Роман Палицын.⁵⁰ Но ни в одном исправном списке синодика имя архимандрита не расшифровано. В истории Солотчинского монастыря той поры не было архимандрита по имени Роман. Зато известно, что в 1568—1570 гг. пост архимандрита там занимал Исаак Сумин, бывший казначей епископа Филофея Рязанского. Сумин пытался спастись от царской опалы и в 1568/69 (7077) г. пожертвовал коня опричному Симонову монастырю, но надежды на заступничество опричного духовенства не сбылись.⁵¹ Исаак был архимандритом еще 29 апреля 1570 г.⁵² Вскоре же бывший епископский казначей подвергся казни.

Помимо Рязанской епархии репрессии затронули Нижегородскую. В Нижнем Новгороде не было епископской кафедры, и местное духовенство подчинялось непосредственно митрополиту в Москве. Старшим иерархом среди духовных лиц был архимандрит старейшего Печорского Вознесенского монастыря, во главе которого 18 лет стоял Иоаким, умерший 5 апреля 1570 г.⁵³ Его преемником не более чем на два-три месяца стал Митрофан; в синодике его имя записано среди казненных незадолго до 21 июля 1570 г.: «Митрофана инок, архимандрита Печерского, Елька Мальцов...» Крутые меры в отношении высшего духовенства должны были подготовить почву для расправы с архиепископом Пименом.

Царь осыпал щедрыми милостями монахов, послушных его воле. 23 января 1570 (7078) г. он пожаловал Кирилло-Белозерскому монастырю крупную вотчину в Дмитровском уезде на помин души князя Владимира Андреевича, а монахам — серебряные кубок и чару (в 7078 г.), 100 пудов меду (в 7079 г.), 200 руб. (в 7080 г.) и пр.⁵⁴

Во второй половине июля 1570 г. священный собор приступил к суду над Пименом. Церковники, запуганные кровавым террором, не осмелились возражать царю. Против Пимена выступили царские «ласкатели» — опричный симоновский архимандрит, кирилловский игумен, новый троицкий архимандрит Ф. Вятка и др. Противников Пимена охотно поддерживали те члены собора, которые не могли простить ему интриг против Филиппа. Помимо всего прочего, Пимен был одним из последних видных иерархов, тяготевших к нестяжателям, и это обстоятельство не могло не сказаться на отношении к нему осифлянского большинства собора.

После недолгого судебного разбирательства собор объявил о низложении Пимена. Опального архиепископа заточили в Никольский монастырь в Веневе, где он вскоре и умер. По авторитетному свидетельству новгородского архиепископского летописца, Пимен жил после своего «владычества», т. е. после низложения из владык, год и два месяца без шести дней. Умер он 25 сентября 1571 г., следовательно, сана лишился 18—20 июля 1570 г.⁵⁵

Через несколько дней после осуждения Пимена царь отдал приказ о казни всех его «сообщников» — новгородских дворян и приказных, а также главных московских дьяков. Накануне массовой экзекуции опричники терроризировали земщину новыми убийствами.

В синодике опальных имеется следующая запись: «князя Петра боярин Серебренький, дьяка Мясода Вислой, князя Александра Ярослав княж Петров племянник, Леваша подьячий». По словам очевидца А. Шлихтинга, казнь произошла в Ильин день, т. е. 20 июля 1570 г. Однако более точную дату «преставления» Мясода — 21 июля сообщают Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря.⁵⁶

Константин Семенович Вислый по прозвищу Мясоед принадлежал к составу Государева двора как сын боярский по Белоозеру, служил городовым приказчиком на Белоозере, позже получил чин дьяка. Вместе с В. Щелкаловым Мясоед

скрепил Уставную грамоту Разбойного приказа, как земский дьяк присутствовал на Земском соборе 1566 г.⁵⁷ В годы опричнины Вислый, по словам П. А. Садикова, занимался земельными спекуляциями в самых широких масштабах: скупал деревни у прощенных казанских ссыльных, продавал земли Кирилло-Белозерскому монастырю. Свое завещание земский дьяк составил «в нынешнем 7077 году», подписал в 7078 г. В завещании Вислый просил игумена Кирилло-Белозерского монастыря наделить из его «живота» — отказанной в монастырь вотчины — жену Марью «как им (монахам. — *Р. С.*), государем моим, Бог известит».⁵⁸ Однако Мария Вислая погибла раньше мужа. По словам осведомленного современника, на земского дьяка донесли, будто его жена худо говорит о государе царе Иване Васильевиче. Опричники повесили виновную на воротах мужнина двора, а затем опричник Б. Арцыбашев убил дьяка вместе с каким-то земским подьячим. И Вислый, и Серебряный были казнены, по-видимому, вне связи с «новгородским делом» и без какой бы то ни было судебной процедуры.

В дни опалы на Владимира Андреевича в 1563 г. Грозный назвал князей Серебряных в числе заговорщиков, желавших передать трон удельному князю. Вопреки легендам, из двух братьев бояр Серебряных выдающимся воеводой был не младший брат Петр, а старший Василий. В. С. Серебряный не подвергался опале и умер на воеводстве в Полоцке в «поветрие» в 1568 г.⁵⁹ По словам Курбского, П. С. Серебряный был «муж нарочит в воинстве и богат».⁶⁰ В битве под Копием в 1567 г. его разбили литовцы. Но поражение не отразилось на его карьере. В 1569 г. в дни подготовки суда над Владимиром Андреевичем П. С. Серебряный отправился в поход против турок под Астрахань. Царь доверял ему и в последующее время. 25 мая 1570 г. он выступил против татар на Оку, поручив П. С. Серебряному командовать авангардом армии.⁶¹ Гроза над головой боярина разразилась внезапно. А. Шлихтинг описал его казнь как очевидец. В полдень 21 июля 1570 г. опричники ворвались на земскую половину Москвы и оцепили двор Серебряного. По приказу Грозного Малюта Скуратов, вытащив боярина из хоромов, отрубил ему голову. Заодно убили племянника опального князя Александра Ярославова-Оболенского. Со смертью П. С. Серебряного род князей Оболенских, имевший наибольшее представительство в Боярской думе при Адашеве и Сильвестре, был окончательно изгнан из думы.

Нападение на земщину завершилось избиением колодников, сидевших в столичных тюрьмах. По утверждению А. Шлихтинга, при этом погибли все лица, взятые в плен в Изборске числом 140 человек.⁶² Однако эта цифра лишена достоверности. Захватив Изборск, литовский гетман оставил там более 100 человек гарнизона и прислуги. Две недели спустя к городу подступило опричное войско. Из-за внутренних раздоров гарнизон не смог удержать крепость. По свидетельству Г. Штадена, поляки, открывшие крепость опричникам, получили затем пожалования поместьями и крестьянами, «а те, кто хотел удержать их, были убиты».⁶³ В действительности судьба тех, кто не был принят на царскую службу, решилась не сразу. Половину пленных Грозный велел отпустить в Литву в обмен на 10 русских дворян еще летом 1569 г. Другую половину — примерно 50 человек русское правительство предложило обменять на 40 жителей Изборска, задержанных в Литве. Секретарь литовского посольства по возвращении на родину заявлял, что царь отпустил в Польшу 400 пленных поляков, а всех знатных удержал, требуя за них выкуп — икону Виленской Божьей матери.⁶⁴ Известие об отпуске примерно 500 польских пленников в Смоленск находит подтверждение в записках А. Шлихтинга. Что касается «знатных» лиц, задержанных в Москве, переговоры о них затянулись. Предложение об обмене их на изборских жителей, уведенных в Литву, наводит на мысль, что пленные поляки происходили из простых людей. Переговоры не давали результата, и тогда 26 июня 1570 г. бояре уведомили литовских послов, что царь готов вернуть

пленных в Литву в обмен на старую икону из Виленского собора, находившуюся там «в затворе». Русские соглашались на то, чтобы из киота иконы были вынуты драгоценные камни. Литовские послы отвечали уклончиво, обещав доложить о русских предложениях королю.⁶⁵ Менее чем через месяц опричники стали казнить изборских пленников. А. Шлихтинг упоминает о том, что царь самолично участвовал в убийстве пленных в трех тюремных башнях, в каждой из которых было будто бы ровно по 55 человек.⁶⁶ В своем памфлете А. Шлихтинг тенденциозно интерпретировал известные ему данные. Изборских пленных в Москве было немногим более 50 человек. В день посещения царем тюрем погибли шляхтич Ракуза с зятем Я. Мольским, П. Быковский, А. Богуцкий, чех Беза и один незнатный литовец. Два пленника остались живы — слуга капитана Чичерского А. Мочаржевский и холоп пана Стабровского. Опричники умертвили их на другой день. Описанные убийства не получили отражения в синодике.

На 25 июля 1570 г. была назначена казнь людей, привезенных из Новгорода и осужденных по делу об «измене» Пимена.⁶⁷ Местом казни была избрана обширная рыночная площадь в Китай-городе, именовавшаяся Поганой лужей.

В день казни царь Иван явился на площадь в полном боевом облачении — «в доспехе в шоломе и с копием».⁶⁸ При нем находились наследник и многочисленная вооруженная свита. Полторы тысячи конных стрельцов оцепили Поганую лужу с трех сторон. Еще накануне опричные мастера сделали необходимые приготовления к экзекуции — забили в землю колья и т. д.⁶⁹

Вступление опричных войск на земскую половину Москвы и приготовления к казням вызвали панику среди столичного населения. Люди торопились спрятаться в домах. Улицы и площади опустели.

Такой оборот дела озадачил Ивана, который поспешил обратиться к народу с увещеваниями. Очевидцы передают, что царь разъезжал по всей площади, уговаривал жителей отбросить страх, приказывал им «подойти посмотреть поближе, говоря, что, правда, в душе у него было намерение погубить всех жителей города, но он сложил уже с них свой гнев».⁷⁰ В речах Грозного заключалось одно поразительное признание. «Изобличив» в измене главных московских дьяков, опричное руководство серьезно помышляло о том, чтобы покарать все земское население Москвы и учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде. Однако здравый смысл взял верх и новые чудовищные планы опричнины так и не были осуществлены.

Паника, вызванная прибытием опричников, постепенно улеглась, и народ заполнил рыночную площадь. Тогда царь вновь обратился к «черни»: «стоя в середине ее, спросил, правильно ли он делает, что хочет карать своих изменников». В ответ раздались громкие крики: «Живи, преблагий царь! Ты хорошо делаешь, что наказуешь изменников по делам их».⁷¹ «Глас народа», всеобщее одобрение опричной расправы были, конечно, сплошной фикцией.

После речи к народу царь «великодушно» объявил о помиловании более чем половины осужденных. Из 300 опальных, выведенных на площадь, примерно 184 человека были отведены в сторону и тут же переданы на поруки земским боярам и дворянам. Царь Иван будто бы заявил: «Вот, возьмите, дарю их вам, принимайте, уводите с собой, не имею никакого суда над ними». В архиве, согла по позднейшей описи, хранился «приговор государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии и царевича Ивана о тех изменниках, ково казнить смертью, и как государь, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии и царевич Иван Иванович выезжали в Китай-город на полое место сами и велели тем изменникам вины их вычести перед собой и их казнити».⁷²

После отпуска помилованных земских дьяк В. Я. Щелкалов стал громко вычитывать остальным осужденным их «вины» и начались казни.

Первыми на эшафот взойшли члены земской Боярской думы печатник И. М. Висковатый и главный казначей Н. А. Фуников, руководитель Поместного

приказа В. Степанов,⁷³ руководитель приказа Большой казны И. Булгаков и руководитель Разбойного приказа Г. Шапкин с их семьями.

Опричники пытались заставить И. М. Висковатого публично признаться в своих «преступлениях» и просить царя о помиловании. Однако гордый печатник отвечал на все уговоры: «Будьте прокляты, кровопийцы, вместе с вашим царем!» Таковы были его последние слова.

Висковатого, раздев донага, привязали к бревнам, составленным наподобие креста. По желанию царя роль палачей взяли на себя присутствовавшие на площади дворяне и приказные. Казнь начал Малюта и завершил опричный подьячий И. Реутов. Печатника, висевшего на кресте, разрезали живьем на части.

Затем на лобное место вывели Н. Фуникова. Казначей вел себя с таким же достоинством, как и Висковатый, и тоже отказался признать себя виновным. Фуникова сварили, обливая попеременно крутым кипятком и студеной водой. За Фуниковым пришел черед других руководителей приказов. Дьяка Г. Шапкина казнил князь В. И. Темкин, дьяка И. Булгакова — земский боярин И. П. Яковлев-Захарьин.⁷⁴

Казни на Поганой луже продолжались четыре часа. По определению самых различных авторов, опричники избили до 116 (Шлихтинг), 120 (Пискаревский летописец), 130 (Штаден) человек.⁷⁵ Эти показания в общем подтверждаются царским синодиком опальных. В текст синодика включен полный поименный перечень казненных, насчитывающий до 120—130 лиц.⁷⁶ Это были главным образом новгородские дворяне и приказные, привезенные в Москву из Слободы.

Тотчас после казни московских дьяков опричники обезглавили главных новгородских дьяков К. Румянцева и Б. Ростовцева.⁷⁷ За ними последовали многие знатные вассалы новгородского архиепископа: князь А. Тулупов-Стародубский, князь В. Шаховской-Ярославский, псковский наместник владыки и его дворецкий Неудача Цыплятев, сын последнего Никита, архиепископские дворяне Ч. Бартенев,⁷⁸ Г. Милославский (родня архиепископского конюшего), С. Пешков (родня архиепископского дворянина Т. Пешкова), Б. Мартьянов,⁷⁹ владычный дьяк М. Дубнев, архиепископский чашник Ш. Волынский, а также помещики различных новгородских пятин: Курцевы, Палицыны, Матвеевы, Чертовский, Сысоев, Аникеев, Паюсов, Рязанцев, Кроткий, Жданский. По синодику, казни подверглось до 50—70 новгородских дворян и приказных и еще несколько десятков лиц из числа дворцовой прислуги.

Присутствовавший на площади А. Шлихтинг передает, что в числе других опричники убили царского повара, будто бы пытавшегося отравить царя по наущению Старицкого. Имя повара записано в синодике опальных в списке 25 июля 1570 г. Это Алексей Молявин, последний из сыновей повара Молявы, убитого в день суда над Старицким на Богане. Часть его разделили повар А. Быков, какой-то истопник, подключник И. Кайсаров, часовой мастер Суета, четыре конюха, какой-то скоморох и т. д. Во время суда над Старицким и боярином Даниловым опричники охотно пользовались доносами дворцовой прислуги. После завершения суда в подобной помощи больше не было нужды.

Помимо новгородцев и дворцовой прислуги в тот же день погибли несколько московских детей боярских (П. Д. Софроновский и пр.) и трое московских подьячих.⁸⁰ В целом московский приказной аппарат избежал участи новгородского. Правительство опасалось дезорганизовать сложный механизм государственного управления.

Массовая экзекуция новгородцев завершилась спустя одну-две недели после 25 июля 1570 г. На этот раз жертвами опричнины стали семьи опальных новгородских дьяков и дворян. По словам очевидцев, погибло примерно 80 человек — жен и детей «изменников».⁸¹ Более точные данные на этот счет сообщает синодик, где записаны общим списком свыше 60 женщин и детей — членов семей новгородцев, убитых 25 июля. Среди них семьи князя Тулупова, К. Румянцева,

Б. Ростовцева и т. д. Все они были утоплены в реке. То, что произошло в свое время в Новгороде на Волховском мосту, повторилось отчасти в Москве.

Как упоминалось выше, в день массовых казней 25 июля 1570 г. царь помиловал около 184 человек опальных новгородских дворян. Отнюдь не все из «прощенных» были отпущены на свободу. Среди подлинных дел о суде над новгородцами хранился «список, за дьячьёю пометою, хто кажен, и хто куды в тюрьму послан, и хто отпушен и дан на поруки».⁸² По Новгородской летописи, часть помилованных новгородцев «по многом испытании» была разослана «по иным градам» на жительство.⁸³ Некоторые опальные были отпущены на свободу и «пожалованы». Согласно подлинным документам, в ходе суда над новгородцами «многие (опальные. — Р. С.) кажены смертью, розными казнями, а иные розосланы по тюрьмам, а до кого дело не дошло, и те свобождены, а иные и пожалованы».⁸⁴

По существу своему опричнина была политической мерой. Задачи ее, будучи узкими сами по себе, сводились к утверждению неограниченной единодержавной власти монарха. На шестом году опричнины царь, казалось бы, добился своего: под тяжестью кровавого террора исчезли все видимые признаки недовольства в стране. Все кругом безмолствовало. Но репрессии чрезмерно усилили влияние опричного руководства, образовавшего как бы «правительство над правительством». Царь увидел в этом угрозу для своей власти. Решение о разгроме Новгорода вызвало первые серьезные разногласия в опричной думе. Архиепископ Пимен выступил как приспешник опричных властей в 1565 г., позже помог низложить Филиппа Колычева. Готовившаяся расправа с Пименом встревожила А. Басманова и князя А. Вяземского. Последний пытался предупредить владыку о грозившей ему опасности. Террористический режим стремительно двигался навстречу своей гибели. Творцы опричнины в конце концов сами стали жертвами созданной ими адской машины. Басмановы были отстранены от дел до начала новгородского похода. Вяземский подвергся опале несколько позже. На него подал донос опричный ловчий Григорий Ловчиков. Малюта Скуратов и Василий Грязной использовали донос Ловчикова, чтобы свергнуть старое руководство опричнины.

«Новгородское дело» оборвало карьеру Басмановых и Вяземского, этих наиболее видных руководителей опричнины в пору ее возникновения и расцвета. Согласно подлинным документам, «изменник» Пимен и новгородцы будто бы «ссылалися к Москве з бояры с Олексеем Басмановым и с сыном его с Федором... да со князем Офонасьем Вяземским о здаче Великого Новгорода и Пскова».⁸⁵

Если земских «изменников» казнили публично, при огромном стечении народа, то с руководителями опричнины расправились втихомолку, без лишнего шума. Фаворита Федора Басманова царь пощадил, но тот, по словам Курбского, избежал казни страшной ценой. Он будто бы сам «последи зарезал рукою своею отца своего Алексея, преславного похлебника, а по их языку, мальяка и губителя своего и святорусские земли». Насколько достоверно это известие, сказать трудно. Федор Басманов доказал свою преданность самодержцу, но опалы не избежал: будучи с семьей сослан на Белоозеро, он умер в тюрьме.⁸⁶ Заодно с А. Д. Басмановым казни подвергся его сын Петр. Катастрофа постигла весь род Плещеевых разом, свидетельством чему служит следующая запись синодика: «Алексия, сына его Петра Басманова, Захарью, Иону Плещеевы». Захарий Иванович Очин-Плещеев входил в опричную думу в боярском чине, а его брат Иван был видным опричным воеводой. В разрядах опричных походов за май — сентябрь 1570 г. никто из Плещеевых не фигурировал.⁸⁷

А. Вяземский пытался предупредить Пимена о грозившей ему опасности. Эта «измена» открылась, видимо, после возвращения Грозного в Слободу. Царь, уязвленный неверностью любимца, поначалу не тронул его самого, но велел, по словам А. Шлихтинга, убить из засады его брата и нескольких челядинцев.⁸⁸ Синодик опальных полностью подтверждает слова А. Шлихтинга.

Вслед за списком казненных в Пскове там записаны «Иона Вяземский», а ниже «Грязнов Вяземского». Спасаясь от неминуемой гибели, бывший любимец Грозного укрылся в доме царского лейб-медика Лензея, где оставался пять дней. Убежище его было вскоре же обнаружено. Царь велел арестовать Вяземского и подвергнуть его торговой казни. Опричного оружничего били палками на рыночной площади, принуждая вносить ежедневно 1000, затем 500 и 300 руб. Чтобы откупиться от торговой казни, опричник стал называть имена богатых столичных купцов, будто бы занимавших у него деньги, а тем пришлось платить несуществующие долги. Видевший Вяземского в доме Лензея, Шлихтинг писал: «Несчастный до сих пор подвергается непрерывному избиению».⁸⁹ Поскольку немец бежал из России вскоре после сентября 1570 г., то, очевидно, его сведения относились к осени этого года. Позже опальный оружничий был сослан в посад Городецкий на Волге и там умер в тюрьме «в железных оковах».⁹⁰ С удалением Вяземского из опричнины были изгнаны все его многочисленные родственники. С мая 1570 г. их имена полностью исчезли из опричных разрядов.

Устранив Басмановых и Вяземского, царь и его новые советники приступили к систематическому разгрому опричной думы.

¹ Речи С. Мальцева в Крыму 21 ноября 1569 г. см.: *Садиков П. А. Поход турок и татар на Астрахань в 1569 г.*//ИЗ. 1947. Т. 22. С. 158.

² Шлихтинг. Новое известие. С. 59; ср.: Разряды. Л. 356 об.; Сб. РИО. Т. 71. С. 660, 665.

³ Разряды. Л. 357.

⁴ Послание Ивана Грозного. С. 618.

⁵ Сб. РИО. Т. 129. С. 175, 177.

⁶ Краткий отчет о посольстве в Москву Павла Юстена//*Russian History*. California, 1986. Vol. 13. № 1. P. 62.

⁷ Сб. РИО. Т. 129. С. 177, 185, 187, 190.

⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 61; *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России//Чтения ОИДР. 1863. Кн. 1. Отд. IV. С. 157.

⁹ ДДГ. С. 440; Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 32.

¹⁰ Описи царского архива. С. 79; Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 32—33, 90; Шлихтинг. Новое известие. С. 60.

¹¹ ДДГ. С. 440.

¹² Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 1. С. 273—274.

¹³ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и развитие Восточной Европы. М., 1978. С. 45.

¹⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 60.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 632, 714, 723, 783.

¹⁶ Там же. С. 786—787.

¹⁷ Там же. С. 651, 786—787.

¹⁸ См. ниже.

¹⁹ Штаден. Записки. С. 92.

²⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 62.

²¹ Диалог передан Шлихтингом в «Новостях», отличающихся значительно более высокой степенью достоверности, нежели написанные позже «Сказания» (Шлихтинг. Новое известие. С. 62). Речь царя весьма точно выражала его характер, непомерную гордыню. С точки зрения стилистической она весьма близка к подлинным произведениям и письмам Грозного.

²² В начале 1570 г. турки справлялись у русского посла Новосильцева: «Какой, господине, он человек (И. М. Висковатый. — Р. С.) у нашего государя на Москве и что за ним какой приказ есть ли?» Послы разъяснили, что у «царя и великого князя Иван человек приказной — печатник, да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым» (*Садиков П. А.* Поход татар и турок... С. 160—161. Примеч. 12).

²³ Штаден. Записки. С. 84—85.

²⁴ Послание Таубе и Крузе. С. 51.

²⁵ Это произошло тотчас после отъезда из Москвы польских послов 3 июля 1570 г. (Шлихтинг. Новое известие. С. 41—42).

²⁶ Шлихтинг не сообщает причин казни Т. Висковатого. Его рассказ дополняет некоторыми подробностями литовский хронист А. Гваньини. По его утверждению, Третьяк вероломно оболгал удельного князя, после чего сам стал жертвой царского произвола (см.: *Gvagnini A.* *Sarmatiae Europaeae descriptio quae Regnum: Moschoviae descriptio.* Krakow, 1578. F. 39).

²⁷ Шлихтинг. Новое известие. С. 48.

²⁸ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 257.

- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 47.
- ³¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 786—787.
- ³² Штаден. Записки. С. 85.
- ³³ Шлихтинг. Новое известие. С. 47.
- ³⁴ Штаден. Записки. С. 85.
- ³⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 722. Еще 12 июля от имени печатника Висковатого была составлена грамота польским послан (Там же. С. 747).
- ³⁶ Сб. РИО. Т. 71. С. 345, 395, 630; Т. 129. С. 191. А. Я. Щелкалов получил думный титул в первые годы опричнины. Он участвовал в заседаниях Боярской думы в июле 1566, 18 мая 1568 и 25 мая 1570 г. (Сб. РИО. Т. 71. С. 139, 565, 666; СГГД. Ч. 1. № 192. С. 548).
- ³⁷ В неизвестное время дьяки В. Я. Щелкалов и М. Вислый составили и скрепили своими подписями Уставную книгу Разбойного приказа (ААЭ. Т. 2. С. 386; Памятники русского права (XV—XVII вв.))//Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1956. Вып. 4. С. 356—370). В 50-х гг. В. Я. Щелкалов не имел дьяческого чина, а Вислый служил дворцовым дьяком (Разряды. Л. 232, 238 об.). Очевидно, они могли составить книгу Разбойного приказа лишь в 60-х гг., когда В. Я. Щелкалов получил дьячество. В приговорной грамоте Земского собора 1566 г. Щелкалов и Вислый записаны вместе среди приказных, не входивших в думу (СГГД. Ч. 1. № 192. С. 553). Разбойные дьяки в думу не входили. В 1567 г. Щелкалов ездил с посольством в Литву и вскоре после этого был пожалован в думные дьяки (Сб. РИО. Т. 71. С. 565, 666). О компетенции Разбойного приказа см.: *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 114.
- ³⁸ Описи царского архива. С. 37.
- ³⁹ Раздел переяславской вотчины занял несколько месяцев и был завершен только 15 марта 1571 г. (АИ. Т. 1. № 180. С. 341—342). Позже Щелкаловы отдали полученную ими вотчину Висковатого в Троице-Сергиев монастырь (ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 830).
- ⁴⁰ АИ. Т. 1. № 181. С. 342—343.
- ⁴¹ Сб. РИО. Т. 71. С. 630; Т. 129. С. 191, 196, 199; *Юшков А. И.* Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. М., 1898. № 198.
- ⁴² АИ. Т. 1. № 180. С. 341—343.
- ⁴³ Особое положение Троице-Сергиева монастыря получило официальное признание в начале 60-х гг., когда по совету Макария его игумен получил сан архимандрита (ПСРЛ. Т. 13. С. 331).
- ⁴¹ Новгородские летописи. С. 100.
- ⁴⁵ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. С. 139, 169.
- ⁴⁶ Ко времени получения царского послания Кирилл не знал, где находился Грозный с опричниной. Поэтому его отписка к царю не имела точного адреса. «Писана в 78-м году, — значилось в архивной описи, — а куды к-царю Ивану та отписка писана, того не объявилось» (ДДГ. С. 483).
- ⁴⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 315.
- ⁴⁸ Житие Филиппа митрополита//ГПБ. ОР. Соловецкое собр. № 1073/963. Л. 91.
- ⁴⁹ Там же. Точное время низложения Филофея неизвестно.
- ⁵⁰ Веселовский. Исследования. С. 433.
- ⁵¹ Вкладная книга Симонова монастыря//ГПБ. ОР. Ф. IV. № 348. С. 92; Солотчинский монастырь/Сост. арх. Македоний. Рязань, 1886. С. 13.
- ⁵² РИБ. Т. 2. Стб. 976—977.
- ⁵³ *Строев П.* Списки иерархов... С. 610.
- ⁵⁴ *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в.: (1397—1625). СПб., 1910. Т. 1. Вып. 2. Прил. С. 50; Садилов. Очерки. С. 444—445; ЗОРСА. Т. 1. С. 87, 88.
- ⁵⁵ Новгородские летописи. С. 107, 148, 345. Другой Новгородский летописец сообщает, что Пимен был архиепископом в Новгороде 17 лет 2 месяца и 9 дней (с 6 декабря 1552 по 15 февраля 1570 г.) и что он «бысть сведен на Москве» 5 месяцев и 10 дней, иначе говоря, находился в столице с 15 февраля по 25 июля 1570 г. (см.: Там же. С. 107).
- ⁵⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 44; ЗОРСА. Т. 1. С. 78.
- ⁵⁷ ТКДТ. С. 116, 147; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 93.
- ⁵⁸ Садилов. Из истории опричнины. С. 156—157; Архив П. М. Строева. Т. 1//РИБ. Т. 32. С. 501—504.
- ⁵⁹ Разряды. Л. 343.
- ⁶⁰ Курбский. Сочинения. С. 280.
- ⁶¹ Разряды. Л. 356 об. и др.
- ⁶² Шлихтинг. Новое известие. С. 61.
- ⁶³ Штаден. Записки. С. 94.
- ⁶⁴ *Шмурло Е. Ф.* Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 246.
- ⁶⁵ Сб. РИО. Т. 71. С. 609, 743—744.
- ⁶⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 45.
- ⁶⁷ По Шлихтингу, экзекуция произошла в праздник, день святого Якова, т. е. 25 июля 1570 г. По кормовым книгам, опальных Н. Фуникова с товарищами действительно поминали

25 июля (Титов А. А. 1) Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря. Ярославль, 1881. С. 5; 2) Вкладные и кормовые книги Иосифова монастыря//Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахромееву. М., 1906. Вып. 5. Ч. 2. С. 46, 72).

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.

⁶⁹ Шлихтинг. Новое известие. С. 26; Послание Таубе и Крузе. С. 51.

⁷⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 46.

⁷¹ Там же.

⁷² ДДГ. С. 481.

⁷³ Подлинная фамилия В. Степанова была Угримов (Самоковсов Д. Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 19). Угримовы происходили из провинциальных детей боярских.

⁷⁴ Шлихтинг. Новое известие. С. 47; Штаден. Записки. С. 92; Послание Таубе и Крузе. С. 51; ПСРЛ. Т. 34. С. 195.

⁷⁵ Шлихтинг. Новое известие. С. 46; Штаден. Записки. С. 92; ПСРЛ. Т. 34. С. 191.

⁷⁶ А. А. Зимин полагает, что в числе казненных были А. Безсонов, В. Захаров, возможно, И. Г. Выродков и т. д. (см.: Зимин. Опричнина. С. 439). Но, судя по синодику, все они погибли совсем в другое время.

⁷⁷ Б. Ростовцев исполнял службу новгородского дьяка в сентябре—декабре 1569 г. перед самым новгородским разгромом (см.: Сб. РИО. Т. 129. С. 174—177).

⁷⁸ Курбский, сообщая о казни князя А. Тулупова и Н. Цыплятева, указывает, что «были тые даны на послужение великая церкви Софии» Новгородской (см.: Курбский. Сочинения. С. 319). По новгородским писцовым книгам, князя Андрея Тулупова «не стало в государеве опале». В августе 1571 г. его поместье было передано другим лицам (см.: Самоковсов Д. Я. Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 35). Курбский особо отмечает, что архиепископский дворецкий Н. Цыплятев был «искусен и богат зело» (Курбский. Сочинения. С. 319).

⁷⁹ Мартьяновы служили архиепископу (Греков Б. Д. Новгородский дом св. Софии. СПб., 1914. Ч. 1. С. 538).

⁸⁰ Среди них был московский подьячий Верещагин. В документах 7076 г. упоминается подьячий С. Н. Верещагин «из Поместной избы», участник поземельных сделок М. Вислого (Садиков. Из истории опричнины. С. 22—24, 217—219 и др.).

⁸¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 49.

⁸² Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 257.

⁸³ Новгородские летописи. С. 345.

⁸⁴ Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 257.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Курбский. Сочинения. С. 305.

⁸⁷ Дольше других удержался в опричнине И. Д. Колodka-Плещеев, получивший назначение воеводы «у Антония Великого» в мае 1570 г. (Разряды. Л. 356 об.).

⁸⁸ Шлихтинг. Новое известие. С. 32—33,

⁸⁹ Там же. С. 33.

⁹⁰ Штаден. Записки. С. 96.

«ОПРИЧНАЯ БЛАГОДАТЬ»

Персональные перемены в составе опричного руководства поначалу не привели к сколько-нибудь заметным изменениям в принципах и целях опричной политики.

На период после «новгородского дела» приходится последнее крупное расширение территории опричины. Исследовав опричные земельные мероприятия 1569—1571 гг., А. А. Зимин пришел к выводу, что по своим целям эти меры резко отличались от задач создания опричной территории, как они мыслились в 1565 г. «Теперь дело шло о том, чтобы путем опричных переселений в уезды, которые царь рассматривал как очаги смуты, ликвидировать в них социальную базу возможных заговоров и мятежей».¹ В самом деле, зачисление Новгорода в опричину в 1571 г. произошло в иных конкретных условиях, чем зачисление Суздаля в 1565 г. Одна из важных перемен заключалась в том, что царь начал утрачивать доверие к опричнине, свидетельством чему явилась казнь главных вождей опричины в 1570 г. Опричный корпус был организован в пределах Московской земли. Тем самым он сохранил связи с «Государевым двором» Московской земли. В какой мере был осуществлен проект привлечения новгородцев на столичную службу в составе «тысячи лучших слуг», неизвестно. Двор Московской земли внушал самодержцу все большие подозрения, и, следуя излюбленному принципу «разделяй и властвуй», Грозный пытался противопоставить Москве Новгород, московскому двору — новгородских помещиков.

В отличие от Новгорода в Москве борьба с «изменой» так и не была доведена до конца. Чувствуя себя неуютно в старой столице, Иван отдал приказ о строительстве новой резиденции в Новгороде сразу после разгрома. Как записал летописец, 13 марта 1570 г. «на Торговой стороне от Волхова все дворы очистили, нарядили площадью, а ставити на том месте двор государев».²

В короткий срок власти пустили на слом 227 дворов на Торговой стороне и тем самым расчистили строительную площадку для новой крепости. Под «государев двор» были взяты казенный Денежный двор, 32 нетяглых двора, принадлежавших помещикам и духовенству, и 190 тяглых дворов, владельцами которых были в подавляющем большинстве «молодые» и «средние» посадские люди.³ Опричники изгоняли горожан из их жилищ, а дворы ломали или перевозили на новые места. Принудительному переселению подверглось не менее тысячи новгородцев. Опричная крепость в Новгороде должна была стать почти столь же грандиозной, как и в Вологде. Противопоставив столице крепости в Новгороде и Вологде, самодержец рассчитывал надежно отгородиться от крамольного боярства, располагавшего слишком прочными позициями в «царствующем граде».

Опричный разгром покончил с «изменой» в Новгороде, и теперь Новгородская земля была вполне подготовлена для высокой милости — вступления

в «государеву светлость» (так именовал опричнину верноподданный новгородский летописец).

23 февраля 1571 г. в Новгород прибыли опричные дьяки С. Ф. Мишури и А. М. Милюков-Старой, отписавшие в опричнину Торговую сторону Новгорода, Бежецкую и Обонежскую пятины. Главный новгородский воевода князь П. Д. Пронский, правивший земским Новгородом в течение полутора лет, покинул свою резиденцию на Софийской стороне и переехал в опричнину на Торговую сторону.⁴ Пронский помогал опричникам громить новгородцев в 1570 г., и эта его заслуга получила теперь официальное признание.⁵ Знатный земский боярин был принят на службу в опричный двор.⁶

Примечательно, что помещики Бежецкой пятины понесли в дни погрома едва ли не наибольший ущерб по сравнению с другими пятинами. Непонятно, писал С. Б. Веселовский, зачем царь взял в опричнину Бежецкую и Обонежскую пятины, в которых было не более двух-трех десятков помещиков.⁷ Очевидно, исследователь не учел показаний Разрядных книг.

В целях набора новых контингентов в опричное войско администрация провела генеральный смотр дворян опричных пятин. В Бежецкой пятине в 1563 г. службу несли 536 помещиков, а в 1572 г. по различным сведениям — от 400 до 450.⁸

Судя по Разрядным книгам, опричный перебор «людишек» в Бежецкой пятине не сопровождался массовым выселением местных землевладельцев. Причиной было то, что заподозренные в измене лица были жестоко истреблены во время царского похода. Для обеспечения опричникам повышенных окладов власти использовали земли казенных, а также выселенных из пятины помещиков. Среди последних преобладали родственники казенных ранее лиц. В их числе были П. Ф., В. Я. и М. Я. Пыжовы-Отяевы из рода Хвостовых; И. С. Мусоргский из рода Монастыревых, З. М. и С. М. Сысоевы, А. Т. Аникеев, И. И. и М. И. Баскаковы, К. Н. Паюсов, З. С. Лаптев, З. М. Опалев. Помимо них высылке подверглись помещики В. В., К. В., С. В., З. З., И. А. и В. Г. Харламовы, И. Д., Д. Д. и С. И. Моклоковы, С. С. Корсаков, Н. Н. Нечаев, И. Ф. Путятин.

К октябрю 1571 г. переселенцы получили новые поместья в земских пограничных уездах — Себеже, Усвяте и др.⁹

Опричная армия получила крупное пополнение: в ее состав влилось более пятисот новгородских дворян. Распространив опричные привилегии на часть служилых людей Новгородской земли, опричные власти раскололи новгородское дворянство, одну из самых влиятельных военно-служилых корпораций страны. Тем самым они ослабили земщину и одновременно расширили собственную военную базу.

Долгое время после «государева погрома» политика в отношении Новгорода сохраняла ярко выраженный антицерковный характер. Созванный в Москве для суда над Пименом священный собор покорно одобрил опричные репрессии против новгородской церкви и тем самым дал повод царю для новых гонений против новгородского черного духовенства.

29 августа 1570 г. новгородцы получили из Москвы распоряжение немедленно собрать по монастырям все жалованные грамоты и отправить их в Москву. На другой день повествует новгородская летопись, «взял государь по монастырем грамоты к себе, к Москве, жалованы, по всем».¹⁰ Изъятие документов из монастырских архивов осуществили опричные приставы, посаженные в крупнейшие новгородские монастыри в период «государева погрома».¹¹ Вся операция продолжалась один-два дня. За такой короткий срок исполнители не имели возможности детально разобраться в монастырских архивах и, по-видимому, изымали всю документацию без разбора. В новых мероприятиях опричины таилась опасность, перед которой бледнели все предыдущие бедствия духовенства — разграбление казны, разгром монастырского хозяйства

и т. д. Жалованные грамоты служили главным подтверждением права монастырей на земли и привилегии, сохраненные ими после присоединения Новгорода к Москве.

В конце концов опричное правительство все же не осмелилось посягнуть на земельные богатства церкви. Наибольшие вождения вызывали по-прежнему денежные богатства и сокровища монастырей, которыми можно было пополнить вечно пустующую опричную казну.

Покидая Новгород в феврале 1570 г., царь оставил там своих эмиссаров К. Д. Поливанова и У. В. Безопишева. Главный опричный эмиссар Поливанов занял резиденцию новгородского дворецкого на Софийской стороне. Его подручные заняли 27 крупнейших монастырей, «у всякого монастыря по сыну боярскому». Опричные приставы руководили продолжавшимися реквизициями монастырских богатств. В период с 13 февраля до 13 октября 1570 г. они высклали с монастырей 13 тыс. рублей. Специальный царский посланник опричник П. Г. Совин в середине октября вывез собранные деньги в Москву.¹² В декабре 1570 г. опричное правительство приняло решение о прекращении реквизиций в Новгороде. 5 января 1571 г. в Новгород прибыл Д. И. Черемисинов с распоряжением снять монастырских старцев с правежа. Через несколько дней из Новгорода в Москву двинулись обозы с монастырской казной и добром. В повозках были доправленные на монахах деньги, «иные считанные, а иные не считанные», а также «запасы на всех монастырях, которые не заплатили».

Новгородские попы разделили участь монашествующей братии. Многие из них были увезены в Москву и там поставлены на правеж. Городские попы не располагали богатствами монастырей и не могли откупиться от опричников, ввиду чего власти решили доправить недостающую сумму на новгородцах. После годового правежа, 30 декабря 1570 г., в Новгород прибыл поповский праветчик М. М. Кузьмин. Но и на этом правеж не кончился. Последние новгородские попы (Ф. Шепочев и др.) были отпущены из Москвы в Новгород только в сентябре 1571 г.¹³

Причины, побудившие прекратить гонения против духовенства, довольно просты. К началу 1571 г. власти приурочили объявление о переходе половины Новгородской земли в опричину.

В течение длительного времени высшие церковные должности в Пскове и Новгороде пустовали. Во Пскове царь разрешил произвести необходимые назначения раньше, чем в Новгороде. Кафедра главнейшего Псковского монастыря пустовала полтора года. Наконец, 15 июня 1571 г. в Печоры явился новый архимандрит Сильвестр.¹⁴ Печорские архимандриты фактически возглавляли все местное псковское духовенство.

Новгородская церковь не имела пастыря почти два года со дня ареста Пимена. За это время в положении древнейшей епархии России произошли крупные перемены. В источниках имеются указания на то, что в 1569/70 (7079) г. царь изъял из ведения Новгородского Софийского дома северные земли, некогда принадлежавшие Новгородской феодальной республике, включая Двину, Холмогоры, Каргополь, Турчасов, Вагу «с уезды». Все эти территории были переданы под управление опричного Вологодского епископства.¹⁵ Иван IV старался подорвать влияние новгородской церкви с такой же решительностью, с какой Иван III боролся с новгородским боярством. Московские власти разрешили восстановить высшую церковную иерархию в Новгороде лишь после того, как там пустили корни опричные порядки. Решение о посылке в Новгород нового архиепископа объяснялось тем, что новая опричная администрация Новгорода нуждалась в авторитете церкви.

В конце 1571 г. на архиепископство в Новгород был прислан Леонид, бывший архимандрит кремлевского Чудова монастыря.¹⁶ Ученик и преемник известного царского «ласкателя» Левкия, в свое время заслужившего проклятия от Курбского, Леонид пользовался полным доверием опричного руководства.

Новый архиепископ отличался сребролюбием. Едва прибыв в Новгород, он объявил, что будет штрафовать попов и монахов, которые осмелятся звонить в колокола раньше, чем позвонят у Софии. Сумма штрафа была исключительно велика — составляла 2 новгородских рубля. Это первое распоряжение архиепископа охладило радость местного духовенства по поводу назначения нового пастыря.¹⁷

Леонид не стесняясь вымогал подарки у своих подчиненных. Во время церковной службы он стал ругать юрьевского архимандрита Феокиста за то, что тот не «кажет» и не подписывает у него «настойной грамоты». Феокист, достаточно хорошо знавший владыку, решил объясниться с ним начистоту: «...тоби деи у мене хочеться содрать, а мне тебе нечего дать <...> хочешь де с меня, владыко, и ризы здери, и я о том не тужю».¹⁸

При посещении Новгорода в 1572 г. царь пожаловал новгородскому духовенству «милостинные деньги», их целиком присвоил себе Леонид. Игумены и попы пытались искать справедливости у Ивана Васильевича. Тогда архиепископ вызвал всех жалобщиков в Софийский собор, велел им снять ризы и обругал последними словами: «Собаки, воры, изменники, да и все новгородцы с вами, вы де меня оболгали великому князю».¹⁹ Оскорбленные священники отказались служить обедню во всех городских церквях. Разразился скандал, который удалось замять лишь после вмешательства царя. Леонид объявил «прощение» монахам, но еще целый месяц держал гнев на городских священников.²⁰ Вскоре он придрался к софийским дьякам и поставил их на правеж, требуя по полтине с головы за их опоздания, «что дьяки не ходят к началу к церкви».²¹

После утверждения опричных порядков в Новгороде власти отказались от прежней политики реквизиций по отношению к духовенству. Тем не менее с полного согласия нового владыки они продолжали облагать местные монастыри различными поборами и повинностями.²² Леонид был типичным церковным деятелем времен опричнины, к тому же он получил разоренное епископство. В его лице опричная администрация нашла достойного подражателя и помощника. Архиепископ полностью подчинил новгородскую церковь целям опричной политики.

Из-за крайней скудости источников до сих пор недостаточно изучены экономические меры опричнины и ее торговая политика. Во время государева погрома опричная казна наложила руку на денежные богатства купечества Новгорода. После зачисления Торговой стороны в опричину власти подвергли более систематической эксплуатации новгородскую торговлю. По своим оборотам она стояла на одном уровне с торговлей богатых городов Поморья, попавших под опричный контроль при учреждении опричнины. Значительным стимулом для развития товарообмена явилось присоединение к России крупного морского порта Нарва, через который власти надеялись наладить торговлю с ганзейскими городами в Германии, Англией и Голландией. Грузы из Западной Европы не могли миновать опричных таможенных застав в Новгороде, и опричная казна рассчитывала на новый солидный источник доходов.

Спустя три недели по прибытии в Новгород опричные дьяки издали новую таможенную грамоту (17 марта 1571 г.), регламентировавшую деятельность новгородского рынка.²³ Первой заботой опричных властей было введение привилегий для тех, кто приобщился к «государевой светлости». Купцу грозила казнь «от государя», его товар конфисковывался в казну в случае нарушения правил торговли. Приезжие купцы могли останавливаться только в гостиных дворах. Если они ставились во дворе посадских людей, их товары реквизировались «по тому же, как и на Москве». У жителя, пустившего к себе купца-постояльца, конфисковывали двор.

На словах Таможенная грамота 1571 г. предписывала чиновникам «ни в которых пошлинах ничем не корыстоватися и поминков и посулов не имати

ни у кого». В то же время при недоборе пошлин «против прежних лет» опричная администрация взыскивала с таможенников вдвое, независимо от рыночной конъюнктуры.²⁴

Сравнение Новгородской таможенной грамоты 1571 г. с аналогичной Орешковской грамотой 1563 г. обнаруживает факт усиления опеки и регламентации со стороны власти.

Для верного суждения о торговой политике опричнины немаловажное значение имеет вопрос об особых взаимоотношениях между опричниной и английскими купцами, членами крупнейшей иностранной купеческой компании в России. Английская компания была зачислена в опричину в конце 60-х гг. вследствие настоятельных домогательств англичан. Жалованная грамота, выданная из опричнины 20 июля 1569 г., закрепила за английскими купцами все их прежние привилегии, дарованные двумя годами ранее, и предоставила новые права. Земским судам было запрещено вмешиваться в дела компании. Все торговые фактории и дома англичан перешли в ведение опричных судей. В виде исключения англичане сохранили дом в земской половине Москвы, торговые склады в Нарве и других земских городах.²⁵ Царь старался всеми средствами упрочить и расширить торговлю с Англией и с этой целью предоставил английским купцам право беспошлинной торговли по всей России.²⁶ Англичане могли чеканить русские деньги из иностранных серебряных талеров и т. д. Щедрыми льготами и привилегиями предполагалось привлечь в страну английский торговый капитал. Однако для политики опричнины характерны были нестабильность и импульсивность. Эта политика как в зеркале отражала не только симпатии и антипатии Грозного, но и его минутные настроения. Поддавшись гневу, Иван IV уже в 1570 г. аннулировал жалованную грамоту англичан.

Предоставление некоторых привилегий английской компании продиктовано было заботами о развитии промышленности в России. Выше упоминалось о том, что под контролем опричнины оказались важнейшие центры соляной промышленности. Наряду с солеварением опричная казна проявляла интерес к некоторым другим отраслям промышленности, в том числе к железорудной. Если верить утверждению опричных дипломатов Таубе и Крузе, в опричину была зачислена Кашира (Kasiria).²⁷ Барберини, посетивший Россию в середине 60-х гг., передает, что в Кашире находились большие железные рудокопни.²⁸

Испытывая острую нужду в военных материалах и оружии, опричное правительство принимало меры к расширению производства железа в опричнине. В частности, оно разрешило членам английской купеческой компании искать в опричных северных уездах залежи железа, «а там, где они удачно найдут его, построить дома для выделки этого железа». Казна обязалась предоставить английской компании крупные участки земли для строительства рудников и мануфактур и «леса на пять или шесть миль в окружности упомянутых домов», т. е. мануфактур. Согласно царской жалованной грамоте, компании надлежало выписать из Англии мастеров для работы на своих мануфактурах, в особенности же «для обучения нашего народа этому искусству». Опричные власти специально оговорили право забирать часть произведенного металла на нужды казны. Железо, предназначенное для вывоза в Англию, облагалось пошлиной в размере одной деньги с фунта. Англичанам запрещалось нарушать границы отведенных под завод участков, а также основывать деревни или фермы в местах порубки леса. Предоставление концессии на разработку железорудных месторождений, как значилось в грамоте, имело целью поощрение «великой торговли к выгоде как компании, так и России».²⁹

Опричные власти разрешили англичанам перестроить и расширить канатную мануфактуру в Вологде и передали им участок земли (150 × 50 сажень) в окрестностях английского торгового дома в Вологде.³⁰ Известны имена масте-

ровых, работавших на канатной мануфактуре в Вологде. Один из них, Р. Вилсон, заключивший контракт на 4 года, получал 9 фунтов стерлингов в год. Двое других, Р. Бленд и Д. Бошель, взяты были на 6 лет на жалованье в 5—6 фунтов. По некоторым сведениям, англичане выстроили полотняную мануфактуру, на которой выделялся грубый холст.³¹

Любопытно, что именно опричное правительство впервые в истории России предоставило концессию иностранному капиталу. Концессии располагались в северных уездах страны на территории опричнины. Одновременно русские власти предприняли первые попытки получить концессии за рубежом. В январе 1572 г. царь Иван потребовал от Швеции «место дать серебряную руду блиско (русского. — Р. С.) рубежа, а не будет такова места блиско рубежа, и Ягану королю прислати царскому величеству мастеров добрых, которые знают руду серебряную».³²

Меры опричнины в отношении сельского населения всецело определялись интересами фиска. Новгородская земля ко времени утверждения там опричных порядков пришла в глубокий упадок. Дозорщики, посланные в различные пятины Новгорода, с полной очевидностью выяснили, что главными причинами упадка производства были, помимо неурожая, усиление фискального гнета, непосильность царевых податей для разоренных тяглецов. Однако новая администрация Новгорода не желала считаться с донесениями собственных агентов. Несмотря на полное разорение тяглого населения, она продолжала неукоснительно взыскивать казенные подати и недоимки за прошлые годы.

Дворцовый приказ владел землями во многих новгородских погостах и городах. В Ладоге ему принадлежало семь рядков и три непашенных деревни со 116 дворами и 146 рыболовами. К Ладоге тянули дворцовые волости (34 обжи) и великокняжеские оброчные волости (267 обож).³³ Ладожские рыболовы доставляли дворцу «государьскую обиходную рыбу», а также платили денежный оброк. В 1565 г. в опричнину перешел Ладожский порог, к которому были приписаны затем некоторые окрестные поселения, в том числе Михайловский погост на Волхове.³⁴

В феврале 1570 г. в Ладогу явился князь П. И. Борятинский с отрядом опричников. По царскому приказу они разгромили посад. Относительно дворов, запустевших в 1570 г., старожилы показали: «А ис тех дворов жильцы разошлись безвестно, а иные вымерли после государьского розгрому лета 7070 осьмого, как был князь Петр Иванович Болятинский».³⁵ Жители Ладоги голодали так же, как все население Новгородской земли. Погром довершил их бедствия. В семи тяглых дворах дворовладельцы умерли, из двадцати трех разбежались, причем два рыболова вышли в опричные владения и два искали спасения в монастыре.

На следующий год разоренное посадское население Ладоги не выполнило своих обязательств перед дворцом — не сдало «государьской обиходной рыбы». Тогда власти прислали в Ладогу сборщиков недоимок — праветчиков. Дозорщики, присланные в город в мае 1572 г., отобрали у ладожан подробные «скаска» о «пустоте». Оказалось, что с осени 1570 и до осени 1571 г. в 15 дворах дворовладельцы умерли от голода и чумы. Из 30 дворов посадские люди «разошлись», в основном «пошли в нищих» (из 21 двора). Прибывшие в Ладогу праветчики, выколачивая недоимки, убили на правеже двух рыболовов, многих пристыжили по миру. По существу они причинили городу большой ущерб, нежели опричный отряд Борятинского, громивший Ладогу в 1570 г. Праветчики выколотили оброки из населения, но зато окончательно разорили один из старейших посадов Новгородской земли.³⁶

Разорение Новгородской земли и невозможность взыскать с населения денежные налоги побуждали администрацию увеличивать натуральные повинности. Сами эти повинности носили разнообразный характер и связаны были прежде всего с потребностями военного времени. Царь разгромил Нов-

город, повествует псковский летописец, и приказал жителям «правити посоху под наряд и мосты мостити в Ливонскую землю и Вифляндскую и зелеиную руду збирати; и от того налогу и правезу вси люди новгородцы и псковичи обнищаа и в посоху пойдоша сами, а давати стало нечево». ³⁷ Согласно новгородской летописи, только за первое полугодие 1572 г. власти по крайней мере четыре-пять раз привлекали посадское население Новгорода к исполнению различных казенных работ. Весной 1572 г. жители участвовали в сооружении нового моста на Волховце: «мост делали через Волховцо на лодьях, пригоном со всего города и с волостей и с монастырей и было нужно людем добре». ³⁸ Через несколько месяцев к дорожной повинности привлекли население всей Новгородской земли: «на государя по всем дорогам мосты мостили и дороги чистили». ³⁹

Новгородцам пришлось нести особую повинность — по строительству государева опричного замка. В мае 1572 г. «со всего Великого Новгорода со всякого двора ставили по человеку к государьскому делу... двор (царский. — *Р. С.*) чистить и огород ровняти, ставити государевы около конюшни; да иных людей посылали на Хутьню конюшней у Спаса ставить к государьскому проезду» и т. д. Через месяц посадские люди по царскому указу разобрали земские судебные избы и на их месте копали подшей, чтобы «на том мисте ставить полата». ⁴⁰ Строительные работы в опричной половине Новгорода вели «пригоном», иначе говоря, на работу сгоняли все тяглое население.

В июле 1572 г. власти предписали новгородскому посаду снарядить пошных людей — казаков «своих дворов с улицы» для перевозки пушек из Новгорода в Псков. Одновременно они реквизировали у посадских людей гужевой транспорт для перевозки казенных грузов: «да и телеги того же дни имали в Новгороде, двоеколкы, и с лошади, у старост по всим улицам, на государя». ⁴¹

В том же году новгородским пошным людям велели отвезти в ливонские города для размещенных там войск хлеб, собранный в Новгороде. ⁴²

Все приведенные сведения относятся к одному и тому же периоду, весне — лету 1572 г. Они показывают, что господство опричных порядков в Новгороде ознаменовалось расцветом всевозможных барщинных работ.

На первых порах старания опричной администрации, неукоснительно взыскивавшей налоги и умножавшей барщинные повинности, давали известные выгоды опричной казне. Но затем выгоды обращались убытками. Опричные реквизиции подрывали самый источник государственных доходов.

Неусыпные заботы опричной администрации о пополнении казны и привлечении населения к разнообразным работам немало способствовали окончательному разорению Новгородской земли.

В «сказках», поданных новгородским властям в начале 70-х гг., местное население указывало на непосильность царских податей как главную причину начавшегося разорения. Но не следует забывать, что составителями «сказок» были не только крестьяне, но и местные помещики. Если бы крестьяне имели возможность высказаться в полный голос, то обнаружилось бы, что они страдали от помещичьих оброков и повинностей не меньше, чем от царских податей.

Какое влияние оказала опричина на положение феодально-зависимых крестьян? Отвечая на этот вопрос, историки попытались опереться на так называемые послушные грамоты новгородских крестьян, которые являются ценным дополнением к писцовым книгам. (Передавая землю помещику, власти снабжали его грамотой, в которой от имени царя предписывали названным по имени крестьянам «слушать» землевладельца и нести в его пользу повинности). И. И. Полосин, И. И. Смирнов и А. А. Зимин отметили существенные изменения формуляра послушных грамот в третьей четверти XVI в. ⁴³ В послушных грамотах 50-х гг. предписывалось, чтобы крестьяне приходили к помещику

«и слушали его во всем и доход ему денежный и хлебный и мелкий доход давали по старине, как есте давали прежним помещикам».⁴⁴ С начала 60-х гг. послушные грамоты приобрели новый вид: «И вы бы все крестьяне... (помещика. — Р. С.) и его прикащиков слушали, пашню его пахали, где себе учинит, и оброк платили, чем вас изоброчит».⁴⁵ К началу 70-х гг. приведенная формула послушных грамот получила широкое распространение. По предположению И. И. Полосина, новая редакция поместных грамот, предоставлявших помещикам право на переобработку крестьян, может быть тесно связана с исполнением опричников в Новгороде.⁴⁶

Такое предположение представляется ошибочным. Отмеченные И. И. Полосиним изменения в формуляре послушных грамот относятся к началу 1560-х гг., когда опричнины не было и в помине. Проанализированные им грамоты принадлежат шелонским помещикам, но Шелонская пятина оставалась в земщине до момента отмены опричнины.

Вывод об усиленной эксплуатации крестьян опричниками опирается главным образом на свидетельства иностранных памфлетистов. Видные дворяне И. Таубе и Э. Крузе негодовали на худородных детей боярских, получавших повышенные поместные оклады в опричнине. Обличая таких опричников, эти авторы писали о них следующее: «...стали брать с бедных крестьян, которые им были даны, все, что те имели. Бедный крестьянин уплачивал за один год столько, сколько он должен был платить в течение десяти лет».⁴⁷ Приведенные слова слишком тенденциозны, чтобы им доверять. Сохраняя право выхода в Юрьев день, крестьяне немедленно покидали владения помещика, облагавшего их чрезмерными поборами. Опричник Г. Штаден, не слишком удачно управлявший своими поместьями в России, писал: «На св. Юрья осеннего крестьяне имеют свободный выход... Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфенига в кармане, ни лошади с коровой в стойле». Когда чиновники облагали поместья иноземца повышенным побором в пользу казны, эти поместья немедленно «пустели в день св. Юрья». Г. Штаден писал на основании собственного опыта: он послал в свое поместье некоего немца, который стал управлять крестьянами по лифляндскому обычаю, из-за чего поместье тотчас запустело.⁴⁸

Тенденции развития земельной ренты были примерно одинаковы на опричных землях и в земщине. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России», тщательно проанализировав новгородские писцовые книги второй половины XVI в., не обнаружили четко выраженной тенденции к общему повышению владельческих платежей в земских или опричных пятинах. По наблюдению исследователей, на тысячи показаний о запустении поместий от мора, голода, правей в обыскных книгах можно найти лишь единичные указания на запустение «от помещика». «И все же, — резюмирует наблюдения А. Л. Шапиро, — можно полагать, что боязнь потерять жильца не всегда останавливала владельцев измельчавших поместьев от повышения размеров оброка и даже полного разорения крестьян».⁴⁹ Свой вывод специалист подтверждает ссылкой на свидетельство И. Таубе и Э. Крузе. Однако их показания, как отмечено выше, требуют критического к себе отношения. В писцовых материалах опричных пятин Новгорода подобные факты не получили отражения. Вывод о том, что опричнина привела к усилению эксплуатации крестьян, не имеет под собой фактического основания.

Будучи зачислены на опричную службу, уездные дети боярские не имели причин менять сложившиеся в их поместьях формы ведения хозяйства. В то же время они спешили использовать свои привилегии и бесправие земщины. И до опричнины землевладельцы, нарушая правила Судебника, вывозили крестьян на свои земли «насильством». Разделение государства на привилегированную опричнину и земщину усугубило положение. Пользуясь полной безнаказанностью, опричные дети боярские свозили к себе крестьян из земских владений. «Кто не хотел добром переходить от земских под опричных, тех

вывозили насильством и не по сроку, вместе с тем увозились или сжигались дворы». ⁵⁰ Описанная практика носила незаконный характер. Она не отразилась на действующем законодательстве о крестьянах.

Нельзя говорить о какой-то особой политике опричнины в отношении различных групп зависимого населения — крестьян, холопов и пр. Однако некоторые опричные распоряжения, касавшиеся низших слоев населения и связанные с нарушением традиции, заслуживают внимания. Г. Штаден, описавший зависимость по «полной» грамоте и по кабале, отметил, что власти не запрещали записывать в опричные стрельцы слуг опричных князей и бояр, но если на стрелецкую службу пытался поступить кабальный, господин мог заявить протест и вернуть себе слугу. ⁵¹

Наибольшего доверия заслуживают те известия Г. Штадена, которые основывались на его личном опыте. В разгар разорения и голода, рассказывает немец, он посетил опричный двор и там убедился, «что боярские холопы получили разрешение (уходить от своих господ) во время голода. Тогда к своим (прежним холопам) я прибавил еще нескольких». ⁵²

В годы голода и разорения многие господа отказывались кормить кабальных людей, и те, вынужденные питаться подаванием, бродяжничали и умирали от голода. Обнищавший люд представлял опасность в глазах власти имущих. Возможно, что опричные меры послужили прецедентом для закона о холопах, изданного Борисом Годуновым во время голода 1603 г. Закон Годунова освобождал холопов, которых господа не кормят, «а велят им кормиться собою, и те их холопы помирают голодом». ⁵³

Благодаря распоряжению опричных властей голодавшие холопы получили шанс на спасение, а у дворян, располагавших средствами, появилась возможность пополнить свою вооруженную свиту и дворню.

Интересные сведения о заселении холопами опричной слободы в дворцовом селе на Холыни под Новгородом можно найти в местной летописи. 24 августа 1572 г., написал летописец, «в Новиграде кликали, которые люди кабальные и всякие и монастырские, чей хто ни буди, и они бы шли во государьскую слободу на Холыню, и государь дает по пяти рублей, по человеку посмотри, а льгота на пять лет». ⁵⁴ Перезывая кабальных людей и монастырских слуг в опричную слободу, приказчики сулили им освобождение от прежней зависимости и щедрую ссуду. Описанные меры высвечивают принципы экономической политики опричнины. Когда дело касалось доходов опричной казны или опричного дворцового ведомства, царская администрация не считалась ни с чьими интересами, будь то дворяне или монастыри.

Источники новгородского происхождения сохранили множество подробностей относительно повседневной деятельности опричной администрации и ее взаимоотношений с земщиной.

Земская администрация Новгорода ведала новгородским Кремлем и большей частью Новгородской земли. Но во главе ее были поставлены люди малоавторитетные, занимавшие до того невысокое служебное положение. Первоначально земскую администрацию возглавлял дьяк Д. Бартенев, а затем воевода князь Т. И. Долгорукий. ⁵⁵

Земские власти подвергались всяческим унижениям со стороны опричнины. Иллюстрацией тому могут служить похождения в Новгороде некоего Субботы Осетра, или же Субботы Осорьина. А. А. Зимин полагал, что Суббота Осорьин был опричником, «зато сомнительны связи с опричниной новгородца Осетра Субботы». ⁵⁶ На самом деле это одно и то же лицо, фамилия которого неверно записана местным новгородским летописцем. Царь прислал в Новгород Субботу Осорьина (он же Суббота Осетр) с весьма необычным поручением — привести в Москву к царской свадьбе лучших новгородских скоморохов и ученых медведей для медвежьих потех. По этому случаю власти произвели в Новгороде специальную перепись. По всем городам и волостям были переписаны и взяты

на государево имя «веселые люди и медведи».⁵⁷ Царский приказ был выполнен неукоснительно. За полтора месяца до свадьбы царя с Марфой Собакиной Осетр выехал в Москву с целой ватагой веселых новгородских скоморохов. Следом ехали подводы с медведями. По возвращении в Слободу Осорын гулял на царской свадьбе, притом на пиру он заведовал всей столовой рухлядью и, вероятно, застольными потехами.⁵⁸

В Новгороде Осорын вел себя как должностное лицо, облеченное чрезвычайными полномочиями. Успешно выполнив царское задание, Суббота перед отъездом решил развлечься в земщине. Явившись на Софийскую сторону с компанией потешных, он велел пустить в земскую избу медведей. Перепуганные насмерть «подьячие из избы из сытницы сверху метались вон из окон». Главный земский дьяк Бартенева пытался урезонить опричника, но тот избил его в кровь и запер в комнате с медведем. Зверь помял земца и изорвал на нем платье. В одном кафтане дьяка отнесли на его подворье. Земские власти поспешно покинули приказы, «из диячей избы... вон вышли и дьячью заперли». Опричники же продолжали озоровать на Софийской стороне: избивали людей, травили и драли их медведями. «А в те поры, — замечает летописец, — много в людех учинилось изрону».⁵⁹ Будь Осетр новгородцем, да еще и земцем, его бы ждали тюрьма или плаха за нападение на приказную избу. Однако как опричник он пользовался полной безнаказанностью.

Власти земского Новгорода непосредственно испытывали на себе действие опричнины. Но то, что было эксцессом по отношению к представителям привилегированных сословий, являлось правилом в отношении к простому народу. Утверждение опричных порядков в Новгороде ознаменовалось всевозможными злоупотреблениями и насилиями, лихоимством в судах и т. д. По свидетельству осведомленного псковского летописца, когда царь забрал Новгород в опричину и посадил там своих наместников, «бысть живущим продажа велика и поклепы и подметы и от сего мнози людие поидоша в нищем образе, скитаяся по чюжим странам».⁶⁰

Деятельность опричной администрации в Новгороде была весьма разнообразной и охватывала различные сферы жизни. Вследствие острых социальных противоречий новгородские власти никогда не пользовались авторитетом среди «меньших людей» города. Бессилие администрации издавна служило объектом насмешек для недоброжелателей Новгорода. Авторы памфлета «Сказание о градех», составленного задолго до времени Ивана Грозного, писали о его жителях следующее: «А бояре в нем (Новгороде. — Р. С.) меньшими людьми наряжати не могут, а меншиа их не слушают. А люди сквернословы, плохы, а пьют много и лихо».⁶¹

Едва ли не на другой день по приезде в Новгород опричные дьяки принялись исправлять нравы крамольного города. Первым делом они взялись за искоренение пьянства среди жителей и «заповедали: винщиком не торговати... а поимают винщика с вином, или пьяного человека, и они велят бити кнутом да в воду мечют с великого мосту».⁶²

Указ против пьянства стал применяться с последней зимней недели. Неудивительно, что для многих гуляк купание в волховской воде имело печальный исход. Более всех страдали от опричных «забот» о нравственности «меньшие люди»: многочисленные яржки, подмастерья, холопы, нищий люд — словом, все те, кого за непочтение к властям называли лихими людьми.

По замыслу администрации, меры против пьянства должны были устрашить строптивую новгородскую чернь и укрепить авторитет новых властей.

Московские власти пытались ввести в Новгороде казенную виноторговлю еще во времена боярского правления. При Шуйских в Новгород прибыл дьяк, устроивший там восемь корчемных дворов.⁶³ Опасное брожение в народе побудило правительство уступить требованиям посадского населения и отменить ненавистную казенную виноторговлю. В конце 1547 г. правительство отставило

корчмы и «питие кабацкое» в Новгороде, в результате чего винное дело вновь перешло в ведение посадской общины. Казна установила особую квоту производства и продажи вина по разверстке («на разруб»): полтора ведра вина горького, две бочки пива и шесть ведер меда на 30 человек.⁶⁴ Винокурением и виноторговлей заведовали старосты каждого «конца» и улицы города, державшие своих винщиков.⁶⁵ Опричная администрация наложила запрет на торговлю этих винщиков. Преследование посадских виноторговцев, очевидно, явилось следствием ликвидации прав новгородской посадской общины на производство и продажу вина. Эти меры должны были увеличить доходы казны от виноторговли. Как видно, опричные власти распространили на Новгород порядки, действовавшие в Москве. В столице государев кабак приносил казне немалые барыши. Бедняки, мастеровые, работные люди, случалось, спускали в кабаке все имущество до последней рубашки. В кабаках пили за здоровье царя, и никто, даже близкие люди, не смел вызвать и увести человека из питейного заведения, чтобы не помешать приращению царского дохода.⁶⁶

Опричные власти Новгорода проявили исключительную расторопность по части различных полицейских мер. Авторы памфлета «Сказание о градех» упомянули о бессилии администрации и всегдашних беспорядках, царивших в Новгороде. Особенно возмущало их то, что в Новгороде нет ни стен, ни ворот, «кто хочет, тот идет и выидет, а сторожен нету».⁶⁷

Опричная администрация начала свою деятельность с устранения подобного беспорядка. Опричники «заповедали перевозникам через Волхов людей перевозити, а ходити по великому мосту велели... да и сторожню уставили, на великом мосту решетки».⁶⁸ Решеточная стража была устроена в Новгороде по московскому образцу.⁶⁹ С наступлением вечера решетки запирались и всякое сообщение между опричной и земской частью Новгорода прекращалось на всю ночь.

Беспорным достоинством опричной администрации в Новгороде было умение добиться неукоснительного исполнения ее распоряжений. Но авторитет опричных властей основывался исключительно на принуждении и строжайших полицейских мерах.

Опричная администрация имела обширные планы и замыслы, но успела осуществить лишь немногие из них.

Строительные работы на Торговой стороне были прекращены так же внезапно, как и начаты. Татары сожгли Москву, и казна прекратила финансировать работы в Новгороде и Вологде. Все наличные средства были обращены на восстановление столицы.

После государева разгрома и водворения в Новгороде опричников новгородцы жили в постоянном страхе. То и дело в городе возникала паника. 25 мая 1571 г. множество горожан собралось к обедне в Пятницкую церковь на Ярославле дворище. Едва кончилась служба и ударили в колокола, как в народе поднялась страшная паника, «смятение было таково... побежали люди, весь народ, мужи и жены, от церкви по всем странам, и друг на друга металися, невидимым страхом Божиим гонимы, и товаров много истеряли».⁷⁰ Осенью того же года опричники ввели в Новгороде чрезвычайные меры, чтобы покончить с чумой. Дворы, в которых умирал «знамением» хотя бы один человек, немедленно заколачивались. Вместе с мертвецом замуровывали всю семью. Через окошко в воротах обреченных кормили всей улицей. Власти запретили хоронить умерших под городом и повсюду расставили заставы. Священникам не разрешали исповедовать больных «знамением», а в случае ослушания сжигали «с теми же людьми з болными».⁷¹ Во время пребывания царя в Новгороде летом 1572 г. власти приняли меры к предотвращению пожаров. Дьяки «по всему Новгороду не велели изб топити, и ноугородци делали печи в огородах и по двором, где хлебы печи и колачи».⁷² Указ, воспрещавший топить печи в избах, был безукоризненным с точки зрения целей администрации, но населению он причинил массу хлопот.

- ¹ Зимин. Опричнина. С. 334.
- ² Новгородские летописи. С. 100.
- ³ Книга писцовая Новгорода Великого 1583—1584 гг. // Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1912. Вып. 24. С. 219, 221—222, 272—273; *Терешкевич О. Ф.* Экономическое положение Великого Новгорода во второй половине XVI в. // Юбилейный сборник историко-этнографического кружка при университете св. Владимира. Киев, 1914. С. 206.
- ⁴ «Да князя Петра Даниловича Пронского (царь. — Р. С.) взял к себе на Торговую сторону, к тем же дьяком, быти им в одном месте» (Новгородские летописи. С. 105).
- ⁵ Штаден. Записки. С. 90.
- ⁶ В. Б. Кобрин полагает, что П. Д. Пронский стал опричником с начала 1570 г. (Кобрин. Состав опричного двора. С. 67). Но это неверно: боярин управлял земским Новгородом до начала 1571 г.
- ⁷ *Веселовский С. Б.* Учреждение опричного двора в 1565 г. и отмена его в 1572 году // ВИ. 1946. № 1. С. 93.
- ⁸ Витебская старина. С. 27; Буганов. Документы. С. 174. По-видимому, в Разряде 1572 г. допущена ошибка: отряд помещиков Бежецкой пятины фигурирует в нем дважды. В одном случае упомянуто 450 дворян, в другом — 400. Согласно разряду Ливонского похода 1577 г., в Бежецкой пятине числилось 505 помещиков, фактически же на службу явилось 343 человека (Разряд Ливонского похода 1577 г. // Военный журнал. 1582. № 1. С. 95—97).
- ⁹ Писцовые книги земель Полоцкого повета, розданных 7 октября 1571 г. детям боярским Бежецкой и Обонежской пятин // ПКМГ. Ч. 1. Отд. 1. С. 540.
- ¹⁰ Новгородские летописи. С. 100.
- ¹¹ Там же. С. 102.
- ¹² Там же. С. 101.
- ¹³ Там же. С. 101, 106—107.
- ¹⁴ Там же. С. 102.
- ¹⁵ ААЭ. Т. 2. С. 170; *Покровский И. М.* Русские епархии в XVI—XIX вв. Казань, 1897. Т. 1. С. 67; *Кашганов С. М.* Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 85. Примеч. 36.
- ¹⁶ Новгородские летописи. С. 108.
- ¹⁷ Там же. С. 109.
- ¹⁸ Там же. С. 113.
- ¹⁹ Там же. С. 102.
- ²⁰ Там же. С. 102—103, 117.
- ²¹ Там же. С. 118.
- ²² 11 февраля 1572 г. опричные дьяки «велели по всем монастырем новгородским слуги монастырские ставити, с лошадми и с пансыри, со всем запасом к Москве на службу». В августе того же года они распорядились «на государя на болотех сина косити по монастырем, без отмины, чей хто ни буди» и т. д. (Там же. С. 110, 119).
- ²³ ААЭ. Т. 1. № 282. С. 328.
- ²⁴ Там же. С. 327.
- ²⁵ *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях // Зап. Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. Прил. С. 90—91; *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россиею и Англиею: 1553—1593. СПб., 1875. С. 135.
- ²⁶ Подробнее см.: *Любименко И.* Торговля России с Англией и Голландией в 1533—1649 гг. // Изв. АН СССР. VII сер. Л., 1933. № 10.
- ²⁷ Хофф. Тирания. Л. 7 об.
- ²⁸ *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России в XVI и XVII столетиях. СПб., 1843. С. 14.
- ²⁹ *Nakluyt R.* The principal Navigations, Voyages and Discoveries, *Nakluyts Voyages.* London, 1600. Vol. 1. P. 378—382; см. также: *Кашин В. Н.* Торговля и торговый капитал в Московском государстве. Л., 1925. С. 89.
- ³⁰ Прежде мануфактура располагалась в отдалении от торгового дома компании.
- ³¹ Управляющим полотняной мануфактуры был Ф. Олдер (*Гамель И.* Англичане в России... С. 78).
- ³² Сб. РИО. Т. 129. С. 212.
- ³³ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 1. С. 177—178.
- ³⁴ ПСРЛ. Т. 13. С. 395; *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 365.
- ³⁵ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 305.
- ³⁶ Обыск 6 мая 1572 г. См.: Там же. Праветки разорили 30 посадских дворов.
- ³⁷ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 261—262.
- ³⁸ Новгородские летописи. С. 113.
- ³⁹ Там же. С. 120.
- ⁴⁰ Там же. С. 113, 110, 115, 117.
- ⁴¹ Там же. С. 118.
- ⁴² ДАИ. Т. 1. № 125. С. 182.

⁴³ См.: *Полосин И. И.* Поместное право и крестьянская крепость//Полосин И. И. Социально-политическая история России XV -- начала XVII в. М., 1963. С. 41—51; *Смирнов И. И.* 1) Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в.//Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 5—6. С. 67; 2) Восстание Болотникова: 1606—1607 гг. Л., 1951. С. 46; Зимин. Опричнина. С. 413—415.

⁴⁴ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 34. См. также: С. 11, 18, 19, 26, 35.

⁴⁵ Там же. С. 12.

⁴⁶ *Полосин И. И.* Поместное право... С. 47, 49. И. И. Смирнов также связывал формулу «послушных» грамот 70-х гг. с опричниной, утверждая, что она характеризует «освящение законом практики опричнины» (см.: *Смирнов И. И.* Классовые противоречия... С. 67).

⁴⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 36.

⁴⁸ Штаден. Записки. С. 121—123, 137.

⁴⁹ Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 288.

⁵⁰ Штаден. Записки. С. 95. На новгородских землях крестьян свозили в «Малютину волость», при этом с них взыскивали недоимки — «царские невыплаты» (*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 2. Ч. 2. С. 320).

⁵¹ Штаден. Записки. С. 146.

⁵² Там же. С. 145. Посещение опричного двора состоялось, «когда в стране еще свирепствовала чума», иначе говоря, в конце 1570 или 1571 г.

⁵³ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты. Л., 1986. С. 71—72.

⁵⁴ Новгородские летописи. С. 121.

⁵⁵ Там же. С. 105. Родня новгородского воеводы князь И. Долгорукий заведовал в Москве Земским двором (Штаден. Записки. С. 80).

⁵⁶ Зимин. Опричнина. С. 350, 351.

⁵⁷ Новгородские летописи. С. 107.

⁵⁸ Разряды. Л. 372.

⁵⁹ Новгородские летописи. С. 107.

⁶⁰ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 1. С. 115.

⁶¹ *Насонов А. Н.* Летописные памятники хранилищ Москвы//Проблемы источниковедения. М., 1955. Т. 4. С. 255.

⁶² Новгородские летописи. С. 105.

⁶³ Там же. С. 128.

⁶⁴ Там же. С. 78.

⁶⁵ Дворы таких винщиков отмечены в писцовых книгах Новгорода 1580-х гг.: „место пусто тяглое Сенкинское винника“, винника Копос (ум. 1569—1570), винника Орефа (ум. 1581—1582) (Писцовые книги Новгорода Великого 1583—1584 гг. Изд. В. В. Майковым// Летопись занятий Археографической комиссии. СПб., 1912. Вып. 24. С. 189, 191, 194). Помимо посадской общины виноторговлей промышляла в разных концах Новгородской земли администрация. Например, на посаде в Ладого корчму держал царский наместник (*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 1. С. 181).

⁶⁶ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 65.

⁶⁷ *Насонов А. Н.* Летописные памятники... С. 255.

⁶⁸ Новгородские летописи. С. 105.

⁶⁹ Штаден. Записки. С. 136 и др.

⁷⁰ Новгородские летописи. С. 106.

⁷¹ Там же. С. 111.

⁷² Там же. С. 102.

ПОЖАР МОСКВЫ

Возобновляя борьбу за Ливонию, русское правительство рассчитывало на союз с крупнейшей морской державой — Англией. Но миссия опричника А. Г. Совина в Лондон завершилась полной неудачей. Английская королева отклонила проект союзного договора, одобренный ее собственным послом в Вологде, ограничившись туманными обещаниями относительно «дружественного и сестринского союза». Королевский совет направил в Москву тайную грамоту, согласно которой Грозному и его семье было обещано убежище в Англии, если их постигнет «несчастная случайность» и «по тайному ли заговору, по внешней ли вражде» они вынуждены будут покинуть свое государство.¹ Гордость самодержца была задета. Царь категорически настаивал на заключении соглашения с королевой о взаимном предоставлении убежища в случае надобности. Однако Лондон дал понять, что Елизавета не собирается покидать свою страну. Крушение планов англо-русского союза и неудовольствие по поводу секретного соглашения побудило Грозного немедленно аннулировать привилегии, дарованные английской компании, и конфисковать часть ее товаров. В письме королеве от 24 октября 1570 г. царь писал: «А наше дело зделала еси не потому, как посол твой (Рандольф. — Р. С.) приговорил... И коли уж так, и мы те дела оставим на сторону». Далее царь требовал вернуть все жалованные грамоты, выданные им английской компании, и сообщал, что «все наши грамоты, которые есмя давали о торговых делех по сей день, не в грамоты».²

Ратификация трехлетнего перемирия с Речью Посполитой, заключенного в Москве летом 1570 г., затянулась. Русские послы, которых ждали на границе в первых числах января 1571 г., прибыли туда лишь в конце февраля.³

Мир был настоятельной необходимостью для Речи Посполитой, и 8 мая 1571 г. престарелый польский король Сигизмунд II ратифицировал трехлетнее перемирие с Россией.⁴ Мирное урегулирование на западных русских границах было непрочным и непродолжительным, но оно развязало России руки для войны с Швецией.

25 июня 1570 г. Боярская дума утвердила решение о посылке войск под Ревель (Колывань),⁵ что фактически означало войну против Швеции.⁶ Русские не случайно направили свой удар против Ревеля. С падением этой крепости шведскому владычеству в Эстляндии пришел бы неизбежный конец.⁷

Продолжавшаяся датско-шведская война позволяла России надеяться на поддержку со стороны Дании и ее флота.⁸ Герцог Магнус определенно обещал царю эту военную помощь.⁹ Однако опричная дипломатия допустила досадный промах, доверившись обещаниям герцога. В разгар осады русскими Ревеля Дания заключила мир с Швецией. Таким образом, расчеты опричной дипломатии на союз с Данией не оправдали себя.

Ливонский король подступил к Ревелю 21 августа 1570 г. Его армия насчитывала около тысячи человек, включая наемных кнехтов и три эскадрона ливонских дворян.¹⁰ Этих сил было совершенно недостаточно для осады крепости. Однако Магнус полагался более на увещания, нежели на силу. В первые месяцы осады он писал бесконечные письма властям Ревеля. В начале сентября русские привезли в лагерь Магнуса легкую артиллерию из Нарвы. Но легкие пушки не причинили городу вреда. 16 октября 1570 г. в окрестности Ревеля прибыли воеводы И. П. Яковлев-Захарьин с земскими отрядами и В. И. Умной-Колычев с опричниками. Численность их рати превышала 4—5 тыс. человек.¹¹ Воеводы направили ревельцам воззвание, угрожая жестокими карами за сопротивление. Именем царя они требовали сдать город царскому «голдовнику» и обещали ревельским купцам открыть путь во все места России для свободного торга.¹² Ревельский магистрат отклонил требования воевод, и тогда последние приступили к осуществлению своих угроз. Опричники не проявили доблести на поле боя, зато принялись грабить и жечь беззащитные деревни и села в ревельской округе. Магнус, понимая, что жестокости опричницы лишат его поддержки ливонских дворян, пытался урезонить союзников, что привело к резкому столкновению с воеводами. В этом споре Иван IV принял сторону ливонского короля. По царскому приказу двое главных воевод — И. П. Яковлев и В. И. Умной были арестованы и в оковах увезены в Москву. Прibлиженные короля Магнуса поспешили объяснить арест как наказание за жестокости против ливонских подданных их господина. В письме к властям Ревеля они утверждали, будто «зловредные воеводы» хотели оклеветать Магнуса в глазах царя и ввергнуть добрый город Ревель в вечную погибель. «Когда царь узнал о таких воровских проделках, то... приказал в прошлую субботу увезти отсюда обоих воевод в оковах, удалил всех опричников и назначил других воевод с бесчисленной силой, нарядом и пр.; все это на днях должно сюда прибыть и будет жесточайшим способом направлено против вас и было бы уже вами изведено, если бы не воровство Петровича».¹³ Время составления приведенного послания неизвестно. Можно отметить несколько моментов, имеющих существенное значение для его датировки. Во-первых, в подшивке писем ревельского магистрата оно помещено за письмом от 4 января, из которого следует, что магистрат тогда еще ничего не знал об аресте воевод и отзыве опричников. Во-вторых, в письме к ревельцам сказано, что на днях сюда придут подкрепления с нарядом. Подкрепления действительно прибыли 12 января 1571 г. Таким образом, можно утверждать: письмо было составлено между 4 и 12 января 1571 г. Авторы письма упоминают о том, что воеводы осадного корпуса были арестованы «в последнюю субботу». В промежутке между 4 и 12 января суббота падает на 6 января.

Однако арест воевод был связан не столько с грабежами в Ливонии, сколько с продолжавшимся расследованием новгородской измены, а отзыв всех опричных отрядов объяснялся необходимостью замены сил в составе осадного корпуса. Смена войск привела к полной приостановке осадных работ. Именно в эти дни полного бездействия Магнус уведомил ревельцев, что он «вовсе не думал снимать осады, а лишь поджидает прибытия князя Юрия (Токмакова) с огромными военными силами и нарядом».¹⁴

Воевода И. П. Яковлев прибыл под Ревель из Новгорода, воевода князь Ю. Токмаков — из Пскова. Предварительно в Псков были стянуты силы из Полоцка и Феллина.¹⁵ Собранная в Пскове рать насчитывала около 3 тыс. человек.¹⁶ Князь Ю. Токмаков получил приказ доставить к стенам Ревеля тяжелую артиллерию, остававшуюся в Пскове со времени неудачного похода Ивана IV в Ливонию в 1567 г. Пользуясь зимним путем, армия Токмакова прибыла к месту назначения 12 января 1571 г. Наступившие морозы затруднили проведение осадных работ. Воеводы не смогли придвинуть пушки достаточно близко к стенам города, и полуторамесячная бомбардировка не дала

желаемых результатов. Швеция еще осенью 1570 г. отозвала большие корабли с ревельского рейда. Но ее помощь провиантом и снаряжением имела неоценимое значение для осажденных.¹⁷

В ревельский порт заходили корабли из разных стран. Морская торговля обеспечивала город различными товарами. Но с осени 1570 г. в Ревеле вспыхнула чума, занесенная крысами с морских судов. Эпидемия ослабила гарнизон города. Из Ревеля она перебросилась в русский осадный лагерь и произвела там не менее страшные опустошения.¹⁸ Спасаясь от чумы, воеводы приняли решение о прекращении осады. 14 марта 1571 г. через Новгород проследовали отряды татарской конницы. Совершившие набег на Финляндию татары везли с собой множество пленных.¹⁹ 16 марта 1571 г. Токмаков отступил от стен Ревеля.

В период осады Ревеля Швеция, Дания и Любек заключили Штетинский мир (13 декабря 1570 г.), согласно которому все владения Магнуса в Ливонии (о-в Эзель и провинция Вик) передавались в собственность датской короны.²⁰ В результате единственным владением ливонского короля в Ливонии остался замок Оберпален, полученный им от царя.

Пока шла осада Ревеля русскими войсками, Швеция, истощенная длительной войной и внутренней смутой, предпринимала лихорадочные усилия к тому, чтобы избежать войны с Россией. Несмотря на арест шведских послов в Москве, король Юхан III решил направить на Русь новых послов и просил для них опасные грамоты. В послании от 1 сентября 1570 г. Юхан III, именуя царя «государем земли Лифляндские», предлагал мир и доброе соседство.²¹ В октябре 1570 г. королевские гонцы прибыли в Новгород, но там их держали всю зиму.²² Когда гонцы были допущены в Москву, один из них, Г. Янс, заявил о своем желании перейти на царскую службу и сообщил царю исключительно важные сведения.²³ По его словам, новые шведские послы, которые всю зиму ждали опасных грамот на русской границе, уполномочены были подписать с царем мир на любых, даже самых тяжелых условиях, «толко б однолично помиритца». Швеция, не способная продолжать войну, якобы готова была уступить России Ревель.²⁴

После бесед с Янсом царь Иван спешно отослал в Швецию давно запрошенную опасную грамоту на шведских послов, но было уже поздно: к весне 1571 г. ситуация резко изменилась не в пользу России. Швеция добилась мира с Данией; Магнус и царские воеводы потерпели поражение под Ревелем, несмотря на то что шведы не могли выделить даже небольшие силы в помощь ревельцам; в мае 1571 г. татары сожгли Москву. Все это позволило шведскому правительству полностью снять вопрос об уступке русским Ревеля.

Опричная дипломатия потерпела новое, ничем не прикрытое поражение. Она не смогла использовать единственную в своем роде возможность решить мирными средствами исход борьбы за Ревель. Причиной неудачи была ее некомпетентность. Что касается земского Посольского приказа, то он лишился своих наиболее авторитетных и дальновидных руководителей еще летом 1570 г. Новая власть — дьяки Щелкаловы не обладали достаточным опытом и старались главным образом услужить царю, которым руководило скорее чувство нетерпения, нежели трезвый расчет.

Значительную активность опричная дипломатия проявила по части тайных интриг против Швеции. Во время свидания с царем в слободе гонец Янс сообщил, что по пути на Русь он виделся с низложенным королем Эриком XIV, сидевшим в Абоской тюрьме. Через Янса Эрик передал Грозному устную просьбу, «чтобы государь прислал рать свою в Финскую землю к Абову... а город худ и людей в нем нет, только в нем сторожи стерегут короля Ирика человек со сто, а он сидит з женою и з детми».²⁵ В апреле 1571 г. Янс был отпущен в Швецию с тайной грамотой к Эрику. Грозный известил абоского пленника, что готов помочь ему («твоей нуже пособствовати») и послать войска в Швецию

(«подвиг свой з болшою ратью учинив, на всю Свескую землю меч свой по-слати»)²⁶ Тайная миссия Янса не увенчалась успехом: по возвращении в Швецию он был арестован, письмо царя попало в руки Юхана III. Интриги опричнины ухудшили русско-шведские отношения.

Значительные силы русской армии оказались втянуты в боевые действия в Прибалтике. Между тем на южных границах Руси возникла сложная и опасная ситуация. Из донесений пограничной стражи следовало, что Крымская орда появилась в опасной близости к русским рубежам. Из Путивля доносили о разгроме русской «сторожи». Станицы из Рыльска сообщали с поля: «А от стад лошадиных прыск и ржание великие». Наконец, сторожевые разъезды из Донкова 3—9 сентября 1570 г. дали знать о появлении 30 тыс. татар на Донце и Осколе. До 6—7 тыс. татар подступили 12 сентября к Новосили.²⁷ Земские воеводы поспешили занять укрепленные позиции на Оке. 16 сентября 1570 г. туда же направился из Слободы царь Иван со всей опричниной.²⁸ После трехдневного пребывания в Серпухове царь с боярами приговорил отставить поход, поскольку «все станишники во всех местах, где сказывали, видели людей и по сокме смечали и до 30 тысяч, и то солгали!»²⁹ Земские полки оставались на Оке до 8 октября, а затем Разрядный приказ распустил их по домам.

Сторожевая служба выполнила свой долг, своевременно предупредив командование о татарском набеге. Разъезды, высланные в поле, понесли потери. В последний момент крымский хан увел Орду в степи, утратив преимущества внезапного нападения.

Однако Грозный, постоянно подозревавший земщину в нерадении и измене, использовал повод, чтобы обличить всех земских сторожей во лжи и неправде. Воевода князь М. И. Воротынский и руководство Разрядного приказа получили повеление спешно реорганизовать пограничную службу.³⁰

В январе — феврале 1571 г. в Москву были вызваны станичные головы и «вожи» со всей южной границы. На основании их показаний Разрядный приказ составил подробную роспись пограничной службы, а затем послал на границу инспекцию в составе воевод князей М. Тюфякина и Д. Ржевского. В новой росписи было точно указано, «из которого города и по которым местом и до коих мест пригож станицам ездити, и в которых местех сторожам на сторожах стояти и до коих мест... от которые сторожи розъездом быти, и в которых местех на поле головам стояти для береженья от приходу воинских людей».³¹ 6 марта 1571 г. Боярская дума решила увеличить жалованье путивльским станичным головам, «которые ездят из Путивля на поле в станице», наделить путивльских сторожей поместьями на землях «у посадов», «в 80-м году на зиму», т. е. в самом конце 1571 г.³²

Опричнина оказывала парализующее действие на земскую службу. Царского гнева боялись не меньше вражеского нашествия. Тревога, поднятая станичниками и воеводами осенью 1570 г., вызвала раздражение царя. Памятуя об этом, земцы не желали вторично навлечь на свою голову беду и не спешили бить тревогу. В Разрядных книгах донесения сторожей за май 1571 г. вообще не фигурировали.

Хан Девлет-Гирей объявил о «священной войне» против русских.³³ На время похода ему удалось объединить силы крупнейших татарских ханств. Кроме Крымской орды во вторжении участвовали Большая ногайская орда и Малые ногаи. Ханские эмиссары поддерживали тайные сношения с казанскими и астраханскими феодалами, черемисой и другими народами Поволжья, ждавшими благоприятного времени для восстания против русского владычества.

Во вторжении участвовало до 30—40 тыс. всадников из Крымской орды и 1—1½ тыс. конников из Большой ногайской орды, а также отряды черкасских князей с Северного Кавказа.³⁴

Осенью 1570 г. русское командование, предупрежденное о вторжении за-благовременно, собрало на Оке около 20 тыс. воинов.³⁵ С наступлением зимы отборные силы русской армии (до 7—10 тыс. человек) были посланы под Ревель. Эти силы, деморализованные поражением под Ревелем, зараженные чумной эпидемией, не могли принять участия в отражении татар. По-видимому, царь не слишком преувеличивал, когда, вспоминая о вторжении крымцев в мае 1571 г., жаловался польскому послу: «...татар было 40 тысяч, а моих только 6, равно ли это?»³⁶ Трудно сказать, кого имел в виду Грозный, говоря о «моих»: всех ли русских или одних опричников. Несомненно лишь одно — благодаря внезапности вторжения татары имели многократный перевес в силах.

Как и осенью 1570 г., Орда шла на Русь из района Северского Донца и Дона. Не имея точных сведений о местонахождении царя и воевод, хан не предполагал идти на Москву, боясь «истерять людей». Его план сводился к тому, чтобы напасть на Козельск и, ограбив пограничные места, повернуть в степи. Однако едва хан достиг Молочных Вод, к нему был приведен перебежчик — галицкий сын боярский Башуй Сумароков, бежавший с Дона в Азов. Изменник заявил хану, что «на Москве и во всех городех по два года была меженина великая и мор великой и межениною де и мором воинские многие люди и чернь вымерли, а иных де многих людей государь казнил в своей опале, а государь де живет в Слободе, а воинские де люди в немцах. И против де тебя в собранье людей нет. И царю де говорил, чтоб царь (хан. — Р. С.) шел прямо к Москве».³⁷

За измену в пользу татар были казнены Висковатый и много других лиц, ложно оговоренных опричниками. Беззаконные убийства и произвол посеяли семена раздора и ненависти, давшие обильные всходы. Ни одна военная кампания не принесла такого числа перебежчиков, как кампания, последовавшая за новгородским погромом и московскими казнями. Вслед за Сумароковым, служившим по опричному Галичу, на сторону хана перешли несколько детей боярских из земских городов Серпухова и Калуги, опричного Белева, позже несколько татар-новокрещенов.³⁸ Перебежчики в один голос уверяли хана в том, что на подступах к Москве нет крупных военных сил. Сын боярский Кудеяр Тишенков сообщил татарам, что царя с опричниной «чают» в Серпухове, но людей с ним мало, и стать ему против хана «не с кем». Несколько позже его показания подтвердили перебежчики из опричнины, заявившие: царь хочет идти в Серпухов «славы для», а «стати ему против татар некем».³⁹

Прошло полвека с тех пор, как Крымская орда осуществила последнее успешное нападение на Москву. Хан Девлет-Гирей не раз грабил пограничные русские уезды, но никогда не отваживался приближаться к русской столице. Известия о том, что на Руси свирепствует мор, одни «воинские люди» вымерли от голода и мора, другие казнены царем, многие силы посланы в Ливонию, ободрили хана и покончили с его колебаниями.

Земские воеводы, наспех собрав полки, заняли позиции на Оке. 16 мая 1571 г. царь с опричниками выступил к ним на помощь в Серпухов. Из-за многочисленности опричников их «разрядили» только на три полка. Впереди двигался сторожевой полк боярина В. П. Яковлева, за ним — передовой полк князя М. Т. Черкасского и государев полк во главе с дворовым воеводой князем Ф. М. Трубецким.⁴⁰ Во время перехода к Серпухову пронесся слух, будто в набеге участвует отец Черкасского, что и послужило причиной казни опричного воеводы М. Т. Черкасского.⁴¹ Казнь «главнокомандующего» Черкасского, как полагал С. Б. Веселовский, будто бы вызвала в полках замешательство, что и обеспечило успех татарам.⁴² Но последствия этой казни не следует преувеличивать, поскольку воевода возглавлял не всю земско-опричную армию, а один лишь передовой опричный полк.

Татары, по мнению А. А. Зимина, предприняли фронтальную атаку, разгромили отряд Я. Ф. Волынского под Серпуховом и переправились за Оку.⁴³

Исследователь, впрочем, ссылается на свидетельство позднего летописца, едва ли заслуживающее доверия. Более надежными представляются такие источники, как росписи Разрядного приказа и прочие документальные материалы. Из них следует, что Орда преодолела Оку не под Серпуховом, а в районе Кром, откуда через Угру вышла в тыл Серпухову.

В начале 1572 г. Разрядный приказ составил инструкцию воеводам, каким образом они должны будут действовать, если хан вновь двинется на Москву «старую (прошлогоднею. — Р. С.) дорогою <...> Оку вверху перелезет и пойдет на Болхов», а оттуда на Угру.⁴⁴ Приведенное известие получает подтверждение в «Книге Большому Чертежу», согласно которой в окрестностях Кром на верхней Оке находился «брод Быстрой, а в тот брод лезли татаровя, как в 79 году шел крымской царь под Москву».⁴⁵ По сведениям одного летописца, хан «шол на Колугу, а Оку реку возилса выше Калуги на усть реки Яченки».⁴⁶

Русские ждали татар со стороны Тулы и Серпухова. Однако хан, свернув с прямого пути, устремился на север по Свиной дороге. Главным проводником у татар был Кудеяр Тишенков. Этот перебежчик уведомил хана, что Свиная дорога не охраняется воеводами, и настойчиво советовал ему, не мешкая, идти на Москву. «Ты де, государь, поди прямо к Москве, — сказал Тишенков, — а вож де, государь, тебе через Оку и до Москвы яз, а будет де, государь, тебе до Москвы встреча... и ты де, государь, вели меня казнить».⁴⁷

При подходе к Серпухову царь оставался в полной уверенности, что татары продолжают двигаться по дороге Тула — Серпухов. Земская армия надежно прикрывала серпуховские переправы. Но Крымская орда «перелезла» Угру и беспрепятственно обошла приокские укрепления с запада, намереваясь отрезать русскую армию с тыла.

В такой ситуации Грозный принял решение покинуть армию. Желая оправдать свое бегство, царь желчно бранил воевод, не предупредивших его о передвижениях татар: «...передо мною пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском войске знать не дали... а хотя бы тысячу моих людей потеряли, и мне бы двоих татар привели, и то бы за великое дело счел, а силы бы татарской не испугался».⁴⁸

Разрядные книги лаконично сообщают, что Иван Васильевич «тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собрати, а не успели».⁴⁹ В сопровождении немногочисленной свиты царь ускакал через Бронницу в Ростов, откуда мог в случае опасности уехать в Вологду.⁵⁰

Бегство царя с поля боя произвело на армию еще более тягостное впечатление, чем убийство воеводы Черкасского.

Между тем подвижная татарская конница устремилась к Москве со стороны Калуги, угрожая отрезать пути отступления русским полкам, находившимся в Серпухове. Часть Орды повернула к Серпухову, разгромив по пути сторожевой полк опричного воеводы Я. Волинского.⁵¹ Не имея достаточных сил, чтобы остановить татар, русские поспешно отступили к Москве.⁵² 23 мая воеводы, подойдя к Москве, укрылись за Неглинной в опричных кварталах столицы. Полк правой руки (из земщины), ставший по другую сторону р. Москвы на Якимовской улице, защищал Крымский вал и Калужские ворота. Большой полк разместился на Большой Варламовской улице со стороны Серпуховской дороги. Передовой полк выдвинулся на Таганский луг и оборонял подступы к городу со стороны села Коломенского и Рязанской дороги.⁵³

Татары, следовавшие по пятам за русскими, вышли в окрестности Москвы в тот же день, что и воеводы. Хан разбил свой лагерь неподалеку от с. Коломенского.⁵⁴ В первый день татары разграбили незащищенные слободы и монастыри в окрестностях столицы. Царь утверждал, будто воеводы погубили Москву своей полной бездеятельностью. «А если бы тысяча человек защищала Москву, Москва бы их и сама себя оборонила. Но когда старшие не хотели, как же меньшим было оборониться?»⁵⁵ На самом деле воеводы предпринимали

вылазки против татар; в одной стычке был ранен русский главнокомандующий князь И. Д. Бельский.⁵⁶

24 мая 1571 г. татарские разъезды подожгли незащищенные предместья Москвы и некоторые постройки в Земляном городе. В тот день с утра стояла ясная и тихая погода, без ветра. Но внезапно поднялась буря и пламя стало быстро распространяться по всему городу.⁵⁷

При начале пожара по всем церквям и монастырям столицы ударили в набат. По мере распространения огня непрерывно звонившие колокола стали замолкать один за другим. Сорвались на землю колокола опричной церкви за Неглинной, большие колокола кремлевских соборов. Затем город потрясли сильные взрывы — то взлетела на воздух пороховые погреба, устроенные в Кремле и Китай-городе «в зеленых башнях».⁵⁸ От взрывов, сообщает Пискаревский летописец, «вырвало две стены городских у Кремля».⁵⁹ При появлении татар население московского посада и окрестных мест укрылось за крепостными стенами. Беженцы заполнили всю столицу. Повсюду, передает очевидец, «все дома и улицы были так полны народа, что некуда было протиснуться».⁶⁰ Когда начался пожар, толпы народа бросились к северным воротам. В воротах и прилежавших к ним узких улочках образовались заторы, люди «в три ряда шли по головам один другого, и верхние давили тех, которые были под ними».⁶¹ Кому удавалось спастись от пожара, гибли в ужасающей давке.

Находившаяся в Москве армия понесла тяжелые потери. Полки, стоявшие на тесных улицах Земляного города, утратив всякий порядок, смешались с населением, бежавшим из горящих кварталов. Главный воевода Бельский, будучи тяжело ранен, укрылся на своем подворье в Кремле, где и «затхнулся от пожарного зною».⁶² В пожаре погибли земский воевода боярин М. И. Вороной-Волинский, множество дворян и детей боярских.⁶³ Опричник Шгаден пишет, будто после пожара «в живых не осталось и 300 боеспособных людей».⁶⁴ Наименьшие потери понес передовой полк воеводы князя М. И. Воротынского, стоявший на Таганском лугу и энергично отбивавшийся от татар.

В течение трех часов Китай-город, Кремль, Земляной город и предместья столицы выгорели дотла.⁶⁵ Татары пытались грабить горящую Москву, но те из них, кому удавалось проникнуть за крепостные стены, гибли в огне.⁶⁶

На другой день после пожара татары отступили по рязанской дороге в степи. Крымское нашествие причинило невиданные опустошения южным уездам страны. Татары разорили 36 городов к югу от Оки, захватили большие табуны лошадей.⁶⁷ Крымский посол хвастался в Литве, будто татары перебили на Руси до 60 тыс. человек и столько же увели в плен.⁶⁸

В то время как Москву истребляло пламя, царь молился, затворившись в древнем Ростовском монастыре.⁶⁹ Главный воевода князь И. Д. Бельский погиб, воевода князь М. И. Воротынский с уцелевшими войсками отправился «проводить» хана до границы, громя по пути оставшие татарские отряды, занятые грабежом. В Москве земские бояре не удосужились, а вернее, не сразу решились сообщить царю о московской катастрофе. Грозный вскоре же припомнил об этом, говоря: «Москву уже сожгли, а меня не извещали 10 дней. Ведь это измена не малая...»⁷⁰

В начале июня царь получил известие об отступлении татар в степи, после чего вернулся в сожженную Москву, а оттуда уехал в подмосковные дворцовые села. 15 июня 1571 г. в с. Братошине Иван IV принял крымских гонцов, передавших ему ханское послание и нож вместо обычных подарков. Переговоры в Братошине с самого начала приобрели крайне драматический характер, это породило впоследствии немало слухов и легенд. Передавали, что крымские гонцы явились к царю в грубых овчинах и вели себя крайне дерзко.⁷¹ Несколько иначе о том же эпизоде рассказывает поздний летописец: гонцы потребовали у царя дань («выход»), тогда тот будто бы «нарядился в сермягу, бусырь да в шубу боранью, и бояря. И послом отказал: „видишь де меня, в чем я? Так

де меня царь (хан. — Р. С.) зделал! Все де мое царство выпленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!»⁷² Девлет-Гирей требовал от России уступки мусульманских юртов, Казани и Астрахани. Послание хана было составлено в дерзких и оскорбительных выражениях. Он писал Грозному: «Жгу и пустошу, то все для Казани и для Астрахани (<...> был б в тебе срам и дородство, и ты пришел бы против нас».⁷³

Совместный поход турецких войск и татар на Астрахань убедил Москву в том, что Османская империя готова вступить в войну с Россией за обладание Нижним Поволжьем. Но разоренная страна не в состоянии была продолжать войну разом с Турцией, Крымом и Швецией. Сознывая это, русское правительство стремилось любой ценой добиться мира на южной границе. 17 июня царь уведомил ханских гонцов, что готов «поступиться» Астраханью в пользу Крыма, если хан согласится заключить с Россией военный союз, «дружбу и братство».⁷⁴ «И коли то тебе, брату нашему, гневно, — писал царь Девлет-Гирею, — и мы Астрахани тебе, брату нашему, хотим поступиться».⁷⁵

Своему же послу в Крыму царь наказал в случае передачи Астрахани татарам отстаивать право Москвы вместе с Крымом утверждать ханов на астраханском престоле.

В Крыму уступки России были сочтены недостаточными и просьбы царя о мире и союзе отклонены. После сожжения Москвы крымцы, поощряемые турками, выдвинули план полного военного разгрома Русского государства.

Москва была разорена дотла. Понадобилось два месяца, чтобы очистить город от обломков.⁷⁶ Земщина должна была выделить значительные суммы на то, чтобы отстроить и укрепить Москву. Новая планировка города была продиктована военными соображениями. Согласно официальной документации, после пожара «царь и великий князь уложил вперед посадом всем быти в городе, а за городом посадом не быти и хоромы ставити велел малые для огня, потому и посад ныне-мал...».⁷⁷ Посадским людям запрещено было строить дворы за пределами крепостной стены, вследствие чего значительная часть старого посада, особенно в южной части столицы, превратилась в пустырь. Границей города стал земляной вал трехсаженной ширины, соединивший внешние ворота. Ворота и внутренняя крепость были отстроены из бревен и снаружи обложены землей и дерном.⁷⁸ По решению правительства в Москву принудительно переселили купцов и ремесленников из крупнейших городов страны. В октябре 1571 г. из Новгорода в Москву выехали 60 купеческих семей из опричины с Торговой стороны и 40 семей из земщины с Софийской стороны.⁷⁹ Сожжение Москвы явилось подлинным национальным бедствием, а потому царь решил использовать для восстановления «царствующего града» весь купеческий капитал страны, независимо от того, в земской или опричной половине государства жили купцы. Как показал Б. Н. Флоря, сведение купцов в Москву затронуло крупнейшие городские центры страны и приобрело характер общерусского мероприятия.⁸⁰ Перемещение в столицу наиболее состоятельных и предприимчивых групп купечества нанесло огромный ущерб местным провинциальным центрам. К началу 1580-х гг. все бывшие гостиные дворы в Новгороде стояли пустыми, а это значит, что новгородских гостей свели в столицу всех поголовно.⁸¹ Своими мерами власти предотвратили упадок Москвы как важнейшего торгового центра государства, но они неизбежно подрывали провинциальную торговлю. Г. Штаден, живший в России до середины 1570-х гг., писал, что ныне в Москве «живут только торговые люди, набранные из других городов; самые богатые противу их воли должны были пустить свои деньги в постройку домов и дворов».⁸² Со своей стороны казна предоставила переселенцам некоторые льготы и освободила их на несколько лет от податей.

Грозный увидел в московской катастрофе подтверждение своих всегдашних подозрений относительно боярской «измены». Перебежчики указали татарам пути к Москве, что в глазах самодержца неоспоримо доказывало новую бо-

ярскую интригу против трона. Беседуя с крымским послом два года спустя, Грозный вполне серьезно заявил: «Брат наш (хан Девлет-Гирей. — *Р. С.*) сослався с нашими изменники з бояры, да пошел на нашу землю; а бояре наши еще на поле прислали к нему с вестью встречу розбойника Кудеяра Тишенкова». ⁸³ Еще раньше, осенью 1572 г., Иван IV поведал польскому посланнику о собственных подозрениях насчет неверности своих слуг. «Ваши государей своих любят, — заявил он поляку, — а мои меня навели на татарское войско. В четырех милях я об них не знал». ⁸⁴ Много позже английский посол Д. Флетчер собрал интересную информацию, согласно которой царь покинул армию и уехал из Москвы, «потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам». ⁸⁵

В связи с розыском о новой боярской измене были арестованы многие воеводы и в числе их троюродный брат царя князь И. Ф. Мстиславский. Его оговорил служилый татарин, именуемый в источниках «Барымским царевичем». Сын знатного крымского сановника «мурза Абысланов сын Барымского» участвовал в набеге на Донков в 1568 г. и тогда же отъехал на царскую службу. ⁸⁶ В дни, когда татары шли к Москве, царевич пытался перебежать к единоплеменникам, но был пойман и допрошен под пыткой. Стараясь смягчить свою вину, он заявил, что действовал по приказу руководителя Боярской думы и удельного князя И. Ф. Мстиславского и члена опричной думы кравчего Ф. И. Салтыкова.

В январе 1574 г. из крымского плена на Русь вернулось несколько холопов Мстиславского. На допросе они во всем запирались, пока не были подвергнуты пытке огнем. Царь лично допрашивал холопов, чтобы получить улики против Мстиславского. Одному из них он задал следующий вопрос: «Как отпустили были в Крым князь Иван Мстиславский да Федор Салтыков Барымского царевича, и тебе в Крымулучилось ли слышать?» Боярский слуга ответил: «То, государь, в Крымулучилось мне слышать: как царь приходил к Москве и Москву жег, и князь Иван Мстиславский да Федор Салтыков Барымского царевича с Москвы были отпустили ко царю. Да того деи Барымского царевича ты, государь, поймал». ⁸⁷

В земской армии Мстиславский командовал полком правой руки и был вторым лицом после главнокомандующего князя И. Д. Бельского. С гибелью Бельского он принял на себя командование всей русской армией. Следовательно, он нес наибольшую ответственность за сожжение Москвы. Но Мстиславского судили не как военачальника, понесшего поражение, а как заговорщика и государственного преступника.

Обвинения, предъявленные главному земскому боярину, были более чем двусмысленными. Царь был уверен, что именно земские бояре руками Кудеяра Тишенкова «навели» татар на Москву. Но Тишенков скрылся в Крыму, и опричные судьи принуждены были довольствоваться показаниями другого перебежчика, инкриминировавшего Мстиславскому совсем другую вину. По словам Барымского царевича, Иван Мстиславский и Федор Салтыков послали его в поле к хану уже после сожжения Москвы с наказом, чтобы «царь (Девлет-Гирей. — *Р. С.*) воротился к Москве и только придет к Москве, и Москва будет его». После успешного набега хан, следуя вековой традиции, стремительно отступил в Крым, а бояре якобы предлагали ему засесть в сожженной Москве. Обвинение явно неправдоподобное, но со времени казни Висковатого и новгородцев подобные обвинения были в ходу.

Царь использовал показания «царевича», чтобы возложить всю ответственность за майскую катастрофу на руководителей Боярской думы. Мстиславский вынужден был подписать специальную грамоту, в которой признался перед всем народом, что он вместе с товарищами навел татар на «святые места» и своей изменой погубил Москву. ⁸⁸ Грозный постарался выставить Мстиславского в глазах населения вероотступником. С боярина взяли письменное обя-

зательство «впредь будучи, вера христианская держати твердо, в вере не соблажняться и к иной вере не приставати».

Главу земщины обвинили в столь тяжких преступлениях, что любой другой на его месте поплатился бы головой. Но Грозный пощадил Мстиславского и даже вернул ему Юхотское удельное княжество. Мстиславский был освобожден из-под стражи после того, как за него поручились священный собор и бояре. Впервые в истории опричнины за опального земского боярина ходатайствовали члены не только земской, но и опричной думы. В числе их были опричники боярин князь Н. Р. Одоевский и окольный князь Д. И. Хворостинин, земский боярин М. Я. Морозов и 285 княжат и детей боярских. В случае измены Мстиславского поручители должны были ответить за него собственными головами, а также заплатить в казну 40 тыс. рублей.⁸⁹

Осенью 1571 г. Мстиславский, назначенный главным новгородским наместником, был отослан в Новгород.⁹⁰

Суд над Мстиславским имел отчетливо выраженные политические цели. Народу был указан виновник ужасного поражения и гибели многих тысяч людей. Получены были доказательства того, что боярство продолжает интриги против царя и что корни измены гнездятся в Боярской думе. Несмотря на опалу, Мстиславский сохранил положение официального главы земской думы. Но в политическом отношении он был фигурой бесцветной и лишь номинально считался руководителем земского правительств. Более прочными позициями в земщине обладали бояре Захарьины. Опорой их влияния оставался двор наследника царевича Ивана.

«Новгородское дело» повлекло за собой розыск о «московской измене». Опричники готовились учинить в столице такой же погром, как и в Новгороде.⁹¹ Перспектива повторения в Москве новгородских событий пугала руководителей земщины, которые, конечно, никак не могли сочувствовать новым сумасбродным замыслам Грозного. Очень возможно, что Захарьины пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы таким путем хоть немного образумить царя и положить предел чудовищному опричному террору.

Отношения между царем Иваном и его сыном были довольно натянутыми. Вспыльчивый и деспотичный, Иван нередко избивал сына. Между тем царевичу исполнилось 17 лет и он обладал нравом не менее крутым, чем его отец.⁹² Грозный давно не доверял Захарьиным и очень боялся, как бы они не впустили наследника в придворные распри.

Подозрения царя насчет тайных интриг боярства, стоявшего за спиной царевича, зашли столь далеко, что в июне 1570 г. он во время официальной аудиенции в Кремле в присутствии Магнуса официально заявил о возможном лишении сына прав на престол. Член датского посольства, составивший донесение о приеме в Кремле, находился в свите герцога и хорошо слышал все, что произнес царь. В присутствии земской Боярской думы и иностранных дипломатов Грозный обратился к Магнусу со следующей речью: «Любезный брат, ввиду доверия, питаемого ко мне вами и немецким народом, и преданности моей последнему (ибо сам я немецкого происхождения и саксонской крови), несмотря на то, что я имею двух сыновей — одного семнадцати и другого тринадцати лет, ваша светлость, когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны, и я так искореню и принижу моих неверных подданных, что попру их ногами».⁹³ Очевидец, передавший речь Грозного, не лишен был проницательности. Царь, говорит он, оказал такую честь Магнусу только для того, чтобы нагнать страх на своих подданных. Тем не менее опрометчивые заявления царя, сделанные при боярах и послах, вызвали сильное раздражение в ближайшем окружении наследника.

После новгородского разгрома раздор между царем и земской Боярской думой достиг предела. Грозный не упускал случая унижить земских бояр. Иноземцев шокировали сцены, разыгрывавшиеся во дворце у них на глазах. Поль-

ские послы с удивлением наблюдали за непристойными и грубыми выходками царского шута, доставлявшими видимое удовольствие Ивану IV. Шут, передвигаясь на четвереньках, устрасал обнаженными ягодицами знатных земских господ, собравшихся в Кремле. Как утверждали польские послы, шут потешался над земцами по приказу Грозного.⁹⁴ Запуганные террором, руководители земщины покорно сносили сумасбродство Ивана.

Слухи о распрях царя с наследником и земским боярством достигли Польши. Папский посол Портико, выжидавший в Варшаве благоприятного момента для поездки в Москву, направил 3 января 1571 г. письмо в Рим, в котором сообщил о том, что из Москвы прибыл один человек, сказавший, что русские послы приедут в Польшу с запозданием из-за распрей между царем и сыном, страшной эпидемии чумы и т. д.⁹⁵ Можно полагать, что все эти сведения были записаны Портико со слов Шлихтинга и что таким образом мы имеем возможность пополнить его «Сказания» исключительно важными сведениями, которые сам он старательно замалчивал в мемуарах, написанных по поручению польских дипломатов. В пользу такого предположения говорят следующие факты. Во-первых, Шлихтинг бежал в Польшу в самом конце 1570 г., письмо же папского посла датировано 3 января 1571 г. Во-вторых, как письмо Портико, так и первая записка Шлихтинга («Новости из Московии») начинаются с сообщения о задержке московских послов из-за мора. В-третьих, московский беглец сообщил подробности, которые могли быть известны лишь человеку, близкому ко двору и хорошо осведомленному относительно семейных дел царя, но именно таким лицом был слуга и переводчик царского лейб-медика. Шлихтинг сообщил Портико, что раздор в царской семье привел к открытому столкновению между царем и наследником и что на стороне последнего выступили многие влиятельные и знатные лица: «Между отцом (царем Иваном. — Р. С.) и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии».⁹⁶

Раздор в царской семье получил широкую огласку в земщине. О нем говорили не только при дворе, но и в народе. Не случайно одной из самых популярных исторических песен XVI в. стала песня о гневе Грозного на сына. Многие исследователи видели конкретно-историческую основу песни «О гневе Грозного» в факте убийства царевича Ивана в 1581 г. Один из издателей собрания исторических песен о Грозном Б. Н. Путилов оспорил такой вывод следующим образом: «„Песню о гневе Ивана Грозного на сына“ правильнее рассматривать как произведение с вполне вымышленным сюжетом, в котором нашли отражение некоторые существенные стороны политической жизни времени царствования Ивана Грозного, как они воспринимались и осмыслялись народом».⁹⁷ В действительности содержание песни было далеко не вымышленным. Среди 60 вариантов песни Б. Н. Путилов выделил подробную редакцию как наиболее распространенную и типичную для данного сюжета. Однако с точки зрения исторической достоверности внимания заслуживает краткая редакция песни. Содержание ее таково: царь Иван Васильевич вывел измену из Пскова и из Новгорода и задумался над тем, «как бы вывести измену из каменной Москвы!» Но тут «взговорит Малюта злодей Скурлатович»: «Ах ты гой еси, царь Иван Васильевич! Не вывести тебе изменушки до веку: сидит супротивник супротив тебя...» Жертвой навета стал царский сын. Послушав Малюту, Грозный велел отвести царевича для казни «на Лужу поганую». Но за опального вступился боярин Никита Романович: «Ты Малюта, Малюта Скурлатович! Не за свой ты кус примаешься, ты етим кусом подавишься!» Благодаря заступничеству Захарьина царевич был спасен.⁹⁸

Несмотря на легендарность некоторых мотивов песни «О гневе Грозного», в основе ее лежали реальные факты. В ней сказано, что разрыв между царем и его сыном произошел после похода на Новгород и Псков, в тот момент, когда

царь решил вывести измену в Москве, что царевича поддерживали Захарьины, будто бы спасшие его от гибели. С наветами против царевича выступил Скуратов. Песня называет Поганую лужу местом предполагаемой казни царевича. Но именно на Поганой луже были казнены после новгородского погрома «канцлер» Висковатый и другие московские «изменники». Одного из этих изменников — Н. Фуникова — опричники сварили живьем, и в песне этот факт также получил отражение: после гибели царевича Иван Васильевич будто бы грозил боярам: «Я вас, бояре, всех в котле сварю!»

В исторических песнях раздор в царской семье имел благополучный исход. Захарьины спасли царевича, и в награду Грозный выдал им на расправу Скуратова. На самом деле все было иначе. После того как Малюта захватил власть в опричной думе, Захарьины подверглись жестоким гонениям.

В годы опричнины в думе заседали В. М. Юрьев, Н. Р. Юрьев, С. В. Яковлев, И. П. и В. П. Яковлевы-Захарьины. Почти все они стали жертвами репрессий.

Вопреки легендам, боярин В. М. Юрьев не был инициатором опричнины. В 1567 г. он умер. Обвинения в измене были предъявлены В. М. Юрьеву по-смертно, после того как один из новгородских подьячих подал донос опричникам. В царском архиве хранилось «дело Прокоша Цвиленева, что сказал на него наугороцкий подьячий Богданко Прокофьев государское дело и про зсылку Василия Михайловича Юрьева».⁹⁹ Неизвестно, с кем «ссылался» В. М. Юрьев, но донос подьячего имел роковые последствия для Цвиленева и членов семьи Юрьева. В различных списках синодика записан Плохой (Прокопий, Прохор) Цвиленев. Не вполне ясно, идет ли речь об одном лице или двух разных лицах. Возможно, что Прокопий Цвиленев имел прозвище «Плохой». Прокопий упомянут однажды как богатый купец. Плохой определенно служил дьяком. Но купцы в Новгороде нередко служили в приказах. Судя по синодику, Цвиленев подвергся казни летом 1570 г.

Дочь В. М. Юрьева была замужем за опричным боярином князем М. Т. Черкасским. Царь велел подвергнуть Черкасского торговой казни, позже казнил его слуг. Черкасский и его жена Юрьева должны были в течение двух недель входить в свой дом через ворота, на которых были повешены их слуги. В другой раз Грозный велел привязать к воротам их дома диких медведей.¹⁰⁰ Вслед за тем царь велел убить Юрьеву вместе с младенцем сыном, при этом запретил хоронить убитых и велел бросить их тела на подворье Черкасского непогребенными.¹⁰¹ Сына В. М. Юрьева Протасия, служившего по молодости рындой, царь пощадил, но лишь на время.

Надругательство над Юрьевыми-Захарьиными напугало весь род Захарьиных и вызвало негодование при дворе наследника, которому Юрьева доводилась троюродной сестрой.

Новгородское изменное дело бросило тень и на Юрьевых, и на Яковлевых-Захарьиных. Из подлинного изменного дела архиепископа Пимена следует, что боярин С. В. Яковлев фигурировал на процессе как прямой сообщник Пимена. Поначалу Яковлева удалили от двора и отправили на воеводство в Смоленск.¹⁰² Но весной 1571 г. о нем вспомнили. По утверждению А. Курбского, опричники убили С. В. Яковлева вместе с его малолетним сыном Никитой. Согласно монастырским книгам, их поминали в один день 24 мая.¹⁰³ Беспорядочные убийства последних месяцев опричнины дезорганизовали опричный аппарат, что отразилось на записях синодика — в нем отсутствуют имена С. В. Яковлева и его сына, как и имена многих других видных лиц, погибших в 1571—1572 гг.

Виднейший воевода И. П. Яковлев был доставлен в окопах в Москву в конце зимы. Эта опала поначалу не сказалась на службе его брата боярина В. П. Яковлева, командовавшего опричным сторожевым полком в дни выступления Грозного в Серпухов в мае 1571 г.¹⁰⁴ Однако после майской катастро-

фы братья бояре Яковлевы подверглись казни. В царском синодике находим следующую запись: «Василия и Иона Петровы Яковлева; князя Михаила Темрюковича Черкаского». По свидетельству опричников Таубе и Крузе, бояре Яковлевых-Захарьиных забили насмерть палками.¹⁰⁵ Иван III, сделав сына Василия соправителем, наделил его титулом великого князя Новгородского и Псковского. Иван IV разделился с сыном, выделив ему особый двор с целым штатом служителей. Но царевич Иван даже по достижении совершеннолетия не получил от отца ни титула, ни удельного княжества. Убийство В. П. Яковлева, служившего главным боярином и дворецким у царевича Ивана, свидетельствовало о том, что Грозный заподозрил в измене собственного наследника.

К кругу Захарьиных принадлежала их ближайшая родня Шереметевы. Арест в 1564 г. не отразился на карьере И. В. Большого Шереметева. Он занял самое высокое положение в сильно поредевшей земской думе. После опалы на И. П. Федорова именно он сменил конюшего на посту главы московской «семибоярщины».¹⁰⁶ А. А. Зимин полагал, что И. В. Большой Шереметев постригся в монахи летом 1570 г.¹⁰⁷ Однако подлинные вкладные книги Кирилло-Белозерского монастыря сообщают другую дату. 28 мая 1571 г. татары сожгли шереметевскую вотчину — с. Шибутово, «а Иван Шереметев приехал в монастырь после того пожару да дал то село Шибутово вкладом июня в 6 день», еще ничего не зная о происшедшей катастрофе. На другой день он принял пострижение. Этой датой помечен «постригальный корм» Ионы Шереметева.¹⁰⁸ В Кирилло-Белозерском монастыре Шереметев пользовался всевозможными привилегиями. За монастырем он выстроил двор для прислуги и хранения всевозможных припасов, держал отдельную кухню и стол, устраивал для братии богатые трапезы.¹⁰⁹ Грозный не решился поступить с Шереметевым так же, как поступил со Щенятевым и некоторыми другими боярами. Но самое имя строптивого боярина вызывало у Грозного приступы ярости. В известном письме к кирилловским старцам царь называл Иону Шереметева «бесовым сыном», обвиняя его во всевозможных злых кознях. В том же письме царь напомнил Ионе, что он не неволею постригся — «нехто в зашеек бил» и сослался на его слова — «что Шереметев сказывает, что его болезнь мне ведома» и пр.¹¹⁰ Итак, И. В. Шереметев надел рясу из-за нездоровья. Однако трудно отделаться от впечатления, что в обстановке резни и погромов боярин боялся новой опалы.

Ни один боярин не мог быть арестован и казнен без санкции Грозного. Но неверно было бы представлять монарха инициатором всех репрессий. Никогда правящую верхушку не разъедали раздоры и интриги так, как это было в пору террора. Начало раздорам положило разделение страны на опричнину и земщину. В дальнейшем вражда и ожесточение разгорались сами собой. Ставкой в столкновениях нередко была жизнь. Как писал А. Шлихтинг, наблюдавший жизнь царского двора с близкого расстояния, «взаимная привязанность и расположение (у этих людей. — Р. С.) пропали; именно, братья преследуют друг друга взаимно с озлобленной ненавистью, клеветают, возводят ложные обвинения перед тираном (Иваном IV. — Р. С.); сын восстает на отца, отцы в свою очередь на сыновей; редко можно слышать у них приятельский разговор, до такой степени чуждаются они товарищества, общения, друзей, всех».¹¹¹

Казнями на Поганой луже в Москве руководил земский дьяк Василий Щелкалов. Опричник М. Т. Черкасский пытался через подставных лиц расправиться с ним. Подьячий Айгустов подал донос на дьяка, стремительно набиравшего силу. Начался розыск. Доносчик-подьячий не выдержал пытки и вскоре же сознался, «что он сставлял на Василья многие дела по науку князя Михаила Черкасского».¹¹² 12 февраля 1571 г. опричный суд постановил конфисковать у Айгустова все его имущество и передать его «за бесчестье» дьяку Щелкалову.

Положение Черкасского пошатнулось после кончины его сестры царицы Марии Черкасской в 1569 г. Причиной смерти была болезнь. Но гуляла молва, будто Грозный сам отравил жену. Г. Штаден прямо писал, что царь бесчестно обошелся с дочерью князя Темрюка Черкасского, вследствие чего Кабардинский владетельный князь порвал с Иваном IV и вместе с крымцами двинулся походом на Москву в мае 1571 г.¹¹³ Разрыв между Кабардой и Россией стал предметом дипломатических разъяснений за рубежом. На вопрос: «А нечто вспросят, что царицы и великой княгини Марьи не стало, и черкесы, чаю, вашему не служат», послы отвечали, что все черкесы будто бы служат по-старому.¹¹⁴ Степень достоверности дипломатических заявлений невелика. Официальная версия гибели князя М. Т. Черкасского, предназначенная для Крыма, не оставляет сомнений на этот счет. «Князь Михайло Черкасский, — согласно заявлениям русских послов, — был в полку со царевыми и великого князя воеводами и в царев приход ехал из полку в полк и изгиб безвестно. И ныне ведома про него нет, где изгиб. А хто молвит, что его царь и великий князь велел убить, и... то говорят ложно...»¹¹⁵ В действительности все было наоборот. В дни нападения Девлет-Гирея на Москву Черкасский, назначенный воеводой передового полка, получил приказ выступить в Серпухов, а между 16 и 23 мая 1571 г. был зарублен опричными стрельцами на дороге между Москвой и Серпуховом.¹¹⁶ Царь опасался предательства со стороны шурина.

Крушение опричного правительства после новгородского похода стало неизбежным. В опричной думе самыми серьезными соперниками Плещеевых были Морозовы. Тотчас после казни Ф. А. Басманова чин кравчего был передан Ф. И. Салтыкову-Морозову. Но новому кравчему пришлось недолго заседать в опричной думе. После сожжения Москвы татарами его объявили главным сообщником изменника Мстиславского. По утверждению Таубе и Крузе, Салтыков подвергся торговой казни и затем был осужден на вечное тюремное заключение.¹¹⁷ В действительности же его казнили. В синодике опальных мы находим следующую запись: «Князя Василия Темкина и сына его князя Иоана; Федора Салтыкова». Двоюродный брат Федора Лев Андреевич Салтыков возглавлял опричный Дворцовый приказ и с опалой Басманова стал одним из главных вождей опричной думы. Он участвовал в новгородской карательной экспедиции 1569—1570 гг., сопровождал царя в походе на татар осенью 1570 г. Однако в майском походе 1571 г. он уже не принимал участия.¹¹⁸ Грозный приказал постричь Л. А. Салтыкова-Морозова в монахи и заточить в Троице-Сергиев монастырь. Несколько позже бывшего опричного боярина и дворецкого казнили.¹¹⁹

Опричного боярина И. Я. Чеботова Грозный велел заточить в Борисоглебский монастырь в Ростове.¹²⁰

И. Ф. Воронцов был самым знатным из думных дворян в опричнине. В разрядах за сентябрь 1570 г. он записан в списке думных дворян вторым после князя С. А. Черкасского.¹²¹ Это последнее упоминание о Воронцове в разрядах. По утверждению Курбского, он был казнен.¹²²

Думный дворянин П. В. Зайцев уступал Воронцову в смысле знатности, но не в смысле влияния. В конце 1570 г. он находился в Москве в качестве одного из правителей («начальных бояр») опричной части столицы;¹²³ в сентябрьском разряде 1570 г. записан вторым воеводой «с Москвы из опричных».¹²⁴ Штаден рассказывает, что после казни М. Черкасского и В. Темкина опричники повесили Петра Зайцева на воротах собственного дома.¹²⁵ Опричный ясельничий погиб в промежуток времени между 18 июня и 7 сентября 1571 г.¹²⁶ Зайцев был ближайшим сподвижником Басмановых и одним из главных руководителей опричнины при ее учреждении.

После мая 1571 г. царь Иван велел утопить в реке видного опричного боярина князя В. И. Темкина и его сына опричного воеводу Ивана.¹²⁷ Примечательно, что Темкины записаны в синодике вместе с Ф. Салтыковым.

Инициатором казней 1571 г. был глава опричного сыскаго ведомства Малюта Скуратов. Добившись отставки Басманова и Вяземского, он обезглавил опричное правительство, а затем довершил разгром старого опричного руководства. Свирепые репрессии против новгородцев и «виновников» майской катастрофы позволили Скуратову окончательно захватить власть в свои руки. Царь стал полагаться на его советы при решении как политических, так и сугубо личных дел.

Царица Мария Черкасская умерла в конце 1569 г., и вскоре же Иван IV стал хлопотать о новом браке. В 1570 г. опричные писцы произвели по всей стране перепись дворянских дедок-невест и, отобрав 2000 самых здоровых и красивых, свезли их в Слободу. Из 2000 невест царь выбрал сначала 24, а затем 12 девиц. «И о девицах, — говорилось в соборном приговоре 1572 г., — много испытанию бывшу, потом же надолзе времени избра себе невесту, дочь Василя Собакина».¹²⁸ 26 июня 1571 г. царь объявил о своей помолвке с Собакиной. В тот же день состоялась помолвка наследника престола царевича Ивана с Е. Б. Сабуровой-Вислоуховой. Собакины были коломенскими дворянами, Вислоухие — знатными псковскими помещиками.

Свахами царской невесты были жена и дочь Малюты, ее дружки на свадьбе оказались сам Малюта и его зять Борис Годунов.¹²⁹ Видимо, Бельский сосватал царю свою дальнюю родственницу и таким образом породнился с царской семьей. Как отметил В. Б. Кобрин, после смерти Малюты царь пожертвовал на помин его души огромный денежный вклад в 150 руб., больший, чем по собственным дочерям Анне и Марье, по брату Юрию, по царице Марфе.¹³⁰ Чтобы объяснить особые отношения между Скуратовым и Грозным, В. Б. Кобрин выдвинул гипотезу о том, что «может быть, Бельские — бывшие холопы московских князей». Однако холопство Бельских никак не объясняет ни крупные жертвования царя на Малюту, ни стремление самых знатных родов (Глинских, Шуйских) породниться с семьей Скуратова. Нам представляется, что все эти факты можно объяснить родством Малюты с царской семьей.

Третий брак Грозного был самым непродолжительным. После помолвки невеста, цветущая молодая девушка, стала недомогать, «сохнуть». Передавали, что мать переслала Марфе через одного придворного какое-то зелье, которое та выпила, чтобы «приобрести плодородие». Зелье будто бы и явилось причиной болезни.¹³¹ Несмотря на болезнь невесты, Иван к полному удовольствию своих советников «положился на Бога» и 28 октября 1571 г. сыграл свадьбу в Александровской слободе. 4 ноября наследник царевич Иван отпраздновал свою свадьбу с Е. Сабуровой. Царица Марфа была уже совсем плоха и через неделю скончалась.¹³²

В силу худородства Собакины не могли претендовать на думные чины, тем более что Марфа фактически так и не стала женой царя. Тем не менее Грозный пожаловал в бояре В. С. Большого Собакина и сделал окольными Г. С. Собакина и В. С. Меньшого Собакина.¹³³

В последний период существования опричнины произошло полное обновление состава ее правительства. При Басманове безраздельным влиянием в опричнине пользовалась старомосковская знать. После «новгородского дела» ее место постепенно заняли лица, принадлежавшие к княжеской аристократии. В состав опричной думы вошли П. Д. Пронский, Хованские и др., которые были родней Старицких или ранее служили при дворе удельного князя Владимира Андреевича. «Мотивы привлечения в состав опричного корпуса кн. П. Д. Пронского, — пишет В. Б. Кобрин, — сомнений не вызывают. Скорее всего Пронский активно участвовал в расправе над Владимиром Андреевичем». А. П. Хованский, по мнению В. Б. Кобрин, также оказывал какие-то услуги центральной власти в связи с делом Старицкого.¹³⁴

Предположение В. Б. Кобрин насчет предательства старицких слуг бывшему сюзерену не подкреплено фактами. Появление родственников удельного

князя и его виднейших вассалов на опричной службе было связано с совсем другими причинами — падением старого опричного руководства и приближением ко двору тех, кто более всего пострадал от рук опричнины. Казнив Басманова, Вяземского и многих других учредителей опричного режима, Грозный пытался убедить страну, что именно эти люди, а не он сам повинны в кровавом терроре.

Шурин Владимира Андреевича «служилый» князь Н. Р. Одоевский оставался в земщине до мая 1570 г., но уже в сентябре командовал опричным полком правой руки в Тарусе.¹³⁵ Отметим, что воевода правой руки был вторым лицом в армии после главнокомандующего. Вскоре после мая 1571 г. Одоевский получил титул боярина и вошел в опричную думу.¹³⁶ Сестра Одоевского, бывшая замужем за Старицким, была вместе с дочерью казнена по приговору опричного суда в октябре 1569 г.

Род Пронских также пострадал от опричнины. В. Ф. Рыбин-Пронский был обезглавлен в 1566 г. И. И. Пронский погиб через три года. Их родня князь П. Д. Пронский оставался в земщине и числился главным воеводой Новгорода в 1569—1570 гг. В феврале 1571 г. Иван IV забрал в опричину Торговую сторону Новгорода и две пятины, после чего боярин П. Д. Пронский был принят на опричную службу и перенес свою резиденцию с Софийской на Торговую сторону.¹³⁷ П. Д. Пронский состоял в родстве со Старицкими и много лет служил им. Его родной брат Семен Пронский в июле 1569 г. сменил на воеводстве в Смоленске князя И. А. Шуйского, заподозренного в измене. Примерно через год С. Д. Пронский попал в опричину, а к концу 1571 г. царь пожаловал ему из опричнины боярский титул.¹³⁸ В декабре 1571 г. и весной 1572 г. братья П. Д. и С. Д. Пронские сопровождали царя в Новгород как члены опричной Боярской думы.¹³⁹

К осени 1570 г. в опричнине оказался бывший старицкий дворецкий князь А. П. Хованский, приходившийся двоюродным племянником княгине Ефросинье.¹⁴⁰ Примерно в то же время членом опричной думы стал окольный Н. В. Борисов-Бороздин, другой родственник княгини Е. Старицкой.¹⁴¹ В числе немногих доверенных лиц окольный Н. В. Борисов сопровождал царя в его поездках в Новгород зимой 1571/72 и весной 1572 г.¹⁴²

Князь Ф. М. Трубецкой был младшим родственником князей Бельских и Мстиславских, происходил из рода гедиминовичей. В опричину он попал не позднее мая 1570 г.;¹⁴³ 16 мая 1571 г. был назначен дворовым воеводой.¹⁴⁴ К осени 1571 г. Трубецкой получил из опричнины боярский титул и вошел в опричную думу как один из главных ее руководителей.¹⁴⁵ Среди всех «новых» опричных бояр он пользовался наибольшим доверием царя Ивана. Только двое бояр были допущены на царскую свадьбу в октябре 1571 г., и первым из них был Трубецкой.¹⁴⁶ Зимой 1571 г. опричный боярин сопровождал царя в Новгород в чине первого дворового воеводы.¹⁴⁷

Опричнина на начальном ее этапе обрушила главный удар на головы суздальской знати. На последнем этапе на опричной службе появились Шуйские.

Князь И. А. Шуйский получил боярский чин на земской службе весной 1571 г. Как воевода земского сторожевого полка он участвовал в обороне Москвы от татар в мае этого года.¹⁴⁸ Во время похода в Новгород в 1572 г. И. А. Шуйский числился первым боярином «из опричнины» и официально занимал более высокое положение, нежели опричные бояре князя Пронские и Сицкий. В опричнине Шуйские поспешили породниться с семьей М. Скуратова.

К весне 1572 г. в состав опричной думы вошел князь О. М. Щербатый-Оболенский; в чине опричного окольного он сопровождал царя в Новгород,¹⁴⁹ летом того же года ездил из Новгорода с царским «жалованным словом и с денежным жалованьем» к войскам, собранным на Оке для отражения татар.¹⁵⁰

Из князей Стародубских успешную карьеру в конце опричнины сделал Б. Д. Тулупов. Во время похода на татар в сентябре 1570 г. он служил первым опричным головой,¹⁵¹ в весеннем походе 1572 г. в Новгород ездил «с сонопалы» за царем.¹⁵² Летом того же года он породнился с царской семьей, выдав свою двоюродную сестру за царского шурина Г. А. Колтовского, а в следующем году был пожалован в окольные.¹⁵³

Из старых опричных бояр чистку 1570—1571 гг. пережили немногие, в их числе боярин князь В. А. Сицкий-Ярославский, Колычевы и Бутурлины. Однако положение их было, по-видимому, очень шатким. Окольного В. И. Умного арестовали вместе с И. П. Яковлевым под Ревелем и увезли в оковах в Россию в январе 1571 г.¹⁵⁴ Он избежал казни, но был полностью отстранен от дел и только весной 1572 г. получил назначение в полки против татар. Ранее лета 1572 г. опричный боярин Ф. И. Умной пытался местничать с «молодым» боярином В. Б. Сабуровым, новой царской родней. Местничество закончилось для опричника катастрофой. Он был выдан Сабурову головой, а вскоре ушел в монастырь.¹⁵⁵

Из всех окольных только Д. А. Бутурлин получил приглашение на царскую свадьбу в октябре 1571 г.¹⁵⁶ Спустя несколько месяцев он сопровождал царя в Новгород вместе с другими доверенными лицами.¹⁵⁷ Следует заметить, что Бутурлины испытали на себе действие опричного террора: во время новгородского разгрома казни подвергся В. А. Бутурлин, младший брат опричного окольного.

В последнем опричном правительстве старомосковская знать уступила место удельным князьям (Трубецкой, Одоевский) и отчасти суздальской знати. Но это не означало, что опричина в конечном итоге дала верх титулованной знати.

Последнее опричное правительство отличалось одной характерной особенностью. Вошедшие в него представители титулованной знати были в большинстве людьми молодыми. К примеру, будущие опричные бояре князь Ф. М. Трубецкой, Н. Р. Одоевский, С. Д. Пронский в полоцком походе, всего лишь за два года до введения опричнины, служили есаулами.¹⁵⁸ В годы террора они оставались в тени и ничем себя не скомпрометировали. В политическом отношении большинство из них были людьми бесцветными.

Таубе и Крузе весьма метко характеризовали последнее опричное правительство, заметив, что при особе царя не осталось никого, кроме отъявленных палачей или молодых ротозеев.¹⁵⁹ Титулованная молодежь принадлежала ко второй категории. Ее роль в известной мере сводилась к внешнему представительству. Опричному двору нужен был новый, блестящий фасад, поскольку старый утратил всякую привлекательность.

Опричное думное дворянство пострадало в период чистки 1570—1571 гг. значительно меньше, нежели опричная знать. Жертвами репрессий стали учредители опричнины Вяземский и Зайцев, связавшие свою судьбу с родом Плещеевых. Все же прочие думные дворяне (М. Л. Скуратов, В. Г. Грязной, И. С. Черемисинов, Р. В. Алферьев, В. Г. Зюзин) и почти вся высшая опричная приказная бюрократия благополучно пережили все опричные чистки.

Из всех опричных думных дворян наивысшего могущества к концу опричнины достиг М. Л. Скуратов-Бельский.¹⁶⁰ Назначение дворовым воеводой весной 1572 г. было венцом служебной карьеры Скуратова.¹⁶¹ Как дворянин «ближние думы царя» Малюта с начала 1572 г. участвовал в ответственных дипломатических переговорах с Крымом и Литвой.¹⁶² В походе на Пайду в январе 1573 г. Скуратов не получил воеводского назначения и находился в ближней свите царя как дворянин «з бояры». Под стенами Пайды он и

погиб.¹⁶³ Смерть Малюты не отразилась на положении его родни, выдвинувшей из своей среды знаменитого впоследствии Б. Я. Бельского.¹⁶⁴

Скуратов стал играть выдающуюся роль в опричнине в период масового террора благодаря чрезмерному усилению сысского ведомства, которым он руководил. Царь, живший в постоянном страхе перед воображаемыми заговорами, слепо доверял Малюте и видел в нем своего всегдашнего спасителя. Руками Скуратова царь расправился со старой опричной гвардией и подавил все признаки недовольства внутри опричнины. Ко времени ликвидации опричнины Скуратов не только не утратил своего влияния, но, напротив, достиг наивысшего могущества.

Знатному боярству имена Малюты и Богдана Бельских были столь же ненавистны, как и имя основателя опричнины Басманова-Плещеева. Курбский желчно бранил царя за то, что тот по дьявольскому наущению приблизил «прескверных паразитов и маньяков <...> прегнусодейных и богомерзких Бельских (Малюту и Богдана. — *Р. С.*) с товарищи <...> кромешников или опришников кровоядных».¹⁶⁵

Ко времени новгородского погрома наибольшим влиянием в опричнине пользовались наряду с М. Скуратовым думный дворянин В. Г. Грязной Ильин и его родня. По мнению П. А. Садикова, посвятившего В. Г. Грязному небольшой очерк, Грязной лишился «фавора» после того, как попал в плен к татарам.¹⁶⁶ В 1574 г. в письме в Крым царь выразил немилость бывшему любимцу. Но вопреки мнению П. А. Садикова, карьера В. Г. Грязного рухнула задолго до пленения. Осенью 1571 г. он не был приглашен на царскую свадьбу. Примерно в это же время самодержец велел отравить «ближнего» спальника Г. Б. Большого Грязного. Судья опричного Земского двора в Москве Г. Б. Меньшой Грязной был убит, а его сын Никита заживо сожжен.¹⁶⁷ Вместе с Малютой Скуратовым В. Г. Грязной участвовал в походе на Пайду как дворянин «з бояры».¹⁶⁸ Но сразу после гибели Скуратова Ильины были изгнаны с опричной службы и из думы. В. Ф. Ильин-Ошанин получил назначение на воеводство в замок Пайду, потом был арестован и в опале увезен в Москву.¹⁶⁹ В. Г. Грязного царь отослал в почетную ссылку в Нарву, а оттуда в небольшую крепость Донков на крымской границе. Богатейшее поместье Грязного в Новгороде было передано к весне 1573 г. другим лицам.¹⁷⁰ Во время службы в степи Грязной попал в плен к татарам.¹⁷¹ Письма Василия к царю, составленные в плену в 1573—1577 гг., дают весьма точное представление о характере и достоинствах главного сподвижника Малюты. Веселый сотрапезник, завоевавший благосклонность Ивана IV застольными шутками, Васюшка Грязной предстает перед нами как человек невероятно хвастливый, тщеславный и легкомысленный. Оправдывая свое пленение, он с серьезным видом уверял царя, будто все его 115 лучников бежали от врага, а он один сцепился с 250 татарами. Когда его повалили наземь, он «над собой укусил шти человек до смерти, а двадцать да дву ранил». В крымском плену он (неведомо как) «государевых собак изменников... всех перекусал же, все вдруг перепопали, одна собака остался — Кудеяр, и тот, по моим грехом, маленко свернулся...».¹⁷² К этому Грязной добавлял, что его «из-за тех изменников (которых он перекусал и «извел» в Крыму. — *Р. С.*) царь (хан. — *Р. С.*) хотел казнити». Будучи в Крыму, Грязной самочинно и притом бестолково вмешивался в дипломатические переговоры между царскими послами и ханом, за что получил строгий выговор из Москвы. Иван IV велел бывшему фавориту «не дуровать» и не вмешиваться не в свое дело.¹⁷³ Веселые застольные шутки, за которые Иван любил Васютку, стали предметом саркастических насмешек: «Али ты чайл, — писал царь Грязному в 1574 г., — что таково ж в Крыму, как у меня стоячи за кушаньем шутити?»¹⁷⁴

Обращение Василия Грязного к царю («ты, государь, аки Бог — и мала и велика чинишь»), в котором видели чуть ли не манифест худародного опричного дворянства, было всего лишь раболепной выходкой вставшего в немилость фаворита.

На исходе опричнины в первые ряды опричного думного дворянства выдвинулись дворяне Нащокины. Род Нащокиных пострадал от террора в 1569 г., но это обстоятельство благоприятствовало их карьере к концу опричнины. Одним из влиятельнейших членов опричной думы стал к 1572 г. дворянин Р. В. Алферьев-Нащокин.¹⁷⁵ Происходя из захудалой дворянской семьи, Алферьев в первые годы опричнины выступал в скромной роли дворянского головы.¹⁷⁶ Однако перед отменой опричнины в его карьере наступили важные перемены. Несмотря на полную безграмотность, он стал по милости царя опричным печатником и возглавил весь приказной аппарат опричнины. Судясь из-за мест, печатник, нимало не смущаясь, заявлял: «Яз грамот не прочитаю, потому что яз грамоте не умею».¹⁷⁷ В качестве «печатника и думного дворянина» он сопровождал царя в Новгород зимой 1571/72 г., а затем вторично — весной 1572 г.¹⁷⁸ В Новгороде в январе 1572 г. Алферьев был послан на Казенный двор в помощники к главному земскому казначею князю В. В. Литвинову-Мосальскому. Гордый опричный временщик затеял местничество с казначеем и заявил в челобитной царю: «Я, холоп твой, не ведаю, почему Мосальские князи и хто они».¹⁷⁹ Государственный казначей не только стерпел подобное бесчестье, но и смиренно заявил, что «своего родства Мосальских князей не помнят», «Роман (Алферьев. — Р. С.) — человек великой, а я человек молодой» и «счету он с Романом не держит никоторова».¹⁸⁰ В местническом деле неграмотный печатник предстает перед нами как «великий человек» опричнины.¹⁸¹

К концу опричнины видную роль в опричной думе играли дворяне Годуновы. После смерти В. Ф. Наумова чин постельничего перешел к Д. И. Годунову.¹⁸² Последний упрочил свое положение, женив племянника Бориса на дочери всеильного Скуратова.¹⁸³

После падения Плещеевых и последующих массовых чисток значение думного дворянства внутри опричной думы заметно усилилось. В лице Бельских, Ильиных и Алферьевых худародное дворянство заняло прочные позиции в царской ближней думе.

В период всевластия Скуратова при опричном дворе с успехом подвизались всевозможные проходимцы и авантюристы, к разряду которых принадлежал и сам Малюта. Большое влияние на Грозного приобрел в то время вестфальский астролог и медик Е. Бомелей, прибывший на Русь из Англии. Будучи в Лондоне, Бомелей был заключен местным архиепископом в тюрьму за колдовство. Из тюрьмы он писал канцлеру о бедствиях, будто бы угрожавших Англии, и утверждал, что он один знает средства предотвратить их. По просьбе русского посла Совина медик был освобожден из темницы с условием, что немедленно покинет страну, и вместе с Совиным приехал в Москву летом 1570 г.¹⁸⁴ После гибели в мае 1571 г. бельгийца А. Лензея он стал лейб-медиком Грозного и придворным астрологом. А. Курбский не раз упрекал за это царя. «Яко нам зде поведуют (не вем, есть ли правда), — писал беглый боярин, — царовников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях».¹⁸⁵ Врач и астролог, Бомелей стал одним из доверенных советников Грозного. Умело используя страх и подозрительность царя, он предсказывал ему всевозможные беды и тут же представлял рекомендации, как их избежать. По словам английского посла Д. Горсея, царь видел, что «каждый новый день угрожает более прежнего дня его безопасности, и, не зная, как ему избегнуть и уйти от беды, совещался с Елисеем Бомелием», хитрым обманщиком,

английским врачом, известным математиком и «магиком».¹⁸⁶ По своим нравственным качествам новый царский медик стоял на одном уровне с Бельскими. Он приготавливал яды для отравления впавших в немилость придворных, собственноручно умертвил спальника Грязного и т. д.¹⁸⁷ Возвышение астролога служило симптомом полного упадка опричнины.

¹ Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875. С. 86, 93—96.

² Послания Ивана Грозного. С. 142—143.

³ Сб. РИО. Т. 71. С. 787—788, 791.

⁴ Там же. С. 796—797.

⁵ Разряды. Л. 357 об.

⁶ В 1564 г. между Россией и Швецией было подписано семилетнее перемирие, срок которого истекал 21 ноября 1571 г.

⁷ Форстен Г. В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях. СПб., 1893. Т. 1. С. 574—576.

⁸ В 1569 г. датский флот подверг Ревель сильной и длительной бомбардировке.

⁹ Датские дипломаты с осени 1569 г. прилагали самые энергичные усилия к тому, чтобы побудить царя к войне против Швеции; они присутствовали при заключении соглашения между Магнусом и царем летом 1570 г. Несколько раньше Магнус просил своего брата датского монарха прислать флот под Ревель (см.: Письмо короля Дании к Грозному от 5 апреля 1571 г./Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 59—60).

¹⁰ Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 195.

¹¹ Воеводы выступили из Новгорода под Ревель 17 сентября 1570 г. (Новгородские летописи. С. 100—101; Чумиков А. Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом//Чтения ОИДР. 1891. Кн. 2. С. 23—24; Шлихтинг. Новое известие. С. 60; Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 200).

¹² Чумиков А. Осада Ревеля... С. 24.

¹³ Там же. С. 29—30.

¹⁴ Там же. С. 21.

¹⁵ Разряды. Л. 357 об.

¹⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 60.

¹⁷ Чумиков А. Осада Ревеля... С. 25; Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 33;

Форстен Г. В. Балтийский вопрос... Т. 1. С. 588.

¹⁸ Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 200.

¹⁹ Новгородские летописи. С. 102.

²⁰ Шербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 77.

²¹ Сб. РИО. Т. 129. С. 200—201.

²² Там же. С. 193, 196.

²³ Гриша Янс побывал до того в русском плену. Он служил толмачом в Посольском приказе, женился на русской и получил поместье в Клину. Позже он был отпущен на родину (Сб. РИО. Т. 129. С. 196).

²⁴ Там же. С. 196—197. Новым послом в России был назначен королевский наместник Финляндии.

²⁵ Там же. С. 197.

²⁶ Послания Ивана Грозного. С. 625.

²⁷ Разряды. Л. 358 об., 359, 360 об., 361.

²⁸ Там же. Л. 361 об.

²⁹ Там же. Л. 363 об.

³⁰ Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича//Чтения ОИДР. 1846. Кн. 4. Отд. I. С. 5.

³¹ Там же. С. 6, 7 и др.

³² Там же. С. 14—15.

³³ Kämpfer S. J. Das Moscauer Zertum unter Ivan IV Grozny//Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1988. Bd I. S. 925.

³⁴ Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296; Послание Таубе и Крузе. С. 58.

³⁵ Шлихтинг. Новое известие. С. 59.

³⁶ Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.

³⁷ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 14. Л. 23 об.—24 об.

³⁸ Там же. Л. 25—26 об.

³⁹ Там же. Л. 26—26 об.

⁴⁰ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 239—240.

⁴¹ Штаден. Записки. С. 62, 106, 116.

⁴² Веселовский. Исследования. С. 306—307.

⁴³ Зимин. Опричнина. С. 452.

⁴⁴ Буганов. Документы. С. 170.

- ⁴⁵ Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 114—115.
- ⁴⁶ ГПБ. ОР. F IV. № 726. Л. 796 об.
- ⁴⁷ ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 26.
- ⁴⁸ Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.
- ⁴⁹ Разряды. Л. 370.
- ⁵⁰ ПСРЛ. Т. 13. С. 301; ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 29; Разряды. Л. 370; Штаден. Записки. С. 66; Послание Таубе и Крузе. С. 53; ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Горсей. Путешествия. С. 92.
- ⁵¹ ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 28. Спустя полгода Я. Волинский командовал сторожевым полком в походе на шведов (Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 77).
- ⁵² Таубе и Крузе утверждают, будто на Оке татарам удалось разбить и расстроить на время «толпу московитов» и будто «несчастный воевода» убежал (Хофф. Тирания. Л. 20 об.). В издании М. Г. Рогинского этот эпизод передан с искажением (Послание Таубе и Крузе. С. 52). В действительности на Оке имели место только небольшие стычки. Русская армия отступила к Москве, сохраняя порядок. Согласно разрядной росписи, «...как царь (хан Девлет-Гирей. — Р. С.) реку перелез, и бояре з берегу пошли к Москве по полком; в большом полку — бояре князь Иван Дмитриевич Бельский» и др. (Разряды. Л. 369).
- ⁵³ Разряды. Л. 369 об.
- ⁵⁴ Послание Таубе и Крузе. С. 53.
- ⁵⁵ Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.
- ⁵⁶ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники//Исторический архив. 1951. Т. 7. С. 225; Бычков А. Описание церковнославянских и русских сборников. СПб., 1882. Ч. 1. С. 140.
- ⁵⁷ А. А. Зимин отвергает показания некоторых менее осведомленных летописцев и вполне основательно заключает, что пожар Москвы произошел 24 мая (Зимин. Опричнина. С. 454. Примеч. 2). Эту дату называют все наиболее достоверные источники (ПСРЛ. Т. 13. С. 300; Новгородские летописи. С. 105; ГПБ. ОР. F IV. № 726. Л. 796 об.).
- ⁵⁸ Штаден. Записки. С. 106—107, 109—110.
- ⁵⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.
- ⁶⁰ Стороженко Н. Материалы для истории России, извлеченные из рукописей Британского музея в Лондоне//Чтения ОИДР. 1870. Кн. 3. Отд. IV. С. 6.
- ⁶¹ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 96.
- ⁶² Разряды. Л. 270; ПСРЛ. Т. 34. С. 191.
- ⁶³ Разряды. Л. 370. В синодике, найденном М. Е. Бычковой, указано более 200 дворян и приказных, погибших во время московского пожара (см.: ГПБ. ОР. F IV. № 254. Л. 33—45; Зимин. Опричнина. С. 455).
- ⁶⁴ Штаден. Записки. С. 106.
- ⁶⁵ Разряды. Л., 370; ПСРЛ. Т. 34. С. 191; ГПБ. ОР. F IV. № 726. Л. 797. Прибалтийский сборник. Т. 3. С. 204; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники. С. 225.
- ⁶⁶ Штаден. Записки. С. 107.
- ⁶⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 53—54.
- ⁶⁸ Аннинский С. А. Рассуждение о делах Московии Франческо Тьеполо//Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. 3. С. 388.
- ⁶⁹ Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Горсей. Путешествия. С. 95.
- ⁷² ПСРЛ. Т. 34. С. 191—192; см. также свидетельство Д. Принца (Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. III. С. 29).
- ⁷³ ЦГАДА. Ф. 123. № 13. Л. 407—408.
- ⁷⁴ Там же. Л. 410—410 об.
- ⁷⁵ Там же. Л. 416 об.
- ⁷⁶ Стороженко Н. Материалы для истории... С. 7; Разряды. Л. 370.
- ⁷⁷ ЦГАДА. Ф. 79. Дела Польского двора. Кн. 10. Л. 204.
- ⁷⁸ Флетчер Д. О государстве Русском. С. 22.
- ⁷⁹ Новгородские летописи. С. 110—111.
- ⁸⁰ Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община в Русском государстве (вторая половина XVI — начало XVII в.)//История СССР. 1977. № 5. С. 154—155.
- ⁸¹ Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1952. Т. 1. С. 162; Флоря Б. Н. Привилегированное купечество и городская община... С. 155.
- ⁸² Штаден. Записки. С. 67.
- ⁸³ ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 179.
- ⁸⁴ Чтения ОИДР. 1848. Кн. 9. Отд. IV. С. 296.
- ⁸⁵ Флетчер Д. О государстве Русском. С. 95—96.
- ⁸⁶ ЦГАДА. Ф. 123. № 13. Л. 158—159.
- ⁸⁷ Богоявленский С. К. Допрос царем Иоанном Грозным русских пленников, вышедших из Крыма//Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2. С. 32.
- ⁸⁸ СГГД. Ч. 1. № 196. С. 561—562.
- ⁸⁹ Там же. № 199. С. 582; Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1940. Вып. 7—8. С. 176.

- ⁹⁰ Первые письма царя к Мстиславскому в Новгород помечены 2 сентября 1571 г. (см.: Сб. РИО. Т. 129. С. 207, 215—216).
- ⁹¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 46.
- ⁹² Там же. С. 26.
- ⁹³ Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 34.
- ⁹⁴ *Theiner A. Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae. Romae. 1861. T. 2. P. 755.*
- ⁹⁵ *Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2. С. 230.*
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Исторические песни XII—XVI веков/Изд. подгот. Б. Н. Путилов и Б. М. Добровольский. М.; Л., 1960. С. 655.
- ⁹⁸ Там же. № 221. С. 358—360. В пространной редакции сюжет пополнен многими вымышленными подробностями. Царь выводил измену не только в Новгороде и Пскове, что соответствует действительности, но и в Казани и Астрахани и даже Чернигове и Киеве (Там же. № 200. С. 287—291; № 247. С. 418—420, и др.). Опальным царевичем был будто бы «старший» сын Дмитрий, на которого донес царевич Федор (Там же. № 200. С. 288). В других вариантах опале подвергся сам Федор (Там же. № 223. С. 361; № 247. С. 419, и др.). Грозный будто бы велит казнить сына на поле Куликовом (Там же. № 247. С. 419).
- ⁹⁹ Новгородские летописи. С. 96.
- ¹⁰⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 23—24.
- ¹⁰¹ Хофф. Тирания. Л. 11 об.
- ¹⁰² Сб. РИО. Т. 71. С. 791, 794; ДДГ. С. 480.
- ¹⁰³ Курбский. Сочинения. С. 297; Синодик Новоспасского монастыря//ГИМ. Собр. Новоспасское. № 13. Л. 81.
- ¹⁰⁴ Разряды. Л. 368.
- ¹⁰⁵ Хофф. Тирания. Л. 22.
- ¹⁰⁶ Разряды. Л. 337 об.; Сб. РИО. Т. 71. С. 666; Т. 129. С. 90. Стремясь обеспечить себя на случай катастрофы, Шереметев ранее осени 1570 г. отказал Кирилло-Белозерскому монастырю богатую вотчину (см.: Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря//ЗОРСА. Т. 1. С. 61).
- ¹⁰⁷ Зимин. Опричнина. С. 439.
- ¹⁰⁸ Вкладные и кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря//ГПБ. ОР. Кир.-Бел. № 78/1317. Л. 80 об.—81; № 95/1332. Л. 151 об.
- ¹⁰⁹ Послания Ивана Грозного. С. 172.
- ¹¹⁰ Там же. С. 175, 178, 192.
- ¹¹¹ Шлихтинг. Новое известие. С. 43.
- ¹¹² ААЭ. Т. 1. № 281. С. 315—316.
- ¹¹³ Штаден. Записки. С. 62, 106, 116.
- ¹¹⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 782.
- ¹¹⁵ ЦГАДА. Ф. 123. № 13. Л. 448 об.—449.
- ¹¹⁶ Послание Таубе и Крузе. С. 54; Штаден. Записки. С. 62, 97; Разряды. Л. 367 об., 369.
- ¹¹⁷ Хофф. Тирания. Л. 22. Накануне опричнины Ф. Салтыков был назначен «великим послом» в Крым и должен был подписать союзный договор с ханом (*Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством. Симферополь, 1981. С. 28; Сб. РИО. Т. 71. С. 194*). На Земском соборе 1566 г. он присутствовал в дворянах I статьи, в 1569 г. исполнял дипломатическую службу, представлял царю польского гонца (Сб. РИО. Т. 71. С. 615).
- ¹¹⁸ Разряды. Л. 360, 361 об.—362, 368.
- ¹¹⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 54; Курбский. Сочинения. С. 303.
- ¹²⁰ Кобрин. Состав опричного двора. С. 83—84.
- ¹²¹ Разряды. Л. 359 об.
- ¹²² Курбский. Сочинения. С. 304.
- ¹²³ Штаден. Записки. С. 134.
- ¹²⁴ Разряды. Л. 359 об.
- ¹²⁵ Штаден. Записки. С. 97. По словам Таубе и Крузе, царь, опалившись на Зайцева, велел казнить его семью, а позже велел убить его самого (Послание Таубе и Крузе. С. 41).
- ¹²⁶ 18 июня 1570 г. Петр Зайцев пожертвовал в Троице-Сергиев монастырь 20 руб., а 7 сентября 1570 г. на помин его души пожертвовали 23 руб. (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 94; *Веселовский С. Б. Исследования. С. 385*).
- ¹²⁷ Штаден. Записки. С. 97; Курбский. Сочинения. С. 283.
- ¹²⁸ ААЭ. Т. 1. № 284. С. 329; см. также: Послание Таубе и Крузе. С. 55; Штаден. Записки. С. 95.
- ¹²⁹ Разряды. Л. 372 об., 373 об.
- ¹³⁰ Кобрин. Состав опричного двора. С. 24.
- ¹³¹ *Бухау Даниил фон. Начало и возвышение Московии//Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. IV. С. 28.*
- ¹³² Новгородские летописи. С. 108.
- ¹³³ Разряды. Л. 372 об., 458 и др.; ДРВ. Т. 20. С. 52—53.

¹³⁴ Кобрин. Состав опричного двора. С. 67, 83.

¹³⁵ Разряды. Л. 329 об., 330, 335, 351 об., 356, 364 об.

¹³⁶ Впервые Одоевский упомянут как боярин в поручной грамоте князя И. Ф. Мстиславского, составленной вскоре после мая 1571 г. (см.: СГГД. Ч. 1. С. 561—562).

¹³⁷ Новгородские летописи. С. 105.

¹³⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 605; Разряды. Л. 363, 374 об.

¹³⁹ Разряды. Л. 374 об., 458.

¹⁴⁰ В 1560 г. Хованский командовал старицкими удельными войсками при осаде Феллина, а после роспуска старицкого двора служил в 1564 г. царским воеводой. Будучи в земщине, Хованский в 1570 (7078) г. был послан вторым воеводой в Полоцк. К осени 1570 г. он перешел в опричнину и занял там видное положение. Между 22 сентября и 23 октября 1570 г. князь служил в Тарусе вторым воеводой полка правой руки под начальством князя Н. Р. Одоевского (см.: Там же. Л. 361, 363; Кобрин. Состав опричного двора. С. 82).

¹⁴¹ По матери Ефросинья Старицкая была Борисовой. В 1567 и 1569—1570 гг. Н. В. Борисов служил земским воеводой в Полоцке, вскоре после 4 сентября 1570 г. получил назначение из опричнины и занял место второго воеводы полка правой руки, а затем — передового полка (см.: Разряды. Л. 359, 364 об.). Одновременно в опричнину попал Г. Н. Борисов, двоюродный дядя окольничего, служивший воеводой у князей Старицких в 1551—1563 гг. (Кобрин. Состав опричного двора. С. 27).

¹⁴² Разряды. Л. 374 об., 458.

¹⁴³ В первые годы опричнины Трубецкой служил в земских воеводах (Разряды. Л. 319, 322, 325, 329 об.). Между 13 и 22 мая 1570 г. он был послан в Калугу как «опришнинский воевода», 4 сентября вновь отправлен туда же во главе четырех опричных полков. После 22 сентября Ф. М. Трубецкому был подчинен опричный боярин князь В. А. Сицкий (Там же. Л. 356—356 об., 359 об., 361, 364 об.).

¹⁴⁴ Разряды. Л. 364 об., 368 и др.

¹⁴⁵ Впервые с боярским чином Трубецкой упомянут в Разряде свадьбы царя с М. Собакиной в октябре 1571 г. (Разряды. Л. 372).

¹⁴⁶ Вместе с Трубецким в свадебных празднествах участвовали его жена, мать и тетка (Разряды. Л. 372 об.).

¹⁴⁷ Разряды. Л. 374 об. В связи с возвышением Ф. М. Трубецкого в опричнину попали некоторые его родственники. Один из них, князь Н. Р. Трубецкой, в мае 1571 г. исполнял службу рынды с большим саадаком в опричной свите царя (Там же. Л. 368).

¹⁴⁸ Там же. Л. 359, 367, 369, 370.

¹⁴⁹ Там же. Л. 458.

¹⁵⁰ Там же. Л. 462.

¹⁵¹ Там же. Л. 363.

¹⁵² Там же. Л. 459.

¹⁵³ Новгородские летописи. С. 118, 120; Разряды. Л. 473 об., 491.

¹⁵⁴ См. с. 422.

¹⁵⁵ Там же. Л. 466.

¹⁵⁶ Кобрин. Состав опричного двора. С. 43.

¹⁵⁷ Разряды. Л. 372 об.

¹⁵⁸ Витебская старина. С. 40—41.

¹⁵⁹ Послание Таубе и Крузе. С. 54.

¹⁶⁰ Еще в сентябре 1570 г. Скуратов числился четвертым в списке дворян царского стана, в январе 1572 гг. он назван первым среди дворян, «которые живут у государя в думе» (Разряды. Л. 363; Сб. РИО. Т. 129. С. 216). Интересно, что родня Скуратова получила первые почетные назначения в свите царя только осенью 1570 г. (Разряды. Л. 361 об.).

¹⁶¹ Разряды. Л. 459 об.

¹⁶² *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой: (1570—1582 гг.). СПб., 1904. Прил. С. 5, 14; Кобрин. Состав опричного двора. С. 23.

¹⁶³ Разряды. Л. 467 об.

¹⁶⁴ После похода 1573 г. Б. Я. Бельский получил один из высших дворовых окладов в 250 руб. (Альшиц. Новый документ. С. 20).

¹⁶⁵ Курбский. Сочинения. С. 155.

¹⁶⁶ *Садиков П. А.* Царь и опричник//Века. Пг., 1924. С. 47.

¹⁶⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 54; Штаден. Записки. С. 97. Таубе и Крузе, сообщившие о казни спальника Грязного, покинули Россию в конце 1571 г. Отсюда можно заключить, что он погиб не позднее 1571 г.

¹⁶⁸ Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 90.

¹⁶⁹ Там же. С. 89; Разряды. Л. 472.

¹⁷⁰ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 76—78.

¹⁷¹ *Садиков П. А.* Царь и опричник. С. 47; Послания Ивана Грозного. С. 567; ДРВ. Т. 13. С. 441.

¹⁷² Послания Ивана Грозного. С. 567.

¹⁷³ *Садиков П. А.* Царь и опричник. С. 74—75.

¹⁷⁴ Послания Ивана Грозного. С. 193.

¹⁷⁵ Как значится в одном местническом деле, опричный голова Роман Пивов говорил про Романа Алферьева, что «их роду были многие в Можайске в приказчиких городовых, а ныне де в холопех» (*Лихачев Н. П.* Местнические дела 1563—1605 гг. СПб., 1894. С. 10).

¹⁷⁶ Р. Алферьев служил в Одоеве в 1568 г., строил крепость на Колыванской дороге в 1570 г. (Разряды. Л. 346; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 10, 12).

¹⁷⁷ *Лихачев Н. П.* Местнические дела... С. 10.

¹⁷⁸ Разряды. Л. 374 об., 458. В чине печатника Р. В. Алферьев явил царю дары польского посланника Воропая в сентябре 1572 г. (*Новодворский В.* Борьба за Ливонию... Прил. С. 13).

¹⁷⁹ Разряды. Л. 456.

¹⁸⁰ Там же. Л. 456 об., 455 об.

¹⁸¹ Видное положение в опричнине занял двоюродный брат печатника М. А. Безнин-Нащокин. После московского пожара он руководил постройкой Москвы, а затем был определен в дядьки к царевичу Федору (Кобрин. Состав опричного двора. С. 52).

¹⁸² Царь велел Д. И. Годунову «у постели быти», а затем «за саньми ходити» на свадьбе в октябре 1571 г. Как первый постельничий Д. И. Годунов записан в разрядах 1572 г. (Разряды. Л. 373 об., 372, 458, 467).

¹⁸³ В 1570—1572 гг. Б. Ф. Годунов неизменно служил оруженосцем в свите царевича Ивана (Разряды. Л. 363, 368 об., 459). В сентябре 1570 г. Борис и его брат успешно местничали с сыном опричного боярина князем Ф. Сицким (Там же. Л. 362 об.). На царской свадьбе в октябре 1571 г. Борис присутствовал в качестве дружки царицы Марфы Собакиной (Там же. Л. 372—374). Зять Малюты был, однако, слишком молод, чтобы играть в опричном правительстве самостоятельную роль.

¹⁸⁴ *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях//Зап. Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. Прил. С. 97—98.

¹⁸⁵ Курбский. Сочинения. С. 156.

¹⁸⁶ Горсей. Путешествия. С. 100, 105, 106.

¹⁸⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 54.

РАЗГРОМ КРЫМСКОЙ ОРДЫ

Неудачная осада Ревеля привела к крушению проекта, целью которого было создание в Ливонии вассального королевства под эгидой царя. Авторы проекта опричные дипломаты И. Таубе и Э. Крузе после сожжения Москвы татарами вступили в секретные переговоры с литовским правительством. Через своего тайного эмиссара Д. Каля они обещали литовцам, что захватят Юрьев и передадут его королю, если за это «будут пользоваться такими же почестями и именами (в Польше. — Р. С.), какими пользовались у великого князя». Король ответил согласием. Польские войска в Ливонии получили приказ оказать мятежникам военную помощь.¹ Согласно ливонским и датским источникам, мятеж в Юрьеве произошел 21 октября 1571 г.² Уже через несколько дней, 24 октября 1571 г., И. Таубе и Э. Крузе обратились с письмом к шведскому военачальнику в Ливонии, извещая его о своем разрыве с царем.³

Русский гарнизон подавил выступление за два часа. Но инициаторам мятежа И. Таубе и Э. Крузе удалось бежать в Литву. Король Сигизмунд пожаловал И. Таубе земли и замки, а также баронский титул.

Измена любимцев поразила царя Ивана. Сначала он обратился к беглецам с пространными увещеваниями, прося их вернуться в Россию,⁴ затем стал требовать их выдачи от Речи Посполитой, а получив отказ, велел казнить многих ливонских пленников. Мятеж, поднятый видными опричниками, усилил недоверие царя к старой опричной гвардии.

Перемирие между Речью Посполитой и Россией постоянно нарушалось.⁵ Вассал Грозного Магнус опустошил окрестности Пернова в литовской Ливонии. Русские выстроили недалеко от Вильны замок Таурус и поставили в нем гарнизон. Военные действия на западной границе могли возобновиться в любой момент. Однако угроза татарского вторжения вынудила русское правительство искать более надежного мирного урегулирования с поляками. Весною 1572 г. в Москву прибыл литовский посол М. Гарабурда, достигший соглашения с московским правительством о союзе против турок и татар. Царь соглашался вернуть Литве Полоцк в обмен на Ригу и другие литовские владения в Ливонии.⁶

Московское правительство по-прежнему считало Швецию своим главным противником в Ливонии. Осенью 1571 г. Грозный ультимативно потребовал от короля присылки в Москву новых послов. Если они не придут, писал царь, мы, взяв твоих первых послов, хотим «своего царского величества двором в свеских островах витати, о том и тебя от своих уст хотим спросити, которым обычаем такие непотребства в твоей земле учинились».⁷ В конце 1571 г. царь с боярами приговорил идти войной на «непослушника» короля Юхана III «за его неисправление».⁸ Иван с войсками прибыл

в Новгород, отряды татарской конницы перешли шведскую границу и стали разорять Финляндию.⁹ Поскольку шведы отказывались выполнить требование Москвы относительно присылки новых послов, царь решил отпустить на родину старого посла епископа Павла Абоского, томившегося в муромской ссылке. Царское послание Юхану III, переданное послу, было составлено в самых заносчивых и высокомерных выражениях. «Будучи еще в терпении, — писал Иван IV королю, — на время тебя есмь Ягана короля пожаловали, свой подвиг отвратили, сами есмь в твою землю не пошли и рати свои уняли...»¹⁰ Полагая, что узурпатор шведского трона Юхан III по-прежнему готов идти на любые уступки, чтобы избежать войны, Иван IV требовал от него полного повиновения: «...о всем быти Ягану королю у царьского величества в его воле... не отступну». Король должен был послать на царскую службу отряд в 1500 человек. «А без Ливонские земли, — писал царь шведу, — тебе ничем нашего государьского величества не умолиши... и что тебе ни писати, и тем тебе твоей земле не защити».¹¹ Нисколько не сообразуясь с реальным положением дел, Грозный надеялся превратить Юхана III в такого же «голдовника»-вассала, как и ливонский король Магнус. Иван требовал, чтобы шведский королевский титул был включен в царский титул, а город Ревель немедленно передан России. Шведский посол отверг абсурдные требования царя и письменно обязался, что Швеция немедленно направит в Новгород послов, которые подпишут мир с новгородским наместником; король будет беспрепятственно пропускать через свои владения купцов и мастеров на Русь и с Руси; шведское правительство выплатит контрибуцию в 10 тыс. талеров, снарядит на царскую службу вспомогательный отряд в 200 конных стрелков и пришлет мастеров для разработки серебряных руд.¹² Шведский посол не рассчитывал на то, что его правительство выполнит подписанные им обязательства, но пытался отвести угрозу войны от шведских границ и выбраться из России.

Опричная дипломатия, упустившая блестящие возможности осенью 1570 г., с явным запозданием пыталась теперь добиться от Швеции уступки Ревеля. Дипломатические усилия были подкреплены военными демонстрациями на шведской границе. 1 июня 1572 г. Грозный с «двором» и стрельцами прибыл в Новгород. Под предлогом войны со шведами царь покинул столицу, которой грозило татарское нашествие. После отражения татар он намерен был дождаться подхода армии с южных границ и предпринять наступление в Ливонию. Но сражение на южных границах затянулось, оборонявшая Москву армия понесла тяжелые потери. Правительство вынуждено было отложить поход в Ливонию.

11 августа 1572 г. Иван направил шведскому королю бранное письмо. Я надеялся, писал Грозный, «что уже ты и Свейская земля в своих глупостях познаетесь», но обманулся; и «ваше воровство все наруже, опрометывается как бы гад, розными видами». В письме царь предупреждал Юхана III, что в декабре он снова будет в Новгороде: «...и ты толды посмотришь, как мы и люди наши учнем у тебя миру просить».¹³ На этот раз Грозный сдержал свое слово. Зимой 1572/73 г. он с большой армией вторгся в шведскую Ливонию, но идти на Ревель не осмелился.

После сожжения Москвы татарами царь пытался любой ценой заполучить мир с Крымом. Он велел разрушить Сунженский городок на Терекке — опорный пункт русского владычества на Северном Кавказе и обещал хану уступить Астрахань. Однако в Крыму взяла верх военная партия, под влиянием которой мирные предложения Москвы были отвергнуты.

Как никогда прежде, Русь была ослаблена стихийными бедствиями и чумой. Ее армия понесла тяжелые поражения под Ревелем и Москвой. Русская столица была беззащитна, так как старые ее укрепления унич-

тожил пожар, а новые, наспех возведенные, не могли полностью заменить их. Военные неудачи поколебали господство России в Среднем и Нижнем Поволжье и в Прикаспии. Большая Ногайская орда, самое крупное после Крыма татарское ханство, окончательно порвала вассальные отношения с Москвой и приняла участие в войне против России. Покоренные народы Поволжья пришли в движение, пытаясь сбросить власть царя. Как передают современники, во время набега хана на Москву они подняли восстание, напали на русские гарнизоны, сожгли несколько незащищенных посадов и увели многих пленных.¹⁴ Будучи вассалом Османской империи, Крымское ханство опиралось в войне с Россией на поддержку крупнейшей военной державы. Союзниками Крыма выступили многие адыгейские князьки.

Крымский хан рассчитывал разгромить Россию и отторгнуть у нее Среднее и Нижнее Поволжье. Но его планы не ограничивались этими целями. Крымцы намеревались захватить Москву и восстановить давнюю зависимость Руси от татар. Накануне вторжения Девлет-Гирей заявил ногайцам, что «едет в Москву на царство».¹⁵ По слухам, крупнейшие города России были расписаны между знатными крымскими мурзами.¹⁶ Говорили, будто Девлет-Гирей хвастался перед турками, что заберет в течение года всю Русскую землю, а царя Ивана пленным уведет в Крым.¹⁷ Султан направил в Крым специальную миссию для участия в завоевательном походе на Русь. Крымский хан был настолько уверен в успехе, что накануне похода снабдил своих купцов проезжими грамотами в Астрахань и Казань, разрешил им бесплатный торг на Волге. Многие из этих купцов попали в плен к русским.¹⁸

Силы, участвовавшие в походе, были весьма значительны. Помимо Крымской орды, насчитывавшей до 40—60 тыс. всадников, хан привел с собой много тысяч всадников из Большой и Малой ногайских орд, а также черкесов. Ханскую артиллерию обслуживали турецкие пушкарки.

Русское правительство, осведомленное о военных приготовлениях в Крыму, прекрасно сознавало всю опасность положения. Русские рассчитывали остановить татар на Оке, укрепленной на всем пространстве между Коломной, Серпуховом и Калугой. Укрепления состояли из двух частоколов высотой более 1,2 м и окопов, вырытых за частоколом и предназначенных для стрельцов. Самые сильные укрепления возводились на переправах.¹⁹

Осенью 1571 г. сторожевые станицы выжгли степь на громадном пространстве между Донковом, Новосилью, Орлом и Путивлем, чтобы лишить татарскую конницу подножного корма на зиму и весну 1572 г.²⁰

В апреле 1572 г. московское командование сосредоточило на Оке всю земско-опричную армию. Автор специального исследования о войне 1572 г. Г. Д. Бурдей полагал, что с русской стороны в ней участвовало до 60—65 тыс. ратников, возможно, и больше.²¹ В действительности русскому командованию удалось собрать около 12 тыс. детей боярских, 2035 стрельцов, 3800 казаков.²² Вместе с ополчениями северных городов армия насчитывала немногим более 20 тыс. человек. Если предположить, что дворяне вывели в поход до 10—20 тыс. боевых холопов, то численность русского войска может быть увеличена до 30—40 тыс. человек.

Русская армия была развернута на Оке в следующем порядке. Воевода Воротынский с большим полком (8255 человек), артиллерией и гуляй-городом стал в Коломне, закрыв пути к Москве со стороны Рязани. Где-то в районе Коломны был сооружен гуляй-город — так называли подвижную крепость на колесах. Двойные деревянные стены ее крепились на телегах и имели амбразуры. Стены легко разбирались и перевозились с места на место. Стрельцы располагались внутри двойной стены, в простенке, шириной около 2—3 м. При надобности гуляй-город растягивался на простран-

стве в несколько километров, либо телеги составляли в виде замкнутого круга.²³

Воевода князь Н. Р. Одоевский с полком правой руки (3590 человек) расположился в Тарусе. Воевода князь А. В. Репнин с полком левой руки (1651 человек) стал на Лопасне. Сторожевой полк князя И. П. Шуйского (2063 человека) находился между Коломной и Серпуховом в Кашире. Все эти полки должны были оборонять Тульско-Серпуховскую дорогу на Москву.

Московское командование учитывало возможность того, что татары могут обойти приокские укрепления с запада и двинуться к Москве через Угру «старой дорогой», т. е. тем же путем, что во время набега весной 1571 г. На этот случай командование выдвинуло на крайний правый фланг в Калугу передовой полк во главе с воеводой князем Д. И. Хворостининым. Опричник Хворостинин состоял вторым воеводой при более знатном воеводе князе А. П. Хованском, но фактически командовал полком. Вопреки традиции передовой полк (4475 человек) значительно превосходил по численности полк правой, а равно и левой руки. Хворостинину был придан подвижный речной отряд, «вятчане в струзах» (900 человек) для обороны переправ через Оку.

Хан Девлет-Гирей вторгся на Русь 23 июля 1572 г. Подвижная татарская конница устремилась к Туле. Миновав ее, татарские отряды повернули на запад и 26 июля пытались перейти Оку выше Серпухова, на Сенькином броду, но были отбиты от переправ сторожевым полком князя И. П. Шуйского. На другой день хан со всей Ордой вышел к главным серпуховским переправам через Оку. Здесь татары натолкнулись на прочную оборону. Русская армия ждала противника за Окой на сильно укрепленных позициях. Против переправ русские установили гуляй-город. Татары обстреляли его из-за Оки, не причинив, однако, ни малейшего вреда. Воеводы не отвечали на выстрелы.

В ночь с 27 на 28 июля хан возобновил атаку в районе Сенькина брода, направив туда ногайскую конницу во главе с Теребердей-мурзой. Глубокой ночью ногайцы, разогнав две сотни дворян, охранявших брод, захватили переправу. Вскоре же к Сенькиному броду подоспела вся татарская армия, в авангарде которой шел Дивей-мурза. Началась переправа главных сил татарской армии.²⁴ Между тем подвижная ногайская конница, развивая наступление, за ночь ушла далеко на север. По разрядам, Теребердей «круг Москвы отнял все дороги, а не воевал ничего».²⁵

Воевода Воротынский узнал о захвате Сенькина брода рано утром 28 июля, в понедельник.²⁶ Первым к месту переправы татар подоспел князь Д. И. Хворостинин с передовым полком. Однако задержать хана на Сенькином броду он не смог: главные силы татарской армии уже перешли Оку. Татары смяли дозоры передового полка. Командир дозоров храбрый опричник Г. Штаден бежал с поля боя и из кустов видел, как хан «со всей своей силой пошел вдоль по берегу».²⁷ Хворостинин не принял боя с главными силами татарской армии. Не имея ни артиллерии, ни гуляй-города, он не мог остановить 60-тысячную конную армию со своими 2390 дворянами и 535 стрельцами. К тому же Разрядный приказ категорически предписал воеводам не сходитьсь с ханом «на походе», «на полах без крепостей».²⁸

Первое серьезное столкновение с татарами произошло в тот же день в верхнем течении р. Нары («верх Нары»), когда воеводы князь Н. Р. Одоевский и Ф. В. Шереметев с полком правой руки попытались приостановить продвижение хана к Москве.²⁹ Русские разряды ничего не сообщают об исходе боя на Наре помимо того, что воевода Федор Шереметев «побежал и саадак с себя скинул, а дело было князю Никите (Одоевскому. — Р. С.)

одному, а было большое».³⁰ Попытка остановить татар на Наре не удалась. Выйдя на серпуховскую дорогу, хан стал быстро двигаться к Москве. В арьергарде татарской армии находились сыновья Девлет-Гирея с многочисленной отборной конницей. По пятам за арьергардами двигался передовой полк князя Д. И. Хворостинина, за которым следовала вся армия Воротынского.³¹ Уклонившись от боя с главными силами, Хворостинин выждал благоприятный момент и в тот же день, 28 июля, атаковал татарские арьергарды. Его полк настиг неприятельскую конницу в 45 верстах от Москвы на Молодях. Татары не выдержали удара и обратились в бегство. По разрядам, Хворостинин «домчал» сторожевой полк противника до ханской ставки. Передают, будто царевичи настоятельно советовали хану остановить движение к столице. «...К Москве иттить не по што, — говорили они, — московские люди побили нас здесь, а на Москве у них не без людей же».³²

В помощь сыновьям хан направил до 12 тыс. крымских и ногайских всадников. Обладая подавляющим перевесом сил, татары опрокинули полк Хворостинина и начали его преследовать. Хворостинин отступил к гуляй-городу, стоявшему к югу от Молодей, и, увлекая за собой неприятеля, прошел под самыми стенами подвижной крепости. Залпы русских пушек, стрелявших в упор, внесли сильные опустошения в ряды татарской конницы и заставили ее повернуть вспять.³³

Неудача на Молодях вынудила Девлет-Гирея отказаться от наступления на Москву. Татары остановились за Пахрой примерно в 30 верстах от русской столицы и простояли там весь следующий день, готовясь к решительному сражению.³⁴ 30 июля хан перешел Пахру и направился к Молодям, где расположилась вся русская армия. Воеводы добились бесспорного успеха, вынудив хана отступить от Москвы и принять бой на избранной ими позиции.

Русская армия расположилась на Молодях у р. Рожая. В центре оборонительной позиции, на холме, стоял гуляй-город, окруженный наспех вырытыми рвами.³⁵ За стенами гуляй-города укрылся большой полк со всей артиллерией. Прочие полки «стояли за гуляй-городом, недалеко от города», прикрывая большой полк с тыла и флангов.

Быстро преодолев расстояние от Пахры до Рожая, татары всей массой обрушились на русские полки. Главные их усилия были обращены против стоявшего в гуляй-городе большого полка. Полк отразил неприятеля сильной пушечной и ружейной пальбой. По-видимому, татары подверглись фланговым атакам со стороны полков, стоявших за стенами гуляй-города. Во время атаки сторожевого полка князя И. П. Шуйского опричный дворянин-суздалец Т. Аталыкин пленил главнокомандующего неприятельской армии Дивей-мурзу. В тот же день в плен к русским попал астраханский царевич. Кровопролитное сражение продолжалось целый день. Потери татар были значительны. В числе убитых находились трое знатных ширинских мурз и предводитель ногайцев Теребердей-мурза.³⁶

Не добившись успеха, хан прекратил атаки и два дня приводил в порядок свою расстроенную армию.

Русские одержали победу в сражении, однако она в любой момент грозила обернуться поражением. Сильно поредевшие полки вынуждены были укрыться за стенами гуляй-города. Хранившиеся в городе запасы продовольствия быстро кончились, и в «полках учал быти голод людем и лошадем великой».³⁷ Находившийся внутри гуляй-города пленник Дивей-мурза дерзко заявил Воротынскому: будь он на воле, он выморил бы гарнизон гуляй-города в 5—6 дней.³⁸ Причиной голода было то, что крымцы, пользуясь огромным численным превосходством, отбили у Воротынского обозы и окружили его армию со всех сторон.

Гуляй-город стоял на вершине холма. Ратники оказались отрезаны от реки Рожай. Поблизости не было никаких источников воды. В разгар лета люди страдали от жажды еще больше, чем от голода. Некоторые пытались на свой страх и риск — «своими головами» рыть колодцы. Дворяне принуждены были забивать лошадей.³⁹

Московское командование пыталось прибегнуть к хитрости, чтобы вынудить хана к отходу в степи. Участник сражения Г. Штаден упомянул о том, что царь Иван направил к Воротынскому ложную грамоту с обещанием прислать в помощь 40-тысячную армию во главе с Магнусом. Грамота была перехвачена татарами и передана хану.⁴⁰ Русские источники поясняют, что «ложная» грамота была подброшена татарам не самим царем, а московским воеводой князем Ю. Токмаковым, который, «умысля, послал гонца к воеводам з грамотами в обоз, чтобы сидели безстрашно: а идет рать наугородская многая, и царь (хан. — *Р. С.*) того гонца взял и пытал и казнил, а сам пошел тотчас назад».⁴¹

В действительности ложные известия о подходе царской рати побудили хана не к отступлению, а к более энергичным действиям. После двухнедельного затишья Девлет-Гирей 2 августа возобновил штурм гуляй-города, направив к нему все свои конные и пешие полки.⁴² Атакой руководили ханские сыновья, получившие приказ во что бы то ни стало «выбить» у русских Дивей-мурзу. Невзирая на потери, противник упорно пытался опрокинуть неустойчивые стены гуляй-города, «изымалися у города за стену руками, и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много».

К концу дня, когда натиск начал ослабевать, русские предприняли смелый маневр, который и решил исход сражения. Воевода Воротынский с полками покинул гуляй-город и, продвигаясь по дну лощины позади укреплений, скрытно вышел в тыл татарам. Оборона гуляй-города была поручена князю Д. И. Хворостинину, в распоряжение которого поступили вся артиллерия и немногочисленный отряд немецких наемников. По условному сигналу Хворостинин дал залп изо всех пушек, затем с немцами «вылез» из крепости и напал на врага. В тот же момент с тыла на татар обрушились полки Воротынского. Татары не выдержали внезапного удара и бросились бежать. Множество их было перебито и взято в плен. В числе убитых оказались сын хана Девлет-Гирей и его внук, сын калги-царевича. В руки воевод попало много знатных крымских и ногайских мурз.

3 августа русские продолжали преследование неприятеля и разгромили арьергарды, оставленные ханом на Оке и насчитывающие до 5 тыс. всадников.

Согласно укоренившейся традиции, славу победы над татарами приписывают обычно главному воеводе князю М. И. Воротынскому. «...Царь назначил Воротынского главным воеводой, по-видимому, не по своим симпатиям и доверию к нему, а под давлением общественного мнения военной среды... Его (Воротынского. — *Р. С.*) военные таланты были хорошо известны и полякам и татарам».⁴³ Подобное мнение представляется ошибочным.

Английский посол Д. Флетчер довольно точно описал русские порядки. Главными воеводами, писал он, русское правительство назначало лиц из нескольких наиболее знатных фамилий. Они обычно не обладали никакими особыми дарованиями, однако к ним в помощники всегда назначали воеводу далеко не столь знатного, как они, но выдающегося по храбрости и опытности в ратном деле, так что фактически он распоряжается всем с одобрения первого воеводы. «Теперь главный у них муж, наиболее употребляемый в военное время, некто князь Дмитрий Иванович Хворостинин, старый и опытный воин, оказавший, как говорят, большие услуги в войнах с татарами и поляками».⁴⁴ Назначение Воротынского главнокомандующим в 1572 г. объяснялось не его дарованиями, а его «породой». Из двух глав-

ных бояр земщины И. Д. Бельский погиб в 1571 г., а И. Ф. Мстиславский был «обличен» как изменник и отослан в Новгород в 1572 г. Заняв пост первого воеводы, Воротынский возглавил армию в полном соответствии с местническими порядками.

Подлинным героем сражения на Молодях был не Воротынский, а молодой опричный воевода князь Д. И. Хворостинин, формально занимавший пост второго воеводы передового полка. За два года до битвы на Молодях Хворостинин нанес сильное поражение крымцам под Рязанью. Но в полной мере его военный талант раскрылся в войне с татарами в 1572 г. Именно Хворостинин разгромил татарские арьергарды 28 июля, а затем во время решающего сражения 2 августа принял на себя командование гуляй-городом.

Сражение на Молодях 1572 г. относится к значительнейшим событиям военной истории XVI в. Гибель отборной турецкой армии под Астраханью в 1569 г. и разгром Крымской орды под Москвой в 1572 г. знаменовали провал турецко-татарской экспансии в Восточной Европе.

Победа объединенной земско-опричной армии над татарами оказала определенное воздействие на внутренние дела государства, ускорив отмену опричнины.

¹ Летопись Ф. Ниештедта//Прибалтийский сборник. Т. 4. С. 41—42.

² Там же. Т. 3. С. 207; Отчет о сношениях Магнуса с царем Иваном//Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 98.

³ Beiträge zur Kunde Ehst-, Liv- und Kurlands., 1887. Т. 3. С. 315; см. также: *Брайдо А.* Послание Таубе и Крузе к герцогу Кетлеру//ЖМНП. 1890. Т. 10. С. 390.

⁴ *Чумиков А.* Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом//Чтения ОИДР. 1891. Кн. 2.

⁵ *Новодворский Б.* Борьба за Ливонию между Москвой и Речью Посполитой (1570—1582 гг.). СПб., 1904.

⁶ Сведения о переговорах с Гарабурдой изложены царем в его письме в Литву от 15 июля 1573 г. (Там же. Прил. С. 5).

⁷ *Hjärne Н.* Ur brefvexlingen emellan Johan III och Ivan Vasilievitj//Historiskt Bibliothek. 1880. VII. Bilaga. S. 7.

⁸ Сб. РИО. Т. 129. С. 207.

⁹ Новгородские летописи. С. 108; Разряды. Л. 375, 376; Сб. РИО. Т. 129. С. 221, 224.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 129. С. 222.

¹¹ Там же. С. 212—213, 222.

¹² Там же. С. 210—216, 219—221.

¹³ Послания Ивана Грозного. С. 145—146.

¹⁴ Штаден. Записки. С. 62, 114.

¹⁵ *Бурдей Г. Д.* Молодинская битва 1572 года//Учен. зап. Института славяноведения. 1963. Т. 26. С. 50.

¹⁶ Штаден. Записки. С. 61, 111. Свидетельство Штадена подтверждают русские источники. «И прииде царь с великими похвалами и с многими силами на Русскую землю, — общает Пискаревский летописец, — и росписав всю Русскую землю, комуждо что дати, как при Батые» (ПСРЛ. Т. 34. С. 192).

¹⁷ Штаден. Записки. С. 61.

¹⁸ Там же. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 110, 151.

²⁰ *Беляев И. Д.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства//Чтения ОИДР. 1846. Кн. 4. Отд. 1. С. 21.

²¹ *Бурдей Г. Д.* Молодинская битва... С. 59.

²² Разряды. Л. 462—465; Буганов. Документы. С. 174—179.

²³ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 88—89.

²⁴ По мнению Г. Д. Бурдея, ногайцы перешли Оку у Сенькина брода в ночь под 27 июля, затем Дивей-мурза форсировал реку против с. Дракино, главные же силы во главе с ханом перешли Сенькин брод в ночь под 28 июля, т. е. на сутки позже (*Бурдей Г. Д.* Молодинская битва... С. 68—69). Представляется невероятным, чтобы после переправы ногайцев Сенькин брод в течение суток находился невосточнее в чьих руках и чтобы русские воеводы, бывшие в нескольких часах пути, не попытались вновь запереть его. Мнение Г. Д. Бурдея противоречит показанию источников. Согласно Разрядам, крымской царь пришел к Оке реке к берегу июля в 27 день», «в неделю»; «а как крымской царь приходил... и Тербердей мурза... пришел на Сенькин перевоз в ночи»; «в неделю (27 июля. — Р. С.) царь крымской

Оку реку перелез», «и тое ночи крымской царь на том же Сенькине перевозе перелез Оку со всеми полками» (Разряды. Л. 463—463 об.; Буганов. Документы. С. 179).

²⁵ Разряды. Л. 463.

²⁶ «а бояром и воеводам пришла весть в понедельник рань, что крымской царь перелез через Оку» (Разряды. Л. 463).

²⁷ Г. Д. Бурдей пишет, что разведывательный отряд Штадена в 300 человек не получил вовремя помощи от Хворостинина и был разбит крымцами (*Бурдей Г. Д. Молодинская битва...* С. 69). В этом случае он принимает на веру рассказ самого Штадена, при ближайшем рассмотрении оказывающийся сплошным хвостовством. По Штадену, в его дозоре было будто бы 30 князей и бояр. На самом же деле старицкий помещик Штаден командовал старичанами, которых в полку Хворостинина насчитывалось 40 человек. Все они были детьми боярскими, а отнюдь не боярами. Завидев противника, повествует Штаден, он бесстрашно атаковал несколько тысяч татарских всадников, а затем, не получив помощи, бросил отряд и спрятался на берегу Оки под кручей (Штаден. Записки. С. 151). Достоверным во всем этом рассказе является лишь последний эпизод.

²⁸ Буганов. Документы. С. 167—170.

²⁹ Разряды. Л. 462 об.

³⁰ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 35. О сражении на Наре упоминает также Устюжский летописец. По его словам, Воротынский с «московской силой» встретил татар у Оки и «дело делали у Оки день», но «крымский царь от воеводы отошел ночью и пошел был к Москве» (ПСРЛ. Т. 37. С. 103).

³¹ По Пискаревскому летописцу, с Сенькина брода хан и воеводы будто бы «пошли к Москве розными дорогами» (ПСРЛ. Т. 34. С. 192).

³² Разряды. Л. 463 об.

³³ «И на том бою (на Молодях, 28 июля. — Р. С.) многих татар побили, и царь крымской от того убоялся, к Москве не пошел, что государевы бояре и воеводы идут за ним» (Разряды. Л. 463 об.).

³⁴ Там же.

³⁵ Воеводы пришли на Молоди «за три часа до цареву приходу и с обозом со всех дорог... и обоз поставили и ров выкопали и травиться стали» (ПСРЛ. Т. 34. С. 192). В письме к царю хан упомянул, что во время его похода на Русь воеводы «хворостом зделали двор, да около того ров копали» (Буганов. Документы. С. 181).

³⁶ Разряды. Л. 464; Буганов. Документы. С. 180.

³⁷ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

³⁸ Штаден. Записки. С. 111.

³⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

⁴⁰ Штаден. Записки. С. 112.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

⁴² Разряды. Л. 464; Буганов. Документы. С. 180.

⁴³ Веселовский. Исследования. С. 311.

⁴⁴ Флетчер Д. О государстве Русском. С. 81—82.

ОТМЕНА ОПРИЧНИНЫ

Если период «боярского правления» и реформ Избранной рады был отмечен экономическим подъемом, то годы опричнины принесли с собой глубочайший упадок. Б. Д. Греков датировал начало кризиса серединой 1570-х гг. и считал, что он был вызван причинами частными и временными, длительной и дорогостоящей войной, а также борьбой опричнины с земщиной.¹ В ранних работах по истории новгородского поместья мы пришли к заключению, что на поместных землях разорение быстро прогрессировало с конца 1560-х гг. в связи с усилением феодального гнета и упадком мелкокрестьянского производства.²

Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России в XVI в.» окончательно установили, что в Новгородских пятинах кризис начался в 1569—1571 гг. и его основными признаками явились длительное и катастрофическое сокращение сельского населения и посевных площадей, регресс системы земледелия и обнищание крестьян, уменьшение городского населения и т. д.³

Понятие «кризис 70—80 гг. XVI в.», прочно вошедшее в историографию, нуждается в коррективах. Прежде всего следует отказаться от представления о равномерном нарастании разрухи в стране. Кризис имел свой порог, и выявление его обнаруживает тот факт, что причиной аграрной катастрофы явились не столько война, рост налогов, сколько стихийные бедствия, поразившие в то время страну.

Земледелие в XVI в. в полной мере зависело от погодных циклов. Как правило, каждое десятилетие один-два года выдавались неурожайными. Однако они обычно перемежались благоприятными периодами, позволявшими крестьянам восстановить производство. В конце 1560-х гг. устойчивое похолодание поставило крестьянское производство в катастрофическое положение.

На страницах Часослова XVI в. неизвестный современник оставил запись под 7076 (1567—1568) г. о том, что «три года хлеб не родился», а в третий — 7078 (1569—1570) г. «был по всей Руси мор силен, многие грады и села запустили».⁴ По-видимому, запись была сделана жителем северных уездов. «Дозоры», проведенные на Новгородских землях, подтверждают, что местное население страдало от голода и наблюдались случаи голодной смерти уже в 7076 (1568) г.⁵ Однако в центральных и южных районах, служивших главными житницами страны, погодные условия были более благоприятными и современники указывали не на трехлетний, а на двухлетний неурожай. В мае 1571 г. русские перебежчики под клятвой сообщили крымцам, что «на Москве и во всех городах по два года была меженина великая и мор великой...».⁶ Период неурожая («меженины») приходился, по свидетельству перебежчиков, на время с весны 1569 по весну 1571 г.

« После двухлетнего неурожая хлебные цены поднялись в пять-десять раз против обычных. Как писали летописцы, «тое же зимы (1569—1570 гг. — *Р. С.*) была межевина велика добре, на Москве и в Твери и на Волоце ржи четверть купили по полутора рубля и по штыдесят алтын, и людей много мерло с голоду». ⁷ В Суздале цена на рожь поднялась до рубля за четверть. ⁸

Голод достиг ужасающих масштабов в 1570 г., когда отмечены были случаи людоедства. Надежды на то, что беда прекратится с новым урожаем, не оправдались. (Голод сменился эпидемиями, унесшими жизнь огромного числа людей.)

Авторы специального исследования об эпидемиях в России К. Г. Васильев и А. Е. Сегал полагали, что на почве голода в стране вспыхнула эпидемия сыпного тифа. Их точку зрения разделял А. А. Зимин. ⁹ Такое мнение едва ли основательно. Слуга царского лейб-медика Лензея, опытного бельгийского врача, который пережил московскую эпидемию вместе с господином, без обиняков утверждает, что осенью 1570 г. Россию опустошила чума. Мор охватил 28 городов, в особенности Москву, где ежедневно гибли сотни людей. ¹⁰

В Новгороде эпидемия вспыхнула раньше, чем в Москве, ибо чума проникла в Россию через прибалтийские порты. Умерших в Новгороде было так много, что их не успевали вывозить за город. В сентябре 1570 г. власти распорядились «выгрести» скудельницы и похоронить умерших в братских могилах. В мае 1571 г. было произведено второе массовое захоронение погибших в поветрие. ¹¹ Из западных районов мор распространился на восток. Устюжский летописец записал, что «на Устюзе на посаде померло, скажут, 12 тыс. опроче прихожих, а попов осталось на посаде шесть». ¹² Источники сохранили немало свидетельств подобного рода. В летописи Иосифо-Волоколамского монастыря под 7078 г. отмечено: «мор был добре велик: в Осифове монастыре преставилося 74 братье, а миряня, слуги и дети и мастера все вымерли и села все пусты, отчасти ся что остало». ¹³ Власть Троицкого монастыря жаловались в марте 1571 г., что в их вотчине «крестьяня от глада и от поветрея вымерли» и крестьян «ни тридцатого жеребья» не осталось. ¹⁴ Из Суздаля власти Покровского монастыря писали царю: «...нынешнего де году было поветрее, людеи монастырские и крестьяня вымерли во всех деревнях». ¹⁵ По словам Пискаревского летописца, в 7078 (1569/70) г. и «на другой год (1570/71. — *Р. С.*) на Москве был мор и по всем градом русским, а в осьмом мор и глад». Это известие довольно точно определяет хронологические вехи бедствия. Чума началась в 1570 г. в условиях голода и продолжалась в 1571 г., когда голод был преодолен. ¹⁶ Осенью 1571 (7080) г. последние вспышки эпидемии были отмечены в Замосковье. Как значится в книгах Разрядного приказа, в сентябре 1571 г. в Костроме умерло 73 человека. ¹⁷

Власти пытались бороться с эпидемией посредством драконовских мер. По всем дорогам были устроены воинские заставы. Всех, кто пытался выехать из мест, пораженных чумой, хватали и сжигали на больших кострах, вместе со всем имуществом, лошадьми и повозками. В городах стража наглухо заколачивала чумные дворы с мертвецами и вполне здоровыми людьми. ¹⁸ Но все эти меры оказались малоэффективными.

« Голод и эпидемия 1569—1571 гг. принесли гибель и разорение десяткам тысяч людей. Бедствие довершили опустошительные вторжения татар, разграбивших богатейшую Рязанскую землю в 1570 г. и разоривших Москву и южные уезды в 1571 г. Результатом этих бедствий и явилось невиданное разорение страны. ¹⁹ Сохранившиеся поземельные описания начала 70-х гг. зафиксировали подробные сведения о массовом разорении, бегстве и гибели крестьян в тот период. ²⁰

↳ Воцарившаяся в стране разруха имела тяжелые последствия. Крестьяне массами бежали на окраины. Согласно наблюдениям А. И. Копанева, в 60—80-х гг. народонаселение перемещалось из Центра и с Новгородской земли на плодородную Рязанскую окраину, в Поволжье, на Южную степную окраину и в меньшей мере в Белозерский край и в Поморье.²¹

(Упадок крестьянского производства и бегство населения затронул территории, на которых располагались главные центры поместного и вотчинного землевладения. Множество мелких помещиков оказались полностью разорены. Опричные конфискации и избиения вызвали глубокое недовольство в среде земского дворянства. Разруха усугубила кризис. Служилые люди, привыкшие уповать на милости монарха, должны были расстаться с иллюзиями. Наполнив опричную сокровищницу «опальной рухлядью», Грозный не помышлял о проведении в жизнь мер помощи скудеющему дворянству, требовавших крупных сумм. Налоговые поступления в казну быстро сокращались:)

Просчеты опричной дипломатии привели к тому, что России пришлось вести войну разом на западных и южных рубежах страны. Война с Крымом завершилась разгромом Орды. Но победа была куплена большой кровью: стрелецкие отряды и дворянское ополчение понесли огромные потери при пожаре Москвы и в битве на Молодях. (Царь и его ближайшее окружение должны были, наконец, задаться вопросом об ущербе, нанесенном стране террористическим режимом опричнины.) Последствия террора давали себя знать в самых разнообразных сферах жизни. Всего очевиднее они сказывались в армии, лишившейся почти всех талантливых вождей и многих воевод и голов (средних офицеров).²² За два года до отмены опричнины один из наиболее дальновидных политических деятелей своего времени государственный печатник И. М. Висковатый в самых недвусмысленных выражениях предостерегал царя относительно последствий массовых репрессий.²³ За дерзкие слова печатник поплатился головой, но его опасения подтвердились уже через год, когда татары сожгли Москву. Русские перебежчики, приведшие татар под стены столицы, говорили им, что московское воинство оскудело, многие воинские люди вымерли от голода и мора, «а иных де многих людей государь казнил в своей опале».²⁴ Очевидная связь между массовыми репрессиями и ослаблением боеспособности дворянского ополчения заставляла царя задуматься.

Стихийные бедствия и татарские набеги причиняли стране неопишуемые бедствия. Но опричники были для населения страшнее татар.²⁵

(Царь Иван оправдывал введение опричнины необходимостью искоренить неправду бояр-правителей, злоупотребления судей и т. д. На деле же причина привела к неслыханному произволу.) «Великий князь, — рассказывает Штаден, — послал в земщину приказ: „Судите праведно, наши виноваты не были бы“. Тогда-то из-за этого приказа земские и пали духом».²⁶ Судьи, видевшие свою главную задачу в охране привилегий опричнины, открыто покровительствовали грабителям и вора́м из числа опричников. Эти последние в свою очередь широко использовали легальные возможности для всевозможных мошеннических проделок. По свидетельству очевидцев, они, подбросив вещи во дворы земцев, вызывали их в суд и по суду взыскивали крупные денежные штрафы.²⁷ Многие земские дворяне и купцы закладывались со своими вотчинами и имуществом за известных им опричников или фиктивно продавали им свои земли, чтобы оградить себя от насилий прочей опричнины. Однако покровители использовали заклад, чтобы поживиться имуществом закладчиков. Захватив его, они расторгали сделку, ссылаясь на то, что им строго запрещено общаться с земцами. Любая попытка земца найти управу на опричника в опричном суде, даже простая попытка взыскать долг терпела неудачу.

Произвол опричнины в отношении земцев не знал предела. Опричники не упускали случая округлить свои владения за счет земщины. По нравившиеся им уголья и пашню они обводили двухсаженным рвом, которым обычно разделялись владения земских и опричных. Запуганные террором земцы не осмеливались нарушить эту границу)

Самым обширным полем злоупотреблений опричнины служили так называемые политические дела. Опричник мог схватить земца за шиворот и, отведя в суд, пожаловаться, будто тот «позорит его и всю опричнину». В таких случаях истец, как правило, получал имущество земца, а арестованного ждали верная тюрьма и плаха.²⁸

Бесчинства опричнины достигли апогея ко времени «новгородского изменного дела». Кровавые погромы Твери, Новгорода и Пскова возвели открытый грабеж в ранг государственной политики. Более всего погромы деморализовали самую опричнину.

Страну разоряли чума и голод, дороги были полны голодающих, в городах не успевали хоронить мертвых. Среди всех этих бедствий опричники творили свои мерзости, безнаказанно убивали и грабили людей. Составляя ложные наказания об аресте различных людей, они вымогали у них деньги. Вламываясь во дворы земцев, опричники жестоко пытали их, пока не получали «всей наличности». Деньги и добро они забирали будто бы в царскую казну. Во время смотрин невест для царя в 1571 г. некоторые из опричных с подложными наказаниями отправились в ливонские города. Там они вымогали деньги у богатых посадских людей, угрожая забрать их дочерей в Москву.²⁹

«Опричники обшарили всю страну, все города и деревни в земщине, на что великий князь не давал им своего согласия». Так, замечает Штаден, «начались многочисленные душегубства и убийства в земщине. И описать того невозможно!».³⁰

(Царь и его приспешники не давали согласия на прямой разбой и душегубство. Но они создали опричные привилегии и подчинили им право и суд, они санкционировали погромы в Новгородской земле. Следовательно, на них лежала главная вина за беззакония)

После падения старого опричного руководства царская дума пополнилась земскими дворянами. В земщине возмущение против опричных злоупотреблений было повсеместным. Власти не могли больше игнорировать это обстоятельство. Наиболее дальновидные члены думы стали сознавать опасность полной деморализации опричнины и попытались как-то бороться с ней.

После казни Басмановых царь велел подобрать жалобы земских дворян и расследовать наиболее вопиющие злоупотребления опричников. «По своей прихоти и воле, — повествует Штаден, — опричники так истязали всю русскую земщину, что сам великий князь объявил „довольно!“»³¹

Телега опричного правосудия сделала настолько крутой поворот, что под ее колесами оказались очень многие видные опричники. В феврале 1571 г. царь велел судить за уголовные преступления члена опричной думы князя В. И. Темкина. Как выяснилось на суде, опричный боярин отказался выплатить крупный долг дьяку Н. А. Парфеньеву и убил его сына.³² Специальная судная комиссия во главе с князем М. Т. Черкасским доложила дело царю, который приказал «за сына ево (Парфеньева. — Р. С.) убитую голову и за долг на боярине на князе Василье Темкине-Ростовском взять 900 рублев денег». ³³ 4 февраля 1571 г. Парфеньеву была передана одна из вотчин Темкина — с. Хрептово, оцененное в 600 руб. 13 февраля опричная комиссия приговорила конфисковать в пользу Парфеньева также и другую вотчину князя Василия Темкина, две трети с. Олферовского ценою в 300 руб.

Одновременно суд удовлетворил иск сына боярского В. И. Волкова, которому опричный боярин отказался вернуть взятые в долг 150 руб. В счет этого долга у Темкина была конфискована последняя треть села Олферовского.³⁴

Необычный приговор суда объяснялся просто. Казнь Басмановых и Вяземского разрушила круговую поруку, связывавшую членов опричной думы. В дело вмешался царь, который любил показную строгость и старался создать себе репутацию поборника справедливости.

После отставки старого руководства Грозный приказал судьям строго расследовать преступления своих людей. Земцы получили право опротестовать в судебном порядке неверно составленные долговые расписки и кабалы. «Если бы Москва не выгорела со всем, что в ней было, — писал Штаден, — земские получили бы много денег и добра по неправильным распискам, которые они должны были получить обратно от опричников».³⁵

Казни и судебные преследования расстроили механизм опричного управления. Опричная администрация, прежде деятельная и энергичная, была охвачена паралитическим состоянием. Штаден, посетивший в 1571 г. главную резиденцию опричнины в Москве, был поражен царившим там запустением. «Когда я пришел на Опричный двор, все дела стояли без движения <...> все князья и бояре, которые сидели в опричных дворах, были прогнаны; каждый, помня свою измену, заботился только о себе».³⁶

Попытки положить конец наиболее вопиющим злоупотреблениям не затрагивали основ опричного режима, но проводились они с обычной для Грозного решительностью и беспощадностью и вызвали сильное недовольство в опричном корпусе. «Тогда, — пишет Штаден, — великий князь принялся расправляться с начальными людьми из опричнины».³⁷

Накануне татарского нашествия царь Иван покинул столицу и под предлогом войны со шведами укрылся в Новгороде. По-видимому, во время пребывания в Новгороде он вспомнил о своем незаконченном духовном завещании и подверг его самой основательной переработке. Одним из обстоятельств, побудивших царя к этому, была его женитьба на Анне Алексеевне Колтовской.

Иван Васильевич недолго горевал по царице Марфе Собакиной и вскоре выбрал себе новую невесту. Анна Колтовская происходила из небогатого дворянского рода: Колтовские числились дворянами Коломенского уезда и в служебном отношении стояли очень невысоко, изредка дослуживаясь до низшего воеводского чина.³⁸ По своему худородству Анна была незавидной партией. Современники осудили царя не столько за выбор невесты, сколько за само решение вступить в четвертый брак. Церковными правилами такой брак был строго воспрещен. Но Грозный не посчитался с законом. После смерти митрополита Кирилла (8 февраля 1572 г.) он взялся за устройство брака, воспользовавшись безначалием церкви.

29 апреля 1572 г. собор разрешил царю четвертый брак «ради его теплого умиления и покаяния», обнаружив тем самым полную зависимость от царской власти. Во искупление «греха» духовенство наложило на царя различные «воспрещения». Чтобы не было «соблазна» простым людям, собор строго указал всем «человецем», от бояр до простых, «да не дерзнет (никто. — Р. С.) таковая сотворити, четвертому браку сочетатися <...> аще кто гордостию дмяся или от неразумия дерзнет таковая сотворити... да будет таковой за дерзость по священным правилом проклят».³⁹

В мае Грозный сыграл свадьбу, а в июне был уже в Новгороде. Вскоре же он внес в черновик завещания разделы, касавшиеся имущественного положения и уделов его новой жены и возможных детей, а также включил в духовную короткое, но чрезвычайно многозначительное распоряжение об опричнине. «А что есьми учинил опришнину, — писал он, — и то

на воле детей моих, Ивана и Федора, как им прибыльнее, и чинят, а об-разец им учинен готов». ⁴⁰ Выражение о «прибыльности» опричнины не следует отождествлять с современным понятием «прибыль». 22 марта 1572 г. при участии Грозного Разряд составил наказ воеводам об обороне Москвы от татар. Заключительные слова этого важного наказа были, возможно, продиктованы самим царем Иваном. Здесь же мы находим ту же терминологию, что и в приписках к завещанию. «А о всем о своем деле и о земском, — значилось в наказе, — царь и великий князь положил на бозе и на вас, боярех и воеводах, как лудче и государеву делу прибыльнее, так, прося у Бога милости, и промышляти». ⁴¹ Царь употреблял понятие «прибыльный» в смысле государственной пользы. Распоряжение насчет опричнины обнаружило полное равнодушие Грозного к дальнейшей судьбе своего детища. Вопрос о сохранении или отмене опричных порядков царь целиком передавал на усмотрение своих наследников.

Ссылки на раздельное существование опричнины и земщины попадаются в официальной документации вплоть до 1572 г. Так, накануне похода против татар Разрядный приказ предписал Воротынскому устроить перевозки на Оке, «а суды большие поотписать по Оке по реке сильно, будет надобно в земском и в опришнине, сколько где мочно взять». ⁴² В. И. Буганов относит наказ к началу 1572 г., но эта датировка может быть уточнена. Во-первых, царь выехал из Новгорода 18 января и прибыл в Москву не ранее середины марта. Наказ был составлен после его приезда. Во-вторых, наказ предписывал Воротынскому произвести смотр войскам в Коломне. Этот смотр действительно произошел в апреле 1572 г. Таким образом, наказ был составлен не ранее конца марта и не позднее апреля 1572 г.

До формального упразднения опричнины было далеко. Однако множество признаков указывало на то, что опричные порядки доживают последние дни. Опричное правительство не зачислило в опричнину в начале 1572 г. новых земель. Строительство опричных крепостей было приостановлено. Английский инженер Х. Локк, руководивший сооружением вологодской крепости, в письме из России от 19 мая 1572 г. писал, что не знает, будет ли царь продолжать свои постройки, и выражал желание вернуться на родину. ⁴³ В том же году было прекращено строительство государева двора на Торговой стороне Новгорода. В мае 1572 г. царь Иван сообщил английскому послу о прекращении секретных переговоров относительно предоставления ему убежища в Англии, хотя и сделал при этом некоторые оговорки. ⁴⁴ Мы теперь, заявил монарх, все наши государские и тайные дела с Англией «отложим на время в сторону, потому что переменили наши намерения на другое, но впоследствии к этим делам, может быть, придется вернуться вновь». ⁴⁵

Царь и его сподвижники долго медлили и колебались, прежде чем решились полностью покончить с опричниной. Известие о разгроме татар под Москвой, по-видимому, положило конец колебаниям. 6 августа 1572 г. в Новгород прибыли сеунчи от Воротынского. Памятуя о гневе царя при сожжении Москвы в 1571 г., воеводы прислали ему личное оружие хана, захваченное на поле сражения. Спустя несколько дней в Новгород привезли пленного Дивей-мурзу. ⁴⁶ В честь великой победы по всему Новгороду весь день до полуночи звонили колокола. Празднества, во время которых пиры сменялись торжественными молебнами, длились две недели.

Среди забав и пиров Иван не забывал своих дел. Местный летописец поместил между записями о празднествах 8 и 9 августа 1572 г. следующее лаконичное сообщение: «Того же лета царь православный многих своих детей боярских метал в Волхову реку, с камением топил». ⁴⁷ В Новгород Грозный взял с собой «своих детей боярских», иначе говоря, опричников.

Они-то и стали жертвами царского гнева. Новое руководство старалось держать в страхе опричную гвардию в момент, когда роспуск опричного корпуса и ликвидация опричных привилегий стали в порядок дня.

В Новгороде власти приступили к реорганизации управления раньше, чем в других городах. С зачислением Торговой стороны в опричину воевода Новгорода П. Д. Пронский перенес свою резиденцию с Софийской стороны на Торговую. В Новгороде установилось двоевластие, что было крайне неудобно для управления. С прибытием на воеводство И. Ф. Мстиславского, главы земской Боярской думы, положение переменялось. Опричный боярин П. Д. Пронский получил приказ вернуться в воеводскую избу на Софийской стороне в подчинение к Мстиславскому. Вопрос об отмене опричины еще не был решен окончательно, поэтому Грозный провел реорганизацию управления Новгорода под девизом возврата к старине. Очевидцы, наблюдавшие затею царя, записали: «...той же зимы в Новгороде (царь. — *Р. С.*) оставил наместника по старине, да и полям быти в Великом Новгороде по старине, да и наместником государь велел жити по старине в своих дворах, за рекою, князю Ивану Федоровичю Мстиславскому да князю Петру Даниловичю Пронскому; да того же месяца (января. — *Р. С.*) в 20, в неделю, почели ходить неделщики от наместников в Новгороде; да на опришной стороне два дьяка...»⁴⁸ Возврат к древнему наместничеству восстановил единую систему управления Новгородом, подчинив опричного воеводу земской воеводской избе. Однако деление города на две половины сохранилось. На Софийской стороне распорядился земский дьяк И. Д. Собака, на торговой — опричные дьяки С. Ф. Мишури и В. С. Нелюб-Суков. С января 1572 г. наместники Мстиславский и Пронский стали рассылать по Новгороду судебных исполнителей («недельщиков»), возродили старинные судебные порядки («поле»).

Новгородское наместничество просуществовало полгода. Покидая город в августе 1572 г., Грозный оставил там «управу чинити людем, без себе» боярина князя С. Д. Пронского и дьяков П. Суворова и В. Шербину.⁴⁹ Полная смена должностных лиц на Софийской и Торговой сторонах явилась следующим шагом на пути к восстановлению единой администрации.

Введение единого наместничества позволило осуществить объединение финансового управления казны. 7 января 1572 г. царь послал опричного печатника Р. В. Алферьева на Казенный двор в помощники к земскому казначею князю В. В. Мосальскому.⁵⁰ Три дня спустя он приказал опричным стрельцам перевезти сокровищницу из своих хором на Никитской улице в подвалы трех каменных церквей, стоявших тут же неподалеку от государева двора на Ярославове дворыще.⁵¹ Спустя месяц в Новгород была доставлена вся государственная казна — 450 возов, груженных золотыми и серебряными слитками, звонкой монетой и драгоценностями.⁵² По предположению С. Б. Веселовского, в Новгород было доставлено до 10 тыс. пудов серебра и золота, оценивавшихся в миллионы рублей.⁵³ Все эти сокровища, доставленные из земского Казенного приказа в Москве, поступили в ведение главного земского казначея и его помощника опричного печатника. Когда в августе 1572 г. царь велел отправить сокровищницу в Москву, надобность в ее разделе окончательно отпала.⁵⁴

С 1572 г. власти приступили к объединению военных сил, разделение которых наносило огромный вред обороне страны.⁵⁵ Весной 1572 г. смешанная земско-опричная армия выступила на Оку против татар. В этом походе воеводы получили назначение независимо от принадлежности к опричнине или земщине. Разрядный приказ укомплектовал полки, полностью игнорируя деление дворян на опричнину и земщину. Так, главнокомандующим армией и воеводой большого полка был назначен земский боярин князь М. И. Воротынский. Ему непосредственно подчинялись земские отряды шелонских

помещиков и опричные отряды вязьмичей и суздальцев. Воеводой полка правой руки стал опричный боярин князь Н. Р. Одоевский, в полку которого были и земцы и опричники.⁵⁶ Судя по росписи, Разрядный приказ самым тщательным образом перемешал между собой военные силы опричнины и земщины.

Много лет должности дворовых воевод занимали опричники, а подчиненный им государев полк формировался исключительно из опричников. С конца 1571 г. царь назначает на некоторые из дворовых должностей земских бояр. Так, в первом походе против шведов во главе государева полка стояли дворовые воеводы опричный боярин князь Ф. М. Трубецкой и земский боярин И. В. Меньшой Шереметев.⁵⁷ Списки чинов, сопровождавших царя в этом походе, разделены на две половины подзаголовками: «бояре из оприщины», «з земского».⁵⁸ Во время нового похода царя в Новгород весной 1572 г. был составлен последний опричный разряд. Список чинов, сопровождавших Грозного, возглавляет «боярин из оприщины», но наряду с опричниками в списке представлены земцы окольные Г. С. и В. С. Собакины, дворяне Колтовские, думные дьяки Щелкаловы и др.⁵⁹

Объединение опричных и земских военных сил и подчинение опричных воевод земским свидетельствовало о том, что опричнина все больше утрачивала значение привилегированного охранного корпуса, преторианской гвардии царя. Многочисленные перегородки между опричниной и земщиной, воздвигнутые в сфере военного и административного управления, падали одна за другой.)

В сфере землевладения признаки перемен явственно обозначились во второй половине 1572 г., когда опричники стали покидать свои старые поместья и присматривать себе новые поместья в земских уездах.

Главный руководитель опричнины Малюта Скуратов получил поместье в земской Водской пятине. Обыск в ней обнаружил, что некоторые из водских деревень запустели в 7081 г., потому что крестьян из них «вывозили в Малютину волость».⁶⁰ Малюта погиб в декабре 7081 (1572) г., а это значит, что поместье в земщине он получил не позднее сентября-ноября.

Помощник Малюты В. Г. Грязной отказался от поместья в опричном Козельском уезде и выхлопотал себе поместье в земской Шелонской пятине 24 августа 1572 г.⁶¹ Опричный дьяк П. Григорьев получил грамоту на земское поместье в Шелони 19 августа 1572 г.⁶²

По-видимому, именно в августе 1572 г. Иван Грозный принял решение об отмене опричнины.

По указу об опричнине принятые в «царскую светлость» дворяне должны были нести службу исключительно с опричных поместий. Переход руководителей опричнины на земские поместья означал, что названный указ утратил силу.

В опричнине царь получил чрезвычайные полномочия и мог творить любые беззакония. С отменой опричнины власти должны были подумать о восстановлении законности в государстве. Земские дворяне были более всего озабочены тем, чтобы вернуться в старые уезды и восстановить свои законные права на утраченные в опричнину вотчины. Правительство вынуждено было считаться с их требованиями, и поэтому новый пересмотр землевладения в опричных уездах оказался неизбежным.) После отмены опричнины, писал Г. Штаден, «опричники должны были возвратить земским их вотчины, и все земские, кто оставался еще в живых, получили свои вотчины, ограбленные и запустошенные опричниками». Немец описал новый земельный пересмотр на основании собственного опыта: в опричнине он получил бывшие владения князей Оболенских и дворянина Хлопова; эти бывшие вотчины были у него отобраны. Взамен отписанных земель, от-

метил Г. Штаден, опричникам должны были быть розданы другие поместья.⁶³ Однако сам Г. Штаден не получил никакой компенсации, поскольку за дезертирство с поля боя в 1572 г. его при пересмотре владельческих прав в опричной Старице вообще исключили из боярских списков.

Переяславские вотчинники Таратины в данной грамоте монастырю 1575 г. упомянули о возврате им вотчины с. Селиваново в 1572 г.: «Старая наша вотчина, отца нашего благословение, что нас государь царь пожаловал, велел нам тое вотчину отдати в 80-м году».⁶⁴

Послеопричный земельный пересмотр был связан с рядом обстоятельств. Члены опричной гвардии лишились права на повышенные поместные оклады и должны были расстаться со всякого рода «додачами».

Подобно тому как в начале опричины власти не могли добиться полной высылки из опричных уездов всех вотчинников-неопричников, так и теперь указ о возвращении старинных вотчин земским дворянам не был и не мог быть осуществлен полностью. Происходило это не только из-за приказной волокиты и негодности бюрократического аппарата, но и вследствие противодействия дворян бывших опричных уездов. Основная масса поместного дворянства таких уездов сохранила в своих руках старинные земли. Пересмотр землевладения этой категории служилых людей свелся к новому перераспределению поместного фонда.

В свое время С. Ф. Платонов высказал мнение, что отмена опричины в 1572 г. носила формальный характер, ибо затем она получила новое наименование «двор» и в таком виде продолжала существовать до конца жизни Грозного.⁶⁵ А. А. Зимин высказал парадоксальную мысль, что опричные порядки не только сохранились после 1572 г., но и впервые были распространены на всю территорию государства. В дальнейшем исследователь отказался от такого вывода и присоединился к традиционной точке зрения. Недавно Д. Н. Альшиц вновь попытался опровергнуть тезис об отмене опричины в 1572 г.⁶⁶ Выдвинутая им аргументация заслуживает детального анализа.

Единое свидетельство об отмене опричины, отметил Д. Н. Альшиц, принадлежит Г. Штадену, но оно не поддается проверке и не заслуживает доверия.⁶⁷ С такой оценкой трудно согласиться. Нет основания сомневаться в том, что Штаден служил в опричнине и в деталях описал упразднение опричных порядков как очевидец. Вопреки мнению Д. Н. Альшица, утверждение Г. Штадена поддается проверке.

Литовская разведка, использовавшая русских эмигрантов для проведения секретных операций в России, зорко следила за событиями в соседней стране. Литовские лазутчики уведомили Ф. Кмиту о происшедших в Москве переменах буквально по свежим следам. 3 ноября 1572 г. Ф. Кмита сообщил в Вильнюс М. Радзивилу, что «князь великий (Иван IV. — Р. С.) з землю своею умирил и опричину зламал и за тыми своими и князми и паны и со всеми бояры и всеми землями своими впокоил, з митрополитом и владыками угодивился и прощавмися».⁶⁸

Данные литовской секретной службы полностью совпадают со сведениями опричника Г. Штадена. Можно указать также на один поздний источник — записки английского посла Д. Флетчера. По словам англичанина, царская опричнина просуществовала семь лет, после чего была отменена.⁶⁹

Д. Н. Альшиц опубликовал «Список дворовых людей от 20 марта 1573 г.» и на его основании сделал вывод, что «в структуре опричного двора и его личном составе с марта 1572 г. по март 1573 г. не произошло никаких изменений, кроме принятия в его состав нескольких незначительных приказных». Из этого с неизбежностью следовало, что опричнина не была отменена в 1572 г.⁷⁰

По мнению В. Б. Кобрин, в списке 1573 г. почти половина лиц, взятых им на проверку, не относилась к числу бывших опричников.⁷¹ Д. Н. Альшиц оспорил вывод В. Б. Кобрин и доказал, что в список 1573 г. попали в массе своей дети боярские опричной службы.⁷² По наблюдению А. Л. Станиславского, «двор» Грозного 1573 г. существенно отличался от опричного двора периода расцвета, но был близок к окружению Ивана IV последнего года опричнины.⁷³

Принципиально важным является то, что в опричнине двор состоял исключительно из одних опричников, тогда как в 1573 г. наряду с опричниками⁷⁴ в состав нового двора вошли многие земские дворяне.⁷⁵ Таким путем была упразднена одна из важнейших привилегий опричнины.

С отменой опричнины уничтожены были границы между государевым уделом и земщиной. Отпала необходимость в содержании прежнего многочисленного опричного двора, поставлявшего кадры для командного состава опричной армии и уездной опричной администрации.

Отмена опричнины и заявления о возврате земцам конфискованных у них вотчин породили надежду на отмену всяких ограничений вотчинного землевладения. В таких условиях правительство издало 9 октября 1572 г. новый закон о вотчинах.⁷⁶ По мнению В. Б. Кобрин, в 1572 г. власти восстановили в правах «старый» приговор 1551 г., «направленный на консервацию пережитков удельной старины», и одновременно аннулировали антикняжеский приговор 1562 г.⁷⁷ Обратимся к тексту приговора 1572 г. В нем сказано: «Которые вотчины княженецкие и боярские не давалися в продажу, ни в мену, ни в приданья, ни роду, ни по душе... и тем вотчинам быти по старому государеву уложению в тех во всех городех, про которые города указ государев есть, про Ярославские и про Ростовские вотчины и про Оболенские, и про Резанские, и про Тверские, и про Мосалские и про все вотчины про княженецкие про такие же один приговор».⁷⁸ В. Б. Кобрин «настораживает», что в тексте указа 1572 г. употреблено слово «старое» (а не, например, нынешнее), на основании чего «старое Уложение» отождествляется с приговором 1551 г. Подобная интерпретация противоречит указаниям источника. Уложение 1572 г. подтвердило запреты на мену княжеских вотчин и передачу их в приданое. Но указанные запреты были введены Уложением 1562 г., тогда как в приговоре 1551 г. о них нет ни слова. Таким образом, рассуждения о том, что в 1572 г. был подтвержден приговор 1551 г., беспредметны. Приговор 1572 г. особо подтвердил еще одну норму закона 1562 г. — запрещение передавать родовые вотчины по наследству троюродным братьям («правнуку правнучьи вотчины не отдавати»).

Уложение 1572 г. не только не консервировало привилегии княжеской знати, но подтверждало введенные в 1562 г. ограничения на право княжат распоряжаться своими родовыми землями. Напомним, что Уложение 1562 г. послужило прологом к опричнине, вызвав негодование боярской аристократии. Отменяя опричнину, Грозный стремился продемонстрировать боярам, что возврата к прошлому нет.

Приговор 1572 г. ограничивал права бояр на земельные владения, пожалованные из казны. Наследники боярина могли получить вотчину «государского данья» только при наличии специальной оговорки в жалованной грамоте. В противном случае жалованные вотчины переходили в казну сразу после смерти боярина) «А у котораго (боярина. — *Р. С.*) в грамоте будет ему одному вотчина написана (как это часто делалось. — *Р. С.*), и после его та вотчина на государя».⁷⁹

Таким образом, после отмены опричнины правительство твердо заявило о своем намерении по-прежнему придерживаться политики ограничения крупного княжеско-боярского землевладения в пользу казны.)

Изложение митрополита Филиппа, разгром опричниками Новгородско-Псковского архиепископства серьезно ослабили могущество церкви, что позволило правительству возобновить наступление против крупного церковного землевладения на другой день после отмены опричнины.

Согласно приговору 1572 г., любые земельные пожертвования крупным монастырям полностью запрещались. Если какой-нибудь вотчинник завещал землю монастырю, «ино, — значилось в указе, — ее (вотчину. — Р. С.) в Поместной избе не записывати, а отдавати ее роду и племяни, служилым людям, чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила».⁸⁰ Исключение делалось для «малоземельных» монастырей, но и они могли принять земельные пожертвования лишь «доложа государя», с боярского приговора. Только одну серьезную уступку правительством сделало всему черному духовенству в целом. По приговору 1572 г., наследники вотчин, некогда пожертвованных монастырям, лишились права выкупа родовых земель: «...а монастырских вотчин вотчицем вперед не выкупати».

Антимонастырский земельный закон 1572 г. имел ту особенность, что в нем декларировались уступки «служилым людям». Послеопричное правительство царя Ивана явно искало популярности в дворянской среде.

Среди духовенства попытки ограничить земельные богатства монастырей вызвали сильный ропот. На протяжении всей опричнины царь высказывал неизменную дружбу и расположение властям влиятельных монастырей. Накануне опричнины одним из главных духовных советников Ивана был чудовский архимандрит Левкий. Его преемники также пользовались особым покровительством царя, а один из них, архимандрит Леонид, был возведен в сан новгородского архиепископа в декабре 1571 г. Еще большее доверие Иван питал к Кирилло-Белозерскому монастырю, в стенах которого царю и его сыновьям были отведены в 1567—1570 гг. особые кельи. Симоновский монастырь удостоился чести быть принятым в опричнину. Двое архимандритов, чудовский и симоновский, сопровождали царя в Новгород зимой 1571—1572 гг. Однако вскоре во взаимоотношениях Грозного с черным духовенством наступают перемены. В сентябре 1573 г. царь пишет обширное послание в Кирилло-Белозерский монастырь, в котором дает волю своему раздражению против бывших любимцев — старцев опричного Симонова монастыря, чудовских монахов и т. д. Монастырские власти — бранил царь монахов — стали вводить послабления в строгий устав монастырской жизни, «да помалу, помалу и до сего яко же и сами видите, на Симонове кроме сокровенных раб Божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда быша среди царствующего града пред нашими очима — нам и вам видимо».⁸¹

Особое негодование Грозного вызывает то, что монастыри пускаются во все тяжкие, желая прибрать к рукам богатые боярские вотчины. Монахи оправдывают свою дружбу с боярами тем, что без покровительства бояр, без их «даяний» монастыри вконец оскудеют. Царь спешит опровергнуть эти оправдания, указывая: «...святни мнози не гонялися за бояры, да бояре за ними гонялися, и обители их распространилися».⁸² Согласно версии Грозного, монастыри скудеют из-за упадка благочестия. Ныне даже «у Троицы в Сергиеве благочестие иссякло и монастырь оскудел: ни пострижется ниhto и не даст ниhto ничего».⁸³ Царь предпочитает не упоминать о том, что год назад он запретил всякие земельные «даяния» монастырям и что это было причиной «оскудения» монастырей.⁸⁴ Вся его аргументация сводится к оправданию антимоныстырских мер, проведенных тотчас после отмены опричнины.

Последним достойным завершением опричных деяний явился царский указ, запрещающий употреблять самое название опричнины.⁸⁵ Грозный не

велел поминать опричнину под страхом жестокого наказания. «Виновного (болтавшего об опричнине. — *Р. С.*) обнажали по пояс и били кнутом на торгу».⁸⁶ Подобная мера вполне соответствовала стилю опричнины. На первый взгляд она была свидетельством полного искоренения опричных порядков, а также служила своеобразной оценкой итогов опричнины со стороны Грозного и его нового окружения. Но более вероятным кажется другое объяснение. Власти боялись нежелательных толков и старались предотвратить критику ненавистных опричных порядков посредством полного умолчания о них.

¹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1954. Кн. 2. С. 243, 245, 254.

² Скрынников Р. Г. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV—XVI в.: АКД. Л., 1958. С. 15.

³ Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. Л., 1974. С. 294.

⁴ Немировский Е. Л. Начало славянского книгопечатания. М., 1971. С. 126; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники//Исторический архив. М., 1951. Т. 7. С. 224.

⁵ Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 72—75.

⁶ ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 14. Л. 23 об.—24 об.

⁷ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв.//Исторический архив. М.; Л., 1960. Т. 5. С. 21.

⁸ Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве в XVI в. М.; Л., 1951. С. 32.

⁹ Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России. М., 1960. С. 44; Зимин. Опричнина. С. 394.

¹⁰ Шлихтинг. Новое известие. С. 59; Штаден. Записки. С. 1, 6.

¹¹ Новгородские летописи. С. 101.

¹² ПСРЛ. Т. 37. С. 103.

¹³ Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. С. 22.

¹⁴ Сборник князя Хилкова. СПб., 1879. № 59.

¹⁵ Из грамоты от 20 апреля 1572 г. — см.: Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного//История СССР. 1963. № 2. С. 115.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 191.

¹⁷ Разряды. Л. 370 об.—371.

¹⁸ Штаден. Записки. С. 92. Новгородская летопись при описании чумы в Новгороде замечает: «...много людей помроша, а которые люди побегоша из града и тех беглецов имаша и жгоша» (Новгородские летописи. С. 336).

¹⁹ Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. Кн. 2. С. 233—256; Маньков А. Г. О положении крестьян в феодальной вотчине России второй половины XVI века//История СССР. 1959. № 4. С. 143; Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного. С. 114; Зимин. Опричнина. С. 389—408.

²⁰ Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Новгородские пятины. С. 293; Воробьев В. М., Дегтярев А. Я. Русское феодальное землевладение от «смутного времени» до кануна петровских реформ. Л., 1986. С. 41.

²¹ Копанев А. И. Население Русского государства в XVI в.//ИЗ. 1959. Т. 64. С. 246—252.

²² Из двадцати высших воевод, возглавивших победоносный поход на Полоцк в 1563 г., девять человек были казнены в течение десятилетия.

²³ Шлихтинг. Новое известие. С. 62.

²⁴ ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 23 об.—24 об., 26.

²⁵ «В источниках есть много указаний на то, что с течением времени в опричнине дисциплина падала и опричник стал вырождаться в простого разбойника» (Веселовский. Исследования. С. 192).

²⁶ Штаден. Записки. С. 86.

²⁷ Послание Таубе и Крузе. С. 38.

²⁸ Там же.

²⁹ Штаден. Записки. С. 95.

³⁰ Там же. С. 95—96.

³¹ Там же. С. 96.

³² «...Бил челом государю царю и великому князю Микита Орсентьев о сына своего убитой голове» (Садиков. Из истории опричнины. № 51. С. 256). В самом начале опричнины Н. А. Парфеньев служил в дьяках у митрополита Афанасия. Тогда же он поручился за опального боярина И. П. Яковлева (см.: СГГД. Ч. 1. № 184. С. 509).

³³ Садиков. Из истории опричнины. № 50. С. 255.

³⁴ Там же. С. 259.

³⁵ Штаден. Записки. С. 96—97.

- ³⁶ Там же. С. 145. «Когда великий князь приводил это в исполнение, в стране еще свирепствовала чума» (Там же). Чума продолжалась до осени 1571 г. К этому времени и относится эпизод, описанный Штаденом.
- ³⁷ Там же. С. 96.
- ³⁸ ТКДТ. С. 159. О родословии Колтовских см.: *Летопись занятий Археографической комиссии*. СПб., 1903. Вып. 11. Отд. 1. С. 12.
- ³⁹ ААЭ. Т. 1. № 284. С. 331.
- ⁴⁰ ДДГ. С. 444.
- ⁴¹ Буганов. Документы. С. 174.
- ⁴² Там же. С. 172.
- ⁴³ *Гамель И.* Англичане в России в XVI—XVII столетиях//*Зап. Академии наук*. 1865. Т. 8. С. 78.
- ⁴⁴ Сб. РИО. Т. 38. С. 94.
- ⁴⁵ *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 143; *Чтения ОИДР*. 1884. Кн. 4. Отд. III. С. 85.
- ⁴⁶ Новгородские летописи. С. 119—120.
- ⁴⁷ Там же. С. 120.
- ⁴⁸ Там же. С. 109.
- ⁴⁹ Там же. С. 121.
- ⁵⁰ Разряды. Л. 455.
- ⁵¹ Новгородские летописи. С. 108.
- ⁵² Там же. С. 110.
- ⁵³ Веселовский. Исследования. С. 311.
- ⁵⁴ По мнению Д. Н. Альшица, ценности были свезены на Ярославово дворище не ради объединения опричной и земской казны, а совсем с другими целями. Действуя с исключительным хитроумием, Грозный попросту изъясил ценности новгородского казенного двора, сокровища новгородской «земщины» (*Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 150). Предположение о хитроумной уловке царя едва ли основательно. Царь разграбил Новгород в 1570 г., не прибегая к хитростям. В 1572 г. в новгородской «земщине» сокровищ не было и в помине.
- ⁵⁵ Этот факт впервые отмечен в литературе Л. М. Сухотиным (*Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Вопрос об отмене опричины. Белград, 1931. Вып. 1. С. 17). Исследователь считает, что после сожжения Москвы отдельная опричная армия была уничтожена. «Армия отныне едина, и этим объединением армии второй и очень важный шаг к примирению между опричной и земщиной сделан» (Там же. Белград, 1940. Вып. 7—8. С. 174—175).
- ⁵⁶ Буганов. Документы. С. 174—176.
- ⁵⁷ Разряды. Л. 376 об.—377.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же. Л. 458.
- ⁶⁰ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 320.
- ⁶¹ Там же. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 53—54, 101—102.
- ⁶² Там же. С. 76—77, 99.
- ⁶³ Штаден. Записки. С. 110, 125, 130, 131, 152.
- ⁶⁴ Садиков. Из истории опричины. С. 275. О возврате вотчин после отмены опричины см.: *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси XVI в.//*ИЗ*. 1941. Т. 10. С. 109—110.
- ⁶⁵ *Платонов С. Ф.* Иван Грозный. Пг., 1923. С. 122; см. также: Садиков. Очерки. С. 44. Взгляд С. Ф. Платонова решительно оспаривали Л. М. Сухотин и С. Б. Веселовский. Первому из них принадлежит подробный обзор мнений историков об отмене опричины (*Сухотин Л. М.* К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1931. Вып. 1. С. 2—6, 21; *Веселовский. Исследования*. С. 190—199).
- ⁶⁶ *Зимин А. А.* Опричнина//*Очерки истории СССР (конец XV — начало XVI в.)*. М., 1955. С. 313; Зимин. Опричнина. С. 477.
- ⁶⁷ *Альшиц Д. Н.* Начало самодержавия в России. С. 141—142.
- ⁶⁸ Письмо Ф. Кмиты к Н. Радзивилу от 3 ноября (*Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kogniku*. Rkp. 1536). Рукопись содержит подборку писем Сигизмунду II Августу за 1558—1572 гг. Письмо Ф. Кмиты датировано числом без обозначения года, но помещено сразу после письма Сигизмунда II от 24 июля 1572 г. Приносим благодарность Б. Н. Флоре за сообщение об этом источнике.
- ⁶⁹ *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 40.
- ⁷⁰ Альшиц. Новый документ. С. 7.
- ⁷¹ Кобрин. Состав опричного двора. С. 18.
- ⁷² *Альшиц Д.* Начало самодержавия в России. С. 182—186.
- ⁷³ *Станиславский А. Л.* Книга раздачи денежного жалованья 1573 г.//*История СССР*. 1976. № 4. С. 140.
- ⁷⁴ В. Г. Зюзин, дьяк П. Григорьев, Бельские, князья Козловские, Бастановы, Осорьин, Панины, Годуновы и др.

⁷⁵ Князь И. С. Городецкий, Г. Колычев и более десятка других Колычевых, земский дьяк П. Суворов и т. д.

⁷⁶ По Л. М. Сухотину, издание Уложения 1572 г. было вызвано «обстановкой момента»: отменой опричнины и возвращением отнятых вотчин прежним владельцам (*Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1936. Вып. 2—4. С. 49.*).

⁷⁷ Кобрин. Власть и собственность. С. 82, 87—88.

⁷⁸ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века: Тексты. Л., 1986. С. 56.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Послания Ивана Грозного. С. 172.

⁸² Там же. С. 180. «Не глаголи никто же студныя сия глаголы: яко только нам з бояры не знатся — ино монастырь без даянния оскудеет» (Там же).

⁸³ Там же. С. 180.

⁸⁴ В письме к кирилловским старцам Грозный с похвалой отзываясь лишь о двух больших монастырьках — Александровском на Свири и Глушицком близ Вологды. Там «только, — пишет он, — бояре не стрыгутся и они Божию благодатию процветают...» (Там же. С. 173). Из всех монастырей только самым мелким разрешено было по закону 1572 г. принимать земельные пожертвования. Боярская знать издавна поддерживала дружбу с крупнейшими монастырями и редко жертвовала земли мелким монастырькам.

⁸⁵ Л. М. Сухотин выдвинул предположение, что указ об окончательной отмене опричнины был издан в начале нового года, наступившего 1 сентября 1572 г. (*Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Вып. 2—4. С. 49.*).

⁸⁶ Шгаден. Записки. С. 110.

КРУШЕНИЕ «ДВОРА»

Днем 31 июля 1572 г. в Новгороде стало известно о появлении крымских татар в окрестностях Москвы. Не теряя времени, царь приказал находившимся с ним войскам готовиться к выступлению в Ливонию. В ночь на 1 августа пушки и ядра, приготовленные для похода, были перевезены на берег Волхова для погрузки на суда и отправки в Псков. Новгородцам велено было готовить двуколки под царский обоз.

6 августа к Грозному прибыли гонцы с вестью о разгроме Крымской орды. В подарок государю воеводы прислали трофеи — личное оружие хана Девлет-Гирея, захваченное в татарских обозах.

Войска, оборонявшие Москву, понесли тяжелые потери, и Грозному пришлось отложить поход. 11 августа он приказал выгрузить пушки из судов. Однако отряды дворян и стрельцов, собранные в Новгороде, не были распущены по домам.

17 августа царь выехал в Москву, но уже 21 сентября вновь отправился в Новгород, чтобы возглавить поход против шведов.¹ На военном совете в Яме близ шведской границы 3 декабря 1572 г. было решено поход не откладывать, а служилым людям в полках объявить, чтобы они «с службы не съезжали, а которые дети боярские поворотили назад, а появятца в Новгороде, и тех высылать за государем тот час». Новгородские воеводы получили наказ, чтобы они «тово берегли, которые з государевой службы съедут и их не пропускать».² Главные надежды командование возлагало на новгородских помещиков. Город Яма, где царь разбил свою ставку, был назначен местом сбора помещиков Водской и Шелонской пятин. 27 декабря 1572 г. царское войско осадило шведский замок Пайду (Вейсенштейн). Подвергнув крепость усиленной бомбардировке, русские сделали пролом в ее стенах и 1 января 1573 г. взяли замок штурмом. Главной целью русского похода оставалась Колывань (Таллинн). Однако город был оплотом шведского владычества в Ливонии, располагая мощными укреплениями. Его нельзя было взять без длительной осады. После бегства от татар из-под Москвы царь старался избежать риска в своих военных предприятиях. Воспользовавшись первой же незначительной победой, он объявил о решении «отложить» свой поход под Колывань и вернуться в Новгород. Причиной было выставлено то, что «замосковских и украинных городов детей боярских и понизовые люди пришли на государеву службу в Новгород летним временем беззапасно».³ Отряды детей боярских, сопровождавшие царя в Новгород, за полгода успели израсходовать все свои запасы. Кроме того, они были слишком малочисленными. Но главная причина заключалась в другом. Русское командование опасалось перебрасывать силы с южных границ в Ливонию, памятуя о сожжении столицы.

Покидая армию, царь забрал с собой отряды дворовых детей боярских и стрельцов. Численность полевой армии сократилась. Тем не менее земские

воеводы получили приказ продолжать поход. Войско разделилось надвое. Н. Р. Юрьев вместе с герцогом Магнусом отправились добывать замок Каркус, с тем чтобы расширить границы вассального Ливонского королевства. Бояре И. Ф. Мстиславский, И. А. Шуйский и М. Я. Морозов получили приказ разорить окрестности Колывани. Поход Н. Р. Юрьева закончился благополучно. Мстиславский занял Ропу-мызу и отправил отряд к Печерникам и Вильяну. Ратники перешли границу литовских владений и выжгли окрестности Буртника и Руина. Тем временем Мстиславский продолжал двигаться к Колывани. Однако под Коловертью его поредевшее войско подверглось нападению шведов. Последствия террора давали себя знать на войне: в разгар боя на сторону неприятеля перебежал князь Александр Сибокович Черкасский, которого Разряды называли царским шурином. Перебежчик заверил генерала Клауса Аксена, что русское войско пришло в расстройство, «государевы многие люди побежали». Шведы усилили натиск и одержали полную победу. Из трех старших воевод один — князь И. А. Шуйский — был убит, а двое других — И. Ф. Мстиславский и М. Я. Морозов — ранены. Погибло много детей боярских и стрельцов.⁴

Поход турок на Астрахань в 1569 г. и нападения Крымской орды на Москву в 1571—1572 гг. убедили русское правительство в том, что Орда и стоявшая за ее спиной Османская империя будут продолжать войну, пока не овладеют мусульманскими юртами Казанью и Астраханью. Вторжения крымцев были поддержаны мощным восстанием народов Нижнего Поволжья, не желавших терпеть русского владычества. По этой причине Россия принуждена была держать главные силы армии на южных границах.

В сентябре 1572 г. боярин князь Н. Р. Одоевский получил приказ собрать войска в Муроме и Нижнем Новгороде для похода «на казанских людей, на луговую и горную черемису». 15 апреля 1573 г. земские полки были развернуты на обширном пространстве от Коломны и Каширы до Калуги, заняв укрепления по Оке. В ожидании крымского вторжения Иван IV вновь уехал в Новгород, где оставался до августа.⁵

После разгрома на Молодях Девлет-Гирей не решился вновь идти на Москву. Но в конце лета крымские царевичи напали на рязанские места. Воевода Д. А. Ногтев выступил из Рязани навстречу крымцам и остановил их продвижение. Подоспевшие бояре Пронский и Хворостинин пытались преследовать царевичей в поле, но не догнали.

Восстание в Поволжье продолжалось два года, и Москве надо было выводить гарнизоны из казанских крепостей либо приступить ко вторичному завоеванию Казанского края. 6 октября 1573 г. состоялось решение о посылке главных сил русской армии против казанцев. Поход должны были возглавить руководители думы И. Ф. Мстиславский, Н. Р. Юрьев, И. В. Меньшой Шереметев и др. Местом сбора полков были назначены Муром, Елатьма, Нижний Новгород, Шуя и Плес. В конце 1573 г. отряд астраханских казаков совершил нападение на ногайцев и сжег столицу Ногайской орды городок Сарайчик на Яике. В начале 1574 г. ногайский хан Тинехмат упрекал Девлет-Гирея за то, что тот «стравил» их с русскими, а когда те громили Сарайчик, не оказал ему помощи.⁶

Узнав о сосредоточении многочисленной царской рати в Муроме и лишившись надежды на помощь Крымской и Ногайской орд, казанские татары и черемисы прислали послов в Муром и добились челом царю. Однако мир в Казанском крае оставался непрочным. Осенью 1574 г. отряды крымских и ногайских татар предприняли набег на южные уезды страны.

Угроза длительной войны с Крымом и Турцией существенно повлияла на внешнеполитическую ориентацию России. Главная цель Ливонской войны — завоевание прибалтийских провинций — временно отступила на задний план.

7 июля 1572 г. умер король Сигизмунд II Август. С наступлением в Польше «бескорольвья» русско-польские отношения претерпели большие перемены.

Еще в 1570 г. польские послы заявили царю: после смерти бездетного короля сенаторы намерены избрать себе государя «словенского роду» и склоняются в пользу царя и его потомства.⁷ Русские послы, ездившие в Польшу в 1571 г., собрали сведения о том, что сенаторы обсуждали вопрос об избрании на королевский трон царевича московского и заключении союза с Россией против Турции и Крыма. Будучи в Варшаве, послы слышали толки, будто «король стар и хвор и бездетен, а опричь московского государя иного государя (полякам. — Р. С.) не найти».⁸

Кандидатура царя пользовалась известной популярностью у православного русского населения на обширной территории Украины и Белоруссии, а отчасти также и среди польско-литовской шляхты, недовольной бессилием королевской власти и всевластием магнатов в Речи Посполитой.⁹

Когда в сентябре 1572 г. в Москву явился посланец из Польши Ф. Воропай, царь объявил ему, что будет претендовать на польский трон, и обещал сохранять все шляхетские права и вольности. Крымский смерч впервые заставил царя задуматься над возможностями достижения такого мирного урегулирования между Россией и Речью Посполитой, которое позволило бы обратить все силы против Османской империи. Вопрос о создании коалиции, по-видимому, занимал Грозного в большей мере, чем приобретение короны. «Вечный мир», заключенный на приемлемых условиях, Иван IV обязался соблюдать в случае избрания на польский трон любого лица, «которого им Бог даст». Если бы Речь Посполитая согласилась на такой мир, говорил Грозный, то он «татарскому хану показал бы дорогу за море».¹⁰ Мир двух сильнейших славянских государств, по мысли царя, давал возможность не только поставить преграду на пути опустошительных татарских набегов, но и начать борьбу за изгнание Орды из Северного Причерноморья и Приазовья. Беда была в том, что споры из-за Ливонии исключали возможность союза России и Речи Посполитой. Москва соглашалась вернуть польской короне Полоцк и отдать в придачу некоторые другие земли, но требовала уступки Ливонии до Западной Двины, включая порт Ригу.

Литовские магнаты не желали видеть на троне царя, но им приходилось учитывать опасность военного вмешательства России и настроения шляхты. В начале 1573 г. к Грозному в Новгород явился посланник М. Гарабурда с новыми предложениями. Посланник пытался уговорить царя снять свою кандидатуру и не претендовать на польский трон, занять который может только католик. Стремясь избежать личной унии между Россией и Речью Посполитой, литовские сенаторы отклонили также кандидатуру царевича Ивана — заняв королевский трон, он должен был унаследовать шапку Мономаха. Наиболее приемлемой оказалась для них кандидатура царевича Федора, которому в перспективе предстояло получить обширное удельное княжество в России. В отличие от брата Федор отличался полной бесхарактерностью, а кроме того, к тринадцати годам в нем все резче обозначались симптомы слабоумия. Магнатам не нужен был сильный государь. В случае избрания Федора Россия должна была отдать Речи Посполитой Смоленск с уездом, Полоцк с окрестными крепостями, а также и «иные замки и волости». Вместе с Федором царю Ивану и наследнику царевичу Ивану надлежало подписать обязательство сохранить все шляхетские вольности и при надобности расширить их.

Царь категорически отверг требования о территориальных уступках и предложил литовцам вернуть Руси древнюю столицу Киев «для нашего царского именованья». Отказываясь отпустить в Литву сына Федора, Грозный заявлял, что некоторые из поляков и литовцев «хотят иметь на троне меня самого, а не сына моего». В письме, направленном в Польшу в апреле 1573 г., царь выставил заведомо неприемлемые условия своего избрания на королевство. Он желал, чтобы после объединения России, Литвы и Польши правом на трон пользо-

вались исключительно представители московской династии. Кроме того, он требовал свободы в деле укрепления православной церкви в пределах всего государства и таким образом снимал вопрос о переходе в католичество.

Резкая перемена в позиции царя объяснялась тем, что он разуверился в возможности заключения союза против Крыма и Турции. Подверженный приступам подозрительности, Иван IV с тревогой воспринял поступающие от «доброхотов» из-за рубежа сообщения о том, что его младшего сына хотят взять на королевство хитростью, чтобы выдать его туркам и «тем хотят с турком помириться». В условиях, когда Россия жила в ожидании нового вторжения татар и турок, информация такого рода производила самое неблагоприятное впечатление. В 1573 г. царь и его окружение все больше рассматривали династические переговоры с литовцами под углом зрения турецкой опасности. В беседе с М. Гарабурдой Иван IV угрожал Литве войной в случае выбора на трон французского претендента: «А возьмете ли французского, и вы, литва, ведайте, что мне над вами промышлять».¹¹ В то же время Грозный заявил о желательности избрания австрийского эрцгерцога, что позволило бы России заключить с Речью Посполитой вечный мир.¹² Царь и его дипломаты несколько не сомневались в том, что австрийские Габсбурги готовы объединить свои силы с Россией в неизбежной войне с турками, тогда как Генрих Анжуйский, заняв польский трон, «будет другом турецкого султана».

Письменные предложения, разработанные царем, вызвали разочарование сенаторов и шляхты. «Промосковская» партия лишилась шансов на успех.¹³ На польский трон был избран принц Генрих Анжуйский.

Отмена опричнины вернула бывшие опричные уезды под управление земской Боярской думы. Разделению государства на две половины — земскую территорию и «особные» владения царя — опричнину пришел конец. Утратил силу указ об опричнине, облакавший монарха неограниченными полномочиями для борьбы с «изменой». Однако доопричные порядки так и не были возрождены в полном объеме. Опричный двор оказался распущен, но место опричного двора занял его двойник. Единый Государев двор не возродился в том виде, в котором он существовал до опричнины. В разделении «двора» Грозный видел средство укрепления своей единоличной власти.

Для изучения состава реорганизованного двора большое значение имеет ведомость 20 марта 1573 г. Д. Н. Альшиц рассматривает этот документ как список опричного двора Ивана Грозного. Чтобы определить характер и назначение документа, надо установить, при каких обстоятельствах он возник.

После взятия Пайды царь Иван вернулся со своим «двором» в Новгород. С наступлением весны пришло время очередной раздачи жалованья дворянам, и 20 марта царь «пометил» свое жалованье по окладу дворовым людям, находившимся при нем.¹⁴ Список 20 марта 1573 г. являлся простой финансовой ведомостью, значение которой было исчерпано с раздачей жалованья дворовым чинам.¹⁵ Документ не отличается полнотой. В нем отсутствует номинальный глава нового «двора» боярин князь Ф. М. Трубецкой, служивший главным дворовым воеводой в январе 1573 г. и в апреле 1574 г.¹⁶ Список подробно определяет жалованье низшим чинам «дворового» Постельного приказа, но в нем не упомянут глава этого ведомства постельничий Д. И. Годунов, который в качестве «дворового» сопровождал царя в походе 1573—1574 гг.¹⁷ В списке не названы «дворовые» степенные ключники Сытенного приказа, зато помечены их заместители — путные ключники с их штатом.¹⁸

Насколько полно зафиксировала книга 1573 г. состав нового «двора»? А. Л. Станиславский обратил внимание на большую близость содержания книги 1573 г. и росписи «дворового» полка Ивана IV в 1576 г. и на основании их сопоставления сделал вывод, что книга 1573 г. зафиксировала примерно половину всего «особного двора» Грозного.¹⁹ Этот вывод требует некоторого уточнения. При сопоставлении списков 1573 и 1576 гг. следует учитывать факт,

что с образованием удела в 1575 г. власти реорганизовали и значительно расширили «двор».

В 1573 г. он имел традиционную структуру. Его возглавляла «дворовая» дума, которая по своей численности уступала как земской думе, так и думе, управлявшей опричниной. Большим влиянием в «дворовой» думе пользовались Колычевы. Осенью 1573 г. царь пожаловал В. И. Умному-Колычеву высший думный чин боярина.²⁰ Несколько раньше, в конце 1572 г., В. И. Умной получил в царском стане на Яме пост второго дворового воеводы, занимаемый до него Малютой Скуратовым. В руки Умного перешли также сыскные и посольские дела, которыми до того руководил Малюта. В 1573 г. Умной вел переговоры с поляками относительно избрания царя на королевский трон, а в 1574 г. продолжил розыск об измене бояр в пользу Крыма.²¹

Василий Умной добился чина дворового окольного для своего родственника В. Г. Колычева и тем упрочил собственные позиции в «дворовой» думе.²² «Ближний дворянин» М. В. Колычев летом 1573 г. был отправлен в Литву как личный эмиссар царя для участия в избирательном сейме. На «дворовую» службу были приняты бывший руководитель Стрелецкого приказа Г. Г. Колычев, М. В. Колычев (дворовые оклады — 200 руб.), И. Ф. Колычев (100 руб.) и шестеро других Колычевых (оклады от 35 до 70 руб.).²³

После смерти Марфы Собакиной Грозный в апреле 1572 г. взял в жены девицу Анну Колтовскую из незнатной дворянской семьи. Брак длился не более одного-двух лет, после чего Иван IV под предлогом бесплодия отправил жену в монастырь. В пятом браке женой Грозного стала Анна Васильчикова, столь же незнатная дворянка, как и Колтовская. (Братья будущей царицы служили во «дворе» и получали в 1573 г. скромный оклад в 50 руб.).²⁴ Царский свадебный разряд помечен 7083 г. без обозначения месяца. Для более точной его датировки имеют значение следующие факты. Во-первых, помолвка царя с Анной состоялась, вероятно, не позднее лета 1574 г., так как братья царской невесты Васильчиковы уже в 1574 (7082) г. получили громадное поместье в Шелони, владельцем которого до них был виднейший опричник В. Г. Грязной.²⁵ Во-вторых, в разряде участников свадебного поезда записан видный дворовый М. В. Колычев, который был послан для переговоров на шведский рубеж 30 января 1575 г. и там умер 25 мая того же года.²⁶ Очевидно, свадьба состоялась ранее января 1575 г. Но по церковным правилам заключать брак в рождественский пост с 14 ноября до декабря не полагалось. Отсюда следует, что царь играл свадьбу скорее всего в сентябре-октябре 1574 (7083) г.

Грозный отпраздновал ее в узком кругу ближних дворовых людей. Среди гостей было почти два десятка Колычевых. Из этого можно сделать лишь один вывод: новые руководители двора сосватали государю свою родню. На свадебном пиру И. Ф. Колычев с женой были главными друзьями Анны Васильчиковой, а окольный В. Г. Колычев ведал свадебным поездом.

После отмены опричнины в «ближнюю» думу вошел новый царский фаворит Б. Д. Тулупов из рода князей Стародубских. Еще весной 1572 г. он служил оруженосцем в царской свите, а к марту 1573 г. получил думный чин и «дворовый» оклад в 500 руб. (больше, чем в свое время получал М. Л. Скуратов).²⁷ В июле 1573 г. Тулупов именовался с титулом «ближние думы дворянин», а к началу 1574 г. был пожалован в окольные.²⁸ В те же годы он участвовал в ответственных переговорах с Польшей и Данией.²⁹ Тулупов выдал сестру замуж за царского шурина Г. А. Колтовского и благодаря этому породнился с царской семьей.³⁰ Заточение Анны Колтовской в монастырь не сразу отозвалось на карьере Тулупова.

Склонный к зловещим шуткам, царь Иван в начале 1574 г. задал взятым на Пыточный двор боярским холопам вопрос: «Хто из бояр наших нам изменяют: Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский, князь Федор Трубецкой, князь Иван Шуйской?»³¹ Характерно, что царь назвал имена главных вельмож

государства, при этом поставив на первое место руководителей своей дворовой ближней думы.

Помимо Колычевых и Тулупова к составу «дворового» правительства принадлежали Годуновы. Родство с Малютой Скуратовым помогло Д. И. Годунову избежать опалы в конце опричнины. Осенью 1573 г. бывший опричный постельничий получил чин «дворового» окольничего.³²

Особого изучения заслуживает вопрос, до сих пор ускользавший от внимания исследователей. Какие изменения претерпела земельная политика в связи с реорганизацией двора в 1573 г.? Можно отметить любопытную тенденцию. Сразу после отмены опричнины царь спешно перевел многих лиц из своего дворового окружения с их старых поместий в опричнине на новгородские поместья. При этом он испомещал своих слуг не в бывших опричных, а в бывших земских пятинах Новгорода.

М. Скуратов стал владельцем поместий в Шелонской и Водской пятинах. К марту 1573 г. его не было в живых. Но его денежный оклад 400 руб. царь приказал выдать вдове Малюты, записанной в ведомость 1573 г.³³

Сохранившиеся документы свидетельствуют, что принятые на дворовую службу лица чаще всего «менялись» поместьями с владельцами приглянувшихся им новгородских земель. Так, В. Г. Грязной получил «против старого его поместья козельского» (в опричном Козельске) поместное село Дворицы в земской Шелонской пятине. Бывшему владельцу Двориц земскому дворянину С. Г. Лодыгину пришлось перебраться в опричный Козельск. По челобитью В. Грязного, «Семейку Лодыгина пожаловал государь в его оклад в Козельске из Василева помеся Грязного». 10 октября 1572 г. В. Г. Грязной окончательно перебрался на поместье в Шелонскую пятину, где ему принадлежало теперь 2400 четвертей пашни в трех полях.³⁴ В. Г. Грязной оставался на дворовой службе, пока был жив Малюта Скуратов. После смерти Малюты его вычеркнули из дворовых списков, и он лишился шелонского поместья.

Власти свели около десятка шелонских помещиков, чтобы выкроить поместье для дворового окольничего В. И. Умного-Колычева.³⁵ В списке 1573 г. окольничий записан с самым высоким окладом в 600 руб. В. И. Умной перебрался в Шелонскую пятину к февралю 1573 г. Его родня М. В. Колычев (дворовый оклад 200 руб.) получил шелонское поместье 3 августа 1573 г.³⁶ Из писцовой книги Шелонской пятины 1576 г. следует, что шелонским поместьем владел также В. Б. Колычев (оклад 50 руб.).³⁷

Богатейшее шелонское поместье получил 6 февраля 1573 г. Б. Я. Бельский, которому был положен дворовый оклад 250 руб.³⁸ Примерно тогда же шелонским помещиком стал А. В. Бельский (оклад 40 руб.). В писцовой книге Шелонской пятины 1584—1585 гг. он упомянут как бывший шелонский помещик.³⁹

Князь И. С. Городецкий (оклад 200 руб.) был испомещен в Шелонской и Водской пятинах в феврале 1573 г.⁴⁰ Командир дворовых стрельцов С. Артаков имел дворовый оклад «50 рублей в кормление, а за стрелецкое 50 рублей». ⁴¹ 2 августа 1573 г. ему было отведено в Шелонской пятине крупное поместье — более 1320 четвертей пашни.⁴² Б. В. Воейкову был положен оклад 120 руб. Вместе с тремя братьями он получил в Шелонской пятине 2490 четвертей пашни по грамотам от 14 января и 3 августа 1573 г.⁴³ Отдельно от братьев И. В. Большой Воейков (дворовый оклад 15 руб.) получил в той же Шелонской пятине в тот же день 3 августа 1573 г. более 1000 четвертей пашни. Его имя фигурирует в писцовой книге Шелонской пятины 1584—1585 гг.⁴⁴

Бывший опричный дьяк Петр Григорьев избавился от старого поместья в опричном Медынском уезде и к марту 1573 г. получил около 1000 четвертей пашни в Шелонской пятине.⁴⁵

В дворовом списке 1573 г. дворян Скобельцыных числилось 34, из них 8 (Иван Матвеев, Иван Никитин, Петр Иванов, Постник Иванов, Василий Злоказов, Захар, Петр, Андрей) названы в числе шелонских помещиков в

писцовой книге 1584—1585 гг.⁴⁶ В списке 1573 г. помечено 10 человек Косицких. На основании писцовых книг Шелонской пятины 1576 и 1584—1585 гг. можно установить, что поместьями в пятине владели Илья Борисов, Паук Званов Иванов, Михаил Борисов, Богдан Юрьев и Андрей Юрьев Косицкие.⁴⁷ Родной брат Ильи Борисова Ф. Б. Косицкий получил шелонское поместье 14 сентября 1572 г. Дворовые оклады Косицких и Скобельцыных колебались в пределах от 9 до 20 руб.⁴⁸ Из других дворовых детей боярских, получивших жалованье по ведомости 1573 г., шелонскими помещиками были Дмитрий Второй Моклоков, Мосей Борисов и Денис Григорьев Евреевы.⁴⁹

Когда царь решил сделать Вологду своей опричной столицей, он тотчас распорядился испоместить опричников в Вологодском уезде. Нечто подобное произошло и в Новгороде, но в более широких масштабах. В земской половине Новгородской земли получили поместья многие начальные люди «двора».

В ведомости 1573 г. служилые люди разделены на две группы: в первой записано 226 человек, во второй — 445. Относительно второй группы в тексте помечено: «дети боярские, которым государево денежное жалованье з городаы». Особую категорию составляли 1223 мастеровых и лиц из дворцовой прислуги, служивших во дворце по разным ведомствам (Сытный, Конюшенный, Постельный, Бронный приказы). В связи с отменой опричнины штаты дворцовой прислуги были пополнены некоторым числом земцев. Из земского Большого дворца на службу во двор перешел ключник М. Недюрев, возглавивший Сытный дворец. В ведомости 20 марта под заголовком «Сытного дворца» записан «путный ключник» Меншик Недюрев: «Государева ему жалованья в земском 50 рублев, а в опричнине ему оклад не бывал». Второй «путный ключник», бывший опричник В. Матисов, получал вдвое меньший оклад.⁵⁰ В целом штат прислуги и мастеровых не претерпел существенных перемен. Правительство не имело ни малейшей нужды распускать высококвалифицированных мастеров (оружейников, портных, поваров) и набирать невесть где новых, тем более что персональный состав дворовых людей подвергался многократным и тщательным проверкам. В царском архиве в 70-х гг. хранилась в отдельном ящике обширная документация — «сыски родства ключников, и подключников, и сытников, и поваров, и хлебников, и помязов, и всяких дворовых людей».⁵¹

По каким причинам царь взял с собой в Новгород дворцовые приказные ведомства с огромным количеством дворцовой прислуги? В военных походах его всегда сопровождало ограниченное число мастеров и челяди. Отмеченный факт столь же показателен, как и испомещение дворовых чинов в Новгородской земле.

Можно отметить внутренние и внешние обстоятельства, побудившие царя после отмены опричнины связать судьбу «двора» с Новгородом. Распустив опричную гвардию, Грозный жил в страхе, что боярская Москва использует момент для новых интриг против трона. Тем временем война с татарами и турками вступила в критическую фазу, и только в Новгороде монарх чувствовал себя в безопасности. Ожидая татарского нашествия, Грозный отправился в Новгород летом 1572 г. и провел там 11 недель.⁵² 17 августа он уехал в Москву, но, пробыв там менее месяца, вновь вернулся в Новгород. После краткого похода под Пайду Иван IV возвратился туда и был там по крайней мере до конца апреля. В июне, а затем в августе монарх вновь находился в своей новгородской отчине.⁵³

В 1573 г. царь, по-видимому, пытался противопоставить поместный Новгород боярской Москве. Опричный двор отпочковался от Государева двора Московской земли. Лишь в самом конце опричнины в его состав были включены две новгородские пятины. В 1573 г. «двор» не был жестко связан с какой бы то ни было территорией. Наметилась лишь тенденция к превращению бывших земских пятин Новгорода, в свое время жестоко разгромленных опричниками, в опору реорганизованного «двора».

Грозный стал покровительствовать Новгороду через полтора-два года после разгрома. Отправляясь туда в конце 1571 г., монарх выслал перед собой гонца с объявлением, «чтобы новгородцы не боялись от государя ничего». По приказу благочестивого царя лучшие мастера отлили в Слободе «колокол новый» для Новгорода. В самый день завершения работы над колоколом новгородцам явилось небесное видение: «по всему небеси лучи были, аки вода на море ветром колебалось, да ти лучи по всему небеси ходили, всякими цветы, и до света». «И паки, — завершал свой рассказ новгородский летописец, — Господь милосердный свет нам дарова». Прошло полгода, и новый колокол был водружен «на место, на колокольнице во владычне дворе».

Новгородской Софии были возвращены две знаменитые иконы: одна — Спасов образ и другая — святых Петра и Павла, увезенные из города в дни разгрома. Местное духовенство устроило торжественную встречу образам и водрузило святость на старое место в Софии.

Царь основательно устраивался в своей новой резиденции. На Никитской улице чистили государев двор и приводили в порядок хоромы. На Ярославове дворе «у дворца государского» повесили новый колокол «на четырех столбех на переклади». В с. Королево и под Хутынским монастырем поставлены были царские конюшни, в с. Холыни — государева слобода.

Иван IV многократно пировал у владыки и в Юрьеве монастыре, принимал духовенство на своем дворе, а под конец сделал крупные пожертвования в пользу новгородской церкви. Характерно, что царской милости сподобились не самые знаменитые, ограбленные опричниной монастыри, а небольшая Отенская пустынь в окрестностях Новгорода. Монахи получили неслыханно большую сумму денег — более 2600 руб.⁵⁴

Одна за другой с политического горизонта исчезли фигуры, несшие наибольшую ответственность за новгородский разгром. Малюта Скуратов неотступно следовал за царем, куда бы тот ни поехал. Он находился в свите царя в Новгороде летом 1572 г. Последним его «подвигом» явились казни, проведенные там в дни подготовки указа об отмене опричнины.⁵⁵ Четыре месяца спустя Скуратов погиб в Ливонии, после чего репрессии прекратились. Колычевы, возглавившие «двор», потеряли много сородичей в период террора. Невозможно предположить, чтобы советники царя, уцелевшие в опричнину, желали возобновления казней. Тем не менее пауза оказалась непродолжительной. Причиной было то, что с отменой опричнины раздор между монархом и знатью не был преодолен.

В день штурма Пайды царь послал «на пролом» во главе штурмующих отрядов В. Г. Грязного, М. А. Безнина и Р. В. Алферьева, трех опричных думных дворян. «Посылка», связанная со смертельным риском, показывает, что самодержец утратил прежнее расположение к бывшим любимцам. Смерть Малюты внесла большие перемены в состав первого послеопричного правительства. Весной 1573 г. В. Грязной впал в немилость, лишился думного чина и был отослан на Донец против татар.⁵⁶

Будучи в Новгороде в феврале — марте 1573 г., царь вел доверительные беседы с литовским посланником М. Гарабурдой, от которого не сумел скрыть своих страхов и тревог. Сословия Речи Посполитой, заявил Грозный, должны в случае его избрания на королевский трон под присягою принять обязательство «над нами и нашими детьми никакого лиха не учинить, не подносить никоторого иного государя никоторыми бычаями, ни в иное государство (его, царя. — Р. С.) не выдать, никоторой хитрости не сделать».⁵⁷ Грозный был уверен, что бояре хотели выдать его королю в 1567 г. и опасался возникновения аналогичной ситуации в Польше. Через несколько месяцев после свидания с Гарабурдой Иван отправил в Литву письменные условия своего избрания, в которых вернулся к вопросу, остававшемуся источником его постоянных страхов. Монарх требовал, чтобы сенаторы и шляхта приняли обязательство, если «по грехом для которого случая учинится какой мятеж промеж государем и

землю и вражда, а будет по грехом то уставится на смирение не возможет», сенаторы отпустят царя и его детей «на Московское государство без всякой зачепки и израды (измены)». ⁵⁸

Приведенные строки были написаны в дни, когда «промеж государем и землею» Русской опять «учинилась» вражда.

Одним из самых темных и необъяснимых эпизодов эпохи Грозного был суд над прославленным воеводой князем М. И. Воротынским, открывший новую страницу в истории раздоров царя с «землей».

Весной 1573 г. Разрядный приказ направил на Оку для отражения ожидавшегося вторжения татар главных воевод. Ключевые командные посты получили те же лица, которые разгромили Орду годом ранее. Главнокомандующим стал первый воевода большого полка М. И. Воротынский, воеводой полка правой руки — Н. Р. Одоевский. Заместителем Воротынского числился боярин М. Я. Морозов. ⁵⁹ С. Б. Веселовский писал, что трое названных воевод вышли на береговую службу, а затем все трое были казнены за какую-то несомненно служебную провинность. ⁶⁰ Приведенное мнение не согласуется с фактами. М. Я. Морозов был ранен в Ливонии и к месту назначения в Серпухов прибыть не мог. «Михайлы Морозова, — значится в Разрядных книгах, — на той службе (на Оке. — Р. С.) не было, толко в Разряде написан: тово же лета он казнен». ⁶¹ Отсутствие Морозова в полках начисто опровергает версию, будто трое старших воевод допустили какую-то служебную провинность на границе.

Ко времени похода на Оку положение Воротынского было столь шатко, что воевода сторожевого полка В. Ю. Голицын, не имевший боярского чина, затеял с ним местническую тяжбу. Царь, вместо того чтобы одернуть младшего воеводу, дал ему 11 июля 1573 г. невместную грамоту. В июле-августе Голицын вернулся в Москву, но Воротынский и Одоевский были уже «з берегу взяты» в царской опале.

Воротынские принадлежали к числу немногих удельных князей России, сохранявших родовые владения на протяжении нескольких поколений. В середине XVI в. их удел подвергся дроблению. Отчуждение в казну выморочной трети княжества — владений В. И. Воротынского стало одной из главных причин конфликта членов этой семьи с монархом. Выходцы из Польско-Литовского государства Воротынские сохранили связи со своей литовской родней. Грозный подозревал их в тайных сношениях с королем. В 1562 г. князья Михаил и Александр Воротынские были отправлены в ссылку, а их удел ликвидирован. После введения опричнины Иван IV в 1566 г. вернул М. И. Воротынскому Новосильско-Одоевский удел, стремясь примириться с земщиной. Год спустя король послал князю Михаилу тайную грамоту с предложением возглавить мятеж против тирана. Его обращение скомпрометировало удельного князя в глазах подозрительного монарха. В разгар суда над конюшим И. П. Федоровым в удельный город Одоев был прислан опричный воевода А. И. Колодка-Плещеев с войском. ⁶² Родовые владения М. И. Воротынского располагались на границах с Литвой, и Грозный вторично заподозрил удельного князя в намерении отъехать к королю. В результате принудительного обмена князь Михаил лишился Новосильско-Одоевского удела, получив взамен Стародубское княжество, а также крупные волости в Поволжье.

М. И. Воротынский вступил во владение Стародубом в феврале 1569 г. ⁶³ После разгрома Крымской орды в 1572 г. Иван IV вернул князю Михаилу в знак признания его выдающихся военных заслуг высший боярский титул «слуги». Фактически Воротынский стал главным руководителем Боярской думы. Выше него в думе «сидел» один князь И. Ф. Мстиславский. Но этот последний признал себя виновником сожжения Москвы татарами, из-за чего лишился всякой популярности и авторитета в стране.

Летом 1572 г. умер Сигизмунд II Август. Вслед за тем в Москве стало известно о проекте избрания царя на королевский трон. Московский самодер-

жец не имел более оснований бояться литовской интриги и заговоров бояр в пользу короля. В таких условиях Грозный решил вернуть М. И. Воротынскому часть его родовых владений на литовской границе. В ноябре-декабре 1572 г. князь Михаил поместил в своем завещании, что государь жалует ему город Перемышль, а Стародуб Ряполовский отходит в казну.⁶⁴ Все это произошло за несколько месяцев до гибели удельного князя, и нет уверенности в том, что он успел фактически вступить во владение Перемышлем. Обмен земель был делом длительным. Надо было провести опись владений и составить меновные грамоты. Трудности усугублялись тем, что Перемышль находился под юрисдикцией опричнины. Между тем ликвидация опричных порядков и роспуск опричной гвардии требовали времени. В царское завещание 1572 г. пункт о передаче Воротынскому Перемышля так и не был включен.

Последняя опала постигла М. И. Воротынского в период его наивысших успехов. Воевода находился в зените славы. О причинах царского гнева на него и его сотоварищей конкретно ничего не известно.

Курбский передает, будто Воротынского оболгал его беглый холоп, вдобавок обокравший господина.⁶⁵ Не подлежит сомнению, что Грозный охотно использовал для расправы с боярами холопские доносы. В январе 1574 г. холоп Мстиславского, вышедший из крымского плена, под пыткой показал, якобы «про князя Ивана про Мстиславского и про князя Михаила Воротынского в Крыму от мурз слышал, что они перед тобою, государем, не прямят, изменяют и в Крым ссылались...». Его показания подтвердил другой слуга Мстиславского, назвавший даже имена мурз, от которых он слышал о тайной переписке бояр с ханом. Далее боярский холоп поведал, будто «по зиме» перед вторым приходом татар к Москве в 1572 г. Мстиславский, Воротынский и Шереметевы послали к крымскому царю грамоту, «чтобы царю идти на твои государевы украины поране к Москве для того, что люди твои государевы не собрались, а царю бы в ту пору придти».⁶⁶ Показания холопов были получены под пыткой через несколько месяцев после казни Воротынского и поражали своей абсурдностью: Воротынскому, разгромившему Орду, предъявляли обвинение в измене в пользу хана.

Грозный не заболел о правдоподобии обвинений. В 1573 г. в письме в Кирилло-Белозерский монастырь он во всеуслышание заявил, что монахам не следует жалеть Ивана Большого Шереметева, поскольку «братия его и ныне не престанут в Крым посылать, да бесерменство на христианство наводить».⁶⁷ В том же письме Грозный недвусмысленно грозил наказанием знаменитой боярской семье: «А што (мне. — *Р. С.*) на Шереметевых гнев держати, ино ведь есть его братия в миру, и мне есть над кем опала своя положитьи».⁶⁸ Холопы Мстиславского несколько месяцев спустя показали: «Изменяют тебе, государь, бояре Иван [Меньшой] Шереметев да брат его Федор...»⁶⁹

Цель фальсифицированных обвинений против бояр состояла в том, чтобы иметь возможность в любой момент арестовать оговоренных, держать думу в постоянном страхе.

По царской «милости» Шереметевы избежали наказания, невзирая на трусость Федора Шереметева, проявленную в битве с татарами. А Воротынский и Одоевский были взяты под стражу. Грозный лично руководил розыском об их измене. Он велел жечь Воротынского на медленном огне и жезлом подгрел под него горящие угли. После завершения розыска правительство не решилось казнить воеводу и распорядилось сослать его на Белоозеро. Однако престарелый боярин, измученный пыткой, не доехал до Белоозера и умер в пути.⁷⁰

Царь не разрешил похоронить М. И. Воротынского в семейном склепе в Кириллове, и опального погребли в Кашине.⁷¹

Незадолго до смерти Михаила Воротынского царь сделал резкий выговор старцам Кирилло-Белозерского монастыря, позволившим воздвигнуть церковь над могилой похороненного там Владимира Воротынского. Имена «изменников»

Воротынского и Шереметевых вызывали одинаковое раздражение самодержца: «Ино над Воротынским церковь, а над чудотворцом нет, — писал он. — ...И на страшном Спасове судиши Воротынской да Шереметев выше (чудотворца Кирилла. — *Р. С.*) станут...»⁷²

Казнь Воротынского привела к ликвидации его фактических владений, после чего царь записал в завещании, что передает сыну Ивану «город Стародуб Ряполовский, да волость Мошок, село Княгинино, что было за Воротынским, в Нижегородском уезде».⁷³

В отличие от Воротынского и Морозова, служивших в земщине, Н. Р. Одоевский был принят на опричную службу. Но и это обстоятельство не спасло ему головы. По Разрядам, Воротынский и Одоевский «с берегу взяты и казнены смертию, да с ними же казнен Михайло Морозов».⁷⁴

Некоторое время спустя царь в опале отозвал из армии воеводу князя Д. И. Хворостинина, посланного против казанцев. Трое воевод — Воротынский, Одоевский и Хворостинин разгромили крымского хана в 1572 г., между тем как Иван IV трусливо прятался в Новгороде. Монарх так и не простил им пережитого унижения. Из трех воевод один Хворостинин обладал подлинным военным талантом. Самодержец не мог обойтись без его услуг, что и спасло его от казни.

Кто инспирировал новые репрессии, не ясно. Одним из тех, кто способствовал новому взрыву насилий, был, по-видимому, А. Ф. Нагой. Он не принадлежал к плеяде деятелей, выдвинувшихся в опрочине. Еще до ее учреждения Нагой уехал с посольским поручением в Крым и пробыл там десять лет. Будучи в Крыму, этот земский дворянин в знак особой милости заслужил в июне 1571 г. жалованье «из оприщины», что было случаем беспрецедентным в тогдашних условиях.⁷⁵ Эту награду никак нельзя объяснить дипломатическими успехами посла, ибо ее выдали на другой день после сожжения татарами Москвы. Но пожалование точно совпало с началом следствия о заговоре Мстиславского и других бояр в пользу Крыма. Когда в ноябре 1573 г. А. Ф. Нагой вернулся из Крыма, розыск о крымском заговоре тотчас же возобновился. По доносу посла были арестованы вернувшиеся из татарского плена холопы Мстиславского, после чего царь с Боярской думой приговорили «по Офонасьевы Нагово с товарищи речем княж Ивановых людей Мстиславского... разпросить подлинно и пыткой пытаться...».⁷⁶ Под пыткой холопы подтвердили версию об измене в пользу Крыма главнейших руководителей земщины. За верную службу А. Ф. Нагой был принят во «двор» и к концу 1574 г. получил от царя чин «дворянина ближней думы».⁷⁷

Политика Грозного в отношении удельных княжеств не отличалась последовательностью. Так, обвинения в государственной измене не повлекли за собой конфискации Юхотского удела Мстиславского. Казнив двоюродного брата, князя Владимира, самодержец пощадил его сына княжича Василия Владимировича и дочерей, родившихся от брака с Нагой. Измена Владимира Андреевича в пользу польского короля отступила в тень с тех пор, как король умер, а врагом номер один для Русского государства стал крымский хан, нашедший «сообщников» в лице бояр. Подозрений насчет ссылки Василия Владимировича с Крымом не могло возникнуть. Царский посол в Крыму А. Ф. Нагой, раздувший дело о боярской измене, доводился князю Василию ближайшим родственником. Матерью удельного князя была Авдотья Нагая, первая жена Владимира Старицкого. Вместе с Владимиром была казнена его вторая жена, родня изменника Курбского.

В конце опричины Грозный, работая над текстом завещания, вспомнил об оставшихся в живых племянниках и упомянул о возможности их пожалования: «а князь Володимерова сына князя Василья и дочери, посмотри по настоящему времени (пожаловати. — *Р. С.*), как будет пригоже».⁷⁸ Стремясь подкрепить родством договор с вассальным ливонским королем Магнусом, царь еще в июне

1570 г. объявил о помолвке с ним своей племянницы Евфимии Старицкой. Племянница умерла во время чумы. Тогда монарх сосватал Магнусу Марию Старицкую. Некоторое время спустя в Александровской слободе была пышно отпразднована свадьба княжича Василия Старицкого с княжной Марией Мезецкой, а в апреле 1573 г. Иван IV выдал сестру княжича Марию Старицкую за Магнуса. Свадьбу праздновали в Новгороде. Летописи сохранили предание о том, что свадьба в Слободе закончилась «великим срамом и поруганием», государь выслал невесту Марию Мезецкую из Слободы в одной сорочке, и она умерла от холода, а жених был убит. Свадебные разряды обнаруживают недостоверность этого предания. На свадьбе сестры в Новгороде в апреле 1573 г. Василий Владимирович сидел «в отца место», а его жена Мария Мезецкая — «в материно место».⁷⁹ Грозный не только не казнил племянника, но вернул ему отцовскую вотчину.

С. Б. Веселовский считал недостоверным сообщение о передаче Василию Старицкому удела, объясняя это сообщение наличием у царя каких-то неосуществленных проектов.⁸⁰ О возрождении удела княжича Василия сообщают две летописи. В одной из них под 7081 г. читаем: «князь великий князя Василия Володимировича пожаловал, дал ему отца его город Дмитров». В московском Пискаревском летописце среди известий 7080 г. сказано: «того же году пожаловал князь великий князя Василия Володимировича Дмитровом».⁸¹ Эти данные не поддаются проверке ввиду того, что одна из летописей почти дословно повторяет другую. В пользу достоверности их можно привести два момента: казнив брата, Грозный пощадил племянника, а в завещании упомянул о возможном его пожаловании. Какими целями и задачами руководствовался царь, возрождая Дмитровский удел, сказать невозможно. Надо заметить, что Иван, обладая своенравным и капризным характером, в то же время легко поддавался внушениям фаворитов. Следуя советам А. Ф. Нагого, Грозный в конце жизни женился на его племяннице Марии Нагой, сыну которой пожаловал Угличское удельное княжество.

Дмитровский удел Василия Старицкого оказался недолговечным. Князь не отличался крепким здоровьем и умер не позднее 1574 г., не оставив наследника.

Отмена опричнины мало что изменила во взаимоотношениях царя с Боярской думой. Грозный не видел иного средства держать бояр в послушании, кроме страха и запугиваний. Его опалы и милости не поддавались объяснению с точки зрения здравого смысла и логики. Воротынский, разгромивший татар, был отстранен от руководства земщиной и физически уничтожен. Мстиславский, опозоренный перед народом как виновник сожжения Москвы, остался главой земской думы. Очевидно, Иван IV предпочитал держать руководителем земщины человека, полностью скомпрометированного, а потому и покорного ему. В январе 1574 г. дознание об измене Мстиславского в пользу Крыма было возобновлено, и вновь царь прекратил дело, покрыв его «вину» своей милостью.

Ни полная покорность, ни лесть окружающих не могли заглушить страх Грозного перед тайной боярской крамолой. Как человек благочестивый, государь даже готов был видеть в «измене» бояр наказание за грехи. «...По грехом моим учинилось, — писал он Василию Грязному в 1574 г., — и нам того как утаити, что отца нашего и наши князи и бояре учили нам изменяти...»⁸²

В дни опричнины царь через А. Дженкинсона просил королеву Елизавету о предоставлении ему убежища в Англии. В связи с подготовлявшейся отменой опричнины Иван IV уведомил посла о прекращении переговоров по этому поводу. Однако летом 1574 г. тайные переговоры с английским двором были возобновлены. Пригласив к себе английского гонца Д. Сильвестра, Грозный заявил, что желает заключить с королевой специальный договор, который бы определял условия его приема и проживания в Англии. Самодержец требовал утверждения договора королевским советом.⁸³

Одним из столпов земского правительства был посольский дьяк А. Я. Шелкалов, возглавлявший иерархию приказных чинов. Его преданность царю казалась безграничной. Однако в день смерти Ивана он выдал свое подлинное отношение к нему. Не скрывая торжества, «канцлер» объявил королевскому послу, что «английский царь помер!».⁸⁴

Дворовое правительство, пришедшее на смену опричнине, управляло страной не более трех лет. Первые признаки раздора внутри дворцового руководства обнаружилось уже в августе 1574 г., когда окольный Д. И. Годунов попытался тягаться о местах с боярином В. И. Умным.⁸⁵ Спустя год произошло решительное столкновение между Борисом Годуновым, новым фаворитом царя, и впавшим в немилость окольным Б. Д. Тулуповым. Царь велел конфисковать у Тулупова его старицкую вотчину и отдать ее Годунову «за бесчестье».⁸⁶

Подлинное судное дело Тулупова не сохранилось, но на его основании составлена была следующая документальная запись синодика опальных царя Ивана Грозного: «Князя Бориса Тулупова, князя Володимера, князя Андрея, князя Никитой Тулуповы, Михайлоу Плещеев, Василиа Умной, Алексея, Федора Старово, Ориноу Мансурова, Федора, Семена Сунбуловы, Якова Мансурова, Григорья, Александра Колтовские». Эти лица перечислены в одном поминальном списке не случайно: все они принадлежали к дворцовому окружению царя и занимали видное положение в дворцовой иерархии. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить поминальный список синодика с царским свадебным разрядом осени 1574 г. На свадьбе Грозного с Васильчиковой на скамье возле молодых сидели В. И. Умной, князь Б. Д. Тулупов, А. М. Старой, в мыльне с царем мылся Ф. В. Старой, с платьем были князья А. В. и Н. В. Тулуповы, «боярыней» царицы была жена А. Мансурова, свахой — жена И. Мансурова и т. д.⁸⁷

Положение Колычевых стало шатким к весне 1575 г. В то время В. И. Умной пожертвовал деньги на помин души в Троице-Сергиев монастырь. Тогда же братья царицы Анны Васильчиковы пожертвовали одинаковую сумму в эту обитель на устроение своей души.⁸⁸ В 7083 г. (не позднее августа 1575 г.) В. И. Умной лишился в опале шелонского поместья, а Б. Д. Тулупов — старицкой вотчины.⁸⁹

Точную дату гибели руководителей «дворцовой» думы позволяет установить документальная запись кормовой книги Иосифо-Волоколамского монастыря по поводу вклада Бориса Годунова. Тотчас после смерти Грозного Борис «по слову» благочестивого царя Федора пожертвовал старицкую вотчину с. Неверово, отданную ему «за бесчестье» при опале Тулупова, в Иосифо-Волоколамский монастырь. Этот вклад должен был обеспечить вечное поминание В. И. и Ф. И. Умных, князя Б. Д. Тулупова и матери последнего, замученной вместе с ним. Поминали «убиенных» 2 августа. В этот день, видимо, и погибли названные лица.⁹⁰

По словам Д. Горсея, царский фаворит князь Борис Тулупов был уличен в заговоре против монарха и в сношениях с опальной знатью.⁹¹

Впавшему в немилость фавориту Б. Д. Тулупову была уготована страшная казнь. Его посадили на кол. Погибли также мать Б. Д. Тулупова и двое его двоюродных братьев Андрей и Никита Владимировичи. Семья Тулуповых была издавна связана с Новгородским Софийским домом. Главный боярин новгородского архиепископа Пимена Андрей Васильевич Тулупов был казнен опричниками с женой и детьми по новгородскому делу в 1570 г. Все уцелевшие члены семьи Тулуповых погибли пять лет спустя. Княжеский род был искоренен.

Родство с Тулуповым обернулось трагедией для Колтовских. Царский шурин Г. А. Колтовский, женатый на двоюродной сестре Б. Д. Тулупова, впал в немилость после заточения в монастырь царицы Анны Колтовской, а затем был убит вместе с А. К. Колтовским, видимо, по одному делу с Б. Д. Тулуповым.

Гонения затронули бывших опричных приказных. В числе убитых синодик называет А. Старого-Милюкова, возглавлявшего опричную администрацию Новгорода в 1571 г. Некоторые из «изменников» служили в дворецком Постельном приказе. Убитый Я. Д. Мансуров служил царским постельником в 1573 г. Ф. М. и С. М. Сунбуловы в 1574 г. — «сторожами» по тому же ведомству.⁹² Дворцовому правительству предстояло умиротворить государство, потрясенное опричниной, но эта задача оказалась ему не под силу. Трехлетний голод и чума положили начало «великому разорению», длившемуся до конца правления Грозного. Упадок городов привел к упадку торговли. Поступления денежных средств в казну сократились.

Дворовая дума столкнулась с финансовым и политическим кризисом. Отмена опричнины не устранила проблем, порожденных террором и земельными конфискациями. Бывшая опричная знать негодовала на царя не меньше земской. Земельные отношения оказались запутанными до крайности. Прощенные ссыльные и землевладельцы, изгнанные из опричных уездов, надеялись получить прежние владения, но удовлетворить всех не было никакой возможности. Дети боярские из распущенного опричного войска не сразу привыкли к утрате привилегий, земельных и денежных надбавок.

Боярская дума тщетно надеялась на то, что отмена опричнины восстановит правопорядок в стране и оградит думных людей от незаконных казней. Самодержец и его дворецкое правительство не могли править страной, не прибегая к репрессиям. Жертвами возобновившихся гонений стали некоторые из руководителей двора. Первое послеопричное правительство пало под ударами внутренних раздоров.

¹ Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 88.

² Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 322; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. Вып. 1. С. 206.

³ Разрядная книга 1550—1636 гг. Вып. 1. С. 207.

⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 325—326; Разрядная книга 1550—1636 гг. Вып. 1. С. 208; *Новодворский В.* Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитой (1570—1582). СПб., 1904. С. 14.

⁵ *Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 17; Разрядная книга 1559—1605 гг. С. 95.

⁶ *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 434.

⁷ Сб. РИО. Т. 71. С. 676.

⁸ Там же. С. 802.

⁹ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978. С. 39.

¹⁰ Там же. С. 53—59.

¹¹ Там же. С. 54—56, 58.

¹² *Historia Russiae Monumenta.* СПб., 1841. Т. 1. С. 239—240, 242.

¹³ *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 89—90.

¹⁴ Жалованье дворянам в конце XVI — начале XVII в. раздавали обычно к Благовещенью, т. е. к 26 марта (см.: АИ. Т. 2. № 355. С. 423).

¹⁵ А. Л. Станиславский привел дополнительные аргументы в пользу мнения о том, что список 1573 г. был книгой раздачи денежного жалованья (*Станиславский А. Л.* Книга раздачи денежного жалованья 1573 г. // История СССР. 1976. № 4. С. 139).

¹⁶ Разряды. Л. 467 об., 490 об.

¹⁷ Там же. Л. 467, 491.

¹⁸ Альшиц. Новый документ. С. 51, 55, 58; *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 74, 77, 80.

¹⁹ *Станиславский А. Л.* Книга раздачи денежного жалованья. С. 140.

²⁰ Разряды. Л. 473 об.; ЦГАДА. Ф. 123. Крымские дела. № 14. Л. 192.

²¹ Чтения ОИДР. М., 1912. Кн. 2. Отд. III. С. 33; ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 192—195 об. В октябре 1571 г. М. Скуратов расспрашивал вернувшегося из Крыма гонца об измене К. Тишенкова и «ссылке» других лиц с крымцами (ЦГАДА. Ф. 123. № 14. Л. 27).

²² ЦГАДА. Ф. 58. Дела Датского двора. № 2. Л. 134; ДРВ. Т. 20. С. 53; Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1. С. 12.

- ²³ Альшиц. Новый документ. С. 20—22.
- ²⁴ Там же. С. 21.
- ²⁵ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 78.
- ²⁶ Известия русского генеалогического о-ва. Вып. 1. С. 12; Сб. РИО. Т. 129. С. 282—325.
- ²⁷ Альшиц. Новый документ. С. 20.
- ²⁸ *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию... Прил. С. 8; Разряды. Л. 49 об. Следствием высокого положения Тулупова было зачисление на дворовую службу ближайших его родственников — князей И. В., А. В. и Н. В. Тулуповых с дворовыми окладами 200, 25 и 17 руб. (Альшиц. Новый документ. С. 20—22).
- ²⁹ *Новодворский В. В.* Борьба за Ливонию... Прил. С. 8; ЦГАДА. Ф. 53. Книги Датского Двора. № 2. Л. 167, 184.
- ³⁰ Новгородские летописи. С. 118.
- ³¹ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. III. С. 29.
- ³² Разряды. Л. 467 об., 491 об. Стараниями Д. И. Годунова на дворовую службу были приняты Б. Ф. и А. Я. Годуновы. Судя по окладам (50 руб.), они на первых порах занимали довольно скромное положение при новом дворе (Альшиц. Новый документ. С. 21).
- ³³ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1909. Т. 2. Ч. 2. С. 320.
- ³⁴ Там же. Т. 1. Ч. 2. С. 53—54, 101—102.
- ³⁵ Там же. С. 59, 65, 67—68.
- ³⁶ Там же. С. 59.
- ³⁷ НПК. Т. 5. С. 626.
- ³⁸ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 60—61.
- ³⁹ Там же. С. 79; *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских в XVI в. // Зап. Русского геогр. о-ва. СПб., 1853. Кн. 8. С. 117.
- ⁴⁰ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 61, 62, 66.
- ⁴¹ Альшиц. Новый документ. С. 21.
- ⁴² *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 70—72.
- ⁴³ Там же. С. 58—59, 72—73.
- ⁴⁴ Там же. С. 73—74.
- ⁴⁵ Там же. С. 76—77.
- ⁴⁶ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских... С. 102—104, 111, 117, 119; Альшиц. Новый документ. С. 23, 25—28.
- ⁴⁷ НПК. Т. 5. С. 629—630, 676, 685, 600; *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских... С. 102.
- ⁴⁸ *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 45.
- ⁴⁹ *Неволин К. А.* О пятинах и погостах новгородских... С. 113, 114; НПК. Т. 5. С. 596, 605—607.
- ⁵⁰ Альшиц. Новый документ. С. 51.
- ⁵¹ Описи царского архива. С. 39.
- ⁵² Новгородские летописи. С. 121.
- ⁵³ 19 июня 1573 г. польский гонец Тарановский был направлен с границы к Ивану IV в Новгород. В августе 1573 г. царь слал грамоты из Новгорода в полки (*Новодворский В.* Борьба за Ливонию... С. 17; Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 344).
- ⁵⁴ Новгородские летописи. С. 110—121.
- ⁵⁵ Там же. С. 119—120.
- ⁵⁶ Поместье Грязного было пущено в раздачу 20—30 марта 1573 г. (*Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 77—78; Разрядная книга 1550—1636 гг. Вып. 1. С. 213).
- ⁵⁷ *Historia Russiae Monumenta.* Т. 1. С. 242.
- ⁵⁸ Цит. по: *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 63—64.
- ⁵⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 338—339.
- ⁶⁰ *Веселовский С. Б.* Последние уделы Северо-Восточной Руси // Изв. 1947. Т. 22. С. 114.
- ⁶¹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 341, 349.
- ⁶² О назначении земских и опричных воевод в удельные города см.: Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 1. С. 141, 179, 198, 212, 231, 236, 239, 247.
- ⁶³ *Кольчева Е. И.* К проблеме источниковедческого изучения завещания Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков. М., 1990. С. 129.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Курбский. Сочинения. С. 288.
- ⁶⁶ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. 2. С. 30—31.
- ⁶⁷ Послания Ивана Грозного. С. 191.
- ⁶⁸ Там же. С. 178.
- ⁶⁹ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. 2. С. 29—30.
- ⁷⁰ Курбский. Сочинения. С. 289.
- ⁷¹ *Никольский Н. К.* Когда было написано обличительное послание в Кирилло-Белозерский монастырь // Христианское чтение. 1907. С. 5.
- ⁷² Послания Ивана Грозного. С. 173.
- ⁷³ ДДГ. С. 437.
- ⁷⁴ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 341.

⁷⁵ *Садиков П. А.* Опричник и царь//Века. Пг., 1924. С. 60.

⁷⁶ Чтения ОИДР. 1912. Кн. 2. Отд. 2. С. 28.

⁷⁷ В качестве думного дворянина А. Ф. Нагой вел переговоры с датским послом (декабрь 1574 г., июнь 1575 г.) и с австрийцами (январь 1576 г.). Осенью 1574 г. он был «в поезде» вместе с другими ближними людьми на свадьбе царя с Анной Васильчиковой (Щербачев. Копенгагенские акты. Вып. 2. С. 169; Разряды. Л. 508 об.; Известия Русского генеалогического общества. Вып. 1. С. 12).

⁷⁸ ДДГ. С. 442.

⁷⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 329.

⁸⁰ *Веселовский С. Б.* Последние уделы Северо-Восточной Руси. С. 109—110.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 34. С. 192; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в.//ИЗ. 1941. Т. 10. С. 92.

⁸² Послания Ивана Грозного. С. 193.

⁸³ *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 159.

⁸⁴ Отчет посла Е. Боуса//Чтения ОИДР. 1884. Кн. 4. С. 101.

⁸⁵ Отрывок местнического дела между Д. И. Годуновым и В. И. Умным//ЦГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ: Столбцы Московского стола. Д. 335. Стб. 2. Начало местнического дела утрачено, столбец не имеет даты. Однако имеющаяся в тексте помета (12 августа) позволяет точно датировать документ. В августе 1573 г. Умной еще не имел боярского чина, а в августе 1575 г. его уже не было в живых. Следовательно, местнический спор произошел в августе 1574 г.

⁸⁶ АФЗХ. № 374. С. 422.

⁸⁷ Известия русского генеалогического общества. Вып. 1. С. 8—13.

⁸⁸ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 121.

⁸⁹ *Самоковасов Д. Я.* Архивный материал. Т. 1. Ч. 2. С. 65—66, 59; АФЗХ. № 374. С. 422.

⁹⁰ ЦГАДА. Ф. 181. № 141. Л. 91.

⁹¹ Горсей. Путешествия. С. 99.

⁹² Разряды. Л. 487 об., 491 об.

СИМЕОН БЕКБУЛАТОВИЧ

Осенью 1575 г. царь Иван Васильевич Грозный неожиданно для подданных во второй раз объявил об отречении от престола, удалился в «удел», а на трон посадил служилого хана Симеона Бекбулатовича, который княжил на Москве целый год.

«Вокняжение» Симеона представляло загадку как для современников, так и для исследователей. В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов усматривали в этом кратковременном княжении некий «политический маскарад»,¹ какую-то игру или причуду, смысл которой был неясен, а политическое значение ничтожно²

С. М. Середонин и Л. М. Сухотин пришли к выводу, что события 1575—1576 гг. были связаны с возвратом к опричнине.³ На ту же точку зрения встал Я. С. Лурье.⁴ П. А. Садиков искал объяснения загадки Симеона во внешнеполитических расчетах Грозного. По словам исследователя, царь отдал московскую корону служилому хану, чтобы добиться избрания на польский трон.⁵ Предположение П. А. Садикова нашло поддержку у Г. В. Вернадского.⁶

С. М. Каштанов высказал мнение, что внешнеполитические расчеты сыграли некоторую роль в выдвижении Симеона, но они связаны не столько с избирательной кампанией в Польше, сколько с русско-крымскими отношениями.⁷ Основные причины явления С. М. Каштанов справедливо видел во внутренних политических трудностях. Передача трона Симеону вызвана была не одними только причудами царя Ивана. В качестве основной предпосылки она имела такой факт, как недостаточная степень централизации государственной власти. Грозный должен был маневрировать, чтобы создать картину дробления власти, впечатление уступок старине и традиции, ибо княжеско-боярская верхушка и церковь не могли сразу примириться с фактом единовластия монарха. «Поставление» Симеона, будучи формой политического маневрирования, не было ни экстравагантной, ни неожиданной или необдуманной мерой, хотя конкретные причины этого шага недостаточно ясны.⁸

В. И. Корецкому удалось найти в источниках упоминание о соборе 1575 г., созванном в Москве перед отречением Грозного в пользу Симеона. По мнению исследователя, «предметом обсуждения Земского собора 1575 г., во всяком случае освященного собора», был вопрос о секуляризации церковных земель и отречение царя Ивана IV «сопровождалось ликвидацией жалованных грамот духовным феодалам».⁹ В поздних работах В. И. Корецкий отказался от первоначальной гипотезы и высказал мысль о частичном возрождении опричных порядков в период «правления» Симеона. Этому автору принадлежат ценные наблюдения относительно территориального состава «удела» Грозного в 1575—1576 гг. Анализируя политические предпосылки «второго издания» опричнины, В. И. Корецкий выдвинул предположение о выступлении на Земском соборе осенью 1575 г. феодальной оппозиции в составе удельно-княжеской

аристократии, высшего духовенства и бывших опричников. Выступление побудило Грозного вернуться к опричным методам управления страной. Он вновь разделил страну на удел и земщину. Во главе земщины был поставлен служилый хан Симеон Бекбулатович. Вслед за тем власти жестоко расправились с недовольными. Земский собор, ставший ареной ожесточенной внутриклассовой борьбы, явился, таким образом, непосредственным прологом «второго издания» опричнины. Проводя новый курс, власти придавали важное значение концентрации денежных и военных средств для похода в Ливонию и быстрого завершения войны. Определенное влияние на правительственные мероприятия оказали, по мнению В. И. Корецкого, литературные образцы. Мысль о «вокняжении» Симеона царь мог почерпнуть из известной ему восточной легенды «Жития Варлаама и Иоасафа».¹⁰

В пользу гипотезы В. И. Корецкого о Земском соборе высказался американский историк Д. Калпеппер.¹¹ С возражениями выступили Н. И. Павленко и А. А. Зимин. Первый оспорил аргументы В. И. Корецкого относительно созыва Земского собора осенью 1575 г.¹² Второй предложил новое толкование событий 1575—1576 гг. По мнению А. А. Зимина, «княжение» Симеона было своеобразной «антиопричниной»: поднявшаяся волна репрессий обрушилась на старую опричную гвардию. «Борясь с опричниной, провозглашая возврат к удельным порядкам, — пишет А. А. Зимин, — Грозный одновременно использовал уже скомпрометировавшие себя опричные приемы властвования (выделение особой территории, систему устрашающих казней, план перебора людшек)».¹³

Можно установить, что прологом к отречению Грозного и «вокняжению» Симеона Бекбулатовича явилось падение «дворового» правительства, возглавлявшегося В. И. Умным-Колычевым и Б. Тулуповым. Розыск о заговоре высших «дворовых» чинов из царского окружения положил начало более широкому расследованию, затронувшему Новгород, а затем и все государство. Второе новгородское дело началось после ареста Елисея Бомеля, подвизавшегося при царском дворе в роли придворного медика и политического советника.¹⁴ На Руси иноземца и еретика считали колдуном и обвиняли во всевозможных преступлениях. Бомелей приобрел большое влияние на Грозного, впервые познакомив его с астрологией. Составленные иноземцем гороскопы сулили царю всевозможные беды, но открывали также и пути спасения.¹⁵

Бомелей лечил царскую семью и ближних «дворовых» бояр. Казнь членов «дворового» руководства не могла не отразиться на его судьбе. Астролог, решив, что пора позаботиться о собственном спасении, предпринял попытку бежать из России. Он взял на имя своего слуги подорожную для поездки в Ригу и отправился на границу, предварительно зашив в подкладку платья все свое золото. В Пскове его схватили как подозрительного иноземца и в цепях отправили в Москву.¹⁶ Начался розыск, положивший начало второму новгородскому делу. По свидетельству английского мемуариста Д. Горсея, героями вновь открытого заговора были помимо самого Бомеля новгородский архиепископ и некоторые другие лица.¹⁷ Ряд моментов указывает на осведомленность Горсея в деле астролога. Воспитанник Кембриджа, прибывший в Москву из Англии, Бомелей был хорошо известен английской купеческой компании, в которой служил Д. Горсей. Гибель доктора, как видно, произвела на молодого Горсея неизгладимое впечатление: ему довелось видеть, как полуживого Бомеля везли с пыточного двора в тюрьму.

Бомелей принадлежал к опричнине, а затем к «двору», поэтому его показания скомпрометировали прежде всего «дворовых» людей, бывших опричников и близких к опричнине церковных иерархов. Русские современники не знали в точности, какую роль сыграл в событиях «немецкий» колдун. Они приписали ему инициативу новых кровавых казней, не зная того, что астролог сам стал жертвой наветов и пыток. «Лютый волхв» Елисей, как записал псковский

летописец, «положил на царя страхование» и «много множества роду боярского взусти убити цареви».¹⁸

При введении опричнины Боярская дума и высшее духовенство облекли царя неограниченными полномочиями для борьбы с боярской «изменой». Отмена опричнины аннулировала эти полномочия. В ходе розыска по делу В. И. Умного, Б. Д. Тулупова, Бомелея и других лиц власти получили сведения об организации нового чудовищного «заговора». Как и прежде, царь и его приспешники увидели спасение в том, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение и пустить в ход террористические средства. Но они не могли не понимать, что любая попытка возродить ненавистные опричные порядки неизбежно встретит сопротивление со стороны высшего органа государства — Боярской думы — и священного собора, непосредственное влияние которых на дела управления возродилось после отмены опричнины.

В 1565 г. Грозный вырвал у думы и священного собора согласие на введение в стране чрезвычайного положения, объявив о своем отречении от престола и использовав поддержку московского посада. Спустя десять лет царь не рискнул вторично обратиться за санкцией к Боярской думе, духовному и прочим сословиям. На этот раз он получил необходимые санкции не от думы, а от лица, поставленного им самим над думой и всей земщиной. Таким лицом был Симеон Бекбулатович.

В 1575 г. «в осень, — значится в Разрядных книгах, — посадил государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси на великое княжение на Москве великого князя Семиона Бекбулатовича...».¹⁹

Подлинное влияние служилого татарского хана в Боярской думе, этом представительном органе боярской аристократии, было, по-видимому, невелико. Крещеный татарин не обладал достаточным авторитетом для единоличного решения дел от имени думы и земщины. Чтобы разрешить подобное затруднение и сохранить видимость законности в Русском государстве, Иван IV объявил об отречении от престола в пользу Симеона и наделил хана титулом «великого князя всея Руси», после чего без труда получил у него «разрешение» на введение в стране чрезвычайного положения.

Новоявленный «великий князь» перешел в царский дворец, а Иван покинул Кремль и переехал на Арбат за Неглинную. Там он и поселился в бывшем опричном замке. Отныне Симеон путешествовал по улицам столицы в нарядных царских колымагах, тогда как царь довольствовался возком: «Ездил просто, что бояре, а зимою возница в оглоблех... а как приедет к великому князю Симеону и сядет далеко, как и бояри, а Симеон князь великий сядет в царском месте».²⁰

Церемония передачи власти Симеону носила двусмысленный характер. Татарский хан получил великокняжескую корону.²¹ Русские летописцы отметили, что Иван посадил Симеона на престол «своим произволением».²² Д. Горсей передает, что Иван отказался от царского венца в пользу Симеона, но короновал его без торжественной церемонии и без согласия Боярской думы.²³ Отмена церемонии присяги новому государю в Боярской думе делала по существу незаконным акт коронации Симеона. Неопределенность его положения усугублялась тем, что он занял царский трон, не получив царского титула. Официальные документы неизменно именовали его «великим князем всея Руси».

В январе 1576 г. царь поведал английскому послу, что хотя он и возвел Симеона на трон «и тем обязали себя и других, однако же это дело еще не окончательное, и мы не настолько отказались от царства, чтобы нам нельзя было, когда будет угодно, вновь принять сан и еще поступим... как Бог нас наставит, потому что он (Симеон. — Р. С.) еще не утвержден обрядом венчания и назначен не по народному избранию, но лишь по нашему соизволению».²⁴ Впервые царь объявил английскому послу о «поставлении» Симеона 29 ноября 1575 г. Уже тогда он самым тщательным образом подчеркнул отсутствие у Симеона

каких бы то ни было законных прав на русский трон; в частности, заявил, что передал сан своего правительства «в руки чужеродца, нисколько не родственного ни нам, ни нашей земле, ни нашему престолу».²⁵

Итак, после отречения Грозного в октябре 1575 г. царство осталось без царя, а правителем земщины был объявлен Симеон Бекбулатович с ограниченным титулом «великого князя всея Руси» и без права распоряжаться государственной казной. Поскольку Симеон не получил царского титула, его власть, по видимому, не распространялась на всю территорию России. По наблюдениям С. М. Каштанова, «великому князю» не была подведомственна территория Казанского царства.²⁶

30 октября князь Иван Васильевич Московский со своими детьми подал челобитную на имя государя великого князя Симеона Бекбулатовича всея Руси с просьбой, чтобы тот «милость показал, освободил людишек перебрать, бояр и дворян и детей боярских и дворовых людишек: иных бы еси освободил отослать, а иных бы еси освободил принять...»²⁷ Формально царь требовал от Симеона согласия на «перебор» всех категорий служилых людей, включая бояр. Практически же компетенция «великого князя» была ограничена решением вопросов, относящихся только к одной, самой низшей категории «дворовых» людей. Симеон должен был решить, следует ли удельному князю при «переборе» оформлять «полные» грамоты на дворовых холопов в земском Ямском приказе или же у приказных людей в уделе.²⁸ «Да покажи, государь, милость, — писал Грозный, — укажи свой государьской указ, как нам своих мелких людишек держати: по наших ли диячишков запискам... или велишь на них полные имати?»²⁹ Ничтожность вопроса, предложенного служилому хану, подчеркивала в глазах подданных ограниченность его «великокняжеской власти».

Царская челобитная ставила «великого князя» в явно неравноправное положение по отношению к «удельному князю». Иванец Московский предписывал Симеону не принимать служилых людей, которые «отойдут» из удела, сам же он сохранял за собой право принять любого из подданных «великого князя», кто пожелал бы перейти к нему на службу.³⁰ «Челобитная» Иванца Московского получила практическое осуществление, подтверждением чего служит документ, известный из описей царского архива. «Список... опришнинской, которые всякие люди били челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси от великого князя Семиона во опришнину...»³¹

В своей челобитной Иванец Московский обходил молчанием вопрос о размежевании удельных и великокняжеских владений: Грозный оставлял его целиком на свое усмотрение. Помимо того, Иван IV намеренно составил челобитную так, чтобы создать у подданных впечатление, будто речь шла лишь об очередной реорганизации двора, а не о новом разделе государства на земщину и удел. Бесспорным свидетельством раздела являются правила пересмотра служилого землевладения, определенные в челобитной грамоте. Согласно этим правилам, дворяне, взятые на службу к московскому князю, теряли свои поместья на территории земщины и получали взамен поместья в уделе. На вотчины данное правило не распространялось. В этом пункте Иван Васильевич прямо ссылался на традиции удельных князей, вассалы которых могли владеть вотчинами на землях великого князя. «А которых людишек примем, — обращался Иван IV к Симеону, — и ты б, государь, милость показал, вотчинишок у них отнимати не велел, как преж сего велося у удельных князей; а ис поместьишок их им хлебишко и денженка и всякое их рухлядишко пожаловал велел отдати и людишок их, не ограбя, велел выпустити».³²

В ноябре 1575 г. царь Иван подробно разъяснил английскому послу, что оставил «в своем хранении всю казну земскую с достаточным количеством слуг и места (т. е. земельные владения. — Р. С.) для нашего собственного и их обеспечения».³³

«Челобитная» грамота царя Ивана, предусматривавшая новый «перебор людишек» и раздел государства, была по существу указом о возрождении опричнины.

Организация территории удела началась, по-видимому, в ближайшие недели после подачи челобитной. По соображениям финансового порядка в удел были взяты некоторые земли в Поморье и на Севере с черносошным крестьянским населением и богатыми торговыми посадками. 19 ноября 1575 г. от имени Ивана была послана указная грамота на Двину, согласно которой «весь Двинский уезд — станы и волости и всякие денежные свои доходы поместили есмя (князь Иван. — Р. С.) к себе в удел».

Эта грамота двинцам была составлена от имени «государя князя Ивана Васильевича Московского и Псковского и Ростовского».³⁴ Официальный титул царя включал титулы великого князя Ростовского, Ярославского, Белозерского и пр. Отсутствие двух последних титулов доказывает, что из трех названных земель в удел вошел лишь Ростов. Беседуя с английским послом в январе 1576 г., Грозный заявил, что сохранил за собой семь венцов, или семь титулов.³⁵ Четыре малых венца не входили в полный официальный титул самодержца, а потому царь употреблял лишь три титула. Малые венцы указывали на удельные столицы Старицу, Дмитров, а также города Ржеву и Зубцов.

В начале 1576 г. Симеон Бекбулатович выдал князю Д. И. Засекину послушную грамоту на его крестьян в деревнях Владимирского уезда. Из грамоты следует, что князь получил владимирскую вотчину «против его ярославские вотчины, что у него взято з городом Ярославлем вместе».³⁶ Приведенные слова, по мнению С. М. Каштанова, могут служить намеком на переход Ярославля в удел.³⁷ Попытаемся уточнить сведения о службах и землевладении Засекина. В Дворовой тетради записаны два князя Даниила Ивановича: один Засекин-Черный, другой Засекин-Давыдов. Первый проходил по княжескому списку, а значит, владел ярославской вотчиной. Князь Д. И. Черный имел воеводский чин, но его службы прослеживаются лишь до 1562 (7060) г. В Дворовой тетради, пополнявшейся до того же года, против имени Черного сделана помета «князь Данило умре».³⁸ Отсюда следует, что владельцем владимирских деревень был Д. И. Давыдов-Засекин. Его службы объясняют нам, почему он не числился в княжеском списке, но владел ярославской вотчиной. При Василии III Давыдовы всей семьей служили в уделе Юрия Дмитровского. В 1550 г. они с целой группой дворян по Дмитрову, бывших удельных вассалов, вошли в «тысячу лучших слуг». После 1552 г. Давыдовы, согласно помете в Дворовой тетради, оказались на службе у царя Семиона Касаевича, умершего в августе 1565 г.³⁹ Примерно в это время брат Д. И. Засекина князь Лев попал в казанскую ссылку. Может быть, тогда Д. И. Засекин и лишился общей с братом ярославской вотчины, поскольку в списках ссыльных имя самого Д. И. Засекина отсутствует. В неизвестное время он попал на службу к Симеону Бекбулатовичу, от которого и получил владимирскую вотчину.⁴⁰ Приведенные данные, по-видимому, не могут служить достаточным доказательством включения Ярославля в удел.

С. П. Мордовина и А. Л. Станиславский в специальном исследовании об особом дворе 1575—1576 гг. установили, что в его составе было по крайней мере 26% лиц, известных службой в опричном дворе, и еще 31% составляли однофамильцы бывших опричников.⁴¹ Однако приведенные данные характеризуют лишь верхний слой «двора», включавший не более одной пятой его состава.⁴²

Главным ядром удельных владений Ивана Московского был Псков с округой, никогда не входивший в опричнину, из чего следует, что власти не желали пустить в удел прежних опричных детей боярских, сидевших на поместьях в бывших опричных уездах. (Вопрос о принадлежности Ростова к опричнине нуждается в уточнении).

Удельные владения на территории Псковской земли были расширены за счет прилегающих земель Новгорода. Зимой 1575/76 гг. писцы описали и присоединили к уделу Порховский уезд. «Перебор» местных помещиков был произведен здесь до составления писцовых книг.⁴³ К 1576 г. в уделе оказались также Старица и Дмитров, т. е. города, которые служили столицами древних удельных владений членов московского княжеского дома. Старица, отстраненная и сильно укрепленная удельным князем Андреем Ивановичем и его сыном Владимиром, стала резиденцией царя. Она располагалась в непосредственной близости от псковско-новгородского комплекса «удельных» земель, и здесь царь чувствовал себя в полной безопасности. Лежавшие поблизости от Старицы города Зубцов и Ржева также перешли в удел.⁴⁴

«Государство» Ивана Московского было пародией на удельное княжество. Но оно включало два последних крупных удела, существовавших на Руси вплоть до 1560—1570-х гг. Дмитровское удельное княжество, принадлежавшее князю Василию Владимировичу, перешло в казну незадолго до 1575 г.

Зачисление в удел уездов с развитым служилым землевладением позволило правительству вновь реорганизовать «двор» и после тщательного «перебора» служилых людей сформировать удельную армию, ставшую надежной военной опорой князя Ивана Московского. Общее представление о ее численности могут дать приведенные ниже сведения о количестве служилых людей в «удельных» уездах накануне опричнины и к моменту ее отмены (см. таблицу).⁴⁵

Численность служилых людей «удельных» уездов

	1563 г.			1572 г.
	Дворовые	Городовые	Всего	
Псковские помещики . . .	93	285*	378	—
Ростовцы	25	100	125	—
Дмитровцы	110	60	170	140
Старичане	—	—	—	40
Ржевичи и зубцовляне . .	88	185	273	—
Ржевские помещики . . .	—	—	80**	70
Итого	316	630	1026	250

* «Городовых и с земцы».

** Без обозначения дворовых и городовых.

Уезды, зачисленные в опричнину, выставили для участия в Полоцком походе 2400 дворян и детей боярских, из которых и была набрана опричная тысяча. В уделе оказались земли, пославшие в Полоцкий поход всего 1000 дворян и детей дворянских. Учитывая, что эти земли к середине 70-х гг. в значительной мере запустили, можно с уверенностью сказать, что правительство смогло испоместить здесь значительно меньше тысячи дворовых людей.

Перебор «людишек» в уделе напоминал опричные выселения. Однако земельная политика удела несколько отличалась от опричной. А. П. Павлов, исследовав писцовые книги и акты Старицкого уезда, установил, что выселения из Старицы в середине 70-х гг. не сопровождались коренными изменениями в составе местных землевладельцев. Иначе говоря, старицких помещиков, не принятых в удел, не выводили из уезда «с городом вместе» в таких масштабах, как это делали в годы опричнины. На территории Старицкого, Дмитровского, Ростовского уездов после включения их в удел сохранялись вотчины земских дворян, служивших Симеону Бекбулатовичу. Землевладельцы этих уездов служили по разным спискам: одни — по «дворовым» в уделе, другие — по земским как земские дворяне.⁴⁶

Удельные владения в Пскове были округлены за счет Порховского уезда Шелонской пятины. До нас дошла порховская писцовая книга, составленная зимой 1575—1576 гг. в связи с образованием удела. Местные помещики, вернее, те из них, кто был принят на удельную службу, сохранили свои поместья. Одновременно в Порхов были переведены принятые в удел «дворовые» помещики из Обонежской пятины и других мест. Как значится в документах, «в прошлом в 84-м году дети боярские Обонежской пятины, которые были у государя во дворе, выведены в Порхов, а поместья их... велено роздати детям боярским, которых государь велел вывести из Ржевы и Зубцова». ⁴⁷ Ржева и Зубцов были зачислены в удел, как и Порхов. Помещики всех этих городов, не принятые в удел, переселились в земщину. Дети боярские из Ржевы и Зубцова были устроены на освобожденных землях земской Обонежской пятины. При описании Порховского уезда Шелонской пятины писцы многократно повторили следующую формулу: «Старые помещики, которым государь в уделе быти не велел, и те помещики до письма (до зимы 1576 г. — *Р. С.*) ис того погоста выехали, и про оклад сказати некому». ⁴⁸ В Новгородско-Псковской земле вотчинные владения светских феодалов отсутствовали, и организация удельного войска сопровождалась исключительно перераспределением поместий. Для обеспечения удельных детей боярских в Порхове власти использовали земли трех категорий: во-первых, имения разорившихся помещиков, покинувших усадьбы до переписи; во-вторых, конфискованные поместья опальных «дворовых» (*В. И. Умного, В. Колычева, Плещеевых, князя И. Е. Черкасского и др.*); в-третьих, земли, «ныне отписанные на государя» у шелонских помещиков, не поступивших в удел. Удельные переселения осуществлялись в совсем иной экономической обстановке, чем опричные переселения. Из-за начавшегося «великого разорения» половина шелонских имений в 1575 г. оказалась заброшенной. Власти имели возможность избежать новых массовых выселений землевладельцев.

Крупные поместья в Порхове получили начальные люди удела, близкие ко двору. В их числе были думные дворяне *Б. Я. Бельский* и *В. Г. Зюзин*, а также «дворовые» дети боярские *Бельские, Косицкие* и др. Служилые люди, принятые в удел, использовали новый земельный пересмотр для упрочения своего материального благополучия. Они испрашивали себе льготы, прибирали к рукам пустующую пашню, свозили крестьян с соседних земель. У многих помещиков в стране почти не осталось крестьян. В поместье *А. В. Бельского*, получавшего дворовой оклад в 40 руб., писцы насчитали 122 крестьянских, бобыльских и людских двора. С июля 1575 г. *А. В. Бельский* получил льготу — освобождение от податей на три года. ⁴⁹

Реконструировав списки особого двора *Ивана Московского, С. П. Мордовина* и *А. Л. Станиславский* установили, что его состав был сравнительно более худородным, чем земский двор. Что касается удельной думы, то она была малочисленной (12 лиц) и состояла в основном из думных дворян (8 человек). В земщине думные дворяне не служили. ⁵⁰

Ключевой фигурой нового удельного правительства был «дворянин ближней думы» *А. Ф. Нагой*. В походах он сопровождал царя в качестве второго дворового воеводы. До него этот пост занимали *М. Л. Скуратов* и *В. И. Умной*. Летом 1575 г. *А. Ф. Нагой* возглавил переговоры относительно избрания царя на польский трон. ⁵¹ Формально *А. Ф. Нагой* подчинялся *Ф. М. Трубецкому*. Но когда царь заподозрил в чем-то *Трубецкого*, он прислал из Слободы в Москву *А. Ф. Нагого*, с тем чтобы тот взял с главного дворового воеводы «проклятую запись» и привел его к кресту. ⁵² Старший брат *Афанасия Нагого Федор* в 1574 г. служил третьим дворовым воеводой, а в 1576 г. исполнял обязанности окольничего в уделе князя *Ивана Московского*. ⁵³

Наряду с *Нагими* большим влиянием в удельной думе пользовались *Годуновы*, породнившиеся с царской семьей. Грозный женил младшего сына *Федора*

на Ирине Федоровне Годуновой, племяннице своего постельничего. Служба в уделе довершила успех Годуновых. К 1576—1577 гг. царь пожаловал своей новой родне высшие думные чины. Д. И. Годунову было сказано боярство, Б. Ф. Годунов стал кравчим, а С. В. Годунов — окольничим.⁵⁴

В удел Ивана Московского была допущена суздальская знать. Самым видным из бояр удельного князя был И. П. Шуйский. Он занимал весьма почетное место в уделе. Но реальная власть находилась все же не в его руках.

В записках иностранцев можно найти утверждение, будто Грозный учредил «удел» и передал трон Симеону Бекбулатовичу ради ограбления церкви и присвоения ее богатств. Сведения об этом сообщают английские мемуаристы Д. Горсей и Д. Флетчер.

В воспоминаниях Горсея о правлении Симеона нетрудно заметить соединение одновременных записей и следы поздней редакторской работы. В частности, Горсей дважды примерно в одинаковых выражениях повествует о беседах Бомелея с царем, строительстве судов в Вологде, царских планах отъезда в Англию и обобрании духовенства. Но в первом случае рассказ разрешается известием о «посаждении» Симеона, а во втором — описанием собора, созванного для решения вопроса о церковных имуществах.⁵⁵ Согласно первому рассказу Горсея, царь Иван обирал своих купцов, получал огромные суммы от городов и монастырей, а затем передал трон Симеону с намерением уничтожить все обязательства, принятые на казну (корону). Так Грозный получил возможность отвергнуть все долги, сделанные за его царствование, объявил уничтоженными все данные прежде городам и монастырям жалованные грамоты и привилегии. Затем по просьбе подданных он согласился вернуться на трон на условии, что будет освобожден от всех прежних долгов и обязательств. Вновь составленные грамоты и пожалования монастырям, городам, дворянству (noblemen) и купцам дали царю еще большие суммы и доходы.⁵⁶ Второй рассказ сводится к тому, что после собора (точной его датировки Горсей не дает) царь заставил духовенство выплатить ему 300 тыс. марок стерлингов и получил многие земли, города, деревни, угодья и пр.⁵⁷

Поскольку Горсей был очевидцем происшедшего в Москве при Симеоне, а Флетчер, побывавший там в 1588 г., черпал информацию из его записок и устных рассказов, постольку можно предположить, что информация Горсея была первичной. Но она известна нам лишь в позднейшей записи начала XVII в., сделанной много лет спустя после издания Записок Флетчера. Можно предположить, что Флетчер соединил воедино два одновременных рассказа, в результате чего возникла новая версия «правления» Симеона. По словам Флетчера, Грозный, передав царство Симеону, заставил его отобрать у духовенства все жалованные грамоты, а затем от своего имени возобновил привилегии церкви, за что епископы и монастыри должны были заплатить от 40 до 100 тыс. руб. каждый. Кроме того, царь удержал и присоединил к короне столько церковных земель, сколько ему было угодно.⁵⁸

Итак, Флетчер изобразил меры Симеона как исключительно антицерковные; по Горсею же, меры ущемляли еще интересы знати и купечества. Но основное расхождение заключалось все-таки в другом. В своих мемуарах Горсей не подтверждает версии Флетчера о секуляризации церковных земель в период «правления» Симеона.

Переходя к оценке достоверности английских известий, следует поставить вопрос, соответствуют ли они показаниям русских источников, среди которых наибольшее значение имеет целый комплекс хорошо сохранившихся монастырских документов.

Крупнейший знаток монастырских иммунитетных грамот С. М. Каштанов, изучивший вопрос об иммунитетной политике в 70-х гг. XVI в., считает недостаточно обоснованным вывод о серьезном ограничении иммунитетных прав и привилегий духовенства в 1575—1576 гг. По мнению С. М. Каштанова, никакой

официальной отмены тарханов при Симеоне Бекбулатовиче не было.⁵⁹ Тщательное исследование, выполненное Е. И. Колычевой, подтвердило этот вывод.⁶⁰

Английская версия не находит подтверждения в других источниках, относящихся ко времени правления Симеона. В декабре 1575 г. в Россию прибыл австрийский посол Даниил фон Бухау, который благодаря знанию славянского языка имел возможность многое разузнать о московских делах — расспрашивал «людей, достойных веры», читал летописи и т. д.⁶¹ Его показания выгодно отличаются от известий Горсея тем, что записаны по свежим следам (в мае 1576 — сентябре 1577 г.), а также и тем, что австриец проявлял особый интерес к делам русской церкви и этому вопросу в значительной мере посвятил свой отчет. По сообщению Бухау, некоторые русские монастыри, среди них Троица и Кириллов, «благодаря щедрости московского князя имеют довольно большие доходы»; «в каждую неделю он взывает со всех людей своей страны по несколько монет, не включая в это число церковнослужителей».⁶² Д. Бухау знал о казнях дворян и передаче трона Симеону, но он не слышал в Москве ни о каких специальных антицерковных мерах.

Автор исследования о Симеоне Бекбулатовиче В. И. Корецкий считает, что при втором «издании» опричнины в 1575—1576 гг. речь шла уже «не столько о сокрушении княжеско-боярской оппозиции, сколько о наступлении на привилегии духовных феодалов с целью облегчения положения местного дворянства...».⁶³ С приведенным мнением трудно согласиться. В 1575 г. репрессии не миновали духовенство, но своим острием они направлены были не против церкви.

Как и опричнина, политика «удела» не имела четко разработанной программы, заданной цели или принципов. Но ее характерные проявления можно проследить и в сфере внутреннего управления, и во внешней политике.

Правители «удела» в подходе к внешнеполитическим целям руководствовались теми же принципами, что и их предшественники. В июне 1574 г. Генрих Анжуйский бежал во Францию, что привело к возобновлению польского бескорольевья. Летом 1575 г. царь вместе с А. Ф. Нагим продиктовал шляхтичу К. Граевскому «Артикулы», касавшиеся выборов на польский трон. Грозный добивался, чтобы его власть в будущей восточноевропейской федерации была наследственной. Он требовал от поляков уступки России Киева. Царский титул должен был начинаться с титула киевского великого князя и затем следовал титул короля. Коронация Ивана IV поручалась не католическому прелату, а православному митрополиту. Московские артикулы резко расходились с «Генриховскими артикулами» и не могли получить поддержки в Польше.⁶⁴ Зная о нараставших распрях в Речи Посполитой, царь затягивал переговоры и не прислал своевременно своих послов на элекционный сейм в Польше в ноябре 1575 г.⁶⁵

Б. Н. Флоря детально изучил политические проекты унии между Россией и Речью Посполитой и дипломатическую борьбу, развернувшуюся вокруг этих проектов в 1574—1575 гг. Его исследование носит исчерпывающий характер. Следует заметить лишь, что русско-польские отношения формировались в указанное время не только дипломатическими демаршами, но и военными действиями. Не надеясь на мирные средства, царь и его советники прибегли к военному давлению. 26 января 1575 г. боярин Н. Р. Юрьев с земскими полками отправился походом на Колывань. Согласно царскому приказу, он должен был разорить шведские территории, а затем вторгнуться в литовские владения в Ливонии и напасть на Пернов.

Стремясь избежать одновременной войны с поляками и шведами, Посольский приказ в 1575 г. возобновил мирные переговоры со Швецией, начавшиеся в 1574 г.⁶⁶

В свое время Иван IV грозил литовцам войной, если они не выберут на трон угодного России короля. Теперь он решил выполнить угрозу. В июне 1575 г.

Симеон Бекбулатович и Н. Р. Юрьев с земскими полками вторглись в литовскую Ливонию и 9 июля заняли порт и крепость Пернов.⁶⁷ Военные действия между Россией и Литвой возобновились. В начале 1575 г. воеводы в литовской Ливонии выстроили «Новый город в Солочи». 1 декабря того же года к его стенам подступили «литовские и немецкие люди с нарядом».⁶⁸

Лагерь сторонников царя в Польше с лета 1575 г. поредел. Его покинул вождь шляхты Ян Замоиский. В борьбе за трон поражение потерпел как Грозный, так и австрийский претендент, которого считали союзником России. Польская шляхта посадила на трон семиградского воеводу Батория.⁶⁹

Царь опасался, что Османская империя и Крым будут продолжать опустошительную войну с Россией, пока не овладеют Астраханью и Казанью. Но его прогнозы не оправдались. В конце лета 1574 г. немногочисленные отряды крымцев и ногайцев совершили набег на южные уезды и были отражены тульским воеводой.⁷⁰ В 1575 г. Разряды впервые за много лет не зафиксировали никаких татарских вторжений в пределы Русского государства.

Попытка царя противопоставить боярской Москве поместный Новгород не привела к нужным результатам. Противостояние между столицей и ее давним соперником приобрело новую форму и вновь закончилось не в пользу Новгорода. По мере того как угроза новых нападений Орды на Москву шла на убыль, Иван IV все меньше времени проводил в Новгороде, а с лета 1574 г. вообще перестал туда ездить.

Грозный окончательно утратил доверие к Новгороду после раскрытия там очередной «измены». На этот раз в заговоре был обвинен глава новгородской церкви архиепископ Леонид.

Источники противоречат друг другу, коль скоро речь идет о времени суда над Леонидом. Курбский считал, будто архиепископ (имени которого он не знал) подвергся казни «аки по двух летех» после назначения в Новгород, иначе говоря, в 1573 г.⁷¹ Поздний новгородский летописец также утверждал, что Леонид «бысть на владычестве два года».⁷² В. Б. Кобрину принадлежит гипотеза, согласно которой после двухлетнего пребывания в Новгороде Леонид подвергся в 1573 г. опале, но под пером Курбского опала превратилась в казнь.⁷³ Эта гипотеза не может быть принята. Известия Курбского о казни ряда духовных лиц лишены достоверности. Леонид управлял новгородской епархией до августа 1575 г., и никаких данных о его опале в более раннее время не имеется. Самым надежным источником следует признать «Краткий летописец новгородских владык», который составлялся в новгородском Софийском доме и фиксировал продолжительность правления архиепископов в днях и месяцах. Этот источник сообщает, что Леонид пробыл на владычестве 4 года без полутора месяцев: с 6 декабря 1571 (7079) г. до кончины 20 октября 1575 (7084) г.⁷⁴ Ту же дату гибели Леонида (7084) называет и соловецкий летописец.⁷⁵

Существуют две версии гибели архиепископа. Согласно одной, он был казнен, а по другим сведениям, умер в заточении. Синодик Московского Богоявленского монастыря сохранил краткий перечень опальных духовных лиц, включавший «митрополита Филиппа, архиепископа Леонида... игумена Корнилия Печорской» и др.⁷⁶ Перечень подтверждает факт опалы Леонида и суда над ним.

По сведениям Д. Горсея, суд, послушный воле монарха, приговорил владыку к смертной казни, но затем сам царь помиловал архиепископа, заменив казнь вечным заточением. Опального заковали в цепи и держали в погребе на хлебе и воде. Леонид недолго прожил и 20 октября 1575 г. умер в заточении.

Трагический конец архиепископа породил множество слухов и легенд. Псковский летописец записал слухи, будто царь опалился на Леонида «и взя к Москве и сан на нем оборвал и медведно ошив, собаками затравил».⁷⁷ Но более достоверный источник — «Краткий владычный летописец» — молчит о казни Леонида, по существу подтверждая версию Горсея. В нем записано, что

архиепископ «взят был в Москве в государевой царской опале, да тамо и преставися». ⁷⁸ 30 сентября 1575 г. в Москву были вызваны «по списку для собору» некоторые бояре, воеводы и большие дворяне из армии. Примерно в то же время «приеха к Москве на собор» новгородский архиепископ, и там же «в соборе» жили некоторые игумены. ⁷⁹ Приведенные факты позволили В. И. Корецкому высказать предположение о том, что в октябре 1575 г. в Москве заседал Земский собор, созванный для суда над Леонидом. ⁸⁰ Гипотеза В. И. Корецкого получила признание в литературе, но она нуждается в более серьезных доказательствах.

По свидетельству Д. Горсея, архиепископу Леониду предъявили обвинения в том, что он вместе с Бомелеем посылал шифрованные письма, написанные на латыни и греческом, королю Польши и королю Швеции, причем сношения осуществлялись тремя путями. Архиепископ, далее, будто бы чеканил деньги и пересылал их вместе с другими сокровищами королям Польши и Швеции. Кроме того, Леонида обвинили в преступлениях против морали, мужеложестве и скотоложестве и пр. ⁸¹

Начиная с июля 1572 и до 1576 г. в Польше продолжалось бескорольеве, прерванное на несколько месяцев в 1574 г. Один этот факт ставит под сомнение версию о тайной переписке Леонида с польским королем. Однако некоторые историки склонны доверять этой версии. Царь Иван, пишет Е. И. Кольчева, понимал «всю опасность участия церкви в существующей оппозиции и зреющем заговоре (...) идейным и организационным штабом заговорщиков был, видимо, кремлевский Чудов монастырь. К нему стягивались многие нити заговора. Его бывший архимандрит, а впоследствии новгородский владыка Леонид, вполне возможно (...) поддерживал связь с польским и шведским королем». ⁸²

Архиепископ Леонид подвергся опале не один, а вместе с другими видными деятелями церкви. Будучи в эмиграции, князь А. М. Курбский слышал, будто царь велел убить новгородского архиепископа «со двема опаты, сиречь игумены великими, або архимандриты». ⁸³ По крайней мере три летописи упоминают о казни заодно с Леонидом чудовского архимандрита. ⁸⁴ Наконец, можно сослаться еще на один источник — Краткий синодик государевых опальных, который называет разом обоих «опатов», сообщников Леонида. В синодике записаны одно за другим имена «архиепископа Леонида, архимандрита Евфимия, архимандрита Иосифа Симоновской...». ⁸⁵

После отмены опричнины отношения между самодержцем и его избранными богомольцами резко ухудшились. Наибольшие подозрения царя вызывали тесные связи монастырей с крамольными боярами. Монахи, писал в 1573 г. царь в Кирилло-Белозерский монастырь, гоняются за боярами ради приобретения земельных богатств, а в результате честное монашеское житие рушится на глазах. Где бы ни «стриглись» бояре, они тотчас нарушают строгие монастырские уставы и вводят свои «любострастные уставы» — не хотят жить «под началом», бесчинствуют, развращают братию пирами. Грозный называет по имени виновников гибели благочестия: Васьян Шереметев ниспроверг честное жительство в Троице-Сергиеве монастыре, его сын Иона Шереметев тщится погубить последнее светило — Кирилло-Белозерский монастырь. Особым нападкам царь подверг за неблагочине бывший опричный Симонов монастырь и Чудов монастырь. Монахи, писал Грозный, ввели столько послаблений, что «помалу, помалу и до сего, яко же и сами видите, на Симонове кроме сокровенных раб божиих, точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются, яко же и у Чюда быша среди царствующаго града пред нашими очима — нам и вам видимо». ⁸⁶

Иван Грозный считал себя хранителем чистоты православной церкви и потому поощрял всякого рода доносы и розыски о неблагочинии духовенства. В государственном архиве хранилось «сыскное дело про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия 7083 и 7084 году». Опись того же архива упоминает о четырех отписках к царю дьяка А. Я. Шелкалова.

Против одной в тексте описи сделана помета: «Лета 7083-го сентября в 19 день, такова грамота отдана по государеву приказу в Иосифов монастырь Офонасью Федоровичю Нагому...» Содержание одной из недатированных грамот изложено в описи более подробно: «Отписка Ондреева руки Шелкалова, писал ко государю о крутицком митрополите и о симоновском архимарите, что крутицкой митрополит пьет, а в город не выезжает, а симоновский архимарит, не хотя быть в архимаритех и умысля причастился без патрихели, а сказал, что будто ся беспаметством».⁸⁷

Розыск о митрополите Антонии и Крутицком епископе Тарасии проводился на рубеже 7083—7084 гг., т. е. летом — осенью 1575 г. Именно в это время царь предал суду архиепископа Леонида. Ни Антоний, ни Тарасий не поддерживали тесных связей с вождями опричнины, а затем руководителями «двора». По этой причине неблагочестие Тарасия легко сошло ему с рук. Он занимал свою кафедру по крайней мере до 1578 г.⁸⁸ Симоновский архимандрит Иосиф умыслил сложить сан, чтобы избежать опалы и суда. Но его постигла неудача.

Гибель Леонида, архимандритов Евфимия и Иосифа подтверждает наличие обвинения их в заговоре и измене, но никак не факт самой измены. Леонид поддерживал дружбу с опричной администрацией Новгорода, позже с руководителями «двора», перешедшими на поместья в Новгороде. Казнь руководителей «двора» повлекла за собой гибель близкого к опричнине и «двору» духовенства.

Леонида оговорил лейб-медик Е. Бомелей. Когда архиепископа предали пыткам, он покаялся в том, что участвовал в заговоре, а также впал в ересь, занимаясь колдовством. Д. Горсей является единственным автором, который сообщает о том, что во время суда над архиепископом были сожжены его ведьмы.⁸⁹ Его рассказ находит подтверждение в источнике, составленном на основании опричных архивов. Среди записей синодика, относящихся к 1575 г., можно прочесть следующее: «В Новгороде 15 жен, а сказывают ведуньи, волхвы». Отмеченная подробность не оставляет сомнения в осведомленности Горсея. «Епископ признал все под пыткой, — писал англичанин, — Бомелиус все отрицал, надеясь, что что-то переменится к лучшему с помощью некоторых его доброжелателей, фаворитов царя, посланных посетить царевича Ивана, занятого пыткой Бомелея».⁹⁰

Наследник престола был причастен к розыску о новгородской измене и скорее всего руководил им. Имеются данные о том, что за полтора года до ареста Леонида Грозный доверил старшему сыну управление Новгородом. Сохранилось донесение Ф. Кмиты литовскому правительству от 2 марта 1574 г. Оршанский воевода Ф. Кмита, регулярно посылавший «шпигов» в пределы России, с их слов записал сведения о том, что «сына дей старшого князь великий посадил на царстве на Новегороде Великом».⁹¹

Царевич Иван давно достиг совершеннолетия. Он стремился к самостоятельности, искал поля применения своих сил. Его не могла не тяготить опека властного и деспотичного отца. Распри в царской семье начались в годы опричнины, когда страну захлестывали волны террора. Тотчас после разгрома Новгорода царь в присутствии Боярской думы и иностранных послов объявил, что намерен передать трон своему новому вассалу принцу Магнусу Датскому. Прошло пять лет, прежде чем осуществилась эта угроза. Правда, Иван передал трон не Магнусу, а Симеону. Летописи сохранили предание о том, что Грозный решил возродить опричнину и отречься в пользу Симеона после того, как заподозрил в измене собственного сына. Один из летописцев записал: благоверный царь Иван Васильевич «мнети почал на сына своего царевича Ивана Ивановича о желании царства и восхоте поставити ему препону, нарек на великое княжение царя Симеона Бекбулатовича». Тот же источник свидетельствует, будто некоторые близкие советники царя открыто возражали против проектов передачи трона служилому царю Симеону, отстаивая законные права

царевича Ивана. «Елицы же, — рассказывает летописец, — супротив сташа, глаголающе: „Не подобает, государь, тебе мимо своих чад иноплеменика на государство поставляти“ <...> и на тех возьярся, казил... на площади под колоколы».⁹²

В окружении царевича ведущую роль играла его родня бояре Захарьины. В ходе расследования первого новгородского дела Грозный велел казнить В. П. Яковлева-Захарьина, главного боярина и дворецкого наследника. Второе новгородское дело также привело к гонениям на Захарьиных. Наибольшие подозрения навлек на себя Протасий Васильевич Юрьев, троюродный брат царевича и его придворный. Отцу Протасия боярину В. М. Юрьеву обвинения в измене были предъявлены посмертно. В 1571 г. опричники казнили сестру Протасия с сыном. 20 октября 1575 г. умер в заточении архиепископ Леонид, а четыре дня спустя палачи обезглавили стольника П. В. Юрьева.⁹³

Дядя наследника боярин и дворецкий Н. Р. Юрьев избежал суда, но был ограблен до нитки по приказу царя.⁹⁴ Этот эпизод получил отражение в мемуарах Д. Горсея. Дом Романовых-Юрьевых располагался на Варварке подле дома Английской компании, и ее приказчик Горсей был очевидцем расправы. В своих воспоминаниях, записанных много лет спустя, Горсей, однако, украсил известные ему факты вымышленными подробностями. По словам англичанина, на подворье Н. Р. Юрьева явились 200 стрельцов и ограбили его, забрав все оружие, лошадей, утварь и товары на 400 тыс. фунтов. Кроме того, царь будто бы отнял у боярина все его земли. Вследствие того Юрьев на другой день прислал к англичанам слуг с просьбой о помощи.⁹⁵

Розыск о заговоре архиепископа Леонида и «колдуна» Бомелей продолжался долго. Пыточные мастера в конце концов искалечили Бомелей, вывернув на дыбе руки и ноги. Потом несчастного привязали к бревну и стали поджаривать на медленном огне. Лейб-медик понял, что ему не удастся живым выбраться с Пыточного двора, и заговорил. По словам Д. Горсея, шельмовской доктор признался во многом таком, «чего не было написано (в шифрованных письмах? — Р. С.) и чего нельзя было пожелать, чтобы узнал царь».⁹⁶ Не следует думать, будто личному врачу царя предъявлены были только вымышленные обвинения. Бомелей принадлежал к числу знаменитых авантюристов своего времени. Служба при царском дворе позволила ему составить большое состояние. Задумав уехать из России, доктор решил сначала переправить на родину в Вестфалию нажитое золото. Горсей слышал, что Бомелей переслал много сокровищ через Англию. Однако на суде врача обвинили в том, что он в своих изменнических связях пользовался «тремя путями».⁹⁷ Вероятно, он кроме Англии поддерживал связи также с Швецией и Польшей. Письма, посланные «волхвом», были написаны на латинском и греческом языках, и, по словам Горсея, их сочили шифровками. Царь долго гневался на английских купцов, которые в своих секретных письмах на родину сообщали всякого рода сведения о неприглядных делах в России. Бомелей знал много больше, чем английские купцы.

Согласившись дать показания суду, Бомелей постарался оговорить как можно больше людей, в особенности же тех царских приближенных, которые обманули его надежды и не выручили из беды.

По единодушному свидетельству современников, после передачи трона Симеону и перехода Грозного в удел в Москве произошли многочисленные казни. Согласно донесению австрийского посла фон Бухау, царь незадолго до его приезда «лишил жизни сорок дворян, которые во второй раз составили было заговор на его жизнь...».⁹⁸ Приведенное известие отличается достоверностью. В синодике записаны имена примерно 40 лиц, погибших с момента возобновления казней в августе и до их завершения осенью 1575 г.

Синодик опальных и русские летописцы позволяют составить весьма точное представление о круге лиц, подвергшихся преследованиям после организа-

ции удела. В синодике единым списком записаны следующие лица: «Князь Петра Куракин, Иона Бутурлина с сыном и з дочерью, Дмитрея Бутурлина, Никитой Борисова, Василия Борисова, Дружиноу Володимеров, князя Данила Друцкой, Иосифа Ильина, протопоп, подьячих 3 человека, простых 5 человек крестьян».

Сведения синодика находят подтверждение в московских летописях начала XVII в.

Пискаревский летописец

«...Боярина князя Петра Куракина, Протасия Юрьев, владыку Наугородского, протопопа Архагенского, Ивана Бутурлина, Никиту Бороздина, архимандрита Чюдовского и иных многих казниша».⁹⁹

Московский летописец XVII в.

«...Казнил Ноугородцкого архиепископа Леонида, чудовского архимандрита Еуфимия, архангильского протопопа Ивана посадил в воду, боярина князя Петра Андреевича Куракина, стольника Протасия Васильевича Юрьева, окольничих Ивана Андреевича Бутурлина, Никиту Васильевича Бороздина и дворян князя Григорья Мещерского, дяков Семена Мишурина, Дружину Володимерова казнили на площади под колоколы».¹⁰⁰

В приведенных источниках различного происхождения имена самых видных опальных (членов Боярской думы князя П. Куракина, Бутурлина и Борисова-Бороздина) совпадают и перечислены в одинаковом порядке. Упоминания в летописи архиепископа Леонида и П. В. Юрьева указывают, по-видимому, на то обстоятельство, что казни в Кремле были прямым продолжением новгородского процесса, начавшегося до «поставления» Симеона.

Дело о «заговоре» в земщине глубоко затронуло духовенство. Но из святителей публичной казни подвергся лишь один человек. Автор «Пискаревского летописца» называет его «протопопом Архагенским» — священником кремлевского Архангельского собора, несшим службу при царских гробах.¹⁰¹ Другой летописец не только называет протопопа по имени, но и описывает обстоятельства его гибели: архангельского протопопа Ивана (царь. — Р. С.) «посадил в воду».¹⁰²

Представляется возможным уточнить время казни лиц, записанных в синодик. В 1575 г. получили последние служебные назначения князь П. А. Куракин, князь Д. Друцкий, О. Ильин.¹⁰³ Как значится во вкладных книгах Псково-Печорского монастыря, «ноября в 19 день прест [авление] инока Иона Андреевича Бутурлина».¹⁰⁴ Приведенная запись свидетельствует о том, что боярин И. А. Бутурлин пытался искать спасения в монастыре, но монашеская ряса не защитила его от смерти. Младший брат инока Д. А. Бутурлин погиб 27 ноября 1575 (7084) г.¹⁰⁵

В разгар опричнины Грозный казнил «изменников» на Поганой луже в Белом городе. В 1575 г. кровь пролилась в Кремле, служившем резиденцией Симеона. Заговорщики были выведены на площадь перед Успенским собором и обезглавлены. Иван IV лично присутствовал при экзекуции.¹⁰⁶

Среди казненных самым знатным был князь П. А. Куракин — один из старейших бояр думы. Будучи сослан на воеводство в Казань, Куракин оставался там безвыездно десять лет. За это время в Казани сменилось четыре архиепископа. Казанский край, будучи отдаленной окраиной государства, пользовался известной независимостью от Москвы. В 1572—1573 гг. народы Нижнего Поволжья поднялись против власти царя. Грандиозное восстание поставило в крайне трудное положение как казанских воевод, так и русских помещиков, отправленных туда на поселение в начале опричнины. В 1571 г. Москва была сожжена, а в 1572 г. воеводы с трудом отбили новое нашествие Крымской орды. В таких условиях власти не могли оказать казанским воеводам никакой помощи. Бывшие ссыльнопоселенцы сохранили верность трону и помогли справиться с восстанием. Князь П. А. Куракин мог рассчитывать на награду. Вместо этого он

был вызван в Москву и казнен. Опала носила персональный характер и не затронула членов его семьи. Сын казненного боярина воевода А. П. Куракин осенью 1575 г. охранял южную границу от татар.¹⁰⁷

По своему размаху казни в Кремле немногим уступали первым опричным репрессиям. Боярская дума, численный состав которой со времен опричнины сократился едва ли не вдвое, понесла ощутимый урон. Опричнина при своем учреждении обрушила главный удар на голову титулованной суздальской знати; в 1575 г. жертвами гонений стали преимущественно бывшие опричники из нетитулованной старомосковской знати. Боярин И. А. Бутурлин, окольник Д. А. Бутурлин и Н. В. Борисов-Бороздин прошли службу в опричнине. Своих главных «изменников» Грозный казнил с особой жестокостью. В 1565 г. Горбатый был убит вместе с единственным сыном. В 1575 г. И. А. Бутурлина казнили вместе с сыном и дочерью. Как видно, его считали главным сообщником архиепископа Леонида и «колдуна» Бомелея.

Механизм террора действовал по собственным законам, общим для различных эпох. Басмановы и Вяземский развязали первые опричные репрессии. В. И. Умой и Бутурлины приняли участие в избиениях конца опричнины. Никто из них не миновал плахи. Палачи, сделавшие свое дело, подвергались беспощадному истреблению при каждом новом повороте событий.

Бывшее руководство земщины, за исключением Захарьиных, в послеопричный период избежало гонений, хотя угрозы в его адрес носили недвусмысленный характер. Отрубленные боярские головы Иван велел бросить «по дворам» митрополиту Антонию, князю И. Ф. Мстиславскому, боярину И. В. Меньшому Шереметеву, главному дьяку А. Я. Щелкалову и другим видным лицам.¹⁰⁸

Заодно с бывшими опричными боярами преследованиям подверглись бывшие опричные приказные люди: князь Д. А. Друцкий, Д. Володимеров, О. Ильин и др. Костромской дворянин Д. А. Друцкий возглавлял приказ, ведавший распродажей «порозжих» земель в 1574—1575 гг.¹⁰⁹

Казненный дьяк Дружина Володимеров в 1573 г. возглавлял Разбойный приказ, а О. Ильин в 1574—1575 гг. числился дьяком Дворцового ведомства.¹¹⁰ Очевидец событий Г. Штаден сообщил, что Ильин был «позорно казнен в Дворцовом приказе».¹¹¹ Известие Г. Штадена позволяет расшифровать следующую запись синодика: «Подьячих 3 человека, простых 5 человек крестьян». Эти люди, по-видимому, были перебиты заодно с О. Ильиным, когда палачи, ворвавшись в Дворцовый приказ, учинили там разгром. Подьячие были помощниками дьяка, а прочие убитые — прислугой. Царские слуги не потрудились записать имена умерщвленных ими людей. Не был ли разгром земского приказа следствием опалы на боярина Н. Р. Юрьева-Захарьина, многие годы возглавлявшего земский Дворцовый приказ?

Примечательно, что 29 ноября, т. е. сразу после казней, царь Иван считал необходимым пригласить английского посла Д. Сильвестра в опричную резиденцию за Неглинной для разъяснения своих действий. Напомнив о своих переговорах с Дженкинсоном по поводу политического убежища в Англии, Грозный заявил: причиной их «было верное предвидение нами изменчивого и опасного положения государей и того, что они наравне с нижайшими людьми подвержены переворотам». Затем он объявил о передаче сана Симеону и добавил, что «поводом к тому были преступные и злокозненные поступки наших подданных, которые ропщут и противятся нам за требование верноподданнического повиновения и устроят измены против особы нашей».¹¹²

Химеры страха, рожденные террором, прочно владели сознанием Грозного. Царь нимало не сомневался в том, что его ближайшие советники-

бояре, с которыми он многие годы управлял страной, вновь составили заговор с целью погубить монарха и его семью. Под влиянием страха Иван IV возобновил секретные переговоры с лондонским двором о предоставлении царской семье убежища в Англии. Самодержец настаивал на том, чтобы договор о предоставлении убежища носил обоюдный характер. Однако королева Елизавета вновь отклонила домогательства царя и через гонца Сильвестра передала ему, что не собирается покидать Англию. По этому поводу Грозный сделал строгий выговор Сильвестру при свидании с ним 27 ноября 1575 г. Кризис во внутренних делах не был преодолен, а потому секретные переговоры продолжались. 29 января 1576 г. Иван IV, вновь пригласив к себе гонца, заявил ему следующее: «Если бы и нам, против нашего ожидания, случилось быть вынужденными выйти из нашего государства и получить тогда помощь от Англии или от других, то мы, разумеется, должны честно предать себя во власть покровителей».¹¹³

Переговоры получили огласку. Намерения царя народ истолковал превратно. Планы бегства в Англию люди связывали с происками «немчина волхва, нарицаемого Елисея». Засланный из-за рубежа Бомелей «конечне был отвел царя от веры» и «много множества роду боярского и княжеска взусти убити цареви, последи же и самого приведе наконец еже бежати в Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшие побити».¹¹⁴ Немецкий астролог в самом деле уверял Грозного, будто «королева Англии молода и что для него вполне возможно на ней жениться».¹¹⁵ Что же касается планов бегства в Англию, то Бомелей не мог быть их автором. Его влияние в этом случае было опосредствованным. Лейб-медик оговорил многих бояр, но его показания были вынужденными. Он был сломлен жесточайшими пытками.

Ряд признаков указывал на то, что Грозный, озабоченный опасностью боярского мятежа, предпринимал практические шаги, готовясь к отъезду за море. В конце опричнины Иван IV перевез государственную казну в Новгород. В 1575 г. он отправил свои сокровища в Вологду, для их хранения были выстроены каменные палаты.

Д. Горсей собственными глазами видел на Северной Двине под Вологодой много судов и барок, построенных с помощью английских мастеров. Эти суда должны были перевезти царскую семью на Белое море, откуда прямой путь вел в Англию.¹¹⁶

Слова Д. Горсея можно было бы считать вымыслом, если бы они не были подтверждены местными вологодскими преданиями. Одно из таких преданий попало на страницы летописи XVIII в. Царь Иван Васильевич, пометил летописец, помышлял «в Поморские страны, и того ради строены лоды и другие суды многия к путному шествию; и тогда были вологжанам великия налоги от строения града и судов».¹¹⁷

Разделение государства на земщину и удел и возобновление террора позволяют говорить о возрождении опричнины в 1575—1576 гг. Возврат к насилию как методу управления государством вызвал крайнее недовольство со стороны высших сословий. Генрих Штаден, покинувший Россию в 1576 г., писал, что к царю «не чувствуют расположения ни духовные, ни миряне»: стоит неприятелю вторгнуться в страну, как «его собственные русские немедленно окажут поддержку».¹¹⁸

В своем новом обличье опричнина просуществовала не более года. Последние упоминания о Симеоне как «великом князе всея Руси» относятся к середине сентября 1576 г. Симеон сидел на великом княжении около одиннадцати месяцев, после чего был переведен на удел в Тверь. Царь «учинил» Симеона великим князем Тверским.¹¹⁹

Кровавые казни бояр и организация удельного «двора» вновь посеяли раздоры в среде господствующего феодального сословия. Приказной аппа-

рат управления был в значительной мере дезорганизован «разделом» государства и полной неопределенностью разграничения компетенции «великого князя» Симеона и удельного князя Ивана Московского. Чрезвычайные меры были осуществлены властями вопреки воле высших сословий земщины, боявшихся возрождения опричнины. Ввиду всех этих обстоятельств весьма правдоподобным выглядит сообщение Д. Горсея о том, что духовенство, дворяне и земство (простое сословие) принуждены были просить Ивана IV вернуться на царство и тот согласился принять корону, выставив многие условия. Они будто бы были утверждены указом думы («парламента»), после чего Грозного торжественно посвятили на царство.¹²⁰

Политическая история послеопричного времени отмечена шумными конфликтами между монархией и боярской аристократией. Передача трона хану Симеону Бекбулатовичу стала второй после опричнины попыткой верхушечного политического переворота, целью которого было укрепление самодержавного строя в стране. Традиционное ограничение монархии в пользу могущественной боярской аристократии на мгновение приобрело гротескную форму ограничения власти Ивана Московского в пользу «великого князя» Симеона.

В первые послеопричные годы власти пытались консолидировать господствующий класс и осуществить «умиротворение» страны, потрясенной кровавой трагедией опричнины. Но эти усилия не увенчались успехом. Столкнувшись лицом к лицу с глубоким недовольством в среде господствующих сословий, Грозный отдал земщину под управление Симеона и образовал для себя удельное княжество. Политика «удела» как бы воспроизвела в миниатюре опричнину периода массовых репрессий. Казни 1575 г. довершили разгром старого опричного руководства. Во втором своем «издании» опричнина продержалась менее года.

Объявив об отмене «удела», Грозный сохранил «двор». Отсутствие данных о новом «переборе людишек» после 1576 г. позволяет заключить, что ядро «двора» составили служилые люди «удела». Последнее «дворовое» правительство возглавили оружничий Б. Я. Бельский и думный дворянин А. Ф. Нагой.

Политика Грозного служила воплощением политической формулы «разделяй и властвуй». Но после отмены «второй опричнины» она приобрела, по-видимому, более мягкие формы.

Какую роль играл Грозный в событиях, связанных с учреждением опричнины, а позднее удела? Современники склонны были преувеличивать эту роль. Но историк впал бы в другую крайность, если бы вознамерился отрицать влияние Грозного.

Для суждений о личности царя Ивана самым надежным основанием служат, пожалуй, его многочисленные литературные сочинения. В своих писаниях Грозный предстает как человек, от природы одаренный острым умом, публицистическим талантом, большим политическим темпераментом.

Отзывы современников о Грозном противоречивы, но почти все они признают за ним бесспорную образованность. Младший современник Грозного дьяк Иван Тимофеев, строго критиковавший царя за жестокость и мнительность, отдает дань его достоинствам: он «крепок во бранех и мудромен зело о всех, во всем роде своем изряден быв премудростию», «добре... он грамотечное о истинне по философех научение сведый, к сим же и внешнее немнение».¹²¹ В апологетических тонах отзывался о Грозном неизвестный автор «Повести книги сея от прежних лет» начала XVII в.: «...муж чюдного рассуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен».¹²²

Знавшие царя иноземцы отмечают его природный ум и опытность. Надобно полагать по всему, писал австрийский посол Даниил фон Бухау,

он (царь) ума необыкновенного.¹²³ Литовский посол А. Харитонович заявил Ивану в глаза: «твой государственной от Бога дарованный разум кроме (выше. — Р. С.) человеческого разума».¹²⁴

В апологетических отзывах о Грозном лезть мешалась с официозными оценками и ходячими представлениями. Более независим в своих суждениях английский посланник Д. Горсей, близко знавший царя.

Это настоящий скиф, заявлял Горсей, он остроумен, жесток, кровожаден, безжалостен; его собственная опытность помогла ему в управлении государством и общественными делами.¹²⁵

Совершенно очевидно, что в различные периоды своего царствования Грозный имел неодинаковую возможность воздействия на ход исторических событий. При Сильвестре и Адашеве Иван всецело подчинялся авторитету наставников и друзей, что бесспорно ограничивало его собственное влияние на дела управления. После отстранения вождей Рады и введения опричнины все переменилось. Грозный, казалось бы, достиг неограниченной власти. «Я думаю, что и турку так не повинуются, как повинуются москвиту, ибо это великий тиран», — писал венецианский посол, побывавший в Москве в год новгородского разгрома.¹²⁶ Австрийский посол, посетивший Русь вскоре после опричнины, писал о Грозном следующее: «Он такой могущественный властелин, что никто тому не поверит, не бывши в этом государстве. Но всего более замечательно безграничное послушание подданных своему государю».¹²⁷ Современники с редким единодушием утверждали, будто влияние московского «тирана» на дела управления было почти безграничным. Однако в этом пункте они не избежали преувеличения.

Опричнина, а позднее удел были любимыми детищами Грозного. Но они никогда не были исключительно его делом. В важнейших деяниях опричнины и «удела» рядом с царем Иваном неизменно выступает целая плеяда соратников. Виднейшими из них были А. Д. Басманов, позднее М. Скуратов, его племянник Б. Я. Бельский и А. Ф. Нагой. На первый взгляд все эти люди кажутся послушными исполнителями распоряжений Грозного. Между тем подлинное их влияние на опричную политику было исключительно велико.

Царь Иван любил музыку, охотно пел в церковном хоре и сам сочинял мелодичные песнопения. Обладая художественной натурой, он легко поддавался всякого рода внушениям и особенно самовнушению. Своим любимцам он доверял безгранично, склонен был следовать их советам во всем, даже в выборе невесты. Однако привязанности Грозного были по большей части кратковременными. Заканчивались они почти всегда тем, что самодержец безжалостно уничтожал любимцев, усматривая в их влиянии угрозу собственной власти.

Чрезмерная подозрительность Грозного отчасти объясняется патологией его личности. В дни первого отречения от престола он пережил сильное нервное потрясение, вызвавшее тяжелую болезнь. В ближайшие годы царь, до того обладавший несокрушимым здоровьем, начинает настойчиво искать опытных врачей в заморских странах. После новгородского разгрома в земщине много толковали о том, что Бог покарал Ивана неизлечимой болезнью: «болети неисцелно ему сотвори».¹²⁸ Очевидцы передают, что Иван был подвержен припадкам, во время которых приходил «как бы в безумие», на губах выступала пена, он «бесился на встречных» и т. д.¹²⁹ Внезапные вспышки ярости и невероятная подозрительность связаны были, по видимому, с какой-то нервной болезнью.¹³⁰ Некоторые исследователи склонны считать душевный недуг Грозного первопричиной многих политических потрясений. В конце прошлого века П. И. Ковалевский утверждал: царь подвержен был неврастении и его психика параноика с манией преследо-

вания сказались в создании опричнины. Этот вывод обоснован рассуждениями самого общего характера. К примеру, П. И. Ковалевский писал, что у царя после венчания «резко выражается страсть многих неустойчивых людей (дегенератов) возможно чаще и возможно больше фигурировать, произносить речи, появляться к народу и блуждать по государству».¹³¹

Исследование костных остатков позволило М. М. Герасимову высказать предположение о тяжком заболевании Ивана IV. Вследствие значительного отложения остеофитов на костях позвоночника Иван лишился подвижности и весь его торс оказался как бы в жестком корсете. Остеофиты вызвали приступы чрезмерной длительной боли. По мнению М. М. Герасимова, болезнь развилась в последние пять-шесть лет жизни Ивана.

Каким бы ни было влияние недуга на поведение царя и события его эпохи, значение отмеченного обстоятельства не следует преувеличивать. Чудовищный террор приходится на время, когда царь обладал сравнительно неплохим здоровьем, а его болезни находились на начальной стадии. Нервные заболевания усилились к концу жизни Грозного, но тогда кровопролитие в государстве прекратилось.

Жестокость Ивана IV объяснялась не только патологией. Вся мрачная, затхлая атмосфера средневековья была проникнута культом насилия, пренебрежением к достоинству и жизни человека, всевозможными суевериями. Царь Иван Васильевич не был чем-то исключительным в длинной веренице средневековых правителей-тиранов.

Массовый террор, осуществленный в Русском государстве в 1567—1570 гг., создал обстановку, превратившую всеобщий страх и подозрительность в важнейший элемент общественной жизни. В конце концов жертвою страха стал и сам Грозный. На протяжении всей опричнины он жил затворником в Слободе под надежной охраной и никуда не выезжал иначе, как в сопровождении многих сотен вооруженных до зубов преторианцев. Постоянно опасаясь заговоров и покушений, царь перестал доверять даже ближайшей родне и друзьям. Новые сподвижники Ивана старательно поддерживали в нем его подозрения.

В пору кровавых оргий опричнины царь действует как человек, ослепленный страхом. Как заметил однажды Энгельс, эпоху террора нельзя отождествлять с господством людей, внушающих ужас. «...Наоборот — это господство людей, которые сами напуганы. Террор — это большей частью бесполезные жестокости, совершаемые ради собственного успокоения людьми, которые сами испытывают страх».¹³²

Кровавый террор наложил глубокую печать на всю политическую жизнь общества. Никогда еще не расцветали столь пышным цветом низкопоклонство перед великим государем. «Ласкатели» и сотрапезники без всякой меры превозносили мудрость и непогрешимость правителя.¹³³

Под влиянием страха и неумеренных славословий Грозный, несмотря на свой природный ум, все больше утрачивал перспективу, становился нетерпим к любым возражениям и упрямо совершал ошибку за ошибкой. В конце концов он окружил себя людьми самыми сомнительными, отъявленными карьеристами и негодьями.

Опричнина создала видимость всевластия московского самодержца. Но в царстве опричного террора правитель сам стал игрушкой в руках всякого рода авантюристов и палачей.

Царь заботился о величии и могуществе страны, ибо от успехов «отчины» зависела красота и блеск его собственной власти. Славу Руси Иван целиком отождествлял со славой собственного царства. «Тажь по благоволению в троицы славимого Бога, — писал он, — в Росийской земле воздвижеся царствие сие».¹³⁴ Иван IV верил в то, что его династия происходит

прямо от римского императора Августа и брата его Пруса, мифического предка Рюрика.¹³⁵ Миф о германском происхождении оправдывал пренебрежение к русскому народу. Д. Флетчер слышал от соотечественников историю о царском заказе одному английскому ювелиру. Передавая золотой слиток мастеру, Иван IV велел хорошенько следить за весом золота. «Русские мои все воры», — сказал он. Ювелир, слыша это, взглянул на царя и улыбнулся. Иван IV велел объяснить, чему тот смеется. «Если ваше величество простите меня, — отвечал золотых дел мастер, — то я вам объясню. Ваше величество изволили сказать, что русские все воры, а между тем забыли, что вы сами русский». Человек весьма проницательного ума, царь заметил: «Я так и думал, но ты ошибся: я не русский, предки мои германцы».¹³⁶

Притчи, записанные английским послом через несколько лет после смерти Грозного, не отличались достоверностью свидетельства непосредственного очевидца. Но они, по-видимому, верно передавали представления современников о царе. Народ в глазах Ивана IV был прежде всего источником доходов для царской казны. Филантропические затеи оставались ему чужды. В годы бедствий Грозный далек был от мысли открыть государственные житницы перед голодающим народом. Его «праветчики» с редкой жестокостью выколачивали недоимки из деревни. По словам Флетчера, Грозный сравнивал народ со своей бородой или же с овцами. «Чем чаще стричь бороду, — говорил он обыкновенно, — тем гуще она будет расти; овец же необходимо стричь раз в год, чтобы не дать им совершенно обрасти шерстью».¹³⁷

Невзирая на все это, Грозный, по-видимому, пользовался популярностью в народе.¹³⁸ Поведение столичного населения в дни отречения царя перед опричниной не оставляет сомнений на этот счет. Отношение низов к власти определялось не столько личными качествами и деяниями монарха, сколько традицией и предрассудками народа. Царь примерно наказывал избалованных в мошеничестве и взятках приказных правителей, что способствовало формированию образа грозного, но справедливого монарха. Опричный террор не мог разрушить или исказить этот образ. Грандиозные казни в Москве, завершившие новгородский розыск, вызвали в народе одновременно страх и взрыв верноподданнических чувств. На обращение Ивана толпа разразилась криками «Живи, преблагая царь! Изменники достойны казни!»

Народ оказался на редкость восприимчив к идее о великой измене правителей-бояр. Воспоминания об опалах Грозного на лихих бояр со временем легли в основу народных представлений о добром царе-избавителе.

Современников поражали сумасбродства, которым царь предавался среди кровавых оргий. Некоторые его поступки носили вполне невинный характер, другие пугали подданных.

На свадьбе царской племянницы Грозный велел гостям плясать под напев псалма святого Афанасия, затем сам пустился в пляс вместе с молодыми иноками, по головам которых он отбивал такт жезлом.¹³⁹ Во время великих пиров во дворце царь Иван не прочь был потешиться и подшутить не только над иноками, но и над ближними боярами. Однажды, повествует летописец, благочестивый государь призвал к себе бояр и дворян и всяких чинов людей на пир и «жаловал без числа своею царскою чашою и (велел. — *Р. С.*) чашником безпрестанно носить и поить. И как почали прохладатися и всяким глумлением глумитися: овии стихи пояше, а овии песни воспевати и собаки звати, и всякая срамная слови глаголати. И... царь... повеле их речи слушати и писати тайно. И наутрея повеле к себе список принести речей их и удивишася о сем, что такие люди разумныя и смиренныя от его царского синклита, такие слова простыя глаголюще; и показаше те речи им, и они сами удивишася...»¹⁴⁰

Удивительно, что царь Иван, невзирая на бесконечные сумасбродства, жестокость, пренебрежение к общепринятой морали, сумел создать себе репутацию богобоязненного и благочестивого монарха. В этом ему немало помогла склонность к юродству и покаяниям. Трудно отделаться от впечатления, что покаянные слова Ивана искренни. «...Подобает вам, нашим государем, — писал гордый самодержец кирилловским старцам, — и нас заблудших... просвещати. А мне псу смердящему, кому учить и чему наказати, и чем просветить? Сам бо всегда в пианстве, в блуде, в прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе. ...Паче же в настоящем сем многомятежном и жестоком времени, кому мне, нечистому и скверному, и душегубцу, учителю быть?»¹⁴¹ Искренность приведенных слов дала А. С. Пушкину повод к поэтизации образа Грозного «с душой страдающей и бурной».

Среди немногих сохранившихся портретов царя наиболее достоверен так называемый копенгагенский портрет, писанный неизвестным художником в XVI в. и увезенный из Москвы датским послом Ф. Габелем в 1677 г.¹⁴² Портрет написан на дереве яичными красками в живописной манере, характерной для московской школы второй половины XVI в. На портрете изображен среднего возраста мужчина с высоким лысым лбом, коротко стриженными вьющимися волосами, большой волнистой бородой, в парадном одеянии, украшенном драгоценными камнями. «Как отметил М. М. Герасимов, «копенгагенский портрет» написан в условной, почти иконописной манере, что значительно снижает его ценность. В благообразном царском лице на фреске Новоспасского монастыря индивидуальность вовсе неразличима. Явно полемическим представляется портрет Грозного из немецкого летучего листка XVII в., на котором изображен хитрый, жестокий азиат в косматой шапке. В позднем портрете Ивана из титулярника XVII в. все схематично — и орлиный нос, и грозно сдвинутые брови.¹⁴³ Весьма существенным дополнением к сохранившимся портретам служат литературные описания, среди них наибольшее известностью пользуется описание из так называемой повести князя Катыева первой половины XVII в., подлинный автор которой неизвестен. «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп, возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты...»¹⁴⁴ Приведенный литературный портрет Грозного, по-видимому, не особенно точен. В самом деле, автор его пишет о серых глазах царя, но с этим никак не согласуется то, что сам Грозный называл неправдивыми людей с серыми глазами.¹⁴⁵ Составитель портрета отмечает, будто царь имел «сухо тело». На самом деле Иван к концу жизни (а только тогда и мог видеть его автор повести) отличался полной. Отмеченные несообразности можно предположительно объяснить тем, что внешность Грозного описана с чужих слов. Утверждение насчет «нелепого образа» носит явно полемический характер. Даже враги Грозного, не жалевшие красок, чтобы очернить тирана, нигде не называли его наружность отталкивающей. Более объективные наблюдатели (например, англичанин Д. Горсей, на протяжении многих лет близко знавший царя, а также итальянские купцы и др.) определенно утверждают, что Иван обладал привлекательной внешностью и даже был хорош собой.¹⁴⁶ По-видимому, царь отличался внешним благообразием, во всяком случае, в его облике не было выражения жестокости. В этом пункте документальный портрет Грозного, выполненный М. М. Герасимовым, не вполне согласуется с показаниями источников. С наибольшей достоверностью внешность Грозного описал австрийский посол Даниил фон Бухау, посетивший Москву в то время, когда Ивану исполнилось сорок пять лет. По его словам, царь был очень высокого роста, полон сил и довольно толст, с длинной и густой бородой рыжего цвета с небольшим оттенком черноты, с обритой

головой, с большими глазами, которые постоянно бегают и наблюдают все самым тщательным образом. Более всего австрийца покорила царственная осанка Грозного.¹⁴⁷

Иностранцев, посещавших двор Ивана, поражал царивший там дух тщеславия и высокомерия. Московиты, писал фон Бухау, горды и надменны. Не считаясь с историей, они чрезвычайно превозносят все свое и этим хвастовством и тщеславием думают придать достоинство своему князю.¹⁴⁸

•Опричнина обнажила главную черту Грозного — жажду безграничной власти. Она же заложила основы самодержавного строя, надолго определившего направление политического развития Русского государства.

¹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 178.

² Платонов. Очерки. С. 147.

³ Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера как исторический источник. СПб., 1891. С. 70—81; Сухотин Л. М. К пересмотру вопроса об опричнине. Белград, 1940. Вып. 5—6. С. 58—59.

⁴ Лурье Я. С. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV//Послания Ивана Грозного. С. 482—484.

⁵ Садиков. Очерки. С. 43—44.

⁶ Вернадский Г. В. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович//To honor Roman Jakobson. The Hague; Paris, 1957. Vol. 3. P. 1233—1254.

⁷ Каштанов С. М. О внутренней политике Ивана Грозного в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича//Тр. МГИАИ. 1961. Т. 16. С. 461—462.

⁸ Там же. С. 459—461.

⁹ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и постановление Симеона Бекбулатовича «великим князем всея Руси»//Исторический архив. 1959. № 2. С. 149.

¹⁰ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины//ВИ. 1967. № 5. С. 32—39, 49.

¹¹ Culpepper J. The Kremlin execution of 1575 and the enthronement of Simeon Bescbulatovich//Slavic Review. 1963. Vol. 24. P. 503—504. Интересные наблюдения сделал английский историк Е. Халберт, отметивший неточность русского перевода текста Горсея, использованного В. И. Корецким (см.: Hulbert E. The Zemskie Sobor of 1575: A mistake of translation//Slavic Review. 1966. Vol. 25. № 2. P. 320—322).

¹² Павленко Н. И. К истории земских соборов XVI в.//ВИ. 1968. № 5. С. 98—100.

¹³ Зимин А. А. Иван Грозный и Симеон Бекбулатович в 1575 г.//Учен. зап. Казанского гос. пед. ин-та. 1970. Вып. 80. С. 157.

¹⁴ Хофф. Тирания. Л. 22. Имя Бомелея внушало страх не только подданным царя, но и его собственным землякам — «немцам», служившим в опричнине. И. Таубе и Э. Крузе называли его не иначе, как «беглым шельмовским доктором» (Послание Таубе и Крузе. С. 54).

¹⁵ Гамель И. Англичане в России в XVI и XVII столетиях//Зап. Академии наук. СПб., 1865. Т. 8. Прил. С. 97—98.

¹⁶ Штаден. Записки. С. 123—124.

¹⁷ Горсей. Путешествия. С. 105—106.

¹⁸ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 262.

¹⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 391.

²⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.

²¹ Там же. С. 226.

²² Там же. С. 192.

²³ Горсей. Путешествия. С. 12.

²⁴ Толстой Ю. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 188.

²⁵ Там же. С. 181—182.

²⁶ Каштанов С. М. Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела»//ИЗ. 1968. Т. 82. С. 244.

²⁷ Послания Ивана Грозного. С. 195.

²⁸ Валк С. Н. Грамоты полные//Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. Пг., 1924. С. 130; Лурье Я. С. Комментарии//Послания Ивана Грозного. С. 641—642.

²⁹ Послания Ивана Грозного. С. 196.

³⁰ Там же. С. 195—196.

³¹ Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 258. Составители описи, может быть, из-за спешки неверно поместили список Симеона 7079 г. Следующим документом, описанным ими, был столпик 7083 г.

³² Послания Ивана Грозного. С. 195.

³³ Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 176.

- ³⁴ Шмидт С. О. Неизвестные документы XVI в. // Исторический архив. 1961. № 4. С. 155.
- ³⁵ Толстой Ю. Первые сорок лет... С. 188.
- ³⁶ ААЭ. Т. 1. № 290.
- ³⁷ Каштанов С. М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С. 210. Гипотеза о вхождении Ярославля в удел встретила возражения со стороны С. П. Мордовиной и А. Л. Станиславского (Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 г. 1977. С. 155).
- ³⁸ ТКДТ. С. 122; Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 112, 133.
- ³⁹ ТКДТ. С. 66, 128.
- ⁴⁰ Несколько деревень во Владимирском уезде, полученных ранее 1576 г., Д. И. Засекин отказал в Троицкий монастырь в 1573—1574 и 1576—1577 гг. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 87).
- ⁴¹ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора Ивана IV... С. 160.
- ⁴² Там же. С. 159.
- ⁴³ НПК. Т. 5. С. 571, 582 и др.
- ⁴⁴ Вопрос о времени перехода в удел Зубцова и Ржевы детально исследован В. И. Корецким (Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 40—41).
- ⁴⁵ Разряд Полоцкого похода царя Ионна Васильевича 1562—1563 гг. // Витебская старина. С. 33, 35, 36; Буганов. Документы. С. 174—176. Псковичи и ростовцы в походе 1572 г. не участвовали.
- ⁴⁶ Павлов А. П. 1) Опыт ретроспективного изучения писцовых книг (на примере писцовой книги Старицкого уезда 1624—1626 гг.) // ВИД. 1985. Т. XVII. С. 109—120; 2) Политика государства и мобилизация поместного и вотчинного землевладения в годы опричнины: (К вопросу о практической реализации указа об опричнине) // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии: Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации: Тез. докл. и сообщ. М., 1988. С. 226—227.
- ⁴⁷ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 43.
- ⁴⁸ НПК. Т. 5. С. 582.
- ⁴⁹ Там же. С. 655, 681.
- ⁵⁰ Мордовина С. П., Станиславский А. Л. Состав особого двора... С. 157.
- ⁵¹ Показания К. Граевского // Чтения ОИДР. 1905. Кн. 1. Отд. II. С. 9—10.
- ⁵² ДДГ. С. 480.
- ⁵³ Разряды. Л. 490 об., 513 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 358, 377 об.
- ⁵⁵ Горсей. Путешествия. С. 100—101, 105—106.
- ⁵⁶ Можно заметить серьезные расхождения в двух переводах анализируемого текста Горсея, выполненных Ю. Толстым и А. А. Севастьяновой. Согласно переводу Ю. Толстого, царь вернул грамоты помимо городов, купечества и монастырей также дворянству (Горсей Д. Путешествия в Московию Еремея Горсея / Пер. Ю. Толстого. М., 1907. С. 12—13). В переводе А. А. Севастьяновой вместо «дворянства» значится «отдельные лица» (Горсей. Путешествия. С. 97).
- ⁵⁷ Горсей. Путешествия. С. 105.
- ⁵⁸ Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 63. Перевод сверен по фототипическому изданию сочинения Д. Флетчера: Of the Russia commonwealth by Giles Fletcher 1591. Cambridge (Mass.), 1966. P. 43.
- ⁵⁹ Каштанов С. М. 1) Грамоты Московского Симеонова монастыря как источник для изучения вопроса об отмене тарханов в 1575—1576 гг. // Исследования по отечественному источниковедению: Сб. ст., посвящ. С. Н. Валку. М.; Л., 1964. С. 499—503; 2) К вопросу об отмене тарханов в 1575—1576 гг. // ИЗ. 1965. Т. 77. С. 209—210; 3) Финансовая проблема в период проведения Иваном Грозным политики «удела». С. 272; 4) Финансы средневековой Руси. С. 205—221.
- ⁶⁰ Колычева Е. И. Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 138—141.
- ⁶¹ Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. С. 11.
- ⁶² Там же. С. 30, 40.
- ⁶³ Корецкий В. И. Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 49—50.
- ⁶⁴ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. М., 1978. С. 100—102.
- ⁶⁵ Дербов Л. А. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол в 1572—1576 гг. // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. Саратов, 1954. Т. 39. С. 208—210.
- ⁶⁶ Разрядная книга 1475—1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 2. С. 361, 381.
- ⁶⁷ Там же. С. 372—373, 379—381.
- ⁶⁸ Там же. С. 374, 384.
- ⁶⁹ Флоря Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы. С. 111—112.
- ⁷⁰ Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1975. Вып. 1. С. 225.
- ⁷¹ Курбский. Сочинения. С. 320.
- ⁷² Новгородские летописи. С. 345.
- ⁷³ Кобрин В. Б. «История о великом князе Московском» в двух зарубежных изданиях // ВИ. 1965. № 10. С. 176.

- ⁷⁴ Новгородские летописи. С. 148.
- ⁷⁵ См.: *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники//Исторический архив. 1951. Кн. 7. С. 226. Псковская летопись относит опалу Леонида к 7083 г. (Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 262).
- ⁷⁶ *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 258. Сн. 3. Краткий синодик опальных духовных лиц включал не только казненных, но и умерших в заключении иерархов.
- ⁷⁷ Псковские летописи. Вып. 2. С. 262.
- ⁷⁸ Новгородские летописи. С. 148.
- ⁷⁹ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 381.
- ⁸⁰ *Корецкий В. И.* Земский собор 1575 г. и частичное возрождение опричнины. С. 35.
- ⁸¹ Горсей. Путешествия. С. 106.
- ⁸² *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. С. 135.
- ⁸³ Курбский. Сочинения. С. 320.
- ⁸⁴ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники. С. 226; ПСРЛ. Т. 34. С. 192. Соловецкий летописец ошибочно называет опального чудовского архимандрита Евстафием, а не Евфимием.
- ⁸⁵ ГПБ. ОР. Q XVII. 87. Л. 123 об. В списках П. Строева показаны архимандриты Феодосий (1574 г.) и Гермоген (1577 г.), а имя Иосифа отсутствует (*Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. С. 149).
- ⁸⁶ Послания Ивана Грозного. С. 172, 178, 191—192.
- ⁸⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 г. Ч. 1. С. 315—316.
- ⁸⁸ *Строев П.* Списки иерархов... С. 1035.
- ⁸⁹ Горсей. Путешествия. С. 106.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1848. Т. 3. С. 166.
- ⁹² ПСРЛ. Т. 34. С. 226.
- ⁹³ На протяжении многих лет П. В. Юрьев служил при дворе наследника царевича Ивана в качестве его главного оруженосца (Разряды. Л. 341, 372 об.). Точная дата смерти П. В. Юрьева обозначена в монастырских кормовых книгах (*Дмитриев И. Д.* Московский Новоспасский монастырь в его прошлом и настоящем. М., 1909. Прил. С. 10).
- ⁹⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 226.
- ⁹⁵ Горсей. Путешествия. С. 108.
- ⁹⁶ Там же. С. 106.
- ⁹⁷ Там же.
- ⁹⁸ Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. IV. С. 29.
- ⁹⁹ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 226.
- ¹⁰¹ Там же. С. 192.
- ¹⁰² Там же. С. 226.
- ¹⁰³ Разряды. Л. 407 об.; *Каштанов С. М.* Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI века//АЕ за 1960 г. М., 1962. С. 180; АИ. Т. I. № 192.
- ¹⁰⁴ *Апухтин В. Р.* Псково-Печерский Успенский монастырь и его вкладная книга 1558 г. М., 1914. С. 12.
- ¹⁰⁵ *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкия Сергиевы лавры. М., 1890. Ч. 2. С. 101.
- ¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 34. С. 192, 226.
- ¹⁰⁷ Разрядная книга 1475—1605 гг. Т. 2. Ч. 2. С. 382.
- ¹⁰⁸ ПСРЛ. Т. 34. С. 192.
- ¹⁰⁹ Веселовский. Исследования. С. 212.
- ¹¹⁰ *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие в XV—XVII вв. М., 1975. С. 96—97, 218.
- ¹¹¹ Штаден. Записи. С. 91.
- ¹¹² Речь, сказанная царем мне, Даниилу Сильвестру, в его городе Москве, в опричном доме 29 ноября 1575 г.//*Толстой Ю.* Первые сорок лет... С. 181.
- ¹¹³ Там же. С. 186—187.
- ¹¹⁴ Псковские летописи. Вып. 2. С. 262.
- ¹¹⁵ Горсей. Путешествия. С. 106.
- ¹¹⁶ Там же. С. 100.
- ¹¹⁷ ПСРЛ. Т. 37. С. 197.
- ¹¹⁸ Штаден. Записки. С. 72, 74.
- ¹¹⁹ Разряды. Л. 507 об.
- ¹²⁰ Горсей. Путешествия. С. 97.
- ¹²¹ *Временник Ивана Тимофеева.* М.; Л., 1951. С. 17, 150.
- ¹²² РИБ. Т. 13. Стб. 619—620.
- ¹²³ *Бухау Даниил фон.* Начало и возвышение Московии//Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. IV. С. 27.
- ¹²⁴ Сб. РИО. Т. 71. С. 689.
- ¹²⁵ Горсей. Путешествия. С. 117.
- ¹²⁶ *Historia Russiae Monumenta.* СПб., 1841. Т. 1. С. 214.

- ¹²⁷ Донесение о Московии Иоана Пернстейна 27 мая 1575 г.//Чтения ОИДР. 1876. Кн. 2. Отд. IV. С. 18.
- ¹²⁸ Временник Ивана Тимофеева. С. 14.
- ¹²⁹ Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. IV. С. 27. Австрийский посол, описывая внешность царя, вскользь упоминает о том, что Иван, как и все москвитяне, имел лицо «багровое и красное как кровь» будто бы от того, что ударял челом в землю на молитвах (Там же).
- ¹³⁰ Дьяк Тимофеев пишет, что царь «к ярости удобь подвижен бе, купно по естеству и за гнев» (Временник Ивана Тимофеева. С. 11).
- ¹³¹ *Ковалевский П. И.* Иоани Грозный и его душевное состояние. Харьков, 1893. Вып. 2. С. 82.
- ¹³² Письмо Ф. Энгельса к К. Марксу от 4 сентября 1870 г.//*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 45.
- ¹³³ Новые советники «восхваляше... и возношаше и глаголаше... царя велика, непобедима и храбра» (Курбский. Сочинения. С. 269).
- ¹³⁴ Послания Ивана Грозного. С. 201.
- ¹³⁵ Там же. С. 260.
- ¹³⁶ *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 25.
- ¹³⁷ Там же. С. 60.
- ¹³⁸ *Perrie M.* The image of Ivan the Terrible in Russian folklore. London, 1987. P. 90—92.
- ¹³⁹ *Чумиков А.* Осада Ревеля (1570—1571) герцогом Магнусом//Чтения ОИДР. 1891. Кн. 2. Отд. IV. С. 32.
- ¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 34. С. 194.
- ¹⁴¹ Послания Ивана Грозного. С. 162—163.
- ¹⁴² *Хорсквер Э.* Портрет Ивана Грозного в Дании//Художник. 1959. № 12. С. 49.
- ¹⁴³ Важнейшие портреты царя воспроизведены в книге «Послания Ивана Грозного» на с. 8, 288, 400, 384, 472.
- ¹⁴⁴ РИБ. Т. 13. Стб. 619—620.
- ¹⁴⁵ Переписка. С. 43.
- ¹⁴⁶ Горсей. Путешествия. С. 117; *Огородников В.* Донесение о Московии второй половины XVI в.//Чтения ОИДР. 1913. Кн. 2. Отд. II. С. 11, 13—14.
- ¹⁴⁷ Чтения ОИДР. 1876. Кн. 3. Отд. IV. С. 27.
- ¹⁴⁸ Там же. Кн. 4. Отд. IV. С. 67.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

(Для общей оценки эпохи террора Грозного наиболее существенное значение имеют два вопроса. Во-первых, что породило репрессивный режим опричнины и при каких условиях террор приобрел неслыханную разрушительную силу? Во-вторых, изменил ли террор порядки в Русском государстве или все свелось к истреблению отдельных личностей?) Эти вопросы советские историки пытались разрешить в рамках общих представлений о социальном развитии и классовой борьбе в России в XVI в. М. Н. Покровский рассматривал опричнину как «государственный переворот, диктовавшийся объективно экономическими условиями», разложением московского феодализма, утверждением на развалинах разрушавшейся боярской вотчины помещичьего хозяйства, надвигавшимся господством торгового капитала.¹ Помещики вместе с богатым купечеством захватили власть и обрушились на боярство жестоким террором.² Боярская дума потеряла всякое значение, диктатура царя выражала господство дворянства и купечества.³ Опричнина экспроприировала богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина. Завладев боярскими вотчинами, помещики стали грабить крестьян, отбирать у них земли. Торжество помещиков и купцов привело к огромному усилению эксплуатации крестьян.⁴

И. И. Смирнов, разделявший концепцию М. Н. Покровского в начале 1930-х гг., продолжил исследование классовых аспектов опричнины. Разорение 70—80-х гг. XVI в. привело к резкому сокращению крестьянской запашки в России. Превратно истолковав этот факт, И. И. Смирнов заключил, что «в результате опричнины было экспроприровано 50% крестьянских земель». «Классовый смысл опричнины, — писал исследователь, — становится очевидным. ...Опричнина означала разгром крестьянского хозяйства и экспроприацию значительной части крестьянских земель в пользу феодалов».⁵ Дав собственную интерпретацию рассказам Г. Штадена о столкновениях опричников с земцами во время новгородского погрома, И. И. Смирнов заключил, что «опричнина резко обострила классовые противоречия внутри феодального общества Московской Руси, доведя их до такой степени, что классовая борьба начинала в отдельных случаях принимать форму гражданской войны между опричниками и крестьянами».⁶

Со временем И. И. Смирнов отказался от оценки опричнины как «классовой политики, направленной против крестьян».⁷ Однако новые доводы в пользу этой оценки выдвинули А. А. Зимин и С. М. Каштанов. «...Рассматривая опричнину в социальном аспекте, — пишет С. М. Каштанов, — мы убеждаемся, что главное в ней — это ее классовая направленность, которая состояла в проведении мероприятий, содействовавших даль-

нейшему закреплению крестьян. В этом смысле опричнина была, конечно, в большей степени антикрестьянской, чем антибоярской политикой».⁸

А. А. Зимин подчеркивал, что главное значение опричнины заключалось в преодолении последних форпостов удельной децентрализации. Однако и для этого исследователя классовый характер опричнины сохранял значение главного момента. «Искоренение очагов феодальной раздробленности, драматические страницы столкновения царя Ивана с его вчерашними сподвижниками, — писал А. А. Зимин, — не должны от нас скрывать главного: опричная дубина, ударяя по вельможному барину, другим концом еще сильнее била по русскому мужику».⁹

Поддержав мысль И. И. Смирнова о резком обострении классовой борьбы в период опричнины, А. А. Зимин отчасти повторил также и его аргументы. Сославшись на рассказы Г. Штадена о разгроме земцами отряда из 500 стрельцов-опричников, он заключает: «...в этих случаях антиопричные выступления крестьян переплетались с внутриклассовой борьбой в среде господствующего класса. Но вооруженное нападение „простого люда“ на царских приближенных показывает остроту недовольства опричной политикой в самой толще народных масс».¹⁰ Окончательный вывод А. А. Зимина сводится к следующему: «Годы опричнины явились новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства. В отличие от предшествующего времени, ареной классовых битв были уже широко охвачены не отдельные села и деревни, а вся страна. Голос стихийного протеста слышался в каждом русском селении».¹¹

Схема А. А. Зимина не вытекает из приведенного им фактического материала. Основной формой «классовых битв» крестьян в годы опричнины, по мнению исследователя, было их массовое бегство на окраины. Однако считать бегство, приводившее к деклассированию крестьянства, «новым этапом в истории антифеодальной борьбы крестьянства» не представляется возможным.

В историографическом плане глубокое влияние на концепции опричнины, по-видимому, оказали некоторые устойчивые стереотипы 1930-х гг. Один из них заключался в преувеличенной оценке значения централизации для развития русского общества. Другой опирался на традиционное для тех времен представление о терроре как следствии обострения классовой борьбы.

Анализируя проблему централизации, следует еще раз подчеркнуть, что рудиментом удельной децентрализации в XVI в. были не церковь и не Новгород Великий, а система удельных княжеств в первую очередь. Ни царь, ни его опричная дума, по-видимому, никогда не выступали последовательными противниками удельной системы. Более того, Грозный создал опричнину по образу и подобию княжеского удела и, судя по духовному завещанию, намеревался возродить порядки, изжитые уже в конце XV в.

В отличие от своих предшественников Иван III не стал делить государство между своими сыновьями, а отдал львиную долю городов наследнику трона. Черновой проект завещания Грозного неоспоримо свидетельствует о его намерении вернуться к практике раздела государства. Для младшего сына Федора Иван предполагал образовать удел, включавший древние великокняжеские столицы Суздаль и Ярославль, а также Кострому, Мценск, Серпейск, Козельск. В полном соответствии с традицией времен раздробленности царь задумал разделить между сыновьями выморочное Угличское удельное княжество. Большая часть удела передавалась старшему сыну, зато центр княжества Углич отходил к Федору. После свадьбы с Анной Колтовской царь дополнил завещание распоряжением о ее устройстве. «На прожиток» в удел царице Анне предполагалось выделить город Ростов со многими селами. Возможному сыну от Анны предназначался Углицкий

удел с Угличем, Малым Ярославцем, Вереей и Кашиным, возможной дочери — город Зубцов.¹² Царское завещание осталось черновиком, что и объясняет наличие в нем многих противоречий. Как бы то ни было, проекты, изложенные в завещании, весьма характерны. Они воплощали в себе аристократические предрассудки Грозного и его ближайшего окружения. Осуществление этих проектов привело бы к возрождению в стране удельных порядков в самых широких масштабах. В 1575—1576 гг. Иван IV вернулся к опричным порядкам и объявил о передаче трона «великому князю всея Руси» Симеону Бекбулатовичу. После отмены удела для Симеона было образовано новое удельное княжество — «великое княжество Тверское».

В годы опричнины был казнен князь Владимир Андреевич. Но эта расправа не привела к ликвидации Дмитровского княжества. После отмены опричнины Иван IV вернул княжичу Василию Владимировичу отцовское удельное княжество.

Родовое удельное княжество Воротынских было ликвидировано за несколько лет до опричнины. Новосильско-Одоевский удел был возрожден в годы опричнины и просуществовал почти три года до 1569 г., после чего князь М. И. Воротынский получил Стародубское княжество. На последнем этапе существования опричнины в конце 1572 г. Грозный объявил о возвращении князю Михаилу Перемышля, издавна принадлежавшего его роду.

Высшие ступени феодальной иерархии занимали удельные князья И. Д. Бельский и И. Ф. Мстиславский. Первый владел Луховским княжеством, второй — Юхотским. По словам современников, в годы террора царю поступало множество доносов на Мстиславского и Бельского, но он отвергал их, говоря: «Я и эти двое составляем три московские столпа. На нас троих стоит вся держава».¹³ В 1571 г. Мстиславский вынужден был публично признать себя изменником, повинным в сожжении Москвы татарами. Но даже после этого он сохранил родовой удел и пост главы Боярской думы. Бельский погиб в дни московского пожара, а выморочное Луховское удельное княжество было передано царем выехавшему в Москву валашскому господарю Богдану.¹⁴

Вступив в раздор со своей знатью, Иван IV, по-видимому, старался найти опору среди удельных владык. Опричнину невозможно представить как систему политических мер, острием своим направленную против системы удельных княжеств.

Попытка М. Н. Покровского объяснить опричнину классовым переворотом, передавшим власть из рук бояр-вотчинников в руки нового класса — дворян-помещиков, вступившим в союз с торговым капиталом, оказалась неудачной. Но его схема возродилась позднее в теории «борьбы дворянства и боярства». Эта борьба якобы определяла направление политического развития русского общества в XVI в. Но, как уже отмечалось, существенное значение имела не борьба боярства и дворянства, а процесс трансформации старого боярства в дворянско-служилое сословие XVI в. (см. гл. 1). Трансформация социальной структуры феодального сословия была связана с развитием поместной системы, а изменение политической структуры — с развитием таких феодальных сословных учреждений, как Боярская дума и Государев двор.

Исторически в основе «дворовой» службы лежала наследственная служба вассалов с их вотчинных владений. Высшая титулованная знать, сохранившая в своих руках родовые княжеские вотчины, пользовалась привилегией проходить службу по особым княжеским спискам, что обеспечивало ей самое высокое положение в системе Государева двора XVI в. Опричнина способствовала разрушению его традиционной структуры. В первых, на опричную службу были приняты лишь немногие представители

титулованной знати, так что в опричном «особном» дворе служба по княжеским спискам была фактически упразднена. Во-вторых, очень многие Ростовские, Ярославские и Стародубские князья, записанные в княжеские списки, по указу о казанской ссылке лишились родовых земель и были переведены на казанские поместья. Эти меры имели важные последствия, невзирая на последующие амнистии. Ссылка и террор ослабили влияние княжеской знати внутри двора. В документах Государева двора 1580-х гг. княжеские списки еще сохранялись, но к началу XVII в. они были упразднены окончательно. На первый план выдвинулся принцип службы, Государев двор получил единую чиновную структуру.

Опричина ограничила политическую роль и изменила некоторые функции Боярской думы, остававшейся высшим органом Русского государства XVI в.

Одной из важнейших комиссий Боярской думы была семибоярщина, управлявшая столицей в отсутствие царя. При Адашеве семибоярщину неизменно возглавляла высшая титулованная знать — князья Шуйские, Оболенские и пр. Опричина начала с того, что изгнала из семибоярщины княжескую знать и передала названную комиссию в распоряжение нетитулованного старомосковского боярства (Челяднинных, Шереметевых и др.). По мере разрастания конфликта с земщиной царь сократил семибоярщину. В 1565 г. Москву «ведали» семь бояр и двое окольных, в 1567 г. — только двое бояр и трое окольных, в 1570 г. — всего лишь двое бояр.¹⁵ С осени 1570 г. бояре были удалены из московской комиссии, которую возглавляли теперь казначей князь В. В. Мосальский, печатник Б. И. Сукин и приказные люди.¹⁶ Весною 1572 г. столицу вновь «ведали» приказные люди, а кроме них «для осады» там остались воеводы князь Ю. И. Токмаков и князь Т. Долгорукий, не состоявшие в Боярской думе.¹⁷ Таким образом, в последние годы опричины Грозный упразднил семибоярщину. Вместе с тем была временно уничтожена одна из важных прерогатив Боярской думы.

В период опричины дума осуществляла руководство центральным приказным аппаратом. Г. Штаден, отлично осведомленный насчет московских порядков, рассказывал следующее: «В каждом судебном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и что приказывал он дьяку писать, тот так и писал».¹⁸ Наиболее важные дела решались, однако, не в приказах, а непосредственно в Боярской думе. «О больших делах» дьяки обязаны были «приходить» к боярам.

«В историографии, — писал С. Б. Веселовский, — принято употреблять выражение „Боярская дума“ в смысле известного учреждения. Правда, было хорошо известно, что у так называемой Боярской думы не было своей канцелярии, постоянного штата служащих и архива решенных дел, что называть Боярскую думу учреждением можно только с большими оговорками...»¹⁹. Дума в самом деле не имела особой канцелярии, но лишь по той простой причине, что все ее делопроизводство велось в главных приказах, там же хранились ее архивы. Приказы служили как бы обширной, разветвленной канцелярией думы. Периодически дума создавала особые комиссии для проведения дворянских смотров, поместной разверстки, решения земельных тяжб.

По традиции члены думы непосредственно возглавляли такие важнейшие приказы, как Конюшенный приказ и Большой дворец. Стоявшие во главе Конюшенного приказа «конюшие бояре» занимали наивысшее положение в иерархии старомосковских чинов. После казни боярина И. П. Федорова-Челяднина должность конюшего была фактически упразднена, а все управление приказом перешло к ясельничим из дворян. Результатом стало известное ограничение контроля Боярской думы за дворцовым аппаратом.

В годы опричнины Боярская дума сохраняла в своих руках контроль за военным руководством. Члены думы пользовались исключительным правом на замещение высших командных постов в армии. Во время сбора всего дворянского ополчения глава Боярской думы или старший из бояр становился главнокомандующим земской армии. Прочие назначения определялись в соответствии с аристократическим принципом местничества, ограждавшем права боярства.

Но в годы опричнины правительство ни разу не созывало Боярскую думу в сколько-нибудь полном составе. Исключением явился Земский собор 1566 г., на который были приглашены 20 бояр и окольничих. В этом случае на собор допустили главным образом бояр из старомосковской нетитулованной знати и некоторых удельных князей. По общему правилу, правительство представляло решения и указы на утверждение одних только «начальных бояр». Важнейшие приговоры о внешних делах России были утверждены шестью боярами (18 мая 1568 г.), девятью боярами и одним окольничим (май 1570 г.), семью боярами и одним окольничим (7 января 1572 г.).²⁰

После Полоцкого похода и поворота к политике репрессий правительство допустило значительные отступления от традиционной практики назначения членов Боярской думы. Вследствие раздора царя с боярством назначения новых членов в думу резко сократились.²¹ В первые четыре года опричнины назначения в думу производились крайне нерегулярно и не могли восполнить естественной убыли ее членов.²² Только после отставки А. Д. Басманова и полной отмены опричнины были проведены новые массовые назначения в Боярскую думу.²³

В XVI в. дворянство было политически распылено и по сравнению с боярской знатью играло второстепенную роль в управлении государством. Тем не менее давление общей массы дворянских интересов на политику было исключительно велико. Многочисленное среднее и мелкое феодальное дворянство, владевшее землями главным образом на поместном праве и тесно зависевшее от центральной власти, составляло социальную базу монархии.

В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не путем корпоративной организации мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привилегированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противопоставленной всей остальной массе земского дворянства. Опричнина расширила фонды поместных земель в пределах опричных уездов. Она открыла незнатному, худородному дворянству доступ к высшим постам в аппарате управления. Некоторые ее стороны заключали в себе как бы в зародыше все последующее развитие дворянско-бюрократической абсолютной монархии. Но опричнина обнаружила тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы, отгнав боярскую аристократию от кормила правления, занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчинствами, грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В период опричнины дворянство не выдвинуло из своей среды ни одного реформатора типа Пересветова или Адашева. Ее героями были всесильный палач Малюта Скуратов и целая плеяда подобных же временщиков — от веселого царского сотрапезника Васьки Грязнова до безграмотного канцлера и печатника Романа Алферьева.

Политический вес дворянства в период опричнины заметно возрос. Впервые дворяне получают более широкое и постоянное представительство

в высших органах власти: в Боярской думе и на земских соборах. До середины XVI в. в Боярскую думу спорадически входили отдельные представители дворянства из числа великокняжеских фаворитов, руководителей царских канцелярий и др.²⁴ Обычно им жаловали какой-нибудь дворцовый чин или в виде исключения представляли один из высших думных титулов.²⁵ Согласно официальным дворцовым спискам начала 50-х гг., в состав Боярской думы входили следующие чины: бояре, окольничие, оружничий, дворецкие, казначеи, печатник и, возможно, постельничие.²⁶ Высшие думные чины получали, по общему правилу, лишь представители знати. В период опричнины в составе Боярской думы появляется новая курия «думных дворян». Поскольку дворяне могли войти в думу исключительно как приближенные царя («ближние люди»), чин думного дворянина представлялся только тем, кто служил в опричнине. Интересно, что и самый термин «думный дворянин» родился в опричнине. В 1571 г. опричный печатник Р. В. Алферьев впервые именуется в разрядах «думным дворянином».²⁷ Надо отметить, что в жизнь это наименование вошло не сразу.²⁸

Со времени опричнины думные дворяне регулярно участвовали в важнейших заседаниях Боярской думы. Когда в мае 1570 г. она вынесла важное решение о «литовском деле», в приговоре участвовали 9 земцев и 10 опричников, из них пятеро были опричными дворянами, «которые живут у государя з бояры».²⁹ В приговоре думы относительно перемирия со шведами в январе 1572 г. участвовали наряду с десятью боярами и думными дяками также двое дворян, «которые живут у государя в думе».³⁰

Образование института думного дворянства в опричнине протекало многообразными путями. Дворяне, не принадлежавшие к высшей знати и знати вообще, получали доступ в думу прежде всего благодаря службе в таких дворцовых ведомствах, как Бронный, Конюшенный и Постельный приказы.

До опричнины чин оружничего, главы дворцового Бронного приказа, носили представители высшей знати князь Ю. И. Щетинин-Ярославский, Л. А. Салтыков-Морозов.³¹ С учреждением опричнины этот чин получил малознатный дворянин князь А. И. Вяземский, ставший одним из руководителей опричной думы.³² Фактически именно оружничие стали первыми думными дворянами опричнины.

Руководителями дворцового Постельного приказа были В. Ф. Наумов (1564—1565 гг.) и Д. И. Годунов (1567—1572 гг.).³³ Постельный приказ, ведавший дворцовой охраной и расследованием всевозможных «тайных дел», чрезвычайно расширил свои функции в годы опричнины, особенно при Д. И. Годунове.³⁴ Стремительное возвышение Годуновых, породнившихся с Малютой Скуратовым, начинается как раз со времени службы Д. И. Годунова в постельничих.

Ясельничие служили в дворцовом Конюшенном приказе в качестве помощников конюшего-боярина.³⁵ Они вошли в Боярскую думу, по-видимому, не ранее начала 60-х гг.³⁶ Можно установить, что ясельничий П. В. Зайцев стал членом боярской судной комиссии и сидел «в суде у бояр» во время Полоцкого похода 1563 г.³⁷ В годы опричнины функции ясельничего значительно расширились. П. В. Зайцев был членом боярской комиссии, комплектовавшей опричное войско, служил дворцовым воеводой в 1567 г. и «начальным» человеком в опричной половине Москвы в 1570 г.³⁸ В опричной думе ясельничий занимал более высокое положение, нежели казначей.³⁹ В период опричнины ясельничие сохранили связь с дворцовым Конюшенным ведомством, но связь эта все больше становилась номинальной.⁴⁰ То же самое можно сказать и о других высших дворцовых чинах — оружничем и постельничем.

Опричина изменила значение ряда дворцовых чинов, ставших атрибутом думного дворянства.⁴¹ Отныне оружничий, постельничий и ясельничий

не только заведовали соответствующими дворцовыми приказами, но и заседали в думе, вели дипломатические переговоры, командовали полками, судили. Таким путем произошло дальнейшее расширение курии думных дворян внутри Боярской думы.

Становление самодержавной системы управления было тесно связано с развитием приказной системы. Бюрократический аппарат монархии был по меркам своего времени весьма громоздким. В Дворовой тетради 1552—1562 гг. записано до 50 больших и дворовых дьяков, возглавлявших главные приказы, или избы.⁴² Ко времени опричнины общее число приказов увеличилось до 86.⁴³ Штат каждого приказа, или судебной избы, составляли дьяк, подьячие и писцы числом от 20 до 50 человек.⁴⁴

Характерной чертой системы приказного управления была чрезвычайная дробность ведомств и отсутствие четкого разграничения функций между ними. Наряду с центральными отраслевыми управлениями (Казна, Посольский, Разрядный, Поместный, Разбойный, Ямской приказы, приказ Большого прихода и пр.) существовали областные приказы, управляющие территориями отдельных земель (Тверской, Рязанский дворцы), упраздненными удельными княжествами (Дмитровский и Углицкий дворцы) и вновь завоеванными землями (Казанский дворец). Существовали также различные мелкие ведомства: Земский двор (полицейское управление), Московское тиунство и т. д. Не только областные дворцы, но и центральные приказы имели в своем ведении специально выделенные территории. В пределах своей территории приказ собирал налоги, творил суд и расправу. К примеру, Посольский приказ осуществлял управление Карельской землей.⁴⁵

Центральное место в системе приказов XVI в. занимал Казенный приказ, руководители которого вошли в Боярскую думу задолго до опричнины.⁴⁶ Во главе приказа стояли двое казначеев, главным помощником которых был печатник — хранитель большой государственной печати. Влияние печатников на дела управления заметно усилилось в 60-х гг., когда этот пост занимал И. М. Висковатый, которого иностранцы называли «канцлером»; фактически он возглавлял иерархию приказных чинов.

В Дворовой тетради 50-х гг. дьяки, руководители десятков различных ведомств, записаны в общий список, озаглавленный «Большие дьяки».⁴⁷ К началу 60-х гг. из общей массы «Больших дьяков» выделились думные дьяки, ставшие постоянными членами Боярской думы. На Земском соборе 1566 г. приказные люди заседали раздельно: высшие приказные чины сидели вместе с боярами, прочие приказные — отдельной группой, записанной ниже детей боярских второй статьи.⁴⁸ В заседании думы участвовали помимо руководителей Казенного приказа также главы Разрядного приказа (И. Клобуков), Поместного приказа (П. Михайлов), Посольского приказа (А. Васильев) и их помощники (И. Бухарин, А. Щелкалов и И. Юрьев).⁴⁹ Спустя два года после собора думные дьяки вновь участвовали в заседании Боярской думы и скрепили своими подписями приговор 18 мая 1568 г. Среди них были главный поместный дьяк П. Михайлов, главный посольский дьяк А. Васильев и разрядные дьяки Андрей и Василий Щелкаловы.⁵⁰ В соответствии с традицией, сложившейся в 60-х гг., в состав Боярской думы постоянно входили руководители четырех-пяти важнейших приказов.⁵¹ Они докладывали на заседаниях думы внутренние и внешние дела государства, составляли документацию.

Приказная система в основных чертах сформировалась в период реформ Избранной рады. Опричнина ускорила разрастание бюрократического аппарата, создав параллельно с земскими приказами систему опричных приказов.

При учреждении опричнины Грозный торжественно заявил, что намерен утвердить «правду» в своем царстве, искоренить злоупотребления в судах

и приказах. Царь заботился о своей репутации строгого и справедливого правителя. Он примерно наказывал приказных, избличенных в мошенничестве и беззакониях. Но борьба с лихоимством очень скоро отступила на задний план, будучи вытесненной шумной борьбой с «изменой». В конце концов декларация по поводу водворения в стране истинного суда обернулись неслыханными опричными беззакониями и грабежами.

Высшая приказная бюрократия стала важным элементом самодержавной системы управления с момента зарождения. Современники не преминули указать на этот факт. Беглый дворянин Т. Тетерин писал из-за рубежа полуопальному члену Избранной рады в 1564 г.: «Есть у великого князя новые верники — дьяки, которых его половиною кормят, а другую половиною себе емлют, у которых дьяков отцы вашим (великородных бояр. — Р. С.) отцам в холопстве не пригожались, а ныне не токмо землю владеют, но и головами вашими торгуют».⁵²

Думные приказные люди были по преимуществу выходцами из мелкого дворянства. Из служилой мелкоты набирались не только дьяки, но и многие подьячие — среднее звено приказного аппарата управления.⁵³ Но дворянство не могло удовлетворить полностью потребности государственного аппарата в грамотных и образованных людях. Процент неграмотных в среде провинциального дворянства и даже столичной знати был очень высок.⁵⁴ Поэтому правительство нередко привлекало на службу грамотное торговло-посадское население, особенно богатое купечество.⁵⁵ Служба в приказах открывала незнатным, но способным выходцам из дворян и богатых купцов доступ к высшим государственным должностям.

Приказной аппарат, дворянский в высших и средних звеньях, был надежным инструментом монархии. После опричины социальный и политический вес приказной служилой бюрократии несомненно возрос. Высшие ее представители вошли в Боярскую думу.

Тенденция развития думы в период опричины характеризуется следующими фактами. С одной стороны, внутри думы образовались влиятельные курии думных дворян и думных дьяков; с другой стороны, боярская знать в составе думы в те же годы подверглась гонениям и казням. К началу опричины в думе числилось 34 боярина и 9 окольничих, из них 3 бояр были заточены в монастыре, а 15 бояр и 4 окольничих казнены в годы опричины.⁵⁶ Еще 3 бояр и 2 окольничих были убиты при «втором издании» опричины в 1575 г. Исследовав перемены в составе думы при Грозном, А. А. Зимин заключил: «Уменьшение состава Боярской думы не дает оснований для вывода о падении ее роли в политической жизни страны...»⁵⁷ Формально Боярская дума не утратила значения высшего органа. Фактически же ее влияние было основательно поколеблено вследствие, по-первых, казни многих бояр и резкого сокращения ее численности, во-вторых, раскола сокращенной думы на две половины — земскую и опричную, или «дворовую», и, в-третьих, концентрации реальной власти в руках членов курии думных дворян, образовавшейся внутри думы во времена опричины.

Незадолго до смерти Грозного в состав «разделенной» думы входили следующие лица:

Земский список⁵⁸

Бояре князь И. Ф. Мстиславский и Ф. И. Мстиславский; Н. Р. Юрьев, Б. Ю. Сабуров; князь И. Ю. и В. Ю. Голицыны, П. И. Татев; окольничие князь Ф. И. Троекуров, Т. И. Долгорукий и Д. И. Хворостинин; Ф. В. Шереметев; казначей П. И. Головин; дьяки А. Я. и В. Я. Шелкаловы.

Дворовый список

Бояре князь Ф. М. Трубецкой, И. П. Шуйский и В. Ф. Скопин; Д. И. Годунов, Б. Ф. Годунов; окольничие Ф. Ф. Нагой, С. В. Годунов; думные дворяне А. Ф. Нагой, Б. Я. Бельский, В. Г. Зюзин, Д. И. Черемисинов, Р. М. Пивов, М. А. Безнин, Б. В. Воейков, И. П. Татишев, печатник Р. В. Алферьев.

Таковыми были итоги «дворовой» политики. Земская дума стала более малочисленной, чем когда бы то ни было раньше. В нее теперь входило менее десятка бояр. Земской думе противостояла «дворовая» дума, в которой преобладали худородные думные дворяне.

Падение бывшего влияния бояр выразалось не только в том, что в Боярской думе числилось всего 12 бояр (7 в земской половине и 5 в дворовой), но и в том, что высшей властью обладали не они, а думные дворяне из ближайшего окружения Грозного.

Дума, бывшая на протяжении веков органом боярской олигархии, чисто аристократическим по своему составу, с включением думных дворян и приказных несколько изменила свой характер.

В XVI в. в России народились Земские соборы. В большинстве случаев соборные совещания 50—60-х гг. представляли сравнительно немногочисленную верхушку господствующего класса в лице членов Боярской думы и руководства церкви.⁵⁹ Только с середины 60-х гг. власти стали приглашать на соборы дворян и детей боярских, вместе с верхами посадского населения столицы. Расширение состава, полагал Л. В. Черепнин, и превратило старые соборные совещания в Земский собор.⁶⁰ Первый такой собор, о котором имеются достоверные данные, правительство созвало на втором году существования опричнины. Его участниками были, помимо бояр и церковников, многочисленные представители дворян, приказной бюрократии и купцов. Чем объясняется появление соборной практики в мрачную пору опричнины? Прежде всего тем, что новая политическая форма возникла в связи с первым серьезным кризисом опричной политики и кратковременной полосой поисков компромисса. Глубокий конфликт с правящим боярством побуждал монархию искать непосредственную опору в более широких слоях господствующих классов, в среде дворянства и богатейшего купечества. Страна была разорена длительными войнами, не прекращавшимися на протяжении двадцати лет. Поступления налогов в казну стали сокращаться, значительную часть государственных средств поглощали дорогостоящие опричные затеи. В таких условиях опричное правительство сочло необходимым созвать собор из представителей земщины и поставить перед ними единственный вопрос — о продолжении Ливонской войны. Послушно проголосовав за войну, представители земщины тем самым согласились на новые чрезвычайные военные расходы. Правительство рассчитывало переложить всю их тяжесть на плечи земщины и этой цели достигло. Нет сомнения, что именно из финансовых соображений были приглашены на собор представители «земли» в лице богатейшего московского купечества. По мнению М. Н. Тихомирова, органы сословного представительства в России по своей социальной природе ничем не отличались от сословно-представительных учреждений западноевропейских феодальных монархий, хотя в России они и не получили такого развития, как на Западе.⁶¹ Однако С. О. Шмидт отметил главную отличительную черту соборной практики в России — отсутствие выборности членов соборов. Даже наиболее представительные соборы XVI в. напоминали скорее «парламент чиновников», назначенных правительством, чем настоящее выборное представительное учреждение.⁶²

Следует подчеркнуть, что Земский собор как форма сословного представительства возник не в годы террора, а в кратковременный период амнистий и поисков компромисса в первой половине 1566 г. Во времена Ивана Грозного соборы созывались крайне редко и значение этих по преимуществу «чиновных» собраний было ограниченным.

По традиции важную роль в управлении государством играл вместе с аристократией так называемый священный собор, совет крупнейших духовных феодалов, пользовавшийся правом «советования» с царем и участво-

вавший вместе с думой в обсуждении важнейших законов, внешнеполитических дел и т. д.

На протяжении многих веков русская церковь поддерживала объединительную политику московских государей. Взгляд на церковь как последний форпост раздробленности и децентрализации представляется поэтому парадоксальным. Оценивая «дело» митрополита Филиппа в плане опричной борьбы с политической децентрализацией в России, А. А. Зимин писал: «Это была одна из последних страниц той длительной борьбы, которую вела сначала великокняжеская, а потом царская власть за включение церкви в государственный аппарат». ⁶³ Пока московские государи боролись за установление единодержавия, им необходим был союз с представителями сильной церкви. Как только цель была достигнута, союз сначала дал глубокую трещину, а потом рухнул. «...Для того чтобы правительство могло рассчитывать на осуществление своих планов ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, нужно было прежде всего сломить сопротивление руководителей русской церкви». ⁶⁴ Эта задача было выполнена. В конечном счете опричная политика в отношении церкви привела к крупному успеху централизаторской политики. ⁶⁵

Приведенная точка зрения вызывает возражения. Если справедливо утверждение, что в годы опричины у правительства были особые планы ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, то остается непонятным, почему именно в этот период оно вовсе отказалось от проектов секуляризации монастырского землевладения. Напомним: в первой половине XVI в. и в годы правления Избранной рады попытки секуляризации церковных богатств отличались большой настойчивостью. Исследование имунитетной политики в отношении церкви, проведенное С. М. Каштановым, позволило установить тот факт, что в период господства опричных порядков происходит восстановление тарханных привилегий монастырей, уничтоженных еще при Избранной раде. ⁶⁶

По мнению А. А. Зимина, русская церковь в XVI в. представляла собой один из наиболее могущественных рудиментов феодальной раздробленности, без трансформации которого не могло быть и речи о полном государственном единстве. ⁶⁷ Но политическое влияние церкви опиралось на громадные земельные богатства, а именно этой опоры могущества церкви и наиболее важной сферы ее интересов опричина вовсе не затронула. Даже во время самых яростных гонений против тверского и новгородско-псковского духовенства, когда опричная политика сводилась к прямому ограблению местного духовенства, царь не осмелился прикоснуться к главному достоянию церкви, ее земельным латифундиям. Отсюда следует, что опричину едва ли можно считать крупным успехом в плане борьбы с церковью как форпостом феодальной раздробленности.

Острый конфликт между светской и духовной властью в годы опричины вызван был не особыми планами ликвидации экономической и административной обособленности духовных феодалов, а причинами иного порядка. Князья церкви, тесными узами связанные с правящим боярством, не могли остаться в стороне от конфликта между монархом и княжеско-боярской аристократией. В этом случае конфликт с духовной властью носил вторичный характер. Не случайно крупнейшие столкновения царя с боярами сопровождались громкими судебными процессами над церковниками. Суд над конюшим И. П. Федоровым повлек за собой низложение митрополита Филиппа Колычева, суд над боярином В. Д. Даниловым завершили осуждением новгородского архиепископа Пимена. При «втором издании» опричины расправа с «дворовыми» боярами повлекла за собой суд над архиепископом Леонидом.

Из-за раздора с влиятельными боярскими группировками монархия особенно остро нуждалась в поддержке высшего духовенства и именно по этой причине отказалась от попыток секуляризации и даже ограничения дальнейшего роста церковного землевладения, восстанавливала в годы опричнины иммунитетные привилегии монастырей и т. д.

Репрессии опричнины ослабили политическое влияние церкви: после низложения митрополита Филиппа и разгрома крупнейшей епархии страны — новгородско-псковского архиепископства церковь надолго лишилась той власти и влияния, которыми она пользовалась до опричнины.

Политика опричнины в отношении посадского населения отмечена многими противоречиями. В критической ситуации начала 1565 г. правительство искало поддержки у московского посада, стремясь оказать давление на Боярскую думу и принудить ее санкционировать учреждение опричнины. Спустя полтора года богатейшее московское купечество получило широкое представительство на Земском соборе, который должен был решить вопрос о продолжении Ливонской войны и новых чрезвычайных военных расходах. После поворота к террору опричники подвергли дикому погрому несколько крупнейших посадов страны, включая Тверь, Новгород и Псков. В те же годы власти жестоко ущемили интересы русского купечества, пожаловав исключительные привилегии для торговли в России английской торговой компании.⁶⁸ Политика монархии в отношении посада определялась в значительной мере интересами фиска. Царь Иван заявил однажды английскому послу: «Мы знаем, что нужно выслушивать речи о купеческих делах, так как они опора нашей государственной казны...»⁶⁹ Именно заботы о доходах казны побудили правительство забрать в опричнину богатые торгово-промышленные посады Севера и Поморья, крупнейших солепромышленников Строгановых, а позже английскую купеческую компанию и Торговую сторону Новгорода. Опричное правительство охотно покровительствовало крупному купеческому капиталу: пожаловало громадные земельные владения Строгановым, заботилось о развитии морской торговли с Англией, старательно поддерживало в 60—70-х гг. нарвское мореплавание. Именно в опричнине иностранному промышленному капиталу были предоставлены первые в русской истории концессии. Но монархия поддерживала купеческий капитал лишь в той мере, в какой это было выгодно ей самой. Она аннулировала привилегии английской компании через два года после их предоставления и вслед за тем конфисковала значительную часть английских товаров, чем чрезвычайно осложнила торговлю с Англией. Произвол опричников в отношении русского купечества не имел предела.

Опричники ограбили многочисленное и богатое купечество Новгородско-Псковской земли, конфисковали казну и отчасти уничтожили товары, хранившиеся на торговых складах Новгорода.

Деятельность опричной администрации в Новгороде отчетливо обнаружила характерные для опричнины методы усиленной эксплуатации посадского населения. Реквизиции, чрезвычайные поборы, разорительные правежи — вот что несла опричнина тяглому посадскому населению. Во время карательного похода на Новгород и Псков опричники подвергли террору местное посадское население. Подобные действия имели вполне определенный социальный смысл. Власти боялись народа и старались посредством устрашающих мер предотвратить самую возможность массовых выступлений горожан против бесчинств и грабежей опричников.

¹ Покровский М. Н. Русская история с древнейших времен. М., 1933. Т. 1. С. 203.

² Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933. С. 43.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ *Смирнов И. И.* Классовые противоречия в феодальной деревне в России в конце XVI в. // Проблемы истории материальной культуры ГАИМК. 1933. № 5—6. С. 66. И. И. Смирнов расширительно толкует данные обиска 1571 г. о разорении Кирьяжского погоста. Поместив описание нескольких деревень, пострадавших от опричников, он продолжает: «...приведенных данных достаточно для того, чтобы сделать вывод о настоящем разгроме тех деревень, с которыми приходили в соприкосновение опричники. Экспроприация крестьянского имущества, уничтожение хозяйства и почти всегда или убийство или, в лучшем случае, бегство крестьянина — вот характеристика „крестьянской политики“ опричнины» (Там же. С. 64).

⁶ Там же. С. 66. Примечательны присмы обработки источников, позволявшие доказать факты «классовой борьбы». Г. Штаден красочно описывает, как 300 земцев преследовали шестерых опричников. «...Несомненно, если не все, то основная масса „земских“ в этом эпизоде, — пишет И. И. Смирнов, — была крестьянами», поскольку они «были пешими». Ниже И. И. Смирнов приводит слова Г. Штадена: земцы, «эти триста человек (пеших? — Р. С.) мчались за шестью всадниками» (Штаден. Записки. С. 144). Попытка усмотреть в столкновении между грабителями-опричниками и земцами факт классовой борьбы лишена оснований. К тому же рассказ Г. Штадена о том, как он с горсткой людей обратил в бегство 300 земцев, полон таким откровенным хвастовством, что доверять ему невозможно. И. И. Смирнов ссылается также на рассказ Штадена, будто во время новгородского похода «в одном месте земские побили отряд в 500 стрельков-опричников» (Штаден. Записки. С. 145). Нет сомнения, что и в этом случае речь шла о вооруженном столкновении земских дворян с грабившими их опричниками. Слухи о поражении опричных мародеров, напугавшие Штадена и заставившие его прекратить грабительский поход по Новгородской земле, были, по-видимому, сильно преувеличены. Чтобы одолеть 500 стрельцов, нужны были очень крупные военные силы.

⁷ *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова: (1606—1607 гг.). Л., 1951. С. 37—44.

⁸ *Каштанов С. М.* К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 108.

⁹ Зимин. Опричнина. С. 389.

¹⁰ Там же. С. 428; см. также: *Зимин А. А., Преображенский А. А.* Изучение в советской исторической науке классовой борьбы периода феодализма в России (до начала XIX в.) // ВИ. 1957. № 12. С. 141.

¹¹ Зимин. Опричнина. С. 425.

¹² ДДГ. С. 440—441, 442—443.

¹³ Шлихтинг. Новое известие. С. 23.

¹⁴ Подробнее см.: *Скрынников Р. Г.* Опричный террор. Л., 1969. С. 198.

¹⁵ Разряды. Л. 331, 338, 357.

¹⁶ Шлихтинг. Новое известие. С. 59.

¹⁷ Разряды. Л. 460.

¹⁸ Штаден. Записки. С. 79.

¹⁹ Веселовский. Исследования. С. 140.

²⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 656, 666; Т. 129. С. 216.

²¹ Накануне опричнины боярином стал В. Д. Данилов. В 1566—1567 гг. боярский чин получили князь П. Д. Пронский, З. И. Очин-Плещеев, князь В. И. Темкин-Ростовский, окольныхчи стали М. И. Кольчев и Н. В. Борисов.

²² Накануне и во время опричнины умерли или погибли на войне следующие члены думы: удельные князья бояре В. М. Глинский, А. И. Воротынский, И. Д. Бельский, знатные княжата бояре Ф. М. Оболенский, В. С. Серебряный, П. И. Телятевский, П. И. Тверской-Микулинский и П. И. Шуйский-Суздальский, окольныхчий князь И. М. Хворостинин, боярин князь Ф. А. Булгаков-Куракин, старомосковские бояре Д. Р. Юрьев, В. Ю. Траханиотов, В. М. Юрьев, И. М. Воронцов, М. И. Вороной-Волынский, окольныхчие М. П. Головин, М. М. Тучков-Морозов, И. И. Чулков, Д. Ф. Карпов, А. А. Бутурлин и др.

²³ В 1569—1571 гг. боярство получили князья И. А. Шуйский, Н. Р. Одоевский, Ф. М. Трубецкой, С. Д. Пронский, а также И. А. Бутурлин; окольныхчи стали Д. А. Бутурлин, князья Д. И. Хворостинин, О. М. Щербатый-Оболенский. В думу вошла также новая царская родня — бояре В. С. Большой Собакин, Б. Ю. Сабуров, В. Б. Сабуров, окольныхчие Г. С. и В. С. Меньшой Собакины.

²⁴ *Лихачев Н. П.* Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия // Сб. Археол. ин-та. СПб., 1896. Т. 6. С. 8.

²⁵ Известный фаворит Василия III дворянин И. Ю. Шигона Поджегин послал чин тверского дворецкого (см.: ПСРЛ. Т. 13. С. 412). А. Ф. Адашев в начале 50-х гг. именовался стряпчим, «а был в избе з бояры». Затем он получил чин окольныхчего (Разряды. Л. 202).

²⁶ ТКДТ. С. 54—55, 111—115.

²⁷ Разряды. Л. 375—376 об. В зимнем разряде 1572—1573 гг. под рубрикой «да з государем ездити дворяном з бояры» записаны двое думных дворян (Там же. Л. 467 об.).

²⁸ Разрядный приказ начинает включать в списки думных чинов раздел «Дворяне в думе» только после «второго издания» опричнины в 1575—1576 гг., а точнее — в конце 70-х гг. (см.: Разряды. Л. 378, 545 и др.). После появления думного дворянского чина очень скоро обнаружилась тенденция ограничить доступ к нему узким кругом семей, которые однажды получили этот чин и таким путем выбились в дворянскую знать. Так или иначе, но к концу 70-х

и началу 80-х гг. именно бывшие опричные думы и их родня прочно обосновались в Боярской думе в качестве думных дворян. Среди них были Б. Я. Бельский, Р. В. Алферьев и его двоюродный брат М. А. Безнин, бывшие опричники Р. М. Пивов, Б. В. Восейков, сын опричного думца Д. И. Черемисинов и др. К концу царствования Грозного курия думных дворян в Боярской думе насчитывала до десятка лиц. Кроме названных выше, думными дворянами были А. Ф. Нагой и И. П. Татишев (Разряды. Л. 378, 545; ДРВ. Т. 20. С. 60; *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 54).

²⁹ Сб. РИО. Т. 71. С. 666.

³⁰ Там же. Т. 129. С. 216.

³¹ Разряды. Л. 161 об., 171 и др. Начальник Бронного приказа возглавлял всю многочисленную свиту царских оруженосцев, служивших при царских доспехах: топорах, саадаках, копьях, рогатинах и сулицах. В походах оружничие ездили за царем «с шеломом».

³² После падения Вяземского службу оружничего исполняли опричник князь И. М. Тевекелев (рында «з шеломы з доспехи» в мае 1571 г. и весной 1572 г.), а затем царский родственник К. В. Собакин («с шеломом» зимой 1572—1573 гг.) (см.: Разряды. Л. 368, 458 об., 469 об.; ДРВ. Т. 20. С. 55). В 1577—1578 гг. царь пожаловал чин оружничего новому любимцу Б. Я. Бельскому, который стал влиятельнейшим членом думы в последние годы жизни Грозного (см.: Разряды. Л. 491, 513 об.).

³³ См.: Витебская старина. С. 38; Описи царского архива. С. 49; Разряды. Л. 338, 458, 467 об., 491. Во главе Постельного приказа стояли обычно двое. При Д. И. Годунове помощниками постельничего были сначала П. Квашнин (1567 г.), позже — И. Д. Овцын (1572 г.), Я. Д. Мансуров (1573 г.) и И. В. Милюков (1574 г.) (см.: Разряды. Л. 338, 458, 467 об., 491). Однако по своему влиянию младшие постельничие далеко уступали старшему. В 1573 г. Я. Д. Мансуров получал весьма невысокий денежный оклад в 40 руб. (Альшиц. Новый документ. С. 21).

³⁴ Постельничие «дозирали» и «росказывали» стольников, стряпчих и жильцов, несших охрану дворца и ночную стражу, ведали многочисленным штатом дворцовой прислуги и царским гардеробом (см.: АИ. Т. 2. № 355. С. 423).

³⁵ Ясельничие ведали стремянными конюхами и всей царской конюшней (АИ. Т. 2. № 355. С. 424).

³⁶ В Дворовой тетради 1552 г. имя ясельничего не значится в списке думных чинов. Тогда эту должность занимал В. Г. Дровнин, участник походов 1553, 1555, 1556 гг. Его помощниками были П. Вешняков и И. В. Тургенев (Разряды. Л. 202, 222, 232).

³⁷ Разряды. Л. 287 об. В издании А. Сапунова ошибочно назван П. В. Вольнский (см.: Витебская старина. С. 38). В приговорной грамоте Земского собора 1566 г. судья Б. И. Сукин («в суде у бояр») помещен в список думных чинов (см.: СГД. Ч. 1. № 191). Отметим, что П. В. Зайцев получил чин ясельничего в конце 50-х гг. (см.: ТКДТ. С. 68, 140; Разряды. Л. 260 об.).

³⁸ Сб. РИО. Т. 71. С. 354—394; Разряды. Л. 340 об.; Штаден. Записки. С. 134.

³⁹ См. местническое дело Татищева 1598 г. (*Мятлев Н. В.* Челобитье М. Татищева. М., 1907. С. 4).

⁴⁰ Практически руководство ведомством осуществляли конюшенные дьяки. При П. В. Зайцеве таковыми были П. Булгаков и Ф. Рылов (1558 г.), Ф. Рылов (1562 г.), Л. Ф. Ефимьев (1567 г.) и Б. Д. Арцыбашев (1570 г.) (см.: Разряды. Л. 260 об., 287 об., 338 об., 373; Сб. РИО. Т. 71. С. 754). Штаден называет Арцыбашева «маршалком», что говорит о видном положении конюшенного дьяка (Штаден. Записки. С. 97). Первый конюшенный дьяк Ерш Михайлов в 1578 г. получал гораздо более высокий денежный оклад (80 руб.), чем все другие дворцовые приказные люди (см.: Альшиц. Новый документ. С. 42).

⁴¹ И. И. Смирнов составил список Боярской думы за 40-е гг. XVI в. путем раскрытия формулы: «Бояре, окольничие, кравчий, оружничий, постельничий и ясельничий те же» (*Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 173). Между тем приведенная формула не отражает положения, существовавшего в середине XVI в. Например, постельничие вошли в Боярскую думу только в годы опричнины, но и после нее этот порядок утвердился далеко не сразу. Шереметевская боярская книга употребляет названную номенклатуру чинов применительно ко всему XVI в. Однако не следует забывать, что сама эта книга составлена была в последней четверти XVII в. Наиболее полные и достоверные ее сведения относятся к XVII в., тогда как все более ранние сведения (за XVI в.) составлены в ней задним числом и изобилуют ошибками.

⁴² ТКДТ. С. 115—117.

⁴³ *Любич-Романович В.* Сказания иностранцев о России XVI—XVII столетий. СПб., 1843. С. 21.

⁴⁴ Штаден. Записки. С. 83.

⁴⁵ Там же. С. 80—82; *Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 46—50.

⁴⁶ Казначей получали деньги из других приказов и опять пускали их из Казны на покрытие различных расходов. Таким путем Казна осуществляла высший финансовый контроль за прочими приказами и с помощью сметы расходов до известной степени координировала их деятельность (Штаден. Записки. С. 79—83).

⁴⁷ ТКДТ. С. 114—115.

⁴⁸ СГГД. Ч. 1. № 192. С. 548, 553. В низшей курии приказных людей заседали глава Большого прихода И. Булгаков, младший поместный дьяк В. Степанов, руководители Разбойного и Ямского приказов и др.

⁴⁹ Глава Посольского приказа носил чин думного дьяка еще в 1562 г. (*Лихачев Н. П.* Думное дворянство... С. 9).

⁵⁰ Сб. РИО. Т. 71. С. 564—565.

⁵¹ В 80-х гг. XVI в. в Боярской думе заседали глава Посольского приказа, двое дьяков Разрядного приказа, глава Поместного приказа и глава Казанского дворца (*Флетчер Д.* О государстве Русском. С. 46, 47, 54). Подобный порядок сохранился и в начале XVII в., когда в думу входили четверо думных дьяков: посольский, двое разрядных (Большого Московского и Новгородского разрядов) и поместный, но зато отсутствовал дьяк Казанского дворца (см.: *АИ. Т. 2. № 355. С. 422*). Позже Г. Котошихин отметил, что постоянными членами Боярской думы бывают три-четыре дьяка, а больше четырех не бывает (*Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. С. 23).

⁵² Послания Ивана Грозного. С. 537.

⁵³ Главный казначей Н. А. Фуников-Курцев происходил из мелких переяславских вотчинников. В новгородской дьяческой избе к 1570 г. служили главные дьяки А. В. Безсонов (из дворянской семьи Монастыревых) и К. В. Румянцев (из детей боярских), подьячие Г. Палицын, П. Рязанцев, А. Савуров и еще десяток других лиц из мелких новгородских помещиков. Только в отдельных, очень редких случаях высшие посты в приказной иерархии занимали, в силу исключительных дарований, выходцы из простонародья. Такими были известный сподвижник Адашева дьяк И. Г. Выродков и печатник И. М. Висковатый.

⁵⁴ «Грамоте не умели» и не могли расписаться за себя такие столпы приказного управления, как бояре И. В. Меньшой Шереметев, И. Я. Чеботов, печатник Р. В. Алферьев (*Зимин А. А.* Земский собор 1566 гг. // *ИЗ. 1961. Т. 71. С. 200. Примеч. 5*).

⁵⁵ В Новгороде «большим» дьяком долгое время служил глава богатейшей новгородской купеческой фамилии Ф. Д. Сырков. Вторым казначеем в течение 17 лет служил богатый купец Х. Ю. Тютин, родом из Византии.

⁵⁶ Зимин. Состав Боярской думы. С. 72—76.

⁵⁷ Зимин. Опричнина. С. 365.

⁵⁸ Зимин. Состав Боярской думы. С. 78—80. С. Б. Веселовский без ссылки на источник называет в чине окольничих И. П. Головина и И. И. Вислоухова-Сабурова (*Веселовский С. Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 192—193, 449). А. А. Зимин ошибочно включает в число земских бояр Я. А. Салтыкова, службы которого прослеживаются в 1543—1572 гг. (Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966. С. 105—245).

⁵⁹ В таком составе были созваны «соборы», судившие руководителей Избранной рады в 1560 г., митрополита Ф. Колычева в 1568 г. и архиепископа Пимена в 1570 г.

⁶⁰ *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 93.

⁶¹ *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века // *ВИ. 1958. № 5. С. 18—22*.

⁶² *Шмидт С. О.* Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 253.

⁶³ Зимин. Опричнина. С. 259.

⁶⁴ Там же. С. 214.

⁶⁵ Там же. С. 259.

⁶⁶ *Каштанов С. М.* К изучению опричнины... С. 96—117.

⁶⁷ Зимин. Опричнина. С. 259.

⁶⁸ Как показал С. М. Каштанов, в 1567—1569 гг. правительство проводило в рамках опричнины политику обедения монастырских городских дворов и слободок в ущерб интересам тяглого посадского населения (*Каштанов С. М.* К изучению опричнины... С. 113).

⁶⁹ *Толстой Ю.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией: 1553—1593. СПб., 1875. С. 135.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уже к XIII—XIV вв. во многих странах Европы сложилась система государственной власти, основанная на договорно-правовых отношениях. Крупные феодалы и городские общины добились юридического закрепления своих прав. В Англии возник парламент, во Франции — Генеральные штаты, ограничившие власть короля и представлявшие интересы подданных. Идея договора и «договорное сознание» не были чужды Руси.¹ В основе республиканских порядков Новгорода Великого и Пскова лежал «ряд» — договор между приглашенным князем, с одной стороны, и новгородскими боярами и вечем — с другой. Условия «ряда» строго соблюдались. Князьям, нарушившим его, «указывали путь», изгоняли из пределов земли. Благодаря республиканской форме правления Новгородская земля избежала дробления в XIII—XV вв. Долгое время Московское княжество и прочие монархии Северо-Восточной Руси по своей территории далеко уступали Новгороду. Владения Новгорода Великого на севере простирались до Кольского п-ова и Студеного моря (Ледовитого океана), на востоке — до Уральских гор. Новгород с его вечевым строем обладал высоким уровнем политической организации. Значительных успехов добились новгородцы в своем экономическом развитии. Через немецкую Ганзу они поддерживали оживленные торговые сношения со странами Западной Европы. Влияние Запада в сфере торговли и идей сказывалось в Новгороде в наибольшей мере. Однако, будучи крупнейшим политическим и экономическим центром, этот город никогда не выдвигал задачи объединения русских земель. Новгородская республика не тратила средств на содержание крупной армии, а при нападениях извне приглашала суздальских и позднее московских князей с полками.

Завоевание Новгорода Москвой стало поворотной вехой в политическом развитии Руси. Гарантом республиканского строя Новгорода было могущественное местное боярство. Поэтому Иван III не имел иного способа покончить с республикой, кроме как экспроприировать новгородских бояр. Неслыханное по масштабам насилие наложило глубокий отпечаток на политическую культуру Московской Руси.

Новгородские экспроприации резко усилили власть московских государей и заложили фундамент служилой системы землевладения в России. В основу ее был положен своего рода договор между монархом и его вассалами. Государство обязалось обеспечить служилых людей и все их потомство поместьями, вассалы приняли принцип обязательной службы с земли. Как только объединение земель завершилось, а вместе с тем прекратились массовые конфискации вотчин, тотчас появились первые признаки кризиса государственной системы распределения служилых земель. Дворянам были установлены поместные оклады в зависимости от их знатности и служебных успехов. Дворянский сын при поступлении на службу имел право получить поместье, размер которого определяется окладом его отца. Такой порядок сложился в то время, когда казна получила в свое распоряжение огромный фонд конфискованных новгородских, а затем и псковских вотчин. Однако дворянские семьи были многодетными и свободные фонды поместных земель подошли к концу сравнительно быстро. Поместные оклады стали

утрачивать реальный характер. Сказывался и недостаток свободных распаханных земель, а также нераспорядительность Поместного приказа. В этом крупнейшем чиновном ведомстве царили обычные российские вольности и взяточничество. Сыновья землевладельцев могли получить лишь часть положенных им по закону окладов.

Феодальная монархия оказалась неспособной выполнить взятые на себя обязательства, но московские государи не помышляли о пересмотре договора с вассалами и неукоснительно требовали от них обязательной службы. Принуждение стало неотъемлемой чертой нарождавшейся в России самодержавной системы. При Грозном эта особенность политического строя проявилась наиболее резко. В критические годы Ливонской войны дворяне во все большем числе уклонялись от обязательной службы, а власти пускали в ход насилие при сборе поместного ополчения. Помещиков, уклонявшихся от службы, били кнутом, налагали арест на их имущество, а к месту службы доставляли под конвоем. Несоответствие между окладами и неполными «дачами» было источником постоянного недовольства низшего дворянства. Поиски свободных земель для пополнения поместного фонда определили многие меры Избранной рады, а затем опричного правительства. Не имея свободных земель для дополнительного обеспечения привилегированного опричного войска, власти произвели насильственное отчуждение поместных владений у земских дворян, исправно несших государеву службу. Такие отчуждения окончательно нарушили первоначальный договор. Посягательства Казны на княжеские вотчины и неудавшиеся проекты секуляризаций были тесно связаны с нуждами военно-служилой системы.

Став господствующей формой землевладения, поместье не могло вытеснить крупной вотчины. Аристократия использовала для собственного обогащения поместную систему, сохраняя в своих руках родовые вотчинные владения. Московская знать помогла своим государям сокрушить древнее боярство Новгорода и Пскова, но затем сама подверглась насилию со стороны усилившегося государства. В XVI в. старое боярство трансформировалось в военно-служилое дворянское сословие. Все эти перемены получили отражение в сфере идеологии.

Я. С. Лурье впервые удалось установить факт проникновения правовых концепций — «договорного сознания» — в общерусские летописные своды XV в. Странник национального объединения, летописец подробно обосновал идею единства Руси на договорной основе с признанием прав отдельных земель.² Политическая централизация XVI в. была осуществлена в рамках единой державы. Но это не значит, что в России не осталось общественных сил, противостоявших самодержавно-деспотическим устремлениям государства. Расширение контактов с Литвой и Польшей, завязавшиеся торговые сношения с Англией давали русским возможность ближе познакомиться с принципами государственного устройства, отличными от их собственных. Это знакомство, по-видимому, сыграло свою роль в развитии внутреннего политического конфликта в России. При Грозном немало бояр и дворян пытались отъехать в Литву, и во многих случаях попытки увенчались успехом. Как видно, в глазах знати порядки шляхетской республики имели существенные преимущества перед самодержавным строем России. Еще до отъезда из России князь Андрей Курбский подверг уничтожающей критике пороки русского общества. Его неотправленное письмо в Псково-Печорский монастырь — примечательный памятник эпохи. За рубежом боярин получил возможность беспрепятственно выражать свои мысли. Русь, утверждал Курбский, «сиречь свободное естество человеческое», затворена «аки во адовой твердыне», тогда как Польско-Литовское государство пребывает «издавна под свободами христианских королей».³ В сочинениях князя появляются понятия «свободного естества человеческого»

и «естественного закона», выработанные европейской общественной мыслью.⁴ Лишь прелюбые русские цари нарицают своих советников невольниками, холопами, тогда как истинно христианские монархи «под собою имеют в послушестве великих княжат и других чиновников святых и свободных, а не холопей, сиречь невольников».⁵ В письме печорским монахам Курбский выступал защитником всех страждущих на Руси, не исключая «купецкий чин» и земледельцев. В «Истории» он сделал еще один шаг вперед. Царь, утверждал родовитый вельможа, «должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советников, но и у всенародных человек».⁶ Первый Земский собор с участием «всенародных человек» — купцов и приказных — был созван в Москве после бегства Курбского. Можно согласиться с Я. С. Лурье в том, что слова боярина не имели в виду русскую соборную практику.⁷ Известно, с каким убийственным презрением отзывался Курбский о временщиках царя, его любимых дьяках, происходивших «от простаго всенародства». Можно ли на основании этого отзыва заключить, что князь питал глубокое презрение вообще ко всей незнатной части «простаго всенародства»? Такое заключение прямо противоречило бы сочувственным словам Курбского о простонародье из послания в Псково-Печорский монастырь. Не только знатные советники, но и «всенародные человеки» имеют право участвовать в управлении государством, подавая добрые и полезные советы государю, — такова идея боярина, имевшая отчетливо выраженный демократический характер. Не надо забывать, что свой тезис Курбский выдвинул в противовес самодержавной теории Грозного. Приведенные факты иллюстрируют ошибочность представлений, будто князья и бояре (заодно с самодержавным монархом) выступали поборниками государственной централизации на московский лад. Дело обстояло как раз наоборот. Именно знать и земское дворянство, страдавшие от насилий опричнины, могли реально противостоять деспотизму государственной власти. Однако кровавый террор уничтожил возможность открытого протеста с чьей бы то ни было стороны.

Симпатии московской знати к польским шляхетским порядкам вызывали ярость Грозного, строившего империю с самодержавной властью. Царь находил всевозможные аргументы, чтобы опорочить выборную монархию и договорно-правовое государство. «...Наших великих государей волное царское самодержство, — писали бояре королю Сигизмунду II Августу под диктовку Ивана, — не как ваше убогое королевство, а нашим великим государем не указывает никто, а тебе твои панове как хотят, так укажут... ты по делу не волен еси, что еси посаженной государь, а не вотчиной, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государство и дали».⁸ Много лет спустя Грозный обратился с посланием к королю Стефану Баторию. В письме он именовал себя государем «по Божию изволению, а не по многмятежному человечеству хотению».⁹ Так он в последний раз выразил свое пренебрежение к принципу выборности монарха, лежавшему в основе политического устройства шляхетской республики — Речи Посполитой.

Парламентскую английскую монархию Грозный отвергал с еще большим негодованием. В письме к старой деве (пошлой девице) Елизавете Английской он писал: «Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но и мужики торговые, и о наших государских головах и о честех и о землях прибытка не смотрят, а ищут своих торговых прибытков».¹⁰ Курбский рекомендует царям выслушивать разумные советы «всенародных человек». Грозный стоит на противоположных позициях. Присутствие «торговых мужиков» — буржуазии в парламенте и их участие в решении государственных дел кажется Ивану недопустимым. Купцов, полагает царь, может интересоваться лишь чистоган, но никак не августейшие персоны, их честь и польза земли.

Иван Грозный создал репрессивный режим опричнины, чтобы устранить со своего пути те общественные группы и слои, которые реально ограничивали его власть. К таким слоям принадлежали в первую очередь князья суздальского происхождения, связанные родством с династией, а также некоторые другие княжеские фамилии.

В основе многолетних споров о смысле и целях опричнины лежит один из самых давних историографических мифов. Суть его заключается в подходе к опричнине как единой и цельной репрессивной политике. В действительности опричнина и ее террор никогда не были подчинены единой цели, принципу или схеме. Государство не могло долго проводить политику, грубо нарушавшую материальные интересы верхов правящего боярства. По этой причине опричные репрессии сохраняли антикняжескую направленность на протяжении всего лишь одного года. В 1566 г. Грозный принужден был объявить о «прощении» всех ссыльных княжат и вернуть их в Москву. Однако попытка царя примириться с земщиной, не отменяя опричнину, оказалась тщетной. Не душевная болезнь Ивана, а четко обозначившийся общественный кризис привел в движение механизм массового террора, до основания потрясшего Российское государство. Массовый террор возник на почве разлада между государственной властью и господствующим сословием в целом. Правители, все больше утрачивавшие поддержку этого сословия, стремились любой ценой удержать власть в своих руках. В обстановке массовых преследований, всеобщего страха и доносов аппарат насилия, созданный в опричнине, приобрел непомерное влияние на политическую структуру руководства. В конце концов адская машина террора вышла из-под контроля ее творцов. Последними жертвами опричнины оказались те, кто стоял у ее колыбели.

Посредством опричнины царь разделил дворянство надвое и натравил одну половину на другую. Непосредственный эффект этой политики был огромен: Иван IV утвердил свою неограниченную личную власть. Но долговременные последствия такой политики были катастрофическими. Опора монархии оказалась расщеплена, вследствие чего режим утратил стабильность. С этого момента государь мог управлять царством только с помощью насилия. Погромы и резня деморализовали опричную гвардию, превратив ее в банду мародеров. Грозному пришлось трижды менять состав своего охранного корпуса. Верхушка опричнины была физически истреблена руками «дворовых людей», после чего руководители «двора» были уничтожены «удельными слугами» самодержца.

В литературе утвердились неверные представления об общем числе жертв опричнины. Потрясенные казнями Грозного, современники писали об истреблении опричниками десятков и даже сотен тысяч людей. Более точное представление о масштабах террора дает царский синодик опальных, основанный на подлинных документах опричного архива. В синодик занесены данные о гибели примерно четырех тысяч человек. Для оценки приведенной цифры надо иметь в виду, что в синодик попали только те опальные, которые были казнены по приговору опричных судов или убиты в ходе опричных нападений на города и села. Умерших в тюрьме и ссылке синодик не учел. Таким образом, его данные требуют поправки. При уточнении количества жертв опричнины не следует упускать из виду и то, что в России XVI в. был осуществлен лишь первый опыт политической ссылки, причем сама ссылка носила патриархальный характер (опальные были наделены землями в местах поселения) и продолжалась недолго. В стране отсутствовала разветвленная сеть тюрем. Постоянных тюрем было сравнительно немного. Нередко арестантов раздавали приставам, дворы которых превращались в место заточения, пока узникам не выносили приговор. Длительные сроки заточения имели место в исключительных случаях.

В ходе дознания средневековый суд широко практиковал пытки. Опричнина довела систему пыток до неслыханных масштабов. Невозможно установить в точности, все ли погибшие под пытками лица попали в список «убиенных» опричниками. Синодик опальных не зафиксировал убийств, совершенных опричниками в порядке самочинных действий и являвшихся уголовными преступлениями даже с точки зрения опричных законов.

Оценивая террор Грозного, надо учитывать еще два момента: во-первых, население России в XVI в. едва ли превышало 6—8 млн. человек и, во-вторых, численность ее городского населения едва ли достигала 200—300 тыс. человек. Но именно городское население потерпело наибольший ущерб от опричнины. Крестьяне пострадали значительно меньше, чем посадские люди и дворянское сословие в целом. Дворянское ополчение насчитывало до 30 тыс. человек или несколько более, из них жертвами террора стали до 600—700 детей боярских, не считая членов их семей. В годы массового террора гонениям подверглись высшая приказная бюрократия, руководство церкви, отчасти поместное дворянство, т. е. те социальные силы, которые издавна служили наиболее прочной опорой монархии. С политической точки зрения террор против всех этих групп был полной бесмыслицей, как и избияния посадских людей и крестьян.

Опричные казни произвели ошеломляющее впечатление на современников, но они преувеличили масштабы террора не только по субъективным причинам. Данное обстоятельство до сих пор ускользало от внимания исследователей. В разгар опричнины на страну обрушились стихийные бедствия — общий неурожай, а затем чума. Опричники творили насилия в городах, население которых косила голодная смерть и эпидемия. Количество умерших от голода и болезней многократно превышало число жертв опричнины. Но в памяти современников бедствия слились воедино.

То, что самодержавие родилось в обстановке террора, надолго определило характерные черты складывавшейся политической системы. Опричнина выявила значение дворянства как опоры самодержавного строя. Но никогда царский произвол в отношении поместного дворянства не проявлял себя в столь резких формах, как в опричные годы.

Террор не сводился к физическому истреблению людей. Опричнина ознаменовалась подлинной катастрофой в сфере идей, идеологической жизни русского общества. В пору реформ русская общественная мысль пережила расцвет. Террор положил конец этому. В годы опричнины лишь сочинения самодержавного писателя — Ивана IV — имели право на существование, лишь его мнение считалось непогрешимым. Главная мысль царских сочинений получила выражение в тезисе о «великой боярской измене». Наиболее четко он сформулирован в знаменитом письме Ивана IV Курбскому, а несколько позднее в обращениях к думе и народу при отречении от престола. В речах к духовенству и боярам в Слободе царь апеллировал к истории, чтобы доказать на исторических примерах необходимость искоренения измены в государстве и подготовить умы к готовившемуся кровопролитию. Прямые обращения самодержавца к народу во время публичных экзекуций способствовали широкому распространению в народе превратных представлений о необходимости карательных действий против «изменников».

Крупнейшим культурным явлением русской жизни было летописание. С падением Избранной рады и началом казней царь Иван IV предпринял попытку прямого вмешательства в летописное дело. Свидетельством тому являются приписки к тексту официальных московских сводов. Автор приписок стремился выявить исторические корни боярской измены, иначе говоря, пытался навязать летописанию тот же самый тезис, который получил полное выражение в царских посланиях и грамотах. Отсутствие правки в

летописном тексте, составленном в первые два с половиной года опричнины, не позволяет судить о причастности царя и его опричного окружения к составлению летописной Повести об опричнине. Однако Повесть содержит столь неполный и искаженный отчет об опричных репрессиях и земельных мероприятиях, что неизбежно напрашивается вывод: либо летопись была отредактирована по указке опричных властей, либо земский летописец фальсифицировал исторические сведения под давлением обстоятельств. Репрессии пагубно отразились на духовной жизни общества. Руководство Посольского приказа, ведавшее летописанием, подверглось не только идейному давлению, но и прямому физическому уничтожению. Казнь Висковатого возвестила конец московского летописания. Террор затронул также и провинциальные летописные центры. Убийства монахов в Псково-Печорском монастыре оборвали псковскую летописную традицию.

Розыск о чудовищных заговорах против царя, допросы и пытки «изменников» были окружены завесой глубокой секретности. Всякого рода «изветы», допросные речи, отписки о погромах и казнях подданных российской короны менее всего подходили для включения в официальные земские летописи. Все эти материалы оседали в секретных опричных архивах.

Отказ от пополнения летописи новыми материалами привел к полному прекращению летописной работы. Фактически история конца царствования Грозного оказалась под запретом. Опричнина явилась непреодолимым барьером для исторической мысли. Отменив опричнину, Грозный воспретил под страхом наказания упоминать самое слово «опричнина». Тем самым была в корне пресечена любая попытка составить историю последних лет царствования Ивана IV. Без упоминания об опричнине, «уделе» и пр. летописец не мог обойтись, но за такое упоминание ему грозил кнут. С царским указом должны были считаться и приказные люди, имевшие навык к летописному делу, и провинциальные летописцы из числа монахов.

Царь обрушил на страну «грозу», чтобы искоренить непорядки в суде и защитить справедливость. На практике опричнина привела к неслыханному беззаконию, насилиям и кровопролитию. По своему деморализующему влиянию на русское общество террор можно сравнить разве что с монгольским игом.

Политика опричнины и «двора» претерпела в конце периода правления Грозного разительные перемены. Казни на Москве прекратились. Произошло смягчение репрессивного режима. Но особый «двор», наследник опричного охранного корпуса, так и не был распущен при жизни Ивана IV. По замыслу царя и его окружения «двор» должен был обеспечить слабоумному Федору Ивановичу, сыну Грозного, прочную военную опору. Но на деле вышло иначе. Династические распри раскололи «дворовую» думу на враждующие группировки. Нагие рассчитывали с помощью вдовствующей царицы Марии Нагой посадить на трон ее сына царевича Дмитрия. Против них выступили Годуновы, родня Федора Ивановича. Распри в верхах и народные волнения в Москве привели к ссылке А. Ф. Нагого, а позже Б. Я. Бельского. К власти пришли боярин Н. Романов и князя Шуйские. После смерти Романова бразды правления захватил Борис Годунов. Проявив государственную мудрость, Борис упразднил «двор». Политическое наследие Грозного было уничтожено руками его преемника. Опричнина привела к расколу феодального сословия, который не был преодолен на протяжении 20 лет. Последствия репрессивной политики Ивана IV и раскола дворянства дали о себе знать в начале XVII в., когда Русское государство пережило первую в своей истории гражданскую войну.

В истории России XVI столетие было временем зарождения империи и имперской политики. Этот период, отмеченный террором и завоеванием

татарских государств, был недолгим и закончился крахом. В начале XVII в. произошла первая в русской истории гражданская война. В ходе ее Московское царство начало разваливаться. Террор Грозного был одним из важных факторов, подготовивших почву для Смуты.

¹ *Лотман Ю. М.* «Договор и вручение себя» как архетипные модели культуры//Проблемы литературной типологии и исторической преемственности. Тарту, 1981. С. 5—7. Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Вып. 513; *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 26—28; 36—37.

² *Лурье Я. С.* Русские современники Возрождения. С. 37.

³ Курбский. Сочинения. С. 164.

⁴ Переписка. С. 113.

⁵ См.: *Лурье Я. С.* Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси//Переписка. С. 235.

⁶ Курбский. Сочинения. С. 54—55.

⁷ *Лурье Я. С.* Переписка Грозного с Курбским... С. 236; ср.: *Ключевский В. О.* Боярская дума Древней Руси. Пг., 1919. С. 280.

⁸ Послания Ивана Грозного. С. 259—260.

⁹ Там же. С. 213.

¹⁰ Там же. С. 142.

СИНОДИК ОПАЛЬНЫХ ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО

(7091 года)

(Реконструкция текста)

[Лета семь тысящ девятедесят перваго царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в Кирилов монастырь сие поминание и велел поминати на литиях и на литоргиях, и на понахидах по вся дни в церкви божи] ¹.

[Царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси велел написати в сенаники князей и боляр и прочих людей опальных по своей государеве грамоте] ².

Сих опальных людей поминати по грамоте царева, и понахиды по них пети, а которые в сем сенаники не имени писаны, прозвиши или в котором месте писано 10 или 20 или 50, ино бы тех поминали: ты, господи, сам веси имена их.

* * *

После ноября Раба своего Казарина [Дубровской³], да дву сынов его, 1567 г. *—10 человек *— [его⁴ тех⁵], *—которые приходили на пособь *—⁶, Ишука [Ивана⁷ Боухарин⁸], Богдана [Шепяков⁹], Ивана [Огалин¹⁰], Ивана [Юмин¹¹], Григоря [Темирев¹²], Игнатя [Заболоцкого^{**13}]. (л. 80 об.) Федора [Еропкин¹⁴], Истома [Кузьмин¹⁵], князя Василя [Волк¹⁶] Ростовский,¹⁷ Василя [Никитина¹⁸ Борисов¹⁹], Василя [Хлуденев²⁰], Никифора, Степана [Товарищевы²¹], [Дмитрея Михайлов²²], Ивана [Потапов²³], Григоря [Фомин²⁴], Петра [Шестаков²⁵], князя Михаило [Засекин²⁶], Михаила [Лопатин²⁷], Тихона [Тыртов²⁸], Афонася инок [старца, что был²⁹] [Ивашов³⁰].

— НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 написано на полях другим почерком; далее зачеркнуто Дмитрея Товарищев.

¹ КБ, Чюд. Лето 7091 царь и государь и великий князь Иван Васильевич всея Руси прислал в Чудов монастырь сие поминание и велел поминати на литиях и на литоргиях и на понахидах в церквах божих по вся дни; ПН. Лета 7091-го прислал царь и государь великий князь Иван Васильевич всея Руси в дом чудотворцу Никите по опальных людех и по своему государеву указу велел тех людей поминати, в сенатик написати.
² НП-2; СП. По выписи государских книг, имена и прозвания преставльшихся православных христиан, мужей, жен и детей, разных городов людей. По цареву государеву велению великого князя Иоанна Васильевича всея России поминать тех христиан по его государственным книгам, по именам и прозваниям, их же имена чти ниже сего сие; СБ. Помяни, господи, души усопших раб своих побитых; К Роспись опальным людям, которых поминати по государеву оуказу; ТС Избиенныя в опришнину, а поют по них понахидоу на 7 недели в четверг по пасце. Помяни, господи, душа оусопших раб своих и рабынь, оубиенных князей и княгинь и всех православных христиан мужска полу и женска и коих имена и не писаны; С Имена опальных. АС Си имена оубиенных в опришнину. Прислал царь государь и великий князь Иван Васильевич, а велел поминати и кормы по них ставити.
³ ПН, Чюд, КБ, ПО, СБ, МБ-3. ⁴ ПО. ⁵ Чюд, КБ, ПН. ⁶ То же Чюд, КБ, ПН. ⁷ Ивана Бухар. МБ-3. ⁸ СП; Бухарину ПН. ⁹ ПН. ¹⁰ НП-2, ТС, ПН; Агалин МБ-3. ¹¹ НП-2, ТС; Ямин ПН, МБ-3. ¹² НП-2, ТС, ПН; Тетерин МБ-3; в НП-2 и ПН Темирев записан ранее И. Заболоцкого. ¹³ НП-2, ПО, ПН. ¹⁴ НП-2, ТС, МБ-3; Яропкин СП. ¹⁵ ПН, МБ-3. ¹⁶ НП-2, СП, ТС. ¹⁷ Чюд, КБ, СП, ТС. ¹⁸ НП-2. ¹⁹ ПН, МБ-3, ТС. ²⁰ НП-2, ТС, ПН, МБ-3; Хлуднев, Чюд, КБ. ²¹ Чюд, КБ, ПН, МБ-3, НП-2; в списках НП-2, СП, КБ далее Дмитрея; Никифора Товарищев, Стефана Товарищев ТС. ²² МБ-3; Дмитрея Товарищев ТС. ²³ ПН, МБ-3, ТС. ²⁴ НП-2, ТС, СП, МБ-3. ²⁵ СП, ТС, МБ-3. ²⁶ КБ, ТС, НП-2, СП; Засекин Чюд. ²⁷ НП-2, Чюд, ТС, КБ, СП, МБ-3. ²⁸ СП, ТС, МБ-3; Товарищев КБ. ²⁹ ПН, СБ. ³⁰ ПН, СБ; Башев МБ-3.

После 22.03.

1568 г.

[Митрополичих¹]: [старца²] Левонтия [Русинов³], Никитой [Опухтин⁴], Федора [Рясин⁵], Семена [Мануйлов⁶].

«Дело» боярина [Владыки Коломенского боярин⁷] Александра [Кожин⁸], И. П. Федорова [кравчаго⁹] Тимофея [Собакина¹⁰ конюшаго¹¹], Федора,¹² да (список 1) [владыки Коломенского¹³] *— дьяк¹⁴ владыкин¹⁵.

[Ивановы люди Петрова¹⁶ Федорова¹⁷]: Смирново [Киринов¹⁸], [дьяка¹⁹] Семена [Антонов²⁰], татарин Янтоуган²¹ Бахмета, Ивана [Лукин²²], Богдана [Трофимов²³], Михаил [Цыбневский²⁴], Трoуха²⁵ [Ефремов²⁶]. Ортемя [седельник²⁷]. (л. 81) [В Коломенских селах²⁸] Григорий [Ловчиков²⁹] отдал. Отделано [Ивановых людей³⁰] 20 человек. [В Губине Оуглу³¹] отделано 30 и 9 человек.³²

Михаила [Мазилев³³], Левонтия [Григорьевых³⁴], Бряха³⁵ [Кафтырев³⁶], Никита [Левашева³⁷].

[В Матвейшеве³⁸] отделано 84 человека, да оу трех человек по роуки сечено.³⁹

Григория [Кафтырев⁴⁰], Алексея [Левашов⁴¹], Севрина [Баскаков⁴²], Федора [Казаринов⁴³], [инока Никиту Казаринов⁴⁴], Андрея [Баскакова⁴⁵ муромца⁴⁶], Смирнова Терентия⁴⁷, Василия [Тетерины⁴⁸], Ивана [Селиванова⁴⁹]; Григоря, Иева, Василия, Михаила [Тетерины⁵⁰], [да детей их⁵¹] 5 человек; Осифа [Тетерин⁵²], князя Данила [Сицкой⁵³], Андрея [Батанов⁵⁴], Ивана [Пояркова⁵⁵ Квашнин⁵⁶], Никитой, Семена [Сабууровых⁵⁷], [Семена Бочин⁵⁸].

Хозяя⁵⁹ [Тютина⁶⁰] з женою, да 5 детей⁶¹, (л. 81 об.) да Хозяин брат; Ивана [Колычов⁶²], [Ивана, сын его⁶³]; Ивана Трекос⁶⁴, Никита [Трофимов⁶⁵]; Ивана [Ишукова⁶⁶] Боухарна⁶⁷; князя Володимер [Курлятева⁶⁸], князя Федор

— *НП-1 написано над строкой.*

¹ СБ; митрополичьяго ПН; митрополичьяго СП. ² СП. ³ ПН, ТС; Рогин МБ-3. ⁴ МБ-3; Опухтин ТС; Опутин СП. ⁵ Чюд. КБ, СП, ПН; Расин МБ-3, ТС. ⁶ НП-2, Чюд, КБ, ПН; Мануйлов МБ-3; Мануйлов ТС. ⁷ Чюд, КБ, НП. ⁸ НП-2, Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ⁹ ПН. ¹⁰ Чюд, ТС, КБ, ПН; Собокин МБ-3. ¹¹ ПН. ¹² СП, Чюд, КБ, НП; Федорова СП. ¹³ СП. ¹⁴ дьяка СП, Чюд, КБ, ПН, МБ-3, СБ. ¹⁵ владычняго ПН, СБ; владычня, Чюд, КБ. ¹⁶ Чюд, КБ, СБ; Ивановых людей МБ-3; Ивановы дети Петрова ПН. ¹⁷ ПН. ¹⁸ ПН. ¹⁹ ПН, МБ-3. ²⁰ ПН, МБ-3. ²¹ То же СП, ПН, СБ; Яньтягана Чюд, КБ; Тугана Махметя МБ-3. ²² ПН; Локин, МБ-3. ²³ ПН. ²⁴ КБ; Цебиевской Чюд; Цыбеев МБ-3. ²⁵ СП, Трифон КБ, МБ-3. ²⁶ МБ-3. ²⁷ МБ-3. ²⁸ СП, ПН; Коломенских сел Чюд. ²⁹ Григорий Ловчиков НП-2; Григория Ловчиков ТС, ПН; наиболее точно это место передано в СБ Григорий Ловчиков отдал 20 человек. ³⁰ Чюд, КБ, ПН, МБ-3, СП. ³¹ Чюд, КБ; в Угле в Губине СП; в Голубине углу ПН; Во Глубине Уму МБ-3; далее в СБ Малюта Скуратов отдал; в ПН Малюта Скуратов с товарищи отдал. ³² СБ, ПН, Чюд, КБ, МБ-3; девятнадцати человек СП, в МБ-3 далее дворник. ³³ Чюд, КБ; Мизинов МБ-3. ³⁴ ПН, Григория Ковтырев и сына его Бряха НП-2. ³⁵ Бряха КБ, СП, НП-2; Бряха СБ. ³⁶ Чюд, КБ; в ПН Никиты Кафтырева; текст явно испорчен, следует читать: Леонтия, Бряха Григорьевых Кафтырева. ³⁷ НП-2, МБ-3. ³⁸ СБ, СП, КБ; В Матвейшеве МБ-2; в Матвейшеве СП. ³⁹ По руке сечено СБ; по руке сечены МБ-2, МБ-3; да 3 человеком руки сечены СП; Да у трех человек по руке отсечено ПН. ⁴⁰ Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ⁴¹ НП-2, ПН, МБ-3, ТС. ⁴² ПН. ⁴³ НП-2, КБ, ПН. ⁴⁴ Чюд, КБ, МБ-3. ⁴⁵ ПН; Баскаков Чюд, КБ; Баскак ТС. ⁴⁶ СБ, ПН. ⁴⁷ Тетерина КБ, ТС. ⁴⁸ Чюд, КБ, НП-2. ⁴⁹ ПН-2; Василия, Ивана Тетериных МБ-3, Чюд, КБ. ⁵⁰ ПН, Чюд, КБ, ТС. ⁵¹ Чюд, КБ; девяти человек детей Тундоровых Тетерина СП; да их 5 человек ПН; 5 человек МБ-2, МБ-3. ⁵² НП-2, СП, МБ-3. ⁵³ НП-2, ТС, МБ-3; Ситьцкого Чюд, КБ; Сицкаго ПО. ⁵⁴ Чюд, КБ, ТС; Атанов МБ-3. ⁵⁵ ПН; Подъярков, Чюд, КБ. ⁵⁶ НП-2, ТС, СП, ПН, МБ-3. ⁵⁷ ТС, ПН; Никиту Сабуров, Семюна Сабуров МБ-3; Сабувы КБ, Чюд. ⁵⁸ ПН, МБ-3; Симеон Бачин НП-2; Симеона 2 СП. ⁵⁹ ПН; Хозяя Чюд, КБ; Хозяина СП, МБ-2, МБ-3. ⁶⁰ СП, ПН. ⁶¹ и с 5 сынов его Чюд, КБ. ⁶² НП-2; Калычев МБ-3. ⁶³ МБ-3; Ивана 3 СП. ⁶⁴ СБ; Трусов Чюд; Трысов КБ. ⁶⁵ НП-2, МБ-3; Ивана и Никиты Трофимовых ПН. ⁶⁶ НП-2; Ишука ПН. ⁶⁷ Бухаринов МБ-3. ⁶⁸ НП-2, Чюд, КБ; Курлетев ПО; Коурлетев ТС; Курлетев МБ-3.

[Сисеев¹], Григоря [Сидоров²], Андрея [Шейн³], [сына его⁴] Григоря [и брата его⁵] Алексея.

[В Ивановском Большом⁶] отделано 17 человек, да оу 14 человек по роуки отсечено⁷. [В Ивановском Меньшом⁸] отделано 13 человек [с Исаковскою женою Заборовского⁹ и с человеком¹⁰], да оу семи человек по роуки отделано¹¹. [В городищи¹² Чермневе¹³] отделано 3 человека, Тевриза¹⁴, [да племянника его¹⁵] Якова. [В Солославле¹⁶ отделано 2 человека¹⁷].

[В Бежицком Верху¹⁸] отделано [Ивановых людей¹⁹] 65 человек²⁰ да у 12 по роуки отделано²¹.

Андрея да Григоря [Дятловы²²], Семена [Олябьева²³], Федора [Образцов²⁴], Ивана Меншика²⁵ [Ларионов²⁶, Ивана Ларионов²⁷], князя Семена [Засекина²⁸ Батышев²⁹], (л. 82) князя Ивана [князя Юрьева сына³⁰ Смелаго³¹ Засекина³²], Петра [Шерефединова³³], Павла племянник Ишуков³⁴, Елизаря [Шушерин³⁵], Федора [Услюмов³⁶ Данилов³⁷], Дмитрея, Юрия³⁸ [Дементьевы³⁹], Василя [Захаров⁴⁰] з женою да 3 сыны, Василя [Федчишов⁴¹], Ивана [Большово⁴² Пелепелицын⁴³], Ивана Меншово*⁴⁴ [Григориевы дети Пелепелицына⁴⁵], Григоря [Перепечина⁴⁶], Андрея Боухарина⁴⁷.

6.07.1568 г. Отделано 369 человек отделано ***-и всего отделано июля по 6-е число***.

«Дело» И. П. Фе- Андрея [Зачесломской⁴⁸], Афонасия [Ржевской⁴⁹], Федора, дорова (список Петра, Тимофея [Молчановы⁵⁰ Дементьевы⁵¹], Гордея [Ступишин⁵²], Ивана [Измайлов⁵³], князя Федор[ова сына Сисеева⁵⁴], Ивана [Выродков⁵⁵ и детей его⁵⁶] Василя, Нагая, Никитиу, [дочь его⁵⁷] Марью, [внука⁵⁸] Алексея, да два вноука⁵⁹, да Иванова сестра Федора⁶⁰, [Да Ивановых братьев Ивана Выродкова⁶¹]: Дмитрея, Ивана***, (л. 82 об.) Ивана, Петра [детей Дмитриевых⁶²], Веригу, Гаврила, Федора, да [дву жен⁶³]: дочь [его⁶⁴] да вноука⁶⁵ [Выродковы же, 9 человек⁶⁶].

* НП-1 далее зачеркнуто Василя з женой.

***-** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 далее зачеркнуто да детей пять.

¹ Чюд, ТС, МБ-3; Сисиев КБ; Сисоев СП; Сиснев НП-2. ² ПН, ТС, МБ-3; Исидоров НП-2. ³ НП-2, ПО, Чюд, ТС, КБ, МБ-3. ⁴ НП-2, МБ-1. ⁵ НП-2, МБ-1. ⁶ СП, ПН, СБ, МБ-1; в Иванове Большом КБ. ⁷ Это место наиболее верно передано в СП: да 14 человек ручным усечением конец приша. ⁸ СП, ПН, СБ. ⁹ СБ, ПН; Исаковы жены людей Заборовского 13 человек СП. ¹⁰ ПН. ¹¹ Да семь человек рук отсечением скончавшихся СП. ¹² Чюд, КБ, СП, ПН; городке СБ. ¹³ СП, Чюд, КБ; Чермне СП. ¹⁴ То же СБ, Чюд, КБ; Тевриса СП. ¹⁵ СП. ¹⁶ Чюд, КБ; Солославле СБ; Солославле ПН; Суславле СП. ¹⁷ ПН, СП, МБ-1; семнадцати человек КБ. ¹⁸ Чюд, КБ, СП, ПН. ¹⁹ СБ, ПН, СП, КБ. ²⁰ СП, ПН, МБ-1; шездесят дву человек КБ. ²¹ да двенадцать человек скончавшихся ручным усечением СП. ²² НП-2, ПН, МБ-1; Дятлелы Чюд, КБ, ТС. ²³ МБ-1; Обляев НП-2. ²⁴ НП-2, Чюд, КБ, ПН, МБ-1, ТС. ²⁵ То же в СБ; Меньшово Чюд, КБ, ПН. ²⁶ ТС, МБ-1; Иоанна 2 СП. ²⁷ ТС, ПН, МБ-1; Иларионов НП-2. ²⁸ НП-2, ТС, МБ-1; Засик Чюд, КБ. ²⁹ КБ, МБ-1, ПО; Батышев Чюд. ³⁰ СП; ³¹ СП; Смилго Чюд, КБ. ³² НП-2, ПО, ПН, МБ-1. ³³ ПО, МБ-1; Шерефядинов ПН; Шерефединов НП-2, Шерефединовы ТС. ³⁴ Ишукова ПН; Павла Ишуково плем МБ-1; Ушаков МБ-3. ³⁵ ТС, НП-2; Шюшярина МБ-1; Шушарин МБ-3. ³⁶ НП-2, ТС; Услюмовых ПН. ³⁷ МБ-1. ³⁸ СП, Чюд, КБ; Георгия МБ-1; Григория ПН. ³⁹ Чюд, КБ, ПН, ТС, МБ-3. ⁴⁰ ПН, МБ-1. ⁴¹ НП-2, МБ-1; Фетчишев ТС; Феотишева ПН. ⁴² КБ. ⁴³ КБ, Чюд, СП, ТС; Пелепелицы МБ-3. ⁴⁴ Меньшой Чюд, КБ. ⁴⁵ МБ-1. ⁴⁶ НП-2, МБ-1, СП. ⁴⁷ То же в НП-2, МБ-1, ТС, ПН. ⁴⁸ НП-2, ПН, Чюд, КБ, МБ-1. ⁴⁹ Чюд, КБ; Ржевитин МБ-1; Жерескова НП. ⁵⁰ Чюд, КБ, ПН. ⁵¹ МБ-1, НП-2. ⁵² НП-2, КБ, ПО; Ступишин Чюд. ⁵³ Чюд, НП-2, ПН, МБ-1; Ивана, Ивана Измайловы КБ. ⁵⁴ МБ-1; княж Федора СБ. ⁵⁵ ПН, МБ-2; Выротков НП-2, МБ-3. ⁵⁶ ПН, СП; дети его НП-2. ⁵⁷ НП-2, СП. ⁵⁸ ПН. ⁵⁹ То же в ПН, МБ-2; дву человек Чюд, КБ; вноуку его Елену, да 2 внуки его СП. ⁶⁰ Ивановой сестры Феодору ПН; сестра Ивана Федорова МБ-3; да жену Феодору КБ; сестра Ивана Федорова МБ-1. ⁶¹ ПН; да его братью СП. ⁶² СП. ⁶³ КБ. ⁶⁴ СП. ⁶⁵ вноуку МБ-1. ⁶⁶ НП-2.

Ширяя [Тетерин¹ и сына его²] Василя; Ивана, Григоря [Горяиновы³ Дементьевы⁴], Василя [Колычов⁵], Андрея, Семена [Кочергины⁶], Федора [Карпов⁷] Федора⁸ [Заболоцкой⁹], Михаила [Шеин¹⁰], князя Володимера, князя Андрея [Гагарины¹¹], Афонасия, Молчана [Шерелефединовы¹²], Ивана, Захария [Глухово¹³], Ивана [Товарыщов¹⁴], Феткоу¹⁵ [Бернядинов¹⁶], Михаила [Карпов¹⁷], Федора, Василия* [Даниловы дети¹⁸ Сотницкого¹⁹], князь Данила** [Чулкова²⁰ Ушатога²¹], князя Ивана, [князя Андрея²² Дашковы²³], Григория, Семена [Образцовы²⁴]. Афонася [Обрасцов²⁵], Молчана [Митнев²⁶], князя Федора, князя Осип, (л. 83) князя Григория [Ивановы дети²⁷ Хохолкова²⁸ Ростовской²⁹], Роудака [Бурцев³⁰], Михаила [Образцов³¹, Рогатой³²], Иосифа [Янов³³], князя Александра [Ярославов³⁴], Василия [Мухин³⁵], Петра [Малечкин³⁶], Ивана [Большой³⁷], Ивана [Меньшой³⁸], Василя [Мунтов³⁹ Татищевых⁴⁰], князя Федора [Несвицкой⁴¹], Дмитрея [Сидоров⁴²], Оутошь⁴³ [Капустина⁴⁴], князя Андрея [Бабичев⁴⁵], Каръпа [Языков⁴⁶], Матфея [Иванов⁴⁷ Глебов⁴⁸], Федора, Ивана [Дрожжины⁴⁹], Андрея, Григория [Кульневы⁵⁰], [Ивана⁵¹], Третяка, [Ивана], Григория [Ростопчины⁵²], Ивана [Измайловы⁵³], Семена, Ивана, [Федора⁵⁴, Елизара⁵⁵, Ивана⁵⁶, Каменьские⁵⁷].

11.09.1568 г. Отделано: Ивана*** [Петрович⁵⁸ Федоров⁵⁹, на Москве отделаны⁶⁰] Михайла [Колычев⁶¹], да три сына его: Боулата, [Симеона⁶²], Миноу⁶³. [По городом⁶⁴]: князь Андрей [Катырев⁶⁵], князя Федора [Троекуров⁶⁶], Михаила [Лыкова⁶⁷] с племян (л. 83 об.) ником⁶⁸. Ворошило⁶⁹ [Дементьев⁷⁰, да 26 человек ручным усечением живот свой

* НП-1 далее зачеркнуто князя Василя.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 далее зачеркнуто Федор.

¹ Чюд, КБ, ПН. ² ПН; сын Тетерин КБ, Чюд. ³ КБ, Чюд, ТС. ⁴ НП-2, ПН, МБ-2; Дементиева ТС. ⁵ НП-2, Чюд, КБ, СП, МБ-1, ТС. ⁶ НП-2, Чюд, МБ-1, ТС; Кочергина КБ; Корчагиних ПН. ⁷ НП-2, ТС, МБ-3; Картов МБ-1. ⁸ То же СП, МБ-2, МБ-3; Федора НП-2, ПН; Феодота КБ. ⁹ НП-2, ПН, ПО, Чюд, КБ, ТС; Заболотской МБ-1. ¹⁰ НП-2, ПН, ПО, Чюд, КБ, МБ-1, ТС. ¹¹ НП-2, ПО, ТС, МБ-1; Гагариновых ПН. ¹² КБ, ПО; Шерелефединовых ПН; Афанасия Шерелефединов МБ-1, ТС. ¹³ КБ, МБ-1; Глуховы Чюд, ТС; Глухов НП-2; Глухова МБ-3. ¹⁴ ТС, Чюд, МБ-1, КБ, ПН. ¹⁵ Во всех других списках Федор. ¹⁶ ТС, МБ-1; Бернядин, КБ; Бернятев ПН; Иван, Федор Товарищевы НП-2. ¹⁷ ПН, ТС, МБ-1; Нарвов НП-2. ¹⁸ СП. ¹⁹ ПО; Сотнецкого Чюд; Сотницкий НП-2; Сопницкого КБ; Соротницкие МБ-1; Соуготницкие ТС; Юготницких ПН. ²⁰ ПО; Чулюков МБ-1, ТС; Чулюков НП-2. ²¹ ПО, ПН, ТС. ²² Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ²³ Чюд, КБ, МБ-1; князь Иван Дашков НП-2, ПО, ПН; князя Ивана Дашков, князя Дмитрия Дашков, князя Андрея Дашков ТС. ²⁴ Чюд, КБ, ПН, ТС, МБ-1; Образцов НП-2. ²⁵ МБ-1. ²⁶ Чюд, КБ; Метнев ПН; Мокея Митнев ТС. ²⁷ Чюд, КБ. ²⁸ МБ-1; Хохолкова НП-2; Хохолковы ТС; Холхолковы Грирьянов Чюд, КБ. ²⁹ НП-2, МБ-1; Ростовского ТС. ³⁰ ПН, КБ; Роднон Боурцов ТС. ³¹ НП-2, ПН, КБ, МБ-1. ³² ТС. ³³ НП-2, ТС, МБ-1; Яков ПН. ³⁴ НП-2, ТС, МБ-1; Ярославской Чюд, КБ. ³⁵ ТС, Чюд, КБ, МБ-1; Мухиних ПН. ³⁶ ПН; Молечкин МБ-1; Малечков Чюд, КБ. ³⁷ Чюд, КБ. ³⁸ Чюд, КБ. ³⁹ КБ; Василя Мунтова Чюд; Мунтовы ТС. ⁴⁰ ПН; Татищовы МБ-1; Татищева Чюд; Татищев КБ; Товарищев НП-2. ⁴¹ ТС, МБ-1, КБ; Ивана, Несвицкого ПН; Несвицкого МБ-1. ⁴² ПН, МБ-1, ТС. ⁴³ Утеша ПО; Оутеша Чюд, КБ. ⁴⁴ ПН, ПО, Чюд, КБ. ⁴⁵ НП-2, ПН, Чюд, КБ, ПО, ТС, МБ-1. ⁴⁶ НП-2, МБ-1, ПН, СП, Чюд, ТС, КБ. ⁴⁷ ПН, МБ-1. ⁴⁸ ТС. ⁴⁹ ПН, ТС, СП, МБ-1; Дрожжины Чюд, КБ. ⁵⁰ Чюд, КБ; Колневых ПН; Колнева СП; Колнев МБ-1. ⁵¹ Ивана Ростопчина и брата его Молчана ПН. ⁵² МБ-1, КБ; Ивана, Григория Ростопчины ТС; Ростопчина СП, ПН; Гортопчины Чюд. ⁵³ Чюд; Измайлов КБ. ⁵⁴ Чюд, КБ, МБ-1, ПН. ⁵⁵ ПН, МБ-1; Емельян Чюд, КБ; Илии СП. ⁵⁶ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁵⁷ МБ-1; Каменьских ПН; Каменьского Чюд; Каменско КБ. ⁵⁸ МБ-1. ⁵⁹ НП-2, ТС. ⁶⁰ ПН. ⁶¹ НП-2, ТС, МБ-1, ПН. ⁶² КБ, Чюд. ⁶³ Минь Чюд, КБ, МБ-1; Миней ПН; далее в СП а третьему имя бог весть. ⁶⁴ ПН, СП. ⁶⁵ Чюд, КБ, МБ-1; Ковтырев НП-2; Кафтырев СП; Каптырев ТС. ⁶⁶ НП-2, МБ-1, КБ, СП. ⁶⁷ НП-2; Лысков ТС. ⁶⁸ То же в Чюд, КБ, СП. ⁶⁹ Ворошила СБ, МБ-1, Чюд, КБ, СП; Ворошилы ПН. ⁷⁰ ПН, КБ, Чюд.

скончаша¹], Афонасиа [Отяев²], Третьяка [Полугостев³], Второй [диак¹ Бунков⁵], Григория [Плещеев⁶], Тимофея [Кулешин⁷].

После января [В изборском деле⁸ подъячих изборских⁹: подъячаго¹⁰]
1569 г. Семена [Андреев¹¹ Рубцов¹²; Рубцов человек¹³ Оглоблю¹⁴];
Петра [Лазарев¹⁵]; [псковичей¹⁶]: Алексия [Шюбин¹⁷],
Афимью¹⁸ [Герасимов¹⁹].

Ивана [Лыков²⁰], [казанского жильца²¹] Юрия [Селин²²], Василия [Татьянин²³], Григория [Рубцов²⁴], Юрия [Незнанов²⁵], Михаила [Дымов²⁶, Михайлова человека²⁷ Воронова²⁸] Коузьму [Кусов²⁹], Третьяка [Лукина, что был Черскаго³⁰].

Весна-лето [На Вологде отделано³¹: князя] Петра [Кропоткин³²],
1569 г. Третьяка [и человека его Тимофея³³] Кожара, Василия [повар³⁴],
Федора [помясы³⁵], Неоупокая, Данило³⁶, Михаила* [плотни-
ки³⁷], [болахонец³⁸] *—Ананя—*.

[Нижегородцы из земского³⁹]: Ивана, Третьяка [Сидоровы⁴⁰], Данила [Айгустов⁴¹], Ивана** [Татьянин⁴² переславлин⁴³].

«Дело» Стариц- [Благоверные княгини монахини Евфросинии⁴⁴ княж Во-
ких (список 2) лодимеровы Андреевича матери⁴⁵] Евдокою [оуделная⁴⁶], да
2 человека ** и с старицами⁴⁷, которые с нею были—** (л. 84)
[княж Владимирской постельницы, что была у князя молодого приставлена⁴⁸]
Мария [Ельчина⁴⁹], [немки⁵⁰] Анноу [Козина⁵¹], Анноу [отарка⁵²], Катоуна [вдо-
вы⁵³], Оулияноу [немка⁵⁴], Марфои [Жюлебина⁵⁵], Аткилиноу [Палицына⁵⁶];
Ивана [Ельчин⁵⁷], Петра [Качалкин⁵⁸], Ивана [Шунезской⁵⁹], Федора [Еро-
феев⁶⁰ Неклюдов⁶¹], Коруыпана [рыболов⁶²].

Федора [Петров⁶³ Афонасьев человек Нашекина⁶⁴], Максима, да его два че-
ловека: Бык да Олексей, Афонасиа... [дворник⁶⁵]; Четвертой, Дмитрея⁶⁶ [Ягина⁶⁷],
Семена [Лосминской⁶⁸].

* НП-1 далее зачеркнуто Анофрия.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 далее зачеркнуто Татьяна.

— НП-1 написано на полях и с старицами, которые с нею были.

¹ Только в СП. ² ПН, ТС, СП; Отаев Чюд, КБ; Октаев НП-2. ³ ПН, Чюд, КБ. ⁴ Чюд, КБ, ПН; дьяка Второго Бункова СП. ⁵ Чюд, КБ, СП; Буткова ПН. ⁶ НП-2, МБ-1, СП; Плещиев Чюд, КБ, ТС. ⁷ ПН, Чюд, КБ; Коулешин МБ-1, ТС. ⁸ ПН. ⁹ СП. ¹⁰ ПН. ¹¹ МБ-1. ¹² ПН, ТС. ¹³ КБ; Оглоблю Рубцов Чюд, человек Лазарева ПН. ¹⁴ СБ, Чюд, КБ, СП; Оглобли ПН. ¹⁵ Чюд, КБ, МБ-1; Лазарева ПН. ¹⁶ ПН. ¹⁷ МБ-1; Шубников Чюд; Шубисков КБ. ¹⁸ Еоуфимию Чюд, КБ; Ефимию МБ-1; Евфимии СП; Евфимия ПН. ¹⁹ МБ-1. ²⁰ ПН, Чюд, КБ, МБ-1. ²¹ ПН. ²² КБ, Чюд, МБ-1; Киселев. ²³ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁴ КБ, МБ-1. ²⁵ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁶ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁷ СБ, ПН. ²⁸ ПН. ²⁹ Чюд, КБ; Косов МБ-1. ³⁰ ПН; Третьяка Черьскаго КБ, Чюд. ³¹ ПН. ³² ТС, ПН; Кропоткина МБ-1, Чюд; Кропоткины КБ. ³³ ПН. ³⁴ МБ-1; Володимерского попа ПН; возможно, следует читать Володимерского повара. ³⁵ ПН; комяс МБ-1; помяс МБ-3. ³⁶ То же МБ-1; Ждана КБ, ПН. ³⁷ МБ-1, ПН. ³⁸ Чюд, КБ, ПН. ³⁹ ПН; нижегородцев Чюд, КБ; Нижегородцев СП; Данила, Михаила, Ананью, Ивана плотники им же город МБ-1. ⁴⁰ Чюд, КБ. ⁴¹ Чюд, КБ, ПН. ⁴² Чюд, КБ. ⁴³ МБ-3. ⁴⁴ СП. ⁴⁵ СП; Владимира Андреевича мати СП; Володимерова мати КБ, Чюд, ТС. ⁴⁶ МБ-1; оуделная, потоплены в Горах в Шексне реке повелением царя Иванны, княгини иноки Евдокии, иноки Марии, иноки Александры приписано в начале списка КБ. ⁴⁷ да двенадцати человек и с старицами КБ; да 12 человек со старицами, которые с нею были ПН; да с ними 12 душ и с старицами МБ-1; да с нею стариц, которые с нею были да двенадцати человек СП. ⁴⁸ ПН. ⁴⁹ КБ, Чюд. ⁵⁰ ПН, КБ, Чюд. ⁵¹ МБ-1, ПН. ⁵² Чюд, КБ, ПН. ⁵³ СП, ПН. ⁵⁴ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁵ Чюд, КБ, МБ-1; Жулебиной ПН. ⁵⁶ КБ, МБ-1; Лямциной ПН. ⁵⁷ ПН, МБ-1; Ельчинин КБ; Елчанин Чюд. ⁵⁸ Чюд, КБ; Качалкин МБ-1; Качалкин ПН. ⁵⁹ Чюд, КБ; Шушинской ПН. ⁶⁰ МБ-1. ⁶¹ ПН, Чюд, КБ. ⁶² ПН, Чюд, КБ. ⁶³ МБ-1. ⁶⁴ ПН. ⁶⁵ КБ, Чюд. ⁶⁶ Никиту Чюд, КБ, ПН; Митю СП. ⁶⁷ ПН. ⁶⁸ ПН; Симеона новоторжец МБ-1.

Новгородское [Новоторжцев¹]: Салмана [Глухово²], Роудака, Богдана, «дело» Меншой, Григория, Шарапа, Мисюра [Берновых³], Осипа, (список 1) Ивана [Глуховы⁴]. [По Малютине скаске новгородцов отделал тысящу четыреста девяносто человек⁵], ис пищали отделано 15 человек⁶. Новгородцев: Данила з женою и з детми сам четверт⁷, Ивана, (л. 84 об.) Стефана [Фуниковы⁸], Ивана [Бурово⁹ Чермазов¹⁰], Ивана [Великово¹¹], Михайло, Ивана [Павлинов¹²], Михайлова жена¹³ [Мазилова¹⁴] з двумя дочерми да з двумя сыны, [попова Филиппова сына Благовещенского¹⁵] Якова [Змиев¹⁶], Ивана [Извеков¹⁷].

Матфея* [Бухарин¹⁸] с сыном, [Алексея¹⁹ Саоуров²⁰], Козмоу [человек его²¹], Романа [Назариева сына²² Дубровского²³], Федора [Безсонов²⁴], Левонтия** [Мусырской²⁵], *-Сарыча-*²⁶ [Савуров²⁷], Матреноу [Потякова²⁸], Молчана [Григорьев²⁹ новгородец³⁰ подьячей³¹], Андрея [Горитьской³² литвин³³].

«Дело» боярина Василия [Дмитриевича³⁴ Данилов³⁵], Андрея [Безсонов³⁶ В. Д. Данилова дьякон³⁷], [Васильевых людей Дмитриевых³⁸ два немчина³⁹] Максима *-летвин-*⁴⁰, Роп *-немчин-*⁴¹. [Козьминых людей Румянцова⁴² Третьяка, Третьяка⁴³, Михайла [Романов⁴⁴], Третьяка [Малечков⁴⁵, племянник Румянцов⁴⁶], Третьяк [лях⁴⁷, да новгородцов: архиепископля сына боярского⁴⁸] *-Третьяка-* [Пешкова⁴⁹, *-Шишку-*⁵⁰ [Чертовской⁵¹], Василия [Сысоев⁵²], Никитоу [Чертовской⁵³], Андрея [Паюсов⁵⁴], Ивана, Прокофя, Меншово, Ивана [Паюсовы⁵⁵], (л. 85) [дияк⁵⁶ Юрия [Сидоров⁵⁷], Василия [Хвостов⁵⁸], Ивана [Сысоев⁵⁹ княж Владимиров сын боярский⁶⁰], Егоря⁶¹ [Бортенев⁶²], Алексея [Неелов⁶³], [дьяк⁶⁴ Иона [Юрьев⁶⁵], Стефана [Оплечуев⁶⁶], *-Семена-* [Паюсов⁶⁷], Григория, Алферия [Безсоновы⁶⁸], князя Бориса [Глебов⁶⁹ Засекин⁷⁰], Андрея [Мусырской⁷¹], Бориса [Лаптев⁷²], Роусина*** [Перфурова⁷³].

* НП-1 далее зачеркнуто Бухарина

** НП-1 далее зачеркнуто Семена.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

**** НП-1 далее зачеркнуто Шишку.

¹ СП, МБ-3; новоторжцы НП. ² Чюд, КБ; Глухова ПН. ³ ПН; Берневы Чюд, КБ; Григория Бернова МБ-1. ⁴ Чюд, КБ; Иосифа Глухов МБ-1; Иосифа Отпуляева ПН. ⁵ СБ; да в ноугороцкой посылке Малюта отделал 1490 человек, да ноугородцев 15 человек МБ-1; в горотской посылке Молютя Скуратов отделал 1490 человек, да новгородцев же 15 человек МБ-3; по малютинские ноугороцкие посылки отделано 1490 человек ПО, СП; новгородцов 1505 человек КБ; новгородцы 1505 человек Чюд. ⁶ да 15 человек ис пищалей отделано СБ. ⁷ самого четверга СП. ⁸ МБ-1. ⁹ КБ; Бурого СП; Бурова Чюд. ¹⁰ МБ-1. ¹¹ МБ-1. ¹² МБ-1. ¹³ Михайлову жену СБ. ¹⁴ Михайловы жены Мазилова СП. ¹⁵ КБ, Чюд. ¹⁶ КБ, Чюд. ¹⁷ КБ, Чюд. ¹⁸ Чюд, КБ, МБ-1. ¹⁹ КБ, СП, МБ-1. ²⁰ Чюд, КБ, МБ-1. ²¹ МБ-1. ²² СП. ²³ КБ, Чюд, СП; Дубровской МБ-1. ²⁴ МБ-1; Безносов Чюд, КБ, Безнов МБ-3. ²⁵ Чюд, КБ; Льва Мусорсково МБ-1; Лва Муромсково МБ-3. ²⁶ Сарыча КБ; Исарыча МБ-1. ²⁷ МБ-1; Саоуров КБ, Чюд. ²⁸ КБ, Чюд, МБ-1. ²⁹ МБ-1. ³⁰ КБ, Чюд. ³¹ КБ, Чюд; подьячего СП. ³² Чюд, КБ; Горецкой МБ-1. ³³ Чюд, КБ. ³⁴ МБ-1. ³⁵ Чюд, КБ, ТС. ³⁶ Чюд, КБ; Безносов МБ-1. ³⁷ СП. ³⁸ СП; ³⁹ МБ-1. ⁴⁰ литвин Чюд, КБ, СП; Максима немчин МБ-1. ⁴¹ Роп немчин Чюд, КБ; немчина Рога СП, Ропы СБ. ⁴² СП; люди Румянцовы КБ, Чюд, МБ-1, МБ-3. ⁴³ двух Третьяков СП; Третьяка дважды КБ; два Третьяка МБ-1. ⁴⁴ КБ, МБ-1. ⁴⁵ КБ. ⁴⁶ МБ-1; да племянника Козмина Третьяка ж СП. ⁴⁷ Третьяк лях, Тренька лях МБ-1. ⁴⁸ СП. ⁴⁹ СП, МБ-1. ⁵⁰ Шишку КБ, СП, МБ-3. ⁵¹ Чюд, КБ; Чертовского МБ-1; Чертовский МБ-3. ⁵² МБ-1, Чюд; Сисоев КБ. ⁵³ Чюд, КБ; Сортовской МБ-1. ⁵⁴ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁵ КБ, Чюд; Ивана Паюсов МБ-1. ⁵⁶ КБ, СБ, Чюд, ТС; дьяка СП. ⁵⁷ Чюд, КБ, МБ-1, ТС. ⁵⁸ Чюд, МБ-1. ⁵⁹ МБ-1, Чюд, КБ. ⁶⁰ СБ; Ивана князя Владимира ТС. ⁶¹ Григория МБ-1, Чюд, СБ, КБ. ⁶² Чюд, КБ; Бартенев МБ-2, МБ-3. ⁶³ Чюд, КБ, МБ-1. ⁶⁴ ТС. ⁶⁵ Чюд, КБ, МБ-1. ⁶⁶ Чюд, КБ, МБ-1; Аплечуев МБ-3. ⁶⁷ КБ, МБ-1. ⁶⁸ Чюд, КБ; Григория Безсонов, Елеоферия Безсонов МБ-1; Безсонова НП. ⁶⁹ Чюд, КБ. ⁷⁰ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, ТС. ⁷¹ Чюд, МБ-1, ТС. ⁷² ТС, Чюд, МБ-1; Лаптевых ПН; Лаптева Русина КБ. ⁷³ МБ-1, МБ-3.

Дениса, Меньшика [Кондовуровых¹], Андрея [Воронов²], Постника³, Третьяка, Матфея, Соурянина [Иванов⁴], Григоря [Паюсовых⁵], Постника [Сысоев⁶], [владыки Тверского⁷ подклучник⁸] Богдана* [Иванов⁹], Федора [Марьин¹⁰], Тоутыша [Палицын¹¹], Михаила [Бровцын¹²], Григория [Цыплетев¹³], Рудакова брата Пятога [Перфирьев¹⁴], Меншово, Андрея [Оникиевы¹⁵].

Около 1568 — [Ивановы люди Петровича¹⁶]: Смирново, Оботоура, Ивана, 1569 г. Ла (л. 85 об.)риона, Богдана, Петра, Вавила [Нагины¹⁷ новгородца¹⁸].

[Из Сормы с Москвы¹⁹] Бажин, старца Денеся²⁰ [с Михайлова города²¹], [старца²²] Илнарха.

Тимофея, Герасима [Нашекиных²³], Еремея [подьячего²⁴ Дервин²⁵].

«Дело» Молява [повара²⁶], Ярыша [Молявин²⁷], Костянтина В. А. Стариц- [царевичева огородника²⁸], Ивана [Молявин²⁹], брат ево³⁰, Левонтия [Молявин³¹], Третьяка [Ягин³²], Игнатя [Ягин³³ конюх³⁴], кого Семена [Лосминской³⁵], Антона [Свизев³⁶ подьячей³⁷], Ларивона Ярыга³⁸ [и сына его³⁹] Неустроя [Бурков⁴⁰ — пушкари⁴¹], [с Коломны⁴²], *—Еж—* [рыболов⁴³], Русина [Шиловцов⁴⁴] ярославца⁴⁵, Федора [Соломонов⁴⁶ рыболов⁴⁷], Василя [Воронцов⁴⁸ товарищи⁴⁹], Володимера [Щекина⁵⁰ сытника⁵¹], Семена [человек Грязной⁵²], Мария [Былова⁵³, да сына ее⁵⁴] Левонтия [Левошин⁵⁵].

9.10.1569 г. [На Богане⁵⁶ благоверного⁵⁷] князя Володимера [Андревич⁵⁸] со княгиною да з дочерью, [дьяка⁵⁹] Якова [Захаров⁶⁰], Ва (л. 86)сила [Чиркин⁶¹], Анноу, Ширия [Селезневых⁶²], Дмитрея [Елсуфьев⁶³], Богдана [Заболоцкого⁶⁴], Стефана [Бутурлин⁶⁵].

[Нижегородцы⁶⁶]: Осея⁶⁷ [Иванов⁶⁸], Степана [Бурнаков⁶⁹], Ивана [Дуплев⁷⁰], Иона [Кашира⁷¹]. [Из Китая города⁷²]: Василя [Воскресенской поп⁷³, священноерея⁷⁴] Григория, [от Петра и Вериг⁷⁵ попа⁷⁶] Козмоу,—[ведун баба⁷⁷ волхову⁷⁸] Мария, Василя [Неелов⁷⁹], Варлама Савина⁸⁰ [москвитин⁸¹], Юрия [Новокрещенов⁸²], Ивана [Вешняков⁸³ подкключник⁸⁴], Семена [Чебуков⁸⁵], Семена

* НП-1 далее зачеркнуто Богдана.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ ПН, Кондауровы КБ; Деонисея Кондиаров, Меньшика Кондоуров МБ-1. ² Чюд, КБ, МБ-1; Ворон ТС. ³ Постника Иванов человек Паюсова МБ-3. ⁴ МБ-1. ⁵ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ⁶ КБ, МБ-1. ⁷ ПН. ⁸ МБ-1. ⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ¹⁰ МБ-1; Марина ПН; Марсин КБ. ¹¹ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ¹² Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ¹³ Чюд, КБ, СП, ТС, ПН; Цыплетев МБ-1. ¹⁴ КБ, МБ-1; Изборска городского прикащика брата ПН. ¹⁵ Чюд, КБ, МБ-1; Никиева ПН. ¹⁶ МБ-2; Ивановских людей Петрова ПН; Ивановы люди Петровича МБ-1; люди Ивановские Петрова Чюд, КБ. ¹⁷ Чюд; Нагина КБ МБ-1. ¹⁸ ПН. ¹⁹ ПН. ²⁰ Дионисия старца СП; Михайлова Деонисия Афонасьев МБ-3. ²¹ ПН. ²² ПН; инока Илнарха КБ, МБ-1. ²³ Чюд, КБ, ПН, МБ-1. ²⁴ ПН, МБ-3. ²⁵ Чюд; Дерь КБ. ²⁶ ПН, Чюд, КБ, МБ-3. ²⁷ Чюд, КБ, МБ-3. ²⁸ ПН; огородник Чюд, КБ, МБ-3. ²⁹ ПН, КБ, Чюд. ³⁰ МБ-3. ³¹ КБ, Чюд. ³² МБ-3. ³³ Чюд, КБ; Ягинных ПН. ³⁴ МБ-3. ³⁵ Чюд, КБ; Лосминского ПН; Семиона подсночник МБ-3. ³⁶ Чюд, КБ, ПН. ³⁷ МБ-3. ³⁸ То же в МБ-3; Ярыги ПН; Яргин КБ; Яркин Чюд. ³⁹ ПН; Ярыгоу с сыном МБ-1; с сыном СП; сын Яругин МБ-3. ⁴⁰ КБ; Борков Чюд. ⁴¹ МБ-3. ⁴² ПН. ⁴³ КБ, Чюд, ПН. ⁴⁴ КБ, Чюд. ⁴⁵ ПН, МБ-3. ⁴⁶ КБ, Чюд. ⁴⁷ МБ-3. ⁴⁸ Чюд, КБ. ⁴⁹ МБ-3. ⁵⁰ Чюд, КБ; Щепина ПН. ⁵¹ ПН, МБ-3. ⁵² КБ. ⁵³ Чюд, ПН; Балова КБ. ⁵⁴ СП, ПН, МБ-3. ⁵⁵ Чюд, КБ; Алешина ПН. ⁵⁶ КБ. ⁵⁷ СП. ⁵⁸ МБ-3, СП. ⁵⁹ ПН, МБ-3. ⁶⁰ ПН; Захаев КБ, Чюд. ⁶¹ МБ-3; Чирикин Чюд, КБ; Теркина ПН. ⁶² ПН, Чюд, КБ, МБ-3. ⁶³ Чюд, КБ, ПН. ⁶⁴ Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ⁶⁵ ПН, КБ, Чюд, МБ-3. ⁶⁶ ПН. ⁶⁷ Иосия КБ, СП; Осип ПН; Алексея МБ-3. ⁶⁸ МБ-3. ⁶⁹ Чюд, КБ; Бурняков МБ-3. ⁷⁰ Чюд, КБ, МБ-3. ⁷¹ МБ-3. ⁷² ПН. ⁷³ Чюд, КБ; Воскресенского попа ПН; Василя иерея, Григория Воскресенской МБ-3. ⁷⁴ Чюд, КБ, СП. ⁷⁵ ПН; Петра и Вериге КБ. ⁷⁶ ПН; Козму поп МБ-3; священноерея Козмы КБ; священноерея Космы СП. ⁷⁷ КБ; ведонии бабы ПН. ⁷⁸ МБ-3. ⁷⁹ Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ⁸⁰ Савин Чюд; Савив КБ. ⁸¹ ПН; Москвин МБ-3. ⁸² Чюд; новокрещеной КБ. ⁸³ Чюд, КБ. ⁸⁴ МБ-3. ⁸⁵ ПН, Чюд, КБ; Чебыков МБ-3.

[Оплечюев¹], Фторово² [Федоров³ Аникиев⁴], Иона [Боборыкин⁵], Андрея [Котов⁶], Третьяка, Андрея [Колычов⁷], Василия [Карпов⁸ подъячей⁹], Василия [Кошуркин¹⁰], Иона [Оушаков¹¹ староста¹²], Горяина¹³ [Пьямов¹⁴ ямского дьячка¹⁵], Третьяка [Бакин¹⁶], Андреян [Шепетева¹⁷, сын его¹⁸] Иона.

[В Богороцком¹⁹ земский охотник²⁰] Семена [Ширяев²¹] да²² псарей 16 человек²³. [А земских²⁴ в селе²⁵] в Братошине²⁶ псарей 20 человек; [в селе в Озерецком²⁷] Левонтиевых [людей Куркина²⁸] два человека.

Новгородский На (л. 86 об.) на заказе [от Москвы²⁹] 6 человек. [В Клине³⁰ поход (список 2). Иона [каменщик³¹].

Декабрь 1569— Пскович з женами и з детми *—на Медне—*³² 190 человек.
январь 1570 г. [В Торжку³³ сожен³⁴] Невзора [Лягин³⁵ серебряник³⁶] Оуляна³⁷ [серебряник³⁸], Григория, Иона³⁹ [Тешин⁴⁰ сытник⁴¹], пскович⁴² з женами и з детми 30 человек⁴³.

[Бежецкия пятины⁴⁴]: Игнатя [Неклюдов⁴⁵ Юренев⁴⁶], Михаила [Васаев⁴⁷], Кирея [Новосильцов⁴⁸], Ждана [Нелединской⁴⁹].

Федора Сырково⁵⁰, Алексиа [Сырково⁵¹] з женою и с дочерью⁵², [Варвара⁵³ Третьякова жена [Пешкова⁵⁴] з двумя сыны, [дьяка⁵⁵] Иона [Матвеев⁵⁶] з женою и снохою, Матфея [Харламов⁵⁷] з женою и з дочерью, Семена [Козавицын⁵⁸] з женою, Второго з женою.

Ивана [Плещиев⁵⁹], Григорья [Волынсково⁶⁰], (л. 87) Алексея [Неклюдов⁶¹] з женою, Иона [Жаденской⁶²] з женою, Хотена з женою, Петра [Запоров⁶³] з женою да с сыном, Романа [Амосов⁶⁴] з женою и сестрою и с тещею, Меншево [Кротково⁶⁵] з женою, Давида [Оплечюев⁶⁶], Китая [Шамшев⁶⁷], Петра [Оплечюев⁶⁸] Никити, Тимофея [Котовы⁶⁹], Терентия [Ивонин⁷⁰], Петра [Андрея Котовы⁷¹], Постника [Кувшинов⁷²], Петра [Блеклои⁷³] з женою, да снохою, да со внуком, Пинайя [Потяков⁷⁴] з женою да с сыном, Иона [Кострикин⁷⁵

— НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ МБ-2; Оплечюева ПН; Оплечюев КБ; Оплечеев МБ-3. ² Второво ПН, КБ, СП, МБ-3. ³ Чюд, КБ. ⁴ МБ-3. ⁵ Чюд, КБ, МБ-2; Бабарыкин МБ-3. ⁶ Чюд, КБ, МБ-3; Котош МБ-2. ⁷ Чюд, КБ. ⁸ Чюд, КБ. ⁹ МБ-2. ¹⁰ ПН; Кошурин МБ-2; Коширьников КБ; Кушарин МБ-3. ¹¹ Чюд, КБ. ¹² МБ-2. ¹³ То же в КБ, МБ-3, ПО; Григория ПН, МБ-2. ¹⁴ МБ-2. ¹⁵ ПН; Горяина дьячек МБ-3. ¹⁶ Чюд, КБ, ПН; Баскин МБ-3. ¹⁷ ПН; Андрея, Василия Шепетовы Чюд, КБ; Шепетов МБ-2; Шепетов МБ-3; Андриана Шенятева СП. ¹⁸ МБ-2, СП. ¹⁹ ПН; Богороцкого села СП. ²⁰ ПН; охотник МБ-2. ²¹ ПН. ²² ПН. ²³ То же в КБ, СП, ПН, МБ-3. ²⁴ МБ-3. ²⁵ ПН. ²⁶ То же в СП, ПН; Братошине ПО. ²⁷ ПН, СП. ²⁸ ПН; людей Куркина СП; человек Куракина МБ-3. ²⁹ На заказе от Москвы 6 человек ПН, СП, МБ-3. ³⁰ ПН, СП. ³¹ СП, МБ-3; каменщиков ПН. ³² на Медни МБ-3, СП; на Медедни КБ; на Медве ПН. ³³ ПН. ³⁴ ПН; сожженных СП. ³⁵ ПН; Лязвин СП. ³⁶ МБ-3. ³⁷ Оулана МБ-2, КБ; Улана ПН; Илариона СП. ³⁸ Чюд, КБ. ³⁹ Ивана ПН, Чюд, КБ, СП. ⁴⁰ Чюд, КБ. ⁴¹ МБ-1. ⁴² То же в Чюд, КБ, СП, МБ-2; в Пскове ПН. ⁴³ То же в Чюд, КБ, СП, МБ-2, ПН. ⁴⁴ ПН. ⁴⁵ КБ, Чюд. ⁴⁶ ПН, МБ-2. ⁴⁷ КБ; Василиев МБ-2. ⁴⁸ Чюд, КБ; Невера Новосилцов МБ-2. ⁴⁹ МБ-2. Чюд, КБ; Нелединского ПН. ⁵⁰ Сырково Чюд, КБ, ПО, ПН; Сырцов МБ-2. ⁵¹ КБ, ПО, ПН; в ПН, Чюд, КБ, ПО Алексиа стоит перед Второво з женою. ⁵² ПО, СП; Алексея Сыркова ПН, КБ; в МБ-3 отдельно Алексееву жену Сыркова. ⁵³ СП. ⁵⁴ Чюд, КБ, ПН, МБ-3; Пешковы жены Третьяковы СП. ⁵⁵ СП. ⁵⁶ МБ-1, МБ-2. ⁵⁷ Чюд, КБ. ⁵⁸ Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ⁵⁹ Чюд, КБ, ПО; Плещеева ПН. ⁶⁰ МБ-1, МБ-2, ПО; Вольнской ТС. ⁶¹ Чюд, КБ; Неилодова МБ-1, МБ-2. ⁶² КБ, Чюд; Жаденсково МБ-1, МБ-2. ⁶³ Чюд, МБ-1, МБ-2; Запорок КБ. ⁶⁴ ПО, МБ-1, МБ-2; Омосов КБ, Чюд. ⁶⁵ КБ; Кроткова ПО; Кроткой МБ-1; Кротков Чюд. ⁶⁶ Чюд, КБ; Оплечюева ПО; Оключюевы МБ-1. ⁶⁷ ПО; Шамшев МБ-1; Камышев КБ, Чюд. ⁶⁸ Чюд, КБ; Оключюевы МБ-1. ⁶⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Андрея, Никиту, Тимофея, Петра Котовы КБ; Петра 2, Никиты, Тимофея, Терентия, Андрея Постника СП; Никиты, Тимофея, Терентия, Постника ПН; Никиту, Тимофея, Петра, Андрея, Терентия МБ-1, МБ-2. ⁷⁰ МБ-1, МБ-2. ⁷¹ МБ-1, МБ-2, КБ. ⁷² МБ-1. ⁷³ Чюд, КБ; Блеклово МБ-1, МБ-2; Блоклого ПО. ⁷⁴ Чюд, КБ; Пятакова ПО; Поняков МБ-1. ⁷⁵ Чюд, КБ; Костромитин МБ-1, МБ-2.

з женою да с сыном да с дочерью, *—Шемяка—*, Ошира¹ [Кузьмин²], Никола [Ошерин³ Болховские⁴], *—Матфея—* [Федотов⁵], *—Бажена—*⁶ [Иванов⁷] ***— з женою да с сыном да с дочерью—**, *—Сурянина—**⁸ [Иванов⁹], (л. 87 об.) Иона [Пасынка¹⁰], Федора [Жаденской¹¹], Илию [Плещеев¹²], Иона [Исакова¹³] з женою з 2-мя дочерми, Андрея [Шишкин¹⁴] з женою, Остафа [Мухин¹⁵] с женою, Фоуника [Яковлев¹⁶] з женою, Федора [Пивов¹⁷] з женою, Кирилоу [Голочелов¹⁸] з женою, Исака [Басенкова¹⁹] с женою, Дмитрея [Слозин²⁰], Иона [Мелнической²¹], Пелагия. [Курдюкову²²].

Александра иннок [протопоп Амос²³], Якова [Старой²⁴], Григорья [Бестужева²⁵], Семена, Никитоу, Федора [Палицыны²⁶], Соубота [Резанцова²⁷] з женою да з 2-мя дочерми, Василия [Веселой²⁸] с женою, Иона [Карпов²⁹] з женою, Пятово [Палицын³⁰].

Родивона [серебренник³¹], (л. 88) Обидоу [Нестеров³²], Дмитрея [Ямской³³]. [Подъячих новгородских³⁴]: Федора [Маслов³⁵] с женою, [дети его³⁶]: Дмитрея*, [дочери его³⁷] Ириноу; Ивана [Лукина³⁸] з женою [да их детей³⁹]: Стефана**, Анну***⁴⁰, Катериноу; Кирилоу [Ондрейнов⁴¹] з женою и з детми, [детей его⁴²]: Василя, Марфу; Харитон [Игнатев⁴³] з женою [и дщери его⁴⁴] Стефаниды; Петеля [Резанцов⁴⁵] з женою, да сын****; Карпа***** (л. 88 об.) Селянина [Шахов⁴⁶] з женою и детей его: Петра [Шахов⁴⁷] и Пелагею; Глеба [Ершов⁴⁸ Климов⁴⁹] з женою [и дочь их⁵⁰] Матреноу; Федора [Борода⁵¹] з женою; Иона [Ворыпаев⁵²] з женою; Григория [Палицын⁵³] з женою; Семена [Иванова⁵⁴] з женою, [дети их⁵⁵]: Федора, Данило; Алексея з женою, Василия [Зво-рыкин⁵⁶] з женою, Василия [Орехов⁵⁷], Аньдрея [Савоуров⁵⁸] з женью, [сына его⁵⁹] Лазаря; Болобока⁶⁰ [Игнатев⁶¹] з женою, Неждана [Оботуров⁶²] з женою, Богдана [Игнатев⁶³] з женою, Алексея [Соунятев⁶⁴] з женою и [дочь их⁶⁵]

— НП-1 написано на полях другим почерком.

— НП-1 написано внизу страницы другим почерком.

* НП-1 далее зачеркнуто Дмитрея.

** НП-1 далее зачеркнуто Якова.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

**** Приписка в тексте НП-1.

***** Далее в НП-1 вторично списана страница от Иона, княгиня Евдокия да 2 человека и до Максима.

¹ Ошеру Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1. ² МБ-1. ³ МБ-1. ⁴ Чюд, КБ; Шемяка Болхов МБ-1. ⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁶ То же в ПО, МБ-1. ⁷ МБ-1. ⁸ В Чюд, КБ, ПО, ПН, имя Сурянина стоит ранее имен Шемяка, Ошира [Кузьмин], Никон [Ошерин Болховские]; в МБ-3 Сурянина, Шемяка Болховы. ⁹ МБ-1, ПН. ¹⁰ Чюд, КБ; Ивана Костянтин МБ-1, МБ-2. ¹¹ Чюд, КБ; Жаденской МБ-1, МБ-2. ¹² МБ-1, МБ-2; Плещеев КБ, Чюд. ¹³ Чюд, КБ, ПО, МБ-1, МБ-2. ¹⁴ Чюд, КБ, ПО, МБ-1, МБ-2. ¹⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹⁶ ПО, МБ-1. ¹⁷ ПО; Павлов МБ-1, МБ-2. ¹⁸ КБ, ПО; Голочелов МБ-1; Солачелов Чюд. ¹⁹ Чюд, КБ, ПО; Басенской МБ-1, МБ-2. ²⁰ МБ-1, МБ-2; Еньгозин КБ, Чюд. ²¹ МБ-1, МБ-2; Мелнической КБ; Мелнической Чюд. ²² МБ-1, МБ-2; Кокорюкова КБ, Чюд. ²³ Чюд, КБ; Протопопов МБ-1, МБ-2. ²⁴ МБ-1, МБ-2. ²⁵ МБ-1; Бестужев МБ-3. ²⁶ МБ-1, МБ-2, ТС. ²⁷ ПО, МБ-1; Рязонцова ПН. ²⁸ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ³⁰ Чюд, КБ, МБ-1. ³¹ КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ³² Чюд, КБ, МБ-1. ³³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Ямского СП; Ямского МБ-3. ³⁴ СП, СВ; новгородцы подъячей КБ; новгородцы почей Чюд. ³⁵ ПО, МБ-1, МБ-2. ³⁶ Чюд, КБ; и детей их МБ-1, МБ-2. ³⁷ ПН. ³⁸ СП, МБ-1, МБ-2. ³⁹ СП; дети его Чюд, КБ; дети их МБ-1, МБ-2. ⁴⁰ То же в СВ; Ананию КБ, СП; Ануфрея МБ-1, МБ-2; Андрея МБ-3; Георгия ПН. ⁴¹ МБ-1, МБ-2, МБ-3; Андреев КБ, Чюд. ⁴² СП, СВ, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴³ КБ, Чюд, МБ-1, МБ-2. ⁴⁴ Чюд, КБ. ⁴⁵ МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ⁴⁷ МБ-1, МБ-2; с сыном Петром и дочери Пелагией ПН. ⁴⁸ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ⁴⁹ МБ-1, МБ-2. ⁵⁰ СП, ПН; с дочкыма МБ-1, МБ-2. ⁵¹ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵² Чюд, КБ, МБ-1. ⁵³ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁴ МБ-1; Семиона, Ивана МБ-3. ⁵⁵ МБ-1, СП, КБ; и с сыновьями ПН. ⁵⁶ Чюд, КБ. ⁵⁷ МБ-1. ⁵⁸ МБ-1; Савуровы КБ; Суворовы Чюд. ⁵⁹ КБ, Чюд, СП, ПН, МБ-1. ⁶⁰ Болобана Чюд, КБ, СП, ПН; Лобана МБ-1. ⁶¹ МБ-1. ⁶² МБ-1; Бутурлин КБ. ⁶³ Чюд, КБ, МБ-1. ⁶⁴ МБ-1. ⁶⁵ МБ-1, СП, ПН.

(л. 89) Марью; Григорья [Павлов¹], Федора [Ждановы²] з женою и з детми: *—с сыном да з 2-мя дочерми³*, Григорья [Степанов⁴] з женою, Алексея [Артемьев⁵ Сутянилов⁶] з женою и з дочерью, [Алексея Дыдылнин⁷], Лоукоу [Шатерин⁸] з женью да с сыном, Истоמוу [Кузьмин⁹] з женою и з детми: сыном да з дочерью¹⁰.

[Новгородские подьячие неже...¹¹] Алексиа¹², Безсона [Афонасьев¹³], Соухана [Григорьев¹⁴], Семеона [Ежев¹⁵], Смирново [Нестеров¹⁶], Боудило [Никитин¹⁷], Богдана [Воронин¹⁸], Мижуя* [Крюков¹⁹], Якова [Иванова²⁰], Илью [Селин²¹], Ждана [Игнатъев²²], Василя [Леонтьев²³], Федора [Братской²⁴], Тимофея [Лисин²⁵].

Пимина инок [Нередицкого монастыря²⁶].

[Новгородские разсылыщики²⁷]: Никифора [Палицын²⁸] з женою и з детми*— и з 2-мя сыны*—, Семена [Платюшкин²⁹] з женью и з детми, *—с тремя дочерми*—, (л. 89 об.) Андрея [Выповской³⁰], Иона [Ширяев³¹] з женою и з детми: [два сыны³²]; Андрея [Юрнев³³], [Чижа подьячей³⁴] с женою и з детми: [с сыном и с дочерью³⁵]; Иона [Едигиев³⁶].

[Иноку³⁷] Евдокею [Горбуша³⁸], Андрея [Тороканов³⁹], Суморока [Елгозин⁴⁰], Охлопок, Нечая [люди Куликовы⁴¹], Якова [Усов⁴²] з женою и з детми: [з дочерью и с сыном⁴³]; Гоурья⁴⁴ [Бутурлин⁴⁵], Исуа [Колзоков⁴⁶], Иона [Мячков⁴⁷], Истоמוу [Лукошков⁴⁸], Микифора [Холщевник⁴⁹ с женою⁵⁰] и с детми: [с сыном и с дочерью⁵¹]; Якова [Кудрявцев⁵²] з женою и з детми: [з двумя сыны⁵³— чадь их⁵⁴]; Артемья [Есипов⁵⁵] з женою и з детми: [сыном и с 2 дочерми⁵⁶]. Семена [Кроткой⁵⁷] з женою и з детми: [с сыном и з дочерью⁵⁸]; Прокофя [Огалин⁵⁹], Шестака⁶⁰ [Окунев⁶¹], Якима [Климов⁶²], Иона [Палицын⁶³] з женою (л. 90) и з 2-мя сыны; князя Андрея [Бычков⁶⁴ Ростовской⁶⁵] с матерью, з женою и з детми: *—сын да доч*—; Пятово [Семенов⁶⁶], Никитю [Никитин⁶⁷], Гаврила** [охотник⁶⁸], Игнатиа [Скомантов⁶⁹], Якова [Шалимов⁷⁰], Неклюда [Палицын⁷¹], Варфоломея [Корелянин⁷²], Никифора [староста⁷³], Ятцкой [Дедаев⁷⁴], Алексиа [полоченин⁷⁵], Алексиа [портной мастер⁷⁶], Микоулоу [ездок⁷⁷], Иона [Опалевы⁷⁸],

— НП-1 написано на полях другим почерком.

* НП-1 далее зачеркнуто Обросима.

¹ Чюд, КБ, МБ-1. ² Чюд, КБ; Жданов МБ-1. ³ То же в Чюд, КБ, ПН, МБ-3. ⁴ МБ-1. ⁵ МБ-1. ⁶ КБ; Сутянев Чюд. ⁷ МБ-1; Алексиа Дыдылнин КБ; Алексея Дыдылкин Чюд. ⁸ МБ-1; Терниковы КБ, Чюд. ⁹ МБ-1. ¹⁰ То же в ПН, МБ-1, КБ, Чюд. ¹¹ Чюд, КБ; новгородские подьячие женатые ПН; видимо, следует читать новгородские подьячие неженатые. ¹² Может быть, Алексея Иванов МБ-3. ¹³ МБ-1. ¹⁴ МБ-1. ¹⁵ МБ-1. ¹⁶ МБ-1. ¹⁷ МБ-1. ¹⁸ МБ-1; Бородин КБ, Чюд. ¹⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁰ МБ-1; может быть, Яков конюх МБ-3. ²¹ Чюд, КБ, МБ-1. ²² МБ-3. ²³ МБ-1. ²⁴ МБ-1; Братцкой Чюд, КБ. ²⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-3. ²⁶ ПН; Нерадского монастыря Чюд; Нероцкого монастыря КБ; Нелединской МБ-1. ²⁷ ПН. ²⁸ Чюд, КБ, МБ-1. ²⁹ МБ-1. ³⁰ МБ-1; Пывовские КБ; Пивовской Чюд. ³¹ КБ, Чюд, МБ-1. ³² КБ, ПН, МБ-1. ³³ МБ-1. ³⁴ МБ-1, ПН; Чижа Чюд, КБ. ³⁵ ПН, МБ-1. ³⁶ Чюд, КБ; Елисеев МБ-1, МБ-2. ³⁷ Чюд, КБ, ПН, МБ-1; старицы СП. ³⁸ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ³⁹ Чюд, КБ, ПО, ПН, МБ-1. ⁴⁰ МБ-1. ⁴¹ МБ-1. ⁴² МБ-1; Оусов Чюд. ⁴³ КБ, ПН, МБ-1. ⁴⁴ То же СП, ТС; Григория Чюд, КБ, ПН; Суриянин МБ-1. ⁴⁵ Чюд, КБ; Суриянина Бутурлина МБ-1. ⁴⁶ МБ-1; Колзаков МБ-3. ⁴⁷ Чюд, МБ-1; Мятков КБ. ⁴⁸ МБ-1. ⁴⁹ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁰ Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1. ⁵¹ Чюд, КБ, СП, МБ-1. ⁵² КБ; Кудрявцов МБ-1, Чюд. ⁵³ Чюд, КБ, ПН. ⁵⁴ СП. ⁵⁵ МБ-1. ⁵⁶ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁷ Чюд, КБ, МБ-1. ⁵⁸ Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1. ⁵⁹ МБ-1. ⁶⁰ Шестово Чюд, КБ, ПН; Шестой МБ-1. ⁶¹ Чюд, МБ-1, МБ-2; Окунев КБ. ⁶² МБ-1. ⁶³ Чюд, ПО, МБ-1, МБ-2; Долицын КБ. ⁶⁴ Чюд, КБ, СП; Бычка ПН. ⁶⁵ КБ, СП, ПН, МБ-1, МБ-2. ⁶⁶ МБ-1, МБ-2. ⁶⁷ МБ-1, МБ-2. ⁶⁸ МБ-1, МБ-2. ⁶⁹ КБ, Чюд. ⁷⁰ МБ-1, МБ-2. ⁷¹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁷² МБ-1, МБ-2, ПН. ⁷³ Чюд, МБ-1, МБ-2; Ростав КБ. ⁷⁴ МБ-1, МБ-2; Деляев МБ-3. ⁷⁵ МБ-1, МБ-2. ⁷⁶ МБ-1, МБ-2. ⁷⁷ МБ-1, МБ-2, КБ; яздока МБ-3. ⁷⁸ КБ; Нестор Опалев, Ивана Опалев МБ-3; Ивана 4 СП; Иона Опалев Чюд.

Левонтия [Бутурлин¹], Ярои² [Тихонов³], Василия [Крюкова⁴], Иона [Кутозов⁵], Афонася [Бабкин⁶], Немира [Опалев⁷], Тимофея, Ратмана [Палицыны⁸], Иона [подъячей⁹], Семена, Меншика [Шалимовы¹⁰].

[Локоцкого погосту¹¹ старосты]: Данилоу [староста¹²], Дмитрея [Мякину Третьякова человека Шаблыкина¹³]; Левонтия, Данило [староста¹⁴]; Нечая [Матфеев¹⁵].

Княгиню Афросеню [князь Никитина Ростовского Лобанова¹⁶], (л. 90 об.), Антона [кожевник¹⁷], Богдана [Игнатьев¹⁸], Григория [Мотякин¹⁹], Михаила [полочанин²⁰], Замятня*, *-Нерка^{-*21} [Шепаковы²²]; Иона [Окунев²³]; Ушака, Михаила, Богдана, Неоудачю [Хвостовы²⁴]; Иона, Юрья, Федора, Василия, Матфея [Милославские²⁵]; Алексна, Постника [Хвостовы²⁶].

Василия [Бутурлин²⁷], Юри [Линева²⁸], Данила [слуга Басманов²⁹], Вешняка [Дубровского³⁰ с сыном³¹], Алексна [Дубровской³² с сыном³³]; Игнатя, Данила [Хвостовы³⁴].

Казни в Пскове [Изо Пскова³⁵: Печерского монастыря игумена³⁶] архимандрита Корниля, Бориса [Хвостов³⁷], Третьяка [Свизев³⁸], [Печерского ж монастыря старца³⁹] Васьян иннок [Муромцев⁴⁰], Елену [Неудачина теща⁴¹], Дорофея иннок [Курцов⁴²], Петра [Оплечуев⁴³], Тимофея [Колонтяев⁴⁴]; Захарью, Постника [Спячие⁴⁵]; Афонася, (л. 91) Стефана [Мартьяновы⁴⁶]; Василия, Матфея, Данилоу⁴⁷ [Коротневы⁴⁸]; Третьяка [Корелянин⁴⁹], Андрея [Образцов⁵⁰].

[Во Пскове⁵¹: приказчиков городовых⁵²] 2 человеки [псковичь⁵³], Тимофея [Оплечуев⁵⁴], Василия [Спячий⁵⁵], Гоуляя [Корелянин⁵⁶], [подъячего⁵⁷] Афонасна [Пуговки⁵⁸], Смагоу [Ефимьев⁵⁹ Вяялицын⁶⁰], Алексна [Пешков⁶¹], Иона [Клеопин⁶²], Иона [Пузииков⁶³], Михаила [Сумороков⁶⁴], Иона⁶⁵ [немчин⁶⁶], Алексна [Бовыкин⁶⁷]. [Из Новагорода да из тюрьмы⁶⁸]: Марка, Федора [литвин⁶⁹].

Якова [Юренев⁷⁰], Юрья [Молвьянинов⁷¹], Тоучко [Юренев⁷²].

* НП-1 далее зачеркнуто Еремоу.

* * НП-1 написано на полях другим почерком.

¹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ² Ярово Чюд, КБ, ПН; Ярого СП, МБ-1, МБ-2; Ярига МБ-3. ³ МБ-1, МБ-2, МБ-3. ⁴ МБ-1, МБ-2; Коржкова КБ; Корюков Чюд. ⁵ МБ-1, МБ-2. ⁶ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, МБ-2. ⁷ ПН, МБ-1, МБ-2. ⁸ Чюд, КБ; Тимофея Палицын МБ-1, МБ-2. ⁹ МБ-1, МБ-2. ¹⁰ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹¹ ПН. ¹² МБ-1, МБ-2. ¹³ ПН; Никиту Шаблыкин МБ-1, МБ-2. ¹⁴ МБ-1, МБ-2. ¹⁵ МБ-1, МБ-2. ¹⁶ ПН; князя Никиты Ростовского КБ; княгиня Ростовского МБ-1, МБ-2. ¹⁷ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹⁸ МБ-1, МБ-2. ¹⁹ Чюд, МБ-1; Мотягин КБ. ²⁰ ПН, МБ-1, МБ-2. ²¹ Некаря СП; Нерю Чюд, КБ; и брата Замятни Некраса ПН. ²² Чюд, КБ; Замятню Шепяков МБ-1, МБ-2. ²³ МБ-1, МБ-2. ²⁴ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁵ КБ, ПН, ПО, МБ-1, МБ-2. ²⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Хвостова ПН. ²⁷ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, МБ-2. ²⁸ ПН; Левин МБ-1, МБ-2; Юрья, Данила Хвостовы Чюд, КБ. ²⁹ МБ-1, МБ-2. ³⁰ ПН, МБ-1, МБ-2, КБ, Чюд. ³¹ СП, МБ-1, МБ-2; сына Вешняка Дубровского Чюд, КБ. ³² МБ-1, МБ-2. ³³ КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ³⁴ МБ-1, МБ-2; Игнатия Хвостов КБ, ПН; Юрья, Данила Хвостовых КБ. ³⁵ Чюд, КБ, СП. ³⁶ Чюд, КБ, ПН; печерского игумена СП; игумена печерской МБ-1, МБ-2. ³⁷ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ³⁸ ПН, МБ-1, МБ-2. ³⁹ СП. ⁴⁰ КБ, ПН; Муромцов МБ-1, МБ-2. ⁴¹ ПН; Неудачину МБ-1, МБ-2. ⁴² ПН, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴³ Чюд, КБ; Оплечев МБ-1, МБ-2. ⁴⁴ МБ-1, МБ-2. ⁴⁵ Чюд, КБ; Захария Спячево, Постника Спячево МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ ПН, МБ-1, МБ-2. ⁴⁷ В списках МБ-1, МБ-2. Чюд, КБ, ПН Василия, Матфея, Ишуту. ⁴⁸ МБ-1, МБ-2; Василия, Ишуту Коротневых ПН. ⁴⁹ ПН, МБ-1, МБ-2; Коровин Чюд, КБ. ⁵⁰ ПН, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵¹ ПН. ⁵² ПН, СП. ⁵³ Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ⁵⁴ ПН, МБ-1, МБ-2. ⁵⁵ МБ-1; Спячего ПН, МБ-3. ⁵⁶ МБ-1, МБ-1, МБ-2. ⁵⁷ СП, ПН; подъячей МБ-1, МБ-2. ⁵⁸ СП; Пуговка КБ; Поговка Чюд. ⁵⁹ МБ-1, МБ-2. ⁶⁰ Чюд, КБ, ⁶¹ КБ, СП, ПН. ⁶² ПН; Скопин МБ-1, МБ-2. ⁶³ МБ-1, МБ-2. ⁶⁴ КБ, МБ-1, МБ-2; Суморокова ПН. ⁶⁵ Ивана КБ, МБ-1, МБ-2. ⁶⁶ Чюд, КБ, СП, ПН, МБ-1, МБ-2. ⁶⁷ МБ-1, МБ-2; Бовыкин Чюд, КБ. ⁶⁸ ПН; из Новгороцкие тюрьмы МБ-1, МБ-2. ⁶⁹ Чюд, КБ, ПН, МБ-1, МБ-2. ⁷⁰ МБ-1, МБ-2. ⁷¹ МБ-1, МБ-2; Молвьянинов МБ-3; Молотьянинов КБ; Малов Чюд. ⁷² МБ-1; в КБ Юренев ошибочно отнесен к следующему имени.

Меншика [Юренив¹ княж Иванова человека Бельского²], Иона [Веселой³], Максима [Зеленин⁴], Иона [Беликов⁵], Сапоуна [Дубровской⁶] и з женою и з детми [з 2 сыны и с дочерью⁷], Иона [Аникиев⁸], Никитиу [Линев⁹], Иона¹⁰ [Куничников¹¹], Добрыню [сытник¹²], Федора [Свизев¹³], Боулгака [Безсонов¹⁴], Алферья, Шестака [Выповские¹⁵], Никитиу [Яхонтов¹⁶ Хвостов¹⁷].

Некраса [Поповкин¹⁸], Истомуу [Горин¹⁹], Молчана [Горин²⁰], (л. 91 об.) Гаврила [Чеботова²¹ Потперихин²²], Иона, Иона [Вяземсково²³], Сидора [Оуваров²⁴].

[Псарей²⁵]: Третьяка, Четвертой [Борзовы²⁶], *-Ушатай-* [Поповкин²⁷], Соуря [Шекотов²⁸], Аксентия [члк Путильцова²⁹], Федота [Иазугин³⁰], Иона [Желтухин³¹], Аксентия [Олферьев³²], Дмитрея [путимлец³³], Петра, Иона [Пасньков³⁴], Михаила [Шелепин³⁵], Молчана [польщик³⁶], Грязнов [Вяземского³⁷], *-Всячина-* [Скуллин³⁸], Иона [псарь³⁹], Казарина [Полиново⁴⁰ нарядчик⁴¹], Шеметко [писщик⁴²], Нелюба [приезжево⁴³ псарь⁴⁴], [Васильеву** жену Прохнова с сыном и з дочерью⁴⁵].

Афонасия инок [Ежев⁴⁶], Тимофей [сытник⁴⁷] с сыном⁴⁸, князя Василя [Гогарин¹⁹], ***-солотинской архимарит-***⁵⁰, Алексиа [стрелец⁵¹], Онаня [подъячей⁵²], Иона [Бердин⁵³ псарь⁵⁴].

Казни: в Москве Третьяка Весковатой⁵⁵ з женою, Лаврентия [Паюсов⁵⁶], (лето 1570 г.) Пантелея [Гнильев⁵⁷], Третьяка [Елиневского⁵⁸], (л. 92)

Третьяка [Корнилов⁵⁹], Оваса⁶⁰ Небытов⁶¹, *-Алексиева жена Дубровсково-⁶² з детми: [с сыном и с дочерью⁶³], *-Вешнякова жена Дубровсково-⁶⁴ з детми [с 2 дочерьми⁶⁵].

[Плохово⁶⁶ Цвиленин⁶⁷], Прокофия [Цвилев⁶⁸], Афонасия [Дубровин⁶⁹], Семена [подъячей⁷⁰], Митрофана инок ***-архимарита Печерсково-⁷¹, Елька⁷² [Малцов⁷³].

*- * НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 далее зачеркнуто Василя з женою и с сыном и с дочерью.

*** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано над строкой, ниже зачеркнуто Елизаря.

¹ Чюд, КБ, ² МБ-1, МБ-2. ³ МБ-1, МБ-2; Веселово КБ, Чюд. ⁴ МБ-1, МБ-2. ⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Дубровского ПО. ⁷ Чюд, КБ, МБ-2. ⁸ МБ-1, МБ-2. ⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹⁰ Иоанна з СП; Игнатия Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹¹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹² Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2; сотник МБ-3. ¹³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ¹⁴ Чюд, КБ; Безнохов МБ-1, МБ-2. ¹⁵ Чюд, КБ; Елеуферия Выповской, Шестака Выповской МБ-1, МБ-2. ¹⁶ ТС, МБ-1, МБ-2. ¹⁷ КБ, Чюд. ¹⁸ МБ-1, МБ-2. ¹⁹ МБ-1, МБ-2. ²⁰ МБ-1, МБ-2, КБ, Чюд. ²¹ МБ-1, МБ-2. ²² КБ. ²³ МБ-1, МБ-2; Вяземского МБ-3; далее в МБ Павла Плетникова, отсутствует в других списках. ²⁴ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Уваров МБ-3. ²⁵ СП, МБ-1, МБ-2; псари КБ, Чюд. ²⁶ КБ, Чюд; Борзово МБ-1, МБ-2. ²⁷ МБ-1, МБ-2; Попов КБ, Чюд. ²⁸ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ; Путилов МБ-1, МБ-2. ³⁰ МБ-1; Изугин МБ-2. ³¹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ³² МБ-1, МБ-2. ³³ КБ; Путимцов Чюд; Никиту Путимлец МБ-1, МБ-2. ³⁴ Чюд; Паньковы КБ; Паненковы МБ-1, МБ-2. ³⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2, ТС. ³⁶ Чюд, КБ; полщик МБ-1; волщик МБ-2. ³⁷ МБ-1, МБ-2. ³⁸ МБ-1, МБ-2; Скурин КБ, Чюд. ³⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; повар МБ-3. ⁴⁰ КБ, Чюд. ⁴¹ МБ-1, МБ-2. ⁴² МБ-1, МБ-2; пищик Чюд; писчик КБ. ⁴³ КБ. ⁴⁴ КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴⁵ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁴⁶ Чюд, КБ; Ечева МБ-1, МБ-2; Ежова МБ-3. ⁴⁷ МБ-1, МБ-2, Чюд; сотник КБ. ⁴⁸ Нет во всех других списках. ⁴⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Гагин ТС. ⁵⁰ Солотчинского архимандрита Чюд, КБ; солоченского архимандрита СП; архимарита солочинской МБ-1, МБ-2. ⁵¹ МБ-1, МБ-2; старец МБ-3. ⁵² Ануфрея подъячий МБ-1, МБ-2. ⁵³ КБ, Чюд. ⁵⁴ МБ-1, МБ-2, ниже в МБ-3 Романа Палицын. ⁵⁵ Висковатой Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2; Третьяка печатника Иоанна Висковатова ПО. ⁵⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵⁷ МБ-1, МБ-2; Тильевской КБ; Тилоевской Чюд. ⁵⁸ МБ-1, МБ-2. ⁵⁹ МБ-1, МБ-2. ⁶⁰ МБ-1, МБ-2; Опаса СП; Опасного КБ, Чюд. ⁶¹ МБ-1, МБ-2; Бутов КБ, Чюд. ⁶² Чюд, КБ, СП; МБ-1, МБ-2. ⁶³ Чюд, КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ⁶⁴ Дубровского КБ, Чюд, СП. ⁶⁵ КБ, СП. ⁶⁶ МБ-1, МБ-2; Прокопия, Прохора СП; ⁶⁷ МБ-1, МБ-2. ⁶⁸ ТС; Цвилевне МБ-1, МБ-2; Линев КБ, Чюд. ⁶⁹ ТС; Дуровин КБ; Дуровик Чюд; Дубровский МБ-1, МБ-2. ⁷⁰ МБ-1, МБ-2. ⁷¹ архимарита печерсково КБ, Чюд; архимарита Митрофана из Нижнего Печерской НП-2; инока Митрофана архимарит печерской МБ-1, МБ-2. ⁷² Елизария ТС; Елисея СП; Емельяна КБ, Чюд. ⁷³ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2.

21.07.1570 г. Князя Петра [боярин Серебренной¹]; [дяка²] Мясоеда³ [Вислой⁴]; [князя Александра⁵ Ярослав⁶] *--княж Петров племянник--*; Леваша [подьячей⁷], Романа [Поляников⁸], Вешняка [подьячей⁹ Лобанов¹⁰], Одица [Желнинской¹¹]. Петра [Шепяков¹²], Иона [сытник¹³]; Иона¹⁴, Петра¹⁵, *--Баскака--*¹⁶ [Оникеев¹⁷], *--Ондреевы дети, сын да дочь; Ишукова жена Бухарина¹⁸ с невесткою--*.

Казни в Москве Никитой [Фуников¹⁹ казначей²⁰], Иона Висковатой²¹ [печатник²²], Василия [Стефанов²³ дяк²⁴] з женою да 2 сына, [дяк²⁵] Иона [Булгаков²⁶] з женою да з дочерью, [дяк²⁷] Григория [Шапкин²⁸] с женою да 2 сына.

Коузмоу [Румянцов²⁹], Богдана [Ростовцев³⁰], князя Андрея [Тулупов³¹], (л. 92 об.) Неодачу Цыплетов³², князя Василя [Шаховской³³], Саву [Обернибесов³⁴], Данила [Полушкин³⁵], Григорья [Мирославской³⁶], Федора [Перешевни³⁷], Гаврила [Сидоров³⁸], Семена [Потяков³⁹], Мещерина [Караулов⁴⁰], Семена [Корюков⁴¹], Романа⁴² [Шишмарев⁴³], Постника [Федоров⁴⁴], Матфея [Палицын⁴⁵], Иона [Артемов⁴⁶], Семена [Дурасов⁴⁷], Четвертово [Бортенев⁴⁸], Иона [Басенков⁴⁹], Чюдина [Иванов⁵⁰], Иона Меншой⁵¹ [Жаденков⁵²], Истомоу [тиун⁵³], Костянтина [Буженинов⁵⁴], Федора [Кроткой⁵⁵], Богдана [Дубровин⁵⁶], Дмитрея [Вахнев⁵⁷], Иона [Резанцов⁵⁸], Ждана [Путянин⁵⁹], Григорья [Елизаров⁶⁰], Богдана [Матфеев⁶¹], Пятово [Шекин⁶²], Якима [Михайлов⁶³], Семена [Шатерников⁶⁴], Никитой Жданской, Ждна⁶⁵ *--Соулдешов--*⁶⁶. Иона [Остафев⁶⁷], (л. 93) Никитой [Цыплетев⁶⁸], Ездок⁶⁹ [Мостинин⁷⁰], [Суморока Сулешов⁷¹], Василя [Перфушков⁷²], Василина [Матфеев⁷³], Григорья [подьячей⁷⁴], Воина [подьячей⁷⁵], Бориса [Мартьянов⁷⁶], Макарью⁷⁷ [Назимов⁷⁸], Стефана [Палицын⁷⁹], Семена [Кречатников⁸⁰], Петра⁸¹ [Иванов⁸²], Шестово⁸³ [Амирев⁸⁴], *--Чюда Гарин--*⁸⁶, Несмиан [Матфеев⁸⁶].

[Салтана⁸⁷ конюх⁸⁸, Нечая⁸⁹ конюх Малютин⁹⁰, Монсея⁹¹ конюх⁹²].

*-- НП-1 написано на полях другим почерком.

* НП-1 далее зачеркнуто Василия с 3 человеки.

** НП-1 Ждна зачеркнуто.

¹ Чюд; боярин Серебряной КБ; Серебренного СП; Серебряной МБ-1, МБ-2. ТС. ² Чюд, МБ-1, МБ-2, КБ, СП. ³ Костянтина Мясоедов Чюд, КБ; Мекида СП. ⁴ КБ, Чюд. ⁵ КБ, Чюд. ⁶ Чюд, КБ; Ерослав МБ-1, МБ-2; Ярослава СП. ⁷ МБ-1, МБ-2; Леонтья подьячей КБ, Чюд. ⁸ МБ-1, МБ-2; Поляников КБ, Чюд. ⁹ МБ-1. ¹⁰ КБ, Чюд. ¹¹ МБ-1; Желдинской Чюд, КБ. ¹² МБ-1, МБ-2; Шеняков Чюд, КБ. ¹³ МБ-1, МБ-2; Петра 2, Иоанна 2 СП. ¹⁴ Может быть, сюда относится Иоанна Селезнев МБ-2, Чюд, КБ. ¹⁵ Может быть, сюда относится Петра Тенеков Чюд; Петра Тиненев МБ-2. ¹⁶ Бакаку Чюд, СП, МБ-1, МБ-2; Букаку КБ. ¹⁷ КБ, Чюд, МБ-1, МБ-2; Аникеев МБ-3; Андреевых детей Батанова КБ, Чюд; Андреевых детей Батановых СП; Андреевы дети Басманова МБ-1, МБ-2. ¹⁸ То же КБ, СП; Жукову жену Бухарина МБ-1, МБ-2. ¹⁹ Чюд, КБ, ТС. ²⁰ МБ-2. ²¹ То же в ТС; Висковатой Чюд; Висковатых КБ. ²² МБ-2. ²³ КБ, Чюд. ²⁴ МБ-2. ²⁵ МБ-2. ²⁶ ТС. ²⁷ МБ-2. ²⁸ Чюд, КБ, ТС. ²⁹ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ³⁰ МБ-2. ³¹ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ³² Цыплетев Чюд, КБ. ³³ Чюд; Шеховской ТС, КБ, МБ-3; Шаханской МБ-2. ³⁴ Чюд, КБ; Абернибов МБ-2. ³⁵ МБ-2. ³⁶ ТС, МБ-2. ³⁷ МБ-2. ³⁸ МБ-2. ³⁹ МБ-2. ⁴⁰ МБ-1; Караулов МБ-2. ⁴¹ МБ-2. ⁴² Рудака МБ-1, МБ-2; Руново КБ; Рунца СП. ⁴³ МБ-1. ⁴⁴ МБ-1, МБ-2. ⁴⁵ МБ-2; Палехов КБ, Чюд. ⁴⁶ МБ-2. ⁴⁷ ТС, МБ-2; Дусанов КБ, Чюд. ⁴⁸ МБ-1, МБ-2; Бортев КБ; Буртев Чюд. ⁴⁹ Чюд, КБ, МБ-2. ⁵⁰ МБ-1, МБ-2. ⁵¹ Меншево СП. ⁵² МБ-2. ⁵³ МБ-1, МБ-2. ⁵⁴ МБ-2; Бужанинов КБ, Чюд. ⁵⁵ МБ-2; Кротково КБ; Кроткого Чюд. ⁵⁶ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁵⁷ Чюд, МБ-2; Вахневы КБ. ⁵⁸ Чюд, КБ, МБ-2. ⁵⁹ КБ, МБ-1, МБ-2; Кутянин Чюд. ⁶⁰ МБ-2. ⁶¹ МБ-1, МБ-2. ⁶² Чюд, КБ, МБ-1. ⁶³ МБ-2. ⁶⁴ МБ-2, Чюд. ⁶⁵ Ждана Чюд, КБ; Иева Ждан МБ-2. ⁶⁶ Соулдешов КБ; Сульвешов Чюд. ⁶⁷ МБ-2. ⁶⁸ МБ-2; Цыплетев КБ. ⁶⁹ Ездока СП, Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁷⁰ Чюд, МБ-1, МБ-2. ⁷¹ МБ-1, МБ-2. ⁷² МБ-2. ⁷³ МБ-2. ⁷⁴ МБ-2. ⁷⁵ МБ-1, МБ-2. ⁷⁶ МБ-2. ⁷⁷ Максима Чюд, КБ, СП, МБ-2. ⁷⁸ Чюд, КБ, МБ-2. ⁷⁹ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ⁸⁰ Чюд, КБ; Клечатников МБ-2. ⁸¹ То же КБ, СП; Первого МБ-1, МБ-2. ⁸² МБ-2. ⁸³ То же КБ; Шестого СП; Шестака МБ-1, МБ-2. ⁸⁴ КБ, Чюд, МБ-1, МБ-2. ⁸⁵ Чюда СП. ⁸⁶ МБ-1, МБ-2. ⁸⁷ КБ, СП, МБ-1, МБ-2. ⁸⁸ МБ-1, МБ-2. ⁸⁹ Чюд, КБ, МБ-1, МБ-2. ⁹⁰ Чюд, КБ; конюх МБ-1, МБ-2. ⁹¹ КБ, СП, МБ-2, ТС. ⁹² МБ-2.

Томило [конюх¹], Марью, Меншика [Сысоев²], Ермолю³ [Вяземского⁴], Нехорошево [человек Басманов⁵], Андрея [человек Басманов⁶].

· Михаила [Дубнев⁷] *—владычей диак—*⁸; Шарапа [Волыцкой⁹] *—чашник—*¹⁰; Второво, Семена [Чертовской¹¹], Вешняка [Паюсов¹²], Григоря [Оникнев¹³], Михайло [Загрязской¹⁴], Петра [Софроновской¹⁵].

[Подъячье московские¹⁶]: Томилу [подъячей¹⁷], Стефана [Верещагин¹⁸ подъячей¹⁹], Дружиноу [подъячей²⁰].

Бориса [Прохнов²¹ Ноугород²²], Внука [человек Басманов²³], Небога* [того²⁴ Мелентьев²⁵] *—Рюмин—*²⁶, Иона [Обажаров²⁷ пушкар²⁸], Ганус [немчин²⁹], Григорья [Палицын³⁰], Вежак³¹ [зелейник³²], Дмитрея³³ [Тетевев³⁴], Резана [Денисов³⁵], Степана [Пешков³⁶], Михаила [Палицын³⁷], (л. 93 об.) Никитиу [Сурмин³⁸], Алексиа [Молявина³⁹ повар⁴⁰], Филипа [немчин⁴¹], Алексиа [Шамшев⁴²], Постника [Домрачиев⁴³ подъячей⁴⁴], Григорья [Голвожской⁴⁵], Ермаков⁴⁶ Вяземского⁴⁷, Сила [Выпоской⁴⁸], Петра [Выпов⁴⁹], Никиту [Мелницкой⁵⁰], Большой⁵¹ Люшина⁵², Володимера [Нарбеков⁵³], Пими́на, Васи́ля [Курцовы⁵⁴], Тихона инок, Алексиа [Быков⁵⁵ повар⁵⁶], Дмитрея *—Исаров—* [Малышев⁵⁷], Соуета⁵⁸ [часовика⁵⁹]. [Излача⁶⁰ Каисаров⁶¹ подключник⁶²], Постника [Скулин Алексиева человека Басманова⁶³], *—Васка—* [толмач⁶⁴], Стефана [Курцов⁶⁵], Григорья [Трусов⁶⁶], Дмитрея [Булгаков⁶⁷], Василья [истопник⁶⁸], Боурка [Станчаков⁶⁹ скоморох⁷⁰], Третяка [человек Вяземского⁷¹], Беляя [Нахабов⁷²] с племянником, Первого [Григорьев⁷³] орлянин⁷⁴.

Савоу Ездок, Иона [Дивин⁷⁵], Иона [Куличник⁷⁶], Немятой 27.07.1570 г. [Пивов⁷⁷], Никифора** [Семенов⁷⁸], (л. 94) Иона⁷⁹ [Гама Люшин⁸⁰], Неустроя [Маслов⁸¹], Илью [Окараков⁸²], Богдана [Дивин⁸³].

Казнь семей опальных новгородцев Афимья [княже Андрееву жену Тулупова⁸⁴], Анну [дочь его⁸⁵]; Афимью [Румянцова⁸⁶, с сыном⁸⁷] — Алексиа [и 3 дочерей⁸⁸]: Прасковью, Анну, Ориноу; Агафю Савина; Аксенью [жена Полушкина⁸⁹, два сына ея⁹⁰]; Исака, Захарю, [две дочери⁹¹]: Лукерью, Авдотию; Марью [Васасва⁹²]; Никифора, Воина [Потяковы⁹³];

— *НП-1* написано на полях другим почерком.

* *НП-1* Небога написано на полях другим почерком.

** *НП-1* далее Андрея, написано на полях другим почерком.

¹ МБ-1, МБ-2. ² МБ-1, МБ-2. ³ Смолу КБ, МБ-1, МБ-2, СП. ⁴ МБ-1, МБ-2. ⁵ МБ-2; человек Басманова КБ, Чюд. ⁶ МБ-1. ⁷ КБ, Чюд. ⁸ архиепископия дьячка, чашника, певчего СП. ⁹ МБ-1, МБ-2; Полонской КБ. ¹⁰ владычень чашник МБ-2. ¹¹ МБ-2. ¹² Чюд, КБ, МБ-2. ¹³ МБ-2. ¹⁴ ТС, МБ-2; Загрязкой КБ, Чюд. ¹⁵ МБ-2. ¹⁶ СП. ¹⁷ МБ-1, МБ-2. ¹⁸ КБ; Перешогин Чюд. ¹⁹ МБ-2. ²⁰ МБ-2. ²¹ КБ, Чюд. ²² МБ-2. ²³ МБ-2. ²⁴ МБ-2. Небогато Чюд, КБ. ²⁵ МБ-2. ²⁶ Небогатого Рюмин Чюд. ²⁷ КБ, Чюд. ²⁸ МБ-2. ²⁹ Чюд, КБ; немчина Гана СП; немчина Гайуна ПО; Енагалула Ждан немчин МБ-2. ³⁰ Чюд, КБ, МБ-2. ³¹ Вежака Чюд, КБ; Вежана МБ-2; Вежена СП. ³² МБ-2. ³³ То же СП; Никиту Чюд, КБ, МБ-2. ³⁴ КБ, Чюд, МБ-2; Тетюнев МБ-3. ³⁵ МБ-2. ³⁶ Чюд, КБ; Певцов МБ-2. ³⁷ Чюд, КБ, МБ-2. ³⁸ Чюд, КБ, МБ-2. ³⁹ ПО. ⁴⁰ МБ-2. ⁴¹ МБ-2. ⁴² Чюд, КБ; Шамшов МБ-2; Шамшин МБ-3. ⁴³ Чюд, КБ. ⁴⁴ МБ-2. ⁴⁵ МБ-2. ⁴⁶ Ермака МБ-2; Еремея Чюд, КБ; Ермоля ТС. ⁴⁷ МБ-2. ⁴⁸ Чюд. ⁴⁹ МБ-2. ⁵⁰ МБ-2; Мелницкой КБ, Чюд. ⁵¹ Болшого СП, МБ-2; Болшого КБ. ⁵² То же КБ, Чюд, МБ-2. ⁵³ ТС, МБ-2. ⁵⁴ КБ, МБ-2; Корцовы Чюд; Пими́на Наумов МБ-3. ⁵⁵ Чюд. ⁵⁶ МБ-2. ⁵⁷ Чюд, КБ; Лычков МБ-2. ⁵⁸ Савелья Чюд, КБ. ⁵⁹ ПО. ⁶⁰ КБ; Азлана МБ-2; Аланая СП. ⁶¹ КБ; Кисаров Чюд. ⁶² МБ-2. ⁶³ МБ-2. ⁶⁴ МБ-2, КБ, Чюд. ⁶⁵ МБ-2. ⁶⁶ Чюд, КБ, МБ-2. ⁶⁷ Чюд, КБ; Никиту Булгаков МБ-2. ⁶⁸ МБ-2. ⁶⁹ СП. ⁷⁰ МБ-2. ⁷¹ МБ-2. ⁷² СП, МБ-2. ⁷³ МБ-2. ⁷⁴ Первого орлянин Чюд, КБ; орлянина Первшу Григорьев МБ-2. ⁷⁵ КБ, Чюд. ⁷⁶ МБ-2. ⁷⁷ Чюд, КБ, МБ-2. ⁷⁸ МБ-2; далее в МБ-2 Семена Нечаева. ⁷⁹ Венки СП; Венинка ПО; Васи́лия КБ, Чюд. ⁸⁰ Чюд, КБ, МБ-2; Гама ПО; Гамы СП. ⁸¹ Чюд, КБ, МБ-2. ⁸² КБ, Чюд. ⁸³ Чюд; Давин КБ; Дирин МБ-2. ⁸⁴ КБ, Чюд; княж Андреевы княгини Тулупова СП; княгину Тулупова МБ-2; Еоуфимия, Анну, Тоулоуповы ТС. ⁸⁵ Чюд, КБ; с Анной девицею СП. ⁸⁶ Чюд, КБ; Румянцеву МБ-3; Роумянцов ТС. ⁸⁷ СП, МБ-3; сына ея КБ, Чюд. ⁸⁸ СП; дочь Парасковью МБ-3; дочь ея Прасковни КБ. ⁸⁹ КБ; жена Полушокина Чюд. ⁹⁰ КБ; да дети МБ-3. ⁹¹ КБ, СП. ⁹² Чюд, КБ, МБ-3. ⁹³ Чюд, КБ, МБ-3.

Пелагею [Дубнева, сына ее¹] Андрея; Мамелфоу [Ростовцова²], Орину [дети Ростовцева³], Четвертово [Ростовца⁴]; Ориноу [Ивановы жены Басенковы с сыном⁵], Тихона [Басенкова⁶]; Федору [Чудиновы жены⁷]; Авдотю [Тюоновы⁸, дети ее⁹]; Андрея, Михаила, Иона, Агафю¹⁰; Настас [Опалева жена¹¹], Анноу [дочь Шекина¹²]; Марью, Семена [Кроткого¹³]; Настасю; Оулианею [Вахнева жена¹⁴]; Исака; (л. 94 об.) Ждану [Путятинна жена¹⁵], Аксенью [Елозарова¹⁶]; Марью [Дубровина¹⁷, ея детей]: Федора [да¹⁸] Второво¹⁹; Михаила, Никифора [Акимовы дети²⁰]; Лоукояна; Акилиноу [Нащекины²¹, дочь ея²²] Анну, Анну*²³, Лоукерью [Жданкова²⁴, сына ея²⁵] Андрея; Елену [Остафей²⁶, детей ея²⁷]; Фому, Игнатя, [дочери²⁸] Стефаниду; Огропену [Ездокова жена Мостинина²⁹]; Варвару [жена Спячего³⁰, дочери ея³¹] Ориноу; Дарью [Кречетниково³²], [сына ее³³] Володимера; княгиноу Анноу [князь Василиева Шеховскаго³⁴]; Анноу [вдовы³⁵ Ростовца³⁶, дети ея³⁷ — двое сынов ее³⁸]: Иона, Гаврилу [и девицы³⁹] Анну; Окилиноу; Марью [Неудачина жена Цыплетева⁴⁰, детей ее⁴¹]: Авдотью, [Тита⁴²]; Андрея, Григорья [Цыплетевы⁴³].

16.08.1570 г. Дионисия [Турпеев инок⁴⁴]. Петра [Верещагин⁴⁵ сотник⁴⁶], *—Аинтуган*⁴⁷ [тотарин⁴⁸].

Казни в оприч- Алексия. [сын его⁴⁹] Петра [Басмановы⁵⁰]; Захарью, (л. 95)
 нине Иона [Плещеевы⁵¹]; Полухта [Михайлов⁵² Тешин⁵³], Михаила [Дмитриев⁵⁴], Рюма [Мелентьев⁵⁵], Иона [Ржевской⁵⁶], Семена [Фефилов⁵⁷ подъячей⁵⁸], Василиа [Воронин⁵⁹ подъячей⁶⁰], **—Кипчак*⁶¹ [Лабодинской⁶²].
 Василиа и Иона [Петровы⁶³ Яковлев⁶⁴].
 Князя Михаила [Темрюковича⁶⁵ Черкасского⁶⁶].

31.01.1564 г. Князя Михаила [Репнин⁶⁷]; князя Юрья [Кашин⁶⁸].

Февраль 1565 г. Князя Иона [Кашины⁶⁹].
 Князя Андрея [Ногтев⁷⁰ Оболенской⁷¹].

* НП-1 написано над строкой другим почерком.

** НП-1 написано на полях другим почерком.

*** НП-1 написано над строкой другим почерком.

¹ КБ, МБ-3, Чюд. ² Чюд. ³ МБ-3; Ростовцовы КБ. ⁴ МБ-3. ⁵ СП; Ирины Басенкова КБ; Ирину Басенкову Чюд. ⁶ МБ-3. ⁷ СП; Федору Чудинова МБ-3. ⁸ Чюд, КБ; Тиунова МБ-3. ⁹ МБ-3. ¹⁰ Ивана, Агафью, дети ево МБ-3. ¹¹ КБ, Чюд. ¹² МБ-3. ¹³ Чюд, КБ; Марию Прокофа МБ-3. ¹⁴ КБ. ¹⁵ Чюд; Путятинна жена КБ; Ждановы жены Путятинна СП; Ждану жена Путятин МБ-3. ¹⁶ МБ-3. ¹⁷ КБ, МБ-3; Дубровины Чюд. ¹⁸ СП. ¹⁹ Второво Дочевин МБ-3. ²⁰ МБ-3. ²¹ Чюд, КБ; Нашекин МБ-2. ²² МБ-3. ²³ Анны 2 СП. ²⁴ МБ-2. ²⁵ МБ-2; сыны ея СП. ²⁶ МБ-2. ²⁷ СП; дети ея МБ-2. ²⁸ СП. ²⁹ КБ; Агрипену Мостинину МБ-2. ³⁰ КБ; Варвару, Ирину Спячего МБ-2. ³¹ СП. ³² МБ-2. ³³ СП. ³⁴ ТС; Шаховского МБ-3; Шаховского МБ-2; Шайского КБ; Шанскова Чюд. ³⁵ СП. ³⁶ ТС. ³⁷ МБ-2. ³⁸ СП. ³⁹ СП. ⁴⁰ Чюд, КБ; Марью тещу Неуда Цыплетева МБ-2; Марию Цеплетева Неудачина теща ТС. ⁴¹ СП; дети МБ-2. ⁴² Чюд, КБ, МБ-2. ⁴³ ТС; Григория Турпиев Чюд. ⁴⁴ МБ-2, ТС; Турпиев КБ, Чюд. ⁴⁵ КБ, Чюд, ТС. ⁴⁶ МБ-2. ⁴⁷ Атугайна Чюд, КБ; Иянта Деидина СП. ⁴⁸ Чюд, КБ, СП. ⁴⁹ МБ-2, СП. ⁵⁰ ТС; Басманова СП; Басманник МБ-2, КБ, Чюд. ⁵¹ ТС, ПО; Плещеевы Чюд, КБ. ⁵² МБ-2. ⁵³ КБ, Чюд. ⁵⁴ МБ-2. ⁵⁵ МБ-2. ⁵⁶ Чюд, КБ; Раевской МБ-2. ⁵⁷ КБ. ⁵⁸ МБ-2. ⁵⁹ КБ, Чюд. ⁶⁰ МБ-2. ⁶¹ Кипчана СП, МБ-2; Кончана ПО; Тита КБ, Чюд. ⁶² Чюд, КБ, МБ-2; Лободинского ПО. ⁶³ ТС. ⁶⁴ МБ-2. ⁶⁵ МБ-2; Темрюкова ПО; Темрюков КБ, Чюд, ТС. ⁶⁶ КБ; Черкасского ПО. ⁶⁷ МБ-2, ТС, ПО; Репнин КБ, Чюд. ⁶⁸ Чюд. ⁶⁹ ТС; Кашин ПО; Шашины КБ; князя Георгия Корины, князя Иоанна Коряк МБ-2. ⁷⁰ КБ, ТС, ПО; Ногтев МБ-2, Чюд. ⁷¹ КБ, Чюд.

- 17.02.1565 г. Князя Александръ [Горбатой¹, сына его²] князя Петра, Петра [Головин³].
*— Да княз Дмитриев Куракин два сына—*⁴.
- Осень 1575 г. Князь Петра [Куракина⁵], Иона [Бутурлина⁶] с сыном и з дочерью.
- 27.11.1575 г. Дмитрея [Бутурлина⁷].
Никитой [Борисова⁸], Василиа [Борисова⁹], Дроужиной [Володимиров¹⁰], князя Данила [Друцкой¹¹], Иосифа [Ильина¹²], [протопоп¹³], подьячих 3 человеки¹⁴, простых¹⁵ 5 человекъ [крестьян¹⁶].
Семена [Васильев¹⁷], [сын его¹⁸] Никитой, князя Данила¹⁹ [Сицкой²⁰].
- 24.10.1575 г. Протасия** [Михайлов²¹ Юрьев²²]. Василиа [Ошанин²³], Володимера [Жолнинской²⁴].
- Около 1571—
1574 гг. Князя Василиа [Темкина²⁵ и сына его²⁶] князя Иона; Федора [Салтыков²⁷], Никифора [Пушкин²⁸], Никиту [Салтыков²⁹], Докоучая [Пушкин³⁰], Никифора [Ульянов³¹], Федора [Оульянов³²].
Калинника [Собакин³³], Парфеня, Степана, Семена [Собакины³⁴]; Василиа [Щербинин³⁵]; Никиту, Иона, Богдана [Кобылины³⁶]; Боулата [Арцыбашев³⁷], Ориноу [Сурвоцкая³⁸].
- Август 1575 г. Князя Бориса [Тулупов³⁹], князя Володимера, князя Аньдрея, князя Никитой [Тулуповы⁴⁰]; Михайлоу [Плещеев⁴¹], Василиа [Умнои⁴²], Алексея, Федора [Старово⁴³]; Ориноу [Мансурова⁴⁴]; Федора, Семена [Сунбуловы⁴⁵]; Якова [Мансурова⁴⁶]; Григорья, Алексан (л. 96) дра [Колтовские⁴⁷]; *— княжия Мосалсково—*⁴⁸; Андрея [Молчанов⁴⁹].
В Новогороди 15 жен⁵⁰, [а сказывают ведуньи⁵¹, волхвы⁵²]. Тимофея, Веденихта [Колычовы⁵³].
- «Дело» Князя Петра [Горинской⁵⁴], князя Никитой, князя Ондreja Горенского [Черные⁵⁵ Оболенские⁵⁶]. Левонтия [Тимофеев⁵⁷].
1564—1565 гг.

— НП-1 написано на полях другим почерком.

** НП-1 далее зачеркнуто Михаила.

¹ Чюд, КБ, МБ-2; Горбатого ПО; Горбатые ТС. ² Чюд, КБ, СП; сын Горбатой МБ-2. ³ Чюд, КБ, ПО, ТС. ⁴ княз Дмитриевых детей Куракина двух сыновей СП; два князя княз Дмитриевы дети Куракины МБ-2. ⁵ ПО, КБ, МБ-2. ⁶ СП, ТС, МБ-2, Чюд. ⁷ Чюд, КБ, СП, МБ-2; Ивана, Дмитрия Бутурлины ТС. ⁸ МБ-2, ПО; Бориса КБ. ⁹ МБ-2; Никиту, Василиа Борисовы ТС. ¹⁰ МБ-2. ¹¹ КБ, МБ-2, ТС; Друцкаго ПО. ¹² ПО, ТС. ¹³ КБ; протопопов МБ-2, Чюд. ¹⁴ То же в СП, МБ-2, КБ. ¹⁵ То же в КБ, СП. ¹⁶ МБ-2. ¹⁷ МБ-2. ¹⁸ МБ-2. ¹⁹ Дмитрия Чюд, КБ. ²⁰ ТС, МБ-2; Ситцкой КБ, Чюд. ²¹ МБ-2. ²² ТС. ²³ Чюд, ТС; Шанина МБ-2; Ошаюн КБ. ²⁴ ТС, Чюд, КБ; Желнинской МБ-2; Жолнинского ПО. ²⁵ ПО; Темкины Чюд, КБ, ТС; Темнин МБ-2. ²⁶ ПО, МБ-2. ²⁷ ПО, КБ. ²⁸ МБ-2, КБ, Чюд. ²⁹ КБ; Федора, Никиту Салтыковы МБ-2, ТС. ³⁰ МБ-2; Никифора, Докоучая Пушкины КБ; да Кодуни Пушкиных ПО. ³¹ МБ-2. ³² МБ-2. ³³ Чюд. ³⁴ МБ-2, КБ, ТС. ³⁵ МБ-2, Чюд. ³⁶ Чюд, КБ, МБ-2; Никиту, Ивана Кобылины ТС. ³⁷ Чюд, КБ, МБ-2; Арцыбушева ПО; ³⁸ МБ-2; Сурвоцкая КБ, Чюд. ³⁹ МБ-2, ПО, ТС. ⁴⁰ МБ-2, ПО, Чюд, КБ, ТС. ⁴¹ МБ-2; Плещиев Чюд, КБ, ПО. ⁴² КБ; Оумной Чюд, МБ-2; Умного ПО. ⁴³ КБ; Старой ТС, МБ-2; Старого ПО; Старово Чюд. ⁴⁴ Чюд, КБ, ТС, ПО; Мансурову МБ-2. ⁴⁵ КБ, МБ-2; Сунбулова ПО; Соумбуловы ТС. ⁴⁶ Чюд, КБ, ПО; Мансуров МБ-2, ТС. ⁴⁷ Чюд, КБ; Григория Колтовской, Александра Колтовской МБ-2; Григория Колотовской ТС. ⁴⁸ княжны Мосальского СП; княжну Мосальскаго КБ; княжну Мосальскую Чюд; княжну МБ-2. ⁴⁹ Чюд, КБ, МБ-2, ТС. ⁵⁰ То же в МБ-2; в Новогороде пятнадцати баб Чюд, КБ; в Новогороде побиенных 15-ти баб СП. ⁵¹ Чюд, КБ; называли их ведуньями СП. ⁵² МБ-2. ⁵³ ТС, Чюд, КБ, ПО, МБ-2. ⁵⁴ ТС, Чюд, КБ; Гореской МБ-2; Городинского ПО. ⁵⁵ ПО; Черныя Оболен МБ-2. ⁵⁶ ТС, КБ, СП, Чюд. ⁵⁷ Чюд, КБ, ТС, СП, МБ-2.

**КРАТКИЙ ПЕРЕЧЕНЬ ОПАЛЬНЫХ
ЦАРЯ ИВАНА ГРОЗНОГО**

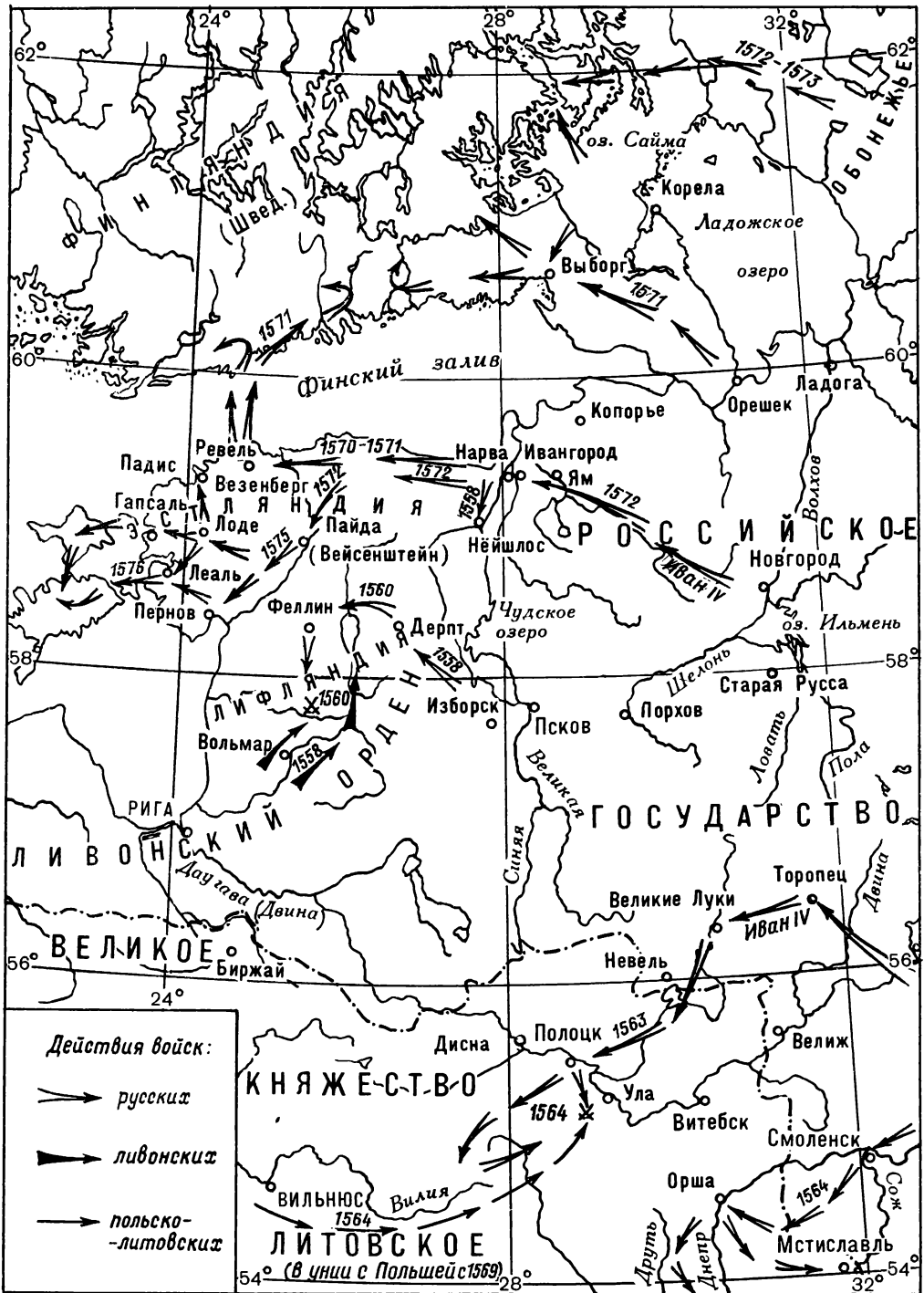
(7090 года)

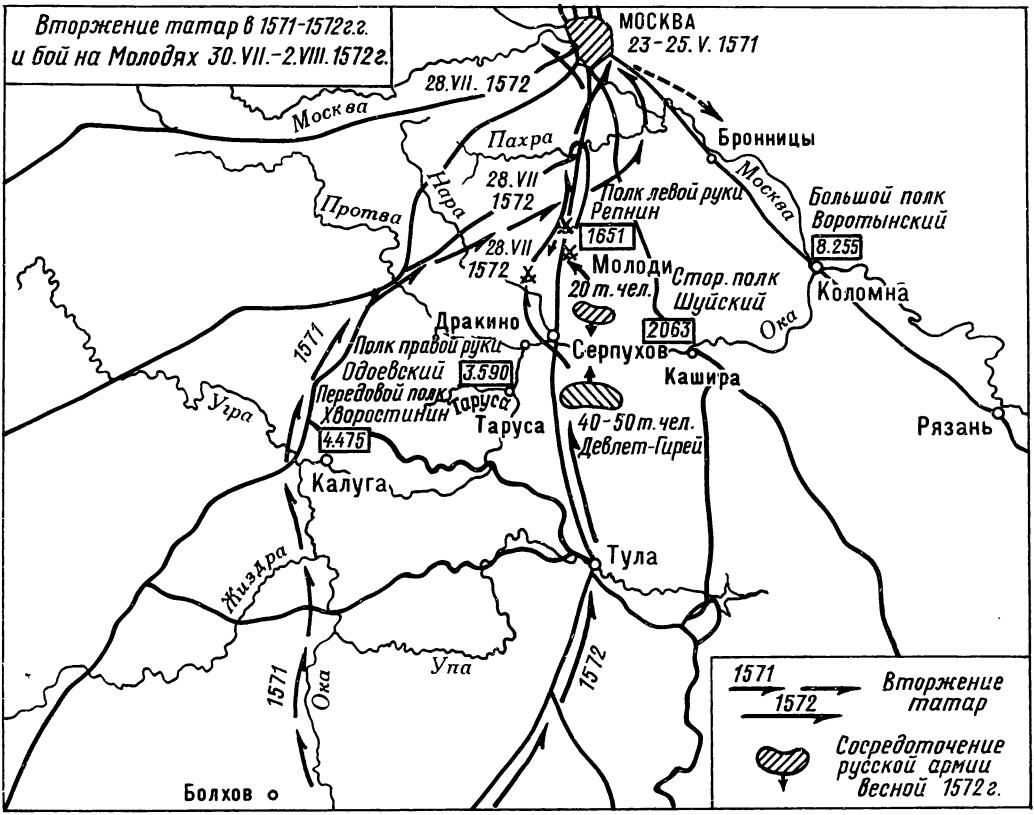
Казарин [Дубровский¹] и два его сына²; Ивана³ [Бухарин⁴], Игнатия⁵ [Заболоцкий⁶]; князь Василий [Волк Ростовский⁷], Василий [Борисов⁸], князь Михаил [Засекин⁹], инок Никита¹⁰ [Казаринов¹¹], Федор¹² [Заболоцкий¹³], князь Данила [Сицкий¹⁴], Хозяин¹⁵ [Тютин¹⁶], Иван [Колычев¹⁷] и сын его Иван¹⁸; князь Владимир [Курлятев¹⁹]; князь Федор [Сисеев²⁰], [и сын его Иван²¹]; Андрей, Алексей, Григорий [Шеины]; Иван [Выродков], Василий [Колычев], Федор [Карпов], князь Федор, Иосиф, Григорий [Хохолковы Ростовские], князь Александр [Ярославов²²], Иван [Федоров], Михаил [Колычев²³], князь Андрей [Катырев], князь Федор [Троекуров], Михаил [Лыков], Григорий [Плещеев], Василий [Данилов], Григорий [Волынский], князь Андрей [Бычков Ростовский], Василий [Бутурлин], князь Василий [Гагарин], князь Петр [Серебряной], Мясоед [Вислой], Никита [Фуников], Иван [Висковатой], князь Михаил [Черкасский], князь Михаил [Репнин], князь Юрий [Кашин²⁴], князь Иван [Кашин], князь Андрей [Ногтев]; князь Александр [Горбатый], его сын Петр; Петр [Головин], князь Петр [Куракин], Иван [Бутурлин], Дмитрий [Бутурлин], князь Данила [Сицкой], Протасий [Михайлов²⁵]; князь Василий [Темкин] и сын его князь Иван; Федор и Никита [Салтыковы]; Михаил [Плещеев], Василий [Умной], Алексей [Старого]; Федор и Семен [Сунбуловы]; Григорий и Александр [Колтовские]; князь Петр [Горенского²⁶], князь Никита и Андрей [Черного Оболенского]; Захарий и Иван [Плещеевы], Тимофей и Венедикт [Колычевы].

Никита [Шереметев], Лев [Салтыков].

¹ НП-2, МБ-3, ПН. ² НП-2; с товарищи МБ-3. ³ НП-2, МБ-3. ⁴ Ср. текст синодика. ⁵ НП-2, МБ-3, Сим. ⁶ Ср. текст синодика. ⁷ ПН. ⁸ ПН. ⁹ ПН. ¹⁰ НП-2, МБ-3, ПН, Сим. ¹¹ Ср. текст синодика. ¹² НП-2, МБ-3; ср. и сын его Федор ПН, Сим. ¹³ Ср. текст синодика. ¹⁴ ПН. ¹⁵ НП-2, МБ-3, Сим. ¹⁶ Ср. текст синодика. ¹⁷ ПН. ¹⁸ ПН, Сим. ¹⁹ ПН. ²⁰ ПН. ²¹ ПН; князь Ивана НП-2; Сим; далее порядок собственных полностью совпадает в ПН, ПН-2 и МБ-3, однако фамилии опальных расшифрованы только в ПН. ²² В ПН ошибочно князь Александр, Иван Ярославовы. ²³ В ПН ошибочно Клопов. ²⁴ В ПН ошибочно Кашинский. ²⁵ ПН; очевидно, Юрьев: ср. текст синодика. ²⁶ В ПН ошибочно Горийского.

П Р И Н Я Т Ы Е С О К Р А Щ Е Н И Я

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией имп. Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—2.
 АЕ — Археологический ежегодник. М.
 АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1—2.
 АКД — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
 Альшиц — Новый документ — *Альшиц Д. Н.* Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года//Исторический архив. М.; Л., 1949. Т. 4.
 Архив ЛОИИ— Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.
 АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства/Подгот. к печ. А. А. Зимин. М., 1956. Ч. 2.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Буганов. Документы — *Буганов В. И.* Новые документы о сражении при Молодях в 1572 г.//Исторический архив. М., 1959. Т. 4.
 Веселовский. Исследования — *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
 Витебская старина — Витебская старина/Сост. А. Сапунов. Витебск, 1885. Т. 4.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Л.
 ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
 ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 Горсей. Путешествия — *Горсей Д.* Путешествия сэра Джерома Горсея//Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII века: (Разновременные слои источника и их хронология)//Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории: Сб. трудов. М., 1974.
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.
 ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв./Подгот. к печ. Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
 ДРВ — Древняя российская вивлиофика. М., 1790. Ч. 13, 14; М., 1791. Ч. 20.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 Зимин. Опричина — *Зимин А. А.* Опричина Ивана Грозного. М., 1964.
 Зимин. Состав боярской думы — *Зимин А. А.* Состав боярской думы в XV—XVI веках//АЕ за 1957 г. 1958.
 ЗОРСА — Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1851. Т. 1.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
 Каппелер. Последние годы опричнины — *Kappeller A.* Die letzten Opričninajahre (1569—1571) im Lichte dreier zeitgenössischer deutscher Broschüren//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1971. Bd. 19. H. 1.
 Карамзин. История — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1831. Кн. III. Т. IX.
 Кинан. Апокриф — *Keenan E. L.* The Kurbskii — Groznyi Apocrypha. The Seventeenth — Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971.

- Кобрин. Власть и собственность — *Кобрин В. Б.* Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985.
- Кобрин. Состав опричного двора — *Кобрин В. Б.* Состав опричного двора Ивана Грозного//АЕ за 1959 г. 1960.
- Курбский. Сочинения — Сочинения князя Курбского//РИБ. СПб., 1914. Т. 31.
- Материалы — Материалы по истории Татарской АССР. Л., 1932.
- Новгородские летописи — Новгородские летописи: (так называемые Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб., 1879.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1862. Т. 2; 1886. Т. 4; 1905. Т. 5; 1910. Т. 6.
- Описи царского архива — Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года/Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960.
- Переписка — Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским/Подгот. текста Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыкова. Л., 1979.
- ПКМГ — Писцовые книги Московского государства/Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1; 1877. Ч. 1. Отд. 2.
- Платонов. Очерки — *Платонов С. Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910.
- Послание Таубе и Крузе — Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе/Пер. М. Г. Рогинского//Русский исторический журнал. Пг., 1922. Кн. 8.
- Послания Ивана Грозного — Послания Ивана Грозного/Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951.
- Прибалтийский сборник — Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2; 1880. Т. 3; 1881. Т. 4.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2; Л., 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3; СПб., 1859. Т. 8; М., 1965. Т. 13; М., 1965. Т. 14; СПб., 1914. Т. 20; М.; Л., 1959. Т. 26; М., 1965. Т. 29; М., 1975. Т. 32; М., 1978. Т. 34; Л., 1982. Т. 37.
- Разряды — Разрядная книга 1475—1605 гг./ГПБ. ОР. Собр. Эрмитажное. № 390.
- РИБ — Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2; 1891. Т. 13; 1908. Т. 22; 1914. Т. 31; Пг., 1915. Т. 32.
- Родословная книга — Родословная книга князей и дворян Российских и выезжих... М., 1787. Ч. 1—2.
- Садиков. Из истории опричнины — *Садиков П. А.* Из истории опричнины XVI в./Исторический архив. М.; Л., 1940. Кн. 3.
- Садиков. Очерки — *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
- Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества. СПб., 1883. Т. 38; 1887. Т. 59; 1892. Т. 71; 1910. Т. 129.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. 1; 1819. Ч. 2.
- Соловьев. История — *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. 3.
- ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворяная тетрадь 50-х годов XVI в./Подгот. к печ. А. А. Зимин. М.; Л., 1950.
- ТОДРЛ — Труды отдела древнерусской литературы. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
- Труды МГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института.
- Хофф. Тирания — *Hoff G.* Erschreckliche, greuliche und unerhörte Tyranney Iwan Wasiljewies. S. 1., 1582.
- Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Шлихтинг. Новое известие — *Шлихтинг А.* Новое известие о России времени Ивана Грозного/Пер. А. И. Малеева. Л., 1934.
- Шмидт. Российское государство — *Шмидт С. О.* Российское государство в середине XVI столетия: Царский архив и лицевые летописи времени Ивана Грозного. М., 1984.
- Штаден. Записки — *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника/Пер. И. И. Полосина. Л., 1925.
- Щербачев. Копенгагенские акты — *Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. Вып. 1//Чтения ОИДР. 1915. Кн. 4; Вып. 2//Там же. 1916. Кн. 2.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Г. В.* 80, 299
Абрамович Д. И. 66
Авалиани С. 278
 Аввакум, протопоп 283
 Август, римский император 309, 502
Аверин К. 346
 Аврамей, архимандрит 137
 Адашев А. Ф. 7, 18—24, 28, 29, 98—109, 111, 112, 115—118, 120—122, 125—127, 132—139, 143—145, 149, 152, 153, 157—160, 166, 171, 173, 175, 176, 182, 187, 188, 209, 216, 241, 257, 258, 264, 274, 275, 281, 287, 288, 331, 335, 371, 401, 500, 511, 512, 519, 521
 Адашев Д. Ф. 18, 99, 111, 132, 134, 137, 158, 187
 Адашев Т. Д. 158
 Адашев Ф. Г. 98, 100, 111, 112, 157
 Адашева А. А. 264
 Адашевы 98, 100, 135, 141, 158
 Аделунг Ф. 405
Адрианова-Перетц В. А. 128
 Аинтуган, татарин 543
 Айгустов Д. 534
 Айгустов У. 433
 Акимов М. 543
 Акимов Н. 543
 Аксаков И. 258
 Аксаков С. А. 158, 162, 239
 Аксаков-Товарищев И. М. 249, 330, 532
 Аксаков-Товарищев М. М. 249
 Аксен К. 468
 Аксентий, слуга Путильцева 540
 Александр, инок 537
 Александр Казимирович, польский король 56
 Александр Невский, великий князь 78
Алексеев Ю. Г. 80
 Алексей, митрополит 179
 Алексей Михайлович, царь 342, 406, 440, 480, 521
 Алексей, новгородский подьячий 538
 Алексей, полочанин 538
 Алексей, портной 538
 Алексей, стрелец 540
 Аленкин Жеря А. Ф. 247, 256
 Аленкины-Ярославские, князья 256
 Алферьев А. 540
 Алферьев-Нашокин Р. В. 229, 268, 437, 439, 444, 459, 474, 512, 513, 515, 520, 521
 Алферьевы-Нашокины 439
Альшиц Д. Н. 7—9, 20, 21, 23, 25, 60, 61, 63, 64, 69, 105, 106, 108, 117, 127, 128, 165, 223, 232, 234, 243, 262, 301, 443, 461, 462, 465, 470, 480, 481, 520, 547
 Алябьев С. С. 331, 531
 Амирв Шестой 541
 Амос, протопоп, в монашестве Александр 391, 537
Амосов А. А. 22—24, 30, 63, 64
 Амосов Р. 536
 Амурат, татарский предводитель 310
 Ананий, балахонец 533
 Ананий, подьячий 540
 Анастасия Ивановна, царевна 88
 Анастасия Романовна Захарьина, царица 5, 7, 57, 94, 97, 117, 119, 134, 135, 139, 142, 226, 256, 348
 Андомский-Чесноков В. Г., князь 246, 249, 274
 Андреев В. 269
Андреев (Andreyev) Н. Е. 20, 26, 36, 38, 63—66, 183, 190
 Андрей, князь владимирский 78
 Андрей, писарь 396
 Андрей, протопоп см. Афанасий, митрополит
 Андрей, слуга 542
 Андрей Васильевич, князь Углицкий 56
 Андрей Васильевич Большой, удельный князь 72
 Андрей Иванович, князь Старицкий 56, 81—83, 87, 88, 111, 113, 114, 159, 232, 322, 358, 488
 Андреянов В. 537
 Андреянов К. 537
 Андреянова М. 537
 Аникеев А. П. 370
 Аникеев Меньшой 370, 535
 Аникеев А. Т. 409
 Аникеев Баскак 541
 Аникеев Г. 403, 542
 Аникеев И. 540
 Анна, татарка 533
 Анна Васильчиковна, царица 471, 479, 482
 Анна Ивановна, царевна 435
 Анна Колтовская, царица 51, 57, 457, 471, 479, 509
Аннинский С. А. 441
 Антон, кожевник 539
 Антоний, митрополит 51, 493, 494, 497
 Антонов С. 328, 530
 Анфим, сын протопопа Сильвестра 62, 118, 138
Анхимюк Ю. В. 351, 386
Апухтин В. Р. 506
 Арсентьев Н. 464
 Артаков С. 472
 Артемий, седельник 530
 Артемий, старец 48, 105
 Артемов И. 541
 Архангельский С. 269
 Арц, граф 184
 Арцыбашев Б. Д. 401, 520, 544
 Аталыкин Т. 449
Атман (Attman) Л. И. 386
Ауэрбах (Auerbach) И. 45, 50, 66, 67
 Афанасий, игумен 12

- Афанасий, митрополит 22, 33, 179, 180, 203, 212, 285, 290, 291, 297, 323, 325, 335, 340, 359, 464
- Афанасий, святой 502
- Афанасий Ежев, старец 540
- Афонасий, дворник 533
- Афонасьев Безсон 538
- Афонасьев И. 271
- Бабичев А. С., князь 271, 295, 333, 532
- Бабичев Б. Д., князь 249
- Бабичев И. Д., князь 249
- Бабичевы, князья 274, 288
- Бабкин А. М. 370, 390, 539
- Бажин, из Сормы 535
- Бакин Т. 536
- Бакшей, слуга 115, 117
- Барбашин-Суздальский В. И., князь 133
- Барберини, купец 208, 216, 282, 299, 412
- Бармаков Б. 269
- Бармин Ф. 94
- Барсов Е. В.* 390
- Барсуков А.* 141
- Бартенев Д. 416, 417
- Бартенев И. 403
- Барымский, мурза 429
- Басенков Иван 541, 543
- Басенков Исак 537
- Басенков Т. 543
- Басенкова А. 543
- Баскаков А. И. 295, 330
- Баскаков И. И. 409
- Баскаков М. И. 409
- Басманов-Плещеев А. Д. 62, 131, 151, 156, 158, 165, 172, 175—179, 189, 200, 204, 206, 207, 210, 219, 225, 226, 228, 234, 235, 268, 291, 303, 316, 328, 339, 340, 341, 350, 376, 377, 404, 435, 436, 438, 500, 512, 542, 543
- Басманов-Плещеев Д. 178
- Басманов-Плещеев П. А. 404, 543
- Басманов-Плещеев Ф. А. 159, 178, 203, 226, 227, 235, 305, 333, 376, 377, 404, 434
- Басмановы-Плещеевы 159, 220, 225, 226, 235, 340, 376, 377, 404, 434, 456, 457, 497
- Батанов А. Н. 295
- Баташов А. 331
- Бахмет Я. 328
- Бахрушин С. В.* 21, 64, 108, 127, 441
- Бахтеяров-Ростовский В. Ф., князь 248, 255, 274
- Бахтеяров-Ростовский И. Ф., князь 248, 255, 260
- Бахтеяров-Ростовский М. Ф., князь 248, 255, 274, 275
- Бахтеяровы-Ростовские, князья 260
- Башкин М. 281, 282
- Без, чех 402
- Безнин-Нашокин М. А. 229, 233, 444, 474, 515, 520
- Безобразовы 222
- Безопишев У. В. 410
- Безсонов Андр. В. 365, 366, 370, 375, 389—391, 407, 521, 534
- Безсонов Б. 391, 540
- Безсонов Г. 390, 534
- Безсонов Ф. 390, 534
- Беликов И. 540
- Белкин М. З. 220
- Белль Ф. 133
- Белокуров С. А.* 236
- Бельский А. В., князь 472, 489
- Бельский Б. Я. 438, 443, 472, 489, 499, 500, 515, 520, 527
- Бельский Д. Ф., князь 81, 83—86, 289
- Бельский И. Д., князь 41, 42, 49, 50, 67, 118, 120, 128, 143, 144, 148—151, 153, 159, 160, 165—167, 184, 187—189, 213, 225, 226, 231, 235, 258, 265, 268, 290, 292, 300, 308, 309, 319, 320, 427, 429, 435, 441, 451, 510, 519, 540
- Бельский И. Ф., князь 85, 86, 88, 89
- Бельский (Bielski) М., польский хронист 318, 342, 343, 346
- Бельский С. Ф., князь 85, 86, 148, 151
- Бельский Ф. И., князь 72
- Бельские, князья 56, 77, 86, 105, 120, 148, 222, 308, 436, 439, 440, 465, 489
- Бельский М. Л., см. Скуратов-Бельский М. Л.
- Беллев И. Д.* 36, 440, 451
- Бердин И. 540
- Бернов Б. 534
- Бернов Г. 534
- Бернов Меньшой 534
- Бернов Мисюрь 534
- Бернов Р. 534
- Бернов Ш. 534
- Бернядинов Ф. 330, 532
- Берсенева А. 331
- Бастановы 465
- Бестужев Г. 537
- Бестужев З. А. 258
- Бестужев-Рогатый М. О. 249, 330
- Бестужев-Рюмин К. Н.* 263
- Блеклой П. 536
- Бленд Р. 413
- Блудовы 302
- Боборыкин И. 536
- Бовыкин А. 539
- Богбинтер Г. 282
- Богдан, валашский господарь 510, 535
- Богоявленский С. К.* 441
- Богучий А. 402
- Болотников И. И. 420, 519
- Болтин И. Н.* 5, 9
- Болховский Н. 537
- Бомелей 314, 439, 484, 485, 490, 493, 494, 495, 497, 498, 504
- Борзов Т. 540
- Борзов Четвертый 540
- Борис Васильевич, удельный князь 72
- Борис Федорович Годунов 65, 84, 113, 240, 313, 416, 435, 444, 479, 481, 490, 515, 527
- Борисов В. П. 110, 173, 322
- Борисов-Бороздин В. Н. 173, 322, 332, 496, 529, 544
- Борисов-Бороздин Г. Н. 443
- Борисов-Бороздин М. В. 271, 273, 288
- Борисов-Бороздин Н. В. 35, 245, 263, 272, 273, 278, 436, 443, 496, 497, 519, 544
- Борисовы-Бороздины 322
- Борода Ф. 537
- Бортенев Е. 534
- Бортенев Четвертый 541
- Борятинский П. И. 271, 413
- Боус Е. 482
- Бочин С. 530
- Бошель Д. 413
- Братской Ф. 538

- Браудо А. И.* 58, 59, 68, 451
Бровцын М. 535
Буганов В. И. 65, 234, 341, 419, 440, 452, 458, 465, 505, 547
Будный С. 283, 284, 299
Буженинов К. 541
Булгаков Д. 542
Булгаков И. 541
Булгаков П. 16, 269, 301, 520, 521
Булгаков-Корнев И. Н. 269, 397, 403
Булгаков Ф. 333
Булгаковы, см. Куракины
Бунда-Быкасов С. 295
Бундов (Burdna) К. С. 18, 294—296
Бундовы 295, 296, 301
Буяков Второй 295, 331, 533
Бурдей Г. Д. 346, 349, 385, 447, 451, 452
Бурков Неустрой 356, 535
Бурнаков С. 535
Бурухин А. И. 386
Бурухин-Наумов М. А. 236
Бурцев Р. Н. 275, 330, 532
Бутурлин А. А. 125, 144, 166, 180, 226, 268, 519
Бутурлин В. А. 271, 273, 301, 369, 370, 376, 387, 390, 437, 539, 545
Бутурлин Г. 390, 538
Бутурлин Д. А. 227, 235, 273, 350, 437, 496, 497, 519, 545
Бутурлин И. А. 35, 180, 227, 235, 236, 350, 496, 497, 519, 544, 545
Бутурлин Л. А. 273, 539
Бутурлин С. Ф. 356, 357, 387, 535
Бутурлин Ф. А. 162
Бутурлин Ф. И. 180, 271, 273
Бутурлин-Варгасов Е. В. 271
Бутурлин-Варгасов С. В. 271
Бутурлин-Полуектов Г. Д. 369, 390
Бутурлин-Полуектов С. В. 387
Бутурлины 77, 227, 271, 369, 387, 437, 497
Бухарин А. 531
Бухарин Ив. И. 514, 530, 545
Бухарин Иш. И. 529, 541
Бухарин М. 534
Бухарин-Наумов И. И. 180, 269, 295, 322, 344
Бухау Д. 318, 343, 441, 442, 495, 499, 503, 504, 506
Бык, слуга 533
Быкасов А. 295
Быкасов П. 295
Быков А. 403, 542
Быковский, гонец 334
Быковский П. 402
Былова М. 535
Бычков А. Ф. 441
Бычкова М. Е. 345, 346, 441
Бычков-Ростовский Волох А. М., князь 248, 369, 390, 538, 545

Валк С. Н. 504, 505
Валуа, французская королевская династия 24
Варенцов В. А. 390
Варлаам, святой 484
Варсунофий, епископ 325
Варфоломей, корелянин 538
Васаев М. Ф. 363, 370, 536
Васаева Мария 542
Василий, истопник 542
Василий, повар 353, 533

Василий, священник 535
Василий Блаженный 126
Василий II Васильевич Темный, великий князь 56, 84
Василий III Иванович, великий князь 52, 56, 82, 83—90, 94, 98, 105, 109, 110, 111, 113, 114, 115, 116, 137, 142—144, 146, 147, 170—172, 177, 189, 214, 232, 236, 261, 306, 313, 358, 433, 487, 519
Васильев А. 143, 149, 153, 165, 211, 234, 268, 269, 514
Васильев К. Г. 454, 464
Васильчикова А. см. Анна Васильчикова, царица 471, 479, 482
Васильчиковы 471
Васька, толмач 542
Васьян, игумен 161
Васьян, старец 137
Васьян Муромцев, Муромец (Muromtsev), старец, книжник 31, 32, 35, 36, 45, 47—49, 51, 65, 66, 158, 180—182, 185—187, 190, 194, 374, 375, 539
Васьян Топорков-Клобуков, старец 116, 126, 137, 145
Ваттерман, проповедник 281
Вахнев Д. 541, 543
Вахнева У. 543
Вахромеев И. А. 263, 407
Введенский А. А. 237, 341
Вежак, зелейник 542
Великого И. 534
Вельяминов А. 334
Вельяминов Г. 334
Вельяминовы 302
Верещагин П. 543
Верещагин С. Н. 407, 542
Вернадский Г. В. 483, 504
Веселовский С. Б. 6, 7, 9, 10, 13—16, 18, 51, 52, 55, 57, 61, 62, 67, 68, 139, 141, 143, 165, 168, 189, 191, 218, 221, 228, 230, 231, 233, 234, 236, 237, 239, 243, 244, 253, 261—264, 279, 290, 300, 301, 313, 329, 332, 341, 342, 344, 345, 346, 350, 351, 365, 385—387, 389, 390, 391, 393, 400, 406, 409, 419, 425, 440, 442, 459, 464, 465, 475, 478, 481, 482, 506, 511, 519, 521, 547
Веселый, Веселой В. Л. 390, 537
Веселой И. 540
Вешняков В. 520
Вешняков И., подключник 535
Вешняков И. В. 98, 132, 137
Вешняков С. М. 182
Вильсон Р. 412
Виппер Р. Ю. 6, 9, 169
Висковатый И. М. 16, 17, 19, 22, 25, 26, 30, 31, 40, 52, 53, 60, 62—64, 97, 98, 110, 111, 113, 138, 142, 143, 145, 149, 165, 176, 267, 268, 336, 396—398, 402, 403, 405, 406, 425, 429, 432, 455, 514, 521, 527, 541, 545
Висковатый Т. М. 17, 397, 399, 405, 540
Вислая М. 401
Вислый Мясоед К. С. 17, 269, 400, 401, 406, 407, 541, 545
Вишневецкий Д. И., князь 131, 132, 148—151, 167, 188, 258
Вишневецкие, князья 150
Владимир, святой 392, 419
Владимир Андреевич, князь Старицкий 17, 25, 27—29, 34, 35, 53—55, 82, 84, 106, 109—

- 113, 115, 116, 119, 122, 128, 142, 143, 150, 159, 160—162, 171, 172, 175, 183, 204, 218, 226, 235, 238, 239, 253, 270, 272, 273, 290—292, 303, 306, 311, 313, 314, 316—319, 322—324, 330—332, 343, 345, 354—358, 361, 362, 365, 368, 369, 375—377, 387, 388, 398, 400, 401, 403, 435, 436, 477, 488, 510, 533, 535
- Василий Владимирович, князь Старицкий 35, 53, 357, 477, 478, 488, 510
- Владимир Мономах 214, 469
- Владимиров Д. 230
- Владислав, русский царь 386
- Власьев Г. А.* 167, 189, 234, 262, 264
- Внук, слуга Басманова А. Д. 542
- Водарский Я. Е. 80
- Воейков Б. В. 472, 515, 520
- Воейков Большой И. В. 472
- Воейковы 222
- Воин, подьячий 541
- Волков В. И. 457
- Волович О. 40, 42, 43, 183, 307
- Володимиров Д. 230, 268, 341, 496, 497, 544
- Волынские-Вороного 234, 271, 390
- Волынский А. Ф. 220
- Волынский В. Д. 271
- Волынский Г. 536, 545
- Волынский Г. В. 390
- Волынский Г. И. 369, 370, 376, 390
- Волынский Г. С. 390
- Волынский К. 390
- Волынский П. В. 520
- Волынский П. И. 271, 367, 389
- Волынский Ш. 403, 542
- Волынский Я. Ф. 220, 234, 425, 426, 441
- Волынский-Вороного М. И. 128, 144, 290, 369, 427, 519
- Воробьев В. М.* 464
- Воронин Б. 538
- Воронин В., подьячий 543
- Воронов А. 535
- Воронов М. 533
- Воронцов В. М. 90, 236, 535
- Воронцов И. Д. 271
- Воронцов И. М. 268, 519
- Воронцов И. Ф. 150, 227, 229, 236, 350, 434
- Воронцов М. С. 82, 87, 113
- Воронцов Ф. С. 90, 124, 331
- Воронцовы 90, 143, 227, 228, 331
- Воропаев И. 537
- Воропай Ф. 190, 469
- Воротынская М., княгиня 151
- Воротынские, князья 54, 56, 77, 86, 105, 146, 150, 151, 188, 279, 307, 475, 510
- Воротынский А. И., князь 118, 144, 150, 151, 152, 167, 475, 519
- Воротынский В. И. 110, 111, 127, 142, 150, 151, 476
- Воротынский И. М. 86, 151, 342
- Воротынский М. И., князь 18, 49—55, 67, 113, 132, 142, 150, 151, 153, 167, 177, 268, 273, 277, 287, 288, 296, 300, 307—309, 332, 337, 342, 424, 448, 449—452, 458, 459, 475—478, 510
- Вощеников А. 246
- Всеволод Большое Гнездо, великий князь 78, 172, 255, 259
- Выповский Алф. 540
- Выповский Андр. 538
- Выповский П. 542
- Выповский С. 542
- Выповский Ш. 540
- Выродков А. 531
- Выродков В. 531
- Выродков В. И. 531
- Выродков Г. 531
- Выродков Д. 531
- Выродков И. Г. 130, 137, 143, 331, 407, 521, 531, 545
- Выродков Нагай И. 531
- Выродков Никита И. 531
- Выродков П. Д. 531
- Выродков Ф. 531
- Выродкова М. И. 531
- Вьялицын С. Е. 539
- Вяземские, князья 220, 376, 457
- Вяземский Аф. И., князь 69, 155, 179, 187, 210, 218, 228, 257, 268, 314, 316, 350, 353, 376, 384, 392, 404, 435, 436, 437, 497, 513, 520, 542
- Вяземский В. И., князь 302
- Вяземский Д. И., князь 219
- Вяземский Е. 542
- Вяземский И., князь 405
- Вяземский Волк Ю. И., князь 236
- Вяземский Волков В. И., князь 228
- Вяземский-Глухов А. И. 236
- Вяземский-Зайцев А. И., князь 236
- Вяземский-Козлов Т. И., князь 350
- Вяземский-Лисица Д. И., князь 236
- Вяземского Грязнов 405, 540
- Вяземского Е. 542
- Вяземского Иона 540
- Габель Ф. 503
- Габсбурги, австрийская императорская династия 470
- Гаврила, охотник 538
- Гагарин А., князь 532
- Гагарин А. В., князь 273, 330, 532
- Гагарин Б. В., князь 273
- Гагарин Василий, князь 540
- Гагарин Владимир Иванович, князь 249, 330, 532, 545
- Гагарин И. С., князь 180, 246, 249
- Гагарин И. Ф., князь 248
- Гагарин-Шемяка Д. Д., князь 249, 251
- Гагарины-Стародубские, князья 78
- Гагин Великого В. А. Большой, князь 120
- Гагин И. В. Меньшой, князь 271
- Гадебуш (Gadebusch) Ф. 343
- Гаклюйт Р., см. Хаклюйт Р.*
- Галактион (епископ Крутицкий) 290
- Галасей, игумен 62
- Гальперин Г. Б.* 270, 278
- Гамель И.* 69, 129, 141, 342, 419, 444, 465
- Ганус, купец 296, 542
- Гарабурда М. 40, 445, 451, 469, 470, 474
- Гарин Чудо 541
- Гваньини (Gwagnini) А. 22, 294, 301, 317, 318, 342, 343, 346, 353, 368, 405
- Гвоздев-Ростовский Ф., князь 255
- Гвоздев-Ростовский И. Ф., князь 157, 236
- Гвоздев-Ростовский О. Ф., князь 236
- Гедимин, великий князь литовский 148
- Гедиминовичи 308
- Гелвасий, игумен 372
- Геннинг С. 317

- Генрих Анжуйский, принц 24, 470, 491
 Герасимов А. 361
 Герасимов Д. 170
Герасимов М. М. 501, 503
 Герасимова Е. 533
 Герберштейн С. 89
 Герман, архиепископ 51, 290, 291, 297, 302, 340
 Гермоген, архимандрит 193, 340, 506
Герцен А. И. 62, 344
Гириберг В. Б. 387
Гладкий А. И. 50, 67
 Глазатые-Оболенские, князья 242
 Глебов Иванов М. 532
 Глебович Я. 307
 Глинская А., княгиня 90—93
 Глинские, князья 90, 93—95, 97, 147, 171, 312, 435
 Глинская Е., см. Елена Глинская, великая княгиня
 Глинский В. М., князь 147, 148, 150, 166, 188, 519
 Глинский М. В., князь 90, 91, 94, 167, 242, 312
 Глинский М. Л., князь 81—84, 86—89, 147, 315
 Глинский Ю. В., князь 91—93, 235
 Глухов З. И. 331, 532
 Глухов И. И. 331, 532, 534
 Глухов О. 534
 Глухов С. 534
 Гневушев А. М. 379, 389, 392
 Гнильев П. 540
 Годунов А. Я. 481
 Годунов Борис Федорович 65, 84, 113, 240, 313, 416, 435, 444, 479, 481, 490, 515, 527
 Годунов Д. И. 439, 444, 470, 472, 479, 481, 482, 490, 513, 515, 520
 Годунов М. В. 268, 271
 Годунов С. В. 490, 515
 Годунов Ф. И. 527
 Годунова И. Ф. 490
 Годуновы 222, 268, 439, 465, 472, 489, 490, 513, 527
 Голвожский Г. 542
 Голенченко Г. Я. 299
 Голицын В. Ю., князь 271, 475, 515
 Голицын И. Ю., князь 271, 515
 Голицыны-Патрикеевы, князья 77, 160, 222, 261
Голобуцкий В. А. 140
 Головин-Третьяков Ф. И. 271
 Головины-Третьяковы 222
 Головин-Ховрин В. П. 149, 264
 Головин-Ховрин И. М. Большого 246, 249, 257, 275
 Головин-Ховрин И. П. 166, 172, 264, 521
 Головин-Ховрин М. П. 144, 166, 264, 519
 Головин-Ховрин П. И. 83, 264, 515
 Головин-Ховрин П. П. 144, 214, 240, 257, 264, 544, 545
 Головин-Ховрин Ф. П. 166, 172
 Головин-Ховрин Грязной 150, 257, 264
 Головина-Ховрина С. Ю. 264
 Головины 166, 225, 240, 257, 258, 264, 271, 288, 325
 Голохвастов Д. П. 128
 Голохвастов Н. К. 235
 Голочелов К. 537
Голубцов И. А. 388, 391
 Горбатый-Суздальский (Garbato) А. Б., князь 114, 119, 120, 128, 138, 149, 175, 214, 223, 225, 238, 240—242, 254, 257, 258, 260, 261, 289, 497, 544, 545
 Горбатый-Суздальский Б., князь 85
 Горбатый-Суздальский П. А., князь 178, 240, 544, 545
 Горбаты (Barbatta, Garbatta)-Суздальские, князья 59, 83, 225, 240
 Горбуша Е., старица 372, 538
 Горенские-Оболенские, князья 242
 Горенский И. В., князь 118
 Горенский П. И., князь 17, 58, 143, 204, 205, 207, 235, 241, 262, 544, 545
 Горенский Ю. И., князь 242
 Горецкий А. 534
 Горин И. 540
 Горин М. 540
 Городецкий И. С., князь 466, 472
 Горсей Д. 65, 379, 382, 386, 392, 439, 441, 444, 479, 484, 485, 492—495, 498, 500, 503—507
Горский А. В. 262, 391, 506
Готье Ю. В. 58, 141
 Граевский К. 491, 505
 Грек К. Ю. 253
Греков Б. Д. 96, 106, 389, 390, 391, 407, 453, 464
Греков И. Б. 34, 65
 Грем Хью 49, 67
 Григорий, подьячий 541
 Григорий, священник 535
Григорьев Г. Л. 67
 Григорьев Л. 530
 Григорьев М. 370, 390, 534
 Григорьев П. 230, 460, 465, 472
 Григорьев Первый, орлянин 542
 Григорьев С. 538
Грбовский (Grobowski) А. Н. 121, 127, 128, 134, 141
 Грязной-Ильин В. Г. 195, 219, 229, 305, 356, 377, 392, 404, 437—438, 460, 471, 472, 474, 478, 512
 Грязной-Ильин Г. Б. Большой 61, 377, 394, 438, 440, 443
 Грязной-Ильин Г. Б. Меньшой 230, 438
 Грязной-Ильин Н. Г. 438
 Грязной-Ховрин см. Головин-Ховрин
 Гундоров Д. В., князь 205, 271
 Гундоров И. В., князь 248, 253, 275
 Гундоров М., князь 78
 Гундоров Н. Г., князь 271, 273
 Гундоров Р. И., князь 248, 253, 276
 Гундоров С. Г., князь 273
 Гундоров С. И., князь 78
 Гундоров Ф. И., князь 78, 253
 Гундоров Ю. И., князь 253
 Гундорова С. 276
 Гурий, игумен 335
 Густав Ваза, шведский король 140
 Давыдовы, см. Челябинны-Давыдовы
 Даниил, митрополит 33, 81, 88, 113, 114
 Данила, слуга Басманова 539
 Данила, староста 539
 Данило, плотник 353, 533
 Данилов В. Д. 16, 258, 268, 288, 301, 365—370, 376, 396, 403, 517, 519, 534, 545

- Данилов Услюм Я. И. 150, 249, 258, 264, 265
 Данилов Услюмов Ф. Я. 180, 249, 258, 265, 330, 531
 Даниловы 258, 275
 Данти А. 66
 Дашков А. Д., князь 158, 333
 Дашков И. А. 333, 532
 Девлет-Гирей, хан 132, 167, 177, 206, 266, 424, 425, 428, 429, 434, 447—450, 467, 468
Дегтярев А. Я. 464
 Дедаев Я. 538
 Деев Ф. П., князь 271, 273
 Дементьев В. 532
 Дементьев Д. 531
 Дементьев-Горяинов Г. 532
 Дементьев-Горяинов И. 532
 Дементьев-Молчанов П. 531
 Дементьев-Молчанов Т. 531
 Дементьев-Молчанов Ф. 531
 Дементьев Ю. 531
 Дементьевы 330
Демин А. С. 285, 299
 Денисов Р. 542
Дербов Л. А. 505
 Дервин Е. 535
 Дженкинсон А. 308, 309, 313, 314, 343, 353, 478, 497
 Джерио, венецианский дипломат 366, 382, 389
Дианова Т. В. 34, 48, 65
 Дивей, мурза 448, 449, 450, 451, 458
 Дивин Б. 542
 Дивин И. 542
 Дионисий, старец 535
 Дионисий Турпеев, старец 17, 543
Дмитриев И. 506
 Дмитриев М. 543
 Дмитрий, великомученик 304
 Дмитрий, внук Ивана III 73
 Дмитрий, путивлец 540
 Дмитрий, слуга Шаблыкина 539
 Дмитрий, царевич, сын Нагой М. 527
 Дмитрий, царевич, сын Романовой А. 11, 26, 28, 109—111, 114, 115, 117, 142, 150
 Дмитрий Иванович Донской, великий князь 56
 Добрыня, сытник 540
 Довойна С. 27, 115, 201
 Долгоруковы князья 242
 Долгоруков И., князь 61, 420
 Долгоруков П., князь 230
 Долгоруков Т. И., князь 416, 511, 515
 Домрачев Постник, подьячий 542
 Дорогобужский И., князь 90
 Дорогобужская М. см. Челяднина М.
 Дорофей Курцев, старец 375, 391, 539
 Дровнин В. Г. 520
 Дрожжин И. 532
 Дрожжин Ф. 532
 Дружина, подьячий 542
 Друцкий Д. А., князь 302, 496, 497, 544
 Дубенский И. 153
 Дубнев А. 543
 Дубнев М. 403, 542
 Дубнева П. 543
 Дубровин А. 540
 Дубровин Б. 541
 Дубровин Второй 543
 Дубровин Ф. 543
 Дубровина М. 543
 Дубровский А. 539
 Дубровский В. 539, 540
 Дубровский К. 15, 17, 83, 322, 323, 529
 Дубровский Р. Н. 534
 Дубровский С. М. 540
 Дуплев И. 535
 Дурасов С. 541
 Дуров Н. В. 249
 Дуров С. В. 249
 Дуров Х. В. 249
 Дуровы 258
 Дыдылнин А. 538
 Дымов М. 533
 Дятлов А. В. 249, 330, 531
 Дятлов А. Г. 249
 Дятлов Г. В. 249, 330, 531
 Дятловы 258
 Евдокия, княжна Старицкая 356
 Евдокия, старица, см. Ефросинья Старицкая
 Евдокия, римская императрица 134
 Евреев Д. Г. 473
 Евреев М. Б. 473
 Евстафий, царский духовник 325, 364
 Евфимий, архимандрит 62, 493, 494, 506
 Евфимий, монах, см. Цыплатев И. Е.
 Едигеев И. 538
 Едигер, хан 162
 Еж, рыболов 356, 535
 Ежев С. 538
 Екатерина Ягеллон 348
 Елеферий, архимандрит 137, 293
 Елгозин С. 538
 Елена Глинская, великая княгиня 81—83, 85, 87—89, 115, 127, 147
 Елизавета, английская королева 69, 342, 353, 421, 478, 498, 524
 Елизаров Г. 541
 Елизарова А. 543
 Елиневский Т. 540
 Елсуфьев Д. 356, 535
 Елсуфьев Н. В. 149
 Ельчин И. 162, 356, 533
 Ельчина М. 356, 533
 Ергольский Н. В. 386
 Ергольский С. В. 386
Ермолаев И. П. 263, 298
 Ермолай Еразм 97, 102, 103, 107, 170
 Еропкин В. Ф. 330
 Еропкин Ф. В. 249, 322, 529
 Еропкины 288
 Есинов А. 538
 Ефимьев Л. Ф. 520
 Ефремов Т. 328, 530
 Ефимья Владимировна, княжна Старицкая 478
 Ефросинья, княгиня Старицкая, в монашестве
 Евдокия, старица 17, 35, 56, 109—111, 113, 116, 117, 144, 159, 161, 162, 165, 171, 178, 238, 258, 272, 311, 322, 332, 337, 356, 370, 387, 436, 443, 533
 Жаденков И. М. 541
 Жаденский И. 536
 Жаденской Ф. 537
Жданов И. Н. 50, 67
 Жданов Ф. 538

- Жданков А. 543
 Жданкова Л. 543
 Жданский Н. 403, 541
 Желнинский В. 544
 Желнинский Одинец 541
 Желтухин И. 540
 Жигальцо И., старец 383
 Жижемский М. В. 271
 Жокула И. Ф. 236
 Жулебина М. 162, 356, 533
- Забелин Ю. И.** 386
 Заболоцкие 180, 387
 Заболоцкий Б. 356, 357, 387, 535
 Заболоцкий И. 322, 529, 545
 Заболоцкий Ф. Г. 246, 249, 330, 532, 545
 Заборовская, жена Исаака 531
 Заборовский И. 329
 Загряжский М. 542
 Зайцев Н. А. 271
 Зайцев П. В. 178, 219, 230, 236, 268, 350, 395, 434, 437, 442, 513, 520
 Зайцев-Вяземский А. И. см. Вяземский-Зайцев А. И.
 Замоиский Я. 492
 Запоров П. 536
 Засекин Д. П., князь 245, 246, 248, 252, 256
 Засекин И., князь 248
 Засекин И. Г., князь 246, 248
 Засекин Л. И., князь 149, 248, 256, 487
 Засекин М. Ф., князь 248, 256, 529, 545
 Засекин С. Д., князь 246, 247, 256, 330, 531
 Засекин-Владимеров И. И., князь 248, 257
 Засекин-Глебов Б., князь 369, 534
 Засекин-Давыдов Д. И., князь 487, 505
 Засекин Жирового В. Д., князь 248, 256
 Засекин Жирового В. Ф., князь 248
 Засекин Жирового И. Д., князь 248
 Засекин-Ноздрунов А. И., князь 248, 256, 274
 Засекин-Смелого И. Ю., князь 248, 330, 531
 Засекин-Солнцев Лобан А. П., князь 247, 256
 Засекин-Солнцев Д. В., князь 248, 252, 256, 257, 351
 Засекин-Солнцев И. А., князь 275
 Засекин-Сосунов Ф. И., князь 247, 256
 Засекин-Черный Д. И., князь 487
 Засекин-Черный И. И., князь 137, 248, 256
 Засекин-Черный М. Ф., князь 252
 Засекины 180, 256, 271, 275
 Засекины-Черные, князья 252
 Захаров-Гнильев В. Г. 331, 397, 407, 531
 Захаров-Гнильев Я. Г. 239, 331, 356, 357, 387
 Захарьин Г. Ю. 94, 120, 128, 172, 173
 Захарьин М. Ю. 82—84, 86, 87, 94, 99, 113, 114, 144
 Захарьин Р. Ю. 94
 Захарьин-Ляцкий И. В. 86
 Захарина А. Р. см. Анастасия Захарьина
 Захарьины 28, 29, 72, 77, 86, 94, 97—99, 109, 111—120, 134, 136, 137, 140, 142—145, 147, 150, 159, 162, 171—173, 175—177, 179, 180, 198, 207, 225, 226, 268, 292, 430, 432, 433, 495, 497; см. также Романовы, Юрьевы, Яковлевы
 Зачесломский А. Т. 295, 331, 531
 Звенигородские, князья 176
 Зворыкин В. 537
 Зеленин М. 540
 Зенг Ф. 298, 300
- Зимин А. А. 7, 9, 18—20, 25, 26, 38—41, 43—46, 50—52, 54, 55, 62—64, 66—68, 79—81, 83, 89, 92, 94, 98, 105—107, 108, 114, 127—129, 141, 142, 165—167, 169, 176, 183, 189, 190, 193, 201, 215, 216, 220, 225, 229, 230, 232—238, 243, 261, 262, 264, 268—270, 272, 278, 294, 296, 300, 301, 312, 317, 320, 321, 323—325, 337, 340—347, 350, 351, 357, 379, 382, 385—387, 392, 407, 408, 414, 416, 419, 420, 425, 433, 440—442, 454, 461, 464, 465, 484, 504, 508, 509, 515, 517, 519, 521, 547, 548
 Зиновьевич, польский воевода 157
 Змиев Я. 534
 Зутис Я. Я. 141
 Зюзин В. Г. 363, 437, 465, 489, 515
- Иван III Васильевич, великий князь 52, 56, 72, 73, 75, 79, 81, 91, 94, 115, 148, 167, 189, 197, 198, 209, 239, 250, 264, 357, 361, 364, 370, 371, 410, 433, 509, 522
 Иван Иванович, царевич 21, 53—57, 142—144, 209, 226, 228, 311, 353, 368, 402, 430—433, 435, 444, 458, 469, 477, 494, 495, 506
 Иван, каменщик 536
 Иван, немчин 539
 Иван, подьячий 539
 Иван, проповедник 170
 Иван, протопоп 496
 Иван, псарь 540
 Иван, сытник 541
 Иван Григорьевич, священник 286
 Иван Данилович Калита, великий князь 56, 71, 78, 82, 113, 365
 Иван Матвеевич, опричник 61
 Иванов А. 361
 Иванов Бажен 537
 Иванов Богдан 537
 Иванов Д. С. 537
 Иванов М. Г. 295, 333
 Иванов О. 535
 Иванов П. 541
 Иванов Савлук 159, 168, 537
 Иванов Семен 537
 Иванов Сурьянин 537
 Иванов Ф. С. 537
 Иванов Ч. 541
 Иванов Я. 538
 Ивашов А., купец 295, 322, 323
 Ивашов Аф., инок 529
 Ивина Л. И. 166
 Ивонин Т. 536
 Игнатьев Белобок 537
 Игнатьев Богдан 537, 539
 Игнатьев Ж. 538
 Игнатьев Х. 537
 Игнатьева С. 537
 Извеков И. 534
 Измайлов И. Я. 149, 267, 531
 Изугин Ф. 540
 Иловайский Д. И. 106
 Ильин И. 496, 544
 Ильин О. 496, 497
 Ильин-Ошанин В. Ф. 438
 Ильинский А. Г. 382, 392
 Ильины 377, 438, 439
 Иоаким, архимандрит 11, 400

- Иоанн Златоуст 40, 134
 Иоанн, инок 62
 Иоанн, ливонский пастор 48
 Иоасаф, митрополит 33, 37, 40, 41, 43, 46, 89, 123
 Иоасаф, святой 484
 Иов, игумен 12
 Иов, патриарх 65
 Иона, архимандрит 137
 Иона, старец 325
 Иосиф, епископ 328
 Иосиф, игумен 12
 Иосиф, митрополит 506
 Исая, монах 37—46, 66
 Исаков И. 537
 Истома, тиун 541

Йерне (Hjärne) X. 451

Казакова Н. А. 353, 386
 Казаринов Н. 530, 545
 Казаринов Ф. 530
 Казачинский М. 286
 Казимир IV, польский король 56
 Кайбула, царевич 205
 Кайсаров Г. 182
 Кайсаров И. 403, 542
Калачов Н. В. 106, 264, 548
 Калитин Ф. 390
Каллеппер (Culrepper) Й. 504
 Каль Д. 445
 Кальп А. 282
 Каменские 330
 Каменский Елиз. 532
 Каменский Ив. 532
 Каменский И. Ф. 330
 Каменский Сем. 532
 Каменский Фед. 532
 Канбаров И. М., князь 59, 345
 Қандауров Д. В. 370
 Кандауров М. В. 370
Канпелер (Kappeler) А. 8, 9, 38, 61, 65, 69, 234, 388, 389, 391, 484, 547
 Капустин У. 532
Карамзин Н. М. 5, 9, 61, 67, 192, 201, 289, 298, 300, 342, 391, 547
 Карамышев В. А. 301
 Карамышев И. М. 18, 294—296, 301
 Карамышев И. Ф. 301
 Караулов М. 541
 Карл, герцог 355
 Карпов В. 536
 Карпов Д. Ф. 268, 519
 Карпов И. 537
 Карпов М. А. 332, 532
 Карпов М. С. 158
 Карпов Ф. А. 310, 332, 532, 545
 Карпов-Лошкин В. В. 180, 271
 Карпов-Мухин В. П. 191, 271, 332, 532
 Карповы 271, 273, 302, 332, 338
 Катырев-Ростовский А. И., князь 116, 117, 119, 120, 172, 248, 251, 255, 260, 273—275, 337, 338, 503, 532, 545
 Катыревы, князья 222
 Кафтырев Б. 530
 Кафтырев Г. И. 295, 333, 346, 530
 Качалкин П. 162, 533
Кашин В. Н. 419

 Кашин-Оболенский Д. Ю., князь 271, 288
 Кашин-Оболенский И. И., князь 178, 242, 543, 545
 Кашин-Оболенский Ф. И., князь 118
 Кашин-Оболенский Ю. И., князь 118, 149, 151, 155, 173—175, 177, 189, 242, 288, 545
 Кашины-Оболенские, князья 242
 Кашира И. 535
 Кашкаров А. Ф. 188
 Кашкаров Я. 249, 258, 275
Каштанов С. М. 190, 231, 233, 335, 344, 346, 347, 385, 419, 464, 483, 486, 487, 490, 504—506, 508, 517, 519, 521
 Квашнин В. В. 271, 288
 Квашнин П. 520
 Квашнин-Поярково И. П. 244, 249, 258, 265, 275, 330, 530
 Квашнины 265
Кельх (Kelch) X. 317, 343
 Кемпфер (Kämpfer) С. Й. 440
 Кетлер Г. 68, 132, 133, 154, 451
 Кикин Д. А. 245, 263
Кинан (Keenan) Э. 8, 9, 37—39, 40, 43, 44, 48—50, 65—67, 76, 184, 185, 190, 547
 Киреев А. М. 249
 Кирилл, архимандрит 32
 Кирилл, митрополит 33, 34, 306, 340, 347, 399, 406, 457
 Кирьянов С. 328, 530
 Кишкин М. Я. 303
 Клеопин И. 539
 Климов Г. Е. 537
 Климов Я. 538
 Климова М. Г. 537
 Клобуков И. Т. 145, 166, 269, 370, 514
Клосс Б. М. 63
Ключевский В. О. 5, 6, 9, 108, 122, 128, 129, 269, 278, 344, 483, 504, 527
 Кмита Ф. 61, 315, 461, 465, 494
Кобрин В. Б. 7, 9, 73, 80, 104, 107, 145, 165, 166, 169, 219, 220, 222, 225, 228, 230, 233—237, 240, 242, 243, 246, 247, 254, 255, 259, 261—265, 268, 278, 329, 345, 347, 351, 367, 382, 383, 386, 389, 393, 419, 435, 442—444, 462, 465, 466, 492, 505, 548
 Кобылин Б. 544
 Кобылин И. 544
 Кобылин Н. 544
 Кобылин С. 324, 340
Ковалевский П. И. 8, 9, 500, 501, 507
 Ковров В. И., князь 78
 Ковров И. А., князь 78, 248, 254, 257, 271, 275, 277
 Ковров И. С. 248, 252—254, 257, 263, 275
 Ковров Н. И. 277
 Ковров О. А., князь 78
 Ковров П. А., князь 248, 257
 Ковровы, князья 263
 Ковылины-Сидоровы 258
 Кожар Т. 533
 Кожин А. 328, 530
 Козавицын С. 536
 Козина А. 533
 Козлаков В. 56
 Козлов И. П. 50, 307, 308, 310, 311, 318—320, 342
 Козловские, князья 302, 465
 Козьма, слуга 365

- Колзаков В. Б. 269
 Колзаков Ю. 538
Коллмен (Kollman) Н. 75, 76, 80, 128
 Колонтаев Т. 539
 Колтовская А. см. Анна Колтовская, царица
 Колтовские 457, 460, 465, 479
 Колтовский А. 479, 544, 545
 Колтовский Г. А. 437, 471, 479, 544, 545
 Колычев Ал. Г. 271, 273, 536
 Колычев Аф. Г. 271, 273
 Колычев А. Н. 271, 536
 Колычев Б. И. 159
 Колычев Б. М. 532
 Колычев В. 532
 Колычев В. Б. 472, 489, 544, 545
 Колычев В. В. 271, 323, 332
 Колычев В. Г. 471
 Колычев Г. В. 323
 Колычев Г. Г. 271, 273, 466, 471
 Колычев Г. Ф. 271
 Колычев И. Ф. 271, 471
 Колычев М. Б. 271
 Колычев М. В. 471, 472
 Колычев М. И. 161, 268, 273, 291, 295, 337, 338, 346, 519, 532, 545
 Колычев М. М. 532
 Колычев П. Ф. 271
 Колычев С. М. 532
 Колычев Т. 544, 545
 Колычев Ф. С. см. Филипп, митрополит
 Колычев-Лошаков В. Ф. 271, 332
 Колычев-Пупков А. И. 323
 Колычев-Хлызнев Б. Н. 159
 Колычев-Хлызнев И. Б. 159, 235, 271, 295, 323, 332, 338, 345, 530, 545
 Колычев-Хлызнев И. И. 271, 295, 332, 530, 545
Колычева Е. И. 53, 68, 481, 491, 493, 505, 506
 Колычевы 143, 180, 227, 235, 271, 291, 292, 295—297, 323, 325, 332, 337, 338, 437, 466, 471, 472, 474, 479; см. также Умные, Хлызневые
Коляда Г. И. 282, 299
 Кондауров Д. 535
 Кондауров М. 535
 Константин, огородник 535
 Константин, византийский император 95, 96
Копанев А. И. 386, 393, 455, 464
Корецкий В. И. 33, 34, 64, 65, 141, 214, 216, 232, 233, 320, 321, 325, 335, 336, 338, 341, 343, 344, 346, 347, 483, 484, 491, 493, 504—506
 Корнилий, игумен 17, 31, 32, 62, 158, 181, 190, 374, 375, 492, 539
 Корнилий, епископ 325
 Корнилов Т. 540
Коротков А. Н. 48
 Коротнев В. 539
 Коротнев Д. 539
 Коротнев М. 539
 Корсаков С. С. 409
 Корыпан, рыболов 533
 Корюков С. 541
 Косицкий А. Ю. 473
 Косицкие 473, 489
 Косицкий Б. Ю. 473
 Косицкий И. Б. 473
 Косицкий М. Б. 473
 Косицкий П. З. И. 473
 Косицкий Ф. Б. 473
 Кострикин И. 536
Костюхина Л. М. 48
 Котов Анд. 536
 Котов Н. 536
 Котов П. 536
 Котов Т. 536
 Котовы 271, 370
 Котошихин Г. 312, 313, 342, 406, 480, 521
 Кочергин А. 532
 Кочергин С. 532
 Кошуркин В. 536
Крами (Crummey) Р. О. 72, 75, 80, 258, 259, 265
 Крапоткин П. А., князь 353, 533
 Крапоткин Т. А., князь 156, 157
 Крапоткины, князья 271
 Кречетников В. 543
 Кречетников С. 541
 Кречетникова Д. 543
 Кривоборские-Кривозерские, князья 257
 Кривоборский А. И., князь 248, 254, 264
 Кривоборский В. И., князь 78, 248, 254, 264
 Кривоборский Меньшой И. И., князь 78
 Кривоборский Ф. И., князь 78, 248, 254, 264
 Кристиан, Христиан III, датский король 282, 299
 Кроткий Ф. 541
 Кроткого Мария 543
 Кроткого Меньшой 536
 Кроткого С. 538, 543
 Крузе Э. 34, 58, 59, 61, 62, 65, 68, 165, 207, 210—212, 214, 215, 216, 219, 220, 223—225, 227, 232—235, 244, 258, 260, 262, 265, 282, 292, 294, 324, 326, 328, 333, 337, 339, 341, 344—347, 350, 354, 356, 362, 363, 368, 375, 381, 384—388, 390—393, 405, 407, 412, 415, 420, 433, 434, 437, 441—445, 451, 464, 504, 548
Крупи А. 389
 Крюков В. 539
 Крюков М. 538
 Кубенский И., князь 62, 87, 90, 172
 Кубенский М., князь 62, 172
 Кубенские-Ярославские, князья 90
 Кувшинов П. 370, 536
 Кудрявцев Я. 538
 Кузьма, священник 534, 535
 Кузьмин А. Г. 387
 Кузьмин И., дьяк 269, 295, 322, 529, 538
 Кузьмин М. М. 410
 Кузьмин О. 537
 Кулешин Т. 533
 Куликовы 538
 Куличник И. 542
 Кульнев А. 532
 Кульнев Г. 532
 Куничников И. 540
Кунцевич Г. Э. 36, 190
 Куракин-Булгаков А. П., князь 497
 Куракин-Булгаков Г. А., князь 247, 251, 260, 273, 274
 Куракин-Булгаков Д. А., князь 238, 544
 Куракин-Булгаков И. А., князь 143, 144, 214, 238, 247, 269, 311
 Куракин-Булгаков П. А., князь 35, 116, 245, 247, 265, 273, 274, 496, 544, 545
 Куракин-Булгаков Ф. А., князь 118, 238, 519

- Куракины-Булгаковы-Патрикеевы, князя
 77, 114, 160, 238, 246, 261
 Курбский А. М., князь 21, 22, 25, 26, 28—31,
 34—39, 41—51, 61, 62, 65—67, 92, 93, 96,
 101, 105, 108, 109, 112, 114, 116—120, 123—
 125, 127—129, 133—141, 145, 147, 152, 154,
 157—159, 166—168, 171, 173—176, 178—205,
 208, 210, 211, 216, 219, 232, 233, 240, 252,
 256—258, 262—265, 284, 287, 290, 291, 294,
 299, 300, 301, 307—309, 320, 321, 329—333,
 337—340, 342, 345—347, 354, 355, 357, 361,
 362, 368, 369, 374, 382, 385—390, 392, 398,
 401, 406, 407, 411, 432, 434, 438, 439, 442—444,
 476, 477, 481, 492, 493, 505—507, 523, 524,
 526, 527, 547, 548
 Курбский И., князь 199
 Курдюкова П. 537
 Курлятев Вас. К., князь 273
 Курлятев Вл. К., князь 242, 271, 273, 288,
 295, 297, 333, 530, 545
 Курлятев Д. И., князь 111, 118—120, 128,
 134, 138, 152, 153, 160, 167, 172, 173, 187,
 188, 198, 199, 242, 333
 Курлятев К. И., князь 118
 Курлятев Ю. К., князь 273
 Курлятевы-Оболенские, князя 152, 171
Курукин И. В. 119, 128
 Курцев В. 542
 Курцев Н. А. 268
 Курцев П. 542
 Курцев С. 542
 Курцевы 403; см. также Фуниковы
 Курьянко см. Созонов К.
 Кусов К. 533
 Кутузов И. 370, 539
 Кученей, см. Мария Черкасская, царица
Кучкин В. А. 80
 Кучум, хан 162
Кушева Е. Н. 141, 167, 346, 385

Лавров Н. Ф. 63
 Лазарев Д. 230
 Лазарев П. 361, 533
 Лаптев Б. 370, 534
 Лаптев З. С. 409
 Ларионов И. Большой 331, 531
 Ларионов И. Меньшой 331, 531
Латышева Г. Г. 344, 345
 Лашков Ф. 232, 442
Лебедянская А. 389
 Лев Филолог 170
 Леваш, подьячий 400, 541
 Левашов А. В. 331, 530
 Левашов Н. 530
Левитский Н. 61
 Левкий, архимандрит 137, 181, 212—214,
 335, 410, 463
Левочкин И. В. 63
 Левошин Л. 535
 Лензей А. 59, 69, 316, 384, 405, 439, 454
 Леонид, архиепископ 32, 51, 62, 128, 335,
 344, 391, 410, 411, 463, 492—497, 517
Леонтьев А. К. 301, 342
 Леонтьев Б. Ф. 350
 Леонтьев В. 538
 Леонтьев Г. 175
 Лжедмитрий I 442
 Линев Н. 540
 Линев Ю. 539
Липаков Е. В. 250, 263, 265
 Лисин Т. 538
 Литвинов К. 389
Лихачев Д. С. 37, 65, 66
Лихачев Н. П. 20, 22—24, 33, 48, 63, 106,
 166, 167, 189, 236, 237, 345, 389, 390, 443,
 519, 521
 Лобанов В. 541
 Лобанов-Солнцева А. П., князь 252
 Лобановы, князья, см. Ростовские-Лобановы
 Лободинский К. 543
 Ловчиков Г. Д. 187, 220, 328, 350, 404, 530
 Ловчиковы 222
 Лодыгин С. Г. 472
 Локк Х. 352, 386, 458
 Лопатин М. М. 295, 333, 529
 Лосминский С. 533, 535
Лотман Ю. М. 527
 Лошкин В. В. см. Карпов-Лошкин В. В.
 Лукин И. 328, 530
 Лукин И. 537
 Лукин С. 537
 Лукин Т. 533
 Лукина А. 537
 Лукина К. 537
 Лукошков И. 538
Луппов С. П. 299
Лурье Я. С. 36, 43, 46, 49, 65—67, 80, 96,
 100, 106, 168, 186, 188, 192—194, 196, 200—
 202, 309, 341, 349, 385, 389, 483, 504, 523,
 524, 527, 548
 Лызлов А. И. 67
 Лыков И. 533
 Лыков М. М. 144, 249, 257, 258, 264, 275,
 337, 338, 532, 545
 Лыков С. 264
 Лыковы 257, 264
 Лыков-Оболенский И. И., князь 271, 273
 Лыков-Оболенский И. Ю., князь 178
 Лыковы-Оболенские, князя 222, 242, 264
 Льяловская-Стародубская Е., княгиня 147,
 276
 Льяловская-Стародубская М., княгиня 276,
 277
 Льяловские, князя 276
 Льяловский-Стародубский С. И., князь 276
Любавский М. К. 168, 263, 277, 279, 307,
 342, 343
Любиженко И. И. 343, 419
Любич-Романович В. 232, 299, 419, 520
 Люшин И. Г. 542
 Люшин Большой 542
 Лягин Н, серебряник 536
 Ляцкий-Захарьин И. В. 86

 Магмет-салтан 95, 97, 99
 Магнус, герцог 56, 58, 153, 395, 421—423,
 430, 440, 445, 450, 451, 468, 477, 478, 494, 507
 Мазилев М. 530
 Мазилова 534
Майков В. В. 390, 420
 Макарий, митрополит 22, 24, 33, 90, 91, 105, 113,
 114, 117, 122, 136, 137, 150, 153, 160, 161,
 170, 171, 174, 175, 179, 181, 183, 203, 241,
 281—284, 359, 406
 Макарий 12, 62
 Маклаков-Губин Б. Ф. 149, 167

- Маклаков-Губин П. Ф. 82, 149
Максим Грек 40, 41, 48, 181, 182, 283, 284, 290, 299
Максим, Мишка, литвин 365
Максимилиан II Габсбург 368, 385, 389
Малеин А. И. 59, 69, 548
Малечков П. 330, 532
Малечков Т. 534
Малинин В. 128
Мальцев С. 350, 405
Мальцов Е. 400, 540
Малышев Д. И. 542
Малюта Скуратов см. Скуратов-Бельский М. Л.
Мамай, мурза 206
Мансуров А. 479
Мансуров И. 479
Мансуров О. 479
Мансуров Ф. С. 479
Мансуров Я. Д. 479, 480, 520, 544
Мансурова И. 544
Мануйлов С. 328, 530
Маньков А. Г. 218, 233, 464
Мария, волхова 535
Мария Владимировна, княжна Старицкая 478
Мария Магдалина, полька 136
Мария Нагая, царица 478, 524
Мария Черкасская, царица 11, 35, 140, 142, 166, 226, 346, 355, 434, 435
Марк, литвин 539
Маркс К. 507
Мартьянов А. 539
Мартьянов Б. 403, 541
Мартьянов С. 539
Мартьяновы 407
Марфа Собакина, царица 11, 417, 435, 443, 444, 457, 471
Марья Ивановна, царица 435
Марьин Ф. 535
Масленникова Н. Н. 190
Маслов Н. 542
Маслов Ф. 537
Матвеев Б. 541
Матвеев В. 541
Матвеев И. 370, 390, 536
Матвеев-Несмеян 541
Матвеев Нечай 539
Матвеевы 403
Матисов В. 473
Мезецкая Марья, княжна 478
Мезецкая М. С., княгиня 276
Мезецкая Ф. С., княгиня 276
Мезецкий Б. И., князь 180
Мезецкий М. В., князь 271
Мезецкий С. И., князь 180
Мезецкие 271, 288
Мелентьев Р. 543
Мельницкий И. 537
Мельницкий Н. 542
Мещерский А., князь 333
Мещерский Г., князь 496
Мещерский Н., князь 333
Мещерский, князь 59
Микулинские-Тверские, князья 77, 143, 220
Микулинский С. И., князь 116, 132
Микулинский П. И., князь 149, 519
Милославский В. 539
Милославский Г. 403, 541
Милославский И. 364, 385, 539
Милославский М. 539
Милославский Ф. 539
Милославский Ю. 539
Милюков И. В. 520
Милюков-Старого А. М. 409, 479, 480, 544, 545
Милюков-Старого Ф. В. 479, 544
Милюков-Старого Я. 537
Митнев М. С. 331, 532
Митрофан, архимандрит 400, 540
Михаил, плотник 351, 533
Михаил, полочанин 539
Михаил Омелькович, князь 368
Михаил Федорович Романов, царь 62, 264
Михайлов Д. 529
Михайлов Е. 520
Михайлов П., дьяк 211, 236, 239, 514, 545
Михайлов Я. 541
Михайловы 328
Михнев И. 265
Мишурин И. Ф. 305
Мишурин С. Ф. 305, 409, 459, 496
Мишурин Ф. С. 83, 88, 172
Моисей, конюх 541
Моклоков Д. Д. 409
Моклоков И. Д. 409
Моклоков С. И. 409
Моклоков Второй Д. 473
Молвянинов Ю. 539
Моложские, Ярославские князья 256
Моложский В. А., князь 256
Молоскова В. А. 247
Мольский Я. 402
Молчан, польщик 540
Молчанов А. 544
Молява, повар 356, 362, 403, 535
Молявин А. 403, 542
Молявин И. 356, 535
Молявин Л. 356, 535
Молявин Я. 356, 535
Монастыревы 390, 521
Мордовина С. П. 80, 487, 489, 505
Морозов Б. Н. 49, 67
Морозов В. В. 63, 64
Морозов В. В., боярин 46, 51, 144, 149, 166, 200, 201, 207, 257, 332, 354, 386
Морозов И. М. 271
Морозов Л. Г. 273
Морозов М. Я. 18, 47, 48, 62, 134, 138, 145, 152, 157, 188, 191, 268, 281, 430, 468, 475, 477
Морозов П. В. 177, 205, 355
Морозов С. 173
Морозов С. А. 33, 63, 64
Морозова Е. 18
Морозовы 77, 83, 97, 143, 177, 227, 257, 271, 288, 325, 332, 434; см. также Салтыковы, Тучковы, Шеины, Шестовы
Морткин В. И., князь 248, 256
Морткин И. Ф., князь 248
Морткин И. Ю., князь 248
Морткин Л. В., князь 248
Морткины-Ярославские, князья 256
Мосальская, княжна 544
Мосальский А. С., князь 271
Мосальский-Литвинов В. В., князь 439, 459, 511
Мостинин, ездок 541, 543
Мостинина А. 543
Мотякин Г. 539
Мочаржевский А. 402

- Мстиславец П. Т. 282, 283—285, 287
 Мстиславские, князья 56, 77, 86, 105, 436
 Мстиславский И. Ф., князь 26, 49, 50, 65, 120, 127, 133, 134, 143, 150, 151, 160, 166, 183, 184, 213, 226, 231, 235, 268, 273, 289, 292, 307—309, 319, 429, 430, 434, 442, 443, 451, 459, 468, 471, 475—478, 497, 510, 515
 Мстиславский Ф., князь 84, 515
 Муртазалеи 53
 Мусоргские 364
 Мусоргский А. 390, 534
 Мусоргский И. С. 409
 Мусоргский Л. 390, 534
 Мухин О. 537
Мышко И. З. 286, 287, 299
 Мюнхаузен, барон 60
 Мягков, боярский сын 273
 Мятлев И. 61
Мятлев Н. В. 236, 520
 Мячков И. 538

 Нагаев-Ромодановский А. А. 246, 248, 254, 257, 275
 Нагаев-Ромодановский А. В., князь 78, 246
 Нагая А. 357, 477
 Нагая М. см. Мария Нагая, царица
 Нагие 527
 Нагин В. 535
 Нагой А. Ф. 153, 205, 278, 477, 478, 482, 489, 491, 494, 499, 500, 515, 520, 527
 Нагой Г. И. 271
 Нагой Ф. М. 94, 106, 173
 Нагой Ф. Ф. 489, 515
 Нагой Ю. Ф. 271
Назаров В. Д. 235, 260, 265, 305, 331, 341, 345
 Назимов М. 541
 Нарбеков В. 542
Насонов А. Н. 31, 64, 388, 420
 Наумов Б. В. 236
 Наумов В. И. 180, 228
 Наумов В. Ф. 56, 228, 236, 439, 513
 Наумов Я. Г. 236
 Наумов-Бурухин М. А. 236
 Наумов-Жокула И. Ф. 236
 Наумовы 228, 236, 322
 Нахабов Б. 542
 Нашокин А. 361, 533
 Нашокин Г. 535
 Нашокин Т. 535
 Нашокина Ак. 543
 Нашокина Ан. 543
 Нашокины 439; см. также Алферьевы, Безнины
 Небытов О. 540
Неволин К. А. 481
Невоструев К. Е. 262, 279
 Недюрев М. 473
 Неелов А. 370, 534
 Неелов В. 535
 Незнанов Ю. 16, 533
 Неклюдов А. 536
 Неклюдов М. 182
 Неклюдов Ф. Е. 162, 533
 Нелединский Ж. 370, 536
 Нелюб, псарь 540
Немировский Е. Л. 282, 283, 285, 286, 299, 464
 Немой-Оболенский Ерш Д. И., князь 111, 116, 118, 148, 151, 160, 172, 204, 214, 242
 Немой-Оболенский И. 147
 Несвицкий Ф. Д. 331, 532
 Нестеров О. 537
 Нестеров С. 538
 Неудачина-Цыплятева Е. 375, 391
 Неупокоев, плотник 353, 533
 Нефедьев М. 282
 Нечай, конюх 541
 Нечай, слуга 538
 Нечаев Н. Н. 409
 Нечаев П. М. 269
 Нехороший, слуга 541
 Ниештедт Ф. 184, 185, 190, 343, 451
 Никандр, архиепископ 290
 Никита, чудотворец 12
 Никитин Б. 538
 Никитин Н. 538
 Никитников Н. 245
Никитский А. И. 388
 Никифор, архиепископ 212, 213
 Никифор, староста 538
 Никола псковский, юродивый 375
Никольский Н. К. 406, 481
 Никон, патриарх 283
 Никула, ездок 538
Новицкий Г. А. 68
Новодворский В. 69, 443, 444, 451, 480, 481
 Новокрещенов Ю. 535
Новосельский А. А. 349, 385, 480
 Новосильские, см. Одоевские
 Новосильцев А. 385
 Новосильцев И. П. 405
 Новосильцев К. 370, 536
 Новосильцев Ф. 398
 Ноготков-Оболенский М. А., князь 242, 262
 Ногтев Д. А. 468
 Ногтев-Оболенский А. В., князь 242, 543
 Ногтев-Суздальский А. И. 120, 151, 161, 162, 239, 240, 357, 545
 Ногтевы, князья 245
Носов Н. Е. 102, 106, 107

 Обернибесов С. 541
 Обожаров И. 542
 Оболенские, князья 56, 77, 78, 105, 118, 149, 152, 160, 173—175, 182, 199, 205, 242, 243, 249, 257, 271, 273, 401, 460, 511; см. также Глазатые, Горенские, Долгоруковы, Кашины, Курлятевы, Лыковы, Немые, Ногтевы, Ноготковы, Пеннинские, Репнины, Серебряные, Телепневы, Туренины, Тюфякины, Черные, Щербатые, Ярославовы
 Оболенский В., князь 58, 262
 Оболенский М. Ю., князь 271
 Оболенский Н., князь 58, 262
 Оболенский Ф. М., князь 149, 519
 Оботур, слуга 535
 Оботуров Н. 537
 Образцов Анд. 539
 Образцов Афанасий 532
 Образцов Г. Р. 180, 332, 333, 532
 Образцов С. Р. 180, 332, 532
 Образцов Ф. Р. 295, 332, 346, 531
 Образцов-Рогатый М. 275, 532
 Образцовы 288, 332
 Овцын И. Д. 520
 Овчина см. Телепнев
 Огалин И. 322, 529
 Огалин П. 538

- Оглобля, слуга 361, 533
 Огородников В. 507
 Одашев см. Адашев
 Одоевская А. Р., княгиня 160, 356, 436
 Одоевские, князь 56, 77, 146
 Одоевский Н. Р., князь 18, 51, 62, 271, 273, 430, 436, 437, 443, 448, 460, 468, 475—477, 519
 Окороков И. 158
 Окунев И. 539
 Окунев Ш. 538
 Олдер Ф. 419
 Оленькович М., князь 368
 Ольгерд, великий князь литовский 148
 Ольгов А. И. 249
 Ольгов И. К. 98
 Ольгов К. В. 249
 Ольгов М. И. 249
 Ольгов Пятый В. 249
 Ольгов Ф. В. 249
 Ольгов Ф. Н. 249
 Ольгов-Путилов В. Ф. 249
 Ольгов-Путилов Десятый Ф. 249
 Ольгов-Путилов Кислый Ф. 249
 Ольгов-Путилов Н. Ф. 249, 258, 275
 Ольгов-Путилов С. В. 249
 Ольговы 98, 157, 258, 265, 274, 288; см. также Путиловы, Шишкины
 Онучины 265
 Опалев З. М. 409
 Опалев И. 538
 Опалев Н. 539
 Опалева А. 543
 Оплеchyев Д. 370, 536
 Оплеchyев С. И. 370, 534, 536
 Оплеchyев П. 370, 536, 539
 Оплеchyев С. 536
 Оплеchyев Т. 539
 Опухтин Н. 328, 530
 Орехов В. 537
 Орлов А. С. 106
 Осипова К. С. 67
 Осорын Осетр Суббота 416, 417, 465
 Остафий Григорьевич, священник 286
 Остафьев Иван 541
 Остафьев Игнатий 543
 Остафьев Ф. 543
 Остафьева Е. 543
 Остафьева С. 543
 Отяев А., см. Хвостов-Отяев
 Охлопок, слуга 538
 Охлябинин И. П., князь 165, 290
 Охлябинин Р. В., князь 271, 273
 Охлябинин Р. Е., князь 268
 Охотин-Плещеев А. И. 235
 Очин-Плещеев А. И. 235, 271
 Очин-Плещеев З. И. 133, 156, 165, 226, 227, 235, 290, 377, 404, 518, 543, 545
 Очин-Плещеев Г. Ф. 235
 Очин-Плещеев И. И. 159, 235, 404
 Очин-Плещеев Н. И. 235
 Ошанин В. Ф. 229, 303, 377, 544

 Павел Абосский 446
 Павленко Н. И. 216, 232, 484, 504
 Павлинов-Плещеев И. Н. 235, 369, 534
 Павлинов-Плещеев О. Н. 235
 Павлов А. П. 222, 234, 488, 505
 Павлов Г. 538
 Павлов-Сильванский Н. П. 107
 Паисий, старец 325, 326
 Пайпс (Pipes) Р. 72, 80
 Палеологи, византийская императорская династия 99
 Палецкий А. Д., князь 271, 273
 Палецкий В. Д., князь 78, 271, 273, 310
 Палецкий Д. Ф., князь 62, 110, 111, 113, 120, 143, 172, 175
 Палецкий С. Д., князь 78, 304
 Палецкий Ф. Д., князь 78, 172
 Палицын Г. 521, 537, 542
 Палицын И. 538
 Палицын М. 541
 Палицын Михаил 542
 Палицын Н. 538
 Палицын Никита 537
 Палицын Никифор 538
 Палицын Пятый 537
 Палицын Р. 400, 539
 Палицын Семен 537
 Палицын Степан 541
 Палицын Тимофей 539
 Палицын Тутыш 535
 Палицын Ф. 537
 Палицына А. 162, 356, 370, 533
 Палицыны 370, 403
 Памва, архимандрит 399
 Панины 465
 Пармен, святой 346
 Парфеньев Н. А. 456, 464
 Пасынков Иван 540
 Пасынков Ион 537
 Пасынков П. 540
 Патрикеев В. И., князь 73
 Патрикеев И. Ю., князь 72, 73
 Патрикеевы, Патрикеевичи, князья 72, 77, 105, 148, 160, 161, 271, 289
 Пафнутий, епископ 325, 326, 336
 Паюсов А. 370, 534
 Паюсов В. 403, 542
 Паюсов Г. И. 370, 535
 Паюсов И. И. 534
 Паюсов И. И. Меньшой 370, 534
 Паюсов Л. 397, 540
 Паюсов М. И. 370, 535
 Паюсов К. Н. 409
 Паюсов П. Н. 370, 534
 Паюсов Семен 534
 Паюсов Сурьянин И. 535
 Паюсов Т. Н. 370, 535
 Паюсовы 370
 Пеллепицын И. Г. Большой 531
 Пеллепицын И. Г. Меньшой 331, 531
 Пенинские-Оболенские, князья 242
 Пенинский Ю. И., князь 377
 Пенков Д., князь 68
 Пеньков И. В. 120
 Перепечин Г. Ф. 331, 531
 Пересветов И. С. 62, 66, 95—97, 99, 100, 106, 107, 116, 120, 126, 128, 141, 189, 193, 199, 202, 224, 250, 300, 512
 Перетяткович Г. 263
 Перешевин Ф. 541
 Пернштейн И. 507
 Перри (Perrie) М. 8, 9, 507
 Перфирьев Р. 535
 Перфуоров И. Р. 361
 Перфуоров Р. 534

- Перфушков В. 541
 Петр, волынец 367
 Петр, митрополит 179
 Петров Ф. 533
Петровский М. 190
Петухов Е. В. 65, 106
 Пешков А. 391, 539
 Пешков Г. 364, 365, 389, 391, 403, 534
 Пешков С. 403, 542
 Пешкова В. 536
 Пиварски (Piwarski) К. 343
 Пивов В. М. 236
 Пивов Д. М. 236
 Пивов М. В. 236
 Пивов Немятый 542
 Пивов Р. М. 236, 444, 515, 520
 Пивов У. Л. 229, 236
 Пивов Ф. 537
 Пимен, архиепископ 11, 16, 32, 51, 179, 212—
 214, 270, 289, 290, 293, 325, 336, 346, 359,
 362—365, 367, 371, 373, 374, 376, 377, 379,
 382, 388—390, 397—400, 402, 404, 406, 409,
 432, 479, 517, 521
 Пимен, старец 372, 538
 Писемский Ф. А. 49
 Писинк 300
Платонов С. Ф. 6, 9, 20, 108, 127, 221, 234,
 243, 262, 264, 350, 385, 461, 465, 483, 504, 548
 Платошкин С. 538
Плеханов Г. В. 108, 127
 Плещеев Б. А. 271
 Плещеев Г. Г. 271, 273
 Плещеев Г. С. 162, 376, 392, 533, 545
 Плещеев Д. Г. 158
 Плещеев Иван 536
 Плещеев Илья 537
 Плещеев М. Т. 235, 479, 544, 545
 Плещеев-Колодка А. И. 235, 271, 475
 Плещеев-Колодка И. Д. 235, 350, 407
 Плещеевы 77, 177, 179, 222, 227, 235, 271,
 369, 376, 377, 404, 434, 437, 439, 489; см.
 также Басмановы, Охотины, Очины, Пав-
 линовы
Погодин М. П. 192, 193
 Поджогин Шигона И. Ю. 70, 83, 84, 113, 519
Подобедова О. И. 20, 63
 Пожарская М. Б., княгиня 254
 Пожарские, князья 263, 279
 Пожарский Д. И., князь 235
 Пожарский Д. М., князь 245
 Пожарский И. П., князь 276
 Пожарский И. С., князь 253
 Пожарский М. Б., князь 248, 254, 257
 Пожарский П. В., князь 248
 Пожарский С. Б., князь 248, 254, 257, 274
 Пожарский Ф. И., князь 149, 245, 253
 Пожарский Большой И., князь 253
 Пожарский Меньшой И., князь 253
 Пожарский-Меньшого Ф. И., князь 248, 257
Покровский М. Н. 100, 106, 108, 127, 419, 508,
 510, 518
 Полев Г. Ф. см. Герман, архиепископ
 Полев О. В. 135
 Полевы 222, 290
 Поливанов К. Д. 211, 374, 410
 Полиново К. 540
Полосин И. И. 69, 343, 391, 414, 415, 420, 548
 Полубенский А., князь 36, 47, 66, 133, 194,
 349, 360, 385
 Полугостев Т. 533
 Полуектовы-Бутурилы, см. Бутурилы-Полуек-
 товы
 Полушкин Д. 541, 542
 Полушкин З. 542
 Полушкин И. 542
 Полушкина Авд. 542
 Полушкина Акс. 542
 Полушкина Л. 542
 Поляников Р. 541
 Поповкин Н. 540
 Поповкин Ушатый 540
 Портико, папский нунций 60, 431
Порфирьев И. Я. 65
 Поссевин А. 312, 313
 Постник, слуга 535
 Потапов И. 529
 Потперихин Г. Ч. 540
 Потяков В. 542
 Потяков Н. 542
 Потяков П. 536
 Потяков С. 541
 Потякова М. 534
 Поярков-Квашнин И. П. см. Квашнин-Пояр-
 ков И. П.
Преображенский А. А. 519
Пресняков А. Е. 20, 63, 64, 81, 108, 127
 Примков-Ростовский В. В. Волк, князь 149,
 236, 248, 255, 322, 330, 545
 Примков-Ростовский В. Р., князь 236, 248
 Примков-Ростовский Д. Б., князь 273
 Примков-Ростовский Д. М., князь 236, 248
 Примков-Ростовский М. А., князь 236, 248
 Примков-Ростовский Р. А., князь 236, 248
 Примковы-Ростовские, князья 115—117, 236
 Прозоровский А. И., князь 119, 143, 271, 273
 Прозоровский В. И., князь 271
 Прозоровский М. Ф., князь 158
 Прозоровский Н. Д., князь 396
 Прокофьев Б. 432
 Пронская Ф., княгиня 272
 Пронские, князья 77, 436
 Пронский Турунтай И. И., князь 62, 111,
 116, 118, 151, 160, 166, 167, 172, 206, 213,
 225, 238, 269, 292, 295—297, 354, 436
 Пронский П. Д., князь 161, 272, 373, 409,
 419, 435, 436, 459, 468, 519
 Пронский С. Д., князь 436, 437, 519
 Пронский-Рыбин В. Ф., князь 18, 264, 271,
 294—297, 305, 436
 Пронский-Шемяка И. В., князь 172
Пронштейн А. П. 388, 390, 393
Протасьева Т. Н. 63
 Прохнев Б. 540, 542
 Прохнева В. 540
 Прус, брат римского императора Августа 502
 Пуговкин А. 539
 Пузиков И. 539
 Путилов Б. Н. 431, 442
 Путилов Б. С. 249, 258
 Путилов В. С. 249
 Путилов И. С. 249
 Путилов М. Я. 249, 262, 265, 275
 Путилов О. З. 249
 Путилов Ф. З. 249
 Путиловы 258, 265, 274, 288
 Путятин Ж. 541, 543
 Путятин И. Ф. 409
 Путятин М., князь 83, 113, 156

- Путятина Ж. 543
 Пушкин А. С. 503
 Пушкин Докучай 544
 Пушкин Е. М. 49
 Пушкин Н. 544
 Пушкины 222
 Пыжов-Отяев В. Я. 235, 409
 Пыжов-Отяев М. Я. 409
 Пыжов-Отяев П. Ф. 409
 Пыжов-Отяев Ф. Я. 235
 Пьямов Горян 536
- Рабинович Г. С.* 233
 Радзивил М. 307, 315, 368, 395, 461
 Радзивил Н. Ю. 154—156, 164, 165, 169, 183, 184, 465
 Ракуза, шляхтич 402
 Рандольф Т. 348, 353
Рапов О. М. 80
 Рафаил, игумен 12
 Репнин-Оболенский А. В., князь 242, 271, 288, 448
 Репнин-Оболенский В. И., князь 264
 Репнин-Оболенский М. П., князь 118, 149, 151, 155, 173—175, 196, 197, 203, 242, 543, 545
 Репнины-Оболенские, князья 222, 242
 Реутов И. 403
Рённе (Röppe) Б. 38, 65
 Ржевский А. Д. 249, 258, 331, 424, 531
 Ржевский И. 543
Рихтер В. 69
Рогинский М. Г. 58, 59, 233, 234, 258, 363, 388, 441, 548
Рогов А. И. 283, 299
 Родион, серебряник 537
Рождественский С. В. 263, 264, 279
Розов Н. Н. 128, 387
 Романов М. 370, 390, 534
 Романовы см. Юрьевы-Захарьины
 Ромодановский Б. И., князь 253
 Ромодановский И. Б., князь 78, 246, 248, 254, 257
 Ромодановский Н. И., князь 248
 Ромодановский П. Б., князь 78
 Ромодановский Ф. Б., князь 78, 120, 254
 Роп, немец 365, 534
Россинг (Rossing) Н. 38, 65
 Ростовские, князья 71, 78, 94, 116, 119, 120, 146, 147, 172, 228, 236, 241, 244, 251—258, 262, 263, 271, 275, 288, 338, 511; см. также Бахтеяровы, Бычковы, Гвоздевы, Катыревы, Примковы, Темкины, Хохолковы, Щепины, Яновы
 Ростовская-Лобанова Е., княгиня 369, 539
 Ростовские-Лобановы, князья 115—117
 Ростовский-Лобанов И. Б., князь 78
 Ростовский-Лобанов И. С., князь 248
 Ростовский-Лобанов Н. Б., князь 78, 539
 Ростовский-Лобанов Н. С., князь 78, 115
 Ростовский-Лобанов С. В., князь 241, 255
 Ростовский-Лобанов Ф. М., князь 248
 Ростовцев Б. 403, 404, 407, 541
 Ростовцев Г. 543
 Ростовцев И. 543
 Ростовцев М. 542
 Ростовцев Четвертый 543
 Ростовцева Акулина 543
 Ростовцева Анна, вдова 543
- Ростовцева Анна, девица 543
 Ростовцева Арина 543
 Ростопчин Г. 532
 Ростопчин-Измайлов И. 532
 Ростопчин Т. 532
 Рубцов Г. 533
 Рубцов С. А. 361, 533
 Румянцев А. К. 542
Румянцев В. Е. 283, 299, 389
 Румянцев К. В. 269, 301, 365, 366, 403, 521, 534
 Румянцева Анна К. 542
 Румянцева Арина К. 542
 Румянцева Е. 542
 Румянцева П. 542
 Русинов Л. 328, 530
 Рыбин, см. Пронский-Рыбин
Рыков Ю. Д. 45, 50, 66, 67, 193, 201, 548
 Рылов Ф. 520
 Рюмин-Мелентьев Н. 542
 Рюрик 167, 189, 262, 264, 502
 Рюриковичи 259
 Рюсов Б. 281, 318, 368
 Рюттер Р. 314
 Рязанские князья 271
 Рязанцев А. 58, 258, 403
 Рязанцев И. 541
 Рязанцев П. 521, 537
 Рязанцев С. 537
 Рясин Ф. А. 328, 345, 530
- Сабуров Б. Ю. 271, 515, 519
 Сабуров В. Б. 437, 519
 Сабуров В. Ю. 271
 Сабуров Г. П. 158, 271
 Сабуров З. И. 133
 Сабуров И. И. 271, 275
 Сабуров Н. С. 530
 Сабуров Ф. И. 338
 Сабуров-Вислоухий И. И. 521
 Сабуров-Долгово И. А. 351
 Сабуров-Долгово С. И. 271
 Сабурова С. 81, 84
 Сабуровы 271, 302, 330, 332, 351, 389
 Савва, ездок 542
Савва В. И. 346
Савелов Л. М. 263, 279
 Савин В. 535
 Савина А. 542
Савич А. А. 344
 Савуров А. 16, 365, 389, 521, 537
 Савуров Ал. 534
 Савуров Л. А. 537
 Савуров С. 534
 Савуровы 389
Садиков П. А. 106, 166, 167, 169, 230, 234, 236, 237, 239, 261, 263—265, 268, 278, 279, 294, 300, 301, 320, 341, 343, 346, 349, 350, 351, 385, 386, 390, 392, 401, 405—407, 438, 443, 464, 465, 482, 483, 504, 548
Сакетти А. Л. 106
 Салтан, конюх 541
 Салтыков В. Г. 271
 Салтыков Л. А. 28, 59, 144, 207, 210, 227, 229, 235, 257, 264, 364, 434, 513, 545
 Салтыков М. И. 59, 310
 Салтыков Н. Х. 271, 273, 544, 545
 Салтыков П. Я. 271
 Салтыков Ф. И. 163, 180, 206, 271, 273, 429, 434, 442, 544, 545

- Салтыков Я. А. 180, 521
Салтыковы см. Морозовы
Сальников Ю. Ф. 106
Самоквасов Д. Я. 386, 389—392, 407, 419, 420, 443, 465, 481, 482
Сангушко, гетман 310
Санин И. 170
Сапега Л. 41
Сапунов А. 520
Сапунов Б. В. 286, 299, 547
Сарыхозин М. 43, 47, 48, 194, 360
Сатин Ал. П. 158, 168
Сатин Ан. П. 158
Сатин И. 158
Сатин М. 158
Сатин Н. 158
Сатин Ф. 158
Сатина В. 158
Сатины 18, 98, 137
Свенсон (Svensson) С. 140
Связев А. 16, 356, 366, 375, 535
Связев Т. 375, 539
Связев Ф. 540
Севастьянова А. А. 505, 547
Сегал А. Е. 454, 464
Седельник О. 328
Селезнев Ш. 356, 357, 535
Селезнева А. 356, 535
Селиванов И. 530
Селивестров А. 269
Селин И. 538
Селин Ю. 533
Семейка, слуга 117
Семен, подьячий 540
Семен, слуга 535
Семен Иванович Гордый, великий князь 234
Семен Лугвень, князь 368
Семенов Н. 542
Семенов Пятый 538
Сербина К. Н. 105
Сергеев В. М. 196, 201
Серебряный-Оболенский В. С., князь 118, 132, 155, 156, 163, 206, 242, 258, 266, 269, 401, 519
Серебряный-Оболенский П. С., князь 17, 116, 118, 160, 163, 172, 238, 310, 311, 336, 349, 350, 400, 401, 541, 545
Середонин С. М. 263, 483, 504
Сибок, князь 157, 162
Сигизмунд I, король 257
Сигизмунд II Август, король 41, 42, 50, 51, 56, 60, 85, 132, 140, 147—150, 154, 183, 188, 190, 200, 286, 304, 307, 308, 315, 317, 320, 333, 349, 360, 364, 367, 368, 375, 395, 421, 445, 465, 468, 475, 524
Сигизмунд III, король 56
Сидоров А. А. 282, 299
Сидоров Г. И. 333, 531
Сидоров Г. С. 333, 541
Сидоров Д. 532
Сидоров И. 533
Сидоров Т. 533
Сидоров Ю. 303, 370, 390, 534
Силюян, священник 40
Сильвестр, архимандрит 410
Сильвестр, благовещенский протопоп 6, 21, 28, 29, 62, 108, 109, 112, 115, 117—122, 125—128, 134—139, 141, 143, 145, 147, 158, 171, 175, 179, 187, 188, 198, 203, 209, 281, 401, 500
Сильвестр Д. 343, 478, 497, 498, 506
Симеон Бекбулатович 35, 220, 234, 483—488, 490—492, 494—499, 504, 505, 510
Симеон Касаевич 53, 487
Симеон, смоленский епископ 66
Симеон, старец см. Кобылин С.
Сисеев И. Ф., князь 545
Сисеев Ф. В., князь 271, 295, 333, 530, 531, 545
Сицкая В. В., княгиня 227
Сицкие-Ярославские, князья 225, 257
Сицкий В. А., князь 119, 120, 142, 144, 227, 228, 235, 236, 256, 436, 437, 443
Сицкий Д., князь 530, 544
Сицкий Д. Ю. Меньшого, князь 244, 246, 247, 256, 257, 330, 545
Сицкий Ф., князь 444
Сицкий Ю. Н., князь 246, 247, 256, 274
Скобельцын А. 472
Скобельцын В. З. 472
Скобельцын З. 472
Скобельцын И. М. 472
Скобельцын И. Н. 472
Скобельцын Петр И. 472
Скобельцын Пост. И. 472
Скобельцыны 472, 473
Скомантов И. 538
Скопин-Шуйский В. Ф. 271, 273, 515
Скопин-Шуйский Ф. И. 94, 114, 119, 172, 173
Скрипиль М. О. 168
Скулин Всячина 540
Скулин П. 542
Скуратов-Бельский М. Л. 6, 15, 229, 329, 339, 340, 356, 362, 377, 383, 385, 388, 397, 401, 403, 404, 431, 432, 435—439, 443, 460, 471, 472, 474, 480, 500, 512, 513, 534
Слизневы 387
Слозин Д. 537
Слуцкие, князья 150
Смирнов И. И. 9, 81, 92, 94, 98, 105—108, 114, 127, 128, 145, 166, 385, 414, 420, 508, 509, 519, 520
Смирнов Т. 530
Смирной, слуга 535
Смывалов Т. 278
Снегирев И. 299
Собака И. Д. 459
Собакин Большой В. С. 435, 460, 519
Собакин Меньшой В. С. 435, 519
Собакин Г. С. 435, 460, 519
Собакин К. В. 520, 544
Собакин П. 544
Собакин Семен 544
Собакин Ст. 544
Собакин Т. Ф. 328, 530
Собакина М. В. см. Марфа Собакина, царица
Собакины 435
Совин А. Г. 348, 421, 439
Совин Большой П. Г. 230, 410
Созонов Курьянко 157
Соловьев С. М. 5, 9, 67, 107, 108, 548
Соломонов Ф. 535
Сопиков В. С. 299
Сотницкий Б. О. 249
Сотницкий В. Д. 249, 258, 330, 532
Сотницкий И. Н. 249, 258
Сотницкий Т. Я. 249
Сотницкий Ф. Д. 249, 258, 330, 532
Соунятев А. 537
Соунятева М. 538

- Софроновский П. Д. 301, 403, 542
Софья Палеолог, жена Ивана III 99
Спячая А. 543
Спячая В. 543
Спячий В. 539
Спячий З. 539
Спячий П. 539
Стабровский, поляк 402
Сталин И. В. 6
Станиславский А. Л. 80, 462, 465, 470, 480, 487, 489, 505
Станчаков Б. 542
Старицкая Ефросинья, см. Ефросинья, княгиня Старицкая
Старицкая Мария, см. Мария Владимировна, княжна Старицкая
Старицкие, князья 17, 18, 25, 26, 28—30, 52, 77, 109—112, 114—117, 119, 148, 150, 159—162, 171, 172, 226, 238, 239, 241, 323, 341, 354, 356, 357, 370, 377, 384, 387, 399, 435, 443, 533
Старицкий А. И., см. Андрей Иванович, князь Старицкий
Старицкий В. А., см. Владимир Андреевич, князь Старицкий
Старицкий В. В., см. Василий Владимирович, князь Старицкий
Стародубские, князья 71, 78, 146, 149, 172, 175, 241, 248, 251—253, 257, 263, 271, 275, 288, 511; см. также Гундоровы, Ковровы, Кривоборские-Кривозерские, Льяловские, Нагаевы, Палецкие, Пожарские, Стригины, Ромодановские, Татевы, Тулуповы, Хилковы-Ряполовские
Стародубский-Сорока М. Н., князь 275, 277
Стародубский-Сорока Н. М., князь 248, 254, 257, 274, 275, 277
Стародубский-Ряполовский С. И., князь 72, 73
Степанов-Угримов В. 16, 269, 301, 356, 397, 403, 407, 521, 541
Степанов-Угримов Г. 538
Стефан Баторий, король 22, 49, 63, 67, 194, 195, 492, 524
Стороженко Н. 441
Стригин-Оболенский, князь 242
Стригин-Ряполовский А. И., князь 246, 248, 257
Строгановы 218, 303, 341, 352, 518
Строев П. М. 141, 340, 346, 347, 387, 390, 406; 506
Стромилов Н. С. 386
Стрыйковский М. 310, 342, 343, 346
Ступишин Г. Б. 249, 258, 330, 531
Суворов Н. С. 12
Суворов П. 269, 459, 466
Суета, часовой мастер 403, 542
Суздальские, князья 71, 77, 78, 146, 162, 172, 241, 261, 271; см. также Барбашины, Горбатые, Ногтевы, Шуйские
Сузин В. 271
Сукин Б. И. 269, 511, 520
Сукин Мисаил, старец 137
Сукин Ф. И. 98, 145, 166
Сукины 145
Суков-Нелюб В. С. 459
Сулдешов Ж. 541
Сулдешов С. 541
Сума Федор 387
Сумароков Б. 425
Сумин И. 400
Сунбулов С. М. 479, 480, 544, 545
Сунбулов Ф. М. 479, 480, 544, 545
Сурвоцкая И. 544
Сурмин Н. 542
Сутянилов А. А. 538
Сухотин Л. М. 62, 263, 268, 278, 279, 351, 385, 386, 441, 465, 466, 483, 504
Сырков А. Д. 371, 536
Сырков Д. И. 370
Сырков И. 370
Сырков Ф. Д. 370, 371, 521, 536
Сырковы 370, 371
Сыроечковский В. Е. 278
Сысоев В. 534
Сысоев З. М. 409
Сысоев И. 361, 365, 370, 403, 534
Сысоев М. 542
Сысоев П. 535
Сысоев С. М. 409
Сысоевы 370
Талвош 396
Тараканов А. 371, 538
Тараканов Г. 271
Тараканов И. Н. 182
Тараканов М. 245
Тарановский А. 350, 385, 481
Тарасий, епископ 494
Таратины 461
Татев П. И., князь 78, 216, 233, 273, 515
Татев Ф. И., князь 149, 206, 271, 273
Татищев В. Н. 5, 9
Татищев И. П. 515, 520
Татищев К. 345
Татищев М. 236, 520
Татищев-Мунтов В. 532
Татищев-Мунтов И. В. Большой 295, 330, 532
Татищев-Мунтов И. В. Меньшой 330, 532
Татищевы 345
Татьянин В. 533
Татьянин И. 533
Таубе И. 34, 58, 59, 61, 62, 65, 68, 165, 207, 210—212, 214—216, 219, 220, 223—225, 227, 232—235, 244, 258, 260, 262, 265, 282, 292, 294, 324, 326, 328, 333, 337, 339, 341, 344—347, 350, 354, 356, 362, 363, 368, 375, 381, 384—388, 390—393, 405, 407, 412, 415, 420, 433, 434, 437, 441—445, 451, 464, 504, 548
Тверские-Микулинские, князья см. Микулинские-Тверские
Теве 284
Тевекелев И. М., князь 520
Тевриз 531
Тейнер (Theiner) 442
Телепнев-Оболенский Овчина Д. Ф., князь 178, 203, 204, 242
Телепнев-Оболенский Овчина И. Ф., князь 84—88, 90, 172
Телепнев-Оболенский Овчинин Ф. И., князь 90, 242
Телепневы-Оболенские, князья 242
Телятевские, князья 143
Телятевский А. П., князь 19, 143, 179, 219, 220, 268, 377
Телятевский В. И., князь 271, 456
Телятевский П. И., князь 144, 519

- Темгрюк, Темир Гука, кабардинский князь 140, 162, 392
 Темирев Г. 322
 Темиревы 305
 Темкин-Ростовский В. И., князь 228, 255, 326, 336, 339, 399, 403, 434, 519, 544, 545
 Темкин-Ростовский Г. И., князь 255
 Темкин-Ростовский И. В., князь 248, 434, 544, 545
 Темкин-Ростовский И. Г., князь 246, 248, 255
 Темкин-Ростовский Д. Ю., князь 248, 255
 Темкин-Ростовский И. Ю., князь 246, 248, 255
 Темкин-Ростовский М. Г., князь 248, 255
 Темкин-Ростовский Ю. И., князь 94, 114, 172, 173, 255
 Темкины-Ростовские, князья 236
 Тербердей, мурза 448, 449, 451
Терешкевич О. Ф. 379, 392, 419
 Тетевев Д. 542
 Тетерин Василий Гундоров 187, 188, 191, 249, 530
 Тетерин Василий Ширяев 532
 Тетерин Г. 249, 530
 Тетерин Иев 530
 Тетерин Иосиф 246, 530
 Тетерин М. 249, 530
 Тетерин Смирной 246, 249, 530
 Тетерин Ширяй 249, 532
 Тетерин-Пухов И. И. 530
 Тетерин-Пухов Т. И. 36, 43, 47, 48, 66, 145, 187, 188, 191, 249, 258, 360, 515
 Тетерины 187, 251, 330
 Тещин И. 536
 Тещин П. М. 543
 Тимирев Г. 529
 Тимофеев А. 285
 Тимофеев И. 499, 506, 507
 Тимофеев Л. 544
 Тимофей, сытник 540
 Тинехмат, мурза 468
Титов А. А. 12, 62, 301, 386, 407
 Тиунов А. 543
 Тиунов И. 543
 Тиунов М. 543
 Тиунова Авд. 543
 Тиунова Агаф. 543
Тихомиров М. Н. 34, 35; 48, 65, 82, 89, 127, 164, 233, 269, 278, 280, 285, 286, 298, 299, 341, 357, 386, 387, 392, 441, 464, 482, 506, 516, 521
 Тихон, инок 542
Тихонов Ю. А. 234
 Тихонов Я. 539
 Тишенков Кудеяр 425, 426, 429, 480
 Тишков Т. 85
 Товарищев Н. 529
 Товарищев С. 529
 Токмаков Ю. И., князь 165, 169, 310, 374, 422, 423, 450, 511
Толстой Ю. 69, 342, 343, 385, 386, 419, 440, 464, 482, 504, 505, 506, 521
 Толстые 222
 Томило, конюх 541
 Томило, подьячий 542
 Траханиотов Малого В. Ю. 268, 273, 519
 Трекос И. 530
 Третьяк Корелянин 539
 Третьяк, лях 534
 Третьяк, слуга 542
 Третьяковы, см. Головины
 Трифон, архимандрит 12
 Трифонов М. 55, 252, 253, 351
 Троекуров И. М., князь 120, 149, 246, 256
 Троекуров М. М., князь 273
 Троекуров Ф. И., князь 154, 246, 247, 256, 264, 274, 337, 338, 515, 545
 Троекуров Ф. М., князь 273, 532
 Троекуровы-Ярославские, князья 256
 Трофимов Б. 328, 530
 Трофимов Н. 530
 Трубецкие, князья 77, 146
 Трубецкой А. Б., князь 273
 Трубецкой Б. А., князь 86
 Трубецкой Н. А., князь 264
 Трубецкой Н. Р., князь 443
 Трубецкой Ф. М., князь 425, 436, 437, 443, 460, 470, 471, 489, 515, 519
 Трусов Г. 156, 542
 Трусов Е. С. 300
 Тулупова А., княгиня 542
 Тулупова Е., княгиня 542
 Тулупов-Стародубский А. В., князь 264, 364, 403, 407, 479, 481, 541, 542, 544
 Тулупов-Стародубский Б. Д., князь 437, 471, 472, 479, 481, 484, 485, 544
 Тулупов-Стародубский В., князь 479, 544
 Тулупов-Стародубский И. В., князь 481, 544
 Тулупов-Стародубский Н. В., князь 479, 481, 544
 Тургенев И. В. 520
 Тургеневы 222
 Туренин-Оболенский В. П., князь 245, 271, 273
 Туров В. М. 249
 Туров П. И. 18, 137, 158, 168
 Туров Ф. М. 249
 Туровы 258, 274, 288
 Тухачевский А. 157
 Тучков В. М. 170
 Тучков М. В. 83, 84, 87, 88, 172
 Тучков М. М. 144, 145, 519
 Тучков Ф. 199
Тхоржевский С. И. 391
 Тыртов Б. 249
 Тыртов В. З. 249
 Тыртов Т. Г. 249, 330, 529
 Тыртов Тих. 258
 Тыртов Торх 258
 Тыртовы 288
 Тьеполо Ф. 441
 Тютин Х. Ю. 118, 211, 268, 295, 331, 521, 530
 Тюфякин В. Б., князь 149, 246, 249, 257
 Тюфякин В. В., князь 246, 249
 Тюфякин И. Б., князь 257
 Тюфякин М. В., князь 246, 249, 424
 Тюфякины-Оболенские, князья 257
Уваров А. С. 47
Уваров К. А. 50, 67
 Уваров С. 540
 Углицкие, князья 77
 Угримов В. см. Степанов В.
 Угримов И. 387
 Угримовы 407
 Улан, серебряник 536
 Ульфелд (Ulfeldii) Я. 223, 369, 388—390
 Ульяна, княгиня Углицкая 56

- Ульяна, немка 533
 Ульянов Н. 544
 Ульянов Ф. 544
 Умного-Колычев В. И. 144, 166, 227, 235, 272, 377, 422, 437, 471, 472, 479, 482, 484, 485, 489, 497, 544
 Умного-Колычев И. И. 323
 Умного-Колычев Ф. И. 144, 161, 165, 166, 227, 235, 268, 292, 326, 437, 479
 Унковский А. И. 220
 Унковский Г. Я. 220
 Унковский И. И. 234
 Ускалев Ф. 392
 Усов Я. 538
 Устрялов Н. Г. 61, 62, 190, 309, 342
 Ушаков И. 536
 Ушатые-Ярославские, князья 252
 Ушатый Д. Ю., князь 256
 Ушатый-Чулков В. В., князь 256
 Ушатый-Чулков Д. В., князь 247, 256, 274, 330, 333, 532
 Ушатый-Чулков И. В., князь 246, 247, 256
 Ушатый С. Ю. Меньшой 246, 247, 256
- Фатьянов Д. 382, 392
 Федор, литвин 539
 Федор, помяс 353, 533
 Федор Иванович, царевич 21, 56, 57, 65, 84, 113, 142, 209, 240, 252, 279, 305, 354, 442, 444, 458, 469, 479, 490, 509, 527
 Федоров Иван, первопечатник 282—287, 299, 545
 Федоров Постник 541
 Федоров-Челяднин И. П. 16, 17, 25, 26, 28, 49, 50, 60, 67, 90, 94, 111, 118, 142, 162, 172, 173, 180, 184, 201, 206, 211, 214, 222, 225, 226, 229, 239, 268, 273, 292, 295—297, 300, 302, 307—310, 312, 313, 315—321, 324, 326—334, 336, 337, 340—342, 345—347, 350—355, 358, 359, 367—370, 377, 384, 396, 433, 475, 511, 517, 530, 532
 Федоровы-Челяднины 320
 Федотов Г. П. 295, 301
 Федотов М. 537
 Федчищев В. П. 331, 531
 Феллинг З. 163
 Феннел (*Fennel*) Д. 38, 39, 44, 46, 51, 65—67
 Феодосий, архимандрит 326, 391, 399, 400, 506
 Феодосий Косой 41
 Феоктист, архимандрит 352, 411
 Фефилаьев Ю. А. 249
 Фефилов С. 543
 Филипп, немчин 542
 Филипп, священник 534
 Филипп, митрополит, в миру Колычев Ф. С. 17, 22, 33, 62, 143, 189, 228, 236, 291—297, 300, 301, 320, 323—328, 332, 334—341, 344—347, 350, 351, 354, 358, 362, 376, 377, 379, 383, 388, 399, 400, 404, 406, 463, 492, 517, 518, 521
 Филарет, инок 62
 Философ М., см. Максим Грек
 Филофей, старец 128, 352, 400, 406
 Флетчер Д. 233, 254, 263, 264, 270, 285, 299, 359, 387, 420, 429, 441, 450—452, 461, 465, 490, 502, 504, 505, 507, 520, 521
 Флора Б. Н. 49, 67, 190, 315, 341—343, 345, 387, 389, 390, 428, 441, 465, 480, 481, 491, 505
- Фомин Г. 529
 Фомин Н. К. 222, 234
 Форстен Г. В. 140, 141, 167, 169, 298, 300, 440
 Фофанов Н. В. 34
 Фуников-Белозерский В. С., князь 157, 158, 397
 Фуников-Курцев Н. А. 16, 62, 97, 111, 118, 145, 211, 239, 391, 392, 397, 398, 402, 403, 405, 432, 521, 541, 545
 Фуников И. 534
 Фуников С. 534
 Фуниковы 391, 392
 Фюрстенберг В. 133, 343
- Хабаров И. И. 62, 354, 355, 386
 Хабаров Ф. И. 387
 Хаклюйт (*Hakluyt*) Р. 419
 Хальберт Е. 504
 Хальперин (*Halperin*) Г. Й. 65
 Харитонович А. 500
 Харламов В. В. 409
 Харламов В. Г. 409
 Харламов З. З. 409
 Харламов И. А. 409
 Харламов К. В. 409
 Харламов М. 409
 Харламов С. В. 409
 Хворостинин А. И., князь 219, 338
 Хворостинин Д. И., князь 153, 219, 220, 228, 236, 394, 430, 448—452, 468, 477, 515, 519
 Хворостинин И. М., князь 144, 519
 Хворостинин И. Ф., князь 166
 Хворостинин П., князь 338
 Хворостинины-Ярославские, князья 220
 Хвостов А. 539
 Хвостов Борис 375, 539
 Хвостов Богдан 539
 Хвостов В. 534
 Хвостов Д. 539
 Хвостов И. 539
 Хвостов М. 539
 Хвостов Неудача 539
 Хвостов Никита 540
 Хвостов П. 539
 Хвостов У. 539
 Хвостов-Отяев А. С. 330, 533
 Хвостовы см. Пыжовы-Отяевы
 Хелли (*Hellie*) Р. 8, 9, 72, 80
 Хеннинг (*Henning*) С. 343
 Хёрнер Т. 140
 Хилков-Ряполовский Д. И., князь 55, 78, 120, 135, 175, 464
 Хильдебранд (*Hildebrand*) С. 389, 390, 393
 Хитрово, дворяне 305
 Хлопов 460
 Хлуденев В. Ш. 258, 330, 529
 Хлызневые см. Колычевы-Хлызневые
 Хованская Е., см. Ефросинья, княгиня Старицкая
 Хованские Патрикеевы, князья 435
 Хованский А. П., князь 161, 216, 233, 435, 436, 443, 448
 Хованский Б. П., князь 161
 Ховрины, см. Головины-Ховрины
 Ходкевич Г. А. 42, 58, 151, 273, 286, 287, 308—310, 315, 342
 Ходкевич Ю. А. 286
 Хорскьер Э. 507

- Хофф Г. 58, 59, 68, 232—234, 258, 262, 265, 300, 301, 345, 346, 363, 387, 388, 405, 419, 441, 442, 504, 548
- Хохолков-Ростовский Г. И., князь 532, 545
Хохолков-Ростовский И. Ю., князь 241, 248, 255, 273, 274, 330, 545
- Хохолков-Ростовский О. И., князь 532
Хохолков-Ростовский Ф. И., князь 532, 545
Хохолковы-Ростовские, князя 330
- Христиан III см. Кристиан III, датский король
Хуттенбах (Huttenbach) Г. 343
- Ц**
Цвиленев Прокофий 16, 301, 432, 540
Цвиленев Плохой 540
Цир, аббат 59, 368, 385, 389
Цыбневский М. 328, 530
Цыплятев А. 543
Цыплятев Г. 390, 535, 543
Цыплятев И. Е. 138, 145, 166
Цыплятев Н. 364, 375, 390, 403, 407, 541, 543
Цыплятев Ник. 403, 541
Цыплятев Т. 390, 543
Цыплятева А. 543
Цыплятева М. 543
Цыплятевы 364
- Ч**
Чеботов И. Я. 151, 210, 227, 268, 350, 434, 521
Чеботовы 162, 227
Чебуков С. 535
Челебей М. 303
Челяднин А. Ф. 312
Челяднин И. А. 312
Челяднин И. И. 124, 312, 313
Челяднина А. 313
Челяднина М. В. 296, 312, 337
Челяднины-Давыдовы 77, 177, 292, 296, 312, 325, 328, 337, 487, 511; см. также Федоровы-Челяднины
- Черемисинов Д. И. 410, 515, 520
Черемисинов И. С. 437
Черемисинов Ф. С. 273
Черемисиновы 222
Черепнин Л. В. 136, 141, 215, 232, 269, 270, 278, 406, 516, 521, 547
Черкасов Н. К. 9
Черкасские, князя 225, 226
Черкасский Александр (Кудадек) Сибоков, князь 157, 468
Черкасский Г., князь 157
Черкасский И. Е., князь 489
Черкасский М. Т., князь 62, 226, 235, 236, 268, 304, 318, 331, 425, 427, 432—434, 456, 533, 543, 545
Черкасский С. А., князь 220, 434
Чермазов Б. 534
Черные-Оболенские, князя 242
Черный-Оболенский А. Ф., князь 205, 242, 544, 545
Черный-Оболенский Н. Ф., князь 205, 242, 544, 545
Черный-Оболенский Ф. М., князь 144, 205, 242
Чертовский Н. У. 370, 534
Чертовский С. 403, 542
Чертовский Ш. В. 370, 534
Чечулин Н. Д. 233
Чиж, подьячий 538
Чиркин В. Ф. 356, 357, 387, 535
- Чудинов Ф. 543
Чулков Ивашкин-Тутыхин Д. 58, 258
Чулков-Чеботов И. И. 144, 166, 180, 272, 338, 519
Чумиков А. 440, 451, 507
- Ш**
Шаблыкин М. Т. 539
Шалимов М. 539
Шалимов С. 539
Шалимов Я. 538
Шамшев А. 542
Шамшев К. 536
Шамшевы 370
Шапиро А. Л. 415
Шапкин Г. 16, 397, 403, 541
Шатерин Л. 538
Шатерников С. 541
Шах-Али 234
Шахматов А. А. 20
Шахов К. 537
Шахов П. К. 537
Шахова П. К. 537
Шаховская-Ярославская 543
Шаховский-Ярославский В., князь 364, 403, 541, 543
Шаховской-Ярославский И., князь 157
Шаховский-Ярославский С. И., князь 37, 48, 49, 66
Шватченко О. А. 262, 279
Шевырев см. Шепин-Шевырев
Шеин А. И. 249, 257, 264, 265, 332, 345, 531, 545
Шеин Б. В. 271
Шеин Г. А. 332, 531, 545
Шеин М. Ю. 249, 257, 332, 532
Шеины-Морозовы 222, 275, 288, 325, 332, 338
Шелепин М. 540
Шеметко, писчик 540
Шемячич В., князь 68
Шепетов А. 536
Шепетов И. А. 536
Шепяков Б. 322, 529
Шепяков З. П. 370, 539
Шепяков Н. П. 370, 539
Шепяков П. 541
Шереметев Васьян 493
Шереметев И. В. Большой 26, 97, 131, 144, 155, 172, 173, 176—178, 180, 265, 268, 288, 296, 300, 433, 442, 476
Шереметев И. В. Меньшой 155, 180, 268, 460, 468, 476, 497, 521
Шереметев Н. В. 62, 176, 182, 545
Шереметев Ф. В. 180, 448, 476, 515
Шереметевы 141, 175—177, 207, 433, 476, 477, 511
Шерефединов А. 532
Шерефединов И. 295
Шерефединов М. 532
Шерефединов П. И. 331, 531
Шестаков-Романов П. 295, 322, 529
Шестов-Морозов И. В. 271
Шестов-Морозов П. В. 249, 257
Шестова-Морозова К. 264
Шестовы-Морозовы 264
Шестунов Д. Д., князь 247, 256
Шестунов Д. С., князь 120, 143, 256
Шестунов И. Д. Большого, князь 247, 256
Шестунов С., князь 246
Шестуновы-Ярославские, князя 256

Шефтель (Szeftel) М. 38, 65
Шибанов В. 186, 187, 200, 201
Шиловцев Р. 535
Ширяев И. 538
Ширяев С. 538
Шишкин А. 537
Шишкин-Ольгов И. Ф. 18, 98, 157, 158, 281
Шিশмарев Р. 541
Шлихтинг А. 16, 58—62, 66, 68, 168, 189, 201—203, 208, 209, 231, 232, 234, 262, 292—295, 300, 301, 316—320, 322, 342—346, 353, 356, 365, 366, 368, 371, 375, 384, 386—395, 400—407, 431, 433, 440, 442, 464, 519, 548
Шмидт С. О. 20—23, 26, 63, 64, 67, 68, 93, 98, 106, 136, 141, 152, 153, 167, 215, 232, 346, 347, 505, 516, 521, 548
Шмурло Е. Ф. 69, 343, 406, 442
Штаден Г. 58, 60, 61, 69, 185, 189—191, 212, 216, 219—221, 224, 225, 232—235, 237, 278, 292, 298, 300, 303, 304, 316, 318—320, 341—346, 362, 372, 373, 375, 385, 386, 388, 390, 391, 396, 398, 401, 403, 405—407, 415, 416, 419, 420, 427, 428, 434, 440—443, 448, 450—452, 455—457, 460, 461, 464—466, 497, 498, 506, 508, 509, 511, 519, 520, 548
Штокль (Stöckl) Г. 57, 68
Шубин А. 361, 533
Шуйские, князья 35, 78, 83, 85—90, 94, 105, 111, 114, 119, 120, 122, 123, 143, 144, 172, 173, 198, 199, 222, 223, 239—241, 243, 254, 255, 261, 358, 417, 435, 436, 511, 527
Шуйский А. М., князь 85, 88, 89, 119, 124, 172, 199, 240
Шуйский В. В., князь 82—84, 88, 119, 120
Шуйский В. И., князь 34, 62, 240
Шуйский И. А., князь 240, 262, 271, 273, 289, 290, 354, 436, 468, 519
Шуйский И. В., князь 83, 88, 89, 119, 123, 199
Шуйский И. М., князь 85, 88, 111, 112, 119, 120, 149, 172, 178, 199, 289, 300
Шуйский И. П., князь 240, 271, 273, 448, 449, 471, 490, 514
Шуйский П. И., князь 94, 114, 156, 163—165, 172, 240, 519
Шумаков С. А. 301, 341, 345, 347
Шунежский И. 533
Шушерин Е. Р. 249, 258, 330, 531

Щекин В. 535
Щекин Пятый 541
Щекина А. 543
Щекотов С. 540
Щелкалов А. Я. 145, 160, 165, 269, 367, 398, 406, 493, 494, 497, 514, 515
Щелкалов В. Я. 269, 395, 398—400, 402, 406, 433, 479, 514, 515
Щелкаловы 145, 386, 398, 399, 406, 423, 461
Щенятев П. М., князь 62, 111, 114, 116, 160, 173, 213, 214, 226, 238, 289, 290—292, 297, 298, 300, 311, 433
Щенятевы-Патрикеевы, князья 77
Щепин И. Д., князь 271
Щепин С. П., князь 242
Щепин-Шевырев Д. Ф., князь 149, 242
Щепины-Ростовские, князья 242
Щепочев Ф. 410
Щербатов М. М. 5, 9
Щербатовы, князья 242

Щербатый-Оболенский О. М., князь 310, 436, 519
Щербачев Ю. Н. 129, 140, 169, 189, 232, 264, 405, 440, 451, 482, 548
Щербина В. 459
Щербинин В. 544
Шетинин И. Г., князь 247, 256
Шетинин С. А., князь 246, 247
Шетинин Ю. И., князь 256, 513
Шетинины-Ярославские, князья 256

Эберфельд К. 282
Эверс Г. 58, 233, 258
Энгельс Ф. 501, 507
Эрик XIV, шведский король 163, 184, 348, 355, 361, 423

Юзефович Л. А. 49, 67
Юмин И. 295, 322, 529
Юрганов А. Л. 81, 82, 89
Юренев А. 538
Юренев И. Н. 362, 363, 370, 536
Юренев М. 539
Юренев Т. 539
Юренев Я. 539
Юрий Васильевич, князь Углицкий 11, 56, 84, 110, 119, 122, 124, 143, 144, 238, 256, 435
Юрий Иванович, князь Дмитровский 81, 84, 85, 87, 88, 109, 144, 232, 487
Юрьев И. 269, 370, 390, 514, 534
Юрьев-Захарьин В. М. 97, 111, 120, 136, 143, 144, 165, 166, 178, 179, 184, 225, 268, 432, 495, 519
Юрьев-Захарьин Дан. Р. 11, 97, 98, 111, 112, 120, 136, 143, 144, 160, 166, 205, 207, 225, 519
Юрьев-Захарьин Долм. Р. 98
Юрьев-Захарьин Н. Р. 33, 120, 144, 166, 211, 225, 229, 239, 268, 272, 292, 431, 432, 468, 491, 492, 495, 497, 515, 527
Юрьев-Захарьин П. В. 35, 432, 495, 496, 506, 544
Юрьева-Захарына 432
Юрьевы-Захарыны 98, 110, 144, 145, 173, 179, 215, 495
Юстен П. 405
Юхан Шведский 184, 194, 195, 348, 355, 361, 394, 423, 424, 445, 446, 451
Юшков А. И. 406

Ягеллоны, польская королевская династия 148, 306
Ягин Д. 533
Ягин И. 535
Ягин Т. 535
Языков К. 532
Яковлев Фуник 537
Яковлев-Захарьин В. П. 142, 144, 166, 226, 228, 235, 425, 432, 433, 495, 543
Яковлев-Захарьин З. П. 97
Яковлев-Захарьин И. П. 142—144, 201, 206, 207, 225, 226, 234, 235, 268, 288, 296, 403, 422, 432, 433, 437, 464, 543
Яковлев-Захарьин М. В. 97
Яковлев-Захарьин Н. С. 432, 544
Яковлев-Захарьин С. В. 163, 268, 398, 432, 544
Яковлева О. А. 34, 35, 65

Яковлевы-Захарыны 225, 432, 433
Ямской В. А. 390
Ямской Д. 371, 537
Ямской И. А. 390
Янин В. Л. 70, 71, 80
Яницкий Н. 392
Янов И. А. 249, 330, 532
Янов-Ростовский Н. Д., князь 248, 255, 274, 275
Янов-Ростовский Ф. Д., князь 248, 255
Янс Г. 423, 424, 440
Ярмула Андреевич, литовец 61
Ярополк Изяславич, князь 70, 71
Ярослав Мудрый, великий князь 70
Ярославичи 71

Ярославов-Оболенский А., князь 333, 400, 401, 541
Ярославов-Оболенский И., князь 545
Ярославов-Ярославский А., князь 400, 532, 545
Ярославские, князья 71, 78, 120, 146, 149, 172, 241, 244, 247, 251, 252, 256, 257, 262, 263, 271, 273, 275, 288, 338, 351, 511; см. также Аленкины, Деевы, Засекины, Кубенские, Курбские, Моложские, Морткины, Охлябинины, Сисеевы, Сицкие, Троекуровы, Ушатые, Хворостинины, Шаховские, Шестуновы, Щетинины, Ярославовы
Ярыга Л. 356, 535
Ясинский А. Н. 50, 67, 137, 141, 389

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	5
Глава 1. Источники	10
Глава 2. Аристократия и дворянство	70
Глава 3. Боярское правление	81
Глава 4. Время реформ	<u>90</u>
Глава 5. Избранная рада	108
Глава 6. Падение Адашева	130
Глава 7. «Дело» Старицких	142
Глава 8. Боярская крамола	170
Глава 9. Спор с Курбским	192
Глава 10. Учреждение опричнины	203
Глава 11. Казанская ссылка	238
Глава 12. Поиски компромисса	266
Глава 13. Выступление земской оппозиции	280
Глава 14. «Заговор» конюшего И. П. Федорова-Челяднина	302
Глава 15. Разгром Новгорода Великого	348
Глава 16. Московские казни	394
Глава 17. «Опричная благодать»	408
Глава 18. Пожар Москвы	421
Глава 19. Разгром Крымской орды	445
Глава 20. Отмена опричнины	453
Глава 21. Крушение «двора»	467
Глава 22. Симеон Бекбулатович	483
Глава 23. Политические итоги	508
З а к л ю ч е н и е	522
П р и л о ж е н и е: Синодик опальных царя Ивана Грозного (7091 г.)	529
Карты: 1. Опричнина Ивана Грозного	546
2. Ливонская война	547
3. Нападения Крымской орды на Москву в 1571—1572 гг.	548
Принятые сокращения	549
Указатель имен	551

**Руслан Григорьевич
Скрынников**

ЦАРСТВО ТЕРРОРА

Редакторы издательства

Ю. Н. Беспятых, Э. В. Гришина, А. П. Павлов

Художник *Д. В. Уркинеев*

Технический редактор *И. Н. Исаков*

Корректоры *Г. А. Александрова, А. В. Келле-Пелле,*

Л. Б. Наместникова, А. Х. Салтанова

ИБ № 44852

Сдано в набор 28.09.90. Подписано к печати 10.02.92.

Формат 70 x 100 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура литературная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 46.8. Усл. кр.-от. 47.13. Уч.-изд. л. 62.19.

Тираж 1⁰ 000. Тип. зак. № 769. С 24.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство „Наука”. С.-Петербургское отделение.
199034, Санкт-Петербург, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства „Наука”.

199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

*В 1992 г. в издательстве „Наука“
(С.-Петербургское отделение)
готовятся к печати книги
из серии „Истоки отечественной мысли“:*

Смысл жизни в русской философии. Конец XIX — начало XX в. / Сост. и вступ. статья В. Г. Безносова; отв. ред. А. Ф. Замалеев. — 25 л.

Поиски смысла жизни, духовного осмысления человеческого существования всегда были для мыслящего человека важнейшей проблемой бытия. В этом томе серии „Истоки отечественной мысли“ представлены этико-философские трактаты крупнейших мыслителей эпохи „русского духовного Ренессанса“ — Н. Я. Грота, В. В. Розанова, В. С. Соловьева и других, посвященные этой вечной, но забытой нами на многие десятилетия теме. В их творчестве с наибольшей полнотой выразились национальные черты русской философии, ее беззаветные искания смысла жизни, тайны человеческого бытия. Они ориентируют личность на духовное самосовершенствование, укрепляют веру, надежду, любовь. Их мысль просветлена духом, но чужда ортодоксии, исполнена самых утонченных прозрений и свободна от каких бы то ни было односторонних пристрастий. Они не подпадают под господствовавшее до сих пор жесткое разграничение идеализма и материализма и учат нравственному добру и духовному универсализму.

Для философов, историков культуры и самого широкого круга читателей.

Русская философская поэзия: Четыре столетия /
Сост., вступ. статья, примеч. А. И. Новикова; отв. ред.
А. Ф. Замалеев. — 26 л.

В русской культуре философская поэзия играла, возможно, гораздо большую роль, чем в любой европейской культурной традиции, что во многом объясняется спецификой исторических путей России и развитием ее духовности. В русской поэзии наряду с лирическим началом необычайно яркое воплощение получило начало философское и гражданское, общечеловеческое.

Философская поэзия отразила интуитивное и ассоциативное восприятие мира, не всегда и не во всем совпадающее со строгими рамками рационализма, тем самым она определенным образом расширила и углубила возможности познания природных, социальных и духовных явлений.

В издание включены произведения поэтов от XVII в. до 80-х гг. XX в., в том числе и поэтов русского зарубежья. Невозможно перечислить все имена, но можно сказать, что, несмотря на неизбежные ограничения, налагаемые объемом книги, в ней представлены все, кому выпало сказать свое слово в русской поэзии. Среди них, разумеется, и наши классики XIX в. — Пушкин, Лермонтов, Баратынский, Тютчев, Фет..., и наши близкие и дальние современники — Мандельштам, Цветаева, Ахматова, Пастернак, Заболоцкий, Самойлов..., и менее читаемые эмигранты поневоле — Иван Елагин и Иосиф Бродский, и все крупные поэты так называемого „серебряного века“, и основательно нами забытые предтечи и творцы большой русской поэзии — Феофан Прокопович, Антиох Кантемир, и многие, многие другие.

Для всех, интересующихся отечественной культурой.

12 р. 30 к.